

NYPL RESEARCH LIBRARIES

3 3433 08190611 1

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

INDEXED

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. КАТКОВИЧЪ

№ 160 ✓

ТОМЪ СТО ШЕСТИДЕСЯТЫЙ

160. ✓

МОСКВА

Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ)

1882

О Г Л А В Л Е Н И Е

ТОМА СТО ШЕСТИДЕСЯТАГО.

І Ю Л Ъ.

	<i>Стр.</i>
Эпизодъ изъ Восточной политики Пруссіи. Гл. I—II. <i>В. Д. Смирнова</i>	5
Король Іоаннъ. Драма Шекспира. Переводъ съ англійскаго. <i>Д. Е. Мина</i>	57
Злой духъ. Романъ. Часть третья. Гл. XII—XXIII. <i>В. Г. Асенька</i>	145
Противъ теченія. Очерки французской революціи. <i>Н. А. Любимова</i>	211
Въѣзъ колеи. Романъ. Часть третья. Гл. XI—XV. <i>К. Орловскаго</i>	279
Отношенія Россіи къ Пруссіи въ царствованіе Елисаветы Петровны. <i>Е. М. Θεоктистова</i>	331
Новости литературы. I. <i>Цесаревичъ Павелъ Петровичъ (1754—1796)</i> . Историческое изслѣдованіе Дмитрія Кобеко. <i>Н.</i> —II. Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. <i>Б.</i> —III. <i>Вредныя насекомыя</i> . Сочиненіе Ѳедора Келлена. Томы I и II. Специальная часть. Прямокрылыя, жуки и переловчатокрылыя. <i>Б.</i> —IV. <i>L'art de la lecture</i> , par Ernest Legouvé, de l'Académie Française. <i>La lecture en action</i> , par Ernest Legouvé, de l'Acad. Fran. <i>И. Н. Паслова</i> .—V. Книжвыя новости.....	377
Современная лѣтопись.....	431

А В Г У С Т Ъ.

Стр.

Нѣсколько мыслей по поводу низкаго курса нашихъ бумажныхъ денегъ и нѣкоторыхъ другихъ экономическихъ явленій и вопросовъ. Гл. I—VII. <i>Н. Я. Данилевскаго</i>	473
✓ Въ колеи. Романъ. Часть третья. Гл. XIV—XIX. <i>К. Орловскаго</i>	534
✓ Отношенія Россіи къ Пруссіи въ царствованіе Елисаветы Петровны. <i>Е. М. Сеоктистова</i>	574
Греко-болгарскій церковный вопросъ по неизданнымъ источникамъ. <i>В. А. Теплова</i>	664
Я купецъ. Изъ воспоминаній Одиссея Полихроніадеса Загорскаго Грека. <i>К. Н. Леонтьева</i>	699
✓ Злой духъ. Романъ. Часть третья. Гл. XXIV—XXVIII. <i>В. Г. Асенька</i>	722
Опальный братъ Наполеона I. <i>LX</i>	750
✓ Вальдшвелъ. Разказъ холостяка. <i>В. К. Вульфферта</i>	789
✓ Письма Ивана Ивановича Сосницкаго. <i>П. П. Гиндича</i>	822
Правые и виноватые. <i>Ск</i>	842
Новости литературы. I. <i>Письма къ тетенькѣ</i> . Щедрина. <i>Отеч. Зап.</i> 1881—82 гг. II. <i>К. Щебальскаго</i> .— II. <i>Патріархъ Никонъ въ дѣлѣ исправленія церковныхъ книгъ и обрядовъ</i> . Макарія митрополита Московскаго.— <i>Историческое изслѣдованіе дѣла патріарха Никона</i> . Н. Гиббенета. X.—III. <i>Сербія и Порта послѣ бомбардировки Бѣлграда</i> . Мемуары Іована Ристича. <i>П. А. Кулаковскаго</i> .—IV. <i>Geschichte des dreißigjährigen Krieges</i> , von A. Gindely.—V. Книжныя новости.....	858
Современная лѣтопись.....	921

ВЪ КОНТОРЪ ТИПОГРАФІИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

МОЙ ВКЛАДЪ. Статьи, записки, чтенія, замѣтки. Н. А. Любимова, профессора Московскаго Университета. Томъ I. Университетскій вопросъ. Москва, 1881 г. Цѣна 2 руб.

ПРОТИВЪ ТЕЧЕНІЯ. Бесѣды о революціи. Наброски и очерки въ разговорахъ двухъ пріятелей Вароламея Кочнева. Цѣна: выпускъ первый 75 к., выпускъ второй 75 к.; I и II выпуски вмѣстѣ 1 р. 50 к., за пересылку прилагать 25 к.

НЮМА РУМЕСТАНЪ. Романъ Альфонса Додэ. Переводъ съ французскаго. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

НАШЪ ВЗАИМНЫЙ ДРУГЪ. Романъ Чарльза Диккенса Въ двухъ частяхъ. Переводъ съ англійскаго. Цѣна 3 руб., съ перес. 3 руб. 50 коп.

БОЛЬШІЯ ОЖИДАНИЯ. Романъ Чарльза Диккенса. Переводъ съ англійскаго. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА ИЛИ ЖИЗНЬ НЕГРОВЪ ВЪ НЕВОЛЬНИЧЬИХЪ ШТАТАХЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКИ. Романъ гжи Бичеръ Стоу. Переводъ съ англійскаго, изданіе второе. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

СЪ ТЕАТРА ВОЙНЫ (1877—78). ДВА ПОХОДА ЗА БАЛКАНЫ. Соч. кн. Л. В. Шаховскаго. 1878. Ц. 2 р.

СТРАНИЦЫ ИЗЪ КНИГИ СТРАДАНІЙ БОЛГАРСКАГО ПЛЕМЕНИ. Повѣсти и разказы Любена Каравелова. 1878. Ц. 1 р. 50 к.

КЕНЕЛМЪ ЧИЛЛИНГЛИ, ЕГО ПРИКЛЮЧЕНІЯ И МНѢНІЯ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. 1874. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

ПАРИЖАНЕ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. 1875. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

РУЖЕЙНЫЙ ОГОНЬ ВЪ БОЮ (обработка боевыхъ наблюденій) соч. Н. Волоцкаго. 1881. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

ЗАКОНЪ И ЖЕНЩИНА. Романъ Уилки Коллинза. 1875. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

- НОВАЯ МАГДАЛИНА.** Романъ Уилки Коллинза. 1873. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.
- ВЪДНАЯ МИССЪ ФИНЧЪ.** Семейная исторія. Соч. Уилки Коллинза. 1872. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.
- ЛЕДИ АННА.** Романъ Автони Троллопа. 1874. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.
- ДО ГОРЬКАГО КОНЦА.** Романъ миссъ Браддонъ. 1873. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.
- МОЯ МАТЬ И Я.** Романъ автора „Джона Галифакса“. 1874. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.
- ВЪРА.** Повѣсть автора романа „Гостиница Сень-Жанъ“ Переводъ съ англійскаго. 1872. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.
- ПО ВОЛѢ СУДЬБЫ.** Романъ Албани Фовбланка. Переводъ съ англійскаго. 1871. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.
- ФОРМЫ ВОДЫ ВЪ ОБЛАКАХЪ И РѢКАХЪ, ВО ЛЬДѢ И ВЪ ЛЕДНИКАХЪ.** Соч. Джона Тиндала. Переводъ съ англійскаго. Съ девятнадцатью рисунками въ текстѣ. М. 1873. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.
-

ЭПИЗОДЪ

ИЗЪ ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ ПРУССІИ

Слишкомъ годъ тому назадъ великаго шума надѣладо въ политическомъ мірѣ приглашеніе въ Турцію нѣмецкихъ чиновниковъ для приведенія въ порядокъ окончательно развинтившейся Оттоманской государственной машины. Мало кто видѣлъ въ этомъ обстоятельстве повтореніе того что уже не разъ дѣлалось Турками—исканія себѣ спасенія гдѣ-то на сторонѣ, то у тѣхъ, то у другихъ гауровъ, превосходство которыхъ въ управленіи государственными дѣлами сознали, наконецъ, сами правовѣрные: большинство въ недоумѣніи размышляло, какой такой секретъ кроется въ этомъ шагѣ Турецкаго правительства; какія ловлечеть онъ за собой послѣдствія въ международныхъ отношеніяхъ государствъ, такъ или иначе заинтересованныхъ въ жизни или смерти Оттоманской имперіи. Основательно или нѣтъ—это другой вопросъ, но многіе подозрѣвали въ этомъ фактѣ не единичное, самостоятельное дѣйствіе самого султанскаго правительства, но предполагали тутъ незримое свѣту участіе политики желѣзнаго канцлера и съ безлокойствомъ ожидали рано или поздно раскрытія какой-то опасной тайны.

Собственно говоря, особенно тревожиться тутъ было не отъ чего. Турція не вчера стала такою какова она теперь: потерявъ внутреннюю жизненную силу, она не впервые устремляетъ свои взоры то туда, то сюда, ища себѣ поддержки въ иностранныхъ государствахъ, то во Франціи, то въ Англіи. Еще въ 1763 году султанъ Мустафа III обращался къ Фридриху II съ покорнѣйшею просьбой прислать ему хоть человѣкъ трехъ изъ своихъ *астрологовъ*, мудрости которыхъ онъ обязанъ будто бы былъ своими великими побѣдами, по убѣжденію повелителя правевшихъ. Почему же и теперь не искать этой опоры у мудрецовъ Германіи? Но безлокоиство естественно проистекаетъ изъ того что каждый шагъ Турціи непрѣменно отзывается прямо или косвенно на политическомъ состояніи прочихъ европейскихъ государствъ; всякое, даже внутреннее, мѣропріятіе Турецкаго правительства сопровождается обыкновенно такими явленіями которыя заставляютъ ея сосѣдей быть насторожѣ, ожидать какой-нибудь катастрофы. Такъ уже къ этому привыкли Европейцы, благодаря нехлѣпному строю азіатскаго государства, неуклюже помѣстившагося на европейской территоріи, весьма завидной для всѣхъ по своимъ физическимъ условіямъ. Опытъ показалъ также что всѣ кто ни принималъ участія въ Турціи и Туркахъ, какими бы платоническими чувствами ни прикрывали этого участія, преслѣдовали свои собственные интересы. Нагляднѣе всего это выразилось въ послѣднемъ поведеніи Англіи, которая захватила у Турокъ островъ Кипръ, не сдѣлавъ со своей стороны ровно ничего существеннаго для нихъ что хотя бы нѣсколько оправдывало этотъ захватъ. Нѣмцы постулають осторожнѣе: Германское правительство дѣлаетъ видъ что оно не охотно отлускаетъ своихъ культуртрегеровъ въ Турцію для реорганизаціи ея управленія. Хотя князь Бисмаркъ слыветъ за откровеннаго политика, но подозрительность и опасливость свойственны человеческой природѣ, и потому какъ-то невольно закрадывается мысль что культуртрегеры не суть простые наемные мастера государственныхъ дѣлъ, но суть проводники и выразители извѣстнаго направленія политики своего отечества. Любопытнѣе всего то что сами Турки тоже поддерживали это всеобщее подозрѣніе къ образу дѣйствій ихъ султана. Искренно или нѣтъ, но они старались увѣрить себя и другихъ что этотъ шагъ въ

сугубской политикѣ должны имѣть великое значеніе въ судьбѣ ихъ государства. И это значеніе они не ограничивали простымъ исправленіемъ внутренней неурядицы, но простирали его и на измѣненіе вѣдшихъ, международныхъ отношеній Османской имперіи къ другимъ державамъ; коротко сказать: они открыто толковали о *союзѣ съ Нѣмцами*. Чѣмъ бы дѣла ни гѣшилось, лишь бы не плакало: куда только Турки въ недавнее время ни метались со своими симпатіями? Давно ли они съ восторгомъ трактовали объ Англіи, чая себя отъ нея несчетныхъ благодѣяній? Теперь хуже Англичацѣмъ видѣть и на свѣтѣ видѣть. Вслѣдъ за этимъ потокомъ вошла рѣчь о доблестяхъ нѣмецкой націи и о прелестяхъ и выгодахъ союза съ Нѣмцами. Вотъ что, напримѣръ, писали одно время въ турецкой газетѣ *Тарджулани-Хакыкатъ*, пользующейся довольно большимъ распространеніемъ въ стамбульской читающей публикѣ и даже, говорятъ, служащей офіціознымъ органомъ центрального Турецкаго правительства. Специальная статья въ № 644 вышеозначенной газеты, озаглавленная: „Союзъ Османлы съ Германіей“, не опровергая распространеннаго слуха о предполагаемомъ союзѣ Турокъ съ Нѣмцами, проповѣдывала что, въ виду теперешняго состоянія европейской политики, „бразды которой въ рукахъ князя Бисмарка“, по соображенію географическихъ условій „союзъ съ Турціей положительно необходимъ для Германіи, потому что вѣтъ такого политическаго вопроса въ которомъ Германія не извлекла бы для себя пользы отъ этого союза“. Союзъ этотъ, по мнѣнію названной газеты, весьма дорогъ долженъ быть для Германіи на случай возникновенія какого-либо недоразумѣнія съ Франціей, какъ средство заставить тогда Россію быть нейтральною. Онъ еще важенъ для нея и на тотъ конецъ, еслибъ открылась, какъ въ 1866 году, распря между ею, Италіей и Австріей. Съ другой стороны, союзъ этотъ весьма надеженъ и съ османской точки зрѣнія. „Кто какъ не германскій канцлеръ вставлялъ въ протоколы Берлинской конференціи статьи благопріятныя для османскихъ интересовъ?“ восклицаетъ газета. „Кто какъ не тотъ же князь Бисмаркъ, вмѣстѣ со всѣми *справедливыми* (sic!) людьми констатировалъ различіе между истинными угнетателями и угнетаемыми, въ виду того факта что получившій самостоятельность народъ (то-есть Болгары) выступилъ на сцену съ притязаніемъ на свободу только для себя одного, подвергая

мусульманъ, да и вообще всѣ другія національности, разнымъ притѣсненіямъ? Да, наконецъ, и въ вопросѣ о морской демонстраціи противъ Турокъ, Германія держала себя съ должною осторожностью. Въ Восточномъ вопросѣ она никогда (?) до сихъ поръ не обнаруживала алчности и своекорыстія. Въ научномъ прогрессѣ и въ совершенствѣ цивилизаціи Германія самая передовая страна въ Европѣ, а потому если Нѣмцы захотятъ произвести либеральныя улучшенія на Востокѣ и съ этою цѣлью возьмутъ въ свои руки бразды правленія въ Турціи, то они могутъ достигнуть этого, не нанося ущерба самодержавію султанскому. Союзъ съ такою великою націей, какъ нѣмецкая, всѣ Османлы встрѣчаютъ съ полною безопасностью и одобреніемъ. „Кто знаетъ“, заключаетъ статья, „все въ мірѣ дѣлается сообразно той или другой необходимости. Наступитъ время когда подобная необходимость соединитъ и Нѣмцевъ съ Турками. Можетъ-быть это время уже и не далеко, а близко. Теперь намъ (Туркамъ) надо, не смотря ни на какія относительно насъ несправедливости, смѣло стараться до послѣдней степени воспользоваться благопріятнымъ моментомъ, представляемымъ хоть бы даже нашею слабостью въ дѣлѣ осуществленія реформъ, и такимъ образомъ еще болѣе усилить расположеніе къ намъ новыхъ друзей нашихъ.“

Этотъ дивирамбъ въ честь *нашихъ друзей*, то-есть Нѣмцевъ, тотчасъ же нашелъ себѣ отголосокъ въ османскомъ обществѣ. Въ слѣдующемъ № 646 той же газеты помѣщена была статья въ формѣ письма къ редактору, подъ заглавіемъ: „Наше довѣріе къ Европѣ“. Авторъ статьи выражалъ свой восторгъ отъ мысли о союзѣ съ Германіей; затѣмъ перебиралъ случаи вѣроломнаго отношенія къ Турціи прочихъ Европейскихъ державъ, начавъ конечно съ Россіи, которая, говоритъ онъ, отняла у нихъ, Турокъ, Крымъ, Черкесію, Австрія коварнымъ образомъ оттягала Боснію и Герцеговину. Франція тоже не отставала отъ Россіи и Австріи въ Греческомъ вопросѣ, т.-е. въ вопросѣ „беззаконнаго отнятія у Турокъ двухъ ихъ коренныхъ провинцій для отдачи Грекамъ“, и если устранилась отъ участія въ морской демонстраціи, то вовсе не ради пользы Турокъ, а изъ собственныхъ видовъ. „Надо ли, восклицаетъ авторъ, распространяться и о старинномъ нашемъ другѣ, закрьлившемъ свою дружбу Килрскимъ договоромъ—Ангаи? Едва ли есть хоть одинъ Османлы въ сердцѣ котораго

не осталось бы самаго горькаго чувства отъ этой дружбы! Если еще осталась какая разница между Англіей и Россіей, то развѣ та что Россія есть та же Англія съ пушками, ружьями, Тотлебеомъ, Скобелевымъ; Англія же есть Россія съ Кларкскимъ договоромъ, Гладстономъ, Гравиллемъ! Словомъ, предъ этими державами намъ приходилось только хлопать глазами; сердце наше содрогалось. Мы ничего противъ нихъ не въ состояніи подѣлать; что бы намъ по милости ихъ ни прикажилось, мы рѣшительно не въ силахъ найти себѣ душевной отрады. Простительно ли сомнѣваться еще въ томъ что ихъ пользы прямо противоположны нашимъ пользамъ? Что же касается Германіи, то тутъ наше сомнѣніе еще не имѣетъ силы. Кромѣ того что въ Берлинѣ собиралась конференція, мы не видѣли никакого другаго вмѣшательства Германіи въ восточныя дѣла. Ее нельзя особенно упрекать и въ подписаніи постановленій Берлинской конференціи. Если есть какая держава мало имѣющая отношеній къ Востоку, такъ это Германія, но за то она превосходить другихъ въ прогрессѣ цивилизаціи. А потому, если уже намъ (Туркамъ) необходимо руководство Европы, то было бы не худо обратиться за нимъ къ Германіи и даже нашъ политическій союзъ направить въ ту сторону: османское общественное мнѣніе отнесется съ полною искренностью и расположеніемъ къ такому союзу."

Мы теперь знаемъ что Турки уже во второй разъ переживаютъ медовый мѣсяцъ составляющаго ихъ мечту союза съ Нѣмцами. Видя что изъ присылки чивовниковъ нѣмецкихъ ничего особеннаго для виѣшней политики Порты не выходитъ, она махнула рукой и ловидимому окончательно убѣдившись въ своекорыстіи всѣхъ Европейцевъ вообще, принялась проповѣдовать что все спасеніе не только Турціи, но и вообще ислама, заключается въ возможно большемъ сплоченіи и единеніи исповѣдующихъ эту религію. Есть, правда, еще среди Турокъ чудачи чающіе благъ отъ какой-то „точки единенія“ * и ищущіе этой точки во всеобъемлющему калифатѣ, въ ламисламизмѣ. Редакція вышеназванной газеты слышитъ за либеральную: главные дѣятели ея, какъ Ахмедъ Мидхатъ, не лишены дарованія литератора, все народъ молодой и знакомый съ европейскимъ образованіемъ. Тѣмъ не

* *Тардузумани Хакыкаты*, № 647.

менѣе среди этой группы представителей молодой либеральной Турціи можно иногда видѣть и сѣдыхъ долгополыхъ бородачей изъ категоріи улема, то-есть класса попреимуществу консервативнаго и дебеломусульманскаго. Хотя въ частныхъ разговорахъ члены этого литературнаго кружка чураются всего того чѣмъ особенно смѣшио Европейцамъ старомусульманство, тѣмъ не менѣе на столбцахъ ихъ органа не рѣдко появляются такіа бредни какъ вышеупомянутая „Точка единенія“. Ахмедъ Мидхатъ не безъ конфузій впрочемъ объяснялъ это просто уступкой своимъ долгополымъ друзьямъ, нежданіемъ слишкомъ явно идти въ разрѣзъ съ партией вѣрной строгому исламу, но сознающей что на одномъ исламѣ тоже далеко не увидишь. Собственно говоря, трудно разобратъ ихъ: какъ и что они думаютъ. Съ одной стороны, они признають свою отсталость отъ просвѣщенной Европы и необходимость усвоенія мусульманскимъ обществомъ многихъ взглядовъ и образа дѣйствій Европейцевъ, а съ другой стороны, не отменяютъ вполнѣ и мусульманскихъ предрасудковъ, стремясь найти имъ рациональное оправданіе, стремясь совмѣстить несомвѣстимыя вещи, какъ это случилось по вопросу объ осужденіи на смерть Турка переведшаго на турецкій языкъ Библию, когда *Тардѣсумани Хакыкатъ* высказалась вполнѣ за справедливость смертнаго приговора надъ такимъ *отрооступникомъ*. Но вотъ султанъ — по собственному ли почину или по чьему-нибудь наущенію — изобрѣлъ новый орденъ отличія и отправилъ его съ нарочнымъ посольствомъ къ Германскому императору. Турокъ привали; взяли отъ нихъ и орденъ; покормили обѣдомъ и обѣщали еще прислать чистокровныхъ чиновниковъ нѣмецкихъ для пополненія штата оттоманской администраціи, забывъ чего султанъ счелъ нужнымъ послать императору Вильгельму чистокровныхъ арабскихъ лошадей. Олять сыр-боръ загорѣлся. Костившія всѣхъ Европейцевъ турецкія газеты должны были олять говорить противъ себя, въ томъ данномъ калифомъ правовѣрныхъ. И олять начали сыпаться благословенія на Нѣмецкій народъ и расточаться совсѣмъ не нова похвалы учености и цивилизаціи нѣмецкой. Недавніе проповѣдники *единоисламства*,—надо отдать имъ справедливость,—сумѣли и въ данномъ затруднительномъ положеніи соблюсти послѣдовательность и вѣрность своему привцилу: они просто-на-просто провозгласили что Нѣмцы самый близкій

къ Туркамъ народъ *по религіи*; что протестанство и мусульманство суть двѣ очень похожія одна на другую вѣры. * Заискуиваясь въ восторгѣ отъ мысли о союзѣ съ такою могущественною державою какъ Германія, Турки успокоивали протія государства чтобъ они не очень пугались такой новой грозы, величаво заявляя что этотъ союзъ имѣеть цѣль не болѣе ни менѣе какъ только движеніе впередъ культуры и цивилизаціи, а не то что какія-нибудь посягательства на спокойствіе и цѣлость сосѣднихъ странъ!

Дѣло не въ этомъ все-таки. Несомнѣнно что Турки руководящіе общественнымъ мнѣніемъ Стамбула серіозно заняты этимъ новымъ союзомъ и до поры до времени возлагають на него большія упованія для своего отечества. Но основательны ли ихъ надежды? Съ Турціей няичаются Европейцы давно, со второй половины прошлаго столѣтія, передавая одиному другому роль няньки. Вопросъ о необходимости спастись начавшее разваливаться оттоманское владычество въ Европейскихъ предѣлахъ впервые выдвинуть Французами. Франція въ первую Екатерининскую войну Россіи съ Турціей занимала относительно послѣдней точъ въ точъ такое же положеніе какъ въ послѣднюю войну Англія. Турція страна замѣчательная; будучи сама какимъ-то окаменѣлымъ тѣломъ, она обладаетъ способностью сообщать эту окаменѣлость всему что входитъ въ ближайшее съ ней соприкосновеніе. Кто ни принимался спастись ея путемъ воздѣйствія на ея внутреннюю организацію, у всѣхъ вскорѣ олуслились руки. Даже самыя войны съ нею другихъ государствъ отличаются бросающеюся въ глаза аналогичностію подробностей какъ въ цѣломъ ходѣ ихъ, такъ и въ сѣдовавшихъ за ними дипломатическихъ результатахъ. Реорганизація за которую берутся теперь нѣмецкіе культуртрегеры во внутреннемъ строѣ Оттоманской имперіи совсѣмъ не новость; прежде надъ ней работали Французы, потомъ Англичане, а толку не вышло изъ этого никакого: Турція остается Турціей, окаменѣлость продолжаетъ постепенно вывѣтриваться отъ дѣйствія на нее вѣвшихъ стихійныхъ силъ—времени и прогресса цивилизованныхъ сосѣдей. Не будучи пророкомъ, можно утвердительно сказать что и отъ нѣмецкихъ экспериментовъ получатся точно такіе же результаты какіе получались и раньше. Французы и Англичане

* *Тардубулани Хакыкатъ*, № 1.055, *Вахитъ* №№ 2.201 и 2.204.

не хуже Нѣмцевъ смыслятъ въ дѣлахъ государственной организаціи, да и тѣ ничего не могли подѣлать. Нужно еще приспособить къ этому то что эти двѣ націи всегда пользовались сравнительно большею чѣмъ всѣ прочіе гауры симпатіей у Турокъ, насколько, разумеется, возможна эта симпатія, вынуждаемая у мусульманъ духомъ времени и обстоятельствами. Что же касается любви ихъ къ Нѣмцамъ, то прочность ея крайне сомнительна. Правда, Турки подъ *Налче* разумеютъ собственно австрійскихъ Нѣмцевъ; Пруссаки же извѣстны въ книжномъ турецкомъ языкѣ подъ именемъ *Алламанъ* или даже *Прусманъ*; но въ обычномъ умопредставленіи Османлы не вдаются въ строгое географическое и этнографическое разграниченіе этихъ національностей; *Налче*, кто бы они тамъ ни были, до сихъ поръ всѣ безразлично были противны имъ. Въ этомъ легко могъ убѣдиться всякій кто только имѣлъ случай вступать въ политическую бесѣду со стамбульскими политиками. Последнюю войну съ Россіей они не шутя считаютъ продѣлкой князя Бисмарка, который, по ихъ мнѣнію, только и помышляетъ о томъ какъ бы гдѣ водворить смуту и кровопролитіе, чтобъ ослабляя другихъ усиливать свою Германію. Положимъ, Нѣмцы со своею обычною спокойною методичностію возьмутся производить тѣ или другія реформы въ разныхъ отрасляхъ турецкой администраціи, а Турки съ немальшимъ флегматическимъ спокойствіемъ будутъ лучить на нихъ глаза, недоумѣвая чего хотятъ отъ нихъ эти гауры. А Нѣмцы, какъ оказывается, хотятъ теперь ни болѣе, ни менѣе какъ устроить себѣ на оттоманской территоріи въ родѣ нѣкоторой осѣдлости, чрезъ водвореніе тамъ своей эмиграціи. Въ виду этого новаго факта въ теперешней европейской политикѣ, а именно болѣе активнаго проявленія Германіей вмѣшательства въ дѣла Востока, мы полагаемъ, будетъ небезынтересно навести справки въ исторіи, вернуться къ концу прошлаго столѣтія и познакомиться съ однимъ эпизодомъ въ международной политикѣ Пруссіи, имѣвшимъ отношеніе и къ нашимъ тогда интересамъ на Востокѣ. Оказывается что Нѣмцы - Пруссаки не впервые выступаютъ въ роли спасителей Турціи, хотя попытка тогдашняго прусскаго чиновничества связать политику своего государства съ судьбой имперіи Османовъ не повела ни къ какимъ результатамъ. Обратившись къ этому эпизоду,

ны получимъ нѣкоторыя данныя для сравнительной оцѣнки тогдашняго и теперешняго вѣдѣнія прусскихъ чиновниковъ на Турцію, совершающагося уже при иныхъ чѣмъ тогда условияхъ, подѣ иныхъ руководствомъ и съ иными цѣлями и стремленіями.

I.

Слѣды завязки отношеній между Турціей и Пруссіей восходятъ еще къ началу прошлаго столѣтія. Первая мысль объ ихъ сближеніи приписывается историками возведенному Портой въ короли Венгерскіе Францу Ракоци, который старался внуждать ее въ 1718 году тогдашнему *нишанджиси* (прикладывателю султанскаго шифра къ важнымъ офиціальнымъ бумагамъ издающимся отъ имени султана) Мохаммедъ-пашѣ.* Было ли что по этому поводу предпринято со стороны Турокъ, мы не знаемъ; Прусскій же король Фридрихъ Вильгельмъ I, вѣроятно чтобы задрозить новую почву для своихъ политическихъ связей, нѣсколько позднѣ отправилъ въ Константинополь своего шталмейстера Юрговскаго, подѣ зредомомъ локулки себѣ лошадей въ предѣлахъ Оттоманской имперіи. Но пока тѣмъ дѣло и ограничилось.

Затѣмъ въ 1739 году командированъ былъ тѣмъ же королемъ лейтенантъ Заттлеръ, но только не прямо въ Константинополь, а въ Молдавію, съ письмомъ къ Крымскому хану Мехмедъ-Гирею, и тоже какъ будто.бы съ порученіемъ закупить въ тѣхъ краяхъ лошадей и наwerben рослыхъ охотниковъ для той самой Потсдамской королевской гвардіи въ которую едва не утѣдилъ нашъ Ломоносовъ. Кромѣ того, Заттлеръ былъ снабженъ письмомъ и къ верховному визирю Порты, въ которомъ король заискивающе, но категорически выставлялъ на видѣ то что онъ въ послѣдніе два года устремился ото всякаго участія въ войнѣ Австріи съ Турціей. Письмо, препровожденное по назначенію чрезъ посредство хотаго-беддерскаго командующаго войсками и бессарабскаго сераскира Исламъ-Гирея въ Константинополь, произвело тамъ благопріятное впечатлѣніе, и результатомъ его было предписаніе верховнаго везира мѣстнымъ властямъ—оказывать всякое содѣйствіе Заттлеру при исполненіи имъ королевскаго

* Zinkeisen, *Gesch. d. Ost. Reiches*. V, 885.

порученія. Несмотря на это, миссія Затмера не удалась: онъ вывезъ въ Потсдамъ всего только двухъ рекрутовъ, да и то не такихъ колоссальныхъ размѣровъ какъ это было желательно *.

Какъ бы то ни было, но путь къ восточной политикѣ Пруссіи былъ уже проторенъ раньше, когда выступилъ на сцену Фридрихъ II, который первый рѣшительно ухватился за планъ сближенія съ Турціей, какъ за чрезвычайно пригодное средство въ весьма сложной борьбѣ своей съ Австрійскимъ домомъ. Расчеты свои онъ основывалъ на томъ что какъ ни очевидно было паденіе прежняго могущества Турціи, все же силы ея казались ему не настолько еще подорванными, чтобы не могли служить ему хорошимъ орудіемъ для парализованія завоевательныхъ полюбовленій Австріи, отъ которыхъ особенно жутко приходилось едва начинавшей свой политическій ростъ Пруссіи. Задумавъ такой шагъ, разчетливый Фридрихъ II хотѣлъ дѣйствовать какъ можно осмотрительнѣе, стараясь всегда и все держать подъ самымъ строжайшимъ секретомъ и постоянно хватаясь за карманъ, чтобы казавшееся очень выгоднымъ дипломатическое предпріятіе обошлось ему въ то же время какъ можно дешевле. По крайней мѣрѣ мы постоянно встрѣчаемъ на разныхъ относящихся къ этому предмету дипломатическихъ документахъ прусскихъ помѣтку *secretissime* и негодованіе скупаго монарха на жадность къ деньгамъ и необыкновенную доступность подкулу турецкихъ администраторовъ. Въ этомъ-то и состоялъ камень преткновенія для успѣховъ прусской дипломатіи: въ чемъ Австрійцы, Французы и другіе что-называется набили себѣ уже руку, Пруссаки явились новичками; тамъ гдѣ Пруссаки сулили пфенинги, прочіе дипломаты сылали тысячами золотыхъ, и самые секретнѣйшіе подвохи первыхъ немедленно дѣлались всеобщимъ достояніемъ послѣднихъ. Не мало не благопріятствовала Пруссакамъ также дальность и трудность тогдашняго сообщенія Берлина съ Константинополемъ: почтовая проволочка положительно не успѣвала за настроеніемъ умовъ политическихъ дѣятелей на мѣстѣ.

Фридрихъ II повелъ дѣло окольнымъ путемъ. Въ началѣ своего царствованія, въ разгаръ Силезской войны, онъ вошелъ въ переписку съ молдавскимъ господаремъ Гикой,

* Hammer, *Gesch. d. Ost. R.*, VII, 525.

который, совмѣстно съ г. Болевалемъ, французскимъ ренегатомъ въ турецкой службѣ, и шведскимъ посланникомъ Карл-совомъ, прилагалъ немалое стараніе къ установленію дружественныхъ сношеній между Портой и Пруссіей. Особенно усердствовалъ Болеваль, литавинъ какую-то ненависть къ Австріи: онъ сильно хлопоталъ въ диванѣ о прусскомъ союзѣ и выражалъ уже министру Подевилльсу надежду на возможность осуществленія этого союза. Но дальнѣйшему развитію этой дипломатической темы сначала помѣшали Бреславскій и Дрезденскій мирные трактаты (28 іюля 1742 и 25 декабря 1745), а потомъ возобновленіе мира между Австріей и Портой, послѣдовавшее 25 мая 1747 года.

Тѣмъ не менѣе Фридрихъ II не улускалъ изъ виду своихъ восточныхъ плановъ. Есть указанія на то по крайней мѣрѣ что не далѣе какъ въ 1750 и 1753 годахъ французскій посоль графъ Дезалёръ и шведскій агентъ Цельзингъ очень ревностно хотя и безуспѣшно брались за устройство союза между Швеціей, Польшей и Пруссіей, направленаго противъ Россіи. Неудача этого шага объясняется дѣятельнымъ вмешательствомъ австрійскаго интернунція Пенклера. Болѣе рѣшительно началъ дѣйствовать Фридрихъ II въ 1757 году, вынужденный искать себѣ поддержки въ восточной политикѣ своимъ стѣсненнымъ положеніемъ во время Семилѣтней войны и направляемый въ эту сторону вліятельными совѣтами Неаполитанца Карло да Камбьони, близко знакомаго съ восточными дѣлами и опытнаго дипломата, нѣкогда орудовавшаго въ качествѣ уполномоченнаго со стороны Русскаго правительства при заключеніи Бѣлградскаго мира, а теперь состоявшаго на службѣ у Фридриха.

Предлогомъ къ возобновленію сношеній съ Портой послужило восшествіе на престолъ новаго султана, Османа III. 18 января 1755 года въ Константинополь отправился, въ качествѣ нарочно уполномоченнаго лица, тайный совѣтникъ коммерціи Карль Адольфъ фонъ-Рексинъ, съ поздравительнымъ письмомъ отъ короля. Въ этомъ письмѣ уже прямо заключалось предложеніе Фридриха султану о расширеніи и упроченіи существующей дружбы между Пруссіей и Портой, и податель письма Рексинъ былъ рекомендованъ какъ представитель короля, снабженный необходимыми инструкціями на тотъ случай еслибы султану угодно

было принять это предложеніе и выслушать въ чемъ состоитъ сущность его. *

Рексизъ, родомъ изъ Силезіи, раньше служилъ подъ именемъ Гаудема въ бреславскомъ торговомъ домѣ „Фридрихъ Гюбшъ“ въ Пергѣ; затѣмъ одно время онъ былъ въ австрійской военной службѣ, и вообще былъ человѣкъ ловкій и способный къ такого рода порученіямъ, какое возложено было на него теперь Фридрихомъ II. До Константинополя онъ добрался только въ мартѣ мѣсяцѣ и тотчасъ же приступилъ къ дѣлу, вспомошествоваемый шведскимъ посланникомъ Цельсигтомъ. Письмо короля было принято съ видимымъ удовольствіемъ, и султанъ отвѣтилъ на него королю подобнымъ же посланіемъ. Но главной цѣли съ которою ѣхалъ сюда Рексизъ и съ которою даны были ему спеціальныя полномочія онъ все-таки не добился отъ дивана: въ то время какъ шейхъ - ѡль - исламъ былъ не прочь отъ прусскаго союза, турецкій канцлеръ, вѣроятно настроенный, а можетъ-быть и просто-таки подкупленный французскимъ посланникомъ Верженемъ и австрійскимъ интервенціемъ Швахгеймомъ, и слышать не хотѣлъ объ этомъ союзѣ. Рексиза не допустили даже до свиданія съ верховнымъ везиремъ, а очель вѣжливо отговорились ему, какъ обыкновенно Турки отговариваются въ подобныхъ случаяхъ, съ выраженіемъ надежды что „иншааа-лахъ (коли Богу будетъ угодно!) надо подождать другаго благоприятнаго времени къ утвержденію добрыхъ отношеній съ королемъ Пруссіи.“ **

Но Фридрихъ не унывалъ, тѣмъ болѣе что война въ Германіи принимала такой оборотъ который дѣлалъ еще болѣе настоятельною для него необходимость добиться во что бы то ни стало задуманнаго имъ союза. Въ 1757 году Рексизъ снова является въ Константинополѣ, логихоньку изъ Смирны, и на этотъ разъ уже ведетъ дѣло вдвоемъ съ другимъ прусскимъ агентомъ, флигель-адъютантомъ короля г. Варенемъ. И опять предлогъ былъ прежній: благо въ Турціи султаны мѣняются часто. Онъ опять привезъ письмо короля, который поздравлялъ новаго султана Мустафу III съ восшествіемъ на престолъ. Главная задача посольства состояла, конечно, и теперь въ томъ чтобы какъ можно скорѣе начать

* Zinkeisen, V, 888.

** Ibidem, 889.

переговоры о дружественномъ союзѣ обоихъ государствъ. Обстоятельства на этотъ разъ были болѣе благоприятныя, чѣмъ прежде. Верховнымъ везиремъ былъ тогда Рагыбъ-Мохаммедъ-паша, человекъ для своего времени довольно просвѣщенный и, по своему, образованный, а главное—не настолько своекорыстный чтобы не ставить на первомъ планѣ интересовъ своего государства, къ чему обязывало его высокое положеніе въ этомъ государствѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, отзываются о немъ какъ сами Турки, такъ и иностранцы. Онъ ввелъ нѣкоторый порядокъ во внутренней, въ особенности въ финансовой, турецкой администраціи и успѣлъ достигъ значительной экономіи въ государственныхъ расходахъ. Правда, и ему тогда приходили въ голову такія Маниловскія затѣи, какъ соединеніе Никомедійскаго залива съ Чернымъ Моремъ посредствомъ канала, стоившія понапрасну большихъ издержекъ, но это происходило скорѣе отъ его чрезмѣрной ревности о государственныхъ пользахъ чѣмъ изъ какихъ-либо легкомысленныхъ, а тѣмъ паче своекорыстныхъ побужденій. Во внешней политикѣ онъ держался системы миролюбивыхъ отношеній къ иностраннымъ державамъ; но это не мѣшало ему ближе всматриваться въ эти отношенія и видѣть, напримѣръ, что на дружбу Франціи и Австріи полагаться не слѣдуетъ. Такимъ образомъ онъ считалъ не безполезнымъ заручиться дружественнымъ союзомъ съ болѣе отдаленными государствами, въ родѣ хоть Пруссіи, какъ средствомъ къ поддержанію мира съ ближайшими сосѣдями, которые, въ виду подобнаго союза, не такъ легко рѣшались бы на разрывъ съ Портой въ случаѣ какихъ-либо между ними недоразумѣній. Несмотря на это, дѣло шло сперва туго. Австрійскому и даже французскому посланникамъ, должно-быть, совсѣмъ не по вутру было появленіе еще одного и, какъ видно, дѣятельнаго соперника въ восточной политикѣ, и они, вкуцѣ съ англійскимъ посланникомъ Портеромъ, такъ сильно стали работать что Рагыбъ-паша, въ душѣ расположенный къ союзу съ Пруссіей, все-таки не сразу рѣшился выступить съ проектомъ этого союза открыто, и Рексвиъ долго не могъ добиться аудиенціи у султана.

А между тѣмъ въ 1759 и 1760 годахъ дѣла Фридриха II стали уже очень плохи, такъ что онъ вынужденъ былъ возлагать на союзъ съ Портой гораздо большія надежды чѣмъ бы слѣдовало, какъ это видно изъ его переписки съ маркизомъ

д'Аржансомъ. На этотъ разъ король раскошелся, оставивъ 80.000 пиастровъ въ распоряженіе Рексина на покрытие неизбѣжныхъ въ Портѣ расходовъ по заключенію союза, лишь бы добиться желаемого. Съ такою суммой въ рукахъ Рексинъ пріобрѣлъ себѣ еще новыхъ пособниковъ въ диванѣ, въ лицѣ султанскаго врача Илсиланти, секретаря верховнаго везира Али-аги и агента Молдавскаго господара Драко, все людей вліятельныхъ. И несмотря на всевозможные происки враждебныхъ Пруссіи дипломатовъ, 22 марта 1761 года былъ подписанъ первый дружественный и торговый договоръ Пруссіи съ Портой. На ратификацію его назначенъ былъ четырехмѣсячный срокъ. Король ратификовалъ его 1 июня; Рексинъ былъ официально признанъ первымъ полномочнымъ министромъ Пруссіи при Портѣ и въ этомъ новомъ званіи 27 іюля имѣлъ торжественный приемъ у верховнаго везира, изъ рукъ котораго онъ и получилъ ратификованный договоръ.

Событіе это взбудоражило въ Константинополѣ всю дипломатію, для которой не особенно было пріятно вторженіе Пруссіи въ дѣла Востока. А между тѣмъ заключавшійся всего въ восьми пунктахъ договоръ не представлялъ ровно ничего особеннаго: имъ предоставлялись Пруссіи со стороны Порты тѣ же самыя торговыя и другія международныя выгоды какими пользовались и прочія дружественныя Портѣ государства. Да и королю, надо полагать, не много доставилъ удовольствія договоръ этотъ, такъ какъ онъ домогался не этой платонической дружбы: ему въ тотъ моментъ требовалось нѣчто болѣе существенное. Поэтому онъ тотчасъ же пошелъ дальше на пути своихъ стремленій, пользуясь осьмымъ параграфомъ договора, которымъ предоставлялось обѣимъ сторонамъ право присоединять новыя, смотря по надобности, взаимныя условія; а конечнымъ пунктомъ этихъ стремленій былъ оборотительно-наступательный союзъ съ Портой. „Я принужденъ“, писалъ Фридрихъ маркизу д'Аржансу, „искать прибѣжища въ вѣрности, вѣрѣ и гуманности мусульманъ, потому что ихъ не найти больше у христіанъ. Но каковы бы ни были выгоды этого союза, вы не должны все-таки льстить себя надеждой что онъ принесетъ намъ миръ*.

Сочувствовавшій планамъ Фридриха маркизь со своей

* *Oeuvres*, I, XIX, 234, цитов. у Zinkeisen'a, V, 894.

стороны высказываетъ категорически что отъ подобнаго союза безъ сомнѣнія король будетъ въ громаднѣмъ выигрышѣ, подъ тѣмъ условіемъ однако если Турки *будутъ дѣйствовать* въ продолженіе войны; „если же“, продолжаетъ маркизъ, „они дѣйствовать не станутъ, то я не вижу проку отъ вашего трактата въ настоящую минуту“ *. Король приказалъ Рексину работать въ этомъ смыслѣ всѣми силами, а для яснаго обезпеченія успѣха дѣйствій своего уполномоченнаго послалъ въ концѣ года султану подарки, цѣненныя въ 20.000 піастровъ и поднесенныя Рексиномъ султану въ торжественной аудіенціи, имѣвшей мѣсто 9 марта 1762 года. Вслѣдъ за этимъ повелись, повидимому, весьма оживленные переговоры насчетъ оборонительно-наступательнаго союза. Главнымъ воротилою въ этихъ переговорахъ былъ все тотъ же верховный визирь Рагыбъ-паша весьма сочувствовавшій союзу Турціи съ Пруссіей, какъ противовѣсу Австріи, одинаково досаждавшей обоимъ государствамъ своими происками и посягательствами. Цинкейзенъ ** слѣшкомъ суживаетъ политическіе расчеты Рагыба, ограничивая ихъ единственнымъ желаніемъ его разорвать, при содѣйствіи Пруссіи, Бѣградскій трактатъ, который далеко не былъ постыденъ, какъ онъ полагаетъ, для Турціи, а напротивъ былъ послѣдній выгодный и почетный для нея дипломатическій актъ какого съ тѣхъ поръ ей уже никогда не удавалось совершать въ послѣдствіи. Обнадеженный Рексиномъ въ успѣхѣ, Фридрихъ уже съ большею увѣренностью начиналъ кампанію 1762 года, тѣмъ болѣе что къ предпологавшейся помощи Турціи онъ рассчитывалъ присовокупить еще и содѣйствіе Крымскаго хана, котораго онъ склонилъ на свою сторону крупнымъ денежнымъ посуломъ, простиравшимся, говорятъ, будто бы до полмилліона піастровъ: въ такомъ духѣ по крайней мѣрѣ онъ получилъ извѣстіе отъ г. Боскамла, своего агента при Крымскомъ ханѣ. Онъ въ перепискѣ съ маркизомъ д'Аржансомъ уже цѣлыми десятками и даже сотнями тысячъ считаетъ татарскія полчища, которыя должны быть двинуты въ самомъ непродолжительномъ времени ему на помощь другомъ его ханомъ. Всего куріознѣе въ этихъ поистинѣ дѣтскихъ мечтаніяхъ умнаго короля то заблужденіе его, по

* Цитов. у Zinkeisen'a, ibidem.

** Zinkeisen, V; 895.

которому онъ считалъ себя „счастливымъ что ему удалось (?) примирить интересы ихъ (Турокъ) съ Русскими и вооружить обѣ эти державы (то-есть Турцію и Россію) противъ Австрійскаго дома.“ * Онъ очень хорошо понималъ разницу этихъ интересовъ и тѣмъ не менѣе дѣло объединенія ихъ считалъ такимъ несомнѣннымъ подвигомъ своей дипломатической ловкости что не задумался сдѣлать такую громадную оцѣнку результатовъ его: „Это есть такое великое событіе, которое по крайней мѣрѣ на цѣлое столѣтіе оставитъ слѣды этой жестокой и упорной войны.“ **

Но разныя мечты Фридриха скоро должны были разсѣяться. Заключенный 5 мая 1762 года миръ съ императоромъ Петромъ III, „миръ съ Россіей“, какъ и естественно было ожидать, произвелъ весьма неблагоприятное впечатлѣніе на Турокъ, вражда которыхъ къ Россіи только одному королю почему-то казалась не такою непримиримою чтобы не могла быть пересилена таковою же по отношенію къ Австріи. Противники прусской восточной политики какъ въ самомъ диванѣ, такъ и среди дипломатіи, тоже не дремали: по крайней мѣрѣ французскій посланникъ графъ Вержень самъ хвастался тѣмъ что онъ сумѣлъ „подставить ногу Рексину и свести на нуль всѣ усилія бѣднаго прусскаго дипломата“. Благожелатели его, верховный везиръ и шейхъ-юль-исламъ не въ состояніи были одни осилить значительнаго большинства противной партіи въ диванѣ, на торжественномъ засѣданіи котораго 14 декабря прусскій союзъ былъ рѣшительно отвергнутъ.

Положеніе вопроса о прусско-турецкомъ союзѣ въ эпоху визирства Рагыбъ-паши изображается въ томъ видѣ какъ мы выше представили историками Турціи, Гаммеромъ и Цинк-ейзенемъ, почти исключительно на основаніи европейскихъ источниковъ, дипломатическихъ документовъ, перелески государственныхъ людей того времени. Источники собственно турецкіе, обильно цитруемые Гаммеромъ въ изложеніи событийъ всѣхъ предшествующихъ временъ, за этотъ періодъ или скудны, или еще не приведены въ извѣстность. Поэтому мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь цѣлкомъ статью касающуюся разсматриваемаго вопроса изъ одного сборника

* У Zinkeisen'a, V; 896.

** Ibidem.

историческихъ документовъ этой эпохи, на турецкомъ языкѣ впервые издавшаго нами въ прошломъ году. Вотъ эта статья: „Вопросъ о Крымѣ во время Рагыбъ-Ассидъ-Мохаммедъ-пашы въ 1775 году (1761—62). Въ царствованіе султана Мустафы III и въ визирство Рагыбъ-Мохамедъ-пашы, у Нѣмцевъ съ Московскими состоялось соглашеніе, имѣвшее предметомъ своимъ посягательство на то чтобы за Московскими остался Крымъ, а подъ властью Нѣмцевъ бывшія въ ихъ рукахъ, но ослабляемыя мѣста въ Серай-Боснѣ, а также Бѣградъ и Ада-Калъ. Поскольку же наступили такіе дни когда Пруссаки взяли у Нѣмцевъ Силезію, то подобное посягательское соглашеніе Нѣмцевъ съ Московскими причинило Пруссакамъ безпокойство. Чтобы проглотить такой крупный кусокъ какъ Силезія и закрѣпить его въ своихъ рукахъ, имъ самимъ тоже пришла надобность въ союзѣ съ какою-нибудь могущественною державой. А такъ какъ Высокое Государство (то-есть Турція) было по своимъ границамъ и предѣламъ сосѣднею державой (съ Австріей и Россіей), то, выставляя на видъ соглашеніе Нѣмцевъ и Московскихъ противъ Высокаго Государства, они (Пруссаки) чтобъ отразить нападеніе бывшихъ и ихъ врагами Московскихъ и Нѣмцевъ, въ эту пору возжелали такого же наступательнаго союза (съ Портой). Государственные выгоды этого союза во всѣхъ отношеніяхъ были явны и очевидны, а потому покойный Рагыбъ-паша, хорошенько вразумивъ падишаха, убѣжище міра, составилъ договорную расписку о наступательномъ союзѣ и въ среду (неизвестно только какого числа и мѣсяца) послалъ ее для написанія грамоты (султанскаго хатта). А на другой день въ четвергъ онъ долженъ былъ пожаловать въ Тырнакчи-ялы (на султанскую дачу Тырнакчи) и торжественно привезти туда прусскаго посланника, съ тѣмъ чтобъ онъ былъ облаченъ въ шубу и чтобы затѣмъ послѣдовалъ обмѣнъ договорныхъ записокъ. Онъ уже самодовольно и съ полною радостью разказывалъ о томъ какую онъ такимъ образомъ сослужить службу Высокому Государству. Еще не насталъ вечеръ, а онъ уже наступилъ врагъ. Рагыбъ-паша вслѣдствіе этого былъ въ ожиданіи что вотъ придетъ грамота, вотъ придетъ договорная расписка. Наступилъ вечеръ, и наконецъ въ третьемъ часу (по-нашему часовъ въ 9 вечера) приходитъ высочайшая грамота, въ которой написано было такое повелѣніе:

„Визирь мой, застра отправляйся ты..., по послу шубы не

надѣвай: надо поговорить нѣсколько дней и всесторонне дѣло обдумать, а потому и договорной расписки я не послалъ. Рагыбъ рѣшительно не могъ понять что бы это значило и сильно скорбѣлъ и печалился о томъ что пропало такое хорошее дѣло. Назавтра онъ прибылъ въ Толъ-калу и говорить (султану): „*Обфенди мой, это дѣло весьма полезное Высокому Государству. Результатъ этого союза былъ бы во всякъ отношеніяхъ особенно прекраснѣй: враги наши лѣтъ на пятьдесятъ, на шестдесятъ не смѣли бы головы поднять. Въдѣ Высокому Государству война въ настоящее время была бы крайне опасна. Помилуй Богъ, еслибы миръ былъ теперь нарушенъ: среди везирей и вельможъ, кромя вашего покорнаго слуги, нѣтъ ни одного человѣка выдаващаго поводъ. Нѣмцы и Московы—чтобы имъ мѣста не было!—въ силу ихъ союза пойдутъ съ двухъ сторонъ на исламскія владѣнія, ай, ай!*—Такъ-то такъ, везирь мой (возражаетъ султанъ); мы-то съ тобой довели это дѣло до такой степени; но что скажутъ очажныя (янычарскіе) гранды и улама? Обдумавъ-ка, насколько это дѣло сообразно съ шериатомъ (мусульманскимъ завѣтомъ). Тѣмъ и кончилась аудіенція. Тогда Рагыбъ-паша соображаетъ: *Ужъ если такъ вышло дѣло, то его никто другой обстряпалъ какъ Османъ-молла да наши (султанскій живописецъ); что тутъ подѣлаешь,—разстроилось!* Однако онъ заключилъ торговый договоръ и допустилъ постъ (прусскаго) посланника при Портѣ, а самъ съ этою скорбью отошелъ въ вѣчность. И вотъ по этой-то причинѣ, когда Московы въ 75 (1761—1762) году предприняли походъ на Прусаковъ, цѣль ихъ составляли собственно мы (Турки): извѣстна что локомчивъ съ ихъ (Прусаковъ) кознями, Московы явно, а Нѣмцы тайно предприняли въ 82 (1768—1769) году походъ противъ Высокаго Государства, Крымъ тоже вошелъ въ кругъ ихъ намѣреній. Когда со смертію султана Мустафы-хана и съ воцареніемъ Абдулъ-Хамидъ-хана заключенъ былъ миръ, то сколько владѣній (турецкихъ) досталось въ руки гяуровъ! Извѣстно также, сколько земель въ разное время позабирали Нѣмцы! Подобныя проявленія упрямства и самомнѣнія—слѣдствіе незнакомства съ положеніемъ Европы и отъ эгоистическихъ претензій, безъ пользы дѣлу, равно какъ растройство имѣвшаго быть заключеннымъ союза Высокаго Государства съ Прусаками, произошли слѣдующимъ образомъ. Когда это дѣло дошло, благодаря языкамъ сикофантовъ, до свѣдѣнія

нѣмецкаго (австрійскаго) посланника, то онъ склонилъ къ себѣ литейщика грязнаго Тагира: * тысяча мѣшковъ ** была дана ему, тысяча Османъ-моллѣ, тысяча живописцу (вакши), да туда-сюда разошлось три тысячи мѣшковъ, такъ что всего было распредѣлено шесть тысячъ мѣшковъ. Получивъ (деньги) вышеозначенныя лица сошлись и стали внушать вѣдеческой сторонѣ (султану), говоря: *Хотя, эфенди, это заключеніе (союза) прекрасно, но только безъ вѣдома улема, мѣшкѣзъ и очажниковъ такихъ важныхъ государственныхъ дѣлъ сразу рѣшать не годится.* Когда чрезъ вѣсколько времени послѣ погибели (смерти) нѣмецкой кралицы Маріи Терезіи, просматривали приходъ съ расходомъ, то оказалось что на разстройство союза Высокаго Государства съ Пруссіей пошло шесть тысячъ мѣшковъ піастровъ: по тысячѣ дано тремъ извѣстнымъ, да тремъ неизвѣстнымъ лицамъ въ Высокой Портѣ. На этомъ основаніи, такъ какъ расписки находились у нашего эфенди (султана), то, когда по случаю восшествія на престолъ со стороны Прусаковъ состоялся союзъ, дѣло и оформилось вышеозначеннымъ образомъ. ***

Последнее выраженіе нашего документа вѣсколько неясно: о какомъ союзѣ идетъ тутъ рѣчь; вѣроятно тутъ разумѣется дружественный торговый договоръ, который все-таки въ концѣ концовъ состоялся у Пруссіи съ Турціей и на основаніи котораго, вѣроятно, приняты были статьи договорной расписки, представленной, въ видѣ проекта, Рагыбъ-пашой султану. Онъ важенъ однакоже для насъ тѣмъ что разъясняетъ уже съ турецкой стороны главный мотивъ руководившей турецкими политиками въ ихъ стремленіяхъ къ сближенію съ Пруссіей, а также указываетъ и на преграды которыя ставовились на пути этого сближенія тѣми кому оно не нравилось. Мотивомъ этимъ служило озлобленіе Турокъ на Австрію за ея территоріальныя захваты у Турціи и опасеніе новыхъ захватовъ ея совокупно съ Россіей, которой прямо приписываются посягательства на Крымъ. Значить, Фридрихъ II жестоко ошибался, полагая что одновременный

* Тутъ каламбуръ на собственное имя Тагиръ—чистый.

** Мѣшокъ содержитъ въ себѣ 500 піастровъ.

*** Сборникъ нѣкоторыхъ важныхъ извѣстій и официальныхъ документовъ касательно Турціи, Россіи и Крыма. Кавая. 1861, стр. 46—49.

союзъ его съ Россіей не могъ повліять на дружественное расположеніе къ нему Порты; что будто бы ему удалось этимъ союзомъ примирить ихъ интересы и, объединивъ, поставить ихъ обѣ враждебно по отношенію къ Австріи. Турки, оказывается, разсуждали да и должны были разсуждать совсѣмъ иначе, чего однакоже никакъ не могъ или не хотѣлъ ловить король, который такъ и остался до конца при своемъ мнѣніи, несмотря на то что факты доказывали совершенно противное. Правъ онъ былъ только въ своемъ негодованіи на продажность турецкаго чиновничества и въ досадѣ на то что для всякой сдѣлки съ Портой надо нести большія денежныя издержки на подкупъ нужныхъ людей въ Оттоманской Портѣ. Зная о вліяніи этого немаловажнаго фактора въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ Турціей, бережливый король не относился къ нему съ должною и постоянною послѣдовательностью: онъ то раскошеливался, то опять лускался въ крайнюю экономію и оттого въ концѣ концовъ не достигъ желанной цѣли.

Въ апрѣлѣ 1763 года умеръ Рагыбъ-паша, главная опора и надежда короля въ диванѣ. Преемникъ его по званію верховнаго везира, Хамидъ-Гамзѣ-паша, въ отвѣтъ на прусское посольство состоявшееся годъ тому назадъ съ драгоценными подарками отъ короля, снарядилъ таковое же въ Берлинъ отъ лица султана; но это уже было скорѣе дѣломъ дипломатической вѣжливости, чѣмъ серьезнаго желанія продолжать по отношенію къ Пруссіи политику его предшественника. Посольство было возложено на нѣкоего Гириди-Ресми-Ахмеда-эфенди, отурчившагося Грека съ острова Крита, человѣка весьма умнаго и знаменитаго своимъ политическимъ памфлетомъ, въ которомъ онъ весьма остроумно и съ большимъ юморомъ изобразилъ и критически разобралъ вѣдшую политику тогдашняго Оттоманскаго правительства. * Не менѣе замѣчательно и его описаніе своего посольства, въ которомъ онъ выказалъ большую наблюдательность и сдѣлалъ оригинальную и нерѣдко весьма вѣрную оцѣнку нѣкоторыхъ явленій европейской жизни посвѣщенныхъ имъ мѣстностей. ** Выѣхавъ изъ Константинополя

* Этотъ памфлетъ переведенъ еще Сенковскимъ подъ заглавіемъ *Сокъ достопримѣчательнаго*.

** Описаніе это также имѣется въ рускомъ переводѣ В. В. Григорьева въ журналѣ *Мескешьянинъ* за 1855 годъ.

въ томъ 1763 года, онъ только 9 ноября добрался до Берлина; 20 ноября онъ передалъ въ торжественной аудіенціи Фридриху II привезенные имъ подарки, изъ коихъ больше всего понравилась королю богато экипированная и весьма красивая лошадь. О политикѣ не было рѣчи. Ресми-эфенди былъ уполномоченъ только внушить Прусскому правительству что Порты не потерпитъ вмѣшательства ни Пруссіи, ни Россіи въ предстоящее избраніе Польскаго короля, а также выразить надежду что союзъ Пруссіи съ Россіей не заключаетъ въ себѣ ничего вреднаго для Порты. Во вторичной аудіенціи Фридрихъ II пытался, съ картой въ рукахъ, толковать турецкому посланнику всю выгоду оборонительно-наступательнаго союза Пруссіи и Турціи; но Ресми-эфенди не считалъ себя уполномоченнымъ входить въ какія-либо по этому предмету объясненія и ограничился только тѣмъ что высказалъ королю упованіе на возможность такого союза когда-нибудь въ будущее время.

Вотъ въ этотъ-то разъ султанъ, чрезъ посредство своего посла, и обратился къ Фридриху Великому съ просьбой удалить ему двухъ, трехъ астрологовъ, чудодѣйственнымъ вычисленіямъ которыхъ Мустафа III приписывалъ блестящія военные успѣхи короля. На эту дикую просьбу Фридрихъ отвѣчалъ что успѣхами оружія и благосостояніемъ государства онъ обязанъ не вѣрности астрологическихъ соображеній, а своему умѣнью и опытности въ веденіи государственныхъ дѣлъ и знанію военной науки, хорошо организованному и вооруженному войску и полнотѣ государственной казны. На прощаніи, 20 апрѣля 1764 года, Фридрихъ выразилъ Ресми-эфенди опять упованіе что Порты сохранить дружбу, весьма благопріятную его цѣлямъ, вѣроятно намекнувъ этимъ на заключеніе все еще пока не состоявшагося союза. Но надеждамъ его не суждено было скоро осуществиться. Рексвиъ пробовалъ было въ томъ же году представить въ Порту свой проектъ союзаго договора, заключавшаго въ себѣ одиннадцать пунктовъ; но опять ничего изъ этого не вышло: противодѣйствіе Пенклера и Вержея взяло верхъ въ диванѣ, и Рексвиъ, вслѣдствіе ли своей неудачливости, или по чьему-либо вліянію, былъ отозванъ, а на его мѣсто назначенъ былъ въ апрѣлѣ 1764 года берлинскій комендантъ, майоръ Цегелинъ. Гаммеръ, не приводя никакихъ доказательствъ, утвердительно приписываетъ

смѣну Рексина неудовольствію на него Россіи за какой-то неблагоприятный его отзывъ о ней. * Это весьма любопытная черта вѣмецкихъ историковъ—объяснять удаленіе прусскихъ пословъ вліяніемъ Петербургскаго кабинета: что за магическая такая сила была у него что Фридрихъ дважды отзываетъ въ угоду Россіи своихъ пословъ, работавшихъ въ прямо враждебномъ ей направленіи и конечно не безъ вѣдома своего правительства!

Безплодность этого дипломатическаго похода Фридриха очевидна. Но Цинкейзенъ силится отыскать въ немъ важный результатъ его, который онъ видитъ въ томъ что будто бы Пруссія приобрѣла съ тѣхъ поръ важное значеніе въ Константинополѣ, вѣроятно имѣя въ виду учрежденіе посланческаго поста при Портѣ. Съ формальной стороны это, пожалуй, справедливо; но въ дѣйствительности прусскіе посланники никогда не пользовались вліяніемъ въ диванѣ и потому ничего не успѣли сдѣлать существеннаго въ политическихъ видахъ представляемаго ими государства, какъ это мы увидимъ изъ разсмотрѣнія дальнѣйшаго хода прусской политики въ Константинополѣ.

II.

Перемѣна представителя Пруссіи не имѣла существеннаго вліянія на взаимныя отношенія ея съ Портой: она ничуть не выиграла въ своемъ дипломатическомъ положеніи у послѣдней, не сдѣлала ни одного шага впередъ въ достиженіи завѣтной мечты короля Фридриха II о союзѣ. Не успѣвъ помѣшать возгорѣвшейся искрѣ, въ 1768 году, войнѣ между Турціей и Россіей, Фридрихъ ограничивался только тѣмъ что расточалъ въ частной перепискѣ элегическія воздыханія по поводу возможности окончательнаго крушенія Оттоманской имперіи и все время суетился и хлопоталъ о мировомъ посредничествѣ, котораго однако не жаловала ни та, ни другая изъ враждующихъ сторонъ. Флегматическіе Турки, какъ имъ ни жутко приходилось отъ однихъ гауровъ, все же смутно тогда представляли себѣ выгоду политическаго сближенія съ другими, кромѣ развѣ одного Рагыбъ-лаши. Современникъ

* *Gesch. d. Osm. R.* VIII; 274.

описываемыхъ событій, officialный исторіографъ Порты Эверн - эфенди, такъ тотъ формуловалъ свой взглядъ на безполезность дружбы гауровъ, именно Шведовъ и Прусаконъ, самымъ категорическимъ образомъ, въ видѣ пословицы: *Долгузъ долгузу чаллазъ*—„свинья свинью не бьетъ“. * А ужъ о простой толтѣ и говорить нечего: когда, напимѣръ, происходила церемонія торжественнаго поднятія санджаки-шерифъ (священнаго знамени), обычно повторявшаяся всегда при открытіи похода, то въ числѣ гауровъ которые осмѣлились оскорвить своимъ глазнѣемъ это священнодѣйствіе и которыми обозначившіеся правотѣрные поломали бока и головы оказалась и семья австрійскаго посла: жена его, въ интересномъ тогда положеніи, была избита; а самъ посолъ, сочтя ее убитою въ суматохѣ, пораженъ былъ ударомъ отъ котораго вскорѣ и умеръ. ** А между тѣмъ Австрія ближе чѣмъ какая другая изъ европейскіхъ державъ была тогда въ самыхъ наилучшихъ отношеніяхъ съ Портой, по крайней мѣрѣ старалась казаться до времени такою. И нельзя сказать чтобы Турки не были правы въ такихъ безразличныхъ воззрѣніяхъ на европейскую дипломатію. Самъ Фридрихъ II, который такъ усердно домогался союза съ ними, самымъ безцеремоннымъ образомъ высказался о своихъ корыстныхъ видахъ, преслѣдуемыхъ имъ при всякомъ удобномъ случаѣ, даже въ то время когда его желанный другъ—Порта очутилась въ весьма стѣсненномъ положеніи, благодаря войнѣ съ Россіей. „Война между Россіей и Турціей“, лишетъ онъ въ своихъ мемуарахъ, „перемѣнила всю политическую систему Европы; открылось новое поле дѣятельности; надобно было не имѣть вовсе никакой ловкости или находиться въ бессмысленномъ оцѣленіи чтобы не воспользоваться такимъ выгоднымъ случаемъ.“ *** Этотъ великій полководецъ и, безъ сомнѣнія, умный человекъ какъ-то ужъ очень любилъ смаковать свою якобы *ловкость* и на дипломатическомъ полѣ. Известно, какую рыбку выудилъ онъ тогда въ мутной водѣ: онъ поживился въ концѣ концовъ насчетъ въ сущности не причастной тогдашней перепалкѣ между воюющими государ-

* Первое прибав. къ исторіи Васыфа-эфенди. Рук. импер. вѣн. библ. № 203 Hist. Osm., листъ 110 recto.

** Finlay, *The history of Greece*, 306.

*** Цитов. у Соловьева, *Исторія Россіи*, XXVIII; 86.

ствами Польши, хотя, не бывъ въ силахъ захватить добычу одишь, предпочелъ подѣлиться ею со своими могучими сосѣдями.

Относясь равнодушно къ судьбѣ Турціи, Фридрихъ однакожь не переставалъ суетиться со своимъ примирительнымъ посредничествомъ. Къ этому его вынуждало опасеніе престижа Австріи въ восточной политикѣ. Но опасенія его были преувеличены: Турки, какъ всѣ восточные люди, всегда отдавали предпочтеніе силѣ и очень равнодушно относились ко всякимъ дипломатическимъ ухищреніямъ Европейцевъ, какъ это мы видимъ сію минуту въ Египетскомъ вопросѣ. Худо ли, хорошо ли, но всё-таки въ критическія минуты они предпочитали дѣйствовать по своему, чѣмъ слѣпо слѣдовать стороннимъ внушеніямъ. Въ этомъ отношеніи весьма характеренъ анекдотъ объ одномъ изъ турецкихъ уполномоченныхъ, именно объ Ясини-задъ-эфенди, шейхѣ мечети Св. Софіи. На пути въ Фокшаны, гдѣ долженъ былъ собраться конгрессъ въ концѣ юня 1772 года, этотъ представитель почтеннаго сословія улема все время читалъ какую-то книгу. Когда Тутутъ спросилъ его что онъ читаетъ, онъ отвѣчалъ: „Евангеліе“. — „Да на что это?“ — „А чтобъ изучить узаконенія европейскихъ гауровъ и лучше при переговорахъ проникнуть въ хитрости и лукавство Русскихъ.“ Такъ поступали чудаки изъ Турокъ. Но были между ними и здравомыслящіе люди, каковъ, напримеръ, Гириди-Ахмедъ-Ресми-эфенди, который все время ратовалъ сколько могъ за мирную политику Порты по отношенію къ Россіи, за что Цинкейзенъ безо всякихъ основаній обвинялъ его въ продажности: будто бы его всегдѣшнее миролюбивое отношеніе къ Россіи происходило оттого „*Dem er liess sich bezahlen, wahrscheinlich auch mit russischem Gelde* — былъ подкупленъ и, по всему вѣроятію, русскими деньгами“. * При такомъ отношеніи Турокъ къ дипломатіи не мудрено что они хотя и дали австрійскому послу Тутуту и прусскому—Цегелину выкалывенныя ими прогонныя деньги на проѣздъ въ Фокшаны въ качествѣ официально признанныхъ ими мировыхъ посредниковъ; тѣмъ не менѣе ни на минуту не задумались при первомъ же засѣданіи оставить этихъ насильно почти втершихся миротворцевъ за порогомъ палатки въ которой происходило совѣщаніе ихъ съ

* Zinkeisen, V; 954, 2.

русскими уполномоченными *, когда этого потребовали послѣдніе. Цинкейзенъ совершенно неосновательно смягчаетъ этотъ фронтъ, говоря что „хотя они присутствовали, но не были допущены къ преніямъ“; ** вѣроятно историкомъ руководило въ данномъ случаѣ его національное самълюбіе; между тѣмъ не менѣе компетентный турецкій историкъ Васыфъ утвердительно говоритъ о фактѣ полнаго устраниенія посредниковъ; а ему можно повѣрить, какъ очевидно *** описываемыхъ имъ событій, не имѣвшему поводовъ передавать ихъ въ искаженномъ видѣ.

Подробности не разъ прерывавшихся и возобновлявшихся переговоровъ о мирѣ достаточно извѣстны. Суетня по поводу ихъ Фридриха II тоже весьма наглядно изображена у нашего историка Соловьева. Для насъ же собственно важно то что она не принесла ровно никакихъ замѣтныхъ результатовъ въ дѣлѣ упроченія прусскаго вліянія на политическія дѣла Востока. Какимъ дымомъ ни становились волосы у Фридриха, хотя, по мнѣнію Соловьева, совершенно притворно, **** отъ русскихъ условій мира, Россія въ концѣ концовъ заключила блестятельный Кучукъ-Кайнарджійскій трактатъ, предоставивъ нѣмецкимъ историкамъ твердить голословныя порицанія якобы „обдѣлавшему свои дѣлашки“ Ахмедъ-Ресми-эфенди, † самому энергичному участнику съ турецкой стороны въ заключеніи этого трактата.

Вмѣшательство Фридриха не прекратилось и послѣ: онъ продолжалъ бомбардировать своего посланника Цегелина инструкціями по вопросу о ратификаціи русско-турецкаго трактата. Цинкейзенъ силится доказать что услѣшному рѣшенію этой исторіи, длившейся почти полгода, больше всего способствовали дѣятельность и ловкость прусскаго дипломата, приводя въ доказательство нѣкоторыя мелочи въ родѣ освобожденія содержавшихся въ Эди-Кулла русскихъ офицеровъ, которое существеннаго значенія въ вопросѣ о ратификаціи не имѣло. Главнѣйшій его маневръ побудившій Турокъ къ податливости заключался будто бы въ томъ что онъ

* Тарихи-Ваеыфъ, изд. 1804, II; 223.

** Zinkeisen, V; 955.

*** Васыфъ, II; 231.

**** *Исторія Россіи*, XXVIII: 175.

† Zinkeisen, VI; 4—5.

припугнуть ихъ опаснымъ для нихъ положеніемъ Австріи занятымъ ею на границахъ Молдавіи и Валахіи. Но самъ же почтенный историкъ въ другихъ случаяхъ приводитъ факты свидѣтельствующіе о томъ что дѣла достигнута была главнымъ образомъ благодаря настойчивости Петербургскаго кабинета, не хотѣвшаго и слышать о какомъ-либо смягченіи условій Кучукъ-Кайнарджійскаго трактата, за исключеніемъ видоизмѣненій въ некоторыхъ пунктахъ которые сообщены были имъ въ нотѣ къ Фридриху II въ октябрѣ того же 1774 года. Турки пошли на предложенную сдѣлку очевидно въ силу сознанія неизбежности уступки и не придавали значенія прусскому посредничеству. Это явствуетъ изъ того что верховный везиръ желалъ только одного, чтобъ отзывъ Петербургскаго кабинета былъ предъявленъ прямо Портѣ отъ лица императрицы черезъ русскаго уполномоченнаго полковника Петерсона, а не черезъ Цегелина, отъ лица короля Прусскаго. Кажется ясно. Причемъ же тутъ Цегелинъ и его будто бы содѣйствовательное вліяніе въ Портѣ? Не думаемъ чтобы графъ Панинъ, этотъ весьма умный дипломатъ, такъ себѣ безо всякаго основанія приписывалъ, напротивъ, замедленіе переговоровъ о ратификаціи тому же Цегелину. А денежный подарокъ сдѣланный императрицей Екатериной II Цегелину, по окончаніи дѣла, скорѣе могъ быть знакомъ простой любезности къ Прусскому кабинету, а не заслуженной признательности къ самому посланнику, какъ это склоненъ думать г. Цинкейзенъ. Что же касается угрожающей политики Прусаковъ, то едва ли она въ дѣйствительности имѣла то значеніе для Турокъ какое приписываетъ ей нѣмецкій историкъ. Точно Турки хуже Прусаковъ знали Австрійцевъ чтобъ ихъ можно было залугать угрожающими диверсіями послѣднихъ. Да самъ Цинкейзенъ рассказываетъ одинъ куріозный казусъ съ Австрійцами, выставляющій ихъ воистинное донкихотство въ самомъ смѣшномъ видѣ, а именно: когда османскія войска двинуты были занимать Хотинъ, переданный имъ Русскими, то стоявшій неподалеку австрійскій корпусъ пришелъ въ страшное смѣтеніе и обратился въ бѣгство. Развѣ этого не замѣчали и не понимали Турки? Не даромъ же ихъ улемы приходили въ неописанную ярость, когда только проносились слухи о посягательствахъ Австріи на территоріальные захваты, въ полномъ убѣжденіи что этимъ посягательствамъ не трудно дать подобающій отпоръ, лишь бы не мѣшали

другіе. Свое доверчивое расположеніе къ Россіи они тогда же доказали тѣмъ что, въ видахъ вытѣсненія вторгшихся въ ихъ владѣнія Австрійцевъ, верховный визирь обратился къ посредничеству графа Румянцева. Хотя Румянцевъ и самъ Петербургскій кабинетъ уклонились ото всякаго вмѣшательства въ австро-турецкія отношенія; тѣмъ не менѣе г. Цинкейзеръ, по одному только подозрѣнію русской дипломатіи въ ея подстрекательствахъ Турціи противъ Австріи, говоритъ что Россія и тутъ „ковада желѣзо, пока оно было горячо“. Еслибы возникшія у Австріи съ Портой недоразумѣнія были непреодолимы, то они бы не уладились такъ скоро, а между тѣмъ 7 (19) мая 1775 былъ подписанъ въ Константинополѣ австро-турецкій договоръ, которымъ впрочемъ Австрія ни за что ни про что урвала кусочекъ изъ оттоманской территоріи, захваченный ею подъ шумокъ, какъ это она обыкновенно дѣлаетъ при всякомъ удобномъ случаѣ.

Насколько искренно прусскій дипломатъ радѣлъ объ интересахъ Россіи, объ этомъ можно судить по чувствамъ его короля, которыя онъ питалъ къ великой державѣ, неоднократно высказывая свои опасенія ея возрастающаго могущества. „Я бы сдѣлалъ непростительную въ политикѣ ошибку“, пишетъ Фридрихъ II къ брату Генриху, „еслибы сталъ стараться объ увеличеніи государства которое можетъ сдѣлаться опаснымъ сосѣдомъ для Пруссіи и страшнымъ для дѣлой Европы“. * Пугая попеременно то Турцію, то даже и Россію ** Австріей, Фридрихъ въ сущности больше всѣхъ самъ тяготился престижемъ послѣдней, въ особенности въ поднятѣмъ имъ вопросѣ о раздѣлѣ Польши. А потому всѣ его посредническія хлопоты въ Константинополѣ клонились къ тому чтобы какъ-нибудь угодить и Турціи, и Россіи и потомъ обѣ ихъ натравить на Австрію. Когда же хлопоты эти не привели къ осязательнымъ результатамъ, такъ какъ Турки послѣдшили обойтись непосредственными переговорами съ Петербургскимъ кабинетомъ, а съ Австріей тоже заключили формальный договоръ, то Фридрихъ II махнулъ рукой, сказавъ что „онъ не желаетъ быть Донъ-Кихотомъ Турокъ“. *** Этотъ второй періодъ въ восточной политикѣ

* Соловьевъ, *Ист. Россіи*, XXVIII; 243.

** *Ibid.*, 244.

*** Zinkeisen, VI; 116.

Пруссіи прошелъ и закончился тоже безцвѣтнo, и Фридрихъ II такъ былъ имъ разочарованъ что рѣшился было не только отозвать Цегелина, но и совсѣмъ уничтожить постъ посланника при Портѣ, а посадить тамъ простаго консула. * Правда или нѣтъ, но что будто бы онъ не осуществлялъ этого своего намѣренія единственно внявъ представленіямъ Цегелина и графа Панина, старавшихся доказать неудобство такой перемѣны въ интересахъ прусской политики, а также еще и изъ любезности къ императрицѣ Екатерицѣ II, потому что Релинъ былъ человѣкъ вновь и Цегелинъ могъ быть ему очень полезенъ своими совѣтами и знакомствомъ съ мѣстными условіями и бытомъ страны. Случилось такъ что оказалось двѣхъ два представителя Пруссіи въ Константинополѣ: Цегелинъ, предназначенный къ возврату, оставленъ былъ еще на нѣкоторое время, да и состоявшій при немъ г. Гаффронъ произведенъ былъ въ повѣренныя по дѣламъ. ** По отъздѣ Цегелина Гаффронъ сдѣлался полноправнымъ его преемникомъ.

Цинкейзеръ объясняетъ рѣшимость Фридриха уничтожить посольскій постъ въ Константинополѣ чисто экономическою разчетливостью короля, который, по его словамъ, былъ „ein vortrefflicher Wirth“.*** Но отъ его „превосходнаго хозяйства“ однако не весело было жить его представителямъ въ чужихъ странахъ: они, бѣдныя, должны были жаться до послѣдней крайности, и ни на комъ такъ сильно не отразилось скраживанье короля, какъ на Гаффронѣ, который закончилъ свою дипломатическую карьеру очень печально, именно вслѣдствіе своего бѣдственнаго въ финансовомъ отношеніи положенія, какъ увидимъ далѣе.

Отдумавъ снять свой посольскій флагъ съ оттоманской территории, Фридрихъ естественно не хотѣлъ чтобъ его дипломатъ даромъ ѣлъ и тотъ скудный хлѣбъ который ему отпускали изъ прусскаго казначейства: что-нибудь да долженъ былъ онъ тамъ дѣлать. И вотъ началась опять ѣзда по той же избитой дорогѣ посредничества, благо со времени первой Екатерининской войны Россіи съ Турціей недоразумѣнія и прелирательства этихъ двухъ государствъ длились потомъ

* Ibid., 128.

** Ibid., 134.

*** Zinkeisen, VI, 130.

непрерывною чередой, дались и путались до того что королевскій посланникъ въ Петербургъ, графъ Сольмсъ, не стѣсаяся вызвать тогдашнее политическое состояніе *жаотичебыля*. * Испытавъ безполезность для себя враждебныхъ столкновеній державъ съ которыми Фридрихъ хотѣлъ дружить съ обѣими заразы, онъ теперь хлопоталъ единственно только о восстановленіи между ними прочнаго замиренія, а между тѣмъ въ Портѣ все еще продолжала будировать воинственная партія. Причиной несогласія все время служила независимость крымскихъ Татаръ, освобожденіе которыхъ изъ-подъ турецкой олеки, какъ извѣстно, было лишь переходнымъ средствомъ къ полному подчиненію ихъ подъ власть Россіи. Чтобы заставить молчать эту докучную воркотаю стамбульскихъ шовинистовъ Фридрихъ, постоянно возмущавшійся подкульностью турецкихъ государственныхъ людей, когда они добирались до его собственнаго кармана, тутъ совѣтовалъ графу Панину прибѣгнуть даже къ подкупу, когда на удовлетвореніе аличности турецкихъ чиновниковъ должны были пойти русскія деньги, жалѣть было нечего: не свое добро! ** Умиротвореніе это нужно было ему еще и потому что онъ лобавался Австріи, и потому ему хотѣлось чтобъ у Россіи были развязаны руки на всякій случай еслибъ ему понадо-балось воспользоваться ея вооруженною услугою противъ своей солерницы. Въ начавшихся по этому поводу конференціяхъ Гаффрона съ турецкими чиновниками, происходившихъ обыкновенно по ночамъ и подъ строжайшимъ секретомъ, больше всѣхъ ораторствовалъ за принятіе посредническихъ предложеній Пруссіи нѣкто Абду-р-Риззакъ, который въ теченіе 15 лѣтъ дѣйствовалъ какъ другъ Прусаковъ. Онъ не щадилъ своего восточнаго краснорѣчія чтобъ убѣдить своихъ коллегъ въ необыкновенныхъ доблестяхъ короля Прусскаго и необходимости сближенія съ Пруссіей, что въ особенности должно было быть невыгодно для Австріи, которая всячески противодѣйствовала этому сближенію.

Турки очень хорошо понимали къ чему направлены были ухаживанія за ними прочихъ державъ, въ особенности Австріи: они ясно видѣли что имъ желательно было втравить Порту въ новую войну, чтобы подъ шумокъ воспользоваться случаемъ

* Ibid. 175.

** Ibid. 184.

и поживиться на счетъ той самой Турціи къ которой они приставали съ разными совѣтами и внушеніями. Въ этомъ отношеніи имъ было по сердцу стремленіе короля Пруссіи къ абсолютному возстановленію мира. Но они въ то же время не были расположены довольствоваться его простыми платоническими миротворными внушеніями. Тотъ же Абду-р-Риззакъ довольно рѣзко, и даже проиически, повелъ такой разговоръ съ Гаффрономъ; „Что же вашъ король не даетъ совѣта Россіи не приставать къ намъ съ ножомъ къ горлу съ тѣмъ чтобы не только вылолнить мирный договоръ, котораго мы отнюдь не чуждались, но чтобы самымъ унижительнымъ для такого великаго государства, какъ наше, образомъ предписывать намъ законы, къ которымъ мирный трактатъ насъ совсѣмъ не обязываетъ?“

Рѣчь шла о Крымѣ, изъ-за котораго споры зашли такъ далеко что Порта отправила ультиматумъ Россіи. Моментъ былъ весьма критическій, и Фридрихъ крайне безпокоился относительно его исхода. На такіе категорически поставленные Турками вопросы онъ отвѣчалъ уклончиво, отговариваясь незнавіемъ истиннаго положенія дѣлъ въ Крымѣ, на что онъ однакоже не имѣлъ основанія, разъ взявши на себя роль посредника-умиротворителя. И Турки отлично понимали это. А потомъ Абду-р-Риззакъ, очевидно сметливый въ дипломатіи, пошелъ дальше въ своихъ докучно-пытливыхъ вопросахъ и говорить драгоману Гаффрона: „А какого же государства больше всего пришлось бы опасаться въ случаѣ войны съ Россіей?“ Тогда, не дожидаясь отвѣта прусскаго уполномоченнаго, репсъ-эфенди самъ отвѣчаетъ за него, говоря: „Я смекаю, какого: прусскій посланникъ хочетъ сказать объ Австріяцахъ. Ну, такъ скажите ему, драгоманъ, что мы уже заключили союзъ съ ними. Не далѣе какъ шесть мѣсяцевъ тому назадъ они дали намъ равняющееся священнѣйшей клятвѣ обѣщаніе что они, даже въ случаѣ разрыва съ Россіей, будутъ соблюдать его. А еслибы они учинили гнусное вѣроломство чтобъ извлечь изъ него выгоду, то Аллахъ великъ и накажетъ ихъ безъ нашего участія.“ Ироническое замѣчаніе Гаффрона—что судъ Божій будетъ имѣть мѣсто лишь на томъ свѣтѣ, не ловляло на Турокъ, продолжавшихъ настаивать на своемъ. Абду-р-Риззакъ поставилъ еще прямѣе вопросъ: „Гдѣ же доказательства того что король Пруссійскій принимаетъ самое живѣйшее участіе въ благополучіи Оттоманскаго государства, о чемъ онъ всегда

такъ много толкуеть?" Затѣмъ присовокупляетъ перечень всего того что сдѣлано ими, Турками, и чего напротивъ не приведено въ исполненіе Русскими для осуществленія мира. Главное дѣло было въ томъ что Русскіе не выводили своихъ войскъ изъ Крыма. Въ заключеніе Турки заявили что они въ этотъ разъ вовсе не боятся войны съ Россіей, ибо считаютъ свое дѣло правымъ и потому твердо уловають на помощь Божію, которая не преминетъ проявиться тутъ во всей своей полнотѣ и силѣ.

Значить, первый дипломатическій дебютъ Гаффона вышелъ неудаченъ. Безъ того залутавшаго отношенія Россіи съ Портой усложнился еще казнію, въ октябрѣ 1777 года, Молдавскаго господаря Гики которому покровительствовала Россія. Отвѣтъ Петербургскаго кабинета на ультиматумъ Порты выставлялъ на видъ отсутствіе какого бы то ни было посягательства Русскаго правительства на религіозную свободу крымскихъ Татаръ, предоставляя ихъ всецѣло духовной зависимости отъ калифа правовѣрныхъ. Самое содержаніе русскихъ войскъ въ Крыму мотивировалось желаніемъ гарантировать полную независимость Татаръ, долженствующихъ отнынѣ составлять совершенно самостоятельное государство, подвластное только своимъ ханамъ, въ которые однакоже настоячиво рекомендовался Шагинъ-Гирей. Порта же упрямо стояла и слышать не хотѣла о Шагинѣ, выставляя на его мѣсто другого, будто бы излюбленнаго всѣми Татарами кандидата, Селимъ-Гирея. Ни та, ни другая сторона не хотѣла уступить, и война сдѣлалась опять неизбежною. Желавшій угодить всѣмъ, Фридрихъ II даже предложилъ Русскимъ составленный имъ самимъ планъ военныхъ дѣйствій противъ Турціи, который будто и былъ одобренъ совѣтомъ министровъ и принять въ руководство Румянцевымъ. Ничего не было въ этомъ мудренаго: не добившись примиренія, хлопотливый посредникъ очевидно хотѣлъ чтобы по крайней мѣрѣ поскорѣе былъ нанесенъ рѣшительный ударъ Портѣ и война бы не затаялась попрежнему; положеніе дѣлъ европейскихъ было таково что для него лучше было совсѣмъ не видѣть этой войны: въ этотъ моментъ, въ концѣ декабря 1777 года, возникъ вопросъ о Баварскомъ наслѣдствѣ, имѣвшій не малое вліяніе и на восточную политику Фридриха II. Въмѣсто того чтобы Россія и Турція тратились на взаимное ослабленіе, ему хотѣлось бы силы обѣихъ державъ направить

противъ ненавистной ему Австріи, столкновения съ которою онъ ежеминутно опасался. Отнынѣ отношенія свои къ Австріи Фридрихъ сдѣлалъ основой всѣхъ своихъ дальнѣйшихъ дипломатическихъ дѣйствій и, главное, всѣхъ кого онъ хотѣлъ втянуть въ свои интересы силался убѣдить въ великой важности этихъ интересовъ и для нихъ самихъ. Въ этомъ духѣ дана была инструкція и Гаффрону, который, послѣ тщетной попытки посредничества, рѣшительно отклоненнаго Портой, принялся страдать послѣднюю возрастаніемъ могущества Австріи, которое можетъ имѣть вредныя послѣдствія для политическаго равновѣсія Европы, и доказывать что сама Порта больше прогадаетъ съ этой стороны, если она вступитъ въ войну съ Россіей. Неудачный дебютъ воинственныхъ предпріятій Порты, въ видѣ чумы среди ея Черноморскаго флота и голода, а затѣмъ и мятежа среди янычаръ въ Крыму, нѣсколько охладилъ задоръ Турокъ и они пошли на уступки, не доводя войны до полного разгара. Только въ этотъ разъ не лишняя успѣха миротворная роль принадлежала уже французскому дипломату при Портѣ маркизу Сенъ-При, которому удалось столковаться насчетъ уступокъ съ Абду-р-Риззакомъ, ставшимъ официальнымъ главой иностранной политики Порты. 10 марта 1779 года состоялась такъ-называемая Афиналы-Кавакская конвенція, подписанная Стахіевымъ и Абду-р-Риззакомъ. Въ лицѣ послѣдняго такимъ образомъ торжествовала мирная партія Стамбульскаго дивана. Успѣшное заключеніе конвенціи, достигнутое ловкостью Сенъ-При при содѣйствіи благопріятствовавшихъ тому обстоятельствъ, послужило Фридриху сигналомъ къ началу новыхъ попытокъ приняться за осуществленіе своего стараго проекта—союза съ Турціей, въ чааніи хорошенько упрочить въ ней необходимое для его цѣлей мирное вѣстроеніе по отношенію къ Россіи. Его не остановило въ этомъ намѣреніи и то обстоятельство что благопріятный исходъ послѣдняго кризиса совершился вовсе помимо трудовъ его и его посланника Гаффрона, который оказался далеко не блистательнымъ дипломатомъ. Повидимому онъ даже находился въ заблужденіи на этотъ счетъ, и прельстившись успѣхомъ дѣла, всецѣло принадлежавшимъ ловкости французскаго посланника, чаалъ того же самаго отъ дѣятельности Гаффрона, который оказался однакоже далеко несостоятельнымъ для такой роли, навязанной ему его патрономъ.

Нѣмецкій историкъ Цинкейзенъ приписываетъ починъ въ этомъ дѣлѣ Абду-р-Риззаку, превознося государственныя способности этого турецкаго чиновника, который, подобно Рагыбъ-Мохаммедъ-пашѣ, дальше другихъ смотрѣлъ въ будущее и полагалъ все благополучіе своего отечества въ тройственномъ союзѣ Порты съ Пруссіей и Россіей. Начало переговоровъ о союзѣ относится имъ къ концу іюля мѣсяца 1779 года, на основаніи депеши Гаффрона, отъ 5 августа того же года. У турецкаго же историка Джевдета, довольно подробно описывающаго эту эпоху, и тоже опирающагося частью на документальныя данныя, частью на свидѣтельства своихъ предшественниковъ по бытописанію, упоминаніе о прусскомъ союзѣ и длинныя разсужденія по этому поводу находимъ впервые подъ 1198 годомъ гиджры, соотвѣствующимъ нашему 1783 году. Посмотримъ же теперь какъ происходило дѣло, по словамъ той и другой стороны.

Когда Абду-р-Риззакъ мимоходомъ и подъ секретомъ забросилъ слово прусскому посольскому драгоману Греку Франкопуло о томъ что не худо бы было заключить союзъ между собою Портѣ, Пруссіей и Россіей, этотъ послѣдній, отказавшись выразить какое-либо собственное по этому вопросу мнѣніе, сообщилъ о своемъ разговорѣ Гаффрону. А Гаффронъ тогда поручилъ драгоману вывѣдать у реисъ-эфенди его мнѣніе по слѣдующимъ тремъ пунктамъ: 1) Отчего Портѣ не воспользовалась раньше представлявшимся ей случаемъ заключенія союза съ Пруссіей? 2) Отчего реисъ-эфенди не хочетъ съ нимъ самимъ вести переговоры по этому дѣлу, что было бы крайне необходимо, дабы онъ, Гаффронъ, имѣлъ положительное основаніе начать дѣйствовать въ извѣстномъ направленіи? 3) Если реисъ-эфенди серьезно помышляетъ о союзѣ, то не угодно ли ему отправить къ королю соотвѣтственную депешу и притомъ болѣе надежнымъ путемъ, нежели чрезъ Вѣну, а также взять на себя и расходы по этой корреспонденціи, ибо окольный путь, чрезъ Варшаву, обойдется дорого и пожалуй въ концѣ концовъ будетъ отвесенъ на его личный счетъ?

Послѣдній пунктъ стоить замѣтить: онъ, надо полагать, вынужденъ былъ у прусскаго уполномоченнаго денежными обстоятельствами, которыя, вѣроятно, уже въ это время были не блистательны и давали себя чувствовать даже въ дипломатическихъ дѣйствіяхъ Гаффрона, пока окончательно не

сгубили всей его карьеры, да и его самого едва было не сжили со свѣта, какъ увидимъ въ послѣдствіи.

Реисъ-эфенди тоже по пунктамъ отвѣчалъ на поставленные ему вопросы. Что союзъ не состоялся прежде въ 1762, сказалъ онъ, такъ это было оттого что тогдашніе дѣльцы Порты продались Австріи. Воздержаться отъ непосредственныхъ сношеній съ прусскимъ уполномоченнымъ побудило его исключительно опасеніе преждевременной огласки его намѣреній, безъ солидныхъ въ то же время гарантій возможности ихъ осуществленія. Неосторожность могла бы быть вѣнена ему въ самовольство и стоила бы ему головы. А матеріальныя издержки по пересылкѣ депешъ онъ изъявилъ готовность принять на себя, рекомендуя для сношеній путь чрезъ Хотинъ и Варшаву, при посредствѣ хотинскаго паша и варшавскаго прусскаго резидента.

Гаффронъ, получивъ вышеприведенный отзывъ Абду-р-Ризака, тотчасъ же, 5 августа 1779, пишетъ своему патрону что если только его величество находитъ *тройственный* союзъ дѣлесообразнымъ, то теперь самый благоприятный моментъ для его осуществленія; только не надо медлить, такъ чтобы другіе дворы узнали о немъ лишь тогда когда онъ уже совсѣмъ совершится: иначе какъ скоро бы пронюхалъ объ этомъ австрійскій интернунцій, котораго тогда ожидали въ Константинополь, то онъ лустилъ бы въ ходъ всѣ махинаціи чтобы разстроить дѣло, вредное для его государства.

Нѣмецкій историкъ останавливаетъ вниманіе на томъ что Турки первые стали хлопотать о тройственномъ союзѣ, и что Фридрихъ II только съ готовностью отозвался на сдѣланное ему предложеніе. При этомъ онъ только вскользь упоминаетъ о неудовольствіи короля на графа Сольмса, получившаго отлукъ изъ С.-Петербурга, за то что проектъ тройственнаго союза между Пруссіей, Россіей и Турціей былъ холодно принять графомъ Панинымъ. Графъ Сольмсъ прибылъ въ Берлинъ какъ разъ одновременно съ полученіемъ депеши Гаффрона 11 сентября; слѣдовательно у Фридриха были раньше помышленія о союзѣ; но почему объ этомъ нѣтъ слѣдовъ въ дипломатическихъ документахъ, или есть, да они игнорированы, трудно сказать. Что касается инструкціи данной 23 іюля 1779 года графу Гёртцу, преемнику графа Сольмса, на которую ссылается Цинкейзеръ, то въ ней, правда, нѣтъ прямого упоминанія о какомъ-либо союзѣ, но приведенныя

историкомъ выдержки изъ нея содержать въ себѣ ни болѣе ни менѣе какъ косвенныя указанія на существованіе проекта союза: въ такомъ духѣ и тои затрогиваются тамъ отношенія къ Портѣ, Россіи и Австріи.

Для насъ же любопытно видѣть скорѣе тотъ какой-то легкомысленный, наивный восторгъ который овладѣваетъ при этомъ случаѣ королемъ и его константинопольскимъ уполномоченнымъ. Первый немедленно велитъ графамъ Финкенштейну и Герццбергу изготовить для отсылки въ Петербургъ проектъ тройственнаго союза, на которомъ составители сдѣлали пометку *secretissime*, а самъ король на ихъ докладѣ расчеркнулъ „grand merci“: въ такомъ былъ онъ восхищеніи. Второй только и пишетъ что все благопріятствуетъ успѣху дѣла: всѣ великіе визири (а ихъ было до трехъ другъ за другомъ), по его словамъ, выказываютъ душевную готовность къ союзу; прусское вліяніе растетъ не по днямъ, а по часамъ. И что же въ концѣ концовъ оказалось? Императрица Екатерина самымъ рѣшительнымъ тономъ отвергла проектъ, о которомъ и слышать не хотѣла, сколько разъ ни пробовалъ графъ Панинъ заговаривать съ ней объ этомъ. Ей, надо думать, просто было досадно на ту односторонность съ которою смотрѣли на ея политику и не понимали что ея сила основывалась не на слабости другихъ. Австрійскій императоръ побывалъ на границѣ своихъ владѣній сосѣднихъ съ прусскими. Фридрихъ конечно всолошился и старается отыскать опасность австрійскихъ замысловъ не только для него самого, но и для Россіи. Но въ своихъ поискахъ онъ ничего не могъ выставить, кромѣ предположеній объ интересахъ Австріи въ Польшѣ и о подстрекательствахъ ею Турціи противъ Россіи. Последнее благожелательный союзникъ Екатерины II выставялъ какъ особенно пагубное для Россіи, а между тѣмъ это скорѣе клонилось къ ея выгодѣ: обстоятельства доказали что Порта не можетъ быть страшна въ своемъ воинственномъ задорѣ и всякій необдуманый шагъ ея, сдѣланный ею въ этомъ задорѣ, лишь увеличивалъ шансы для достиженія цѣлей русской политики; слѣдовательно австрійскія подстрекательства скорѣе вредили самой Портѣ, чѣмъ Россіи, чего не понималъ, или можетъ-быть только притворялся что не понимаетъ Фридрихъ II.

Не услѣвъ склонить императрицу Екатерину на явное вступленіе въ тройственный союзъ съ Портой, Фридрихъ

пробовалъ потомъ выговорить себѣ право, оставаясь въ союзѣ съ Россіей, самому вступать въ новый союзъ съ какою-нибудь другою державой, если это ему покажется выгоднымъ, разумѣя подъ этою другою державой, конечно, Турцію. Но и этотъ подходъ „прозорливаго“, какъ его величаютъ соотечественный ему историкъ, тоже не удался: еще болѣе прозорливая императрица и тутъ выступила со своимъ категорическимъ veto.

Самымъ ревностнымъ поборникомъ союза съ Пруссіей въ средѣ османскихъ чиновниковъ былъ все тотъ же Абдуль-р-Риззакъ-Багиръ-эфенди, да еще два, три его пріятели, въ томъ числѣ и извѣстный, бывалый въ европейскихъ странахъ посломъ, Ресми-Ахмедъ-эфенди. Онъ-то и составилъ въ октябрѣ 1779 докладъ въ которомъ излагаетъ полезность этого союза для Высокой Порты. Этотъ докладъ, по-турецки *такрир*, приведенъ цѣликомъ у историка Джевдета * въ подлинникѣ. Турецкій государственный человѣкъ старается въ немъ втолковать своимъ коллегамъ вообще полезность какихъ бы то ни было союзовъ съ другими державами и съ этою цѣлю приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ изъ новѣйшей исторіи европейскихъ государствъ. На первый же случай, по соображенію всѣхъ обстоятельствъ и въ особенности въ виду коварнаго образа дѣйствій и подозрительнаго поведенія Австріи, всего выгоднѣе ему представлялся союзъ съ Пруссіей и пожалуй съ Россіей: первая бы могла оказать поддержку въ возможномъ столкновеніи Порты съ Австріей; вторая по крайней мѣрѣ оставила бы, въ качествѣ союзника, въ локоѣ Турцію. Въ подкрѣпленіе основательности своего предложенія Абду-р-Риззакъ сослался на Рагыбъ-пашу, который былъ расположенъ къ союзу съ Пруссіей и память о которомъ еще была свѣжа тогда въ Портѣ. Проектъ Абду-р-Риззака рѣшено было выслушать и подвергнуть обсужденію въ засѣданіи членовъ государственнаго совѣта, которое и состоялось 4 числа мухаррема 1194 года (11 января 1780 года) въ конакѣ шейхъ-юль-ислама.

Но о дальнѣйшей судьбѣ этого проекта ничего неизвѣстно, потому что авторъ его вскорѣ послѣ того былъ произведенъ въ трехбунчужные пашы и съ почетомъ выпровоженъ изъ столицы въ назначенное ему въ провинціи губернаторство.

* Тарихи Джевдетъ, II; 167—172.

Удаленіе вліятельнаго реиса-эфенди было необходимо партіи тогдашняго великаго визиря. Подозрѣвали въ этомъ паденіи прусскаго сторонника и интригу австрійскаго посланника. Но какъ бы тамъ ни было, дѣло Гаффона послѣ этого не обшало ему успѣха. Вся бѣда, говоритъ Цинкейзенъ, заключалась въ томъ что г. Гаффонъ не располагалъ достаточнымъ количествомъ денежныхъ средствъ, которыя всегда необходимы оказываются когда приходится проводить какой-нибудь дипломатическій планъ съ участіемъ турецкаго чиновничества. Свадебный подарокъ цѣвностью во 170 піастровъ, сдѣланный имъ дочери вліятельнаго бейликачи (статсъ-секретаря), былъ конечно сущимъ пустякомъ. Австрійцы въ этомъ отношеніи имѣли несравненное преимущество.

А тутъ еще прислѣди внутреннія замѣшательства, вызванныя антагонизмомъ армянскихъ религіозныхъ партій—григоріанской и католической. Во главѣ первой стоялъ армянскій константинопольскій патріархъ, имѣвшій сильную поддержку въ калуданъ-лашѣ. Вторую взяли подъ свое покровительство представители великихъ католическихъ державъ—Австрія и Франція; въ особенности австріискій императоръ усердно пользовался въ своихъ видахъ этимъ обстоятельствомъ и, ловко подстрекая своихъ коллегъ, добился низверженія и высылки патріарха, на что верховный визирь Иззетъ-Мохаммедъ-паша согласился противъ своей воли и желанія, лобаваясь придворной партіи, стоявшей на сторонѣ патріарха. Волненія не прекратились и послѣ высылки патріарха, такъ что единственнымъ средствомъ къ отаву безпokoйныхъ элементовъ изъ столицы оставалась телерь война. А на случай этой послѣдней верховный визирь хотѣлъ заручиться какимъ-нибудь союзомъ въ Европѣ и поэтому естественно пришелъ къ продолженію еще до него начатыхъ переговоровъ о союзѣ съ Пруссіей, интересы которой, по его словамъ, были всего ближе къ интересамъ Порты, потому что война предвидѣлась именно съ Австріей. Такъ по крайней мѣрѣ писалъ Гаффонъ своему правительству, основываясь на разговорѣ своего драгомана Франколудо съ верховнымъ визиремъ, будто бы пустившимся въ откровенность съ этимъ фанаріотомъ. Это таготвіе къ Пруссіи верховнаго визиря вызвано было въ немъ предупредительностію Фридриха прусскаго, обязательно сообщавшаго ему всѣ свѣдѣнія о политическихъ отношеніяхъ другихъ государствъ и въ особенности о стремленіяхъ

Австрійскаго императора къ сближенію съ Петербургскимъ кабинетомъ чтобъ обезпечить себя, въ случаѣ войны, хоть нейтралитетомъ Россіи. Телерь верховный визирь еще болѣе нуждался въ подробныхъ свѣдѣніяхъ о состояніи военныхъ силъ Австріи, Россіи и Пруссіи, которыя долженъ былъ доставлять ему, въ доказательство дружбы, Фридрихъ. Послѣдній и не отказывался удовлетворять этому желанію верховнаго визиря, только думалъ воспользоваться этимъ какъ можно съ большею выгодой для упроченія своего вліянія на образъ мыслей руководителей оттоманской политики. Зная что въ Портѣ въ послѣднее время завелось нѣчто въ родѣ особеннаго литературнаго кабинета, на обязанности котораго лежало собирать и переводить изъ важнѣйшихъ европейскихъ газетъ нужныя для дивана свѣдѣнія, Фридрихъ рекомендовалъ верховному визирю выписывать хоть *Gazette de Clevés* или *Courrier du Bas Rhin*, въ которыхъ политическія событія представлялись въ такомъ свѣтѣ въ какомъ желательно было ему, Фридриху. Этотъ очень умный и даже, пожалуй, хитрый способъ Фридриха проводить свои политическія воззрѣнія путемъ преданной ему офиціозной печати, въ приложеніи къ Портѣ однакоже, какъ и слѣдовало ожидать, оказался чисто платоническою мѣрой: Турки, только въ послѣднее время обучившіеся дипломатическому лукавству отъ Европейцевъ, прежде думали и поступали прямо и потому были глухи къ косвеннымъ намекамъ и вліяніямъ въ родѣ какихъ-либо газетныхъ статей и совѣмъ не брали себѣ въ толкъ какихъ-либо отдаленныхъ дипломатическихъ соображеній, какія не разъ пробовалъ внушать имъ Фридрихъ склоняя ихъ къ союзу съ Пруссіей.

Такимъ же платонизмомъ отзывалось, вѣроятно, и предложеніе военныхъ реформъ которое было сдѣлано Фридрихомъ Портѣ, если только оно было сдѣлано. Цинкейзеръ, упоминая объ этихъ „весьма интересныхъ реформахъ“ на основаніи делеши Гаффрона отъ 25 августа 1781, выражаетъ сожалѣніе что въ государственномъ архивѣ не оказалось ни самыхъ королевскихъ инструкцій, ни другихъ какихъ-либо документовъ, по которымъ бы можно было поближе познакомиться съ проектомъ „великаго полководца“. Дѣйствительно, нельзя не сожалѣть объ этомъ, потому что самая делеша очень куріозна. Въ ней прусскій уполномоченный увѣдомляетъ своего короля что верховный визирь съ благодарностью

привалъ „основательныя и объемистыя предложенія“, но не отваживается воспользоваться ими на томъ будто бы основаніи что они при особенномъ строе Османскаго государства неосуществимы. По крайней мѣрѣ надо бы было напередъ имѣть полную увѣренность насчетъ союза съ Пруссіей. А то, говорить, если возьмешься за подобныя приготовления, не имѣя въ виду дѣйствительной войны, то этимъ только вызовешь тревогу въ цѣломъ царствѣ, что послужитъ Австріи лишь предлогомъ къ нападению на Порту. * Повторяемъ, эта депеша куріозна: въ самомъ дѣлѣ, что изъ нея явствуетъ? То что или никакихъ серіозныхъ и основательныхъ реформаторскихъ предложеній со стороны великаго полководца и не было сдѣлано; или же тѣ предложенія которыя сообщены были мимоходомъ въ числѣ другихъ дѣлъ въ депешахъ Гаффрону, а имъ верховному визирю, очевидно настолько были платонически и безцѣльны что умный визирь не сталъ долго о нихъ и разговаривать, прямо отклонивъ ихъ подъ предлогомъ, котораго только Гаффронъ, Богъ вѣсть почему, не раскусилъ сразу и, принявъ его въ серіозъ, сообщилъ о немъ Фридриху. Къ чему нужны были Туркамъ платоническіе совѣты Прусаковъ, когда Французы давнымъ давно, въ лицѣ Боневала и барона Тотта, не только предлагали, но и самымъ дѣломъ пытались привести въ исполненіе свои предложенія насчетъ реорганизациі турецкаго войска, несостоятельность и отсталость котораго такъ резко обнаружилась въ послѣдней войнѣ съ Русскими?! И эти попытки не прошли незамѣченными: и въ дѣлописяхъ, и въ документахъ мы находимъ самыя обстоятельныя свѣдѣнія и о французскихъ инструкторахъ прибывшихъ въ Константинополь обучать Турокъ военному дѣлу, и о количествѣ нѣваго образцоваго войска, и о размѣрахъ жалованья, и даже о мѣстѣ гдѣ производилось обученіе. ** И никакого переломка не произвело это: ни народъ не встревожился, ни Австрія не предрадилась за это къ Порту. Значитъ, ссылка верховнаго визира на опасеніе вызвать смуту просто неѣла и показывается лишь до какой степени недалковиденъ былъ Гаффронъ что позволялъ себя дурачить такими вздорными отговорками,

* Zinkeisen, VI; 291.

** Напр. въ цитованномъ выше нашемъ сборникѣ, стр. 147—150. Въ Гарики-Джеветъ, II; 249.

да еще и передавать ихъ дальше, своему королю; или до какой степени верховному визирю должны были казаться наивными прусскія предложенія на бумагѣ или на словахъ, когда Французы работали самымъ дѣломъ, да, по правдѣ сказать, тоже напрасно. И потому резонно было со стороны верховнаго визиря сказать Гаффрону: „Покажите о пустякахъ-то говорить! Трактуйте-ка лучше о союзѣ, коли хотите“. Что же послѣ этого удивительнаго въ томъ что въ государственномъ архивѣ Пруссіи не оказывается никакихъ документовъ, кромѣ одной депеши Гаффрона, свидѣтельствующей о крайней неспособности этого дипломата и отчасти о платонической наивности Фридриха Великаго, всю жизнь помышлявшаго и хлопотавшаго о союзѣ съ Портой, но въ то же время разчитывавшаго, какъ бы этотъ союзъ обошелся ему подешевле. Скорѣе надо удивляться тому, какъ это Фридрихъ могъ выносить арлекинады которыми угощалъ его Гаффронъ въ видѣ депешъ своихъ. А между тѣмъ, основываясь на нихъ однихъ, солидный нѣмецкій историкъ Цинкейзенъ тоже не жалѣетъ красокъ которыми онъ разрисовываетъ прусское обаяніе среди Турковъ, которое существовало только развѣ въ фантазіи Гаффрона. Изображая гигантскую военнопреобразовательную дѣятельность калудана-паша съ помощью двухъ Прусаковъ — одного какого-то авантюриста, а другого ренегата, надъ реорганизаціей арміи, Цинкейзенъ, со словъ Гаффрона, приписываетъ этому новоявленному турецкому реформатору самое вѣлестное мнѣніе о баронѣ Тоттѣ и французскихъ инструкторахъ, которыхъ будто бы калуданъ-паша назвалъ просто-на-просто всѣхъ шарлатанами. Единственнымъ идеаломъ для турецкаго воюки былъ, опять-таки по словамъ Гаффрона, король Фридрихъ: отъ него онъ бы желалъ получить и инструкторовъ и снаряды и пр. Въ своей необузданной хвастливости г. Гаффронъ зашелъ такъ далеко что писалъ королю даже такіа вещи: „*П n'y a pas jusqu'aux enfants à la mammelle qui ne jurent pas par Votre Majesté, ce qui adoucit en quelque manière mon sort ici*“.* Не пускаясь въ какіе-либо далекіе лонски за опроверженіемъ всей этой болтовни прусскаго уполномоченнаго о какомъ-то всеобщемъ благоговѣніи Турокъ предъ Прусскимъ королемъ, достаточно будетъ привести то мѣсто

* *Zinkeisen VI; 341, пр. 2.*

изъ автолиси тогдашняго officialнаго историографа Васыфа-эфенди, гдѣ говорится о смерти Фридриха Великаго. Вотъ оно:

Погибель Прусскаго короля. Въ коварствѣ и шайтанствѣ несравненный, въ искушеніяхъ и мороченіи людей второй дьяволъ, король Пруссіи погибъ (то-есть умеръ) 15 августа. Онъ отличался своею способностію къ математическимъ наукамъ и славился въ военномъ искусствѣ: говорятъ даже что имъ написано много сочиненій по части этихъ наукъ*. И это пишетъ officialный государственныи автолисецъ Порты, которая, если вѣрить Гаффрону, въ лицѣ всѣхъ своихъ совѣтниковъ чуть не обожала Фридриха Великаго.

Что Гаффронъ способенъ былъ свои делеша наполнять вздоромъ, это мы сейчасъ увидимъ изъ дальнѣйшаго знакомства съ поведеніемъ этого дипломата. Но что странно, такъ это та серіозность съ которою г. Цинкейзеръ трактуеть донесенія Гаффрона и не стѣсняясь говорить про него что *„Er war gerade über diese Dinge sehr genau unterrichtet. Denn dass bedeutende Ansehen, welches Preussen damals in Constantinopel genoss, verschaffte ihm, wie wir unter anderm aus seiner Depesche von 24 Decemher 1782 ersehen, die einflussreichsten Verbindungen, wie sie zu dieser Zeit nicht leicht ein anderer Gesandter hatte, zum Beispiel mit den angesehensten Ulema; dem Kiaja-Beg und dem Kapudan Pascha selbst“*. Въ патристическомъ увлеченіи солидный нѣмецкій ученый не замѣчаетъ даже того грубаго противорѣчія себѣ въ которое онъ впадаетъ, говоря что Гаффронъ прекрасно зналъ то о чемъ писалъ въ делешахъ, ибо онъ имѣлъ связи, *благодаря необыкновенному престижу Пруссіи въ Константинополь*; а объ этомъ престижѣ и связяхъ Гаффрона мы узнаемъ олять-таки откуда?—изъ депешъ того же Гаффрона.

А Гаффронъ былъ просто добрый малый. Покамѣстъ онъ утѣрзалъ своего короля въ неломѣрномъ рвеніи Турокъ къ союзу съ Пруссіей, да лопемвѣгу лутался въ своихъ частныхъ финансовыхъ обстоятельствахъ, дѣла все шли да шли своимъ чередомъ. Тѣмъ временемъ состоялся союзъ Австріи съ Россіей, которыя предъявили Портѣ коллективную ноту съ такими требованіями которыя все болѣе и болѣе подрывали престижъ Турціи какъ сильной державы.

* Вѣстк. рук. Hist. Осм. № 203, л. 282 recto.

Самъ калуданъ-лаша, храбрый воюка и якобы поклонникъ Фридриха Великаго, перелополшился и сталь будто бы пристулатъ къ Гаффрону за совѣтами какъ поступить имъ, Туркамъ, съ этою нотой, а также съ требованіемъ категорическаго обѣщанія поддержки Пруссіи въ видѣ формальнаго союза. А Гаффронъ отвѣчалъ уклончиво и рекомендовалъ избѣгать всѣми силами разрыва путемъ всевозможной уступчивости. Въ томъ же духѣ вліялъ на Порту и французскій посолъ Сенъ-При. Это вліяніе Гаффрона отчасти вытекало изъ инструкціи Фридриха Великаго, который, заигрывая съ Портой и въ то же время не желая чрезъ это утратить и расположенія Россіи, приказывалъ своему константинопольскому повѣренному держаться нейтральной политики. Но и безъ этой инструкціи Гаффронъ ни къ чему, кромѣ всесторонняго вліянья, и неспособенъ былъ, хотя онъ и подтрунивалъ въ своихъ делешахъ надъ скорослѣпностью австрійско-русскаго союза, надъ легкомысленностію русскаго уполномоченнаго Стахіева, будто бы плохо знавшаго истинное положеніе военныхъ силъ Турціи; трунилъ и надъ невозможностію дѣятельнаго вѣншательства въ восточную политику со стороны Франціи, въ силу того правила что „когда свой домъ горить, тогда не до того чтобы бѣжать тушить пожаръ у сосѣда“; въ сущности же онъ самъ болѣе чѣмъ кто другой находился въ глупомъ положеніи.

Весьма естественно что Порта сперва заартачилась и начала подыскивать себѣ союзниковъ и отчасти нашла ихъ въ Испаніи и Швеціи. Съ первою въ сентябрѣ 1782 былъ заключенъ просто торговый договоръ, а подъ рукою раслуценъ былъ слухъ что Испанія въ силу этого договора обязалась не пропускать русскаго флота чрезъ Гибралтарскій проливъ въ случаѣ новой войны Россіи съ Турціей. Но потомъ раскрылось что это была дипломатическая утка, которой, замѣтимъ кстати, повѣрилъ и порадовался и самъ Фридрихъ Великій. На время и это все-таки немного затормозило рѣшеніе вопроса. А все-таки въ концѣ концовъ Порта, видя конечно свое безнадежное одиночество, уступила требованіямъ Россіи, подписавъ въ іюнѣ 1783 года торговый договоръ, предоставившій весьма крупныя выгоды для русской торговли и политики. Но такъ какъ это еще не составляло конечной цѣли политики Петербургскаго кабинета, то, полагаясь на благоприятность момента, онъ пошелъ далѣе и приступилъ

къ окончательному рѣшенію вопроса о присоединеніи Крыма. Дѣло велось такимъ образомъ что сперва Крымъ былъ занятъ войсками, а потомъ уже императрица вмѣсто ультиматума препроводила въ Константинополь своему уполномоченному, г. Булгакову, свой манифестъ отъ 8 апрѣля 1783 года, въ которомъ просто-на-просто объявляла о присоединеніи Крыма къ русскимъ владѣніямъ какъ о совершившемся фактѣ. А обстоятельства, въ самомъ дѣлѣ, благоприятствовали. Франція, сперва науськивавшая Порту противъ Россіи, теперь, напротивъ, въ лицѣ своего представителя Семъ-При совѣтовала той же самой Портѣ уступить Россіи и Крымъ, и Кубань, лишь бы избѣжать новой кровопролитной войны и выиграть будто бы время для подготовки къ серьезному сопротивленію въ послѣдствіи. Англійскій посланникъ г. Эйнсли тоже насылъ на калуданъ-пашу, склоняя его дѣйствовать въ примирительномъ духѣ относительно Россіи и добился того что Турки пошли на компромиссъ. Начались конференціи въ Айвелы-Кавакъ для выслушанія заявленій русскаго уполномоченнаго и жаркіе дебаты въ засѣданіяхъ дивана при обсужденіи этихъ заявленій. Эйнсли, можно сказать, распынался за Русскихъ во время этихъ преній, такъ что подъ конецъ просто надоѣлъ всѣмъ, не только Туркамъ, но даже и Русскимъ, тѣмъ болѣе что императрица Екатерина терпѣть не могла никакого, хотя бы даже и благожелательнаго, сторонняго вмѣшательства въ свои международныя отношенія. А въ настоящемъ случаѣ это усердіе было совсѣмъ излишне: достаточно было совмѣстнаго давленія на Порту русскаго уполномоченнаго и австрійскаго интервенція чтобы добиться отъ нея желаемаго.

Когда Булгаковъ и интервенціи потребовали отъ Порты немедленнаго и категорическаго отвѣта, то воинственная партія подвѣла было гвалтъ; но все-таки въ концѣ должна была уступить благоразумію партіи мирной, совершенно резонно утверждавшей что возня и нявчанье съ крымскими Татарами ничего кромѣ бесполезныхъ тратъ да тщетныхъ хлопотъ имѣ, Туркамъ, не приносятъ. Въ результатъ получилась Айвели-Кавакскій договоръ, заключенный между Турціей и Россіей 8 января 1784 на тѣхъ основаніяхъ на какихъ хотѣлось послѣдней.

Пока тянулись эти тревожные переговоры Булгакова съ Портой, пока представители другихъ великихъ державъ,

Франціи, Австріи и Англіи, такъ или иначе помогали скорѣйшей и мирной развязкѣ натянутыхъ отношеній между Россіей и Портою, съ явнымъ участіемъ къ интересамъ первой, прусскій уполномоченный, г. Гаффрионъ, съ одной стороны, самъ игралъ довольно комическую роль, а съ другой—сознательно или безсознательно морочилъ своего короля, твердя въ своихъ депешахъ о престижѣ Пруссіи и о томъ какъ Турки пристають къ нему съ заключеніемъ союза. А Фридрихъ издалека и впрямь вѣрилъ словамъ Гаффриона и, опасаясь какъ бы такимъ чрезмѣрнымъ и ужъ будто бы для цѣлаго міра очевиднымъ вліяніемъ на Турокъ не навязать себѣ неприяностей отъ Россіи, только и упрашиваетъ Гаффриона сдерживаться до поры до времени и не злоупотреблять своимъ вліяніемъ. Это презабавная комедія. А между тѣмъ по всему видно что Турки какъ только замѣтили что отъ Пруссіи имъ не будетъ никакого толку, махнули рукой на Гаффриона и игнорировали его. Онъ, всего вѣрнѣе, даже не былъ ни *сoutant* всего того что возлѣ него дѣлалось, потому что тогда драгоманъ его не могъ по болѣзни присутствовать на собраніи у реиса-эфенди для выслушанія формальнаго объявленія о состоявшемся Айнели-Кавакскомъ договорѣ, и когда хотѣли было сообщить объ этомъ письменно прусскому представителю, то реисъ-эфенди счелъ это вовсе ненужнымъ, сказавъ что тутъ идетъ такое дѣло, „которое касается только Россіи да Порты“. Чего же яснѣе? И вотъ когда русская политика восторжествовала, то Гаффрионъ, основываясь впрочемъ на какомъ-то намекѣ драгомана Порты, прямо приписалъ этотъ успѣхъ миссіи Булгакова и привезеннымъ имъ съ собою рублямъ, которые почтенный нѣмецкій историкъ считаетъ даже милліонами, забывая что всѣ Татары-то крымскіе не стоили того чтобы за нихъ платиться такими очевъ крупными для того времени суммами. Впрочемъ Гаффрионъ не совсѣмъ же былъ простъ: онъ нѣкоторыя бумажки, предназначавшіяся для предъявленія Портѣ, преспокойно припрятывалъ; такъ по крайней мѣрѣ онъ поступилъ съ тѣмъ *ordre immédiat* Фридриха въ которомъ тотъ велитъ Гаффриону постараться убѣдить верховнаго визира повременить немного заключеніемъ союза по такимъ-то и такимъ-то неблагоприятнымъ обстоятельствамъ. Гаффрионъ уведомилъ свое правительство что онъ еще въ концѣ ноября 1783 года сообщалъ Портѣ свою меморію въ этомъ духѣ;

а въ послѣдствіи она оказалась преспокойно лежавшею въ дѣлахъ посольства и въ мартѣ 1785 года препровождена въ Берлинъ при делѣхъ преемникомъ Гаффрона, г. Децемъ.

Это комическое положеніе и Гаффрона и самого Фридриха очевидно было своевременно понято русскими дипломатами и еще было усугублено пущенною ими въ ходъ мистификаціей. Мистификація состояла въ томъ что Булгаковъ, сообщая своему правительству будто бы довѣренный короля Прусскаго вмѣстѣ со своимъ драгоманомъ самымъ рѣшительнымъ образомъ дѣйствуютъ во вредъ русскимъ интересамъ, уговаривая Порту не соглашаться на уступку Крыма и Кубани, въ то же время весьма ясно выражалъ свою увѣренность въ совершенной безвредности Гаффрона для цѣлей своей миссіи. Петербургскій же кабинетъ ухватился за это и, притворившись что онъ разобиженъ такимъ поведеніемъ дипломатовъ дружественнаго государства, началъ лезать графу фонъ-Гёртцу, а тотъ въ свою очередь сообщалъ эти укоризненные разговоры королю своему. Ясно что Петербургскій кабинетъ, обезпечившись въ успѣхъ своего дипломатическаго похода, хотѣлъ воспользоваться случаемъ безо всякой потери для себя, такъ-сказать дипломатически подтрунить надъ Фридрихомъ, который тогда былъ не прочь слишкомъ уже много брать на себя какъ на посредника въ дипломатическихъ недоразумѣніяхъ, чего терпѣть не могла относительно себя императрица Екатерина II. „Tief blickende Politiker“, какъ называетъ Фридриха г. Цинкейзенъ, однако же не замѣтилъ мистификаціи и сталъ завѣрять Петербургскій кабинетъ что ни Гаффрону, ни Франколуло онъ никогда не приказывалъ предлагать Туркамъ какую-либо помощь или возбуждать ихъ противъ Россіи; что калуданъ-лаша и другіе министры Порты, напротивъ, ему часто навязывались съ союзомъ, да онъ отклонялся отъ этого; что онъ готовъ подтвердить свои завѣренія подлинными делешами. Онъ терялся въ догадкахъ кто бы могъ изобрѣсти эту ложь: то подозрѣвалъ турецкихъ министровъ, то, соглашаясь съ заявленіями Русскаго двора, будто бы получившаго эти свѣдѣнія отъ калуданъ-лаши, ругалъ этого послѣдняго за его продажность; то, наконецъ, считалъ это австрійскою пнтригой. Самымъ сильнымъ оправдательнымъ доводомъ у него служило то обстоятельство что будто бы драгоманъ Порты еще въ самый моментъ заключенія Айнелы-

Кавакскаго договора увѣрялъ Гаффона что диванъ никогда бы не согласился на такой договоръ, еслибъ онъ могъ разчитывать на союзъ съ Пруссiей. Словомъ сказать, Фридрихъ всюду искалъ источника взведенныхъ противъ его дипломатiи обвиненiй, только не тамъ гдѣ онъ дѣйствительно находился.

Что Булгаковъ вообще не могъ видѣть въ прусскомъ посланникѣ серьезнаго противника своимъ планамъ, это явствуетъ изъ тѣхъ отзывовъ въ которыхъ онъ рисуетъ своему правительству дипломатическую роль Гаффона, насколько они сохранились въ относящихся сюда официальныхъ документахъ нашего Государственнаго Архива. Вотъ что писалъ Булгаковъ въ февралѣ мѣсяцѣ 1782 года по поводу слуха пропеснагося въ Перѣ о раздѣлѣ Турцiи, на что будто бы императрица Екатерина согласилась съ Австрiйскимъ императоромъ, предоставивъ Прусскому королю взять часть Польши. „Сей слухъ“, говоритъ Булгаковъ, „носится только между министрами по Перѣ и кажется вышелъ отъ французскаго посла. Интернунциусу (австрiйскому посланнику) весьма желалось узнать, не чинить ли какихъ по сему вѣщенiй у Порты находящiйся здѣсь повѣренный въ дѣлахъ прусскiй Гаффонъ? И не могли въ томъ преуспѣть, просилъ меня чтобы развѣдалъ я. Я всѣ старанiя употребилъ, но ниже слѣда тому не могъ примѣтить, а увѣрился при семъ случаѣ въ томъ что *Гаффонъ не малѣйшаго кредита у Порты не имѣетъ*, что съ начала адресовалась она къ нему для разныхъ объясненiй; но видя что на все отвѣчаетъ онъ ссылаясь только на газеты и заключая по тому что отъ государя никакихъ наставленiй не получаетъ, перестала уже давно спрашивать его о случающихся въ Евролѣ происшествiяхъ“.*

Затѣмъ о Гаффонѣ совсѣмъ не упоминается Булгаковымъ въ самыхъ подробныхъ его донесенiяхъ, хотя очень часто онъ ведетъ рѣчь о вѣнскомъ интернунциусѣ, о французскомъ и испанскомъ послахъ, объ англiйскомъ и даже шведскомъ

* Сношенiя Россiи съ Турцiей. Журналъ константинопольскихъ происшествiй и новостей. Реляцiя № 1 (связка № 41 и 42). Эти и дальнѣйшiя извлеченiя изъ дѣлъ Государственнаго Архива, хранящихся въ Москвѣ, сдѣланы по нашей просьбѣ нашимъ коллегой, доцентомъ С.-Петербургскаго университета Н. И. Веселовскимъ, за что и считаемъ долгомъ выразить ему свою признательность. *Лет.*

повѣренныхъ въ дѣлахъ. Наконецъ и вообще въ донесеніяхъ своихъ Булгаковъ не жалуется ни на одного посла, а говорить что они ничего не знаютъ, потому что переговоры между нимъ и репсъ-эфенди ведутся въ чрезвычайной тайнѣ.*

Въ донесеніи отъ 1 декабря 1872 года Булгаковъ иронически называетъ Гаффрона *прусскимъ политикомъ*, по поводу сношеній его съ французскимъ посломъ. „Между тѣмъ“, пишетъ Булгаковъ, „Гаффровъ началъ посылать часто къ Портѣ своего переводчика, но знать еще нельзя, какія дѣлаетъ внушенія, кои впрочемъ и противны были намъ, но по малой къ нему довѣренности, опасны кажутся теперь быть не могутъ; ибо не подкрѣплены французскою политикою.“

Только въ началѣ 1783 года Булгаковъ началъ обращать вниманіе на поведеніе Гаффрона, и то не столько съ безпокойствомъ заинтересованнаго дѣятеля, сколько съ любопытствомъ посторонняго наблюдателя. Такъ въ реляціи изъ Перы отъ 1 (12) февраля 1783 читаемъ слѣдующее: „Прусскій повѣренный Гаффровъ продолжаетъ свои происки попрежнему, но новый началъ употреблять родъ внушеній. Представилъ Портѣ что Вѣвскій дворъ великую беретъ силу при дворѣ вашего императорскаго величества и конечно доведетъ его до разрыва съ Портой и домогался *чтобы сія послѣдняя королю, его государю, дала знатную сумму денегъ, для подкрѣпленія въ Петербургъ нужныхъ людей* и для переселенія вѣвской инфлюенціи прусскою. Порта, какъ до меня дошло, поблагодарила ему за столь усердное объ ея интересахъ попеченіе, а на требованіе сказала что теперь ничего точнаго отвѣчать на оное не можетъ, но впредь по настоянію нужды подумать о томъ не оставитъ. *Сей поступокъ удивителенъ въ челоуѣкѣ который самъ совершенно знаетъ что здѣсь покупается все за наличныя деньги и ничего не продается*.“**

Подчеркнутыя слова особенно замѣчательны: они какъ нельзя болѣе характеризуютъ жалкую роль прусскаго дипломата, предложеніе котораго едва ли могло внушить Туркамъ уваженіе не только лично къ нему, но и къ представляемому имъ Прусскому правительству, выпрашивающему у Порты денегъ на веденіе своихъ дипломатическихъ происковъ. Это вмѣстѣ

* Донесеніе 1 (14) августа 1782 года изъ Буюкъ-Дерѣ.

** Дѣла за 1783 годъ. Связка № 44.

свидѣтельствуемъ о сметливости и нашего Булгакова, который понималъ положеніе дѣлъ въ Портѣ и зналъ цѣну Гаффрону, когда выражался о немъ въ такомъ родѣ: „прусскій повѣренный Гаффронъ вѣраетъ между тѣмъ и Порту и тѣхъ *кто его слушать хочеть*, но подъ рукой, что разрывъ воспослѣдуетъ непремѣнно... Самой же Портѣ по полученіи каждой вѣнской почты возобновляетъ совѣты о слабевніи границъ войсками, артиллеріей и приласами.“ *

Разъ только Булгаковъ, вообще всегда кратко говорившій о Гаффронѣ, посвятилъ ему цѣлое донесеніе, 1 (12) августа, изъ Буюкъ-Дерэ, а именно:

„По заготовленіи севоднишнихъ моихъ всеподданѣйшихъ доношеній и при самомъ уже отправленіи курьера, получилъ я вѣрное извѣстіе что Гаффронъ подалъ Портѣ меморіаль. Содержаніе оваго въ томъ состоитъ что оба императорскіе двора имѣютъ точно непріятельскіе виды противъ Порты и совершенно намѣрены разорвать съ нею миръ: почему бесполезно ей соглашаться на ихъ притязанія, ибо получая одно, стануть они требовать отчасу больше, и наконецъ Порты, сколько бы имъ ни уступала, принуждена будетъ прибѣгнуть къ отпору оружіемъ; слѣдовательно лучше теперь за оное приняться, нежели, оказавъ соглашеніемъ на все свою слабость, рѣшиться на войну когда уже время къ тому способное потеряно будетъ.

„Не могли мнѣ сказать, *именемъ ли своего двора, или только однимъ своимъ подалъ онъ сей меморіаль*; но первое кажется вѣроятнѣе. Онъ конечно получилъ новыя повелѣнія, но какою дорогою, не предуслѣлъ я еще доискаться; думаю же что пакетъ приславъ чрезъ Польшу въ Яссы, а оттуда съ какимъ ни есть нарочнымъ. Сіе дѣло причиною частаго хожденія по Портѣ его драгомана. Не знаю еще что ему отвѣтствовано, и трудно оное узнать: но севодни же случайно свѣдалъ я отъ вѣрнаго человѣка что визирь, разсуждая съ однимъ своимъ пріятелемъ о новомъ сего (семъ) подвигѣ Прусскаго короля, турецкою пословицею отозвался къ нему: *Cet homme ne cherche allumer le feu que pour se chauffer.*

„Въ семъ положеніи дѣла и чтобы склонить скорѣе Порту войтить въ его виды, вѣроятнымъ должно казаться что Прусскій король предложилъ при семъ случаѣ яко приманку какой ни есть новой съ Портою союзъ, обѣщая ввести въ оной

* Ibidem. Реляція изъ Перы отъ 15 (26) февраля 1783 года.

и другія державы: *по вѣльз однакожь моимъ свидѣніямъ не вѣлю я причины заключать чтобы таковое предложеніе Порты отъ Гаффона было учинено*, или по меньшей мѣрѣ непримѣтно еще съ ея стороны на оное податливости.

„Вашего императорскаго величества всеподданѣйшій рабъ Яковъ Булгаковъ.“ *

Мы видимъ тутъ что Булгаковъ, донося о поджигательныхъ дѣйствіяхъ Гаффона, въ то же время лутается въ догадкахъ относительно того, насколько Гаффонъ тутъ самостоятеленъ и насколько служитъ только орудіемъ самого короля, завѣренія котораго предъ Петербургскимъ кабинетомъ въ непричастности къ поступкамъ своего повѣреннаго такимъ образомъ находятъ себѣ поддержку и въ нервѣшительномъ тонѣ донесенія Булгакова.

Но вслѣдъ за этимъ донесеніемъ находимъ въ дѣлахъ Булгакова цѣлый рядъ упоминаній о Гаффонѣ самаго невыгоднаго для него свойства. Въ донесеніи изъ Буюкъ-Дерэ отъ 15 (26) августа Булгаковъ вскользь замѣчаетъ: „О Гаффонѣ новаго ничего я не свѣдала. Можетъ-быть послѣднія его представленіи не болѣе прежнихъ подѣйствовали.“ Въ донесеніи отъ 1 (12) сентября читаемъ опять: „На сихъ дняхъ прусской повѣренной жаловался одному изъ его подчиненныхъ что посоль (то-есть французскій посоль) ни о чемъ съ нимъ не свосится и ничего ему не сообщаетъ, хотя дворы ихъ въ тѣсной дружбѣ и они бы дѣйствовать должны соединенными силами.“ Наконецъ въ донесеніи отъ 1 (12) октября находится такая замѣтка о Гаффонѣ. „Прусской повѣренный въ дѣлахъ такожь приунылъ. Внушеніи его кажется никакого успѣха не имѣли. Начинаеть онъ жаловаться на свое *состояніе*, которое въ самомъ дѣлѣ *довольно жалею по малому кредиту въ дѣлахъ и по домашнему недостатку*, и говоритъ что бывший здѣсь посланникъ Зеглинъ ищетъ отнять у него мѣсто, и набивается посланъ быть сюда министромъ“. **

Понятно что, разъ потерявъ кредитъ, Гаффонъ не могъ потомъ свискать вновь къ себѣ довѣрія и вліять на ходъ политики поведенной Булгаковымъ съ Портой. Поэтому хотя въ концѣ 1783 года мы и встрѣчаемъ еще одно донесеніе Булгакова о томъ что будто Гаффонъ возобновилъ

* Дѣла 1783. Связка № 46.

** Ibidem.

свои интриги, но что этотъ фактъ не заключалъ въ себѣ ничего для Булгакова серьезнаго, это видно изъ того что онъ потомъ въ послѣднихъ своихъ донесеніяхъ за 1783 годъ очень пространную ведетъ рѣчь о дипломатическихъ агентахъ другихъ дворовъ, о Гаффронѣ же вовсе не упоминаетъ. Вотъ, между прочимъ, это мѣсто изъ донесенія Булгакова, гдѣ онъ говоритъ о подвигахъ Гаффрона: „Пера, 1 (12) декабря. Дошло до моего свиданія отъ вѣрныхъ, кажется, людей что Гафронъ, употребляя всѣ позволенные и непозволенные слособы для приведенія Порты до разрыва, возобновилъ прежніе свои происки объ извѣстномъ союзѣ, и будто объявилъ что король, его государь, готовъ теперь оной заключить ежели Порта склонитъ къ тому Францію, а что онъ одинъ не возьметъ на себя столь тяжкаго бремени. Толкуетъ онъ такожъ, *когда найдетъ кому*, что всякое снисхожденіе Порты ей безславно, безчеститъ ее предъ лицомъ свѣта, и можетъ ободрить оба императорскіе двора къ новымъ покушеніямъ, а что присоединеніе Крыма есть не что иное какъ преддверіе конечнаго разрушенія Оттоманской въ Европѣ имперіи. Пронеслась было здѣсь молва, хотя между малымъ числомъ людей, что Порта заключаетъ трактатъ съ Сардинскимъ королевемъ, но не нашель я тому до нынѣ никакого основанія, а станется что тотъ же Гафронъ разлустил оную, полагая что можетъ набрать въ свой союзъ участниковъ какъ государь его набираетъ рекрутъ.“ *

Чего же лучше доказательства какое мы находимъ во всѣхъ вышеприведенныхъ документальныхъ данныхъ что обвиненіе прусской дипломатіи въ противодѣйствіи видамъ Петербургскаго кабинета было преувеличенное, и притомъ преувеличенное съ намѣреніемъ; что это была просто мистификація лущенная самимъ же Петербургскимъ кабинетомъ. Это предположеніе подтверждается кромѣ того еще и тѣмъ фактомъ что Остерманъ и Безбородко, выражая графу Гѣртцу неудовольствіе императрицы на образъ дѣйствій Гаффрона, сперва говорили что свиданіе объ этомъ получено было Булгаковымъ отъ калуданъ-лаши, а потомъ чрезъ нѣсколько времени утверждали что вовсе не отъ него; наконецъ, насколько энергически Петербургскій кабинетъ вначалѣ выставлялъ свои обвиненія противъ Гаффрона, настолько же быстро и рѣшительно

* Ibidem.

потомъ отказался отъ этихъ обвиненiй, даже просилъ совершенно забыть это дѣло и ходатайствовалъ предъ Фридрихомъ о томъ чтобъ онъ и не подозрѣвалъ своихъ повѣренныхъ въ Константинополѣ, хотя разъясненiя представленныя по поводу всѣхъ этихъ недоразумѣнiй Фридрихомъ нельзя сказать чтобы были особенно удовлетворительны. Такъ какъ вся эта будто бы вредная политика Гаффона была чистою выдумкой, то, слѣдовательно, не было надобности и въ серьезныхъ оправданiяхъ: вреда отъ этой мастификации не было, а Фридриху дана была острастка—не очень ужъ вмѣшиваться въ восточную политику Россiи. А что Булгаковъ нашъ совсѣмъ не могъ подозрѣвать Гаффона въ противодѣйствiи себѣ, а если и подозрѣвалъ, то притворно, по приказанiю своего же правительства, это достаточно явствуетъ изъ того далеко незавиднаго положенiя въ которое поставилъ себя Гаффонъ, благодаря своему безденежью, въ глазахъ русской дипломатии въ Константинополѣ. Когда Фридрихъ все же рѣшилъ отозвать Гаффона, то оказалось что Гаффонъ кредитовался между другими лицами и у русскихъ дипломатовъ: у Стасьева онъ занялъ подъ расписку 1.500 пiастровъ, а Булгаковъ возвратилъ ему эту расписку, сверхъ того подарилъ ему 1.800 пiастровъ деньгами и карету, которую Гаффонъ тутъ же продалъ за 500 пiастровъ, да еще обѣщалъ ему доставить хорошее мѣсто въ Петербургѣ, еслибъ онъ не захотѣлъ продолжать свою службу въ Берлинѣ. Все это подтвердилось разслѣдованiями преемника Гаффонова, г. Дица. Есть ли послѣ этого хоть какая-либо возможность допустить одновременно такiя отношенiя между Гаффономъ и Булгаковымъ и враждебность въ дѣлахъ политики, которая послужила предметомъ жаркихъ препирательствъ Петербургскаго и Берлинскаго кабинетовъ? Ясно что враждебность была мнимая. А между тѣмъ какъ Фридрихъ былъ радъ, когда возникшее по поводу Гаффона недоразумѣнiе уладилось! Онъ благодарилъ своего петербургскаго посланника, графа Гѣртца, за услѣшное улаженiе этого недоразумѣнiя.

Но за всю эту кутерьму заплатилъ одинъ Гаффонъ, который очевидно только тѣмъ и держался что морочилъ Фридриха своими лживыми делешами. Ужь и раньше король ставилъ ему на видъ неудовлетворительность и крайнюю лживость его делешъ и подозрѣвалъ что тотъ его обманываетъ, ибо въ то время какъ вся Европа давно трактовала

о требованіяхъ предъявленныхъ Бугаковымъ Портѣ насчетъ Крыма, Гаффонъ ни однимъ словомъ не заикался въ своихъ дельсахъ объ этомъ весьма важномъ дипломатическомъ шагѣ Россіи. А теперь, встревоженный мистификаціей, Фридрихъ должно-быть сталъ докапываться до истиннаго положенія вещей; но, не желая явно скомпрометтироваться предъ остальною европейскою дипломатіей внезапнымъ отозваніемъ Гаффона, рѣшилъ сдѣлать это безъ скандала и выставилъ мотивомъ свое желаніе „доказать Россіи что Гаффонъ въ тѣхъ поступкахъ въ которыхъ обвиняютъ его дѣйствовалъ самовластно“ и, слѣдовательно, переступилъ предѣлы полномочій заключавшихся въ его инструкціяхъ. Итакъ рѣшено было Гаффона отозвать, а въ преемники ему, до его возвращенія, посланъ былъ въ Константинополь Гейнрихъ Фридрихъ Дипъ, съ именемъ котораго связано послѣднее усиліе Пруссіи занять прочное положеніе въ восточныхъ дѣлахъ, кончившееся опять-таки неудачей.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

В. СМІРНОВЪ.

КОРОЛЬ ЮАННЪ

ДРАМА ШЕКСПИРА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

Дѣйствующія лица:

- Король ЮАННЪ.
Принцъ ГЕНРИХЪ, сынъ его, въ послѣдствіи король ГЕНРИХЪ III.
АРТУРЪ, герцогъ бретонскій, сынъ Готфрида, покойнаго герцога бретонскаго, старшаго брата короля Юанна.
УИЛЬЯМЪ МАРШАЛЪ, графъ ПЕМБРОКЪ.
ДЖЕФФРИ ФИСЪ-ПИТЕРЪ, графъ ЭССЕКЪ, верховный судья Англіи.
УИЛЬЯМЪ ЛОНКОРДЪ, графъ СОЛСБЕРИ.
РОБЕРТЪ ВИГОТЪ, графъ Норфокъ.
ГУБЕРТЪ ДЕ-БУРГЪ, камергеръ короля.
РОБЕРТЪ ФОКЕНБРИДЖЪ, сынъ сэръ-Роберта Фокенбриджа.
ФИЛИППЪ ФОКЕНБРИДЖЪ, сводный братъ его, побочный сынъ короля Ричарда I Львиного-Сердца, прозванный ПОБОЧНЫМЪ.
ДЖЕМСЪ ГЭРНЕЙ, слуга леди Фокенбриджъ.
ПИТЕРЪ изъ ПОМФРЕТА, пророкъ.
ФИЛИППЪ, король французскій.
ЛУДОВИКЪ, дофинъ, въ послѣдствіи король Лудовикъ VIII.
ЭРЦГЕРЦОГЪ АВСТРІЙСКІЙ.
КАРДИНАЛЪ ПАНДУЛЬФО, папскій легатъ.
МЕЛОНЪ, французскій дворянинъ.
ПАТИЛЬЙОНЪ, французскій посолъ къ королю Юанну.
КОРОЛЕВА ЭЛЕОНОРА, вдова короля Генриха II и мать короля Юанна.
КОНСТАНСА, мать Артура.
БЛАНКА, дочь Альфонса, короля кастильскаго, племянница короля Юанна.
ЛЕДИ ФОКЕНБРИДЖЪ, мать Побочнаго и Роберта Фокенбриджа.
Лорды и леди, граждане Анжера, шерифъ, герольды, офицеры, солдаты, гонимы, прислужники и пр.
Дѣйствіе — частью въ Англіи, частью во Франціи.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Нортгемптонскъ. Тронная зала во дворцѣ.

Входятъ КОРОЛЬ ІОАННЪ, КОРОЛЕВА ЭЛЕОНОРА, ПЕМБРОКЪ,
ЭСЕКСЪ, СОЛСБЕРИ и другіе съ ШАТИЛЬЙОНОМЪ.

КОРОЛЬ ІОАННЪ.

Ну, Шатильйонъ, скажи, чего отъ насъ
Желаеть Франція?

ШАТИЛЬЙОНЪ.

Король французскій
Привѣтствуетъ и здѣсь, въ моемъ лицѣ,
Такъ говоритъ величеству, взятому
Взаймы у Англіи...

КОРОЛЕВА ЭЛЕОНОРА.

Взаймы взятому
Величеству?... престранное начало!

КОРОЛЬ ІОАННЪ.

Нѣтъ, матушка, дослушаемъ посла.

ШАТИЛЬЙОНЪ.

Король Филиппъ отъ имени Артура
Плавтагенета, что рожденъ Готфридомъ,
Твоимъ локойнымъ братомъ, предъявляетъ
Законнѣйшее право на весь этотъ
Прекрасный островъ съ областями: Меномъ,
Ирландіей, Анжу, Потье, Туренемъ,
И требуетъ, чтобъ ты, сложивши мечъ,
Такъ незаконно взявшій эти земли,
Вручилъ его Артуру, твоему
Племяннику и вмѣстѣ съ тѣмъ монарху.

КОРОЛЬ ІОАННЪ.

А если мы откажемъ, что затѣмъ?

ШАТИЛЬЙОНЪ.

Затѣмъ — свирѣлый натискъ грозной брани
Чтобъ вырвать силою взятое силой.

КОРОЛЬ ЮАННЪ.

Такъ вотъ отвѣтъ: за бранью ждите брань,
За кровью кровь, насилье за насильемъ.

ШАТИЛЬЙОНЪ.

Прими жь изъ устъ моихъ Филипповъ вызовъ,
Какъ ультиматумъ моего посольства.

КОРОЛЬ ЮАННЪ.

Прими и мой, и удалися съ миромъ.
Будь молвией въ глазахъ Французовъ: прежде,
Чѣмъ принесешь ты къ нимъ объ этомъ вѣсть,—
Я буду тамъ и граву громомъ лущекъ.
Такъ съ Богомъ въ луть! Будь трубнымъ гласомъ гѣва,
Пророкомъ мрачнымъ вашего разгрома.
Графъ Пемброкъ, проводить посла съ почетомъ
И почестью. Прощайте, Шатильйонъ!

(Шатильйонъ и Пемброкъ уходятъ).

КОРОЛЕВА ЭЛЕОНОРА.

Ну, что, мой сынъ? Не я ли говорила
Что не смирится гордый духъ Кюстансы
До той поры, пока не запалитъ
Всю Францію, весь миръ войной за сына?
А это мы могли бы отвратить,
Легко уладить все миролюбиво.
И вотъ теперь двухъ королевствъ судьба
Должна рѣшиться страшной тратой крови.

КОРОЛЬ ЮАННЪ.

За насъ могущество, за насъ и право.

КОРОЛЕВА ЭЛЕОНОРА.

Могущество, но только, сынъ, не право;
Не то бы плохо было мнѣ съ тобой!
Такъ на ухо тебѣ моя тутъ шепчетъ совѣсть,
Но только Богъ, да ты, да я, ту слышимъ повѣсть.

*Входитъ шерифъ Норталитон-
скій и шепчетъ на ухо Эвексу.*

ЭССЕКСЪ.

Пришли съ неслыханной изъ графства тѣжбой
Истцы на судъ твой, государь. Ввести ихъ?

КОРОЛЬ ЮАННЪ.

Введи. *(Шерифъ уходитъ.)* Пусть наши
Монастыри съ аббатствами залатаютъ
Идержки на войну.

Входятъ ШЕРИФЪ съ РОБЕРТОМЪ ФОКЕНБРИДЖЕМЪ и ФИЛИППОМЪ, его побочнымъ братомъ.

Что вы за люди?

ФИЛИППЪ ПОБОЧНЫЙ.

Твой вѣроподданный. Я джентельменъ,
Изъ Нортамптона родомъ, старшій сынъ,
Какъ думаю, сэръ-Робертъ Фокенбриджа,
Что въ рыцари былъ посвященъ въ бою
Подателемъ почетовъ Львинымъ-Сердцемъ.

КОРОЛЬ ЮАННЪ (*Роберту*).

А ты?

РОБЕРТЪ.

Я сынъ и истинный наслѣдникъ
Того же Фокенбриджа.

КОРОЛЬ ЮАННЪ.

Какъ же это?

Онъ старшій сынъ, а ты прямой наслѣдникъ!
Вы стало-быть отъ разныхъ матерей?

ФИЛИППЪ ПОБОЧНЫЙ.

Нѣтъ, отъ одной; въ томъ, государь, нѣтъ спора,
И, думаю, отъ одного отца;
Но вѣрно ли и это, знаетъ небо,
Да мать моя, а я—какъ всякій сынъ—
Не вѣдаю.

КОРОЛЕВА ЭЛЕОНОРА.

Ахъ, грубый человекъ!

Не стыдно ли тебѣ позорить мать?
Ты честь ея чернишь такимъ сомнѣвьемъ.

ФИЛИППЪ ПОБОЧНЫЙ.

Я, королева? Нѣтъ; что мнѣ позорить?
Объ этомъ братъ хлопочеть, а не я.
И докажи онъ это, онъ отхватитъ,
По малой мѣрѣ, пятьсотъ фунтовъ въ годъ
Моихъ доходовъ. Да хранитъ же небо
Честь матери моей и мой доходъ!

КОРОЛЬ ЮАННЪ.

Вотъ удалецъ! Но если братъ онъ младшій,
Съ чего жь онъ хочетъ твоего наслѣдства?

ФИЛИППЪ ПОБОЧНЫЙ.

Съ чего—не знаю; видно чтобъ владѣть имъ!
Но онъ коритъ меня моимъ рожденьемъ.

Законно ли рожденья я, или нѣтъ,
 На голову пусть матери моей
 Падеть вина; но что рожденья недурно
 (Миръ надо мной трудившимся костямъ!)
 Судите сами, государь, случивъ
 Его лицо съ моимъ, окажите, могъ ли
 Старикъ сэръ-Робертъ насъ родить обоимъ?
 А если былъ отецъ онъ намъ обоимъ,
 И этотъ сынъ портретъ его,—о, Робертъ!
 Я на колѣнахъ прославляю Бога
 Что на тебя похожъ я такъ немного!

КОРОЛЬ ИОАННЪ.

Откуда къ намъ такой чудакъ явился?

КОРОЛЕВА ЭЛЕНОРА.

Въ немъ сходное есть что-то съ Львинымъ Сердцемъ...
 И голосомъ похожъ онъ на него.
 Взгляни, какъ онъ своимъ громаднымъ ростомъ
 Напоминаетъ сына моего.

КОРОЛЬ ИОАННЪ.

Въ его черты я вглядывался долго;
 Онъ вылитый Ричардъ. Скажи, пріятель,
 Съ чего ты требуешь владѣній брата?

ФИЛИППЪ ПОВОЧНЫЙ.

Съ того что онъ съ полъ-лица, какъ отецъ!
 Самъ съ полъ-лица, а хочетъ взять всю землю,
 Отнять дохода пятьсотъ фунтовъ въ годъ.

РОБЕРТЪ.

О, государь! Когда былъ живъ отецъ мой,
 Твой братъ бывалъ въ нѣрдкихъ съ нимъ сношеньяхъ...

ФИЛИППЪ ПОВОЧНЫЙ.

Ну, этимъ, сэръ, не выиграть намъ иска!
 Вы лучше разкажите намъ, въ какихъ
 Сношеньяхъ съ нимъ бывала наша мать.

РОБЕРТЪ.

И какъ-то разъ посломъ его отправилъ
 Въ Германію, для сдѣлокъ по дѣламъ
 Тогдашнимъ, къ императору. Король
 Воспользовался этимъ и, покуда
 Отецъ мой былъ въ отлучкѣ, жилъ у насъ
 Въ дому все время. Какъ прельстилъ онъ мать,

Стыжусь сказать, но правда, все же правда!
 Огромными морями былъ отрѣзанъ
 Отъ матери отецъ мой (какъ я слышалъ
 Самъ отъ него), когда зачать забавный
 Былъ этотъ сэръ. На смертномъ же одрѣ
 Отецъ въ духовной завѣщалъ мнѣ земли
 И умеръ, въ томъ увѣренный что этотъ
 Сынъ матери моей не сынъ его;
 А еслибы и былъ имъ, то родился
 На Божій свѣтъ задолго раньше срока.
 Такъ возврати жь мнѣ, государь, удѣлъ мой;
 Онъ мой! Онъ мнѣ отцомъ моимъ завѣщанъ.

КОРОЛЬ ЮАННЪ.

Довольно, другъ! Твой братъ законный сынъ:
 Онъ былъ рожденъ женою послѣ брака.
 А если ею твой отецъ обмануть,
 То мать види: вѣдь это рискъ для всѣхъ
 Кто женится. Скажи мнѣ, могъ ли братъ мой,
 Кѣмъ этотъ сынъ рожденъ, какъ увѣряешь,
 Отнять его у твоего отца?
 Повѣрь, мой другъ, отецъ твой отстоялъ бы
 Его предъ цѣлымъ свѣтомъ какъ теленка
 Своей коровы. Если же мой братъ,
 Будь онъ отцомъ его, надъ нимъ не властенъ,
 То и отецъ твой, хоть ему чужой,
 Не въ правѣ отвергать его. Итакъ,
 Ужь если сыномъ матери моей
 Былъ твоему отцу рожденъ наслѣдникъ,
 То и наслѣдникъ твоего отца
 Имѣетъ право на удѣлъ отцовскій.

РОБЕРТЬ.

Такъ мой отецъ не властенъ былъ наслѣдства
 Лишить того, въ комъ онъ не призналъ сына?

ФИЛИППЪ ПОВОЧНЫЙ.

Не властенъ, сэръ, такъ точно, какъ заставить
 Чтобъ я родился, если смѣю думать.

КОРОЛЕВА ЭЛЕОНОРА.

Чѣмъ хочешь быть—простымъ ли Фокенбриджемъ,
 Владѣть землей, какъ братъ твой, или сыномъ,
 Усыновленнымъ славнымъ Львинымъ Сердцемъ,
 Наслѣдникомъ величья, но безъ лева?

ФИЛИППЪ ПОВОЧНЫЙ.

Будь, королева, братъ мой схожъ со мной,
 А я, какъ онъ, сэръ-Роберту подобенъ;
 Имѣй, какъ онъ, я хлыстики, не ноги,
 И, вмѣсто рукъ, двѣ шкурки отъ угрей;
 Будь профиль мой такъ узокъ что не смѣлъ бы
 Я за ухо заткнуть изъ розы бавтикъ,
 Чтобъ не сказали: „Вотъ гулетъ фартукъ“;
 Владѣй при томъ и всѣмъ его имѣньемъ,—
 То не сойти мнѣ съ мѣста, королева,
 Когда солгу,—я отдаю бы всѣ земли
 Лишь бы имѣть мой образъ, взглядъ и любовь;
 Нѣтъ, не хочу тобою быть, сэръ-Нобъ!*

КОРОЛЕВА ЭЛЕНОРА.

Ты нравишься мнѣ очень! Брось всѣ земли,
 Отдай ихъ брату; самъ же вслѣдъ за мной
 Неси во Францію войны перуны.

ФИЛИППЪ ПОВОЧНЫЙ (Роберту).

Владѣй же, братъ, землей; а рабъ фортуны.
 Ты сталъ богатъ по милости лица,
 Хоть для него не сыщешь ты купца.
 А я на смерть за вами, королева.

КОРОЛЕВА ЭЛЕНОРА.

За мной? Нѣтъ, ты передъ лицомъ монаршимъ!

ФИЛИППЪ ПОВОЧНЫЙ.

Обычай мой—давать дорогу старшимъ.

КОРОЛЬ ЮАННЪ.

Какъ звать тебя?

ФИЛИППЪ ПОВОЧНЫЙ.

Филиппомъ, государь.

Да, я Филиппъ, твой рабъ, мой властелинъ,
 Сэръ-Роберта супруги старшій сынъ.

КОРОЛЬ ЮАННЪ.

Неси жь отнынѣ имя ты того
 Чей носишь обрѣзъ. Преклони, Филиппъ,
 Коленно, встань, и пусть узнаетъ свѣтъ
 Что ты сэръ-Ричардъ и Шлангагенетъ.

* Сокращенное Робертъ.

ФИЛИППЪ ПОВОЧНЫЙ.

Ну, по рукамъ, по матеря мой братъ!
 Я почестью, землею ты богатъ.
 Благословляю часъ, въ который волея рока
 Я былъ зачатъ когда сэръ-Робертъ былъ далеко.

КОРОЛЕВА ЭЛЕОНОРА.

Прямой Плантагенеть! Зови меня
 Своею бабушкой; ты ввукъ мой, Ричардъ!

ФИЛИППЪ ПОБОЧНЫЙ.

Хоть не совсѣмъ законно; что за дѣло?
 Немножко вкривь и далеко за край!
 Влѣзай въ окно, кто въ дверь войти не смѣеть;
 Кто днемъ боится, ночью тотъ гуляй;
 Какъ ни добыть, кто добылъ, тотъ имѣеть.
 Какъ ни стрѣльнулъ, лишь бы лопалъ стрѣлецъ,
 И я все я, ктобъ ни былъ мой отецъ.

КОРОЛЬ ЮАННЪ (*Роберту*).

Ну, Фокенбриджъ, владѣи землею удѣльной;
 Ты сквайръ съ землею, онъ рыцарь безземельный.
 Но, матушка, насъ Фраація зоветъ!
 За нами, Ричардъ! Намъ пора въ походъ.

ФИЛИППЪ ПОБОЧНЫЙ.

Прощай, мой братъ! Пусть счастье благосклонно
 Тебя хранитъ: вѣдь ты рожденъ законно.
(Уходитъ естъ кроль Филиппа Побочнаго).

Ну вотъ, на футъ разбогатѣвъ почетомъ,
 Я обдѣлалъ землею на сотни футовъ.
 За то теперь могу любую Джену
 Я сдѣлать дамой.—„Добрый день, сэръ-Ричардъ!“
 — Благодарю, мой милый!—И Петромъ
 Я вазову того чье имя Джорджъ;
 Вѣдь съ новыхъ почестей имевъ не помнать:
 Все это слишкомъ вѣжливо и чинно
 Для насъ, недавнихъ выскочекъ! Но вотъ
 И гость заморскій съ модной зубочисткой
 Является къ столу моей особы.
 И я, насытя рыцарскій свой голодъ,
 Вступаю, чистя зубы, въ разговоръ
 Съ заѣзжимъ франтомъ.—„Мой милѣйшій сэръ!“
 (Такъ на локоть опершись, начивая),

„Позвольте мнѣ спросить васъ“.—То вопросъ;
 А тамъ, какъ въ катехизисахъ, и мнѣ
 Даютъ отвѣтъ: „Я весь къ услугамъ вашимъ!
 Я вашъ слуга покорный.“—И опять
 Вопросъ: „Нѣтъ, сэръ; чѣмъ я могу служить вамъ?“
 Такъ, прежде чѣмъ отвѣтъ пойметъ вопросъ,
 Мы другъ предъ другомъ сыллемъ COMPLAIMENTS,
 Болтая всякій вздоръ о славномъ По,
 О Пиренеяхъ, Альпахъ, Апенниннахъ,
 Чтобъ вплоть до ужина убить тѣмъ время.
 И вотъ она, вотъ болтовня придворныхъ;
 Вотъ цѣль людей ползущихъ вверхъ какъ я!
 Тотъ сынъ побочный времени (какимъ
 Останусь я, какъ ни годись за свѣтомъ),
 Въ комъ нѣтъ не только смысла подражать
 Манерами, костюмомъ, вѣшней формой,
 Пустому тону высшаго сословья,
 Но и сердечной склонности струить
 Пресладко-сладкій адъ по вкусу вѣка.
 Все это нужно изучить не съ тѣмъ
 Чтобъ мнръ обманывать, но чтобъ въ обманъ
 Не власть и этимъ выправить стулельки
 Той лѣстницы гдѣ мнѣ придется лѣзть.—
 Но кто слышитъ сюда въ дорожномъ пластьѣ?
 Чтѣ за почтарь-жева? Да чтѣ жъ безъ мужа?
 Хоть потрудилася бъ рогомъ извѣстить
 Насъ о ея пріѣздѣ.

(Входятъ леди Фокенбриджъ и Дуселсъ Гёрной.)

Боже мой!

Да это мать моя! Скажите, леди,
 Зачѣмъ слышите ко двору? Чтѣ съ вами?

ЛЕДИ ФОКЕНБРИДЖЪ.

Гдѣ, гдѣ онъ, братъ твой? Гдѣ тотъ рабъ негодный,
 Чтѣ такъ бесчеститъ мать свою?

ФИЛИППЪ ПОВОЧНЫЙ.

Братъ Робертъ,
 Сынъ старика сэръ-Роберта, гигантъ
 Могучій Кольбрандтъ, многосильный мужъ?
 Такъ вы за нимъ, за Робертовымъ сыномъ?

г. слх.

ЛЕДИ ФОКЕНБРИДЖЪ.

Да, да, за нимъ! Да, грубиянъ, за сыномъ
Сэръ-Роберта? Что ты надъ нимъ глумишься?
Твой братъ и ты—сэръ-Роберта вы дѣти!

ФИЛИППЪ ПОВОЧНЫЙ.

Оставь, Джемсъ Гѣрней, на минуту насъ.

ГѢРНЕЙ.

Изволь, Филиппъ.

ФИЛИППЪ ПОВОЧНЫЙ.

Филиппъ? лалъ-лалъ! зови

Такъ веробьевъ. Сейчасъ не то услышишь.—*(Гѣрней
уходитъ.)*

Сударыня, сэръ-Робертъ—не отецъ мой!
Сэръ-Робертъ могъ бы часть свою во мнѣ,
Не оскормясь, съѣсть въ лятѣкъ великій.
Сэръ-Робертъ могъ трудиться; только врадъ ли
Онъ надо мной трудился: мы вѣдь знаемъ
Его издѣля! Матужка, скажите.

Кому обязавъ я за эти члены?

Вѣдь ногъ такихъ не могъ сработать Робертъ?

ЛЕДИ ФОКЕНБРИДЖЪ.

Такъ заодно ты съ братомъ? Хоть изъ выгодъ
Своихъ бы честь мою ты поберегъ?
Къ чему насмѣшки эти, дерскій рабъ?

ФИЛИППЪ ПОВОЧНЫЙ.

Не рабъ, а рыцарь, сущій Базилиско!
Меча ударомъ—ухъ, плечо какъ ломить!
Здѣсь посвященъ я въ рыцари. Нѣтъ, я
Не сынъ сэръ-Роберта. Я самъ отрекся
Отъ Роберта, отъ имени, помѣстья,
Законнаго рожденья—отъ всего.

Скажите жь, кто отецъ мой? Онъ, надѣюсь,
Былъ славный малый? Кто онъ, говорите?

ЛЕДИ ФОКЕНБРИДЖЪ.

Отъ имени отрекся Фокенбриджа?

ФИЛИППЪ ПОВОЧНЫЙ.

Да, всей душой и сердцемъ, какъ отъ бѣса.

ЛЕДИ ФОКЕНБРИДЖЪ.

Ты былъ рожденъ Ричардомъ Львинымъ-Сердцемъ.
Обольщена его любовью страстной.

Я приняла его на ложе мужа.
 О, да проотитъ мнѣ небо тяжкій грѣхъ!
 Ты былъ плодомъ любви моей преступной.
 Меня сломившей силой неотступной.

ФИЛИППЪ ПОБОЧНЫЙ.

Клянусь же солнцемъ, еслибъ вновь родиться
 Я долженъ былъ—къ чему отецъ мнѣ лучший!
 Есть и грѣхи достойные прощенья:
 Таковъ и твой! Твой грѣхъ не плодъ безпутства,
 Какъ дань покорности любви могучей,
 Свое ты сердце отдала тому,
 Съ чьей яростью и силой непомерной
 Не смѣлъ вступить и левъ безстрашный въ бой,
 Отъ чьей руки онъ царственного сердца
 Не уберегъ; у льва жь кто вырвалъ сердце.
 Тому похитить женское легко.
 Нѣтъ, матушка, благодарю тебя
 Отъ всей души я за отца такого!
 И кто дерзнетъ тебѣ вмѣнить въ развратъ
 Любовь твою, ту душу шлю я въ адъ.
 Пойдемъ къ моимъ, и съ ласкою привѣта
 Тамъ скажутъ всѣ: ты влала бѣ въ страшный грѣхъ,
 Страсть Ричарда оставивъ безъ отвѣта.
 И думать такъ я припеволю всѣхъ.

(Уходятъ.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

ФРАНЦІЯ. ПОДЪ СТѢНАМИ АНЖЕРА.

Входятъ, съ одной стороны, ЭРЦГЕРЦОГЪ АВСТРІЙСКІЙ, съ войскомъ; съ другой—КОРОЛЬ ФИЛИППЪ ФРАНЦУЗСКІЙ, съ войскомъ, ЛУДОВИКЪ. КОНСТАНСА, АРТУРЪ и свита.

ЛУДОВИКЪ.

Привѣтъ мой Австріи передъ Анжеромъ.
 Артуръ! Великій Ричардъ, предокъ твой,
 Тотъ что у льва изъ груди вырвалъ сердце
 И велъ войну святую въ Палестинѣ,

Былъ этимъ храбрымъ герцогомъ до срока
 Сведенъ во гробъ. Но, чтобы васъ исправить,
 Теперь пришелъ по вашей просьбѣ герцогъ
 Развить за честь твою, дитя, знамена
 И вырвать то что у тебя похитилъ
 Твой беззаконный дядя Ионасъ.
 Такъ обними жь его, люби и чествуй.

АРТУРЪ.

Богъ вамъ проститъ смерть Ричарда,—тѣмъ болѣ
 Что жизнь дарите вы его потомку,
 Права его прикрывъ крылами брани!
 Шаю вамъ привѣтъ бессильною рукою,
 Но сердцемъ полнымъ чистой къ вамъ любви.
 У стѣнъ Анжера мой привѣтъ вамъ, герцогъ!

ЛУДОВИКЪ.

Прекрасный отрокъ, кто жь тебя отвергаетъ?

ЭРЦГЕРЦОГЪ АВСТРІЙСКИЙ.

Кладу на лобъ твой жаркій поцѣлуй,
 Печать любви въ залогъ мною данной клятвѣ
 Что не вернусь домой пока Анжеръ
 И все, чѣмъ ты во Франціи владѣешь,
 Съ тѣмъ блѣднѣющимъ берегомъ, гдѣ волны
 Къ пятамъ его мчитъ съ ревомъ Океанъ,
 Отъ прочихъ странъ отторгши весь тотъ островъ,
 Пока вся Англія въ оградѣ моря,
 Вся эта твердь съ стѣной изъ волнъ, гдѣ ей
 Не страшны замыслы племенъ враждебныхъ,
 Пока весь дальній уголъ міра
 Тебя не встрѣтитъ королемъ; дотолѣ,
 Дитя мое, не положу оружья.

КОНСТАНСА.

Примите жь благодарность отъ вдовы,
 Отъ матери, покуда съ силой вашей
 Онъ не получитъ столько силъ что вамъ
 Воздастъ полнѣе за любовь.

ЭРЦГЕРЦОГЪ АВСТРІЙСКИЙ.

Миръ неба

Надъ тѣмъ, чей мечъ подъятъ въ столь правой брани!

КОРОЛЬ ФИЛИППЪ.

Такъ съ Богомъ къ дѣлу! Громъ орудій нашихъ
 Направимте къ разгрому гордыхъ стѣнъ.
 Велите лучшимъ людямъ въ ратномъ дѣлѣ
 Всѣмъ подступы къ Анжеру осмотрѣть.
 Мы царственныя кости сложимъ здѣсь,
 Пробьемся внутрь въ ручьяхъ французской крови,
 Но этотъ городъ привцу покоримъ.

КОНСТАНСА.

Нѣтъ, подождите что посоль вамъ скажетъ,
 Чтобъ понапрасну не багрить мечей.
 Изъ Англiи, быть-можетъ, Шатильйонъ
 Несетъ намъ миръ, пока мы брань готовимъ.
 Тогда раскаемся мы въ каждой каплѣ крови,
 Пролитой здѣсь съ послѣдностью безумной.

(Входитъ ШАТИЛЬЙОНЪ.)

КОРОЛЬ ФИЛИППЪ.

Не чудно ли, привцесса! Вотъ лишь только
 Сказала ты, какъ ужъ посоль явился.
 Ну благородный Шатильйонъ скажи,
 Но въ двухъ словахъ, въ чемъ Англiи отвѣтъ?

ШАТИЛЬЙОНЪ.

Скажу, покиньте этотъ жалкій пристуль:
 Для вашихъ силъ есть лодвигъ поважнѣе.
 Отвергнувъ правый искъ вашъ, Иоаннъ
 Идетъ войной на васъ. Противный вѣтеръ
 Мнѣ помѣшалъ; ему жъ помогъ въ одно
 Со мною время высадиться съ войскомъ.
 Неудержимо онъ идетъ къ Анжеру.
 Полки его сильны, солдаты храбры.
 Съ нимъ королева-мать какъ духъ раздора,
 Чтобъ разжигать въ немъ кровь враждой; при ней
 Племянница Иоанна Бланка; съ ними
 Побочный сынъ покойнаго Ричарда
 И вся лихая вольница страны,
 Сбродъ безшабашныхъ, лылкихъ добровольцевъ
 Съ щекнами дѣвушекъ, съ огнемъ драконовъ.
 Всѣ замки дома распродалъ и гордо
 Права родовъ взваливъ себѣ на плечи,
 Они идутъ вновь попытать здѣсь счастья.

Короче—лучшій выборъ смѣльчиковъ,
 Чѣмъ тотъ какой несетъ къ намъ флотъ британскій,
 Еще не лавитъ ни разу по волнамъ
 На пагубу и горе христіанства.

(*Барабанный бой.*)

Но дикій громъ ихъ грубыхъ барабановъ
 Ведитъ молчать. Смотрите, вотъ они
 Идутъ вступить въ переговоры или бой.
 Готовьтесь.

КОРОЛЬ ФИЛИППЪ.

Какъ неожиданно врагъ явился!

ЭРЦГЕРЦОГЪ АВСТРИЙСКІЙ.

Чѣмъ врагъ неожиданнѣе, тѣмъ въ насъ сильнѣй
 Онъ долженъ вызвать смѣлость для отпора:
 Вѣдь смѣлость крѣпнеть и растетъ съ бѣдой.
 Такъ пусть идутъ! Привѣтъ имъ; мы готовы.

Входятъ КОРОЛЬ ЮАННЪ, ЭЛЕОНОРА, БЛАНКА, ФИЛИППЪ ПО-
 БОЧНЫЙ, ПЕМБРОКЪ и войска.

КОРОЛЬ ЮАННЪ.

Миръ Франціи, когда насъ съ миромъ влуститъ
 Въ нашъ край исконный; если жъ нѣтъ, пусть льется
 Кровь Франціи; пусть миръ летитъ на небо;
 А мы, Господень гнѣвный бичъ, смиримъ
 Гордыню тѣхъ кто гонитъ миръ на небо.

КОРОЛЬ ФИЛИППЪ.

Миръ Англіи, когда съ войной отхлынетъ
 Отъ Франціи чтобъ Англіи дать миръ!
 Мы любимъ Англію и для нея
 Льемъ градомъ лютъ подъ тяжестью дослѣховъ,
 А этотъ трудъ твоимъ бы долженъ быть.
 Но ты такъ мало Англію щадишь
 Что подкопался подъ ея монарха,
 Расторгъ преемственный царей порядокъ
 И малолѣтство трона осмѣявъ,
 Честь дѣвственной короны олозорилъ!
 Смотри вотъ образъ брата твоего;
 Глаза, чело—все такъ, какъ у Готфрида.
 Онъ малый очеркъ все въ себѣ вмѣстилъ,
 Чтѣ умерло съ Готфридомъ, и рукой
 Время развить онъ будетъ въ длинный свитокъ.
 Готфридъ твой старшій братъ; вотъ сынъ Готфридовъ!

Тронъ Англіи—Готфридовъ тронъ по праву;
А онъ Готфридовъ сынъ! Такъ какъ же это
Случилось такъ что сталъ ты королемъ,
Когда живая кровь еще струится
Въ вискахъ того съ кого ты снялъ корону?

КОРОЛЬ ІОАННЪ.

А кто тебѣ далъ, Франція, высокий
Самъ судіи чтобъ звать меня къ отвѣту?

КОРОЛЬ ФИЛИППЪ.

Тотъ Судія верховный кто влагаетъ
Въ грудь каждаго законнаго монарха
Благую мысль блюсти законность правъ.
И тотъ къмъ мнѣ повѣренъ этотъ отрочъ,
Мнѣ власть даетъ винить тебя въ неправдѣ;
Онъ мнѣ поможетъ и казнить ее.

КОРОЛЬ ІОАННЪ.

Въ чужую власть облекся ты.

КОРОЛЬ ФИЛИППЪ.

Нисколько!

Я тѣхъ караю кто похитилъ власть.

КОРОЛЕВА ЭЛЕОНОРА.

Кто жь, Франція, скажи, похитилъ власть?

КОНСТАНСА.

Я дамъ отвѣтъ: ее твой сынъ похитилъ!

КОРОЛЕВА ЭЛЕОНОРА.

О наглая! Ужь не тебѣ ль съ твоимъ
Побочнымъ сыномъ властвовать надъ міромъ?

КОНСТАНСА.

Была вѣрна я сыну твоему,
Какъ своему ты мужу, и мой сынъ
Лицомъ сходивъ съ отцомъ своимъ Готфридомъ,
Чѣмъ Іоаннъ съ тобою правомъ; вы же
Сходны какъ дождь съ водой, какъ дьяволъ съ бѣсомъ.
Мой сынъ побочный? О клянусь душой,
Отецъ его не такъ рожденъ закономъ!
Вѣдь знаютъ всѣ что онъ рожденъ тобой!

КОРОЛЕВА ЭЛЕОНОРА.

Ну мать! Дитя, она отца безчестить!

КОНСТАНСА.

Ну бабка! Сынъ, она тебя повороть!

ЭРЦГЕРЦОГЪ АВСТРІЙСКІЙ.

Уймись!

ФИЛИППЪ ПОВОЧНЫЙ.

Чу! кричить герольдъ.

ЭРЦГЕРЦОГЪ АВСТРІЙСКІЙ.

Вотъ дьявольт!

ФИЛИППЪ ПОВОЧНЫЙ.

И онъ тебя по-дьявольски проучить
 Лишь попадись ему ты въ этой шкурѣ!
 Вѣдь заць ты; о зайцѣ жь ходитъ слухъ
 Что онъ такъ храбръ что щиплетъ львовъ за гривы,
 Но только—мертвыхъ! Эй, пріятель, бойся;
 Я проколчу твой мѣхъ, лишь попадись!

БЛАНКА.

И какъ къ нему идетъ одежда льва,

Что имъ у льва лохищена сперва!

ФИЛИППЪ ПОВОЧНЫЙ.

Она виситъ съ сливы его не хуже
 Чѣмъ пышный плащъ Алкидовъ съ плечъ осла.
 Твой грузъ, осель, сниму я въ первой встрѣчѣ
 И дамъ такой что затрепчатъ и плечи.

ЭРЦГЕРЦОГЪ АВСТРІЙСКІЙ.

Что за крикунъ? Онъ оглушилъ намъ уши

Такимъ избыткомъ словоизверженья!

Король Филиппъ, рѣшай, что предпринять?

КОРОЛЬ ФИЛИППЪ.

Глулцы и женщины, прервите споры!

Вотъ, Іоаннъ, нашъ искъ: всю Англію

Съ Ирландіей, Анжу, Турень и Мевъ

Я требую отъ имени Артура;

Отдай мнѣ ихъ и положи оружье.

КОРОЛЬ ІОАННЪ.

Нѣтъ, жизнь скорѣй! Тебя я презираю!

Артуръ Бретонскій, сдайся въ наши руки,

И—отъ любви моей получишь больше

Чѣмъ отъ трусливой Франціи руки.

Смирись, дитя.

КОРОЛЕВА ЭЛЕОНОРА.

Поди ко мнѣ, мой вучекъ!

КОНСТАНСА.

Поди, дитя; поди, мой милый, къ бабкѣ;
Отдай ей тронъ, и бабушка за то
Въ награду дастъ и сливъ, и фигъ, и вишень.
Вѣдь бабушка добра!

АРТУРЪ.

Постойте, мама!

Ахъ, лучше бь мнѣ скорѣй въ могилу лечь!
Не стою я чтобъ такъ за насъ шумѣли.

КОРОЛЕВА ЭЛЕОНОРА.

Онъ матери стыдится. Бѣдный, плачетъ!

КОНСТАНСА.

Стыдится ль, нѣтъ ли,—все же стыдъ тебя!
Не стыдъ за мать, а хитрой бабки злоба
Изъ бѣдныхъ глазъ его исторгли эти
Жемчужины любезныхъ небу слезъ.
И небо приметъ ихъ, какъ даръ. Да, эти
Кристаллы слезъ преклоняютъ небеса
Вамъ отомстить и дать ему защиту.

КОРОЛЕВА ЭЛЕОНОРА.

О, богохульница земли и неба!

КОНСТАНСА.

О ты, злодѣйка предъ землей и небомъ!
Я богохульница? Нѣтъ, ты и сынъ твой
Отняли тронъ, права и всѣ владѣнья
У бѣднаго ребенка! Онъ, рожденный
Твоимъ же старшимъ сыномъ, сталъ несчастливъ
Изъ-за тебя: твой грѣхъ на немъ казнител.
Законовъ кара пала на него,
Затѣмъ что онъ—второе лишь колѣно
Отъ гаусныхъ чреслъ твоихъ, грѣхомъ чреватыхъ!

КОРОЛЕВА ЭЛЕОНОРА.

Умись, безумная!

КОНСТАНСА.

Одно лишь слово!

Не только онъ за грѣхъ ея казнится;
Но Богъ избралъ ее съ ея грѣхомъ
Въ орудье казни этой дальной вѣтви,
Казнимой за нее ея же казнью.
А грѣхъ ея—неправда, и неправда

Палачъ ея грѣха. И мотъ за это,
Изъ-за нед, казнится мой ребенокъ.
Прокляты ея!

КОРОЛЕВА ЭЛЕНОРА.

Хулительница зала!

Послѣдней волей сынъ твой правъ лишенъ.

КОНСТАНСА.

Все знаю—все! Но воля та подложна;
То воля жевцавы, злой бабки воля.

КОРОЛЬ ФИЛИППЪ.

О, перестань, принцесса! Будь спокойнѣй!
Не подобаешь крикомъ привлекать
Вниманье всѣхъ къ столь жалкимъ пререканьямъ.
Трубачъ, зови на стѣны городскія
Людей Анжера: пусть рѣшатъ, кто долженъ
Быть королемъ—Артуръ или Иоаннъ?

Трубить въ трубы. ГРАЖДАНЕ Анжера появляются на стѣнахъ.

ГРАЖДАНИНЪ.

Кто вызвалъ насъ на стѣны?

КОРОЛЬ ФИЛИППЪ.

Франція.

За Англию.

КОРОЛЬ ЮАННЪ.

За самое себя

Васъ Англія зоветъ, народъ мой вѣрный,
Мои Анжерцы!

КОРОЛЬ ФИЛИППЪ.

Васъ, Анжерцевъ вѣрныхъ

И подданныхъ Артура, звали мы
Для совѣщаній мирныхъ.

КОРОЛЬ ЮАННЪ.

Въ нашу пользу.

Такъ напередъ и выслушайте насъ.
Знамена войскъ французскихъ, подступившихъ
Вотъ тутъ предъ очи вашего Анжера,
Такъ сдвинуты на гибель вамъ! Ихъ лунки,
Тая въ своихъ утробахъ страшный гнѣвъ,
Готовы каждую минуту ринуть
Чугувъ ихъ злобы противъ вашихъ стѣвъ.
Все къ приступу кровавому готово;

Французъ жестокой сталь ужь у дорота,
 У, стальхъ сомкнутыхъ оней Анжера!
 И, не услѣвй придти я, эти камни,
 Что мирно слать, обвинивши васъ кругомъ,
 Какъ поясомъ, ужь силой ихъ орудїи
 Изъ прочныхъ известковыхъ ложъ своихъ
 Вся быца бъ вырваны чтобъ дать убійству
 Широкий луть ворваться въ домъ вашъ мирный.
 Но вотъ, при видѣ вашего монарха,
 Закононаго, который быстрымъ маршемъ,
 Хоть и съ трудомъ, въ отпоръ имъ сталь у стѣнъ,
 Чтобъ защитить имъ щеки отъ дарапинъ,—
 Смотрите, вдругъ Французы оробѣли
 И вмѣсто ядеръ облеченныхъ въ пламя
 Чтобъ затряслась стѣна какъ въ лихорадкѣ,
 Теперь стрѣляютъ словомъ, скрытымъ въ дымъ,
 Съ злымъ умысломъ смутить вашъ слухъ обманомъ.
 Такъ вѣрьте жь имъ! Нѣтъ, добрые граждане,
 Впустите насъ. Король вашъ утомлѣнъ,
 Измучился отъ слѣшности похода
 И ждетъ гостепріимства вашихъ стѣнъ.

КОРОЛЬ ФИЛИППЪ.

Лишь кончу я, отвѣтите намъ обоимъ.
 Смотрите, вотъ, держа мою десницу,
 Которой Богъ вручилъ защиту права,
 Стоитъ здѣсь юный принцъ Плантагенетъ,—
 Сынъ брата старшаго того пришельца
 И, стало-быть, король его и вашъ.
 Вотъ за его-то полправное право
 Мы попраемъ предъ Анжеромъ поле,
 Къ вамъ будучи настолько лишь враждебны,
 Насколько намъ велитъ нашъ долгъ святой
 Потребовать отъ васъ гостепріимной
 Защиты угнетенному. Свершите жь
 Прямой вашъ долгъ предъ тѣмъ кто въ правѣ ждать
 Его отъ васъ,—предъ этимъ юнымъ принцемъ!
 Тогда оружье наше, какъ медвѣдь
 Закованный, лишь съ виду будетъ грозно;
 Гнѣвъ нашихъ пушекъ грянетъ празднымъ громомъ
 Въ неуязвимыхъ облакахъ небесъ,
 И мы безъ боя, радость отступимъ,

Не иззубравъ мечей, не смявши шлемовъ,—
 Уйдемъ домой съ той теллою въ жилахъ кровью,
 Которой плаи обрызгать городъ вашъ,
 А женъ, дѣтей и васъ оставимъ въ мирѣ.
 Но если намъ откажете безумно,
 То эта толща вашихъ деревьевъ стѣнъ
 Не окроетъ васъ отъ нашихъ громовъ брачныхъ,
 Хотя бъ со всѣмъ ихъ войскомъ Англичане
 Выступили здѣсь за грубой стѣнъ оградой.
 Такъ говорите жь: признаетъ ли городъ
 Монархомъ насъ во имя правъ Артура,
 Или мы должны подать къ сраженью знакъ
 И въ вашу собственность ворваться кровью?

ГРАЖДАНИНЪ.

Мы—подданные короля Британцевъ,
 И въ городъ вашъ войдетъ лишь нашъ монархъ.

КОРОЛЬ ЮАННЪ.

Признайте жь въ насъ монарха и влустите.

ГРАЖДАНИНЪ.

Не смѣемъ! Лишь предъ тѣмъ кто намъ докажетъ
 Что онъ монархъ вашъ,—склонимся. Дотогъ жь
 Ворота наши залерты для всѣхъ.

КОРОЛЬ ЮАННЪ.

На комъ корона, тотъ вамъ и монархъ.
 Не вѣрите? Такъ вотъ вамъ тридцать тысячъ
 Свидѣтелей изъ истыхъ Англичанъ.

ФИЛИППЪ ПОБОЧНЫЙ *(съ стороны)*.

Дѣтей побочныхъ и цыгъ.

КОРОЛЬ ЮАННЪ.

Всѣ подтвердятъ мой санъ своею кровью.

КОРОЛЬ ФИЛИППЪ.

Не меньше здѣсь, и столь же чистокровныхъ.

ФИЛИППЪ ПОБОЧНЫЙ *(съ стороны)*.

Не безъ побочныхъ впрочемъ.

КОРОЛЬ ФИЛИППЪ.

Стоять предъ нимъ, готовясь въ бой за право!

ГРАЖДАНИНЪ.

Пока никто не доказалъ намъ права,
 Мы, ради права, васъ лишаемъ правъ.

КОРОЛЬ ЮАННЪ.

Такъ да проститъ Господь грѣхи всѣхъ тѣхъ
 Чьи души, прежде чѣмъ падеть роса
 Вечерная, ввнесутся къ вѣчной жизни
 Въ ужасной прѣ о томъ кто здѣсь королю!

КОРОЛЬ ФИЛИППЪ.

Аминь! На коней, рыцари! къ оружью.

ФИЛИППЪ ПОВОЧНЫЙ.

Святой Георгъ,—ты, пасть прозвивъ дракону,
 Сидишь съ тѣхъ поръ верхомъ въ дверяхъ таверны,—
 Учи насъ драться! (*Эрцгерцогу.*) Лѣпшій, будь я дома,
 Въ твоей пещерѣ и съ твоею львицей,
 Я бѣ къ шкурѣ льва приладилъ бычью морду,
 И сталъ бы ты уродомъ.

ЭРЦГЕРЦОГЪ АВСТРІЙСКИЙ.

Смолкни, рабъ!

ФИЛИППЪ ПОВОЧНЫЙ.

Что? вздрогнули! Вѣдь это левъ рычить.

КОРОЛЬ ЮАННЪ.

Въ равнину—въ бой! Тамъ въ боевомъ порядкѣ
 Пусть строятся къ сраженью всѣ полки.

ФИЛИППЪ ПОВОЧНЫЙ.

Не медлите воспользоваться полемъ.

КОРОЛЬ ФИЛИППЪ.

Да будетъ такъ. (*Людскому.*) А ты на томъ холмѣ
 Постройшь нашихъ. Богъ и наше право!

(*Уходятъ.*)

СЦЕНА II.

ТАМЪ ЖЕ.

Шумъ битвы; стычки; потомъ отступленіе.

ФРАНЦУЗСКИЙ ГЕРОЛЬДЪ съ трубачами подходитъ къ воротамъ
 города.

ФРАНЦУЗСКИЙ ГЕРОЛЬДЪ.

Ворота настезь распахни, Анжеръ!
 Встрѣчай Артура, герцога Бретани!
 Рукой Французовъ въ этотъ день свершилъ
 Овъ столько дѣлъ что много слезъ Британки
 Прольютъ о дѣлахъ ладшихъ въ прахъ кровавый,

Гдѣ столькожъ вдовѣ мужья мѣгли какъ труды,
 Холодную лобзая грудь земли.
 Побѣда, съ легкою для насъ потерей,
 Играетъ въ вьющихся знаменахъ нашихъ,
 Вступитъ готовыхъ въ городъ нашъ, Анжерды,
 Чтобъ съ торжествомъ провозгласить Артура
 Всей Англіи и вашимъ королемъ.

Входитъ АНГЛІЙСКІЙ ГЕРОЛЬДЪ съ трубачами.

АНГЛІЙСКІЙ ГЕРОЛЬДЪ.

Дикуй, Анжеръ! звони въ колокола!
 Какъ лобдитель въ жаркой, страшной сѣчѣ,
 Идетъ и нашъ, и твой король Іоаннъ!
 Бластавшія предъ симъ какъ серебро,
 Французской кровью позлатились брони;
 На гребняхъ шлемовъ нашихъ нѣтъ пера
 Чтобъ было сшиблено копьемъ французскимъ;
 Знамена наши держать тѣ же руки
 Что ихъ несли когда мы вышли въ бой,
 И, какъ охотники съ веселой травли,
 Идутъ Британцы съ поля молодцами,
 Окрасивъ руки въ пурпуръ вражьей крови.
 Ворота настезь! дайте луть героямъ!

ГРАЖДАНИНЪ.

Герольды! Съ нашихъ башенъ мы могли
 Съ начала до конца слѣдить за ходомъ
 Борьбы межъ вами. Самый лучший глазъ
 Не могъ замѣтить разницы межъ вами:
 Кровь шла за кровь, удары за удары,
 И мощь за мощь, и смѣлость за отвагу.
 Въ васъ равный вѣсъ, и васъ равно мы любимъ;
 Но прежде чѣмъ одинъ не перевѣситъ,
 Нашъ городъ залетѣть вамъ, хоть радъ обоимъ.

Входятъ, съ одной стороны, КОРОЛЬ ІОАННЪ, съ войскомъ, ЭЛЕОНОРА, БЛАНКА и ФИЛИППЪ ПОБОЧНЫЙ; съ другой КОРОЛЬ ФИЛИППЪ, ЛУДОВИКЪ, ЭРЦГЕРЦОГЪ АВСТРІЙСКІЙ и войско.

КОРОЛЬ ІОАННЪ.

Иль, Франція, не изшла ты кровью
 Что правъ моихъ стѣснять все хочешь бѣгъ?
 Смотри чтобъ акъ петокъ, тѣснимъ преградой,
 Не вышелъ изъ русла и не залилъ,

Ярсь, твоихъ отвѣщающихъ платанъ!
 Такъ не мѣшай же мнѣ сложобно: ливсонъ
 Серебряной волною въ Оксавъ.

КОРОЛЬ ФИЛИППЪ.

А развѣ крови меньше, хотъ на камлю,
 Тобой пролито, Англія, чѣмъ мною?
 Нѣтъ! много больше. И клавиусъ десницей,
 Чтò править всей страной подѣ этимъ небомъ,
 Чтò прежде чѣмъ вложу я мечъ въ ножны,
 Сражу того, надѣ кѣмъ онъ занесенъ,
 Или внесу мой трулъ въ число убитыхъ,
 Чтòбъ красовался именовъ монарха,
 Убитаго, потеръ военныхъ списокъ.

ФИЛИППЪ ПОБОЧНЫЙ.

Ого, величество! Какъ въ васъ взыграла
 Кровь царская при громкомъ словѣ: слава!
 О смерть! Желѣзомъ челюсти оправь,
 Мечи солдатъ себѣ клыками сдѣлай
 И, пожирая мясо человѣчье,
 Пируй, пока цари творять расправу.
 Чтò жь, короли, смугились? чтò стоите?
 Кричите: въ бой! Скорѣи къ полямъ кровавымъ,
 О грозные, хотъ равные, владыки!
 Пусть смерть однихъ улочить миръ другимъ;
 Но напередъ—убійство, кровь и гибель!

КОРОЛЬ ЮАННЪ.

Чью сторону вы, граждане, берете?

КОРОЛЬ ФИЛИППЪ.

Кто вашъ король? за Англію отвѣтите.

ГРАЖДАНИНЪ.

Король нашъ—тотъ, въ комъ короля признаемъ.

КОРОЛЬ ФИЛИППЪ.

Признайте въ насъ: мы стали здѣсь за право.

КОРОЛЬ ЮАННЪ.

Нѣтъ—въ насъ! Мы сами здѣсь собственнорочно
 Уполномочились вамъ предъявить права
 На нашъ удѣлъ—Анжеръ, на васъ—Анжерцы.

ГРАЖДАНИНЪ.

Власть выше вашей отрицаетъ это.

И вотъ пока вашъ дается споръ, жь, въ прежнееъ

Сомнѣнья, накрѣпко замкнемъ ворота,
 Покуда страхъ царщій въ насъ теперь,
 Не разрешится королемъ безслорнымъ.

ФИЛИППЪ ПОБОЧНЫЙ.

Клявуса небомъ, эта драмъ Анжерцы
 Дурачатъ васъ, монархи! Беззаботно
 Съ бойницъ своихъ глазбуютъ какъ въ театрѣ,
 И кажутъ пальцами на драму вашихъ
 Кровавыхъ сценъ. Примите жь мой совѣтъ.
 На время примиритесь, какъ мятежный
 Ерусалимъ и двиньте сообща
 Всѣ орудья злобы на Анжеръ. Съ востока
 И запада Французъ съ Британцемъ граньте
 Изъ зараженныхъ до ихъ жерлъ орудій,
 Пока ихъ грохотъ въ прахъ не разгромить
 Кремнистыхъ ребръ той крѣпости мятежной.
 По мнѣ сейчасъ бы гравуть въ эту сволочь
 И бить ее и бить покуда стѣны
 Безпомощныхъ мы не развѣемъ въ воздухъ!
 Покончивъ съ этимъ, раздѣлите силы,
 По націямъ разставьте знамена,
 И двиньте мечъ на мечъ, фронтъ противъ фронта.
 И мигъ придетъ когда въ одномъ изъ васъ
 Фортуна сыщеть своего любимца,
 Его украситъ лавромъ дна того
 И поцѣлуетъ славною побѣдой.
 Ну что? каковъ совѣтъ мой, государи?
 Политикъ въ немъ не чуется ли вамъ?

КОРОЛЬ ЮАННЪ.

Клявусъ нависшимъ надо мною небомъ,
 Совѣтъ хорошъ. Чтѣ жь, Франція, сольемся,
 Съ землей Анжеръ сравняемъ и потомъ
 Рѣшимъ въ бою: кто будетъ въ немъ монархомъ.

ФИЛИППЪ ПОБОЧНЫЙ (*французскому королю*).

Когда въ тебѣ есть царская порода
 (Вѣдь и тебя какъ насъ злой городъ бѣсит!),
 То противъ дерзкихъ этихъ стѣнъ поставь
 Орудія какъ и свои мы ставимъ.
 Потомъ, рассылавъ въ прахъ Анжеръ, начните
 Вновь ссориться и чтобъ покончить ссору,
 Въ рай или адъ насъ шлите безъ разбору.

КОРОЛЬ ФИЛИППЪ.

Да будетъ такъ! Откуда жь вы начнете?

КОРОЛЬ ІОАННЪ.

Мы съ запада направимъ разрушеные

Въ центръ города.

ЭРЦГЕРЦОГЪ АВСТРІЙСКІЙ.

Я съ сѣвера.

КОРОЛЬ ФИЛИППЪ.

А съ юга

Градъ ядеръ риветъ нашихъ лушекъ громъ.

ФИЛИППЪ ПОБОЧНЫЙ *(отъ сторону)*.

Преумный планъ! Отъ сѣвера да къ югу!

Французъ съ Австрійцемъ метать въ ротъ другъ другу!

Я подожду ихъ. Чтò жь впередъ, впередъ!

ГРАЖДАНИНЪ.

Постойте мигъ и выслушайте насъ,

Великіе! Я укажу луть къ миру

И дружбѣ—луть безъ крови въ городъ нашъ,

И дамъ возможность кончить жизнь въ постеляхъ

Тѣмъ существамъ чтò обреклись лечь въ полъ.

Внимайте жь намъ, о сильные, безъ гнѣва.

КОРОЛЬ ІОАННЪ.

Ну, говори! Мы выслушать готовы.

ГРАЖДАНИНЪ.

Вотъ дочь Испаніи принцесса Бланка.

Она въ родствѣ съ Британіей. Приложимъ

Лѣта дофина и лѣта принцессы.

Коль пылкая любовь красы лишь ищетъ,

Гдѣ ей найти прекраснѣй юной Бланки?

Коль честная любовь лишь ищетъ чести,

Гдѣ ей сыскать чести и чище Бланки?

Коль гордая любовь цѣнитъ лишь знатность,

Въ чьихъ жилахъ кровь знатнѣй, чѣмъ въ жилахъ

Бланки?

Но если въ ней краса и честь, и знатность,

То это жь все и въ принцѣ; если жь нѣтъ,

То лишь затѣмъ что онъ вѣдь не она.

Порока нѣтъ и въ ней, коль ей не вмѣнимъ

Въ порокъ лишь то зачѣмъ она не онъ.

Онъ тотъ счастливый въ половину смертный,

т. слх.

Кто будетъ полнымъ, только слившись съ ней.
 Она—отдѣлъ прекрасный совершенства,
 Но полнота всѣхъ совершенствъ лишь въ немъ.
 О! два такихъ сребристыхъ тока вмѣстѣ
 Даютъ красу ихъ общимъ берегамъ;
 А два такіе берега двумъ токамъ,
 Двѣ обороны, дали бъ вы, монархи,
 Двумъ этимъ принцамъ, сочетавъ ихъ бракомъ.
 Такой союзъ скорѣй бы чѣмъ всѣ пушки
 Разбилъ воротъ затворы; бракъ такой,
 Сильнѣй чѣмъ можно порохомъ взорвать,
 Понудитъ насъ открыть входъ въ городъ настежъ
 Чтобъ васъ принять. А безъ того и море
 Свирѣлое не такъ къ моленямъ глухо,
 Львы болѣе доступны; горы, скалы
 Подвижнѣе; нѣтъ, мало—смерть сама
 Не такъ рѣшительна въ своемъ свирѣпствѣ,
 Какъ тверды мы въ упорствѣ.

ФИЛИППЪ ПОБОЧНЫЙ.

Вотъ такъ голоса!

Онъ разомъ вызвалъ изъ лохмотьевъ смерти
 Всю гниль ея! Вотъ это ротъ такъ ротъ!
 Смерть, горы, скалы, море такъ и мечеть;
 О львахъ же лютыхъ говоритъ такъ просто,
 Какъ о сабачкахъ малыя дѣвчонки!
 Какой пушкарь родилъ его на свѣтъ?
 Его слова—дымъ, пламя, взрывы, пушки;
 Его языкъ, что палка, такъ и хлещетъ
 Насъ по ушамъ. Что слово, то ядро;
 Да и подучше чѣмъ кулакъ французскій!
 Съ тѣхъ поръ какъ *папой* братняго отца
 Я началъ звать, такъ не былъ битъ я словомъ.

КОРОЛЕВА ЭЛЕОНОРА.

Сынь, согласимся съ нимъ; устроимъ бракъ;
 Племянницу надѣлимъ должнымъ вѣномъ.
 Такой союзъ, повѣрь мнѣ, такъ упрочитъ
 Тебя въ правахъ непрочныхъ на корону
 Что отпыску тому не хватитъ свѣта
 Разцвѣсть въ цвѣтокъ и дать могучій плодъ.
 Я вижу по глазамъ, сдались Французы;

Замѣть, какъ шепчутся они! Такъ дѣйствуй,
Пока еще въ нихъ духъ честолюбивъ;
Пока сердца, готовыя растаять
Отъ тѣлаго дыханья вѣжвыхъ чувствъ,
Въ нихъ не застыли снова въ прежній ледь.

ГРАЖДАНИНЪ.

Какой отвѣтъ на наше предложеніе
Получимъ мы отъ двухъ величествъ вашихъ?

КОРОЛЬ ФИЛИППЪ.

Пусть Англія начнетъ; она всѣхъ прежде
Рѣчь повела съ Анжеромъ. Что ты скажешь?

КОРОЛЬ ІОАННЪ.

Скажу: когда твой царскій сынъ способенъ
Прочестъ: *люблю въ той книгѣ красоты, (указывая на*
Бланку)

Въ приданое я дамъ ей какъ царицѣ
Анжу, Потье, Турень съ прекраснымъ Мавромъ
И все что мы на этомъ берегу
Считаемъ нашимъ (исключая впрочемъ
Лишь осаждаемый Анжеръ): все это
Озолотить ей брачную постель,
Обогатить ее гербами, савомъ,
Какъ и она красой, умомъ и родомъ
Равняется всѣмъ въ мірѣ королевамъ.

КОРОЛЬ ФИЛИППЪ.

Что скажешь, сынъ? Взгляни въ лицо принцессы.

ЛУДОВИКЪ.

Гляжу и такъ, и вижу, мой отецъ,
Въ очахъ ея неслыханное диво;
Въ нихъ отраженъ весь образъ мой, какъ тѣнь,
И эта тѣнь, ставъ солнцемъ въ дивныхъ взорахъ,
Велитъ мнѣ, солнцу, быть простою тѣнью.
О! никогда еще я не любилъ
Такъ самого себя, какъ здѣсь увидя,
Что въ блескѣ глазъ у ней я отраженъ.

(Шепчется съ Бланкой.)

ФИЛИППЪ ПОБОЧНЫЙ *(съ стороны.)*

Онъ въ блескѣ глазъ у Бланки отраженъ,
Повѣшенъ въ складкахъ лба ея за шалость
И четвергованъ въ сердцѣ—что же онъ?

Любви измѣнникъ? О, какая жалость,
 Что отраженъ, ловишель и казненъ
 Въ тѣхъ прелестяхъ такой балванъ какъ онъ!

БЛАНКА.

Мнѣ воля дяди то же что моя,
 И если въ васъ онъ замѣчаетъ нѣчто
 Пріятное ему, то это *нѣчто*
 Мнѣ отвести къ моей не трудно *воля*,
 И, коль хотите (чтобъ сказать вѣрнѣй),
 Могу себя заставить полюбить васъ.
 Я впрочемъ льстить не стану вамъ, милордъ,
 Сказавъ что все что въ васъ—любви достойно;
 Скажу одно лишь—нѣтъ въ васъ ничего,
 (Хотя бѣ судья вашъ былъ вполне пристрастный),
 За что бы я могла васъ ненавидѣть.

КОРОЛЬ ЮАННЪ.

Что говорить счастливыцъ? что мнѣ скажетъ
 Племянница?

БЛАНКА.

Мой долгъ повиноваться

Всему что мнѣ предлещетъ ваша мудрость.

КОРОЛЬ ЮАННЪ.

А вы, дофинъ, любить ее способны?

ЛУДОВИКЪ.

Способенъ ли? Спросите лучше: можно ль
 Мнѣ не любить, кого люблю всѣмъ сердцемъ?

КОРОЛЬ ЮАННЪ.

О, если такъ, мы съ ней даемъ тебѣ
 Пять нашихъ областей: Турень, Волкоссень,
 Ажу, Потье и Мевъ, и тридцать тысячъ
 Маркъ англійской монетой, къ нимъ въ добавокъ.
 Филиппъ французскій, если ты согласишь,
 Благослови дѣтей твоихъ.

КОРОЛЬ ФИЛИППЪ.

Я радъ!

Соедините руки, принцъ съ принцессой.

ЭРЦГЕРЦОГЪ АВСТРІЙСКІЙ.

И губы! Такъ—скажу я безъ обмолвки—
 Я лостулилъ и въ день моей помолвки.

КОРОЛЬ ФИЛИППЪ.

Такъ отворайте жь ворота, Анжерцы!
 Встрѣчайте вами созданныхъ друзей,
 Сейчасъ въ капеллѣ пресвятой Маріи
 Торжественно свершимъ обрядъ вѣчанья.
 Но гдѣ жь принцесса съ сыномъ? гдѣ Констанса?
 Не здѣсь конечно; иначе бь она
 Своимъ присутствіемъ намъ помѣшала
 Бракъ совершить. Кто знаетъ, гдѣ она?

ЛУДОВИКЪ.

Груститъ въ твоей палаткѣ королевской.

КОРОЛЬ ФИЛИППЪ.

И то сказать: здѣсь заключенный бракъ,
 Ее, конечно, не утѣшитъ въ скорби.
 Британскій братъ нашъ, какъ намъ усложитъ
 Вдову-принцессу? За ея права
 Я шель, и вдругъ, Богъ знаетъ какъ, склонился
 На луть своихъ лишь выгодъ.

КОРОЛЬ ІОАННЪ.

Все устроимъ.

Мы герцогство Бретаньи съ графствомъ Ричмондъ
 Дадимъ Артуру и Анжеръ богатый
 Ему сдадимъ. Позвать сюда Констансу;
 Пусть послушитъ къ ней вѣстникъ съ приглашеньемъ
 На торжество. Конечно, этимъ мы
 Ея надеждъ не всю исполнимъ мѣру,
 Но хоть отчасти такъ ее утѣшимъ
 Что заградимъ ея уста для криковъ.
 Поидемте же и наскоро устроимъ
 Негаданный, вежданный этотъ пиръ.

*(Всѣ уходятъ, кромѣ Филиппа
 Побочнаго; граждане сходятъ со
 стѣнъ).*

ФИЛИППЪ ПОВОЧНЫЙ.

Свѣтъ, короли, ихъ сдѣлки—о безумство!
 Вотъ Іоаннъ, вокругъ обобравъ Артура
 Радешенекъ съ нимъ подѣлиться частью!
 А Франція?—не совѣстью ль въ дослѣхъ
 Закована, не съ честью ль шла за право,
 Какъ Божій воинъ?—шелчется теперь

Съ лукавымъ бѣсомъ, смутникомъ всѣхъ мнѣній,
 Съ тѣмъ маклеромъ, который все ломаетъ
 Обѣты, вѣрность; кто хватаетъ всѣхъ
 Царей и нищихъ, старыхъ, юныхъ, даже
 И дѣвъ у коихъ только-что и есть
 Что имя дѣвъ и тѣхъ готовъ ограбить.
 О выгода! ты льстивый джентельманъ,
 Приманка, къ коей такъ податливъ свѣтъ,—
 Тотъ свѣтъ, который такъ уравновѣшенъ,
 Что плавно бѣ могъ по ровному катиться,
 Когда бѣ не ты, о, выгода, ты, ладкость
 На низкое, пружина всѣхъ движеній,
 Не отклоняла насъ отъ равновѣсья,
 Отъ всѣхъ путей, стремленій, выспихъ цѣлей,—
 Да, это ты, о выгода, приманка,
 Дѣлецъ и сводникъ, вѣчно лгущій звукъ,
 Глаза затмила вѣтреннымъ Французамъ,
 Заставивъ ихъ вдругъ промѣнять войну,
 Святую, честную, въ охрану права,
 На этотъ миръ, позорнѣйшій и низкій!
 Но я-то самъ зачѣмъ надъ ней глаумлюсь?
 Затѣмъ что ея все еще не взыскаю!
 А всыль она въ ладонь мнѣ горсть червоцезъ,
 Сожму ль въ кулакъ я пальцы чтобъ не брать?
 Такъ вотъ и я глаумлюсь надъ богачами,
 Пока я нищъ и рукъ не грѣлъ на деньгахъ.
 Ну что жь? пока я нищъ, браю богатыхъ
 И говорю: богатство грѣхъ великій!
 Когда жь и мнѣ пошлетъ богатство рокъ,
 Тогда скажу: „о бѣдность, злой порокъ!“
 Ужь если и цари для выгодъ руютъ клятвы,
 Мнѣ выгода кумиръ и жду отъ ней я жатвы.

(Уходитъ.)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Тамъ же. Палатка французскаго короля.

Входятъ КОНСТАНСА, АРТУРЪ и СОЛСБЕРИ.

КОНСТАНСА.

Пошаи вѣнчаться! миръ скрѣпить присягой!
 Двѣ живыхъ крови слить въ одну! Сдружились!
 Дофиня мужъ Бланки! Бланкѣ наши земли!
 Не можете быть! Ты спуталъ, не дослышалъ;
 Обдумайся и разкажи опять.
 Возможно ль это? Нѣтъ, ты ложь сказалъ.
 Я не солгу, сказавъ что лжешь ты. Рѣчи
 Ты говоришь лустыя, такъ—на вѣтеръ.
 Другъ, увѣраю, я тебѣ не вѣрю:
 Вѣдь мнѣ король каялся совсѣмъ въ противномъ.
 Казнить тебя за то что такъ лугаешь!
 Вѣдь я больна и такъ склонна къ испугамъ;
 Угнетена и лотому луглива,
 Вдова, безъ мужа, и всего лугаюсь,
 Я женщина, а женщины лугливы.
 И если ты мнѣ скажешь: я шутилъ,
 Въ душѣ моей тревога все не стихнетъ
 И вздрагивать я стану цѣлый день.
 Но что же ты такъ головой качаешь?
 Зачѣмъ гладить такъ жалостно на сына?
 Зачѣмъ къ груди ты руку прижимаешь?
 Зачѣмъ изъ глазъ твоихъ слеза катится
 Какъ вышедшій изъ береговъ потокъ?
 Иль эта скорбь мнѣ подтверждаетъ правду
 Рѣчей твоихъ? Такъ повтори жь—не все,
 Но въ двухъ словахъ: правдива вѣсть, иль нѣтъ?

СОЛСБЕРИ.

Правдива такъ какъ были тѣ къ вамъ лживы,
 По чьей вивѣ должны вы вѣрить мнѣ.

КОНСТАНСА.

О, если насъ ты учишь вѣрить горю,
 То научи и горе смерть мнѣ дать!

И горе то лусть такъ столкнется съ живнью,
 Какъ сходятся два яростныхъ бойца
 И въ самый мигъ ихъ встрѣчи гибнуть оба.
 Дофиня мужъ Бланки! Сынъ, причемъ же ты?
 Французъ Бритавду другъ! А что жь со мною?
 Прочь съ глазъ моихъ! Твой видъ мнѣ ненавистенъ;
 Отъ этой вѣсти сталъ такъ гнусенъ ты.

СОЛСБЕРИ.

Какое жь зло я сдѣлалъ вамъ, принцесса,
 Сказавъ о злѣ вамъ сдѣланномъ другими?

КОНСТАНСА.

Но это зло въ самомъ себѣ такъ мерзко
 Что гнусенъ всякъ, кто говорить о немъ.

АРТУРЪ.

О, мать моя! Прошу тебя, утѣшься.

КОНСТАНСА.

Мой утѣшитель! Еслибъ былъ ты страшнымъ
 И мать свою позорящимъ уродомъ,
 Весь въ роднякахъ, весь въ безобразныхъ латвахъ,
 Хромымъ, горбатымъ, смуглымъ идиотомъ,
 Покрытымъ мерзкими для глазъ прыщами,
 О, я тогда бъ утѣшилась! Тогда бы
 Я не могла любить тебя, и ты
 Не стоилъ бы ни рода, ни короны!
 Но ты прекрасенъ, милый мой! Тебѣ
 Со дня рожденья счастье и природа
 Сулили славу. Изъ даровъ природы,
 Краса твоя послорить съ блескомъ лицъ
 И съ розой разцвѣтающей. Но счастье,
 Увы! тебя покинуло, забыло,
 И срамъ творить съ твоимъ британскимъ дядей;
 А Францію за деньги завлекло
 Въ великій грѣхъ; попрасть права царей
 И сводней стать фортуны съ Иоанномъ,—
 Фортуны блудной съ наглымъ Иоанномъ!
 Скажи жь ты мнѣ, не лжецъ ли твой Французъ?
 Излей въ него ядъ злобы, иль ступай,
 Оставь меня, и я одна сумѣю
 Свести скорбь мою.

СОЛСБЕРИ.

Простите мнѣ, принцесса!

Безъ васъ однаъ уйти я не могу.

КОНСТАНСА.

Ты можешь, долженъ, я вѣду съ тобой!

Я научу печаль мою быть гордой.

О, скорбь горда, и кто скорбитъ, тотъ силенъ.

Такъ пусть ко мнѣ, къ моей великой скорби,

Идутъ цари, а скорбь такъ велика

Что всей землѣ не съестъ ея громады.

(Бросается на землю.)

Здѣсь я сижу съ моей тоской. Смотри,

Вотъ мой престоль; падите въ прахъ, цари!

Входятъ КОРОЛЬ ЮАННЪ, КОРОЛЬ ФИЛИППЪ, ЛУДОВИКЪ,
БЛАНКА, ЭЛЕОНОРА, ФИЛИППЪ ПОБОЧНЫЙ, ЭРЦГЕРЦОГЪ
АВСТРІЙСКІЙ и свита.

КОРОЛЬ ФИЛИППЪ.

Да, дочь моя!.. И этотъ славный день

Для Франціи днемъ лиршествъ будетъ вѣчно.

Взгляни, и солнце чтобъ его прославить

Сдержало бѣгъ и какъ алхимикъ блескомъ

Очей лылающихъ прахъ этихъ нивъ

Въ сверкающее злато превращаетъ.

Пусть каждый годъ, день этотъ приводя,

Приводитъ намъ его всегда какъ праздникъ.

КОНСТАНСА *(вставая)*.

Какъ день грѣха, не праздникъ! Чѣмъ такимъ

Прославился? Что онъ такого сдѣлалъ

Чтобъ золотыми буквами его

Въ календаряхъ отъ прочихъ отличать?

Нѣтъ, лучше выкиньте изъ дней недѣли

Сей день стыда, насилья, вѣроломства;

А если онъ останется, пусть молятъ

Беременные женщины чтобъ роды

Не совладали съ этимъ днемъ, изъ страха

Родить уродовъ; пусть лишь въ этотъ день

Страшатся моряки судокрушеній;

Пусть заключенные лишь въ этотъ день

Контракты рушатся, все начатое

Въ день этотъ гибнетъ, правда станетъ ложью.

КОРОЛЬ ФИЛИППЪ.

Клянусь, принцесса, нѣтъ тебѣ причины
Такъ проклинать прекрасный этотъ день.
Не клялся-ль я величествомъ своимъ?

КОНСТАНСА.

Ты обманулъ меня поддѣльнымъ сходствомъ
Съ величествомъ! Въ фальшивой той монетѣ
Нѣтъ цѣности. Ты лгалъ, нарушилъ клятву;
Тылъ шелъ съ мечомъ лить кровь враговъ моихъ,
И вотъ свою сливаешь съ вражьей кровью.
Суровый видъ войны, бойца отвага
Остыли въ дружбѣ и румянахъ мира,
И вашъ союзъ есть наше угнетенье.
Грянь небо, грянь въ предателей-царей!
Вдова зоветъ, вдовѣ будь мужемъ небо!
Не полуси чтобъ миромъ завершился
Безбожный день; но до заката солнца
Посѣй раздоръ въ предателей-царей!
Услышь меня, услышь!

ЭРЦГЕРЦОГЪ АВСТРІЙСКІЙ.

Констанса, миръ!

КОНСТАНСА.

Война! война! не миръ! мой миръ въ войнѣ!
О Австрія! Лиможъ! Ты опозорилъ
Кровавый свой трофей! Рабъ, извергъ, трусъ!
Отвагой малъ, ты подлостью великъ!
Ты съ сильной стороной всегда лишь силенъ!
Фортуны рыцарь, тамъ лишь бьешься ты,
Гдѣ отъ калризной воли этой дамы
Спасенья ждешь! И ты клятвопрѣступникъ,
И ты рабъ сильныхъ! Что же ты, гаулецъ
И прихвостень, стучалъ, кричалъ и каяса
Стоять за насъ? Къ чему, холопъ презрѣваемый,
Весь этотъ громъ? Не ты ли мнѣ каялся
Быть воиномъ моимъ, просилъ повѣрить
Твоей звѣздѣ, твоей фортунѣ, силѣ?
И что жъ? отлалъ теперь къ моимъ врагамъ!
А еще въ лъвиной шкурѣ! Сбрось ее
И на плеча накинь телячью кожу!

ЭРЦГЕРЦОГЪ АВСТРІЙСКІЙ.

О, еслибъ это мнѣ сказалъ мушкетеръ!

ФИЛИППЪ ПОБОЧНЫЙ.

И на плеча накинь телячью кожу.

ЭРЦГЕРЦОГЪ АВСТРИЙСКИЙ.

Посмѣй еще, и ты погибъ, несчастный!

ФИЛИППЪ ПОБОЧНЫЙ.

И на плеча накинь телячью кожу.

КОРОЛЬ ІОАННЪ.

Забылся ты; намъ это неприятно.

Входитъ ПАНДУЛЬФО.

КОРОЛЬ ФИЛИППЪ.

Вотъ къ намъ идетъ святой легатъ отъ папы.

ПАНДУЛЬФО.

Миръ вамъ, земнымъ помазанникамъ неба!

Къ тебѣ съ святымъ я дѣломъ, Іоаннъ.

Я, кардиналъ прекраснаго Милана

И папы Иннокентія легатъ,

Пандульфъ, тебя за папу вопрошаю:

Какъ смѣлъ возстать ты противъ церкви, нашей

Святыя матери, и возбранить

Стефану Лангтоу, что избранъ нами

Въ архіепископы въ Кентербери,

Занять святую кафедру? Объ этомъ

Святой отецъ нашъ папа Иннокентій

Послалъ меня спросить тебя, король.

КОРОЛЬ ІОАННЪ.

Чье имя есть на свѣтѣ чтобъ дерзало

Къ отвѣту звать свободный духъ царей?

Но, кардиналъ, чтобъ звать меня къ отвѣту,

Не могъ ты выбрать имя столь смѣшное,

Столь жалкое, какъ имя папы. Такъ

Отвѣтъ ему и, сверхъ того, прибавь

Отъ Англіи что никому изъ римскихъ

Священниковъ не далъ я десятины,

Ни лодатей, что въ царствѣ я глава,

И что въ странѣ гдѣ царствую, сумѣю

И власть держать, и удержать главенство.

Такъ и отвѣтъ, откинувъ всякій страхъ,

Предъ папою съ присвоенной имъ властью.

КОРОЛЬ ФИЛИППЪ.

Не богохульствуй, братъ мой Іоаннъ.

КОРОЛЬ ЮАННЪ.

Пускай тебя и всѣхъ владыкъ земныхъ
 Провыра-лолъ, вожакъ вашъ, держитъ въ страхѣ
 Проклятьями, но съ правомъ брать съ васъ выкуль;
 Пускай за деньги—эту лыль и дрянъ—
 Онъ продаетъ грѣховъ вамъ отлученье,
 Хоть тѣмъ себѣ прощенья самъ не купить;
 Пусть кормите вы плута-чародѣя
 И своего патрона щедрой данью,—
 Я, я одинъ противлюсь власти палъ,
 И тотъ мнѣ врагъ, кто палъ другъ и рабъ.

ПАНДУЛЬФО.

Такъ, въ силу данной мнѣ закономъ власти,
 Будь проклятъ ты и отлученъ отъ церкви!
 Благословенъ тотъ подданный, кто противъ
 Еретика подыметъ знамя бунта,
 И нарѣчется вѣрнымъ сыномъ церкви
 И сопричтенъ тотъ къ праведникамъ будетъ,
 Кто явно или тайно прекратитъ
 Жизнь грѣшника.

КОНСТАНСА.

О, пусть же вмѣстѣ съ Римомъ
 Законъ и мнѣ дастъ право проклинать!
 Скажи: аминь, владыко кардиналь,
 Проклятьямъ страшнымъ; ихъ изречь лишь можетъ
 Языкъ того, кто былъ, какъ я, обиженъ.

ПАНДУЛЬФО.

Мнѣ проклинать, жена, законъ далъ право.

КОНСТАНСА.

Онъ далъ и мнѣ! Гдѣ правъ законъ не держитъ,
 Законно тамъ и не хранить закона.
 Законъ отдать не можетъ скульптръ Артуру,
 Затѣмъ что скульптръ взять держащимъ законъ.
 Тамъ гдѣ законъ полнѣйшая неправда,
 Законно ль тамъ мнѣ запрещать проклятья?

ПАНДУЛЬФО.

Король Филиппъ, подъ страхомъ отлученья,
 Расторгши связь съ архи-еретикомъ
 И Францію воздвигни на него,
 Коль не уступитъ Риму.

КОРОЛЕВА ЭЛЕОНОРА.

Ты благовѣшь,

О Франція! Не отнимай руки.

КОНСТАНСА.

А, бѣсъ! боишься что Французъ, раскаясь,
Союзъ расторгнетъ и уйдетъ отъ ада!

ЭРЦГЕРЦОГЪ АВСТРІЙСКІЙ.

Король Филиппъ, смирись предъ кардиналомъ.

ФИЛИППЪ ПОВОЧНЫЙ.

И на плеча накинь теллячью кожу.

ЭРЦГЕРЦОГЪ АВСТРІЙСКІЙ.

И эту спрячу, грубіявъ, я дерзость

Въ карманъ...

ФИЛИППЪ ПОВОЧНЫЙ.

Нѣтъ! лучше спрячь въ исподнемъ, платъ.

КОРОЛЬ ЮАННЪ.

Что кардиналу скажешь ты, Филиппъ?

КОНСТАНСА.

Онъ скажетъ то же, что и кардиналъ.

ЛУДОВИКЪ.

Обдумай строго выборъ свой, отецъ!

Тамъ Римъ грозитъ своимъ проклятьемъ тяжкимъ;

Здѣсь предстоитъ намъ съ Англіей разрывъ.

Что легче?

БЛАНКА.

Снестъ проклятье Рима легче.

КОНСТАНСА.

Крѣпись, Лудовикъ; въ видѣ новобрачной

Жены твоей тебя смущаетъ демонъ.

БЛАНКА.

Нужда въ Констансѣ говорить,—не вѣра.

КОНСТАНСА.

Нужда? Такъ ты созналась что въ нуждѣ я,—

Въ нуждѣ, живущей лишь со смертью вѣры?

О, если такъ, то вотъ отсюда выводъ:

Умири нужда, и вѣра оживетъ;

Съ полраньемъ нуждъ моихъ въ насъ крѣплетъ вѣра,

Съ поддержкой ихъ слабѣетъ вѣра въ насъ.

КОРОЛЬ ЮАННЪ.

Въ смущеніи король; не отвѣчаетъ.

КОСТАНСА.

Разстанься съ нимъ, и — твой отвѣтъ готовъ.

ЭРЦГЕРЦОГЪ АВСТРІЙСКІЙ.

Рѣшись, Филиппъ; брось помыслъ безотрадный.

ФИЛИППЪ ПОБОЧНЫЙ.

Набрось телачью кожу, шутъ ларядный!

КОРОЛЬ ФИЛИППЪ.

Въ смущеньи я; не знаю, что отвѣтить.

ПАНДУЛЬФО.

А развѣ менѣе смутиться ты,

Когда проклятыя надъ тобою грянутъ?

КОРОЛЬ ФИЛИППЪ.

О, будь ты мною, отче прелодобный,

И вырази, какъ постулилъ бы ты?

Едва мы подали другъ другу руки;

Едва услѣли слить два царскихъ сердца

Въ одинъ союзъ, незыблемый, скрѣпленный

Всей силою священнѣйшихъ обѣтовъ,

Едва умолкъ и звукъ сердечныхъ клятвъ

Въ любви и мирѣ, въ вѣрности и дружбѣ

Двухъ королевствъ и двухъ ихъ королей;—

Да и за мигъ предъ тѣмъ, до примиренья,

Едва услѣли смыть съ себя мы кровь,

Чтобъ по рукамъ ударить въ знакъ согласья,—

(А руки наши, знаетъ Богъ, какъ были

Окрашены кровавой кистью мщенья,

На нихъ лисавшей страшный споръ царей):

И вотъ! ужъ эти руки, такъ недавно

Обмытыя, скрѣпившія союзъ нашъ,

Должны страшиться дружескихъ пожатій!

Расторгнуть вѣрность! такъ шутить надъ небомъ!

Такъ улодобить насъ дѣтямъ, въ ихъ дружбѣ

Измѣнчивымъ! заставить насъ отречься

Отъ клятвъ сейчасъ лишь данныхъ! въ брачный лиръ

Святаго мира вторгнуться съ мечомъ

И ввѣсть мятежъ на свѣтлое чело

Чистосердечности! Прелать святой,

Отецъ духовный, да не будетъ такъ!

Будь милостивъ! Изобрѣти, измысли,

Веди не столь тяжелое, и свято

Исполню все, но съ нимъ останусь другомъ.

ПАНДУЛЬФО.

Все тяжело, все гнусно, все безцѣльно,
 Что не грозитъ Британіи разрывомъ.
 Бери жь свой мечъ! Будь нашей церкви воинъ!
 Не то—она, мать наша, изречеть
 Проклятье матери надъ блуднымъ сыномъ.
 О Франція! Схватить змью за жало,
 За лапу льва держать въ желѣзной клѣткѣ,
 За клыкъ тигрицу,—вѣрь мнѣ, безопаснѣ,
 Чѣмъ съ тѣмъ дружить, чью руку держишь ты!

КОРОЛЬ ФИЛИППЪ.

Расторгнуть руки можно, но не вѣрность.

ПАНДУЛЬФО.

Такъ ставишь ты въ раздоръ, въ междуусобье,
 И вѣрность съ вѣрностью, и клятву съ клятвой,
 И съ языкомъ языкъ свой? О, сперва
 Исполни лервый свой обѣтъ предъ небомъ—
 Обѣтъ быть воиномъ за нашу церковь;
 А въ чемъ клялся ты послѣ и клялся
 Противъ себя—того не выполняй:
 Понеже тотъ кто клялся сдѣлать злое,
 Зла не свершить коль не свершить сей клятвы;
 А гдѣ ко злу насъ прямо клонить дѣло,
 Не лучше ль тамъ совсѣмъ не сдѣлать дѣла?
 Вѣрнѣйшій путь чтобъ выйти изъ ошибки—
 Власть вновь въ ошибку: пусть мы тутъ неправы,
 За то неправое творимъ мы правымъ
 И ложью ложь врачуемъ; такъ огонь
 Скорѣи всего остудитъ жаръ ожоги.
 Религія велитъ хранить обѣты;
 Но свой обѣтъ ты сдѣлалъ противъ той же
 Религіи, чѣмъ именовъ поклялся:
 Въ залогъ ты вѣрности своей далъ клятву
 Противу клятвы! Тамъ же, гдѣ не знаешь,
 Въ чемъ истинна, для коей ты клянешся,
 Клянись въ одномъ—не быть клятвопреступнымъ;
 Иначе клятвы наши были бь—шутки!
 Въ чемъ клялся ты? Чтобъ быть клятвопреступнымъ?
 Ты будешь имъ коль удержишь то въ чемъ клялся.
 Такъ лервый твой обѣтъ въ враждѣ съ послѣднимъ!

Самъ на себя ты подъялъ бунтъ и, вѣрь мнѣ,
 Славнѣе нѣтъ побѣды для тебя
 Какъ ополчить всю твердость, все величье
 Души твоей въ отпоръ прельщеньямъ грѣшнымъ.
 Вотъ почему и молимъ мы тебя
 Свершить сей подвигъ. Если жъ не свершишь.
 То, вѣдай, грянетъ громъ проклятій нашихъ,
 Столь тагостныхъ что вѣкъ ихъ не страхнешь
 И кончишь жизнь подъ черной ихъ опалой.

ЭРЦГЕРЦОГЪ АВСТРІЙСКІЙ.

Бунтъ! сущій бунтъ!

ФИЛИППЪ ПОВОЧНЫЙ.

Тебѣ еще неимется!

Заткни жъ себѣ телячьей кожей пасть.

ЛУДОВИКЪ.

Отецъ, за мечъ!

БЛАНКА.

За мечъ—въ день нашей свадьбы?

За мечъ на кровь съ которой лишь сроднился?
 Какъ? звать на лиръ нашъ трулы мертвецовъ?
 При визгѣ трубъ, при трескѣ барабановъ
 Отпраздновать нашъ бракъ музыкой адской!
 Нѣтъ, мой супругъ—увы! для устъ моихъ
 Еще такъ ново имя то! Хоть ради
 Слово: *мой супругъ*, мной сказанныхъ впервые,—
 Здѣсь на колѣняхъ я молю, на дядю
 Не подымай меча!

КОНСТАНСА.

О! на колѣняхъ,

Огрубшихъ отъ склоненій непрерывныхъ,
 Молю тебя, мой доблестный дофинъ,
 Не измѣняй назначеннаго небомъ!

БЛАНКА.

О, докажи любовь ко мнѣ! Чье имя,
 Какъ не жены, тебя сильнѣе тронетъ?

КОНСТАНСА.

Сильнѣе чести! Она твоей опорѣ
 Сама опора. Честь, Лудовикъ, честь!

ЛУДОВИКЪ.

Возможно ли такъ долго медлить! Ваше
 Величество, опасность ужъ близка.

ПАНДУЛЬФО.

Я изреку ему проклятье.

КОРОЛЬ ФИЛИППЪ.

Постой!—Союзъ нашъ, Англія, расторгнуть.

КОНСТАНСА.

О, доблестный возвратъ изгнанной чести!

КОРОЛЕВА ЭЛЕОНОРА.

О, гнусный подвигъ легкости французской!

КОРОЛЬ ІОАННЪ.

Филиппъ, сейчасъ оплачешь этотъ часъ!

ФИЛИППЪ ПОБОЧНЫЙ.

Оплачешь—да, лишь только бы дозволилъ

Стражъ вѣчности, могильщикъ лысый, время!

БЛАНКА.

Багровить солнце. Свѣтлый день, прощай!

Къ кому пристать? Теперь я здѣсь и тамъ;

Къ двумъ арміямъ мои простерты руки,

И въ бѣшенствѣ, взявъ за руки меня,

Овѣ меня расторгнуть на двѣ части.

Супругъ, могу ль желать тебѣ побѣды?

О дядя мой, разгромъ твой мнѣ приятенъ!

Отецъ, боюсь желать тебѣ успѣха!

О, бабка, я чужда твоихъ надеждъ!

Кто бъ тутъ ни выигралъ, все жь въ проигрышѣ я,

И прежде чѣмъ сыграть игру успѣють.

ЛУДОВИКЪ.

За мной, за мной, жена; во мнѣ источникъ счастья.

БЛАНКА.

Гдѣ счастье я найду, тамъ и должна уласть я.

КОРОЛЬ ІОАННЪ.

Слѣши, Филиппъ! всѣ силы наши двинь.

(Филиппъ Побочный уходитъ.)

О Франція! Я весь огнемъ пылаю

Отъ ярости, и пылъ ея таковъ

Что только кровью, самой лучшей кровью

Всей Франціи я жаръ въ себѣ залью.

КОРОЛЬ ФИЛИППЪ.

Смотри, чтобъ жаръ не жжегъ тебя! И прежде

Чѣмъ наша кровь зальетъ его, самъ въ пелелъ

Не обратись. Гроза ужь надъ тобой.

т. слх.

КОРОЛЬ ЮАННЪ.

Грозѣ въ отпорѣ гроза. Къ оружью! смѣло въ бой.
(Уходятъ.)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Тамъ же. Поле предъ Анжеромъ. Сраженіе. Стычки.

Входитъ ФИЛИППЪ ПОБОЧНЫЙ съ головой эрцгерцога Австрійскаго.

ФИЛИППЪ ПОБОЧНЫЙ.

Ухъ, что за жаръ! Весь воздухъ такъ и жжетъ,
Какъ будто бѣсъ какой-то съ неба лышетъ
На-насъ огнемъ. Дай духъ переведу.
А голову Австрійца здѣсь положимъ.

Входятъ КОРОЛЬ ЮАННЪ, АРТУРЪ и ГУБЕРТЬ.

КОРОЛЬ ЮАННЪ.

Смотри за принцемъ, Губертъ. Мчись, Филиппъ!
Шатеръ нашъ царскій окруженъ врагами,
И мать моя, боюсь, полалась въ лѣвнѣ.

ФИЛИППЪ ПОБОЧНЫЙ.

Не бойтесь, государь! Я спасъ ее;
Ея высочеству ужь врагъ не страшень.
Пойдемте жь въ бой! Еще одно усилье—
И счастливо мы кончимъ этотъ трудъ. (Уходятъ.)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Тамъ же. Стычки. Сраженіе. Отступленіе.

Входятъ КОРОЛЬ ЮАННЪ, ЭЛЕОНОРА, АРТУРЪ, ФИЛИППЪ
ПОБОЧНЫЙ, ГУБЕРТЬ и лорды.

КОРОЛЬ ЮАННЪ.

Пусть будетъ такъ. (Элеоноръ) Вы, королева, правьте
Здѣсь съ сильнымъ войскомъ. (Артуру) Другъ мой,
что такъ грустенъ?

Тебя старушка любить; дядя жь твой
Такъ будетъ добръ къ тебѣ, какъ твой отецъ.

АРТУРЪ.

Ахъ, это горе мать мою убьетъ!

КОРОЛЬ ІОАННЪ (*Филиппу Побочному*).

Братъ, въ Англію отправься предо мной,
И, прежде чѣмъ прибуду, растраси
Мѣшки аббатовъ, нашихъ скопидомовъ.
Пора пустить ихъ *ангеловъ* на волю;
Пусть людъ голодный кормится теперь
На жирныхъ ребрахъ мира. Дѣйствуй смѣло.

ФИЛИППЪ ПОБОЧНЫЙ.

Гдѣ золото да серебро, оттуда
Меня ни книгой, ни свѣчей, ни звономъ
Не выгонять. Я покидаю ваше
Величество. Въ моихъ молитвахъ (если
Я всломню ихъ!) я стану ломивать
Васъ, бабушка. Цѣлую вашу руку.

КОРОЛЕВА ЭЛЕОНОРА.

Прощай, нашъ добрый внукъ.

КОРОЛЬ ІОАННЪ.

Прощай, прощай!

*(Филиппъ Побочный уходитъ).*КОРОЛЕВА ЭЛЕОНОРА (*Артуру*).

Поди сюда, мой внучекъ,—на два слова.

(Отводитъ его въ сторону).

КОРОЛЬ ІОАННЪ.

Приблизься, Губертъ. О, мой добрый Губертъ!
Должникъ я твой, и здѣсь, въ темницѣ тѣла,
Живеть душа, которая, повѣрь мнѣ,
За всю любовь тебѣ съ лихвой заплатитъ.
Да, добрый другъ мой, преданность твоя
Хранится здѣсь, какъ драгоценность, въ сердцѣ.
Дай руку мнѣ. Мнѣ бѣ нужно кой о чемъ
Поговорить съ тобой, но время терпѣть.
Предъ Богомъ, Губертъ, я почти стыжусь
Сознаться въ томъ какъ чтимъ ты мной высоко.

ГУБЕРТЬ.

Вы, государь, ко мнѣ добры чрезмѣрно.

КОРОЛЬ ІОАННЪ.

Нѣтъ, добрый другъ, такъ говорить не время.
Но день придетъ, и какъ бы тихо къ намъ
Ни кралось время,—день придетъ награды.
Хотѣлъ сказать я, но отложимъ. Солнце

- Еще горитъ на небѣ; гордый день,
Ласкаемый утѣхъ житейскихъ роемъ,
• Еще такъ рѣзвъ, такъ пышевъ что мнѣ страшно
Заговорить. Вотъ еслибъ въ полночь гравуль
Желѣзнымъ языкомъ изъ мѣдныхъ устъ
Вдругъ колоколъ въ глухое ухо ночи;
Иль еслибъ мы стояли на кладбищѣ
И ты бѣ кипѣлъ отъ тысячи обидъ;
Иль еслибы унынье, духъ угрюмый,
Свернулъ, сгустилъ, сковалъ всю кровь тебѣ,—
(Ту кровь, что въ людяхъ льется такъ игриво,
Блеститъ въ глазахъ ихъ цѣлотскимъ смѣхомъ
И щеки имъ румянитъ тѣмъ весельемъ,
Что такъ противно для моей души);
Иль еслибъ могъ ты слышать безъ ушей,
Глядѣть безъ глазъ и мнѣ давать отвѣты
Безъ языка, лишь помысломъ однимъ,
Безъ глазъ, ушей и звука словъ опасныхъ:
Тогда бѣ и въ блескѣ радостнаго дня
Я въ грудь твою мою излилъ бы душу.
Но—нѣтъ; къ чему? А все жъ ты дорогъ мнѣ,
Какъ и тебѣ я, кажется, самъ дорогъ.

ГУБЕРТЬ.

Такъ дороги что все что повѣлите
Исполнить мнѣ, хотя бѣ съ утратой жизни,
Клянусь, исполню.

КОРОЛЬ ЮАННЪ.

Вѣрю, добрый Губертъ.

О Губертъ, Губертъ! На того ребенка
Взглянулъ ли ты? Сказать ли правду, другъ мой?
Тѣ суцая змѣя въ моемъ пути,
И гдѣ бѣ ноги я ни поставилъ, всюду
Онъ предо мной. Ты появля мысль мою?
Ты стражъ его.

ГУБЕРТЬ.

Столь бдительный что вреднымъ
Онъ вашему величеству не будетъ.

КОРОЛЬ ЮАННЪ.

Смерть.

ГУБЕРТЬ.

О, милордъ!

КОРОЛЬ ІОАННЪ.

Могилъ.

ГУБЕРТЬ.

Живъ не будетъ.

КОРОЛЬ ІОАННЪ.

Девольво. Губертъ, ты мнѣ другъ. Я весель.
 Чтò ждетъ тебя, о томъ пока молчу.
 Такъ помни же! Прощайте, королева.
 Войска мои вамъ слѣдомъ.

КОРОЛЕВА ЭЛЕОНОРА.

Да хранить

Тебя Господь!

КОРОЛЬ ІОАННЪ.

Въ путь, въ Англію, племянникъ.

Вотъ дядька твой; считай его въ числѣ
 Друзей твоихъ. Скорѣе въ путь, въ Кале.

(Уходятъ.)

СЦЕНА IV.

Тамъ же. Палатка Французскаго короля.

Входятъ КОРОЛЬ ФИЛИППЪ, ЛУДОВИКЪ, ПАНДУЛЬФО и свита.

КОРОЛЬ ФИЛИППЪ.

Такъ бурей среди ревущихъ волнъ
 Разносятся по разнымъ направленьямъ
 Армады цѣлой сборныя суда.

ПАНДУЛЬФО.

Будь твердъ и вѣрь, все Богъ устроить къ благу.

КОРОЛЬ ФИЛИППЪ.

Какихъ ждаты благъ, когда такъ много золъ?
 Иль не побиты мы? Иль не въ лѣтну
 Артуръ? Анжеръ не взять? друзья не пали?
 И въ Англію, прорвавъ преграды всѣ,
 Не ускользнулъ Британецъ кровавадный?

ЛУДОВИКЪ.

И все, чтò взялъ, не укрѣпилъ такъ сильно?
 Примѣровъ не было, чтобъ кто такъ быстро
 И такъ обдуманно, въ такомъ порядкѣ,
 Одерживалъ побѣды! Кто читалъ,
 Иль слыхивалъ о чемъ-нибудь подобномъ?

КОРОЛЬ ФИЛИППЪ.

Я бѣ легче съесть твою хвалу Британцамъ,
Будь нашъ позоръ не столько безпримѣрнымъ.

(Входитъ Констанса.)

Но это кто? Ахъ! то души могила,
Гдѣ вѣчный духъ, какъ узникъ заключенъ
Въ темницѣ жалкой, полной горемъ жизни!
О, согласись идти со мной, принцесса!

КОНСТАНСА.

Ну, вотъ смотри, къ чему довелъ ты миромъ.

КОРОЛЬ ФИЛИППЪ.

Стерли, Констанса! милая, утѣшься!

КОНСТАНСА.

Прочь всѣ совѣты, прочь всѣ утѣшенья!
Мнѣ дастъ совѣтъ кто рупитъ всѣ совѣты —
Смерть, смерть одна. О, милая услада!
О, прочный тлѣнь! о смрадъ благоуханный!
О, смерть, воздвигнись съ ложа вѣчной ночи,
Ты, ненависть, ты, всѣхъ счастливыхъ страхъ!
Позволь мнѣ, смерть, добзять твой остовъ страшный,
Вложить глаза мои въ твои глазницы,
Червей твоихъ свить мнѣ на пальцахъ въ перстни
И, прахомъ дверь дыханью заградивъ,
Принять твой видъ, страшилище! Приди же,
Оскаль свой зѣвъ и, какъ жена, прильну
Въ улыбки устъ твоихъ. Подруга бѣдныхъ,
Ко мнѣ, ко мнѣ!

КОРОЛЬ ФИЛИППЪ.

Скорбь милая, умолкни!

КОНСТАНСА.

Нѣтъ, нѣтъ, пока въ груди есть духъ для крика!
О, будь языкъ мой языкомъ громовъ,
Я бѣ потрясла весь миръ своею скорбью;
Я бѣ вызвала отъ сна злой смерти остовъ.
Кому не внятевъ слабый женскій вопль,
Кому смѣшны обычныя воззванья.

ПАНДУЛЬФО.

Жена, твой крикъ — крикъ бреда, а не горя.

КОНСТАНСА.

Священникъ ты, а говоришь нечѣсть.

Я не въ бреду; я помню чья рву косы;
 Констанса има мнѣ, Готфридъ мой мужъ,
 Артуръ мой сынъ, и вотъ его не стало.
 Я не въ бреду! О, еслабъ Богъ разстроилъ
 Разсудокъ мой, а бѣ и себя забыла;
 Себя жь забывъ, забыла бѣ сколько бѣдъ!
 О, докажи, философъ, что въ бреду я,
 И ты къ святымъ причтешься, кардиналъ.
 Нѣтъ, я въ своемъ умѣ, слособна къ горю,
 И часть разумная во мнѣ укажетъ
 Мнѣ луть уйти отъ этихъ страшныхъ мукъ
 Кинжаломъ, петлей. Еслабъ я была
 Безумная, а бѣ позабыла сына,
 Иль чудился бѣ мнѣ въ каждой куклѣ омы;
 Но я въ своемъ умѣ, и слишкомъ ясно,
 Отчетливо все горе сознаю.

КОРОЛЬ ФИЛИППЪ.

Сбери же пряди косъ своихъ. О, сколько
 Любви и въ этой роскоши волосъ!
 Чуть гдѣ падеть серебряной росинкой
 Слеза на нихъ, ужъ тысячами нити
 Другихъ волосъ къ ней липнуть въ общемъ горѣ,
 Какъ вѣрный кругъ испытанныхъ друзей,
 Сплотившихся въ одно среди невзгоды.

КОНСТАНСА.

Такъ въ Англію? поведемъ.

КОРОЛЬ ФИЛИППЪ.

Прежде косы

Сбери олять.

КОНСТАНСА.

Пожалуй; а сказать ли,
 Зачѣмъ сбери? Срывая съ нихъ ловазку,
 Кричала я: „Рука, спаси мнѣ сына,
 Какъ ты даешь свободу волосамъ!“
 И вотъ теперь, завидуя ихъ волѣ,
 Я снова ихъ ловазкою свяжу,
 Пока въ лѣвну ребенокъ мой злосчастный.
 Ты говорилъ когда-то, кардиналъ,
 Что, встрѣтятся въ небѣ, мы друзей узнаемъ.
 О, если такъ, я свижусь вновь съ младенцемъ,
 Прекрасѣйшимъ изъ всѣхъ земныхъ дѣтей

Отъ Каина и до того младенца
 Чтò въ эту ночь лишь первый издавъ крикъ.
 Но червь тоски цвѣтокъ мой сложенъ въ лочкѣ,
 Всю свѣжесть мая сповить съ щекъ его,
 И сынъ мой станетъ худъ, какъ въ лихорадкѣ,
 И слабъ, съ потухшимъ взоромъ, какъ мертвецъ,
 И такъ умереть, и такъ воскреснетъ снова,
 И я, съ нимъ встрѣтившись, ужь не узнаю
 Его въ раю. О, нѣтъ! ужь вѣчно, вѣчно
 Мнѣ милаго Артура не видать.

ПАНДУЛЬФО.

Грѣшно такъ сильно предаваться грусти.

КОНСТАНСА.

Такъ говорить лишь тотъ кто былъ бездѣтенъ.

КОРОЛЬ ФИЛИППЪ.

Ты любишь грусть свою не меньше сына.

КОНСТАНСА.

Грусть заняла мнѣ мѣсто сына. Всюду
 Она со мной, легла въ его постель,
 Глядитъ какъ онъ умильно повторяетъ
 Его слова, движенья; даже въ платьѣ,
 Чтò онъ носилъ, влагаешь формы сына.
 Такъ почему жь мнѣ грусти не любить?
 Прощайте. Еслибъ васъ постигло то же
 Чтò и меня, я бь утѣшала лучше.

(Срываетъ головной уборъ.)

Къ чему держать мнѣ волосы въ порядкѣ
 Когда въ умѣ такой разладъ? О небо,
 Мой милый сынъ, мой мальчикъ, мой Артуръ,
 Мой хлѣбъ насущный, радость, жизнь, мой міръ.
 Вдовы надежда и въ скорбяхъ улада!

(Уходитъ.)

КОРОЛЬ ФИЛИППЪ.

Пойду за ней; ея печаль опасна. *(Уходитъ.)*

ЛУДОВИКЪ.

Нѣтъ радости мнѣ въ мірѣ! Жизнь скучна,
 Какъ два раза разказанная сказка,
 Докучная для слуха тѣхъ кто дремлетъ.
 Да, горькій стыдъ убилъ всю сладость жизни,
 И чтò въ замѣнъ оставилъ? Срамъ и горечь.

ПАНДУЛЬФО.

Предъ испытаньемъ отъ болѣзни тяжкой,
 Въ тотъ мигъ какъ силы крѣпнуть въ насъ, сильнѣй
 Бываетъ приступъ; выходя изъ тѣла
 Зло всѣхъ недуговъ кажется намъ злѣй.
 Что потерялъ ты проигравъ день битвы?

ЛУДОВИКЪ.

Всѣ дни веселья, счастья и славы.

ПАНДУЛЬФО.

Да, выиграй,—ты бѣ потерялъ навѣрно!
 Нѣтъ, сынъ мой, нѣтъ! Къ кому добра fortuna.
 На тѣхъ она глядитъ всегда съ угрозой.
 Повѣришь ли какъ много Иоаннъ
 Утратилъ въ томъ въ чемъ видитъ онъ удачу?
 И ты жальешь что Артуръ въ плѣну?

ЛУДОВИКЪ.

Отъ всей души, какъ радъ его плѣнившій.

ПАНДУЛЬФО.

Какъ кровь юна въ тебѣ, такъ юнъ и разумъ!
 Но выслушай что вѣщій духъ мой скажетъ
 И знай что словъ моихъ единый духъ
 Развѣять долженъ до малѣйшей крошки
 Весь прахъ и соръ съ тропы ведущей прямо
 Тебя на тронъ Британскій. Такъ внимай же.
 Артуръ въ плѣну; но статочное ль дѣло
 Чтобъ Иоаннъ, пока килитъ ключомъ
 Младая жизнь въ крови того ребенка,
 Имѣлъ хоть часъ, хоть мигъ, хоть вздохъ покойный?
 Нѣтъ, вырванный рукой неправой скелетръ,
 Какъ взять, такъ долженъ и хранимъ бытьилой;
 А кто стоитъ на скользкомъ мѣстѣ, тотъ
 И поддыхъ рукъ не брезгаетъ поддержкой,
 Чтобъ Иоаннъ стоялъ, Артуру надо ластъ
 И будетъ такъ: зане нельзя иначе.

ЛУДОВИКЪ.

Падетъ Артуръ; какая жь въ томъ мнѣ польза?

ПАНДУЛЬФО.

Какъ Бланки мужъ, ты отъ нея предъявишь
 Всѣ тѣ права что предъявлялъ Артуръ.

ЛУДОВИКЪ.

И, какъ Артуръ, лишусь ихъ вмѣстѣ съ жизнью?

ПАНДУЛЬФО.

О, какъ ты зеленъ въ этомъ дряхломъ мѣрѣ!
 Иоаннъ далъ путь, успѣхъ же дастъ намъ время.
 Кто свой престолъ упрочилъ кровью правой,
 Того престолъ непрочень и кровавъ.
 Такимъ злодѣйствомъ подданныхъ сердца
 Онъ охладить, остудить такъ въ нихъ вѣрность,
 Что весь народъ воспользуется каждымъ
 Малѣйшимъ поводомъ, чтобъ свергнуть его,
 И каждому паровъ сгущенью въ небѣ,
 Простой игрѣ природы, легкой бурѣ,
 Невастью, случаямъ наипростѣйшимъ,
 Припишетъ чудное происхожденье
 И назоветъ ихъ знаменьями, чудомъ,
 Предвѣстьемъ, метеоромъ, гласомъ неба,
 Зовущимъ на Иоанна злую месть.

ЛУДОВИКЪ.

Но, можетъ-быть, онъ не убьетъ Артура,
 А лишь безвреднымъ сдѣлаетъ въ темницѣ?

ПАНДУЛЬФО.

О принцъ! Едва онъ про тебя прослышитъ,
 Какъ ужъ Артуръ, коль съ рукъ еще не сбытъ,
 Погибнетъ тотчасъ. Тутъ-то и отхлынутъ
 Сердца всѣхъ подданныхъ отъ Иоанна,
 И, кинувшись лобзать въ уста крамолу,
 Исторгнутъ поводъ къ бурнымъ мятежамъ
 Изъ окровавленной руки тирана.
 Я, мнитса, зрю ужъ въ очю ту бурю!
 И мало ль благъ тебѣ еще таится
 Въ грядущемъ, принцъ! Побочный Фокенбриджъ
 Ужъ въ Англiи теперь; онъ грабитъ церкви,
 Гнететъ святыню. Будь тамъ хоть двѣнадцать
 Французовъ,—вмигъ примкнули бъ десять тысячъ
 Къ намъ Англичанъ, какъ сокола на зовъ,
 Иль какъ малѣйшій свѣжннй комъ, катясь,
 Становится горою. О дофинъ,
 Пойдемъ къ его величеству! Вѣдь чудо,
 Что можешь ты извлечь изъ этихъ смуть!
 Теперь-то бы, съ началомъ бѣды, и грянуть
 На Англiю! Король мнѣ покорится.

ЛУДОВИКЪ.

На сильныя слова могучій и отвѣтъ!

Идемъ. Скажи лишь да, король не скажетъ: *нѣтъ*.

(Уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Нортгемптонъ. Комната въ замкѣ.

Входятъ ГУБЕРТЬ и ДВОЕ ПРИСЛУЖНИКОВЪ.

ГУБЕРТЬ.

Ты до красна желѣзо накали,

А ты за пологъ спрячься, и лишь только

Ногою толкну, оба выбѣгайте,

И мальчика, съ кѣмъ буду говорить,

Важите крѣпче къ стулу. Ждите знака.

1я ПРИСЛУЖНИКЪ.

А есть приказъ на такое дѣло?

ГУБЕРТЬ.

Еще бы нѣтъ! Идите жь и не бойтесь. *(Прислужники уходятъ).*

Эй, мальчуганъ, сюда! къ тебѣ есть дѣло.

Входитъ АРТУРЪ.

АРТУРЪ.

Здорово, Губертъ.

ГУБЕРТЬ.

Здравствуй, малый принцъ.

АРТУРЪ.

Да, малый принцъ; но съ сильнымъ притязаньемъ

Стать выше принца. Что же ты такъ грустенъ?

ГУБЕРТЬ.

Бывалъ и веселъ.

АРТУРЪ.

Не сердись. Я думалъ

Что на землѣ грустнѣе нѣтъ меня,

Хоть помню я, во Франціи, гдѣ жилъ я,

Вся молодежь изъ шалости ходила

Грустна какъ ночь. Ахъ, еслибъ я на волю

Былъ вылученъ и ласъ овецъ,—ей Богу,

Я бъ цѣлый день былъ веселъ. Да и здѣсь

Я не грустилъ бы еслибъ только вѣдалъ
 Что дядя мой не сдѣлаеть мнѣ зла.
 Онъ все меня боится; только, право,
 Чѣмъ виновать я что я сынъ Готфрида?
 Ничѣмъ! Я былъ бы словно въ небесахъ
 Будь я твой сынъ: меня бъ любилъ ты, Губертъ.

ГУБЕРТЬ *(съ сторону)*.

Съ нимъ говорить нельзя: своимъ невиннымъ
 Онъ лелетомъ умершую во мнѣ
 Разбудить жалость. Лучше кончить разомъ.

АРТУРЪ.

Ты боленъ, Губертъ; ты сегодня блѣдень.
 О, я бъ былъ радъ, будь ты немножко боленъ,
 Тогда бъ всю ночь съ тобою я провелъ!
 Какъ я тебя, вѣдь ты меня не любишь.

ГУБЕРТЬ *(съ сторону)*.

Его слова мнѣ прямо входятъ въ душу. *(Подаетъ ему бумагу.)*

Читай, Артуръ!

(Въ сторону). Что это? глупость! слезы!

Вы гоните всю пытку за дверь! Надо
 Мнѣ послѣшить; не то—рѣшимость вылью
 Изъ глазъ моихъ потокомъ женскихъ слезъ.
(Артуру). Или не прочтешь? написано знать дурно.

АРТУРЪ.

Нѣтъ, слишкомъ хорошо для дѣлъ столь гнусныхъ!
 Ты оба глаза долженъ выжечь мнѣ!

ГУБЕРТЬ.

Да, прищъ.

АРТУРЪ.

И выжжешь?

ГУБЕРТЬ.

Да.

АРТУРЪ.

И хватить силъ?

Разъ у тебя болѣла голова;
 Я лобъ тебѣ обвилъ своимъ платкомъ
(Онъ лучший былъ и вышитъ мнѣ правцессой)
 И не просилъ его назадъ. Всю ночь
 Я голову поддерживалъ тебѣ

И, какъ въ часу минуты, неустанно,
 Развлекъ тебя стараясь, говорилъ:
 „Не нужно ли чего?“ или: „гдѣ болитъ?“
 Или: „Чѣмъ могу помочь тебѣ?“—Другой,
 Сынъ даже вѣщаго, всю ночь проспалъ бы
 И не сказалъ бы ласковаго слова.
 А за тобой ухаживалъ вѣдь принцъ.
 Ты скажешь: я хитрилъ, я притворялся
 Изъ выгодъ? Что жь, пожалуй, говори!
 Коль Богъ рѣшилъ, чтобъ ты вредилъ мнѣ,—значить
 Вредить ты долженъ. Ахъ! лишусь ли глазъ,
 Которые ни разу не взглянули,
 Да и не взглянуть злобно на тебя?

ГУБЕРТЪ.

Я покаялся желѣзомъ выжечь ихъ.

АРТУРЪ.

Такъ можно сдѣлать въ нашъ лишь вѣкъ желѣзный!
 Само желѣзо, красное какъ жаръ,
 Приблизившись къ глазамъ моимъ, ульется
 Слезами ихъ и, видя ихъ невинность,
 Загаситъ въ нихъ неустовый свой пылъ;
 Да и потомъ лодъ ржавчиной истлѣветъ
 За то одно что жжечь мнѣ ихъ хотѣло.
 Или крѣплче ты, чѣмъ кованый чугунокъ?
 Нѣтъ! еслибы самъ ангелъ мнѣ явился
 И возвѣститъ: тебя ослѣпить Губертъ,—
 Я бь Губерту повѣрилъ,—не ему.

ГУБЕРТЪ (*топая ногой*.)

Эй вы!

Входить ПРИСЛУЖНИКИ съ желѣзомъ, веревками и прочимъ.

ГУБЕРТЪ.

Сейчасъ за дѣло, какъ велѣлъ я!

АРТУРЪ.

Спаси, о Губертъ! о спаси! Я слышу
 Ужъ отъ однихъ злыхъ взоровъ твоихъ убійць.

ГУБЕРТЪ.

Подать желѣзо, говорить вѣжите!

АРТУРЪ.

Ахъ, для чего насиліе такое?

Я не противлюсь; буду твердъ, какъ камень.

Ахъ, ради Бога, не вѣжи меня!
 Послушай, Губертъ! проговори злодѣевъ,
 И буду я сидѣть смиреннѣй овецки,
 Не шевельнусь, словечка не промолвлю
 И на желѣзо не взгляну сердито.
 Лишь только вышли ихъ; а тамъ, какъ хочешь,
 Терзай меня; я все тебѣ прощаю.

ГУБЕРТЪ (*прислужникамъ*).

Вонъ! встать за дверью! я одинъ съ нимъ справляюсь.
 1й ПРИСЛУЖНИКЪ.

Душевно радъ не быть при этомъ дѣлѣ.
 (*Прислужники уходятъ.*)

АРТУРЪ.

Ахъ что я сдѣлалъ? Самъ я друга выгналъ!
 Онъ сердцемъ добръ, и съ виду только страшень.
 Верни его: онъ жалостью своей
 Твою разбудить.

ГУБЕРТЪ.

Ну, готовься, мальчикъ!

АРТУРЪ.

И нѣтъ спасенья?

ГУБЕРТЪ.

Нѣтъ! ты глазъ лишишься.

АРТУРЪ.

О, небо! еслибъ тонкій волосокъ,
 Пылинка, мошка—все что такъ опасно
 Для лучшаго изъ чувствъ—въ твой глазъ попало,
 То, чувствуя какъ жжетъ и эта малость,
 Ты повялъ бы, какъ страшень замысль твой.

ГУБЕРТЪ.

Гдѣ жь обѣщанья? Стой, уйми языкъ.

АРТУРЪ.

Двухъ языковъ, о Губертъ, было бъ мало,
 Чтобъ вымолить пощаду парѣ глазъ!
 Не привуждай меня молчать. Нѣтъ, Губертъ,
 Ужь если хочешь, вырѣжь мнѣ языкъ;
 Но глазъ не трогай! Пощади мнѣ ихъ,
 Хоть для того, чтобъ на тебя смотрѣть.
 Вонъ, погляди, твой пруть желѣзный стынетъ
 И сталъ безвреднымъ.

ГУБЕРТЬ.

Раскалю опять.

АРТУРЪ.

Нѣтъ, право, нѣтъ! Огонь вѣдь умеръ съ горя
 О томъ что, созданный намъ въ пользу, служить
 Для дѣла ему несвойственныхъ. Самъ видишь,
 Ужъ злобы нѣтъ въ горящихъ угаяхъ тѣхъ:
 Небесный вѣтръ задулъ въ нихъ пылъ, посылавъ
 Имъ голову раскаенія лелломъ.

ГУБЕРТЬ.

Я оживлю въ нихъ пылъ своимъ дыханьемъ.

АРТУРЪ.

Но лишь затѣмъ, чтобъ вызвать въ нихъ румянецъ
 И жаръ стыда за твой поступокъ, Губертъ.
 Смотри, чтобъ съ нихъ не отскочила искра
 Тебѣ въ глаза: натравленный на драку,
 Такъ лесъ грызетъ хозяина, кто травить.
 И вотъ все то, чѣмъ ты вредить хотѣлъ,
 Не дѣйствуетъ. Уже ль въ тебѣ лишь нѣтъ
 Той жалости что есть въ огнѣ, въ желѣзѣ,
 Въ орудіяхъ, прославленныхъ ихъ злобой?

ГУБЕРТЬ.

Ну, такъ живи! Я глазъ твоихъ не трону,
 Хоть отдавай твой дядя мнѣ полцарства.
 А все жъ я клятву далъ и былъ намѣренъ
 Желѣзомъ этимъ выжечь ихъ, дитя.

АРТУРЪ.

Вотъ прежній Губертъ, а досель онъ былъ
 Переодѣтъ.

ГУБЕРТЬ.

Прощай. Ни слова болѣ!

Чтобъ дядя твой не зналъ что живъ ты,—надо
 Пустить въ его шпионовъ ложный слухъ.
 Повѣрь, мой милый, ни за что на свѣтѣ
 Не оскорблю тебя; засни жъ покойно.

АРТУРЪ.

О, Боже мой! Благодарю, мой Губертъ!

ГУБЕРТЬ.

Молчи. Тихонько выйди мнѣ вослѣдъ;
 Изъ-за тебя нажать мнѣ страшныхъ бѣдъ.

(Уходятъ.)

СЦЕНА П.

Тамъ же. Троневаа зала во дворцѣ.

Входятъ КОРОЛЬ ІОАННЪ въ коронѣ, ПЕМБРОКЪ, СОЛСБЕРИ
и другіе лорды. Король садится на тронъ.

КОРОЛЬ ІОАННЪ.

И вотъ мы, вновь вѣнчанные, на тронѣ,
И взоры всѣхъ, надѣюсь, рады намъ.

ПЕМБРОКЪ.

То было вашего величества желанье;
Но вновь зачѣмъ короновались вы?
Вѣнецъ ужъ былъ на васъ; вашъ санъ высокій
Не поколебленъ; вѣрности въ народѣ
Быть не потерясь и, въ долгомъ ожиданьи
Дней лучшихъ, край вашъ перемѣнъ не жаждетъ.

СОЛСБЕРИ.

И потому—надѣтъ корону дважды,
Украстить санъ и безъ того богатый,
На лилію класть краски, позолоту
На золото, влить ароматъ въ фіалку,
Ледъ шлифовать, или къ радугѣ прибавить
Цвѣтъ небывалый, цѣль свѣчей лытаться
Усилить яркость солнца, око неба,—
Напрасный трудъ, смѣшная прихоть воли!

ПЕМБРОКЪ.

Монарха волю что я, но дерзну
Весь этотъ актъ сравнить со сказкой старой,
Разказанной на новый ладъ, не кстату,
Не вовремя, и потому докучной.

СОЛСБЕРИ.

Онъ искажаетъ древній, всѣмъ знакомый,
Почтенный образъ старины сѣдой.
И, какъ нежданннй вѣтеръ парусамъ,
Даетъ онъ мыслямъ поворотъ нежданннй,
Въ туликъ становить и лугаетъ умъ,
Смуцаетъ здравый смыслъ и заставляетъ
Не вѣрить правдѣ въ новомодномъ платѣ.

ПЕМБРОКЪ.

Свой трудъ стараясь улучшить до-вельзя,
Художникъ чванный только портитъ трудъ.

О, сколько разъ, въ ошибокъ извиняясь,
Мы дѣлаемъ ее лишь тѣмъ замѣтнѣй!
Такъ на прорѣхъ небольшой залаата,
Не скрывъ ее, скорѣй все портить платье,
Чѣмъ самая прорѣха до залааты.

СОЛСБЕРИ.

Въ такомъ-то смыслѣ предъ вѣчаемъ новымъ
Советъ мы дали. Было не угодно
Вамъ внять ему, и всѣ мы покорились,
Затѣмъ что мы покорствуемъ всему,
Что вашему величеству приято.

КОРОЛЬ ЮАННЪ.

Изъ поводовъ къ вторичному вѣчанью
Есть много важныхъ: вамъ они извѣстны.
Есть и еще важнѣе тѣхъ; но только
Какъ страхъ мой стихнетъ, сообщу объ нихъ.
Межъ тѣмъ просите обо всемъ что нужно
Исправить какъ дурное: я приму
И выполняю охотно просьбы ваши.

ПЕМБРОКЪ.

Итакъ, какъ органъ всѣхъ здѣсь предстоящихъ,
Какъ выразитель мыслей ихъ,—молю
Какъ за себя, такъ и за нихъ, но лаче
Всего, монархъ, за благо намъ священной
Твоей особы,—я молю, монархъ,
Освободи Артура! Плънь его
Рождаетъ ропотъ на устахъ крамолы,
Подаять готовой роковой запросъ
Такой: „Коль мирный край нашъ—твой по праву,
За что жь изъ страха (страхъ же—это слугаикъ,
Какъ говорятъ, неправды)—держишь въ узахъ
Ты сродника-младенца? душишь въ мгль
Невѣжества и, въ цвѣтъ лѣтъ, лишаешь
Его всѣхъ выгодъ рыцарской науки?“
Такъ вотъ чтобъ злоба дня не подымала
Такихъ запросовъ, молимъ у тебя,
Какъ самъ дозволилъ намъ, свободы принца.
И молимъ лишь во столько въ нашу пользу,
Во сколько благо слугъ твоихъ считаешь
Твоимъ же благомъ—дать ему свободу.

КОРОЛЬ ЮАННЪ.

Быть по сему! Отнынѣ юность принца
Ввѣряю вамъ.

Входитъ ГУБЕРТЪ.

Съ какимъ извѣстьемъ, Губертъ?
(Отводитъ его въ сторону).

ПЕМБРОКЪ.

Вотъ на кого возложенъ подвигъ крови!
Пріатель мой самъ видѣлъ у него
Приказъ. Злой образъ гнуснаго злодѣйства
Въ его глазахъ, а сдержанность въ лицѣ
Намъ говоритъ какой въ немъ адъ клокочетъ.
И я боюсь: не кончено ли то
Въ чемъ мы его работы такъ страшились.

СОЛСБЕРИ.

А самъ король? смотри, со щекъ его
То замыслъ злой, то совѣсть гонять краску,
Какъ мечутся между двухъ войскъ герольды.
Созрѣла страсть и, какъ нарывъ, прорвется.

ПЕМБРОКЪ.

И, какъ нарывъ, боюсь, извергаетъ гной,
Гной мерзкій смерти милаго ребенка.

КОРОЛЬ ЮАННЪ *(подходя къ лордамъ)*.

Кто сдержитъ сильную десницу смерти?
Духъ благости во мнѣ не умиралъ;
Того жь, о комъ вы просите,—не стало.
Артуръ, доносить намъ, скончался въ ночь.

СОЛСБЕРИ.

Дѣйствительно, онъ былъ неизлѣчимъ!

ПЕМБРОКЪ.

Дѣйствительно, онъ былъ такъ близокъ къ смерти
Что смерть пришла, какъ слышно, до болѣзни!
Не здѣсь, такъ тамъ дадутъ за то отвѣтъ.

КОРОЛЬ ЮАННЪ.

Что жь взоръ въ меня вперяете такъ грозно?
Въ рукахъ ли нашихъ вожницы судьбы?
Повелѣваю ли я пульсомъ жизни?

СОЛСБЕРИ.

Фальшь явная въ игрѣ! И какъ не стыдно
Величеству вести ее такъ нагло!
Играйте жь счастливо; за симъ—прощайте.

ПЕМБРОКЪ.

Постой, лордъ Солсбери! Пойдемъ, пощемъ,
Гдѣ малый тровъ въ безвременномъ гробу
Нашелъ себѣ страдалецъ. Кто, по праву,
Всѣмъ островомъ владѣлъ бы съ дѣтскихъ лѣтъ,
Тотъ взялъ три фута въ немъ земли! О, свѣтъ.
Какъ дурень ты! Чьихъ силъ снести то станеть?
Но близькъ громъ, и скоро, скоро грянетъ!

(Лорды уходятъ.)

КОРОЛЬ ІОАННЪ.

Гнѣвъ такъ и пышетъ въ лицахъ ихъ. Охъ, каюсъ!
Нѣтъ прочности въ построенномъ на крови.
И ближнихъ смерть намъ жизни не продлитъ.

(Входитъ гонецъ.)

Твой страшень видъ. Куда же кровь бѣжала
Изъ щекъ твоихъ? Такія тучи въ небѣ
Лишь буря разгоняетъ. Ну, скорѣй
Грянь громомъ. Что Франдузы?

ГОНЕЦЪ.

Всѣ идутъ

Изъ Франціи на Англію. Такого
Нашествія громадныхъ силъ ни разу
Не подымала ни одна страна!
Ты научилъ ихъ дѣйствовать послѣдшо:
О сборѣ войскъ вѣстей не подучалъ.
А вотъ ужъ слышишь—врагъ въ страну ворвался.

КОРОЛЬ ІОАННЪ.

Такъ что жъ дремали, пьянствовали что ли
Развѣдчики? Какъ мать моя безлечна!
Такой сборъ войскъ во Франціи, а слуха
Къ ней не дошао!

ГОНЕЦЪ.

О, государь! засыпанъ

Землею слухъ родительницы вашей:
Она скончалась перваго апрѣля;
А за три дня, предъ этимъ, умерла
Въ безумьи и Констанса: это—слухи,
Правдивые, или нѣтъ,—того не знаю.

КОРОЛЬ ІОАННЪ.

Сдержи свой бѣгъ, о грозный духъ случайность!
Дружись со мной, дай въ недовольныхъ перовъ

Вселить пріязнь въ себѣ. Такъ мать скончалась!
 Ну, плохо жь мнѣ во Франціи теперь!
 А кто ведетъ французскія тѣ силы,
 Которыя, какъ говоришь, ужь здѣсь?

ГОНЕЦЪ.

Дофинъ.

Входятъ ФИЛИППЪ ПОБОЧНЫЙ и ПИТЕРЪ изъ Помфрета.
 КОРОЛЬ ЮАННЪ.

Кружится голова отъ гадкихъ
 Твоихъ вѣстей! (*Филиппу*). Ну что? какъ свѣтъ тол-
 куешь

Твою расправу? Но дурныхъ вѣстей
 Не сказывай: ужь ихъ и такъ довольно.

ФИЛИППЪ ПОБОЧНЫЙ.

Бойтесь слышать вы дурныхъ вѣстей,
 Такъ худшаго, не выслушавъ, дождетесь.

КОРОЛЬ ЮАННЪ.

Ну, не сердись, Филиппъ! я былъ раздавленъ
 Налоромъ волнъ; но вотъ я выплываю снова,
 Духъ перевелъ и выслушать готовъ
 Вѣсть всякую что бь въ ней ни сообщалось.

ФИЛИППЪ ПОБОЧНЫЙ.

Чтобъ оцѣнить успѣхъ мой съ духовенствомъ,
 Считите, сколько денегъ я привезъ,
 Но дурно то что на пути обратномъ
 Нашелъ я людъ страны въ волненьи странномъ:
 Онъ вѣритъ разнымъ слухамъ, глулымъ бреднямъ,
 Боятся, самъ не вѣдая чего.
 И вотъ пророкъ, захваченный мной съ улицъ
 Помфрета. Тамъ я видѣлъ какъ толпами
 Валилъ за нимъ народъ, и самъ я слышалъ
 Какъ онъ, въ нескладныхъ виршахъ, глѣлъ о томъ
 Что въ Вознесенье де и въ самый полдень
 Вы сложите вѣнецъ свой, государь.

КОРОЛЬ ЮАННЪ.

Пустой боатунь, съ чего лоешь ты такъ?

ПИТЕРЪ.

Съ того что знаю что и будетъ такъ.

КОРОЛЬ ІОАННЪ.

Возьми его и брось въ темницу, Губертъ;
 А въ день, въ который, какъ пророчить онъ.
 Сложу вѣнецъ, вели повѣсить въ полдень.
 Отдай лодъ отражу и слѣши назадъ:
 Ты будешь нуженъ.

(Губертъ и Питеръ уходятъ.)

О, племянникъ милый!

Ты слышалъ вѣсть? Ты знаешь кто къ намъ вторгся?

ФИЛИППЪ ПОБОЧНЫЙ.

Какъ не слыжать! Французы. Слухъ то общій.
 Но вотъ еще—я встрѣтилъ лордовъ Биготъ
 И Солобери (глаза ихъ такъ и рдѣли!).
 Они съ толпою лордовъ шли искать
 Гдѣ погребенъ Артуръ, вчера убитый,
 По вашему, какъ говорятъ, приказу.

КОРОЛЬ ІОАННЪ.

О, добрый сродственникъ! Слѣши, проникни
 Въ ихъ тѣсный кругъ; скажи имъ что у насъ
 Есть слособы спускать любовь ихъ снова.
 Веди ихъ къ намъ.

ФИЛИППЪ ПОБОЧНЫЙ.

Пойду и разыщу.

КОРОЛЬ ІОАННЪ.

Но лишь скорѣй; не пожалѣй ужь ногъ.
 О, какъ имѣть мнѣ внутреннихъ враговъ,
 Когда грозятъ намъ шествіемъ свирѣлымъ
 Моей землѣ отвсюду чужеземцы!
 Придѣлай къ ляткамъ крылья, мой Меркурій,
 И мчись какъ мысль отъ нихъ ко мнѣ назадъ.

ФИЛИППЪ ПОБОЧНЫЙ.

Духъ времени научить шевелиться. *(Уходитъ.)*

КОРОЛЬ ІОАННЪ.

Такъ говоритъ лишь рыцарь благородный!
(Гонцу.) Ступай за намъ. Ему быть-можетъ нужно
 Имѣть гонца межъ лерами и мною.
 Ты будешь имъ.

ГОНЕЦЪ.

Готовъ служить, милордъ. *(Уходитъ.)*

КОРОЛЬ ЮАННЪ.

Такъ мать моя скончалась!

Входитъ ГУБЕРТЬ.

ГУБЕРТЬ.

Милордъ, толкуютъ, будто въ эту ночь

Пять было лунъ, четыре неподвижныхъ,

А лятая ходила вкругъ другихъ.

КОРОЛЬ ЮАННЪ.

Пять лунъ на небѣ!

ГУБЕРТЬ.

Старики, старухи

На улицахъ толкуютъ это къ худу.

Вѣсть объ Артурѣ съ устъ у нихъ не сходитъ;

О немъ шушукуютъ вездѣ другъ съ другомъ

И головой качаютъ. Говоращій

Хватаетъ за руку другаго; тотъ же

Кто слушаетъ, въ испугъ, хмура брови,

Съ свирѣлымъ взоромъ, головой трясеть.

Такъ видѣлъ я, какъ съ молотомъ, вотъ такъ,

Предъ наковальней, гдѣ желѣзо стыло,

Стоялъ съ раскрытымъ ртомъ кузнецъ и слушалъ

Портнаго. Съ мѣркой, съ ножницами, въ туфляхъ,

Надѣтыхъ въ торопяхъ не на ту ногу,

Портной разказывалъ что сто де тысячъ

Французовъ лагеремъ стоятъ ужь въ Кентѣ;

Межъ тѣмъ другой, ремесленникъ тщедушный,

До-нельзя грязный, перебилъ его

И сталъ разказывать про смерть Артура.

КОРОЛЬ ЮАННЪ.

Да что же ты? смутить меня что ль хочешь

Что все твердишь про смерть Артура? Ты же

Убилъ его! Имѣлъ причинъ я много

Желать чтобъ умеръ онъ; а ты имѣлъ ли?

ГУБЕРТЬ.

Я, государь? Не вы ль мнѣ мысль внушили?

КОРОЛЬ ЮАННЪ.

О, въ томъ-то вотъ и язва королей

Что подлѣ нихъ рабы всегда готовы

Принять калрызъ ихъ за приказъ ворваться

Въ жилище крови! легкій ихъ намекъ

Счесть за законъ и думать что постигли
Владыки грозный ликъ, когда онъ мраченъ
Отъ прихоти быть-можетъ, не отъ гнѣва!

ГУБЕРТЬ.

Здѣсь ваша подпись за печатью вашей.

КОРОЛЬ ІОАННЪ.

О, подпись, подпись! Ты въ тотъ страшный день,
Какъ дастъ земля отчетъ послѣдній небу,
Свидѣтельствовать будешь противъ насъ!
Какъ часто зло творимъ затѣмъ что видимъ
Орудье зла! Не подвернись мнѣ ты,
Отмѣченный рукой самой природы,
Какъ избранныкъ способный къ дѣлу срама,—
Убійство то мнѣ не пришло бъ на умъ.
Но, увидавъ твой лобъ презрѣнный, зная
Тебя способнымъ къ мерзости кровавой,
Податливымъ на все въ часъ нужды,—я
Чуть намекнулъ тебѣ на смерть Артура.
И вотъ ужъ ты, чтобъ услужить монарху.
Безъ совѣсти зазрѣнья губишь принца.

ГУБЕРТЬ.

Милордъ!

КОРОЛЬ ІОАННЪ.

А покачай ты головой, прерви
Хоть на минуту темныхъ словъ теченье,
Иль устрями въ лицо мнѣ взоръ съ сомнѣньемъ,
Какъ бы прося чтобъ мысль развила я прощя,
Я бъ овѣмѣлъ отъ страха, бросилъ все,
И ужась твой во мнѣ родилъ бы ужась.
Но, вѣтъ! ты лопая мысль мою въ намекахъ,
Намеками самъ стакнулся съ грѣхомъ
И приволочилъ каменное сердце,
А стало-быть и руку, сдѣлать то
Чего языкъ назвать не повернется.
Прочь съ глазъ моихъ! Во вѣкъ мнѣ не являйся!
Я брошенъ лерами; въ мои владѣнья,
Къ воротамъ самымъ, вторгся чужеземецъ;
А тутъ, вотъ въ этой области тѣлесной,
Вотъ въ этомъ царствѣ крови и дыханья,
Царить раздоръ, гражданская война,
Межъ совѣстью моею и смертью принца.

ГУБЕРТЪ.

Монархъ! Возстань въ отпоръ другимъ врагамъ,
 А я мирю тебя съ твоей душою.
 Артуръ твой живъ! И Губерта рука
 Еще чиста и дѣвственно - невинна,
 И нѣтъ на ней багровыхъ брызгъ отъ крови:
 А въ эту грудь еще не проникалъ
 Жестокій трепеть страшныхъ думъ убійцы.
 Въ моемъ лицѣ ты оскорбилъ природу,
 Которая, какъ съ виду ни груба,
 Таитъ въ себѣ духъ слишкомъ благородный
 Чтобъ ножъ вонзить въ невиннаго младенца.

КОРОЛЬ ЮАННЪ.

Такъ живъ Артуръ! Бѣги жь скорѣе къ лордамъ,
 Брось эту вѣсть, какъ воду, въ лыя ихъ гнѣва
 И, тѣмъ смиривъ, ихъ преклони къ покорству.
 Прости мнѣ то что о лицѣ твоёмъ
 Сказалъ я въ бѣшенствѣ: мой гнѣвъ былъ слѣтъ;
 Глаза жь мои, отъ страшныхъ думъ о крови,
 Представили тебя мнѣ въ худшемъ видѣ.
 Нѣтъ, нѣтъ, молчи! Веди взбѣшенныхъ лордовъ
 Въ мои палаты. Съ просьбою моею
 Я слишкомъ медлю; ты бѣги скорѣй.

(Уходитъ).

СЦЕНА III.

Предъ замкомъ.

На стѣнѣ показывается АРТУРЪ въ нарядѣ моряка.

АРТУРЪ.

Хоть высоко, но со стѣны спрыгну.
 О, сжался, мать-земля, не дай убиться!
 Кто знаетъ здѣсь меня? Никто; а еслибъ
 Кто и узналъ, меня нарядъ мой скроетъ.
 Какъ страшно! Но я все-таки рѣшусь.
 Удастся мнѣ спрыгнуть и не разбиться,
 То я спасенъ. Не все ль равно, гдѣ ни умру,
 Въ темницѣ ль, сидя здѣсь, или, спрыгнувъ, тамъ во
 рву?

(Кидается со стѣны.)

О, въ этихъ камняхъ открытъ духъ дяди, полный злости!
Господь, прими мой духъ! Ты, Англія, скрой кости!
(Умираетъ.)

Входятъ СОЛСБЕРИ, ПЕМБРОКЪ и БИГОТЪ.

СОЛСБЕРИ.

Я встрѣчусь съ нимъ въ Сентъ-Эдмондсбери, лорды!
Онъ нашъ спаситель, а въ такое время
Какъ не принять столь дружескій привѣтъ.

ПЕМБРОКЪ.

Но кто привезъ письмо отъ кардинала?

СОЛСБЕРИ.

Привезъ его французскій графъ Мелонъ;
Онъ на словахъ о дружбѣ къ намъ дофина
Сказалъ мнѣ больше чѣмъ гласить письмо.

БИГОТЪ.

Такъ завтра утромъ свидимся мы съ нимъ.

СОЛСБЕРИ.

Нѣтъ, лучше ѣдемте сейчасъ: вѣдь, лорды,
Два добрыхъ дѣла пути къ нему отсюда.

Входитъ ФИЛИППЪ ПОБОЧНЫЙ.

ФИЛИППЪ ПОБОЧНЫЙ.

Второй привѣтъ мой нынче гнѣвнымъ лордамъ!
Король къ себѣ черезъ меня васъ просить.

СОЛСБЕРИ.

Король насъ самъ уволилъ. Нашей чести
Мы не дадимъ въ подкладку грязной, жалкой
Его порфиры, не пойдемъ за тѣмъ
Кто, гдѣ пройдетъ, вездѣ кладетъ слѣдъ крови.
Вотъ нашъ отвѣтъ. Мы знаемъ и о худшемъ.

ФИЛИППЪ ПОБОЧНЫЙ.

Что бъ вы ни знали, вѣжливость знать лучше.

СОЛСБЕРИ.

Въ насъ говорить не вѣжливость, а горе.

ФИЛИППЪ ПОБОЧНЫЙ.

Но горю вашему причины нѣтъ;
Такъ вотъ причина вѣжливымъ быть въ словѣ.

ПЕМБРОКЪ.

О, сэръ, и гнѣвъ свое имѣетъ право.

ФИЛИППЪ ПОБОЧНЫЙ.

Да, право—дѣлать вредъ тому кто гнѣвнъ.

СОЛСБЕРИ.

Но вотъ тамъца! Господи, кто это?
(Увидавъ трупъ Артура).

ПЕМБРОКЪ.

Гордись красною царственной, о смерти!
Скрыть этотъ грѣхъ, звать, на землѣ вѣтъ амы.

СОЛСБЕРИ.

Его, какъ бы гаушалъ имъ, убійство
Открытымъ бросило взывать о мщеньѣ.

ВИГОТЬ.

Нѣтъ! обреченную могилѣ прелесть
Нашло ужъ слишкомъ цѣнаой для могилы.

СОЛСБЕРИ.

Что скажешь ты, сэръ-Ричардъ? Ты видалъ ли,
Читалъ, или слышалъ, или могъ повѣрить,
И вѣришь ли теперь, хотя и видишь,
Тому что видѣлъ? Не видалъ возможно ль
Повѣрить этому? Да это верхъ всего,
Вѣнецъ въ племю, нѣтъ—это гребень плема
Въ гербѣ убійства! Грѣхъ накровавый,
Свирѣлость злѣйшая, ударъ гнуснѣйшій
Изъ всѣхъ какими исторгали слезы
У жалости гнѣвъ звѣрскій, злость слѣпая!

ПЕМБРОКЪ.

Убійства всѣхъ времянь ничто предъ этимъ!
Оно единственно, недостижимо;
Оно придасть и чистоту, и святость
Незначатымъ еще грѣхамъ въ грядущемъ,
И каждое убійство будетъ шутка
Въ сравненьи съ этимъ зрѣлищемъ ужаснымъ.

ФИЛИППЪ ПОВОЧНЫЙ.

Да, гнусное, безжалостное дѣло,
Кровавый грѣхъ какой-то злой руки,
Коль чья-нибудь рука тутъ виновата.

СОЛСБЕРИ.

Коль чья-нибудь рука тутъ виновата?—
Мы ожидали что случится такъ:
То Губертовыхъ рукъ лозорный подвигъ,
А замыселъ внушенный королемъ,
И вотъ я съ нимъ всѣ связи разрываю.

Здѣсь, предъ развалиной сей жизни вѣжной,
 Склонивъ колѣна, приношу обѣтъ,
 Какъ епіамъ предъ жертвой бездыханной,
 Святой обѣтъ—бѣжать утѣхъ земныхъ,
 Чуждаться, какъ заразы, удовольствій,
 Не знать покоя, праздности пока
 Руки своей, служащей долгу мщенья,
 Не окружу я славы ореоломъ.

ПЕМБРОКЪ и БИГОТЬ.

И твой обѣтъ мы клятвой подтверждаемъ.

Входитъ ГУБЕРТЬ.

ГУБЕРТЬ.

Я весь въ жару, ища васъ всюду, лорды,
 Король послалъ за вами. Живъ Артуръ!

СОЛСБЕРИ.

Каковъ смѣльчакъ! и смерти не стыдится!
 Прочь съ глазъ, мерзавецъ! прочь!

ГУБЕРТЬ.

Я не мерзавецъ.

СОЛСБЕРИ.

Такъ мечъ мой вырветъ жертву у закона!

(Обнажаетъ мечъ.)

ФИЛИППЪ ПОБОЧНЫЙ.

Блестающъ вашъ мечъ! Вложитежь, сэръ, въ ножны.

СОЛСБЕРИ.

Вложу сперва вонъ въ тѣ ножны—въ убійцу.

ГУБЕРТЬ.

Назадъ, лордъ Солсбери! Просту подальше!

Мой мечъ, клянусь вамъ, какъ и вашъ, отточень.

И было бъ жаль, когда въ пылу задора

Подвергаисъ вы опасности защиты:

Стоя за честь свою, могу забыть

Заслуги ваши, самъ и ваше лордство.

БИГОТЬ.

Гнилой навозъ, грозить ты смѣешь лорду!

ГУБЕРТЬ.

Нисколько, лордъ! Но честь я защищу,

Хоть оскорби ее самъ императоръ.

СОЛСБЕРИ.

Убійца ты!

ГУБЕРТЬ.

Покуда нѣтъ; не дайте жь
Мнѣ быть убійцей. Кто сказалъ неправду,
Тотъ клеветникъ, а клевета есть ложь.

ПЕМБРОКЪ.

Руби его!

ФИЛИППЪ ПОБОЧНЫЙ.

Уймись, говорю!

СОЛСБЕРИ.

Посторопись, не то—задѣну, Ричардъ!

ФИЛИППЪ ПОБОЧНЫЙ.

Нѣтъ, лучше чорта! Слушай, Солсбери!
Лишь бровь нахмурь, лишь сдѣлай шагъ впередъ,
Иль вымолви малѣйшую мнѣ дерзость,
И ты—погибь! Припрячь же свой рожокъ;
Не то я такъ тебя сломаю съ нимъ
Что закричишь: самъ чортъ изъ ада вышелъ!

БИГОТЬ.

Ужели жь ты, нашъ славный Фокенбриджъ,
Стоишь за жизнь мерзавца и убійцы?

ГУБЕРТЬ.

Грѣшишь, лордъ Биготъ.

БИГОТЬ.

Принца кто жь убилъ?

ГУБЕРТЬ.

И часу нѣтъ какъ былъ онъ живъ и веселъ.
Я чтить, любилъ его и цѣлый вѣкъ
Оплакивать его потерю стану.

СОЛСБЕРИ.

Не вѣрьте вы водѣ коварныхъ слезъ;
Вѣдь и злодѣи не безъ этой жижи,
А онъ къ тому давно привыкъ, и слезы
Рѣкой прольетъ чтобъ доказать невинность.
За мной же всѣ, для чьей души противенъ
Тлетворный запахъ этой гнусной бойни,
Гдѣ смрадъ грѣха мнѣ душу отравилъ.

БИГОТЬ.

Идемте въ Бэри—къ нашему дофину.

ПЕМБРОКЪ.

А королю ты скажешь, что мы—тамъ.

(Лорды уходятъ.)

ФИЛИППЪ ПОБОЧНЫЙ.

Ну свѣтъ, хороше! (*Губерту*). Чье это дѣло, Губертъ?
И если это рукъ твоихъ работа,
Какъ ни безмѣраы благодти предѣлы,
Ты проклять, извергъ!

ГУБЕРТЬ.

Выслушайте, сэръ!

ФИЛИППЪ ПОБОЧНЫЙ.

Нѣтъ, выслушай меня сначала самъ.
Ты черезъ такъ—да что жь чернѣи на свѣтъ?
Самъ Люциферъ, князь ада, меньше проклять.
Во всемъ аду нѣтъ бѣса безобразнѣи
Тебя, злодѣи, коль ты убилъ ребенка.

ГУБЕРТЬ.

Клявусь душой!

ФИЛИППЪ ПОБОЧНЫЙ.

Хотя бѣ одно согласье

Ты далъ на этотъ ужасъ—горе, извергъ!
Къ чему тебѣ веревка? Тонкой нити,
Какую таветь изъ себя лаукъ,
Достаточно для петли; а тростянки
Для перекладины. Чтобъ утопиться,
Тебѣ лишь стоить въ ложку влить воды,
И цѣлый океанъ воды возстанеть
И поглотить тебя, убійца! Да,
Ты остаешься въ сильномъ подозрѣнн!

ГУБЕРТЬ.

О, если дѣломъ, словомъ, помышленьемъ
Я грѣшенъ въ кражѣ сладкаго дыханья,
Чѣмъ оживлялся этотъ чудный прахъ,
Пусть адскихъ мукъ на казнь мою не станетъ!

ФИЛИППЪ ПОБОЧНЫЙ.

Такъ на рукахъ носи жь отсюда трулъ.
Растерянъ я и, мнитса, луть утратилъ
Среди опасностей и тернѣи мира!
О, какъ легко всю Англiю ты поднялъ,
Останокъ бранный королевской власти,
Откуда право, жизнь, любовь страны
Умчались въ небо! И теперь придется
Вытагивать, на части рвать зубами
Надменной власти спорныя права.

Теперь война какъ лесъ изъ-за огрызка
 Величества свой гребень оцѣтннать
 И зарычить на свѣтлоокій миръ.
 Теперь враги вѣ дома, смуты въ домѣ.
 Слнлись въ одно, и общее сматемъ
 Минуты ждетъ (какъ воронъ смерти звѣря),
 Когда бъ сразиться съ властью самозванной,
 Теперь счастливъ, чей плащъ и поясъ сдержитъ
 Налоръ грозы. Неси же трулъ ребенка.
 Иди за мной. Слѣшу я къ королю.
 Заботъ себѣ мы бездну ожидаемъ,
 И небо грозно хмурится надъ краемъ.
 (*Уходятъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Нортamptonъ. Комната во дворцѣ.

Входятъ КОРОЛЬ ЮАННЪ, ПАНДУЛЬФО съ короной и свита.

КОРОЛЬ ЮАННЪ.

Такъ передалъ твоей рукѣ я славы
 Моей вѣнецъ.

ПАНДУЛЬФО (*вручая корону*).

Прими жъ назадъ изъ этой
 Руки моей, какъ щедрый палы даръ,
 Величіе и санъ свой королевскій.

КОРОЛЬ ЮАННЪ.

Сдержи теперь и ты святое слово.
 Иди къ Французамъ; именемъ его
 Святѣйшества останови ихъ силы,
 Пока пожаръ насъ всѣхъ не охватилъ.
 Всѣ наши графства въ полномъ возмущеньи;
 Народъ въ враждѣ съ подданствомъ, присягнулъ
 На вѣрность и покорность пришлои власти
 И чуждой крови. Ты одинъ лишь въ силахъ
 Отвлечь приливъ ислорченныхъ соковъ.
 Не медли же. Недугъ времянь такъ грозенъ
 Что коль не дать сейчасъ же сильныхъ средствъ,
 Неисправимаа настанетъ гибель.

ПАНДУЛЬФО.

Дыханьемъ усть воздвигъ а эту бурю,
 Когда дерзнулъ на палу ты возстать;
 Но ты смиренъ и, тѣхъ же усть дыханьемъ,
 Тушу огонь военной непогоды
 Чтобъ ведро дать взволнованной странѣ.
 Сегодня, въ правдицѣ Вознесенья,—помни,—
 Въ день какъ ты палъ процагнулъ,—иду
 Склонить Французовъ мечъ вложить въ ножны.
 (Уходитъ.)

КОРОЛЬ ЮАННЪ.

Такъ нынче Вознесенье! Не сказалъ ли
 Пророкъ что въ Вознесенье, въ самый полдень,
 Сложу вѣнецъ? И я его сложилъ!
 Но, слава небу, самъ его сложилъ я,
 А не насильственно, какъ полагалъ.

Входитъ ФИЛИППЪ ПОБОЧНЫЙ.

ФИЛИППЪ ПОБОЧНЫЙ.

Весь Кентъ отпалъ; одинъ лишь замокъ Доуэръ
 Въ немъ держится. Какъ гостя дорогаго,
 Дюфина съ войскомъ принялъ Лондонъ твой.
 Тебя не слушая, твое дворянство
 Слѣшить на службу къ твоему врагу,
 И дикое смятенье обуяло
 Кружкомъ твоихъ сомнительныхъ друзей

КОРОЛЬ ЮАННЪ.

И даже вѣсть о томъ что живъ Артуръ,
 Ко мнѣ вернуться не склонила лордовъ?

ФИЛИППЪ ПОБОЧНЫЙ.

Онъ найденъ ими мертвымъ близъ темницы,—
 Пустой ларецъ, откуда жизни перлъ
 Рукой проклятой чьей-то былъ похищенъ.

КОРОЛЬ ЮАННЪ

Негодный Губертъ мнѣ сказалъ: онъ живъ.

ФИЛИППЪ ПОБОЧНЫЙ.

Клавусь душой, онъ въ этомъ былъ увѣренъ.
 Но что жъ ты приунылъ? глядишь такъ грустно?
 Какъ разумомъ, такъ будь великъ и въ дѣлѣ;
 Пусть знаетъ свѣтъ что царственныхъ очей
 Никая скорбь, ни страхъ не омрачаютъ.

Будь живъ какъ время; будь огонь съ огнемъ;
 Грози грозящимъ и смотри отважно
 На страхъ назойливый и, вѣрь, людшки,
 Чей духъ зависить отъ великихъ міра,
 Вдругъ выростуть по твоему примѣру,
 И духъ въ нихъ будетъ твердъ, несокрушимъ.
 Вставай; сверхни броней, какъ богъ войны,
 Задумавшій собой украсить битву.
 Будь смѣлъ; ави увѣренность въ судьбу.
 Какъ? смѣть войти ко льву въ его пещеру,
 Слугнуть его; дрожать заставить въ ней!
 Нѣтъ, никогда! Вставай, иди навстрѣчу
 Опасности, еще отъ насъ далекой,
 И бейся съ ней, пока не вторглась въ домъ.

КОРОЛЬ ЮАННЪ.

Былъ у меня сейчасъ легать отъ палы;
 Съ нимъ выгодный союзъ я заключилъ.
 Онъ далъ мнѣ слово отослать обратно
 Войска дофина.

ФИЛИППЪ ПОБОЧНЫЙ.

О, союзъ безславный!

И будемъ мы на собственной землѣ
 Любезничать, врагамъ уступки дѣлать,
 Хитрить, умаливать, просить пощады
 Въ виду вторженья? Безбородый мальчикъ,
 Въ шелку, въ атласѣ, станетъ тутъ храбриться,
 Въ странѣ свободы набираться духа,
 Позорить воздухъ нашъ знаменъ шумихой,
 И мы то стерлимъ! Нѣтъ, милордъ, за мечъ!
 Быть-можетъ, кардиналу не удастся
 Миръ заключить; а если и удастся,
 Пусть видятъ всѣ что мы готовы въ бой.

КОРОЛЬ ЮАННЪ.

Все отдаю въ твое распоряженъе.

ФИЛИППЪ ПОБОЧНЫЙ.

Итакъ впередъ, милордъ! не унывай и вѣдай
 Что будь въ сто разъ сильнѣй, врагъ не уйдетъ съ
 побѣдой.

(Уходитъ.)

СЦЕНА П.

Равнина близъ Сентъ-Эдмондсбери.

Входятъ ДОФИНЪ ЛУДОВИКЪ, СОЛСБЕРИ, МЕЛОНЪ, ПЕМ-
БРОКЪ, БИГОТЪ, всѣ вооруженные, и войско.

ЛУДОВИКЪ.

Свявъ колю съ бумага, графъ Мелонъ,
Приберегите списокъ намъ на ламать,
А подлинникъ вручите лордамъ. Пусть
Они и мы, читая изложенъе
Условій нашихъ, вѣдаемъ что мы
Затѣмъ и причастились здѣсь, да свято,
Ненарушимо клятву сохранимъ.

СОЛСБЕРИ.

Мы никогда ей не измѣнимъ сами.
Однако, принцъ, хотя непринужденно,
По доброй волѣ, вѣрой вамъ и правдой
Служить клялись мы; но, дофинъ, повѣрьте,
Я сѣтую о томъ что дней недугъ
Лѣчимъ быть долженъ пластыремъ возстанья
И что, одну врачуя, мы наносимъ
Сто новыхъ ранъ! О, больно, горько думать
Что эту сталь я отъялъ отъ бедра
Для умноженья вдовъ, и гдѣ же?—тамъ,
Гдѣ къ честной оборонѣ, гдѣ къ спасенью
Весь край родной взываетъ: Солсбери!
Но какъ же быть? Зло времени такъ сильно
Что для охраны и спасенья правъ
Должны мы дѣйствовать рукой все той же
Неправды грозной, тѣхъ же смуть кровавыхъ.
И не прискорбно ль, о друзья—страдальцы
Что мы, сыны и дѣти дорогаго
Намъ острова, въ немъ дожили до часа,
Когда пришлось намъ вслѣдъ за чужеземцемъ
Ступить ногой на грудь отчизны, стать
Въ ряды враговъ (я, отвернувшись, плачу
О срамотѣ такой судьбины горькой!)
Собой украсить рыцарство чужое,
Примкнуть къ знаменамъ вражбимъ и ворваться—
т. слх.

Куда жь? въ отчизну! Еслибъ, сдвинувъ съ мѣста,
 О ты, Нептунъ, обвиншій островъ нашъ,
 Могъ перекинуть на рукахъ могучихъ
 Всю вашу націю къ брегамъ невѣрныхъ,
 Тамъ кровь враждующихъ двухъ войскъ Христовыхъ
 Въ одну союзную слилась бы вену
 И не лилась бы такъ противобратски!

ЛУДОВИКЪ.

Въ словахъ твоихъ духъ благородства дышетъ;
 Въ груди твоей борьба двухъ сильныхъ чувствъ
 Колеблетъ сердце какъ землетрясенье.
 О, что за славный выигралъ ты бой
 Межъ понужденіемъ и долгомъ чести!
 Дай отереть мнѣ дождь росы почтенный,
 Что серебромъ со щекъ твоихъ катится.
 Случалось мнѣ отъ женскихъ таять слезъ,
 Обычнаго для женщинъ наводненья;
 Но этотъ дождь столь мужественныхъ капель,
 Но этотъ ливень, слѣдъ душевныхъ бурь,
 Страшитъ мой взоръ и въ большій ужасъ вводитъ,
 Чѣмъ грозный образъ кулола небесъ,
 Исчерченныхъ огнями метеоровъ.
 О доблестный Британецъ, подними
 Чело, разсѣй великимъ сердцемъ бурю!
 Пусть эту воду льютъ глаза младенцевъ,
 Не знающихъ какъ грозенъ міръ-гигантъ;
 Да тѣ что знаютъ счастье лишь въ лирахъ,
 Гдѣ кровь кипитъ, гдѣ радость вторитъ дружбѣ.
 За мной! за мной! Олустись руку ты
 Такъ глубоко въ сокровищницу счастья,
 Какъ самъ дофинъ. То жь перы, ждетъ и васъ,
 Когда сольете съ нашей ваши силы.

Входитъ ПАНДУЛЬФО со свитой.

ЛУДОВИКЪ.

И вотъ, какъ будто подсказалъ мнѣ ангель,
 Смотрите, шествуетъ святой легатъ,
 Да укрѣпить союзъ нашъ дланью неба
 И дастъ святымъ дыханьемъ имя права
 Начатому.

ШАНДУЛЬФО.

Миръ славному Дофину!

Затѣмъ внимаю: днесъ съ Римомъ примирился
Король Іоаннъ, и духъ его, возставшій
На брань съ святою церковью, опять
Приникъ къ ея столицѣ—траву Рима.
Итакъ свивай надменные знамена
И укроти духъ злобный бурной брани,
Да у подвожья мира спитъ война
И, стихшая какъ левъ, привыкшій къ длади,
Да будетъ лишь по имени грозна.

ЛУДОВИКЪ.

Прости, прелать; я не уйду отсюда!
Рожденъ я слишкомъ высоко чтобъ быть
Зависимымъ, пригоднымъ какъ работникъ,
Какъ нужное орудье, для какой бы
То ни было державы. Усть дыхавшемъ
Въ угасшихъ угляхъ ты огонь войны
Раздулъ межъ мной и королемъ опальнымъ.
Ты самъ лодкидывалъ дрова въ огонь,
И вотъ онъ вслыхнулъ такъ что вѣтерокъ,
Его раздувшій, не уіметъ пожара.
Ты мнѣ помогъ какъ понимать мнѣ право;
Ты указалъ на островъ; нѣтъ, ты самъ
Мнѣ навязалъ на душу это дѣло.
И вотъ теперь доносишь: Іоаннъ
Мирится съ Римомъ! Что мнѣ въ этомъ мирѣ?
Я, въ силу брака моего, считаю
Весь край моимъ, со смертію Артура.
И вотъ, почти весь островъ покоривъ,
Вернусь затѣмъ что Римъ смирилъ Іоанна!
Иль рабъ я Рима? Далъ ли Римъ хоть ланни,
Снабдилъ ли войскомъ, выслалъ ли припасовъ
Къ поддержкѣ предпріятыя? Иль не я
Несу все бремя? Кто же какъ не я,
Да тѣ что связаны со мной союзомъ,
Вывосимъ на плечахъ всю тяжесть брани?
Иль не кричали въ городахъ прибрежныхъ:
„Vive le roy!“ мнѣ въ слѣдъ островитаме?
Всѣ козыри въ моихъ рукахъ, и мнѣ

Везеть игра чтобъ выиграть корону,
И спасовать я долженъ здѣсь? О, вѣтъ,
Пусть этого объ насъ не скажетъ свѣтъ!

ПАНДУЛЬФО.

Глядишь ты, принцъ, лишь на поверхность дѣла.

ЛУДОВИКЪ.

Какъ ни глядѣлъ бы, все жь я не вернусь,
Пока услѣхъ настолько не прославить
Начатыхъ дѣлъ насколько льстила мнѣ
Надежда прежде чѣмъ я вывелъ въ поле
Мнои избранныхъ на то лихихъ бойцовъ,
Готовыхъ вырвать славную побѣду
Изъ челюстей оласности и смерти.

(Трубы.)

Что значить трубъ такой веселый вызовъ?

Входитъ ФИЛИППЪ ПОВОЧНЫЙ со свитой.

ФИЛИППЪ ПОВОЧНЫЙ.

По правиламъ приличья свѣта, просимъ
Вниманія: я посланъ къ вамъ со словомъ.
Святой прелатъ Миланскій! нашъ король
Желаетъ знать, что сдѣлалъ ты для мира?
Какъ ты отвѣтишь, такъ и я сумѣю
Сдержать языкъ иль волю дать ему.

ПАНДУЛЬФО.

Дофинъ, не внемая гласу убѣжденій,
Стоитъ упорно на своемъ и прямо
Мнѣ объявилъ что онъ меча не броситъ.

ФИЛИППЪ ПОВОЧНЫЙ.

Онъ правъ, клянусь всею кровью пролитою
Съ начала міра! Слушайте жь телерь,
Что чрезъ меня король нашъ вамъ отвѣтитъ.
Онъ въ бой готовъ. И какъ не быть готовымъ?
Все это обезьянство силъ военныхъ,
Весь этотъ маскарадъ въ броняхъ и шлемахъ.
Вся эта дурь мальчишекъ безбородыхъ—
Смѣшать его ужасно! Онъ готовъ
Повыхлестать бичемъ съ своихъ предѣловъ
Весь этотъ сбродъ лигмеевъ, сволочь каравъ.
Рука, чья мощь у вашихъ же дверей,
Оттуда васъ, заставивъ прыгать въ окна;

Нырять, какъ ведра, въ скрытые колоды;
 Лѣзть подъ навозъ въ конюшняхъ; залпираться
 Въ шкафы, въ лари, гдѣ прячутся заклады;
 Валяться съ свиньями; искать спасенья
 Въ подвалахъ, тюрьмахъ; вздрагивать и тресться,
 Чуть крикнетъ гдѣ лѣтухъ, эмблема ваша,
 И думать: то Британца грозный крикъ,
 Уже ли жь та рука что васъ тузила
 Во Франціи, здѣсь въ Англии ослабла?
 Такъ знайте жь: нашъ монархъ во всеоружьи
 Ширяется надъ краемъ какъ орелъ,
 Чтобъ ласть на каждого, гдѣздо кто тронеть!—
 А вы, мятежники, неблагодарный
 Сбродъ вырождковъ, Нероновъ кровожадныхъ,
 Готовыхъ рвать грудь матери своей
 Британіи—позоръ вамъ! Ваши жены
 И дочери, при громѣ барабановъ,
 Какъ амазонки, рвутся въ бой, наперстки
 Преобразивъ въ стальные рукавицы,
 Иголки—въ кольца, а сердцецъ ихъ нѣжность—
 Въ свирѣлую и злую кровожадность.

ЛУДОВИКЪ.

Кончай, хвастунъ, и удалися съ миромъ.
 Ты хоть кого перекричишь! Прощай.
 Намъ время слишкомъ дорого чтобъ спорить
 Съ такимъ нахаломъ.

ПАНДУЛЬФО.

Попрошу я слова.

ФИЛИППЪ ПОВОЧНЫЙ.

За мною рѣчь.

ЛУДОВИКЪ.

Не слушаю обоихъ.

Бей въ барабанъ! Пускай языкъ войны
 Кричить телерь за насъ, за наше право.

ФИЛИППЪ ПОВОЧНЫЙ.

Бей въ барабанъ, и вскрикнетъ онъ конечно,
 Какъ вскрикните и вы, какъ васъ побьемъ.
 Лишь пробуди ты барабаномъ эхо,
 Какъ ужь ему отвѣтить здѣсь вблизи
 Нашъ барабанъ такимъ же рѣзкимъ громомъ.

Ударъ въ другой, и нашъ другой такой же,
 И такъ же громко, захохочетъ къ небу
 Не хуже грома. Знайте: Иоаннъ
 (Не полагаясь на хромца легата,
 Что посланъ къ вамъ не дѣлъ, а смѣха ради)
 Ужь къ вамъ слѣшится, и на его челѣ
 Усѣлась смерть, и нынче жь страшный остоуъ
 На тысячахъ Французовъ залпуетъ.

ЛУДОВИКЪ.

Бей сборъ! Идемъ искать гдѣ остоуъ смерти.

ФИЛИППЪ ПОВОЧНЫЙ.

И вы его найдете, мнѣ повѣрьте. (*Уходятъ.*)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Тамъ же. Поле битвы. Стычки.

Входятъ КОРОЛЬ ЮАННЪ и ГУБЕРТЬ.

КОРОЛЬ ЮАННЪ.

Какъ бой идетъ?

ГУБЕРТЬ.

Не хорошо, милордъ.

Но вашему величеству лучше ль?

КОРОЛЬ ЮАННЪ.

Проклятая вернулась лихорадка,
 Которой такъ страдалъ я. Охъ, мнѣ тяжело!

Входитъ ГОНЕЦЪ.

ГОНЕЦЪ.

Милордъ, вашъ храбрый сродникъ Фокембриджъ
 Васъ проситъ съ поля битвы удалиться,
 Давъ знать куда изволите поѣхать.

КОРОЛЬ ЮАННЪ.

Въ аббатство Суйнстедъ—такъ скажи ему.

ГОНЕЦЪ.

Вѣсть добрая! Огромный тотъ десантъ,
 Что въ помощь ждалъ себѣ Дофинъ,—три ночи
 Тому назадъ, какъ на мель свѣлъ въ Гудвинъ;
 Сейчасъ лишь вѣсть пришла о томъ, Французы
 Дерутся вло и уходятъ съ поля.

КОРОЛЬ ЮАННЪ.

Я весь горю отъ лютой лихорадки

И ужъ не радъ счастливымъ тѣмъ вѣстямъ.

Скорѣй въ Суйнстедъ! Носилокъ мнѣ, носилокъ!

Я весь разслабъ и выбился изъ силъ.

(*Уходятъ.*)

СЦЕНА IV.

Тамъ же. Другая часть поля сраженія.

Входятъ СОЛСБЕРИ, ПЕМБРОКЪ, ВИГОТЪ и другіе лорды.

СОЛСБЕРИ.

Кто зналъ что столько у него друзей.

ПЕМБРОКЪ.

Попробуемъ, приободримъ Французовъ;

Вѣдь ихъ лобьютъ, такъ намъ же будетъ худо.

СОЛСБЕРИ.

Да этотъ выродокъ бѣсовскій Фокенбриджъ,

На зло намъ всѣмъ, одинъ весь бой выносить.

ПЕМБРОКЪ.

Король чуть живъ и, говорятъ, уфхалъ.

Входитъ МЕЛОНЪ, раненый и поддерживаемый солдатами.

МЕЛОНЪ.

Подвесьте меня къ бунтовщикамъ-Британцамъ.

СОЛСБЕРИ.

Насъ иначе, въ дни счастья, величали.

ПЕМБРОКЪ.

То графъ Мелокъ.

СОЛСБЕРИ.

И раненъ онъ смертельно.

МЕЛОНЪ.

Спасайтесь, лорды! Мы васъ обманули

И продали! Тащите изъ ушка

Возстанья нѣтки. Къ вѣрности забытой

Вернитесь вновь. Бѣгите къ Іоанну

И въ прахъ падите. Знайте, если въ битвѣ

Французъ осадитъ—съ васъ онъ, за труды,

Посниметъ головы: онъ въ этомъ клялся,

А съ нимъ клялись и я и много нашихъ,

На алтарѣ въ Сентъ-Эдмонсбери,—тамъ,

Гдѣ мы клялись на томъ же алтарѣ

Въ святой любви и вѣчной дружбѣ къ вамъ.

СОЛСБЕРИ.

Возможно ли? ужели жь это правда?

МЕЛОНЪ.

Иль не смотрю въ глаза я смерти страшной?

Иль не осталось въ насъ лишь калли жизни,

Что истекаетъ съ кровью, какъ отъ жара
 Свой видъ теряетъ, таа, слѣпокъ воска?
 Къ чему обманывать мнѣ въ этомъ мѣрѣ,
 Когда въ обманѣ нѣтъ-ужь пользы мнѣ?
 Съ чего мнѣ лгать теперь, когда ужь ясно
 Что *здѣсь* умру, а *тамъ* живутъ лишь правдой?
 Такъ знайтеся жь: если побѣдитъ Дофинь,
 А вамъ въ глаза блеснетъ востокъ разсвѣтомъ
 Другой зари, то принцъ—клятвопреступникъ.
 Нѣтъ! Въ эту жь ночь (ужь смирадъ ея дыханья
 Повилъ, какъ дымомъ, племъ огненпернатый
 На старцѣ драхломъ, истомленномъ солнцѣ),
 Да, въ эту жь злую ночь въ послѣдній разъ
 Вздохнете вы и тѣмъ внесете лею
 Измѣны за измѣны жизнью вашей,
 Коль побѣдитъ поможете Дофину.—
 При королѣ есть нѣкто Губертъ; шлю
 Ему поклонъ. Любовь къ нему и то
 Что правдѣ мой былъ родомъ Англичанинъ
 Меня понудили во всемъ сознаться.
 За это же, прошу васъ, отнесите
 Меня отъ шума и тревоги битвы
 Куда-нибудь, гдѣ бѣ могъ собрать остатокъ
 Я думъ своихъ, пока душа и тѣло
 Не разлучатся въ созерцаньи неба.

СОЛСБЕРИ.

Мы вѣримъ, графъ. И накажи насъ Богъ
 Когда солгу, какъ по сердцу мнѣ этотъ
 Удобный случай повернуть шаги
 На честный путь съ дороги гнусной бѣгства.
 Какъ переставшій бушевать потокъ,
 Смирившій ярость бурнаго стремленья,
 Войдемъ въ русло, откуда вышли воль,
 И тихо потечемъ съ покорствомъ въ славный
 Нашъ Океанъ—къ монарху Иоанну.
 Я помогу отвѣсть тебя отсюда;
 Предсмертную уже я вижу муку
 Въ твоихъ очахъ. Ну, братья, въ бѣгство вновь!
 На новый путь, за старую любовь!
(Уходятъ, поддерживая Мелона.)

СЦЕНА V.

Другая часть той же равнины. Французскій лагерь.

Входитъ ЛУДОВИКЪ и свита.

ЛУДОВИКЪ.

Казалось, солнце нехотя садилось,
Покрывъ весь заладъ пурпуромъ, когда
Вымѣривалъ Британцевъ шагъ полатыный
Ихъ собственную землю. Да и славно жь
Закончили мы дель кровавый залломъ
Въ нихъ ядерь съ пожеланьемъ доброй ночи.
И свили мы знаменъ лоскутья, въ полѣ
Послѣднѣе, почти имъ овладѣвъ.

Входитъ ГОНЕЦЪ.

ГОНЕЦЪ.

Гдѣ, гдѣ Дофинъ?

ЛУДОВИКЪ.

Онъ здѣсь. Какія вѣсти?

ГОНЕЦЪ.

Меломъ убить; всѣ англійскіе лорды,
По убѣжденью графа, вновь отпали;
А тотъ десавтъ, котораго такъ ждалъ ты,
Погибъ разбившись въ отмеляхъ Гудвинскихъ.

ЛУДОВИКЪ.

Дурныя вѣсти, провались ты съ ними!
Ну, признаюсь, не ожидалъ я къ ночи
Такой бѣды? Да кто же мнѣ сказалъ
Что Иоаннъ бѣжалъ за часъ или за два
Предъ тѣмъ какъ ночь два войска разведатъ?

ГОНЕЦЪ.

Кто бъ ни сказалъ, — сказалъ, Дофинъ, онъ правду?

ЛУДОВИКЪ.

Ну хорошо! Стать по квартирамъ, на ночь
Разставить стражу. Завтра до разсвѣта
Я подумаю чтобъ вновь извѣдать счастья.

(Уходитъ.)

СЦЕНА VI.

Открытое поле въ окрестностяхъ Сунгстедскаго аббатства. Ночь.

ФИЛИППЪ ПОВОЧНЫЙ и **ГУБЕРТЬ** встречаются.

ГУБЕРТЬ.

Стой! Кто идеть? откликнись, иль убью!

ФИЛИППЪ ПОВОЧНЫЙ.

Не бей — свои! А ты кто?

ГУБЕРТЬ.

Я — Британецъ.

ФИЛИППЪ ПОВОЧНЫЙ.

Куда бредешь?

ГУБЕРТЬ.

Тебѣ на что? Вѣдь такъ же,

Какъ ты спросилъ, могу и я спросить.

ФИЛИППЪ ПОВОЧНЫЙ.

Да это Губертъ; такъ ли?

ГУБЕРТЬ.

Не ошибся.

И мнѣ сдается, что тамъ ни случись,

Что ты мнѣ другъ, коли призналъ мой голосъ.

Кто жь ты такой?

ФИЛИППЪ ПОВОЧНЫЙ.

Да все что хочешь. Впрочемъ

Ты одолжишь меня, когда признаешь

Во мнѣ отчасти кровь Плянтагенетовъ.

ГУБЕРТЬ.

О, память, память! Ты съ безглазой ночью

Срамишь меня! Прости мнѣ, храбрый рыцарь,

Что голосъ твой, такъ мнѣ давно знакомый,

На этотъ разъ отъ слуха ускользнулъ.

ФИЛИППЪ ПОВОЧНЫЙ.

Что новаго? оставимъ комплименты.

ГУБЕРТЬ.

Бродя по черному челу ночному,

Ищу тебя.

ФИЛИППЪ ПОВОЧНЫЙ.

Живѣй! какія вѣсти?

ГУБЕРТЬ.

О добрый сэръ! Подобны ночи — вѣсти:
Черны, угрюмы, грустны и ужасны.

ФИЛИППЪ ПОВОЧНЫЙ.

Показывай, гдѣ рана въ тѣхъ вѣстяхъ:
Не дама я, отъ страха не сомлѣю.

ГУБЕРТЬ.

Какись, отравленъ нашъ король монахомъ!
Онъ языка почти совсѣмъ лишился.
Я тотчасъ кинулся къ тебѣ съ злой вѣстью,
Чтобъ лучше ты вооружиться могъ,
Чѣмъ въ случаѣ, когда бъ узналъ поздаѣе.

ФИЛИППЪ ПОВОЧНЫЙ.

Какъ принять ядъ? Кто пробуетъ тамъ пищу?

ГУБЕРТЬ.

Монахъ, сказалъ я,—страшный извергъ. Въ немъ
Вся внутренность вдругъ долула. Король,
Хоть очень слабъ, но можетъ-быть спасется.

ФИЛИППЪ ПОВОЧНЫЙ.

Кто жь при его величествѣ теперь?

ГУБЕРТЬ.

Иль не слыхалъ? Всѣ лорды возвратились,
А съ ними и принцъ Генрихъ. По его-то
Ходатайству помилованы лорды
И всѣ они теперь при королѣ.

ФИЛИППЪ ПОВОЧНЫЙ.

О, укроти свой гнѣвъ, благое небо!
Не испытай насъ свыше нашихъ силъ!
О, Губертъ! Въ эту ночь, при переходѣ
Трясины той, застигъ меня приливъ.
Поларміи моей погибло въ толахъ
Близъ Линкольна; меня же конь мой спасъ.
Веди меня скорѣе къ королю.
Боюсь, умреть онъ прежде чѣмъ прибудетъ.

(Уходитъ.)

СЦЕНА VII.

Садъ Суинстедскаго аббатства.

Входятъ ПРИНЦЪ ГЕНРИХЪ, СОЛСБЕРИ и БИГОТЬ.

ПРИНЦЪ ГЕНРИХЪ.

Ужь поздно. Въ немъ вся кровь заражена,
И мозгъ (жилище бревное души,
Какъ полагають),—мозгъ когда-то ясный,
Телерь нескладнымъ бредомъ возвѣщаетъ
Что скоро все поковчится.

Входитъ ПЕМБРОКЪ.

ПЕМБРОКЪ.

Его

Величество еще владѣеть рѣчью
И думаетъ что еслибъ онъ на воздухъ
Былъ вынесенъ, то это укротило бъ
Палачій жаръ, въ немъ вызванный отравой.

ПРИНЦЪ ГЕНРИХЪ.

Такъ вынести его скорѣе въ садъ. (*Биготъ уходитъ.*)
Онъ все въ бреду?

ПЕМБРОКЪ.

Телерь онъ сталъ покойнѣй
Чѣмъ былъ при васъ. Сейчасъ онъ громко пѣлъ.

ПРИНЦЪ ГЕНРИХЪ.

О бредъ болѣзни! Боли смертной муки
Ужь подъ ковецъ не сознають себя.
Смерть, истощивъ всѣ органы, неслышно
Бросаетъ ихъ и приступомъ идетъ
Противъ души, азвить ее и мучить
Милльонами причудливыхъ фантазій,
И грезы тѣ, врываясь въ мозгъ, въ послѣднѣй
Пріютъ души, въ немъ лутаються въ слорѣ.
Не странно ли что смерть поетъ? Не странно ль
Что этотъ блѣдный, истомленный лебедь
Самъ надъ собой поетъ отходный гимнь
И томною гортанью напѣваетъ
Пѣснь погребальную душѣ и тѣлу
На вѣчный ихъ покой.

СОЛСБЕРИ.

Утѣшьтеся, принцъ!

Вы рождены привести въ порядокъ стройный
Оставленный имъ хаосъ вамъ въ наслѣдство.
Вносить КОРОЛЯ ІОАННА въ креслахъ, БИГОТЪ и свита.

КОРОЛЬ ІОАННЪ.

Ну вотъ олять душа моя на волѣ,
Не рвется вонъ изъ оконъ, изъ дверей.
Въ груди моей такое пышетъ лѣто
Что внутренность во мнѣ распалась въ пыль.
Я словно миньятюра на листѣ
Пергамента, лылаю весь и корчусь
Въ своемъ огнѣ.

ПРИНЦЪ ГЕНРИХЪ.

Что съ вами, государь?

КОРОЛЬ ІОАННЪ.

Отравленъ—гибну, умеръ, брошенъ всѣми!
И ни одинъ изъ васъ зимы не каукнетъ
Вложить мнѣ въ грудь ея лдяные пальцы;
Никто въ мое пылающее чрево
Не устремитъ потока рѣкъ моихъ
И не упроситъ сѣвера повѣять
Мнѣ рѣзкимъ вѣтромъ въ высохшія губы,
Чтобъ остудить ихъ! Кажется не много
Прошу—лишь холода; но вы такъ скулы
Что отказать готовы мнѣ и въ этомъ.

ПРИНЦЪ ГЕНРИХЪ.

О, нѣтъ ли силъ цѣлительныхъ для васъ
Въ слезахъ моихъ?

КОРОЛЬ ІОАННЪ.

Нѣтъ! соль ихъ лучше жжетъ.

Адъ, адъ во мнѣ, и лютый демонъ
Сидитъ въ аду чтобъ бесконечно мучить
Мою на вѣки проклятую кровь.

Входитъ ФИЛИППЪ ПОБОЧНЫЙ.

ФИЛИППЪ ПОБОЧНЫЙ.

Я весь въ огнѣ отъ слѣзности съ какою
Я къ вашему величеству легълъ.

КОРОЛЬ ЮАННЪ.

Пришелъ закрыть ты мнѣ глаза, племянникъ!
 Поломаны, сгорѣли мачты всѣ
 И снасти парусовъ на коихъ плылъ я
 Въ одинъ тончайшій волосокъ скрутились.
 На ниточкѣ виситъ моя душа,
 И нить порвется, лишь мнѣ вѣсть ты скажешь,
 И что затѣмъ увидишь? Комъ земли,
 Лишь жалкій призракъ царскаго величья!

ФИЛИППЪ ПОБОЧНЫЙ.

Дофинъ сюда всѣ силы направляетъ,
 А чѣмъ ихъ встрѣтимъ—знаетъ Богъ одинъ!
 Милордъ, въ ночь эту лучшая часть войскъ,
 Съ которой отступала я такъ услѣшивъ,
 Поглочена, среди болотъ, нежданннмъ
 Приливомъ волвъ.

(Король умираетъ.)

СОЛСБЕРИ.

Вѣсть мертвую довесь
 Ушамъ ты мертвымъ! Государь, милордъ!
 За мигъ предъ симъ король, и вотъ что вывѣ!

ПРИНЦЪ ГЕНРИХЪ.

Вотъ такъ и мнѣ начать свой путь и кончить!
 Что жь прочно въ мнрѣ, гдѣ надежды, силы,
 Коль и монархъ сталъ прахомъ—для могилы?

ФИЛИППЪ ПОБОЧНЫЙ.

Ты отошелъ отъ насъ! Что жь! я оставусь,
 И за тебя долгъ мщенья совершу;
 Потомъ мой духъ пойдетъ къ тебѣ на небо,
 Чтобъ тамъ служить тебѣ, какъ здѣсь служилъ!
 А вы, о звѣздамъ, что вступили вновь
 Въ свой прежній путь,—гдѣ жь ваши силы? Будьте
 Вѣрны хоть здѣсь! Сейчасъ за мной! Прогонимъ
 Разгромъ и вѣчный срамъ нашъ за ворота,
 Разбитые отчизны изнемогшей.
 Найдемъ врага; не то—онъ самъ насъ сыщеть!
 Ужъ по лѣтамъ за мной слѣзшитъ Дофинъ.

СОЛСБЕРИ.

Вамъ, кажется, не все еще извѣстно?
Здѣсь отдыхаетъ кардиналъ Пандульфъ.
За полчаса предъ этимъ отъ Дофина
Явился онъ и предложилъ намъ миръ
На выгодныхъ условияхъ и почетныхъ,
Съ намѣренемъ войну покончить здѣсь.

ФИЛИППЪ ПОБОЧНЫЙ.

Еще скорѣй ее онъ кончитъ если
Увидитъ въ насъ готовность дать отпоръ.

СОЛСБЕРИ.

Дофинъ войну покончилъ ужь отчасти.
Свой вагенбургъ ко взморью онъ отправилъ,
А все веденье дѣла въ нашей распрѣ
Препоручилъ Пандульфу. Если вы
На то согласны,—я и вы, и лорды,
Идемъ сегодня жь въ полдень къ кардиналу,
Чтобъ все привести къ желанному концу.

ФИЛИППЪ ПОБОЧНЫЙ.

Да будетъ такъ!—А вы, нашъ юный принцъ,
И лорды, коимъ быть при насъ не нужно,
Усопшему устройте погребенье.

ПРИНЦЪ ГЕНРИХЪ.

Мы въ Уорстерѣ положимъ прахъ его:
Такъ онъ хотѣлъ.

ФИЛИППЪ ПОБОЧНЫЙ.

Тамъ да почиетъ въ мирѣ!
А ты, нашъ принцъ, возложишь на себя
Вънецъ отцовъ и славу королевства.
Къ столамъ твоимъ покорно, на колѣнахъ,
Я повергаю преданность свою
И мой обѣтъ — служить тебѣ до гроба.

СОЛСБЕРИ.

А мы клянемся вашу къ вамъ любовь,
Не залытавъ ничѣмъ, хранить во вѣки.

ПРИНЦЪ ГЕНРИХЪ.

Я сердцемъ добръ и радъ бы всѣмъ воздать вамъ;
Но чѣмъ могу воздать я, кромѣ слезъ?

ФИЛИППЪ ПОВОЧНЫЙ.

Внесемъ давь слезъ печали сколько нужно;
И безъ того ей много мы внесли!
Нѣтъ! не падеть нашъ край, какъ вѣкъ не падааъ,
Къ ногамъ надменныхъ дерзкихъ ивоземцевъ,
Когда себя не изъязвить онъ самъ.
Теперь, когда всѣ лорды возвратились,
Пусть съ трехъ угловъ вселенной грянетъ врагъ, —
Не дрогнемъ мы! Кто насъ дрожать привудитъ,
Коль Англія себѣ вѣрна пребудетъ?

ДМИТРИЙ МИНЪ.

ЗЛОЙ ДУХЪ *

РОМАНЪ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ХП.

Въ Петербургѣ веселились. Это не было свободное и свободное веселье всеобщаго благополучія. Такое почти не замѣчается, къ нему всѣ слишкомъ привыкають, оно отзывается надѣвшею праздничною лѣнью. Напротивъ, въ тогдашней петербургской веселости чувствовалось что-то нервное, какое-то тайное безпокойство и раздраженіе; оно походило на смѣющуюся гримасу вызванную бутылкой шампанскаго на лицѣ человѣка у котораго совсѣмъ не весело на душѣ.

Два года тяжкой войны только что миновали; въ рѣдкой семьѣ не оказалось недочета. Дорого купленные побѣды не дали мира, не дали даже нравственнаго удовлетворенія. Лавры чахли подъ злобѣщею тѣнью Берлинскаго трактата. Быстро и дерзко подыала голову крамола и шипѣла во мракѣ. Все было полно слуховъ—тревожныхъ, скорбныхъ, приводившихъ

* См. *Русск. Вѣст.* 1881, №№ 4, 5, 7, 9, 10, 11 и 1882, №№ 1, 2, 3 и 6й.

въ недоумѣніе.... И между тѣмъ Петербургъ веселился. Веселилась безразличная, праздная и жадная толпа, на которой общественныя условія отражаются только нервнымъ возбужденіемъ; веселились — и совершенно искренно — тѣ для кого „новыя вѣянія“ знаменовали собою праздничный пирогъ, вкусно начиненный ненавистными имъ именами и разрѣзанный на болѣе или менѣе крупныя и лакомыя куски.

Балъ французской колоніи, одинъ изъ самыхъ позднихъ въ сезонъ, отличался большимъ оживленіемъ. Громадная зала Дворянскаго Собранія съ трудомъ вмѣщала нѣсколько тысячъ гостей. Француженки бойко торговали въ кіоскахъ и хозяйничали за буфетами. Маски ходили все нарядныя, играли дорогими вѣерами, улыбались изъ-подъ дорогихъ кружевъ, сверкали дорогими брилліантами. Гулъ веселыхъ, смѣющихся, скабривно-остроумничающихъ голосовъ стоялъ надъ толпой и какъ будто усиливалъ духоту и жаръ.

Среди этой толпы мы могли бы сразу узнать множество знакомыхъ лицъ. Да и можетъ ли быть иначе когда тутъ „весь Петербургъ“? У красиваго кіоска предъ красивою продавщицею уже нѣсколько минутъ стоитъ Каричъ. Его широкая грудь сверкаетъ бѣлизной бѣлья и игрой брилліантовыхъ заловокъ. Широкая жирная рука, на которой съ трудомъ сошла лопнувшая перчатка, держитъ крупную ассигнацію. Трудно понять зачѣмъ столько щедрости. Онъ такъ сытъ, въ крупнои фигурѣ его столько обрюзглой лѣни, а залывшіе глаза кажется только по привычкѣ сохраняютъ плотоядное выраженіе. Обыкновенная разрисованная красота Француженки съ длиннымъ носомъ и улыбающимися полированными губами, изъ-подъ которыхъ сверкаютъ полированные зубы, для него не находка. Но вѣроятно въ самой безмысленности щедрости есть своего рода наслажденіе. Когда Каричъ судился и посылалъ въ буфетъ за пирожками, онъ бросалъ на подносъ десятирублевую бумажку вмѣсто двугривеннаго. А осуди его, ему пригодился бы и двугривенный. Но это былъ вызовъ, кидаемый общественному мнѣнію, и кидавшій его безъ сомнѣнія испытывалъ наслажденіе наглости.

Сквозь стоявшую кругомъ толпу протѣснилось изящное черное домино, и маленькая ручка, обгнутаая длинною душистою перчаткою, смѣло просунулась подъ рукавомъ его фрака.

— Каричъ, я тебя увлекаю на нѣсколько минутъ, произнесъ по-французски серебристый голосъ.

Каричъ небрежно оглянулъ маску черезъ плечо. Онъ такъ часто былъ предметомъ маскарадныхъ атакъ что не легко позволялъ овладѣть собою. Но привычный глазъ его сразу оценилъ ея туалетъ, ея изящныя манеры, ея строгое—настоящее или мнимое — *сomme il faut*. Притомъ же она была маленькаго роста, а онъ находился въ періодѣ обожанія малявскихъ женщинъ.

— Ты кажется хотѣла меня удивить, назвавъ по имени; но меня всѣ знаютъ, сказалъ онъ тономъ въ которомъ къ его обычной наглости присоединилась маскарадная фамильярность.

— А ты кажется гордишься своею извѣстностью? отвѣтило съ легкою пронаею черное домино. — Но ты ошибаешься, я знаю тебя немножко больше чѣмъ по имени, и даже имѣю дерзость не скрывать этого. Что дѣлать, у всякой женщины своя слабость. Мнѣ нравится показывать что я не боюсь дурныхъ знакомствъ.

— Ты начинаешь съ дерзостей, это мило... промолвилъ Каричъ.

— Я хочу чтобы ты чувствовалъ себя нѣсколько свободнѣе. Вообще моя цѣль—благотворительная.

— Ты ѣздишь по маскарадамъ съ благотворительною цѣлью?

— Иногда. Развѣ это хуже того зачѣмъ ѣздить другіе?

— По крайней мѣрѣ забавнѣе. Я обожаю забавныхъ женщинъ. Но относительно меня—въ чемъ заключается благотворительная затѣя?

— О, очень серьезная затѣя, основанная на состраданіи. Мнѣ жаль тебя.

— Ба, это ново. Я никогда этого не слышалъ.

— Мало ли есть такого чего ты никогда не слышалъ. Я четверть часа наблюдала какъ ты любезничалъ съ актрисой, и на твоемъ лицѣ выразилось столько безнадежной скуки что мнѣ просто страшно за тебя стало.

Каричъ при словѣ „скука“ даже зѣвнулъ невольно.

— Гдѣ же весело? сказалъ онъ.

— Да, вотъ вопросъ, отвѣтила маска.—Только ты его неправильно поставилъ; надо было сказать: съ кѣмъ же весело?

— Пожалуй, я согласенъ. Но гдѣ же она, кто она? Въ концѣ концовъ всѣ женщины похожи одна на другую. Самыя забавныя тѣ которыя поглупѣе и... побольше ко всему привыкли.

— Не лги пожалуста, для тебя давно ужъ нѣтъ даже ничего

забавнаго. Тебѣ нужна женщина которая скрутила бы тебя какъ ребенка, какъ раба, заставила бы тебя жить ею, такъ какъ вообще тебѣ жить нечѣмъ... Женщина которая знала бы тебя насквозь и овладѣла бы каждою твоею мыслью, каждымъ желаніемъ... Нѣтъ, сама дала бы тебѣ и мысли, и желанія, такъ какъ у тебя уже ничего этого нѣтъ.

Каричъ скептически улыбаулся.

— Мудрено это слишкомъ; вотъ бѣда, сказалъ онъ.

— Можетъ-быть не такъ мудрено какъ думаешь, возразила маска;—развѣ ты не вѣришь въ капризы женскаго сердца?

— Ну, пока я не былъ такая разбитая кляча...

— Какъ ты плохо понимаешь эти вещи! продолжала маска.—Пока ты былъ молодъ, торжествовалъ и наслаждался, ты былъ только противень. Женское сердце рѣдко привязывается къ счастливымъ людямъ. Симпатія рождается изъ состраданія, изъ умѣнья разгадать чѣмъ человекъ внутренно несчастливъ. Ты никогда не слышалъ такой философіи?

— Скажи пожалуйста, я тебя знаю? спросилъ Каричъ.

— Неможно. Но дай мнѣ кончить. Еслибы ты вздумалъ цекать серіознаго, прочнаго чувства, я бы не рѣшилась сказать что ты найдешь его. Ты все-таки слишкомъ дрянной человекъ для этого. Но капризъ непостоянный, внезапный, не думающій о завтрашнемъ днѣ — развѣ это ужь совсѣмъ ничего не стоить?

— Напротивъ, это можетъ чортъ знаетъ какихъ денегъ стоить! отвѣтилъ съ обрюзглою усмѣшкой Каричъ.

Черное домино пожало закутанными въ кружево плечами.

— Какъ ты жалокъ! сказало оно.—Ты никогда не находилъ не куленнаго счастья?

— А ты знаешь гдѣ его найти?

— Довольно если я думаю что его можно найти.

— Ну, мнѣ некогда искать.

— Какъ хочешь. Я только желала заставить тебя подумать объ этомъ. Прощай.

И маска выдернула руку. Каричъ послѣшню удержалъ ее.

— Постои, куда же ты?

— Вѣдь тебѣ некогда...

— Не воображаешь ли что я тебя вылуцу не добившись какой смыслъ и какая цѣль во всемъ что ты говорила?

И Каричъ, наклонившись, усиленно заглядывалъ въ узкую прорѣзь глазъ и подъ кружевную обшивку маски.

— Пойдемъ отсюда, мнѣ хочется пить, сказалъ онъ.—**Можетъ-быть ты докончишь нашъ разговоръ за ужиномъ?**

— **Нѣтъ, отказалась маска.**

Каричъ между тѣмъ почти насильно увлекъ ее изъ залы и усадилъ на диванъ въ маленькой и въ ту минуту пустой гостиной.

— Все равно я разузнаю, добьюсь кто ты, хотя бы это стоило мнѣ нѣсколькихъ тысячъ, сказалъ онъ.—**Ты чертовски умна и съ тобой пресекло. Положимъ, твой калриэ не такого происхожденія какъ ты объясняешь, но что мнѣ за дѣло? Ты отличная актриса, а я люблю хорошую игру. Маленькій романъ безъ условій и безъ срока—это чего-нибудь отбить.**

Маска разсмѣялась.

— **Надѣюсь. Но такъ какъ тебѣ некогда искать...**

И она встала, пославъ ему рукой прощальный знакъ. Каричъ схватилъ ее прямо за эту руку.

— **Послушай, вѣдь я узнаю кто ты во всякомъ случаѣ, хоть бы пришлось залаатить тысячи. Прилодыми маску.**

— **Съ чего ты взялъ!**

Каричъ продолжалъ настаивать. Маска смѣялась, и такимъ веселымъ, искреннимъ смѣхомъ что Карича начинала разбирать злость.

— Ты могъ бы повѣрить мнѣ на слово что я... не дурна собой, сказала она. — **Впрочемъ, если тебѣ такъ хочется, а пожалуй сдѣлаю тебѣ это удовольствіе. Но такъ какъ ты все локулаешь, то ты мнѣ залаатишь.**

И она, собравъ рукой кружевную оборку маски, чуть-чуть приподняла ее. Изъ-подъ маски весело смѣялось знакомое лицо Анны Всеволодовны Ладожской.

— **Княгиня! воскликнулъ совсѣмъ глупымъ голосомъ Каричъ.—Вамъ пришла охота позабавиться надъ старымъ дуракомъ...**

— **Въ пользу бѣдвыхъ, отвѣтила продолжая смѣяться Анна Всеволодовна.—Вѣдь я вамъ сказала что пріѣхала сюда съ благотворительною цѣлью. Завтра вы привезете что-нибудь въ пользу моего пріюта—только не очень мало, предупреждаю васъ. Вѣдь я избавила васъ отъ расхода въ нѣсколько тысячъ, вы сами проговорились.**

Каричъ сдѣлалъ натянутый поклонъ.

— **Я воспользуюсь случаемъ доказать какъ высоко цѣню ваши шутки... даже если это злая шутка... сказалъ онъ.**

Княгиня уже повернулась чтобъ отойти и бокомъ протянула ему руку.

— Не сердитесь... вѣдь это для бѣдныхъ... промолвила она своимъ серебристымъ голосомъ.

И она пошла дальше чрезъ рядъ столовыхъ и гостиныхъ, въ которыхъ становилось почти также душно какъ въ залѣ. Улыбка продолжала играть лодъ маской на ея губахъ, но что-то горькое, почти злое выразилось въ этой улыбкѣ. „А вѣдь это глупо... и въ сущности мнѣ даже все равно, достанется ли моимъ бѣднымъ лишняя тысяча рублей. Но здѣсь такая скука, а онъ такой противный...“ думала она, и глаза ея глядѣли не ласково.

„Какая я злая стала!“ добавила она мысленно, чувствуя безпричинный припадокъ той странной тоски которая все чаще посѣщала ее въ послѣднее время. И вдругъ неясный страхъ сжалъ ее. Она вспомнила знакомыхъ ей женщинъ, веселыхъ, милыхъ, безконечно-симпатичныхъ, которыя на ея глазахъ въ короткое время, отъ какихъ-то невѣдомыхъ причинъ, становились скучны, злы, мелочно-раздражительны, глупѣли и дурнѣли. Окружающіе сожалѣли, объясняли перемену по своему. У одной отъ болѣзни, у другой это сдѣлалось послѣ смерти ребенка, третья измучила себя ревностью... а кто знаетъ настоящую причину? кто пойметъ тѣхъ которыя просто закисло отъ безсодержательности жизни, отъ отсутствія всякихъ освѣжающихъ интересовъ, отъ плохого воспитанія? И Анна Всеволодовна внутренно содрогнулась при мысли что и она, всѣми любимая, избалованная, извѣстная своею добротою и веселостію маленькая княгиня, тоже дѣлается зла, безпричинно-раздражительна, непріятна... и тоже дурнѣетъ... и всѣ замѣчаютъ это,жимаютъ плечами и объясняютъ по своему...

XIII.

На видней ступенькѣ эстрады, у стѣны, какъ будто прачась отъ любопытныхъ глазъ, какъ будто боясь смѣшаться съ движущею толпою, уже нѣсколько минутъ стояло строгое черное домино, лодъ непроницаемыми складками котораго нельзя было бы угадать ни возраста, ни красоты. Мѣсто было очень удобное: тутъ не толкались и отсюда все было видно. Толпа медленно проходила мимо какъ на парадѣ,

задѣвая иногда только оборкой лаття или пушистою бахромкой вѣера. Въ этой толпѣ прохаживался назадъ и впередъ генералъ Пахтаевъ подъ руку съ высокою стройною маской, одѣтою съ тѣмъ преувеличеннымъ, но обдуманнѣмъ изяществомъ которое опредѣляетъ черту между порядочною женщиной и авантюристкой: на этой чертѣ онѣ еще могутъ встрѣтяться... Въ густыхъ складкахъ кашпона схваченныхъ бѣлымъ атласнымъ бантомъ путались бѣлокурые локоны и изъ-подъ кружевъ сквозилъ изящный очеркъ шеи и подбородка, но такъ непримѣтно сквозилъ что даже близкіе знакомые Полина Луховецкой узнавали ее только по присутствію Пахтаева. Каждый разъ когда они проходили мимо эстрады, дама въ черномъ домино прижималась къ стѣнѣ какъ будто желая сдѣлаться еще незамѣтнѣе, а въ карихъ глазахъ ея, лукаво глядѣвшихъ изъ-подъ маски, выражалось безлокойное, напряженное ожиданіе.

Вдругъ она замѣтила что Полина оставила руку Пахтаева и смѣшалась съ толпой. Она быстро бросилась въ ту сторону, и прежде чѣмъ Полина успѣла подойти къ другой маскѣ, которую узнала издали, смѣло взяла ее за руку.

— Мнѣ нужно съ тобой поговорить. Пойдемъ туда.

Полина, удивленная, пошла съ ней подъ руку.

— Ты не ошиблась ли? Мнѣ кажется я тебя не знаю, сказала она, стараясь сколько-нибудь разглядѣть ее подъ маской.

— Нѣтъ, я не ошиблась, я именно тебя искала, отвѣтила незнакомая дама.—Я ждала васъ долго пока вы ходили съ Пахтаевымъ... добавила она, переходя на „вы“.—Я должна просить у васъ нѣсколько минутъ разговора. Вы увидите что это важно, слишкомъ важно... Я не ѣзжу въ маскарадъ, но сегодня нарочно пріѣхала, потому что не было другаго случая васъ увидѣть. Только прошу васъ, пойдите туда гдѣ вамъ не помѣшаютъ.

И она почти насильно потянула ее изъ залы. Полина не сопротивлялась, озадаченная и подстрекаемая любопытствомъ. Вздволнованный, все болѣе нервный голосъ дамы производилъ на нее странное и почти непріятное впечатлѣніе.

— Вы Мше Луховецкая, сказала она, остановившись наконецъ въ одной изъ дальнихъ комнатъ и вглядываясь въ Полину напряженными, блиставшими изъ-подъ маски глазами. Она даже взяла ее за руку, и Полина чувствовала какъ горячіе сквозь перчатку пальцы ея слегка дрожали.

— Въ маскарадѣ каждый можетъ догадываться какъ ему угодно, сказала она сухо.

— Не пытайтесь меня разувѣрить, я васъ узнала, я не могла ошибиться, продолжало черное домино.—Прошу васъ, выслушайте меня, это слишкомъ важно. Вы все поймете, я... я Пахтаева!

Полина чуть вздрогнула подъ маской и невольно сдѣлала шагъ назадъ. Но къ ней тотчасъ вернулось ея обычное самообладаніе.

— Что же вамъ угодно? произнесла она почти надменно.

— О, я не для того искала этой встрѣчи чтобъ оскорбить васъ, отомстить вамъ... заговорила еще болѣе взволнованнымъ голосомъ маска.

Полина быстро перебила ее.

— Оскорбить? отомстить? за что же? я васъ не ловимаю, произнесла она съ обиднымъ хладнокровіемъ.

— Полноте, оставьте эту комедію... продолжала Пахтаева.— Во мнѣ нѣтъ ни злобы, ни ролота, вы не услышите упрековъ. Все что я хочу—объясниться съ вами совершенно искренно, и если въ васъ удѣляло сердце женщины, вы поймете меня, поймете почему я рѣшилась найти васъ во что бы то ни стало и сказать вамъ то чего вы безъ сомнѣнія не знаете, потому что отъ васъ скрыли, вамъ солгали... Вы выслушаете меня, не правда ли?

— Я боюсь что вы сами введены въ какое-то странное заблужденіе, молвила Полина, и глаза ея холодно и надменно взглянули на соперницу.

— Еще разъ бросьте этотъ тонъ, вамъ не зачѣмъ защищаться, никто не нападаетъ на васъ! продолжала Пахтаева.— Вы знаете, мой мужъ васъ любитъ. Вы не виноваты въ этомъ, я хочу думать что вы не виноваты. Онъ увлекся вашею красотой—я видѣла васъ въ театрѣ, вы очень хороши, соблазнительно хороши...

— Мерсі, поблагодарила съ провіей Полина.—Я желала бы отвѣчать вамъ тою же любезностью, но я нигдѣ васъ не видѣла... или не замѣтила... не помню...

— Онъ увлекся вами, говорила, не обращая вниманія на насмѣшку, Пахтаева,—а вы такъ молоды, съ вашей стороны такъ естественно было оцѣнить это чувство, не задумываясь много о той которой вылапа слишкомъ тяжелая роль въ этомъ романѣ... Молодость эгоистична... Тѣмъ болѣе что вамъ

описали меня какъ завядшую, скучную, некрасивую женщину, занятую только дѣтьми и молебнами. Да, да, я знаю, оуъ ухбеть, не сказавъ какъ будто ничего опредѣленнаго, дать почувствовать что я именно такая... Это усложняетъ со- гбсть, не правда ли? У такой жены не грѣхъ отнять мужа, тѣмъ болѣе когда этотъ мужъ еще молодъ, красивъ, любить наслажденія. О Боже мой, развѣ я не понимаю что ему мо- жеть быть скучно со мною? развѣ я стѣсняла когда-нибудь его свободу? Но я хочу чтобъ вы знали—а вамъ не сказали этого—я хочу чтобъ вы знали что я его люблю, люблю такъ какъ вы никого и никогда не умѣли любить. Да, люблю, люблю, поймите меня!

Ея голосъ оборвался, въ немъ зазвучали подавленные ры- давія. Неприятная дрожь холодкомъ пробѣжала по нервамъ Полины. Она оглянулась, какъ будто ища помощи.

— *Parдон*, я все-таки не понимаю васъ. Ваше чувство безъ сомнѣнія приноситъ вамъ большую честь, но почему вы находите необходимымъ посвятить меня въ эту тайну? произнесла она все тѣмъ же холодно-проницательнымъ тономъ.

Мокрые глаза Пахтаевой словно влились въ нее.

— Вы не понимаете? васъ не смущаетъ это лозорное при- званіе? Да, лозорное, потому что я знаю что онъ не стоить такой любви, что это низко такъ любить... проговорила она все болѣе взволнованнымъ голосомъ.—Но послушайте, вѣдь вы... вы не любите его, я знаю что не любите... Я вамъ не соперница, полюбите! Я васъ прошу только поаять меня, и если у васъ есть сердце, вы бросите этотъ калризь, эту игрушку тщеславія, эту забаву. Вы молоды, красивы—развѣ мало за вами ухаживаютъ въ вашемъ обществѣ?

У нея почти безсознательно сорвалось это выраженіе, а Полина тотчасъ почувствовала его оскорбительный смыслъ. Въ „вашемъ обществѣ“ — то-есть не въ томъ къ которому принадлежитъ Мше Пахтаева, а въ какомъ-то низшемъ, ме- нѣ почетномъ, гдѣ она могла встрѣтиться съ ея мужемъ только потому что мужчины пользуются преимуществомъ посѣщать всякое общество... Вся гордость Полины разомъ подавлялась въ ней.

— Я не любопытна и мнѣ нѣтъ дѣла до чужихъ тайнъ, сказала она надменно.—Но прошу васъ избавить меня также и отъ вашего любопытства. Если *monsieur* Пахтаевъ признавался вамъ въ любви ко мнѣ, скажите ему что онъ

выбралъ плохую повѣренную своему сердцу. Я объ этомъ ничего не знаю и не вижу надобности знать. Въ „вашемъ обществѣ“, гдѣ красивыя женщины не составляютъ исключенія, мужчины очень часто влюбляются; это ихъ дѣло. Отказывать monsieur Пахтаеву отъ дому я пока не имѣю повода, но онъ свободенъ когда угодно прекратить свои посѣщенія.

И отдавъ холодный поклонъ, она повернулась къ выходу. Пахтаева быстро опередила ее.

— Постойте, не слѣшите, я еще не все сказала! остановилась она ее, и ея голосъ тоже зазвучалъ надменно и злобно.— Я хотѣла пощадить васъ, притвориться будто не понимаю вашихъ отношеній и вашихъ дѣлей, въ надеждѣ что вы сами догадаетесь, имѣете ли право говорить со мной лицомъ къ лицу... Я хотѣла чтобы вы поняли что вамъ нельзя — слышите ли, *нельзя* бороться со мной! Щада васъ, я и его щадила. Онъ не напрасно боится разрыва, скандала. Но я вижу что вы оба не стоите пощады... И потому слушайте: скоро вы найдете поводъ отказать своему любовнику, потому что у него не будетъ денегъ... Да, денегъ не будетъ, madame Луковецкая!

Она почти прокричала эти слова, забывъ что ее могутъ слышать. Кое-кто дѣйствительно остановилась, приглаживаясь къ обоимъ домино, передавая другъ другу только-что произнесенное имя, улыбаясь злорадною улыбкой, выражающею ожиданіе скандала. У Полины похолодѣли руки и ноги. Почти не видя предъ собою, она бросилась чрезъ рядъ комнатъ, и у самой залы наткнулась на Пахтаева, который съ растеряннымъ видомъ все время бѣгалъ въ толпѣ, отыскивая ее, сопровождаемый лакеемъ со стаканомъ лимонаду на подносѣ.

— Гдѣ вы были! воскликнулъ онъ тономъ упрека.

Лакей, услѣвшій уже расслескать подстакана, радостно подставилъ подносъ. Полина посмотрѣла точно не понимая и со злобой дернула головой.

— Dieu que c'est bête! сказала она громко и вошла въ залу.

Пахтаевъ вслыхнулъ и тоже со злостью крикнулъ лакею:

— Не надо!

Онъ догналъ Полину и предложилъ руку. Она машинально приняла ее.

— Вы не могли такъ устроить чтобы ваша жена не подкарауливала меня въ маскарадахъ? Я изъ-за васъ на скандалѣ

пошла, она прокричала на всю залу мою фамилію и сказала мнѣ неслыханныхъ дерзостей... проговорила она прерывающимся отъ злобы голосомъ.—Будьте увѣрены, я не забуду этого!

Пахтаевъ сталъ, ошеломленный.

— Моя жена здѣсь! пробормоталъ онъ.

— Вамъ не мѣшало бы раньше освѣдомиться объ этомъ.

— Но я не зналъ... мнѣ въ голову не могло придти... Что же она вамъ сказала?

— Не воображаете ли что я стану повторять всѣ эти пошлости? Спросите у нея, она вамъ разкажетъ.

И Полина нетерпѣливо обмахивала вѣеромъ разгорѣвшееся подъ маской лицо. Пахтаевъ, погруженный въ самую неприятную тревогу, озирался, какъ будто высматривая жену. Грозный призракъ скандала совсѣмъ заморозилъ его.

— Успокойтесь, она навѣрно уже увѣдала, сказала съ пренебрежительною ароніей Полина;—она не меньше васъ проникнута ужасомъ скандала. Прокричать чужую фамилію, самой оставаться подъ маской—это другое дѣло. Но вѣдь вы не въ маскѣ, на васъ сверху до низу написано: генералъ Пахтаевъ! Не бойтесь, *васъ* она не тронетъ...

— Она сумашедшая со своею ревностью, пробормоталъ Пахтаевъ.—Но я ей объясню что невозможно же прибѣгать къ подобнымъ выходкамъ.

Полина злобно разсмѣялась.

— Нѣтъ, ужъ пожалуста не берите на себя труда защищать меня, я сама сумѣю оборониться. Позаботьтесь лучше о себѣ, такъ какъ она грозитъ наломнить вамъ что состояніе принадлежитъ ей...

— Я ужь и такъ довольно часто объ этомъ слышу, съ удовольствіемъ сознался Пахтаевъ.

Полина продолжала хохотать.

— Право? и грозитъ разводомъ? Но это должно-быть до невѣроятности забавно. Вѣдь вы оба трелещете при одномъ призракѣ скандала, и другъ друга пугаете имъ... Я помню какъ обѣ мои сестры въ дѣтствѣ до смерти боялись темной комнаты и пресерьозно пугали другъ друга что потушить свѣчи.—„А вдругъ потушить?“—и каждая тиге воды, ниже травы станеть... Я иногда какъ сумашедшая хохотала. Безъ шутокъ, вдругъ въ самомъ дѣлѣ ваша жена потребуеть разводъ? Вдругъ „потушить“?...

И Полина, опираясь на руку генерала, взглядывала на него изъ-подъ маски смѣющимися, злыми глазами. Онъ только олегка отдавалъ розовыя щеки и пощипывалъ губами кончики усовъ, точно хотѣлъ прожевать ихъ.

XIV.

У буфета, повернувшись лицомъ къ толпѣ и вздернувъ левсне, стояли Каричъ и Безбѣдный и обмѣнивались короткими замѣчаніями, одинаково ядовитыми, хотя расположеніе духа того и другаго было совсѣмъ не одинаковое: Каричъ подъ впечатлѣніемъ только-что сыгранной съ нимъ шутки былъ очень золъ, а Безбѣдный, напротивъ того, въ послѣднее время только и дѣлалъ что наслаждался „новыми вѣнціями“ и чувствовалъ себя въ отличнѣйшемъ настроеніи. Въ немъ, не смотря на отяжелѣніе облѣчившагося и превосходно обезпеченнаго человѣка, чуткость къ общественнымъ теченіямъ была несравненно сильнѣе чѣмъ у Карича.

— Чтò это еще за клякса такая? указывалъ послѣдній на широкое бѣлое домино съ черною маскою, дѣйствительно походившею на кляксу на листѣ бумаги.—А вонъ та, маленькая, нарочно спотыкается чтобы приподнять платье и показать ноги.

— Совсѣмъ не ноги, а шелковые чулки, которые она стащила у барыни, возражалъ Безбѣдный.—Однако мы едва ли увидимъ здѣсь еще что-нибудь новое. Не поѣхать ли намъ съ вами къ Борелю?

— А чтò жь, отлично бы это было... оживился Каричъ.— Отыщемъ Софью Александровну, да еще кого-нибудь прихватимъ. Вонъ идетъ Пахтаевъ, а съ нимъ конечно очаровательная madame Луховецкая. Я ее похищаю.

И онъ дѣйствительно направился къ Полинь, и пожавъ руку генералу, пригласилъ обоихъ ужинавать.

— Поѣзжайте, чтò ужъ тутъ! не спрячетесь! шелнулъ онъ Полинь.

— Отыщите мужа, попросила та.

— Пріѣдетъ, отвѣтилъ Каричъ, убѣжденный что Коко совсѣмъ незачѣмъ отыскивать, такъ какъ онъ самъ всегда знаетъ гдѣ кто ужинаетъ.

— Мы съ Евгеніемъ, Саввичемъ пойдемъ только Софью Александровну поищемъ, а вы насъ тутъ подождите немного.

Черезъ минуту оба вернулись вмѣстѣ съ Софьей Александровной, которой поневолѣ приходилось бывать въ маскарадахъ вмѣстѣ съ мужемъ, такъ какъ послѣдній не пропускалъ ни одного изъ нихъ. Оба, впрочемъ, привыкли ни въ чемъ не стѣснять другъ друга.

Полина протянула руку Пахтаеву.

— До свиданья, сказала она.

— Какъ, развѣ вы не съ нами? обратился къ нему Каричъ.

— Нѣтъ, Владиміръ Михайловичъ не можетъ, ему завтра предстоитъ серьезное дѣло... послѣднее отвѣтила за него Полина.— Семейное дѣло... добавила она съ нескрываемою прошепеломъ.

Пахтаевъ только вспыхнулъ, и лотанувъ руку Полины, поцѣловалъ ее сквозь перчатку.

Черезъ четверть часа небольшое общество размѣстилось въ кабинетѣ у Бореля. Каричъ, на котораго обстановка ресторана всегда дѣйствовала успокоительно, уже забылъ неприятную шутку Анны Всеволодовны, и призвавъ метръ-д'отеля, убѣждалъ его прислать настоящаго портюкани, и притомъ въ горячей салфеткѣ. Софья Александровна пристала къ роялю: между своимъ, за ужинкомъ, она еще рѣшалась немножко пѣть. Безбѣдный подошелъ къ Полинѣ.

— Вы сегодня злы? сказалъ онъ.

— Почему вы такъ заключаете? равнодушно спросила та.

— По многимъ признакамъ. Вопервыхъ, вы очень интересны въ настоящую минуту.

— По вашему, я хорошию отъ злости?

— Непремѣнно. Вѣдь вы гордая, а гордость зла. Это вашъ шикъ. Потомъ, вы отослали генерала и еще глубоко уязвили его, наломивъ что-то семейное... это даже похоже на жестокость.

— Можетъ-быть я и хотѣла быть жестокою, сказала Полина.

— Навѣрное. Такихъ ядовитыхъ вещей не говорятъ печально, подтвердилъ Безбѣдный.— Я тотчасъ понялъ что объявлена борьба на жизнь и смерть, и такъ какъ я знаю ваши силы, то мнѣ сдѣлалось немножко страшно за печальное черное домино, такъ некстати явившееся въ маскарадъ...

— Вы видѣли? узнали? съ живостью спросила Полина.

Безбѣдный слегка какъ бы потулился.

— Мнѣ рассказывали что между вами произошла кака-то неприятная сцена... отвѣтилъ онъ.

Ему дѣйствительно при выходѣ изъ маскарада кто-то изъ знакомыхъ съ веселымъ азартомъ передалъ объ „исторіи“ о которой теперь уже всѣ толковали.

— Я ненавижу женщинъ этой породы, добавилъ онъ другимъ, почти страстнымъ тономъ.

— Вы ее лично знаете? спросила Полина.

— Очень мало. Безъ сомнѣнія, такая же какъ всѣ онѣ— слѣпая ханжа, проникнутая до мозга костей принципами „своего круга“, убѣжденная что въ этомъ кругу даже физическое безобразіе является преимуществомъ предъ буржуазными женщинами. Петербургская легитимистка на какой-то раскольничьей подкладкѣ—вѣдь онѣ теперь всѣ въ сектантство ударились... семивѣрная улица... А у себя дома пошлаѣвшая кислотина, вѣчно брюзжащая по поводу вѣтренности мужа и дѣлающая видъ будто погружена въ воспитаніе дѣтей, то-есть въ прививку имъ всяческой умственной и нравственной хворости и пошлости.

Полина равнодушно улыбнулась.

— Хорошенькій портретъ! молвила она.

— Увѣренъ что оригиналъ гораздо противнѣе, сказалъ Безбѣдный;—я видалъ такіе экземпляры, и еслибы мнѣ пришлось самому столкнуться съ однимъ изъ нихъ—у меня не нашлось бы ни жалости, ни пощады... впрочемъ вѣроятно взаимно...

— Какой вы красивый! улыбнулась Полина.

— Не считаю нужнымъ скрывать какой я, и тѣмъ болѣе теперь, когда борьба становится возможною, продолжалъ тѣмъ же страстнымъ тономъ Безбѣдный.—Насъ такъ долго душили, такъ долго мы не смѣли сказать кого любимъ и кого ненавидимъ что слишкомъ наивно было бы молчать когда сами наконецъ на нашей сторонѣ. Мы видѣли какъ они пользовались своею силой, теперь наша очередь. У насъ тоже руки есть, и имъ пора дать работу... Говорятъ объ убѣжденіяхъ, объ образѣ мыслей—это конечно очень важно, но лоды всѣмъ этимъ есть еще социальная основа, даже физиологическая. Я по крайней мѣрѣ свою любовь и ненависть въ крови чувствую. У меня, у каждаго изъ насъ накопились старые счеты—пора свести ихъ.

Лицо Полины улыбалось задумчиво и печально.

— Я тоже такая! сказала она, и глаза ея блеснули.

Татаринъ, распахнувъ ногой дверь, втащилъ уживъ. За нимъ, какъ предвидѣлъ Баричъ, тотчасъ появилась долговазая фигура Кoko.

— Не, я такъ и зналъ... произнесъ онъ, небрежно нацывая себѣ крошечную рюмочку бальзаму.— Ну, мнѣ чертовски надоѣли въ маскарадѣ, я не зналъ какъ отъязаться.

— Кто жь это при женѣ рассказываетъ, засмѣялась Софья Александровна.

— Да нѣтъ, это совсѣмъ не то. Меня интриговали съ политическими цѣлями, объяснилъ Коко.

— Ого! произнесъ Каричъ.

Коко обвелъ всѣхъ вылученными глазами.

— Ну да, съ разными этими просьбами, или чтобы что-нибудь развѣдать. Разумѣется, всѣ знаютъ что я занимаю мѣсто...

— Ахъ да, мы и забыли что вы теперь вліятельное лицо, сказалъ Каричъ.

— Ну, я не говорю чтобъ я имѣлъ большое вліяніе, скромно возразилъ Коко;—но разумѣется, когда такъ близко стоишь по службѣ...

Коко дѣйствительно „состоялъ“. Случилось это какъ-то совершенно для всѣхъ неожиданно, и даже для него самого. Онъ просто подвернулся въ ту минуту когда формировалось новое и очень эффектное по имени учрежденіе. Такъ какъ задачи этого учрежденія отличались крайнею неопредѣляемостью и едва ли были ясны даже для того кто его выдумалъ, то вопросъ: годится ли кто-нибудь или не годится для этихъ задачъ, представлялся очень растяжимымъ. Притомъ, учрежденіе было задумано въ самомъ либеральномъ смыслѣ и даже, какъ потомъ объяснилось, съ цѣлью примирить общество съ правительствомъ; при такихъ условіяхъ выборъ лицъ совершенно празднотающихся и потому независимыхъ казался даже желательнымъ. Награжденіе такихъ лицъ казенными окладами и правами государственной службы составляло какъ бы первый шагъ къ „примиренію“. Павелъ Юрьевичъ Луговскій заявилъ гдѣ слѣдуетъ что его сынъ желалъ бы приложить къ живому дѣлу свои скромныя способности и что пора дать мѣсто людямъ свѣжимъ, съ современнымъ образомъ мыслей; Пахтаевъ со своей стороны заявилъ что въ настоящее время нельзя не дорожить такими людьми. Онъ не былъ вполнѣ увѣренъ, дѣйствительно ли слѣдуетъ дорожить такимъ человѣкомъ какъ Коко, но впрочемъ отчего же его не пристроить когда можно? И такимъ образомъ Коко явился въ новомъ политическомъ значеніи—и это даже никого почти не удивило: очень ужъ трудное и мудреное было время!

— Что это? форель à la Каричъ? прелестно! воскликнулъ онъ, изслѣдуя въ моноколь поданное блюдо, и протянулъ тарелку.—Вы знаете, вѣдь это такъ и называется: Каричевская форель.

— Еще бы мнѣ не знать! отозвался Каричъ:—я самъ научилъ всѣхъ поваровъ.

Коко лѣлъ.

— Ну, это по крайней мѣрѣ вкусно. А Анатоль ужасный фарсёръ, сказалъ онъ.

— Какой Анатоль? не поняла Софья Александровна.

— Ну, Ладожскій. Мужъ маленькой княгини. Онъ тоже выдумалъ—сиги.

— Какіе сиги? удивились всѣ.

— Ладожскіе, au beurre poigr. Мнѣ подавали. Ничего вѣтъ особеннаго.

Софья Александровна фыркнула, Безбѣдный тоже, а Каричъ такъ захохоталъ что бутылки и стаканы заходили на столъ и стекла задребезжали. По крайней мѣрѣ съ минуту всѣ были въ такомъ состояніи что не могли вымолвить слова. Даже Полина замерла, откинувшись на спинку стула. Коко, ничего не понимая, пораженный, обводилъ всѣхъ вылученными глазами и понемногу самъ началъ безсознательно смѣяться.

— Да вы сострить хотѣли, что ли? спросилъ наконецъ Безбѣдный.

— Отчего сострить? честное слово, мнѣ подавали... у Дюсона или у Дюссо, ужъ не помню, отвѣтилъ съ полною беззаботностью Коко.

Новый взрывъ хохота чуть не опрокинулъ присутствующихъ.

— Я ничего подобнаго въ жизнь не слышала! сказала почти сквозь слезы Софья Александровна.

— Онъ превзошелъ самого себя, съ трудомъ выговорилъ Каричъ.—Ладожскіе сиги... Анатоль... а завтра разкажу маленькой княгинѣ. Mon cher, вы обезсмертили себя... честное слово!

Коко, все еще ничего не понимая, смотрѣлъ на всѣхъ и скалилъ зубы.

— Что жъ я такое сказалъ? спросилъ онъ наконецъ, начиная какъ будто оскорбляться.

Полина замахала на него руками.

— Ничего, ничего, пусть это такъ останется, сказала она.

— Ну, я право васъ не понимаю. Я вижу, вамъ весело, процѣдилъ Коко и налилъ себѣ стаканъ шампанскаго. Каричъ разлилъ остальнымъ.

— Здравье Константина Павловича! предложилъ онъ.

Отъ другаго стакана Коко отказался.

— Вамъ хорошо, у васъ нѣтъ службы, а я завтра дежурный, объяснилъ онъ, видимо рисуясь новымъ своимъ положеніемъ.

Полина встала и предъ зеркаломъ медленно собирала капошонъ.

На лицѣ ея выступило утомленіе, а въ глазахъ залегло что-то грустное и недоброе. Хотѣть непріятно отдавался въ ея нервахъ, и Богъ вѣсть почему, въ одну краткую минуту, точно злой вихрь пробѣжали воспоминанія... Всего четыре года, но какъ безконечно далеко стоялъ тотъ день когда измученная, своевольная и злая, она приняла предложеніе Коко... Сколько пережито, и какъ гадко пережито съ тѣхъ поръ! Она наклонилась къ зеркалу, почти съ ненавистью глядяваясь въ свои прозрачные и задорные глаза, въ печально-сомкнутыя и все еще гордыя губы. Тусклое стекло было все изчерчено женскими именами. Она вдругъ сняла кольцо и быстро, крупными царскими написала: Pauline.

Безбѣдный, потягиваясь, съ довольнымъ видомъ всталъ изъ-за стола.

— А вѣдь чувствуется какъ всѣмъ легче дышать стало, сказалъ онъ. — Мнѣ нынѣшнее время напоминаетъ начало шестидесятыхъ годовъ.

— Какъ бы только не кончилось какъ тогда, скептически замѣтилъ Каричъ.

— Ну, я этихъ опасеній не могу раздѣлять, возразила Софья Александровна;—мы теперь несравненно сильнѣе. То была проба, а теперь настоящее дѣло, и цѣль для всѣхъ ясна.

Каричъ съ задумчивою, но довольною улыбкой погладилъ бороду.

— А что, въ какомъ положеніи ваше назначеніе? какъ шавсы? обратился онъ къ Безбѣдному.

Тотъ значительно посмотрѣлъ на него.

— Я имѣю полную надежду, отвѣтилъ онъ.

— Ну, отлично, отлично это! одобрилъ Каричъ и крѣпко пожалъ ему руку.

XV.

Антонина Павловна Пахтаева вставала довольно рано. Это ей было очень трудно, но она такъ рѣшила, потому что придавала большое значеніе утреннему чаю съ дѣтми. У нея была система воспитанія, которую она считала англійскою. Додо и Шушу, не смотря на то что ихъ выгнало роетомъ почти съ мамашу, все еще ходили съ голыми икрами и были обязаны кушать тартинки съ ветчиной и качаться на веревочной лѣстницѣ, повѣшенной въ классной комнатѣ. При нихъ состояла Англичанка, которую они терпѣть не могли, и монсьеур Сакремовъ, отъ котораго почерпали всѣ контрабандныя свѣдѣнія. Затѣмъ къ нимъ ходилъ русскій учитель, очень искастельный молодой человѣкъ, заранѣе убѣжденный что ихъ ничему нельзя выучить и даже не надо.

Антонина Павловна съ большою настойчивостью дала понять мужу что считаетъ для него обязательнымъ присутствовать при семейномъ утреннемъ чаѣ. Пахтаевъ послѣ долгаго сопротивленія подчинился, находя что дѣйствительно этого требуетъ томъ. Но изъ маскарада онъ вернулся поздно, и подъ самымъ неприятнымъ впечатлѣніемъ, что помѣшало ему заснуть. Поэтому дверь его спальни не отпиралась, и камердинеръ его на скучные вопросы генеральши отвѣчалъ съ вѣжливымъ озлобленіемъ:

— Изволятъ почивать-съ.

Антонина Павловна была болѣе обыкновеннаго не въ духѣ, но не сердилась (ее никто кромѣ мужа никогда не видалъ сердитою), а напротивъ обнаруживала преувеличенную безропотность и почти мученическую твердость духа.

— Ты можешь взять еще одну тартинку, Додо. Ты такъ долго мѣшаешь ложечкой что дѣйствуешь мнѣ на нервы, Шушу, говорила она дѣтямъ, и затѣмъ вдругъ прибавляла по-французски:

— Избѣгайте думать будто на мелочи не стоить обращать вниманія. Это ложная заносчивость, свойственная мужчинамъ. Человѣкъ долженъ воспитывать въ себѣ чувство долга строгимъ отношеніемъ къ самымъ мелочнымъ обязанностямъ ежедневной жизни.

И ея взглядъ, остановясь на лустѣющемъ мѣстѣ отца

сѣмейства, какъ бы находилъ тамъ подтвержденіе только что высказанной морали.

— Я стараюсь говорить съ вами серьезно, дѣти, потому что, кто знаетъ, можетъ-быть вамъ придется встрѣтиться съ подобномъ тамъ, гдѣ по природѣ вещей вы должны были бы найти высокое руководство, продолжала она, переводя на этотъ разъ свою французскую мысль по-русски, такъ какъ не считала нужнымъ чтобы monsieur Сакремонъ и миссъ Нелли выкли въ нее.

Додо и Шушу думали въ это время что бы такое сдѣлать за гимнастикой на которую ихъ поведутъ сейчасъ и какъ мухи потирали подъ столомъ озябшими длинными голыми ногами.

— Они еще очень мало утверждены въ добрѣ и не признаютъ цѣны нравственнаго наставленія, замѣчала миссъ Нелли, съ усиленіемъ разжимая зубы.

— Но утверждайте ихъ, утверждайте! просила Антонина Павловна.

— О, жизнь пріятна лишь насколько она нравственна, выражался monsieur Сакремонъ.

Антонина Павловна удалилась въ свой будуаръ въ состояніи возрастающаго волненія и нетерпѣнія. Хотя она уже издавна готовилась къ предстоящему объясненію съ мужемъ и рискованная попытка минувшей ночи была какъ бы результатомъ окончательно принятаго рѣшенія, но въ сущности она вовсе не сознавала въ себѣ необходимой рѣшимости. Еслибъ измѣна обнаружилась внезапно и рѣзко, она можетъ-быть испытала бы драматическое потрясеніе, изъ котораго сама собой рождалась развязка. Но фактъ былъ старый, подготовленный всею прежнею супружескою жизнью Пахтаевыхъ. Антонина Павловна, выйдя замужъ по любви, тѣмъ не менѣе съ первыхъ же дней считала себя очень несчастною. Изящный генералъ встрѣчалъ ея восторги съ тою вѣжливой и внимательной сдержанностью которая какъ бы составляла украшеніе его щепетильной личности. Онъ точно былъ неизмѣримо выше ея даже въ интимностяхъ жизни и дружески, но съ чувствомъ превосходства, указывалъ ей черту на которой аристократическое существованіе сталкивается съ буржуазнымъ. Онъ какъ бы постоянно стоялъ на стражѣ этой черты, исчезающей изъ влюбленныхъ глазъ жены. Антонина Павловна, не допуская въ себѣ ничего буржуазнаго, приписывала сдержанность мужа его врожденной

холодности. Но вскорѣ она должна была узнать что вѣн домашняго очага аристократическій ледъ очень легко таялъ. Она тогда готовилась быть матерью. Владиміръ Михайловичъ съ вѣжкою заботливостію напоминалъ ей о ея положеніи и объяснял различіе между безответственными, низшими прихотями и высшими потребностями сердца и требованіями долга. Объ этомъ шли продолжительные споры, окончившіеся тѣмъ что Антомина Павловна должна была волей-неволей подчиниться теоріи безпослѣдственныхъ развлеченій. Затѣмъ она начала дурнѣть, такъ что незначительный капиталъ ея красоты быстро израсходовался. Мало-по-малу она привыкла къ мысли что одна половина счастья для нея потеряна. Оставалась надежда на нравственное сочувствіе, на признательность за ничѣмъ не заслуженную любовь, на высшее благородство сердца. Терзаясь, Антомина Павловна училась прощать. Она убѣждала себя что „низшія прихоти“ занимаютъ въ жизни мужа слишкомъ незначительное мѣсто, что отказывая ей въ той любви за которую она готова была пожертвовать всѣмъ, онъ никому не даетъ этой любви. Только разъяснившіеся ей мало-по-малу отношенія къ Полиѣ заставили ее понять что Владиміръ Михайловичъ можетъ любить другую женщину именно такъ какъ она хотѣла быть любимой. Тогда только она увидѣла себя глубоко, вполнѣ несчастною. Не умѣла найти въ этомъ положеніи, она прибѣгла къ угрозамъ разрыва, къ слезамъ, къ сценамъ ревности, переходила то къ истерическимъ крикамъ и къ знакомой всѣмъ ординарнымъ женщинамъ мелодрамѣ, то къ безмолвно укоряющимъ или молитвенно возносящимся взглядамъ. Домашняя жизнь сдѣлалась еще некрасивѣе, и въ довершеніе всего соръ былъ вынесенъ изъ избы самою же пугающеюся всякаго скандала Антоминой Павловной, съ помощію ея замѣвшей въ высшемъ аристократическомъ родѣ.

Въ сущности дѣло казалось какъ будто очень просто. Генералъ, кромѣ какого-то родоваго болота въ Новгородской губерніи и оклада по чину, ничего не имѣлъ. Жена могла оставить его безъ денегъ. Но Владиміръ Михайловичъ безъ сомнѣнія обратится къ кредиту, разчитывая что не вѣчно же будутъ держать его на казенномъ жалованьи.

Потерявшаяся Антомина Павловна рѣшилась испытать нѣсколько романтическую мѣру—увидѣться со своею соперницею, подѣйствовать на нее зрѣлищемъ любящей и оскорбляемой

жены и въ крайнемъ случаѣ прибѣгнуть къ угрозамъ. Какъ мы видали, попытка не имѣла успѣха. На терзаниихъ ревности прибавилась обида плохо сыграннаго фарса. Антошина Павловна наконецъ ослабилась и рѣшилась довести дѣло хотя бы даже до формальнаго разрыва. Она не была увѣрена, устоять ли въ своей рѣшимости, но ей казалось что серьезная угроза должна образумить мужа.

Владимиръ Михайловичъ вошелъ къ ней уже совсѣмъ окончивъ свой туалетъ, застегнутый на все пуговицы и слегка надушенный. Онъ находилъ что отъ сукна и отъ мишуры пахнетъ кислотой и что поэтому необходимо какъ-то опрыскивать себя духами.

— Bonjour, сказалъ онъ съ обыкновенною холодною вѣжливостью и подошелъ къ ручкѣ.

Антошина Павловна едва прикоснулась губами къ его бѣлому лбу.

— Я не зналъ что вы слособамъ на такіа выходы какъ вчера, заговорилъ онъ.

— Вы заставите меня лойти и на другія выходы, отозвалась на это Антошина Павловна.

— Очень жаль, потому что ставить себя въ смѣшное положеніе вамъ не слѣдовало бы, продолжалъ Пахтаевъ.

— Я не виновата если вы сами поставили меня въ совершенно невозможное положеніе, возразила Антошина Павловна.

Пахтаевъ вынулъ изъ кармана перчатки и медленно развернулъ ихъ.

— Вамъ поступокъ былъ совершенно мѣщанскій, точно изъ... руссекой комедіи, сказалъ онъ.

У Антошины Павловны навернулись на глаза слезы.

— Я сама очень сожалею объ этомъ поступкѣ, но я рѣшилась на него щада васъ и нашихъ дѣтей, отвѣтила она. — Я хотѣла испытать послѣднее средство прежде чѣмъ лойти на крайнія мѣры, на которыя вы меня вынуждаете своимъ недостойнымъ поведеніемъ. Я старалась дѣйствовать на васъ убѣжденіемъ, лаской, надѣялась тронуть ваше сердце, я ждала чтобы наконецъ проснулась ваша совѣсть, чтобы вы увидѣли бездну въ которую влечетъ васъ ваша безнравственность.

Пахтаевъ, выправивъ затамнутый станъ и слегка раздвинувъ ноги, внимательно застегивалъ перчатку.

— Вы не кончили? спросилъ онъ, когда Антошина Павловна

остановилась, чрезвычайно довольная плавностью собственной рѣчи и желая знать что онъ на все это скажетъ.

— Нѣтъ, не кончила, хотя, признаюсь вамъ, мнѣ не очень хочется продолжать, отвѣтила она.—Вы уже столько разъ все это слышали, и мнѣ жалъ помалпрасну тратить слова.

— Я всегда удивлялась зачѣмъ вы ихъ тратите, замѣтилъ генералъ.—Но это все-таки лучше чѣмъ... дойти до скандала въ публичномъ мѣстѣ. О васъ теперь весь городъ говоритъ.

— И все-таки меня никто не можетъ осудить, потому что я защищаю права честной женщины, права матери... Владимиръ Михайловичъ, а вижу что вы торопитесь и не расположены меня слушать. Но можетъ-быть вы больше обратите вниманія на мои слова если я скажу вамъ что чрезъ нѣсколько дней я уѣзжаю съ дѣтьми въ деревню и отправляю туда всю мебель, а квартиру эту сдаю. Вы конечно можете перевести контрактъ на свое имя, если находите удобнымъ оставаться здѣсь; но я думаю что эта квартира вамъ не по средствамъ.

Полныя, розовыя щеки Пахтаева какъ будто слегка дрогнули.

— Вы угадали, я действительно тороплюсь. Я всегда тороплюсь когда вы начинаете говорить, *rassez le mot*, разный вздоръ.

И онъ, сдѣлавъ поворотъ на каблукахъ, пошелъ по ковру своею мелкою, подрагивающею походкой.

Антонина Павловна быстро поднялась съ кресла.

— Будьте увѣрены что я окончательно рѣшилась и сегодня же начну всѣ распоряженія, объявила она нетерпѣливо.

— Не хочу допустить что вы совершенно потеряли голову, отвѣтилъ онъ и вышелъ.

Въ этотъ день онъ не обѣдалъ дома и вернулся поздно; а утромъ его разбудилъ стукъ молотковъ, раздавшійся за стѣной.

— Что тамъ такое? спросилъ онъ камердинера.

— Мебель укладываютъ, отвѣтилъ тотъ, подавая скользкую губамъ усмѣшку.

Пахтаевъ нахмурился: шутка становилась серьезною. Накладувъ пальто, онъ вышелъ въ залу. Тамъ уже стояли огромные ящики и нѣсколько человѣкъ рабочихъ усердно улаковывали мебель мочалой и забивали гвозди.

— Скоро думаете управиться? спросилъ Пахтаевъ.

— Приказано завтра безпремѣнно кончить, отвѣтилъ артельщикъ.

Пахтаевъ повелъ глазами по комнатамъ и увидѣлъ на окнахъ билетики.

„Она рѣшительно съума сошла“, подумалъ онъ, струхнувъ уже не на шутку.

XVI.

Онъ однако еще былъ увѣренъ что все это одинъ угрозы, которыми хотять вырвать у него уступки. Невозможно чтобъ Антомина Павловна рѣшилась довести дѣло до формальнаго разрыва. Что скажетъ свѣтъ, какъ взглянетъ ея тетка, величавая и строгая Таисія Ивановна Беклицева, одинъ изъ исчезающихъ обломковъ стараго двора, стоявшая какъ бы въ сторонѣ отъ вышнихъ сферъ, но сохранившая какое-то неосязаемое вліяніе, о которомъ всѣ знали и съ которымъ всѣ считались? Что скажетъ братъ, молодой генералъ Беклицевъ, весь радостно отдаанный своей шибко и гладко слагающейся карьерѣ и не допускающій даже мысля чтобы въ ихъ семьѣ могло имѣть мѣсто что-либо напоминающее скандалъ?

Пахтаевъ не считалъ себя безусловно правымъ въ этой домашней распрѣ и готовъ былъ бы на нѣкоторыя уступки. Если онъ въ послѣднее время позволялъ себѣ слишкомъ часто показываться въ публикѣ съ Полиной и вообще держалъ себя неосторожно, это конечно была ошибка съ его стороны. Но Антомина Павловна возбуждала денежный вопросъ. Въ этомъ вопросѣ уступка равнялась совершенному отказу отъ Полины. Пахтаевъ уже привыкъ понимать это. Онъ находился въ томъ странномъ противорѣчii съ логикой чувства, которое издали представляется совсѣмъ невозможнымъ и въ которое между тѣмъ очень часто впадаютъ люди искренно увлеченные. Можетъ ли существовать любовь тамъ гдѣ есть денежный интересъ? Повидимому не можетъ, и издали каждый отвѣчаетъ отрицательно. Но въ жизни очень часто люди платящіе за любовь женщины убѣждены что ихъ въ самомъ дѣлѣ любятъ. Это одна изъ тайнъ той неразгаданной и властной силы которую называютъ страстью. Она, какъ всякая тайна, совершается во мракѣ, незримыми путями овладѣвая мыслью и сердцемъ и заставляя человѣка въ своемъ собственномъ дѣлѣ смотрѣть на все совершенно чужими

глазами, иначе думать и чувствовать. Полина не скрывала отъ него съ самаго начала ихъ романа что у ея мужа нѣтъ обезпеченныхъ средствъ. Она даже нѣсколько разъ плакала при немъ отъ неизменныхъ огорченій, причиняемыхъ занутомъ обстоятельствомъ. Она понимала что это нѣсколько не ослабляетъ первыхъ впечатлѣній страсти; напротивъ, обыкновенно любятъ сильнѣе когда женщина несчастна, когда она имѣетъ право жаловаться на семейныя условія и презирать мужа. Пахтаеву естественно было предложить свою помощь. Она была принята съ нервными слезами, со влюбленною злобой и стыдомъ, она дала материалъ для превосходно разыгранной драматической увертюры, подъ лукавые звуки которой сердце Пахтаева такъ радостно и трелетно болѣло... Затѣмъ въ этой изменной сторонѣ дѣла самъ собою установился порядокъ. Во всемъ существѣ Полины съ перваго взгляда угадывалась привычка къ роскоши, изящное легкомысліе женщины не умѣющей считать и соразмѣрять. Было бы даже странно и неестественно видѣть ее въ элегантной обстановкѣ, лишенной тѣхъ радостей которыя даетъ женщинамъ опьяненіе мотовства, удаля безтолковаго швырянья денегъ. Доставлять ей подобныя удовольствія служило для Пахтаева источникомъ своего рода наслажденій. Онъ какъ будто самъ раздѣлялъ опьяненіе этой удали, онъ чувствовалъ что такъ они ближе другъ къ другу, сильнѣе любятъ другъ друга. Это конечно не составляло главной связи между ними, но всякая перемѣна въ этомъ отношеніи представлялась невозможною. Пахтаевъ, посаженный женой на казенное жалованье, прикидывающійся что не понимаетъ щекотливыхъ намековъ, изворачивающійся съ помощью никого не обманывающихъ хитростей когда любимая женщина проситъ его заллатить по счету, такого Пахтаева онъ даже не могъ себя представить. Полина конечно любить его не изъ-за денегъ, но когда ея счета не будутъ улачены, когда ей будутъ надобдаты, когда онъ долженъ будетъ сознаться что уже не можетъ устраниать съ ея пути всѣ неизменныя заботы и огорченія, она будетъ не въ духѣ, его страстныя признанія будутъ звучать фальшиво, онъ будетъ униженъ, почти опозоренъ въ ея глазахъ. Вопросъ самолюбія, тщеславія, это такъ близко къ вопросамъ любви. „Но она не рѣшится, она не посмѣетъ, она хочетъ только налугать меня“, думалъ онъ, неприятно тревожась въ теченіе цѣлаго дня и осторожно

наблюдая за всѣмъ что дѣлалось въ домѣ. А въ домѣ, повидимому, шли приготовленія, горничныя укладывали сундуки и валізы, Антонова Павловна два раза куда-то выѣзжала и возвращалась съ цѣлымъ ворохомъ покупокъ, очевидно предназначенныхъ для деревни. „Можетъ-быть она и дѣйствительно уѣдетъ въ деревню немножко раньше чѣмъ предполагала... и это даже очень недурно будетъ“, успокаивалъ себя Пахтаевъ и принималъ рѣшеніе выдержать характеръ до конца, показать что угрозы на него не дѣйствуютъ, что онъ знаетъ ихъ настоящую цѣну. Онъ не понималъ только что жена, перепуганная собственною рискованною выходкой въ маскарадъ, уже гораздо меньше боялась новаго скандала и готова была зажмурить глаза и идти куда толкнетъ ее упрямото...

Полина, которой онъ разказалъ о приготовленіяхъ Антоновой Павловны, долго и весело хохотала.

— Но я не думала чтобъ она васъ до такой степени за ребенка принимала, сказала она.—Вы видно давно уже привыкли ее дѣлать съ вами все что угодно. Вотъ что значитъ обнаружить какую-нибудь свою слабость!

— Что же я обнаружилъ? спросилъ какъ бы уязвленный такимъ замѣчаніемъ Пахтаевъ.

— Но вы видите, она убѣждена что съ вами можно сыграть самую шутовскую комедію, отвѣтила Полина.

И взглянувъ на него въ упоръ смѣющимся, самоувѣренными глазами, она весело пожала плечами и добавила:

— Dieu, que les hommes sont bêtes!

Вечеромъ Антонова Павловна вошла къ нему въ кабинетъ, и по ея сухому, безстрастному лицу онъ догадался что предстоитъ неприятное объясненіе.

— Такъ какъ я послѣзавтра уѣзжаю, то мнѣ хотѣлось бы покончить здѣсь со всѣми дѣлами, сказала она.

— Я не зналъ что у васъ есть дѣла, произнесъ Пахтаевъ.

— Но у васъ всѣ деньги! объяснила съ печальною торжественностью Антонова Павловна.

У Пахтаева усы чуть-чуть дрогнули.

— Деньги въ акціяхъ и въ билетахъ, слѣдовательно что же еще можно съ ними сдѣлать? возразилъ онъ какъ-то бѣгая глазами.

— Но я не возьму ихъ съ собою, а отдамъ на храненіе въ банкъ, отвѣтила Антонова Павловна.

Пахтаевъ молча всталъ и кусая губы подошелъ къ бюро, отперъ ящикъ и выложилъ оттуда лачки бумагъ.

— Я принесу шкатулку, сказала Антонина Павловна и легкими, почти рѣзвыми шагами вышла изъ комнаты и черезъ минуту возвратилась съ большою изящною шкатулкой, гдѣ у нея лежали драгоценности. Поднявъ верхній ящикъ, она аккуратно уложила на дно билеты, не забывая какъ бы незамѣтно пересчитать ихъ, затѣмъ залепила шкатулку и увела ее, прижавъ обѣими руками къ груди.

Пахтаевъ, оставшись одинъ, сѣлъ и нѣсколько минутъ усиленно дымилъ изъ палиросы, поѣживая носомъ и слегка отдавая щеки.

— Комедіантка, рѣшилъ онъ въ заключеніе.

Путру, пока онъ не выходилъ еще изъ своей уборной, въ передней нѣсколько разъ раздавались звонки. Камердинеръ объяснилъ что это приходятъ смотрѣть квартиру.

— Кто же смѣлъ пускать ихъ! Я не позволяю! вскрикнулъ Пахтаевъ.

— Билетики на окна налѣпили, отвѣтилъ съ подавленною усмѣшкой слуга.

— Я не позволяю! гнать всѣхъ! вторично прикрикнулъ Пахтаевъ, и розовыя щеки его сдѣлались почти багровы.

Какъ у него всегда бывало въ случаяхъ семейной ссоры, онъ приказалъ подать чай къ себѣ въ кабинетъ.

Ему доложили что пришелъ управляющій домомъ тоже насчетъ квартиры.

— Пусть идетъ къ барынѣ, отказался Пахтаевъ.

— Генеральша сами къ вамъ отослали, отвѣтилъ камердинеръ.

Пахтаевъ швырнулъ газету, которую держалъ въ рукахъ, и прошелъ къ жевѣ. Антонина Павловна, совсѣмъ одѣтая, застегивала на себѣ предъ зеркаломъ стальной поясъ, придававшій ей черному туалету еще болѣе строгій, дѣловой видъ. На столикѣ подлѣ нея стояла знаменитая шкатулка.

— Мнѣ кажется, вамъ пора бы прекратить эту комедію, а то уже съ улицы приходятъ на нее смотрѣть. Вѣдь это все-таки домашній спектакль, проговорилъ онъ съ торжественною язвительностью.

Антонина Павловна оглянулась на него черезъ плечо.

— Вотъ я уйду, и тогда этотъ непріятный спектакль кончится, отвѣтила она.

— Вы хотите непременно чтобы мы оба сдѣлались жосмѣшникомъ цѣлаго города?

— Да, я лучше желаю чтобы смѣлялся надъ нами обоими чѣмъ надо мною одной. Но успокойтесь, смѣяться не будутъ, то что я дѣлаю слишкомъ мало похоже на комедію.

— Вы забываете что въ наше время трагедіи еще болѣе смѣшны.

— Ахъ Боже мой, но если въ наше время все такъ смѣшны, то пусть смѣются, произнесла Антонина Павловна, и на глазахъ ея навернулись слезы.

Пахтаевъ съ выраженіемъ нетерпѣнія пожалъ плечами.

— Но объясните же наконецъ, чего вы собственно хотите? спросилъ онъ почти грубо.

Антонина Павловна сложила на груди руки.

— Чего я хочу, Владиміръ Михайловичъ? Я хочу чтобы вы отказались отъ этой недостойной женщины которая заставляетъ васъ забыть семью, обязанности, увлекаетъ васъ въ бездну.

— Женщина которую вы оскорбили!

— О, я не считаю чтобы я могла ее оскорбить. Для такихъ женщинъ не существуетъ оскорбленій.

Пахтаевъ нетерпѣливо кусалъ кончики усовъ.

— Хорошо, предположимъ что я разорву съ этою женщиной; я желалъ бы знать, въ чемъ будетъ заключаться для васъ перемена? сказалъ онъ.—Я еще не отжилъ свой вѣкъ, на моей дорогѣ могутъ встрѣтиться новыя увлеченія. Вы полагаете что можно насильно умертвить потребность чувства, засушить сердце? Не будетъ одной, будетъ другая.

Глаза Антонины Павловны изображали ужасъ.

— У васъ есть семья, есть обязанности! воскликнула она.

— Какъ и у всѣхъ другихъ, отвѣтилъ Пахтаевъ, — полагаете вы что они все вълюблены въ своихъ женъ?

— Но то что вы говорите безнравственно! съ тѣмъ же выраженіемъ ужаса воскликнула Антонина Павловна.

— Нѣтъ, гораздо безнравственнѣе то чего вы хотите, возразилъ Пахтаевъ. — Вѣдь вы очень легко миритесь съ моею свободой пока не замѣтили что эту женщину, которая такъ низко стоитъ въ вашихъ глазахъ, я люблю! Вы снисходительны къ разврату, но боитесь серьезнаго чувства; вотъ ваша нравственность добродѣтельной жены!

— Я не увидалась до того чтобы слѣдить за вашими

развлеченіями, отвѣтила Антонина Павловна, обходя философскую сторону вопроса.

— Ну, положимъ, вы очень слѣдщица и даже подсылали горничныхъ подглядывать за мной... напомнилъ Пахтаевъ.

Антонина Павловна вслыхнула: къ этимъ мѣрамъ она дѣйствительно прибѣгала и не одинъ разъ попадалась.

— Но дѣло не въ томъ, продолжалъ Пахтаевъ. — Вы хотите добиться своей цѣли, дѣйствуя на меня угрозами. Я вижу что эта игра завела уже васъ слишкомъ далеко, и пришелъ предупредить васъ: бросьте, вы ничего не добьетесь.

— Вы видите, я уѣзжаю и увожу дѣтей, это все что я могу сдѣлать, сказала Антонина Павловна.

— Пустяки, если вы и уѣдете, то съ тѣмъ чтобы вернуться. Скандалъ вамъ не поможетъ, а на разрывъ вы не рѣшитесь.

— Вы думаете!

— Я вамъ впередъ объявляю это. И потому прикажите лучше раскупорить ящики и снять билеты съ оконъ. Шутка становится слишкомъ длинною — и забавною не для насъ, а для свѣта.

И съ этими словами Пахтаевъ повернулся на каблучкахъ и вышелъ своею мѣрною подрагивающею походкой.

XVII.

Антонина Павловна проводила его почти злыми глазами и олустилась въ кресло въ состояніи мучительнаго раздраженія. Она не ожидала что онъ такъ скоро пойметъ ея игру. Угрожающія приготовления въ самомъ дѣлѣ оказывались смѣшны. Но она не хотѣла остаться смѣшною. Мужъ былъ правъ, шутка зашла слишкомъ далеко и обращалась противъ нея самой. Надо было быть серіозною.

Она чувствовала себя оскорбленною, уязвленою. Онъ никогда не былъ такъ циничски откровененъ. Онъ не допускалъ чтобы даже разрывъ съ Полиной могъ что-нибудь изменить въ ихъ отношеніяхъ. „Не будетъ одной, будетъ другая...“ Если такъ, то значить нечего ждать и незачѣмъ щадить. Лучше сбросить съ себя эти лживыя цѣли чѣмъ валять ихъ бессмысленно и постыдно. Она сумѣетъ достойно нести свою судьбу. Она посвятитъ всю свою жизнь дѣтямъ, дастъ имъ воспитаніе вдали отъ соблазнительныхъ примѣровъ,

сласеть имъ состояніе, которое отецъ легкомысленно рас-
трачивалъ, и свѣтъ, устыдившись своихъ собственныхъ
насмѣшекъ надъ обманутою женой, приучился уважать въ ней
отдавшуюся высокому долгу мать. Притомъ у нея есть род-
ные которые сумѣютъ позвать ее и защитить отъ злословія.

Антонина Павловна приказала вынести въ карету шкатул-
ку и поѣхала прямо въ банкъ, а оттуда къ своей теткѣ
Беклицевой, съ которою хотѣла переговорить обо всемъ по
родственному.

Таисія Ивановна жила по старинному. У нея былъ свой
штатъ, приживалки, воспитанницы, цѣлая толпа какихъ-то
добровольныхъ прислужниковъ, весьма скромныхъ на видъ,
толкавшихся около нея отчасти по врожденной потребности
благоговѣтъ предъ кѣмъ-нибудь, отчасти по совершенной
негодности ни къ какому дѣлу. Они цѣлые дни слонялись
по комнатамъ, почтительно подавали Таисіи Ивановнѣ те
платокъ, то рабочую корзинку, то карты для ласьянса. вы-
бѣгали взглянуть на термометръ или позвать прислугу, при-
саживались на кончикъ стула когда никого не было и скром-
но удалялись когда входилъ важный посѣтитель. Трудно
сказать что они имѣли въ виду, но имъ казалось что уже
одна близость къ Таисіи Ивановнѣ составляетъ преимуще-
ство, создаетъ положеніе. Потомъ они куда-то исчезали, и
никто не замѣчалъ ихъ отсутствія и не зналъ что съ ними
стало, какъ прежде никто не замѣчалъ ихъ почтительнаго
пробыванія и благоговѣйной услужливости. По всей вѣроят-
ности, ихъ въ концѣ концовъ поглощала бездонная лучшая
„государственной службы“, на которую Таисія Ивановна
смотрѣла съ единственной доступной ей точки зрѣнія—при-
строить и облагодѣтельствовать. Точно также тихо и без-
вѣстно исчезали молодыя и старыя особы женскаго пола,
похищаемыя то бракомъ, то гостепріимною дверью какого-
нибудь казеннаго учрежденія, то смертью, и обычные посѣ-
тители даже не замѣчали что прежде о нихъ докладывала
какъ будто блондинка, а сегодня встрѣтила ихъ какъ будто
брюнетка.

Антонина Павловна прошла чрезъ цѣлый рядъ огром-
ныхъ, по старинному убранныхъ комнатъ, украшенныхъ
вышитыми подушками, скатертами и экранами, букетами
искусственныхъ цвѣтовъ и всевозможными предметами ру-
кодѣлій. Таисія Ивановна сохраняла страсть къ подаркамъ

„собственной работы“ и ей постоянно что-нибудь подвосили. Даже поблеклые выпѣтшіе акварельные портреты и ластики, висѣвшіе по всѣмъ стѣнамъ, были произведеніемъ дилеттантскихъ рукъ и картонныя рамки ихъ украшались шелковыми и бисерными вышивками. А портреты были интересные и составляли какъ бы иллюстрацію къ неважно-важной хроникѣ стараго двора...

— Можно къ тетѣ? спросила Антонова Павловна полагаясь ей навстрѣчу дѣвцу неопредѣленнаго возраста, съ сѣрымъ лицомъ и такого же цвѣта гладко зачесанными волосами.

— Пожалуйте, онѣ теперь бульонъ кушаютъ, благоговѣно отвѣтила та, притянувъ локти къ кривой талии.

Антонова Павловна прошла въ большую темноватую комнату, перегородженную по всѣмъ направленіямъ ширмочками. Таисія Ивановна сидѣла на длинномъ креслѣ, съ укутанными въ вязаный пледъ ногами, и макала въ бульонъ сухарики. Подлѣ нея, на низенькомъ табуретѣ, помѣщалась другая дѣвица неопредѣленнаго возраста и еще болѣе неопредѣленнаго назначенія, ибо держалась она совершенно неподвижно, подымая на Таисію Ивановну свѣтлые, какъ бы увлажненные глаза и сложивъ на колѣняхъ худыя и черныя руки. Поодаль на стулѣ сидѣлъ скромный молодой человѣкъ въ длинномъ черномъ сюртукѣ и коротенькихъ брюкахъ и читалъ вслухъ газету. При входѣ Антоновны Павловны онъ тотчасъ сложилъ листъ и вышелъ, тонко скрипя сапогами.

— Здравствуй, та сѣге, привѣтствовала лаемяницу Таисія Ивановна, подставляя щеку.

— Здравствуй, та сѣге, повторилъ тотчасъ чей-то голосъ, заставившій Антонову Павловну вздрогнуть.

Она оглянулась и увидѣла полугая, кивавшаго ей толстымъ носомъ изъ-за челца тетушки.

— Ахъ, полка, я каждый разъ забываю про него! сказала она, скрывая невольный испугъ.—Какъ ваше здоровье, та tante? Я уже столько времени никакъ не могла выбраться къ вамъ.

— Спасибо, здоровье мое все въ одномъ положеніи. Ноги!

И Таисія Ивановна указала глазами на покрывавшій ее вязаный пледъ.

— Боже мой, все ноги? произнесла Антонова Павловна, и разговоръ на вѣскольکو минутъ принялъ медицинское направленіе.

— Варенька, подайте сюда сахаръ, приказала Таисія Ивановна.

Сидѣвшая на табуретѣ дѣвица быстро встала и подала блюдечко съ мелкими кусочками сахару. Таисія Ивановна взяла одинъ кусочекъ, помочила его во рту и протянула полкъ. Тотъ съѣлъ.

— А я прѣехала проститься съ вами, ma tante; я уѣзжаю въ деревню, сказала съ замѣтнымъ волненіемъ Антонина Павловна.

Тетка съ удивленіемъ взглянула на нее.

— Какъ, такъ рано? спросила она.

— Меня вынуждаютъ обстоятельства! объяснила Мше Пахтаева и взглянула на приживалку.

— Какія же обстоятельства? спросила Таисія Ивановна.

— Вотъ объ этомъ именно я и хотѣла переговорить съ вами, такъ какъ мнѣ необходимы совѣтъ вашъ и участіе, отвѣтила Антонина Павловна и снова взглянула на дѣвицу съ черными руками.

— Варенька, посидите тамъ съ Иваномъ Демьяновичемъ, распорядилась Таисія Ивановна.

Дѣвица безмолвно поднялась и вышла.

Антонина Павловна подвинула свой стулъ и волнуясь, то-ропясь и порядочно лугаясь, принялась разказывать о недостойномъ поведеніи мужа и о своемъ рѣшеніи разойтись съ нимъ навсегда. Она уже и раньше посвящала тетку во всѣ подробности этой, какъ она выражалась, постыдной интриги, но теперь ей хотѣлось еще разъ, въ раскрашенномъ самыми мрачными красками разказѣ, представить весь ужасъ своего положенія и все достоинство мужа. Таисія Ивановна слушала со свойственнымъ женщинамъ любопытствомъ и какъ бы даже съ удовольствіемъ, выраженіе котораго могло бы показаться загадочнымъ Антонинѣ Павловнѣ, еслибы сама она не любила до такой степени всѣ домашнія и интимныя исторіи. Но по мѣрѣ того какъ выяснялось принятое оскорбленною женой рѣшеніе, лицо Таисіи Ивановны становилось все недовольнѣе и оскорбительнѣе.

— Ну, вздоръ, вздоръ, произнесла она наконецъ, покачивая головой и замахавъ руками.—Ты этихъ гулостей и не начинай пожалуста.

— Но мнѣ ничего больше не остается, ma tante. Я не могу переносить такихъ оскорбленій и я рѣшилась, ma tante! вымолвила со слезами на глазахъ Антонина Павловна.

— Взоръ, вздоръ, слышать не хочу, повторила тетка.— Это еслибы съ каждымъ мужемъ разводиться оттого что онъ дѣлаетъ невѣрности, такъ скоро ни одной вѣнчанной пары не осталось бы.

Таусія Ивановна, чтобы придать себѣ вѣкоторый особый отпечатокъ, говорила всегда по-русски, но думала по-французски и оттого ея рѣчь отзывалась то переводомъ, то простонародностью.

Антонина Павловна была очень прискорбно удивлена тѣмъ что слышала изъ родственныхъ устъ.

— Но вѣдь вы сами, ма tante, всегда возмущались поведениемъ Вольдемара, воскликнула она.

— Оттого возмущалась что ему не слѣдъ афишироваться съ этою своею метреской, отвѣтила Таусія Ивановна.— А расходиться, это ты вздоръ выдумала. Никогда у Беклицевыхъ ничего такого не бывало. Всѣ они такіе, мужья-то. Мой покойный Сергѣй еще почище твоего Вольдемара волокита былъ. Горничныхъ хоть не держи, ни одной не пропуститъ. Ну, я, бывало, лозову мерзавку къ себѣ въ спальню, да и отдую по щекамъ. А когда у него началась лизонь съ княгиней Собакиной, я ей на придворномъ балѣ комплимента не отдала.

— Но, ма tante, вѣдь я... люблю Вольдемара! воскликнула Антонина Павловна.

— А словно я не любила Сергѣя! возразила тетка.— Только я его не баловала по вашему, какъ нынѣшнія жены, которыя хуже любовницъ съ мужьями. Въ наше время мы умѣли себя поставить. Ужь на что тогда самодурства всякаго и тирательства больше было, а баловать мужей мы не любили. На то дворовыя дѣвки были, да Цыганки. А вѣдь нынче до чего безстыдство дошло, слушать тошно.

Антонина Павловна вслыхнула и потупилась.

— Я васъ не понимаю, ма tante, пожалала она плечами.— Мнѣ кажется если люди вступаютъ въ бракъ, то для того чтобы любить другъ друга.

— Я тебѣ говорю: мы развѣ не любили въ наше время? возразила Таусія Ивановна.— Только у насъ любовь благороднѣе была, мы уважали себя больше. И мужей, не смотря на все ихъ самодурство, умѣли въ рукахъ держать. Нашу ласку они за большой праздникъ считали, а отъ нынѣшнихъ жень отбивайся только.

Антонина Павловна все болѣе красивѣла и даже заобилась.

— Объ этомъ я ничего не знаю, ма tante, но я разсуждаю такъ, что если Вольдемаръ любить другую женщину, то значить я не нужна ему, и тогда зачѣмъ же намъ таготить другъ друга и продолжать эту брачную комедію, когда она ничего болѣе какъ ложь! сказала она такимъ злымъ тономъ, какъ будто Таусія Ивановна сама была во всемъ этомъ виновата.

— Вздоръ, сказала опять тетка;—Вольдемаръ твой осторожнѣе будетъ, я сама съ нимъ переговорю. А срамиться тебѣ не за чѣмъ.

Лицо Антонины Павловны приняло упрямое выраженіе.

— Я такъ далеко зашла уже что если это кончится ничѣмъ, онъ меня рѣшительно ни во что будетъ считать, возразила она.

— Ты пожалуй поѣзжай въ деревню, полугай его, сказала Таусія Ивановна.—А хочешь на него узду имѣть, надо иначе дѣйствовать, добавила она, бросивъ на племянницу замысловатый взглядъ.

— Какъ же дѣйствовать? спросила Антонина Павловна.

— А такъ, чтобъ онъ тоже боялся. За тобой развѣ никто не ухаживаетъ?

Молодая женщина сдѣлала почти негодующее движеніе головой.

— Нѣтъ, къ такимъ средствамъ я не намѣрена прибѣгать, отвѣтила она.

Ей хотѣлось заплакать, углы губъ ея вытянулись.

— Я не ожидала, ма tante, что вы такъ странно отнесетесь къ моему горю, сказала она;—я думала встрѣтить у васъ родственное участіе, поддержку въ моемъ положеніи; но видно, мнѣ остается только на себя одну положиться и сдѣлать то на что я уже рѣшилась!

И она, наклонивъ голову, прижала къ глазамъ батистовый платокъ.

— Ну, матушка, въ глулостяхъ твоихъ я тебя поддерживать не стану, сказала тономъ неудовольствія тетка.—Совѣтъ свой я тебѣ подала, не хочешь меня послушаться, дѣлай какъ знаешь. А только я тебѣ повторяю, хорошаго ничего изъ того не будетъ—осрамишься и насъ осрамишь. И брату твоему, да и мнѣ на старости лѣтъ непріятно будетъ, какъ по городу басня пойдетъ.

— Чѣмъ я васъ осрамаю? тѣмъ что я несчастная, несчастная женщина! произнесла сквозь слезы Антонова Павловна.

— Э, матушка, надъ несчастьемъ да надъ глупостью больше смѣются чѣмъ надъ чѣмъ другимъ, сказала все тѣмъ же недовольнымъ тономъ Таусія Ивановна.—Увидишь какіе комеражи да смѣшки пойдутъ. Дура ты, та сѣге, право дура.

Полугай при этомъ словѣ заволаговался.

— Дура! дура! повторилъ онъ съ трескомъ, широко разъвая клювъ.

— Слышишь? вонъ и лопка тоже, а онъ у меня умный, всегда съ толкомъ скажетъ, молвила Таусія Ивановна, и подала своему любимцу новый кусочекъ сахару.

XVIII.

Въ этотъ день у Полины былъ назначенъ одинъ изъ тѣхъ маленькихъ обѣдовъ которые такъ восхищали Пахтаева. Онъ находилъ что тамъ только и можно отдохнуть отъ утомительной чолорной скуки и отъ некрасивыхъ женскихъ лицъ. Дѣйствительно, чувство зависти и ревности было совершенно незнакомо Полинь; у нея собирались только хорошенькія, молодые, веселыя дамы, принадлежавшія къ весьма многочисленному нынче въ Петербургѣ кругу, который образовалъ среду между свѣтомъ и полусвѣтомъ, и требуя наружнаго уваженія къ себѣ, остается очень равнодушенъ къ тому что говорится о немъ за глаза. Эти дамы прекрасно одѣвались, были очень изящно обставлены, имѣли мужей и хотѣли веселиться во что бы то ни стало. Въ очень строгихъ домахъ ихъ не принимали, но иногда то та, то другая появлялись въ порядочномъ обществѣ, и когда кто-нибудь удивлялся, ему возражали пожимая плечами:

— Полноте, кто же можетъ знать эти вещи навѣрное? Про всякую женщину ходить какая-нибудь слетая.

И онѣ сами старались всѣми способами служить слетя, догадываясь что чѣмъ больше будетъ женщинъ съ залодо-зрѣнною репутаціей, тѣмъ ниже должна будетъ опуститься общественная снисходительность.

Собственно говоря онѣ даже не злословили, а только, по собственному убѣжденію, видѣли вещи въ ихъ естественныхъ формахъ и краскахъ. Такая точка зрѣнія допускала

добродѣтель только въ смыслѣ невольнаго бремени, навязаннаго мушкетерамъ гауптштурмомъ и узкостью натуры, а жемчужинамъ физическимъ безобразіемъ. И потому эти дамы не могли относиться къ добродѣтели иначе какъ съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ состраданія. Состраданіе предполагаетъ чувство собственнаго превосходства, а съ этимъ чувствомъ въ молодости живетъ весело. И дѣйствительно на маленькихъ интимныхъ обѣдахъ Подины присутствовало веселье и выливалось много шампанскаго.

Коко былъ сегодня совсѣмъ безплодобенъ. Онъ купилъ у Эрбера земляники. Эта земляника, въ огромной хрустальной вазѣ, стояла посрединѣ стола съ самаго начала обѣда, между фарфоровыми пирамидками для конфетъ и посеребренными холодильниками. Кромѣ того подавали спаржу, и притомъ послѣ жаркаго, какъ это только что входило въ моду. Присутствіе такихъ деликатныхъ примѣровъ за собственнымъ столомъ наполняло его сознаніемъ своего личнаго достоинства. Онъ вылачивалъ горловую косточку, болѣе обыкновеннаго цѣдилъ и обѣщалъ показать какъ надо ѣсть землянику. Придуманый имъ способъ заключался въ томъ что онъ положилъ на тарелку кусокъ мороженаго, натолкалъ туда ягодъ и облизалъ все это ромомъ.

— *Goûtez, mesdames, c'est délicieux!* говорилъ онъ сидѣвшимъ по обѣ стороны дамамъ, накладывая эту смѣсь на кончикъ языка.

Дамы брали ложечками съ его тарелки и спрашивали можно ли ольянѣть отъ этого. Потомъ Коко придумалъ что будетъ еще лучше если зажечь ромъ. Но ромъ не зажигался.

— Нѣтъ, посмотрите что я сдѣлаю, объявилъ Коко, и наливъ рому въ десертную ложку, поднесъ спичку. Надъ ложкой вслыхнуло голубое пламя.

— Я проглочу, сказалъ Коко, и дѣйствительно влилъ въ ротъ зажженный ромъ и даже не поморщился, а только болѣе обыкновеннаго вылучилъ глаза.

Опытъ заслужилъ общее одобреніе и былъ повторенъ.

— Да это каждый можетъ сдѣлать, сказалъ Каричъ, и тоже вынулъ въ ложку и зажгетъ. Но Софья Александровна оставила его за руку.

— Тебѣ оласно, у тебя можетъ внутри загорѣться, сказала она.

Каричъ захохоталъ.

— Правда, я слишкомъ наспиртовалъ, согласился онъ.

— Сдѣлаемъ лучше крюшонъ, предложилъ Коко, стребая остатки земляники въ хрустальный кувшинъ, наполненный шампанскимъ.

Крюшонъ былъ быстро выпитъ. Тогда Коко снялъ со стола серебряную чашку и пригласилъ всѣхъ къ себѣ въ кабинетъ, объявивъ что онъ приступаетъ къ приготовленію жженки. Въ кабинетѣ было немножко тѣсно и пришлось, располагаясь на оттоманкахъ, жаться другъ къ другу, что впрочемъ нисколько не нарушило общей веселости. Чаша была поставлена на мраморномъ столикѣ посреди комнаты, между двумя бутылками рому и верхушкой сахарной головы. Коко вытасилъ откуда-то саблю и шпагу, положилъ ихъ крестообразно на вазѣ, утвердилъ на нихъ сахаръ, облилъ ромомъ и зажегъ.

— Вы увидите, господа, самый настоящій способъ варить жженку: это изъ моихъ студенческихъ воспоминаній, объявилъ Коко.

— Да развѣ вы были студентомъ? удивился Безбѣдный.

— Разумѣется, въ Дерптѣ. Это моя студентская шпага, и я ею нѣсколько разъ дрался на дуэли. На ней даже кровь есть.

— Такъ возьмите ее пожалуста прочь, съ ужасомъ воскликнула одна изъ дамъ.

— Онъ все вретъ, усложила ее Полина.

— А сабля эта у васъ откуда? спросилъ опять Безбѣдный.

— Ис, это моя гусарская сабля. Вѣдь я изъ университета вышелъ въ лейбъ-гусары, отвѣтилъ Коко.

— Слышите, онъ уже въ лейбъ-гусарахъ былъ, расхохотался Каричъ.

— Я думаю что былъ! безстыднѣйшимъ образомъ подтвердилъ Коко.—Mesdames, прошу вашего извиненія, я долженъ потушить лампы, иначе пропадетъ весь эффектъ, продолжалъ онъ, и вынувъ платокъ, принялся дѣйствительно тушить огни.

Яркій свѣтъ смѣнился слабымъ мерцаніемъ голубаго пламени. Это только увеличило общую веселость. Потомъ, по мѣрѣ того какъ рѣмъ выгоралъ и комната все болѣе погружалась въ темноту, разговоръ падалъ, смѣхъ переставалъ быть общимъ. Мушкетеры которымъ не достало стульевъ

расположились на коврѣ у ногъ дамъ. Коко разливалъ жженку въ маленькіе стаканчики и обносилъ ими гостей, не удавая ихъ, спотыкаясь на протянутыя ноги и плеская на лаття, что заставляло дамъ вскрикивать, вскакивать съ мѣсто и увеличивать общую возню и шумъ. Въ воздухѣ стоялъ крѣпкій запахъ рома и жженого сахара, и отъ одного этого запаха, кажется, можно было бы ольявѣть.

Пахтаеву казалось что только здѣсь и умѣють веселиться, брать отъ жизни все что въ ней есть лучшаго. Принадлежать совсѣмъ этому обществу, быть опозореннымъ какъ Каричъ или осмѣяннымъ какъ Коко, носить плебейскую фамилію въ родѣ Безбѣднаго или быть женатымъ на одной изъ присутствовавшихъ тутъ хорошенькихъ женщинъ—этого онъ ни за что бы не хотѣлъ. Выше всего конечно цѣнилъ онъ то чѣмъ онъ былъ. Онъ желалъ остаться Пахтаевымъ, сохранить положеніе и связи, имѣть жену урожденную Беклицеву. Это было главное, серьезное. Но онъ хотѣлъ также жить какъ всѣ, взять долю въ наслажденіяхъ и развлеченіяхъ. Это такъ легко соединялось одно съ другимъ... и какъ глупо было со стороны его жены не понять этого!

— У васъ такъ и стоятъ упакованные ящики въ комнатахъ? со смѣхомъ спросила его Полина.

— Стоять, отвѣтилъ съ кислою улыбкой Пахтаевъ.

— Но это презабавно, ваша жена начинаетъ рѣшительно интересоваться меня, весело сказала Полина.—И вы не спрашивали, когда она велитъ олять раслаковать ихъ и разставить мебель?

Пахтаевъ только пожалъ плечами.

— Это уморительно. И къ вамъ все ходятъ смотрѣть квартиру?

— Я не велѣлъ лускать.

Полина продолжала хохотать. Пахтаевъ со сконфуженнымъ видомъ топорицалъ усы.

— Что глупо, то разумѣется смѣшно, сказалъ онъ.—Но она кажется намѣрена поставить на своемъ.

— Сидѣть посреди ящиковъ?

— Она ихъ отправить въ деревню.

Полина смотрѣла на него смѣясь.

— Можеть-быть у васъ очень старая мебель и она хочетъ сдѣлать новую? спросила она.

Пахтаевъ вдругъ вспомнилъ что жена дѣйствительно предполагала обнвить ихъ устарѣвшую обстановку, но почему-то отложила.

— Теперь не станетъ, сказалъ онъ.

— Но значить хотѣла? продолжала Полина, смѣясь все веселѣе и задорнѣе.—Послушайте, ваша жена положительно остроумная женщина. Она такъ ловко придумала устроить что ея хозяйственныя распоряженія сослужать двойную службу... Еслибъ она теперь заказала новую мебель, вы бы догадались что она предполагаетъ будущею зимой больше принимать; но она начала съ того что рѣшила отправить старый хламъ въ деревню, предоставляя вамъ трелетать предъ ея намѣреніями... Нѣтъ, она гораздо умнѣе чѣмъ я думала, она совсѣмъ умница! Будьте осторожны, она умѣетъ въ совершенствѣ водить васъ за носъ...

И Полина продолжала хохотать, глядя ему въ глаза съ выраженіемъ удивленія и какъ бы состраданія.

Пахтаеву было очень неприятно, хотя въ сущности мысль поданная Полиной значительно его успокоивала. „Въ самомъ дѣлѣ, такой расчетъ со стороны жены очень возможенъ“, подумалъ онъ;—„женщина всегда лучше пойметъ другую женщину чѣмъ мужчину“.

Онъ простился и поѣхалъ въ театръ. Въ этотъ день въ Михайловскомъ шелъ послѣдній спектакль, и зала была полна. Проходя между креслами, Пахтаевъ еще издали увидѣлъ въ первомъ ряду высокую, отлично выправленную фигуру молодого генерала, стоявшаго спиной къ сценѣ и лорнировавшаго ложи. Генералъ носилъ всѣ несомнѣнные признаки того же тѣла къ которому принадлежалъ самъ Пахтаевъ. Бѣлокурыи, съ небольшими усами и едва обозначающеюся лысиной, съ близорукими голубыми глазами и чуть примѣтнымъ подрагиваньемъ вѣкъ, свидѣтельствующимъ о преждевременномъ ослабленіи нервовъ, онъ производилъ впечатлѣніе чего-то скорѣе чистолюднаго чѣмъ красиваго, благовоспитаннаго до вялости, съ примѣсью умѣреннаго корпоративнаго шика. Отъ вензелей на логовахъ и блестявшаго изподъ манжетъ браслета до характернаго оттягиванья плеча, на которомъ серебрился аксельбантъ, все въ немъ обнаруживало челоуѣка стоящаго гораздо ближе къ придворнымъ чѣмъ къ военнымъ сферамъ.

Это былъ братъ Антонины Павловны, и потому Пахтаевъ слегка поморщился при видѣ его, находя такую встрѣчу при нынѣшнихъ обстоятельствахъ не вполнѣ желательною.

Беклицевъ, здороваясь съ нимъ, посмотрѣлъ на него очень пристально и какъ бы волпросительно.

— Я сегодня обѣдалъ у тетки, Тапсін Ивановны, сказалъ онъ;—она мнѣ разказывала какія-то нелѣпости... Что такое съ сестрой?

Пахтаевъ пожалъ плечами.

— Я самъ задаю себѣ этотъ вопросъ и не умѣю объяснить, откуда вдругъ у Антоины Павловны такое неудовольствіе противъ меня, отвѣтилъ онъ.

— Все по поводу той вашей барыни? какъ-то строго улыбнулся Беклицевъ.

— Повидимому такъ, подтвердилъ съ нѣкоторымъ напряженіемъ Пахтаевъ.

Беклицевъ взглянулъ на него и тотчасъ потупился, причемъ даже усы его опустились къ низу. Онъ очевидно думалъ.

— Я не предполагаю чтобы сестра серьезно рѣшилась на такую глупость, сказалъ онъ тоже съ замѣтнымъ затрудненіемъ.—Но на женщинъ въ этихъ случаяхъ находятъ иногда взбалмошность и онѣ готовы дѣйствовать безо всякой осторожности. Надо бы предупредить разные глупые толки, чтобы она могла вернуться изъ деревни когда надумается. Незачѣмъ путать кого-нибудь въ свое домашнее дѣло.

— Я вообще могу играть тутъ только пассивную роль, отвѣтилъ Пахтаевъ.

— Конечно, вѣдь она можетъ прожить нѣсколько мѣсяцевъ въ деревнѣ, хотя бы напримѣръ для здоровья дѣтей. Если вы сами ни въ чемъ не перемѣните образа жизни, не будетъ повода ни къ какимъ предположеніямъ и сплетнямъ, продолжалъ Беклицевъ.

— Да, но Антоина Павловна дѣйствуетъ такъ какъ будто она рѣшительно не думаетъ возвращаться, и мнѣ не совсѣмъ удобно держать семейный трапъ если я останусь одинъ, замѣтилъ Пахтаевъ.

Беклицевъ снова взглянулъ на него и снова потупился.

— На нашемъ мѣстѣ я непременно сохранилъ бы прежній трапъ, сказалъ онъ.

И какъ бы угадывая мысль Пахтаева онъ прибавилъ:

— Это неразчетливо въ денежномъ отношеніи, но тѣмъ хуже для сестры, потому что вѣдь ей же придется заплатить. Вы прибѣгаете къ кредиту, и это даже будетъ полезнымъ урокомъ для нея.

И онъ чуть-чуть улыбнулся и сжалъ руку Пахтаева затянутыми въ бласнѣжную замшу пальцами.

XIX.

Пахтаевъ опустился въ кресло неожиданно услокоенный, почти счастливый. Онъ больше всего боялся родни жены, очень влиятельной въ тѣхъ сферахъ отъ которыхъ зависѣло его собственное служебное и общественное положеніе. Не смотря на свою принадлежность къ большому свѣту, онъ сознавалъ что уступаетъ Беклицевымъ во всѣхъ отношеніяхъ, что онъ держится главнымъ образомъ ими, что Антонию Павловну за него выдали только потому что она въ него влюбилась. Оттого онъ очень опасался чтобы разрывъ съ женой не произвелъ охлажденія между нимъ и ея родней. И вдругъ все такъ отлично устраивалось, и самое трудное оказывалось самымъ легкимъ. Дѣло разрѣшалось простымъ и даже приятнымъ образомъ. Жена уѣдетъ въ деревню, пробудетъ тамъ до зимы, а онъ останется въ Петербургѣ на холостомъ положеніи, свободный, снабженный еще не тронутыми ресурсами кредита и чуть ли не уполномоченный жить на широкую ногу. Это даже выходило значительно лучше чѣмъ еслибъ Антонина Павловна совсѣмъ съ нимъ не сошлась.

И онъ радостно навелъ бинокль на хорошенькое личико актрисы.

Беклицевъ, сидѣвшій съ нимъ рядомъ, нѣсколько разъ оборачивался, лорнируя одну изъ ложъ бель-этажа.

— Вы знаете Волчецъ-Соколинскихъ? вдругъ спросилъ онъ.

— Знаю, отвѣтилъ Пахтаевъ.

— Я съ вами познакомился нынѣшнею зимой въ Ниццѣ. Онъ должно-быть недавно вернулись? продолжалъ Беклицевъ.

— Съ мѣсяцъ уже.

— Но вообще онъ не петербургскія?

— Да, онъ съ прошлаго года переехали изъ провинціи.

— Она красавица! какъ бы вопросительно сказалъ Беклицевъ.

— Это общее мнѣніе, отвѣтилъ Пахтаевъ.

Разговоръ прекратился, но въ антрактѣ Беклицевъ опять спросилъ сквозь усы, небрежно:

— Повидимому онъ очень богатъ?

— Очень богатъ, подтвердилъ Пахтаевъ.

Беклицевъ повернулъ бинокль въ противоположную сторону.

— За границей мнѣ кто-то разказывалъ что она выходитъ замужъ за Зимовьева, продолжалъ онъ чрезъ минуту.—Это была бы очень резонабельная партія.

— Я, напротивъ, слышалъ что это разстроилось, сказалъ Пахтаевъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? съ нѣкоторою живостью спросилъ Беклицевъ.

— Да... Вы помните эту прошлогоднюю исторію, дуэль съ Жедровскимъ. Повидимому Зимовьевъ дѣйствовалъ какъ президентъ, но именно съ тѣхъ поръ они разошлись и больше не видались другъ съ другомъ. Зимовьевъ тотчасъ же уѣхалъ и не показывался въ Петербургѣ.

— Я его сегодня видѣлъ! возразилъ Беклицевъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? я не зналъ, отозвался Пахтаевъ.

— Но я хорошенько не помню этой исторіи, о ней тогда очень различно говорили, продолжалъ съ непривычною для него настойчивостью Беклицевъ.—Вы хорошо знаете? какую роль игралъ тутъ Жедровскій?

— Кажется онъ ухаживалъ за Мlle Соколинской и искалъ придраться къ Зимовьеву, отвѣтилъ Пахтаевъ.—Вы помните, въ немъ всегда было что-то вызывающее. Я терпѣть не могу эту породу людей. Фразеръ, вообразившій себя очень умнымъ человѣкомъ, потому что научился обо всемъ болтать и имѣлъ дерзость всѣхъ презирать. Меня нисколько не удивило что онъ наконецъ наткнулся на человѣка который притянулъ его.

— Je connais très peu ce monde-là, протянулъ Беклицевъ.

Онъ напротивъ очень хорошо помнилъ Жедровскаго, съ которымъ часто встрѣчался и котораго очень боялся...

— Но однако все это представляетъ Мlle Соколинскую въ какомъ-то очень странномъ свѣтѣ, продолжалъ онъ.—Зимовьевъ, Жедровскій, дуэль—что-то слишкомъ романтическое для дѣвушки. Это отзывается непривычкою къ свѣту.

И онъ снова навелъ бинокль на ложу гдѣ сидѣла Лариса съ матерью и Анной Всеволодовной.

Въ слѣдующемъ антрактѣ онъ всталъ прежде еще чѣмъ зававѣсь опустилась до конца.

— Я зайду напомнить имъ о себѣ, сказалъ онъ, указывая глазами на Ларису, и направился къ выходу, неся фуражку за козырекъ и отряхивая аксельбантъ.

Пахтаевъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ, улыбаясь возникшимъ въ немъ подозрѣніямъ. „Мой beau-frère въ последнее время

кажется очень тяготеетъ своею свободою“, подумалъ онъ. „И по правдѣ говоря, для него телерь самая настоящая пора жениться. Его карьера уже влоавъ обозначилась и онъ можетъ не очень дешево продать себя. Лариса Григорьевна была бы прелестная belle-soeur для Антонины Павловны, и я думаю что у молодыхъ Беклицевыхъ было бы немаложко веселье чѣмъ у насъ или у Таисіи Ивановны“.

Онъ остался въ партерѣ и оттуда смотрѣлъ какъ Беклицевъ вошелъ въ ложу и раскланявшись помѣстился за стуломъ Ларисы. „Надо отдать имъ справедливость, они составили бы красивую пару“, продолжалъ думать Пахтаевъ. „У нея конечно нѣтъ связей, и Сергѣю Павловичу пришлось бы обмануть ожиданія нѣкоторыхъ маменекъ, располагающихъ губернаторскими вакансіями; но Лариса Григорьевна такъ хороша и такъ богата что это стоить самыхъ лучшихъ связей. Но она? У нея кажется сложились нѣсколько провинціальныя вкусы: и Зимовьевъ, и Жедровскій составляютъ очень дурной признакъ для моего зятя. Впрочемъ Петербургъ скоро налагаетъ свою властную руку“.

Беклицевъ выразилъ Марьѣ Ивановнѣ сожалѣніе что не зналъ до сихъ поръ объ ихъ прїѣздѣ и освѣдомился у Ларисы о нѣкоторыхъ общихъ знакомыхъ въ Ниццѣ. Это дало на первыя минуты очень удобный матеріалъ для разговора. Самъ Беклицевъ отзывался обо всѣхъ осторожно и одинаково благосклонно, хотя въ тонѣ его чувствовались замѣтныя отгѣнки холодной почтительности или свисходительной небрежности, смотря по степени знатности и силы лица о которомъ шла рѣчь. Лариса нѣсколько разъ замѣчала что эти отгѣнки не совладають съ ея собственною оцѣнкой; но Беклицевъ словно чутьемъ ловилъ противорѣчіе и тотчасъ поправлялся.

— Вообще Ницца оставила во мнѣ самыя прїятныя воспоминанія, сказалъ онъ и прибавилъ, взглянувъ на Ларису:— Впрочемъ лучшими изъ нихъ я обязанъ Россіи...

Лариса отвѣтила вопросительнымъ взглядомъ.

— Я хочу сказать какъ дорого я цѣню удовольствіе доставленное вашимъ знакомствомъ, пояснилъ Беклицевъ.

Лариса холодно поблагодарила: ей эта любезность показалась немаложко пошлою. Беклицевъ тотчасъ понялъ и не сконфузился, не перемѣнилъ разговора, а напротивъ очень ловко распространилъ сказанное, объяснивъ что за границей

Русскіе хотя начинаютъ съ сильнаго предубѣжденія противъ своихъ соотечественниковъ, но сходясь научаются больше дорожить другъ другомъ чѣмъ въ Россіи, и что это очень естественно, такъ какъ предель жизни заключается все-таки въ обществѣ, а не въ комфортѣ отелей и даже не въ каютахъ.

— А что до меня, продолжалъ Бекалицевъ, то изъ моихъ заграничныхъ странствованій я вынесъ убѣжденіе что самое милое и интересное общество все-таки наше русское. Иностранцы можетъ-быть имѣютъ какія угодно преимущества предъ нами, но нигдѣ такъ легко и пріятно не живетъ какъ между Русскими. Это отчасти зависитъ даже отъ нашихъ недостатковъ. Мы не любимъ дѣлаться специалистами и даже просто слишкомъ серьезными людьми, и отъ этого нигдѣ образованность не принимаетъ такихъ пріятныхъ формъ какъ у насъ. По крайней мѣрѣ я нигдѣ не знаю такихъ милыхъ, интересныхъ, симпатичныхъ женщинъ какъ наши русскія женщины.

Все это Бекалицевъ объяснилъ мягкимъ, можно сказать лакомымъ тономъ, какъ человекъ не только умѣющій цѣнить пріятныя свойства русскаго общества, проистекающія отъ его недостатковъ, но и самъ въ высшей мѣрѣ обладающій этими свойствами и этими недостатками. Лариса была очень довольна что онъ такъ удачно выпутался и что слушать его было такъ покойно...

Бекалицевъ обратился съ вопросомъ къ Аннѣ Всеволодовнѣ чтобы сдѣлать разговоръ общимъ. Это опять вышло очень удобно и находчиво. Быть „удобнымъ“, то-есть избавить дамъ отъ непріятныхъ минутъ общаго молчанія и отъ необходимости выходить собственными усиліями изъ паузы составляло очевидно какъ бы задачу его настоящаго положенія, за которую онъ брался съ большимъ запасомъ олытности и какой-то подкупающей мягкости, благодаря которой съ нимъ чувствовалось легко. Онъ не говорилъ одинъ, что было бы скучно и почти неприлично; но онъ бралъ на себя всю трудную часть разговора, облегчая реликты, подсказывая продолженіе, завязывая маленькій, ни для кого не обременительный слоръ. Если все это не было очень умно, то обнаруживало большую силу свѣтской рутинны и отличалось безпритязательностью самаго хорошаго тона.

Съ первымъ колебаніемъ завѣси онъ всталъ и раскланялся,

прося позволенія продолжать въ Петербургѣ знакомство доставившее ему столько удовольствія за границей.

— Вы и насъ совсѣмъ забыли, напомнила Анна Всеволодовна.

Беклицевъ поблагодарилъ за любезный упрекъ и сослался на какія-то возложенныя на него обязанности службы.

— Отговорка! у насъ въ Россіи не бываетъ такихъ обязанностей службы которыя мѣшали бы посвѣщать своихъ добрыхъ знакомыхъ, сказала княгиня.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, вѣдь я прикомандированъ къ этому новому учрежденію... у насъ очень много дѣла, оправдывался Беклицевъ.—Въ этомъ отношеніи выѣшнее время не похоже на прежнее. Вы знаете, правительство выступило на совершенно новую дорогу. Отъ насъ всѣхъ требуется живое отношеніе къ дѣлу. Задачи такъ серьезны, и правительство проникнуто такими симпатичными взглядами что нельзя служить только для виду. Я сожалею лишь что мои силы слишкомъ недостаточны, хотѣлось бы сдѣлать гораздо больше.

Онъ еще разъ извинился, обѣщая непременно быть въ одинъ изъ вторниковъ.

— Я не знала что вы съ нимъ знакомы, сказала по уходѣ его Анна Всеволодовна.

— Мы встрѣчались въ Ниццѣ, отвѣтила Лариса, и такъ какъ княгиня продолжала смотрѣть на нее какъ бы вопросительно, она прибавила:—онъ кажется очень порядочный человѣкъ...

— Безъ сомнѣнія; но я думаю совсѣмъ не въ вашемъ вкусѣ! сказала на это съ тою же вопросительною улыбкой княгиня.

— Почему? спросила Лариса.

— Но будто я васъ не знаю! воскликнула Анна Всеволодовна.—Онъ очень обыкновенный человѣкъ. Это не мѣшаетъ ему быть чрезвычайно милымъ, всѣмъ нравиться, но вѣдь у васъ романтическая головка, вы совсѣмъ не того ищете.

На губахъ Ларисы появилась печальная усмѣшка.

— Вѣрнѣе всего что я ничего не ищу, сказала она.

Анна Всеволодовна взглянула на нее немощко хитрыми глазами.

— Маленькій припадокъ разочарованности? произнесла она.

— Развѣ всѣхъ тѣхъ кто не ищетъ необыкновеннаго вы считаете разочарованными? отвѣтила другимъ вопросомъ Лариса.

— Вы позволите мнѣ судить о васъ немножко иначе чѣмъ обо всѣхъ? улыбулась княгиня.—Было бы слишкомъ грустно думать чтобы вы могли подогнуться подъ общій уровень. Нѣтъ, нѣтъ, такіа какъ вы не отрекаются отъ себя. Вы не сумѣете удовлетвориться тѣмъ чего довольно для другихъ.

Лариса повела задумчивымъ взглядомъ.

— Вы дѣлаете очень печальное предсказаніе, молвила она;— а бы хотѣла чтобы вы ошиблись.

Анна Всеволодовна взглянула на нее съ удивленіемъ.

— Вы говорите серьезно? сказала она.

— Развѣ это такъ невѣроятно? возразила Лариса.—Вѣдь каждому хочется быть немножко счастливымъ. Но обыкновенное счастье иногда встрѣчается въ жизни, а необыкновенное бываетъ только въ романахъ, да и то въ плохихъ. На разсудительный взглядъ выборъ не представляетъ затрудненій.

Анна Всеволодовна продолжала глядѣть на нее удивленными, сомнѣвающимися глазами.

— Я вамъ не вѣрю, сказала она.

— А я не хотѣла солгать, отвѣтила Лариса.

XX.

Беклицевъ не ошибся, Зимовьевъ дѣйствительно уже нѣсколько дней былъ въ Петербургѣ. Онъ присматривался, старался понять то что дѣлалось и пока еще очень мало успѣлъ въ этомъ. Все что онъ видѣлъ и слышалъ производило впечатлѣніе нѣкотораго столпотворенія. Многие изъ тѣхъ кого онъ близко зналъ были почти неузнаваемы подъ новыми масками; иныхъ, которые заставляли теперь на себя смотрѣть, онъ совсѣмъ не зналъ; а еще больше было такихъ которыхъ всѣ знали и никто не ожидалъ встрѣтить въ первыхъ рядахъ. Петербургъ казался оживленнымъ, почти веселымъ. Нахмуренныя лица, привыкшія рисоваться мрачными взглядами или презрительными улыбками, теперь сіяли; разговоры слышались крикливые, звучали торжествующія нотки вмѣсто обыкновенно раздававшихся лицемѣрныхъ вздоховъ. Что-то легкое, пріятно ободренное и въ то же время исполненное злобой шутивости какъ бы носилось въ воздухѣ, знаменуя свободный разливъ „новыхъ вѣяній“.

Глѣбъ Дмитріевичъ заѣхалъ прежде всего къ князю Павлу Платоновичу. Они радостно обнялись и поцѣловались.

— Надолго? спросилъ князь.

— Едва ли; вы знаете что я небольшой охотникъ до Петербурга, и не думаю чтобы въ настоящее время онъ показался мнѣ привлекательнѣе прежняго, отвѣтилъ Зимовьевъ.— Но что новаго? Я цѣлый годъ никого не видалъ и ни о комъ почти не имѣлъ вѣстей отсюда, продолжалъ онъ.

— Ба, новаго много! вы насъ находите при другомъ режимѣ... отвѣчалъ Павелъ Платоновичъ, откидывая свою львиную голову на высокую спинку кресла.— У насъ совершилась вѣкоторая безкровная революція...

— Если не считать солдатской крови, пролитой въ подвалахъ Зимняго Дворца, поправилъ Зимовьевъ.— Но позвольте, мы еще успѣемъ перейти къ политикѣ. Мнѣ хочется прежде узнать какъ вы всѣ тутъ живете, вы и близкіе наши. Мой отъѣздъ былъ вызванъ такими печальными обстоятельствами что я не успѣлъ даже ни съ кѣмъ проститься. Я вижу, дорогой князь, что вы не очень строго осудили меня и не совсѣмъ изгнали изъ своего сердца.

По крупному лицу Павла Платоновича пробѣжала тѣнь.

— Мы слишкомъ старые друзья чтобы судить другъ друга, сказалъ онъ,—и мнѣ не трудно было догадаться съ какимъ чувствомъ вы уѣзжали изъ Петербурга.

Зимовьевъ пожалъ ему руку.

— Меня рвали на клочки, безъ сомнѣнія? спросилъ онъ.

На лицѣ князя олять появилось напряженное, скорбное выраженіе. Ему тяжело было говорить объ этомъ.

— Я былъ поставленъ въ сторону отъ возбужденныхъ вашею дуэлью толковъ, сказалъ онъ, и прибавилъ какъ бы незначительнымъ тономъ:

— Марья Ивановна съ дочерью вскорѣ уѣхали за границу и недавно только вернулись. Вы вѣроятно уже знаете что онѣ продали имѣнье.

— Да, мнѣ говорилъ ихъ управляющій, сказалъ такимъ же тономъ Зимовьевъ.

— Лариса Григорьевна все такая же прелестная дѣвушка и... мнѣ кажется ей еще труднѣе будетъ выйти замужъ, продолжалъ князь.

— Почему? спросилъ съ едва примѣтнымъ движеніемъ нервовъ Глѣбъ Дмитріевичъ.

— Да потому что кто жь ее заслуживаетъ! отвѣтилъ Павелъ Платоновичъ, и его глаза приняли задумчивое выраженіе.

— О Володѣ вы не имѣли извѣстій? спросилъ черезъ минуту Зимовьевъ.

— Онъ тамъ, въ эмиграціи, отвѣтилъ снова омрачаась князь.

— Я о немъ имѣю болѣе свѣжія свѣдѣнія и кажется болѣе утѣшительныя, продолжалъ Глѣбъ Дмитріевичъ. — Мнѣ совершенно неожиданно привелось встрѣтиться съ нимъ въ нашихъ мѣстахъ.

— Вы его видѣли? воскликнулъ Павелъ Платоновичъ.

Зимовьевъ разказалъ про обѣ встрѣчи. Князь слушалъ изрѣдка вскидывая на него глазами и стараясь сохранить безстрастное лицо. Только замедленное дыханіе выражало его волненіе. Когда Глѣбъ Дмитріевичъ кончилъ свой разказъ, онъ всталъ, тяжело ступая по коврау. Массивная фигура его казалась какъ будто пригнувшеюся подъ вновь почувствованною тяжестью.

— Онъ далъ слово извѣститъ меня если ему понадобится ваша помощь, сказалъ Зимовьевъ. — Я думаю ему можно будетъ выхлопотать помилваніе, едва ли онъ слишкомъ компрометтировалъ.

— Теперь эмигрантовъ и ссыльныхъ чуть ли не цѣлыми вагонами возвращаютъ, отвѣтилъ князь. — Да, конечно, можно. Если онъ и не захочетъ сейчасъ же вернуться, то по крайней мѣрѣ будетъ знать что дорога не закрыта ему... съ этой стороны...

И князь снова опустилса въ кресло, но лицо его не прояснилось, а приняло еще болѣе удрученное выраженіе. Глѣбъ Дмитріевичъ послѣшилъ переменить разговоръ.

— Но объясните пожалуйста, что такое въ самомъ дѣлѣ у васъ дѣлается? спросилъ онъ. — Я почти для этого пріѣхалъ, помогите мнѣ.

Павелъ Платоновичъ пожалъ плечами.

— Не думаю чтобъ я понимаю больше васъ, отвѣтилъ онъ. — Всѣ кричатъ, ликуютъ, наслаждаются вождѣлвніями масти и мести; на сцену поминутно выступаютъ новые люди; надъ прежними ругаются, какъ будто это была искушительная жертва брошенная толлѣ. Шумъ невообразимый, точно офиціальная Россія вышла на улицу или улица вошла туда гдѣ совершаются отправленія государственной

жизни. Представьте себѣ, ко мнѣ является надьяхъ какой-то господинъ, рекомендуется сотрудникомъ нѣсколькихъ газетъ... фамилію я кажется позабылъ... впрочемъ позвольте... Миловановъ, такъ точно... не слышали?

— Миловановъ? повторилъ Глѣбъ Дмитріевичъ, припоминая; — что-то знакомое... да это управляющаго Волчець-Соколицкихъ зовутъ Миловановымъ. У него сынъ здѣсь, это онъ должно-быть и есть.

— Высокій, желтый, съ рыженькою бородкой и зелеными зубами, продолжалъ князь.—Ну-съ, я его спрашиваю: что вамъ угодно? А угодно мнѣ, говорить, узнать какими мотивами руководствовало ваше управленіе въ такомъ-то дѣлѣ, ибо рѣшеніе его представляется мнѣ совершенно неправильнымъ. И при этомъ, не дожидаясь даже приглашенія, разсѣлся въ креслѣ. А я человекъ старый, къ новому привыкаю не сразу и потому нѣсколько странно мнѣ это показалось. Извините, говорю, я не вижу возможности объясняться съ каждымъ желающимъ о дѣлѣ въ которомъ даже нѣтъ заинтересованной стороны! Вы, говорить, ошибаетесь, тутъ заинтересовано все русское общество, и такъ какъ я представляю его въ качествѣ публициста, то считаю очень важнымъ привлечь къ этому дѣлу контроль общественнаго мнѣнія. Что-то въ этомъ родѣ, однимъ словомъ. Я опять предъ нимъ извиняюсь, говорю что не только не считаю себя обязаннымъ, но даже права не имѣю исполнить его желаніе, а онъ мнѣ самымъ спокойнымъ образомъ: Я вижу, говорить, что вы очень устарѣли для настоящаго времени и для вашей должности... И еще руку мнѣ протянулъ.

— И вы пожали? спросилъ Зимовьевъ.

— Пожалъ! отвѣтилъ какъ бы съ нѣкоторымъ смущеніемъ князь.—Однако это не помогло, потому что на другой день въ какой-то газеткѣ ругательнѣйшая статья обо мнѣ явилась, гдѣ весь этотъ разговоръ со всевозможнымъ глумленіемъ былъ переданъ. Но можетъ-быть всего знаменательнѣе то что по поводу этой статейки у меня въ тотъ же день объясненіе было, и новое начальство дало понять что совершенно меня не одобряетъ.

— Да вы шутите? воскликнулъ Зимовьевъ.

— Нисколько. Мнѣ съ вѣжливымъ сожалѣніемъ было замѣчено что я напрасно раздражаю общественное мнѣніе въ

то время какъ эту силу правительство намѣрено призвать къ себѣ на помощь.

— Господина Милованова!

— Можетъ-быть и господина Милованова!

Глѣбъ Дмитріевичъ молча усмѣхнулся, подумавъ что князь находится подъ свѣжимъ еще впечатлѣніемъ служебной неприятности и потому пожалуй даже и разказалъ все не совсемъ такъ какъ было.

— Значить вы лично еще не установили добрыхъ отношеній съ новымъ начальствомъ? спросилъ онъ улыбаясь.

— Помилуйте, мнѣ дадутъ понять что дни мои исчислены, и если я еще не уволенъ, то вѣроятно только изъ любезности, отвѣтилъ Павелъ Платоновичъ.— Меня хотять вывести изъ терлѣнія, что въ концѣ концовъ вовсе не трудно. Ко мнѣ назначили безъ моего вѣдома нѣсколько новыхъ чиновниковъ, вовсе мнѣ неизвѣстныхъ, и наконецъ дали мнѣ помощника, о чемъ я тоже не заикался. Но начальство выразилось что желаетъ дать мнѣ возможность сосредоточиться на важнѣйшей части моихъ обязанностей... съ которыми впрочемъ я не знаю что дѣлать, такъ какъ мои доклады не утверждаются. Мой alter ego къ сожалѣнію ни въ чемъ со мной не сходитса и обѣщаетъ дать дѣламъ совершенно новое направленіе. Начальство безъ сомнѣнія полагаетъ что умъ хорошо, а два лучше, а два противоположные ума еще лучше.

— Кто же это такой? полюбопытствовалъ Зимовьевъ.

— Бывшій извѣстный адвокатъ, Безбѣдный, отвѣтилъ князь.

— Ну поздравляю, сказалъ Глѣбъ Дмитріевичъ.

Павелъ Платоновичъ добродушно улыбался.

— Какъ видите, они чувствуютъ себя господами положенія и не очень деремоняются, говорилъ онъ.— Я-то слава Богу въ службѣ не нуждаюсь и продолжать ее при такихъ условіяхъ конечно не стану, но боюсь что забавное скоро сдѣлается очень грустнымъ.

Глѣбъ Дмитріевичъ молча вертѣлъ въ зубахъ сигару.

— И все это совершается въ видахъ борьбы съ крамолой? спросилъ онъ чрезъ минуту.

— По крайней мѣрѣ крамола является точкой исхода, продолжалъ Павелъ Платоновичъ.— Она залугала, въ старыхъ способахъ борьбы извѣрились, хотять испробовать новую тактику. Пришли къ убѣжденію что наша подпольная революція литается общимъ недовольствомъ распространеннымъ

въ образованномъ классѣ, и хотять поворотомъ фронта примирить правительство съ общественнымъ мнѣніемъ.

— Что-жь, мысль была бы недурна, русское общественное мнѣніе не очень хорошо настроено послѣ Берлинскаго конгресса, сказалъ Зимовьевъ.—Я менѣе всего склоненъ думать будто у насъ вѣтъ общественнаго мнѣнія или что имъ позволительно пренебрегать. Я хорошо помню историческія минуты когда голосъ страны, голосъ народа сказывался громко и указывалъ луть. Мы его слышали въ 63мъ году, когда общественное негодованіе вырвало нашу политику изъ состоянія колебаній и дало силу покончить съ мятежемъ. Потомъ, во время Сербской войны, опять опредѣленно и единодушно оказалось русское общественное мнѣніе, это у всѣхъ на памяти. Въ послѣдній разъ мы слышали этотъ настоящій голосъ настоящей Россіи во время Берлинскаго конгресса. Что же, хотять поправить тогдашнюю ошибку?

— О, отъ этого мы теперь кажется дальше чѣмъ когда-нибудь, отвѣтилъ князь.—Напротивъ, величайшею ошибкой признается что правительство увлеклось общественнымъ движеніемъ и позволило себѣ быть національнымъ. Нѣтъ, мы находимся въ погонѣ за общественнымъ мнѣніемъ совершенно другаго качества.

— За тѣмъ которое фабрикують господа Миловановы и которому служатъ господа Безбѣдые?

Павелъ Платоновичъ пожалъ плечами.

— Повидимому! отвѣтилъ онъ.

Зимовьевъ бросилъ потухшій окурокъ сигары и всталъ.

— Да, милѣйшій князь, мы живемъ въ печальное время, и вѣроятно я не засижусь тутъ у васъ... сказалъ онъ.—Но мнѣ все-таки хочется взглянуть на вашихъ новыхъ людей. Нѣкоторыхъ изъ нихъ я немножко знаю, напримѣръ маркиза Александра Львовича.

— Вы знаете маркиза! улыбнулся Павелъ Платоновичъ.—Поѣзжайте къ нему теперь, вы его застанете какъ разъ за отправленіемъ государственныхъ обязанностей.

— Но въ такіе часы пожалуй неудобно? усомнился Глѣбъ Дмитриевичъ.

— Напротивъ, напротивъ, поѣзжайте, убѣждалъ князь;—вы должно-быть совсѣмъ не знаете въ чемъ заключается утро мнѣйшаго дѣловаго человѣка!

XXI.

Александра Львовича прозвали „маркизомъ“ еще въ учебномъ заведеніи за его французскій языкъ и фатовство особаго тона, заключавшееся въ узенькихъ брючкахъ, въ батистовыхъ носовыхъ платкахъ, въ огромныхъ вензеляхъ на портфеляхъ и на всемъ гдѣ только ихъ можно было налѣпить, въ цѣпочкѣ съ брелоками, въ карманной цеточкѣ съ зеркальцемъ и въ прочихъ отступленіяхъ отъ казенной формы и дисциплины. Въ зрѣломъ возрастѣ Александръ Львовичъ сохранялъ нѣкоторыя привычки отрочества и любилъ одѣваться молодежово и пестро: визитки и лиджаки его нѣсколько напоминали дѣтскія курточки, а воротнички имѣли такую затѣливую форму, какой на взрослыхъ пожалуй не увидишь. Наружность же его въ смыслѣ представительности очень мало оправдывала данное ему прозвище: маленькій, вертлявый, съ крошечною жиденькою бородкой, съ разбѣгающимися глазками и огромною чрезвычайно подвижною бородавкой на правой щекѣ, онъ напоминалъ развѣ того русскаго маркиза который въ романѣ Пушкина долженъ былъ вслѣзть на мачту чтобы расшаркаться предъ работавшимъ на кораблѣ Петромъ.

— Можно? спросилъ Глѣбъ Дмитріевичъ курьера, стоявшаго въ довольно свободной позѣ предъ притворенною дверью кабинета.

— Пожалуйста, съ необычайною любезностью отвѣтилъ тотъ.

Зимовьевъ вошелъ. Посрединѣ большой казеннаго вида комнаты стоялъ высокій сутуловатый господинъ въ вицмундирѣ, слегка наклонившись къ маленькому человѣчку, облеченному въ коротенькій клѣтчатый лиджакъ, такіе же лавталоны и башмаки съ пряжками. Этотъ человѣчекъ и былъ маркизъ.

— Мнѣ бы хотѣлось, говорилъ онъ своему собесѣднику, — чтобы вы меня хорошенько поняли. Надѣюсь что вы не принимаете меня за... за какого-нибудь консерватора. Мой образъ мыслей кажется уже достаточно обнаружился. Я на сторонѣ свободы, да... но *entendons-nous*. Я разумѣю свободу нераздѣльную съ порядкомъ. Чѣмъ больше свободы, тѣмъ больше порядка. Это лучшее средство управлять обществомъ. Вотъ моя политика. Я хочу... вы меня поймете... какъ можно меньше быть чиаовникомъ. И потому если я рекомендую вамъ

извѣстную осторожность, то отнюдь не потому чтобъ я хотѣлъ стѣснять, давить... однимъ словомъ... словомъ надо быть осторожнымъ чтобы не дать оружія въ руки тѣмъ кто сейчасъ начнетъ взывать къ разнымъ этимъ... знаете какъ обыкновенно наши консерваторы...

И маркизь, стремительно пожавъ обѣими руками руку собесѣдника, повернулся на каблучкахъ и прищурившись скользнулъ ножкой по ковру по направлению къ Глѣбу Дмитриевичу.

— Неужели monsieur... monsieur Зимовьевъ? Очень радъ васъ видѣть! привѣтствовалъ онъ новаго посѣтителя.—Мы уже столько лѣтъ потеряли другъ друга изъ виду и столько переменъ съ тѣхъ поръ...

— Позвольте васъ поздравить, сказалъ Зимовьевъ.

Маркизь протянулъ обѣ руки и повлекъ его къ креслу, отступая задомъ, причемъ маленькая вертлявая фигурка его въ лестромъ трико имѣла очень забавный видъ.

— Вы поздравляете, да, но еслибы вы пробыли двадцать четыре часа на моемъ мѣстѣ, погрузились бы въ этотъ хаосъ, въ этотъ бюрократическій водоворотъ, вы почувствовали бы состраданіе ко мнѣ.

Онъ взглянулъ на лежавшія на столахъ, на диванахъ и даже просто на полу килы бумагъ и нераспечатанныхъ пакетовъ и взялся за голову.

— Вонъ взгляните, это ужасъ, ужасъ! Я иногда чувствую какъ будто съума схожу. Вѣдь это все надо прочитать, вникнуть, обсудить... а у меня все утро уходитъ на пріемъ посѣтителей, и сейчасъ надо ѣхать. Вечеромъ тоже почти никогда нѣтъ времени заняться... Ахъ, ахъ, совершенный адъ! восклицалъ маркизь, и въ глазахъ его въ самомъ дѣлѣ появилось потерянное, почти обезумѣвшее выраженіе. Онъ стремительно распахнулъ жакетку, взглянулъ на часы, также стремительно застегнулся и вдругъ заговорилъ совершенно другимъ, какъ бы веселымъ и до обворожительности любезнымъ голосомъ:

— Но я радъ васъ видѣть, я весь къ вашимъ услугамъ. Говорите, приказывайте, вы видите предъ собой не чиновника, а человѣка отдавнаго общественнымъ интересамъ и готоваго безраздѣльно служить имъ. Да, еслибы были средства, были люди, можно было бы быстро все двинуть. У меня система, планъ... въ идеѣ, вы понимаете; необходимо разработать. Но рукъ нѣтъ, людей нѣтъ. Я одинъ, одинъ, труженикъ

съ утра и до глубокой ночи и не могу уснуть, нѣтъ силъ! Физическіе законы неумолимы и смѣются надъ нашею энергіей. Доклады лежать и я не могу ничего сдѣлать. Я не могу положиться ни на одного изъ прежнихъ чиновниковъ. Я уже подыскалъ новыхъ, съ которыми можно работать, но это еще только организуется, это еще не организовалось.

Онъ вопросительно взглянулъ на Зимовьева, и глаза его снова услѣди помутиться.

— Вы говорите: общественная инициатива! Но я ничего другаго и не желаю, я на все только и надѣюсь, продолжалъ онъ.—Я хочу предоставить ей полный просторъ, заставить совсѣмъ забыть о бюрократіи, упразднить ее, если можно такъ выразиться, упразднить самого себя! Ваши возраженія объясняются тѣмъ что вы меня еще недостаточно поняли.

Глазъ Дмитріевичъ смотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ.

— Но вы ошибаетесь, я ничего не возражалъ и даже совсѣмъ ничего не сказалъ, наломилъ онъ.

Маркизь провелъ рукой по лбу.

— Но у меня сейчасъ былъ споръ... повѣрите-ли, самыя простыя идеи такъ туго понимаются людьми. Вы меня протите, за день столько приходится говорить, повторять, развѣивать, объяснять, что наконецъ совсѣмъ сбиваешься съ толку.

И маркизь снова повелъ по комнатамъ растеряннымъ взглядомъ.

— Я думаю на все это тѣрится очень много времени, замѣтилъ, не зная что сказать, Зимовьевъ.

— Да... но не тѣрится, нѣтъ, не тѣрится! воскликнулъ маркизь.—Я не могу считать это время потеряннымъ. Я смотрю на свое призваніе какъ на живое дѣло которое нельзя зарывать въ бумагахъ. Я хочу имѣть постоянное соприкосновеніе съ обществомъ, жить среди непрерывнаго обмѣна жизненныхъ требованій, впечатлѣній. Мы, бюрократы, совсѣмъ забыли жизнь и это ведетъ къ разложенію, къ страданію. Власть должна питаться свѣжими соками... я служу обществу, обществу, живому обществу! Вы, напримѣръ, являетесь ко мнѣ какъ предсѣдатель земской управы, какъ представитель здоровой провинціальной силы...

— Но я вовсе не предсѣдатель земской управы! сказалъ все болѣе изумляясь Зимовьевъ.

— Ну да, я знаю, я хотѣлъ сказать... я ищу такихъ людей какъ вы, я растворяю предъ ними двери настѣжъ, продолжалъ совершенно спокойно маркизъ. — Не задолго предъ вами у меня былъ одинъ журналистъ; я очень радъ, я ему сказалъ: приходите, учите насъ, браните, разбирайте по косточкамъ, это ваше призваніе, ваше право. Мы должны преклонять слухъ къ голосу общественнаго мнѣнія. Я этого жажду, я жажду общенія съ живыми силами. Наше дѣло дѣлать, а ваше судить, критиковать, даже ругать. Да, и ругать, я не отрицаю у васъ этого права.

Дверь въ кабинетъ отворилась, и показалась какая-то крупная фигура несомнѣнно провинціальнаго скаада. Маркизъ вдругъ вскочилъ и протянулъ Зимовьеву обѣ руки.

— Благодарю васъ, и повѣрьте что я отвесусь съ полнымъ вниманіемъ къ вашимъ желаніямъ, сказалъ онъ. — Но мнѣ хотѣлось бы еще о многомъ переговорить съ вами: людямъ одинаковаго образа мыслей всегда есть что сказать другъ другу. Двѣмъ, вы видите, я въ распоряженіи всѣхъ кто имѣетъ ко мнѣ дѣло; но по субботамъ у меня пьютъ чай. Пожалуста совершенно залросто. Вы встрѣтите маленькое общество людей одушевленныхъ самыми лучшими желаніями.

Глѣбъ Дмитріевичъ откланялся и вышелъ, унося на лицѣ самую загадочную улыбку. Въ дверяхъ онъ уже слышалъ снова: „Я очень радъ, приходите учить насъ, дайте намъ войти въ солприкосновеніе съ жизнью. Мнѣ больше всего хотѣлось бы поднять общественную инициативу и я готовъ идти до... до утражденія самого себя!“

„Вотъ это пожалуй недурно было бы...“ подумалъ Зимовьевъ.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ снова поднялся по широкимъ ступенямъ казенной лѣстницы и вошелъ въ обширную приемную полную народа. У дверей олять стояли курьеры, но кромѣ того къ услугамъ публики находились и чиновники, которыхъ впрочемъ съ перваго раза нельзя было отличить отъ посѣтителей, такъ-какъ облечены они были по большей части въ самые разнообразныя вестовы и жакетки, а одинъ прохаживался даже съ хлыстикомъ въ рукѣ, которымъ очень граціозно выбивалъ пылъ изъ своихъ сѣренькихъ брюкъ.

Самый щеголеватый изъ ладжаковъ, съ торчащею изъ кармана красною каемкою фуляра и съ коралловою женскою ножкой на голубомъ пластронѣ, предупредительно наклонился къ Зимовьеву.

— Къ Петру Аристарховичу? спросилъ онъ почти иска-
тельнымъ тономъ.

Глѣбъ Дмитріевичъ отвѣтилъ утвердительно.

— Изъ провинціи?

Послѣдовалъ тотъ же утвердительный отвѣтъ.

— Вѣроятно изволите быть предводитель дворянства? пред-
сѣдатель земской управы? продолжалъ съ обворожительною
улыбкой официальный лиджакъ. — Петръ Аристарховичъ
въ настоящее время занятъ докладомъ, но какъ только осво-
бодится, я попрошу васъ пожаловать вотъ въ ту дверь. Хотя
конечно мы стараемся соблюсти очередь, но представители
нашего общественнаго самоуправленія имѣютъ полное право
на предпочтительное вниманіе, и Петръ Аристарховичъ въ
особенности дорожитъ чтобы голосъ общества, свободной об-
щественной корпораціи...

— Но я не представляю собою никакой общественной кор-
пораціи, и вотъ мое имя, перебилъ его Зимовьевъ, подавая
карточку.

Изыщный лиджакъ принялъ ее съ тою же почти благого-
вѣбною улыбкой, но затѣмъ поклонился и отошелъ съ не-
опредѣленнымъ и ничего не обѣщающимъ выраженіемъ.

Въ ту же минуту изъ одной изъ дверей появилась Безбѣд-
ный и сдѣлалъ нѣсколько медленныхъ шаговъ по залѣ, не-
брежно раскачиваясь своимъ слегка полотявшимся станомъ.
Ему кланялись, онъ отвѣчалъ издали, щурясь и повидимому
не узнавая. Лакированные съ луговицами ботинки его чуть-
чуть скрипѣли и отъ него пахло духами; свѣженькій вицмун-
дирный фракъ, сшитый у Тедески, отличался эlegantностью
покроя. На красивомъ, хотя начинавшемъ брызгать лицѣ
бывшаго адвоката лежало нѣсколько новое выраженіе выше-
административной провинцательности вмѣстѣ съ самою обя-
зательною, но не чуждою достоинства любезностью. Еще разъ
оглянувшись, онъ узналъ Зимовьева и тотчасъ глаза его не-
благосклонно и быстро скользнули мимо, а самъ онъ весь
какъ-то строго выпрямился, точно хотѣлъ сдѣлаться выше
и значительнѣе. Заигрывающая улыбка разомъ сбѣжала съ
его лица. Онъ даже сдѣлалъ шагъ въ сторону, но вдругъ какъ
бы раздумавъ повернулся на каблукъ и подошелъ къ Глѣбу
Дмитріевичу.

XXII.

— Вы въ Петербургѣ... Мнѣ очень пріятно напомнить вамъ о нашемъ знакомствѣ, сказалъ онъ съ какою-то строго вѣжливостью. — Имѣете дѣло?

Зимовьевъ объяснилъ что желаетъ представиться Петру Аристарховичу.

— Онъ кажется занятъ... хотя впрочемъ о васъ доложить, отвѣтилъ тѣмъ же тономъ Безбѣдный и сдѣлалъ два шага по паркету, какъ бы приглашая Зимовьева отойти вмѣстѣ съ нимъ въ сторону.

— Мы съ вами встрѣчались у нѣкоторыхъ общихъ знакомыхъ... у баронессы Грабенъ, напримѣръ, продолжалъ онъ;— сколько я припомню, мы тогда не сходились во мнѣніяхъ и у насъ возникали споры.

— Вы ошибаетесь, никакихъ споровъ у насъ не могло возникнуть, отвѣтилъ Глѣбъ Дмитріевичъ, и подъ усами его мелькнула улыбка.

Безбѣдный не ловилъ этой улыбки и произнесъ какъ бы успокоивающимъ тономъ:

— Впрочемъ я всегда считалъ обязательною полную терпимость къ чужимъ мнѣніямъ, и эта ливрея (онъ дотронулся двумя пальцами до борта своего вицмундирнаго фрака) ни въ чемъ не перемѣнила меня. Администрация проводитъ свои идеи въ дѣйствіе, но не стѣсняетъ свободу противоположныхъ мнѣній.

Глѣбъ Дмитріевичъ только оглянулъ его вмѣстѣ съ его вицмундиромъ и ничего не сказалъ.

— Сколько мнѣ извѣстно, вы прежде стояли на крайней консервативной точкѣ зрѣнія... продолжалъ Безбѣдный. — Я объ этомъ вспоминаю съ сожалѣніемъ, потому что такой образъ мнѣній ставилъ васъ въ разрѣзъ съ общимъ движеніемъ, въ торжествѣ котораго однако нельзя было сомнѣваться.

— Благодарю васъ за вниманіе, но вы напрасно говорите о моихъ мнѣніяхъ въ прошедшемъ времени, сказалъ Зимовьевъ. — Если васъ не измѣнила эта... ливрея, то я тѣмъ менѣе имѣлъ поводовъ измѣняться. Для моего образа мыслей совершенно безразлично въ какомъ отношеніи онъ находится... напримѣръ къ вашему.

Губы Безбѣднаго слегка покривились.

— И я очень уважаю подобную самостоятельность, поверьте мнѣ, сказалъ онъ, дѣлая еще два шага въ сторону и подымая голову съ выраженіемъ человека обладающаго такими явными преимуществами положенія что и напоминать о нихъ не стоитъ. — Но любѣда мнѣнія тѣмъ и выражается что привлекаетъ людей противоположныхъ мнѣній, по крайней мѣрѣ тѣхъ чей умъ достаточно гибокъ и провицателемъ чтобы присоединиться къ общему движенію.

— Безъ сомнѣнія мой умъ недостаточно гибокъ, отвѣтилъ Зимовьевъ;—и я даже имѣю смѣлость не уважать слишкомъ гибкіе умы.

— Это ошибка, возразилъ Безбѣдный:—прогрессъ нашего вѣка коллективный, онъ созданъ общимъ движеніемъ умовъ, и все что становится въ сторонѣ отъ такого движенія, истощается въ безплодныхъ усиліяхъ. Скажу больше: консервативныя мнѣнія, даже въ эпоху ихъ торжества, были у насъ ошибкой, потому что Россія страна новая, въ которой все надо создавать и нечего сохранять.

На лицѣ Зимовьева появилось скучающее выраженіе.

— Я это слышалъ, читалъ... сказалъ онъ.

— И остаетесь при противномъ мнѣніи? улыбулся Безбѣдный.—Очень жаль, потому что оно по меньшей мѣрѣ несвоевременно. Сила вещей привела насъ къ другому, и это другое сильно уже потому что оно необходимо, такъ какъ нѣтъ иного способа выйти изъ положенія въ которое насъ поставила крамола. Только политика примиренія даетъ средства овладѣть подпольнымъ теченіемъ.

— Вы разчитываете овладѣть подпольнымъ теченіемъ? переспросилъ Зимовьевъ.

— Безъ сомнѣнія. Когда власть примирится съ обществомъ, удовлетворитъ его законнымъ ожиданіямъ, докончитъ такъ сказать легальную революцію, начатую реформами шестидесятихъ годовъ, тогда крамола потеряетъ всякую почву. Вы не раздѣляете этого взгляда?

Глѣбъ Дмитриевичъ равнодушно усмѣхнулся.

— Я припоминаю что на Константинопольской конференціи мы тоже хотѣли уступать, идти навстрѣчу врагу, закупить его стоворчивостью, и только дали ему время усилиться, сказалъ онъ.—Войны мы не избѣгли, но сдѣлали ее гораздо труднѣе для себя. И мы не избѣгнемъ борьбы съ крамолой, но сдѣлаемъ ее труднѣе. Простите моему любольству,

для васъ уже опредѣлился этотъ путь легальной революціи? вы можете сказать куда вы придете и гдѣ остановитесь?

Безбѣдный какъ бы съ недовольнымъ видомъ пожалъ плечами.

— Ходъ вещей укажетъ... сказалъ онъ; — хотя, конечно, трудно себѣ представить иной путь кромѣ того которымъ шла вся Европа. И вы кажется должны согласиться что путь этотъ во всякомъ случаѣ популяренъ. Торжество нашей политики является торжествомъ для всей страны. Возьмите печать, земство, университеты, все что составляетъ наше общественное мнѣніе, на нашей сторонѣ громадное, подавляющее большинство. Для васъ это не убѣдительно?

— Нисколько, отвѣтилъ Зимовьевъ:— торжествуетъ всегда большинство, но любѣждаетъ истина. Итакъ, если я правильно васъ поправлялъ, вы предполагаете вести Россію тѣмъ путемъ какимъ шла Европа?

— Лучше сказать мы пойдемъ вмѣстѣ съ Россіей... скромно поправилъ Безбѣдный. — Но извините, я должень васъ оставить, мнѣ надо къ Петру Аристарховичу. Мнѣ было очень интересно узнать ваши мнѣнія, хотя къ сожалѣнію я не могу общать имъ никакого услѣха. Другія времена, другіе люди... или какъ это у Гейне: новая весна, новыя птицы, новыя львыи?...

И Безбѣдный, пожимая руку Зимовьеву, улыбнулся почти свисходительно, какъ улыбается человѣкъ утонченный въ самомъ торжествѣ своемъ.

Въ залѣ между тѣмъ становилось все многолюднѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ усиливался шумъ разговоровъ, поклоновъ, восклицаній. Происходилъ точно рауть, отличавшійся притомъ клубною непринужденностью. Чиновники расхаживали между группами, смѣялись со знакомыми, шутили или спорили между собою. Посѣтители, иныя во фракахъ, иныя просто въ жакеткахъ, поминутно входили безо всякаго доклада въ охраняемую курьерами дверь. Официальный лиджакъ которому Зимовьевъ вручилъ свою карточку спокойно расхаживалъ по залѣ, не обращая на него больше никакого вниманія.

„Здѣсь кажется допускается тотъ кто самъ входитъ“, подумалъ Глѣбъ Дмитріевичъ, и посторонился чтобы дать дорогу проходившей мимо него дамѣ.

— Кого я вижу! вдругъ воскликнула дама, подвывая на него глаза.

Зимовьевъ узналъ Клеопатру Михайловну Хвощеву.

— Давно ли? продолжала она улыбаясь и крѣпко пожимая ему руку.

Зимовьевъ объяснилъ.

— А я о васъ такъ часто вспоминала... Мы живемъ въ такое интересное время, такъ все оживилось, двинулось впередъ... Я была почти дѣвочкой въ шестидесятыхъ годахъ, но помню тогдашнее движеніе и мнѣ кажется что нынѣшнее время очень похоже на то.

— Очень похоже, подтвердилъ Зимовьевъ.

— Въ такую пору такъ пріятно встрѣтиться со старыми друзьями. Вы конечно сочувствуете? Впрочемъ что же я спрашиваю, какъ будто умные и честные люди могутъ не сочувствовать. Вы къ Петру Аристарховичу? не видали еще его? Какая свѣтлая, гениальная личность! У меня къ нему маленькое дѣло, просьба... не для себя, а за одного несчастнаго. Но Петръ Аристарховичъ такъ внимательно относится къ каждому что это почти удовольствіе явиться къ нему съ ходатайствомъ.

Клеопатра Михайловна пріостановилась, точно желая до-
ставить Глѣбу Дмитріевичу время налюбоваться ею и насладиться этою неожиданною встрѣчей.

— А вы знаете, Волчець-Соколинскіе тоже здѣсь, недавно вернулись изъ-за границы... заговорила она снова. — Лариса все такая же, по моему даже еще больше похорошѣла. Вы еще не видались? Воображаю какъ она будетъ рада вашему пріѣзду!

И ея глаза взглянули на него съ такимъ недвусмысленнымъ выраженіемъ что весь скрытый ядъ ея словъ сразу обнаружился.

— Я очень не надолго пріѣхалъ, сказалъ Зимовьевъ.

— Право? какъ жаль! Впрочемъ мы постараемся удержать васъ, продолжала Клеопатра Михайловна. — Но скажите пожалуйста, можетъ-быть были какія-нибудь основанія въ этихъ слухахъ... говорили будто между вами произошла размолвка, разрывъ, и даже разказывали разный вздоръ о причинахъ...

— Я былъ далеко и до меня не доходили никакіе петербургскіе слухи, отвѣтилъ хмурясь Глѣбъ Дмитріевичъ.

— Я и не вѣрила, я знаю что сплетни такъ легко создаются... послѣдшне оправдывалась Клеопатра Михайловна.

— И такъ охотно распространяются, добавилъ Зимовьевъ, и вдругъ спросилъ: — А что подѣлываетъ Извозовъ? я его

совсѣмъ потерялъ изъ виду. Научилъ ли онъ стрѣлять на скаку въ цѣль молодаго человѣка съ которымъ я его видѣлъ въ послѣднй разъ въ день моего отъѣзда?

Смуглая щеки Клеопатры Михайловны внезапно поблѣднѣли и лицо ея выразило смущеніе.

— Извоекъ? Но я его почти не знаю и не видала здѣсь... Мнѣ кто-то говорилъ что онъ увѣхалъ за границу домашнимъ секретаремъ при одномъ изъ нашихъ дипломатовъ или бывшихъ министровъ, проговорила она, стараясь не обнаружить волненія. — Вы его видѣли? съ молодымъ человѣкомъ который... учился стрѣлять съ лошади? Но вамъ показалось, онъ пробылъ въ Петербургѣ всего нѣсколько дней. Вы приняли за него кого-нибудь другаго.

— Если вы такъ увѣрены, то вѣроятно я ошибся, сказалъ съ едва примѣтною усмѣшкой Зимовьевъ.

— Вамъ показалось! повторила Клеопатра Михайловна. — Но мы еще увидимся съ вами, не правда ли? Я васъ жду.

„Если не вретъ, то очень подходящее положеніе устроила для моего Михаила Ивановича!“ подумалъ Зимовьевъ, противившись съ Хвоцевой.

Навстрѣчу ему въ эту минуту шелъ, раскачиваясь на своихъ уже старыхъ ногахъ, Павелъ Платоновичъ Ладожскій.

— Ну, сейчасъ у меня будетъ объясненіе, и вѣроятно послѣднее; начальство само вызвало меня, сказалъ князь поздоровавшись.

— По какому же поводу? спросилъ Зимовьевъ.

— Не знаю, но увѣренъ что вернусь съ отставкой, отвѣтилъ Павелъ Платоновичъ. — Да оно кажется и лучше...

И онъ скорыми шагами прошелъ въ кабинетъ.

XXIII.

Изъ-за арки отдѣлявшей смежную комнату доносились громкіе голоса и вырывались клубы табачнаго дыма. Зимовьеву показалось будто тамъ мелькають знакомыя лица. Ему было скучно ждать и онъ пошелъ туда.

Первое что бросилось ему въ глаза была долговазая фигура Кото. Одѣтая въ самый изящный востокъ съ распуцеными по немъ концами галстука тѣлеснаго цвѣта, она возвышалась посреди довольно многочисленной группы,

собравшейся съ палпиросами въ зубахъ около казеннаго стола, на которомъ Коко сидѣлъ болтая не достававшими до полу ногами.

Комната эта, примыкавшая къ пріемной, находилась въ его распоряженіи и здѣсь онъ отправлялъ свои служебныя обязанности, заключавшіяся въ ежедневномъ ожиданіи какого-нибудь дѣла и въ наблюденіи за стоявшею на столѣ червильцей. Наблюденіе было необходимо, потому что сторожъ, очевидно раздѣлявшій съ Коко заботу ожиданія, аккуратно каждый день наклонялъ ее до краевъ, а такъ какъ у стола постоянно толкались, то чернила разливались, и Коко разъ уже пришелъ домой съ такимъ пятномъ которое даже на тѣлѣ трудно было отмыть.

При входѣ Зимовьева онъ не перемѣнилъ положенія, а только нагнулся со стола и протянулъ свою длинную руку.

— Bonjour, comment ça va? произнесъ онъ совершенно фамильярно.—Я не зналъ что вы въ Петербургѣ.

— Какъ и я не зналъ что вы... на этомъ столѣ, отвѣтилъ Зимовьевъ.

— Пс, я ужь давно тутъ. Какъ только Петръ Аристарховичъ былъ назначенъ, онъ тотчасъ пригласилъ меня. Ему нужны были свѣжіе люди, объяснилъ Коко, болтувъ ногами.—Вы къ нему?

— Имѣлъ намѣреніе явиться, но кажется сдѣлалъ неосторожность прося доложить обо мнѣ, сказала Глѣбъ Дмитриевичъ.—Другіе, сколько я замѣтилъ, дѣлаютъ прощ: входятъ сами.

— C'est que... мы не имѣемъ на этотъ счетъ положительныхъ приказаній, прощѣдилъ Коко.— Вамъ надо было обратиться ко мнѣ, я бы это устроилъ. Теперь у него Евгений Саввичъ и этотъ князь Ладожскій. Но съ ними скоро кончатъ, потому что это ужь рѣшено.

— Вы думаете? спросилъ голосъ показавшіяся Зимовьеву знакомымъ. Онъ оглянулся и узналъ Нестужева.

— Пс, мнѣ нечего думать когда я знаю, отрѣзалъ Коко:— князь человекъ отсталой и совершенно не годится въ настоящее время. Евгений Саввичъ согласился занять его мѣсто. Я не понимаю какъ могли до сихъ поръ держать этого Ладожскаго. И акціи его сына тоже очень сильно упали. Онъ гаупъ, Анатолий, и крѣпостникъ. Онъ хочетъ возстановить крѣпостное право и отобрать у крестьянъ землю. Я ему собираюсь сказать два слова на счетъ той рыбы...

— Какой рыбы? спросилъ кто-то.

— Ну, это очень смѣшно, вы сейчасъ допнете отъ смѣху. Овъ выдумалъ что ладожскіе суги называются по его имени тогда какъ это такое озеро, объяснилъ Коко, который наконецъ добился въ чемъ дѣло и теперь всѣмъ разказывалъ, съ убѣжденіемъ навязывая собственную глупость ни въ чемъ не повинному Анатолю.

Кое-кто засмѣялся, но очень неохотно, такъ какъ анекдотъ никому не показался достаточно забавнымъ.

Нестужевъ дѣлалъ пока видъ что не замѣчаетъ Зимовьева.

— Если дѣйствительно назначать Евгенія Саввича, это будетъ очень знаменательно! сказалъ овъ радостно.

— Я думаю я что-нибудь знаю! процѣдилъ Коко.

Нестужевъ, все болѣе разгораясь охватившимъ его радостнымъ впечатлѣніемъ, даже передернулъ плечами, какъ дѣлать дѣти когда что-нибудь приведетъ ихъ въ восторгъ.

— Дѣйствительно же, господа, какъ-то легче всѣмъ дышется! произнесъ овъ почти захлебывающимся голосомъ, и обвелъ всѣхъ блаженнымъ взглядомъ. Этотъ взглядъ встрѣтился со спокойными глазами Зимовьева.

— Ахъ, Глѣбъ Дмитріевичъ! воскликнулъ Нестужевъ, подходя наконецъ къ нему.—Мнѣ говорили что вы уѣхали въ деревню тотчасъ послѣ того какъ я въ послѣдній разъ видѣлся съ вами, болѣе года назадъ.

— Я надѣякъ вернулся, отвѣтилъ Зимовьевъ;—и очень радъ застать васъ въ такомъ пріятномъ расположеніи духа. Вы кажется очень довольны всѣмъ что теперь дѣлается и конечно имѣете нѣкоторыя дальнѣйшія надежды.

Нестужевъ залодорѣлъ иронію и она показала ему совершенно неумѣстною въ этомъ случаѣ.

— Да-съ, я очень доволенъ, и какъ сейчасъ сказалъ, нахожу что теперь легче дышется и живется, и начинаешь надѣяться на зарю новой жизни, выразился овъ съ нѣкоторою торжественностью.

— Пс! отозвался на это Коко, снова болтуя ногами.

— Извините моему любопытству: вы тоже приглашены на службу, вслѣдствіе потребности въ свѣжихъ людяхъ? обратился Зимовьевъ къ Нестужеву.

— Нѣтъ-съ, я смѣю думать что немножко нуженъ въ моей прежней дѣятельности, отвѣтилъ тотъ.—Для печати тоже настали лучшія времена, и было бы очень странно еслибъ я

именно теперь покинуть это поприще. Журналистъ которому возвращена свобода слова будетъ полезенъ на своемъ посту. Это тоже служба, и можетъ-быть важнѣе другой. Мнѣ дѣйствительно были сдѣланы въкоторыя очень дѣстныя и выгодныя предложенія, такъ какъ Евгенийъ Саввичъ меня знаетъ, но я не считалъ себя въ правѣ воспользоваться ими.

— Напрасно, возразилъ Зимовьевъ;—въ Россіи служба обстоится иногда очень недурно, тогда какъ положеніе журналиста не представляется мнѣ вполнѣ заманчивымъ. У васъ же, мнѣ всегда казалось, очень много практической сообразительности.

— Можетъ-быть именно такая сообразительность и заставляетъ меня предпочесть положеніе журналиста, возразилъ съ вѣсколько замысловатою улыбкой Нестужевъ.—Повидимому вы не совсѣмъ выкли въ громадный переворотъ совершающійся въ настоящее время.

— Сознаюсь вамъ, я только что пріѣхалъ изъ глухой провинціи и очень отсталъ, скромно сказалъ Глѣбъ Дмитріевичъ.—Вы меня много обяжете, объяснивъ происходящее.

Нестужевъ и теперь подозрѣвалъ нѣкоторую иронию въ словахъ Зимовьева, но ему такъ хотѣлось высказаться и онъ чувствовалъ за собою такое превосходство положенія что охотно принялъ вызовъ.

— Происходить то что на сцену выступили живыя общественныя силы, среди которыхъ печать безъ сомнѣнія должна занять выдающееся мѣсто, объяснилъ онъ.—Вы судите о ней заднимъ числомъ. Это громадная сила, и это знаютъ *тамъ*. Журналисты руководятъ... да, руководятъ! Они проводятъ своихъ людей, побиваютъ своихъ враговъ, доставляютъ торжество идеямъ которыя еще вчера считались запрещенными. Правительство ищетъ опереться на насъ, и я могъ бы назвать вамъ двухъ или трехъ редакторовъ которыя состоятъ ближайшими интимными совѣтниками при высокопоставленныхъ лицахъ.

— Я дѣйствительно не зналъ этого, сказалъ Зимовьевъ.

— Пс, у меня тоже есть мысль издавать газету, вдругъ сказалъ Коко.—Капитанъ Бойко, вы знаете? онъ давно хотѣлъ, и у него даже было готово названіе: *Капитанъ*. Но тогда это не состоялось, потому что очень похоже на „капитанъ“. Теперь онъ уже подполковникъ, такъ что это ничего. Но я пожалуй могу самъ. Я буду тамъ излагать всѣ мои мысли.

- Непремѣнно подпишусь, сказалъ Зимовьевъ.
- Разумѣется; вы увидите! болтулъ ногами Коко.
- Что жь, отличная мысль, поддержалъ Нестужевъ, считавшій Коко очень богатымъ человекомъ.
- Это безъ сомнѣнія очень интересное предпріятіе, сказалъ Глѣбъ Дмитріевичъ; — но мы кажется уклоняемся въ сторону. Мнѣ любопытно было бы узнать главные черты новаго режима, съ которымъ я здѣсь только-что знакомлюсь.
- Вы можете судить по тому что уже сдѣлано, продолжалъ Нестужевъ. — Вѣроятно знаете съ какимъ трескомъ рухнула классическая система, эта самая страшная и опасная рама нанесенная реакціей русскому обществу...
- Еще разъ извините меня, я ничего не знаю, сказалъ Зимовьевъ. — Такъ вы говорите классическая система рухнула?
- Съ трескомъ! повторилъ Нестужевъ, и въ самомъ тонѣ какимъ онъ произнесъ это слово слышался трескъ. — То-есть это не значитъ что больше не будутъ учить латыни, но жизнь школы получитъ совсѣмъ другой характеръ. Не будетъ этой массы несчастныхъ которыхъ прежнія гимназіи выбрасывали за дверь съ волчьимъ билетомъ и которымъ ничего больше не оставалось какъ идти въ революцію. Двери университетовъ откроются настежь для всѣхъ ищущихъ высшаго образованія. Прежняя іезуитская дисциплина, душившая развитіе ребенка, будетъ изгнана изъ школы и ее замѣнитъ духъ гуманности и свободы. Школа получитъ самоуправленіе, учителя вмѣстѣ съ родителями учениковъ будутъ выбирать директора и инспектора, и вообще обществу будетъ предоставлено громадное участіе въ учебной жизни.
- Но учителя? мнѣ кажется справедливость требуетъ чтобъ ихъ избирали сами ученики, замѣтилъ не моргнувъ глазомъ Зимовьевъ.
- Ну, это еще вопросъ... впрочемъ современемъ логика вещей вѣроятно приведетъ къ этому, продолжалъ Нестужевъ. — Точно также и въ другихъ сферахъ выступить впередъ начало гуманности у самоуправленія. Довѣріе къ обществу, привлеченіе его къ государственному дѣлу—вотъ наше знамя!
- Ис, это такъ ясно! сказалъ Коко.
- То-есть что такое для васъ ясно? спросилъ Зимовьевъ.
- Ну, конституція.

Окружавшіе Коко какъ-то больше встрепенулись.

— Вы думаете? неуверенно спросилъ одинъ изъ чиновниковъ, который, вытянувъ жиденькую бородку и башетая глазами, слушалъ съ выраженіемъ заклебывающегося блаженства.

— Что тутъ думать? это такъ ясно, отвѣтилъ Коко.—Я не говорю чтобы сейчасъ, но къ этому придетъ. Это даже въ Турціи.

— И какую же вы намъ дадите конституцію, monsieur Луховецкій? спросилъ Зимовьевъ.

— Конституцію, какъ вездѣ. Будетъ парламентъ, и воѣ тамъ будутъ держать рѣчи. Я видѣлъ въ Парижѣ. Вы усамните какъ я буду говорить. Vous allez voir.

— Вы безъ сомнѣнія тотчасъ попадете въ парламентъ? сказалъ Зимовьевъ.

— Я думаю!

И Коко, взмахнувъ моноклемъ, посадилъ его въ глазъ.

— Но васъ могутъ не выбрать, замѣтилъ Глѣбъ Дмитріевичъ.

— Пс, я очень хорошъ съ Евгениемъ Саввичемъ, возразилъ Коко.—Я знаю что онъ меня выберетъ.

— У него будетъ только одинъ голосъ изъ нѣсколькихъ тысячъ.

— У Безбѣднаго? изумился Коко.—Я убѣжденъ что онъ чрезъ мѣсяцъ будетъ министромъ.

— Даже и въ такомъ случаѣ.

Коко посмотрѣлъ на Зимовьева въ моноклъ и лоболталъ вогами.

— Ну, это глупо. Тогда зачѣмъ же конституція? возразилъ онъ съ глубочайшею искренностью.—Но нѣтъ, объ этомъ надо подумать.

— Да, monsieur Луховецкій, подумайте, и monsieur Нестужевъ вѣроятно не откажется помочь вамъ: въ государственныхъ дѣлахъ необходима осмотрительность, сказалъ Зимовьевъ.

И такъ какъ онъ замѣтилъ Павла Платоновича, проходившаго въ эту минуту по большой залѣ, то пошелъ догнать его.

Лицо князя выражало ели не досаду, то злую провію.

— Ну что? чѣмъ кончилось ваше объясненіе? спросилъ Глѣбъ Дмитріевичъ.

Павелъ Платоновичъ взглянулъ на него и усмѣхнулся.

— Дѣло разыгралось самымъ благороднымъ образомъ, отвѣтилъ онъ.—Въ кабинетѣ я засталъ Безбѣднаго, который жаловался что я не соглашаюсь подписать сочиненнаго имъ

циркуляра. Начальство съ соболъзмованіемъ выразило мнѣ что циркуляръ заслужилъ полное его одобреніе; я заявилъ что не могу оказать того же про себя, такъ какъ мнѣнія мои вполнѣ расходятся съ мнѣніями автора; начальство одѣлао выводъ что слѣдовательно я такимъ же образомъ расхожусь и съ собственными его мнѣніями. Выводъ былъ математически и логически правильнъ, и я ничево не могъ возразить. Тогда мнѣ поставили деликатный вопросъ—считаю ли я возможнымъ при такихъ условіяхъ сохранить занимаемое мною мѣсто. Я поблагодарилъ за то что мнѣ такъ любезно предоставляютъ самому разрѣшить этотъ вопросъ и попросилъ листъ бумаги. На этомъ листѣ, какъ вы догадываетесь, я написалъ маленькую просьбу объ отставкѣ. Начальство напомнило что нужна гербовая марка. Я обѣщавъ доставить. Затѣмъ меня попросили не думать чтобы во всемъ этомъ была какая-нибудь замаскированная подкладка, въ родѣ борьбы партій или личнаго неблагожелательства. Я, напротивъ, просилъ оставить за мною свободу думать что мнѣ угодно. Тутъ меня благосклонно отпустили, а господина Безбѣднаго попросили остаться.

— Словомъ, васъ надо поздравить, сказалъ совсѣмъ не веселымъ голосомъ Глѣбъ Дмитріевичъ.

Князь дружески пожалъ ему руку.

— Я однако не забылъ доложить о васъ и вѣроятно васъ сейчасъ пригласятъ, сказалъ онъ.

— Благодарю васъ, но мнѣ кажется что я могу уйти, отвѣтилъ Зимовьевъ и дѣйствительно вышелъ вмѣстѣ съ Павломъ Платовичемъ.

(До слѣд. №.)

В. АВСѢНКО.

ПРОТИВЪ ТЕЧЕНІЯ

ОЧЕРКИ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

Трудъ мой, озаглавленный *Противъ Теченія*, предпринятый первоначально въ видѣ отдѣльныхъ очерковъ и въ формѣ разговора двухъ лицъ, мало-по-малу разросся въ цѣлое сочиненіе, въ которомъ съ нѣкоторою подробностью изучены событія двухъ послѣднихъ лѣтъ предшествовавшихъ революціонному крушенію Франціи. Рамка разговора стала уже не совсемъ подходящею къ содержанію сочиненія, но была удержана какъ уже разъ принятая и представлявшая удобства для свободнаго перехода отъ одного предмета къ другому. Предположивъ нынѣ продолжить свой трудъ и неслѣшно вести его съ нѣкоторою послѣдовательностью, не замышляя впрочемъ писать систематическую исторію революціи, я предпочелъ принять обычную форму изложенія, сохраняя методу разработки матеріала какой слѣдовалъ до сихъ поръ. Я старался прежде всего точно воспроизвести факты и поставить внимательно собранный фактический матеріалъ предъ глазами читателей такъ чтобы каждый способный къ самостоятельному сужденію имѣлъ всѣ данныя для повѣрки вывода автора и для собственнаго вывода, если авторскій его не удовлетворяетъ. Говорили что мои статьи тенденціозны въ томъ смыслѣ что я старательно *выискиваю* параллели между происшедшимъ во Франціи предъ революціей и тѣмъ что творится у насъ и слѣдовательно имѣю въ виду не восстановление исторической истины, а искусственный наборъ подтвержденій для предвзятой мысли. Нѣтъ ничего несправедливѣе. Пусть укажутъ хоть одинъ фактъ изложенный не говорю уже ложно, но хотя бы въ невѣрномъ освѣщеніи, съ цѣлью лодыскать параллель. Я не скрывалъ что, изучая событія революціи, я имѣлъ въ виду извлечь поучительныя приложенія къ явленіямъ происходящимъ на нашихъ глазахъ

въ настоящую смутную эпоху и самое изученіе предпринялъ съ этою цѣлю. Трудно не замѣтить значительнаго родства явленій. Переживаемую нами эпоху неурядицы, созданной главнымъ образомъ правительственными ошибками, нельзя не назвать предреволюціонною въ томъ смыслѣ что она вся есть неразумное броженіе, способное привести къ затрудненіямъ, какими не преминули бы воспользоваться наши многочисленные враги. Оно произведено чрезъ ослабленіе начала власти, и вмѣстѣ съ тѣмъ долга и отвѣтственности на всѣхъ путяхъ жизни. Эта скрытая анархія можетъ въ одинъ день сдѣлаться явною, какъ только потокъ направится не къ тому чтобы вызвать начало власти къ дѣйствию, а къ тому чтобы подвергнуть его вопросу, что неминуемо послѣдуетъ при первомъ вступленіи на путь собраній, соборовъ, конституцій,—какъ только въ какой угодно формѣ встанетъ вопросъ о государственномъ верховенствѣ. Революціонныя симлтмы одинаковы въ человѣческихъ обществахъ. Нигдѣ болѣзнь не являлась въ такой чистой типической формѣ какъ во Франціи въ эпоху первой революціи. Потому такъ и поучительно ея изученіе. Не забудемъ что у насъ есть и прямая связь съ революціоннымъ потокомъ имѣющимъ истокъ въ событіяхъ 1789 года. Польское движеніе проходящее чрезъ вышшее столѣтіе и имѣющее такое значеніе въ нашей новѣйшей исторіи было въ постоянной связи съ этимъ потокомъ. Наконецъ наше доморощенное революціонное движеніе, съ его нигилизмомъ, „рускими социаль-революціонерами“, съ его убійствами, взрывами, смутой, по нашей винѣ обратившееся въ осласное орудіе въ рукахъ внутреннихъ и вѣшнихъ враговъ, которыхъ цѣль есть ослабленіе и разложеніе нашего государства,—первоначально пошло отъ теоретическаго революціоннаго культа. Этотъ культъ подарилъ цивилизованному міру вообще и польской справѣ въ особености русскихъ друзей и дѣятелей „всемирной революціи“, и породилъ у насъ съ эпохи шестидесятихъ годовъ, подъ лышвымъ именемъ „развитія общественной мысли“, крайнее политическое легкомысліе, подъ вліяніемъ коего воспитались цѣлыя поколѣнія людей, въ рукахъ которыхъ теперь дѣла, но которые утратили способность понимать истинные государственные и общественные интересы, живя умомъ въ мірѣ самыхъ лутавныхъ попятій.

Всѣ эти обстоятельства дѣлають правдивое изученіе событій французской революціи для насъ особенно поучительнымъ. Завлекшись предметомъ, я потратилъ на него не мало труда, который быть-можетъ заслужилъ бы вниманіе и оцѣнку если бы не былъ *противъ теченія*. Теперь моя книга подъ индексомъ „либеральнаго“ воспрещенія. Меня увѣрили что даже нѣкоторые книгопродавцы не дерзають имѣть ее на своихъ лодкахъ.

Начавъ сочиненіе въ формѣ очерковъ, я подписывалъ его вымышленнымъ именемъ. Теперь, когда оно значительно разраслось, предпочитаю не прибѣгать къ псевдониму.

ЭПОХА НАЦИОНАЛЬНАГО СОБРАНІЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Два предшествовавшіе уличной революціи.

Открытие собранія представителей.—Отсутствіе плама у правительства и притязанія третьяго сословія.—Стоакиловеніе сословія; неудача примирительныхъ совѣщаній и королевскаго вмѣшательства.—Среднее сословіе объявляетъ себя Национальнымъ Собраніемъ.—Роль Мирбо и пламы Неккера.—Королевское засѣданіе 23 іюня.—Послѣдовавшая смута.—Участіе вожаковъ Собранія въ возбужденіи волненій.

I.

5 мая 1789 года съ великою пышностію открылось въ Версалѣ собраніе сословныхъ представителей (*États généraux*). „Когда король, лишетъ Мармонтель (IV, 101), во главѣ представителей націи направился * въ церковь Св. Лудовика, пышность, порядокъ, величіе этого царственнаго шествія, почтительное молчаніе толпы его окаймлявшей, король, среди такого національнаго двора, исполненный сладкой и довѣрчивой радости, а вокругъ его семья счастливая тѣмъ же счастьемъ — все это вмѣстѣ производило такое глубокое и живое впечатлѣніе на душѣ что невольныя слезы лились изъ всѣхъ глазъ. Вѣрилось что надежда во очію предходить этому шествію, благоденствіе за нимъ слѣдуетъ.“ „Я смотрѣла изъ окна, лишетъ дочь Неккера, гжа Сталь (*Oeuvr.* XII, 194. Paris, 1820), вмѣстѣ съ женой министра иностранныхъ дѣлъ Монморена, и, признаюсь, предавалась живѣйшимъ надеждамъ, видя впервые во Франціи представителей націи. Гжа Монморенъ, со стороны ума ничѣмъ особенно не отличавшаяся, сказала мнѣ весьма рѣшительнымъ тономъ, который произвелъ невольное впечатлѣніе: „вы напрасно радуетесь, великія произойдутъ изъ этого бѣдствія для Франціи и для насъ“. Бѣдная женщина въ послѣдствіи погибла на эшафотѣ вмѣстѣ съ сыномъ, другой ея сынъ утонулъ, мужъ былъ убитъ 2 сентября. старшая дочь

* Мармонтель ошибочно говоритъ „послѣ собранія“, après l'assemblée. Процессія и молебствіе были *наканунѣ* открытія, а не въ день собранія.

погибла въ тюремной больницѣ, младшая пала подъ тяжестью огорченія не достигнувъ тридцати лѣтъ. Точно она предчувствовала все это.“ И въ день молебствія, и въ день открытія, король былъ предметомъ самыхъ восторженныхъ привѣтствій. „Крики: да здравствуетъ король, да здравствуетъ королева, говоритъ Бертравъ де-Молевиль (*Hist. de la révolution*, I, 161. Paris 1801), тысячи разъ повторяемые несмѣтными толпами, провожали царственную чету до дворца и даже до внутреннихъ комнатъ. Кто бы сказалъ тогда что чрезъ два какіе-нибудь мѣсяца тотъ же добрый король, достойный предметъ всѣхъ этихъ поклоненій и благословеній, доведемъ будетъ до того что вынужденъ будетъ явиться въ Парижъ, отдать себя въ руки возмущающагося народа, отправиться въ Думу посреди сотни тысячъ ликъ скрещенныхъ надъ головой и признать мятежъ, принявъ изъ рукъ мятежниковъ кокарду и вдѣвъ ее на свою шляпу.“

Итакъ, правительство удовлетворило общему громогласному требованію общества, указывавшему на „обращеніе къ націи“ какъ на единственный и несомнѣнный выходъ изъ государственныхъ затрудненій эпохи. Въ чемъ долженъ состоять этотъ выходъ, рѣшить, предполагалось, само собраніе. У правительства относительно предстоящаго не было никакого плана. Государственный корабль былъ лущенъ въ открытое, совершенно неизвѣстное море. Правительство вызвало духа, но оказалось совершенно безсильнымъ чтобъ его заковать. Были два капиталные жгучіе вопроса, которые уже занимали „мнѣніе“ и должны были необходимо выступить на первый планъ какъ только откроются занятія представителей. Это, во первыхъ, вопросъ о порядкѣ совѣщаній: по сословіямъ ли, въ трехъ сословныхъ камерахъ, согласно государственному устройству страны, или въ единой палатѣ гдѣ слились бы сословія, и, во вторыхъ, вопросъ о задачѣ для рѣшенія которой созвано собраніе. Правительство, мѣропріятіемъ 27 декабря 1788 года, удвоивъ число депутатовъ средняго сословія, само породило первый вопросъ и между тѣмъ онъ засталъ его словно въ раслаохъ. Еще менѣе подготовленнымъ оказалось оно ко второму вопросу. Пока дѣло оставалось въ области обѣщаній и краснорѣчія, о задачѣ собранія можно было говорить въ звучныхъ, но неопредѣленныхъ выраженіяхъ, прославляя либеральное намѣреніе короля, при содѣйствіи представителей націи, совершить ея возрожденіе. Но когда правительству предъ лицомъ собранныхъ представителей

пришлось въ день открытiя сказать зачѣмъ оно ихъ созвало, оно повольно оставалось, и слово *conveniens*, тогдашнiй лозунгъ мнѣнiя, звучавшее во всѣхъ ушахъ, не было произнесено. И тогда какъ мнѣнiе громко провозглашало что цѣль собранiя въ томъ чтобы передѣлать государственное устройство страны и дать ей прочную конституцію (*fixer la constitution du royaume*), правительство вынуждено было высказать представителямъ что оно собственно не знаетъ зачѣмъ ихъ созвало. Смущенiе и неуверенность проглядывали уже въ первыхъ правительственныхъ рѣчахъ и дѣйствiяхъ какими открылось собранiе.

Король произнесъ * рѣчь, при составленiи которой было обращено особое вниманiе чтобы не заручить монарха чѣмъ-либо. При этомъ произошелъ эпизодъ нарушившiй торжественность минуты. Король говорилъ рѣчь поджавшись съ трона и сжавъ шляпу. Окончивъ, сѣлъ и накрылся. Согласно старому этикету накрылись и дворяне. Нѣкоторые члены средняго сословія послѣдовали ихъ примѣру. Начались крики: „снимите шляпы, накройтесь“. Король нашелся: подъ предлогомъ жары самъ снялъ шляпу. Всѣ послѣдовали его примѣру. ** По словамъ гжи Сталь (*Оеувр.* XII, 196), король произнесъ рѣчь съ обычною простотою, „но физиономiи депутатовъ выражали болѣе энергiи чѣмъ физиономiя короля, и этотъ контрастъ внушалъ безпокойство среди обитателей когда еще ничего не установилось и требовалась сила съ той и другой стороны... Королева была очень взволнована и сильно поблѣдѣла“. Король указалъ на финансовое состоянiе государства какъ на причину побудившую

* По отчету Мирабо въ его журналѣ *Etats Généraux* „прочелъ“ (lu).

** Таково описанiе Бертрана де-Молевуа, подтверждаемое отчасти Тулонжаномъ. Мишае, описывая засѣданiе, не упустилъ случая сказать что король сѣдалъ это для униженiя средняго сословія, дабы члены его не остались въ шляпахъ подобно дворянамъ. *Mercure de France* (№ 20, 1789, стр. 135), по цензурнымъ вѣроятнo соображенiямъ, умащиваетъ объ эпизодѣ (какъ умолчалъ, между прочимъ, о надѣвавшемъ шума разграбленiю дома Ревельдона 27 апрѣля 1789 года) и даже говорить что „король сѣлъ на тронъ и накрывшись произнесъ рѣчь“ (*le roi s'étant assis et couvert prononça un discours*). Авторъ *Procès verbaux de l'assemblée nationale*, Габе (*Gabet, Paris 1790, I, 27*) извѣщаетъ цитату изъ *Mercure de France*, говоря будто такъ сказано: „le roi s'était assis et couvert, les trois ordres se couvrirent en même temps“. Трудно разобраться въ этихъ противорѣчiяхъ.

его собрать представителей, отъ которыхъ ждетъ указанія мѣръ способныхъ „установить прочный порядокъ (въ финансовомъ управленіи) и утвердить общественный кредитъ“.

„Это великое и спасительное дѣло, говорилъ король, ищущее обезпечить благосостояніе государства внутри и значеніе его внѣ, займетъ васъ существенно“. Кроме того, король указывалъ на „общее броженіе и неуемное желаніе нововведеній, овладѣвшія умами и которыя могутъ со временемъ ввести въ заблужденіе мнѣніе если не послѣднимъ дать имъ устойчивость чрезъ соединеніе указаній мудрыхъ и умѣренныхъ“.

За рѣчью короля слѣдовала рѣчь хранителя печатей, Барантена, длинная, риторическая, но совершенно бездѣятная. Мирабо, давая отчетъ о засѣданіи, * выразился о рѣчи Барантена слѣдующимъ презрительнымъ образомъ: послѣ короля „долго говорилъ хранитель печати, но три четверти замы не слышали ни слова изъ его рѣчи“. Отзывъ совершенно соответственный значенію этой рѣчи. „Насталъ наконецъ, такъ называется официальный ораторъ, прекрасный день столь давно ожидаемый, полагающій конецъ нетерпѣлію короля и всей Франціи! Сей желанный день закрѣпилъ узы соединяющія монарха съ подданными. Въ сей торжественный день его величество желаетъ воздвигнуть общее счастье на священной основѣ общественной свободы“ и т. д. и т. д. Несравненно важнѣе рѣчь Неккера. Отъ него, какъ министра пользовавшагося громадною популярностью, ждали разъясненія видовъ правительства. Рѣчь не удовлетворила ожиданіямъ, хотя и была пріятна громомъ рукоплесканій. Она длилась два часа. Неккеръ прочелъ, по выраженію Мирабо, „длинный томъ и притомъ значительнаго объема“. Рѣчь, какъ и предъидущая, начинается восхваленіемъ великаго дѣла. „Какой день, милостивые государи, восклицаетъ Неккеръ, какой день! какая на вѣку памятная минута! Вотъ они, наконецъ, вновь собранные вокругъ трона, послѣ долгаго перерыва, представители націи славной во всѣхъ отношеніяхъ!“ Если освободить рѣчь отъ цвѣтовъ краснорѣчія, то изъ нея слѣдовало бы заключить что не было никакой надобности созывать

* Въ началомъ имъ журналъ *États Généraux*, № 2, остановленномъ правительствомъ, противъ чего протестовали парижскіе избиратели, но немедленно обращенномъ въ новое изданіе *Lettres du comte de Mirabeau à ses commettants*.

представителей. Король говорилъ о финансовыхъ затрудненіяхъ какъ главномъ поводѣ къ созыву представителей. Неккеръ доказываетъ что финансы, въ его конечно управленіе, приведены въ такое состояніе что окончательное исправленіе ихъ есть дѣло только времени и что у правительства имѣются всѣ средства покрыть постепенно дефицитъ, не прибѣгая даже къ новымъ налогамъ. „Такимъ образомъ, милостивые государи, говоритъ Неккеръ,—и на это надлежитъ особенно обратить ваше вниманіе, дабы вы тѣмъ болѣе любяи вашего августѣйшаго монарха,—вы созваны его величествомъ въ настоящее собраніе вовсе не вслѣдствіе непремѣнной необходимости въ денежной помощи... Добродѣтелямъ его величества обяваны вы продолжительною настойчивостью съ какою оны укрѣпились въ намѣреніи и волѣ созвать сословныхъ представителей. Изъ финансовыхъ затрудненій оны бы нанесли исходъ и безъ нихъ.“ (*Merc. de France*, № 21, стр. 23; № 22, стр. 225.) Думая, повидимому, дѣйствовать въ интересъ короля, призывая къ нему благодарность мнѣнія, Неккеръ старается представить созывъ представителей не какъ уступку, а какъ свободное дѣло монарха настойчиво исполняемое даже вопреки препятствій. Въ послѣдствіи Неккеръ изображаетъ дѣло не совсѣмъ такъ. Въ сочиненіи своемъ о революціи, отвѣчая на обвиненіе что оны свергъ Францію въ революціонную лучину и слагая съ себя отвѣтственность за рѣшеніе созвать сословныхъ представителей, Неккеръ указываетъ что, вступивъ въ министерство, засталъ дѣло уже совсѣмъ рѣшеннымъ, и правительство заручившимся въ такой мѣрѣ что поворотъ назадъ былъ уже невозможнымъ. Пагубнымъ для правительства рѣшеніемъ Франція, по изображенію Неккера, обязана легкомыслію министра Бриена. Неккеръ даетъ понять, что будь при дѣлахъ оны, затрудненія уладились бы безъ роковаго обращенія къ націи. Это не помѣшало, конечно, Неккеру въ рѣчи превозносить созывъ представителей, какъ благотѣльнѣйшее событіе въ исторіи Франціи, „котораго одного не доставало для ея счастья и ея славы!“ Но зачѣмъ же все-таки созваны представители? Неккеръ много и въ пышныхъ выраженіяхъ говоритъ о высокомъ назначеніи собранія, но яснаго и опредѣлительнаго отвѣта на этотъ вопросъ не даетъ и уклоняется указать какая же въ глазахъ правительства задача собранія.

„Вы, милостивые государи, говоритъ Неккеръ, должны *предъ*, такъ-сказать, намѣтить * луть счастья будущимъ поколѣніямъ, дабы могли они ивкогда сказать: Лудовику благодѣтелю нашему и національному собранію какимъ оиъ окружилъ себя обязаны мы законами и благодѣтельными учрежденіями охраняющими нашъ локой. Вѣтви освѣающія насъ своею спасительною тѣнью суть вѣтви древа котораго зерно положено Лудовикомъ. Оиъ ходилъ за нимъ и охранялъ своими щедрыми руками, а соединенныя усилія его и націи ускорили и упрочили драгоценный роотъ сего древа.“ (*Merc. de France*, № 21, стр. 182.)

Если снать съ рѣчи Неккера залуганную одеждоу фразъ, то не трудно усмотрѣть смущеніе овладѣвшее правительствомъ когда осуществилось дѣло имъ же предпринятое. Король созвалъ представителей націи. Чтѣ же далѣе? Чтѣ выйдетъ изъ этого собранія возбужденныхъ людей шгвющаго направиться неизвѣстно куда? Неккеръ хочетъ показать что правительство сдѣлало свое дѣло. „Король уже удовлетворилъ своей славѣ собравъ вокругъ себя представителей среди... націи никогда не занимавшейся своими дѣлами... и совершенно не подготовленной къ великой сценѣ выхъ предъ нею открывающейся... * Правительство могло бы пройти тревожное время скромнымъ путемъ, но оно двинулось въ луть исповенный опасностей. Въ бѣдственный годъ, при истощеніи казны, среди чрезвычайныхъ финансовыхъ затрудненій, оно

* C'est vous, Messieurs, qui en avant pour ainsi dire des générations futures devez marquer la route de leur bonheur.

* Мы соединили фразы стояція въ подлинникѣ на протяжении трехъ страницъ. Въ подлинникѣ сказано (стр. 24): Le Roi en rassemblant les États Généraux, le Roi en réunissant autour de lui les représentants de la Nation, le Roi en appelant à son aide un si grand concours de lumières, a déjà satisfait à sa gloire... (стр. 22): Il faut du temps pour s'élever à cet esprit public et dans le commencement un pareil effort est pénible; il doit l'être surtout *au milieu d'une Nation qui n'a jamais pris soin de ses propres affaires, et n'est nullement préparée à la grande scène qui s'ouvre aujourd'hui devant elle;* (стр. 23): Le gouvernement eut traversé ces temps d'orages comme on l'a fait tant de fois sans éclat mais sans inquiétude. Au lieu de suivre cette marche obscure il s'est avancé au milieu des dangers. Au milieu d'une année désastreuse, au milieu de la pénurie du trésor royal et des embarras inextricables de la finance, il a mis en mouvement les habitants de tout un royaume.

привело въ движеніе жителей всей страны и посаѣ великихъ трудовъ и усилій созвало собраніе сословныхъ представителей.“ Какую провіей звучать эти слова, хотя провія не влила въ пламя оратора! Итакъ, по признанію Неккера, правительство, не вынужденное обстоятельствами, возбуждало всю страну, и очертя голову пустилось въ рискованнѣйшее предпріятіе, не предвидя, не представляя себѣ что изъ этого выйдетъ. Зачѣмъ же это было сдѣлано? Неккеръ можетъ быть остановился бы предъ такимъ изображеніемъ дѣла. Но для него былъ аргументъ непререкаемый: такъ хотѣло „мнѣніе“, а мнѣніе для Неккера было божествомъ. Въ угожденіи мнѣнію, при отсутствіи яснаго сознанія путей какими оно образуется и при совершенной неспособости быть ихъ хозяиномъ, секретъ всего характера Неккера.

Мирабо въ своемъ журналѣ обнаружилъ всю неспособность министерской рѣчи. Можно думать что рѣшеніе совѣта прекратившее изданіе Мирабо было главнымъ образомъ вызвано тѣмъ увлеченіемъ какое почувствовалъ популярный министръ, такъ чувствительный къ печатной похвалѣ и печатному порицанію. „Хотѣлось, повидимому, говорить Мирабо о рѣчи Неккера, дать родъ программы собранію сословныхъ представителей, но національное собраніе, которому даже не уломяютъ о неотъемлемомъ и священномъ правѣ вотировать налоги, правѣ болѣе года торжественно признанномъ королемъ за своимъ народомъ, постоянно низводится въ этой рѣчи на степень какого-то административнаго бюро или финансовой палаты. Часто можно усмотрѣть что министръ, донесеніе котораго въ совѣтъ (27 декабря) не подготовило насъ къ подобнымъ олущеніямъ, самъ замѣчаетъ это и хочетъ въ общихъ выраженіяхъ предупредить возраженіе; но тѣмъ непонятнѣе для наблюдателя—для чего же данъ къ тому поводъ... Не указывается никакого плана государственнаго возстановленія, хотя о немъ возвѣщается, никакого истиннаго основанія прочности, хотя это составляетъ одинъ изъ отдѣловъ рѣчи. Да и какъ создать и тѣмъ болѣе упрочить иной порядокъ вещей тотъ кто даже не осмѣливается слова сказать о конституціи!“

Мирабо заключаетъ свой разборъ словами: „Будемъ надѣяться что министръ финансовъ пойметъ наконецъ что не время болѣе вилать; что нельзя противостоять потоку общественнаго мнѣнія; что надо быть имъ вынесены или потовуть; что царство интриги и шарлатанства прошло; что

ковы умрутъ у его ногъ если онъ будетъ вѣрять началамъ и быстро погубятъ его если онъ отъ началъ отступитъ; сильный неслышанною популярностью онъ долженъ бѣться только сдѣлаться ототульникомъ собственнаго дѣла. Если въ положеніи въ какомъ находится страна необходимо неутомимое терпѣніе, то не менѣе необходима непоколебимая твердость. Будемъ надѣяться что представители націи впредь лучше будутъ чувствовать достоинство своего званія, назначенія и характера; что они не согласятся быть энтузіастами во что бы то ни стало и безусловно, и что наконецъ вмѣсто того чтобы являть предъ Европой зрѣлище юныхъ школьничковъ вырвавшихся изъ-подъ ферулы учителя и ольгавшихся съ радости что имъ обѣщанъ еще денекъ роспуска въ недѣлку, покажутъ себя мужами, избраницами націи, которой не достаетъ одного чтобы стать первою въ мѣрѣ—*конституцій*.”

II.

Правительство принесло на собраніе смущеніе и неувѣренность. Что принесли съ собою на собраніе депутаты создаваемые съ разныхъ концовъ Франціи? Съ первыхъ шаговъ можно было видѣть что первая роль между ними будетъ принадлежать представителямъ „третьяго сословія“. Выдвинутые правительствомъ чрезъ удвоеніе ихъ числа сравнительно съ двумя другими классами, возбужденные печатю, проникнутые вслѣдствіе того идеей что они представители не класса, какъ другія сословія, но націи; принадлежавшіе въ большинствѣ къ разряду людей совершенно неопытныхъ въ государственныхъ дѣлахъ, не связанныхъ никакими интересами съ существующимъ порядкомъ, многіе съ жаднымъ аппетитомъ честолюбія, съ завистливымъ озлобленіемъ противъ общественныхъ неравенствъ, съ сознаніемъ что весь наличный строй есть громадное злоупотребленіе, уничтоженія котораго требуетъ благо страны,—они представляли собою неопредѣлившійся, хаотическій, но горячій матеріалъ.

Съ первыхъ шаговъ обнаружилась притязательность депутатовъ третьяго сословія. Началось съ того что самое названіе это было отброшено какъ ставящее представителей большинства націи въ послѣдній разрядъ. Депутаты третьяго сословія, именуя другія сословія классами, себя называли представителями общины, общинниками (*représentants des communes* и просто *communes*), что звучало такъ же выразительно

какъ у насъ, наприѣръ, выраженіе *земскіе люди, земцы*. Мирабо въ своемъ журналѣ съ самаго начала избѣгаетъ выраженія „третій классъ“ и не упускаетъ случая затронуть самолюбіе своихъ товарищей. „Депутаты трехъ сословій, пишетъ онъ о первомъ представленіи королю прибывшихъ представителей, были приняты королемъ,—духовенство и дворяне въ кабинетѣ, представители общинъ въ залѣ Лудовика XIV. Ничего замѣчательнаго не произошло. Поражали только отсутствіе торжественности при представленіи долженствовавшемъ быть столь внушительнымъ, недостатокъ порядка, трудности, замедленіе вслѣдствіе не точно составленнаго списка округовъ и севешальствъ. Не говоримъ уже о различіи костюмовъ, вѣми порицаемомъ, весьма важномъ въ политическихъ послѣдствіяхъ. Непріятно также подѣйствовало различіе въ способѣ представленія.“ * Депутаты общинъ были огорчены. Тотчасъ образовались группы. Не безъ увлеченія предлагалось пригнати протестъ къ подножію трона и представить королю какъ огорчительны подобныя отвѣтки для истинно-національной части трехъ сословій.“

Правительство сложило съ себя трудную задачу организовать созванную тысячную толпу въ правильное собраніе. Приступить къ ней Неккеръ не рѣшился, опасаясь за свою популярность. Она вызвала борьбу на первыхъ же шагахъ. Вопросъ съ виду былъ о внѣшнемъ устройствѣ собранія; на дѣлѣ это былъ существенный вопросъ—сохранить ли собраніе, согласно завѣтамъ исторіи, сословный характеръ въ формѣ трехъ организованныхъ камеръ или явится новымъ учрежденіемъ: одною палатою равноправныхъ представителей націи, что въ свою очередь необходимо должно вести къ радикальной перемѣнѣ: къ уничтоженію сословнаго устройства государства.

Съ одной стороны, въ правительствѣ присутствовало, казалось, безспорное, непререкаемое признаніе что сословное устройство тогдашняго государства есть основа всего его строя. Еслибы спросили короля, даже Неккера, имѣютъ ли они въ виду разрушеніе этого строя и замѣну его демократическою формою, хотя бы съ монархомъ во главѣ, то отвѣтъ былъ бы рѣшительно отрицательный. Но то же

* Оно состояло въ различіи комнатъ гдѣ депутаты были приняты. Прибавьте что для духовенства двери растворялись настежь, для дворянъ одна половина. *Прим. отъ журнала Мирабо.*

правительство, съ другой стороны, въ формѣ запозываній, уступокъ, всею силой своею, поддерживало направленіе явно стремившееся къ такому разрушенію. Мало оказывать уступокъ. Правительство явно обнаружило желаніе опереться на средній классъ противъ притязаній высшихъ и дало третьему сословію двойное представительство. Было крайне легкомысленно надѣяться съ Неккеромъ что можно по волю дѣлать значенія обстоятельство такой важности. Уклонившись отъ капитальнаго вопроса о внутреннемъ устройствѣ собранія, правительство, въ виду сѣзда представителей, съ великимъ вниманіемъ занялось костюмомъ депутатовъ по сословіямъ, облекши дворянъ въ пышное одѣжаніе, предъ которымъ казалась скромною темная форма третьяго класса, хотя и составленная по образцу судейской формы высокаго ранга.

Утромъ 6 мая, на другой день открытія, появилось королевское объявленіе прибитое гдѣ саѣдовало и кромѣ того „возвѣщенное герольдами: „Его величество, объявляя депутатамъ трехъ сословій о намѣреніи своемъ чтобъ они собирались начиная съ вышшняго дня, 6 мая, симъ увѣдомляетъ что назначенное для того помѣщеніе будетъ готово въ девять часовъ утра“. Объявленіе немедленно было истолковано въ смыслѣ приглашенія всѣхъ депутатовъ въ общую залу, гдѣ происходило открытіе собранія. „Герольды, пишетъ Мирабо, созвали депутатовъ трехъ сословій въ *общую залу*. Представители общинъ отиравились по приглашенію. Духовенство и дворянство въ общую залу не явились. Скоро узнали что они собрались въ отдѣльныхъ камерахъ.“ Правительство, ничего не желая брать на себя, простое приглашеніе сдѣлало въ двусмысленной формѣ, подавшей поводъ выдвинуть на первую очередь вопросъ какъ будутъ провѣряться полномочія, въ соединенномъ засѣданіи или отдѣльно по сословіямъ. Не трудно было понять что за этимъ вопросомъ о первыхъ формальностяхъ скрывается другой, капитальнаго значенія: будетъ ли собраніе одною палатою съ логоловнымъ счетомъ голосовъ, или сохранится сословное раздѣленіе.

Мирабо въ № 4 своего журнала (*Seconde lettre à ses comm.*), въ формѣ якобы письма къ какому-то лорду, такъ описываетъ впечатлѣніе перваго соединенія депутатовъ третьяго сословія. „Представьте себѣ болѣе пятисотъ членовъкъ брошенныхъ въ одну залу, незнакомыхъ между собою, собранныхъ изъ разныхъ мѣстъ, безъ главы, безъ іерархіи

Всѣ свободные, всѣ равные, ни одинъ не имѣющій права приказывать, ни одинъ не считающій себя обязаннымъ повиноваться и воѣ съ желаніемъ *à la française* быть выслушанными прежде чѣмъ слушать. Черезъ полчаса хаоса, одному счастливо одаренному голосу удалось, всплывъ поверхъ шума, быть выслушаннымъ. Онъ указывалъ на потребность въ порядкѣ; всякій чувствовалъ то же, и онъ достигъ нѣкотораго вниманія. Необходимъ руководитель, председатель, старшина, который устанавливалъ бы порядокъ кому говорить. Стали спорить о значеніи словъ. Наименованіе президентъ отвергли какъ могущее вести къ нежелательнымъ послѣдствіямъ. Стали спрашивать кто старшій по возрасту. Представился одинъ гражданинъ. Онъ потребовалъ молодаго человѣка въ герольды (*hérald*; секретаря быть еще не могло) и нѣсколькихъ совѣтниковъ. Хаосъ началъ принимать нѣкоторую форму. Начались предложенія осторожнѣе дѣла: какъ удалить изъ залы нѣсколькихъ непосвященныхъ, дать приказъ стражамъ впускать просителей. Поднялись противорѣчія. Нѣсколько ораторовъ встаютъ и говорятъ разомъ; нетерпѣливые слушатели выражаютъ одобреніе или порицаніе; каждую минуту возникаетъ шумъ. Первые говорятъ молодые люди, за ними слѣдуютъ извѣстные имена и получаютъ нѣкоторое вниманіе. Наконецъ касаются сути дѣла; начинаютъ разбирать что дѣлать. Привилегированныя сословія своимъ отсутствіемъ заявляютъ, по видимому, что имѣютъ въ виду совѣщаніе по сословіямъ. Горячіе умы предлагаютъ поймать ихъ на этомъ первомъ шагѣ и организовать въ національное собраніе и круто принять всѣ послѣдствія такого рѣшенія. Болѣе умѣренные представляютъ что прежде чѣмъ прибѣгнуть къ такой крайней мѣрѣ слѣдуетъ употребить средства примирительныя: предложить отсутствующимъ соединиться въ общее собраніе.“ Такъ прошелъ первый день.

Между тѣмъ дворяне послѣдили организовать въ отдѣльную камеру, избравъ председателя, бюро, секретарей, за ними организовалось и духовенство. Узнавъ объ этомъ, третье сословіе приняло выжидательное положеніе и объявило что не можетъ организовать пока не провѣрятъ полномочій, что должно де произойти въ общемъ собраніи сословій. Такъ продолжалось нѣсколько дней, согласно желанію начавшихъ уже обнаруживаться вожаковъ, съ одобренія Мирабо въ его журналѣ.

Духовенство приняло посредническую роль: выступило съ предложеніемъ избрать „примирительныхъ комиссаровъ“ отъ трехъ сословій, которые и занялись бы разрѣшеніемъ вопроса о провѣркѣ полномочій. Дворянство изъявило согласіе. Оставалось принять рѣшеніе третьему сословию. Въ засѣданіи 13 мая, Рабо Сентъ-Этьенъ (Raban de Saint-Etienne), раскрывая игру, предложилъ „избрать опредѣляемое число лицъ которымъ и дозволить совѣщаться съ комиссарами назначенными духовенствомъ и дворянами, чтобы соединить всѣхъ депутатовъ въ національной залѣ, поручивъ вмѣстѣ съ тѣмъ никакъ не отступать отъ началъ логоловной подачи голосовъ и нераздѣльности собранія“. Шалпель пошелъ далѣе и предложилъ сдѣлать заявленіе въ болѣе рѣзкой формѣ, объявивъ что депутаты общинъ признаютъ законно избранными только тѣхъ представителей полномочія которыхъ будутъ провѣрены комиссарами наименованными общимъ собраніемъ. Мирабо выступилъ представителемъ болѣе умѣреннаго и осторожнаго образа дѣйствій, указывая на различіе въ образѣ дѣйствій дворянства, „которое повелѣваетъ, и духовенства, которое входитъ въ переговоры“ (la noblesse ordonne et le clergé négocie). Собраніе приняло предложеніе Рабо въ смягченной формѣ. Сказано просто что избирается нѣсколько лицъ для совѣщаній съ комиссарами другихъ сословій „о предлагаемыхъ средствахъ соединить всѣхъ депутатовъ для провѣрки полномочій“.

Мирабо повималъ какъ было важно склонить на сторону третьяго класса духовенство палаты, большую часть котораго составляли приходскіе священники, симпатизировавшіе среднему сословию и возстановленные противъ высшей, аристократической части духовенства. Мирабо хотѣлъ дѣйствовать съ расчетомъ, тогда какъ многолюдное и не дисциплинованное собраніе подчинялось потоку, не имѣя сознанія истокъ и цѣлей. Подготавливая побѣду третьему сословию, но соображая силы и средства могущія быть противъ него направленными, Мирабо не представлялъ себѣ чтобы побѣда могла достаться такъ легко какъ оказалось. Какъ ни низко ставилъ онъ способности лицъ правившихъ тогда государственнымъ кормиломъ, онъ не могъ не видѣть что они еще находятся въ обладаніи заласа силъ болѣе чѣмъ достаточнаго для борьбы съ фиктивнымъ могуществомъ части представительнаго собранія къ которой принадлежалъ. Въ письмѣ къ Мавильёну.

(*Mém.*, VI, 49) овъ особенно указываетъ на обаяніе какое для массы депутатовъ заключалось еще въ словѣ *король*. При нападеніяхъ на власть былъ еще безусловно необходимымъ приемъ отдѣленія короля отъ его правительства. Колебавшееся положеніе въ собраніи трехъ сословій вызывало правительство къ дѣйствию, но къ дѣйствию оно оказалось неспособнымъ. Короля, какъ свидѣтельствуеъ Бертравъ де-Молевиль, усмелено отклоняли, — чтобы не повредить де его популярности, — отъ священій съ духовенствомъ и дворянствомъ. А между тѣмъ *жюлье* всюду толковало что правительственная власть въ стачкѣ съ привилегированными классами противъ „націи“. Слѣдующій разказъ, переданный Бертрапомъ де-Молевиль въ его *Исторіи революціи* * и слышанный авторомъ изъ устъ самого Мауэ, бросаетъ свѣтъ на положеніе правительства и представителей, и на роль Мирабо къ концу мая 1789 года.

Мауэ, близкій къ Неккеру и къ Монморену, съ первыхъ засѣданій выступилъ противникомъ Мирабо, противъ котораго чувствовалъ сильное предубѣжденіе, и удивился услышавъ что Мирабо желаетъ имѣть съ нимъ свиданіе. Свиданіе состоялось въ послѣднихъ числахъ мая. Мауэ описываетъ его слѣдующимъ образомъ: „Я желалъ, сказалъ Мирабо (*Hist. de la rév.* I, 176), имѣть объясненіе съ вами, такъ какъ сквозь вашу умѣренность не могу не признавать васъ другомъ свободы, и такъ какъ я быть-можетъ болѣе чѣмъ вы устрашенъ броженіемъ какое замѣчаю въ умахъ, и бѣдствіями какія могутъ отъ того произойти. Я не такой человекъ чтобы низко продаться деспотизму. Я хочу конституціи свободной, но монархической. Совсе не желаю колебать монархію. Но если не будутъ заранѣ приняты мѣры, то въ виду столькихъ вздорныхъ головъ какія усматриваю въ собраніи, въ виду неопытности, экзальтаціи, а также въ виду

* Тѣ же подробности передаетъ самъ Мауэ въ третьемъ томѣ собранія его *жюлье*, изданномъ въ 1792 году. Послѣднего сочиненія мы не имѣли подъ руками. *Исторіей Революціи* Молевилля мы пользовались изъ библіотеки Румянцевскаго Музея въ Москвѣ. Эта *Исторія* Молевилля (12 томовъ, Paris, 1801) сочиненіе капитальное, такъ какъ авторъ, интендантъ въ Бретани до революціи, министръ Людовика XVI въ эпоху законодательнаго собранія, по положенію своему владелъ истинными пружинами событій и въ изложеніи отличается ясностію и проницательностію взглядовъ.

сопротивленія и необдуманнаго раздраженія со стороны двухъ жервыхъ основій, а столько же какъ и вы олаасюсь ужасными потрясеніи. Обращаюсь къ вашей честности. Вы близки съ Неккеромъ и Монмореномъ. Вы должны знать *чего они хотятъ и есть ли у нихъ какой планъ*. Если планъ разуменъ, я буду его защищать.“ „Это заявленіе, говоритъ Малуэ, сдѣлало на меня сильное впечатлѣніе. Оно было такъ разумно что я не могъ не счесть его искреннимъ; у Мирабо былъ прямой умъ, и онъ не хотѣлъ зла для зла. Во многихъ существенныхъ вопросахъ его мнѣнія были монархическаго характера. Я отнесся потому къ его объясненію съ нѣкотораго рода довѣріемъ. Откровенно сказалъ что думаю какъ онъ, что убѣжденъ въ необходимости конституціи которая исполвила бы разумныя желанія націи; но что *не знаю имѣютъ ли министры какой-нибудь определенный планъ и даже сомнѣваются въ этомъ*. Что колебанія ихъ, какія усматриваю, пугаютъ меня столько же какъ экзальтація многихъ изъ моихъ товарищей. Ну такъ хотите ли вы, сказалъ Мирабо, предложить министрамъ увидѣться и войти въ совѣщаніе со мною? Я согласился и сообщилъ Неккеру и Монморену результатъ моей бесѣды. И въ томъ и въ другомъ встрѣтилъ сильнѣйшее нерасположеніе войти въ сношенія съ Мирабо. Указывали на его безнравственность, его дурную славу, недовѣріе имъ внушаемое. Я опровергалъ всѣ эти возраженія, ставилъ на видъ что человекъ такого таланта, обнаруживающій разумный взглядъ и который при всей его безнравственности, повидимому, не зарученъ еще ни въ какую партію и дастъ не малый вѣсъ той въ которую вступить, человекъ который висколько не предлагаетъ его купить и высказывается такъ что нельзя и думать предложить ему роль и условія, заслуживаетъ быть выслушаннымъ. Было условлено что Неккеръ приметъ его на другой день. Свиданіе состоялось. Но Мирабо хотѣлъ чтобъ ему высказались, а рѣшились только его выслушать. Онъ ждалъ сообщенія плана. Но весьма вѣроятно что *никакого плана и не было*. Свиданіе было короткое и сухое. Онъ вышелъ недовольный и оказалъ мнѣ входя въ залу:— болѣе не возвращусь, но они обо мнѣ услышатъ. Онъ болѣе чѣмъ сдержалъ слово.“ *

* Плана и цѣли у правительства, рѣшившагося на предпріятіе которое не могло окончиться иначе какъ передѣлкой всего государственнаго строя, не было. За то безсміе обнаруживалось при

Тотъ же Малюзъ разказывалъ Мармонтелю что въ разговорѣ съ Неккеромъ, въ присутствіи двухъ другихъ министровъ, на вопросъ: имѣете ли вы какой-нибудь планъ защиты противъ нападеній грозящихъ трону, получилъ отвѣтъ: Не имѣемъ никакого. Если такъ, отвѣтилъ Малюзъ, то все потеряно. (*Mém. IV, 112.*)

О правительственномъ настроеніи, когда борьба уже разыгралась, находимъ слѣдующее свидѣтельство у Мармонтеля. „Я часто проводилъ вечера у Неккера, пишетъ Мармонтель (*Mém. IV, 87.*) Тамъ, находясь среди министровъ, я откровенно говорилъ имъ о томъ что видѣлъ и слышалъ. Находилъ ихъ крайне изумленными и какъ бы потерявшими голову. То что происходило въ Версалѣ обмануло ожиданія Неккера, и онъ былъ видимо смущенъ. Я былъ приглашенъ къ нему на обѣдъ съ главными депутатами общины. По тону холодности съ какимъ они отвѣчали на знаки вниманія и предупредительности съ его стороны было замѣтно что они согласны пожалуй взять его въ управляющіе, но ни какъ не въ директора себя (*voulaient bien de lui pour leur intendant mais non pas pour leur directeur.*) Въ разговорѣ съ Монмореномъ я совѣтовалъ ему уговорить короля удалиться въ одну изъ крѣпостей и стать во главѣ арміи. Онъ возражалъ осылаясь

всякомъ случаѣ. Мы упоминали какъ рѣшились было прекратить изданіе журнала начатаго Мирабо и какъ рѣшеніе, встрѣченное совершенно незаконнымъ протестомъ въ собраніи парижскихъ избирателей, осталось безъ послѣдствій. Тѣ же избиратели, выбравъ и посягнувъ въ собраніе депутатовъ отъ города Парижа, порѣшили между собою не расходиться и продолжать засѣданіе въ качествѣ нѣкотораго наблюдательнаго собранія. Неккеръ, замѣчаетъ Молевиль, не только не кассировалъ такого рѣшенія, но какъ бы не обратилъ на него никакого вниманія. „Отсюда произошло то (*I, 172*) что собраніе избирателей обратилось въ постоянное, въ теченіе шести недѣль властвовавшее въ Парижѣ въ силу своего постановленія; созывало новыхъ собраній округовъ и устраивало съ ними общее возстаніе. Власть, прибавляетъ Молевиль, не можетъ безнаказанно быть спущеніемъ обидъ не есть добродѣтель. Пренебрегая самыми легкими на нее покушеніями и оставляя ихъ безнаказанными, дается поощреніе чинить новыя; они скоро умножаются, становятся серіознѣе и серіознѣе, такъ что наконецъ уничтожаютъ правительство уже не имѣющее силы подавить ихъ.“

на недостатокъ денегъ, банкротство, междуособную вою. „Вы считаете, значитъ, прибавилъ онъ, опасность такъ настоятельно что, по вашему мнѣнью, требуется немедленно прибѣгнуть къ крайнимъ средствамъ?—Я считаю, сказалъ я, ее въ такой мѣрѣ настоятельно что не поручусь отыскать чрезъ мѣсяць ни за свободу короля, ни за его и вашу головы.“ Мармонтелю былъ памятенъ разговоръ съ Шамфоромъ, который мы уже приводили. „Увы, прибавляетъ онъ, Шамфоръ сдѣлалъ меня пророкомъ.“

III.

Притязанія третьяго сословія имѣли могущественную опору во „мнѣннн“, искусно возбуждаемомъ. Представители этого сословія были въ модѣ, пользовались популярностью. А извѣстно какое значеніе мода и популярность имѣютъ во Франціи. Въ рядахъ депутатовъ дворянства было не мало приверженцевъ „правъ народа“, и это были люди изъ знатнѣйшихъ родовъ; тогда какъ ревностнѣйшими защитниками дворянскихъ привилегій выступили Казалесъ и д'Эрмениль, изъ самаго недавняго дворянства. Между дамами принадлежавшими ко двору было не мало кокетливыхъ съ революціей. О нихъ маркизь де-Ферьеръ въ своихъ запискахъ дѣлаетъ слѣдующій строгій отзывъ. „У придворныхъ дамъ (*femmes de la cour*) мало идей, а чувства совсѣмъ нѣтъ. Неутомимое желаніе занимать себя собою, въ своемъ кружкѣ, мелкая ревность, мелкая ненависть, крошечныя привязанности, сердце пустое, не знающее естественныхъ движеній, бросили многихъ придворныхъ дамъ въ народную партію. Въ ничтожествѣ своего характера онѣ относились къ революціи, должноствовавшей рѣшить судьбу Франціи, какъ къ какой-нибудь интригѣ съ цѣлью столкнуть министра или продвинуть любовника. Сидя за туалетомъ среди мягкой роскоши будуаровъ онѣ говорили: какая милая вещь революція, сдѣлаемъ революцію. Любовныя шашки любимое оружіе женщинъ. Любовь играла не малую роль въ войнахъ Лиги и Фронды. Придворныя дамы и телерь не пренебрегли этимъ сильнымъ средствомъ. Ихъ любовники были членами меньшинства дворянства (дружившаго съ притязаніями третьяго сословія). Уже это имѣло не малое значеніе. Жесткая, но полная силы и

твёрдости грубость депутатовъ общинъ ихъ не пугала. Новый языкъ, новыя формы по меньшей мѣрѣ возбуждали любопытство. Какой триумфъ для самолюбія повліять на рѣшеніе, жестомъ, взглядомъ одушевить патріота говорящаго на трибунѣ жгучимъ языкомъ свободы! А кромѣ того развѣ мало значить быть тамъ, быть самъ, цѣта, возвращаться, устраивать у себя таинственныя совѣщанія, обсуждать великіе интересы двадцати четырехъ милліоновъ людей перерождающихся къ новой жизни, интриговать въ Парижѣ, болтать о конституціи, увѣрять что ненавидятъ деспотизмъ и его слугъ. Гжа Сталь, дочь Неккера, была одною изъ ревностѣйшихъ пропагандистокъ демократіи: умная, съ живымъ воображеніемъ, дѣятельнымъ чувствомъ, великою жаждою извѣстности. Ее доставало на все: тайные переговоры, залесочки утромъ, свиданія вечеромъ, удовольствія, интриги. Ее встрѣчали въ Парижѣ, Версалѣ, въ гостиной, въ будуарѣ, въѣчно дѣятельную, по истинѣ неутомимую. Графини де-Луиль, д'Эгильонъ, Ламетъ, Кастеланъ, Тессе, Куаньи, шѣли каждая свою должность. Давали обѣды, постоянно присутвовали на засѣданіяхъ собранія, ласкали и прельщали депутатовъ-патріотовъ, заказывали брошюры, возбуждали недостаточно горячихъ, поддерживали колеблющихся. Политическіе разговоры замѣнили собою любовныя бесѣды и скандальныя анекдоты. Слово свобода было на всѣхъ устахъ; жажда власти въ сердцахъ. Общество стало ареной гдѣ боролись нестѣсненно и въ открытую. Различіе мнѣній давало женщинамъ тайно ненавидившимъ одна другую предлогъ явно обнаруживать свою ненависть. Притворныя гримасы чувствительности, добродѣтели, благотворительности, религіи уступили мѣсто природнымъ инстинктамъ, маска спала; нравственное безобразіе нѣкоторыхъ женщинъ вышло наружу: увидѣли чудовищъ.“ Тонъ особеннаго раздраженія не лишаетъ это свидѣтельство фактическаго интереса.

Мы уломинали какое значеніе имѣло то обстоятельство что представители средняго сословія засѣдали въ обширной залѣ общаго собранія, гдѣ были устроены мѣста для публики. „Дворяне и духовенство, говоритъ Веберъ (*Mém.* I, 340), не допускали публики въ свои засѣданія. Третье сословіе, котораго зала была открыта для всѣхъ безъ различія, приобщадо, такъ-сказать, публику къ своимъ трудамъ и настроеніямъ. Скоро обнаружили послѣдствія этой популярности. Столица

взволновалась, обнаружилось брожение. Пале-Рояль отдѣлался фокусомъ пламени возжениаго во всѣхъ головахъ; образовалась какъ бы новое собраніе третьаго сословія превосшедшее Версальское горячностью споровъ, непрерывностію засѣданій и числомъ членовъ. Эти новыя общины дѣлали предложеніе за предложеніемъ, постановленіе за постановленіемъ. Они имѣли своихъ ораторовъ и не только соревновали, но скоро пришли въ братскій союзъ съ настоящимъ собраніемъ. Въ Версаль прибывали ихъ депутаты, принимались и выслушывались въ залѣ засѣданій. Въ засѣданіи 28 мая, когда обсуждалось письмо короля касательно соглашенія оословій, Малуэ возымѣлъ было смѣлость предложить, „въ виду особаго свойства и важности предмета“, обсудить его въ закрытомъ засѣданіи, удаливъ постороннихъ лицъ. „Постороннихъ!“ воскликнулъ одинъ изъ членовъ, Вольней (*Reimpr. de Moniteur*, I, 45; *Droz Hist. ed. Bruxelles*, 252). „Да развѣ есть посторонніе между нами? Развѣ честь какой они удостоили васъ избравъ депутатами заставляетъ васъ забыть что они ваши братья, ваши сограждане. Затѣмъ и свѣтъ дня чтобъ отрицать истину. Мы въ трудныхъ обстоятельствахъ, пусть же сограждане наши окружаютъ насъ со всѣхъ сторонъ, тѣснятъ насъ, пусть ихъ присутствіе вдохновляетъ и всодручаетъ насъ. Они не прибавятъ мужества человѣку любящему отечество и желающему служить ему. Но они заставятъ покраснѣть вѣроломнаго и низкаго чье пребываніе при дворѣ или малодушіе могаи уже испортить“, и прочее въ томъ же фальшивомъ тонѣ. И эти неразумныя рѣчи, изображающія давленіе толпы какъ условіе свободы,—скоро дало оно себя почувствовать—говорилъ не какой-нибудь молодой искатель популярности, а человѣкъ почтенный, вѣстный путешественникъ. Вотъ какъ возбуждены были головы! Декавъ собранія ограничился тѣмъ что пригласилъ публицу занять мѣсто въ помѣщеніи депутатовъ и воздержаться ото всякихъ знаковъ одобреній или неодобреній. (Bailly, I, 80.) Слѣдуетъ заключить что публика сидѣла въ перемежку съ членами.

Чтобы дополнить картину первой эпохи національнаго собранія, приведемъ свидѣтельство историка Лакретеля о томъ впечатлѣніи подѣ которымъ находилась, въ виду свершавшагося, одеждажь того слоя изъ котораго выходятъ журналисты, адвокаты, медики и т. п. Особенно многочисленъ былъ классъ кандидатовъ въ журналисты и писатели. „Парижъ, по словамъ

Малле дю-Пана, былъ изводенъ молодыми людьми принимавшими въ некоторую легкость за талантъ—клерками, прикащиками, адвокатами, военными. Все это авторотвуетъ, мреть съ годоводу, просить милостыню и сочиняеть брошюры.“ (*Mém. et songes. ed. Sayous, Paris, 1851, т. I, 130.*) Лакретель былъ въ сравнительно благопріятномъ положеніи. Черезъ брата онъ вошелъ въ кругъ извѣстныхъ литераторовъ и ученыхъ. Братъ говорилъ ему: „я вижу приближается революція которая откроеть тебѣ блестящую дорогу. Надо сдѣлать хорошій запасъ философскихъ знаній для революціи которая вся будетъ имѣть философскій характеръ.“ „Живя, пишетъ Лакретель (*Diars d'épreuves, Paris, 1842, стр. 27*), въ философскихъ кружкахъ, и я съ горячею надеждою взиралъ на приближавшуюся, казалось, самую мягкую и гуманнѣйшую изъ революцій. Какіе тяжелые уроки разрушили мой юношескій оптимизмъ!... Я мнилъ себя среди Аѳинянъ времени Перикла и Платона, или лучше сказать, они казались мнѣ жалкими въ сравненіи съ моими соотечественниками просвѣщенными свѣтомъ философіи сіявшей не для маленькаго государства, хотя бы блестящаго, но для рода человѣческаго. Таковы были мои мечтанія когда процессія отсѣченныхъ головъ сдѣлала меня свидѣтелемъ татарскихъ празднествъ, пожары замковъ—ужасовъ крестьянскихъ войнъ, адскія оргіи 5 и 6 октября—цинически-жестокихъ сценъ изъ временъ Византійской Имперіи. Со времени открытія собранія молодежь занимавшаяся литературными предметами обнаруживала особенную горячность къ присутствію на величайшемъ изъ когда-либо бывшихъ ораторскихъ и политическихъ турнировъ. Въ большинствѣ случаевъ приходилось отправляться лѣшкомъ въ Версаль, такъ какъ общественныхъ каретъ не доставало на все обиліе любопытныхъ. Когда, послѣ отвратительныхъ и позорныхъ дней 5 и 6 октября, Національное Собраніе перемѣстилось въ Парижъ, наше усердіе сдѣлалось еще живѣе. Но испытанія чрезъ которыя требовалось проходить стали еще тягостнѣе. Около полуночи, часто подъ дождемъ и снѣгомъ, при щиплющемъ морозѣ, мы отправлялись къ церкви des Feuillants чтобъ удержать мѣста, занимать которыя должны были не ранѣе полудня слѣдующаго дня. Кромѣ того приходилось ихъ отвоевывать отъ толпы одушевленной страстями и интересами совсѣмъ чуждыми отъ нашихъ: мы не замедлили усмотрѣть что значительная часть трибунъ наполнялась наемными посятителями, и что жестокая

среды приводившія насъ въ отчаяніе доставляли имъ радость. Не могу выразить съ какими ужасомъ былъ я свидѣтелемъ какъ женщины, которыхъ потомъ стали называть визальцицами (*tricoteuses*), пожирала челоуѣкоубійственныя ученія Робеспьера, наслаждались его провозительнымъ голосомъ и не сводили глазъ съ его безобразной фигуры, живаго тала зависти.* Векоръ Лакретель сдѣлался сотрудникомъ *Journal des Débats*, получилъ мѣсто въ ложѣ журналистовъ и имѣлъ въ распоряженіи десять мѣсть которыя раздавалъ знакомымъ дамамъ. Стенографовъ не было, надо было искусно записывать рѣчи и потомъ составлять. Это оказывало нередко вліяніе на ихъ изложеніе.

IV.

Въ общественныхъ собраніяхъ люди проводящіе свои дѣйствительныя убѣжденія и, въ надеждѣ на силу аргументовъ, не входящіе въ интриги бываютъ обыкновенно въ невыгодномъ положеніи и грѣшатъ непрактичностію. Примеръ Малуэ. Увлеченный идеей переустройства страны на основахъ свободы, согласно идеямъ вѣка, онъ въ то же время, вполнѣ искренно, непремѣннымъ условіемъ переустройства ставилъ сохраненіе незыблемости монархіи и государственнаго значенія высшихъ классовъ, то-есть принималъ за серьезное то что въ устахъ другихъ было не болѣе какъ условною официальною ложью. Онъ выступилъ съ предложеніемъ которое въ началѣ даже было многихъ увлекло. Онъ предложилъ чтобы собраніе, выражая согласіе на совѣщаніе съ депутатами духовенства и дворянства, присоединило къ своему постановленію успокоительное формальное заявленіе что оно никакъ не намѣрено присваивать себѣ права коснуться „собственности и законныхъ прерогативъ духовенства и дворянства“. „Предложеніе Малуэ, сказано въ *Монитеръ* (*Réimpr. de Monit. I, 32*), не имѣло успѣха, хотя нѣкоторые члены старались его поддержать“. Малуэ возобновилъ его письменно въ засѣданіи 16 мая. „Одинъ изъ членовъ, читаемъ въ *Монитеръ* (I, 35),* замѣтилъ

* Заявленіе передается не совсѣмъ одинаково. Въ *Монитеръ* сказано: *les propriétés et prérogatives légitimes*; въ журналѣ Мурабо: *les propriétés et les prérogatives honorifiques*; въ изложеніи Бертрана де-Молевилла (I, 175): *leurs propriétés légitimes et leurs prérogatives honorifiques*.

что если начать обсуждать предложеніе Малуэ, то придется прервать собраніе мѣждѣи с предложеніемъ Рабо Сентъ-Этьена и Шампалье." Собраніе согласилось.

Такъ проваляли предложеніе обсуждать которое было не совсѣмъ удобно, ибо оно явнѣе раскрывало игру. Бертрамъ де-Молевиль сообщаетъ объ этомъ явнѣе нѣкоторыя подробности. Малуэ предварительно сообщилъ свое заявленіе аббату Сіесу и адвокату Тарже. Тарже высказался противъ того чтобы принять обязательство относительно собственности духовенства и дворянства даже съ прибавленіемъ слова законной. „Аббатъ Сіесъ, напротивъ того, находилъ что гарантія собственности была бы дѣломъ совершенно справедливымъ, но не желалъ упоминанія о почетныхъ прерогативахъ.—Да что же, сказалъ Малуэ, развѣ вы намерены уничтожить дворянство?—Конечно, отвѣтилъ онъ.—Какія же ваши средства?—Увидимъ; надо по крайней мѣрѣ оставить веки. Чего мы не сможемъ сдѣлать, сдѣлаютъ наши преемники.“ Предложеніе Малуэ, говоритъ Молевиль, „было очень хорошо принято въ собраніи; хотѣли пустить на голоса, когда графъ Мирабо сказалъ сосѣдамъ и распустилъ въ собраніи что заявленіе подослано изъ дворца. Сообщеніе тотчасъ произвело желаемое дѣйствіе, заявленіе было отвергнуто, и Малуэ съ этой минуты сталъ предметомъ общаго недоумѣнія.“ Мирабо въ журналѣ своемъ (*4me Lettre, 5*) не отвѣчала увѣряетъ что Малуэ самъ „безъ опасенія объявлялъ что его предложеніе вполнѣ согласно съ видами конституціи.“ Что заявленіе Малуэ было согласно съ воззрѣніями правительства, въ этомъ не могло быть сомнѣнія и объ этомъ можно было не упоминать. Но упомянуть требовалось чтобы внушить мысль что предложеніе подослано, что оно есть маневръ со стороны правительства, котораго Малуэ явился де орудіемъ. Это было совершенно не справедливо. Эпизодъ любопытенъ въ томъ отношеніи что въ немъ раскрылись виды вожаковъ собранія. Правительственная власть склонилась къ созыву представителей подъ завѣреніями что основы государственнаго устройства, какія считались ею условіемъ своего бытія, останутся неприкосновенными. Эту иллюзію внушалъ Неккеръ и самъ повидимому увлекался ею. Она должна была разсѣяться съ первыхъ дней собранія. Она и разсѣялась, но правительство оказалось въ безпомощномъ состояніи.

Совѣщанія „примирительныхъ комиссаровъ“ (*commissaires conciliateurs*) продолжались нѣсколько дней и, повидно, не

привелъ ни къ какому результату. Уклонившееся правительство рѣшилось выжидать въ дѣло. Было составлено и послано въ собраніе кандидату изъ сословій королевское письмо. „Съ приоборбѣнъ и не безъ безпокойства, писалъ король, усматриваю я что Национальное Собраніе созданное дабы заняться выхотѣ со мною возрожденіемъ королевства, предается бездѣйствію, каковое, если продолжится, заставитъ исчезнуть надежды какія возлагалъ я на него для счастья моего народа и процущанія государства.“ Король предложилъ возобновить засѣданія примирительной конференціи подъ предсѣдательствомъ на этотъ разъ хранителя печати и съ присоединеніемъ нѣсколькихъ королевскихъ комиссаровъ изъ высшихъ правительственныхъ лицъ (въ ихъ число былъ назначенъ и Неккеръ). Письмо получено было дворянами въ то самое засѣданіе 28 мая, когда тамъ только что состоялось рѣшительное постановленіе объявившее войну притязаніямъ третьяго сословія. „Дворянская палата, сказано въ постановленіи, принимая во вниманіе что въ настоящую минуту долгъ требуетъ чтобъ оно осталось вѣрнымъ основаніемъ государственнаго строя и даю примѣръ твердости, какъ даю уже примѣръ безкорыстія, объявляетъ что оно признаетъ порядокъ собищаній по условіямъ и право *тессалавія*, каковое принадлежитъ каждому сословию отдѣльно (*la faculté d'empêcher que les ordres ont tous divisément*)“. Постановленіе осталось неотмѣняемымъ и послѣ письма короля, призывавшаго къ соглашенію.

Королевское вмѣшательство ставило третье сословіе въ затрудненіе, которое требовалось обойти. Не принять предложенія короля было невозможно, ибо значило бы явно отказать ему въ повиновеніи и прямо раскрыть что дѣло идетъ не о наилучшемъ способѣ повѣрки полномочій, но о предметѣ гораздо важнѣйшемъ. Мирабо выступилъ съ предложеніемъ, употребивъ приемъ всегда производившій дѣйствіе: выдѣлавъ короля, онъ представилъ дѣло какъ интригу министровъ предпринятую по совѣту высшего духовенства.

„Трудно закрыть глаза, говорилъ Мирабо, на обстоятельство въ какія ставитъ насъ письмо короля. Нельзя не различать мотива какимъ оно вызвано отъ чувствъ его августѣйшаго автора. Было бы опасно смѣшивать его достойнаго всякаго почтенія намѣренія и вѣроятнаго сѣдства его приглашенія. При такомъ посредникѣ какъ король, стороны котораго онъ *желаетъ* примирить никакъ не могутъ сохранить

свою свободу. Уже одно ведичество трава отпугиваетъ ее. Мы не подали ни малѣйшаго повода къ его выѣзду. Письмо пишется въ ту минуту когда два сословія находятся въ переговорахъ съ третьими, и когда одно почти востраимо увлекается народною партіей. Письмо приходитъ среди преній духовенства, прежде чѣмъ имъ принято рѣшеніе, и послѣ тайныхъ совѣщаній: я говорю о вечныхъ собраніяхъ высшаго духовенства, о которыхъ вѣсело распространился. Что же это все значитъ? Со стороны короля это акты мужества, терпѣнія, доброты, но въ то же время это западня устроенная руками тѣхъ кто не точно передали ему положеніе дѣлъ, западня во всѣхъ отношеніяхъ, западня тайно сложенная руками друидовъ. Западня, если послѣдуемъ желанію короля; западня, если воспротивимся. Примемъ конференцію: все кончится рѣшеніемъ совѣта. Намъ разсѣять по отдѣльнымъ палатамъ, на фактъ лишать свободы и тѣмъ вѣрнѣе что аристократы отрежятся къ голосованію по еволевіямъ. Если не примемъ, тронъ завалить доносками, клеветками, страшными предсказаніями. Будутъ съ новою силой повторять то что говорятъ и теперь, дабы убить ноголовную подачу голосовъ: что наше собраніе шумное, не дисциплинованное, жаждущее независимости, безъ системы, безъ принциповъ, разрушить королевскую власть. Съ новымъ жаромъ болѣе чѣмъ когда-либо будутъ повторять величественность будто государственныи строй погибаетъ подъ напоромъ демократіи. Изберемъ путь между двухъ лодвонныхъ камней. Примемъ приглашеніе короля; но прежде конференціи одѣлемъ шапку который разрушилъ бы интригу и снялъ маску съ клеветы. Король почтаетъ насъ истинномъ исполненными доброты. Поднесемъ ему адресъ полный любви, въ которомъ выскажемъ торжественно наши чувства и наши принципы. Предложенный и принятый адресъ былъ обвинительнымъ актомъ противъ дворянства, исключавшимъ возможность примиренія. „Огорченные пагубнымъ бездѣйствіемъ, сказано между прочимъ въ адресѣ, депутаты общины употребляли всѣ средства побудить духовенство и дворянъ соединиться съ нами чтобъ организовать Національное Собраніе.“ Заявивъ согласіе на конференцію „въ увѣренности что при монархіи, возстановитель Франціи, свобода Національнаго Собранія не можетъ подвергнуться опасности“, составитель адреса прибавляетъ: „государь, ваши вѣрныя общины никогда не забудутъ чѣмъ они

облавы своему королю. Никогда не забудутъ естественнаго союза трона и народа противъ всякаго рода аристократій, ножи мегучество можетъ утвердиться только на развалинахъ королевской власти и общественаго благополучія. Французскій народъ, во всѣ времена славу свою полагавшій въ томъ чтобъ обожать своихъ королей, будетъ всегда готовъ пролить кровь и пожертвовать достояніемъ чтобы поддержать истинныя начала монархіи“. Какую промію теперь, послѣ событій, звучать воѣ эти увѣренія, заявленія о неизмѣнности власти медшей къ гибели съ замуренными глазами!

V.

Итакъ, съ одной стороны, рѣшеніе дворянъ сохранить со-
словную отдѣльность, съ другой вызывающій манифестъ
третьяго сословія. Какое тутъ возможно было примиреніе! И
между тѣмъ Неккеръ новидному не отчаивался и придумалъ
трогательную комбинацію для рѣшенія вопроса о повѣркѣ
полномочій, думая что послѣ соглашенія по этому вопросу
дѣло такъ и уладится. Мирабо выставляетъ королевское пред-
ложеніе какъ западную разставленную третьему классу. Но не
только у короля, а новидному и у главныхъ министровъ его
не было пламя призываемаго имъ Мирабо. Нѣсколько лѣтъ
спустя, передавая въ сочиненіи своемъ событія того времени,
Неккеръ подробно останавливается на вопросѣ какъ совер-
шалась повѣрка въ прежнія времена и входитъ въ тонкую
аргументацію по этому поводу, какъ будто въ этомъ была суть
вопроса. Этотъ тонъ историческаго извѣдыванія нѣтъ и совѣ-
щанія королевской конференціи, о которыхъ сохранился по-
дробный протоколъ. Въ окончательномъ результатѣ Неккеръ
предложилъ въ конференціи, отъ имени короля, такой планъ:
пусть сословія повѣряютъ отдѣльно полномочія своихъ чле-
новъ, сообщивъ одно другому для быстрого просмотра акты
повѣрки въ случаяхъ представляющихся безспорными. Въ
случаяхъ спорныхъ повѣрка пусть производится чрезъ
коммиссаровъ отъ трехъ сословій. Коммиссары доводятъ
свое рѣшеніе до свѣдѣнія своихъ сословій. Въ случаѣ
несогласія сословія съ рѣшеніемъ коммиссіи, дѣло проис-
ходитъ къ королю, полагающему окончательное рѣшеніе. „Можно
подсказать прибавить (къ постановленію конференціи) что

провѣрка полномочій не имѣеть связи съ важнымъ вопросомъ о голосованіи поголовно или пословно“. Неккеръ оканчиваетъ чувствительными выраженіями не оставлять впередъ одного среди націи заветнымъ неустанно возобновляющимся миромъ и согласіемъ. „Кто изъ насъ пожелаетъ обременить свою совѣсть всеми бѣдствіями могущими произойти отъ готовящагося раздора на первыхъ шагахъ по пути куда призываетъ весь благо государства, гдѣ нація идетъ отъ насъ постулательнаго шествія, гдѣ величайшія опасности насъ окружаютъ! Ахъ, господи, еслибы вы даже могли достигнуть этого блага при раздѣленіи сердець и мнѣній, оно было бы куплено слишкомъ дорогою цѣной“. (Necker, *De la révol.* I, 239.) Наимное *mandat* (si l'on veut) вызвало насмѣшку Мирабо, вездѣдно разбирающаго министерское предложеніе въ своемъ журналѣ (№ IX, 11).

Мирабо въ рѣзкихъ выраженіяхъ предложилъ отвергнуть планъ Неккера, „который поразилъ бы смертію Национальное Собраніе прежде чѣмъ оно обнаружилъ свое существованіе“. „Нечего скрывать, говоритъ Мирабо,—не считая нужнымъ утаивать то что для всѣхъ было ясно, кромѣ кажется Неккера, — что провѣрка полномочій предрѣшаетъ вопросъ о порядкѣ голосованія. Провѣрять полномочія не значить ли оспариваться о ихъ законности или незаконности. Этотъ вопросъ сдѣловательно необходимо связанъ съ голосованіемъ, поголовнымъ или пословнымъ, или лучше сказать это одинъ и тотъ же вопросъ. Съ какого же права кто-либо среди націи, какой-либо трибуналъ, какой бы онъ ни былъ, кромѣ самого собранія, осмѣлится принять на себя его рѣшеніе?“

Заключеніе конференціи (Неккерова планъ) духовенствомъ принято было безъ оговорки. Еслибы также приняло дворянство, положеніе третьяго сословія было бы очень затруднено. Пришлось бы раскрыть что не о соглашеніи идетъ дѣло и выступить въ открытую борьбу. Но дворяне, принявъ 6 іюня предложеніе конференціи, сдѣлали оговорку что права отдѣльных членовъ должны окончательно разбираться въ самомъ собраніи, не переходя въ комиссію; когда же дѣло идетъ о правахъ цѣлыхъ депутацій отдѣльных мѣстностей, то таковыя, согласно заключенію конференціи, передаются въ комиссію и въ случаѣ несогласія собранія съ мнѣніемъ комиссіи восходятъ на рѣшеніе короля (*Bailly*, I, 111). Приводя постановленіе дворянъ, Баилли замѣчаетъ что въ сущности это было принятіе

предложенія конференціи. Но вѣжаки третьяго сословія ухватились за отговорку. Она дала поводъ заявить что такъ какъ дворяне не принимали заключенія конференціи, то значить соглашеніе предложенное королевемъ, но вѣдь дворянства, не состоялось, и депутатамъ общинамъ остается дѣйствовать самоозвонно.

Въ кружкахъ вліятельныхъ депутатовъ рѣшено было что собраніе третьяго сословія должно организоваться, se constituer. Свободный отъ соглашеній, не входившій въ интриги партій, а развивавшій съ трибуны свои идеи, какъ съ кафедры, теоретикъ Малуэ сказалъ 8 іюня рѣчь интересную для характеристика минуты какую переживало собраніе. „Приближается минута, говорилъ Малуэ, рѣшить вопросъ (какъ должны мы организоваться). Провинція, столица съ безпокойствомъ ждутъ какое рѣшеніе мы примемъ... Мнѣ кажется, вся нація присутствуетъ въ этомъ собраніи, является намъ подъ чертами огорченной матери и обращаясь къ духовенству, дворянамъ, общинамъ восклицаетъ: остановитесь дѣти, хотите ли вы растерзать мою внутренность!... Мы находимся, господа, на краю зіроласта... Не пойдемъ на встрѣчу опасностямъ намъ угрожающимъ, когда можно ихъ избѣгнуть... Примемъ во вниманіе примѣры патріотизма и общественныхъ добродѣтелей столько разъ представляемая нація духовенствомъ и дворянствомъ, но не будемъ подражать примѣру раздѣленія объединенному провозглашеннымъ *veho*. Остановимся и никакъ не *предпримемъ* обращенія нашего собранія въ *Natio-нальное Собраніе* (n'adoptons pas la constitution de notre assemblée en Assemblée Nationale)... Организуемъ себя въ то что мы на самомъ дѣлѣ представляемъ собою—собраніе *представителей народа* (ce que nous sommes—*les représentants du peuple*)“. Малуэ послѣднимъ и непрактично предупреждалъ противъ того что чрезъ нѣсколько дней должно было случиться. Предложеніе послѣднимъ отклонить. Одинъ изъ членовъ замѣтилъ что нельзя и обсуждать этого предложенія: только завтра же заключится засѣданіе примирительной конференціи и будетъ представлять ея протоколъ. Другой членъ (имена членовъ не названы въ отчетѣ, какъ находимъ его въ *Монитеръ*) не безъ прома говорилъ что остается только поблагодарить г. Малуэ за сообщеніе его идей. „До сихъ поръ онъ дѣлалъ это почти каждое засѣданіе. Будемъ надѣяться что и впредь не оставитъ сообщать намъ свои *размышленія*, какъ

не переставалъ сообщать имъ до сихъ поръ“. Малая намалая вынуждаемыя самъ принять свое предложеніе предвременною. Зачѣмъ же, можно бы спросить, дѣлалъ это?

10 іюня послѣдовало предложеніе Сіеса. Ему предшествовалъ, очевидно, совѣщанія и совѣщанія имъ совѣщанія. Дѣло было подготовлено. Въ самомъ началѣ совѣщанія Мирабо заявилъ что необходимо принять рѣшеніе и что одинъ изъ членовъ отъ города Парижа, аббатъ Сіесъ, имѣетъ сдѣлать предложеніе величайшей важности. Рѣшено немедленно выслушать Сіеса. Соглашеніе предложенное на конференціи королевскимъ комиссаромъ, указываетъ Сіесъ, должно считаться несостоявшимся, такъ какъ измѣненіе какое дворянство поставило условіемъ принятія равносильно де отказу отъ предлагаемаго плана. „При такомъ состояніи дѣла, продолжаетъ Сіесъ (*Monit.*, I, 63), возвращающемся депутатовъ общинъ къ ихъ первоначальному положенію, собраніе полагаетъ что не можетъ болѣе, оставаясь въ бездѣйствіи, ждать привилегированныхъ классовъ, не становясь виновнымъ по отношенію къ націи, имѣющей, конечно, право требовать отъ него лучшаго употребленія времени. Оно полагаетъ что долгъ настоятельно требуетъ отъ всѣхъ представителей націи, къ какому бы классу гражданъ они ни принадлежали, организовать въ дѣятельное собраніе, способное приступить къ исполненію своего назначенія и исполнить его... Но такъ какъ нельзя организовать въ дѣятельное собраніе безъ предварительнаго признанія права тѣмъ кои имѣютъ его составить, то-есть обладаютъ качествами требуемыми для подачи голоса какъ представители націй, то тѣ же депутаты общинъ полагаютъ необходимыми сдѣлать послѣднюю попытку предъ депутатами духовенства и дворянства, кои завладѣютъ въ себѣ эти качества, но тѣмъ не менѣе доселѣ отказывались подвергнуться признанію оныхъ.“ Слособъ выраженія претендуетъ на особенную логическую тонкость,—характеристическое свойство Сіеса, котораго Мирабо упрекалъ въ склонности къ метафизикѣ. Предложеніе было встрѣчено рукоплесканіями. Послѣ споровъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ, между прочимъ назвать ли обращеніе къ духовенству и дворянству *sommation* или *invitation* (рѣшено послѣднее), пренія близкались казалось къ концу, когда одинъ изъ членовъ предложилъ (*Bailly*, I, 131) чтобы моція Сіеса была предварительно напечатана, раздана членамъ или по

крайней мѣрѣ копии были разосланы по бюро для предварительнаго обсужденія. Поднялся общій релотъ, обнаружившій настроеніе. Одинъ изъ депутатовъ наломывалъ что собраніе хотѣло де всѣ средства примиренія и что медлить нечего. Предложеніе препроводить моцію Сіеса въ бюро онъ называлъ, приобщихъ рукописесканіяхъ, „возмутительнымъ“. Послѣ шумной путаницы въ сборѣ голосовъ, такъ какъ кромѣ главнаго предложенія были къ нему дополнительныя, въ вечернемъ засѣданіи были приняты единогласно и моція Сіеса и предложеніе подать объяснительный адресъ королю.

Въ промежутокъ отъ 10 до 15 іюня произошла повѣрка полномочій. На сдѣланное предложеніе духовенство и дворянство прислали отвѣты что подвергнуть его обсужденію. Но уже 13 іюня три члена духовенства изъ приходскихъ священниковъ присоединились къ депутатамъ общинъ, явившись въ собраніе для провѣрки своихъ полномочій. Собраніе привѣтствовало ихъ общими рукописесканіями.

Въ засѣданіи 15 іюня, на которое стекалась масса публики, приступлено къ обсужденію вопроса о томъ, какъ и подъ какою формой должно организоваться собраніе. Сіесъ предложилъ депутатамъ признать себя „собраніемъ признанныхъ и провѣренныхъ представителей французской націи“, „Assemblée des représentants connus et vérifiés de la nation française“. Мунье предложилъ длинное наименованіе: „законное собраніе представителей большей части націи, дѣйствующее въ отсутствіи меньшей части“, *assemblée légitime des représentants de la majeure partie de la nation agissant en absence de la mineure partie*. Пизонъ дю-Галанъ (Pison du Galand): „дѣятельное и законное собраніе представителей французской націи“. Были еще предложены названія „представителей 24 милліоновъ людей“, „представителей почти всего французскаго народа“ и нѣкоторыя другія. Мирабо предложилъ простое наименованіе: „представители французскаго народа“, „représentants du peuple français“ и энергически поддерживалъ свое предложеніе. Послѣ преній продолжавшихся три дня собраніе въ засѣданіи 17 іюня рѣшило наконецъ, по предложенію Сіеса, наименоваться: *Национальнымъ Собраніемъ, Assemblée nationale*.

Не слѣдуетъ забывать что споръ былъ не о словахъ только, а имѣлъ существенное значеніе. Наименованіе Национальнымъ Собраніемъ было первое что представлялось. Оно уже

употреблялось официально даже королемъ и министромъ, но въ приложеніи къ совокуности трехъ сословій. Но это же наименованіе принятое депутатами общинъ, съ приглашеніемъ представителей другихъ классовъ присоединиться, было не иное что какъ признаніе себя исключительно *націей* и было равнозначительно разрушенію сословнаго строя, считавшагося краеугольнымъ камнемъ монархіи. Вотъ почему шагъ былъ такъ важенъ. Малою въ указанной выше рѣчи 8 іюня болѣе всего предупреждалъ не сдѣлать бы такого шага (*n'adoptons pas, говорить онъ, la constitution de notre assemblée en Assemblée Nationale*). Объ этомъ наименованіи конечно говорилось много, но въ собраніи рѣшились прибѣгнуть къ нему лишь послѣ разгораченія порожденнаго жаркими преніями и препирательствами.

VI.

Въ первое время Національнаго Собранія, не малое значеніе имѣлъ удачный, для его цѣлей, выборъ въ предсѣдателя Бальи, котораго все существо было проникнуто благоговѣніемъ къ излюбившему его собранію и порученнымъ ему обязанностямъ. Замѣчательно что Бальи нельзя назвать избранникомъ всего собранія. До того времени пока собраніе организовалось, предсѣдатель третьяго сословія именовался старшиной, *doyen*. Старшину выбирали депутаты составлявшіе бюро собранія, по одному отъ губерніи. Ихъ было четырнадцать. Депутаты эти замѣняли секретарей, каковыхъ не было, такъ какъ собраніе не считало еще себя организованнымъ. Предшествовавшій Бальи старшина д'Эльи (*d'Ailly*) по слабости здоровья отказался отъ своего званія. Бюро избрало Бальи какъ перваго депутата города Парижа (по обычаю древнихъ сословныхъ собраній предсѣдателемъ бывалъ обыкновенно купеческій старшина Парижа). 8 іюня составилось новое бюро, олять выбравшее Бальи. Затѣмъ собраніе безъ выбора удержало его на этомъ мѣстѣ впредь до 3 іюля, когда послѣ соединенія сословій, общимъ предсѣдателемъ ихъ избранъ принцъ Орлеанскій, 553 голосами изъ 660 вотировавшихъ. Принцъ отказался, и при новомъ баллотированіи 700 голосами изъ 793 былъ избранъ архіепископъ Виенскій. Съ первыхъ шаговъ своей

дѣятельности въ качествѣ старшины Бальи угодила собранію. Первая задача вылавшая на его долю была нелегкаго свойства. Дѣло шло о представленіи адреса королю. Хранитель печатей отвѣтилъ что король не можетъ принять депутаціи, такъ какъ дофинъ опасно боленъ. Собраніе не удовлетворилось этимъ отвѣтомъ. „Тяжелая болѣзнь дофина, восклицалъ Шалелье (за сѣданіе 3 іюня, *Monit.* I, 51), не должна удалять насъ отъ короля. Это новый мотивъ лобуждающій насъ, напротивъ того, стремиться приблизиться къ королю. Кто лучше націи можетъ утѣшить добраго и великодушнаго короля.“ Оратора не стѣснано то обстоятельство что въ адресѣ „націи“ рѣчь идетъ о раздорѣ сословій, а не объ утѣшеніи короля. Явилось подозрѣніе что извѣстіе о болѣзни только предлогъ чтобъ отклонить представленіе адреса. Состоялось постановленіе: „Депутаты общинъ не могутъ признать никакого посредника между королемъ и его народомъ и поручаютъ старшинѣ обратиться непосредственно къ королю и почтительнѣе просить чтобъ онъ назначилъ время когда ему угодно будетъ принять депутацію и адресъ.“ Это порученіе долженъ былъ исполнить Бальи. Обратиться опять къ хранителю печатей онъ не желалъ, опасаясь возбудить противъ себя неудовольствіе въ собраніи. Рѣшилъ обратиться къ популярному Неккеру, но прежде сообщилъ о своемъ намѣреніи членамъ бюро. Они, въ томъ числѣ Мирабо, одобрили планъ, и Бальи явился къ Неккеру. Тотъ затруднялся брать порученіе до него не касающееся, ссылаясь что не время, такъ какъ король теперь обѣдаетъ. Бальи успѣлъ его склонить. Они отправились, но чтобы не возбудить толковъ, порознь: Бальи слѣдовалъ издали и во дворцѣ не вошелъ въ залу *Oeil-de-Voeuf*, сосѣдную со спальнею короля, но остался въ другой залѣ. Наконецъ Неккеръ вышелъ и сообщилъ что король согласенъ принять депутацію, но желаетъ чтобы по порядку обратились къ хранителю печатей. Задумался Бальи. При выходѣ изъ дворца встрѣчаетъ депутата Шалелье. Тотъ полагаетъ что надлежитъ исполнить указаніе короля. Идетъ Бальи къ хранителю печатей. Того нѣтъ дома: обѣдаетъ въ гостяхъ неизвѣстно у кого. Въ шестомъ часу Бальи приходитъ вторично и ждетъ возвращенія хранителя печатей. Тотъ вскорѣ прибылъ и узнавъ въ чемъ дѣло предложилъ Бальи тотчасъ отправиться во дворецъ. Оказалось, король верхомъ уѣхалъ въ Медонъ навѣстить опасно больнаго сына (дофинъ въ ночь скончался).

Бальи просить хранителя печатей повидать короля немедленно по возвращеніи. Тотъ говоритъ что не можетъ, такъ какъ вечеромъ собраніе конференціи, но что напишетъ королю и передастъ его отвѣтъ. Бальи опасается, не уклоняется ли министръ, и въ восьмомъ часу отправляется во дворецъ. Короля еще не было. Возвратившись домой, Бальи ждетъ извѣстія отъ хранителя печатей, но записка не приходитъ. Въ десять часовъ Бальи снова идетъ къ министру. Тотъ подаетъ записку полученную отъ короля и прибавляетъ что дофивъ при смерти. Въ запискѣ сказано что по случаю прискорбнаго событія король не можетъ теперь принять депутацію. На утро Бальи сообщилъ о своихъ неутомимыхъ хожденіяхъ палатѣ. Та осталась довольна его хлопотами. Слухъ о настояніяхъ Бальи распространился и составилъ анекдотъ какъ онъ съ нѣсколькими депутатами, въ минуты семейной горести королевской семьи, грубо ломился во дворецъ и даже побилъ пристава. „Басни сочинялись, прибавляетъ Бальи, чтобы представить третье сословіе въ смѣшномъ видѣ. Орудіе насмѣшки во все время имѣло великую силу во Франціи. Его пробовали противъ новаго могущества, съ каждымъ днемъ возрастающаго.“ Дѣйствительно, замѣчательно что насмѣшка была главнымъ средствомъ какимъ въ журналистикѣ первой эпохи революціи аристократическая партія боролась съ противниками. Былъ журналъ подъ заглавіемъ: *Les actes des apôtres*, одинъ изъ главныхъ анти-революціонныхъ органовъ. Его главная задача была осмѣивать революціонныхъ членовъ собранія, иногда весьма остроумно, иногда грубо и цинично. Часть дворянъ крѣпкая преданіями плохо мадѣла перомъ; дворяне владѣвшіе перомъ либеральничали; приходилось обращаться за помощью къ литераторамъ второго разряда.

VII.

Замѣчательно что въ памятные дни отъ 10 до 17 іюня Мирабо не только не шелъ во главѣ собранія, но останавливалъ его, оставался вѣрнымъ разъ уже отиѣченной нами ролю—упирателя. И въ этомъ направленіи дѣйствовалъ съ величайшимъ напряженіемъ. Былъ боленъ лихорадкой, испытывалъ ея пароксизмы въ самомъ собраніи и тѣмъ не менѣе энергически боролся противъ предпринимаемаго шага.

Высказанное имъ было въ сущности то самое что заключалось въ отклоненномъ предложеніи Малуэ, который и присоединился къ его мнѣнію. Какъ объяснить эту умѣренность? Какимъ образомъ неудержимый Мирабо оказался въ этомъ случаѣ наименѣ дерзкимъ, наиболѣ слабымъ въ требованіяхъ? Дѣло въ томъ что Мирабо лучше чѣмъ кто-либо понималъ важность предпринимаемаго шага и считалъ его неразумно рискованнымъ. Съ одной стороны, сознавая значеніе королевской власти въ странѣ, невольно соображая что сдѣлалъ бы самъ еслибы принадлежалъ къ правительственной власти, онъ не могъ допустить той степени неспособности которая оказалась въ правительствѣ, считалъ его все-таки разумнѣе чѣмъ оно было на дѣлѣ; съ другой стороны, головой превышая, по государственнымъ способностямъ, своихъ сочленовъ, онъ крайне опасался политическаго легкомыслія нѣсколькихъ сотъ неопытныхъ, но возбужденныхъ людей. Рискованный шагъ оказался однако шагомъ услѣпчивымъ, и чрезъ нѣсколько дней мы видимъ Мирабо примѣвившимся къ обстоятельствамъ, захватывающимъ вожжи собранія въ свои руки и подвимающимъ дерзость на высоту своего таланта.

„Каждый изъ васъ, господа, понимаетъ, сказалъ Мирабо въ самомъ началѣ преній, какъ легко было бы сегодня попытаться пылкой рѣчью подвинуть васъ на рѣшеніе крайняго характера.“ „Недостаточно дать самимъ себѣ титулъ, говорилъ онъ далѣе, чтобъ имѣть его и чтобы считаться законно имъ облеченнымъ. Если вы потерпите неудачу, если король откажетъ въ своей санкціи, если сословія обратятся къ его власти, что тогда произойдетъ? Раслученіе или отсрочка. Какъ очевидное слѣдствіе, разнуздаются мстительныя страсти, произойдетъ соединеніе всѣхъ аристократовъ и наступитъ отвратительная анархія, всегда приводящая къ деспотизму. Увидите грабежи, убійства. И не заслужите даже гнусной чести междуусобной войны, ибо въ нашей странѣ не бьются во имя той или другой вещи, но за то или за другое лицо.“ (*XI lettre de Mirabeau*, 16.) Нѣкоторые молодые члены говорили что въ санкціи короля нѣтъ никакой надобности. Мирабо возразилъ слѣдующими словами: „Въ отвѣтъ на указанную мною необходимость королевской санкціи, мнѣ говорятъ что если народъ высказался, то въ ней нѣтъ необходимости. А я, господа, считаю королевское *veto* такою необходимостію что лучше согласился бы жить

въ Константинополѣ чѣмъ во Франціи еслибъ этого права короля не было. Да, вторично объявляю что для меня не было бы ничего ужаснѣе какъ верховенствующая аристократія шестисотъ человекъ которые завтра могли бы объявить себя несмѣняемыми, послѣзавтра наследственными и кончили бы, какъ аристократы всѣхъ странъ, тѣмъ что все захватили бы въ свои руки“ (XI *Lettre*, 39). „Настаиваю на томъ что предложенное мною наименованіе: *представители Французскаго народа*, наиболѣе приличествуетъ обстоятельствамъ. Говорю приличествуетъ обстоятельствамъ, ибо признаю что предложеніе аббата Сіеса согласно со строгостію началъ и достойно гражданина-философа. Но, господа, не всегда полезно, не всегда подобаешь принимать во вниманіе единственно право, ничего не уступая обстоятельствамъ. Существенное различіе между метафизикомъ, въ кабинетныхъ размышленіяхъ уловляющимъ истину въ ея полнотѣ чистотѣ, и государственнымъ человекомъ, вынужденнымъ считаться съ тѣмъ что предшествовало, съ трудностями, препятствіями. Наставникъ народа и политическій дѣятель разнятся тѣмъ что первый думаетъ только о томъ *что есть* (ce qui est), а второй занятъ тѣмъ *что можетъ быть* (ce qui peut être). Метафизикъ, путешествуя по картѣ, все проходитъ безъ труда, не будучи останавливаемъ ни горами, ни пустынями, ни рѣками, ни пропастями; но когда желаемъ пуститься дѣйствительно въ путь и достигнуть цѣли, надо постоянно помнить что идемъ по землѣ и уже не находимся въ идеальномъ мірѣ.“

Въ двухъ частныхъ письмахъ къ Мавильйону, приводимыхъ въ *Мемуарахъ Мурабо* (Paris 1835, VI, 65 и 75), лучше всего уясняется его образъ дѣйствій въ эти знаменательныя засѣданія. „Несомнѣнно, лишеть онъ, нація еще не созрѣла: удивительная неспособность, страшный безпорядокъ въ правительствѣ *возрастали революцію въ парникѣ*, она вытравилась поверхъ нашихъ способностей и стелени нашего образованія (ont mis en serre chaude la révolution; elle devança notre aptitude et notre instruction). Дѣйствую сообразно этому обстоятельству. Покажу вамъ образецъ того какимъ замальчивымъ и въ то же время мягкимъ скакуномъ является наше Національное Собраніе. Вообразите что всѣ обстоятельства дѣла говорили противъ исключительнаго и узурпаторскаго наименованія... Меня хотѣли разорвать на части и

распустили будто я человекъ правительства... По правдѣ сказать, столькимъ я продаюся что не повимаю какъ не жалъ себѣ всемірной монархіи.“

„Мы занимались, говорить онъ въ другомъ письмѣ, четыре дня безъ передышки вопросомъ какъ намъ организоваться. Прибавьте что въ это самое время я былъ боленъ лихорадкой; испытывааъ ея припадки въ собраніи и трижды говорилъ будучи въ ознобѣ. Великое дѣло сдѣлано. Мы организовались въ Національное Собраніе послѣ многократнаго отказа двухъ сословіи соединиться съ нами и вмѣстѣ провѣрять полномочія. Наименованіе это не мое. Мое предложеніе было объявить насъ представителями Французскаго народа... Они не хотѣли. Въ случаѣ самомъ благоприятномъ окажется что они сыграли королевство въ азартную игру (en trente et quarante), тогда какъ я ослаблялъ его на шахматахъ, будучи сильнѣе противника въ игрѣ. Возбужденіе страшное; сердатся что я на сторонѣ умѣренности. Но я знаю какая огромная разница между путешествіемъ по картѣ и въ дѣйствительности по землѣ... Знаю что ваши довѣрители чрезвычайно мало интересуются нашими метафизическими спорами, какъ бы таковыя важны ни были, и что мы можемъ на нихъ разчитывать только когда непосредственно коснемся ихъ горшка съ суломъ. Лучшее средство чтобы революція не имѣла успѣха—требовать слишкомъ многого. Полагаю долго заслуживать почетный упрекъ въ умѣренности.“ Обстоятельства обратили этотъ срокъ въ нѣсколько дней.

Возбужденіе, овладѣвшее собраніемъ, съ особою силою обнаружилось вечеромъ 16 іюня. Было уже восемь часовъ. Многіе требовали приступить къ собиранію голосовъ. Другіе противились, выставляя что уже поздно, и многіе разошлись. Уступая большинству, Бальи приступилъ было къ переключкѣ (appel nominal), но былъ прерванъ криками не давшими возможности продолжать. „Представьте себѣ, описываетъ онъ (*Mém. I, 153*), помѣщеніе. Большой столъ стоитъ въ ширину залы. Противъ меня тѣ что требуютъ голосованія, въ числѣ трехъ или четырехъ сотъ человекъ; между ними храбрые Бретонцы, самые твердые, но и самые горячіе изъ делутатовъ. Сзади меня противящіеся голосованію, человекъ сто, толпящіеся, готовые уйти, кричащіе и шумящіе болѣе чѣмъ остальные триста и четыреста человекъ.... Крики, угрозы поднимались съ той и другой стороны. Не будь

стола раздѣлявшаго противниковъ, я увѣренъ, въкоторыя передрались бы между собою. Я хорошо понималъ что благо-разуміе требовало бы избѣжать оласности прерванъ засѣданіе. Но большинство, съ которымъ всегда долженъ соображаться предсѣдатель, того не хотѣло. Поступи я такъ, все было бы потеряно. Я держалъ въ ту минуту судьбу конституціи въ своихъ рукахъ. Меньшинство удалилось бы со мною, большинство осталось бы и выбрало бы другаго старшину. И еслибы оно вздумало организовать въ собраніе, то легко посудить, что бы могли сказать и какимъ сильнымъ аргументомъ противъ такого постановленія было бы удаленіе предсѣдателя и отсутствіе большаго числа депутатовъ. Явилось бы раздѣленіе, какого желяли.... Я рѣшился остаться въ бездѣйствіи и ждать пока наступитъ молчаніе. Слышу, меня бранятъ, особенно противящіеся голосованію. Съ другой стороны горячіе умы, сердясь что не дамъ болѣе сильнаго отпора противящимся, также обращаются ко мнѣ съ оскорбительными словами. А я, порицаемый неблагоразумными людьми той и другой стороны, думаю что, оставаясь на точкѣ равновѣсія, исполняю мой долгъ какъ требовали и позволяли обстоятельства.“ Послѣ такого описанія чуть не передравагося собранія, читатель не безъ изумленія встрѣчаетъ слѣдующія строки, составляющія его непосредственное продолженіе. „Собраніе никогда не было такъ велико; оно представляло зрѣлище величественное и внушительное: предсѣдатель тихій и спокойный, значительное большинство въ глубокомъ молчаніи, облеченное мудростію, котораго не въ состояніи смутить крикъ и насилія.“ Благоговѣніе Балли къ собранію доходило до наивности. „Наконецъ около часу, когда крикуны постепенно разошлись, восстановилась тишина.“ Было предложено и принято отложить засѣданіе до завтра.

На другой день, 17 іюня, въ собраніи и около его было огромное стеченіе. Описаніе *Монитера* упоминаетъ о четырехъ тысячахъ зрителей въ залѣ.* Предложеніе Сіеса, оковчательно

* Можно бы усомниться въ этой цифрѣ зрителей. Не забудемъ что изданіе *Монитера* началось собственно 21 ноября 1789 года и 71 первыхъ нумеровъ были составлены въ послѣдствіи, чтобы пополнить коллекцію. Но, съ другой стороны, самъ Балли свидѣтельствуетъ что въ залѣ собранія въ обыкновенныя засѣданія всегда бывало до 600 стороннихъ лицъ.

сформулированное, принято большинствомъ 491 голосовъ противъ 90 въ слѣдующемъ видѣ: „Наименованіе: Национальное Собраніе, есть единственное приличествующее собранію въ настоящемъ его состояніи, какъ потому что члены его составляющіе суть единственные представители законно и публично признанные и проверенные въ ихъ полномочіяхъ, такъ и потому что посланы почти всею совокупностію націи, такъ наконецъ и потому что ни одинъ депутатъ, въ какомъ бы сословіи или классѣ ни былъ избранъ, не имѣетъ правъ исполнять свою должность отдѣльно отъ сего собранія, ибо представительство едино и недѣлимо.“ Затѣмъ было вотировано подать адресъ королю и составленіе поручено Шалелье, Бергассу и Барнаву. Послѣдовало торжественное принесеніе присяги. Всѣ депутаты встали поднявъ каждый правую руку, описываетъ Бальи, и среди глубокой тишины онъ какъ предсѣдатель спросилъ: клянетесь ли и общаете ли съ вѣрностію исполнять обязанность на васъ возложенную. Всѣ отвѣчали: клянемся и общаемъ. Зала огласилась рукоплесканіями.

Шагъ сдѣланный собраніемъ даже Бальи (I, 164) не могъ не признать актомъ насильственного захвата и для оправданія его „законности“ не нашелъ ничего лучшаго какъ сослаться на *естественныя права человека*. „Собраніе, говоритъ онъ, сознавало что актъ какимъ оно организовалось, вполнѣ справедливый и основанный на естественныхъ правахъ человѣка, имѣлъ однако форму необычайную и смѣлую, которая въ моментъ пробужденія разума и когда глаза еще не всѣ пріобыкли къ его свѣту, могла дать предразсудкамъ и притязаніямъ сильное противъ насъ орудіе.“ Неккеръ (*De la rév.* I, 244), слагая вину всего происшедшаго на два первыя сословія, о сдѣланномъ третьимъ сословіемъ шагъ выражается, со свойственными ему обиняками, въ слѣдующей формѣ: „Не должно скрыть, для историческаго поученія, что третье сословіе, одно объявивъ себя Национальнымъ Собраніемъ, показывая что обойдется безъ содѣйствія двухъ первыхъ сословій, не признавая пользы противовѣса въ монархической конституціи, оказалось съ самаго начала собранія представителей неправымъ въ томъ смыслѣ въ какомъ можно упрекнуть власть пріобрѣтенную захватомъ (*eût le genre de tort que l'on peut reprocher à une puissance usurpatrice*)“.

Почему дворянское собраніе не протестовало противъ

наименованія присвоеннаго депутатами общинъ? Молевиль объясняетъ это слѣдующимъ образомъ. „Есть обстоятельство, говоритъ онъ (*Hist.* I, 258), которое не должно забывать чтобы судить о поведеніи депутатовъ двухъ первыхъ сословій; а именно что король, котораго министры настойчиво увѣряли что единственное средство поддержать правительство есть популярность, думалъ увеличить ее, тщательно избѣгая всякаго, даже косвеннаго, сношенія съ членами духовенства и дворянства. Отсюда происходило что они являлись въ засѣданіе не зная и не будучи приготовлены къ тому что предстоитъ. Потому они хранили молчаніе въ преніяхъ самыхъ важныхъ, изъ боязни стать въ разрѣзъ съ видами короля. По этой причинѣ они и не протестовали' противъ наименованія Национальное Собраніе, хотя предвидѣли его послѣдствія.“

VIII.

Обращеніе третьяго сословія въ Национальное Собраніе, съ поглощеніемъ въ себѣ остальныхъ двухъ сословій, шло прямо противъ намѣреній власти созвавшей собраніе. Ей было предъявлено первое серьезное испытаніе. Предоставить созваннымъ представителямъ трехъ сословій уладиться самимъ между собою, какъ надѣялся Неккеръ, оказалось невозможнымъ; примирительное вмѣшательство не привело ни къ чему. Власть должна была наконецъ заявить свое рѣшеніе. Король долженъ былъ сказать: „я повелѣваю“. Но что, если слово это не произведетъ дѣйствія? Тотъ часъ когда это случится будетъ послѣднимъ часомъ монархіи. Важность минуты чувствовалась, но неспособность правительства оставляла власть въ безпомощномъ положеніи. Были два потока: одинъ отъ Неккера, другой отъ того что принято было называть „дворомъ“, то-есть отъ лицъ для которыхъ съ существующимъ государственнымъ строемъ были связаны всѣ ихъ интересы, какъ низшаго порядка—положеніе, удобства жизни, такъ и высшаго—святыня преданія и честная вѣрность.

У Неккера былъ планъ который онъ подробно излагаетъ и старается защитить въ своемъ сочиненіи о революціи, утверждая что еслибъ этому плану послѣдовали, то событія могли бы принять иной ходъ, и обвиняя во всемъ привилегированные классы и дворъ. Планъ былъ сообразенъ съ ученіемъ Неккера

объ общественномъ мнѣнii. По этому плану, должно было назначить королевское засѣданiе на которомъ король объявилъ бы соединенiе трехъ сословiй въ одну палату, обсуждающую общiя дѣла по большинству голосовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оградить сословный государственный строй, изъяснивъ вопросъ объ измѣненii этого строя изъ совокулнаго обсуждения. Слiанiе, указывалъ Неккеръ, есть необходимость которой уже нельзя избѣгать. „Какое бы мнѣнiе администрацiя ни имѣла о соединенii трехъ классовъ и отношенii этой мѣры ко благу государства, здравая политика требовала чтобы правительство связало это неизбѣжное событiе съ властiю государя. Она настойчиво учила отбить у представителей третьяго сословiа общественное расположенiе и отнять часть отъ ихъ любѣдь на долю монарха, часть которая могла бы возстановить кредитъ высшей власти, ослабленiе которой становилось съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе дѣйствительнымъ, болѣе и болѣе замѣтнымъ. Кромѣ того, мнѣ казалось что король, рѣшившись самъ вызвать соединенiе сословiй, долженъ былъ сдѣлать это торжественно, не только для того чтобы подвнать цѣну своего вмѣшательства, но и для того чтобы сдѣлать менѣе чувствительною для депутатовъ двухъ первыхъ сословiй уступчивость какой требовали отъ нихъ обстоятельства... Наконецъ монархъ, явившись въ собранiе, окруженный блескомъ власти, долженъ былъ изложить точнѣе и полнѣе, чѣмъ до тѣхъ поръ, свои виды относительно общественнаго благосостоянiа и особое расположенiе свое въ пользу народа. Онъ долженъ былъ поступить такъ чтобы дать нацию ловнть его истинныя чувства и придать либеральнымъ намѣренiямъ своимъ характеръ достовѣрности разсѣивающей истолкованiа клеветы. Онъ долженъ былъ поступить такъ чтобы приобрѣсти своей власти новыхъ приверженцевъ и новыхъ друзей и чтобы съ успѣхомъ бороться противъ усилiй партii которая, лаская мнѣнiе и лсты ему, стремилась имъ овладѣть и давать законы его именемъ.“ *Либеральныя наклоненiя* какими предполагалось умилостивить и закупить общественное мнѣнiе были: обязательство устанавливать налоги и производить государственныя займы не иначе какъ съ согласiа собранiа сословныхъ представителей; измѣненiе въ существующихъ налогахъ, гарантiа личной безопасности чрезъ отнѣну lettres de cachet; свобода печати въ законѣ установленныхъ границахъ, судебная реформа,

лучшая организація земства и нѣкоторыя другія. Въ награду за такія мѣры, общественное мнѣніе, надѣялся Неккеръ, приметъ подъ свое покровительство и тѣ „болѣе чѣмъ смѣлыя“, по его выраженію, требованія и условія, — не соединенныя впрочемъ въ параграфы какъ „либеральныя намѣренія“, — съ какими король долженъ былъ обратиться къ собранію, а именно: почетныя преимущества и поземельныя права не могутъ быть измѣнены безъ поданныхъ *отдѣльно* мнѣній трехъ сословій; король никогда не дастъ согласія на устройство законодательнаго кортуса изъ одной палаты; воспрещается допущеніе пубрики въ залу совѣщаній; армія находится въ полномъ завѣдываніи монарха, сохраняющаго исполнительную власть во всей цѣлости; всѣ постановленія собранія требуютъ монаршаго утвержденія. Дочь Неккера поясняетъ что планъ отца состоялъ въ томъ чтобы дать Франціи политическія учрежденія по образцу англійской конституціи и утверждаетъ что Неккеръ „за мѣсяцъ“ до 23 іюня составилъ и предложилъ королю проектъ деклараціи въ изложенномъ смыслѣ. Но это несогласно съ изложеніемъ самого Неккера, изъ котораго явствуется что планъ королевскаго засѣданія и деклараціи былъ вызванъ шагомъ сдѣланнымъ собраніемъ въ срединѣ іюня. „Требовалось, характеризуетъ Неккеръ свой планъ, не отнять у правительства поддержку общественнаго мнѣнія. Я посовѣтовалъ (*De la rév. I, 283*) ровно столько сколько было нужно чтобы привлечь его на свою сторону и ничего болѣе... Съ самаго начала политической борьбы, признаки которой давно усматривались, побѣда должна была принадлежать власти поддержанной общественнымъ мнѣніемъ; съ помощію мнѣнія, сопровождаемаго торжественно такими слутвиками какъ справедливость и разумъ, съ помощію быт-можетъ и моею популярности, я бы привудилъ склониться тѣхъ самыхъ людей которые оказались столь гордыми и надменными въ минуту когда ошибки двора и первыхъ двухъ классовъ сдѣлали ихъ единственными обладателями національной милости.“ Такимъ образомъ, государственная мудрость для Неккера сводилась къ тому чтобы склонить на свою сторону невидимое, но имѣющее для него всѣ признаки личнаго бытія, существо именуемое общественнымъ мнѣніемъ. Склонить его можно хорошими аргументами, такъ какъ ово существо способное внимать доводамъ разума. Чего болѣе либеральнаго, болѣе идущаго навстрѣчу „желаніямъ

націи“, какъ заключающееся въ проектѣ деклараціи, можно было требовать отъ короля и его правительства? Къ сожалѣнію, Неккеръ могъ убѣдиться, хотя кажется и не убѣдился, что „общественное мнѣніе“ есть нечто иное чѣмъ то безтѣлесное, но разумное существо которому онъ поклонялся мысленно. Онъ хотѣлъ сдѣлать ему „разумныя уступки“ и чрезъ то получить отъ него праведный судъ и осужденіе „враговъ порядка“, но уступки оказывались сдѣланными именно тѣмъ на кого подана аппелляція и которые оказались болѣе въ секретѣ „мнѣнія“ чѣмъ прельщавшіи его самыми убѣдительными аргументами министръ. И это тѣмъ болѣе что сами участвовали въ составленіи этого самаго „мнѣнія“ и заставляли говорить этотъ оракулъ, потихоньку въ него засѣвши. Одна изъ главныхъ ошибокъ доктринеровъ не имѣющихъ государственнаго ума, именно та что они думаютъ будто люди, особенно собранные въ группы, дѣйствуютъ въ силу аргументовъ, тогда какъ истинные мотивы выходятъ изъ источниковъ болѣе осязаемыхъ чѣмъ отвлеченныя соображенія. Аргументы прилаживаются къ мотивамъ. Аргументъ кажущійся неодолимымъ побѣждается очень просто—его отбрасываютъ, черезъ него шагаютъ. Вотъ примѣръ изъ того же Неккера. Въ рѣчи при открытіи собранія онъ думалъ повидимому произвести неотразимое впечатлѣніе на общественное мнѣніе, указывая на необходимость представителямъ сословія раздѣлиться первоначально на три камеры, дабы духовенство и дворянство, торжественно уже заявившія объ отказѣ своемъ отъ денежныхъ сословныхъ привилегій, имѣли возможность облечь свое рѣшеніе въ форму постановленія свободно состоявшагося, и не были лишены чести самостоятельнаго почина въ такомъ дѣлѣ. Соображеніе весьма почтенное. Что же отвѣтило на искусно придуманный аргументъ общественное мнѣніе устами Мирабо въ его журналѣ? „Министръ говоритъ что не должно отнимать у привилегированныхъ классовъ заслуги великодушнаго пожертвованія. Никакого нѣтъ великодушія быть справедливымъ.“ Аргументъ такъ и остался позади.

Что касается полупарности, то едва ли кто такъ какъ Неккеръ испыталъ ея тщету. Что былъ онъ въ іюль 1789 года и чѣмъ сталъ когда чрезъ годъ (въ началѣ сентября 1790 года) презрительно былъ выброшенъ тѣмъ самымъ мнѣніемъ которому поклонялся?

Неккеръ утверждаетъ что не будь декларація его измѣнена, дѣло уладилось бы. Въ этомъ позволительно сильно усомниться. Трудно не признать что большою иллюзіей была надежда удовлетворить собраніе предлагаемыми въ деклараціи уступками, а неудовольствіе слишкомъ требовательныхъ побѣдить силой общественнаго мнѣнія, ими же фабрикуемаго.

Противники Неккера при дворѣ усматривали въ чемъ узелъ дѣла. „Держали, говоритъ Неккеръ (I, 288), тайныя совѣщанія, дѣйствовали на короля... Главнѣйше хотѣли воспрепятствовать соединенію сословій.“ Со своей точки зрѣнія они были правы и правильно понимали что уступить революціонному захвату третьяго сословія значило предрѣшить паденіе существующаго государственнаго строя и измѣнить положеніе монарха. Предстояло или побѣдить или сдать. Побѣдить значило раслутировать собраніе. Подобный шагъ Неккеръ считалъ абсолютно уже невозможнымъ. Гжа Сталь, оправдывая отца, поясняетъ что онъ думалъ такъ главнымъ образомъ потому что зналъ ненадежное настроеніе арміи. Самъ Неккеръ объ этомъ не упоминаетъ. По словамъ же гжи Сталь, онъ уже чрезъ двѣ недѣли послѣ открытія собранія говорилъ королю: „Государь, боюсь, не обманываютъ ли васъ о духѣ вашей арміи. Свѣдѣнія изъ провинцій заставляютъ думать что она не пойдетъ противъ собранія представителей. Не приближайте ее къ Версалю. Народная партія еще не знаетъ положительно какое расположеніе въ арміи. Воспользуйтесь этимъ невѣдѣніемъ чтобы поддержать вашъ авторитетъ во мнѣніи. Если роковой секретъ отсутствія субординаціи въ войскѣ сдѣлается извѣстнымъ, какая будетъ возможность сдержать матежныя умы? Дѣло теперь въ томъ чтобъ уступить разумнымъ желаніямъ Франціи: благоволите рѣшиться на англійскую конституцію!“ Показанія гжи Сталь не отличаются точностію и весьма позволительно усомниться чтобы Неккеръ держалъ такую рѣчь королю. Во всякомъ случаѣ сомнительно чтобы положеніе арміи тогда было такое отчаянное если принять въ соображеніе что маркизъ Булье, на дѣлѣ не разъ доказавшій свои способности какъ военный начальникъ, въ концѣ 1790 года находилъ еще возможнымъ возстановить утраченное положеніе короля опираясь на военную силу. Но къ какому-нибудь рѣшительному шагу Лудовикъ XVI былъ совершенно неспособенъ, а министръ его всю мудрость

полагалъ въ томъ какъ бы прельстить общественное мнѣніе угождая ему.

Въ королевскомъ совѣтѣ планъ Неккера былъ принять, проектъ деклараціи читавъ и перечитавъ, король со всѣмъ согласился. Оставалось скорѣе назначить день королевскаго засѣданія. Но въ минуту когда министры уже складывали портфели, дежурный придворный приблизился къ королю и тихо что-то ему сказалъ. Король всталъ и просилъ министровъ остаться на мѣстахъ до его возвращенія. „Эта присылка, говоритъ Неккеръ (I, 286), не могла насъ не удивить. Монморенъ, сидѣвшій около меня, сказалъ: „ничего не сдѣлаю; только королева могла позволить себѣ прервать засѣданіе совѣта; по всей видимости, принцы обошли ее и хотятъ чрезъ ея посредство удалить рѣшеніе короля.“ Министръ угадалъ. Вернувшійся король отсрочилъ рѣшеніе, назначивъ чрезъ два дня новое засѣданіе въ Версалѣ (описанное было въ Марли), съ присоединеніемъ двухъ своихъ братьевъ и четырехъ сановниковъ изъ высшей магистратуры не засѣдавшихъ въ совѣтѣ. Вновь обсуждали декларацію, Неккеръ сдѣлалъ нѣкоторыя уступки, декларація приведена, казалось, въ окончательную форму. Но наканунѣ королевскаго засѣданія короля склонили не требовать соединенія сословій ни подъ какимъ условіемъ и предписать наоборотъ сословную раздѣльность собранія. Неккеръ и министры раздѣлявшіе его планъ, Монморенъ и Сень-При, отговаривали короля, но тщетно.

Не забудемъ что все это совершилось въ краткій промежутокъ нѣсколькихъ дней. Неккеръ въ своемъ изложеніи проходитъ молчаніемъ то что произошло въ эти дни. А произошло многое свидѣтельствовавшее объ увеличивающемся возбужденіи, грозившее опасностями и побуждавшее ускорить рѣшеніе. Въ субботу 20 іюня между семью и восьмью часами утра герольды на улицахъ и площадяхъ Версаля возгласили объявленіе о томъ что въ понедѣльникъ, 22 іюня, будетъ королевское засѣданіе, а до того времени засѣданія сословныхъ собраній будутъ закрыты для надлежащихъ приготовленій. Въ семь часовъ получилъ о томъ извѣщеніе Бальи письмомъ оберъ-церемоніймейстера маркиза Брезе. Бальи былъ поставленъ въ затруднительное положеніе. Онъ опасался сдѣлать какой-нибудь шагъ несогласный съ интересами собранія вступившаго въ борьбу съ правительствомъ и призыванія котораго возрасли до высокой степени. Онъ далъ

отвѣтъ что „не получилъ еще никакого повелѣнія короля о королевскомъ засѣданіи и перерывѣ засѣданій, а потому считаетъ долгомъ отправиться въ засѣданіе назначенное на это утро“. Предпринимаемая такой важный шагъ, долженствовавшій окончиться распущеніемъ собранія, правительство не приняло никакихъ мѣръ предосторожности. Бальи, посовѣтовавшись съ секретаремъ собранія, отправился въ залу засѣданія. Дотуль былъ загражденъ. Между тѣмъ депутаты собранія хотѣли войти въ залу даже силой. Бальи едва былъ въ состояніи успокоить волненіе. Одинъ изъ депутатовъ, докторъ Гильѳотенъ (Guillotin), предложилъ занять галерею (Jeu de Pomme). Предложеніе было принято и собраніе состоялось въ пустомъ манежѣ. Едва нашли одно кресло для предсѣдателя, но Бальи отказался и „остался на ногахъ весь этотъ тягостный день“. Умы были возбуждены. Одинъ членъ предложилъ перенести немедленно засѣданіе въ Парижъ и отправиться туда всѣмъ корпусомъ лѣшкомъ. Предложеніе было уже даже написано, когда другой членъ предложилъ привести присягу не расходиться, и предложеніе это было принято при общихъ восклицаніяхъ. Состоялось постановленіе: „Гдѣ собрались члены собранія, тамъ и Национальное Собраніе... Немедленно будетъ принесена присяга никогда не раздѣляться и собираться всюду гдѣ потребуютъ обстоятельства, пока не будетъ установлена и утверждена на прочныхъ основаніяхъ конституція королевства“. Слѣдующій день былъ воскресный. Бальи получилъ извѣщеніе, на этотъ разъ именное, отъ короля, что засѣданіе отлагается до вторника. Въ понедѣльникъ тѣмъ же манежѣ собраніе имѣло засѣданіе въ церкви Св. Лудовика, ознаменованнаго присоединеніемъ большинства духовенства (148 членовъ, изъ коихъ 134 приходскихъ священниковъ).

IX.

„Зала собранія закрытая для представителей народа въ минуту когда онъ только-что началъ дѣйствовать, не виданное зрѣлище Национальнаго Собранія ищущаго убѣжища, все возвѣщало ужасы самаго мрачнаго свойства.“ Такъ начинается *Мирабо Тринадцатое письмо къ избирателямъ*, описывающее событіе 23 іюня. „Наконецъ, продолжаетъ онъ, 23 іюня развертываютъ весь аппаратъ произвольной власти.

Многочисленная стража окружаетъ залу Собранія, устроенныя загородки. Въ минуту когда все должно было внушать довѣріе думаютъ только о томъ какъ бы возбудить страхъ. Двери отворяютъ представителямъ, но строжайше не допускаютъ лубяку. Появляется король. Его встрѣчаетъ гробовое молчаніе. Онъ не получаетъ обычной дани почтенія, свидѣтельствующей объ удовольствіи народа и которую получить каждый разъ когда мудрость его не будетъ введена въ заблужденіе вѣроломнымъ совѣтомъ. Въ какой мѣрѣ надежало обмануть ее чтобы принять столь деспотическія формы послѣ торжественнаго отреченія отъ деспотизма! Показаніе Мирабо относительно „молчанія“ съ какимъ встрѣченъ былъ король не вполнѣ точно. На улицахъ крики раздавались по обычаю (это указываетъ Бертранъ де-Молевиль); въ Собраніи изъ рядовъ духовенства и дворянства послышались привѣтствія; молчали всѣ члены третьяго сословія. Неккеръ знаменательно отсутствовалъ въ засѣданіи. „Я не долженъ былъ присутствовать, поясняетъ онъ (*De la rév.*, I, 306). Еслибъ я былъ въ засѣданіи, то лубяка подумала бы что отставка моя (на которую Неккеръ рѣшился, но подать которую наканунѣ засѣданія счелъ неприличнымъ) вызвана неуслѣхомъ мѣры мною посовѣтованной. Было бы слишкомъ уже много для тѣхъ кто взяли надо мной верхъ и заставили меня оставить министерство, принудить меня еще и къ тому чтобъ я самъ потерялъ себя въ общественномъ мнѣніи, присоединившись къ дѣйствию прямо противоположному моимъ видамъ и совѣтамъ.“ Текстъ королевскихъ рѣчей и объявленія былъ по большей части тотъ самый который составилъ Неккеръ, но мѣстами съ перемѣной тона на повелительный и съ рѣшительнымъ измѣненіемъ въ существственномъ пунктѣ о соединеніи сословія. Объявленію былъ данъ характеръ повелѣнія идущаго отъ самодержавной власти. Неуслѣхъ былъ равнозначителенъ пораженію начала королевскаго самодержавія, лежавшаго въ основѣ дореволюціоннаго государственнаго строя, но уже поколебленнаго въ умахъ и моварха и подданныхъ, сконфуженныхъ пугаломъ деспотизма въ эпоху когда власть почти не проявляла себя. Король торжественно заявилъ что если собраніе не послѣдуетъ его указаніямъ, онъ „одинъ совершитъ благо своихъ народовъ и будетъ смотрѣть на себя какъ на ихъ истиннаго представителя“ (*seul je ferai le bien de mes peuples; je me*

considèrerai comme leur véritable représentant), то-есть распустить собраніе, и заключилъ словами: „повелѣваю вамъ немедленно раздѣлаться и собраться завтра раздѣльно по сословіямъ для продолженія засѣданій“. Минута была рѣшительная. Два первыя сословія повиновались и вышли изъ залы. Представители третьяго остались на мѣстахъ недоумѣвая что предпринять. Мирабо, за вѣсколько дней предъ тѣмъ энергически останавливавшій собраніе отъ рискованныхъ шаговъ, понялъ что пришла минута дѣйствовать. Правительство рѣшилось на шагъ великой важности, но ничего не сдѣлало чтобъ обезлечить его успѣхъ. Всѣ усилія были направлены къ тому чтобы склонить колеблющагося короля прибѣгнуть къ авторитету своей власти. Склонить удалось за минуту предъ тѣмъ какъ надлежало дѣйствовать. Какъ поступить если объявленное повелѣніе не встрѣтитъ повиновенія и торжественно произнесенную угрозу придется исполнять на дѣлѣ,—объ этомъ не успѣли, да при отсутствіи единства въ правительствѣ, и не могли подумать. Президентъ Бальи, какъ видно изъ его разказа (*Mém.*, I, 214), былъ сильно сконфуженъ. „Оберъ-церемоніймейстеръ, лишетъ онъ, приблизился ко мнѣ и сказалъ: Вы слышали повелѣніе короля? Я отвѣчалъ: Собраніе назначило совѣщаніе послѣ королевскаго засѣданія; я не могу его распустить безъ обсужденія этого пункта*.—Таковъ вашъ отвѣтъ? Я могу передать его королю?—Да, милостивый государь. И я прибавилъ обращаюсь къ товарищамъ бывшимъ вокругъ меня: Полагаю что собранная нація не можетъ получать повелѣній. Потомъ говорили и повторяли будто я далъ такой отвѣтъ г. Брезе. Официальный отвѣтъ былъ тотъ какъ я передалъ. Я слишкомъ уважалъ короля чтобы дать такой отвѣтъ.“ Пока Бальи мѣлся, Мирабо оцѣнилъ положеніе дѣла и понялъ что рѣшительнымъ шагомъ можно выиграть побѣду. Пустивъ въ ходъ всю энергію своего ораторскаго таланта, не испрашивая слова, никѣмъ не улолно-

* „Monsieur, l'Assemblée c'est ajournée après la séance royale; je ne puis la séparer sans qu'elle en ait délibéré“. Молевианъ передаетъ слова Бальи такъ (*Hist.*, I, 211): „L'assemblée a arrêté hier qu'elle resterait séance tenante après le séance royale; je ne puis rien changer à cette délibération (disposition? опечатка?), il faut que l'assemblée en délibère“ и утверждаетъ что это было совершенно ложно: никакого такого постановленія не было.

мочевный, онъ подымалъ голосъ отъ имени собранія и произнесъ извѣстные историческія слова, которыя передаются съ равными вариантами, но которыя самъ онъ въ журналѣ своемъ передаетъ слѣдующимъ образомъ, не совсѣмъ совпадающимъ съ передачей Балли. „Маркизь Брезе сказалъ депутатамъ: Господа, вамъ извѣстны намѣренія короля. На это одинъ изъ членовъ, обращаясь къ нему, произнесъ: Да, милостивый государь, мы слышали намѣренія какія внушилъ королю, и вы не можете быть ихъ органомъ предъ собраніемъ сословныхъ представителей *, вы не имѣющіе здѣсь ни голоса, ни мѣста, ни права маломинать намъ его рѣчь. Но чтобъ избѣжать всякаго недоразумѣнія и проволочки, объявляю вамъ что если вамъ поручено удалить насъ отсюда, то вы должны испросить повелѣніе употребить силу, ибо мы сойдемъ съ мѣста только уступая силѣ штыковъ!“ „Тогда, прибавляетъ Мирабо, всѣ депутаты единогласно воскликнули: таково рѣшеніе собранія!“ Мирабо, не безъ наивности замѣчаетъ Балли, „не долженъ былъ, не имѣлъ права дѣлать такого отвѣта, ибо предсѣдатель одинъ имѣетъ право говорить отъ имени собранія. Да и отвѣтъ этотъ въ то же время былъ неумѣстенъ и переходилъ всякую мѣру. Мѣра требуетъ чтобъ отвѣчать на то что сказано. Говорилось ли о штыкахъ, возмущалось ли употребленіе силы, грозилъ ли сколько-нибудь г. Брезе?“ Съ удаленіемъ оберъ-церемоніймейстера открылось засѣданіе. Мирабо чтобъ обезлечить успѣхъ сдѣлалъ предложеніе объявить „особу каждаго изъ депутатовъ неприкосновенною“. Всякое лицо, учрежденіе, судъ, коммиссія которыя бы осмѣлились преслѣдовать или задержать депутата за высказываемое имъ въ собраніи, объявлялись достойными позора, измѣнниками націи, государственными преступниками. Не услѣвавшій за событіями Балли былъ противъ и этого предложенія. „Вы не знаете чему вы подвергаетесь. пояснилъ Мирабо. Если помѣшаете декрету, шестьдесятъ депутатовъ и вы первый будете арестованы въ эту ночь.“ Предложеніе Мирабо было принято. Собраніе разошлось. „Такъ кончился, размышляетъ Балли, этотъ памятный день. Не знаешь чему болѣе удивляться—мужеству ли Собранія или неблагоразумію правительства! Мы были одни, безъ защиты, среди города, обычнаго

* Auprès des Etats - Généraux. Мирабо не употребилъ выраженія: Національное Собраніе.

королевскаго мѣстопребыванія, населеннаго людьми связан-
ными съ правительствомъ, жившими заоупотребленіями, мы
были окружены королевскою гвѣрдіей и кольцомъ войскъ об-
легавшихъ Парижъ и Версаль, стояли подъ ударами услу-
ганнаго министерства чувствовавшаго грозящую ему опас-
ность и которое могло пуститься на всякій рискъ чтобъ от-
разить ее. Отважиться на это было болѣе чѣмъ неблагораз-
умно, но было менѣе всего основанія ждать отъ него благо-
разумія. Мы могли каждый сдѣлаться жертвой его дерзости.
И между тѣмъ мы имѣли твердость объявить, установить
права націи и принять пять постановленій, 17, 20 и 23 іюня
утвердившихъ ея верховенство.“ Балъи не сознавалъ доста-
точно ни слабости правительства, котораго неблагоразуміе
видѣлъ въ чрезмѣрной дерзости, тогда какъ надо было ви-
дѣть въ крайней необдуманности предпріяятаго, ни силы
вожаковъ Собранія направлавшихъ его на борьбу.

X.

Сопротивленіе оказано, надо было обезпечить его
успѣхъ. Прежде всего требовалось показать правительству
что за Собраніемъ стоитъ великая сила, что лодымаются
волны услокоить которыя въ силахъ только само Собраніе.
Умы гражданъ, утверждаетъ Мирабо въ своемъ журналѣ,
были поражены безлокойствомъ. Такое состояніе могло бы
разразиться шумнымъ движеніемъ еслибы „наша непоколе-
бимая твердость въ эти дни тревоги не услокоила лубайку
относительно послѣдствій событія“. Между тѣмъ волны воз-
буждались именно тѣми кто собирались ихъ услокоцвать.
Возбудить волненіе въ общественномъ мнѣніи путемъ ле-
чати и броженіе въ уличной толпѣ и всякихъ группахъ
гражданъ путемъ слуховъ и всяческихъ возбуждательныхъ
средствъ, вотъ на что направались усилія.

Мирабо разбираетъ въ своемъ журналѣ рѣчи короля про-
изнесенныя 23 іюня. „Онъ лубличны, говоритъ онъ, и безъ
сомнѣнія дозволяется разбирать начала въ нихъ заключаю-
щіяся, и которыя его величество никогда не сталъ бы под-
держивать еслибы не былъ окруженъ аристократами и мини-
страми проводниками деспотизма“. „Мало того что король
предписываетъ законы собранію представителей и даже ихъ
внутренніе распорядки и внѣшнія отношенія, онъ не говоритъ

иначе какъ: *я хочу, я запрещаю, я повелѣваю*, такъ что никогда монархъ не присваивалъ себѣ болѣе формальнымъ образомъ власть безъ границъ и раздѣла. И это нашему-то доброму королю осмѣлились придворные льстецы присовѣтовать такъ обойтись съ націей, созвать которую онъ почувствовалъ потребность! Но чтобы достичь подобной цѣли, какая была надобность собирать представителей народа? Если монархъ свободенъ составлять законы пользуясь наказами разныхъ округовъ, то стоило министрамъ распорядиться чтобы выслали ихъ по почтѣ. Да и въ этой формальности не было надобности.... И тогда, какъ при составленіи регламента, въ то время какъ король безспорно былъ предварительный законодатель (*législateur provisoire*), они не сочли себѣ позволеннымъ установить народныя совѣщанія въ созываемомъ Собраніи, какимъ образомъ теперь, когда законодательное собраніе налицо, хотять они захватить право выдавать законы, которое не можетъ и не должно имъ принадлежать?"

Такимъ образомъ уступчивость Неккера, имѣвшая цѣлью лѣгнуть мнѣніе правительственнымъ либерализмомъ, обратилась въ аргументъ противъ правительства. Мирабо останавливается также на выраженіи въ рѣчи короля, которое онъ называетъ страннымъ: „я хочу также сообщить вамъ тѣ *различныя благодѣянія* какія я дарю моимъ народамъ“. „Какъ будто, восклицаетъ Мирабо, права народовъ суть благодѣянія королей!... Съ какого это времени исполнительная власть имѣетъ починъ въ законодательствѣ? Не хотять ли насъ приравнять собранію нотаблей?"

Вотъ какимъ языкомъ оказалось уже возможнымъ говорить о королѣ. „Министры вздумали что король обращаясь къ Национальному Собранію можетъ употреблять повелительныя выраженія, какими столько злоупотреблялось въ королевскихъ засѣданіяхъ, *lits de justice*? Можетъ ли король кассировать опредѣленія Национальнаго Собранія? Даже допуская королевское *veto*, не должно ли принять что оно ограничивается простымъ несогласіемъ съ тѣмъ или другимъ постановленіемъ собранія, несогласіемъ которое не можетъ касаться его внутреннего порядка и по самому смыслу своему не включаетъ въ себя права кассировать или уничтожать постановленія.“ Такъ возрасли притязанія палаты въ устахъ ея вожака, нѣсколько засѣданій предъ тѣмъ горячо защищавшаго право королевскаго *veto*.

XI.

Наступили три недѣли смуты, отъ 23 іюня до 14 іюля, приведшей къ революціонному взрыву и взятію Бастиліи. Событія шли въ такомъ порядкѣ.

Вечеромъ 23 іюня король призвалъ Неккера. Добродушный монархъ не ощутилъ озлобленія противъ министра протестовавшаго своимъ отсутствіемъ на засѣданіи 23 іюня. Другъ Неккера, Монморенъ, истолковалъ даже что это отсутствіе только облегчаетъ возможность примиренія съ мнѣніемъ помощію того же Неккера. „Король, говоритъ самъ Неккеръ (*De la rév.* I, 307), не показалъ мнѣ никакого неудовольствія, но вмѣстѣ съ королевой просилъ меня отказаться отъ принятаго мною намѣренія выйти въ отставку и сдѣлалъ это съ такою настойчивостію что я сдался.“ Народъ видѣлъ прибытіе Неккера во дворецъ и ждалъ его возвращенія. Когда увидѣлъ короля отправлявшагося въ Трианонъ, встрѣтилъ его молчаливѣмъ. Наконецъ показался Неккеръ. Толпа съ привѣтственными кликами и благословеніями кинулась за нимъ. „Онъ могъ бы, замѣчаетъ свисходительный Мармонтель (IV, 124), скромно возвратиться галереями. Но было бы кажется слишкомъ строго вѣнчать въ преступленіе что онъ не обнаружилъ настолько почтительнаго вниманія королю.“ Когда онъ почти на рукахъ толпы вернулся домой, къ нему явилось Собраніе „не депутаціей, а въ полномъ составѣ“ умолять именемъ отечества, самого короля, для спасенія государства, не выходить въ отставку. „Это была, прибавляетъ Мармонтель, театральная сцена чтобы сдѣлать ненавистною королевскую партію: въ совѣтахъ мятежа было рѣшено уже уничтожить Неккера, если онъ не предается народной партіи.“ Неккеръ высказалъ что онъ одинъ не въ состояніи ничего сдѣлать добраго. „Мы поможемъ вамъ, воскликнулъ Тарже, уполномочившій себя говорить за всѣхъ. Нѣтъ усилій, нѣтъ жертвъ на которыя мы бы не пошли для этой цѣли.—Господишь министръ, сказалъ Мирабо, надѣвъ маску откровенности, я не люблю васъ, но простираюсь ницъ предъ добродѣтелью.—Оставьте г. Неккеръ, кричала толпа, мы васъ умоляемъ, оставайтесь. Тронутый министръ сказалъ: Отвѣчайте за меня, г. Тарже, ибо я не могу говорить самъ.—Итакъ, господа, я остаюсь, воскликнулъ

Тарже: вотъ отвѣтъ г. Неккера! Въ послѣдствіи стало извѣстно, какой чувствительный ударъ нанесла эта сцена сердцу короля. Но это и входило въ намѣренія актеровъ.* Такъ рассказываетъ Мармонтель очевидно по ходившимъ слухамъ, во всякомъ случаѣ характеризующимъ настроеніе.* Баальи въ свои записки занесъ только что вечеромъ у Неккера было большое стеченіе депутатовъ. „Приглашали, пишетъ онъ, и меня, но я не позволилъ себѣ этого шага.“ Дочь Неккера говоритъ что большинство духовенства, меньшинство дворянъ и *есть* депутаты третьяго сословія были у Неккера, такъ что домъ едва могъ вмѣстить собравшихся. Неккеръ, по ея словамъ, убѣждалъ депутатовъ третьяго сословія не простираться слишкомъ далеко притязаній. „Вы теперь болѣе сильные; вамъ приличествуетъ благоразуміе“. (*Oeuvr.* XII, 233). На другой день Неккеръ прислалъ въ Собраніе письмо въ которомъ рассылается въ благодарностяхъ.

24 іюня дворянство и духовенство собрались въ свои камеры, третье сословіе, какъ всегда, въ залѣ общихъ собраній. Во исполненіе королевскаго повелѣнія входы собранія были охраняемы стражей чтобы не пропускать публичку. Воспрещеніе не произвело однако дѣйствія. Несмотря на него, говоритъ Баальи, стражи „впускали постороннихъ и въ залѣ всегда было болѣе *шестьсотъ* зрителей“. Дѣлалось это, по словамъ Молевиля, слѣдующимъ образомъ. „Солдаты привели исполненіе даннаго имъ приказа къ тому что спрашивали у каждаго входящаго депутата ли онъ. Тотъ же часовой который громко дѣлалъ этотъ вопросъ, говорилъ шелотомъ: отвѣчайте да. Такимъ образомъ, кажущаяся строгость состояла въ томъ что доступъ въ залу былъ прегражденъ лицамъ слишкомъ уже дурно одѣтымъ чтобъ ихъ смѣшать съ депутатами.“ Духовенство въ этотъ день обсуждало вопросъ о соединеніи съ

* Камиль Демуленъ, въ письмѣ къ отцу (*Oeuvr.* II, 231), рассказываетъ, по слухамъ, о возвращеніи Неккера въ такой легендарной формѣ. „Толпа послѣдовала за депутатами къ г. Неккеру. Была такъ огромна что дворъ испугался. Закричали: къ оружію! Но ни одинъ солдатъ не двинулся. Король имѣлъ тогда объясненіе съ Неккеромъ длившееся три четверти часа. Онъ вышелъ изъ галлерей держа Неккера за руку.—Вы обѣщаете мнѣ не покидать меня, сказалъ онъ. Неккеръ громко отвѣтилъ:—А вы также, государь, дайте мнѣ слово. Всѣ закричали, даже неслыханная вещь, въ галлерей и въ комнатахъ: Да здравствуетъ Неккеръ.“

третьимъ классомъ для повѣрки полномочій (соединеніе 22 іюня было безъ общаго рѣшенія, такъ какъ засѣданій духовенства въ то время не было). Опрѣдѣтельнаго рѣшенія не состоялось: 142 голоса были поданы за соединеніе, 143 противъ; девять высказались особо, не присоединяясь ни къ той, ни къ другой сторонѣ. Поднялись споры, меньшинство требовало новой подачи голосовъ. Многие члены удалились изъ залы. Пренія тѣмъ не менѣе продолжались. Тѣхъ девять членовъ которые высказали особое мнѣніе уговорили присоединиться къ желавшимъ соединенія. Черезъ это составилось большинство. Формальное соединеніе послѣдовало въ то же утро. 150 членовъ духовенства предводимые архіеписколомъ Виенскимъ вошли въ залу собранія и были привѣтствованы громкими рукопожатіями. Члены духовенства противившіеся соединенію, когда выходили изъ собранія, были непріязненно встрѣчаемы толпой которой успѣли сообщить о происходившемъ. Еще наканунѣ архіепископъ Парижскій, проѣзжая близъ церкви Св. Лудовика, былъ встрѣченъ криками и свистками. Въ этотъ день онъ подвергся оскорбленіямъ еще болѣе ожесточеннымъ. Камни полетѣли въ его карету, онъ былъ слегка раненъ въ лицо. Стража окружавшая карету, по свидѣтельству Камилля Демулена (въ письмѣ къ отцу, *Ouvr.*, II, 321), скорѣе одобряла любленіе чѣмъ охраняла епископа. Вечеромъ толпа осадила его жилище, перебила окна, требуя чтобы онъ вышелъ. Подослѣлъ отрядъ, но ничего не предпринялъ, и толпу успокоили только заявленіемъ вынужденнымъ у архіепископа что онъ завтра присоединится къ собранію. Въ тотъ же вечеръ три депутата изъ Нойона были у Неккера по дѣламъ своего города и по недоразумѣнію были введены прямо въ гостиную, гдѣ было около шестидесяти лицъ изъ приближеннаго къ Неккеру кружка. Хозяинъ нѣсколько сконфузился, послѣвшихъ навстрѣчу вошедшимъ и обладажилъ ихъ исполненіемъ просьбы. Они хотѣли удалиться. „Въ эту минуту какой-то растрепанный молодой человекъ въбѣжалъ въ гостиную крича: браво, браво, мы только что заставили архіепископа Парижскаго обѣщать завтра присоединиться къ третьему сословію.“ Молевиль (I, 227) передавая этотъ анекдотъ свидѣтельствуесть о его достовѣрности. Нѣтъ сомнѣнія, самъ Неккеръ нисколько не участвовалъ въ возбужденіи волненій, но покушая популярности долженъ былъ терпѣть въ своемъ кругѣ и двигателей смуты стремившихся къ дѣлу въ которой онъ покорно видѣлъ велѣніе „мнѣнія“.

Говоря въ письмѣ къ отцу о возбужденіи послѣдовавшемъ за событіемъ 23 іюня, Камилъ Демулень (*Отецъ*, II, 322) разсказываетъ какъ видѣлъ въ Палѣ-Роялѣ принца Орлеанскаго усложняющаго толпу. „Толпа, говоритъ онъ, была громаднѣйшая. Заставили одного аббата на колѣняхъ просить прощенья за то что непримѣчно выразился о нашихъ депутатахъ. *Idem* съ секретаремъ Вѣнскаго посольства, котораго потомъ выгнали изъ Пале-Рояля. Я самъ слышалъ какъ онъ на колѣняхъ просилъ прощенья у націи. Задали сильную палочную трепку кому-то изъ третьяго сословія за то же. Другіе отдѣлались тѣмъ что просили прощенья.... Одну графиню (слѣдующее письмо Демулена, стр. 324) высѣкли въ Пале-Роялѣ за то что говорила что-то противъ г. Неккера.. Хозяинъ квартиры аббата Мори въ Версалѣ не хотѣлъ держать у себя эту антиконституціонную скуфью и заявилъ чтобъ онъ убирался. А патріоты его еще и поколотили. Въ Пале-Роялѣ, тѣ кто имѣютъ голосъ Стендора смѣняются одинъ за другимъ. Влѣзаютъ на столъ; образуется кучка, слушаютъ чтеніе. Читаютъ что въ журналахъ послѣднѣе сказано о событіяхъ времени. Молчаніе прерывается только крикомъ *bravo* въ наиболѣе забористыхъ (*vigouzeux*) мѣстахъ. Тогда патріоты кричатъ *bis*.“

25 іюня присоединилось къ собранію меньшинство дворянъ (47 членовъ), между ними были Толадалъ, Клермонъ Тоннеръ, и принцъ Орлеанскій. Принцъ былъ пріветствованъ восторженными кликами. „Шумные возгласы, лишетъ Молевиль (I 231), достигнувъ до ушей черни, въ окрестностяхъ залы, довели до безумія желаніе взглянуть что происходитъ. Толпа прорвалась чрезъ стражу и осадила двери залы, грозя ихъ выломать. Собраніе увѣдомленное объ опасности отправило къ осаждающимъ Бальи, какъ предсѣдателя, а также архіепископа Вѣнскаго и г. Клермонъ-Тоннера. Эти господа очень вѣжливо просили толпу отойти и увѣрили что, согласно только что состоявшемуся постановленію собранія, будетъ немедленно отправлена депутація къ королю просить о свободномъ доступѣ въ залу; и что по всей вѣроятности двери завтра же будутъ отворены народу.“ Толпа выла просьбамъ.

27 іюня свершилось окончательное соединеніе сословіи. Оно вызвано было письмомъ короля къ предсѣдателямъ первыиъ двухъ классовъ. Въ письмѣ было сказано:

„Имѣя единственною заботой общее благо моего королевства,

желаю болѣе всего чтобы Собраніе сословныхъ представителей (l'Assemblée des États Généraux), послѣ невынужденнаго принятія моея деклараціи 23 іюня, занялось предметами національнаго интереса, а приглашаю мѣе вѣрное дворянство (духовенство) соединиться немедленно съ двумя другими классами, дабы послѣдствовать осуществленію моихъ отеческихъ желаній. Связанные * своими полномочіями могутъ присутствовать воздерживаясь отъ голосованія до полученія новыхъ полномочій. Это будетъ новымъ знакомъ привязанности ко мнѣ дворянства (духовенства).“

Что побудило короля, торжественно заявившаго 23 іюня раздѣльность сословій, требовать теперь соединенія ихъ въ одну палату, со всѣми послѣдствіями такой уступки, равнозначительной признанію пораженія власти монарха? Есть много указаній что королевское рѣшеніе было результатомъ тревоги, почти паники объявленной короля въ виду послѣдствій событія 23 іюня. Неккеръ настаивалъ на неотложной необходимости соединенія сословій. Весьма вѣроятно полагать что аргументъ о ненадежности войска, къ которому, по словамъ дочери Неккера, онъ прибѣгалъ до 23 іюня, дѣйствительно былъ употребленъ имъ въ дѣло послѣ событій этого дня. Броженіе достигло сильной степени. По словамъ де-Ферьера (I, 64), „открыто толковали что надо перебить членовъ дворянскаго большинства; отиѣчали ихъ дома... Говорили что сто тысячъ человекъ придутъ изъ Парижа, сожгутъ дворецъ, перерѣжутъ дворянъ. Эти слухи, искусно распространенные, поддерживаемые присутствіемъ двухъ, трехъ тысячъ наемнаго народа разсѣяннаго около залы собранія, изрыгавшаго потоки оскорбленій и угрозъ противъ членовъ дворянскаго большинства, испугали дворъ... Говорили даже о днѣ избіенія“. Ничто такъ не дѣйствовало на короля какъ страхъ междуусобной войны и пролитія крови. Этотъ страхъ оказался въ словахъ его обращенныхъ къ герцогу Люксамбургу (представителю дворянъ). „Я жду отъ вѣрности и преданности ко мнѣ сословія, котораго вы предсѣдатель, его соединенія съ двумя другими. Я зрѣло сообразилъ положеніе дѣла, я готовъ на всякія жертвы. *Я не хочу чтобы погибъ хотя одинъ человекъ изъ-за меня* (pour sa querelle). Скажите дворянамъ

* Во многихъ наказахъ депутаты обязывались держаться сословнаго раздѣленія въ собраніи.

что прошу ихъ соединиться съ двумя другими сословіями. Если этого не довольно, приказываю имъ какъ король. Это моя воля. Если найдется хотя одинъ изъ членовъ который сочтетъ себя связаннымъ своимъ полномочіемъ, своею клятвой или своею честью и обязаннымъ остаться въ камерѣ, пусть мнѣ скажутъ. Я приду съѣсть рядомъ и умру съ нимъ если нужно.“ Рѣшеніе было сообщено дворянамъ. Въ то же время, однимъ изъ нихъ, получено письмо отъ брата короля умоляющее о соединеніи и дающее понять что двумъ короля грозитъ опасность если сопротивление продлится. „Если король въ опасности, воскликнулъ графъ Севъ-Симонъ хватаясь за шпагу,—отправимся во дворецъ, наше мѣсто около его величества.“

„Когда вѣсть о соединеніи трехъ сословій (Молевиаль, I, 262) распространилась въ Версалѣ, народъ радостно бросился толпой на дворы дворца, вызывая криками короля и королеву. Ихъ величества показались на одномъ изъ балконовъ Мраморнаго двора и были привѣтствованы живѣйшими и единодушными восклицаніями: да здравствуетъ король! да здравствуетъ королева! Несчастливая королева была тронута до слезъ и самъ король не могъ отъ нихъ удержаться... Вся ночь прошла въ иллюминаціяхъ и увеселеніяхъ. На всѣхъ почти улицахъ плашки и танцы. Народъ и граждане смѣшивались съ французскими и швейцарскими гардами, драгунами, гусарами. Столица также отпраздновала иллюминаціей это революціонное соединеніе, перемѣнившее роли сословій или, лучше сказать, уничтожившее два первыхъ въ третьемъ. Разложеніе, уже обнаружившееся во многихъ полкахъ, сдѣлало съ этой минуты быстрѣйшіе успѣхи.“

Въ концѣ іюня, епископъ Шалонскій издалъ окружное посланіе (mandement), въ которомъ предписывалъ въ своей епархіи публичныя молитвы за собраніе представителей королевства. Епископъ рисуеъ положеніе дѣлъ во дни когда еще только подготавлился революціонный взрывъ, самыми мрачными красками изображая отечество на краю гибели. „Духъ своеводія и возмущенія, говоритъ онъ; обнаруживается во всемъ. Граждане вооружаются противъ гражданъ, общее броженіе; всѣ общественныя связи разорваны, отношенія соединяющія государя съ подданными и подданныхъ съ государемъ совсѣмъ не признаются. Священнѣйшія начала отда ны произволу; власть смѣшиваютъ съ деспотизмомъ, само-

вольство со свободой; подъ именемъ братства—недовѣріе и ненависть, подъ именемъ равенства—смута и анархія. Вотъ это пресловутое царство философіи.“ Мирабо энергически старается опровергнуть слова епископа, упрекая его зачѣмъ свѣтъ раздоръ и опасенія. Гдѣ доказательства, спрашиваетъ Мирабо, что всѣ общественныя связи порваны, отношенія подданныхъ къ монарху совсѣмъ не привнаются? „Давала ли когда нація,—имѣеть Мирабо смѣлость присовокупить,—болѣе свидѣтельствъ любви и вѣрности?“ И это за нѣсколько дней до июльскихъ событій!

Между тѣмъ, при дворѣ, послѣ дней унынія и лавику, саѣдовавшихъ непосредственно послѣ 23 іюля, произошелъ нѣкоторый переворотъ. Противники политики Неккера взяли верхъ. Король сталъ удаляться отъ совѣтовъ своего министра. Ему, какъ самъ онъ свидѣтельствуеть, ничего не сообщали. „Были секреты и за секретами секреты.“ (*De la rév. II, 2.*)

Къ Парижу сдвигались войска и были расположены на Марсовомъ Полѣ и въ окрестностяхъ столицы. Маршалъ де-Броль (*Brogie*) призванъ въ Версаля и назначенъ начальникомъ собранной военной силы. Онъ расположилъ артиллерію на главныхъ путяхъ къ Версаю и поставилъ многочисленныя патрули. „Видѣ этихъ лужецъ (*Moleville, I, 274*) и движеніе войскъ раздражали и пугали народъ и большинство депутатовъ. Ихъ страхъ обнаружился письмами которыми они наводнили столицу и провинцію и въ которыхъ приписывали министерству самыя враждебныя и самыя безумныя планы противъ Собранія, въ родѣ того что хотять стрѣлять въ Собраніе раскаленными ядрами; взорвать его боченками пороха и проч. и проч.“ Одинъ изъ депутатовъ (*Веберъ I, 366*) увѣрялъ даже что ощущаетъ запахъ пороха. Ему основательно было замѣчено что порохъ лахнетъ только при воспламененіи. „Агитаторы Пале-Рояля только и говорили (*Moleville I, 274*) о томъ чтобъ отразить силу силой, вооружить гражданъ чтобъ оказать сопротивленіе войскамъ. Въ то же время употребляли всякія средства совратить солдатъ, осыпали ласками тѣхъ которые смѣшивались съ народомъ. Иначе дѣйствовали относительно офицеровъ. Тѣ которые имѣли неблагоразуміе показываться въ Пале-Рояль могли навѣрное ждять грубыхъ оскорбленій. Раздували страхъ голода. Неккеръ содѣйствовалъ безлокоиству неблагоразумнымъ мемуаромъ переданнымъ имъ 10 іюля въ комитетъ продовольствія

и гдѣ говорилъ что дворъ и король вынуждены будутъ вѣсть хлѣбъ съ макиной. Онъ окончилъ мемуаръ словами: „когда люди сбѣжали все что было въ ихъ власти, остается съ терпѣливѣмъ подчиниться законамъ необходимости и великимъ Провидѣніа“ (Moleville, I, 287).

8 іюля Мирабо предложилъ представить королю адресъ объ удаленіи войскъ и просить чтобы въ Парижѣ и Версалѣ были немедленно организованы гражданскіе гарды (des gardes bourgeoises, будущая національная гвардіа).

„Уже значительное число войскъ, говорилъ Мирабо, окружало насъ. Но прибыли новые, прибываютъ ежедневно, сбѣгаются со всѣхъ сторонъ. Тридцать пять тысячъ распределены между Парижемъ и Версалемъ. Ждутъ еще двадцать тысячъ. За ними везутъ артиллерію. Намѣчены пункты для батарей. Занимаютъ всѣ сообщенія. Пересѣкаютъ всѣ проѣзды; наши дороги, мосты, прогулки обращены въ военные посты. Факты взявъ происходящіе, факты скрываемыя, тайныя приказанія, быстрыя отмѣны приказаній, военныя приготовленія бросаются всѣмъ въ глаза и наполняютъ всѣ сердца негодованіемъ... Народъ послѣ волненія въ столицѣ далъ примѣръ повиновенія безконечно замѣчательный въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Была разбита тюрьма, узники освобождены. Прилипчивое броженіе казалось все воспламенить. Но одного слова милости, одного приглашенія короля было достаточно чтобъ успокоить волненіе и произвести то чего нельзя бы никогда было достичь путемъ оружія. Узники надѣли свои цѣпи, народъ пришелъ въ порядокъ. Такова сила разума. Такъ расположенъ народъ къ уступчивости когда вмѣсто угрозъ и униженій ему оказываютъ доброту и довѣріе. * Зачѣмъ же войска въ эту минуту? Никогда народъ не былъ тише, спокойнѣе, довѣрчивѣе. Все возвѣщало ему конецъ его несчастій, все обѣщаетъ возрожденіе государства. Его взоры, его надежды, желанія покоятся на насъ. Какъ не быть намъ около монарха лучшемъ гарантіей довѣрія, повиновенія, вѣрности его народовъ? Если онъ могъ когда-либо въ томъ сомнѣваться, онъ не можетъ нынѣ. Наше присутствіе есть залогъ обществен-

* Въ такомъ ложномъ свѣтѣ представляетъ Мирабо безобразный эпизодъ съ солдатами, воцарившій собраніе въ первые дни іюля, разказанный нами въ восьмомъ разговорѣ.

наго мира, и лучшаго залога, конечно, никогда не будетъ. Ахъ! пусть собираютъ войска чтобы покорить народъ ужасающимъ планамъ деспотизма. Но пусть не увлекаютъ лучшаго изъ монарховъ начать эру счастья и свободы націи въ мрачномъ окруженіи тираниі!.. Присутствіе войскъ, поражаа воображеніе толпы, представляя ей идею оласности, возбуждая страхъ и оласенія, производитъ общее броженіе. Мирные граждане трелещутъ у своихъ очаговъ. Народъ взволнованный, возбужденный, скучивающійся, предается бурнымъ движеніямъ, слѣпо стремится въ оласность: страхъ не разчитываетъ и не разсуждаетъ...

„Пусть совѣтники этихъ пагубныхъ мѣръ скажутъ намъ увѣрены ли они что могутъ сохранить военную дисциплину въ ея строгости, предотвратить дѣйствіе вѣчной ревности между войскомъ національнымъ и иностраннымъ и обратить французскаго солдата въ автомата, отдѣливъ его отъ интересовъ, мыслей, чувствъ его согражданъ? Благоразумно ли, съ точки зрѣнія ихъ системы, приближать солдатъ къ мѣсту нашихъ собраній, электризовать ихъ прикосновеніемъ столицы, заинтересовывать въ нашихъ политическихъ преніяхъ? Нѣтъ, несмотря на слѣпую преданность военного повиновенія, солдаты не забудутъ что мы такое. Они увидятъ въ насъ своихъ родныхъ, своихъ друзей, свою семью, занятую драгоценнѣйшими ихъ интересами. Ибо и они часть націи довѣрившей намъ заботу о ея свободахъ, ея собственности, чести... Эти совѣтники, читали ли они въ сердцѣ нашего добраго короля? Знаютъ ли они съ какимъ ужасомъ взглянулъ бы онъ на тѣхъ кто разожгли бы пламя возмущенія, а можетъ-быть бунта—говоря это содрагаюсь, но я долженъ это сказать,—на тѣхъ кто заставили бы его пролить кровь его народа, были бы первою причиною строгостей, насилій, казней, жертвами которыхъ были бы толпы несчастныхъ.“

Адресъ былъ принятъ единогласно собраніемъ. Но заявленіе Мирабо объ организаціи національ-гардовъ было устранено.

Король не согласился на удаленіе войскъ и вновь, какъ предъ 23 іюня, склонился къ мѣрамъ борьбы и снова съ пловою неудачей. Послѣдовала отставка Неккера. Наступили событія іюльскихъ дней, описанныя нами въ восьмомъ и девятомъ разговорахъ. Бастилія была взята. Собраніе безповоротно побѣдило короля. Революціонный прологъ кончился. Начинается драма.

XII.

Есть масса указаній свидѣтельствующихъ объ участи вожаковъ Собранія въ возбужденіи народныхъ волненій, разрѣшившихся революціоннымъ взрывомъ въ половинѣ іюля 1789 года. Являвшіяся въ Собраніе депутація и присылавшіеся адреса отъ разныхъ группъ гражданъ, поддерживавшіе его въ борьбѣ съ правительствомъ послѣ отказа въ ловиновѣніи 23 іюня, были вызваны и составлены, нѣтъ сомнѣнія, при всяческомъ поощреніи шедшемъ изъ Собранія.

Первая депутація была въ засѣданіи 26 іюня отъ парижскихъ избирателей. Съ выборомъ депутатовъ ихъ обязанность кончалась, но они рѣшили продолжать собираться. Просили Бальи переговорить объ этомъ съ министромъ (г. Вильдеман). Тотъ естественно отвѣтилъ что съ окончаніемъ выборовъ избиратели не имѣютъ никакой официальной функціи. „Къ счастью, замѣчаетъ Бальи, парижскіе избиратели не сдались.“ 25 іюня они собрались въ залѣ Музея въ улицѣ Дофина и порѣшили послать депутацію въ Національное Собраніе и, кромѣ того, просить въ Думѣ залу для своихъ собраній. Депутація явилась въ Національное Собраніе, была принята. Ее пригласили сѣсть съ депутатами и присутствовать при засѣданіи. „Это были, замѣчаетъ Бальи, первыя постороннія лица получившія эту честь, столь расточавшуюся потомъ.“ Скоро Бальи доложилъ о другой депутаціи, еще менѣе законной. Явилась „депутація отъ Пале-Рояля“, то-есть отъ толпы сбравшейся въ саду Пале-Рояльскаго дворца. Бальи нашелъ что слѣдуетъ принять и этихъ „депутатовъ“. Они явились, пишетъ онъ, „очень прилично“. Прочли адресъ, въ которомъ между прочимъ уломинается объ удовольствіи съ какимъ они видятъ герцога Орлеанскаго среди членовъ Собранія. Въ первыхъ числахъ іюля посыпались адреса изъ разныхъ городовъ. Въ адресахъ выражалась признательность Собранію и одобрялись его декреты.

Въ слѣдствіи о событіяхъ 5 и 6 октября есть свидѣтельскія показанія бросающія свѣтъ на подготовку іюльскихъ волненій. Таково между прочимъ показаніе депутата Тайларда (Tailhardat de la Maison-Neuve; *Monit.* II, 553). Свидѣтель 17 іюля, въ день когда король прибылъ въ Парижъ,

ѣхалъ туда въ каретѣ вѣстѣ съ депутатами Малуэ, Короллеромъ и Дюфрессомъ.—„Почему, спросилъ Малуэ Короллера, ваши Бретонцы съ такимъ ожесточеніемъ клеветуютъ на меня въ Собраніи?—Мы прекрасно знаемъ васъ, отвѣчалъ Короллеръ, знаемъ что вы порядочный человѣкъ, но вы умѣренный, а умѣренность викауда не годится для революціи. Въ каретѣ разговаривали преимущественно о тогдашнихъ событіяхъ, Короллеръ говорилъ о своемъ участіи и участіи другихъ бретонскихъ депутатовъ въ происшедшей революціи. Малуэ сказалъ на это:—Но революція не было бы, еслибы торговки и всякая версальская сволочь не преслѣдовали архіепископа Парижскаго.—Вѣдь это мы заставили ихъ дѣйствовать, замѣтилъ Короллеръ.—Ну, вы не достигли бы цѣли, не отпали гвардія и другія войска.—Въ войскахъ мы были увѣрены: мы давно уже были въ перепискѣ со всѣми полками.—Но несмотря на всѣ эти средства, вы навѣрное потерпѣли бы неудачу еслибы дворъ не сдѣлалъ промаха, уволивъ Неккера. Короллеръ отвѣчалъ:—Это событіе только двумя днями ускорило исполненіе нашего плана. Мы были увѣрены что вооружимъ Парижъ, а для того было положено поджечь Бурбонскій Дворецъ. Тогда Малуэ выразилъ что на это не имѣетъ ничего отвѣтить и прибавилъ обращаясь къ Короллеру: Вы хорошо сдѣлали не посвятить меня въ ваши секреты, а бы не могъ одобрить подобныя средства для произведенія революціи.“ Дюфрессъ-Дюше вполне подтверждаетъ показаніе Тайллара.

Молевиль приводитъ достовѣрное свидѣтельство что для возбужденія волненій былъ въ ходу подкупъ: „Группы Пале-Рояля, лишеть онъ о той эпохѣ когда освобождены были солдаты (*Hist.* I, 273), становились со всякимъ днемъ многочисленнѣе, рѣчи зажигательнѣе. Такъ и осталось неизвѣстнымъ кто давалъ деньги чтобы производить эти движенія. Но несомнѣнно что дѣятели ихъ подкупались. По крайней мѣрѣ я могу привести свидѣтельство двухъ моихъ знакомыхъ. Они выходили изъ Пале-Рояля, куда завлекло ихъ любопытство послушать рѣчи и побудило замѣшаться въ толпу. Они нашли у себя въ карманѣ двѣ монеты по шести франковъ въ бумажкѣ съ надписью: будьте нашимъ, въ деньгахъ нуждаться викагда не будете. Если такова была плата простымъ зрителямъ, сколько же платили довѣреннымъ агентамъ, ораторамъ и т. д.?“

Какое участіе въ этой закулисной дѣятельности принималъ Мирабо? Относительно первой недѣли послѣдовавшей до 23 іюня нѣтъ на это какихъ-либо указаній. Въ отчетѣ *Монитера* значится что въ засѣданіи 27 іюня, Мирабо произнесъ рѣчь и предлагалъ проектъ адреса (текстъ дѣйствительной рѣчи и адреса приведены). Но это не точно. Мирабо дѣйствительно заготовилъ рѣчь, но не произносилъ. Произошелъ эпизодъ присоединенія дворянъ, согласно желанію короля, и засѣданіе затѣмъ было закрыто. Мирабо помѣстилъ рѣчь и проектъ адреса въ своемъ журналѣ. Онъ возобновилъ предложеніе и прочиталъ адресъ 1 іюля, по случаю преній о солдатахъ освобожденныхъ народомъ. (Мирабо высказался противъ вмѣшательства въ это дѣло.) Но онъ говоритъ въ XV письмѣ что „былъ боленъ, голосъ его былъ слабъ, адресъ плохо разслушанъ и не былъ подвергнутъ обсужденію“. Въ адресѣ высказывается опасеніе уличныхъ волненій и желаніе чтобы революція совершилась путемъ мирнымъ. Мирабо предлагалъ представителямъ „вливать успокоительный бальзамъ надежды въ мятущіяся сердца и умиротворять ихъ силой убѣжденія и разума.“

Планъ Мирабо, повидимому, былъ тотъ чтобъ избѣгнуть уличныхъ волненій (въ родѣ разграбленія фабрики Ревельоне, онъ упоминаетъ объ этомъ случаѣ въ рѣчи), но направить всѣ усилія къ возбужденію коллективныхъ заявленій со стороны разныхъ группъ гражданъ. Уличные безпорядки могли бы вызвать энергическія мѣры, которыя пожалуй сдѣлали бы правительство властелиномъ положенія и направили бы на путь который, нѣтъ сомнѣнія, взялъ бы самъ Мирабо еслибы былъ во власти, но котораго онъ опасался, имѣя въ виду паденіе этого ничтожнаго правительства. Въ адресѣ встрѣчаемъ тотъ приемъ который такъ часто потомъ употреблялся: перекадывать съ больной головы на здоровую. Волненія возбуждаютъ де аристократы.

Въ первыхъ числахъ іюля Мирабо обнаруживаетъ усиленную дѣятельность. 8 іюля, какъ уже сказано, онъ сдѣлалъ знаменитое предложеніе просить короля объ удаленіи войскъ стагивавшихся вокругъ Версаля и Парижа. Къ этой эпохѣ относится планъ сверженія короля и порученія управленія государствомъ принцу Орлеанскому. Сомнительно чтобы былъ организованный заговоръ въ этомъ отношеніи. Еще сомнительнѣе чтобъ участвовалъ въ немъ Мирабо. Молчаливо подводить мины было

не въ его характеръ, и Мунье выражается о немъ такъ: „Тѣмъ кто знаютъ графа Мирабо извѣстно что онъ не въ силахъ молчать о своихъ проектахъ. Эта невоздержность на слова, постоянно ему измѣняющая, его недостатокъ, но для другихъ это быть-можетъ благодѣяніе Провидѣнія.“ (*Monit.* II, 578). Во всякомъ случаѣ у Мирабо мелькалъ въ умѣ переворотъ который отнялъ бы власть у ничтожнаго наличнаго правительства, но былъ бы монархическаго характера, въ условіяхъ которыя открывали бы поприще его честолюбію. Въ то время какъ Бальи наивно преклонялся предъ собраніемъ котораго былъ предсѣдателемъ, Мирабо внутренно презиралъ это собраніе и тяготѣлъ къ принципу власти, но не въ рукахъ толпы крикуновъ, на которую онъ умѣлъ дѣйствовать, съ которою никакой прочный расчетъ не возможенъ.

Депутатъ Бергасъ показывалъ что въ то время когда поднять былъ вопросъ о томъ чтобы просить короля удалить войска (значитъ около 8 июля) онъ былъ въ залѣ духовенства вмѣстѣ съ Мирабо. Тутъ же были Лафайетъ, Мунье, Дюпоръ и Лю Руврей, бывший прокуроръ Женевской республики. „Долго спорили о необходимости поддержать королевскую прерогативу. Послѣ этого разговора Лафайетъ всталъ чтобы переговорить съ Джефферсономъ, посланникомъ Соединенныхъ Штатовъ, мы стали говорить о теперешнемъ правленіи. Мирабо не скрывалъ что мы никогда не сдѣлаемъ шага къ свободѣ, если не достигнемъ того чтобы произошла революція при дворѣ. Когда спрашивали его въ чемъ должна она состоять, онъ далъ понять что необходимо возвести принца Орлеанскаго въ званіе намѣстника королевства. Кто-то спросилъ: а если принцъ не согласится? Мирабо отвѣтилъ что принцъ говорилъ ему на этотъ счетъ много любезностей (*lui avait dit sur cela des choses très aimables*).“ Мунье въ сочиненіи *Appel à l'opinion publique*, выданномъ по случаю сѣдствія о событіяхъ 5 и 6 октября, передаетъ тотъ же разговоръ. Мунье присовокупляетъ что послѣ королевскаго отвѣта на адресъ объ удаленіи войскъ Мирабо пригласилъ его въ одно изъ отдѣленій, гдѣ онъ и нашелъ его съ Бюзо и Робеспьеромъ. Мирабо уговаривалъ Мунье не противиться второму замышлявшемуся имъ адресу. Мунье не соглашался, высказалъ сожалѣніе что въ Парижѣ употребляются всякія средства чтобы

развратить солдатъ, и что фразы заключавшіяся въ первомъ адресѣ могутъ сильно подѣйствовать на нихъ въ этомъ смыслѣ. Мунье прибавилъ что въ вышнѣшемъ положеніи честолюбивый принцъ появившись среди войскъ, раздавъ предвзвѣдительно деньги и брошюры, можетъ овладѣть трономъ. Мирабо отвѣтилъ: „Какой вы чудакъ! (Mais bonhomme que vous êtes). Я также какъ вы преданъ монархическому началу. Но какая разница если у насъ будетъ Лудовикъ XVII вмѣсто Лудовика XVI? Какая необходимость чтобы нами правилъ младенецъ? (qu'avons nous besoin d'un bamin pour nous gouverner?)“ Послѣ рѣзкаго отвѣта Мунье, Мирабо перемѣнилъ тогъ. Мунье передалъ разговоръ свой Лафайету. „Я замѣтилъ, прибавляетъ онъ, что тотъ зналъ болѣе меня“.

(*Monit.* II, 569). Описанный разговоръ передаетъ также Бергасъ, слышавшій о немъ отъ Мунье, а свидѣтель Пельтье показывалъ что слухъ о планѣ партіи принца Орлеанскаго и о словахъ Мирабо ходилъ въ кофейныхъ и клубахъ. Наконецъ Камилъ Демуленъ, котораго Мирабо, по показанію Пельтье, звалъ своимъ *сеидомъ* (*Monit.* II, 523), въ *Секретной исторіи революціи* (*Histoire secrète de la révolution, Oeuvr.* I, 308) свидѣтельствуетъ о закулисныхъ дѣйствіяхъ въ первые мѣсяцы революціи. „Никто меня не увѣритъ, говоритъ онъ, что отъ моего краснорѣчія чрезъ какіе-нибудь полчаса произошло движеніе 12 іюня, когда я всталъ на столъ и призвалъ народъ къ свободѣ, и когда какъ изъ земли выросли два бюста, принца Орлеанскаго и Неккера?“ Демуленъ припоминаетъ въ какой гнѣвъ пришелъ Мирабо когда въ эпоху событій 5 и 6 октября узналъ что принцъ Орлеанскій уѣхалъ въ Лондонъ. „Повѣритъ ли кто-нибудь чтобы въ теченіе пятнадцати дней прожитыхъ мною въ Версалѣ у Мирабо, непосредственно предъ 6 октября, я не видалъ никакихъ предвѣстниковъ дней 5 и 6 октября?“ Достоинно замѣчанія что Камилъ Демуленъ въ своей *Секретной Исторіи* безъ церемоніи изображаетъ рядъ послѣдствительныхъ революціонныхъ дѣятелей какъ смѣну однихъ безчестныхъ негодяевъ другими; искаючаетъ только Робеспьера, не предчувствуя что этотъ герой чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ подао отправить его самого на эшафотъ. „Стоитъ вспомнить, говоритъ Демуленъ (*Oeuvres*, I, 310), что первый камень клуба Якобинцевъ положилъ, кто же? Шапелье.

Среди нашего вырождающагося поколѣнія пришлось намъ кумиръ свободы строить изъ ночныхъ горшковъ... Чудесно послужило намъ что всѣ интриганы добивались популярности чтобы быть замѣченными и чрезъ то выиграть и приобрести кое-что у правительства. * Они начинали съ того что наладили на дворъ и тѣмъ съ большею горячностію чѣмъ дороже хотѣли себя продать. Такимъ образомъ новые рекруты интригановъ прибывали къ намъ въ якобинскіе ряды и служили намъ къ тому чтобы побивать ветерановъ, по мѣрѣ того какъ эти эмигрировали. Такъ Шалелье, Бомететы, Демёнъ были выгнаны изъ клуба Дюпорами и Барнавами, а эти Бриссонами и Роланами. Такимъ образомъ всѣ эти Некеры, герцоги Орлеанскіе, Лафайеты, Шалелье, Мирабо, Балли, Деменье, Дюпоры, Ламеты, Пасторе, Черутти, Бриссо, Рамовы, Петіоны, Гаде, Женсоне были не иное что какъ нечистые сосуды Амазиса изъ которыхъ въ матрицакъ якобинцевъ была отлита золотая статуя республики. До нашихъ дней думали что нельзя основать республики иначе какъ помощію добродѣтелей, подобно древнимъ законодателямъ. *Безсмертная слава нашего общества та что она создала республику помощію пороковъ.*"

Камиль Думулень въ извѣстной степени правъ. Пышное восхваленіе „добродѣтелей“ вожаковъ революціоннаго разгрома есть самая наглая историческая ложь. Если подвергнуть участниковъ революціоннаго переворота суду съ точки зрѣнія нравственности, то истинные примѣры добродѣтелей встрѣтимъ только въ рядахъ сословія павшаго подъ ударами революціи. Дворянство революціонной эпохи отличалось замѣчательнымъ отсутствіемъ политической мудрости, но и необычайнымъ развитіемъ чувства чести, у однихъ перешедшаго

* Въ подлинникѣ сказано: „Ce qui nous a servi merveilleusement c'est que tous les intrigans ayant besoin de la faveur populaire pour se faire remarquer de l'intendant Laporte et de gagner d'abord la confiance du peuple pour gagner ensuite un plus fort dévidende dans la liste civile, commençaient par attaquer la cour avec d'autant plus de chaleur qu'ils voulaient s'en faire acheter plus cher“. Чтобы рельефнѣе передать смыслъ этой фразы мы сдѣлали ея воляный переводъ. Рецента извѣстный: чрезъ либеральную оппозицію правительству приобретать популярность дабы выиграть у самого правительства.

въ неуступчивую надменность, у другихъ проявлявшагося яркими подвигами благородства, вѣрности, великодушія. Въ первую эпоху революціи, дѣйствительно честные дѣятели переворота, приносившіе безъ личныхъ расчетовъ честолюбія пожертвованія дѣлу свободы, которому думали служить, были изъ лицъ дворянскаго сословія. Въ эпоху террора, съ поруганнымъ челоуѣчествомъ мирять только черты самоотверженія и покорности жертвъ, большинство которыхъ было изъ тѣхъ кого звали аристократами. Въ средѣ дореволюціоннаго дворянства страхъ позора былъ всегда сильнѣе страха смерти. У этихъ павшихъ аристократовъ надо учиться умирать. Самъ Лудовикъ XVI, ничтожный правитель повергшій своею роковою слабостію государство въ бездну, одинъ разъ въ жизни явился королемъ во всемъ царственномъ величіи— въ минуту своей казни.

Объ агитаторской дѣятельности Мирабо, въ два послѣдніе взятія Бастиліи, есть нѣсколько свидѣтельствъ. Въ эти дни повсюду пущены были слухи о разбойникахъ, побудившіе народъ вооружаться образуя національную стражу. „Повсюду, говоритъ Бальи (II, 159), въ окрестностяхъ Парижа только и рѣчи было что объ угрозахъ разбойниковъ тамъ разсѣявшихся чтобы грабить все что попадется. Намъ сообщали объ этомъ депутаціи отъ встревоженныхъ селеній. На Лафайета было возложено оказать имъ помощь. Но слухи нигдѣ не оправдались. Припоминаю что около этого времени какой-то челоуѣкъ носившій известное имя, которое я забылъ, явился ко мнѣ сообщить что встрѣтилъ со стороны Монъ-Ружа, куда отправлялся, цѣлый отрядъ разбойниковъ и вынужденъ былъ вернуться въ Парижъ. По провѣркѣ оказалось, никакихъ разбойниковъ не было. Другой разъ мнѣ пришли сказали вечеромъ, часовъ около восьми, что видѣли отрядъ вооруженныхъ людей челоуѣкъ около восьмисотъ, который, выйдя съ бульвара, перешелъ площадь Лудовика XV и направился къ рѣшеткѣ Елисейскихъ Полей. Я послалъ предписание г. Рюльеру направить кавалерію въ эту сторону и въ сторону Шальё, гдѣ находилась въ нашемъ домѣ моя жена. Я боялся за ея безопасность въ случаѣ если отрядъ шелъ для грабежа. Вечеромъ я ушелъ часовъ въ десять, раздумывая идти ли мнѣ по обыкновенію одному въ Шальё по дорогѣ гдѣ видѣли разбойниковъ.

Рѣшилася идти — и не встрѣтилъ ни людей, ни оружія. На другой день узналъ что и кавалерія тоже никого не нашла. Особенно странно что эти слухи и страхъ разбойниковъ разсѣивались по всему королевству. Въ то же время толковали что скашиваютъ незрѣлый хлѣбъ. Это была не правда. Но слухи о заговорахъ, преступленіяхъ, новости о бѣдствіяхъ воспроизводились со всѣхъ сторонъ и въ рѣчахъ, и въ писаніяхъ. Провинціи были объаты ужасомъ; граждане въ городахъ, земледѣльцы въ деревняхъ бросали работу и шли вооружаться. Страхомъ хотѣли довести до беспорядковъ, беспорядками до анархіи, анархіей до деспотизма. Думаютъ также, и не безосновательно, что хотѣли, посѣявъ общій ужасъ, заставить весь народъ, въ деревняхъ и городахъ, вооружиться. Но кто установилъ такое общее согласіе? Кто улотребилъ необходимыя средства и издержки на содержаніе агентовъ которымъ надо было платить чтобы дѣйствовали и развѣзжали? Это тайна которую можетъ-быть разъяснить будущее. Почти такое же согласіе было относительно момента революціи. Кажется мнѣ, съ 13 на 14 іюля было возстаніе въ Руанѣ. Но въ чемъ я вполнѣ увѣренъ это въ томъ что въ эти дни, то есть въ тѣ же дни какъ въ Парижѣ, въ Реннѣ была революція. Молодежь вооружилась, войско передалось на сторону города, арсеналъ былъ разграбленъ, народъ возмутился, и комендантъ Ланжеронъ вынужденъ былъ спастись бѣгствомъ. Такимъ образомъ событія въ Бретани были какъ бы копіей событій въ Парижѣ или, точнѣе, тѣ и другія были какъ бы копіей нѣкоторой условленной и данной модели.“

„Никогда хорошенько не было узнано, лишетъ Тулонъ (I, 94), какимъ магическимъ способомъ въ восемь дней всѣ общины Франціи поднялись на ноги и вооружились противъ мнимыхъ разбойниковъ, которые разрушали и жгли жатвы и которые всюду разыскиваемые и преслѣдуемые не оказывались нигдѣ. Депутаты общинъ являлись въ собраніе просить помощи и уходили съ тѣмъ что требовалось: съ приказаніемъ вооружиться... Можно полагать что тутъ много помогаль Мирабо. Способъ его былъ довольно простъ. Курьеры, отправясь въ одинъ и тотъ же день, проѣзжали Францію по всѣмъ радіусамъ, имѣя единственнымъ порученіемъ всюду говорить что они оставили разбойниковъ за нѣсколько лье позади себя и что они везутъ

приказаніе вооружаться. Общее броженіе и слухи лущенные впередъ были достаточнымъ условіемъ чтобы сдѣлать шагъ къ которому умы были подготовлены. Менѣе чѣмъ въ восемь дней Собраніе узнало что оно имѣетъ армию въ нѣсколько сотъ тысячъ человекъ, ждущую его приказаній. И оно было столько благоразумно что давало ихъ, изъ страха что станутъ дѣйствовать и безъ приказаній. Такъ образовалась національная гвардія“ (I, 95).

„Меня увѣряли, говоритъ Бальи о той же эпохѣ (II, 155), что Мирабо иногда по два раза въ день бываетъ въ Парижѣ. Мнѣ сказали что онъ ночью отправляется въ участки.“

Н. ЛЮБИМОВЪ.

ВНѢ КОЛЕИ *

Р О М А Н Ъ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

XI.

О, не пытайся духъ унять тревожный!
Твою тоску я знаю съ давнихъ поръ,
Твоей душѣ покорность невозможна,
Она болитъ и рвется на просторъ.

Гр. А. Толстой.

Анна Григорьевна всю ночь не смыкала глазъ. Какъ ни раздражена она была противъ Нади, сознание своей несправедливости сначала незамѣтно, потомъ все громче говорило въ ней. Чувствовать себя неправомъ предъ кѣмъ-либо было для нея всегда невыносимо. И когда ей приходилось сознаваться предъ собой въ неправотѣ, она не въ силахъ была ужиться съ этимъ чувствомъ или отстранить его. Она рѣзко и грубо обращалась съ Надей въ этотъ вечеръ, потому что ее возмутили все еще непорванные сношенія племянницы съ тѣмъ кого она считала убійцей сына. „Положимъ, твердила она себѣ, я на этотъ счетъ ошиблась. Но развѣ отъ этого Нада менѣе виновата? она

* См. *Русск. Вѣстн.* №№ 1, 2, 3, 4, 5 и 6.

продолжала встрѣчаться съ Неродовичемъ и ни словомъ не заикнулась объ этихъ свиданіяхъ. Развѣ тѣмъ самымъ она не становилась его сообщницей? И если не оны, а Гондзевскій стрѣлялъ въ Дмитрія, это нисколько не извиняло Надю, такъ какъ очевидно было что въ Бѣлыхъ Столбахъ завелась дѣлая шапка дѣйствующая заодно. Но внутренній голосъ обличалъ Анну Григорьевну въ неискренности. Когда она взяла Надю въ свой домъ, ей хорошо были извѣстны прежнія отношенія ея къ Неродовичу. Анна Григорьевна знала что они еще долго будутъ тяготѣть надъ бѣдною дѣвушкой, и сама Нада едва ли сумѣетъ иль даже захочетъ разорвать ихъ. Ей слѣдовало привязать къ себѣ племянницу и оградить ее отъ новыхъ попытокъ этихъ людей. Такъ она сперва и поступала, но развѣ за послѣднее время она не оттолкнула Надю безпричинною холодностію? Странною перемѣной въ своихъ отношеніяхъ къ ней она сама отняла у Нади опору, дала ей пожалуй снова подласть подъ вліяніе Неродовича. Совѣсть укоряла ее все рѣшительнѣе и прямѣе. Вѣдь не могла же она, въ самомъ дѣлѣ, подозрѣвать Надю въ тайномъ заговорѣ. Кто знаетъ какъ можетъ-быть бѣдная дѣвушка за послѣдніе дни боролась съ собой, какъ тяжело было ея безысходное положеніе. И Анна Григорьевна даже не попыталась вызвать ее на откровенное признаніе. Она сама виновата если Нада, можетъ-быть, не сумѣла устоять противъ мнимаго долга предъ этими людьми. И теперь одного слова вырвавшегося у молодой дѣвушки было достаточно чтобы дать ей поводъ оскорбить Надю самымъ жестокимъ, самымъ несправедливымъ образомъ. Она не постыдилась даже упрекнуть Надю за то что та изъ милости жила въ ея домѣ. Вѣдь Нада, пожалуй, не захочетъ остаться въ этомъ домѣ, и сама Анна Григорьевна такимъ образомъ втолкнуетъ бѣдную дѣвушку въ тотъ омутъ изъ котораго она ее съ такими усиліями вырвала. Всю ночь старушка повторяла себѣ это, и безсонница все грознѣе вызывала въ ней чувство вины и отвѣтственности. Блѣдный утренній свѣтъ, прокрадываясь сквозь ставни, застигъ ее уже въ рѣшимости загладить нанесенную обиду.

Но въ то же время ей не давала покоя другая тревожная мысль. Во всемъ поведеніи Нади, когда ей пришлось выслушивать упреки тетки, да и въ словахъ Дмитрія тоже, когда оны узналъ о случившемся, Анна Григорьевна подмѣтила

что-то странное, недосказанное. Молодая дѣвушка не отвѣтила ей съ тѣмъ гнѣвнымъ негодованіемъ какого заслуживали ея оскорбительныя слова. Тяжелое горе, боязнь за Дмитрія, вотъ что сказывалось тогда у Нади. А самъ Дмитрій? какъ глубоко возмутили его слова матери! Какъ бросился онъ опрометью чтобъ отыскать Надю и утѣшить ея!..

Анна Григорьевна не досказала себѣ того объясненія которое само просилось къ ней на умъ. Что если она ошиблась насчетъ чувства сына къ молодой дѣвужкѣ?

Едва услѣла она сойти въ кабинетъ, гдѣ по утрамъ до чаю занималась счетами, какъ Дмитрій показался въ дверяхъ. Онъ зашелъ къ матери чтобъ уговорить ее сдѣлать первый шагъ къ примиренію. Дмитрій сталъ доказывать что Анна Григорьевна совершенно напрасно залодозрила Надю, что бѣдная дѣвушка и безъ того мучилась за послѣднее время, не находя выхода изъ своего двойственного положенія.

Анна Григорьевна слушала его молча, стараясь разгадать что кроется за его кажущимся спокойствіемъ.

— Ее нельзя винить за то, продолжалъ онъ,—что она не рѣшалась сразу оторваться отъ старыхъ друзей. И если Надя такъ долго оставалась вѣрна своему прошлому, то вѣдь это, согласитесь, заслуживаетъ уваженія.

— Ты зналъ про ея свиданія съ Неродовичемъ? перебила его Анна Григорьевна.

— Догадывался, по крайней мѣрѣ.—И Дмитрій разказалъ ей про свою встрѣчу съ молодой дѣвужкой на Федотовой лѣскѣ.—Я не захотѣлъ добиваться признаній, я зналъ что рано или поздно она выскажется.

Онъ заговорилъ теперь горячо, объясняя матери, почему онъ самъ ни на минуту не усомнился въ Надѣ.

Слушая его Анна Григорьевна все больше убѣждалась въ своей несправедливости къ Надѣ. Она не колебаясь рѣшила что возьметъ назадъ свои обидныя слова. Но разговоръ съ сыномъ открывалъ ей глаза и насчетъ того подозрѣнія которое прежде залало ей на мысль. •

— Будь откровененъ со мною, Дмитрій, сказала она вставая и глядя прямо въ лицо сына.—Ты ее любишь!.. Ты и не подумалъ,—съ укоромъ продолжала она,—къ чему это можетъ повести. Въ твои года нельзя поступать какъ влюбленный мальчикъ.

— Я все обдумалъ, и рѣшилъ что Надя будетъ моею женою, спокойно и твердо возразилъ Дмитрій.

Этотъ прямой отвѣтъ озадачилъ Анну Григорьевну.

Часто бываетъ что изумляешься услыхавъ то самое о чемъ догадываешься уже давно.

— И ты говоришь про эту свадьбу какъ про вещь самую обыкновенную? воскликнула она.

Дмитрій все съ тѣмъ же спокойствіемъ отвѣтилъ что онъ не сомнѣвается въ ея согласіи.

Она не разслышала, такъ сильно было ея волненіе.

— И ты рѣшилъ не сказавъ мнѣ ни слова? Неужели ты могъ думать что мнѣ это будетъ пріятно? Или тебѣ можетъ-быть все равно огорчить старуху мать? Ты, пожалуй, обойдешься и безъ моего согласія?

— Зачѣмъ вы это говорите? Вѣдь вы меня знаете...

Анна Григорьевна уже не владела собою. Недавнее чувство раскаиванья смѣнилось теперь новымъ приливомъ раздраженія.

— Ты можешь поступать какъ тебѣ угодно. Можешь же-ниться на комъ хочешь, но благословенія своего на эту безобразную свадьбу я не дамъ.

— И вы все это говорите потому только что Нада бѣдная сирота, безприданница?

— Безприданница, рѣзко возразила она, останавливаясь предъ сыномъ,—хорошо же ты меня знаешь! Коли тебѣ все равно жениться на бѣдной, не я стану тебѣ навязывать богатыхъ невѣстъ. Да моего имѣнія и хватить, пожалуй, на тебя и на Володю. Еслибы ты вздумалъ жениться на любой безприданной дѣвушкѣ, видитъ Богъ, я бы не стала тебѣ мѣшать! Правда, не то я имѣла ддя тебя въ виду, я надѣялась что теперь, когда нѣтъ уже помѣхи для твоей свадьбы съ Еленой...

— Какъ, вы думали? перебилъ онъ ее и почти засмѣялся услышавъ такъ неожиданно имя Елены.—Вы забыли что десять лѣтъ тому назадъ сами такъ долго отказывали мнѣ въ своемъ согласіи, когда...

— И вѣчно буду въ томъ раскаиваться. У Леночки Лучицкой тоже не было гроша за душой, но она была изъ хорошаго, честнаго семейства.

— Честнаго? да! вырвалось у Дмитрія горькое восклицаніе:—Хороша честность!

— За такую невѣсту мнѣ не пришлось бы краснѣть, не слушая его продолжала Анна Григорьевна.—Она не убѣжала, какъ твоя Нада, изъ родительскаго дома. Она не водилась съ цѣлою артелью шалопаевъ.

— Мамаша, да какъ вы можете... хотѣлъ остановить ее Дмитрій.

— Нѣтъ, тебѣ нужно всю правду сказать! Ты думаешь, я могу спокойно принять въ свою семью дѣвушку которая Богъ вѣсть какихъ мерзостей насмотрѣлась въ Москвѣ, да за границей, да и кто знаетъ, насмотрѣлась ли только...

— За Надю я отвѣчаю какъ за себя! воскликнулъ Дмитрій.

— Такъ всѣ влюбленные говорятъ. На мою невѣстку не должна падать и тѣнь сомнѣнія, и мнѣ стыдно за тебя коли ты самъ этого не понимаешь.

Анна Григорьевна заходила по комнатѣ.

— Вотъ, стало-быть, мнѣ награда за то, продолжала она,— что я изъ состраданія приняла къ себѣ чужую въ домъ! Очень мнѣ нужно было не въ свое дѣло соваться!

— Чтò же, теперь вы хотите ее выпнать изъ дому? Пусть она себѣ погибаетъ, лишь бы не страдало ваше самолюбіе.

— И ты мнѣ это говоришь, Дмитрій? съ изумленіемъ, не вѣря ушамъ возразила Анна Григорьевна.—Я никого, кажется, до сихъ поръ не выгоняла на улицу, а тѣхъ и подавно предъ кѣмъ я себя чувствую виноватою. Не съ твоей Нади мнѣ начинать, успокойся; я еще не научилась людямъ обиды наносить, да на нихъ же ихъ вымещать.

— Если вы обѣщаете быть съ ней попрежнему ласковою, я не буду настаивать. Мы съ Надей подождать можемъ. Время покажетъ вамъ что вы въ ней ошиблись, а пока я отсюда уйду чтобы не давать повода къ несчастіямъ въ семьѣ.

— Ты уйдешь? воскликнула съ испугомъ Анна Григорьевна, но она не успѣла прибавить ни слова: за дверью послышались легкіе шаги.

— Тетя, можно къ вамъ? постучалась Надя.

— Оставь насъ вдвоемъ, живо сказала Анна Григорьевна сыну.—Мы послѣ съ тобой переговоримъ. Уйхаты! вотъ еще чтò выдумалъ.

— Вы мнѣ обѣщаете обойтись съ ней мягко и справедливо? Помните, она беззащитная.

— Я, кажется, никогда еще не заставляла напоминать себѣ про данное слово, отвѣтила ему мать.—Будь спокоенъ.

Анна Григорьевна отворила дверь и впустила Надю. Дмитрій вышелъ, молча поздоровавшись съ Надей.

— Какъ я рада что ты сама пришла, сказала Анна Григорьевна, усаживаясь за лисьменный столъ.—Я хотѣла идти

къ тебѣ на верхъ, я виновата предъ тобою, Нада, забудь про вчерашній вечеръ.

Она проговорила это съ усиленіемъ, словно боролась съ собою, но вдругъ она пританула къ себѣ молодую дѣвушку и поцѣловала ее въ лобъ какъ въ прежніе дни.

— Я обидѣла тебя, бѣдная моя, прибавила она съ мягкостію какой давно уже не было въ ея голосѣ.

— Нѣтъ, тетя, отвѣтила Нада чуть слышно, — вамъ незачѣмъ предо мною извиняться, не для того я сюда пришла чтобы напомнить вамъ про вчерашній вечеръ.

Голосъ молодой дѣвушки оборвался. Анна Григорьевна пристально и удивленно всмотрѣлась въ ея блѣдное лицо.

— Мнѣ надо просить васъ, продолжала Нада, собравшись съ силами, — отлучить меня. Я не могу оставаться въ вашемъ домѣ.

— Какъ, даже послѣ того что я просила у тебя прощенія?

Нада покачала головой.

— Вы меня не поняли, тетя. Повѣрьте, во мнѣ теперь говорить не самолюбіе. Я просто не могу здѣсь оставаться.

Анна Григорьевна была изумлена и даже оскорблена немало.

— Да зачѣмъ же тогда? спросила она, — и куда ты поѣдешь?

— Обо мнѣ не беспокойтесь, твердо и тихо отвѣчала молодая дѣвушка, — я себѣ дорогу найду.

Анну Григорьевну такъ поразило рѣшеніе Нады что она и не подумала съ какимъ усиленіемъ проговорила это молодая дѣвушка.

— Стало-быть, тетя, продолжала Нада, — вы мнѣ дадите лошадей въ городъ, я думаю уѣхать завтра.

Анна Григорьевна встала.

— Да ты въ самомъ дѣлѣ затѣяла уѣхать? И ты думаешь, я такъ тебя и луцзу на всѣ четыре стороны?...

За нѣсколько минутъ предъ тѣмъ еслибъ она узнала о намѣреніи племянницы, она бы, можетъ-быть, ему обрадовалась: это была такая простая неожиданная развязка; а теперь въ ней громко вдругъ заговорила жалость къ бѣдной дѣвушкѣ, которую нельзя же оставить на произволъ случайностей. Недавняго озлобленнаго чувства, вызваннаго признаніемъ Дмитрія, словно не стало.

— Нѣтъ, вѣтъ, ты не уѣдешь, заговорила она опять, — ты вѣдь не къ отцу вернешься, я знаю. Гдѣ тебѣ жить одной?

— Я могу найти себѣ работу, спокойно отвѣтила Нада.

— Работу, да, это вѣчная бредня молодежи! съ возрастающею горячестію отвѣтила Анна Григорьевна.—Швеей ты что ли сдѣлаешься или какими-нибудь несчастными переводами будешь заниматься? Полно, не дури. Это такъ издали все легко кажется! А ну-ка подумай что въ самомъ дѣлѣ съ тобой будетъ, куда ты отсюда пойдешь? Въ какіе-нибудь номера меблированные, гдѣ всякіе проходимцы останавливаются. И ты въ девятнадцать лѣтъ, да слабенькая такая, останешься какъ персть одна! Пойми же что этого нельзя.

Надя молча, не двигаясь съ мѣста, выслушала тетку. Только судорожно сжимавшіеся пальцы выдавали ея тревогу.

— И объясни же мнѣ съ чего ты это вздумала, коли ты правду говоришь и на меня не обижаешься? Развѣ тебѣ съ нами худо было?

Анна Григорьевна совсѣмъ забыла какъ сама она встрѣтила вѣсть о намѣреніи сына. Она помнила только что судьба племянницы на ея отвѣтственности.

— Не спрашивайте меня, тетя, съ видимымъ усиленіемъ проговорила Нада.—Повѣрьте, для всѣхъ насъ будетъ лучше если я уѣду.

Когда Нада проснулась въ это утро, дневной свѣтъ, ярко заливавшій ея комнату, вдругъ совершенно иначе освѣтилъ ея собственное положеніе. Мечты унесенныя ею въ уютную тишину спальни разсѣялись какъ сонъ. Лучи утренняго солнца немилосердно и рѣзко говорили ей что то были неосуществимыя мечты. Развѣ она могла стать женой Дмитрія иначе какъ цѣной семейнаго разлада, можетъ-быть даже полнаго разрыва между матерью и сыномъ? Она знала какъ непреклонна воля тетки, а насчетъ того, согласится ли та добровольно видѣть ее женой сына, она сомнѣваться не могла. Вѣдь еще за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ, тетка недвусмысленно высказалась предъ ней, и жгучее сознаніе понесенной обиды воскресло въ ея памяти, откуда на мигъ изгнали его нѣжныя слова Дмитрія. И еслибы даже можно было надѣяться на счастливый исходъ, развѣ она не постыдилась бы насильно вступить въ чужую семью, гдѣ она вѣчно будетъ какою-то самозванкой? Нѣтъ, она не войдетъ въ эту семью лотаевою дверью, она не станетъ кривыми путями добиваться согласія тетки. Получить это согласіе изъ милости, послѣ борьбы и полпрековъ, гордость ей не позволяла. Она лучше заглушить въ своемъ сердцѣ любовь. Она принесетъ эту жертву семьѣ

Коредкихъ и уѣдетъ изъ Бѣлыхъ Столбовъ. Чѣмъ раньше она сдѣлаетъ это, тѣмъ лучше. Не оскорбленное чувство говорило уже въ ней, — она готова была простить Аннѣ Григорьевнѣ. Что значили мелочныя страданія самолюбія предъ тѣмъ добровольнымъ безутѣшнымъ страданіемъ которое навсегда обезцвѣтитъ ея жизнь? Но лучше его принять твердо, не колеблясь, чѣмъ подвергнуть себя униженію предъ собою и другими. И Нада рѣшила что сегодня же объявить теткѣ о своемъ намѣреніи уѣхать.

Анна Григорьевна теперь поняла настоящую причину рѣшенія Нади, и тотчасъ же сказала себѣ что жертвы этой она не приметъ. Конечно, съ отъѣздомъ молодой дѣвушки сами собой исчезали всѣ ея тревоги насчетъ Дмитрія, но Анна Григорьевна возмущалась при мысли что свое личное спокойствіе она обезпечитъ насчетъ будущности Нади.

— Нѣтъ, мой другъ, нѣтъ, сказала она взволнованнымъ голосомъ, — я тебя не пущу. Не говори мнѣ пожалуй отчего ты захотѣла уѣхать, можетъ-быть я и сама догадываюсь. Но какія бы у тебя ни были причины, я ихъ принять не могу. Я обѣщала твоему отцу беречь тебя, и пока ты не пристроена какъ слѣдуетъ, я слово свое выполняю свято.

Анна Григорьевна привалась горячо убѣждать ее. Нада долго отстаивала свое намѣреніе, упорно отказываясь отъ искушенія послушаться тетки; но въ ней самой поднимался голосъ повторявшій слова Анны Григорьевны, и кто знаетъ, можетъ-быть слабая надежда прокрадывалась въ ея сердце и говорила ей что время—могучій союзникъ.

— Когда ты будешь постарше, мой другъ, продолжала Анна Григорьевна,—ты поймешь что никогда не надо вдругъ на что-либо рѣшаться. Всю жизнь проплачешь, потому что не захотѣла лишній день обдумать затѣянное. Обѣщай мнѣ хотя съ недѣлю еще здѣсь пожить, а потомъ увидимъ. Все уладится, повѣрь мнѣ, и совсѣмъ не такъ даже какъ мы съ тобой думаемъ теперь.

Въ ухахъ Нади эти слегка загадочныя слова прозвучали почти какъ обѣщаніе.

Нада уступила; рѣшимость ея мало-по-малу подалась и ослабла отъ настойчивыхъ убѣжденій тетки. Оставшись одна, Анна Григорьевна долго просидѣла неподвижно за письменнымъ столомъ. Она перебирала всѣ подробности своего разговора съ сыномъ и Надей, и ей казалось что какая-то невѣдомая сила толкаетъ ее въ ту сторону куда она не хочетъ

идти. Но развѣ она могла поступить иначе и не уговорить Надю остаться? Невольно она преклонялась предъ самопожертвованіемъ молодой дѣвушки. Время все уладить, повторала она себѣ, прибѣгая къ этому вѣчно готовому утѣшенію. Въ первый разъ съ тѣхъ поръ какъ она себя помнила, Анна Григорьевна рассчитывала на помощь этого ненадежнаго рѣшителя жизненныхъ задачъ.

ХII.

Кирилль день еще не миновалъ.

Графъ А. Толстой.

Дмитрій между тѣмъ отправился на село чтобъ объясниться съ Брусковымъ. У самой плотины ему встрѣтился чернхоторскій старшина, вѣхавшій на телѣжкѣ.

— За мной посылать изволили? поклонился тотъ съ видомъ человека который не догадывается зачѣмъ его позвали.

— Вы слышали что случилось вчера?

— Слышалъ, какъ не слышать, озорство какое, прости Господи, а вы молодчика этого сами изволили скрутить? Прекрасное дѣло.

— Онъ пока на постояломъ дворѣ сидитъ подъ карауломъ. Такъ я васъ и хотѣлъ попросить перевести его въ волость и продержать въ арестантской пока слѣдствіе начнется.

— Будьте покойны—не убѣжить! самодовольно засмѣялся старшина, твердо убѣжденный повидимому въ надежноту сельскаго узилища.

— А вотъ и еще вещественное доказательство, сказалъ Дмитрій доставая изъ кармана пулю небольшого калибра.—Трое изъ моихъ рабочихъ сегодня обшарили мѣсто куда по расчету долженъ былъ попасть зарядъ и нашли вотъ эту штучку.

— Скажите пожалуйста, удивился старшина, съ недоувѣрчивымъ любопытствомъ встрахивая пулю на ладони.—Ишь мошеникъ, окаанный какой! съелъ онъ нужнымъ прибавить, какъ будто виновность Гондзевскаго усидивалась тѣмъ что нашли пулю.

— Не понимаю только какъ зачали они на эту вещьцу. Нюхъ какой-то особенный, молодцы!—Дмитрій взялъ обратно пулю изъ рукъ старшины.—Это мы для слѣдователя прибе-

режемъ, сказалъ онъ. — Ну, а насчетъ того про что мы съ вами въ прошлый разъ толковали? Никакихъ подозрительныхъ личностей не оказывается?

— Рѣшительно никакихъ-съ, всю волость обшарить велѣлъ; будьте благонадежны; у насъ вотъ въ Черныхъ Хуторахъ мужичекъ одинъ проживаетъ со стороны, Ефимомъ прозывается. Только ничего, паспортъ у него исправный.

— А, вотъ какъ! улыбаясь отвѣтилъ Дмитрій, пораженный неожиданнымъ извѣстиемъ и проникательностію старшины. — Не Ефимъ ли это Петровъ, машинистъ?

— Тотъ самый-съ, мастеръ отличный. Онъ у одного солдата безсрочнаго живетъ. Мужичекъ былъ у насъ, Пахомомъ его звать, отъ надѣла своего отказался и такъ лутается кое-гдѣ. Блажной такой. Домъ свой, значить, брату отдалъ, солдату-то тому, Ефимъ у него и проживаетъ. А самъ Ефимъ, могу васъ увѣрить, человекъ надежный и аккуратный.

— Да, да, оборвалъ разговоръ Дмитрій съ трудомъ сдерживая смѣхъ. — Спасибо за ваши хлопоты. А теперь вы ужь пожалуста Гондзевскимъ этимъ займитесь.

Старшина опять поклонился и мелкою рысью поѣхалъ къ Акимову двору.

Брускова Дмитрій засталъ за любимымъ занятіемъ—у токарнаго станка.

— Что прикажете, Дмитрій Алексѣевичъ? заговорилъ учитель, подымаясь съ мѣста и предлагая Дмитрію стулъ.

— Благодарю васъ, я постою. Объясненіе у насъ будетъ самое короткое и, надѣюсь, приведетъ къ обоюдному соглашенію.

Брускова слегка покоробило отъ тона которымъ были произнесены эти слова.

— Вы напались сюда помѣсячно, продолжалъ Дмитрій, — такъ я васъ попрошу сегодня же въ конторѣ получить свое жалованье по 1 августа и сегодня же выѣхать изъ Бѣлыхъ Столбовъ.

— Очень хорошо-съ, Дмитрій Алексѣевичъ, съ принужденнымъ смѣхомъ отвѣчалъ Брусковъ, — а соблагодите ли вы объяснить мнѣ причину такого неожиданнаго мѣропріятія?

— Причина очень простая, съ холодною сдержанностію продолжалъ Дмитрій. — Я считаю ваше пребываніе здѣсь неудобнымъ, ну хотя бы вслѣдствіе той роли которую вамъ угодно было разыграть при обмежеваніи крестьянской земли.

— Ага, дерзко отвѣтилъ Брусковъ,—это должно-быть почтенная кузина ваша, Надежда Сергѣевна....

— Господи въ Брусковъ, оборвалъ его Дмитрій, съ трудомъ сдерживаясь,—прошу васъ не забываться.

Между его бровями легла глубокая морщина. Трость которую онъ держалъ въ рукѣ быстро завертѣлась. Это была дорогой камышъ съ небольшимъ свинцовымъ кистемемъ вмѣсто набадашника.

— А васъ, господи въ Корецкій, спокойно возразилъ Брусковъ,—я попрошу вспомнить что здѣсь я пока у себя, и если вамъ угодно было зайти ко мнѣ...

— Хорошо, допустимъ это; всего я еще не досказалъ. Вы должны къ завтрашнему дню не только оставить Бѣлые Столбы, но и здѣшній околотокъ.

— Какіе предѣлы угодно вамъ указать для этого неопредѣленнаго лонятія?

— Вы понимаете меня какъ нельзя лучше, съ возрастающимъ нетерпѣніемъ отвѣтилъ Дмитрій.—Отправляйтесь куда вамъ угодно, но предупреждаю васъ что если завтра васъ застанутъ въ здѣшней мѣстности...

— Ну-съ?

— Послѣдствія, думаю, были бы для васъ не совсѣмъ пріятны.

— Такъ-съ! меня бы улекли въ мѣста не столь отдаленныя?

— Какъ видите, этого пока не дѣлаютъ, но вторично предупреждаю васъ: если я узнаю что вы отсюда не убралесь — а узнать это я берусь,—другой отсрочки уже не будетъ.

— И тогда все-таки значить альгвазилы? великодушія хватило ровно на 24 часа.

— Великодушничать я съ вами и не думаю. Еслибъ я дѣлалъ вамъ честь находить васъ опаснымъ, можете быть увѣрены что церемониться съ вами не сталъ бы, а такъ рукъ жарать не стоить.

— А все-таки, язвительно замѣтилъ Брусковъ, засовывая руки въ карманы,—доставили себѣ удовольствіе предъ собой порисоваться рыцарскимъ благородствомъ. Эхъ, Дмитрій Алексѣевичъ, ужъ коли искоренять такъ искоренять, мы лелебемъ, этихъ деликатностей не понимаемъ.

— Я въ этомъ и не сомнѣваюсь.

Дмитрій направился къ выходу.

— А теперь у меня до васъ есть еще одна просьба,

т. слх.

прибавилъ онъ, надѣвая шляпу.—Потрудитесь вашему пріятелю, господину Неродовичу, передать отъ меня что данный мною вамъ совѣтъ относится и къ нему, и что если онъ желаетъ полпрежнему здравствовать на поприщѣ своей полезной дѣятельности...

Лицо Брускова приняло удивленный видъ.

— Не давайте себѣ труда притворяться: совершенно было бы напрасно. Могу васъ увѣрить что мнѣ доподлинно извѣстны ваши отношенія къ Неродовичу или, если хотите, къ машинисту Ефиму Петрову.

— Такъ отправляйтесь же сами отыскивать этого машиниста, воскликнулъ Брусковъ,—коли вамъ до него есть дѣло!

— Въ этомъ я не вижу ровно никакой надобности, такъ какъ пріятель вашъ, могу васъ въ томъ увѣрить, завтра же убѣдится что я шутить не люблю, если вы его заблаговерменно не предупредите.

Дмитрій отвернулся чтобы выйти, но въ ту же минуту растворилась дверь, и въ ней показалась фигура Неродовича.

Увидавъ Дмитрія мнимый машинистъ, вѣрный своей роли, снялъ шляпку и почтительно поклонился. Тѣмъ не менѣе оба они, пораженные неожиданною встрѣчей, смѣрили другъ друга пристальнымъ взглядомъ.

— Вы мнѣ только-что говорили что незнакомы съ господиномъ Неродовичемъ, скрестивъ руки на груди обратился Дмитрій къ Брускову.

На мигъ глаза Неродовича невольно остановились на лицѣ Брускова, какъ бы желая угадать что тутъ сейчасъ произошло.

— Я не думалъ отрицать что знаю Ефима, спокойно отвѣтилъ учитель.

Нѣсколько секундъ всѣ трое молчали. Дмитрій и Неродовичъ съ трудомъ сдерживали накопившее у нихъ чувство взаимной ненависти.

— Я поручилъ Брускову, заговорилъ опять Дмитрій глядя въ упоръ на своего врага,—передать вамъ что до завтрашняго дня вамъ даю срокъ если хотите цѣлымъ отсюда убраться.

— Какъ вы изволите, Дмитрій Алексѣевичъ, такъ говорить что мнѣ словно и не въ домекъ, продолжалъ Неродовичъ притворяться мужикомъ.

— Оставьте эту жалкую комедію, я знаю кто вы такой, знаю какія милыя дѣлшки вы здѣсь затѣвали; наконецъ,

знаю гдѣ васъ найти. И если вы мнѣ опять попадетесь на глаза, я съ вами расправляюсь какъ слѣдуетъ. Поняли?

Лицо Неродовича страшно поблѣднѣло и гнѣвныя искры словно брызнули изъ его глазъ, но онъ все еще сдерживался.

— Ничего не понимаю. Знать меня кажись изволите,— Ефимъ, въ машинистахъ у васъ жилъ. За паровикъ что ли на меня гнѣваетесь?

— А-а, ну коли такъ, воскликнулъ Дмитрій,—коли ты все еще мужика изъ себя корчишь, пусть будетъ по твоему! Только такихъ мерзавцевъ какъ ты изъ поля вонъ, чтобы духу твоего завтра здѣсь не было, по-русски я кажется съ тобой говорю?—Дмитрій встряхнулъ его за плечо.—Понялъ? А теперь вонъ отсюда. Пошелъ! И сильвымъ движеніемъ онъ оттолкнулъ его къ двери.

Теперь Неродовичъ не владѣлъ уже собою. Кровь залила бѣлки его глазъ. Предъ нимъ былъ человѣкъ котораго онъ ненавидѣлъ болѣе всѣхъ на свѣтѣ, который отнялъ у него любимую женщину, и этотъ человѣкъ только-что жестоко оскорбилъ его...

— А, ну, такъ къ чорту же тебя!... воскликнулъ онъ, и рука его стала шарить въ боковомъ карманѣ...

Дмитрій замѣтилъ это движеніе, и въ тотъ самый мигъ когда Неродовичъ вынулъ изъ кармана револьверъ, онъ со всего размаха ударилъ его по рукѣ выше кисти свинцовымъ набалдашникомъ. Рука онѣмѣла отъ боли, но не выпустила пистолета. Дмитрій кинулся впередъ и схватилъ противника за локоть. Неродовичъ только-что успѣлъ перехватить револьверъ другою рукой, какъ Брусковъ бросился къ нему чтобы удержать его.

— Ты съума сошелъ? Стрѣлять чтобы народъ сбѣжался? Давай сюда пистолеть!..

Дмитрій обхватилъ Неродовича сзади обѣими руками и крѣпко стиснулъ его, не давая двинуться съ мѣста.

— Берегитесь! крикнулъ онъ Брускову, но тотъ успѣлъ отскочить въ сторону схвативъ пріятеля за другой локоть.

— Давай пистолеть, говорятъ тебѣ! Куда дѣвалось твое пресловутое хладнокровіе?

Взбѣшенный Неродовичъ нѣсколько секундъ силился отъ нихъ высвободиться, но Дмитрій держалъ его какъ въ желѣзныхъ тискахъ; вдругъ точно пристыженный своею безпомощностію Неродовичъ выпустилъ пистолеть.

— Вотъ, бери, коли ты съ нимъ заодно, злобно сказалъ онъ Брускову.

Тотъ подвѣлъ револьверъ съ полу.

— Теперь, кажется, Дмитрій Алексѣвичъ, сказалъ онъ,— трагическаго исхода нечего уже бояться. Въ моихъ рукахъ эта штука не опасна.

Дмитрій теперь пустилъ Неродовича. Въ первый мигъ тотъ, въ порывѣ бѣшенства, хотѣлъ снова кинуться на своего врага; но отрезвленіе тотчасъ наступило. Сознавая свое безсиліе, онъ не двинулся съ мѣста. Короткій, почти беззвучный смѣхъ Брускова словно подчеркнул его пораженіе.

— Плохо же вы владѣете собою, сказалъ Дмитрій не слухая съ Неродовича глазъ.—Ну, да не въ томъ дѣло. Слова своего я назадъ не возьму: совѣтую вамъ не забыть того что я сказалъ.

Въ самыхъ дверяхъ онъ обернулся къ Брускову:

— А вы все-таки зайдите въ контору за деньгами.

— Не беспокойтесь, смѣясь возразилъ тотъ:— презрѣннаго металла я не презиралъ никогда.

Оставшись вдвоемъ съ Брусковымъ, Неродовичъ на него яростно накинулся:

— Еслибы не ты, я бы убилъ его; ты мнѣ за это отвѣтишь!

— А тебѣ очень на каторгу хочется? продолжалъ подтрунивать Брусковъ.

— Кто каторги боится, тому соваться къ намъ не за чѣмъ.

— Прибереги же по крайней мѣрѣ свое геройство для инаго случая, когда заговорить въ тебѣ не личная ненависть! Много пользы для нашего дѣла коли однимъ помѣщикомъ будетъ меньше на Руси.

При этихъ словахъ, въ Неродовичѣ тотчасъ зашевелилось то сознаніе чужаго превосходства какое неизбѣжно внушаетъ самообладаніе. Въ его головѣ мелькнуло что, увлекаясь, нельзя руководить другими. Воля его словно выпрямилась и окрѣпла.

— Въ нашемъ распоряженіи еще цѣлый день, сказалъ онъ,— надо имъ воспользоваться.

— Да, чтобы наострить лыжи какъ можно скорѣе. Ты довѣряешь можетъ-быть великодушію господина Корецкаго?

— Ну, братецъ мой, не тебѣ меня учить кому можно довѣряться, кому нѣтъ. Ты хотѣлъ бы чтобы мы смиренно удалились, да еще поблагодарили за то что насъ пока не отправили въ кутузку? Нѣтъ, я здѣсь послѣ себя лампачъ оставляю.

— Какъ хочешь, а я такъ уберу свои ложитки, да маршъ на желѣзную дорогу.

— Молодецъ! Да ты прямо ужъ иди къ начальству, пови- нись во всемъ и проси себѣ мѣсто писаря гдѣ-нибудь въ ка- земной палатѣ.

Брусковъ между тѣмъ, не теряя времени, досталъ изъ-подъ лавки небольшой ланошеванный чемоданъ.

— Для нашего дѣла, сказалъ онъ, — я поѣду куда угодно, но, воля твоя, для личной мести я пальцемъ не двину. Да и много ты услѣдшь въ эти нѣсколько часовъ! Поладеться въ руки полиціи да и только.

— Ну, это мы еще увидимъ; а ты, братецъ, трапка и больше ничего!

Сказавъ это, Неродовичъ вышелъ и крупными шагами направился къ Акимову двору.

XIII.

La légalité nous tue.

Gesizot.

Вернувшись домой, Дмитрій изумился увидавъ стоавшаго у крыльца жандарма. Терентій объяснилъ ему что прокуроръ съ исправникомъ изволили пріѣхать за четверть часа предъ тѣмъ. „И ихъ вотъ,—онъ указалъ съ неодобреніемъ на жан- дарма,—на козлахъ съ собою привезли.“ На вопросъ Дмитрія жандармъ коротко отвѣтилъ: „не можемъ звать“, причемъ вы- тавулся по военному и посмотрѣлъ на вопрошавшаго строго и въ то же время почтительно, какъ подобало бывшему виж- нему чину, который однако чувствовалъ себя однимъ изъ орга- новъ власти. Дмитрій послѣшилъ въ гостиную, гдѣ Анна Гри- горьевна съ грѣхомъ пополамъ поддерживала разговоръ съ неожиданными гостями. Красныя лятна выступившія на ея лицѣ свидѣтельствовали о томъ какъ мало удовольствія ей доставлялъ этотъ официальный наѣздъ, да еще съ прибав- кой вооруженной силы. Боровской, не заѣзжавшій въ Бѣлые Столбы съ того самаго вечера когда онъ сдѣлалъ предложе- ніе Надѣ, теперь совсѣмъ уже не смотрѣлъ другомъ дома. Весь замкнутый въ судейскую сдержанность, онъ словно ле- делъ воздухъ своими рѣчами, да и Аннѣ Григорьевнѣ было съ нимъ неловко, и это ощущеніе, какъ часто бываетъ, она вымещала на немъ же. Хотя Николай Осиповичъ объяснилъ

ей свой прѣздъ купно съ начальникомъ мѣстной полиціи необходимою собрать кое-какія свѣдѣнія о злоумышленникахъ, будто бы скрывавшихся въ околоткѣ, она холодно отвѣчала что ничего про это знать не можетъ и что ему слѣдуетъ обратиться къ ея старшему сыну. Немудрено что при такихъ условіяхъ разговоръ не блисталъ оживленіемъ. Почтенный исправникъ пробовалъ было сладко лебезить, выставляя на показъ лайковую перчатку ослабительной бѣлизны на своей лѣвой рукѣ, но его притворная заботливость о здоровьи хозяйки, приправленная сожалѣніемъ о непріятностяхъ съ мужиками, повидимому ея вовсе не тронула. Амфилохій Никандровичъ ощутилъ приливъ уваженія къ своему полицейскому сыну, и счелъ долгомъ ей дать почувствовать что власть которою онъ облеченъ можетъ выказать и свою карающую силу.

— Да-съ, ваше превосходительство, сказалъ онъ,—наши обязанности подчасъ весьма тяжелы. Намъ приходится иногда доискиваться тайнаго зла въ самыхъ уважаемыхъ домахъ, гдѣ нельзя бы и подозрѣвать чего-нибудь неблагонамѣреннаго.

Анна Григорьевна молча приподняла на плечи соскользнувшую было мантилію. „Понимаю, къ чему ты рѣчь klo-вишь“, отвѣтилъ исправнику ея нѣмой взглядъ.

— Надѣюсь, продолжалъ уже съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ Амфилохій Никандровичъ,—что племянница ваша не вступала ни въ какія сношенія...

— Я уже говорила вамъ, остановила его тотчасъ Анна Григорьевна,—что за Надю я отвѣчаю. Не въ домекъ мнѣ, государь мой, про какія тутъ сношенія вы завели рѣчь.

Какъ скоро рѣчь зашла о Надѣ, Боровской придалъ своему лицу совершенно каменную неподвижность.

— А вотъ насчетъ того что вы намъ сообщили, продолжалъ Амфилохій Никандровичъ,—про вчерашнее злодѣяніе,—Анна Григорьевна съ первыхъ же словъ разказала о покушеніи Гондзевскаго,—надо принять мѣры, рѣшительныя, такъ сказать, мѣры... Въ какія времена мы живемъ, скажите пожалуйста!

Боровской подыалъ на исправника свои холодные глаза.

— Да кажется, сказалъ онъ,—Дмитрій Алексѣевичъ уже самъ распорядился насчетъ арестованія подозрѣваемаго имъ лица... Въ энергіи повидимому недостатка не было, прибавилъ онъ съ отгвнкомъ провіи.

Дмитрій вошелъ.

— Николай Осиповичъ имѣеть что-то сказать тебѣ, тотчасъ обратилась къ сыну Анна Григорьевна.

Дмитрій холодно раскладывался съ Боровскимъ и съ исправникомъ.

— Признаюсь, началъ онъ,—я былъ нѣсколько озадаченъ увидавъ на крыльцѣ такого непривычнаго посѣтителя.

— Его присутствіе будетъ конечно непродолжительно, očekивали Боровской тономъ челоѣка который читаетъ протоколъ или резолюцію,—тѣмъ болѣе что вы не откажетесь помочь намъ полезными указапіями.

Дмитрій молча на него посмотрѣлъ, какъ бы приглашая его объяснитьсь.

— Вамъ, я думаю, продолжалъ тотъ,—случайно уже пришлось узнать отъ меня въ городѣ что мы попали на слѣдъ опаснаго агитатора, называвшагося купцомъ Аладьивымъ. Онъ повидимому догадался что его разыскиваютъ, такъ какъ подъ этимъ же именемъ, то-есть разумѣется съ подложнымъ видомъ, имъ отправленъ былъ въ Симбирскъ одинъ изъ его товарищей, нѣкто Гольдштейнъ. Тамошняя полиція извѣщаетъ насъ что этотъ Гольдштейнъ успѣлъ уже оттуда скрыться. Между тѣмъ, мы разузнали что прежній Аладьинъ, переодѣвшись мужикомъ, выбылъ въ уѣздъ и находится теперь въ здѣшней мѣстности. Намъ достоверно извѣстно что онъ успѣлъ добыть пару крестьянскихъ лошадей, которыхъ будто бы собирався повести на ярмарку въ Дѣвичью слободу, а предварительно отвелъ на одинъ изъ постоялыхъ дворовъ города на тотъ самый, гдѣ останавливаются обыкновенно и ваши лошади. Но въ тотъ же день купленная имъ пара была перепродана содержателю двора, а самъ онъ куда-то скрылся. Все это, между прочимъ, подтвердилъ вашъ кучеръ, видѣвшій его тамъ въ день земскихъ выборовъ.

Анна Григорьевна, съ усиленнымъ вниманіемъ слѣдившая за разказомъ Боровскаго, при этихъ словахъ заволновалась и прервала Николая Осиповича.

—Какъ, вы допрашивали моего кучера?

Николай Осиповичъ улыбнулся.

— Приставу втораго стана, продолжалъ онъ,—поручено было допросить его безо всякихъ формальностей, и, благодаря этому, мы приобрѣли еще одно цѣнное указаніе. Тотъ самый челоѣкъ котораго онъ встрѣтилъ на постояломъ дворѣ прожилъ у насъ въ Никольскомъ цѣлыхъ десять дней,

лодь именемъ Ефима Петрова, въ качествѣ машиниста. Мы имѣемъ основаніе предполагать что это не кто иной какъ государственный преступникъ Неродовичъ.

При этомъ имени какой-то неопредѣленный страхъ овладѣлъ Анной Григорьевной. Конечно, она не имѣла повода выгораживать Неродовича; она бы даже обрадовалась его арестованію, но почему-то она чувала бѣду въ спокойной послѣдовательности съ которою Боровской шелъ къ какой-то невольнѣ еще выясненной цѣли. Въ его словахъ, казалось ей, была не одна настойчивость официального преслѣдователя; въ нихъ была еще затаенная злоба, направленная не противъ Неродовича только.

Амфилохій Никандровичъ слушалъ прокурора съ разсѣяною улыбкой человѣка которому все это кажется довольно скучнымъ. Его слегка коробило, какъ это при дамѣ можно вѣсти такое сухое формальное объясненіе.

— Ефимъ Петровъ у меня дѣйствительно прожилъ нѣсколько дней и затѣмъ былъ окончательно разчитанъ. Не объясняю себѣ только, чѣмъ я могу вамъ быть въ настоящемъ случаѣ полезенъ.

— Очень просто, Дмитрій Алексѣевичъ, вы можете помочь намъ разыскать этого мнимаго Ефима.

Дмитрій вслыхнулъ.

— Извините меня, но въ сыщики я рѣшительно не гожусь.

— Вы меня не поняли! Я попрошу васъ отвѣтить только на одинъ вопросъ. Вы конечно знаете, гдѣ проживаетъ, или по крайней мѣрѣ проживалъ Ефимъ?

— Вы совершенно ошибаетесь; повторяю вамъ: онъ былъ разчитанъ, и затѣмъ я свидѣній о немъ не имѣю. Знаю только что онъ не здѣшній, а безземельный крестьянинъ Хвалынского уѣзда.

Боровской олять улыбнулся.

— Да, сказалъ онъ,—и знаете не хуже меня, насколько онъ дѣйствительно крестьянинъ.

— Кто онъ на самомъ дѣлѣ, равнодушно отвѣчалъ Дмитрій,—я этимъ, признаюсь, не интересовался.

— И теперь не станете интересоваться, покачалъ головой Николай Осиповичъ,—если даже я скажу вамъ что этотъ самый Неродовичъ волновалъ и вашихъ, и Никольскихъ крестьянъ? что онъ уже раньше этого проживалъ въ здѣшней мѣстности, такъ какъ вполнѣ дозволено его участіе въ безпорядкахъ бывшихъ въ имѣніи предводителя?

Анна Григорьевна слушала съ возрастающею тревогой. Вотъ, стало-быть, каковы были дѣйствія этого Неродовича, и Нада, знавшая про нихъ, все-таки скрывала отъ нея истину, да и Дмитрій тоже,—вѣдь онъ догадывался что Неродовичъ здѣсь, и все-таки онъ не сдѣлалъ ровню ничего чтобы предать въ руки властей такого опаснаго человѣка!

Амфилохій Николаевичъ счелъ нужнымъ усложнить ее увѣреніемъ что всѣмъ этимъ ужасамъ будетъ теперь положенъ конецъ, такъ какъ Неродовича схватятъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

— Можетъ-быть все это такъ и было, сказалъ Дмитрій,—но вы забываете что я не обладаю ни полицейскою властію, ни въ особенности полицейскимъ чутьемъ.

Боровской почувствовалъ намекъ, и его передернуло отъ презрительнаго тона которымъ были сказаны эти слова.

— Насчетъ власти, отвѣтилъ онъ,—могу васъ только поздравить съ тою энергіею какую вы обнаружили при арестованіи Гондзевскаго. У васъ, кстати сказать, замѣчательная склонность къ тому что принято называть самоуправствомъ, склонность впрочемъ издавна свойственная русскому дворянству.

— А потрудитесь мнѣ указать тѣ средства съ помощью которыхъ можно, соблюдая и законъ, и деликатность, задержать преступника, пока явится на мѣсто одинъ изъ многочисленныхъ, но всегда отсутствующихъ представителей короннаго правосудія? Или можетъ-быть вы думаете что я своимъ краснорѣчіемъ убѣдилъ бы господина Гондзевскаго спокойно дожидаться слѣдователя?

Боровской слегка покачался, не двигаясь съ мѣста, и придалъ своему лицу выраженіе снисходительнаго участія.

— Вы одно только упустили изъ виду, сказалъ онъ,—тѣ затрудненія которыя вы теперь создали для самого себя. Бываютъ случаи когда выгодаше, а стало-быть...—Онъ слегка зашуршалъ,—и практичнѣе смотрѣть сквозь пальцы.

— Когда въ васъ отрѣзаютъ изъ-за куста? разсмѣялся Дмитрій.—И вамъ случалось это правило примѣнять въ своей прокурорской дѣятельности?

— Что же, однако, вы станете дѣлать теперь? продолжалъ не смущаясь этимъ Боровской.—Пошлете заявленіе слѣдователю и поднимете сенсационное дѣло, въ которомъ вамъ придется можетъ-быть услышать отъ адвоката несомнѣн-

любезныя вещи? И ради гадательнаго обвиненія этого мелкаго негодая начнется кутерьма городскихъ слатень, передовыхъ корреспондентій какого-нибудь Безвидова. Охота вамъ это затѣвать!..

Дмитрій слушалъ молча, и насмѣшка все яснѣе проступала на его губахъ.

— Бросьте обвиненіе! вотъ вамъ мой совѣтъ. Знаете что сказалъ бы вамъ губернаторъ еслибъ ему пришлось съ вами на этотъ счетъ объясниться? Его превосходительство, вѣроятно, съ полнымъ участіемъ къ вамъ, разумѣется, намекнулъ бы на тѣ неудобныя послѣдствія которыя изъ такого дѣла могутъ возникнуть для самой администраціи. Какой предлогъ для трескучей защитительной рѣчи съ политической окраской, для ядовитыхъ намековъ газетъ! Гондзевскій превратится въ либеральнаго мученика; изъ личной мести сдѣлаютъ аграрное преступленіе. „И какъ же вы, Дмитрій Алексѣичъ, скажетъ губернаторъ,—вы, человекъ просвѣщенный, могли довести у себя въ имѣніи до такого прискорбнаго случая, влекущаго за собою такія хлопоты и затрудненія?“

Дмитрій промолчалъ нѣсколько секундъ, будто извлекаая весь сокъ изъ доводовъ Боровскаго.

— И несмотря на всѣ эти неприятели для властей я все-таки сегодня же отправлю къ Коневецкому свое заявленіе.

— Какъ вамъ угодно, только позвольте мнѣ удивиться вашей непреклонности относительно Гондзевскаго, въ виду явнаго вашего нежеланія сколько-нибудь содѣйствовать намъ въ отысканіи гораздо болѣе опаснаго преступника.

— Я васъ не понимаю.

Брови у Дмитрія сдвинулись, и улыбка сошла съ его губъ.

— Да неужто же вы меня хотите увѣрить, Дмитрій Алексѣичъ, что вы не догадывались кто такой Ефимъ Петровъ?

— Я думаю, перебилъ его Дмитрій,—вамъ лучше прекратить эти ни къ чему не ведущія объясненія. Вы только-что обвиняли меня въ излишней крутости, а теперь чуть ли не подозреваете въ какой-то солидарности съ агитаторами!..—Сказавъ это, Дмитрій обратился къ исправнику:—Амфилохій Никандровичъ, если вы думаете приступить къ дознанію здѣсь на мѣстѣ, нашъ домъ совершенно въ вашемъ распоряженіи. Я сейчасъ велю привести вамъ чернильницу и бумагу.

Амфилохій Никандровичъ олъшмль.

— Помилуйте, какое же тутъ дознаніе! мягко возразилъ онъ. — Мы не станемъ тревожить вашу матушку, а пораспрошу развѣ кое-кого изъ крестьявъ... не правда ли, Николай Осиповичъ?

Боровской холодно кивнулъ головой.

— Это ужъ ваше дѣло, сказалъ онъ. — За мною будетъ очередь тогда лишь, когда вы накроете отыскиваемую личность, а на то у васъ есть привезенный вами жандармъ.

Амфилохій Никандровичъ почувствовалъ какую-то скрытую иронию въ словахъ Боровскаго и счелъ нужнымъ слегка пріосагнаться.

— Не безлокойтесь, Николай Осиповичъ, заявилъ онъ съ обидчивостью не лишнюю достоинства. — Я кажется слишкомъ десять лѣтъ занимаю свою должность. Отыскать мнѣмаго Ефима Петрова будетъ не трудно, тѣмъ болѣе что намъ доставлены фотографическіе портреты Неродовича.

„Еще учить меня вздумалъ“, мысленно добавилъ онъ, „а самъ то чтѣ? Говорить-то гораздъ, а расчетъ исполнительности...“ И Амфилохій Никандровичъ также мысленно щелкнулъ языкомъ, ощущая полное неуваженіе къ представителю новыхъ властей, во многомъ умалившихъ прежнее всемогущество полиціи.

— Такъ если позволите, ваше превосходительство, обратился онъ къ Аннѣ Григорьевнѣ, — я теперь васъ покину и отдамъ кое-какія приказанія... А вы Николай Осиповичъ, спросилъ онъ у Боровскаго, — на моихъ лошадяхъ обратно въ городъ поѣдете?

Боровской кивнулъ головой и усѣлся возлѣ Анны Григорьевны, ни словомъ болѣе не касаясь обстоятельства вызвавшего его въ Бѣлые Столбы. Дѣловые вопросы словно перестали для него существовать, хотя лицо его сохраняло невозмутимую прокурорскую строгость. Не прошло и десяти минутъ, какъ онъ всталъ и простился. Имя Нади не было произнесено ни имъ, ни Анной Григорьевной.

— Вѣхивъ! подозвалъ между тѣмъ жандарма вышедшій на крыльцо Амфилохій Никандровичъ, — отправляйся сейчасъ въ волость къ старшиѣ.

— Слушаю-съ, ваше высокородіе, по военному отвѣчалъ Вѣхивъ и тотчасъ повернулъ на лѣво-кругомъ.

— Постой, болванъ! закричалъ на него Берендѣевъ. —

Разспроси у него хорошенько, да и писаря тамошняго, канцеляю, построже за бока, чтобъ они тебѣ тамъ всёхъ по выточкѣ разобрали, кто за послѣдній мѣсяцъ въ волости сталъ проживать изъ стороннихъ и всё ли паспорта ихъ аваны тамъ. А кто окажется, долпроси построже и паспорта ихъ отбери.

Амфилохій Никандровичъ подробно объяснялъ, какъ слѣдуетъ ему приняться за дѣло, чтобъ изловить злоумышленниковъ.

— А ко мнѣ сюда сейчасъ же вызвать здѣшняго сельскаго старосту, приказалъ онъ полавшемуся ему на глаза кучеру, и прошелъ чрезъ дворъ въ контору. ♣

— Отчего ты не сказалъ Боровскому всю правду насчетъ этого Неродовича? спросила Анна Григорьевна у сына, когда они остались вдвоемъ.—Ты, вѣдь, знаешь, гдѣ онъ теперь?

— Знаю, да. Чрезъ Надю знаю, и разувѣтся я не сталъ бы заботиться о судьбѣ Неродовича... Но я связалъ даннымъ словомъ.

И Дмитрій передалъ матери про свою встрѣчу съ Неродовичемъ въ школѣ, умолчавъ однако объ опасности которой онъ при этомъ подвергся.

Анна Григорьевна въ сущности одобряла поступокъ сына: сама она ни за что бы не нарушила даннаго разъ обѣщанія; но въ сердцѣ ея слишкомъ еще живы были воспоминашя о недавнихъ тревогахъ, чтобъ она могла съ хладнокровиемъ сына относиться къ человѣку причинившему ихъ.

— Я поступилъ такъ изъ-за Нади, продолжалъ Дмитрій.—Посудите сами, каково бы ей было сознавать что сама она выдала своего бывшего учителя.

— Стало-быть, воскликнула Анна Григорьевна,—намъ еще приходится опасать этого Неродовича изъ-за того только чтобъ не огорчать Надю.—Ее снова охватило недоброе чувство противъ молодой дѣвушки.—А ты слышалъ что давеча говорилъ Николай Осиповичъ? Неродовичъ пробылъ здѣсь болѣе мѣсяца, и Надѣ это было извѣстно. Хороша, нечего сказать.... А хотѣла бы я знать куда дѣнется она если уйдетъ изъ нашего дома. Сейчасъ поладится, не сегодня такъ завтра; Амфилохій Никандровичъ и теперь на нее косо смотритъ, и только потому что она въ моемъ домѣ..

— Вотъ изъ-за этого, мама, вы и должны ее беречь!.. Неужели вамъ будетъ все равно если Надю арестуютъ?

Сердце Анны Григорьевны тотчасъ откликнулось на эти слова.

— Да я ее что-ли изъ дома гоню, Митя? горячо отвѣтила старушка на упрекъ сына. — Кабы ты зналъ какого мнѣ стоило труда уговорить ее остаться!

Анна Григорьевна передала ему весь свой разговоръ съ Надей.

Дмитрій выслушалъ ее молча. Онъ понималъ все самоотверженіе обнѣхъ женщннъ, понималъ чего стоили матери ея старанія удержать Надю. Какъ ни тяжело ему было отъ тѣхъ натравутокъ неестественныхъ отношеній въ какихъ имъ всѣмъ приходилось жить, онъ въ душѣ благодарилъ мать хотя бы за эту короткую отсрочку.

Амфилохій Никандровичъ вернулся къ обѣду. Вернулся съ голоднымъ желудкомъ и далеко не съ любвеобильнымъ видомъ.

Ему не удалось узнать почти ничего. Вызванные имъ крестьяне подтвердили что всѣ они хорошо помнятъ Ефима Петрова, что онъ былъ мастеръ исправный, но разумѣется благоразумно умолчали про его подстрекательства. Жандармъ Вѣхинъ тоже ни въ чемъ не услѣлъ. Онъ пришелъ съ извѣстіемъ что писаря нашелъ мертвецки пьянымъ. Наканунѣ было засѣданіе волостнаго суда, вслѣдствіе чего сельскія власти по обыкновенію находились въ состояніи невмѣляемости. Одинъ старшина какимъ-то чудомъ уцѣлѣлъ, но за то онъ, какъ нарочно, укатилъ въ городъ когда Гондзевскій былъ имъ отведенъ въ арестантскую. Въ виду этого Амфилохій Никандровичъ рѣшилъ что дѣлать ему въ Бѣлыхъ Столбахъ нечего, и что онъ вернется на слѣдующій день продолжать такъ блистательно начатое дознаніе. Неудача, впрочемъ, его повидимому не особенно тревожила. За столомъ онъ ѣлъ и болталъ за двоихъ, пробовалъ любезничать съ Надей, а послѣ обѣда усѣлся съ Анной Григорьевной за колѣчный преферансъ съ болваномъ. Обыгравъ ее на десять рублей, почтенный исправникъ въ десятомъ часу уѣхалъ въ отличномъ расположеніи духа.

XIV.

Nach fernen Zielen hat der Mann zu schweifen
Und wo des Lebens Sturm am stärksten braust

.....
Das Weib soll nicht hinaus in's Weite greifen,
Auch wenn ihr kaum vor dreistem Wagen grauet.

Paul Heise.

Die Masse könnt ihr nur durch Masse zwingen.

Gothe.

Былъ уже третій часъ ночи, когда Терентій въ туфляхъ на босу ногу осторожно пробрался по темному корридору верхняго этажа и бережно отворилъ дверь въ комнату Дмитрія.

— Батюшка, Дмитрій Алексѣвичъ, шелотомъ заговорилъ онь, съ трудомъ переводя духъ, — у насъ не ладно...

Дмитрій совсѣмъ не могъ заснуть въ эту ночь, и тотчасъ приподнялся на постели, услышавъ Терентія.

— Чтò случилось? вскочилъ онь торопливо, съ тѣмъ усиленіемъ разглядѣть темноту, какое всегда является у людей застигнутыхъ въ располхъ среди неясныхъ ощущеній безсонницы. Дѣйствительность сама становится грознымъ призракомъ, когда она неожиданно вторгается въ призрачный міръ ночной тишины.

— У насъ на гумнѣ загорѣлось, все съ тѣмъ же ужасомъ въ голосъ продолжалъ Терентій, — должно-быть подожгли...

Дмитрій бросился растворять окно, отпихнулъ ставни. Большой огненный языкъ, высовываясь изъ-за крышъ надворныхъ построекъ, лизалъ ночное небо; вокругъ него какъ пламенная струя дрожало широкое зарево. Какъ разъ надъ нимъ грустно и блѣдно свѣтилъ полный мѣсяць.

— Это ржанья скирды! воскликнулъ Дмитрій, — бѣги скорѣе, буди старосту и людей: главное молотильный сарай отстоять.

— Староста съ рабочими ужъ на пожарѣ, отвѣчалъ Терентій, — да чтò тутъ подѣлаешь — солома!.. добавилъ онь съ вѣчнымъ пессимизмомъ старыхъ слугъ.

— Чтò можно, то сдѣлаемъ. И Дмитрій живо принялся одѣваться. — Я самъ туда сейчасъ. Село бы на ноги поднять!.. Да всѣ ли бочки у нихъ въ порядкѣ? Я еще сегодня приказывалъ... Иди, братецъ, распорядись.

Терентій вышелъ не слѣша, шлепая туфлями по корридору: торопливость была не въ его привычкахъ.

Въ нѣсколько минутъ Дмитрій былъ одѣтъ и послѣдовалъ будить брата. Володя, славшій своимъ праведныхъ, однако быстро вскочилъ съ кровати.

— Тихе, не шуми, предостерегалъ его Дмитрій, — смотри чтобы мамѣ не разбудить.

Домъ, однако, за исключеніемъ барыни былъ уже на ногахъ. Двѣ горничныя, совсѣмъ растрепанныя, съ испуганными лицами, вынырнули изъ двѣдичьей и готовы были уже всхлипывать, словно имъ лично грозила опасность. Дмитрій остановилъ этотъ порывъ бессознательнаго страха, и строго приказалъ имъ остаться при барынѣ на тотъ случай еслибы пресулась Анна Григорьевна. Онъ послѣдовалъ внизъ. Въ сѣняхъ свалили оторопѣлыя фигуры садовника, кучера, да еще какого-то мальчугана, который неизвѣстно почему забѣжалъ въ домъ и смотрѣлъ на прочихъ дрожа всѣмъ тѣломъ и вытаращивъ глаза. Только старая ключница Анисья оставалась невозмутимою среди общей суматохи, хоть она въ цѣломъ домѣ была всего болѣе предана господамъ.

— Багоръ, гдѣ багоръ? кричалъ садовникъ.

— Анисья, спрашивалъ кучеръ, — у тебя ключи отъ каменнаго сарая? тамъ ведра пригодятся.

— У старосты ключи, самъ знаешь, чего пристаешь! жури-ла его Анисья.

— Чтѣ вы здѣсь дѣлаете? прикрикнувъ на нихъ Дмитрій. — На пожаръ ступайте. Тамъ люди нужны!

Дмитрій схватилъ шпалу и трость. Полуодѣтый Володя, все еще взъерошенный, тоже прибѣжалъ съ верху суетясь и отыскивая хлысть.

— Баринъ, напрасно вы туда идете. стала уговаривать Дмитрія Анисья.

— Чтѣ же ты думаешь меня убьютъ тамъ?

— А кто ихъ знаетъ? Ишь озорники какіе!

— Будь чтѣ будетъ, сказалъ онъ выходя на крыльцо. — А вотъ чтѣ плохо, вѣтеръ поднялся.

Дмитрій съ безлокойствомъ посмотрѣлъ на небо. Въ самомъ дѣлѣ, сучья деревьевъ шумѣли и волновались въ ночной полутьмѣ, словно и они были охвачены испугомъ.

Легкіе торопливые шаги слышались на лѣстницѣ.

— Дмитрій! куда вы? умоляю васъ, не ходите на пожаръ, вса дрожа отъ волненія проговорила Нада, бросааясь за нимъ на крыльцо.

— Чего же ты боишься, Надя?... Пустяки!

Она обхватила его обѣими руками.

— Вѣдь это дѣло Неродовича, продолжала она удерживать.

— Да, онъ меня благодарить за давнюю ему оторочку...

Однако, Надя, нельзя терять времени, пусти меня.

— Въ такомъ случаѣ я пойду съ тобою.

— Нѣтъ, вотъ еще, и не думай туда идти, береги мамѣ.

Онъ вѣжливо отстранялъ ее, но вдругъ припомнивъ что-то остановился и взялъ ее за руку.

— А скажи мнѣ, Надя,—теперь вѣдь настоящее дѣло начинается, а не слова только,—ты совсѣмъ безповоротно отступишь отъ прежнихъ друзей и раскаиваться въ этомъ не станешь?

Слова его звучали почти торжественно.

— Ты еще спрашиваешь? и въ такую минуту! — Она опустила ему голову на грудь.—Развѣ я не вся, не всею душой твоя?

Онъ на мигъ обхватилъ ее ставъ.

— Теперь пооди къ себѣ наверхъ, поручаю тебѣ мать, тихо проговорилъ онъ, и крупными шагами пошелъ вслѣдъ за братомъ, который что было мочи бѣжалъ по, направленію къ гумну.

Яркое, вьющееся пламя горѣвшей соломы страннымъ блестящимъ латвомъ ложилось на мѣстность, точно выхватывая ее изъ объятій ночи. На стѣнахъ каменныхъ строеній дрожала огневой отблескъ. Черное зеркало пруда вслихивало отражая полымя. На другомъ его берегу то и дѣло выступали соломенные крыши, да смазанные известью стѣны построекъ, точно огромный красный фонарь ходилъ по селу и то здѣсь, то тамъ вдругъ проливалъ рѣзкую волну свѣта. Бѣлыя стѣны церкви издали являлись какъ страшный призракъ въ обгорѣнномъ саванѣ. Странными и неестественными казались фигуры людей, то ярко озаренныя, то снова терпящіяся во мглѣ.

Староста съ рабочими разбивалъ удѣлѣвшія лока скирды, но въ ихъ слѣшной работѣ было что-то безсвязное и недовѣрчивое къ себѣ. Всѣ суетились, кричали, давали совѣты, и всѣ сознавали что это не поведетъ ни къ чему. А вокругъ почти неподвижно стояла равнодушная толпа сбѣжавшихся посмотреть на пожаръ. Съ тулымъ удивленіемъ, къ которому быть-можетъ примѣшивалось злорадство, глазѣли они на

охваченная пламенемъ скирды, откуда вѣтромъ то и дѣло развисло горѣвшіе клочья соломы. Изрѣдка слышалась въ толгѣ негромкая прибаутка или подавленный смѣхъ.

— Ишь какъ пылаетъ: вона, еще скирду захватило! точно поддакивалъ пожару одинъ ларевъ.

— А сколько трудовъ съ ней было, со ржицей! вдругъ заговорилъ другой голосъ.

— Да чего вы, нехристи, стоите рты разинувъ? закричалъ на нихъ староста.—Пособили бы!..

— Чего тутъ пособлять, хихикнулъ ему кто-то въ отвѣтъ,— не камень, вѣдь, солома!.. Развѣ ее отстоишь?

— Митроха! заголосилъ кто-то совсѣмъ позади.

— А что тебѣ?

— Да какъ ты скажешь,— и говорившій посмотрѣлъ на небо, которое все гуще стали заволакивать тучи,—коли лойдетъ дождь, затушить ему барскія скирды али нѣтъ?

— Гдѣ ему затушить, вотъ выдумалъ.

— А вотъ и врешь, Митроха! коли быть дождю настоящему, безпремѣнно затушить.

— А что, слышалось на другомъ концѣ,—вѣтеръ вишь на деревню вашу подулъ. Грѣха бы не было.

Съ нѣкоторыхъ поръ искры то и дѣло летѣли черезъ прудъ, но вѣтеръ пока не доносилъ ихъ до противнаго берега, и онѣ либо догорѣвъ потухали на воздухѣ, либо словно обезсиленные олуускались къ пруду и исчезали на его гладкой поверхности. Три пожарныя трубы работали усердно. Но успѣхъ не отвѣчалъ стараніямъ. Всякій хотѣлъ дѣлать по своему, а новый староста не приучилъ еще къ себѣ народа. Струя воды направлялась куда попало, и силы тратились на бесполезную борьбу. Прибѣжавъ на пожарище, Володя тотчасъ понялъ что дѣло ведется неладно, что соломы не потушить и десяти трубамъ. Но и онъ только увеличилъ общее замѣшательство безсвязными, нетерпѣливыми приказаніями. Да его и слушались плохо.

— Да что жъ ты, братецъ мой, солому тушишь, пожурилъ Дмитрій старосту, тотчасъ смекнувъ въ чемъ дѣло. Тотъ пробовалъ свалить вину на рабочихъ.—Ну, теперь разсуждать не время, сказалъ онъ, и велѣлъ разнести какъ можно скорѣе крайніе изъ уцѣлѣвшихъ стоговъ, чтобы хотя здѣсь остановить огонь не давая ему лица. До того времени прижимались за скирду тогда лишь когда къ ней уже подступало

пламя. Такъ постепенно загорѣлось болѣе половинны сложеннаго хлѣба. Рукава пожарныхъ машинъ Дмитрій направилъ не въ самое пламя, а туда гдѣ пока еще не загоралось.

— Такъ, пожалуй, кое-что и спасемъ, ободралъ онъ людей.

Но рукъ не хватало для работы. Стоявшіе вокругъ глядели на пожаръ, не трогаась съ мѣста. Володя пробовалъ ихъ усовѣстить, но Дмитрій, сначала сдѣлавшій видъ что вовсе ихъ не примѣчаетъ, остановилъ брата.

— Брось ихъ, вѣдь это не ихъ дѣло, имъ забавно смотрѣть какъ горитъ чужое добро, пусть потѣшаются.

Въ толпѣ было человекъ двадцать изъ чужой, соседней деревни. Слова Дмитрія задѣли ихъ за живое.

— Чтò жь, братцы, заговорилъ одинъ изъ нихъ, — али мы въ самомъ дѣлѣ безъ толку глазѣть ставемъ? Давайте-ка подсоблять.

И лишнія руки тотчасъ оказали свое дѣйствіе. Живѣ стали разбрасываться снопы. Болѣе сильная струя забила изъ пожарныхъ трубъ, а пламя между тѣмъ все грознѣе охватывало скирды оставленныя ему въ добычу. Шире и выше поднималось оно, сыпая искрами во всѣ стороны.

— Одну трубу на крышу сарая направь, приказалъ Дмитрій. — Накалиться можетъ.

Молотильный сарай, стоявшій всего въ нѣсколькихъ саженахъ отъ пожара, защищала пока желѣзная крыша, да и вѣтеръ, дувшій на село, относилъ къ сараю сравнительно немногія искры. Дмитрія поразило лицо одного изъ людей, державшихъ кнжку. Его вдругъ освѣтило пламя, и Дмитрій, къ своему удивленію, узналъ странника, который въ ночь его встрѣчи съ Надей на Федотовой ласѣкѣ проводилъ его отъ Волги до Черныхъ Хуторовъ.

— Пахомъ! какъ ты сюда попалъ? воскликнулъ онъ.

— Призвалъ меня, баринъ? отвѣчалъ тотъ все съ тѣмъ же невозмутимымъ взглядомъ, уходящимъ куда-то въ глубокую даль. — Сегодня только домой воротился.

— Да неужто ты на Иргивѣ успѣлъ лобывать?

Пахомъ вздохнулъ не отрываясь отъ работы.

— Нѣтъ, баринъ, то-то и дѣло что не успѣлъ: заболѣлъ въ тотъ день какъ мы съ тобой простились. Рыбаки меня въ городъ повезли, въ земскую больницу. Тамъ я пролежалъ до вчерашняго дня; ну и вижу я, силъ моихъ не хватаетъ въ дальній путь идти. Значить, видно, Богу моя молитва не угодна. Ну,

я домой и побрелъ. Братъ у меня есть въ Черныхъ Хуторахъ...

— Знаю, знаю, перебилъ его Дмитрій.—Только зачѣмъ ты еще работаешь, коли ты больной?

— Какая тутъ работа? помилуй!

Староста подошелъ къ Дмитрію.

— Изъ Никольскаго сюда вѣдутъ, труба должно-быть.

— А что, Филиппъ, спросилъ у старосты Дмитрій,—ни на кого ты подозрѣнія не имѣешь? Ничего не слышно кто бы это могъ поджечь?

Филиппъ почесалъ себѣ затылокъ.

— Толкуютъ ребята точно, проговорилъ онъ съ заливкой,—что никому этой шалости не сдѣлать, окромѣ Флегонта,—изволите знать? Парень такой есть, въ красной рубахѣ и въ будни ходить. Изъ себя ничего, только лъаица отъявленнѣйшій. А можетъ и пустое говорить...

— Да тутъ не одинъ виноватъ, сказалъ Дмитрій.

Пахомъ къ нимъ прислушался.

— Коли хошь, барникъ, я тебѣ все докажу, какъ дѣло было!..

Рабочіе навострили уши. Дмитрій тотчасъ увелъ Пахома въ сторону.

— Какъ пришелъ я сегодня домой, сталъ разказывать Пахомъ,—вижу у брата человѣкъ какой-то поселился, Ефимомъ прозывается. Только замѣтно, словно онъ отъ меня хорохорится, и ухватки совсѣмъ ужъ не крестьянскія. Какъ сталъ я брату говорить про угодниковъ, вижу Ефимъ-отъ какъ будто посмѣивается. Я и спросилъ у брата, откуда онъ съ нимъ знакомство свелъ. А братъ мнѣ говоритъ что тотъ, Ефимъ-то, изъ города пришелъ, машинистомъ объявился, и у него фатеру снялъ. Знать, у брата ни жены, ни ребятинекъ вѣту: мѣста довольно. Только подъ вечеръ къ брату въ избу парень одинъ злѣйшій, Флегонтъ Пареевъ, явился, по всему видно озорникъ большущій. Потолкался онъ немного въ избѣ, потомъ, вижу, увелъ Ефима въ кѣтвь и долго съ нимъ тамъ о чемъ-то шушукался. Меня такъ всего вдругъ разбирать стало, словно подталкиваетъ кто-то: „иди, Пахомъ, смотри, недоброе они тамъ замышляютъ“. Пошелъ я за ними и слышу, Флегонтъ-отъ хохочетъ: „Насолимъ же мы, говорить, барину, Митрій Алексѣичу.“ Я про тебя и вспомнилъ, какъ въ тотъ вечеръ съ тобой встрѣлился на Волгѣ. Какъ примѣтили они меня, замолчали оба. Ефимъ въ избу олять вошелъ,

повертѣлся тамъ, будто ждетъ чего-то, потомъ шалку взялъ, да на улицу. Совсѣмъ ужь темно было. Пѣтухи давно пролѣта. Что это, думаю, ему за надобность въ такой часъ выходить? Побрелъ я за нимъ, а онъ меня не примѣтилъ. Только, вижу, какъ дошелъ онъ до большой дороги, подъ ракитой его Флегонтъ тамъ поджидаетъ, да съ нимъ еще трое. Мѣсяцъ тогда освѣтилъ, все хорошо было примѣтно. Пошли они всѣ къ Вѣнымъ Столбамъ, а я за ними, подальше, такъ чтобъ имъ незамѣтно было; только вижу, какъ прошелъ я плотину, скирда одна загорѣлась, я и побѣжалъ въ усадьбу, да подыжалъ тревогу.

— Слассибо тебѣ, братъ, слассибо, потрелалъ его Дмитрій по плечу.

Между тѣмъ николевскій управляющій Христофоръ Карловичъ подѣхалъ съ пожарной трубой.

— Эхъ, народецъ, народецъ, сказалъ онъ направляя кшкку, — что съ нимъ дѣлать прикажете? Повѣрите ли, Дмитрій Алексѣевичъ, шестой разъ приходится мнѣ видѣть эти ужасныя поджоги. Ведите при этомъ разчеты по хозяйству!

— А что, Христофоръ Карловичъ, отстоимъ мы остальной хлѣбъ, какъ вы думаете?

— Можеть-быть и отстоимъ, да боюсь, какъ бы не перекинуло на село. А впрочемъ подѣломъ имъ, этимъ мерзавцамъ. Видите, стоятъ себѣ и не помогаютъ даже; да и наша же когда поджечь: вѣтеръ прямо на село тянетъ.

Впрочемъ, кое-кто изъ толлы, увлеченные примѣромъ, стали поодиночкѣ подсоблять рабочимъ. Можеть-быть тутъ дѣйствовало чувство самосохраненія: искры, все дальше уносимыя вѣтромъ, сыпались уже теперь на противоположный берегъ.

Изъ толлы бывшихъ на пожарѣ крестьянъ выдѣлилась чья-то широкоплечая, сутуловатая фигура. Она словно окунулась въ полутьму и подошла къ стоявшей поодаль кучкѣ мужиковъ. Тѣ совершенно безучастно глядѣли на происходившее и обмѣнивались какъ ни въ чемъ не бывало веселымя шуточками.

— Что, Флегонтъ, заговорилъ подомедшій къ нимъ чело-вѣкъ, — вѣдь съ народомъ ничего не подѣлаешь: истукавы настоящіе.

— Истукавы и есть, разсмѣялся Флегонтъ.

— Разнести бы имъ теперь усадьбу, чѣмъ стоять, да смортѣть на пожаръ, благо теперь тамъ ни одного караульнаго нѣтъ. Всѣ рабочіе съ трубами возьтса.

— Чтѣ и говорить! Преступно было бы! Да вотъ мы съ вами пожалуй.

Флегонтъ ловициному что-то придумалъ и кивнулъ своимъ товарищамъ головой.

— Чтѣ, братцы, если намъ идти туда, краснаго лѣтуха пригустить?

Тѣ верѣшительно другъ на друга поглядывали.

— А то и безъ васъ пожалуй. А ты, Ефимъ, пойдешь съ нами? спросилъ онъ сутуловатаго мужика.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Неродовичъ.—На такое дѣло и безъ меня обойдетесь.

— Да ты самъ видно баба настоящая.

И Флегонтъ сплюнулъ отхода прочь; за нимъ медленно побрели остальные, а Неродовичъ, постоявъ еще съ минуту, скорыми шагами направился къ дубовымъ кустамъ засѣвшимъ на верхней сторонѣ пруда.

Вдругъ на крышѣ одного изъ крестьянскихъ сараевъ показался красный языкъ, и черезъ нѣсколько мгновеній пламенная струйка побѣжала по соломенному шатру.

— На селѣ загорѣлось! разомъ воскликнуло нѣсколько голосовъ.

— Я говорилъ вамъ, Дмитрій Алексѣевичъ, что этого не миновать, сказалъ Христофоръ Карловичъ.

Толпа мигомъ заволновалась. Крики, стоны и визги поднялись изъ нея; вмѣсто насмѣшливыхъ прибаутокъ слышались теперь безпомощный вой женскихъ голосовъ. Началась безцѣльная, растерянная бѣготня.

— Батюшка, родимый, жалобно заголосила подбѣжавшая къ Дмитрію баба,—прикажи-ка хоть одинъ изъ твоихъ пожарныхъ инструментовъ къ намъ въ деревню послать. Омотри, вишь совсѣмъ рядомъ съ нашею избенкой загорѣлось.

— Филиппъ, окрикнулъ старосту Дмитрій,—поѣзжай сейчасъ съ тремя вашими трубами въ село. Рабочихъ здѣсь оставить можешь: тамъ народу довольно.

Староста молча повиновался, хоть и былъ порядкомъ изумленъ этимъ приказаніемъ.

— Чтѣ вы, Дмитрій Алексѣевичъ, вступился никольскій управляющій,—очень вамъ нужно свое добро въ жертву приносить ради мужиковъ. Они же всю эту бѣду надѣлали.

— Здѣсь, Христофоръ Карловичъ, спокойно возразилъ Дмитрій,—горитъ хлѣбъ, безъ котораго мы все-таки останемся

сыты; а тамъ, я думаю, помощь будетъ поуживе. Позвольте васъ просить здѣсь распорядиться вмѣстѣ съ братомъ, а я на село поѣду. Впрочемъ, я думаю, нашему сараю уже не грозитъ опасность.

Въ самомъ дѣлѣ все еще яркое пламя теперь сосредоточилось, не переходя за созданное вокругъ него пустое пространство. Только огненные брызги все еще вылетали изъ него какъ изъ пылающаго жерла.

Дмитрій слушая уже къ плотнѣ, какъ вдругъ увидѣлъ возлѣ себя Надю.

— Ты хорошо это сдѣлала сказала она взволнованнымъ голосомъ.—Спасибо тебѣ!

Глаза ея искрились, вѣтеръ игралъ ея распуценными косами.

— Зачѣмъ ты здѣсь?! почти рѣзко воскликнулъ онъ.—Я тебя просилъ остаться дома при матери.

— Извини меня, я не въ силахъ была тебя послушаться. Съ Анной Григорьевной ничего не случилось. При ней горничныя.

Онъ не возражалъ болѣе; оба они, ускоря шагъ, молча направились къ селу.

Среди вѣснаго гула и рева голосовъ послышался звонъ бубенчиковъ во всю прыть скакавшей къ нимъ тройки. Они не успѣли дойти до мѣста гдѣ вспыхнулъ и разрастался огонь, какъ ихъ достигалъ тарантасъ.

— Дмитрій Алексѣевичъ, вы? Какъ это случилось? воскликнулъ Томилинъ, живо выскакивая.

Дмитрій коротко и слышно разказалъ ему какъ все было.

— Меня разбудили извѣстіемъ что въ Бѣлыхъ Столбахъ горитъ. Я разувѣтается сейчасъ къ вамъ. Какой тяжелый ударъ для бѣдной Анны Григорьевны!

„Да, подумалъ Дмитрій,—не легко будетъ матери переместить это, и конечно не ради однихъ только матеріальныхъ убытковъ. Всего хуже для нея то что подождли Бѣлостолбовскіе мужики, тѣ самые съ которыми она столько лѣтъ мирно жила, сохраняя надъ ними, какъ ей казалось, какую-то патріархальную власть даже и при новыхъ порядкахъ. И теперь съ этою давнишнею мечтой дружбы и лада приходилось разстаться.“ Да и онъ самъ, какія неудачи встрѣтилъ онъ на первыхъ же порахъ своей жизни въ деревнѣ!.. Не на радость пріѣхалъ онъ въ родительскій домъ. Грустно было

Дмитрію сознать, какъ жалко разбивались всѣ его виды на полезную дѣятельность.

Огонь между тѣмъ все грознѣе разлетался по соломеннымъ крышамъ, какъ напки все чаще загорались онѣ подъ чернымъ сводомъ неба, гдѣ тучи совсѣмъ уже заслонили теперь такіе лучи мѣсяца.

На крайней избѣ, съ которой начался пожаръ, крыша уже совсѣмъ обвалилась. Кое-гдѣ только надъ стѣнами торчали, какъ ребра скелета, обуглившіяся стропила. Сосѣдніе дома пока только-что занимались, и робкое еще пламя словно пробивало себѣ путь. Облако сиренаго дыма ложилось надъ селомъ. Гарь и духота стояли въ ночномъ воздухѣ. Нѣсколько мужиковъ возились съ подвѣхавшими трубами. Слышались беспорядочные возгласы: „Сюда! тащи! вотъ такъ, да выше, выше!“ Но во всѣхъ этихъ усиліяхъ было что-то безсвязное и безпомощное: всакій хотѣлъ спастись только свое, и всѣ терались въ безнадѣжной борьбѣ со врагомъ у котораго силѣлись вырвать уже схваченную добычу. А врагъ между тѣмъ все шире распускалъ свои огненные крылья. Самъ староста Филиппъ терпѣлся въ общей сумятицѣ, оттого можетъ-быть что руки у него олускались на чужомъ дѣлѣ. Для него непонятно было, какъ это могъ Дмитрій Алексѣевичъ кинуть свое добро чтобъ идти помогать этимъ олухамъ мужикамъ, которые не умѣютъ и свои - то ложитки дружно отстоять. И въ самомъ дѣлѣ, вокругъ горѣвшихъ построекъ собралась неподвижная толпа, словно оцѣпенѣлая отъ горя и ужаса. Бабы ревомъ ревели, дѣти бессмысленно смотрѣли на пожаръ, и никто не двигался помогать тѣмъ кто спалился тушить, неумѣлою рукой направляя водяныя струи на пылавшія избы. По временамъ среди этой застывшей толпы поднимался дикій и неистовый волю, и какъ испуганное стадо она безцѣльно кидалась въ сторону чтобъ олять замереть въ своей безпомощности. Къ стону и крику людей примѣшивалось мычанье коровъ сплотившихся изъ загорѣвшагося хлѣва.

Немалого труда стоило Дмитрію и Федору Васильевичу установить правильную цѣль, чтобъ черпать воду изъ пруда: всѣ кидались лишь на ближайшую оласность; разрозненные силы не сливались въ одну. Хозяинъ не хотѣлъ разстаться со своею лылающею хатой чтобъ идти защищать удѣлѣвшаго сосѣда.

— Да что жь, батюшка, я свое добро киву, говорилъ Дмитрію тотъ мужикъ чья изба раньше всѣхъ замялась.—У сосѣда, можетъ, и такъ не загорится!

Между тѣмъ среди надвинувшихся сердитыхъ тучъ тоже вслыхивало зарево. Свѣтъ молніи широкою полосой дрожалъ на небосклонѣ и неумолкаемо гудѣлъ пока еще отдаленный громъ.

— Вотъ откуда развѣ намъ помощи ждать, покачалъ головой Томилинь, посмотрѣвъ на темное небо.

Вѣтеръ порывистыми ударами еще нѣсколько разъ пронесся мимо, потомъ онъ вдругъ стихъ и улегся, какъ подстрѣленный звѣрь. На другомъ берегу пруда медленно потухали недавно пылавшія скирды.

Дмитрію наконецъ удалось дружно повести защиту. Онъ сосредоточилъ всѣ усилія на томъ дворѣ который загорѣлся послѣднимъ, и настоялъ-таки чтобы разобрали крышу сосѣдней избы. Толпа не охотно и туго ему поддавалась, но онъ, не теряя времени на споры, приказалъ старостѣ взять толоръ и приняться за крышу. Едва примѣръ былъ данъ, мужики перестали ролтать и сами взялись, но сразу врагъ не уступилъ. Огонь перекинуло еще на одну избу, потомъ и на слѣдующую. Тяжело было Дмитрію слышать, какъ заголосили бабы, увидавъ что даже святіе крыши съ ихъ хаты не сладо отъ огня.

— Чего жь то было крышу ломать?!.. завопила одна старуха,—Божья значить воля!

Точно укоромъ для Дмитрія прозвучали эти слова, прихотилось отступить и на другомъ мѣстѣ возобновить борьбу, а огненный кругъ все расширялся, захватывая надворныя постройки.

Вдругъ со двора только-что загорѣвшейся избы поднялся отчаянный, раздирающій вой, тотъ ужасный лошадиный вой, котораго никогда не забыть тому кто хоть разъ слышалъ.

— Ахъ, сивку-то, сивку не вывели въ пору! заревѣла старуха, которая только-что предъ тѣмъ жаловалась что разобрали крышу ея хаты:—Родимый, лособи, принялась она упрашивать стоявшаго около нея дюжаго мужика,—вѣдь одна у насъ всего-то лошадка на дворѣ и есть.

— У людей добра-то небось почище сгорѣло твоей сивки, чего горлавишь! отвѣтилъ ей мужикъ тоже изъ погорѣльцевъ.

— Да какъ же, батюшка, пропадать намъ значить совѣмъ? Сынишка у меня больно, небось знаешь: гдѣ ему заработать?

Дворъ ея былъ одинъ изъ самыхъ бѣдныхъ на селѣ.

— Такъ сынъ твой пусть и достаетъ сивку отвѣтилъ ей кто-то изъ толлы.

Старуха молча всплеснула руками. Сына ея не было въ Бѣлыхъ Столбахъ: онъ служилъ поваренкомъ у предводителя. Никто однако не брался спасать ея лошадь. Слишкомъ ужъ опасно было идти подъ запылавшій соломенный навѣсъ. Но вдругъ неожиданно отыскался охотникъ. Это былъ Пахомъ, который все время усердно работалъ у трубы и случайно слышалъ жалобы старухи.

— Гдѣ твоя лошадь? спросилъ онъ подходя.

— Вотъ батюшка, вотъ! поклонилась она ему въ поясъ, указывая на горѣвшій дворъ.—Слышишь, небось, какъ воетъ.

— Вотъ нашелся, ишь силачъ какой! сталъ кто-то трувить надъ Пахомомъ.

— Не сторѣтъ же ей! тоже Господняя тварь, тихимъ, почти беззвучнымъ голосомъ отвѣчалъ Пахомъ, и лицо его при этомъ оставалось такъ безмятежно, какъ будто затѣванное имъ дѣло было изъ самыхъ простыхъ.

А дѣло было далеко не простое. Крышу всю разобрать не успѣли, и клочья пылавшей соломѣ извивались огненными змѣями. Надо было пройти дворомъ въ денникъ, гдѣ была заперта лошадь.

Пахомъ сваялъ шалку, три раза набожно перекрестился и переступилъ черезъ порогъ горѣвшей избы. Стоявшіе тутъ невольно кинулись впередъ, не смѣя однако идти за нимъ. Духъ захватывало у всѣхъ отъ ожиданія. Пахомъ благополучно пробрался дворомъ, отвязалъ веревку которою былъ прикрѣпленъ заборъ, и отпихнулъ дверь въ денникъ. Еще разъ послышался услуганный вой лошади. Потомъ что-то затрещало на крышѣ, лама хлынуло вверхъ усиленною волной, на мигъ что-то словно заколыхалось, и весь шатеръ какъ огненный покровъ опустился на землю.

Сперва какъ будто не поняли что случилось. Но вдругъ дикій крикъ ужаса прошелъ по толпѣ, того ужаса который охватываетъ людей когда они предъ своими глазами видятъ чью-либо гибель и сознаютъ что не въ силахъ помочь. Обвалившіеся брусъ и стропила похоронили подъ своими горящими обломками бѣднаго Пахома въ тотъ самый мигъ, когда онъ уже схватывалъ сивку за гриву...

Дмитрій, стоявшій поодаль, услышалъ этотъ крикъ и тотчасъ бросился къ тому мѣсту гдѣ случилась бѣда. Онъ увидалъ предъ собою безобразныя развалины стѣвъ, черная струя дыма густо поднималась надъ обвалившеюся крышею, пламя словно притихло, какъ будто его насытила схваченная имъ жертва, и ни крика, ни стона не доходило съ того мѣста гдѣ только-что предъ тѣмъ погибъ человекъ.

— Да чего же вы стоите, воскликнулъ онъ, — его выгнать надо! Безсознательно онъ ринулся впередъ, какъ будто можно было еще вырвать бѣднаго Пахома изъ схватившихъ его огненныхъ объятій. Но никто не двинулся за нимъ. Всѣ знали что спасенія не могло быть: нѣмыя развалины не выдали бы схороненнаго ими заживо. Дмитрій съ отчаяніемъ глядѣлъ на остатки догоравшаго двора. Къ ужасу и жалости примѣшивалось воющее чувство какъ бы вины предъ Пахомомъ. Вѣдь ему Дмитрій былъ обязанъ поднятою тревогой, вѣдь Пахомъ сдѣлалъ что могъ чтобы спасти Бѣлые Столбы, и бѣдный странникъ долженъ былъ заплатить своею горемычною жизнью за оказанную услугу.

Наступившее затишье помогло между тѣмъ оставить пожаръ. Пламенные волны какъ будто стихли; брызги ихъ не сыпались уже въ даль. Явилась наконецъ и та помощь на которую надѣялся Томилинь.

Нароставшая гроза надвинулась, и крупныя дождевыя капли задробили съ низко нависшихъ тучъ.

— Теперь дальше не пойдетъ, сказалъ Томилинь, все время помогавшій Дмитрію.

У мужиковъ отлегло на душѣ. Громко раздались выраженія признательности барину. Въ настроеніи крестьянъ за эту ночь произошелъ крутой поворотъ въ пользу Дмитрія.

— Батюшка, Дмитрій Алексѣевичъ, услуганно заговорилъ вдругъ староста Филиппъ, — поглядите-ко сюда, словно у насъ въ усадьбѣ загорѣлось.

Дмитрій обернулся. Въ самомъ дѣлѣ, на черномъ небѣ видѣлась чуть замѣтная пока пламенная струйка.

— Да, горитъ, — что это не домъ ли ужъ?! вырвалось у Дмитрія. Мысль объ опасности для матери тотчасъ охватила его.

— Нѣтъ, усложивалъ староста, — это должно-быть рядомъ будетъ, кладовая кажись.

— Кладовая! Да вѣдь и на домъ перекинуть можетъ.

Страхъ за мать заставилъ Дмитрія забыть и пожаръ на селѣ,

и даже отравила смерть Пахома. Опрометью вмѣстѣ съ Надеей оны бросились къ дому. Томиланъ за него распорядился чтобы трубы немедленно вѣдали къ усадьбѣ. Крестьяне на это и не думали ролтать.

Анна Григорьевна спала крѣпкимъ своимъ послѣ проведенной ею наканунѣ тревожной ночи. Ее не разбудила даже суматоха подымавшаяся въ домѣ, но все-таки это не было мирный сонъ приносящій успокоеніе. Какой-то призракъ то носился предъ ней, то казалось опускался къ ней на грудь слырая ея дыханіе. Нада и Дмитрій стояли воевъ нея. Она читала укоръ себѣ на ихъ печальныхъ блѣднѣхъ лицахъ, словно опасность какая-то грозила имъ, и они молили ее о пощады. Она силалась протянуть къ нимъ руки, но тутъ она увидѣла что дѣлалась бездна зѣла между нею и ими. И вотъ, тотъ самый призракъ, такъ долго не дававшій ей покоя, очутился между нимъ и молодою дѣвушкой. Мало-по-малу оны становилась все явственнѣе и приняла наконецъ человѣческой образъ. Она узнала въ немъ Боровскаго, но это былъ уже не прежній Боровской, а какой-то грозный, неумолимый мститель. Дмитрій и Нада хотѣли подать другъ другу руки, но призракъ стоялъ между ними, и все грустнѣе и безпомощнѣе глядѣли ихъ лица. Они стали отодвигаться все даалье, все глубже и шире дѣлалась бездна между ними и Анной Григорьевной, и все болѣе они терались въ туманной мглѣ.

Она кинулась впередъ, и проснулась. Въ комнатѣ было темно и душно. Она приподнялась на кровати, силась возстановить въ своей памяти только-что видѣнный сонъ. Холодный потъ выступилъ на ея лбу, и ей болѣзненно захотѣлось свѣжаго воздуха, такъ невыразимо тяжело ей было въ душной атмосферѣ комнаты. Анна Григорьевна встала, накинула на плечи лежавшій около кровати бурнусъ и растворила окно.

Ночь хирилась, вѣтеръ гулялъ верхушки деревьевъ. Анна Григорьевна остолбенѣла увидавъ широкое зарево поднимавшееся изъ-за крышъ надворныхъ построекъ... Спальня ея окнами выходила на дворъ.

— Это на гумнѣ пожаръ, тотчасъ догадалась Анна Григорьевна,—и меня не разбудили! Хлопотливая, дѣлательная хозяйка немедленно сказала въ ней. Она не могла допустить чтобы сумѣли безъ ея участія справиться съ бѣдой. Живо она надѣла туфли и вышла въ корридоръ. Къ ея изумленію,

комнаты ея сыновей оказались пустыми. „Дмитрій! Молода!“ прокричала она нѣсколько разъ съ возрастающею тревогой. Никто не отзывался. Она стала звать Надю, подошла къ ея дверямъ, но молодой дѣвушки тоже не было.

— Да гдѣ же всѣ? Гдѣ же горничныя?... Мавра, Дунаша!...

Въ домѣ все было пусто и безмолвно. Ужасъ овладѣлъ старушкой, она поочередно растворяла двери, не появлявъ сразу что всѣ на пожарѣ. Ее оставили одну, не сказавъ ни слова о случившемся! Гнѣвное негодование овладѣвало ею.

Анна Григорьевна вернулась къ себѣ и стала послѣдшне одѣваться. Зловѣщій блѣскъ зарева сильнѣе прежняго краснѣлъ на черномъ небѣ, и ей теперь показалось что горитъ не на одномъ гумнѣ, а и на селѣ тоже. „Это они, это бездѣльники крестьяне подождли“, говорила она себѣ, второпяхъ отыскивая свои вещи. Но вдругъ, выглянувъ въ окно, она увидѣла нѣчто еще болѣе страшное: нѣсколько фигуръ свалило по двору; неясно долетали до ея слуха чьи-то голоса, какой-то злобный смѣхъ. Зажженная лучина была въ рукахъ одного изъ этихъ людей и ярко освѣщала его красную рубаху. Это былъ высокій, плечистый молодецъ. И вотъ что-то вспыхнуло у самыхъ дверей въ кладовую, ближайшую къ дому каменную пристройку. Это было должно-быть подожженное туда сѣно, такъ быстро оно воспламенилось. Потому изъ слуховаго окна той же кладовой брызнуло пламя. Крыша была изъ драги. Огонь лизнулъ ее и мигомъ пошелъ тонкою змѣйкой по деревянной чешуѣ. Анна Григорьевна всплеснула руками: этого было слишкомъ много и для ея твердости.

— Господи, да что же это такое! Они всю усадьбу спалать.

Она чувствовала что не въ силахъ собраться съ мыслями. Кровь у нея стучала въ головѣ, словно ее охватывало ольняненіе.

Но она скоро оправилась отъ ужаса, рѣшимость къ ней вернулась. Надо было во что бы то ни стало дозваться кого-нибудь: не оставили же всѣ на произволь судьбы и ее, и самый домъ.

Въ корридорѣ было совершенно темно. Старушка оцуплю добралась до лѣстницы и стала вполголоса звать Терентія и Анисью, жившихъ въ нижнемъ этажѣ: она словно боялась какъ бы не услышали ее поджигатели. Никто не отвѣчалъ на ея зовъ. Анна Григорьевна живо принялась спускаться

по лѣстницѣ. Но должно-быть видѣнное ею черезчуръ потрясло ея нервы. Голова ли закружилась у нея или нога не отыскала стулени въ темнотѣ, только вдругъ она упала всѣмъ тѣломъ, скатилась до поворота лѣстницы и ударилась вискомъ о деревянную ступень. Старушка лишилась чувствъ.

XV.

Чѣмъ кумушекъ считать трудиться,
Не лучше ль на себя кума оборотаться?
Крыловъ.

Vor lauter Bäumen sieht man den Wald nicht.
Пословица.

За плотиной Дмитрія нагналъ Христофоръ Карловичъ. Нѣмецъ казался до крайности возмущеннымъ.

— Diese verfluchten Kerle! заговорилъ онъ почему-то на родномъ языкѣ и прибавилъ уже по-русски бранное слово совсѣмъ нелечатнаго свойства.—Вашъ братецъ отправился туда съ пожарнымъ инструментомъ, продолжалъ онъ указывая рукой на усадьбу.—А здѣсь, я думаю, опасности уже нѣтъ. Пятнадцать скирдъ-таки удалось спасти. Снопъ сложили подальше, а остальные пускай себѣ тлѣютъ. Съ такимъ дождемъ не страшно.

Въ самомъ дѣлѣ дождь немилосердно хлесталъ имъ въ лицо. Но Дмитрій и Надя не обращали на то вниманія. Молча они дошли до усадьбы.

Драночную крышу на кладовой спалило почти цѣликомъ, во крѣпкія стропила и брусья едва тлѣли и дымилась, заливаемые крупнымъ дождемъ. На сосѣднія постройки огонь не перекидывало: въ Бѣлыхъ Столбахъ почти все было крыто желѣзомъ.

— Митя! раздался въ темнотѣ взволнованный голосъ Володи,—иди скорѣе: съ мамѣ случилось несчастье.

Дмитрій и Надя послѣшили въ домъ. Анну Григорьевну уже отвесли въ спальню и уложили на кровать. Старуха Анисья стояла у изголовья, горько всхлипывая. Анна Григорьевна все еще лежала въ безпамятствѣ. Полуоткрытые глаза смотрѣли безжизненно, на блѣдномъ лицѣ видѣлись сѣды залекшейся крови.

Дмитрій пощупалъ у матери пульсъ.

— Слава Богу, жана! воскликнулъ онъ.—Надо смыть кровь и одѣлать перевязку... За докторомъ послали? спросилъ онъ у брата.

Тотъ молча кивнулъ головой.

— Да какъ же это случилось? спросилъ Дмитрій, окидывая взглядомъ присутствующихъ. Въ дверяхъ показались оторопѣлыя фигуры двухъ горничныхъ.

— Батюшка, вловогласа заговорила Анисья, отирая слезы,—съ меня старой дуры взщите, да вотъ съ этихъ глухыхъ дѣвокъ, и она показала на Мавру и Дунашу.—Барыню-то нашу одну оставили, тоже на пожаръ глядѣть пошла. А я все время въ сѣняхъ присидѣла, думала что онѣ-то при генералшицѣ,—и вотъ, прости меня Господи, задремала должно-быть маленько, только слышу я въ просонкахъ, какъ что-то ушло на лѣстницѣ, тяжело такъ ушло. Опомилась я, схватила подсвѣчникъ. Гляжу, а барыня-то наша голубушка лежитъ навзничъ, а головка ея объ стуленьку и ударилась должно-быть... Только вижу кровь—испугалась я, перекрестилась, подумала грѣхъ какой случился, не убилась ли въ самомъ дѣлѣ онѣ до смерти. Кричу я, кричу, а что я могу сдѣлать одна? Только, сласибо ему, Владиміръ Алексѣевичъ прибѣжать въ домъ изволили и клацать они меня: „Анисья, что, мамаша не испугалась?“ Ну, съ нами вдвоемъ барыню мы принесли сюда и уложили...

Между тѣмъ обмыли ранку на вискѣ и наложили повязку, но Анна Григорьевна не приходила въ чувство.

— Нашатырнаго спирту бы надо, сказала Надя.—У тетушки есть, кажется.

Стклянка отыскалась, и спиртъ оказалъ свое дѣйствіе. Вѣки у старушки зашевелились, стиснутыя губы немного раздвинулись, и чуть замѣтно она повела головой.

Радость блеснула на всѣхъ лицахъ.

— Удара по крайней мѣрѣ не было, тяжело вздохнувъ проговорилъ Дмитрій.—Но дай Богъ чтобъ обошлось безъ воспаления.

Весь остатокъ ночи всѣ они провели у кровати больной, напряженно слѣдя за каждымъ ея движеніемъ. Анна Григорьевна совсѣмъ очнулась, но слабость была такъ велика что она едва могла шевелить губами и чуть слышно у нея вырывались невнятные слова. Про пожаръ всѣ забыли, но ливень за нихъ объ немъ позаботился и къ разсвѣту потухли послѣднія искры.

Въ 9 часовъ пріѣхалъ докторъ, на этотъ разъ не пресловутый Финтайзень.

— Ослыное должно-быть было потрясеніе мозга, шеянулъ овъ Дмитрію, двуемысленно покачавъ головой.—Телерь ничего сказать положительнаго нельзя.

Прописавъ лѣкарство, овъ увѣхалъ, обѣщая вернуться къ вечеру. Разумѣется, у него, какъ и у всѣхъ его собратій, было неотложное дѣло, какъ разъ потому что въ немъ нуждались.

Домъ наполнился тою безлокойною тишиной, которую всегда приносить съ собою болѣзнь. Ходили на цыпочкахъ, осторожно притворяли двери, говорили шепотомъ. У всѣхъ было гнетущее, тоскливое ожиданіе, всегда сопровождающее начало болѣзни, ходъ которой предугадать нельзя.

И какъ разъ въ этотъ тревожный день, вѣшняя, чужая жизнь, всегда равнодушная къ семейнымъ заботамъ, съ самаго утра стучалась въ домъ Корецкихъ, предъявляя къ нимъ свои всегдашнія, настойчивыя требованія. Словно оттого что ихъ постигла бѣда они должны были отдать въ ней отчетъ постороннимъ. Покушеніе на жизнь Дмитрія, поджогъ, крестьянскіе безпорядки, вся эта цѣль крупныхъ и мелкихъ невзгодъ какъ будто давала каждому право заглядывать въ ихъ семью и вступаться въ ихъ дѣла. Пока частная жизнь идетъ втихомолку, никому дѣла нѣтъ не скрывается ли горе или нужда за этою тишиной. Но чуть заявятъ они свое существованіе, чуть струсилась бѣда, и тѣ кого она постигла обратились за помощію къ общественной власти, имъ уже надолго не отдѣлаться отъ вмѣшательства.

Полчаса спустя послѣ отъѣзда доктора, лихая тройка подвезла исправника ко крыльцу Бѣлостоловскаго дома. Амфилохій Никандровичъ встрѣтившій доктора на дорогѣ узналъ отъ него все. Овъ счелъ долгомъ высказать самыми отборными словами приличное случаю душевное соболѣзнованіе. Но въ его сахарныхъ рѣчахъ сквозила какая-то официальная недоувѣрчивость, какъ будто на пострадавшихъ отъ поджога должна была пасть тѣнь какого-то подозрѣнія.

— Тяжелыя времена, Дмитрій Алексѣевичъ, ловторялъ овъ нѣсколько разъ и усиленно гладилъ свои усы, вслѣдствіе чего на его бѣлоснѣжной перчаткѣ вдругъ оказались темно-бурыя пятна.—За десять лѣтъ, доложу вамъ, въ первый разъ мнѣ приходится пріѣзжать въ Бѣлыя Столбы для исполненія законныхъ обязанностей.—И Амфилохій Никандрычъ съ печалью во взглядѣ покачалъ головой.—Все, могу васъ увѣрить, отъ этихъ злоумышленниковъ идетъ...

Упомянувъ еще разъ о своемъ участіи въ болѣзни Анны Григорьевны, почтенный исправникъ тотчасъ за тѣмъ перешелъ къ дѣлу своего пріѣзда.

— Ну-съ, а теперь я приступаю къ продолженію вчерашняго дознанія, сказалъ онъ, круто обрывая свой разговоръ съ Дмитріемъ.

Такая послѣдшность обыкновенно не входила въ привычки словоохотливаго исправника.

— Вы бы кстати, замѣтилъ ему Дмитрій,—начали предварительное слѣдствіе о пожарѣ. Нѣтъ сомнѣнія что тутъ былъ злой умыселъ...

Амфилохій Никандровичъ пріосанился.

— Съ моей стороны, произнесъ онъ,—никакого улущенія не будетъ. И конечно, еслибы слѣдствіе было поручено мнѣ...

Исправникъ желчно разсмѣялся.

— Посмотримъ, добавилъ онъ провнически,—какъ распорядится господинъ судебный слѣдователь... Мы вѣдь только для нихъ, такъ-сказать, черную работу приготавливаемъ... А за тѣмъ ихъ уже дѣло...

Амфилохій Никандрычъ всегда съ горечью вспоминалъ про то умаленіе власти которое за послѣднее время пришлось испытать полиціи. Онъ не безъ удовольствія отмѣчалъ промахи совершаемые юношами смѣнявшимися на его глазахъ въ должности слѣдователя. И надо признаться, Амфилохій Никандровичъ былъ совершенно правъ увѣряя что слѣдователь виновнаго тогда отыщетъ когда полиція ему приведетъ его связаннымъ.

— Только позвольте мнѣ сначала, сказалъ исправникъ уходя,—сперва поковчить съ главнымъ дѣломъ... то-есть, вы понимаете, главное потому что такъ-сказать здѣсь замѣшанъ государственныи интересъ.

Амфилохій Никандровичъ велѣлъ прислать къ нему Вѣхива, и въ ожиданіи его удалился въ контору.

— Чтѣ ты, братецъ мой, словно выльши? вознегодовалъ онъ, увидавъ предъ собою красное, сильно отекавшее лицо жандарма.

— Помилуйте, ваше высокоблагородіе, я, кажись, ничего...

Но блюститель порядка говорилъ не правду. Едва наканунѣ увѣхалъ исправникъ, Вѣхивъ отправился на Акимовъ дворъ и тамъ потребовалъ себѣ угощенія. Не мудрено что послѣ этого онъ прослалъ сумятицу бывшую ночью, мирно покоясь на сѣновалѣ.

— Хорошо молодецъ! журилъ его Амфилохій Никандровичъ, убѣдившись что Вѣхманъ зналъ о пожарѣ только по наслышкѣ.—Смотри чтобъ этого больше не было, а то достанется тебѣ отъ начальства...

И снабдивъ его слова надлежащими инструкціями, исправникъ вторично отпратилъ Вѣхмана на розыски.

Самъ онъ тотчасъ затѣмъ покатилъ на своей тройкѣ въ Черные Хутора. На этотъ разъ благообразный старшина былъ дома и перепугался не на шутку, увидавъ владыку уѣзда. Присутствіе Амфилохія Никандровича не способствовало его ободренію.

— Чтѣ ты, болванъ этакій, зашумѣлъ исправникъ, когда старшина подошелъ къ его тарантасу, — въ городъ слакать вздумалъ когда начальство по дѣлу въ твою дурацкую волость ѣдетъ. А!... Просидишь ты у меня въ арестантской! А писаря здѣшняго смѣваю... Чтѣ это значить? мертвецки льнешь, когда его требуютъ по дознанію.

Старшина съ безлокойствомъ малъ въ рукахъ фуражку и глядѣлъ на исправника съ тупымъ ислугомъ чловѣка который ожидаетъ что вотъ-вотъ его сейчасъ примутся трепать за бороду. Но къ такому отеческому наставленію Амфилохій Никандровичъ, какъ чловѣкъ образованный, прибѣгалъ только изрѣдка. Онъ гнѣвно откинулъ фартукъ тарантаса и опираясь на плечо старшины, вышелъ изъ экилажа.

— Гдѣ у тебя здѣсь, продолжалъ онъ, войдя въ волостное правленіе,—проживаетъ именущій себя Ефимомъ Петровымъ, хвалынскимъ крестьяниномъ?.. Говори!—Амфилохій Никандровичъ придалъ своему лицу величаво таинственное выраженіе.—Залисавъ онъ у тебя въ волости?..

— Это который машинистъ-то? нервѣшительно проговорилъ старшина.

— А знаешь кто такой этотъ машинистъ?—И Амфилохій Никандровичъ сокрушающимъ движеніемъ руки схватилъ старшину за плечо. — Знаешь? измѣнникъ Царю!.. Злодѣя!..

Старшина повелъ недоумѣвающими глазами.

— Ефимъ Петровъ?.. Точно здѣсь проживаетъ, только мутикъ онъ кажись исправный...

Не слушая его, Амфилохій Никандровичъ тотчасъ приказалъ схватить и привести къ нему Ефима. Каково же было его негодование когда онъ узналъ что Ефимъ въ ту же ночь скрылся неизвестно куда! Не подумавъ о томъ что самъ онъ

могъ еще наканунѣ арестовать злоумышленника есѣлбы не повѣдался слѣдствію въ Черныя Хутора, Амфилохій Никандровичъ равнесь по генеральски всѣхъ кто ни попадаеся ему на глаза. Въ заключеніе онъ приказалъ взять подъ арестъ ни въ чемъ неповиннаго солдата, у котораго проживалъ Ефимъ, и во всѣхъ деревняхъ волости оловѣстить чтобъ Ефима при случаѣ схватили, гдѣ бы онъ ни показался.

Теперь Амфилохію Никандровичу не оставалось ничего болѣе какъ приняться за слѣдствіе о пожарѣ. Онъ велѣлъ старшинѣ тотчасъ явиться въ Бѣлые Столбы съ полатынями, но ему не пришлось доказать на этотъ разъ свое превосходство надъ судебною властью: когда онъ вернулся въ Бѣлые Столбы, слѣдствіе уже было въ полномъ ходу.

Коневецкій, вообще говоря, не отличался аккуратностью. Для юнаго питомца законовѣдѣнія преслѣдованіе виновнаго по горячимъ слѣдамъ было простою метафорой, но для тѣхъ людей съ кѣмъ онъ былъ знакомъ Коневецкій дѣлалъ исключенія: онъ находилъ что этого требовало приличіе. И получивъ наканунѣ заявленіе Дмитрія, онъ рѣшился приступить къ дѣлу на слѣдующій же день. Покушеніе на убійство, да еще въ знакомомъ домѣ, это былъ случай выходящій изъ ряду вонъ.

Съ тѣхъ поръ какъ мы не встречали болѣе г. Коневецкаго, въ немъ совершилась большая пережѣва. Онъ не переставалъ картавить, одѣвался полпрежнему щегольски, хотя степная жизнь и тутъ налагала свою печать неравнѣности; но въ его манерахъ стало все сильнѣе проявляться сознаніе не только своего достоинства, но и своей важности. Все чаще ему случалось теперь осаживать простыхъ смертныхъ, обращающихся къ нему, и ссылаться на права слѣдственной власти, когда ему угодно было допустить проволочку въ дѣлствіяхъ этой самой власти. Онъ научился даже, принимая просителей, дѣлать видъ будто не разслышалъ что ему сказали, причемъ сунулъ брови даже вовсе не по чину.

Въ Бѣлыхъ Столбахъ, конечно, онъ къ этимъ генеральскимъ замашкамъ не прибѣгалъ. Онъ весь сіалъ желаніемъ быть пріятнымъ когда очутился лицомъ къ лицу съ Дмитріемъ. Разумѣется, онъ не сомнѣвался въ томъ что одѣлать выказанную имъ на этотъ разъ любезную поспѣшность. Тѣмъ болѣе озадачилъ его равнодушный пріемъ Дмитрія которому вся исторія съ Гондзевскимъ теперь казалась чѣмъ-то давнишнимъ и лишенымъ уже всякаго интереса.

— Вы видите что все дѣло ясно до очевидности, сказалъ Дмитрій, передавъ Коневецкому въ немногихъ словахъ, какія улики ему удалось собрать противъ Гондзевскаго.

Не таково было однако мнѣнiе слѣдователя. Коневецкiй успѣлъ уже проникнуться тѣмъ духомъ противорѣчiя который у многихъ представителей хотя бы скромной власти побуждаетъ отыскивать истину какъ разъ не тамъ гдѣ имъ на нее указываютъ. При всей своей готовности услужить, Коневецкiй тотчасъ ощутилъ разныя недоумѣнiя. Отчего подозрѣнiе должно было пасть именно на Гондзевскаго? Развѣ то обстоятельство что онъ вернулся домой съ ружьемъ могло что-нибудь доказывать? Коневецкiй даже лутился въ разныя хитроумныя догадки чтобы найти какого-нибудь другаго виновнаго.

— И почему же вы думаете наконецъ, добавилъ онъ,—что луля найденная въ полѣ была какъ разъ та самая которою стрѣлялъ убійца?

Дмитрій съ трудомъ скрывалъ свое нетерпѣнiе и снова повторилъ всѣ обстоятельства дѣла.

— Затѣмъ уже вамъ судить, прибавилъ онъ съ отгѣнкомъ проиш,—слѣдуетъ ли подозрѣвать г. Гондзевскаго.

Объясненiе это его тѣмъ болѣе раздражало что самъ Гондзевскiй и совершенное имъ преступленiе казались ему до крайности мелкими въ виду опасности въ которой находилась горячо любимая мать. И въ то же время онъ сознавалъ что Коневецкiй вызванный имъ самимъ, конечно, разчитываетъ на признательность.

— Я позволю себѣ просить васъ, добавилъ онъ съ особенною, хоть и ледяною вѣжливостью въ тонѣ,—обратить свое главное вниманiе на то что случилось здѣсь вчера если только вы захотите принять отъ меня это указанiе.

И онъ разказалъ слѣдователю про совершенный наканунѣ поджогъ.

— Я считаю это несомнѣнно болѣе важнымъ той маленькой опасности которой подвергся я лично, тѣмъ болѣе, закончилъ онъ,—что виновника въ поджогѣ всегда отыскать очень трудно.

Эти послѣднiя слова тотчасъ придали необыкновенную крыть юному слѣдователю.

— Это можетъ-быть трудно для иныхъ, сказалъ онъ, выпрямившись съ самодовольною улыбкой,—но если повести слѣдствiе твердо и рѣшительно...

Коневецкій не договаривалъ, воображая конечно что самое залутованное дѣло по плечу его ювой отвагѣ.

Онъ вызвалъ письмоводителя и тутъ же съ приличною торжественностью велѣлъ ему записать показанія Дмитрія. Онъ вслѣдствіи торопилъ его, пока тотъ не слѣша выводилъ на бумагѣ официальные каракули.

— Могу васъ увѣрить, заявилъ онъ громогласно, когда Дмитрій выставилъ свою подпись на бумагѣ,—что сегодня же виновные будутъ отправлены въ острогъ.

Сказавъ это, онъ отправился на село и тотчасъ приказалъ собрать крестьянъ. Пока они явились, прошло не мало времени, такъ какъ всѣ были на работѣ, и Коневецкому казалось совсѣмъ непозволительнымъ какъ это они могли заставлять его, слѣдователя, дожидаться въ душевной избѣ, гдѣ онъ пока основалъ свою резиденцію. Староста Филиппъ и хозяйскіе рабочіе между тѣмъ поочередно давали свои показанія.

— Что жь, вы имѣете на кого-нибудь подозрѣніе? ставилъ онъ каждому неизмѣнный вопросъ, сопровождая его взглядомъ пронизывающимъ до самой глубины души.

Рабочіе, однако, не услугавшись этого взгляда, какъ бы въ одинъ голосъ заявили что загорѣлось оно можетъ и по Божьей волѣ, а подозрѣнія они ни на кого не имѣютъ. Про толки ходившіе наканунѣ теперь не было и рѣчи, словно имя Флегонта у нихъ изъ памяти вышибло. Одинъ только Филиппъ, помолчавъ немного, да почесавъ затылокъ, встряхнулъ волосами и повелъ взглядомъ по стѣнамъ избы. „Да никому какъ Флегонту этого не сдѣлать“, объявилъ онъ и почему-то устался на полѣ.

— А кто этотъ Флегонтъ? строго произнесъ слѣдователь.— Вы знаете что вы обязаны отвѣчать мнѣ какъ самому Богу, и что за ложное показаніе будете отвѣчать по всей строгости законовъ.

Неизвѣстно почему Коневецкій воображалъ что залугованіе свидѣтеля лучшее средство добиться истины.

— Да Флегонтъ Паренновъ, извѣстное дѣло, первый озорникъ на селѣ, сказалъ староста.

— Но чѣмъ же вы можете подтвердить свое показаніе? продолжалъ слѣдователь все съ большею торжественностью.

Мужики стали теперь одинъ за другимъ входить въ избу, сперва кланялись образамъ въ чистомъ углу, потомъ, вздымая, отвѣшивали локонъ и начальству.

— Куда а́заете! осакавалъ ихъ письмоводитель.— Можете постоятъ и на улицѣ. Вызовутъ, когда будетъ надо.

Но Коневецкій тотчасъ ольшилъ предъ собравшемся кучкой крестьянъ. Онъ не зналъ, выслать ли ихъ обратно на улицу чтобы продолжать допросъ Филиппа или тутъ же допросить одного изъ нихъ и котораго именно. Не зная какъ приступить къ дѣлу, онъ всталъ, закурилъ папироску и принялся вертѣть въ рукахъ исписанные листы показаній.

— Вызвать сюда Флегонта Пареенова, съ нѣкоторымъ дрожаніемъ въ голосъ приказалъ онъ тощему мужичку съ медалью на груди. Это былъ десятскій.

— Флегонтъ Парееновъ здѣсь, ваше благородіе, на крыльцѣ стоитъ, проговорилъ онъ лискливымъ голоскомъ.

Мужички перегагнулись.

Флегонтъ, въ своей неизмѣнной красной рубахѣ, тотчасъ вошелъ самоувѣренно и бойко, и сталъ предъ самымъ Коневецкимъ, глядя ему прямо въ лицо. Это еще болѣе смутило уже начинавшаго терять голову сѣдователя, и онъ даже забылъ что надо очистить комнату отъ прочихъ свидѣтелей.

— Идите же, чего стоите, вы́шлаася въ дѣло письмоводитель.— Нельзя всѣхъ разомъ допрашивать.

Въ эту самую минуту въ избу вошелъ исправникъ. Онъ любезно расшаркался съ Коневецкимъ и усѣлся на лавкѣ у стѣны.

— Позвольте мнѣ присутствовать? спросилъ онъ съ приторною почтительностью.

Мужики все не двигались съ мѣста.

— Какъ же, какъ же, сдѣлайте одолженіе, проговорилъ робѣвшій Коневецкій.

— У васъ, я вижу, дѣло ужъ очень подвинулось, продолжалъ все также насмѣшливо Амфилохій Никандровичъ, доставая папироску.— Свидѣтелей разомъ изволите допрашивать?

— Да нѣтъ же, это такъ только... Стоять мочему-то. Стулайте, нервнѣтельно и тихо обратился Коневецкій къ мужикамъ.

— Вы слышите что приказываетъ господинъ сѣдователь? стулайте! повторилъ исправникъ приказаніе, но несравненно громче и поделительнѣе.

Мужики тотчасъ повинувались, и начался допросъ Флегонта. Онъ рѣшительно отрицалъ всякое участіе въ поджогѣ.

— Изволите видѣть, ваше благородіе, объяснилъ онъ, встра-

хивая кудрами,—какъ прихвѣтилъ я зарево со стороны барскаго гумна, побѣжалъ туда съ пародомъ. А больше ничего не знаю.

Большаго Коневецкій отъ него не добился. Онъ очевидно не зналъ, какъ обойти упорное и голое отрицаніе Флегонта. Ашфилохій Никандровичъ что-то насмѣхивалъ.

— Вы грамотный? спросилъ Коневецкій послѣ нѣсколькихъ безразличныхъ вопросовъ.

— Какъ же, грамотъ учень.

— Такъ поднашите свое показаніе.

Флегонтъ медленно, стискивая въ ладоняхъ данное ему перо, вывелъ на листъ бумагъ свою кривую подпись и вышелъ, липнѣй разъ трахнувъ кудрами. Коневецкій сталъ отирать свой вспотѣвшій лобъ.

— Кого теперь прикажете вызвать? равнодушно спросилъ писмоводитель.

— Да кого, я, право, не знаю.

— На списокъ значится первымъ Исаѣ Терентьевъ.

— Ну такъ, пожалуй, Исаѣ Терентьева.

Вызванные свидѣтели появлялись одинъ за другимъ. Обыкновенно чередой ставились вопросы: ваше имя? сколько вамъ лѣтъ? православнаго исповѣданія? подъ судомъ не были?—и получались замѣчательно однообразныя показанія. Въ одинаково видѣли пожаръ и никто равно ничего не зналъ о его причинѣ. „Слышу я, батюшка, говорилъ свидѣтелю какой-нибудь Кузьма, или Михай или Савелій,—стучится къ мнѣ кто-то въ окно. Вставай, говорить, братъ, у господъ на гумнѣ загорѣлось. Вижу, горятъ барскія скирды. Само-то наше все ужь на ногахъ. Ну я побѣжалъ я, значить, въ господскую усадьбу“. Затѣмъ на повторявшіеся все тѣ же вопросы Коневецкаго свидѣвалъ все тотъ же разказъ какъ являлся на пожаръ оверка староста Филиппъ съ рабочими, а за нами и господя, какъ потомъ огонь перекинуло на деревню, и все это плескалось безчисленными вздохами и восклицаніями.

Цѣлые три часа прошло въ этихъ разспросахъ, а разясненіе дѣла не двигалось ни на шагъ. Усталый Коневецкій все чаще прикладывалъ носовой платокъ къ вспотѣвшему лбу. Въ ушахъ его уже бессмысленно звучала однообразная невнятная сава. Какая-то муха неутомимо вертѣлась около него; то она дунула надъ его головой, то садилась къ нему на носъ или на лежащій предъ нимъ листъ бумага. Онъ даже пересталъ уже отмахиваться отъ нея, все болѣе отдаваясь

полазему отступяию. Исправникъ со своего мѣста слегка пошевеливался, а иногда подходилъ къ письмоводителю и пробтгалъ записанныя показанiя.

Наконецъ чаша была исхита до дна. Послѣднiй свидѣтель отпущенъ. Ковевецкiй вдругъ почувствовалъ необыкновенную потребность въ чемъ-либо сочувствiи.

— Вы не повѣрите, Амфилохiй Никандровичъ, сказалъ онъ, глубоко вздыхая,—что за каторжная должность! Толкуешь по дѣламъ дямъ съ этими олухами, а хотъ бы одно получить отъ нихъ показанiе цдущее къ дѣлу.

Онъ всталъ и вмѣстѣ съ письмоводителемъ принялся собирать исписанныя листы.

Исправникъ разсмѣялся.

— А вы бы хотѣли чтобъ они вамъ всю правду, какъ на ладова, выложили... Что жъ, позаряете этимъ кончить? добавилъ онъ, увидавъ что Ковевецкiй укладываетъ бумаги въ портфель.

— Еще бы! Сдѣлаю постановленiе о прекращенiи сѣдотвiя...

— За неотысканiемъ виновнаго, конечно? сталъ уже явно подтрунивать Амфилохiй Никандровичъ.—А, вѣдь, виновный-то у васъ налицо.

— Какъ налицо? съ недоумѣнiемъ воскликнулъ озадаченый Ковевецкiй.

— А Флегонтъ? Вѣдь у васъ шгыются показанiя старосты Филиппа?

— Показанiя, никто не подтвержденныя...

Ковевецкiй начиналъ сердиться.

— Еще бы вы захотѣли чтобъ мужики вамъ на одного изъ своихъ показали! Хорошо же вы ихъ знаете! Да, вѣдь, онъ первый бы долгомъ счелъ доносчику краснаго лѣтущка подлутить.

— Что жъ изъ этого?...

Ковевецкiй вручалъ письмоводителю до крайности переполненный бумагами портфель и облекся во всю валцную холодность судейскаго достоинства.

— Какъ что? Да вы бы тутъ же безъ дальнѣйшихъ разговоровъ Флегонта этого приказали арестовать. Тогда бы посмотрѣли какъ заговорили бы мужички. А то, извѣстаре дѣло, болтаетъ.

— Вы хотите чтобъ я лишилъ свободу человека по голослезному договору одного свидѣтеля! воскликнулъ Ковевецкiй, весь проникнутый уваженiемъ къ правамъ Флегонта.—Такъ тогда поступать въ прежнiя времена полицiя...

— За то и умѣла она лучше васъ находить виновныхъ, въ свою очередь разгнѣвалась исправникъ и мысленно добавила: „насовсемъ вездѣ этихъ млекососовъ и удивляются: потому что профуланки гуляютъ на свободѣ!“—Пойдемте однако, добавилъ онъ,—не сидѣть же намъ вѣчно въ этой вонючей избѣ.

Они вмѣстѣ направились къ дому, обитываясь коакими замѣчаніями о сравнительныхъ достоинствахъ старыхъ и новыхъ учрежденій. А писмоводитель, сѣдовавшій за ними съ тяжелымъ портфелемъ подъ мышкой, производилъ любознательныя наблюденія надъ курами, искавшими въ пазовѣхъ овсяныхъ зерель.

Жандармъ Вѣхивъ, завидѣвъ исправника, бросился къ нему на встрѣчу съ сіяющимъ лицомъ.

— Привель, ваше высокоблагородіе, объявилъ онъ прикладывая руку къ фуражкѣ.

— Что такое? Кого привель? насуливъ брови спросилъ Амфилохій Никандровичъ.

— Самаго этого, ихнаго, значить, главнаго командира, отвѣтилъ Вѣхивъ.

— Какъ? Неродовича? живо воскликнулъ исправникъ.— Молодецъ, коли такъ. Да гдѣ жъ ты его нашель?

— На постояломъ дворѣ нашель. По вѣснѣ примѣтамъ выходитъ онъ.

— Да гдѣ же онъ, гдѣ? Смотри чтобы не убѣжалъ.

— На конюшню его залерь, въ мустое стойло. Ничего, не убѣжить, не извоайте безпокоиться.

Амфилохій Никандровичъ живо вошелъ въ контору и въ ожиданіи Неродовича принялся разсматривать фотографическія карточки агитатора, не дававшася въ руки полиціи. Ковалецкій послѣдовалъ туда за нимъ, крайне интересуясь наконецъ увидѣть во очю одну изъ тѣхъ загадочныхъ личностей, о которыхъ всѣ такъ много толковали.

Минуть чрезъ пять снова явилася Вѣхивъ. Она тащала старичка, едва волочившаго ноги, со озадаченными руками, одѣтаго въ какое-то невообразимое рубище, на которомъ едва угадывали двѣ болтавшіяся костяныя нугашицы.

— Какъ, это Неродовичъ?! изумилася Амфилохій Никандровичъ, увидѣвъ измѣтное, безобидное лице старика, ничуть не похожее на лежавшія на столѣ фотографіи. Ковалецкій прыснулъ со смѣха.

— Ты Неродовичъ? уже прямо къ нему обратился исправникъ.

— Ась? проговорилъ старикъ, прикладывая ладонь къ правому уху.— Про какого это Неродовича извоите спрашивать, ваше благородіе? Я бывший здѣшній сельскій учитель, по фамиліи Сикофантовъ. Моея Дмитрій Алексѣевичъ уволили, можно сказать, ни за что ни про что, по навету замкхъ людей.

Старикъ бы непременно развелъ руками еслибъ онъ не былъ у него связямъ.

— Это мы еще увидимъ! Амфилохій Никандровичъ ударилъ кулакомъ по столу.— Все вы мастера запараться.

Но исправникъ тотчасъ сообразилъ что хотя не мѣшаетъ конечно поддержать авторитетъ полиціи, однако въ данномъ случаѣ не могло быть сомнѣнія въ грубой ошибкѣ со стороны Вѣхна...

— Я сейчасъ вернусь, сказалъ онъ, схвативъ фуражку.— А ты съ нимъ пошеди здѣсь, приказалъ онъ жандарму и крупными шагами направился къ дому.

На его лицѣ не было уже и тѣни самодовольства, когда онъ вошелъ въ гостиную. Упращивая Дмитрія съ нимъ пойти въ контору чтобъ удостовѣрить личность арестованнаго, Амфилохій Никандровичъ что называется поджалъ хвостъ.

— Какъ? разсмѣялся Дмитрій, увидавъ Сикофантова:— вы его могли принять за политически опаснаго человѣка? Можете его отпустить на все четыре стороны.

Дмитрій разказалъ исторію объ увольненіи старика. Какъ ни тяжело было у него на душѣ въ этотъ день, арестъ Сикофантова разсмѣшилъ и его.

Амфилохій Никандровичъ однако былъ видимо раздраженъ неудачей, тѣмъ болѣе что Комевецкій не щадилъ его, гауясь надъ посрамленіемъ полиціи.

— Пустить его на все четыре стороны, Дмитрій Алексѣевичъ, обидчиво сказалъ исправникъ,—я не могу безъ разрѣшенія начальства. Не безъ повода же его задержали. Скажи, обратилась онъ къ жандарму,—зачѣмъ ты его арестовалъ?

— Да какъ же, ваше высокоблагородіе, ошвѣчалъ сконфуженный Вѣхна,—вижу я, человѣкъ не въ своемъ видѣ бѣлается возлѣ постоялаго двора, а одѣтъ не по мужицкому. Подхожу я къ нему и говорю: „кажи свой паспортъ“, потому мнѣ вѣчно всегда первое дѣло паспортъ спрашивать,—а у него паспорта и нѣтъ. Затерялъ, говоритъ. Ну, значить, онъ и есть главный безобразникъ...

Исправникъ оставилъ расходившагося Вѣтова и сказалъ Сикофантову что его отвезутъ въ арестантскую при полиціи.

— Много вамъ благодаренъ, въ отвѣтъ на это поклонился старикъ,—по крайней мѣрѣ буду знать гдѣ голову сложить. А что, позвольте узнать, ваше благородіе, какое мнѣ тамъ будетъ отпущеніе содержаніе?

Но Амфилохій Никандровичъ на это не отвѣтилъ и, приказавъ Вѣтову отвезти Сикофантова въ городъ на телегѣ, самъ послѣдовалъ уѣхать. На этотъ разъ онъ покидалъ Бѣлые Столбы въ самомъ дурномъ расположеніи духа. Въ умѣ его зарождались самыя фантастическія подозрѣнія, и онъ делалъ ихъ съ какимъ-то особымъ удовольствіемъ. „Надо ухо держать востро“, думалъ онъ, и перебарала все слышавшее и въ Бѣлыхъ Столбахъ, съ неодобреніемъ припоминалъ нѣкоторыя слова Дмитрія. „Кто бы могъ подумать что въ домѣ такой почтенной особы, какъ Анна Григорьевна“... Онъ все рѣшительнѣе приписывалъ Дмитрію свою неудачу въ отысканіи Перодовича и готовъ былъ даже видѣть въ его заступничествѣ за Сикофантова какіе-то неблагонамѣренныя поводы. Въ тотъ же вечеръ, разговаривая въ клубѣ съ нѣкоторымъ голубымъ локонникомъ, Амфилохій Никандровичъ передалъ ему свои недоумѣнія относительно семьи Корецкихъ.

А юный плетенецъ правотѣвнн, отдохнувъ и подкрѣпившись обѣдомъ, ускыкалъ между тѣмъ въ Чернае Хутора и тамъ блистательно повелъ слѣдствіе надъ Гондревскимъ. Неудача съ крестьянами возбуждала въ немъ охоту къ обвиненію. Ковневецкій не сомнѣвался уже болѣе въ достаточности уликъ. Да кстату онъ и были довольно убѣдительнаго свойства. Пуля найденная въ полѣ какъ двѣ капли воды ложила на ту которую отыскали въ комнатѣ Гондревскаго, и обѣ онѣ вполнѣ соответствовали калибру его ружья. Свидѣтели показали что Полакъ нѣсколько разъ грозился убить Дмитрія и подтвердили что его не было дома какъ разъ въ то время когда былъ данъ выстрѣлъ. Словомъ, Ковневецкій очень скоро убѣдился въ его виновности,—а главное его тавуло домой, и въ тотъ же вечеръ онъ далъ приказъ о заключеніи Гондревскаго въ мѣстный тюремный замокъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

К. ОРЛОВСКІЙ.

ОТНОШЕНІЯ РОССИИ КЪ ПРУССІИ

ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ

V.

„Для всей Европы, говоритъ Вольтеръ въ своей *Исторіи царствованія Людовика XV*, не было болѣе счастливаго времени какъ время отъ Ахейскаго мира до 1755 года. Торговля процвѣтала отъ Петербурга до Кадикса; изящныя искусства были въ почетѣ; между государствами господствовало благородное соревнованіе; Европа походила на семью члены коей сблизилась послѣ долгихъ распрей.“ Слова эти доказываютъ только какъ мало политическаго смысла было у Вольтера и какія недостаточныя свѣдѣнія имѣлъ онъ о действительномъ положеніи дѣлъ. По поводу настроенія господствовавшаго въ Европѣ слѣдовало бы напротивъ подтвердить слова сказанныя когда-то Прусскимъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ I, что нельзя высунуться изъ окна безъ каски на головѣ. Ахейскій миръ не удовлетворилъ никого, и болѣе всѣхъ недоволенъ былъ имъ Фридрихъ: „миръ этотъ неслѣдуетъ всего что только могло приключиться королю“ (*cette paix est tout ce que pouvoit arriver de plus désavantageux au roi*), писала сестра его, шведская принцесса Ульрика. Не удалось расквитаться австрійское наследство, не удалось существенно ослабить Австрію,— правда, Олесья осталась за Пруссіей, но однимъ изъ печальныхъ послѣдствій

этого важнаго приобрѣтенія было то что Пруссія чувствовала себя совершенно изолированной. Отношенія къ Англіи были очень дурны и все предвѣщало что они должны еще ухудшиться вслѣдствіе возникшаго вопроса о вознагражденіи за убытки причиненные англійскими крейсерами прусской морской торговлѣ. На Французское правительство трудно было положиться: оно видимо сторонилось отъ своего бывшаго союзника, и даже графъ Сенъ-Северинъ, уполномоченный Людовика XV на Ахенскомъ конгрессѣ, вступившій послѣ того въ индистерстію, прямо заявилъ посланнику Фридриха Шамбрие и шведскому посланнику Шефферу что было бы лучше еслибъ они выдались съ нимъ не такъ часто какъ прежде, иначе это можетъ скомпрометтировать Францію въ глазахъ Англіи.* Словомъ, Фридрихъ тяготился своимъ одиночествомъ, а между тѣмъ противники его пользовались наступившимъ затишьемъ чтобы почти со всѣхъ сторонъ окружить его цѣлью союзовъ. Австрія и Россія успѣли привлечь къ состоявшемуся между ними въ 1746 году трактату Англію, хотя при этомъ король Георгъ II призналъ обязательнымъ для себя только самый трактатъ, а не секретныя и сепаратныя его статьи, одна изъ коихъ была направлена, какъ извѣстно, противъ Оттоманской Порты. Не такъ удачны были дѣйствія ихъ относительно Дрезденскаго двора, который памятуя полученный имъ урокъ не хотѣлъ накликать на себя новую грозу и къ тому же былъ сдерживаемъ вліяніемъ на него Франціи, но ни для кого не была тайной тѣ чувства которыя онъ питалъ къ своему сосѣду.

Надежды улучшить свое положеніе въ Петербургѣ, казалось, совсѣмъ покинули Фридриха. Основаны онъ былъ, какъ извѣстно, на томъ чтобы замѣнить канцлера Бестужева товарищемъ его Воронцовымъ. Въ 1745 году Воронцовъ вынужденъ былъ уѣхать за границу, и хотя многіе полагали въ то время что кредитъ его окончателно палъ при дворѣ, Фридрихъ былъ увѣренъ что обстоятельства не замедлятъ снова выдвинуть его впередъ. Таково было и мнѣніе Мардефельда, увѣрившаго что вице-канцлеръ предпринялъ поѣздку по доброй волѣ, съ цѣлью „приобрѣсти необходимыя для него свидѣнія и затѣмъ, по возвращеніи домой, открыто начать борьбу со своимъ соперникомъ“. Фридрихъ нетерпѣливо ожидалъ Воронцова,

* *Pol. Corr.* VI, 327—328.

приказалъ даромъ возить его въ предѣлахъ своего государства, оказывалъ ему всевозможныя любезности, но при личномъ знакомствѣ видимо разочаровался въ немъ. Со своимъ гениальнымъ умомъ и умѣньемъ распознавать людей онъ тотчасъ же понялъ что притязанія Воронцова далеко не соответствуютъ его способностямъ. Правда, онъ нашелъ что Воронцовъ „одушевленъ самыми лучшими намѣреніями и сильно возбужденъ противъ канцлера“, но вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ: „Воронцовъ—человѣкъ крайне робкій, удрученный мрачными и печальными мыслями и гораздо болѣе заботящійся о своемъ здоровьи чѣмъ о дѣлахъ своего отечества; я не возлагаю на него большихъ надеждъ“. * Конечно, продолжительныя бесѣды съ Прусскимъ королемъ и съ другими лицами—между прочимъ Воронцовъ сдѣлалъ значительный крюкъ чтобы поспѣть принцессу Цербстскую—не остались безъ слѣда: онъ вернулся съ болѣе чѣмъ когда-нибудь злыми намѣреніями противъ канцлера. Черезъ нѣсколько времени послѣ того Фридрихъ писалъ Мардефельду: „Увѣрьте графа Воронцова что я такъ много полагаюсь на его дружбу, опытность и искусство что никогда не предприиму ничего не посоветовавшись предварительно съ нимъ; онъ можетъ смѣло на это рассчитывать.“ Въ Берлинѣ ожидали что вице-канцлеръ, явившись въ Петербургъ, тотчасъ же начнетъ дѣйствовать, но проходили недѣли и мѣсяцы, а дѣятельность его не проявлялась ни въ чемъ. Онъ получалъ непрерывно разные совѣты и не былъ въ состояніи воспользоваться ими. Такъ напримѣръ когда пропелся слухъ о женитьбѣ сына Бестужева на племянницѣ графа А. Г. Разумовскаго, тщетно Фридрихъ убѣждалъ Воронцова подѣйствовать на фаворита чтобы тотъ выбралъ женихомъ для своей родственницы сына Румянцева, „очень красиваго, по слухамъ, молодаго человѣка“. Многія другія указанія въ томъ же родѣ оставались безъ послѣдствій. „Признаюсь, писалъ Фридрихъ, крайне прискорбно мнѣ что кредитъ этого достойнаго человѣка нисколько не улучшается и онъ не въ состояніи оказать даже самой ничтожной услуги своимъ друзьямъ.“ Дѣйствительно, положеніе его было незавидно: вернувшись въ Петербургъ онъ вступилъ въ исправленіе своей должности, но не замедлилъ убѣдиться что все главное и существенное идетъ помимо его; Пецольтъ извѣ-

* *Pol. Corr.* V, 120—121.

щаль отъ 4 ноября 1747 года что Бестужевъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ приглашалъ Воронцова на происходившія по латвицамъ конференціи съ иностранными посланниками, сосредоточилъ у себя всю работу въ канцеляріи, а ему посылалъ лишь кое-какія бумаги по своему выбору. Все это конечно дѣлалось съ вѣдома императрицы,—дѣлалось потому что сильныя подозрѣнія тяготѣли надъ Воронцовымъ, какъ видно между прочимъ изъ депрошенныхъ пунктовъ Дестоку, напимѣръ изъ слѣдующаго: „Извѣстно что во время бывшей здѣсь съ морскими державами негоціаціи о перелущеніи имъ помощнаго корпуса, ты старался всѣ тайности, особливо же о секретныхъ артикулахъ оной, у вице-канцлера свѣдать и о всемъ томъ прусскому посланнику пересказывалъ; и понеже не токмо съ вѣдома вице-канцлера ты то дѣлалъ, но, какъ извѣстно уже и доказано, онъ и самъ прусскому министру такія открытія чинилъ, съ тобою жъ бывъ въ тѣсной дружбѣ, ничего отъ тебя не скрывалъ, то ты долженъ объявить, какимъ образомъ вице-канцлеръ королю Прусскому предавъ и какія онъ еще болѣе откровенія чинилъ?“ Воронцовъ еще въ 1747 году обратился къ императрицѣ съ письмомъ, въ которомъ старался убѣдить ее что страдаетъ совершенно безвинно и умолялъ ее перемѣнить гнѣвъ на милость. „Я сердцевица Бога во свидѣтели представляю и себя на Его страшный и праведный судъ предаю, говорилъ онъ, что какъ до сего несчастнаго моего чина вице-канцлера вашему императорскому величеству вѣрный и истинный рабъ былъ, столь болѣе нынѣ въ семъ чинѣ желаю себя достойнымъ учинить выщей высочайшей милости вашего величества. Я никакого пристрастія и ненависти ни къ какому иностранному государю не имѣлъ, не имѣю и впредь имѣть не буду; они всѣ у меня дотолѣ въ почтеніи содержатся, доколѣ къ вашему императорскому величеству въ искренней дружбѣ и любви пребудутъ.“ Вице-канцлеръ, „преклонная колѣна предъ столами“ государыни, заклиналъ ее „разрѣшить его отъ несчастной анаемы“, но просьба не достигла цѣли, и императрица попрежнему продолжала отговариваться тѣмъ что напрасно онъ воображаетъ будто находится въ немилости. Но немилость была очевидна. Все болѣе и болѣе устраиваемъ былъ онъ отъ дѣлъ. „Чтобы сказать правду, писалъ Фридрихъ своему посланнику въ Петербургѣ, я не вижу какую пользу приносятъ свѣдѣнія которыя сообщаетъ намъ важный другъ,

и его малкія интриги; еслибы продолжалъ я выдавать ему содержаніе, то это значило бы все равно что бросать за около деньги.“ *

Положеніе Мардефельда при Русскомъ дворѣ давно уже сдѣлалось невыносимымъ. Онъ не скомпрометтировалъ себя такъ явно и такъ грубо какъ Шетарди, но не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію что онъ былъ душой всѣхъ интригъ направленныхъ противъ нашей полатики. Еще въ 1746 году, вѣкорѣ по заключеніи союзнаго договора съ Австріей, императрица Елисавета потребовала отозванія его изъ Россіи, но Фридрихъ подъ всякими предлогами медлилъ, ибо трудно было ему найти другаго человѣка который такъ хорошо зналъ бы петербургское общество. Лишь лѣтомъ 1747 года прибылъ преемникъ Мардефельда, Финкенштейнъ, состоявшій предъ тѣмъ при Стокгольмскомъ дворѣ. Въ дамшій ему инструкціи ** говорилося что „такъ какъ графъ Бестужевъ повидимому болѣе чѣмъ когда-нибудь упрочилъ свое вліяніе, то слѣдуетъ употребить все что только человѣчески возможно (*tout ce qui est humainement possible*) чтобы склонить русскаго канцлера къ интересамъ короля, внушить ему болѣе расположенія къ его величеству, а баронъ Мардефельдъ укажетъ какими средствами можно лучше достигнуть этой цѣли и чрезъ кого именно надо дѣйствовать на него,—чрезъ его ли родственниковъ, чрезъ креатуръ или приверженцевъ“: средства были те же самыя на которыя и прежде возлагалъ Фридрихъ столько надеждъ, а именно подкулъ. Вѣкорѣ по прибытіи своемъ въ Петербургъ Финкенштейнъ убѣдился что вліяніе Бестужева почти безгранично. „Императрица, писалъ онъ, имѣла большія обязательства относительно Франціи, и канцлеръ заставлялъ ее забыть ихъ; она питала дружбу и уваженіе къ вашему величеству, и канцлеръ умѣлъ внушить ей недовѣріе и холодность къ вамъ; она желала добра Шведамъ, любила Шведскаго наследнаго принца: канцлеръ измѣнилъ въ ней эти чувства на ненависть и раздраженіе; она ненавидѣла Вѣнокій дворъ и благодаря канцлеру сдѣлалась теперь совершенно Австрійкой; она трепетала мысли отдать кому-нибудь на иждивеніе свои военныя силы, но канцлеръ побуждалъ ее принять англійскія и голландскія субсидіи; она была расло-

* *Pol. Corr.* VI, 269.

** *Pol. Corr.* V, 293—295.

лежена къ Голштинскому дому, относилась враждебно къ Давиу, но совершенно измѣнила теперь эти чувства вслѣдствіе стараній того же канцлера.“ * Бороться съ Бестужевымъ было поэтому труднѣе чѣмъ когда-нибудь и не предвидѣлось чтобы какія-либо другія средства могли заставить его измѣнить свою политику. „По моему мнѣнію, говорил Мардефельдъ, было бы гораздо лучше еслибы графъ Финкенштейнъ обратился прямо къ самому канцлеру; пусть при этомъ, расточая ему всякія любезности, онъ взвалитъ всю вину на меня, пусть увѣряетъ его что я ненавидимыми своими извѣтами воспрепятствовалъ королю обнаружить ему полное довѣріе. Я не буду нисколько въ претензіи на подобный образъ дѣйствій и одобряю его ото всего сердца.“ **

Конечно и эта уловка была пущена въ ходъ новымъ посланникомъ, но не могла увѣнчаться успѣхомъ по той причинѣ что расположеніе канцлера нужно было Фридриху для осуществленія своихъ цѣлей, а цѣли эти, какъ увидимъ, отнюдь не соответствовали интересамъ Россіи. „Мнѣ не остается ничего болѣе, доносилъ Финкенштейнъ отъ 2 сентября 1747 года, какъ поддерживать связи съ нашими прежними друзьями, узнавать отъ нихъ о всемъ что происходитъ и терпѣливо выжидать болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ“.

Но подобный образъ дѣйствій не удовлетворялъ Фридриха, въ умѣ коего созрѣли планы, которые проводилъ онъ чрезвычайно настойчиво еще прежде Ахенскаго мира и особенно послѣ 1748 года. Взоры его обращены были на Швецію. Въ письмахъ своихъ онъ не переставалъ повторять что Шведскій вопросъ имѣетъ преобладающую важность, что на немъ главнымъ образомъ должно быть сосредоточено вниманіе. Король Шведскій, котораго Фридрихъ Великій сравнивалъ съ неспособнымъ къ службѣ офицеромъ, очень довольнымъ тѣмъ что получилъ мѣсто городничаго, *** былъ одержимъ тяжкою болѣзью: непрерывно ожидала его кончины, и уже носились слухи что съ воцареніемъ его преемника Адольфа-Фридриха долженъ совершиться важный переворотъ во внутреннемъ

* *Koser., Preuss. Jahrbücher*, XLVII, 297.

** Тамъ же, 294.

*** Il considérait son poste à peu près comme un vieux lieutenant-colonel regarde un petit gouvernement qui procure une retraite honorable (*Oeuvres*, II, 18).

управленія страны, будетъ утверждено самодержавіе. Пруссійскій король былъ чрезвычайно заинтересованъ въ этомъ. Тѣсный союзъ со Швеціей казался ему громаднымъ приобретеніемъ, и еще въ 1746 году писалъ онъ Подевиальсу: „Пусть нашъ посланникъ разкажетъ наследному принцу известную басню о какомъ-то молодцѣ который задумалъ вырвать хвостъ у лошади, схватилъ его обѣими руками и сталъ тащить изо всѣхъ силъ; разумѣется, это не привело ни къ чему, но когда онъ началъ вырывать одинъ волосъ за другимъ, то достигъ своей цѣли. Смыслъ басни очень ясенъ; Россія желаетъ зла одинаково и Пруссіи и Швеціи; дѣйствуя противъ той и другой порознь, она можетъ причинить имъ много вреда, но если мы соединимся, то принуждена будетъ уважать насъ“.* Старанія Фридриха увѣнчались успѣхомъ. Въ 1747 году заключилъ онъ со Швеціей оборонительный союзъ, но въ сущности едва ли могъ считать это значительною побѣдой въ виду того печальнаго положенія въ какомъ находилась означенная страна. По внутреннему своему устройству она много приближалась къ Польшѣ, безначаліе господствовало повсюду, король не могъ сдѣлать ни одного шага безъ согласія сената, но кромѣ того и онъ самъ и сенатъ подлежали контролю тайной комиссіи назначавшейся общимъ собраніемъ сословій: въ сущности власть сосредоточивалась въ рукахъ продажной, дошедшей до крайняго растлѣнія аристократіи. При такомъ порядкѣ вещей нельзя было много полагаться на Швецію; вотъ почему Фридрихъ такъ ревностно желалъ чтобы восстановлено было тамъ самодержавіе, тѣмъ болѣе что самодержавнымъ королемъ долженъ былъ сдѣлаться принцъ находившійся съ нимъ въ близкомъ родствѣ. Въ май 1748 года Финкенштейнъ писалъ ему изъ Петербурга: „Кочича короля Шведскаго, повидимому очень близкая въ виду удручающихъ его болѣзненныхъ припадковъ, будетъ имѣть громадное значеніе для всего Сѣвера. Несомнѣнно что здѣшніе министры, какъ только узнаютъ о событіи, не поспытаютъ на обычныя свои бравады относительно Швеціи и употребятъ всѣ старанія чтобы усилить свою партію и приобрести вліяніе въ сеймѣ. Это очень понятно съ ихъ стороны, ибо они уже знаютъ что непрѣменно будетъ возбужденъ вопросъ о перемѣнѣ формы правленія. Но если Шведы

* *Pol. Corr.* V, 59—60.

примутся за дѣло съ толкомъ, то они устроятъ его съ надлежащею быстротою, такъ что все кончится въ теченіе нѣсколькихъ дней и можно будетъ сослаться на совершившійся фактъ. Иначе Россія непремѣнно вмѣшается, тѣмъ болѣе что имѣеть для этого и предлогъ, такъ какъ по Ништадтскому миру гарантировала существующую нынѣ въ Швеціи форму правленія. Если смерть короля послѣдуетъ именно теперь, то это будетъ особенно благопріятно въ виду того что 30.000 Русскихъ находятся въ заграничномъ походѣ. Фридрихъ соглашался что дѣйствительно трудно было бы выбрать болѣе удобную минуту и почти негодовалъ на Шведскаго короля зачѣмъ не сходить онъ въ могилу. „Было бы желательнѣе чтобы старый Сатурнъ убрался поскорѣе (*il se rait à desirer que le vieux Saturne desampât bientôt*), писалъ онъ сестрѣ своей наслѣдной принцессѣ Ульриктѣ; почти каждый изъ героевъ жилъ годомъ долѣе чѣмъ слѣдовало бы для его славы, но этотъ простираетъ наглость (*impertinence*) ужъ не на одинъ годъ, а на цѣлый рядъ лѣтъ.“ * Въ ожиданіи смерти короля Фридрихъ совѣтовалъ наслѣдному принцу выхлопотать у сената значительную прибавку на содержаніе своего двора, а достигнувъ этого, соблюдать строгую экономію чтобъ имѣть средства пріобрѣсти приверженцевъ; онъ указывалъ ему на Англійскаго короля, „который, откладывая ежегодно извѣстную часть своихъ доходовъ, очень услѣшно производитъ подкупы въ парламентъ“. Тонъ его писемъ становился все настойчивѣе. „Надѣюсь, писалъ онъ прусскому посланнику въ Стокгольмѣ Роду, что сестра моя не ограничится словами; необходимо чтобы въ желанную минуту батареи были у нея на готовѣ, чтобы не допущено было ни малѣйшаго промежутка между кончиной короля и осуществленіемъ ея плановъ. Поддерживайте ее энергически въ этомъ настроеніи.“

Но если Фридрихъ желалъ переворота въ Швеціи, то Россія никакъ не могла допустить этого. Въ одномъ изъ своихъ писемъ ** онъ объяснялъ такимъ образомъ политику Бестужева по Шведскому вопросу: „Настоящая причина почему Бестужевъ столь сильно возстановленъ противъ Швеціи заключается въ задушевномъ его желаніи чтобъ эта страна

* *Pol. Corr.* V, 424.

** *Pol. Corr.* VII, 150.

очуталась въ такомъ же подчиненіи Россіи въ какомъ находится теперь Польша. Онъ началъ заботиться объ этомъ еще въ первые годы царствованія императрицы Елисаветы, но лишь только узналъ что Швеція заключила со мною союзъ, къ которому присоединилась и Франція, то пришелъ въ неопредѣленную ярость; онъ чувствовалъ что Швеція ускользаетъ отъ него, что трудно ему возстановить тамъ свое вліяніе, и вотъ почему старается онъ теперь увѣрить будто серьезно встревоженъ *какими-то замыслами* измѣнить шведское государственное устройство; все это съ его стороны не болѣе какъ предлогъ чтобы завербовать себя какъ можно болѣе приверженцевъ въ Стокгольмѣ.“ Письмо это относится уже къ осени 1749 года, когда въ образѣ мыслей короля—по причинамъ о которыхъ скажемъ сейчасъ—произошелъ рѣзкій поворотъ, когда онъ началъ удерживать Шведское правительство отъ всякихъ рѣшительныхъ дѣйствій. Онъ такъ быстро вошелъ въ новую роль что утверждалъ будто никто и не думалъ о перемѣнѣ формы правленія въ Швеціи, будто онъ самъ, по крайней мѣрѣ, никогда не высказывался въ этомъ смыслѣ; но мы видѣли насколько тутъ было правды. Фридрихъ отступилъ, ибо убѣдился что не будетъ имѣть союзниковъ противъ Россіи; онъ рассчитывалъ что удастся исполнить интересовавшій его планъ прежде чѣмъ Русское правительство приметъ мѣры, что оно будетъ застигнуто врасплохъ, а между тѣмъ изъ Петербурга получались извѣстія о значительныхъ вооруженіяхъ, о передвиженіи нашихъ войскъ на границу Финляндіи; мало того, Фридрихъ узналъ что Бестужевъ возбуждалъ даже въ Коленгагенѣ вопросъ о томъ чтобъ отстранить отъ престола наследнаго принца Альфонса - Фридриха и доставить корону принцу Фридриху Гессенскому, зятю Англійскаго короля Георга II. Все предвѣщало слѣдовательно войну еслибы не была устранена мысль о государственномъ переворотѣ въ Швеціи, но ни Пруссія по своему изолированному положенію, ни Швеція вслѣдствіе своихъ внутреннихъ неурядицъ не могли желать войны. Поэтому Фридрихъ вдругъ обратился къ сестрѣ своей принцессѣ Ульриктѣ съ письмомъ * долженствовавшимъ не мало удивить ее послѣ всѣхъ тѣхъ увѣщаній которыя она получала отъ него. „Политическое искусство, говорилъ

* *Pol. Corr.* VI, 242—243.

онъ, состоятъ, любезная сестра, главнымъ образомъ въ томъ, чтобы примѣняться къ обстоятельствамъ, не отступать предъ отважными рѣшеніями въ одно время и дѣйствовать уклончиво въ другое. Надо сознаться что теперешнее положеніе Европы отнюдь не благоприятно для задуманнаго вами плана.“ Подробно доказывалъ онъ что нельзя ожидать поддержки со стороны какой бы то ни было державы. Франція „всегда старалась пользоваться своими союзниками для достиженія своихъ цѣлей, льстить имъ когда ей нужно и пренебрегать ими когда они безполезны для нея“; такъ поступала она и относительно Швеціи; къ тому же Французское правительство слишкомъ дорожитъ только-что состоявшимся миромъ чтобы пуститься въ новыя предпріятія. Фридрихъ имѣлъ уже доказательства этого: онъ освѣдомился какой политики намѣреень держаться Версальскій дворъ и получалъ отвѣтъ въ которомъ много говорилось о „тиранніи Россіи надъ ея сосѣдами“, выражена была готовность поднять противъ Россіи Турокъ, но не заключалось ни слова о какихъ бы то ни было обязательствахъ со своей стороны. Ошибочно было бы возлагать надежды и на Оттоманскую Порту. Французскій посланникъ въ Константинополь Девальеръ хлопоталъ чтобы султанъ вступилъ въ союзъ съ Пруссіей и уже представленъ былъ проектъ этого союза, выработанный въ Берлинѣ, но Турки противопоставили ему свой проектъ, о которомъ Фридрихъ писалъ: „рѣшительно не вижу какую пользу можно было бы извлечь мнѣ изъ подобнаго соглашенія, ибо въ сущности оно почти ни къ чему не обязываетъ Турокъ; они мнѣ нужны главнымъ образомъ противъ Австріи, которая не замедлитъ явиться на помощь Россіи, а именно объ этомъ они и не хотятъ слышать.“ * На основаніи изложенныхъ здѣсь соображеній, Фридрихъ не переставалъ съ конца 1749 года доказывать принцессѣ Ульриксѣ что нечего и ломаться объ установленіи самодержавія въ Швеціи, что надо отложить этотъ планъ до болѣе удобнаго времени, что благоразуміе требуетъ заботиться лишь о томъ чтобы обезпечить спокойное вступленіе на престолъ Адольфа-Фридриха, а для этого савдуетъ держаться уклончивой политики относительно Россіи. „Не забудьте, говорилъ онъ, что при крайнемъ разстрой-

* О переговорахъ съ Турціей см. письма Фридриха въ VII томѣ *Pw. Corr.*, особенно мемуаръ сообщенный маркизу Валуаръ, 230—232.

ствѣ своихъ финансовъ Швеція не въ состояніи вести сколько-нибудь продолжительную войну, армія ваша нуждается въ коренномъ преобразованіи и нѣтъ у васъ ни одного способнаго генерала которому вы могли бы вѣрить начальство надъ нею. До тѣхъ поръ пока все это явится у васъ, храните въ тайнѣ ваши намѣренія и обнаружьте ихъ лишь когда будете достаточно сильны.“ *

Но примирившись съ неудачей своей интриги, Фридрихъ ищѣлъ возможность убѣдиться что если никакая держава не оказала бы ему поддержки, то съ другой стороны ни одна изъ нихъ не желала поощрять и Россію, еслибы Россія прибѣгла къ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ Швеціи. Въ Европѣ тотчасъ же прекращеніи продолжительной войны ощущалась потребность хоть во временномъ отдыхѣ. Впрочемъ Русское правительство и не думало нарушать миръ; политика его была аса какъ нельзя болѣе; цѣлью этой политики было не допустить по смерти короля государственнаго переворота въ Швеціи, низвергнуть министерство, слишкомъ явно сочувствовавшее этому плану, и содѣйствовать тому чтобы новый государь окружалъ себя людьми совершенно другаго направленія. Россія возвысила свой голосъ какъ только замѣтила опасность. Въ 1749 году посланникъ нашъ при Стокгольмскомъ дворѣ Н. Я. Панинъ представилъ декларацію противъ возстановленія самодержавія въ Швеціи,—декларацію написанную твердымъ и рѣшительнымъ тономъ, не оставлявшимъ ни малѣйшаго сомнѣнія что Россія не допуститъ подобаго замысла. Такихъ декларацій было три; каждая вызвала отвѣтъ со стороны Шведскаго правительства, ** которое уломно отрицало приписываемыя ему намѣренія, но считало оскорбительнымъ для себя дать формальное обязательство въ видѣ международной конвенціи что никогда и впродъ не попытается оно на существовавшую конституцію. Фридрихъ воспользовался этими переговорами для хитраго маневра: онъ очень хорошо зналъ что дѣло не дойдетъ до войны, онъ повторялъ это во всѣхъ своихъ письмахъ, тѣмъ безопаснѣе было для него дать такой оборотъ дѣлу будто страшная опасность угрожаетъ Швеціи отъ непопулярнаго властолюбія Россіи и будто онъ готовъ ополчиться для огражденія своей союзницы. Всѣмъ

* *Pol. Corr.* VI, 260.

** Подробности см. у Соловьева, *Ист. Россіи*, т. XXIII, гл. 1.

представителямъ своимъ при иностранныхъ дворахъ разослалъ онъ циркуляръ извѣщающій ихъ о томъ что онъ считаетъ необходимымъ начать военныя приготовления; вслѣдствіемъ обратился онъ къ Русскому правительству съ заявленіемъ въ которомъ выражалъ надежду что императрица Елисавета удовольствуется объясненіями Стокгольмскаго кабинета, не доведетъ распрю до послѣдней крайности, — иначе пришлось бы ему пошевелить исполнить обязательства возложенныя на него союзнымъ трактатомъ со Швеціей. Версальскій дворъ согласился поддержать его деклараціей въ такомъ же смыслѣ. Фридрихъ торжествовалъ; онъ хотѣлъ увѣрить будто удалось ему образовать нечто въ родѣ коалиціи противъ Россіи, удалось остановить ее угрозой что она будетъ имѣть дѣло съ соединенными силами Пруссіи, Франціи, Швеціи и быть-можетъ даже Турціи. „Теперь, говорилъ онъ маркизу Валари, можно быть спокойнымъ; пусть умретъ Шведскій король, Русскіе не предпримуть ничего: *voilà, mon ami, un jeu d'échecs bien arrangé.*“

Король Шведскій скончался 25 марта 1751 года, и наследный принцъ Адольфъ-Фридрихъ, принимая корону, далъ клятвенное обѣщаніе считать государственными изменниками и своими непріятелями всѣхъ тѣхъ кто будетъ стремиться къ измѣненію государственнаго устройства. На чьей же сторонѣ оказалась побѣда? Россія могла бы считать себя побѣжденною лишь въ томъ случаѣ еслибы дѣйствительно имѣла въ виду поработить Швецію, но подобныя планы приписывались ей только Фридрихомъ, а сама она никогда не обнаруживала ихъ; напротивъ, онъ дѣлалъ мысль о возобновленіи самодержавія въ Швеціи, но теперь долженъ былъ радоваться уже тому что наследный принцъ воцарился на прежнихъ условіяхъ. Дипломатическій походъ, который старался онъ устроить противъ Россіи, причинилъ ему только вредъ, ибо въ Петербургѣ были справедливо раздражены принятою имъ на себя ролью.

Съ этого времени отношенія двухъ дворовъ окончательно испортились. Финкенштейнъ доносилъ что ему нельзя оставаться въ Петербургѣ, что императрица не допускаетъ его къ себѣ и канцлеръ почти не говоритъ съ нимъ. Если онъ узнавалъ что-нибудь, то чрезъ другихъ посланниковъ, а самъ не пользовался ни малѣйшимъ вліяніемъ. Онъ былъ замѣненъ Гольцемъ, человѣкомъ болѣзненнымъ, только и

домышлявшимъ о томъ какъ бы ему поскорѣе убраться изъ Россіи. Весной 1749 года умерла невѣстка Бестужева, племянница Разумовскаго, и у Фридриха неalkнула надежда, не повлечетъ ли это за собой низверженіе канцлера. „Изъ денегъ вашихъ беру, писалъ онъ Гольцу, что Воронцовъ, удрученный немилостью императрицы, думаетъ удалиться отъ дѣлъ; сообщите ему что я умоляю его вооружиться терпѣніемъ, повременить, ибо мнѣ положительно извѣстно что канцлеръ въ высшей степени встревоженъ козницей жены своего сына. По всему вѣроятію это отразится на отношеніяхъ его ко графу Разумовскому, и Воронцовъ долженъ былъ бы употребить всѣ старанія чтобы пріобрѣсти расположеніе фаворита.“ Фридрихъ придавалъ значеніе даже самымъ ничтожнымъ мелочамъ которыя могли повредить незнакомому ему министру: такъ напримѣръ получилъ онъ извѣстіе что лакей какого-то богатаго иностранца въ Петербургѣ, Миллера, избил камердинера Бестужева; канцлеръ всплынулъ и намѣревался привлечь самого Миллера къ отвѣту, а тотъ бросился искать покровительства у П. И. Шувалова. Тотчасъ же Фридрихъ отправляетъ къ своему посланнику въ Парижѣ, барону Шамбріе, письмо, въ которомъ мы съ удивленіемъ встречаемъ слѣдующія строки: „Извѣстите г. Плювье (французскаго министра иностранныхъ дѣлъ), но только умоляю его сохранить это въ величайшей тайнѣ, что произошло событіе которое можетъ имѣть важныя послѣдствія для общаго хода дѣлъ“, и затѣмъ начинается подробный разсказъ о подражанныхъ лакеяхъ, о вѣнчательствѣ въ это дѣло Петра Шувалова и пресловутой жены его Мары Егоровны... Но „событіе“ не отразилось на судьбахъ Европы, и Бестужевъ не переставалъ завѣдывать русскою политикою. Странное дѣло, Фридрихъ былъ убѣжденъ что отношенія его къ Россіи зависятъ отъ личности одного человѣка, что еслибы не Бестужевъ, то ему удалось бы измѣнить настроеніе императрицы, но по непостижимому противорѣчію прибѣгалъ къ такимъ дѣйствіямъ которыя должны были очень невыгодно для него отражаться на самой Елисаветѣ. Примѣромъ можетъ служить возбужденный лично ею вопросъ о возвращеніи на родину русскихъ рослыхъ солдатъ, отданныхъ на службу прусскому королю Фридриху-Вильгельму I; посланникъ нашъ въ Берлинѣ графъ Чернышевъ доносилъ * что эти несчастные

* См. *Русскій Архивъ* 1866, стр. 1.539.

безпрерывно одоливали его просьбами что уже нѣсколько лѣтъ сразу лишены были возможности говѣть и причащаться Св. Таинъ, что единственною для нихъ радостью было бы на старости лѣтъ снова увидеть отечество. Елисавета, при своей набожности, отнеслась очень сочувственно къ ихъ участи и приказала вѣчать о нихъ переговоры, но Фридрихъ отвѣчалъ укорившимъ отказомъ. „Продолжимъ даже, писалъ онъ своему посланнику въ Петербургъ, что я спросилъ бы личное расположеніе императрицы, къ чему это послужило бы мнѣ?“ Очевидно Фридрихъ продолжалъ думать что Елисавета при своей безнечности не въ состояніи обнаруживать послѣдовательнаго и рѣшительнаго вѣзвѣія на дѣла, что она слѣпо подчинялась людямъ умѣвшимъ руководить ею и не обращала вниманія что все болѣе и болѣе развивалось у нея чувство ненависти къ нему, которое самыя довѣренныя ея совѣтники должны были принимать въ расчетъ.

Достаточно было сколько-нибудь значительнаго случая чтобы окончательно поссорить его съ императрицей. Случай этотъ представился осенью 1750 года: представителемъ нѣмъ при Берлинскомъ дворѣ Гроссъ жаловался что король высказалъ ему явное презрѣніе на какомъ-то празднествѣ происходившемъ во дворѣ, пригласивъ къ ужину всѣхъ министровъ за исключеніемъ его. Бесутужевъ предложилъ для предупрежденія на будущее время „такихъ короля Прусскаго прегрѣшенійъ поступковъ и доказанной чрезъ то весьма чувствительной образы (оскорбленія)“ немедленно отвезать Гросса. Въ то время Гольца уже не было въ Петербургъ; мѣсто его занималъ секретарь прусскаго посольства Варендорфъ, которому сообщена была декларация излагавшая причины столь рѣшительнаго поступка. Варендорфъ такъ перепугался что не хотѣлъ принять означенную декларацию, старался насильно вложить ее въ карманъ явившагося къ нему чиновника, затѣмъ по почтѣ прислалъ ее къ канцлеру, который по почтѣ же препроводилъ ее къ нему въ Берлинъ *.

Дипломатическія сношенія съ Пруссіей были прерваны, а еще прежде того прекратились они съ Франціей. Фридрихъ лишень былъ возможности получать болѣе или менѣе вѣрныя свѣдѣнія о томъ что происходило въ Петербургѣ.

* См. Мартенса *Собр. тракт.*, V, 363.

До начала Семилѣтней войны неоднократно дѣлали оны шаги къ примиренію, но всякій разъ попытки эти оказывались тщетными. Такъ напримѣръ въ 1754 году полковникъ пашей службы Лейтрумъ доносилъ * что при проѣздѣ своемъ чрезъ Штетдамъ узналъ о желаніи короля видѣться съ нимъ. Буденброкъ съ большими предосторожностями явился его во дворецъ, гдѣ Фридрихъ долго бесѣдовалъ съ нимъ, обсуждалъ по пунктамъ все причины неудовольствія противъ него Русскаго двора и старался опровергнуть ихъ. „Король, говорилъ Лейтрумъ, желалъ чрезъ меня дать знать о своихъ склонностяхъ и восхваляемъ намѣреніи къ содержанію добраго согласія, но взиралъ на все противныя разглашенія; его величество прибавилъ къ тому еще сіе, что завѣщаніе Петра Великаго есть неопровержимымъ доказательствомъ что польза Россіи велика быть въ согласіи съ Пруссіей, ** что для сего оны ничего не требуетъ, а готовъ со своей стороны дать; что оны были бы весьма рады ежелибъ ему позволено было въ Петербургъ послать въ тайнѣ кого-нибудь, который могъ бы изъяснить его намѣренія, но что оны не можетъ отжаться на то безъ надлежащаго личнорта, опасаясь для акредитованной имъ особы какого-либо приключенія или омбрана.“ Порученіе данное Лейтуму не имѣло успѣха, да и вообще выборъ лица одкаши былъ, кажется, очень неудачно. Французскій посланникъ Ла-Тумъ, которому Фридрихъ сообщилъ о своей попыткѣ, писалъ въ Парижъ: „Если это тотъ самый баронъ Лейтрумъ который въ послѣднюю войну былъ адъютантомъ Буденброка и которому вѣжливо предложено выйти въ отставку, то напрасно король обратился къ нему. Нельзя не

* См. *Архивъ Им. Веронуса*, IV, 46—48.

** По поводу завѣщанія Петра Великаго любопытно что пашей посланникъ при Берлинскомъ дворѣ графъ Кейзерлингъ, относившійся вообще недружелюбно къ политикѣ Фридриха, соглашался однако въ разговорѣ съ Подевиальсомъ что было бы хорошо еслибы между Россіей и Пруссіей установилася союзъ выгодный для обѣихъ странъ. „При этомъ, доносилъ Подевиальсъ, оны замѣтилъ что самъ видѣлъ (?) собственноручную записку императора Петра (il se souvenait d'avoir vu lui-même un manuscrit de la propre main de l'empereur Pierre le grand), содержащую основныя правила для его преемниковъ, въ которой между прочимъ оны совѣтовалъ поддерживать дружбу съ Пруссіей“. См. *Pol. Corr.*, IV, 412.

удивляться что столь просвѣщенный государь обнаруживаетъ довѣріе къ такому пустѣйшему человѣку. Я зналъ его въ Швабїи: это агукъ, хвастуикъ, легодай въ полномъ смыслѣ слова, которому лишь случайно удалось потомъ опредѣлиться въ русскую службу“. Нѣсколько времени спустя, а именно въ май 1755 года, графъ Михаилъ Петровичъ Бестужевъ проѣзжалъ чрезъ Франкфуртъ-на-Одерѣ. Известно что къ брату своему канцлеру читалъ онъ непримиримую вражду изъ семейныхъ разчетовъ; недоброжелатели знаменитаго министра, особенно Воронцовъ, старались всячески поддерживать эту распрю; еще во время Долухинскаго дѣла, Михаилъ Бестужевъ, находившійся въ опалѣ потому что жена его была замѣшана въ этомъ дѣлѣ, обратился къ „железному сердцу“ Воронцова и встрѣтилъ въ немъ поддержку; перлышка ихъ, напечатанная въ *Архивъ князя Воронцова*, показываетъ что съ тѣхъ поръ никогда не прерывались тѣсныя ихъ сношенія. Неудивительно что и въ политическихъ вопросахъ Михаилъ Бестужевъ склонялся на сторону вице-канцлера,—это видно между прочимъ изъ разговоровъ которые проѣздомъ чрезъ Франкфуртъ велъ онъ съ находившимся тамъ старымъ своимъ знакомымъ фельдмаршаломъ Шверинемъ. Онъ разказывалъ ему что возмущается на родиву противъ желанія своего брата, о которомъ отзывался вообще съ большимъ ожесточеніемъ, а также противъ желанія дворовъ Вѣнскаго, Лондонскаго и Дрезденскаго, но рачитываетъ на исполнѣ благосклонный прїемъ со стороны императрицы: именно по той причинѣ что она расположена къ нему, означенные дворы и не желали бы видѣть его въ Петербургѣ. Примиреніе Россїи съ Пруссїей было бы громовымъ ударомъ какъ для нихъ, такъ и для канцлера, но онъ не задумывается предложить свои услуги съ этою цѣлью. Пусть Шверинъ напишетъ королю, — если намѣренія его искренны, то можно будетъ уладить дѣло при помощи Воронцова. Фридрихъ разумѣется поспѣшилъ отвѣчать что будетъ безконечно благодаренъ Бестужеву, что ничего такъ не домогается онъ какъ сближенія съ Россїей, которой всегда желалъ добра, но всѣ поступки его были умышленно выставляемы императрицѣ въ ненавистномъ свѣтѣ *. Но и эти переговоры остались безъ слѣда. Очевидно Бестужевъ,

* Koser, *Preus. Jahrbücher*, XLVII, 478—479.

пріѣхавъ въ Петербургъ, помялъ что мочва не благопріятна для нихъ.

Въ разговорѣ съ Лейтрумомъ Фридрихъ выразился что „дикаго другаго знать не желаетъ кромѣ господина вице-канцлера“, только чрезъ него хотѣлъ бы возстановить свои сношенія съ Петербургскимъ дворомъ, но едва ли онъ самъ считалъ это возможнымъ, ибо былъ убѣжденъ что канцлеръ пользуется безграницнымъ вліяніемъ. Повидимому въ началѣ пятидесятыхъ годовъ это дѣйствительно было такъ: чего не доставало Бестужеву? Не только преодолѣлъ онъ козни враждебныхъ его политикѣ державъ, но Россія прервала съ ними дипломатическія сношенія, не было при дворѣ иностранныхъ посланниковъ которые могли бы вредно вліять на императрицу и подкулами составлять себѣ партіи въ средѣ окружавшихъ ее лицъ. Племянникъ вице-канцлера, графъ Александръ Романовичъ, описываетъ въ своей автобіографіи такимъ образомъ свои впечатлѣнія въ это время: „Въ домѣ дяди мнѣ случалось встрѣчать иностранныхъ министровъ; нѣкоторые изъ нихъ были такъ любезны что приглашали меня посѣщать ихъ, и дядя разрѣшалъ мнѣ это, хотя между ними и русскимъ обществомъ существовало нѣчто въ родѣ преграды (*une espèce de barrière*) особенно съ тѣхъ поръ какъ былъ высланъ маркизъ Шетарди. Канцлеръ устроилъ такимъ образомъ что почти не было сношенія между Русскими и представителями чужеземныхъ дворовъ; онъ убѣждалъ императрицу въ необходимости этого.“ Но враги Бестужева не допустили его долго наслаждаться своимъ торжествомъ. Главное затрудненіе въ борьбѣ съ нимъ состояло въ томъ что они не могли выдвинуть никого кто былъ бы способенъ замѣнить его въ руководствѣ дѣлами, но въ 1753 году произошло примиреніе между императрицей и Воронцовымъ, на котораго тотчасъ же посылались милости; ему пожаловано было огромное помѣстье Маріенбургъ въ Ливоніи; Воронцовъ опирался на Шуваловыхъ, вліяніе коихъ особенно усилилось съ тѣхъ поръ какъ одинъ изъ нихъ, Иванъ Ивановичъ, сдѣлался въ концѣ 1749 года фаворитомъ. „Въ 1751 и 1752 годахъ, говоритъ А. Р. Воронцовъ, кредитъ Бестужева значительно упалъ; пользуясь добродушіемъ императрицы онъ выводилъ ее изъ терпѣнія своею подозрительностью, насильственными мѣрами, своими непрерывными навітами противъ окружавшихъ ее лицъ“: вотъ въ чемъ обвиняли его, а къ этому присоеди-

милось еще обвинение въ мелочливомъ властолюбіи, въ желаніи все забрать въ свои руки. Елисавета, никогда не любившая его, не могла замѣнить его Воронцовымъ, неблагонадѣжность коюго была очень хорошо извѣстна ей, но Воронцовъ сумѣлъ наконецъ заставить забыть о своихъ грѣхахъ и вполнѣ усвоилъ себѣ принципы которые постоянно отстаивалъ канцлеръ. „Важный другъ“ Фридриха отшатнулся отъ своего патрона. „Въ немъ произошла рѣзкая перемена, писалъ англійскій посланникъ Уильямсъ; онъ созналъ свою ошибку и полагаетъ что Россія должна относиться въ высшей степени подозрительно къ Прусскому королю, естественному и опасному своему врагу.“ Только подъ этимъ условіемъ и могъ онъ возвратити себѣ прежнее расположеніе императрицы, у которой довѣріе къ политикѣ Фридриха придало все болѣе и болѣе характеръ личной къ нему ненависти. Успокоившись относительно Воронцова съ этой стороны, Елисавета не задумалась бы конечно при первомъ удобномъ случаѣ отдать предпочтеніе ему, ожившему съ нею въ прежнее время столь близкими отношеніями, предъ мелочливомъ котораго она держала при себѣ и которому даже подчинилась лишь по необходимости. Бестужевъ видѣлъ опасность и старался принимать мѣры противъ нея. Именно въ 1758 году, когда солтерникъ его опять занялъ прочное положеніе при дворѣ, начинаетъ онъ обличаться съ великою княгиней Екатериной Алексѣевной. У нихъ были общіе враги. Екатерина ненавидѣла Шуваловыхъ. „Я не пропускала ни одного случая, говорить она въ своихъ мемуарахъ, показывать имъ какъ они мнѣ милы; я выражала имъ глубокое презрѣніе и указывала другимъ на ихъ злость и глупость; вездѣ гдѣ могла выставала я смѣшныя ихъ стороны и преслѣдовала ихъ сарказмами, которые потомъ распространялись по городу и дѣлались достояніемъ злыхъ языковъ: словомъ, я метила имъ всѣми средствами, какія только могла придумать; въ ихъ присутствіи я нарочно была внимательна съ тѣми кою они не любили; такъ какъ у нихъ было много враговъ, то это облегчало мнѣ дѣло.“ Бестужевъ, котораго великая княгиня имѣла право считать до тѣхъ поръ завѣшнымъ своимъ недоброжелателемъ, оценѣвалъ огромный ея умъ, поминалъ трудное ея положеніе при дворѣ и на тѣсномъ союзѣ съ нею основывалъ важныя планы относительно будущаго. Первый шагъ сдѣланъ былъ впрочемъ Екатериной, которая

послала къ нему для переговоровъ Сергія Салтыкова. „Старикъ, говорить она, принимаетъ это какъ нельзя болѣе радушно и бесѣдовалъ съ нимъ обо мнѣ и о всѣхъ обстоятельствахъ касающихся меня такъ какъ будто жилъ въ моей комнатѣ“. Съ этой минуты рѣшились они идти однимъ путемъ. Въ числѣ услугъ которыя канцлеръ началъ оказывать великой княгинѣ была между прочимъ и та что онъ доставилъ ей возможность вести переписку съ ея матерью, принцессой Цербстскою*; посредникомъ служилъ саксонскій министръ Брюль, которому Бестужевъ доставлялъ письма и получалъ отвѣты на нихъ чрезъ Функа, секретаря саксонскаго посольства въ Петербургѣ. Изъ корреспонденціи этой видно между прочимъ съ какими огромными предосторожностями велась она. Однажды Екатерина извиняется что долго не могла отвѣчать на письмо матери: „à cause que l'apparition d'un écritoire et de ce qu'il faut pour écrire une lettre, demande des précautions qui ne sont pas à négliger“; въ другой разъ Бестужевъ проситъ принцессу Цербстскую не удивляться если доставленное ей письмо Екатерины очень измято, „parce que les poches du jupon de son altesse servent d'unique cassette à cette digne princesse“. Екатерина постоянно выражается съ восторгомъ о своемъ новомъ другѣ: „Я очень обрадовалась, говорить она матери, что вы одобряете тѣсный, но чрезвычайно секретный союзъ мой съ его превосходительствомъ г. канцлеромъ. Признаюсь, я въ восхищеніи отъ его ласулковъ и питаю къ нему безграничное довѣріе; да продлитъ Господь Богъ его дни и его здоровье!“ Въ другомъ письмѣ отзывается она о немъ такимъ образомъ: „Если я уломинаю о своихъ друзьяхъ, то разумѣется первое между ними мѣсто принадлежитъ канцлеру. Онъ не перестаетъ доказывать мнѣ свою преданность, но и на мою признательность можетъ разчитывать до тѣхъ поръ пока будетъ длиться моя жизнь. Въ дружескихъ своихъ чувствахъ онъ не похожъ на другихъ людей: у него эти чувства выражаются не въ словахъ только, но постоянно на самомъ дѣлѣ. Я не сомнѣваюсь, любезная матушка, что и вы его любите, но увѣряю васъ что еслибы вы знали всѣ подробности нашего сближенія, то почитали и

* Любопытныя подробности объ этомъ см. въ статьѣ Германа, *Der russische Hof unter Kaiserin Elisabeth (Historisches Taschenbuch, 298—311)*.

уважали бы его какъ отца.“ Бестужевъ, сблизившись съ великою княгиней, преслѣдовалъ опредѣленную цѣль—подготовить ей путь къ самодержавію. Сама Екатерина говорить о планахъ его слѣдующее: „Болѣзненное состояніе императрицы и ея частыя конвульсія заставляли всѣхъ ломыпцать о будущемъ. Графъ Бестужевъ и по своему мѣсту, и по своимъ умственнымъ способностямъ конечно долженъ былъ тревожиться болѣе чѣмъ кто-либо другой; онъ зналъ что великому князю съ давнихъ поръ успѣли внушить къ нему отвращеніе; ему очень хорошо была известна неспособность этого принца, рожденнаго быть наследникомъ столькихъ престоловъ. Очень понятно что этотъ государственный человѣкъ желалъ удержаться на своемъ мѣстѣ; для него не было тайной что я уже много лѣтъ перестала внимать внушеніямъ направленнымъ противъ него. Кромѣ того лично меня онъ считалъ, быть-можетъ, единственнымъ существомъ на которомъ въ случаѣ смерти императрицы могли опереться надежды общества. Вслѣдствіе всего этого онъ составилъ планъ чтобы, какъ скоро императрица скончается, великій князь по праву былъ провозглашенъ императоромъ, но въ то же время я признана была бы его соучастницей въ управленіи. Онъ писалъ и перелисывалъ свой проектъ много разъ, измѣнялъ его, распространялъ, сокращалъ и былъ повидимому очень имъ занятъ. Сказать по правдѣ, я смотрѣла на это какъ на бредни, считала проектъ вреднымъ для государства, которое было бы раздираемо смутами при всякой ссорѣ между мной и не любившимъ меня супругомъ.“ Дѣйствительно, отъ подобнаго двоевластія не могло произойти ничего кромѣ вреда; человѣкъ съ такимъ обширнымъ умомъ, какъ Бестужевъ, не могъ не сознавать этого, и вотъ почему трудно вѣрить чтобы проектъ его былъ таковъ какимъ изображаетъ его Екатерина: да и къ чему допускала бы она его предаваться столь опасному упражненію еслибы не сочувствовала его мыслямъ? Все показываетъ что между нею и канцлеромъ происходили совѣщанія о гораздо болѣе отважномъ переворотѣ, о томъ чтобы, устранивъ вовсе отъ престола Петра Федоровича, провозгласить ее регентшей до совершеннолѣтія ея сына или даже прямо императрицей. Много свѣта пролили бы конечно относящіяся къ этому дѣлу депеши англійскаго посла Уильямса, а также перелиска его съ великою княгиней, но онъ еще не

обнародованы, и только отрывочныя извлеченія изъ нихъ находимъ мы у Соловьева. „Иоаннъ Васильевичъ (Грозный), говорилъ Екатерину Уильямсу, хотѣлъ уѣхать въ Англію, но я не намѣрена просить убѣжища у Англійскаго короля, потому что рѣшилась царствовать или погибнуть“. Конечно рѣшеніе такого рода созрѣло у нея не вдругъ и она готовилась осуществитъ его разчитывая на преданныхъ ей людей, между которыми одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежало канцлеру. Еще не наступило время приводить въ исполненіе означенный планъ, но Бестужевъ былъ постоянно озабоченъ мыслію объ его успѣхѣхъ и сообразовалъ съ нимъ всѣ свои дѣйствія.

VI.

Весной 1756 года вспыхнула между Франціей и Англіей война, долженствовавшая рѣшить вопросъ громадной важности, которая изъ этихъ державъ услѣдетъ утвердить свое господство въ Остѣ-Индіи и въ состояніи ли будетъ англо-саксонская раса распространить свое преобладаніе въ Сѣверной Америкѣ, не опасаясь посторонняго соперничества. Неизбѣжность столкновенія предвидѣлась уже давно, но правительство Лудовика XV употребляло всѣ усилія чтобы по возможности отдалить его. Кому неизвѣстны подвиги Дюлае и Лабурдоне? Первый изъ нихъ, столько же полководецъ сколько гениальный государственный человѣкъ, стремился прямо къ тому чтобы подчинить Остѣ-Индію Франціи и съ необычайнымъ искусствомъ пользовался для этого страшною анархіей въ которой очутилась страна послѣ пораженія нанесеннаго ей въ 1738 и 1739 годахъ Персидскимъ шахомъ. Власть Великаго Могола признавалась только по имени; нахѣстникъ его въ Деканѣ помышлялъ о полной независимости; набобы стоявшіе во главѣ провинцій не исполняли его приказаній и были въ непримиримой враждѣ между собой. Все это открывало широкое поприще для вмѣшательства во внутреннія дѣла полуострова. Дюлае поставилъ себѣ задачей усиливать раздоры между туземцами, привлечь часть ихъ на свою сторону, съ помощью ихъ стать твердою ногой въ нѣкоторыхъ областяхъ и затѣмъ мало-по-малу подчинить себѣ остальные; онъ возбудилъ междуусобія, въ которыхъ принималъ дѣятельное участіе имѣя подъ своимъ начальствомъ

4.000 французскихъ солдатъ и 2.000 лошадей, и въ концѣ 1750 года достигъ того что новый намѣстникъ Великаго Могола призналъ его губернаторомъ войскъ провинцій лежащихъ на югъ отъ рѣки Кришны. Такимъ образомъ область почти съ 30милліоннымъ населеніемъ находилась подъ властію Французовъ: что значило въ сравненіи съ этимъ приобрѣтеніемъ сдѣланныя до тѣхъ поръ англійскою компаніей. Страшная опасность угрожала ей, но она умѣла выставить противъ Дюлле человека одареннаго столь же рѣдкими способностями, Роберта Клейна, рѣшившагося вырвать у него побѣду. Первые его дѣйствія—между которыми особенное вниманіе останавливаетъ на себѣ геройская защита занятаго имъ города Аркота—были чрезвычайно удачны и тѣмъ не менѣе не по силамъ была бы ему борьба съ французскимъ полководцемъ еслибъ этотъ послѣдній былъ сколько-нибудь энергически поддержанъ своимъ правительствомъ. Случилось однако то чего никакъ не могъ онъ ожидать. Франція еще разъ обнаружила примѣръ той жалкой несостоятельности которая заставила Фридриха II выразиться объ этой странѣ, когда однажды говорили при немъ что она страдаетъ главнымъ образомъ отъ недостатка денегъ: „напротивъ, во Франціи очень много денегъ; чего недостаетъ ей, такъ это сильной королевской власти; до тѣхъ поръ пока не явится во главѣ ея государь который энергически проникнется сознаніемъ своихъ интересовъ, или министръ который возмѣститъ бы подобнаго государя, она всегда будетъ слаба“. Уже на Ахенскомъ конгрессѣ Французское правительство не задумалось возвратити Англичанамъ Мадрасъ, одно изъ самыхъ славныхъ завоеваній Лабурдоне; теперь, а именно въ октябрѣ 1754 года, когда шелъ вопросъ о всей будущности Остъ-Индіи, когда такъ сильно было тамъ французское вліяніе, Лудовикъ XV заключилъ съ Англіей договоръ, по которому обѣ стороны обязывались возвратити Великому Моголу то что было захвачено ими изъ его владѣній, и кромѣ того строго соблюдать чтобы никто изъ ихъ подданныхъ не занималъ никакихъ должностей на службѣ у туземныхъ владѣтелей. Настоящій смыслъ этого трактата былъ таковъ что на основаніи его Франція отказывалась отъ цѣлаго приобрѣтеннаго ею царства, Англія же отъ нѣсколькихъ ничтожныхъ мѣстечекъ.

Лудовикъ XV разчитывалъ упрочить этою невѣроятною уступкой миръ, но произошло тотчасъ же нѣчто совершенно

противное его ожиданіямъ. Враги Франціи убѣдились изъ его образа дѣйствій лишь въ томъ что нечего церемониться съ государствомъ такъ мало дорожившимъ собственными интересами: какъ скоро удовлетворены были одни ихъ требованія, они выступили съ другими, еще болѣе назойливыми, на этотъ разъ не въ Остѣ-Индіи, а въ Сѣверной Америкѣ. Тамъ принадлежали Французамъ Луизіана и Канада. Споръ шелъ о томъ слѣдуетъ ли, какъ основательно утверждали Французы, понимать подъ „Акадіей“ (Новою Шотландіей) уступленною Англіи по Утрехтскому миру только Акадіискій полуостровъ или же всю область по обѣ стороны рѣки Св. Лаврентія; затѣмъ, кому должна принадлежать территорія Огіо—Французамъ ли нуждавшимся въ ней чтобъ установить связь между Луизіаной и Канадой, или Англичанамъ, полагавшимъ что ихъ владычеству въ Сѣверной Америкѣ былъ бы нанесенъ тяжкій ударъ, еслибы Франція осуществила этотъ планъ. Вытѣснить ее во что бы то ни стало изъ Канады—вотъ что имѣли они въ виду: „наши тринадцать колоній, говорилъ Веліаминъ Франклинъ, не могутъ считать себя безопасными до тѣхъ поръ пока Канада будетъ оставаться въ рукахъ Французовъ“. Какъ уже упомянуто выше, въ 1756 году началась война, и Лудовикъ имѣлъ полное право быть довольнымъ первыми дѣйствіями своихъ войскъ: французскій адмиралъ Ла-Галлисоньеръ вышелъ изъ Тулонской гавани прежде чѣмъ непріятель успѣлъ проникнуть въ его намѣренія, напалъ на островъ Минорку и овладѣлъ имъ. Одновременно съ извѣстіемъ объ этомъ, Англіиское правительство получило другое, должествовавшее не менѣе сильно встревожить его: Франція заключила съ Генуэзскою республикой договоръ, которымъ готовилось въ будущемъ ея господство надъ Корсикой. Поразительный контрастъ представляютъ эти первые шаги ея съ тѣмъ позоромъ которымъ покрыла она себя въ дальнѣйшемъ ходѣ войны.

Но еще прежде чѣмъ дошло дѣло до оружія, Европа была уже сильно озабочена, какимъ образомъ отразится на ея интересахъ приготовлявшаяся борьба между двумя могущественными державами. Онѣ вступили въ распрю изъ-за своихъ колоній, а слѣдовательно можно было повидимому надѣяться что и военныя ихъ дѣйствія будутъ происходить исключительно на морѣ. Англія, по крайней мѣрѣ, считывая на превосходство своего флота, имѣла достаточно

причинъ желать этого, но вѣроятно ли было предположить что она достигнетъ своей цѣли? Соперница ея, значительно уступавшая ей морскими своими силами, должна была изыскивать всякія средства чтобы поразить ее на континентѣ, а средство для этого представлялось очень удобное: надлежало лишь направить оружіе противъ Ганновера. Георгъ II дорожилъ этимъ родовымъ наслѣдіемъ своего дома чуть ли не болѣе чѣмъ остальными своими владѣніями и готовъ былъ на всякія жертвы чтобы оградить его отъ разгрома. Кромѣ того Франція могла угрожать Голландіи. Если же война коснется этихъ областей, то гдѣ было ручательство что она не приметъ еще болѣе широкихъ размѣровъ? Напротивъ, все предвѣщало что она сдѣлается общеввропейскою. „Въ XVIII вѣкѣ, говоритъ Ранке, наравнѣ съ могуществомъ финансовымъ и военнымъ придавали болѣе чѣмъ когда-нибудь важности могуществу федеративному, то-есть прочнымъ союзамъ, которые возвышали значеніе государства во время мира и могли служить ему надежною опорой во время войны.“ Мы уже видѣли что Ахенскій конгрессъ далеко не обезпечилъ спокойствія Европы; повсюду господствовало убѣжденіе что вскорѣ начнется снова война, и каждое изъ государствъ заботилось о томъ чтобы не быть затигнутымъ въ располкъ этою невзгодой, заранѣе старалось приобрести союзниковъ.

Такъ, между прочимъ, Англійское правительство могло казаться вполне разчитывать на Австрію и Россію, съ которыми еще недавно, въ войнѣ за австрійское наслѣдство, дѣйствовало оно въ тѣсномъ согласіи. Лишь только обнаружился раздоръ его съ Франціей, обратилось оно къ Вѣнскому двору съ предложеніемъ союза: Австрійцы должны были оказать ему помощь въ Ганноверѣ и кромѣ того оградить принадлежавшія имъ Нидерланды отъ Французовъ, которые не могли не вторгнуться въ эти провинціи чтобы нанести ударъ Голландіи. Казалось бы, собственный интересъ побуждалъ къ тому Австрію, но въ сущности было не такъ. Нидерланды почти противъ ея желанія были навязаны ей по Утрехтскому миру; земли эти были слишкомъ удалены отъ нея, да и обладаніе ими было сопряжено съ обременительными условіями. Охрана въ нихъ пограничныхъ съ Франціей крѣпостей возлагалась по трактатамъ на Голландцевъ, которымъ Австрія обязана была вылачивать за это

субсидію; тѣ же трактаты значительно стѣсняли торговлю Бельгіи ради голландскихъ интересовъ. Марія-Терезія поставила себѣ задачей сдѣлаться вполнѣ самостоятельною правительницей австрійскихъ Нидерландовъ, во всякомъ случаѣ освободиться отъ весьма тягостной роли стоять тамъ на стражѣ противъ Франціи, тягостной потому что всакій разъ когда происходило столкновеніе между Франціей и морскими державами она неминуемо должна была принимать участіе въ ихъ распрахъ: съ этою цѣлью перестала она выдавать субсидіи Голландцамъ, измѣнила тарифъ и приняла цѣлый рядъ другихъ мѣръ, вызывавшихъ сильное неудовольствіе Англійскаго правительства. Все показывало что Вѣнскій дворъ отнюдь не намѣренъ ради Нидерландовъ вступить тотчасъ же во враждебныя отношенія къ Франціи, но онъ вислолько не отказывался отъ союза съ Англіей, а лишь желалъ чтобы союзъ этотъ привнесъ существенныя выгоды и для него. Ограждать Бельгію и Голландію значило ни болѣе ни менѣ какъ служить чужимъ интересамъ, а причемъ же были бы тутъ интересы самой Австріи? Въ Вѣнѣ знали что Англійское правительство очень нуждалось въ помощи Австрійцевъ и приняли твердое намѣреніе продать свои услуги дорогою цѣною.

Вопросъ былъ поставленъ очень ясно: союзъ между двумя державами, говорили совѣтники Маріи-Терезіи, возможенъ только въ томъ случаѣ если война будетъ ведена одинаково какъ въ англійскихъ, такъ и въ австрійскихъ интересахъ. Не трудно было догадаться чего желаетъ Австрія. Въ теченіе цѣлыхъ четырнадцать лѣтъ преслѣдовала она одну завѣтную мысль—исторгнуть Силезію изъ рукъ Фридриха, нанести ударъ возникавшему могуществу государства въ которомъ она уже предвидѣла страшнаго и непримиримаго противника. Марія-Терезія не думала скрывать что она выжидаетъ лишь благоприятныхъ обстоятельствъ для осуществленія этого плана и позволительно ли было надѣяться что она не вспомнитъ о немъ теперь когда вся Европа готовилась взяться за оружіе? „У Франціи есть вѣрный союзникъ—Пруссійскій король, говорили въ Вѣнѣ англійскому посланнику Кейту: нельзя дѣйствовать противъ Франціи не начавъ въ то же время войну и съ нимъ; эту послѣднюю задачу мы готовы принять на себя и въ этомъ отношеніи вы можете смѣло разчитывать на самый тѣсный союзъ съ нами.“ Кейтъ доносилъ своему

двору что Австрійское правительство смотритъ на положеніе дѣлъ исключительно съ точки зрѣнія своихъ отношеній къ Пруссіи, и что Англія можетъ разчитывать на ея помощь единственно въ томъ случаѣ если согласится содѣйствовать раздробленію Прусскаго государства. Извѣстія такого рода возбуждали въ Лондонѣ неудовольствіе и даже нѣкоторое удивленіе. Не даромъ выразился Кауницъ, говоря о невѣдѣніи Англичанъ относительно всего что касалось политики континентальной Европы: „с'est étonnant tout ce que les Anglais ne savent pas“. Для всѣхъ было ясно что война грозитъ принять самыя широкія размѣры, но министры Георга II продолжали ублажать себя надеждой что имъ удастся помѣшать этому: на материкѣ Европы они видѣли главнымъ образомъ Ганноверъ и полагали что различныя государства, отложивъ на время попеченіе о собственныхъ интересахъ, согласятся служить ихъ дѣламъ направленнымъ противъ Франціи. И вдругъ имъ предлагаютъ сдѣлать нападеніе на Фридриха! Но вмѣсто того чтобы локализовать войну, не значить ли это распространить ее на всѣ концы Европы? Домогательства Вѣнскаго двора должны были тѣмъ болѣе встрѣтить отпоръ со стороны англійскихъ министровъ что въ это самое время явилась уже у нихъ мысль привлечь на сторону Англіи и Прусскаго короля, заключить съ нимъ формальный договоръ. Англія мечтала о союзѣ съ Австріей, Пруссіей, Россіей—съ этою послѣднею державою, какъ увидимъ ниже, велись тоже переговоры—и еслибы старанія ея увѣнчались успѣхомъ, то дѣйствительно общій миръ не былъ бы нарушенъ въ теченіе всего того времени пока она сводила бы свои счеты съ Франціей. Но нужно было много ослѣпленія чтобы разчитывать на возможность заставить Австрію идти по одному пути съ Пруссіей.

Продолжительныя переговоры между Лондономъ и Вѣной не приводили ни къ какому результату. Въ августѣ 1755 года происходилъ въ присутствіи Маріи-Терезіи и императора ея супруга совѣтъ, на которомъ было постановлено изъ двухъ золь избрать меньшее, а именно: такъ какъ Англія не хочетъ оказать помощи противъ Пруссіи, то не помогать и ей противъ Франціи, держаться строгаго нейтралитета, ибо вмѣшательство Австріи въ войну только ослабило бы ея силы безо всякой существенной для нея пользы. Но могла ли великая держава удовольствоваться подобною ролью? Не тяжело ли

было среди возникавшихъ многозначительныхъ обстоятельствъ отказаться отъ завѣтнаго плана? Мысль эта не давала покоя Маріи-Терезіи, и неудивительно что въ томъ же августѣ мѣсяцѣ, когда состоялось упомянутое нами рѣшеніе, оно вдругъ было замѣнено другимъ громадной важности. Въ лицѣ Кауница Марія-Терезія нашла наконецъ министра вполне сочувствовавшаго ея видамъ и обладавшаго способностями для того чтобы подготовить осуществленіе ихъ съ блестящимъ успѣхомъ.

Дѣло шло о радикальномъ переворотѣ въ установившейся съ давняго времени системѣ политическихъ союзовъ. Начиная съ Франциска I до Лудовика XIV Франція считала основнымъ правиломъ своей политики вести упорную борьбу съ Габсбургскимъ домомъ; лучшіе ея государственные люди и полководцы—Ришелье, Мазаринъ, Конде, Тюренъ, Вилларсъ—прославились энергіей и искусствомъ, которыя обнаруживали они въ этой вѣковой распрѣ со завѣшнымъ врагомъ своей страны; они нанесли ему сильные удары и достигли того что Франція не имѣла уже причины опасаться въ такой мѣрѣ какъ прежде соперничества съ Австрійскимъ домомъ. Несмотря на то вражда продолжалась, она коренилась въ преданіяхъ, и во всѣхъ важныхъ вопросахъ раздѣлявшихъ Европу Австрія и Франція находились неизбѣжно въ противныхъ одна другой лагеряхъ. Продолжительная война окончившаяся Ахемскимъ миромъ доказала еще разъ что примиреніе между ними было невозможно. Не наступило ли однако время измѣнить эти отношенія? Не представлялось ли возможности убѣдить Французское правительство что положеніе Европы не таково какимъ оно было въ XVII или даже въ началѣ XVIII вѣка, что возвышеніе Пруссіи произвело коренную перемѣну въ прежней политической системѣ, что въ виду этого и у Франціи, и у Австріи возникаютъ интересы которые должны побуждать ихъ къ сближенію? Кауницъ, назначенный послѣ окончанія Ахемскаго конгресса, на которомъ онъ былъ уполномоченнымъ отъ своего двора, посланникомъ въ Парижъ, усердно, хотя и осторожно развивалъ тамъ эти мысли. Лично имѣлъ онъ большой успѣхъ; г-жа Помпадуръ оказывала ему особое расположеніе, безпрерывно приглашала его въ свой загородный замокъ Бельвю, бесѣдовала съ нимъ о политикѣ и по всему вѣроятію все что говорилъ онъ сообщала королю, но при всемъ

томъ дѣла искуснаго дипломата нисколько не подвигались впередъ. Мысль о союзѣ съ Австріей казалась до такой степени несбыточною и странною что никто не останавливался на ней. Франція имѣла не мало причинъ быть недовольною Фридрихомъ II, но все-таки продолжала считать союзъ съ нимъ необходимымъ для себя. Подъ вліяніемъ разочарованія овладѣвшаго имъ, Кауницъ представилъ Маріи-Терезіи мемуаръ, въ которомъ доказывалъ что нечего и думать о возможности достигнуть чего бы то ни было при содѣйствіи Версальскаго двора. Ни Франція, ни Англія, говорилось въ этомъ мемуарѣ, * нисколько въ сущности не желали чтобы Фридрихъ овладѣлъ Силезіей, но какъ скоро онъ захватилъ ее и успѣлъ отстоять эту добычу въ двухъ кровавыхъ войнахъ, то онъ считаютъ въ высшей степени опасными для европейскаго мира всякія попытки вырвать ее изъ его рукъ. Въ этомъ отношеніи Австрія никоимъ образомъ не можетъ разчитывать на нихъ. А если такъ, то не остается для Вѣнскаго двора ничего болѣе какъ примириться съ утратой Силезіи и тѣмъ самымъ внушить Фридриху что онъ не долженъ лутать никакихъ серіозныхъ опасеній съ этой стороны. И дѣйствительно, чѣмъ онъ виновнѣе другихъ? Развѣ, напримѣръ, Сардинскій король не приобрѣлъ нѣсколькихъ австрійскихъ областей? Развѣ въ послѣдней войнѣ король Французскій не напругалъ всѣхъ усилій чтобы лишить Марію-Терезію законнаго ея наслѣдства? По какой же причинѣ только къ одному Фридриху относиться съ непримиримою ненавистью? Напротивъ, благоразуміе требуетъ привлечь его на свою сторону, и не представляется особыхъ затрудненій достигнуть этой цѣли. Болѣе всего озабоченъ Прусскій король тѣмъ чтобы сдѣлать вполнѣ прочнымъ, узаконить свое обладаніе Силезіей, но никакія старанія его не приведуть ни къ чему до тѣхъ поръ пока Австрія будетъ противъ него. Если же Марія-Терезія еще разъ торжественно и вполнѣ искренно заявитъ что отказывается ото всякихъ притязаній на означенную область, то онъ не замедлитъ вступить въ союзъ съ Австріей и съ Англіей, согласится на это тѣмъ охотнѣе что не можетъ не страшиться возмездія со стороны Франціи, которая долго не проститъ ему, конечно, его вѣроломнаго образа дѣйствій въ послѣднюю

* Arneht, *Maria-Theresia nach dem Erbfolgekriege*, 330—333.

войну. Подлинный отвѣтъ Маріи-Терезіи не сохранился, но известно только что она безусловно отвергла совѣты содержавшіеся въ изложенномъ нами мемуарѣ. Если министры ея колебались, то сама она никогда не измѣняла своихъ чувствъ къ Фридриху и не отступала отъ того что привыкла считать одною изъ главнѣйшихъ задачъ своей политики.

Впрочемъ и Кауницъ вернулся очень скоро къ своему прежнему образу мыслей. Въ 1753 году покинулъ онъ Парижъ и вступилъ въ управленіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ съ званіемъ государственнаго канцлера. Черезъ какіе-нибудь два года послѣ того произошли событія грозившія поколебать миръ Европы.

Мы уже знаемъ что Вѣискій дворъ, послѣ тщетныхъ попытокъ придти къ соглашенію съ Англіею, вознамѣрился держаться безусловнаго нейтралитета. Рѣшеніе въ этомъ смыслѣ было принято 15 августа 1755 года, а ровно чрезъ пять дней, 21 августа, Кауницъ выступилъ въ тайномъ засѣданіи государственной конференціи съ предложеніемъ которое должно было изумить его товарищей своею смѣлостью и неожиданностью. Очевидно что подобная перемѣна не могла совершиться такъ быстро, что новый планъ былъ давно соображаемъ въ совѣщаніяхъ между Маріею-Терезіею и ея канцлеромъ и лишь выжидалась удобная минута предъявить его. Дѣло шло о томъ чтобы завязать переговоры о союзѣ съ Франціею. Попытки которыя дѣлалъ Кауницъ въ этомъ смыслѣ во время своего пребыванія въ Парижѣ остались безплодными уже по той причинѣ что при тогдашнихъ обстоятельствахъ онъ не могъ говорить положительно и прямо о тѣхъ выгодахъ которыя представлялъ бы подобный союзъ Версальскому двору. Другое дѣло теперь, когда Франція находилась въ критическомъ положеніи, которое должно было открыть ея правительству глаза на многое что казалось ему до тѣхъ поръ сомнительнымъ и неяснымъ. Въ Вѣнѣ требовали лишь одного—пусть Версальскій дворъ откажется отъ союза съ Пруссіею, пусть не даетъ ей никакой помощи, если Пруссія подвергается совокупному нападению со стороны Австріи и Россіи — и взамѣвъ этого дѣлаемы были такія предложенія Лудовику XV которыя не могли не льстить въ высшей степени его честолюбію. Любимая дочь его была замужемъ за донъ-Филиппомъ, герцогомъ Пармскимъ, которому по Ахенскому трактату предстояло унаследовать

неаполитанскую королю, но какъ въ Неаполѣ, такъ и въ Испаніи не хотѣли слышать объ его претензіяхъ на нее; во всякомъ случаѣ онъ могъ осуществить свои права лишь съ громадными затрудненіями,—вмѣсто того Вѣнскій дворъ предлагалъ уступить ему австрійскіе Нидерланды въ обмѣнъ на италіянскія его земаи. Затѣмъ давно уже Лудовикъ XV дѣлалъ мысль объ утвержденіи французской династіи въ Польшѣ; одинъ изъ его родственниковъ, принцъ Контти, которому оказывалъ онъ въ описываемое время особое расположеніе, былъ обуреваемъ неукротимымъ желаніемъ царствовать гдѣ бы то ни было и старался подготовить свою кандидатуру на польскій престолъ: Австрія обязывалась энергически содѣйствовать ему. Сближаясь съ Австріей, Версальскій дворъ могъ разчитывать самымъ положительнымъ образомъ на союзъ съ Россіей, Саксоніей и кромѣ того прибрѣталъ тѣ существенныя выгоды о которыхъ упомянуто было сейчасъ. Все это должно было, кажется, произвести на него сильное впечатлѣніе, но еслибъ онъ еще колебался, то предполагалось лавиать на него съ другой стороны, а именно обратить вниманіе его на тотъ фактъ что Пруссскій король является могущественнымъ борникомъ протестантизма, что англійская публика уже оцѣнила его роль на этомъ поприщѣ и питаетъ къ нему глубокія симпатіи, что рано или поздно неминуемо возникнетъ союзъ между нимъ и Англіей во имя религіозныхъ интересовъ, и что двѣ главныя католическія державы въ Европѣ обязаны заранѣе соединить свои силы для устраненія опасности угрожавшей одинаково дорогому имъ дѣлу.

Въ такомъ смыслѣ составлены были инструкціи Штарембергу, занимавшему должность австрійскаго посла въ Парижѣ по отъѣздѣ оттуда Кауница. „Провидѣніе, писалъ ему канцлеръ, избрало васъ орудіемъ для осуществленія славнаго предпріятія, надъ которымъ тщетно трудился я когда-то, находясь во Франціи. Легко могу себѣ представить какое множество разнообразныхъ мыслей зародится въ вашемъ умѣ при чтеніи императорскаго рескрипта.“ Дѣйствительно, задача громадной важности возлагалась на Штаремберга. Самъ Кауницъ опредѣлялъ ее такимъ образомъ: „великую державу сѣдовало привести къ убѣжденію что вся прежняя ея политическая система находилась въ рѣзкомъ противорѣчій съ истинными ея интересами; надлежало доказать ей что тѣ средства

которыми рассчитывала она достигнуть успѣха въ борьбѣ съ Англіей не приведуть ее къ этой цѣли, что она готовится себѣ печальную участь если будетъ попережнему поддержи-
вать Прусскаго короля, союзъ съ которымъ считала самою надежною для себя гарантіей; словомъ, дѣло шло о томъ чтобы совершенно устранить старинное соперничество Бурбонскаго и Габсбургскаго домовъ. Не человѣческія усилія, а только Провидѣніе могло привести къ желанному концу это великое предпріятіе, къ которому и приступлено было подъ его покровомъ.“ Выставляя трудности задачи Кауницъ забываетъ однако упомянуть съ какимъ правительствомъ приходилось ему стоять лицомъ къ лицу. Во внѣшней какъ и во внутренней своей политикѣ Франція представляла зрѣлище самой жалкой непослѣдовательности и колебаній: постоянная заботливость о мирѣ, для котораго приносила она даже въ жертву многіе важныя интересы, не мѣшала ей однако вести почти непрерывно войны; съ поразительнымъ легкомысліемъ принявъ на себя видную роль въ войнѣ за австрійское наследство, она сдѣлала все что зависѣло отъ нея для возвышенія Пруссіи, и не было причины отчаиваться чтобы не присоединилась она теперь къ державамъ готовившимся се-
крушить Прусскаго короля. Чтобы составить себѣ кончатіе о правительствѣ Лудовика XV не слѣдуетъ, между прочимъ, упускать изъ виду къ какимъ орудіямъ необходимо было прибѣгать чтобы побудить его къ рѣшеніямъ громадной важности.

Вмѣстѣ съ инструкціями Кауницъ препроводилъ къ Штарембергу два письма: одно на имя принца Комти, другое на имя гжи Помпадуръ, предоставляя на его выборъ, которымъ изъ этихъ лицъ удобнѣе воспользоваться для предположенной цѣли. Посолъ оставился на фавориткѣ короля, потому что вліяніе ея было все еще сильнѣе всякаго другаго и она продолжала сохранять самое пріятное воспоминаніе объ отношеніяхъ своихъ къ Кауницу. Гжа Помпадуръ тотчасъ же выразила готовность довести до свѣдѣнія Лудовика XV о томъ что австрійскій посланникъ имѣетъ сдѣлать важное сообщеніе, но для переговоровъ назначенъ былъ не тотъ или другой министръ, какъ слѣдовало бы ожидать, а человѣкъ не принадлежавшій къ министерству, аббатъ (въ послѣдствіи кардиналъ) Бернасъ. Ловкій, провырливый, плохой стихотворецъ, онъ составилъ себѣ положеніе при дворѣ исключительно

своею дружбой съ фавориткой и пользовался очень незавидною репутаціей, хотя обнародованныя недавно его мемуары доказываютъ что онъ не былъ такимъ ничтожествомъ какъ привыкли о немъ думать *. Приводимъ слѣдующій его разказъ: „Я приготовлялся ѣхать въ Испанію (Бернисъ назначенъ былъ туда посланникомъ) какъ вдругъ однажды вечеромъ выходя изъ кабинета г. Рулье (министра иностранныхъ дѣлъ) получилъ записку отъ гжи Помпадуръ, которая требовала чтобы на другой день ровно въ 10 часовъ я непременно былъ у нея. Не трудно было догадаться что дѣло идетъ о чемъ-то очень серьезномъ, но не было у меня и въ помыслахъ того что дѣйствительно должно было случиться. Когда я явился въ назначенное время гжа Помпадуръ показала мнѣ письмо графа Штаремберга, желавшаго имѣть тайное свиданіе съ нею чтобы исполнить порученіе возложенное на него императрицей Маріей-Терезіей; онъ просилъ также чтобы король назначилъ кого-либо изъ своихъ министровъ который присутствовалъ бы при этомъ свиданіи и могъ бы при долженствовавшихъ начаться переговорахъ быть посредникомъ между его величествомъ и посланникомъ. Переговоры такого рода казались мнѣ не чѣмъ инымъ какъ опасною ловушкой для короля и подводнымъ камнемъ для моего благополучія и спокойствія. На вопросъ не обязанъ ли я гжѣ Помпадуръ тѣмъ что выборъ остановился на мнѣ, она отвѣчала что совсѣмъ напротивъ, король по собственному побужденію отдалъ мнѣ предпочтеніе предо всѣми министрами не только потому что питаетъ полное довѣріе къ моимъ способностямъ, но также и по той причинѣ что ему извѣстно крайнее нерасположеніе ихъ къ Вѣнскому двору.“ Бернисъ, догадавшійся что дѣло должно идти о сближеніи между Франціей и Австріей, началъ доказывать всѣ опасныя послѣдствія подобной политики, которая не замедлитъ распространить пламя войны на всю Европу. Онъ еще ораторствовалъ на эту тему какъ вдругъ вошелъ король и обратилася къ нему съ вопросомъ что онъ думаетъ о письмѣ Штаремберга. Бернисъ рѣшился выставить и ему свои соображенія, но Лудовикъ „почти съ гнѣвомъ“ прервалъ его словами: „Я вижу что вы такой же ненавистникъ Венгерской королевы

* *Mémoires et lettres de François Pierre cardinal de Bernis, publiés par Masson. 1878.*

какъ и всѣ другіе; въ такомъ случаѣ не остается ничего болѣе какъ вѣжливо раскланяться съ г. Штарембергомъ и сказать ему что мы не желаемъ его выслушать.“—„Оохрани Богъ, отвѣчалъ аббатъ; мое мнѣніе таково что необходимо какъ можно подробнѣе освѣдомиться о намѣреніяхъ Вѣнскаго двора, но быть очень осторожнымъ относительно того какъ слѣдуетъ отвѣчать ему.“ Лицо Лудовика прояснилось. Онъ приказалъ аббату выслушать австрійскаго посланника въ присутствіи гжи Помпадуръ и тутъ же, присѣвъ къ столу, далъ ему письменное полномочіе. По удаленіи его фаворитка завела рѣчь о томъ что давно еще, когда Кауницъ находился въ Парижѣ, Лудовикъ помышлялъ о сближеніи съ Австріей, „изъ уваженія къ Маріи Терезіи, по религиознымъ соображеніямъ, а также потому что образъ дѣйствій Прусскаго короля и его непрерывные обманы потрясли всякое довѣріе къ нему.“

Въ двухъ совѣщаніяхъ происходившихъ 7 и 9 сентября 1755 года въ маленькомъ загородномъ домикѣ Bagatelle, или какъ называли его также Vabiole, принадлежавшемъ фавориткѣ, развивалъ Штарембергъ идеи содержавшіяся въ данныхъ ему инструкціяхъ. Тщетно старался онъ удолить на лицахъ Берниса и гжи Помпадуръ хотя малѣйшее указаніе на то можно ли ему разчитывать на успѣхъ; они заранѣе условились не обнаруживать своихъ впечатлѣній. Бернисъ говоритъ что докладывая Лудовику XV объ этихъ переговорахъ онъ старался зародить въ немъ подозрѣніе—не играетъ ли Австрія двусмысленной роли, не заботится ли она единственно о томъ чтобы поссорить Французское правительство съ Фридрихомъ или же не имѣетъ ли въ виду продать какъ можно дороже свои услуги Англіи, напугавъ ее своимъ сближеніемъ съ Версальскимъ дворомъ? Во всякомъ случаѣ отвѣтъ далеко не удовлетворялъ ожиданіямъ Кауница. Штарембергу было сказано что Франція очень рада союзу съ Австріей, но союзъ этотъ долженъ имѣть цѣлью охраненіе того что было постановлено на Ахенскомъ конгрессѣ, а не какія-либо новыя опасныя предпріятія; Прусскій король не подавалъ въ послѣднее время Франціи ни малѣйшаго повода къ неудовольствію, вслѣдствіе чего не только она сама не думаетъ вступать во враждебныя съ нимъ отношенія, но не можетъ одобрить и какихъ-либо постороннихъ противъ него замысловъ. Заявленіе это было истолковано въ Вѣнѣ

въ смыслѣ положительнаго отказа: выводъ слишкомъ послѣдствіи, ибо Лудовикъ XV не могъ отвѣчать иначе прежде чѣмъ не разъясненъ былъ вопросъ чего слѣдуетъ ему ожидать отъ Фридриха, какой образъ дѣйствій намѣревался усвоить Прусскій король въ предстоявшихъ событіяхъ. Съ этою цѣлью отправленъ былъ въ Берлинъ герцогъ Ниверне.

VII.

Вѣнскій дворъ, какъ мы видѣли, поглощенъ былъ мыслью о нападеніи на Пруссію. Объ этомъ началъ онъ переговоры съ Франціей, изъ-за этого же разошелся съ Англіей, но вероятно что еще не задолго предъ тѣмъ и Англійское правительство находилось далеко не въ дружескихъ къ Пруссіи отношеніяхъ. Оно ревностно старалось заключить съ императрицей Елисаветой договоръ, на основаніи коего за известныя субсидіи могло бы располагать русскими войсками и войска эти предназначались главнымъ образомъ противъ Фридриха, въ которомъ Георгъ II видѣлъ самаго опаснаго сосѣда для своихъ Ганноверскихъ владѣній. Означенные переговоры съ Россіей длились очень долго; сначала велъ ихъ Гюнденсъ, а на смѣну ему присланъ былъ въ апрѣлѣ 1755 года сэръ-Ганбѣри Уильямсъ, получившій приказаніе во что бы то ни стало довести дѣло до конца. Россія, сказано было въ составленной для него инструкціи, должна будетъ свизойти на степень азіятскаго государства если со своей стороны не приметъ мѣръ противъ завоевательныхъ опасныхъ замысловъ Прусскаго короля, которые этотъ король не задумается конечно привести въ исполненіе въ то время какъ Англія будетъ занята войной съ Франціей.

Такимъ образомъ гроза со всѣхъ сторонъ скопалась надъ Фридрихомъ. Каково же было его настроеніе въ описываемое время? „Никто не повѣрилъ бы, говоритъ Ранке, * чтобы полководецъ обязанный уже своей арміи громадными успѣхами ломышлялъ о мирѣ среди наступавшаго общаго замѣшательства. А между тѣмъ это было такъ. Изъ этого отнюдь не слѣдуетъ чтобы Фридрихъ отказался ото всякихъ

* *Der Ursprung des siebenjährigen Krieges* въ *Sämmt. Werke*, XXX, 115—116.

дальнѣйшихъ завоеваній и проникся вполнѣ миролюбивыми стремленіями, это противорѣчило бы самому положенію его государства. Въ теченіе всей своей жизни постоянно былъ занятъ онъ мыслью какія новыя пріобрѣтенія желательны и необходимы для того чтобъ укрѣпить Пруссію. Но *въ то время* сохраненіе мира казалось ему настоятельно необходимымъ.“ Въ 1752 году составилъ Фридрихъ политическое свое завѣщаніе, которое извѣстно намъ лишь по немногимъ отрывкамъ помѣщеннымъ въ упомянутомъ сейчасъ сочиненіи Ранке; въ этомъ документѣ говоритъ онъ что конечно Вѣнскій дворъ никогда не покинетъ мысли возвратити себѣ Силезію и будетъ стремиться къ этому въ союзѣ съ Россіей, а также быть-можетъ съ Англіей, но для отпора этимъ врагамъ Пруссія всегда можетъ разчитывать на Францію, союзъ съ которою „условливается не болѣе или менѣе успѣшными переговорами, а самою природою вещей“; онъ выгоденъ и потому что опираясь на него можно помышлять о дальнѣйшемъ расширеніи прусскихъ предѣловъ. „При всемъ томъ, продолжаетъ Фридрихъ, моя телерешная система состоитъ въ сохраненіи мира пока это совмѣстно съ честью государства. Нельзя дѣйствовать иначе по той причинѣ что Франція вслѣдствіе внутреннихъ своихъ неурядицъ не въ состояніи выступити съ подобающею ей энергіей на военномъ поприщѣ. Предпріятіе въ родѣ завоеванія Силезіи можетъ удасться лишь однажды; какъ все оригинальное она не допускаетъ подражанія. Захватъ нами этой области возбудилъ зависть Европы; всѣ наши сосѣди теперь на стражѣ противъ насъ. Благоразумно ли начинать войну когда Россія усиленно вооружается на нашей границѣ и выжидаетъ только удобной минуты налестъ на Пруссію? Нужно было бы для этого чтобъ обстоятельства совершенно измѣнились, чтобъ умеръ Бестужевъ, чтобы въ Константинополѣ воцарился другой Солтанъ, чтобы во Франціи управленіе сосредоточилось въ рукахъ честолюбиваго и полновластнаго министра.“ Изъ всего этого мы видимъ что Фридрихъ не отказался ни отъ одного изъ своихъ завоевательныхъ плановъ, но для осуществленія ихъ желалъ чтобъ обстоятельства сложились вполнѣ благоприятно для него, чего по его мнѣнію вовсе не было въ 1755 году, а между тѣмъ война готова была возгорѣться. Въ началѣ занимала его мысль, нельзя ли было по крайней мѣрѣ достигнуть чтобы не

коснулась она Германіи, но очень скоро убѣдился онъ что Французы имѣютъ твердое намѣреніе вторгнуться въ Ганноверъ и разчитываютъ на его содѣйствіе. „Напишите королю, говорилъ Руде прусскому посланнику въ Парижѣ Кннлгаузену, чтобъ онъ помогалъ намъ въ экспедиціи противъ Ганновера; тамъ есть чѣмъ поживиться; казна Георга II достаточно богата, вашъ король можетъ захватить ее и это будетъ вполнѣ законнымъ призомъ.“ Но радушныя предложенія такого рода только усиливали смущеніе Фридриха. Какъ нарочно срокъ союзнаго его договора съ Франціей истекалъ 5 іюля 1756 года. Еслибы до того времени онъ не возобновилъ этотъ трактатъ, то конечно Франція никогда не простила бы ему подобный поступокъ, а возобновить его значило бы, подчинившись рабски политикѣ Версальскаго двора, накликать на себя войну съ Австріей, Россіей, Англіей и Саксоніей.

Положеніе было чрезвычайно трудное, но совершенно неожиданно представилась Фридриху возможность выйти изъ него повидимому съ блестящимъ успѣхомъ. Если ему хотѣлось до болѣе удобнаго времени поддержать миръ на материкѣ Европы, то и Англія по своимъ соображеніямъ преслѣдовала ту же цѣль. Министры Георга II боялись за Ганноверъ и были убѣждены что Фридрихъ въ союзѣ съ Франціей не пощадитъ это курфиршество. Въ виду такой опасности они заранѣе старались усилить свои средства, слѣвши между прочимъ заключеніемъ союзнаго договора съ Россіей, но мало-по-малу созрѣла у нихъ мысль не лучше ли рѣзко измѣнить свою политику и изъ врага сдѣлать себѣ Фридриха другомъ? Словомъ, они отважились на мѣру которая по смѣлости и неожиданности мало чѣмъ уступала перевороту въ политической системѣ задуманному Кауницомъ. Къ сожалѣнію мы не знаемъ во всѣхъ подробностяхъ какимъ образомъ дошли они до такого убѣжденія; быть-можетъ, когда будетъ обнародована политическая корреспонденція Фридриха относящаяся къ началу Семилѣтней войны, то откроется что впервые оно было подсказано имъ самимъ, но по имѣющимся нынѣ свѣдѣніямъ инициатива принадлежала вполнѣ Англіи. Государственный секретарь иностранныхъ дѣлъ лордъ Гоу-дермессъ горячо взялся за это дѣло. Онъ посѣтилъ герцога Брауншвейгскаго, чрезъ котораго и начались переговоры съ Прусскимъ королемъ.

Фридрихъ, какъ всегда онъ дѣлалъ въ важныхъ случаяхъ, набросалъ на бумагѣ свои соображенія по этому поводу. „Я не гарантировалъ Франціи ея американскія владѣнія, говорить онъ: такъ какъ война грозитъ возникнуть изъ-за нихъ, то она несколько меня не касается. Союзъ мой съ Франціей исключительно оборонительный, никто не помышляетъ наладить на ея европейскія владѣнія, слѣдовательно я не обязанъ ко вмѣшательству. Къ тому же срокъ моего союзнаго договора истекаетъ въ непродолжительномъ времени и мнѣ предоставлена будетъ полная свобода сообразоваться лишь со своими интересами.“ Фридрихъ обращается затѣмъ къ вопросу, въ какомъ положеніи очутился бы онъ еслибы принялъ участіе въ войнѣ: „Въ такомъ случаѣ мнѣ пришлось бы дѣйствовать противъ обѣихъ императрицъ и противъ Ганновера. Австрія можетъ выставить 100.000 войска, Россія 60.000, Ганноверъ 40.000, а у меня лишь 120.000. Еслибы еще по крайней мѣрѣ враги были сосредоточены въ одномъ мѣстѣ, то я могъ бы прибѣгнуть къ наступательному образу дѣйствій, но по своему географическому положенію они принудятъ меня раздробить мои силы и ограничиться оборонительною войной. Слѣдуетъ ли начинать войну когда сознаешь себя вдвойнѣ слабѣе своего противника? Нѣтъ. Слѣдуетъ ли начинать ее когда съ нашей стороны она должна быть только оборонительною? Нѣтъ, ибо такая война изъ всѣхъ войнъ самая трудная и опасная. Но долженъ ли я оставаться безучастнымъ и смотрѣть равнодушно на то что будутъ дѣлать другія державы? Также нѣтъ. Нельзя же мнѣ въ самомъ дѣлѣ не предпринимать ровно ничего когда, напримѣръ, Русскіе вторгнутся въ Германію, а неминуемо вынужденъ буду сразиться съ ними и такимъ образомъ приму участіе въ войнѣ. Единственное средство помѣшать вторженію Русскихъ, это нейтралитетъ, предлагаемый мнѣ Англіей. Слѣдовательно я долженъ принять предложеніе Англійскаго правительства.“ *

Въ чемъ же состояло оно? Смыслъ его выраженъ очень ясно въ трактатѣ состоявшемся въ послѣдствіи между Пруссіей и Англіей, а именно означенный трактатъ гласилъ: „Между королемъ Англійскимъ и королемъ Прусскимъ устанавливаются дружба и миръ, и каждая изъ сторонъ обязывается помогать другой противъ посторонняго нападена. Еслибы

* Ranke, *Der Ursprung des siebenjährigen Krieges*, 121.

противъ всякаго ожиданія и къ явному нарушенію мира, который оба государя намѣреваются утвердить въ Германіи, какая-либо изъ державъ, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, ввела въ Германію свои войска, то они соединять свои силы чтобы воспрепятствовать подобному вторженію и охранить миръ Германіи согласно цѣли установившагося между ними соглашенія.“ Такимъ образомъ Пруссія и Англія стремились обезпечить нейтралитетъ Германіи, другими словами, не допустить чтобы война коснулась центральной Европы. Повидимому онѣ могли вполнѣ разчитывать на услуги. Франція не отважилась бы конечно напасть на Ганноверъ не имѣя союзниковъ для подобнаго предпріятія, ибо на кого могла бы она опереться? На Австрію? Но ни Пруссійскій король, ни англійскіе министры даже не останавливались на подобномъ предположеніи, до такой степени казалось имъ неправдоподобнымъ чтобы Версальскій и Вѣнскій дворы могли соединиться для совокупнаго дѣйствія. На Россію? Вопросъ о томъ какой политики будетъ держаться Русское правительство сильно озабочивалъ Фридриха; онъ старался всячески просвѣтить себя на этотъ счетъ и собранныя имъ свѣдѣнія казались ему вполнѣ успокоительными.

„Прежде чѣмъ принять окончательное рѣшеніе, разказываетъ онъ въ своей *Исторіи Семилѣтней войны*, король счелъ необходимымъ извѣдать образъ мыслей Русскаго правительства. Такъ какъ въ лицѣ канцлера Бестужева имѣлъ онъ явнаго врага, то и невозможно было ему получить свѣдѣнія прямо изъ Петербурга, тѣмъ болѣе что всякія сношенія между дворами С.-Петербургскимъ и Берлинскимъ были прерваны. Онъ обратился поэтому къ своему посланнику въ Вѣнѣ Кляингреффу и къ англійскому министру лорду Голдернессу чтобъ узнать въ какихъ отношеніяхъ находится Россія къ Англіи, а главное, кто имѣетъ болѣе вліанія въ Петербургѣ—Англичане или Австрійцы? Кляингреффъ отвѣчалъ что Русскіе вообще отличаются своею жадностью, что они гораздо охотнѣе присоединятся къ тѣмъ кто будетъ лучше платить имъ, чѣмъ къ тѣмъ кто не имѣетъ для этого средствъ, что императрица Елисавета нуждается часто въ деньгахъ даже для своихъ личныхъ расходовъ, что поэтому Русскіе предпочтутъ держаться Англіи, имѣющей, благодаря своимъ громаднымъ богатствамъ, возможность выдавать имъ щедрыя субсидіи. Отвѣтъ лорда Голдернесса гласилъ что между Англіей и

Россіей господствуетъ тѣсное согласіе и король Георгъ можетъ вполнѣ разчитывать на дружбу императрицы Елисаветы. Свѣдѣнія полученныя королемъ отъ его посланника въ Голландіи до такой степени согласовались со свѣдѣніями изъ Лондона и Вѣны что онъ не усомнился что столько различныхъ лицъ не могли ошибаться относительно одного и того же предмета.* Одно обстоятельство смущало еще Фридриха, а именно трактатъ который задолго до этого времени Англія старалась заключить съ Россіей, но всѣ англійскіе министры — герцогъ Ньюкастль, лордъ Голдернессъ и Фоксъ — торжественно завѣряли его что означенный трактатъ имѣлъ цѣлью оборону Ганновера и австрійскихъ Нидерландовъ, что, правда, онъ былъ направленъ противъ Пруссіи до тѣхъ поръ пока полагали что отъ нея можетъ угрожать опасность этимъ землямъ, но теперь, когда Пруссія будетъ дѣйствовать заодно съ Англіей, то и англо-русскій трактатъ получить другое назначеніе: какъ выразился одинъ изъ министровъ: слова останутся тѣ же, но смыслъ ихъ долженъ измѣниться. Какъ ни были положительны эти заявленія, странно однако что Фридрихъ вполнѣ довѣрился имъ. Онъ уже имѣлъ не мало дѣла съ Русскимъ правительствомъ и изъ собственнаго опыта сѣдовало бы ему казаться убѣдиться что едва ли способно оно играть какую угодно роль, смотря по тому кто услѣшнѣе воспользуется его мнимымъ корыстолюбіемъ. Король Пруссій очевидно не могъ освободиться отъ укоренившагося у него убѣжденія что у Россіи нѣтъ національной политики, и что въ международныхъ своихъ сношеніяхъ она менѣе всего руководится яснымъ пониманіемъ своихъ интересовъ. Мы уже достаточно видѣли что всѣ неудачи своей дипломатіи въ Петербургѣ во время войны за австрійское наслѣдство онъ объяснялъ тѣмъ что Англичане могли расходовать тамъ такіа громадныя суммы золота какія были ему не по средствамъ. Онъ вполнѣ сроднился съ мыслью что Россія находится въ услуженіи у Англіи. * На этомъ былъ построенъ весь его планъ, готовившій ему самое горькое разочарованіе. Онъ увидѣлъ свою ошибку когда уже было поздно исправить ее.

* „Toutes les probabilités me portaient à croire, говоритъ Фридрихъ въ *Apologie de ma conduite*, que la Russie suivrait aveuglement le parti des Anglais, du moins qu'elle ne se déclarerait pas contre les alliés du roi de la Grande-Bretagne“.

Сношенія Фридриха съ Англіѣскимъ правительствомъ происходили въ глубокой тайнѣ, такъ что даже первый его министръ и одинъ изъ наиболѣе близкихъ къ нему людей, Подевильсъ, ничего не зналъ о нихъ до послѣдней минуты. Такъ-называемый Вестминстерскій трактатъ между Англіей и Пруссіей былъ подписанъ 16 января 1756 года, но еще за нѣсколько дней до того прибылъ въ Берлинъ французскій уполномоченный герцогъ Ниверне.

Кромѣ знатности своего рода и высокаго положенія при дворѣ, герцогъ имѣлъ репутацію человѣка весьма образованнаго и даже отчасти литератора; онъ состоялъ членомъ Французской Академіи, былъ въ дружескихъ отношеніяхъ со многими изъ тогдашнихъ beaux-esprits и находясь посланникомъ въ Римѣ оказалъ услугу Монтескьѣ тѣмъ что убѣдилъ инквизицію не подвергать запрещенію сочиненій этого философа. Въ выборѣ такого лица Французское правительство очевидно желало быть пріятнымъ Фридриху. Министръ иностранныхъ дѣлъ формуловалъ сущность данныхъ ему инструкцій въ нѣсколькихъ словахъ: „Франція имѣетъ только одного заклятаго врага—короля Англійскаго и твердо намѣрена преслѣдовать его всѣми средствами находящимися въ его обладаніи, какъ на морѣ такъ и на сушѣ“. Не трудно было понять изъ этого что Версальскій дворъ имѣлъ въ виду Ганноверъ, и задачей герцога Ниверне было склонить Фридриха къ участию въ этомъ походѣ. Король принялъ его 14 января и имѣлъ съ нимъ продолжительный разговоръ, въ которомъ коснулся всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ. * Герцогъ доказывалъ что Пруссія могла бы безбоязненно возобновить свой союзъ съ Франціей, ибо еслибы начала угрожать ей Россія, то противъ этой державы не трудно лодать Турцію, Швецію, а также Польшу, которая не пропуститъ конечно русскихъ войскъ чрезъ свои земли. „Но они пойдутъ не чрезъ Польшу, а чрезъ Курляндію, гдѣ уже и теперь сосредоточено значительное ихъ число, возражалъ король; что касается Порты, то Россія не имѣетъ причины опасаться какой-либо серьезной демонстраціи съ ея стороны, ибо султанъ одержимъ

* „Sa Majesté, говоритъ Ниверне, — me garda cinq quart d'heure et pendant ce temps me parla beaucoup sur les affaires générales; j'eus un grand plaisir à l'entendre et il s'exprima avec toute l'éloquence, tout l'esprit et toute la sagesse imaginable.“

смертельнымъ недугомъ и явичары ненавидать его. Столь же мало помощи можно ожидать и отъ Швеціи послѣ недавняго переворота, окончательно ослабившаго тамъ монархическую власть; самъ король склоняется на сторону Россіи, и я не въ силахъ прелятствовать этому; сестра моя не лишена ума, но капризна и упряма, и я утратилъ всякое надъ нею вліяніе“. Подъ конецъ бесѣды Фридрихъ не скрылъ отъ Ниверне что ведетъ переговоры съ Англійскимъ правительствомъ, хотя выставлялъ ихъ въ такомъ невинномъ свѣтѣ что отъ нихъ не должны будто бы нисколько пострадать его добрыя отношенія къ Версальскому двору. Извѣстіе это крайне встревожило французскаго уполномоченнаго: онъ прибылъ нарочно для того чтобы заключить союзъ противъ Англии и на первыхъ же шагахъ встрѣчался съ непреодолимымъ прелятствіемъ.

Онъ далъ полную волю своему раздраженію въ бесѣдѣ съ Подевиальсомъ. Министръ Фридриха успокоивалъ его что соглашеніе съ Англичанами имѣеть единственною цѣлюю оградить Германію отъ ужасовъ войны, что конечно съ этой стороны Франція будетъ стѣснена въ своихъ дѣйствіяхъ, но развѣ она не можетъ вознаграждать себя другими предпріятіями которыя причиняютъ существенный вредъ ея противнику? „Вамъ извѣстно, возражалъ Ниверне, что на морѣ намъ трудно побѣдить Англичанъ; не легко намъ также обратиться и на ихъ островъ; гдѣ же можемъ мы нанести имъ удары какъ не въ Ганноверѣ которымъ такъ дорожить король Георгъ, и именно тутъ-то вы хотите связать насъ по рукамъ и по ногамъ.“ Ниверне упоминалъ что союзъ съ Франціей представляетъ надежныя гарантіи для короля Прусскаго, ибо Франція можетъ выставить 160.000 войска. „Да еслибы даже было ихъ вдвое болѣе, отвѣчалъ Подевиальсъ, то все-таки недостаточно этого чтобъ отстаивать Восточную Пруссію отъ Русскихъ и Силезію отъ Австрійцевъ.“ Переговоры возобновлялись нѣсколько разъ и съ Подевиальсомъ и съ самимъ Фридрихомъ, но такъ же неудачно для уполномоченнаго Лудовика XV. „Самый сильный аргументъ къ которому прибѣгнулъ герцогъ Ниверне, рассказываетъ Фридрихъ въ *Исторіи Семилѣтней войны*, съ цѣлюю склонить короля къ союзу съ Франціей состоялъ въ томъ чтобы предложить ему обладаніе островомъ Табаго. Надо замѣтить что послѣ войны окончившейся Ахенскимъ миромъ Французы

отдали этотъ островъ графу Морицу Саксонскому, но такъ какъ Англичане выражали сильное неудовольствіе, то и было постановлено что Табаго остается незаселеннымъ и никакая нація не будетъ его обрабатывать. Упомянутое предложеніе было слишкомъ страннымъ чтобы серьезно отнестись къ нему. Король обратилъ все это въ шутку и попросилъ герцога поискать кого-нибудь другаго, кто подобно Санхо-Пансѣ на островѣ Баратаріи согласился бы быть губернаторомъ острова Табаго“. Впрочемъ Фридрихъ употреблялъ всѣ усилія чтобы не поссориться съ Франціей и не переставалъ доказывать что несмотря на договоръ заключенный имъ съ Англійскимъ правительствомъ ничто не мѣшаетъ возобновленію союза его и съ Версальскимъ дворомъ. Конечно, это было бы торжествомъ дипломатическаго искусства съ его стороны: еслибы, находясь въ дружескихъ отношеніяхъ съ Англіей, онъ привлекъ къ себѣ чрезъ посредство этой державы Россію и вмѣстѣ съ тѣмъ нисколько не поссорился бы съ Франціей, то онъ могъ бы съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ смотрѣть на замыслы Вѣнскаго двора! Вслѣдствіе того оказывалъ онъ необыкновенное вниманіе герцогу Ниверне, бесѣдовалъ съ нимъ по цѣлымъ часамъ и даже составлялъ съ нимъ планы, какъ лучше могла бы Франція поразить своего врага отказавшись отъ наступательныхъ противъ него дѣйствій на материкѣ Европы. „Еслибы, говорилъ онъ, былъ я на мѣстѣ короля Французскаго, то предпринялъ бы двоякаго рода высадку—одну съ 8.000 человекъ въ Ирландію, а другую съ 24.000 въ Англію; эту послѣднюю направилъ бы я не на Лондонъ, а куда-нибудь по близости Портсмута; главнокомандующему сѣдовало бы тотчасъ же пріискать удобную позицію и какъ можно лучше укрѣпить ее; не нужно брать съ собой много кавалеріи, потому что это затруднило бы лишь высадку войскъ“. Герцогъ Ниверне съ любопытствомъ выслушивалъ стратегическія соображенія знаменитаго полководца, но едва ли не гораздо интереснѣе для него было узнать въ чемъ дѣйствительно заключался союзъ между Пруссіей и Англіей. Самъ Фридрихъ не замедлилъ просвѣтить его на этотъ счетъ и притомъ въ такой формѣ чтобы внушить ему полное довѣріе. Однажды въ Потсдамѣ пригласилъ онъ его къ себѣ и вручалъ ему конверты только-что полученные изъ Лондона; они были запечатаны англійскою государственною печатью; король предложилъ герцогу распечатать

ихъ: то былъ подлинникъ Вестминстерскаго трактата и секретныхъ къ нему статей. Ниверне могъ убѣдиться что не содержалось въ нихъ ничего такого что было бы въ противорѣчіи съ сообщенными ему прежде свидѣніями, и это было конечно большимъ утѣшеніемъ для него, хотя сущность дѣла нисколько отъ того не измѣнялась. Омъ спѣшилъ покинуть Берлинъ гдѣ дальнѣйшее пребываніе его не имѣло дѣла, но предъ отъѣздомъ обѣщалъ вслѣдствіи трудиться чтобы не произошло разрыва между Пруссіей и Франціей. „Телерешнія обстоятельства таковы, писалъ Фридрихъ своему посланнику въ Парижъ Книпгаузену, что вы можете представить мнѣ убѣдительныя доказательства вашихъ способностей. Нужно не щадить ничего чтобы узнать въ точности, возбудилъ ли во французскихъ министрахъ мой вполнѣ невинный образъ дѣйствій нѣчто болѣе чѣмъ простое неудовольствіе. Если окажется что они предаются тому мимоletному раздраженію которое часто овладѣваетъ ими, то можно будетъ возобновить союзный договоръ съ Франціей; если же заноза глубоко проникла въ ихъ сердце, мнѣ придется усвоить совершенно другую роль. Вообще же я полагаю что если сунутся они въ Вѣну, то не добьются тамъ ничего кромѣ пышныхъ фразъ; увидавъ что нѣтъ тамъ такихъ простаковъ которые согласились бы жертвовать собою для нихъ, они будутъ очень рады снова сойтись со мной; они не замедлятъ понять что ни у кого нѣтъ охоты вмѣшиваться въ ихъ войну изъ-за ловли какой-то трески. Старайтесь льстить Помладуръ: быть-можетъ она окажется словоохотливѣе и не только выболтаетъ то что утаиваютъ министры, но снова приведетъ все въ порядокъ.“

Въ Версали впечатлѣніе Вестминстерскаго трактата было чрезвычайное. Никто не ожидалъ ничего подобнаго и тѣмъ сильнѣе было общее раздраженіе. „Версальскій дворъ, говорилъ въ послѣдствіи Фридрихъ въ своихъ мемуарахъ, задался повидимому мыслью что король Пруссій находился въ такихъ же отношеніяхъ къ Франціи въ какихъ гослодарь Валахскій къ Портѣ, то-есть что онъ вассальный владѣтель, обязанный начинать войну какъ скоро получалъ приказаніе. Узнавъ что онъ вовсе не былъ намѣренъ обнаруживать такую покорность, считали его чуть не бунтовщикомъ“. Никто лучше короля Прусскаго не зналъ какъ мало правды въ этихъ словахъ; почти съ самаго вступленія

своего на престолѣ дѣйствовалъ онъ заодно съ Франціей, но не только не подчиняясь ей, а напротивъ заставляя ее подчиняться своей волѣ; въ войнѣ руководился онъ исключительно своими выгодами и цѣлями и два раза заключалъ миръ не обращая никакого вниманія на интересы союзной съ нимъ державы. Онъ конечно имѣлъ право отказаться отъ участія въ войнѣ съ Англіей; еслибы Версальскій дворъ не годовалъ на него лишь за это, то совѣсть его могла бы оставаться спокойною, но дѣло шло совсѣмъ о другомъ. Еще, прежде чѣмъ Лудовикъ XV обратился къ нему съ запросомъ, можно ли разчитывать на его содѣйствіе, Фридрихъ заключилъ съ Англіей трактатъ, который никакими софизмами нельзя было оправдать будто не былъ онъ направленъ противъ Франціи; если Фридрихъ, какъ старался онъ увѣрить, считалъ свой образъ дѣйствій „совершенно невиннымъ“, то зачѣмъ же до послѣдней минуты облакалъ онъ его непроницаемою тайной, зачѣмъ оставалъ въ неизвестности Версальскій дворъ, съ которымъ связывалъ его формальный союзъ? Все это бросается въ глаза, и можно только удивляться что еще и теперь нѣмецкіе историки стараются выставить политику его вполне безупречною.

Если кто былъ доволенъ получивъ извѣстіе о Вестминстерскомъ трактатѣ, то конечно Кауницъ. И онъ былъ изумленъ такъ сильно что при первыхъ словахъ объ этомъ англійскаго посланника Кейта олутился въ кресло и нѣскольکو минутъ оставался безмолвнымъ, но къ изумленію примѣшивался и восторгъ. Въ письмѣ къ Штарембергу выразился онъ о Вестминстерскомъ договорѣ что это „un événement définitif pour le bonheur de la maison d'Autriche“. Положеніе дѣлъ быстро измѣнилось. Даже тѣ министры Лудовика XV которые, какъ, напримѣръ, Д'Аржансонъ и Пюизьяъ, всегда были сторонниками союза съ Пруссіей, заговорили теперь о необходимости сблизиться съ Вѣнскимъ дворомъ. Переговоры, въ которыхъ попрежнему главная роль принадлежала аббату Бернису и Штарембергу, привели къ заключенію 1 мая 1756 года двухъ трактатовъ, изъ коихъ первымъ, такъ-называемымъ „нейтральнымъ“, Австрія обязывалась въ теченіе морской войны между Франціей и Англіей соблюдать строгій нейтралитетъ, а Франція обѣщавалась ни въ какомъ случаѣ не наладать на Нидерланды или какія-либо другія владѣнія императрицы-королевы; второй трактатъ былъ

оборонительный, сущность коего заключалась въ томъ что въ случаѣ нападенія на одну изъ союзныхъ державъ, другая должна была выставить на помощь ей 24.000 войска. Но гораздо любопытнѣе предшествовавшіе переговоры, въ которыхъ выяснились значеніе и смыслъ этихъ обязательствъ. Французское правительство все еще не отваживалось идти такъ далеко какъ хотѣлось бы Австрійцамъ; оно заявило что не будетъ прелатствовать попыткамъ Вѣнскаго двора возвратити себѣ Силезію, но что онъ долженъ домогаться этого собственными средствами или опираясь на другія государства, а никакъ не разчитывая на Францію; взаимнѣй такой уступки, оно выговаривало себѣ полную свободу дѣйствій относительно Ганновера. „Все показываетъ, писалъ изъ Парижа Штарембергъ, что здѣсь еще колеблются совершенно пожертвовать королемъ Прусскимъ; объясняется это опасеніями что Австрія, еслибъ удалось ей разгромить Пруссію, возстановитъ свои дружественныя отношенія къ морскимъ державамъ и, пожалуй, будетъ дѣйствовать вмѣстѣ съ ними противъ Франціи; въ виду этого не хотятъ довести до послѣдней крайности Прусскаго короля, чтобы въ случаѣ нужды имѣть возможность воспользоваться имъ; Версальскій дворъ желалъ бы ограничить его силы, но не уничтожить ихъ совсѣмъ.“ Такимъ образомъ Франція и Австрія должны были дѣйствовать противъ своихъ враговъ независимо одна отъ другой, но не трудно было предвидѣть что между ними установится гораздо болѣе тѣсная связь. Такъ дѣйствительно и случилось, причемъ французская политика даже вполнѣ подчинила свои интересы политикѣ австрійской.

Изъ представленнаго нами очерка быстрыхъ и неожиданныхъ переворотовъ въ системѣ союзовъ, господствовавшей до того времени въ Европѣ (*ces revirements de systèmes si subits et si inattendus*, какъ выражается Фридрихъ), можно убѣдиться какая огромная роль принадлежала во всемъ этомъ Россіи. Прусскій король не заключилъ бы Вестминстерскаго договора еслибы не былъ убѣжденъ что Россія ни въ какомъ случаѣ не отшатнется отъ Англіи; союзъ съ одною изъ этихъ державъ былъ дорогъ для него только потому что и другая, какъ ему казалось, неминуемо должна была участвовать въ немъ. „Совершенно ли увѣрены вы въ Русскихъ“, спрашивалъ онъ безпрерывно англійскаго посланника Митчеля, и еслибы замѣтилъ въ его словахъ хотя малѣйшее сомнѣніе,

то не отважился бы на задуманный имъ шагъ, но Митчель успокоивалъ его самымъ положительнымъ образомъ. Подъ вліяніемъ его словъ, а также сообщеній получаемыхъ имъ отъ лорда Голдернесса, Фридрихъ мечталъ не о нейтралитетѣ только Россіи, но и о томъ какъ воспользоваться войсками которыя Русское правительство намѣревалось предоставить въ распоряженіе Англіи: онъ уже составлялъ на этотъ счетъ разные планы, предполагалъ что въ случаѣ нужды, посадивъ ихъ на корабли въ Курляндскихъ и Лифляндскихъ гаваняхъ, можно будетъ перевести ихъ на берега Пруссіи или Помераніи. Съ другой стороны, Австрія достигла своей цѣли: Версальскій дворъ порвалъ давнишнюю свою связь съ Пруссіей и не прелятствовалъ ей дѣйствовать противъ этого государства, но очевидно Австрія не въ состояніи была отважиться на войну безъ энергической поддержки со стороны Русскаго правительства. Последнее рѣшительное слово въ наступавшихъ событіяхъ принадлежало такимъ образомъ Россіи, которая съ перваго взгляда очутилась въ весьма странномъ положеніи: были у нея два союзника и оба они вступили въ союзъ съ ея врагами, — Австрія съ Франціей, Англія съ Пруссіей. Какой образъ дѣйствій усвоить она среди новыхъ и столь быстро сложившихся комбинацій? Вопросъ этотъ рѣшенъ былъ правительствомъ императрицы Елисаветы Петровны очень скоро, безо всякихъ колебаній и притомъ вполне самостоятельно, такъ что еще разъ убѣдило оно и своихъ враговъ и своихъ друзей что руководится лишь интересами своей страны, а не какими-либо посторонними и случайными вліяніями.

(Продолж. слѣд.)

Е. ФЕОКТИСТОВЪ.

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Цесаревичъ Павелъ Петровичъ (1754—1796). Историческое изслѣдованіе Дмитрія Кобека. С.-Петербургъ 1882. Стр. 380.

Недавно вышедшее въ свѣтъ изслѣдованіе г. Кобека представляетъ чрезвычайно интересную картину жизни и дѣятельности цесаревича Павла Петровича до вступленія его на престолъ. Въ этой книгѣ авторъ съ большимъ стараніемъ и значительнымъ успѣхомъ собралъ и привелъ въ порядокъ многочисленныя и интересные уже по самой новизнѣ матеріалы для біографіи цесаревича. Общее впечатлѣніе книги таково что личность коей она посвящена представляется читателю совсѣмъ не въ томъ свѣтѣ въ какомъ изображаютъ ее иностранцы историки, а съ ихъ голоса и нѣкоторые русскіе писатели. „Даровитый, образованный, прямодушный, другъ порядка и законности, цесаревичъ, говоритъ авторъ въ своемъ послѣсловіи, невольно привлекаетъ къ себѣ сочувствіе“. Но эта первоначально свѣтлая личность отмѣчена печатью страданія, и постепенно характеръ ея совершенно измѣнился. Одинъ изъ преданныхъ цесаревичу людей, князь И. М. Долгорукій, выразился о немъ что „разсудокъ его былъ потемнѣлъ, сердце наполнено желчи и душа гнѣва“. Какъ совершился

этотъ печальный кризисъ? Какія причины произвели его? Эти интересны е въ историческомъ и психологическомъ отношеніяхъ вопросы авторъ старается разрѣшить изображеніемъ еще такъ мало извѣстныхъ отношеній Павла Петровича къ своей матери императрицѣ Екатеринѣ II, условій его внутрѣнной личной и окружающей семейной и придворной жизни.

Павелъ Петровичъ родился 20 сентября 1754 года. „На шестой день, говоритъ въ своихъ замискахъ императрица Екатерина, происходила крестины моего сына. Онъ едва было не умеръ отъ молочницы. Я могла узнавать о немъ только украдкой: вопросы о немъ были бы истолкованы въ смыслѣ сомнѣнія въ заботливости императрицы (Клисаветы Петровны), что было бы принято очень дурно. Впрочемъ императрица взяла его въ свои локои, слѣдила къ нему лишь только онъ начиналъ кричать и буквально душила его своимъ ухаживаньемъ. Онъ былъ помѣщенъ въ чрезвычайно жаркой комнатѣ, спеленатый фланелью, въ колыбели обитой лисьимъ чернобуримъ мѣхомъ; покрывали его стеганымъ на ватѣ атласнымъ одѣяломъ, сверхъ котораго настилали розоваго цвѣта бархатное одѣяло подбитое мѣхомъ; я сама видѣла его нѣсколько разъ такъ уложеннымъ; потъ выступалъ у него на личикѣ и на всемъ тѣлѣ. Отъ этого произошло то что когда выросъ, онъ простужался и заболѣвалъ отъ малѣйшаго вѣтра. Кромѣ того, онъ окруженъ былъ огромнымъ числомъ старухъ, которыя, благодаря ихъ неразумнымъ и безтолковымъ хлопотамъ, причиняли ему и физическое и нравственное зло. Въ самый день крестинъ императрица по окончаніи обряда пришла въ мою комнату и принесла мнѣ на золотомъ блюдѣ указъ кабинету о доставленіи мнѣ 100.000 руб. По прошествіи сорока дней, императрица опять пришла ко мнѣ. Я встала съ постели чтобъ ее привѣтствовать, но она нашла меня столь слабою и похудѣвшею что приказала мнѣ сидѣть во время чтенія молитвы ея духовникомъ. Сына моего внесли въ мою комнату. Тутъ я увидѣла его въ первый разъ отъ рожденія. Я нашла его очень хорошенькимъ; видъ его меня порадовалъ, но тотчасъ по окончаніи молитвы императрица удалилась и приказала унести его за собой. Послѣ Пасхи слѣдующаго (1855) года я, вмѣстѣ съ супругомъ, отправилась къ Ораніенбаумъ; предъ отъѣздомъ императрица дозволила мнѣ взглянуть на сына въ третій разъ послѣ его рожденія. Чтобы дойти до него нужно

было пройти всё локом государыни; я нашла его, какъ уже говорено было, въ удушливой жарѣ.“

Рожденіе Павла воспѣлъ Ломоносовъ. Онъ высказываетъ желаніе чтобы поворожденный сравнился въ дѣлахъ съ Петромъ Великимъ; ему предстояло, по убѣжденію Ломоносова, освобождать Святыя Мѣста, вокругъ которыхъ облегли драконъ ужасный, и перешагнуть черезъ стѣны отдѣляющія отъ Россіи Китай.

Нѣкоторыя подробности о первыхъ годахъ Павла сохранились въ его воспоминаніяхъ. Изъ нихъ видно что онъ началъ ходить будучи года и одного мѣсяца. Случалось что онъ ложился спать или очень рано, часовъ въ 8 вечера, или же часу въ первомъ ночи, по прихоти. Случалось также что и ночью ему давали кушать, когда „попросить изволить“. Несмотря на то что онъ окруженъ былъ толпой женщинъ, надзоръ за нимъ былъ слабъ. „Одинъ разъ, онъ изъ колыбели выпалъ, такъ что никто того не слышалъ. Пробудились поутру—Павла нѣтъ въ колыбели; посмотрѣли—онъ лежитъ на полу и очень крѣпко опочиваетъ“.

При Елисаветѣ Петровнѣ, Павелъ Петровичъ постоянно находился въ ея покояхъ. Императрица хаживала къ нему ежедневно, въ свой день раза по два и по три, иногда ночью. Когда же онъ подросъ, то посѣщенія эти почти прекратились. „Причиной сего было то что мамы такъ его налугали что Павелъ трясся какъ скоро увидить ее“.

Посѣщенія Павла родителями были до того рѣдки что въ камеръ-фурьерскихъ журналахъ того времени даже отмѣчалось когда Екатерина навѣщала сына. Екатерина сама рассказываетъ что когда послѣ разныхъ пережитыхъ ею горестей, она выразила вице-канцлеру графу Воронцову желаніе возвратиться на родину и онъ заговорилъ о ея дѣтяхъ, Екатерина возразила что она ихъ не видитъ и не можетъ ихъ видѣть безъ особаго разрѣшенія императрицы; что она не сомнѣвается въ томъ что императрица очень о нихъ заботится, но такъ какъ она лишена наслажденія видѣться съ ними, то для нея безразлично быть ли отъ нихъ въ разстояніи ста шаговъ или ста верстъ.

Кромѣ разныхъ явлекъ, мамокъ и мальчиковъ, состояли при Павлѣ Петровичѣ Алексѣй Григорьевичъ Жеребцовъ, графъ Мартынъ Карловичъ Скавронскій и затѣмъ, съ 1758 года, Федоръ Дмитріевичъ Бехтѣевъ, отозванный отъ

должности повѣреннаго въ дѣлахъ въ Парижѣ и назначенный, 19 октября того года, церемонимейстеромъ. При нихъ начали учить Павла Петровича грамотѣ, ариметикѣ и заливчашамъ. Бехтѣевъ же ввелъ, при воспитаніи Павла, слѣдующій, вѣскольکو странный пріемъ: о Великомъ Князѣ нарочно печатали вѣдомости и давали ему для прочтенія. Тамъ обыкновенно подъ артикуломъ „изъ Петербурга“ обо всѣхъ его высочества поступкахъ и погрѣшностяхъ уломивалось; увѣряли его что сіи вѣдомости разсылаются по всей Европѣ.

При Бехтѣевѣ же явился и первый, специально для Павла составленный, учебникъ. Это было краткое понятіе о физикѣ, для употребленія его императорскаго высочества государя великаго князя Павла Петровича. Въ С.-Петербургѣ 1760 (12^о, стр. 63). Въ книжкѣ этой помѣщены краткія статьи о физикѣ вообще, о свѣтѣ, о небѣ и о тѣлахъ небесныхъ, о земномъ шарѣ, о натуральной исторіи и Создателѣ природы и, свехъ того, отдѣльное „сокращеніе правоучительной науки“.

Въ томъ же году напечатанъ былъ, специально для Павла Петровича, особый календарь съ картами Россійской имперіи.

29 іюня 1760 года императрица назначила генералъ-поручика и дѣйствительнаго камергера Никиту Ивановича Панина оберъ-гофмейстеромъ при Павлѣ.

Женскій персоналъ окружавшій Павла былъ недоволенъ назначеніемъ Панина. „Какъ у государыни Панинъ обѣдалъ, подослалъ Павелъ Петровичъ подсмотреть его: сказали что ларикъ съ узлами, и старикъ,—а Панину въ это время было только 42 года—угрюмъ. Другой разъ увидя въ Петергофѣ что старикъ идетъ въ ларикъ, въ голубомъ кафтанѣ, съ обшлагами желтыми бархатными, Павелъ Петровичъ заключилъ что это Панинъ и неолисанно струсилъ отъ того что уже разказано было что какъ скоро онъ опредѣлится, то не будутъ допускать женщинъ и всѣ веселости отнимутъ.“ Павелъ встрѣтилъ своего оберъ-гофмейстера слезами.

Какъ Павлу минуло шесть лѣтъ, онъ въ первый разъ присутствовалъ на парадномъ обѣдѣ во дворцѣ. За симъ его начали считать достаточно взрослымъ для того чтобы приглашать иностранныхъ посланниковъ представляться ему на отдѣльныхъ аудіенціяхъ.

Елисавета Петровна не забыла Павла и на смертномъ

своемъ одрѣ. Умирая, она просила своего наследника, великаго князя Петра Федоровича, доказать свою къ ней признательность любовью къ собственному его сыну, вѣжко любимому ея Павлу. Къ сожалѣнію, императоръ Петръ III, въ теченіе своего шестидесячнаго царствованія, не имѣлъ времени, да по своимъ личнымъ качествамъ не имѣлъ и средствъ, заботиться о воспитаніи цесаревича Павла. Біографъ его Гельбигъ разказываетъ что Петръ III проявлялъ къ Павлу много вѣжкости. Однажды онъ навѣстилъ его, поцѣловалъ и сказалъ окружающимъ его со внутреннею добросердечностію:—Изъ него выйдетъ добрый малый. На первое время онъ можетъ оставаться подъ прежнимъ присмотромъ, но скоро я устрою его иначе и озабочусь его лучшимъ военнымъ воспитаніемъ вмѣсто телерешнаго женственнаго.

Напротивъ того, австрійскій посланникъ Мерси д'Аржанто свидѣтельствуетъ что Петръ III, со времени вступленія на престолъ, не обращалъ вниманія на Павла, къ которому всегда обнаруживалъ всѣмъ въ глаза бросавшееся нерасположеніе.

Оберъ-гофмейстеръ Павла, Панинъ, часто выражалъ желаніе чтобы государь обратилъ вниманіе на услѣхи ученія его питомца, своимъ личнымъ присутствіемъ на экзаменѣ, но Петръ III извинялся подъ тѣмъ предлогомъ что ничего не понимаетъ въ этихъ вещахъ. Впрочемъ, вслѣдствіе усиленныхъ просьбъ двухъ его дядей, принцевъ Голштинскихъ, онъ рѣшился удовлетворить желаніе Панина. Когда испытаніе кончилось, государь сказалъ громко своимъ дядямъ: „Господа, говоря между нами, я думаю что этотъ лгушка знаетъ эти предметы лучше насъ.“ Затѣмъ, въ знакъ одобренія, онъ пожаловалъ его капитаномъ гвардіи; Панинъ возражалъ противъ этой награды, убѣжденный что она вѣкружитъ голову великому князю и дастъ ему поводъ думать что онъ уже взрослый человѣкъ, и императоръ согласился отмѣнить свое распоряженіе.

Хотя Петръ III не только оставилъ Панина при Павлѣ, но и пожаловалъ его, 6 апрѣля 1762 года, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, а 2 мая орденомъ Андрея, но довѣрія къ нему не имѣлъ. При Панинѣ постоянно находился, для наблюденія за нимъ, одинъ изъ флигель-адъютантовъ Петра III.

Екатеринѣ также въ это время не было возможности заниматься Павломъ. Положеніе ея въ царствованіе Петра III

было тяжело и ей угрожали опасности. Въ обстоятельномъ манифестѣ о вступленіи своемъ на престолъ Екатерина сама свидѣтельствуетъ что Петръ III не хотѣлъ объявить Павла Петровича наследникомъ и что въ его царствованіе она видѣла себя съ сыномъ въ гоненіи и почти крайнемъ отдаленіи отъ императорскаго дома.

Немедленно по воцареніи, Екатерина сдѣлала для воспитанія Павла шагъ, который хотя и не увѣнчался успѣхомъ, но тѣмъ не менѣе стяжалъ ей громкія хвалы энциклопедистовъ. Воспитателемъ къ Павлу Петровичу пригласила она, чрезъ посредство посланника нашего въ Парижѣ С. В. Салтыкова, Даламбера.

Трудно сказать, могъ ли бы Даламберъ быть пригоденъ къ дѣлу воспитанія наследника Русскаго престола. Самъ онъ, по видимому, не очень серьезно смотрѣлъ на сдѣланное ему предложеніе и шуточно писалъ Вольтеру: „*Savez vous qu'on m'a proposé, à moi, qui n'ai pas l'honneur d'être jésuite, l'éducation du Grand Duc de Russie. Mais je suis trop sujet aux hémorrhoides et elles sont trop dangereuses en ce pays-là.*“

Чрезъ много лѣтъ (20 іюля 1793), говоря о воспитаніи старшаго своего внука, великаго князя Александра Павловича, Екатерина сказала статсъ-секретарю своему Храповицкому: „Какая разность между воспитаніемъ его и отцовскимъ! Тамъ не было мѣш воли сначала, а послѣ, по политическимъ причинамъ, не брала отъ Панина. Всѣ думали что ежели не у Панина, такъ онъ пропалъ.“

Тѣмъ не менѣе Екатерина приняла мѣры къ тому чтобы знать все что дѣлается и говорится около Павла.

Самый день воцаренія Екатерины, когда Павла Петровича внезапно разбудили и полуодѣтаго перевезли, окруженнаго войскомъ, изъ Лѣтняго Дворца въ Зимній, куда прибыла императрица, сильно и болѣзненно на него подѣйствовалъ. Въ послѣдующее затѣмъ время, Павелъ Петровичъ рѣдко бывалъ на воздухѣ. Панинъ не имѣлъ досуга часто сопровождать Павла Петровича при его выѣздахъ, но никогда не желалъ отпускать его безъ себя, и малѣйшій вѣтеръ или непогода служили поводомъ къ отгнѣнъ предположенныхъ прогулокъ.

Несмотря однако на слабое здоровье, Павелъ Петровичъ былъ рѣзвъ и живъ. Для характеристики его приведемъ нѣсколько отзывовъ о немъ Порошина:

„У его высочества ужасная привычка чтобы слышать во всемъ: слышать вставать, слышать кушать, слышать опочивать ложиться. Предъ обѣдомъ за часъ еще времени или болѣе до того какъ за столъ обыкновенно у насъ садятся, засылаютъ тайно къ Павину гофъ-фурьера чтобы спросить не прикажетъ ли за кушаньемъ послать и всѣ хитрости употребляетъ чтобы хотя нѣсколько минутъ выгадать чтобы за столъ сѣсть поранѣе. Обѣужинѣ такія же заботы. Послѣ ужина камердинерамъ повторительные наказы чтобы какъ возможно они скорѣе ужинали, съ тѣмъ намѣреніемъ что какъ камердинеры отужинаютъ скорѣе, такъ авось и олочивать положить нѣсколько поранѣе. Ложась заботится чтобы поутру не проспать долго. И это всякій день почти бываетъ.

„Его высочество имѣетъ за собою недостаточекъ, всѣмъ такимъ людямъ свойственный которые болѣе привыкли видѣть хотѣнія свои исполненными нежели къ отказамъ и терпѣнію. Все хочется чтобы дѣлалось по нашему.

„Его высочество, будучи весьма живаго сложенія, и имѣя начеловѣколюбивѣйшее сердце, вдругъ влюбляется почти въ челоуѣка который ему понравится; но какъ никакія усиленныя движенія долго продолжаться не могутъ если побуждающей какой силы при томъ не будетъ, то и въ семь случаевъ крутая прилипчивость должна утверждена и сохранена быть прямо любви достойными свойствами того который имѣлъ счастье полюбитья. Словомъ сказать, гораздо легче его высочеству вдругъ весьма понравиться нежели навсегда соблюсти посредственную, не токмо великую и горячую отъ него дружбу и милость.“

Разговоры которые веди въ присутствіи Павла Петровича лица его окружавшія представляютъ странную смѣсь серьезнаго съ крайне легкомысленнымъ. Они живо характеризуютъ злоху. Съ одной стороны, въ бесѣдахъ этихъ лицъ, государственныхъ дѣятелей того времени, обсуживались политическіе интересы Россіи, оцѣнивалось ея прошлое, предлагались мѣры для улучшеній и преобразованій. Съ другой стороны, подъ вліяніемъ охватившаго тогда высшее русское общество пристрастія къ Франціи, разговоры эти часто переходили въ анекдоты и шутки, быть-можетъ простительныя для людей взрослыхъ, но неумѣстныя въ присутствіи царственнаго отрока. Раслуцѣнность нравовъ отражалась въ раслуцѣнности разговоровъ, въ которыхъ разказы о прекрасномъ полѣ занимали видное мѣсто.

Мысль о возведеніи Павла Петровича на престолъ; явившаяся еще въ царствованіе Елисаветы Петровны, не заглохла. При восшествіи на престолъ Екатерины, Панинъ, какъ она сама свидѣтельствуешь, желалъ, чтобы переворотъ совершился въ пользу Павла Петровича и въ самое царствованіе. Время отъ времени проявлялась она то въ заговорахъ отдѣльных лицъ, то въ толкахъ и пересудахъ народныхъ. Мысль эта постоянно тревожила Екатерину и возбуждала въ ней недовѣріе къ сыну, ни въ чемъ неоловиному.

Во время пребыванія Екатерины въ Москвѣ, послѣ коронаціи, въ 1763 году, возбуждено было Бестужевымъ-Рюминымъ предположеніе о вступленіи ея въ бракъ съ графомъ Г. Г. Орловымъ, о чемъ свидѣтельствуешь сама Екатерина. Въ числѣ противниковъ этой мысли былъ Н. И. Панинъ. Предположеніе это не осуществилось, но съ этого времени начинается вражда Орловыхъ съ Панинымъ.

Вслѣдствіе этого, отношенія Екатерины къ Павлу Петровичу были постоянно холодны. Еще десятилѣтнимъ отрокомъ Павелъ самъ признавался что быть ему у государыни скучно и принужденно, и что принужденіе такое ему несносно. Императрица, доносилъ французскій посланникъ Сабатье-де-Кабрь 20 апрѣля 1770 года, — которая жертвуетъ для приличія всѣмъ остальнымъ, не соблюдаетъ никакого въ отношеніи къ сыну. Для него у нея всегда видъ и тонъ государыни и она часто прибавляетъ къ этому сухость и обидное невниманіе, которыя возмущаютъ молодаго великаго князя. Она никогда не относилась къ нему какъ мать; предъ нею онъ всегда почтительный и покорный подданный. Причину этого нерасположенія Екатерины къ сыну едва ли не слѣдуетъ искать въ обстоятельствахъ ея не вполне счастливаго супружества. Выданная замужъ за великаго князя Петра Федоровича по политическимъ соображеніямъ, она не могла любить его, и эта нелюбовь перешла и на его сына.

Въ этихъ отношеніяхъ императрицы къ сыну, которыя иногда улучшались, а иногда, подъ вліяніемъ Орлова, Потемкина и Зубова, ухудшались, заключалось главное несчастье Павла Петровича.

Павелъ Петровичъ хорошо видѣлъ недостатки въ правленіи императрицы Екатерины, но подъ вліяніемъ своего отчужденія и даже нерасположенія къ матери преувеличивалъ

изъ. Впрочемъ, онъ былъ провикнуть благородными стремленіями. Въ письмѣ своемъ къ К. И. Сакену цесаревичъ сказалъ: „Я желаю лучше быть ненавидимымъ за правое дѣло чѣмъ любимымъ за дѣло неправое“.

Хотя цесаревичъ былъ удаленъ отъ дѣлъ, однако онъ сильно интересовался задачами внѣшней и внутренней политики Россіи. Вотъ что онъ писалъ въ 1779 году своему воспитателю Н. И. Павину:

„Государство наше, будучи въ безпрестанныхъ движеніяхъ съ царствованія государя Петра I, начинаетъ приходить въ нѣкоторую слабость, которую какъ ее самую такъ и ея слѣдствія предупредить должно дабы все зданіе или весь корпусъ не рушился какъ ослабѣвшее отъ многихъ приладковъ тѣло.“

„Спокойствіе внутреннее зависитъ отъ спокойствія каждаго человѣка составляющаго общество; чтобы каждый былъ спокоенъ, то должно чтобы его собственныя такъ и другихъ подобныхъ ему страсти были обузданы: чѣмъ ихъ обуздать инымъ намъ какъ законами? Они общая узда; итакъ должно о семъ фундаментѣ спокойствія общаго подумать. Здѣсь опять воспрещаю себѣ болѣе о семъ говорить, ибо нечувствительно сіе разсужденіе довело бы меня до того пункта отъ котораго твердость и непоколебимость законовъ зависятъ, утверждая навсегда бытіе и состояніе на вѣчность каждаго и рода его.“

„Здѣсь нахожу необходимымъ помянуть, говоря о положеніи внутреннемъ, о положеніи нынѣшней военной части. Чтобы оное лучше можно было объяснить покажу исторически сколько сіа часть терпѣла перемѣнъ со времени начала своего.“

„Первое основаніе положено Петромъ Великимъ сообразно съ тогдашнимъ и всей Европы положеніемъ; но учредилъ онъ войско не набранное, но все по наряду служащее, и такъ вся тяжесть лежала на землѣ. Во время царствованія императрицы Екатерины I и императора Петра II вещи были на томъ же основаніи, но не мода тогда была о семъ помышлять; итакъ никого не сыскалось кто бы за симъ смотрѣлъ; сверхъ того правиломъ политическимъ было принято: истребить мало-по-малу все войско, дабы, не навлекая себѣ ревности отъ прочихъ державъ, насъ оставили бы въ покоѣ.“

„Всякому изъ сего видно сколь порочно было сіе правило и сколь оно пахло тогдашнимъ непросвѣщеніемъ, слабостью

духа и подъ симъ видомъ крившимися подлыми дворскими интригами. Конечно, покой хорошъ, но не тотъ который происходитъ отъ слабости или унывія, такъ какъ и предприимчивость которая бы происходила отъ безлокойствія духа.

„Императрица Анна вступивъ на престолъ и будучи окружена людьми бодрого духа нашлась принужденною взяться за сію улуцленную часть. Люди перемѣнившись, все инако пошло; вотъ эпоха вторая въ войскѣ нашемъ. Когда законы нѣтъ то и узды нѣтъ, а когда ее нѣтъ, страсти дѣйствовали и между прочимъ ненависть персональная и родъ мщенія; итакъ все что ни было сдѣлано во второй сей эпохѣ, показавшись дурнымъ, было сдѣлано перемѣнено вмѣстѣ со вступленіемъ императрицы Елисаветы.

„Не отриная у нея хорошихъ качествъ должно сказать что царствованіе ея было не столь порядочно какъ той которая была предъ нею на престолѣ. Многія вещи потеряли силу и дѣйствіе ихъ ослабѣло. Страсть государя отворяетъ двери всѣмъ пользоваться: не видитъ уже своими глазами и не можетъ укорять другихъ, ибо чувствуетъ что могутъ и его самого укорить. Последніе годы не входила она ни во что но причинѣ болѣзней своихъ и дѣлали ея именовъ тѣ кто хотѣлъ дѣло превращать по своимъ видамъ; отъ сего зачало все терять свою связь: вотъ четвертая эпоха.

„Здѣсь вступилъ покойный отецъ мой на престолъ и принялся заводить порядокъ, но стремительное его желаніе завести новое помѣшало ему благоразумнымъ образомъ приняться за оный; прибавить къ сему должно что неосторожность можетъ-быть была у него въ характерѣ и отъ ней дѣлалъ многія вещи наводящія дурныя импрессию, которая соединившись съ интригами противъ персоны его, а не самой вещи, погубили его и заведеніямъ порочный видъ старались дать. Чего интрига не въ состояніи повести если благоразуміе, осторожность и твердость духа не противостоятъ имъ? Пятой эпохи конецъ здѣсь должно положить.

„При вступленіи на престолъ нынѣ царствующей императрицы увидѣли нужду перемѣнить и поправить вещи по военной части. Нѣтъ вещи на свѣтѣ которую не надлежало бы чрезъ нѣсколько лѣтъ въ чемъ-нибудь перемѣнить или исправить дабы согласоваться со временемъ и обстоятельствами. Опасались однакоже за то самое взяться что причли въ виду одному, не перемѣнивъ сперва виду вещей, и такъ

самое то же стали дѣлать, но не подъ тѣми именами и прикрывая вѣгдѣ единую наружность дабы не показаться предъ свѣтомъ противорѣчащимися. Большая часть изъ сихъ дѣръ не самими государями нашими дѣлана: слѣдовательно, поправляли тѣ же самые люди которыхъ самихъ надлежало бы исправить. Прибавлю къ сему то что партикулярный человекъ имѣеть всегда соблюдать болѣе консидаціи нежели государь или правительство; итакъ поправленія дѣланья не служили на всѣ части, а на тѣ можетъ-быть которыя не относились до персонъ. Должно примѣтить что такого рода поправленія каковы дѣлаемы были часто прикрываютъ страсти тѣхъ кто оную составляютъ или того кто ею начальствуетъ; итакъ можно почитать большую часть дѣлъ таковыхъ исполненіемъ прихотей того или другаго, а не исправленіемъ недостатковъ сей части.

„Отъ сего и рождается всегда что передѣланы бывають вещи никакой важности въ себѣ не заключающія, пока тѣ въ которыхъ наибольшее зло замыкается остаются не только безъ поправленія, но и безъ малѣйшаго уваженія. Во время сего послѣдняго царствованія военная часть терпѣла еще перемѣну. Правда что меньше она была тѣхъ о которыхъ помянулъ выше; но отъ причинъ и отъ дѣйствій не вредѣе ли сія была всѣхъ прочихъ? Большая часть людей видитъ сукъ въ глазу у другаго пока не видитъ и бревна въ своемъ. Увидѣли правящіе военною частью недостатки, злоупотребленія и захотѣли оное исправить, а можетъ-быть и оспорочить только то что другими дѣлано было. Но какъ часто бываетъ что искавъ лучшаго теряють сломъ хорошее, то при семъ случаѣ и стали порочить все что сдѣлано ни было, пока (когда) надобно только было исправить злоупотребленія одни: оспорочивъ же и развязавъ узлы держащіе цѣль, умѣнія и не имѣли владѣть ею. Старое почти истребили, а новаго ничего не сдѣлали; итакъ теперь никто уже и не знаетъ что и какъ дѣлать, да къ тому прибавить должно что и не мода теперь что-либо наблюдать изъ предписаній, а исправнымъ быть—стыдъ и визкость духа. Отъ сего и идетъ все по прихотямъ каждаго, а часто прихоть состоитъ въ томъ чтобы ничего не дѣлать и угодить своимъ необузданнымъ страстямъ. Вотъ плачевное состояніе до котораго у насъ военная часть дошла.“

Затѣмъ осудивъ измѣненіе во вѣншей политикѣ Россіи

и удаленіе наше отъ Пруссіи, Павелъ Петровичъ настаивалъ на необходимости постоянного и долговременнаго мира для возобновленія силъ Россіи и предлагалъ способъ обороны границъ посредствомъ армій, которыя бы получали людей и все необходимое изъ ближайшихъ губерній, а для поддержанія армій полагалъ сформировать особое войско изъ иностранцевъ подъ личнымъ начальствомъ цесаревича, какъ наслѣдника Русскаго престола и герцога Голштинскаго.

Великій герцогъ Тосканскій Леопольдъ, въ письмѣ своемъ къ брату Іосифу II, во время путешествія Павла Петровича за границей подъ именемъ графа Сѣвернаго, писалъ:

„Графъ Сѣверный, кромѣ большаго ума, дарованій и разсудительности, обладаетъ талантомъ вѣрно постигать идеи и предметы и быстро обнимать всѣ ихъ стороны и обстоятельства. Изъ всѣхъ его рѣчей видно что онъ исполненъ желанія добра. Мнѣ кажется что съ нимъ слѣдуетъ поступать откровенно, прямо и честно, чтобы не сдѣлать его недоувѣрчивымъ и подозрительнымъ. Я думаю что онъ будетъ очень дѣятеленъ; въ его образѣ мыслей видна энергія. Мнѣ онъ кажется очень твердымъ и рѣшительнымъ когда остановится на чемъ-нибудь, и конечно онъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ людей которые позволили бы кому бы то ни было управлять собою. Вообще онъ кажется не особенно жалуется иностранцевъ и будетъ строгъ, склоненъ къ порядку, безусловной дисциплинѣ, соблюденію установленныхъ правилъ и точности. Въ разговорахъ своихъ онъ ни разу и ни въ чемъ не касался своего положенія и императрицы, но не скрылъ отъ меня что не одобряетъ всѣхъ обширныхъ проектовъ и нововведеній въ Россіи которые въ дѣйствительности въ послѣдствіи оказываются имѣющими болѣе пышности и названія чѣмъ истинной прочности. Только уломяая о планахъ императрицы относительно увеличенія русскихъ владѣній на счетъ Турціи и основанія имперіи въ Константинополѣ, онъ не скрылъ отъ меня своего неодобренія этому проекту и вообще всякому плану увеличенія монархіи, уже и безъ того очень обширной и требующей заботы о внутреннихъ дѣлахъ. По его мнѣнію, слѣдуетъ оставить въ сторонѣ всѣ эти бесполезныя мечты о завоеваніяхъ которыя служатъ лишь къ приобрѣтенію славы, не доставляя дѣйствительныхъ выгодъ, а напротивъ ослабляя еще болѣе государство.“

Интересны главы книги гдѣ описывается жизнь цесаревича

въ Гатчинѣ и воспитаніе его сыновей великихъ князей Александра и Константина Павловичей.

Въ заключеніе приведемъ изъ разбираемой нами любопытной книги описаніе видѣнія Павла Петровича:

„Однажды вечеромъ, разказывалъ Павелъ Петровичъ, или пожалуй уже ночью, а, въ сопровожденіи Куракина и двухъ слугъ, шелъ по петербургскимъ улицамъ. Мы провели вечеръ у меня во дворцѣ, за разговорами и табакомъ, и вздумали, чтобъ освѣжиться, сдѣлать прогулку инкогнито при лунномъ освѣщеніи. Погода была не холодная; это было въ лучшую пору нашей весны. Разговоръ нашъ шелъ не о религіи и не о чемъ-либо серьезномъ, а напротивъ того былъ веселаго свойства, и Куракинъ такъ и сыпалъ шутками на счетъ дѣтскихъ прохожихъ. Нѣсколько впереди меня шелъ слуга, другой шелъ сзади Куракина, который слѣдовалъ за мною въ нѣсколькихъ шагахъ позади. Лунный свѣтъ былъ такъ ярокъ что можно было читать и слѣдовательно тѣни были очень густы. При поворотѣ въ одну изъ улицъ, я вдругъ увидѣлъ въ глубинѣ подѣзда высокую худую фигуру, завернутую въ плащъ въ родѣ испанскаго, и въ военной, надвинутой на глаза шляпѣ. Онъ будто ждалъ кого-то. Только что я миновалъ его, онъ вышелъ и пошелъ около меня съ лѣвой стороны, не говоря ни слова. Я не могъ разглядѣть ни одной черты его лица. Мнѣ казалось что ноги его, ступая на плиты тротуара, производили странный звукъ, точно будто камень ударялся о камень. Я былъ изумленъ, и охватившее меня чувство стало еще сильнѣе когда я ощутилъ ледяной холодъ въ моемъ лѣвомъ боку, со стороны незнакомаго. Я вздрогнулъ и, обратясь къ Куракину, сказалъ:

„— Судьба послала намъ страшнаго слутника.

„— Какого слутника? спросилъ Куракинъ.

„— Господина идущаго у меня слѣва, котораго, кажется, можно замѣтить уже по шуму имъ производимому.

„Куракинъ въ изумленіи раскрылъ глаза и возразилъ что у меня съ лѣвой стороны никого нѣтъ.

„— Какъ? Ты не видишь этого человѣка между мною и домовою стѣной?

„— Вы идете возлѣ самой стѣны, и физически невозможно чтобы кто-нибудь былъ между вами и ею.

„Я протянулъ руку и оцупалъ камень. Но все-таки незнакомаго былъ тутъ, и шелъ со мною шагъ въ шагъ, и звуки

его шаговъ, какъ удары молота, раздавались по тротуару. Я посмотрѣлъ на него внимательнѣе прежняго, и подъ его шляпой блеснули такіе бѣстѣящіе глаза, какихъ я не видалъ никогда ни прежде, ни послѣ. Они смотрѣли прямо на меня и производили во мнѣ какое-то чарующее дѣйствіе.

„— Ахъ, сказалъ я Куракину,—я не могу передать тебѣ что я чувствую, но только во мнѣ происходитъ что-то особенное.

„Я дрожалъ не отъ страха, но отъ холода. Я чувствовалъ, какъ что-то особенное проникало всѣ мои члены, и мнѣ казалось что кровь замерзала въ моихъ жилахъ. Вдругъ изъ-подъ плаща, закрывавшаго ротъ таинственнаго слугаика, раздавался глухой и грустный голосъ:

„— Павелъ!

„Я былъ во власти какой-то невѣдомой силы и машинально отвѣчалъ:

„— Чтѣ вамъ нужно?

„— Павелъ! сказалъ опять голосъ, на этотъ разъ впрочемъ какъ-то сочувственно, но съ еще большимъ оттѣнкомъ грусти. Я не могъ сказать ни слова. Голосъ снова назвалъ меня по имени, и незнакомецъ остановился. Я чувствовалъ какую-то внутреннюю потребность сдѣлать то же.

„— Павелъ! бѣдный Павелъ! бѣдный князь!

„Я обратился къ Куракину, который также остановился.

„— Слышишь? спросилъ я его.

„— Ничего не слышу, отвѣчалъ тотъ;—рѣшительно ничего.

„Что касается до меня, то этотъ голосъ и до сихъ поръ еще раздается въ моихъ ушахъ. Я сдѣлалъ отчаянное усиліе надъ собою и спросилъ незнакомца, кто онъ и чтѣ ему нужно?

„— Кто я? Бѣдный Павелъ! Я тотъ кто принимаетъ участіе въ твоей судьбѣ, и кто хочетъ чтобы ты не особенно привязывался къ этому міру, потому что ты не долго останешься въ немъ. Живи по законамъ справедливости, и ковецъ твой будетъ слокоенъ. Бойся укора совѣсти: для благодарной души нѣтъ болѣе чувствительнаго наказанія.

„Онъ пошелъ снова, глядя на меня все тѣмъ же провидѣтельнымъ взоромъ. И если я прежде остановился когда остановился онъ, такъ и теперь я почувствовалъ необходимость пойти, потому только что пошелъ онъ. Онъ не говорилъ, и я не чувствовалъ особеннаго желанія обратиться къ нему съ рѣчью. Я шелъ за нимъ, потому что онъ теперь направлялъ меня. Это продолжалось болѣе часа. Гдѣ мы шли, я не зналъ....

„Наконецъ мы пришли къ большой площади, между мостомъ черезъ Неву и зданіемъ Сената. Онъ пошелъ прямо къ одному какъ бы заранѣе отмѣченному мѣсту площади, гдѣ въ то время воздвигался монументъ Петру Великому; а конечно слѣдовалъ за нимъ, и затѣмъ остановился.

„— Прощай, Павелъ! сказалъ онъ.—Ты еще увидишь меня олять, здѣсь и кой-гдѣ еще.

„При этомъ шляла его подаялась какъ бы сама собой и газамъ моимъ представился орлиный взоръ, смуглый лобъ и строгая улыбка моего прадѣда Петра Великаго. Когда я пришелъ въ себя отъ страха и удивленія, его уже не было предо мною....“

„5 ноября 1796 года цесаревичъ обѣдалъ на гатчинской меньшицѣ, въ пяти верстахъ отъ дворца. Предъ обѣдомъ, когда собрались дежурные и прочія особы составлявшіе гатчинское общество, великій князь и великая княгиня разказывали Плещееву, Куселеву, графу Віельгорскому и Бибикову случившееся съ ними тою ночью. Наслѣдникъ чувствовалъ во снѣ что нѣкая невидимая и сверхъестественная сила возносила его къ небу. Онъ часто отъ этого просыпался, потомъ засыпалъ и олять былъ разбужаемъ повтореніемъ того же самаго свидѣнія; наконецъ, примѣтивъ что великая княгиня не лочивала, сообщилъ ей о своемъ свидѣніи, и узналъ, ко взаимному ихъ удивленію, что и она то же самое видѣла во снѣ и тѣмъ же самымъ нѣскольکو разъ была разбужена.

„По окончаніи обѣда, когда наслѣдникъ со свитой возвращался въ Гатчину, прискакалъ къ нему на встрѣчу одинъ изъ его гусаровъ съ донесеніемъ что пріѣхалъ въ Гатчину шталмейстеръ графъ Зубовъ съ какимъ-то весьма важнымъ извѣстіемъ. Не разлышавъ доклада, цесаревичъ переспросилъ, много ли пріѣхало Зубовыхъ и получивъ въ отвѣтъ что только одинъ, перекрестился и сказалъ „ну, съ однимъ можно справиться“, приказалъ ѣхать скорѣе.

„Извѣстіе привезенное графомъ Зубовымъ было дѣйствительно весьма важно. Утромъ того же дня была лоражена алоплексическимъ ударомъ императрица Екатерина великая.“

Къ книгѣ приложены портреты цесаревича и двухъ его супругъ, великихъ княгинь Маріи Ѳеодоровны и Натальи Алексѣевны.

II.

Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Томъ VII 1855—1877. Изданіе графа С. Д. Шереметева, С.-Петербургъ 1882.

Въ этомъ новомъ томѣ прекраснаго изданія графа С. Д. Шереметева помѣщено сорокъ прозаическихъ статей. Это привѣтственныя рѣчи, мысли о потребностяхъ просвѣщенія, мнѣнія о цензурѣ, о Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія и его задачахъ, замѣтки о быломъ, замѣтки о современныхъ событіяхъ съ точки зрѣнія опыта и преданій другаго вѣка. Въ этомъ томѣ *Асмодей Арзамасъ* остаальной изъ лебедей эпохи Александра I встрѣчается съ новымъ временемъ, съ „новыми словами, новыми вѣяніями“. Въ статьяхъ гдѣ возбудились живыя воспоминанія на темы выдвинутыя новыми событіями князь П. А. Вяземскій подарилъ насъ драгоценною лѣтописью. Рядъ личностей проходитъ предъ нами подъ искуснымъ перомъ того ктѣ былъ такъ близокъ съ ними, кто зналъ ихъ безъ посредства чуждыхъ воззрѣній, кто пережилъ самыя свѣжія впечатлѣнія ихъ дѣятельности. Императоръ Александръ I, Карамзинъ, Дмитріевъ, Мицкевичъ, очерчены нашимъ авторомъ художественно. Особенно полна характеристика Дмитріева. Далѣе Сперанскій, Аракчеевъ, Озеровъ, Баратынскій очень талантливо и своеобразно, хотя иногда мимоходомъ, отмѣчены нашимъ писателемъ. Издавна Арзамасцы, имѣя во главѣ Жуковскаго, признали въ Вяземскомъ способность *описки точностью дивитъ воображенью*. Но вслѣдъ за старыми знаками выступаютъ и новые. Кто, до сообщеній князя Вяземскаго, зналъ графа Алексѣя Алексѣвича Бобринскаго? Статья о немъ поучительна по содержанію и вмѣстѣ съ тѣмъ она образецъ біографическаго очерка. Почти то же можно сказать о своеобразномъ князѣ Козловскомъ, этомъ художественномъ образѣ который князь Вяземскій выхватываетъ изъ жизни и представляетъ съ такою силой и талантомъ что читателю онъ какъ бы становится близкимъ знакомцемъ. Не говоримъ о цѣломъ рядѣ Москвичей въ статьѣ: *Дополнительная Москва*, и о многихъ другихъ лицахъ которыя какъ бы

случайно входят въ воспоминаванія маститаго писателя. Интересъ этихъ воспоминаній самый живой, даже помимо таланта и остроумія самого автора. Въ другихъ статьяхъ гдѣ дѣло идетъ о современныхъ намъ событіяхъ и литературныхъ явленіяхъ, князь Петръ Андреевичъ интересенъ самъ по себѣ. Одаренный острымъ, пронацательнымъ умомъ, передовой дѣятель своего времени, онъ встрѣчается съ новизной. Все что говоритъ онъ интересно потому что говоритъ это онъ съ присущею ему цѣлостностью и самостоятельностью. Прежде чѣмъ перейти къ статьямъ отзывающимся на духъ нашего времени скажемъ вѣсколько о трехъ этюдахъ несомнѣнныхъ повѣстическихъ достоинствъ. Ихъ словно писалъ авторъ открытія Александровской колонны. Онѣ должны войти въ книги для чтенія какъ образцовыя по слогу и возвышенному содержанию. Первая изъ нихъ, написанная въ день полугодовой юбилея императора Николая, передаетъ въ подробности и во всей оцѣнѣ чувства лучшихъ русскихъ людей во дни когда Севастополь, путемъ невозможныхъ испытаний, становилась „народною святыней Русской земли“. Вторая изъ упомянутыхъ статей переноситъ читателя въ горы Таунуса, гдѣ на одномъ, самомъ видномъ холмѣ Висбадена господствуетъ надъ окрестностями православная пятиглавая церковь. Нашъ авторъ описываетъ и самую церковь, и обрядъ освященія, и перенесеніе туда праха Великой Княгини Елизаветы Михайловны. Авторъ художественно изобразилъ впечатлѣнія роднаго богослуженія на чужбинѣ и превосходно говоритъ о значеніи нашего церковнаго языка и молитвеннаго лѣнія. „Вилла Бермонъ“, гдѣ скончался Цесаревичъ Николай Александровичъ, это въ своемъ родѣ въ прозѣ написанная прекрасная элегія.

Князь Петръ Андреевичъ, какъ извѣстно, въ началѣ царствованія Императора Александра II былъ товарищемъ министра Народнаго Просвѣщенія и принималъ участіе въ главномъ управленіи по дѣламъ печати. Въ вѣсколькихъ статьяхъ бесѣдуетъ онъ и о министерствѣ этомъ и о цензурѣ. „Министерству Просвѣщенія, говоритъ онъ, суждено бороться съ трудностями которыя въ другихъ министерствахъ не встрѣчаются. Въ самомъ наименованіи его есть уже задача не легко разрѣшимая. Всѣ другія министерства имѣютъ свой кругъ дѣйствія и способовъ опредѣленный, положительный. Въ семъ министерствѣ все болѣе или менѣе условно и умозрительно...

„При одномъ наименованіи народнаго просвѣщенія возбуждаются многіе вопросы: что такое просвѣщеніе? Какъ понимать его? Какъ примѣнить? До какой степени примѣнять? Въ какихъ границахъ? Кому? Здѣсь уже въ виду не ясныя поватія, неразлучныя съ Министерствомъ Юстиціи, Финансовъ или Путей Сообщенія.“ Характеризуя сбитыя поватія о просвѣщеніи, князь Ваземскій прибавляетъ: „Для многихъ еще не рѣшенъ вопросъ: можно ли дать грамоту каждому человѣку? или иначе, можно ли дать каждому крестьянину средство читать молитвы, катехизисъ, Ветхій и Новый Заветъ и не грѣшно ли лишать его этой способности? Споры объ этомъ идутъ не только между ревнителями свѣта и идолопоклонниками тьмы, но и между противниками равно благонамѣренными и добросовѣстными, и не только у насъ, но даже и въ странахъ гдѣ образованность и просвѣщеніе считаются вѣками.“ Сознывая что задача просвѣщенія рѣшается не безъ затрудненія, князь Ваземскій смѣло и твердо высказывается въ пользу грамотности. „Пора спокойнаго и душевнеспасительнаго невѣдѣнія, говоритъ онъ, миновала. Новая поколѣнія, даже и оставшіяся безграмотными, вкусили хотя и бессознательно плодовъ древа познанья. Нынѣ нашъ безграмотный крестьянинъ уже не то что безграмотный предокъ его. Онъ окруженъ живою, неотразимою грамотой, которая, если и не просвѣщаетъ, то волнуетъ и увлекаетъ его. Современный крестьянинъ работаетъ на заводахъ и фабрикахъ, которые приводятся въ движеніе парами и машинами. Онъ переезжаетъ всѣ рѣки на пароходахъ, онъ переносится изъ мѣста въ мѣсто по желѣзной дорогѣ. Если онъ занимается торговлей, онъ можетъ-быть не разъ отправлялъ заказы по телеграфу. Грамота, ученье въ нашъ вѣкъ уже не дѣло частное, домашнее, келейное и не дѣло книжное. Грамота преподается на открытомъ воздухѣ.“

Не безусловный и не слѣпой поклонникъ успѣховъ современнаго просвѣщенія, забывающаго часто (по его же словамъ) выраженіе: не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, нашъ авторъ тѣмъ не менѣе понимаетъ это время; „что было возможно и хорошо въ старое время, нынѣ неудобно и недостаточно. Нужно и тутъ благоразуміе и умѣренность, но одного отрицательнаго солпротивленія недостаточно“. Если къ этому присоединить замѣчательныя изреченія князя Ваземскаго о невѣжественномъ многознаніи не только грамотѣевъ,

во и писателей и государственных дѣятелей, то мысль его о задачахъ образованія становится цѣльною и ясною. Въ статьѣ о Сперанскомъ онъ говоритъ: „Только у насъ, думаю, существуетъ или по крайней мѣрѣ принимается въ томъ значеніи выраженіе: человекъ *на все способный*, которое еще переводится у насъ выраженіемъ человекъ гениальный. Людей на все способныхъ много, а человека способнаго именно на такое-то дѣло и на такое-то мѣсто трудно найти; дѣло мастера боится, а мастеровъ-то у насъ именно и вѣтъ“ (стр. 78).

Въ другой статьѣ („Современныя темы или канва для журнальныхъ статей“) читаемъ слѣдующія знаменательныя строки: „Надобно и къ Нѣмцамъ быть справедливымъ. Если есть договорка: что Русскому здорово, то Нѣмцу смерть,— нельзя ли въ нѣкоторомъ отношеніи передѣлать ее и такъ: что Нѣмцу здорово, то Русскому смерть. Всмотритесь, вчитайтесь со вниманіемъ въ одни заглавія книгъ и многого что у насъ пишется и печатается на потребление почтеннѣйшей публики. Отъ однихъ заглавій зарыбить въ глазахъ и повѣтияхъ, голову опеломить... Точно русскіе читатели баснословныя кентавры, точно хотятъ, ставя гору на гору, облегчить имъ путь чтобы прямо залѣзть на небеса и взять ихъ приступомъ! А большинству читателей нашихъ еще достаточно чтобы прокладывали имъ дорогу по ровнымъ мѣстамъ. Что же выходитъ изъ этого ученія? Школа взаимнаго вслomoществованія и обученія невѣжеству, ибо невѣжество не есть одно натуральное невѣдѣніе: *невѣжество есть и худое, превратное накопленіе стодѣтній худо набранныхъ, худо расположенныхъ* и въ одну кучку скомканыхъ, и это невѣжество горше перваго. Первое еще излѣчимо, второе—болѣзнь безнадежная. Въ первомъ случаѣ многого не знаешь, во второмъ знаешь криво и безтолково“.

Что касается Министерства Просвѣщенія, то оно, по замѣчанію князя Вяземскаго, находится и къ обществу, и къ другимъ министерствамъ въ странномъ положеніи. У общества оно въ сильномъ подозрѣніи, у другихъ министерствъ подъ олекой. Экономическія сокращенія всего охотѣе ладаютъ на него. Эту неумѣстную экономію авторъ сравниваетъ съ экономіей на посѣвъ въ хозяйствѣ. Рядъ мыслей о цензурѣ встрѣчаемъ мы въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ статьяхъ объ этомъ предметѣ. Въ одной изъ нихъ, князь Вяземскій беретъ подъ свою защиту „ученіе Москвичей локлон-

никовъ Руси въ ея самобытности и славянскихъ увлеченій“. Защита эта состоитъ впрочемъ только въ признаніи политической безвредности славянофиловъ. Самого ученія этой школы князь Вяземскій не касается. Ему достаточно вспомнить происхожденіе названія славянофиловъ; онъ какъ и другіе молодые литераторы Карамзинской школы лѣтъ за сорокъ предъ симъ прозвали такъ въ шутку Шшкова и его школу.

По своему положенію, князь Вяземскій могъ имѣть вліяніе на строгость цензуры. Но онъ остался вѣрнѣе себя и перенесъ въ жизнь Пушкинское воззрѣніе на цензуру. Движеніе въ литературѣ первыхъ лѣтъ царствованія Императора Александра Николаевича маститый писатель встрѣтилъ безъ неприязни, съ нѣкоторымъ благодушіемъ, но безъ оцѣнки важности явленія, обнаружившейся потомъ, въ годы польской смуты. Такое явленіе какъ дѣятельность литературы по отношенію къ общественнымъ вопросамъ онъ не считалъ новымъ. Оно казалось, по его мнѣнію, такимъ потому что предъ тѣмъ были годы запрета и молчанія. И прежде писатели подавали голосъ въ живыхъ и общественныхъ вопросахъ, въ этомъ направленіи можно бы исчислить многія сочиненія и книги вышедшія въ царствованія Екатерины II, Павла I, Александра I и Николая I. Новое онъ подмѣчаетъ въ томъ что вопросы спеціальныя, напримѣръ, по части народной промышленности, торговли и статистики и другіе, относящіяся до преобразованій и усовершенствованій, входятъ въ литературу. Участію литературы въ такихъ вопросахъ князь Вяземскій даетъ полное свое одобреніе.

Обличительное направленіе новаго времени сравниваетъ онъ съ преслѣдованіемъ взяточничества, крѣпостворства и злоупотребленій помѣщичьей власти во времена Сумарокова, Фонвизина и Калвиста. Всѣ эти обличенія не въ силахъ были, по мнѣнію нашего автора, исправить недостатки, но ничего и вреднаго для власти и для порядковъ отъ нихъ не было. „Должно сказать всю правду: въ прежнія времена эти нападки были отдѣльными, временными; нынѣ онѣ приняли объемъ болѣе обширный, характеръ болѣе постоянный, систематическій. Можно бы это направленіе назвать *слѣдственнымъ* литературой. Литература обратилась въ какую-то *слѣдственную комиссію низшихъ инстанцій*, наши литераторы (напримѣръ, авторъ *Губертскихъ Очерковъ*) превратилась въ какихъ-

то литературных становых и следственных приставов. В литературном отношеніи я осуждаю это господствующее нынѣ направленіе; оно материализуетъ литературу, низводитъ авторство до какой-то механической фотографіи. Пошлость и латва скорѣе кидаются въ глаза; ихъ охватывать и описывать легче.

„Родись у насъ великое дарованіе какъ Жуковский или Пушкинъ, и въ литературѣ нашей откроются новые горизонты. Я сознаю что нынѣшнее направленіе неудовлетворительно, неутѣшительно, но опасно и вредно ли оно въ государственномъ и правительственномъ отношеніи? Рѣшительно не признаю того. Напротивъ, если такому направленію приписывать какую-нибудь относительную пользу, то, безъ сомнѣнія, правительству благоприятную“... (стр. 35). „Мы живемъ въ вѣкъ испытаний и великихъ событій. Литература не можетъ оставаться беззаботною посреди озабоченнаго общества. Севастопольскіе громы пробудили въ насъ новыя понятія, новыя стремленія, новую потребность въ навидательномъ самопознаніи“ (стр. 38).

Разрывъ молодаго поколѣнія со старымъ (припомнимъ стихотвореніа: „Сыны младаго поколѣнья“, „Нашъ міръ—имъ храмъ опустошенный“) и наше общественное легкомысліе одна изъ любимыхъ темъ князя Вяземскаго.

„Вотъ, говорилъ онъ, намекъ на наши отношенія къ будущему. Однажды видѣлъ я въ саду какъ садовникъ срывалъ вишни съ дерева. Я замѣтилъ ему что онъ срываетъ зеленую вишню. Ничего, отвѣчалъ онъ мнѣ, другая и спѣлая. Мы неспособны осаждать вопросъ по стратегическимъ правиламъ и порядку и выжидать чтобъ онъ сдѣлся. Мы все беремъ приступомъ. Удалось—хорошо! не удалось—мы къ вопросу ходимъ. Намъ равно противны и долгая память, и долгое желаніе. Отказывался отъ опытности которая слѣдуетъ за вчера, мы мало разчитываемъ и на содѣйствіе завтрашняго дня... Въ нашемъ частномъ и народномъ воспитаніи ошутительна важная погрѣшность, и именно все болѣе и болѣе послѣдовательный разрывъ съ прошедшимъ какъ оно какъ будто въ тягость или въ стыдъ.“

Интересны страницы о самоубійствахъ, ставшихъ чуть не вседневнымъ дѣломъ (стр. 301—305). Похваливъ автора написавшаго вѣсколько сильныхъ, благородныхъ, правдивыхъ, теплыхъ строкъ противъ этой воспалительной и возвратной

болѣзни, князь Вяземскій приглашаетъ литературу выдвинуть всю овою тяжелую артиллерию противъ страшнаго недуга времени.

Есть нѣсколько интересныхъ мыслей и о *либерализмѣ*. „Графъ Бобринскій былъ либераль, въ лучшемъ и возвышеннѣйшемъ значеніи этого слова. Либерализмъ его былъ не чисто политическій, который можно легко позаимствовать, брать на прокатъ и усваивать себѣ изъ памфлетовъ и газетъ. Либерализмъ его заключался въ природяенномъ чувствѣ, во внутреннемъ никогда не развлекаемомъ и ничѣмъ не соблазнаемомъ служеніи вѣчнымъ началамъ любви человѣческой, законности, правосудности и правотѣря, которое не имѣетъ двухъ вѣсовъ и двухъ мѣръ, смотря потому какъ приходится судить, направо, или налѣво. Есть либерализмъ, есть свободолюбіе не чуждое между тѣмъ и нетерпимости: оно, и послѣ положенія 19 февраля, еще хочетъ удержать за собой помѣщичье крѣпостное право надъ чужою мыслью и надъ чужимъ мнѣніемъ“ (стр. 219).

Въ прямой связи съ этимъ взглядомъ слова князя Вяземскаго о Бѣлинскомъ. Онъ строго, даже желчно относится къ Бѣлинскому и въ статьѣ: „Каква для журнальныхъ статей“ приводитъ строки самого Бѣлинскаго, дающія, по его мнѣнію, ключъ ко многому. „Бѣлинскій, говоритъ князь Вяземскій, писалъ: „вотъ почему у насъ въ особенности награждается общимъ мнѣніемъ такъ-называемое либеральное „направленіе даже и при бѣдности таланта.“ Именно такъ! Будь такъ-называемый либераль, хотя бы въ самомъ узкомъ и тупомъ значеніи этого выраженія, будь притомъ и *бѣденъ талантомъ*, все равно, ты будешь награжденъ, если не *общимъ мнѣніемъ*, это уже черезчуръ завоевательно, но все же мнѣніемъ и суетвѣріемъ уязданныхъ поклонниковъ либеральнаго Хлестакова. Бѣлинскій вышелприведенными строками вѣрно опредѣлялъ и себя, и своихъ доморощенныхъ послѣдователей. Лучше этого ничего придумать нельзя. Бѣденъ талантомъ, но такъ-называемый либераль, вотъ несомнѣнныя примѣты многихъ изъ нашихъ борзолисцевъ“ (стр. 280).

Нельзя тутъ не припомнить двухъ строфъ изъ стихотворенія князя Вяземскаго:

Смѣшенъ и жалокъ не Бѣлинскій
Да и къ тому жь покойникъ онъ...

Но къ удивленью вдругъ онь ожилъ,
 Иль имъ поднятый пустозвонъ,
 И мертвый онь себя помножилъ
 На замогильный легионъ.
 Не въ хладный гробъ, въ кошунствѣ дикомъ,
 Пришла охота намъ стрѣлать,—
 А въ птицъ ночныхъ, засѣвшихъ съ крикомъ
 На гробъ тризну совершать.

Наиболѣе существенную часть VII тома составляютъ статьи въ которыхъ князь П. А. Вяземскій отдается воспоминаніямъ. Поводомъ къ этимъ статьямъ послужили вновь вышедшія книги. Такъ появившіяся въ печати къ столѣтнему юбилею Карамзина письма его къ Дмитріеву дали толчекъ живой струѣ воспоминаній князя Вяземскаго. Романъ *Война и Миръ* вызвалъ воспоминанія о Двѣнадцатомъ Годѣ; книга Зенфта заставила заговорить объ императорѣ Александрѣ I.

Карамзинъ какъ человекъ изображенъ княземъ Вяземскимъ художественно, и читатель вполне подкупленъ обаяніемъ этой цѣльной натуры. Нашъ авторъ справедливо замѣчаетъ что сношенія Карамзина съ императоромъ принадлежать русской исторіи, и поэтому останавливается на этихъ отношеніяхъ со свойственнымъ ему тактомъ и прямою. Въ дружеской перепискѣ кого бы то ни было князь Вяземскій видитъ особое достоинство: это не тронутую семейную жизнь, которая еще теплится въ остывшихъ чернилахъ. „Письма, говоритъ онь, любознательно и поучительно перечитывать и слѣдить по нимъ за ходомъ успѣховъ писателя.“ Юбилейная тризна Карамзина была бы не полна еслибы къ ней не прикнулъ Дмитріевъ. „Почти одновременно вступили Карамзинъ и Дмитріевъ на поприще словесности и долго пользовались нераздѣльно, какъ будто братскою славой: трогательная, неизмѣнная, можно бы сказать безпримѣрная дружба сблизила и сроднила ихъ.“ И князь Вяземскій, вслѣдъ за статьей о Карамзинѣ, даритъ намъ Дмитріева. Такого богатаго источника о личности Дмитріева наша исторія литературы еще не имѣла.

Романъ *Война и Миръ* возмутилъ князя Вяземскаго не какъ романъ, а какъ исторія. Какъ противовѣсъ тому что онь считаетъ вымышленнымъ и каррикатурнымъ, князь Вяземскій представляетъ на судъ читателя свои личныя воспоминанія о Двѣнадцатомъ Годѣ. Но выходитъ такъ что увлекшись

описаніемъ Бородинской битвы, по личнымъ воспоминаніямъ князя, читатель невольно переносится къ юнымъ героямъ *Войны и Мира* и дивится тому какъ художникъ былъ близокъ къ правдѣ. Что же касается стариковъ того времени, то князь Вяземскій находитъ ихъ у графа Толстаго умышленно каррикатурными. „Наша новѣйшая литература, говорить ояъ, *все низводитъ, все сплюсциваетъ, суживаетъ...* Предъ вами жизнь со всіми своими таинствами, глубокими пропастями, свѣтлыми высотами, со своими назидательными уроками... А вы изо всего этого выкраиваете однихъ Бобчинскихъ, Добчинскихъ и Лялкиныхъ-Тялкиныхъ. Къ чему такое недоверіе къ себѣ, къ своимъ силамъ, къ своему дарованію? Воля ваша, нельзя описывать историческіе дни Москвы, какъ Грибоѣдовъ описалъ въ комедіи ея ежедневную жизнь. Да и въ самой комедіи есть заматки каррикатуры. Могли быть Фамусовы и въ Москвѣ 1812 года, но были и не одни Фамусовы.“

Залиски графа Зенфта дали поводъ князю Вяземскому говорить о царствованіи Александра, о всѣхъ его увлеченіяхъ и дѣйствіяхъ, говорить *en connaissance de cause*, обдуманно, многосторонне. Это живыя воспоминанія, въ которыхъ князь Вяземскій сообщаетъ столько интереснаго о первыхъ друзьяхъ Александра, о Калодистріи, о Сперанскомъ, объ Аракчеевѣ, заслужившемъ особой статьи. Это не только матеріалъ, но реализованный капиталъ для будущаго историка царствованія Александра I.

Б.

III.

Вредныя насѣкомыя. Сочиненіе Федора Келлена. Томы I и II. Специальная часть. 1. Прямокрылыя, жуки и перепончатокрылыя. С.-Петербург. 1882. 8.

Громадный вредъ наносимый сельскому хозяйству нѣкоторыми видами насѣкомыхъ конечно извѣстенъ каждому, но не каждому знакомы новѣйшія, довольно многочисленныя научныя изслѣдованія по этому предмету, а также тѣ мѣры которыя выработаны наукой для истребленія вредныхъ насѣкомыхъ. Обобщать какъ то такъ и другое критически, съ знаніемъ дѣла отнестись какъ къ выводамъ ученыхъ

энтомологовъ такъ и къ практическимъ приѣмамъ сельскихъ хозяевъ, конечно, задача не легкая, но тѣмъ не менѣе она прекрасно исполнена въ книгѣ г. Келлена, второй томъ которой появилась въ самомъ недавнемъ времени.

Въ этомъ томѣ нашъ ученый энтомологъ занялся разсмотрѣніемъ трехъ отрядовъ насѣкомыхъ: прямокрылыхъ (Orthoptera); жуковъ или жесткокрылыхъ (Coleoptera) и перелючатокрылыхъ (Hymenoptera). Въ массѣ вредныхъ представителей этихъ отрядовъ, конечно, главное мѣсто по худшечеству занимаютъ два бича нашего юга—саранча и хлѣбный жучекъ, такъ-называемый кузька, на которыхъ авторъ и обратилъ достоюдолжное вниманіе, рассмотрѣвъ ихъ подробно, всесторонне. Особенно, по его словамъ, грозитъ разореніемъ нашему южному сельскому хозяйству саранча, все болѣе и болѣе увеличивающая районъ своего распространенія. Последнее обстоятельство замѣчается лишь съ пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ настоящаго столѣтія; такъ, въ 1859 году, изъ Бессарабской области и Херсонской губерніи, гдѣ уже и прежде свирѣпствовала саранча, она перешла въ южные уѣзды Кіевской губерніи и заняла всю Подольскую губернію. Въ 1860 она распространилась по всей Кіевской губерніи, а отсюда перелетѣла въ Черниговскую губернію, а также въ Волывскую; потомъ черезъ Галицію она проникла въ Царство Польское и показала даже въ виду Варшавы. Въ 1861 году, изъ Черниговской губерніи саранча перелетѣла въ Сѣвскій уѣздъ Орловской, и появилась даже въ южной части Могилевской губерніи, въ окрестностяхъ Гомеля, а въ концѣ августа долетѣла даже до Сувалокъ. Что же касается опустошеній причиненныхъ въ эти годы саранчей, то они достигли громадной цифры. Такъ въ 1860 году въ Херсонской губерніи изъ всего количества посѣвовъ было истреблено: въ Аваньевскомъ уѣздѣ около 14⁰/₁₀₀, въ Одесскомъ болѣе 20⁰/₁₀₀, въ Тираспольскомъ даже до 63⁰/₁₀₀, то-есть почти двѣ трети. Вредъ причиненный саранчей въ 1859 году въ однихъ нашихъ южныхъ губерніяхъ превышалъ милліонъ рублей, и потому неудивительно что правительство и частныя лица начали напрягать всѣ усилія чтобы побороть этого страшнаго врага всякаго урожая и придумывать для этой цѣли всевозможныя средства. Къ сожалѣнію, эти средства, какъ категорически заявляетъ г. Келленъ, мало способствуютъ какъ къ истребленію личекъ такъ и лѣвшей саранчи; что же касается

окрыленной саранчи, то она оказывается вѣдъ всякаго преслѣдованія и употребленія. Борьба съ саранчей, говоритъ авторъ, тогда только окажется дѣйствительно успѣвшею когда значительно увеличится населеніе нашего юга и когда разовьется у насъ болѣе чѣмъ нынѣ духъ общественности. Борьба же противъ саранчи при нынѣшнихъ хозяйственныхъ условіяхъ южной Россіи, по его словамъ, относится къ области невозможнаго по громадности пространствъ занятыхъ хищнымъ насѣкомымъ и по недостатку рабочихъ рукъ.

Дѣятельнымъ сотрудникомъ саранчи по части истребленія посѣвовъ является также жучекъ-кузька (*Anisoplia Austriaca*), сѣверною границей распространенія котораго можно принять южную Волынь, сѣверную часть Киевской губерніи, юго-западный уголъ Черниговской губерніи и южныя окраины губерній Курской и Воронежской. Хищность кузьки достигаетъ изумительной степени; такъ, по свидѣтельству профессора Линдемана, каждый такой жучекъ въ теченіе дня съѣдаетъ по шести зеренъ ржи или пшевицы. Но такъ какъ каждый жукъ живетъ около 30 дней, то онъ въ теченіе своей жизни уничтожаетъ около 180 зеренъ или девять колосьевъ, принимая по 20 зеренъ въ колосѣ. Слѣдовательно, если одинъ жукъ въ данномъ полѣ приходится на девять колосьевъ, то въ теченіе мѣсяца должны погибнуть всѣ зерна на этомъ полѣ. И дѣйствительно, по словамъ г. Келлена, кузька появляется иногда въ ужасныхъ массахъ, и тогда поле, по мѣткому выраженію крестьянъ, кажется какъ бы обтянутымъ бурнымъ сукномъ. Тогда уже отъ кузьки нѣтъ лошады. Такъ, по официальнымъ свидѣніямъ, убытокъ причиненный кузькой въ одномъ Бердявскомъ уѣздѣ, Таврической губерніи, оцѣненъ въ сумму свыше 920.000 рублей. Къ сожалѣнію, средство борьбы противъ кузьки остается одно и то же: протягивать канаты по полю наравнѣ съ колосьями и стогать его къ своему сосѣду. Что же касается надѣлавшаго много въ свое время шуму способа профессора Мечникова, состоящаго въ отравленіи личинокъ съ помощью грибка особаго рода болѣзнію, которая быстро ихъ умерщвляетъ, то этотъ способъ удавался лишь въ лабораторіяхъ и никогда еще не примѣнялся въ полѣ и потому составляетъ пока непрактическую гипотезу.

Кромѣ упомянутыхъ нами вредныхъ насѣкомыхъ, саранчи и кузьки, въ книгѣ г. Келлена описано множество разныхъ осъ, жучковъ, стрекозъ и другихъ мелкихъ хищниковъ

вредящих нашему сельскому и лесному хозяйству. Каждый такой хищник имѣетъ свою ловую, обстоятельную характеристику и тутъ же указываются средства для его своевременнаго истребленія. Вообще книга г. Беллена имѣетъ большую цѣнность какъ для энтомолога, такъ и для любознательнаго сельскаго хозяина.

Б.

IV.

L'art de la lecture, par Ernest Legouvé, de l'Académie Française.

La lecture en action, par Ernest Legouvé, de l'Académie Française.

Не часто попадаются книги такъ дѣльно, умно, искренно и живо написанныя. Рѣчь идетъ о вопросѣ педагогическомъ ускользающемъ часто отъ вниманія даже записныхъ педагоговъ, но и человѣкъ вовсе не интересующійся педагогіей прочтетъ эти книги, въ особенности первую, съ такимъ же интересомъ какъ талантливую повѣсть, какъ любопытныя автобиографическія записки. Съ необыкновеннымъ умѣньемъ уясняетъ, доказываетъ французскій академикъ свои теоретическія положенія примѣрами взятыми изъ жизни, изъ опыта собственнаго и чужаго, и увлекая читателя исчерпываетъ до основанія вопросъ.

Вопросъ этотъ, правда, второстепенный, какъ говорить въ началѣ книги самъ авторъ, но не лишennyй однако великой важности. Умѣнье читать вслухъ не служитъ только при случаѣ для пріятнаго препровожденія времени; оно есть признакъ умственнаго и эстетическаго развитія, оно идетъ съ нимъ наряду, рука объ руку, если можно такъ выразиться: развиваясь мы научаемся читать вслухъ, учась читать вслухъ мы развиваемся. Достоинство чтенія вслухъ, цѣль его состоитъ въ томъ чтобы голосомъ то повышая, то понижая его, разнообразя звуки и ударенія, то ускоряя, то замедляя произношеніе, то останавливаясь, то скользя, такъ-сказать, надъ словами, вѣрно и вполнѣ передать весь смыслъ, все содержаніе, всю силу читаемаго, выразить все что хотѣлъ сказать авторъ, все что вложилъ онъ въ свое произведеніе, всѣ тонкости мысли, всѣ отбѣнки чувства, чтобы произведеніе это явилось предъ слушателемъ со всѣми своими красотами или, напротивъ, со всѣми своими недостатками. Для этого читающій вслухъ долженъ, очевидно,

самъ глубоко понять, живо прочувствовать всѣ эти красоты или недостатки. Чтеніе вслухъ служить стало-быть, съ одной стороны, лучшимъ, наиболее живымъ истолкованіемъ литературнаго произведенія, съ другой—лучшимъ способомъ для изученія его. „Никогда, говоритъ Легуве, читая про себя не поймемъ, не замѣтимъ мы всего что откроется намъ при чтеніи вслухъ.“ Но понимать читаемое недостаточно: нужно еще умѣть передать слушателю все что самъ понимаешь, выразить голосомъ все что самъ находишь въ литературномъ произведеніи. Умѣніе это дается не легко. Чтеніе вслухъ есть искусство; для него какъ для всякаго другаго существуютъ извѣстныя правила, требуется извѣстная техника, и эти правила, эту технику можно усвоить не иначе какъ долгимъ упражненіемъ, терпѣливымъ, настойчивымъ трудомъ.

„Такъ ли это дѣйствительно?“ спрашиваетъ Легуве въ началѣ своей книги. „Можетъ ли въ самомъ дѣлѣ чтеніе вслухъ считаться искусствомъ? Многие въ этомъ сомнѣваются, нѣкоторые прямо отвѣчаютъ отрицательно. Что до меня касается, тридцатилѣтнимъ изученіемъ, многократными опытами я убѣдился что это искусство, настолько же трудное насколько существенное, настолько же полезное насколько трудное... Какъ драматическій авторъ я находился въ частыхъ сношеніяхъ съ тѣмъ разрядомъ художниковъ для которыхъ умѣніе хорошо, выразительно произносить есть первое условіе успѣха, съ художниками сцены. Благодаря имъ произведеніямъ я видѣлъ за работой знаменитѣйшихъ трагиковъ и комиковъ нашего времени; я ихъ разспрашивалъ, изучалъ, я работалъ съ ними. Тутъ я увидѣлъ на дѣлѣ сколько требуется упражненія, сколько времени и усилій чтобы научиться владѣть голосомъ. Они показали мнѣ какими расчетами, какими соображеніями, съ помощью какихъ познаний добывается извѣстная интонація, отыскивается извѣстное удареніе. Наконецъ, мнѣ довелось дѣлать трудъ съ тремя славнѣйшими артистками явившимися на сценѣ въ послѣднее сорокалѣтіе, съ гжами Марсъ, Рашель и Ристори. *Луиза Лимьероль*, моя первая драма, и предпослѣдняя роль въ какой выступила гжа Марсъ, потребовала не менѣе шестидесяти восьми релетицій... Тутъ я имѣлъ случай сдѣлать весьма поучительное наблюденіе. Однажды гжа Марсъ пріѣхала на релетицію немного утомленная, немного разсѣянная, не расположенная отдаться вполнѣ своей роли. Начинаютъ второе

дѣйствиѣ. Доходить до сцены требующей много эмергіи. Она провела эту сцену въ полголоса, почти не дѣлая движеній, и однако всѣ эффекты, всѣ тонкости, всѣ отбѣики чувства были выражены осязательно. Впечатлѣніе получалось такое какъ будто отойдя подальше смотришь на картину, какъ будто слушаешь музыку на значительномъ разстояніи; словно предъ вами старая живопись, нѣсколько поблѣдѣвшая отъ времени, но гдѣ каждый тонъ сохраняетъ свой характеръ, каждая черта свою вѣрность, словомъ, гдѣ полнота цѣлаго ничѣмъ не нарушается. Этотъ случай открылъ мнѣ глаза. Я понялъ что искусство дикціи опирается на прочныя основанія, такъ какъ великая артистка можетъ обезцвѣтить, такъ-сказать, изображаемое лицо, не лишая его ни значенія, ни вѣрности, ни жизни.“

Эти основанія, правила для чтенія вслухъ, добытыя тщательнымъ изученіемъ, внимательными наблюденіями, долгимъ опытомъ, Дегуве излагаетъ подробно и послѣдовательно подкрѣпляя и уясняя ихъ разительными примѣрами. „Голосъ нашъ, говоритъ онъ, есть инструментъ подобный фортепіано. Въ немъ двѣ октавы, какъ въ фортепіано ихъ шесть или семь съ половиной, и точно также низкія, среднія и высокія ноты. Какъ на фортепіано нельзя играть не выучившись, такъ не выучившись нельзя владѣть и голосомъ. Мало того. Фортепіано выходитъ изъ хорошей мастерской вполнѣ готовымъ, безъ недостатковъ, и издаетъ подъ руками артиста вполнѣ вѣрные, согласные звуки. Но голосъ—этотъ инструментъ данный намъ природою—большею частью далекъ отъ такого совершенства. Есть недостающія струны, дребезжащія ноты, фальшивые звуки, такъ что прежде чѣмъ стать артистомъ нужно сдѣлаться механикомъ: подправить, дополнить, настроить свой инструментъ.“

Три регистра нашего голоса: низкій, средній и высокій, равно необходимы въ искусствѣ чтенія; но пользоваться ими слѣдуетъ различно, потому что дѣйствиѣ и свойство ихъ весьма различны. Самый надежный, самый гибкій, самый естественный голосъ—средній... Этимъ голосомъ мы говоримъ обыкновенно. Имъ выражаются наиболѣе простыя, искреннія чувства. Низкія ноты дѣйствуютъ иногда весьма сильно, высокія ноты поражаютъ и потрясаютъ, но ими слѣдуетъ пользоваться только кстаті, въ исключительныхъ случаяхъ. Я готовъ сравнить высокія ноты съ кавалеріей въ арміи: она служить для

блестящихъ атакъ, для шумныхъ, удалыхъ натисковъ; низкія ноты уподобляются артиллеріи: ея дѣло наносить тяжкіе удары; во силу армии составляетъ пѣхота: на нее полководецъ всего болѣе разчитываетъ, ею лостоимно дѣйствуетъ. Пѣхота—это средній голосъ. Первое правило для чтенія вслухъ: читать преимущественно среднимъ голосомъ. Высокія ноты ненадежны; легко обрываются. Если вы слишкомъ долго будете играть на нихъ, онѣ сойдутся, станутъ крикливыми, фальшивыми, инструментъ разстроится и самый органъ голоса пострадаетъ. Иногда злоупотребленіе высокими нотами вліяетъ даже на мысль оратора. Известный адвокатъ Беррье разказывалъ мнѣ что онъ однажды проигралъ отлучное дѣло потому только что началъ рѣчь свою на слишкомъ высокіхъ нотахъ. Утомленіе горла передалось въ виски, отъ висковъ распространилось на мозгъ; болѣзненное напряженіе овладѣло умомъ, потому что голосъ былъ слишкомъ напряженъ, мысли спутались, и Беррье утратилъ часть своихъ способностей, потому что не догадался спустить голосъ свой съ неестественной высоты, на которую подвигалъ его въ началѣ. Злоупотребленіе низкими нотами не менѣе вредно: оно ведетъ къ однообразію, вноситъ что-то тусклое, глухое, тяжелое. Тальма въ молодости страдалъ этимъ недостаткомъ. Его голосъ, могучій и полный, чувства, былъ нѣсколько глухъ; только искусство пріобрѣтенное долгимъ трудомъ извлекло его изъ глубины на которую онъ по природѣ склоненъ былъ опускаться.

Вторая задача—научиться переводить духъ, дышать какъ слѣдуетъ. На первый взглядъ тутъ учиться нечему, искусство тутъ ни при чемъ. Мы дышемъ потому что живемъ вовсе о томъ не думая. Однако нельзя читать хорошо, не умѣя какъ слѣдуетъ переводить духъ, а чтобъ усвоить это умѣнье нужно учиться. Его весьма часто не достааетъ чтецамъ... Дѣло въ томъ что количества воздуха естественно вдыхаемаго и выдыхаемаго нами недостаточно для энергическаго произношенія. При чтеніи вслухъ приходится больше выдыхать его, то-есть больше тратить, а стало-быть необходимо и больше запасаться имъ, больше вдыхать. Иначе вы уподобитесь путнику отправившемуся въ пустыню съ недостаточнымъ запасомъ воды. Чтецъ долженъ прежде всего глубоко вдохнуть въ себя воздухъ, чтобъ хорошо наполнить легкія. Затѣмъ наступаетъ другое дѣйствіе, болѣе мудрое—дѣйствіе выдыханія, траты. Дурной чтецъ недостаточно

вдыхаетъ и слишкомъ много выдыхаетъ, то есть тратитъ свой капиталъ безъ толку и безъ мѣры. Онъ расточаетъ воздухъ, какъ мотъ расточаетъ деньги, расходуетъ его безъ нужды, вѣроятно того чтобы разумно имъ пользоваться; не умѣетъ беречь и щедро тратитъ въ разныхъ случаяхъ. Чтѣ же происходитъ отъ этого? То чтѣ мы видимъ ежедневно: чтѣ чтенцы и ораторы, такъ же какъ нѣкоторые пѣвцы и актеры, принуждены поминутно прибѣгать къ насосу, шумно, рѣзко вдыхать въ себя воздухъ, а это столько же неприятно для слушателей, сколько для нихъ самихъ.

Многіе даровитые, замѣчательные артисты страдали въ началѣ этимъ недостаткомъ. Тамма въ молодости игралъ Дидеротовскаго *Отца семейства*. Дойдя до извѣстнаго монолога, начинающагося словами: „Полторы тысячи дохода и моя София“, онъ увлекается, воодушевляется, кричитъ и уходитъ за кулисы, изнуренный, залыхавшійся; тамъ онъ прислаивается къ декорации едва перевода духъ.

„— Безтолковый ты человекъ, оказалъ ему Моле, глядя на него, а еще хочешь играть трагедію! Приходи завтра ко мнѣ: я научу тебя какъ выражать страсть не надрывая легкихъ.

„Тамма пришелъ къ нему; но оттого ли что у учителя не достало терпѣнія или оттого что ученикъ былъ не податливъ, урокъ принесъ не много пользы. Былъ тогда въ театрѣ актеръ по имени Дориваль, худой, тщедушный, со слабымъ голосомъ. Онъ не безъ успѣха исполнялъ трагическія роли. „Какъ это животное беретъ за дѣло?“ спрашивалъ себя Тамма. „Я въ десять разъ сильнѣе его, а онъ въ десять разъ меньше меня устаетъ. Поиду, спрошу у него его секретъ“.

„Дориваль выпроводилъ посетителя злобно униженнымъ отвѣтомъ, отъ котораго такъ и вѣло завистью:

„— Вы пользуетесь такимъ успѣхомъ, г. Тамма, вамъ нечему учиться у другихъ.

„Я же тебя заставляю научить меня“, оказалъ себѣ Тамма.

„И вотъ однажды, когда Дориваль игралъ Шатильона въ *Завѣрѣ*, молодой артистъ забирается—отгадайте, куда? Къ сифлеру въ будку, такъ чтобъ его не видно было со сцены, а онъ могъ бы все видѣть и слышать. Тутъ, прижавшись въ темномъ углу, какъ хищный звѣрь, онъ смотритъ, слушаетъ, караулитъ, подстерегаетъ, подмѣчаетъ, и послѣ знаменитаго монолога во второмъ дѣйствіи, выходитъ, восклицая:

„Опыталъ! поймалъ!“ Что жъ такое открылъ онъ? Что все искусство Дориваа состояло въ умѣнн переносить духъ... Затѣмъ въ послѣдствіи Тальма самъ установилъ какъ общее правило что актеръ который утомляется—посредственный артистъ.

„Мнѣ возразятъ что это умѣнье можетъ быть очень полезно для актера, но что рѣчь идетъ о чтеніи вслухъ, а не объ игрѣ на сценѣ. Такъ я скажу что для чтеца умѣнье переносить духъ еще нужнѣе чѣмъ для актера. Актеръ, какъ бы роль его ни была важна и длинна, непремѣнно все-таки прерываетъ рѣчь свою. Онъ отдыхаетъ пока говорятъ другіе, и наконецъ мимика, присоединяясь къ словамъ, содѣйствуетъ ихъ выразительности. Чтецу часто приходится читать непрерывно болѣе часа и за отсутствіемъ тѣлодвиженій онъ можетъ дѣйствовать на слушателей только силой своего голоса. Судите же сами насколько важно для него беречь духъ свой—сокровище безъ котораго онъ не дойдетъ до конца не выбившись изъ силъ.

„Присовокуплю нѣсколько практическихъ замѣтокъ пользу которыхъ я испыталъ. Если вы хотите чтобы дыханіе ваше было вполнѣ свободно садитесь на высокій стулъ. Погрузившись въ кресло вы не можете вдыхать достаточно глубоко. Сидите прямо. Согнувшійся человѣкъ дурно дышетъ. Наконецъ старайтесь прислониться спиной гдѣ можно. Не разъ случалось со мною что читая лубячно я начиналъ чувствовать утомленіе, и оно миновало немедленно какъ только я прислонился къ спинкѣ моего стула. Третье требованіе при чтеніи вслухъ—ясность произношенія. Оно играетъ въ высшей степени важную роль. Ею достигается внятность, энергія, страстность выраженія, увлекательность. Ею искушается даже слабость голоса и даже предъ многочисленными слушателями. У нѣкоторыхъ первоклассныхъ актеровъ почти не было голоса. У Мовзеля, знаменитаго Мовзеля, не было голоса, не было даже и зубовъ. И однако не только ни одно слово его не терялось, но и нельзя было бы найти болѣе увлекательнаго актера... Иногда счастливая хрипота заставляетъ понять что значитъ ясность произношенія. Однажды актеръ Буффе въ одной изъ лучшихъ ролей своихъ дойдя до самой патетической сцены, началъ кричать по обыкновенію. Черезъ нѣсколько минутъ голосъ его отказывается. Онъ принужденъ говорить почти шепотомъ. Что же вышло? Онъ былъ тысячу разъ естественнѣе и увлекательнѣе обыкновеннаго,

потому что вынуждают быть замѣнять силу голоса де-
лостью произношенія. Нельзя, конечно, говорить безъ го-
лоса, но одной силы голоса до того недостаточно для выра-
зительности нѣкоторымъ чтецамъ и ораторамъ что самое бо-
гатство ихъ органа обращается во вредъ. Если они не облада-
ютъ ясностью произношенія, звукъ у нихъ такъ-сказать погас-
щаетъ слово. Они говорятъ или читаютъ такъ громко, пре-
изводить столько шуму, что нельзя ничего разслышать.

„Наконецъ, для хорошаго чтенія вслухъ нужно умѣнье да-
вать чувствовать голосомъ знаки препинанія. Эти знаки не
всегда и не у всѣхъ одни и тѣ же. Они мѣняются смотря
по времени, смотря по автору. То или другое употребленіе
ихъ составляетъ характеристическую черту известнаго вѣка,
известнаго писателя. Эту характеристическую черту должно
передавать хорошее чтеніе вслухъ.

„Здѣсь оказывается техническая, внѣшняя, такъ сказать,
сторона чтенія вслухъ.

„Положимъ, продолжаетъ Легуве, что ученикъ овладѣлъ тех-
никой вполнѣ.

„Онъ упражненіемъ придавъ голосу своему пріятность, гиб-
кость и ровность.

„Онъ научился сочетать умѣство среднія, высокія и низкія
ноты.

„Онъ переводитъ духъ незамѣтно для слушателя.

„Онъ произноситъ ясно.

„Онъ даетъ чувствовать голосомъ знаки препинанія.

„Что же? Обладаетъ ли онъ всѣмъ что нужно для чтенія
вслухъ? Нѣтъ. Онъ достигъ еще только *правильности* въ
чтеніи. Онъ можетъ, не утомая ни себя, ни другихъ, про-
честъ докладъ въ политическомъ собраніи, рѣчь на сѣздѣ
ученыхъ, какой-нибудь важный документъ въ академіи, отчетъ
въ торговомъ или промышленномъ обществѣ, проектъ въ ко-
митетѣ, протоколъ въ судѣ. Это условіе важное на всѣхъ
высшихъ поприщахъ дѣятельности. Умѣнье читать вслухъ
является такимъ образомъ несомнѣнно полезнымъ и нуж-
нымъ. Но можетъ ли такое только умѣнье назваться искус-
ствомъ? Нѣтъ еще. Чтобы заслужить это названіе чтеніе
вслухъ должно служить истолкованіемъ гениальныхъ художе-
ственныхъ произведеній. Ко внѣшней технике должна при-
соединиться способность понимать, чувствовать, а затѣмъ
и передавать поэтическую красоту. Это составляетъ уже

такая который развивается учениемъ и упражненіемъ, но не всѣмъ въ одинаковой степени доступенъ.”

Далѣе Легуве наглядно показываетъ на разборѣ поэтическихъ произведеній какъ должны читаться эти произведенія; какъ болѣе и болѣе расширяющееся вниманіе открываетъ въ нихъ новыя черты, новыя тонкости, новыя красоты; какъ разумѣніе и искусство чтеца возрастаетъ, совершенствуется съ упражненіемъ.

Не малую услугу, кажется намъ, оказалъ бы тотъ кто перевелъ бы по крайней мѣрѣ первую изъ помеченныхъ выше двухъ книгъ Легуве, замѣнивъ приводимые имъ образцы французской литературы подходящими образцами русской, на которыхъ точно также можно было бы выяснить сообщаемыя французскимъ академикомъ правила, совѣты и наблюденія. * Я не берусь въ настоящее время за это дѣло. Я хочу только привлечь еще разъ вниманіе на существенный пробѣлъ въ образованіи какое дается у насъ какъ въ общественныхъ заведеніяхъ, такъ и дома. Книга Легуве, разошедшаяся въ двадцати семи изданіяхъ, вызвала во Франціи циркуляръ министра просвѣщенія, включающій чтеніе вслухъ въ число предметовъ занятій обязательныхъ для среднѣеучебныхъ заведеній, устанавлиющій даже особый экзаменъ по этому предмету для оканчивающихъ курсъ, и назначающій за услугу особую награду.

„Чтеніе вслухъ, говоритъ министръ, должно входить какъ важная составная часть (élément) въ общественное образо-

* Въ 1879 году появилась, правда русскій, амалиный переводъ первой изъ названныхъ нами книжекъ Легуве подъ заглавіемъ: „Э. Легуве. Чтеніе какъ Искусство. Москва. 1879. Типографія Снегирева,“ но переводъ этотъ сдѣланъ неопытною рукою, причемъ образцы французской поэтической литературы не замѣнены образцами русской, а напечатаны по-французски съ присовокупленіемъ русскаго прозаическаго перевода. Для того чтобы дать понятіе объ этомъ „переводѣ“ достаточно будетъ указать напримѣръ на стр. 47, гдѣ приводится мнѣніе Легуве о томъ какъ слѣдуетъ прочесть знаменитое Корнельевское „Qu'il mourût!“ и гдѣ слово *le Romain*, Рамляинъ, передано собственнымъ именемъ Ромэнъ. („Ромэнъ говорить: „Qu'il mourût“. А отецъ прибавляетъ: „Ou qu'un beau désespoir m'ôte le sens!“—При этомъ переводчикъ не замѣтилъ даже того что „Ромэнъ“ и „отецъ“ у Корнея одно и то же лицо!) Впрочемъ этого оригинальнаго перевода книжки Легуве въ продажѣ болѣе не существуетъ.

ваніе... Это одно изъ могущественныхъ орудій общественной дѣятельности... Учиться читать лучшее средство научиться говорить... Прилагая старанія чтобы хорошо прочесть страницу, всего лучше поймешь и заломишь ее. Можно требовать чтобы задавая урокъ для чтенія вслухъ, учитель самъ предварительно прочелъ ученикамъ задаваемое, а ученики читали бы уже вслѣдъ за нимъ.“

Вотъ въ томъ-то и вопросъ, до какой степени можно, то-есть полезно было бы этого требовать. Учитель самъ умѣющій хорошо читать вслухъ вполне понимаетъ значеніе этого искусства, безъ посторонняго поужденія старается передать его своимъ ученикамъ — и всегда почти съ успѣхомъ. Но такихъ учителей у насъ, къ сожалѣнію, очень не много. Едва ли кто, даже посторонній литературѣ и педагогикѣ, не замѣчалъ какъ рѣдко у насъ не только искусство, но и простое умѣнье читать вслухъ. Поидите въ залу суда: вы не поймете обвинительнаго акта, читаемаго секретаремъ; загляните въ какое-нибудь торжественное собраніе, въ засѣданіе какого-нибудь общества—всего терпѣнія вашего едва доставитъ чтобы дослушать до конца какую-нибудь рѣчь, какой-нибудь докладъ, хотя содержаніе ихъ само по себѣ можетъ быть интересно. Не говорю уже о литературныхъ вечерахъ, о чтеніи вслухъ художественныхъ поэтическихъ произведеній. Счастливъ поистинѣ тотъ кому по дѣловымъ часамъ не рѣзали ухо изысканно фальшивые звуки.

Это почти всеобщее неумѣніе едва ли не составляетъ характеристическую черту нашего времени, едва ли не находится въ связи съ пренебреженіемъ къ формѣ, къ изяществу, даже къ порядку и приличію, слишкомъ часто полагаемымъ у насъ въ достоинство. Цѣля, будто бы, одно только содержаніе, одинъ внутренній смыслъ и громко хвастаясь этимъ, мы забываемъ что содержаніе неразрывно связано съ формой и безъ нея утрачивается; что внутренній смыслъ безъ соответствующаго вѣшняго выраженія становится не понятенъ, теряется.

Это пренебреженіе ко вѣщности, къ формѣ, въ которомъ хотятъ видѣть признакъ умственнаго развитія, опасное недоразумѣніе. Оно вредно, разлагающею силой отзываясь въ разныхъ сферахъ жизни частной и общественной. Между прочимъ и въ сферѣ педагогической. „Формальность“, „формализмъ“ обратилась у насъ въ бранныя слова,

въ какія-то лугала, которыхъ педагоги наши боятся лучше всего и считаютъ обязанностью старательно избѣгать. Подъ вліяніемъ этого неразумнаго, безотчетнаго страха произвольныхъ предвзятыхъ мнѣній, они не хотятъ ловить что самая задача воспитанія по преимуществу формальная. Оно не можетъ вложить въ воспитываемаго то чего не дала ему природа, не можетъ надѣлать его недостающими ему способностями: умомъ, памятью, талантомъ; оно можетъ только развить, укрѣпить, образовать способности какими онъ обладаетъ.

Образовать значитъ придать образъ, выработать данный матеріалъ въ извѣстную форму. Образование есть выработка способностей, стройный складъ умственныхъ и нравственныхъ силъ, форма приданная представляемому человѣкомъ матеріалу. Оно не опредѣляется обиліемъ свѣдѣній, не зависитъ отъ богатства дарованій. Можно знать очень много, быть очень даровитымъ, и вовсе не образованнымъ; можно наоборотъ быть вполне образованнымъ, не обладая ни спеціальными познаніями, ни выдающимся способностями. Поэтому-то образование и полагается цѣлью воспитанія что оно доступно каждому, соотвѣтственно его личной природѣ и отъ каждаго, стало-быть, можетъ быть требуемо. Другой цѣли общаая средняя школа, проходится ли она въ семействѣ или въ общественномъ заведеніи, не должна ставить себѣ и не въ силахъ достигнуть. Большая ошибка думать что эта школа можетъ сообщать свѣдѣнія сами по себѣ практически полезныя, непосредственно примѣнимыя къ жизни. Примѣнимы къ жизни только результаты науки, а наука, добывающая ихъ, становится доступна только когда дѣло средней школы уже сдѣлано, когда умственныя и нравственныя силы достаточно укрѣплены и выработаны, когда достигнуто общее образование. Сообщать для непосредственнаго практическаго примѣненія добытое наукой, не давая возможности проверить и ловить откуда все это добывается, почему выходитъ такъ, а не иначе—дѣло профессиональной технической школы, подготовляющей исключительно къ одной какой-либо ремесленной дѣятельности и вовсе не дающей образованія въ истинномъ смыслѣ слова.

Даетъ его только та школа которая учитъ учиться; не беретса излагать науку, а указываетъ и открываетъ къ ней путь; снабжаетъ учениковъ не фактическими свѣдѣніями

а способностью и охотой къ умственному труду, необходимымъ для него навыкомъ и умѣньемъ. Умѣнье взятыя не за одно лишь какое-нибудь специальное дѣло, а за всякое дѣло какое представится, потребуется въ жизни; умѣнье распознать правду ото лжи, добро отъ зла, подлинную красоту отъ фальшивой, вотъ дѣль и задача общеобразовательной школы. Потому-то школа эта и требуетъ такого продолжительнаго времени, такого длиннаго курса. Фактическія свѣдѣнія сообщаемыя ею легко передать и заучить гораздо скорѣе; но умѣнье, навыкъ пріобрѣтается только годами.

Если согласимся, наконецъ, понять эту, простую въ сущности и очевидную, истину то перестанемъ въ дѣлѣ воспитанія относиться съ пренебреженіемъ къ умѣнью, къ навыку, противопоставая ему какое-то „сознательное усвоеніе“— слова не имѣющія определеннаго смысла и прикрывающія большою частію непопозвопительную потерю времени, переливаніе изъ лустаго въ порожнее. Тогда и умѣнье читать вслухъ получить въ нашихъ глазахъ принадлежащее ему въ дѣйствительности значеніе, займетъ въ нашей школѣ подобающее ему мѣсто.

Препятствіемъ этому является недостатокъ у насъ пока умѣлыхъ учителей. Препятствіе, устраняющее возможность услѣха. „Всеу, говорилъ Петръ Великій, писать законы, если они исполняются не будутъ.“ Всеу составлять учебныя планы, если учителя, даже при искреннемъ желаніи, при всемъ стараніи, не въ силахъ исполнить ихъ. Какъ бы ни была хорошо составлена программа, она останется мертвою буквою въ рукахъ неумѣлаго учителя. Она даже причинитъ существенный вредъ вмѣсто пользы. Предъявляя къ учителямъ неисполнимыя для нихъ требованія, налагаая на нихъ непосильныя имъ обязанности, мы ставимъ ихъ въ трагическую необходимость выбрать одно изъ двухъ: или добросовѣстно отказаться отъ должности къ которой они не достаточно подготовлены, и тѣмъ лишить себя и свое семейство средствъ существованія, или прибѣгнуть къ фальши, къ поддѣлкѣ, къ обману.

Какъ же выйти, однако, изъ этого повидимому безвыходнаго круга? Всѣ требованія истиннаго образованія непримѣнны, настоятельны, а здѣсь не представляется возможности удовлетворить одному изъ нихъ за отсутствіемъ исполнителей. Середины нѣтъ: или школа должна отказаться отъ исполненія одной изъ существенныхъ своихъ задачъ, отъ

обученія читать вслухъ, или надо разрѣшить это противорѣчiе. Спрашивается, какимъ путемъ?

Чтенiе вслухъ, какъ доказываетъ Легуве, на высшей степени выработки, передающее красоту и силу поэтическихъ произведенiй есть искусство. Искусству, какъ таковому, учить нельзя. Оно предполагаетъ природный даръ, талантъ. Таланта школа не въ правѣ требовать ни отъ учениковъ своихъ, ни отъ учителей. Но, какъ всякое искусство, чтенiе вслухъ имѣетъ свою технику, которую можетъ усвоить всякiй. Тутъ еще вѣтъ искусства въ собственномъ смыслѣ, а только умѣнiе которому можно выучить и выучиться.

На этой весьма существенной разницѣ слѣдуетъ сосредоточить вниманiе. Въ ней, кажется намъ, ключъ къ разрѣшенiю вопроса. Она вовсе улускается изъ виду въ нашихъ школахъ. Отсюда указанное выше безвыходное затрудненiе. По странному недоразумѣнiю у насъ старательно учатъ тому чему нельзя выучить и вовсе не учатъ тому чему выучить можно и должно. Съ первыхъ уже классовъ гимназiи, даже въ начальныхъ школахъ учатъ читать *выразительно*, и притомъ еще стихи, потому что стихи, легче запоминающiеся чѣмъ проза, заучиваются наизусть большею частiю въ значительномъ количествѣ. Читать выразительно стихи значитъ передать красоту поэтическаго произведенiя, воспроизвести чувство въ него вложенное—красоту непонятную для учениковъ, по крайней мѣрѣ для большинства ихъ, непонятную часто и для учителя, чувство ученикамъ недоступное и учителемъ обыкновенно не испытываемое. Это уже область искусства, область таланта, даровитости, не подлежащая школьному преподаванiю. Въ нее, однако, упрямо вторгаются, произвольно уродуя ни къ чему не ведущими безтолковыми объясненiями поэтическiя произведенiя, насильственно прiучая воспитанниковъ къ фальшивымъ интонациамъ, къ натянутой напыщенности, и вовсе оставляютъ въ сторонѣ область техники, составляющую необходимую часть школьнаго преподаванiя. Никто почти у насъ не думаетъ учить тому чѣмъ Легуве такъ вѣрно и точно опредѣляетъ правильность чтенiя: выработкѣ голоса, умѣстному сочетанiю высокихъ, среднихъ и низкихъ нотъ, ясности произношенiя, умѣнiю переводить духъ, соразмѣрности остановокъ. А это-то именно, только это и требуется.

По нашему мнѣнiю въ средней школѣ слѣдуетъ учить только правильному чтенiю, то-есть технической сторонѣ

чтенія, умѣнью, а не искусству читать, предоставляя способнымъ изъ учениковъ по собственной потребности ввести въ свое чтеніе выразительность, элементъ художественный. Этимъ способнымъ ученикамъ, когда представится случай, учитель можетъ, если найдетъ нужнымъ, дать указанія. Говоря вообще, долгій опытъ убѣдилъ меня что для мальчиковъ и юношей полезно если учитель не столько поощряетъ сколько сдерживаетъ ихъ стремленія къ „выразительному“ чтенію, ко мнимому поэтическому воодушевленію и жару. Я знаю примѣры когда неосторожныя похвалы школьной декламации, неразумныя поощренія, заставили юношей не лишеныя способностей возмечтать о себѣ какъ о выдающихся талантахъ, и эта мечта отвратила ихъ отъ серьезнаго дѣла, отъ полезнаго труда, привела ихъ къ страданіямъ и гибели. Школа не можетъ и не должна готовить поэтовъ и актеровъ; но можетъ и должна непременно готовить людей умѣющихъ читать вслухъ прозу и стихи, такъ чтобы слушатель ясно понималъ читаемое и не выносилъ непріятнаго впечатлѣнія.

Только правильность, а не выразительность чтенія, повторяемъ, можетъ быть предметомъ обязательнаго преподаванія въ школахъ, только умѣнье читать, а не искусство.

Этимъ разрѣшается затрудненіе предъ которымъ мы на минуту остановились. Если нельзя оставить учителю въ обязанность чтобъ онъ произнесъ монологъ Отелло какъ произносилъ его Ольдриджъ, то можно и должно поставить ему въ обязанность чтобъ онъ произнесъ монологъ этотъ внятно, безъ выкрикиванья и глотанія словъ, безъ лытбѣнія и заиканія, съ надлежащими остановками голоса.

Умѣнья правильно читать вслухъ школа, по нашему мнѣнію, должна требовать обязательно не только отъ учителей такъ-называемой словесности, но отъ всякаго кто хочетъ быть учителемъ, какой бы ни былъ его предметъ. И если такое требованіе будетъ предъявлено, нѣтъ сомнѣнія что большинство ищущихъ должности учителя будутъ удовлетворять ему, ибо усвоить технику чтенія можетъ всякій кто только серьезно захочетъ. Книги Легуве даютъ для этого весьма полезныя указанія. Весьма желательно чтобы книги эти обратили на себя вниманіе нашихъ педагоговъ и распространились бы какъ можно больше между учащимися и учителями.

И. ПАВЛОВЪ.

Книжныя новости.

Русская Историческая Библиотека, издаваемая Археографическою Коммиссией, продолжаетъ выходить въ свѣтъ. Надлежъ издана вторая книга седьмого тома этой *Библиотеки*, содержащая въ себѣ памятники политической литературы въ Западной Руси. Составъ этой книги слѣдующій:

1) Во главѣ помѣщена рукопись относящаяся къ 1603 году и въ первый разъ теперь напечатанная, именно: *Вопросы и ответы православному съ папѣ и епископѣмъ*. Это сочиненіе написано православнымъ. Оно содержитъ въ себѣ пятьдесятъ вопросовъ и отвѣтовъ, въ которыхъ общедоступно показана разность между православіемъ и римско-католичествомъ, причемъ истина православія весьма осязательно доказана. Сочиненіе это не имѣетъ въ виду отвѣтить на какое-либо извѣстное сочиненіе стороны римско-католической; оно представляетъ обращикъ популярнаго, то-есть общедоступнаго сочиненія, предназначеннаго для обращенія въ тогдашней западно-русской православной средѣ въ качествѣ надежнаго, убѣдительно и ясно изложеннаго средства противъ латино-римской „преlestи“, то-есть противъ разнообразныхъ ухищреній и обольщеній. Съ этой точки зрѣнія, сочиненіе это не утратило своего значенія и доселѣ, особенно для православныхъ обитателей западной Россіи.

2) Старопечатная брошюра 1595 года *Умъ Грековъ съ ко-стелюмъ римскимъ* принадлежащая по догадкамъ перу Илатія Поцѣя, большая библиографическая рѣдкость, извѣстная въ одномъ экземплярѣ. Съ большою осторожностью авторъ уніатъ разрѣшаетъ споръ „межы Греки и Римляны“, знакомитъ православныхъ съ „лургаторіемъ“ (чистилищемъ), описываетъ въ свѣтлыхъ краскахъ „зверхность епископа римскаго“, подробно говоритъ объ антихристѣ, причемъ приводитъ доказательства что подъ именемъ антихриста не слѣдуетъ разумѣть папу римскаго. Тотъ единственный экземпляръ по которому воспроизведена эта брошюра пріобрѣтаетъ особающую важность по тѣмъ рукописнымъ православно-полемическимъ замѣткамъ (относящимся къ концу XVI столѣтія) которыми покрыты поля брошюры.

3) Старолечатная брошюра 1608 года *Гармонія Восточной церкви съ костоломъ римскимъ*, такая же библиографическая рѣдкость какъ и вышеупомянутая и написана также уміа-томъ. Но она разнится по вѣдшности, содержанію и прие-мамъ. Сочиненіе это, имѣя въ виду „читателя христіанска-го такъ Русина, яко Римлянина“, написано въ перемежку на двухъ языкахъ, западно-русскомъ и польскомъ: „чего хто не дочытается въ русскомъ, того довѣдается въ польскомъ пи-санью, въ чомъ ся згажають и въ чомъ отъ себе розни суть и за якими ливіями.“ Содержаніе брошюры — параллельное разсмотрѣніе таинствъ и обрядовъ православной церкви и римской, приемы полемическіе — очень рѣзкіе, свидѣтельствующіе о крайнемъ раздраженіи автора. Особенно много до-стается извѣстному православному борцу Стефану Зизанію: Въ одномъ мѣстѣ онъ именуется „Стефанко Зизаній“, въ другомъ „Стефанъ Куколь“, „новый теологъ“, „старый бала-мутъ“ и такъ далѣе. А извѣстный издатель *Требника* епи-сколъ Гедеонъ Балабанъ названъ „проклятымъ баламутомъ“, „кукляромъ“, „шалберомъ“ и даже „болваномъ“!!

4) Старолечатная книга 1577 года содержащая въ себѣ со-чиненіе Петра Скарги *О единствѣ церкви Божіей* подъ однимъ пастыремъ и о греческомъ отъ этого единства отступленіи, равнымъ образомъ какъ и предыдущія двѣ книги большая библиографическая рѣдкость, извѣстная всего въ одномъ эк-земплярѣ. Это первое изданіе. Второе изданіе, 1590 года, по-явилось со значительными отмѣнами, которыя всѣ отмѣче-ны и указаны въ подстрочныхъ сноскахъ. Главы же совсѣмъ передѣланныя во второмъ изданіи или вновь написанныя (собственно въ одной первой части) помѣщены вслѣдъ за симъ въ видѣ дополненія вмѣстѣ съ нѣсколькими измѣненными выходнымъ листомъ и новымъ посвященіемъ (уже не князю Острожскому, а королю Сигизмунду III) подъ заглавіемъ:

5) Новая статья Петра Скарги 1590.

6) Брошюра Бенедикта Гербеста 1586 года — произведеніе незначительное какъ по объему, такъ и по содержанію. Не-смотря на это брошюра Гербеста весьма часто уломяется и даже цитруется въ православныхъ полемическихъ сочине-ніяхъ. Это обстоятельство и побудило дать ей мѣсто въ на-стоящей книгѣ чтобъ имѣть возможность судить о произве-деніи Гербеста во всемъ его объемѣ, къ тому же очень не-большомъ.

7) Старопечатная книга 1588 года, содержащая въ себѣ сочиненіе Острожскаго священника Василя „*О единой истинной православной вѣрѣ* и о святой соборной апостольской церкви, откуда начало приняла и како повсюду распростреса“, представляетъ чрезвычайно разнообразное полемическое чтеніе, написанное вполнѣ приличнымъ языкомъ, а не такимъ какъ вышеупомянутая *Гармонія*. Хотя острожскій священникъ и не упоминаетъ о *Гармоніи*, а равно и объ *Уни Грековъ*, но подробно разбираетъ доводы приводимые въ этихъ двухъ умiatoкихъ брошюрахъ и убѣдительно толково опровергаетъ ихъ. Въ трудѣ священника Василя приведены многоразличныя свидѣтельства изъ литературы свято-отеческой, изъ лѣтописей и хроникъ и въ особенности же подробно и разумительно рассмотрѣнъ догматъ „о исхожденіи Духа Святаго“, вопросъ „о первенствѣ римстемъ и о старшинствѣ епискола ихъ“, о „пургаторіи“, таинствахъ и обрядахъ, о календарѣ съ ключемъ и пасхальною таблицей. Въ этомъ отношеніи рукопись помѣщенная въ началѣ настоящей книги представляетъ нѣкоторыя буквально сходныя мѣста съ сочиненіемъ священника Острожскаго.

8) Сочиненіе Петра Скарги *Берестейскій соборъ и оборона его 1596 года* воспроизведено за отсутствіемъ перваго изданія (1596) съ изданія 1738 года. Это сочиненіе вызвало:

9) Отвѣтъ со стороны православныхъ знаменитый *Апокрисисъ Христофора Филалета*. Это сочиненіе, какъ и нѣкоторыя другія, извѣстно въ настоящее время въ двухъ текстахъ, польскомъ и западно-русскомъ. *Апокрисисъ* имѣетъ уже не одного изслѣдователя, имѣетъ даже переводчиковъ на современный русскій языкъ, но тексты его (польскій—1597 года, западно-русскій—не позже 1599) доселѣ не были воспроизведены. Польскій текстъ напечатанъ по единственному, насколько извѣстно, старопечатному экземпляру, составляющему собственность профессора М. О. Кояловича. При сравненіи западно-русскаго текста съ польскимъ оказывается что послѣдній изъ нихъ есть оригиналъ сочиненія, а западно-русскій—переводъ или, вѣрнѣе, вторая редакція, не во всемъ объемѣ своемъ согласная съ изданіемъ 1597 года. Эта редакція представляетъ большое количество отиѣвъ, поправокъ, пропусковъ, вставокъ, сокращеній и развитій имѣющихъ большую цѣну и значеніе для историка и богослова; самый же текстъ перевода, кромѣ того, весьма важенъ и для языкоизслѣдователя.

Общество Любителей Древней Письменности и Искусства издало *Повѣсть о Василии Златовласомъ королевичѣ Чешской земли*. Вотъ что говорится въ предисловіи къ изданному памятнику: „Въ XVII вѣкѣ, при усиленіи западнаго вліянія въ русской литературѣ, появились у насъ и переводные сборники съ правоучительнымъ направленіемъ каковы *Римскія Дѣлнія, Великое Зерцало* и др., и повѣсти имѣвшій чисто литературный интересъ разказа. Въ этой переводной литературѣ Польша играла роль посредницы, такъ что въ весьма рѣдкихъ случаяхъ можно предположить непосредственное общеніе русскаго перевода съ отдаленнымъ оригиналомъ. *Повѣсть о Василии Златовласомъ королевичѣ Чешскія земли*, судя по нѣкоторымъ полонизмамъ, пришла къ намъ чрезъ Польшу; но первоначальный оригиналъ ея надо искать въ чешской литературѣ: самъ герой, подобно Брундвику, чешскій королевичъ; замѣтно пристрастіе къ Чехіи; видно знаніе сношеній Чехіи съ Франціей. Повѣсть, отличааясь бойкостью изложенія, носитъ на себѣ слѣды обще-эпическаго творчества: три раза напаиваютъ героя, три раза онъ даритъ провожатыхъ, три раза посылаютъ пословъ, три раза разказывается одинъ и тотъ же сонъ, тридцать молодцовъ провожаютъ героя, безпрестанно поладаются эпическія повторенія и проч. Самый сюжетъ отыскиванья невѣсты одинъ изъ любимѣйшихъ въ народномъ эпосѣ вообще. То же можно сказать и о волшебной флейтѣ, подъ которую всѣ танцуютъ. Вслѣдствіе этого, и повѣсть, будучи близкою и по вымыслу, и по приемамъ, къ складу русской народной фантазіи, легко могла воспринять чисто русскіе обороты рѣчи и цѣлую русскую пословицу. Само правоученіе, съ коего повѣсть начинается, носитъ на себѣ отгѣнокъ народнаго юмора.“

Въ Петербургѣ окончено печатаніемъ *Полное собраніе сочиненій графа А. К. Толстаго*. По счету это четвертое изданіе сочиненій знаменитаго поэта. Какъ извѣстно, первое изданіе вышло въ свѣтъ въ 1867 году, второе изданіе было отдѣлано въ 1876 году, по смерти поэта. Затѣмъ слѣдовало изданіе въ 1877 году. Настоящее полное собраніе сочиненій, въ четырехъ томахъ, содержитъ драмы, лирическія стихотворенія и романъ *Князь Серебряный*. Первые два тома заключаютъ въ себѣ полное собраніе стихотвореній, а также

драматическую поэму *Донъ-Жуанъ* и неоконченную драму *Посадникъ*; въ третьемъ помѣщена драматическая трилогія (*Смерть Іоанна Грознаго, Феодоръ Іоанновичъ, Царь Борисъ*); въ четвертомъ—*Князь Серебряный*. Настоящее собраніе, какъ замѣчаетъ князь Д. Цертелевъ, подъ наблюденіемъ котораго печаталось собраніе сочиненій, содержитъ въ себѣ, конечно, далеко не все написанное графомъ А. К. Толстымъ; сюда не вошли ювешескія его произведенія и значительное число шуточныхъ стихотвореній; но можно сказать съ увѣренностію что настоящее собраніе заключаетъ въ себѣ все то чему самъ авторъ придавалъ серьезное значеніе. Къ первому тому приложенъ гравированный на стали Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ портретъ графа А. К. Толстаго.

Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ издало въ Москвѣ *Домострой* по списку принадлежащему этому Обществу. Книга напечатана славянскимъ шрифтомъ; въ концѣ ея приложены три факсимилированные отрывка изъ рукописи.

То же Общество издало *Переписку государственнаго канцлера графа Н. П. Румянцева съ московскими учеными*. Изданіе приготовлено къ печати Е. В. Барсовымъ. Переписка извлечена изъ бумагъ Московской Городской Чертковской библиотеки, Румянцевскаго Музея и другихъ книгохранилищъ; она содержитъ въ себѣ все наиболѣе важное въ научномъ отношеніи и расположена въ хронологическомъ порядкѣ. Въ концѣ приложены объяснительныя примѣчанія къ нѣкоторымъ письмамъ и для удобства пользованія алфавитный указатель. Переписка раскрываетъ предъ нами современное графу Румянцеву историко-археологическое движеніе, знакомитъ съ тогдашними разысканіями и открытіями въ области древнерусской письменности, съ тогдашнимъ антикварнымъ рынкомъ, цѣнами рукописей и т. п. Изъ переписки мы видимъ какъ совершались подобныя изданія какъ *Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, Іоаннъ экзархъ Болгарскій, Соборскій Лѣтописецъ, Законы двухъ Іоанновъ, Древнія русскія стихотворенія* и проч..

Въ Петербургѣ вышелъ въ свѣтъ шестнадцатый томъ *Сочинений Генриха Гейне*, въ переводѣ русскихъ писателей. Этотъ томъ содержитъ біографію и переписку поэта. Къ тому приложенъ портретъ Гейне, гравированный на мѣди.

—

Окончено печатаніемъ изслѣдованіе профессора С.-Петербургскаго университета А. А. Иностранцева: *Доисторическій человекъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера*. Сочиненіе это, печатавшееся на средства Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ типографскомъ отношеніи издано весьма роскошно. Оно украшено 122 политулажами въ текстѣ, двумя литографіями и 12 таблицами фототипій.

—

Надняхъ изданъ въ С.-Петербургѣ четвертый томъ *Толковаго Словаря живаго великорусскаго языка*, Владиміра Даля. Съ напечатаніемъ этого тома окончено второе изданіе, которое исправлено и значительно умножено по рукописи автора.

—

Изданіе повѣстей и разказовъ Д. В. Григоровича отдѣльными выпусками безостановочно продолжаетъ выходить въ свѣтъ. Надняхъ напечатанъ разказъ *Мать и Дочь*.

—

Въ Тифлисѣ издана небольшая брошюра, подъ заглавіемъ *Голосъ вѣры или собраніе духовныхъ пѣсенъ и псалмовъ для вѣнча*, для употребленія при общественномъ и домашнемъ богослуженіи христіанъ балтистскаго исповѣданія.

—

Въ Казани на средства Православнаго Миссіонерскаго Общества напечатана цѣлая серія книжекъ на ивородческихъ нарѣчіяхъ. Таковы, на примѣръ, *Псалменная служба*—на чувашскомъ языкѣ, *Послѣдованіе за усопшими*—на татарскомъ языкѣ, *Евангеліе отъ Матвея*—на тунгусскомъ языкѣ, *Объясненіе главнѣйшихъ праздниковъ Православной Церкви*—на русскомъ и гольдскомъ языкахъ, *Священная Исторія Нового Завета*—на восточно-черемисскомъ нарѣчій, *Главныя церковныя праздники*—на урянскомъ нарѣчій мордовскаго языка, *Поучительныя статьи въ стихахъ и прозѣ*—на алтайскомъ

языкъ. Всѣ эти книги напечатаны русскимъ гражданскимъ шрифтомъ.

Надняхъ изданъ *Инвентарь библиотеки С.-Петербургскаго университета* за 1878 годъ. Въ этомъ году главнѣйшимъ приобрѣтеніемъ Библиотеки было собраніе книгъ покойнаго директора Государственнаго Архива Т. С. Злобина, поступившее по духовному его завѣщанію въ собственность университета. Коллекція эта содержитъ въ себѣ главнѣйшія сочиненія почти по всемъ наукамъ и по разнымъ литературамъ и состоитъ изъ 2.446 названій, въ 6.266 томахъ. Въ томъ же году поступили пожертвованія книгами отъ А. И. Штейна, профессора И. В. Помяловскаго, отъ статсъ-секретаря князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго и др.

Н. И. Барсуковъ составилъ описаніе *Рукописей Археографической Коммиссіи*. Всѣхъ рукописей описано 229 нумеровъ. Въ концѣ описанія рукописей приложенъ указатель именъ сочинителей, переводчиковъ, лицъ, вкладчиковъ, географическихъ названій и разныхъ предметовъ упоминаемыхъ въ описаніи. Книга напечатана на средства Археографической Коммиссіи.

Императорское Общество Поощренія Художествъ въ С.-Петербургѣ издало первый выпускъ роскошнаго альбома *Русскій Орнаментъ* въ старинныхъ образцахъ, ткани, эмаль, рѣзьба изъ дерева и кости, оброчное, чеканное и литейное дѣло. Рисунки альбома исполнены г. Симаковымъ.

Смерть М. Д. Скобелева вызвала цѣлую серію его біографій, печатавшихся въ разныхъ городахъ. Такъ въ Москвѣ напечатаны:

Незабвенный Чудо-Богатырь М. Д. Скобелев. 36 стр. 16 д. л.

Очерки боевой жизни М. Д. Скобелева. 32 стр. 8 д. л.

Въ Петербургѣ изданы: *Жизнеописаніе М. Д. Скобелева* съ портретомъ его и снимкомъ съ дочерка. 19 стр. 16 д. л.

Въ Москвѣ предпринято изданіе *Народной Библіотеки*. Изданіе будетъ состоять изъ беллетристическихъ, историческихъ и научныхъ книжекъ цѣной въ 5 и 10 к. Чистая выручка съ изданія поступитъ на образованіе фонда для послѣдующихъ изданій. Выпуски будутъ печататься въ количествѣ 10.000 экземпляровъ. Вышедшій первый выпускъ включаетъ разказъ графа Л. Н. Толстаго „Чѣмъ люди живы“.

Кромѣ того, вышли слѣдующія книги:

Въ Петербургѣ:

Памятники Болгарскаго народнаго творчества. Выпускъ 1й *Сборникъ западно-болгарскихъ пьесъ* со словаремъ. Собралъ Владиміръ Качановскій. 598 стр. 8 д. л.

Славянскія рукописи, хранящіяся въ заграничныхъ бібліотекахъ: Берлинской, Пражской, Вѣнской, Люблинской, Загребской и двухъ Бѣлградскихъ. Графа Воскресенскаго. 58 стр., 8 д. л.

Вольтеръ и Екатерина II. Изданіе В. В. Чуйко. 242 стр. 12 д. л.

Колонія на кратерѣ. Повѣсть Фенимора Кулера. Переводъ Д. Аверкіева. Изданіе второе. 410 стр. 12 д. л.

Всеволодъ Гаршинъ. *Разказы*. 216 стр. 16 д. л.

Аббатъ. Романъ Лудовики Галеви. 84 стр. 8 д. л.

Александръ фонъ-Беземанъ. *Беттина-Краснолицка* (La Mascotte). Комическая опера въ 3хъ дѣйствіяхъ. Французскій текстъ Дюрю и Шиво. 93 стр. 16 д. л.

Диллетанты новаго времени. Комедія въ 3хъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе И. Дорошенко. 24 стр. 8 д. л.

Княгиня Владимірская (Тараканова). Историческій романъ въ четырехъ частяхъ. Сочиненіе А. Шардива. 609 стр. 8 д. л.

Р. А. Фадѣевъ. *Письма о современномъ состояніи Россіи*. 11 апрѣля 1879—6 апрѣля 1880. Изданіе четвертое. 167 стр. 8 д. л.

Французская аристократія. Составивъ Н. Фену. Изданіе восьмое.

Страница изъ исторіи Восточнаго вопроса. Англо-афганская распря. Очеркъ войны 1879—1880. Л. Н. Соболева. Выпускъ второй. 687 стр. 8 д. л.

Общая программа и инструкція для преподаванія учебныхъ предметовъ въ военныхъ гимназіяхъ. 301 стр. 8 д. л.

Общая программа и инструкція для преподаванія учебныхъ предметовъ въ юнкерскихъ училищахъ. 322 стр. 8 д. л.

Отчетъ полевого артиллерійскаго управленія дѣйствующей арміи, за время кампаніи 1877—1878 годовъ въ Европейской Турціи и управленія артиллеріи оккупационныхъ войскъ за время оккупациі въ 1879 году княжества Болгарскаго. Два тома.

Описаніе дѣлъ Архива Морскаго Министерства за время съ половины XVII до начала XIX столѣтія. Т. III. 1.090 стр. 4 д. л.

Откуда пошла Русская земля и какъ стала быть. Составилъ Ѡ. Марюхвичъ. 96 стр. 12 д. л.

Патологическая сторона еврейскаго вопроса. Д. Хволеса. 40 стр. 12 д. л.

Общій таможенный тарифъ по европейской торговлѣ. Восьмое изданіе. 187 стр. 8 д. л.

О преподаваніи иностранныхъ языковъ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Князя Н. С. Голицына. 80 стр. 32 д. л.

Синтаксисъ русскаго языка, съ приложеніемъ обширнаго ряда примѣровъ и статей для разбора и диктанта. Составилъ Ѡ. Рождественскій. 60 стр. 8 д. л.

Друзь дѣтей. Книга для первоначальнаго чтенія. П. Максимовича. Изданіе 19е. 120 стр. 8 д. л.

Лиса и Волкъ. Для чтенія дѣтямъ и взрослымъ. В. Бувакова. 27 стр. 32 д. л.

Книга для первоначальнаго чтенія въ народныхъ школахъ. Часть I. Изданіе пятнадцатое. Составилъ В. Водовозовъ. 288 стр. 8 д. л.

Учебникъ англійскаго языка. Составилъ А. Роджерсъ. 445 стр. + 64. 8 д. л.

Сборникъ статей для перевода съ русскаго языка на нѣмецкій для среднихъ классовъ гимназій. Составилъ Н. Кюхе. 98 + 67 стр. 8 д. л.

Задачи по русскому правописанію. Для учащихся. Составилъ П. Красногорскій. 191 стр. 8 д. л.

Приложеніе начертательной геометріи. Теорія тѣней съ присовокупленіемъ блестящихъ линий и точекъ. Составилъ Ѡ. Клаксъ. 68 стр. 12 д. л.

Н. Буваковъ. Дневникъ начальной общеобразовательной школы. Подробное поурочное распредѣленіе занятій въ народной школѣ съ трехгодичнымъ курсомъ, по всѣмъ предметамъ обученія, съ указаніемъ руководствъ, учебныхъ пособій и самостоятельныхъ ученическихъ работъ. 198 стр. 8 д. л.

Н. Бунаковъ. *Родной языкъ какъ, предметъ обученія въ начальной школѣ съ трехгодичными курсами.* Лекціи читанныя на педагогическихъ курсахъ Московской Политехнической Выставки въ 1872 году. 7е совершенно вновь передѣланное изданіе. 195 стр. 8 д. л.

Учебная русская христоматія съ толкованіями. Составилъ П. Полевой. Часть первая. Изданіе 17е. 206 + 26 стр. 8 д. л.

Элементарный курсъ всеобщей и русской исторіи. Составилъ И. Белярминовъ. Изд. 12е. 334 стр. 12 д. л.

Руководство къ систематическому изученію ботаники для школъ и самообученія Августа Любена. По четвертому изданію составилъ А. Бекетовъ. Изданіе четвертое. Часть I. 203 стр. 8 д. л.

О нашихъ перелетныхъ птицахъ. Сост. Д. Кайгородовъ. 32 стр. 12 д. л.

Искусственное разведеніе рыбъ по Борне и др. Составилъ А. Боровиковъ. 38 стр. 32 д. л.

Объ условіяхъ развитія заводскаго дѣла въ Россіи. Д. Менделѣва. 60 стр. 12 д. л.

С.-Петербургскія мастерскія С.-Петербургско-Варшавской желѣзной дороги на Всероссийской Промышленно-Художественной Выставкѣ 1882 года въ Москвѣ.

Объясненіе причинъ успѣха Америки и неуспѣха Россіи въ возстановленіи металлическаго обращенія. А. Красильникова 174 стр. 8 д. л.

Инструкция для осмотра корпусовъ, снабженія и машинъ паровозовъ перевозящихъ пассажировъ. 143 стр. 12 д. л.

Замѣчанія къ разрѣшенію вопросовъ о водоснабженіи Москвы. Артезианская вода московской буровой скважины. Горнаго инженера В. Бабина. 48 стр. 4 д. л.

Одна изъ существенныхъ мѣръ къ оживленію металлическаго производства въ Россіи. И. М—въ. 25 стр. 8 д. л.

Н. А. Строкивъ. *Льноводство Псковской губерніи.* 39 стр. 8 д. л.

Желѣзная дорога съ подземными проволочными приводными каналами по способу г. Чачкова. 11 стр. 8 д. л.

О мѣрахъ къ развитію артельного производства. А. А. Исаева. 23 стр. 8 д. л.

Проектъ устава Общества земледѣльцевъ. А. Чеховича. 44 стр. 8 д. л.

О значеніи введенія сахарной промышленности въ Закавказьи. Ф. Палюшкевича. 33 стр. 8 д. л.

Потаріальное руководство. Систематическій сборникъ узаконеній. Составилъ Н. Дмитревскій. 529 стр. 12 д. л.

Водяныя сооруженія. Руководство къ строительному искусству. Часть третья. Гг. Гейнзингеръ фовъ-Вальдескъ, Франціуъ и Зонне. Глава V. Исслѣдованіе внутреннихъ водъ Эд. Смидтъ. 108 стр. 8 д. л.

Новая общая формула для однообразнаго движенія воды въ каналахъ и рѣкахъ. Е. Гангилле и В. Р. Куттеръ. 796 стр. 8 д. л.

Практика С.-Петербургскаго Коммерческаго Суда за 1880 и 1881 года. 512 стр. 12 д. л.

Еврейскій вопросъ предъ судомъ исторіи. Доктора Д. И. Флапфедера. 229 стр. 8 д. л.

Руководство къ гигиеническимъ способамъ изслѣдованія Dr. мед. К. Ключге. Переводъ съ нѣмецкаго съ измѣненіями и дополненіями, подъ редакціей Dr. мед. М. Н. Шмелева-Выпускъ второй. Исслѣдованіе почвы и воды, стр. 225—414. Выпускъ третій. Исслѣдованіе лица стр. 415—612. 8 д. л.

Наставленіе матерямъ. Изданіе дѣтской больницы принца Петра Ольденбургскаго. Выпускъ первый. 36 стр. 4 д. л.

Dr. Hermann Eichhorst. *Руководство къ частной патологіи и терапіи для врачей и студентовъ.* Переводъ съ нѣмецкаго М. Венгерова и М. Яковлева. 240 стр. 8 д. л.

Самобійство въ Западной Европѣ и Европейской Россіи. Опытъ сравнительно-статистическаго изслѣдованія А. В. Лихачева. 251 стр. 8 д. л.

Учебникъ земли С. Ковалевскаго. 4е изданіе. 227 стр. 12 д. л.

Теплицы-Шенау. Библіотека минеральныхъ водъ, подъ редакціей Dr. Дубелара. 32 стр. 16 д. л.

Совѣтникъ и помощникъ при леченіи животныя. Изданіе Россійскаго Общества Покровительства Животныхъ. 52 стр. 22 д. л.

О неукротимой рвотѣ беременныхъ. М. Горвица. 92 стр. 8 д. л.

Г. Герингъ. *Оплодотвореніе и дробленіе животнаго яйца по современному состоянію науки.* Перев. съ нѣмецкаго. Изданіе второе. 61 стр. 8 д. л.

Маленькая домашняя аптечка. Проф. Ф. Нуссбаума. Переводъ со 2го нѣмецкаго изданія. 120 стр. 16 д. л.

Баракъ-шатеръ и баракъ-сакля, тайнаго совѣтника И. Кабага. 14 стр. 8 д. л.

Изученіе Друскеникскихъ минеральныхъ источниковъ. А. А. Иностранцева. 79 стр. 8 д. л.

Минеральные источники въ Бириталахъ и дѣйстви ихъ на организмъ. Исследоваль и описаль И. И. Радецкій, докторъ медицины. 55 стр. 12 д. л.

Электро-гомеопатія графа Маттеи. Пятое изданіе все исправленное и дополненное. Составиль С. Смирновъ. 326 стр. 8 д. л.

Въ Москвѣ:

Евгеній Отъгинъ. Романъ въ стихахъ А. С. Пушкина. Подъ редакціей и съ примѣчаніями П. А. Ефремова. Съ 4 рисунками исполненными академикомъ В. Е. Маковскимъ. 220 стр. 12 д. л.

Собственность и государство. Б. Чичерина. Часть первая. 468 стр. 8 д. л.

Стихотворенія Н. А. Малышева. Книга вторая. 112 стр. 8 д. л.

Исторія бѣднаго Оеди. Приключенія маленькаго Словака. Разказъ Фрица Маутлера. Переводъ съ нѣмецкаго М. И. Иловайской. Для средняго возраста. 73 стр. 16 д. л. Изданіе Общества Распространенія Полезныхъ Книгъ.

Деревенскій грамотный. Чтеніе для сельскаго юношества И. Трубинова. 22 стр. 8 д. л.

Крутые горки. М. Юрьева. Изданіе Общества Распространенія Полезныхъ Книгъ. 40 стр. 16 д. л.

Краткая исторія англійской литературы съ начала до нашего времени. Составиль Р. Гердъ. 232 стр. 8 д. л.

Учебникъ русской грамматики, сближенной съ церковно-славянскою. Составиль Ѳ. Буслевъ. Изданіе шестое. 209 стр. 8 д. л.

Храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ. Историческо-описательный очеркъ и руководитель съ двумя рисунками, составленный Е. Тихомировымъ. 64 стр. 8 д. л.

Führer durch Moskau und Umgebungen. Von P. Grossmann und J. Knöbel. 264 s. in 16.

Бородинская Битва. Историческій очеркъ составленный Е. Тихомировымъ. 40 стр. 8 д. л.

Путеводитель по Всероссийской Промышленно-Художественной Выставкѣ. 1882. 70 стр. 16 д. л.

Путеводитель по Троицко-Сергіевскоѣ Лаврѣ, Гевсиманскому скиту и Виваніи. Съ приложеніемъ описанія Кремля и его святыни. 47 стр. 32 д. л.

Краткая нѣмецкая грамматика. Этимологія. Составилъ А. Еше. 60 стр. 12 д. л.

Этимологія русскаго языка для низшихъ классовъ гимназій. Составили А. Кирпичицковъ и Ф. Гиляровъ. 76 стр. 8 д. л.

Опытъ элементарнаго руководства при изученіи русскаго языка практическимъ способомъ. Элементарная грамматика. Курсъ третій. Синтаксисъ. Составилъ К. Говоровъ. 110 стр. 8 д. л.

Школьное пѣніе. Учебно-музыкальная хрестоматія для учащихся въ начальныхъ и городскихъ училищахъ и первыхъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній. А. Богородицкаго. Изданіе второе. 63 стр. 8 д. л.

Какъ живутъ и лечатся Китайцы. Дг. медицины П. Я. Пасецкаго. 89 стр. 12 д. л.

Клиническія лекціи о распознаваніи и леченіи катарровъ кишекъ у дѣтей, съ особенності у грудныхъ. Нила Филатова. Изданіе второе, дополненное. 82 стр. 8 д. л.

Объяснительный словарь иностранныхъ словъ вошедшихъ въ употребленіе въ русскій языкъ, съ объясненіемъ ихъ корней. Составилъ Михальсонъ. Изданіе девятое. 752 стр. 8 д. л.

Repertorium латинскаго синтаксиса. Примѣнительно къ грамматикѣ Эллента-Зейфферта, составилъ по Гарре Владиміръ Исаевковъ. 115 стр. 8 д. л.

Краткій курсъ естественной исторіи. Составилъ М. Варавва. Описаніе человеческого тѣла. Курсъ 3го года. Со 152 политалажами въ текстѣ. 188 стр. 8 д. л.

Куроводство. Подробное описаніе куръ различныхъ породъ, съ изложеніемъ правилъ ухода за ними. Составилъ И. И. Абозинъ. 360 стр. 8 д. л.

Отчетъ о состояніи и дѣйствіяхъ Императорскаго Московскаго Университета за 1881 годъ. 135 стр., въ 8 д. л.

Систематическій сборникъ ариѳметическихъ задачъ и примѣровъ на утѣлыя числа. Составилъ А. Владимірскій. 80 стр. 8 д. л.

Задачникъ для начинающихъ обучаться ариѳметикѣ дома и въ школѣ. Составилъ К. Арнольдъ. 51 стр. 8 д. л.

Русскій букварь, составленный Пашковымъ. 48 стр. 8 д. л.
Инструкція для производства полевой поѣздки при штабѣ гренадерскаго корпуса въ 1882 году. 45 стр. 32 д. л.

Въ Харьковѣ:

Очеркъ анатоміи челоѣтка Дг. Генле. Переводъ съ вѣмецкаго професс. И. К. Вагнера и проект. М. А. Попова. 8 д. л.

Въ Кіевѣ:

Исторія одной скрипки. Эскизъ изъ жизни Антоніа Страдивари. Переводъ П. С. Колачевскаго. 23 стр. 16 д. л.

А. Вюрцъ. *Атомическая теорія*. Переводъ со втораго французскаго изданія. 250 стр. 8 д. л.

Древнѣйшій періодъ исторіи Рима и его изученіе. П. Аландскаго, 173 стр. 8 д. л.

Календарь и памятная книжка для учащихся на 1882—83 учебный годъ. 52 стр. 32 д. л.

Чарльзъ Дарвинъ, его жизнь и ученіе. Виктора Гіацинтова. 148 стр. 32 д. л.

Въ Вильнѣ:

Отчетъ по управленію Виленскихъ учебныхъ округовъ за 1880 гражданскій годъ. 226 стр. 8 д. л.

Въ Варшавѣ:

А. Смирновъ. *Сборникъ древнерусскихъ памятниковъ и образцовъ народной русской рѣчи*. Пособіе при изученіи исторіи русскаго языка. 226 стр. 8 д. л.

Отчетъ о дѣятельности Варшавскаго окружнаго управленія Россійскаго Общества Краснаго Креста и состоящихъ въ предѣлахъ Варшавскаго округа мѣстныхъ управленій и комитетовъ Общества, а также Варшавской Елисаветинской общины сестеръ милосердія. 182 стр. 8 д. л.

Въ Тулѣ:

Пчеловодство. Самоучитель священника Тульской губерніи, Ефремовскаго уѣзда, с. Лобанова, А. И. Успенскаго. Изданіе второе. 153 стр. 8 д. л.

Въ Ломжѣ брошюра:

Разъяснительная служба. Выдержки изъ устава полевой службы войскъ. 34 стр. 12 д. л.

Въ Ростовѣ-на-Дону:

Конспектъ занятій по „Родному Слову“, годъ второй. К. Д. Ушинскаго. Пособіе для учителей начальныхъ училищъ. Составилъ И. Романченко. 125 стр. 16 д. л.

Въ Вильнѣ:

Первоначальныя основанія еврейской веры. Составилъ С. И. Финкъ. 91 стр. 12 д. л.

Въ Калугѣ:

Какъ разводить пчелъ въ разборныхъ соломенныхъ сводчатыхъ ульяхъ. Краткое наставленіе пчеловодамъ. Съ рисунками въ текстѣ. Составилъ Ѳ. Недоховскій. 33 стр. 8 д. л.

Въ Черниговѣ:

О достопамятностяхъ Чернигова. Маркова. 47 стр. 16 д. л.
Описаніе Суражскаго уѣзда, Черниговской губерніи, составленное Есимонтовскимъ, въ двухъ частяхъ. Ч. I. 59 стр. Ч. II. 94 стр. 8 д. л.

Въ Ригѣ:

Нивелировка и свѣрка города Риги, произведенныя въ 1880—1882 годахъ. Отчетъ комиссіи руководившей работами. 34 стр. 4 д. л.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

ПО МОСКОВСКИМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ

Кончина генерала Скобелева. — Катастрофа на Курской желѣзной дорогѣ. — Закрытіе засѣданій Промышленнаго Съѣзда въ Москвѣ. — Египетскія дѣла. — Французская неурядица. — Польскій судъ на Русеками въ Галиціи.

I.

25 іюня, въ часъ ночи, скоропостижно скончался генераль-отъ-инфантеріи, генераль-адъютантъ Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ, за день предъ тѣмъ прибывшій въ Москву.

Совершенно неожиданная, тяжелая утрата! Русская армія, а съ ней Россія, лишилась великой силы въ лицѣ Скобелева. Смерть постигла его въ цвѣтущемъ возрастѣ и уже на верху славы, но еще не проявившаго всѣхъ своихъ силъ. Быстро и высоко подвигаясь онъ въ своемъ орлиномъ полетѣ, но казалось только начиналъ его, только пробовалъ свои силы, и одѣланное далеко не исчерпывало того что еще могъ онъ одѣлать, чего Россія могла ожидать отъ него. Богъ создалъ его полководцемъ, въ немъ были всѣ качества военнаго гемія, во и одѣланнаго имъ на пользу Россіи и во славу русскаго оружія достаточно для чести его имени, которое останется блестящимъ воспоминаніемъ въ нашей военной исторіи.

28 юля русское войско, Москва, Россія, отдали послѣдній долгъ такъ безвременно сраженному „русскому богатырю“ какъ назвали Скобелева его однополчанине. Печальная, но и торжественная и умиленная была минута. Тутъ не было различія между официальнымъ и неофициальнымъ; то было общее искреннее народное чувство, которое всѣхъ соединило и во всѣхъ одинаково сказалось, отъ Царя до крестьянина. Въ этомъ всенародномъ чествованіи умершаго героя чувствовалась могучая животворящая сила которая и создаетъ героев. Лишь бы эта сила насъ не покидала, герои будутъ. Отъ насъ ушелъ человекъ на котораго возлагались великія надежды, но Россія не надежды чествовала и провожала его, а заслуги имъ дѣйствительно оказанныя. Не за чѣмъ смущать себя мыслию о томъ что сдѣлалъ бы Скобелевъ еслибы долѣе прожилъ. Онъ уже сдѣлалъ довольно на свою долю. Онъ хорошо записалъ свое имя въ исторіи своего отечества; онъ будетъ жить въ преданіяхъ русскаго войска возвышающимъ духъ идеаломъ; обликъ русскаго витязя не померкнетъ въ народной памяти.

Онъ умеръ, и мы проводили его. Но не умиралъ ли онъ ежедневно подъ Плевной и въ другихъ бояхъ подъ градомъ пуль и ядеръ, всегда впереди своихъ солдатъ? Вся Россія съ замираніемъ сердца слѣдила за дѣлами его неимовѣрной отваги, которая дѣйствительно наломивала времена сказочныя. Но какъ солдаты бывшіе подъ его начальствомъ, такъ и народное чувство, съ трелетомъ за нимъ слѣдившее, дѣлалось не отвагой, а силой духа которой она была выраженіемъ. Онъ не щеголялъ отвагой безъ нужды; онъ не метался безсильно какъ угорѣлый въ ольпаненіи битвы; предъ лицомъ смерти онъ оставался спокойенъ и твердъ и продолжалъ обдумывать свои планы и дѣлать свое дѣло, ничѣмъ не развлекаясь и не смущаясь. Нужна была великая сила духа чтобы изо дня въ день, непрерывно, сохранять это самообладаніе, и оно-то дѣйствовало такъ вдохновительно на войска, въ этомъ-то самообладаніи была тайна его обаянія. Въ этомъ самообладаніи предъ лицомъ смерти прежде всего сказались полководецъ способный водить свои полки къ побѣдамъ. Но непрерывное напряженіе силъ чтобы сохранять нравственное равновѣсіе въ виду смерти обходится дорого; оно пожираетъ человека. И бываетъ такъ что люди привыкшіе къ такому напряженію силъ нуждаются въ смертной опасности и ищутъ

ее чтобы вызывать и поддерживать въ себѣ силу духа, безъ котораго жизнь для человѣка одареннаго не имѣетъ цѣны.

Скорбь съ которою проводили мы останки Скобелева не походила на уныніе... Нѣтъ, онъ не унесъ съ собою нашихъ надеждъ; подвигами своей кратковременной жизни онъ возбуждалъ и возвысилъ наши надежды. Когда пробьетъ часъ великихъ дѣлъ, Скобелевы явятся на Руси. Русская исторія не привыкла хранить людей про запасъ; изъ ея живыхъ силъ на новое дѣло появятся, Богъ дастъ, новые дѣятели. Лишь бы Русь сохранилась Русью, лишь бы не ослабѣвалъ тотъ народный духъ который возвеличилъ наше государство! Только этотъ духъ и можетъ создавать у насъ великихъ людей, — и полководцевъ, и правителей; — и этотъ духъ жилъ въ Скобелевѣ, и ему обязанъ Скобелевъ честью которая провожаетъ его въ могилу. Даровитость его природы и пріобрѣтенныя имъ военныя познанія не сдѣлали бы его полководцемъ какимъ онъ былъ, не поддержали бы его на высотѣ его соображеній и даже личнаго мужества еслибы не этотъ животворящій народный духъ который сообщалъ, при его молодости, благоразуміе и зрѣлость его рѣшеніямъ, согрѣвалъ его мысль, поднималъ ее и расширялъ ея кругозоръ. Воспитанный на чужбинѣ, живя среди толкотни смутныхъ воззрѣній которыя волнуютъ наше время, Скобелевъ оставался въ своихъ убѣжденіяхъ глубоко русскимъ человѣкомъ, вѣрнымъ патріотическому долгу. Вотъ почему онъ не терялся въ отвлеченностяхъ и отличался здравомысліемъ и трезвостію въ своихъ соображеніяхъ. Онъ былъ не просто зубцомъ машины, но понималъ вещи въ ихъ обширной связи, и каждой подробности давалъ значеніе съ точки зрѣнія цѣлаго. Дѣйствуя въ степяхъ Средней Азіи и побѣждая тамъ трудности которыя до тѣхъ поръ казались неодолимыми, онъ одушевлялся мыслию о Босфорѣ, и живая мысль его усматривала внутреннюю связь нашихъ историческихъ задачъ на Востокѣ съ нашими внутренними затрудненіями. Сообщая намъ свои соображенія касательно Текинскаго оазиса, „вотъ“, писалъ онъ, между прочимъ, „тѣ политическіе и военные идеалы которые въ будущемъ должны лежать въ основѣ нашихъ дѣйствій и которыми я руководствовался памятуя священныя слова покойнаго Императора сказанныя мнѣ предъ отправленіемъ въ экспедицію... ..Лично для меня весь „Средне-Азіатскій вопросъ вполнѣ осязателенъ и ясенъ. Если

„помощію его мы не рѣшимъ, въ непродолжительномъ сравнительно времени, серьезно взять въ руки Восточный вопросъ, то азиатская овчинка не будетъ стоить выдѣлки. Смѣю думать что рано или поздно русскимъ государственнымъ людямъ придется сознаться что Россія *должна* обладать Босфоромъ; что отъ этого зависитъ не только ея величіе, но ея безопасность въ смыслѣ оборонительномъ и соответственное развитіе ея мануфактурныхъ центровъ и торговли. Никто, полагаю, не будетъ осларивать что пока Польскій и Западно-русскій вопросы будутъ тяготѣть надъ нами, всякое правильное развитіе въ лучшемъ народно-историческомъ значеніи этого слова будетъ крайне затруднено. Въ настоящее время, несмотря на потраченныя кровавыя усилія, всѣ наши границы остались открыты вражьему нашествію, вынуждающему насъ содержать такую громадную армію, а Польскій вопросъ, особенно теперь, въ виду неминуемыхъ усложненій порожденныхъ Австро-Германскимъ союзомъ, держитъ насъ въ осадномъ положеніи. Только владѣя Босфоромъ, Россія сможетъ сознательно и безповоротно произвести, *преждевременный* пока, возгласъ разбитаго Костюмка: *finis Poloniae*“.

Скобелеву не исполнилось еще и тридцати девяти лѣтъ; прослужилъ онъ всего только двадцать лѣтъ, и кончилъ жизнь въ чинахъ которыхъ достигаютъ обыкновенно уже въ преклонномъ возрастѣ. Большую часть чиновъ, а высшіе всѣ, Скобелевъ получалъ за отличія въ бою.

Окончивъ курсъ ученія, Михаилъ Дмитріевичъ поступилъ офицеромъ на службу въ Кавалергардскій полкъ, а затѣмъ перешелъ въ л.-гв. Гродненскій гусарскій полкъ, расположенный въ Варшавѣ, во время мятежа. Такимъ образомъ, съ перваго шага на службѣ и до конца онъ прослужилъ „въ полѣ“. Пробывъ въ Гродненскомъ полку установленный срокъ, Михаилъ Дмитріевичъ, на лятomъ году службы, поступилъ въ Николаевскую Академію Генеральнаго Штаба, курсъ которой онъ окончилъ блистательно. И не мудрено. Рѣдко кто вступалъ въ Академію съ такою блестящею военною подготовкой. Военная исторія, особенно русская, Суворовскіе походы, Наполеоновскія войны, все что появлялось въ печати о войнѣ Американской, было изучено и прочно усвоено

молодымъ офицеромъ. Уже тогда обнаруживались въ немъ признаки военнаго генія и задатки будущихъ побѣдъ. Блестящая знаніемъ, энергіей, оригинальностью бесѣда его увлекала товарищей, и когда случалось что Михаилъ Дмитріевичъ начиналъ читать какую-нибудь свою замѣтку, около него всегда составлялся кружокъ внимательныхъ слушателей, и послѣ чтенія возникали горячіе толки. „Не формы, говорилъ онъ еще тогда, а духъ войска, не книжный расчетъ, а геній, не послѣдшное мирное обученіе, а война, вотъ что формируетъ и армию и вождей.“ Такимъ онъ и показалъ себя потомъ на дѣлѣ. Онъ остался вѣренъ этому взгляду до конца, стараясь всегда развить въ солдатѣ отвагу, преданность дѣлу, находчивость, самоотверженіе. Онъ понималъ что для этого нужно, и былъ „солдатскимъ“ генераломъ. Онъ умѣлъ говорить и дѣйствовать понятаю солдату, умѣлъ позаботиться о солдатѣ больше чѣмъ о себѣ, и того же требовалъ и добивался отъ своихъ подчиненныхъ. Кто не помнитъ какъ въ траншеяхъ подъ Шлевной онъ спалъ въ небольшой ямкѣ на соломѣ подъ открытымъ небомъ и въ то же время хлопоталъ чтобъ у солдатъ были и землянки, и шалаши?

Какъ военный геній, Михаилъ Дмитріевичъ никогда не шелъ избитыми путями, никогда не прибѣгалъ къ рутиннымъ приемамъ, и отъ того-то онъ достигалъ успѣха тамъ гдѣ по обыкновеннымъ соображеніямъ успѣхъ казался не возможнымъ. Такъ не разъ случалось съ нимъ за Дунаемъ, подъ Шлевной, за Балканами. Въ Ахаль-Текинскую экспедицію 1880—1881 годовъ, Скобелевъ впервые выступилъ самостоятельнымъ командиромъ; и тутъ онъ показалъ себя истиннымъ полководцемъ, умѣющимъ ловить во всемъ объемѣ особенности войны, характеръ противника, его образъ дѣйствій, и воспользоваться этимъ.

Въ первую Ахаль-Текинскую экспедицію войска были ведены на рискъ, дѣйствовали по современнымъ европейскимъ приемамъ, разсыльнымъ строемъ, что въ степяхъ Средней Азіи совсѣмъ не годилось. „Ни шагу на рискъ, ничего въ разсыльномъ строю“, рѣшилъ Скобелевъ. Грозныя колонны, огонь залпами, многочисленная артиллерія и инженерное искусство, вотъ его тактика въ эту экспедицію. Массы лудъ и снарядовъ осыпали Текинцевъ; сомкнутыя и плотныя какъ фаланга Македонская шли неотразимо впередъ колонны воодушевленныхъ имъ людей и ломали вдесятеро сильнѣйшаго неприятеля.

Скобелевъ отличался горячимъ увлекающимся характеромъ и беззаветною, ставшею теперь историческою, отвагой. Но гдѣ же признаки горячности, военной запальчивости въ Ахалъ - Текинской экспедиціи? Ихъ нѣтъ; молодой генераль все дѣлаетъ въ свое время, какъ разъ въ мѣру, всегда у мѣста. Въ войнѣ, въ бою, онъ преобразается и предъ нами выступаетъ генераль обладающій тѣмъ „равновѣсіемъ ума и характера“ которое Наполеонъ I признавалъ главнымъ признакомъ гениальнаго полководца.

Вотъ причина почему послѣ Хивинской экспедиціи 1873 года, въ которой Скобелевъ участвовалъ еще въ чинѣхъ младшаго офицера Генеральнаго Штаба, въ Коканѣ, въ 1875 году, является уже блестящимъ полководцемъ, дѣйствіямъ котораго отдають справедливую дань англійскіе генералы близко знакомые съ азіатскимъ театромъ войны. Вотъ почему, явась на Дунай въ должности начальника штаба сводной казачьей дивизіи, онъ выходитъ изъ кампаніи съ громкимъ именемъ въ тридцать пять лѣтъ и получаетъ въ командованіе уже не дивизію, какъ подъ Плевной, а корпусъ.

На Дунай Михаилъ Дмитріевичъ принесъ удивительную военную опытность. Онъ уже собственнымъ опытомъ подмѣтилъ секретъ побѣды; онъ уже умѣлъ читать залогъ ея на лицахъ солдатъ.

Извѣстно что въ самую критическую минуту боя на правомъ берегу Дуная въ утро переправы, когда многимъ казалось что бой принималъ сомнительный оборотъ, когда казалось необходимымъ торолиться приватіемъ мѣръ чтобы добиться успѣха, Михаилъ Дмитріевичъ подошелъ къ своему бывшему профессору, М. И. Драгомирову, со словами: „ло-здраваляю.“ „Съ чѣмъ?“ послѣдовалъ вопросъ. „Съ побѣдой.. Посмотри на лица солдатъ“...

И тутъ же этотъ генераль, умѣющій читать въ душахъ людей, подъ градомъ пуль спокойно идетъ въ бѣломъ кителѣ вдоль цѣли добровольно, будто адъютантъ передавая людямъ приказанія генерала Драгомирова.

Въ боевомъ дѣлѣ онъ не разбиралъ по чину или не по чину то что онъ дѣлалъ. Но онъ умѣлъ казалось бы „де-вѣмѣстное“ дѣло дѣлать такъ какъ никто его сдѣлать былъ не въ состояніи. Передавая приказанія вдоль цѣли, онъ поднималъ на высоту духъ солдата, внушалъ ему увѣренность въ побѣдѣ, спокойствіе въ опасности.

Михаилъ Дмитріевичъ никогда не популярничалъ, но всегда

былъ популяренъ. Это выходило само собою потому что онъ дѣлалъ только то что нужно, когда нужно и какъ нужно. За его столомъ, въ его ставкѣ, исчезало, казалось, различіе чиновъ. Но никто ни на минуту не переставалъ видѣть въ немъ „необыкновеннаго“ командира, и близкое, простое обхождение, то вниманіе которое встрѣчалъ съ его стороны каждый прішедшій къ нему офицеръ только вызывало въ томъ чувство преданности и готовность на безпрекословное повиновеніе.

Если Михаилъ Дмитриевичъ умѣлъ увлечь, наэлектризовать солдатъ, то именно всего болѣе тѣмъ что умѣлъ вызвать въ немъ безграничное довѣріе къ вождю. Это довѣріе къ себѣ, къ своему слову, Михаилъ Дмитриевичъ умѣлъ внушить даже непріятелю. Ахалъ-Текинцы, во время известнаго перемирія подъ стѣнами Геокъ-Теле и послѣ ладенія своей твердыни, это высказали и доказали дѣломъ.

Никогда Скобелевъ не позволялъ себѣ опочить на лаврахъ съ тѣмъ чтобы жить процентами со своей славы. Нѣтъ, онъ шелъ всегда впередъ, всегда готовился къ будущему. Онъ никогда не переставалъ изучать военное дѣло и потому всегда являлся на высотѣ призванія, всегда способнымъ ловить тѣ обширныя и сложныя задачи, и военныя и политическія, которыя представлялись ему. И теперь смерть постигла его среди такого же изученія, полнаго надеждъ, полнаго блестящихъ военныхъ плановъ....

II.

30 іюня, телеграфъ привезъ извѣстіе о страшномъ несчастіи на Курской желѣзной дорогѣ. „Въ три часа утра поѣздъ шедшій изъ Москвы въ Курскъ потерпѣлъ крушеніе между станціями Чернь и Бастыево. Вслѣдствіе шедшихъ дождей размыло насыль и въ образовавшійся провалъ изъ четырнадцати вагоновъ свалились и разбиты восемь: багажный, три вагона третьяго класса и четыре втораго и перваго классовъ. Погибло много народа.“

Вотъ подробности катастрофы собранныя на мѣстѣ корреспондентомъ *Московскихъ Вѣдомостей*. * Въ ночь на 30 іюня, въ предѣлахъ Тульской губерніи разразилась сильная

* Всѣ эти подробности почти вполнѣ подтверждены правительственнымъ сообщеніемъ напечатаннымъ во всѣхъ газетахъ.

ливень съ грозой прекратившею телеграфное сообщеніе между станціями Бастыево и Чернь. Прислуга товарнаго поѣзда вышедшаго изъ Бастыева въ 11 часовъ ночи и прибывшаго въ часъ ночи въ Чернь заявила начальнику станціи что на 290 и 291 верстахъ чувствуются толчки и что луть на этомъ мѣстѣ вѣроятно размытъ. Начальникъ станціи, не имѣя возможности по случаю недѣйствія телеграфа предупредить объ этомъ станцію Бастыево и ожидая съ этой станціи прибытія поѣзда № 4, тотчасъ послалъ на указанное мѣсто дорожнаго мастера съ рабочими, которые прибывъ къ 290 верстѣ оградили поврежденное мѣсто сигналами и занялись его исправленіемъ. Тѣмъ временемъ подошелъ поѣздъ № 4, остановился и, простоявъ на лутѣ 35 минутъ, былъ пропущенъ медленнымъ ходомъ до станціи Чернь въ сопровожденіи дорожнаго мастера.

Такъ какъ до 290 версты никакихъ поврежденій никѣмъ изъ машинистовъ и поѣздной прислуги изъ двухъ только-что прошедшихъ поѣздовъ замѣчено не было, а луть на 290 и 291 верстахъ уже былъ исправленъ, то начальникъ станціи Чернь выпустилъ и поѣздъ № 3 слѣдовавшій въ Орель, причемъ приказалъ дорожному мастеру проводить поѣздъ до 292 версты, а оберъ-кондуктору помѣститься на локомотивѣ. Минувавъ благополучно 290 и 291 версты и отпустивъ дорожнаго мастера, машинистъ пошелъ далѣе полнымъ ходомъ, но подѣхавъ къ насыпи находящейся на 296 верстѣ и благополучно минувавъ ея половину и трубу находящуюся надъ нею, машинистъ, по его словамъ, вдругъ замѣтилъ впереди лодъ рельсами совершенно пустое пространство. То же, или вѣрнѣе, „изгибъ рельсовъ“, увидалъ и оберъ-кондукторъ и тотчасъ же затормозилъ поѣздъ, но было уже поздно; не успѣвъ машинистъ дать козть-ларъ, какъ локомотивъ оступился какъ бы въ яму и, выскочивъ оттуда, сошелъ съ рельсовъ и упалъ на бокъ увлекая за собою вагоны. Къ счастью нѣкоторыхъ изъ пассажировъ, одинъ изъ вагоновъ 1го класса очутился при толкѣ поперекъ рельсовъ, вслѣдствіе чего скрѣпы соединяющія его со слѣдующимъ вагономъ лопнули, и 6 вагоновъ остались на рельсахъ, причемъ ихъ пассажиры отдѣлялись только испугомъ и сильными толчками. О дальнѣйшемъ разказы перелуганныхъ очевидцевъ весьма разнообразны, но тѣмъ не менѣе всѣ они заставляютъ предполагать три момента катастрофы или, вѣрнѣе, три отдѣльных

катастрофы, между которыми были большіе или меньшіе промежутки. *Первая* катастрофа, это сходъ поѣзда съ рельсовъ съ поврежденіями вагоновъ, причемъ убило и ранило многихъ, но въ то же время многіе успѣли спастись будучи выброшены или выскочивъ сами. Къ такимъ принадлежатъ оберъ-кондукторъ и всѣ кондукторы поѣзда. * Машиниста тоже выбросило, причемъ онъ получилъ переломъ трехъ реберъ. 18 солдатъ, помѣщавшіеся вмѣстѣ съ унтеръ-офицеромъ въ первомъ послѣ багажнаго вагонѣ, всѣ спаслись, выскочивъ на лѣвую сторону, а унтеръ-офицеръ убитъ при столкновеніи. Спаслась получивъ легкій ушибъ дочь гжи Дунаевой (гжа Нѣмчинова), мать которой тоже въ числѣ жертвъ, спаслись и многіе другіе, которыхъ извлекали изъ засасывавшего ихъ глинистаго грунта насыпи, бросая имъ сигнальную веревку оторванную отъ поѣзда. Кромѣ того, какъ бы чудомъ спаслись также смазчикъ и инженеръ Елецкой дороги Дидерикъ, улавшіе стремглавъ въ потокъ, но успѣвшіе вылазить ухватившись за что-то. Послѣ этой катастрофы наступила *вторая*: семь пассажирскихъ вагоновъ и багажный вслѣдствіе сдвига почвы и собственной тяжести, начали валась другъ на друга съѣзжать внизъ, увлекая при слускѣ вмѣстѣ съ частью почвы какъ раненыхъ, такъ и тѣхъ которые были выброшены или выскочили по правую сторону отъ кота. По словамъ очевидцевъ, какой-то военный умолялъ о помощи, но вытащить его не могли, такъ какъ одна изъ его ногъ застряла въ деталяхъ вагона. Несчастный предлагалъ нѣсколько тысячъ за свое спасеніе, просилъ чтобъ ему отрубилъ ногу топоромъ... Но въ это время случилась *третья* катастрофа: громадная глыба глины превратившейся въ вязкій кисель отдѣлилась отъ насыпи и моментально упавъ на разбитые вагоны погребла ихъ вмѣстѣ съ живыми и мертвыми. Глазамъ объятыхъ ужасомъ пассажировъ, при свѣтѣ начинавшагося утра, предстала на мѣстѣ катастрофы гладкая поверхность жидкой глины и все болѣе и болѣе накрывающійся на бокъ паровозъ, внизу же съ лѣвой стороны бурлило грязное озеро дождевой воды запруженное обваломъ.

Крушеніе поѣзда сопровождавшееся страшнымъ шумомъ слышали крестьяне близъ лежащей деревни Кукуевки и дорожный мастеръ, находившіеся въ верстѣ отъ катастрофы

* Погибло 4 кондуктора, но всѣ они другой бригады и ѣхали въ качествѣ пассажировъ.

и тотчасъ же прибѣжавшій на мѣсто происшествія. Крушеніе поѣзда произошло въ исходѣ четвертаго часа утра. Дорожный мастеръ, пробывъ нѣсколько минутъ на мѣстѣ крушенія, гдѣ въ это время пассажиры и крестьяне спасали оставшихся въ живыхъ, побѣжалъ на станцію Бастыево извѣстить о происшествіи и въ 5 часовъ телеграфировалъ о крушеніи во Мценскъ.

Мѣсто событія имѣло такой видъ. Насыль, съ которой свалился поѣздъ, въ срединѣ имѣла сѣдловину, съ другой стороны которой (по направленію къ Курску) лежали тендеръ и паровозъ въ наклонномъ положеніи къ правому скату, черезъ эту сѣдловину проходили мостки, въ послѣдствіи огороженные перилами. Съ лѣвой стороны насыли, оттого что труба была затянута сѣвомъ и глиной и часть ея выброшена теченіемъ, образовалось большое озеро, съ правой стороны внизу насыли торчало нѣсколько обломковъ, а на днѣ оврага, сплошь затянутаго наносною землею и покрытаго камнями, валялось нѣсколько сломанныхъ и цѣльныхъ колѣвъ трубы, глубоко замесенныхъ глиной. Части этой трубы, изъ коихъ въ каждой по 160 пудовъ, лежали и далѣе, а одна изъ нихъ лежитъ даже въ 500 шагахъ отъ насыли глубоко зарытая въ руслѣ, наглядно доказывая силу воды во время лаводка.

7 іюля.

Страшное крушеніе продолжаетъ быть предметомъ горячихъ толковъ. Не скоро оломившись послѣ такой катастрофы; всѣ невольно прежде всего ищутъ виновныхъ. Курскую дорогу строила не компанія которая теперь ею владѣеть, а казна; да еслибы дорога была построена и частною компаніею, то разрѣшеніе открыть движеніе даетъ опять-таки правительственная коммиссія, удостовѣряющая прочность и надежность постройки. На 296 верстѣ дорога встрѣтила глубокой оврагъ. Чтобы перейти черезъ него сдѣлана высокая насыль, въ которой для пропуска верховой воды заложена чугунная труба. Сильный ливень 29 и 30 іюля далъ такой лаводокъ что трубу вымыло и часть ея свесло внизъ на цѣлыя *десяти* сажень. Дальнѣйшій напоръ воды размылъ затѣмъ около тысячи кубическихъ сажень насыли. Правленіе дороги можетъ быть тутъ виновато лишь въ томъ случаѣ если окажется что труба и насыль не

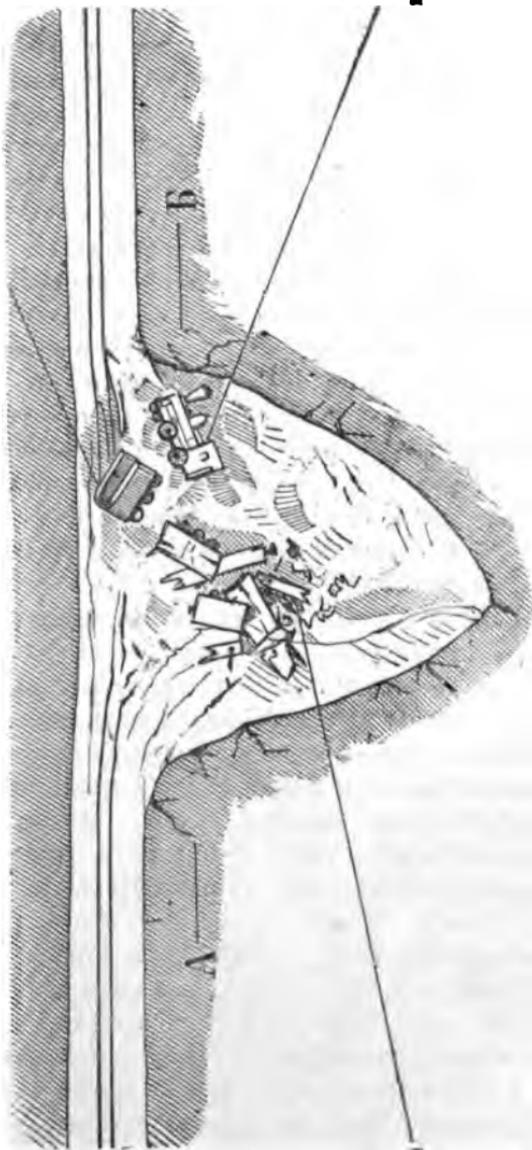
Планъ мѣста катастрофы на Московно-Курской желѣзной дорогѣ на 296 верстѣ.

Изъ Москвы.

Насыпь по лѣвую сторону рельсовъ осталась непо-
врежденною; обвалъ захватилъ лишь правую сторону.

 Въ Курскъ.

Тендеръ лежить на
гребнѣ откоса обвала.

Станція Черны.

Станція Ба-
отново.

Обломки, пролѣ-
ги и нагформы
вагоновъ.

Паровозъ ле-
жить на обвали

Глубина обвала десять саженъ.

были исправны, а это пока сомнительно въ виду тѣхъ поврежденій которыя замѣчены въ другихъ пунктахъ дороги, начиная со 106 и кончая 331 верстой: всѣ они причинены напоромъ воды и жестокимъ ливнемъ.

Ливень этотъ надѣлалъ бѣдъ не на одной Московско-Курской дорогѣ. На Рязско-Вяземской, по официальнымъ свѣдѣнiямъ, вымытъ балластъ и повреждены деревянные мосты въ восьми пунктахъ, на протяженiи около двухсотъ верстъ; на Елецкой дорогѣ поврежденъ мостъ на 77 верстѣ.

Но подобныя поврежденiя на нашихъ дорогахъ не рѣдкость и въ нихъ нѣтъ ничего необычайнаго, ничего такого чего нельзя было бы въ свое время предвидѣть, а стало-быть и предупредить. Весеннiе и осеннiе половодья и дожди безпрестанно портятъ мосты, размываютъ насыпи, смываютъ балластъ, вырываютъ водопроводныя трубы. Неужели же все это такъ и должно быть, неужели дѣло о томъ быть или не быть несчастью съ поѣздомъ должно зависѣть отъ случая, отъ того идетъ ли поѣздъ тремя четвертями часа раньше или позже, какъ это было на Московско-Курской дорогѣ, гдѣ поѣздъ № 4 прошелъ благополучно, а № 3 чрезъ 50 минутъ потерпѣлъ крушенiе?

Въ Германiи, еще въ то время когда желѣзныя дороги большею частью находились въ рукахъ частныхъ лицъ и компанiй, изданъ законъ „о вознагражденiи за увѣчья“. Законъ этотъ не освобождаетъ компанiю желѣзныхъ дорогъ отъ отвѣтственности за несчастья и увѣчья отъ подобныхъ причинъ какъ напоръ воды и ливни. Законъ этотъ остается въ силѣ и теперь. Онъ очень строгъ. Надняхъ, на одной изъ прусскихъ линiй, былъ такой случай: дѣти играли около переѣзда черезъ дорогу; взрослыхъ между ними не было. Поданъ былъ сигналъ о приближенiи поѣзда. Дорожный сторожъ закрылъ ворота переѣзда, но въ тотъ самый мигъ когда локомотивъ былъ уже въ нѣсколькихъ шагахъ ребенокъ пролѣзъ между перекладинами, выскочилъ на дорогу и былъ задавленъ. Родители потребовали вознагражденiя. Правленiе дороги обвиняло родителей и указывало что оно не могло принять бѣльшихъ мѣръ предосторожности: дорожный сторожъ былъ на мѣстѣ, ворота заперты. Но судъ нашелъ что правленiе могло бы имѣть на переѣздахъ *стѣчатые* ворота, постройка которыхъ впрочемъ не обязательна.

Будь у насъ подобный законъ, правленiя желѣзныхъ дорогъ конечно были бы много заботливѣе и осторожнѣе; во

у насъ такой законъ повлекъ бы за собою только увеличеніе и безъ того значительныхъ прилаять казны по гарантиямъ, или же увеличилъ бы суммы неоплатныхъ долговъ дорогъ казнѣ. Однако необходимо сдѣлать все возможное чтобы предотвращать по крайней мѣрѣ такіа несчастія въ которыхъ никто не оказывается обыкновенно виноватымъ. Железныя дороги находятся у насъ съ самаго момента ихъ открытія въ казенной олекѣ: при открытіи ихъ осматриваетъ правительственная коммиссія, всѣ сооруженія и ремонтъ пути всегда находятся подъ надзоромъ правительственнаго инспектора, инженера. Неужели же не на ихъ отвѣтственности должно лежать чтобы извѣстное сооруженіе соответствовало всѣмъ условіямъ мѣстности? Правительственная коммиссія осматривающая дорогу при ея открытіи можетъ еще пожалуй не принять во вниманіе этихъ условій, на ознакомленіе съ ними необходимо время; но правительственный инспекторъ дороги находится въ иныхъ условіяхъ. Служа на линіи иногда нѣсколько лѣтъ, инспекторъ имѣетъ полную возможность изучить всѣ ея особенности и сообразить довольно ли въ данномъ пунктѣ имѣть только трубу, или нужно построить мостъ и какой; соответствуетъ ли мостъ свойствамъ рѣки и не выгоднѣе ли построить обходную вѣтвь, какъ это нѣсколько лѣтъ назадъ сдѣлаво на Николаевской дорогѣ. Неужели нѣтъ возможности вычислить соответствуетъ ли труба возможно большому валору воды? Сомнѣваться въ этомъ было бы даже странно. Нужно что-нибудь одно: или чтобы дороги, по крайней мѣрѣ ихъ правленія, были отвѣтственны въ уголовномъ и гражданскомъ порядкѣ за *всѣ* происходящія несчастія съ поѣздами, или же чтобы надзоръ за дорогами и правительственная олека надъ ними перестали быть фиктивными!

Несчастіе на Курской дорогѣ имѣетъ общее значеніе. Необходимо принять мѣры чтобы несчастія подобнаго рода не повторялись. Много ли толку что на 296 верстѣ Московско-Курской дороги вмѣсто трубы теперь строить мостъ? Конечно, новаго несчастія въ этомъ пунктѣ больше не случится, но можетъ оно случиться въ другомъ мѣстѣ, на другой дорогѣ. Что жъ, такъ и дожидаться чтобы громъ грянулъ, чтобы новое несчастіе указало новый пунктъ, гдѣ одно сооруженіе должно быть замѣнено другимъ? Сколько же времени потребуется на такую *постепенную* перестройку, и сколько крушеній должно произойти, сколько людей должны

поплатиться жизнью и здоровьемъ пока будутъ наконецъ усмотрѣны и устранены всѣ вольныя и невольныя погрѣшности въ постройкѣ нашихъ желѣзныхъ дорогъ!

По официальнымъ свѣдѣнiямъ наибольшее число лицъ находившихся въ поѣздѣ № 3й составляетъ 191. Изъ нихъ ранены легко 45 человекъ, тяжело 5, убито 42. Остальные оказались невредимыми.

III.

23 июля.

Торгово-Промышленный Съѣздъ въ Москвѣ, съ истечениемъ срока определеннаго для его занятiй, закрытъ при подобающей случаю торжественной обстановкѣ. Члены Съѣзда разошлись каждый къ своему мѣсту и къ своему дѣлу. Настала пора спросить чѣмъ увѣнчалась ихъ совокупная трехнедѣльная дѣятельность, какіе дала результаты, кому послужила на пользу.

Резолюціи постановленныя большинствомъ голосовъ по разнымъ вопросамъ въ каждомъ изъ отдѣленiй Съѣзда подверглись разсмотрѣнію и голосованію въ послѣднемъ общемъ его собраніи и будутъ, конечно, представлены правительству. Но, спрашивается, лучше ли будетъ ознакомлено правительство съ нуждами промышленнаго и торговаго міра по прочтеніи резолюцій Съѣзда чѣмъ было до ихъ постановленiя? Разныя лица принимавшія участіе въ занятiяхъ Съѣзда желаютъ чтобы въ интересахъ торговли и промышленности было сдѣлано то-то и то-то. Но на чемъ можетъ быть основана увѣренность что исполненіемъ желанiй выраженныхъ большинствомъ этихъ лицъ будутъ удовлетворены дѣйствительныя нужды торгово-промышленнаго міра? Этотъ міръ, конечно, имѣлъ на Съѣздѣ своихъ представителей. Но по каждому вопросу голоса людей дѣйствительно въ немъ заинтересованныхъ терялись въ массѣ другихъ, для кого въ сущности все равно какой бы оборотъ ни приняло обсуждаемое дѣло, въ какія бы условія ни было оно поставлено. Отъ имени каждой отрасли промышленности и торговли говорили и полагали резолюціи люди никакаго отношенiя къ ней не имѣющіе и часто вовсе не знакомые съ ея положеніемъ. И правительство приглашается прислушаться къ этимъ резолюціямъ и принять ихъ во вниманіе при постановкѣ законодательныхъ рѣшенiй по торговой и промышленной частямъ...

Соблюденіе интересовъ торговли и промышленности составляетъ несомнѣнно важную правительственную задачу. Ближайшее ознакомленіе съ нуждами разныхъ отраслей промышленности для администраціи необходимо. Но требуется дѣйствительное, а не мнимое знаніе условій благоприятныхъ и неблагоприятныхъ для каждаго вида экономической дѣятельности, и прямой путь къ тому чтобы познаться съ дѣломъ какъ оно есть—спросъ тѣхъ людей которые этимъ дѣломъ занимаются. О томъ что нужно для горнаго дѣла нужно спрашивать у горнопромышленниковъ, а не у кожевенныхъ заводчиковъ и не у табачныхъ фабрикантовъ; объ условіяхъ необходимыхъ для развитія льняной промышленности странно было бы спрашивать сахароваровъ. Между тѣмъ, именно такая-то странность и имѣла мѣсто на Сѣздѣ по отношенію почти ко всѣмъ обсуждавшимся на немъ вопросамъ. Каждый фабрикантъ, каждый заводчикъ, вообще каждый представитель какой бы то ни было отрасли отечественной торговли считался знатокомъ и компетентнымъ судьей не по тому только дѣлу съ которымъ связаны его кровные интересы, но рѣшительно по всякому. Точно такая же компетентность сужденій признавалась за каждымъ изъ многочисленныхъ членовъ „Общества для содѣйствія русской промышленности и торговли“ и всѣхъ иныхъ обществъ „занимающихся разработкой экономическихъ и промышленныхъ вопросовъ“, хотя въ числѣ этихъ членовъ значатся дѣла массы людей никакою промышленностью и торговлей не занимающіеся и любящіе только празднословить о нихъ. Вотъ къѣмъ баллотировались поставленные на Сѣздѣ резолюціи. Иныя изъ этихъ резолюцій случайно совпадаютъ съ дѣйствительными нуждами промышленности, другія радикально съ ними расходятся. Тѣ и другія одинаково прошли чрезъ процессы баллотировки и получили санкцію Сѣзда, какъ бы нѣкоего торгово-промышленнаго парламента. Для кого, однако, нужна эта санкція и чего она стоить?

На заключительномъ общемъ собраніи Сѣзда, однимъ изъ его членовъ было сдѣлано предложеніе о періодическомъ созывѣ сѣздовъ подобныхъ нынѣшнему каждые три года. Предложеніе это было встрѣчено Сѣздомъ сочувственно. Едва ли, однако, съ такимъ же сочувствіемъ было бы принято это предложеніе серьезными людьми изъ среды торгово-промышленнаго міра, дѣйствительными его представителями.

Торгово-промышленныя сѣзды, какъ средство для совѣщаній о затрогивающихъ ихъ интересахъ обстоятельствахъ на которыя нужно обратить вниманіе властей, и какъ путь ознакомленія правительства съ тѣмъ что требуется для успѣшности дѣла которымъ они занимаются, конечно, желательны для промышленныхъ и торговыхъ людей, они для нихъ дѣйствительно нужны, чего нельзя сказать о многихъ ораторахъ закрывшагося Сѣзда. Но для промышленныхъ и торговыхъ людей нужны совсѣмъ не такіе сѣзды. Дѣловымъ людямъ нужно настоящее дѣло, а не фальшивое подобіе дѣла, не фарсъ, который можетъ внести только вредную фальшь въ дѣло промышленности и торговли. Имъ нужны сѣзды на которыхъ люди группирующіеся около каждаго промышленнаго и торговаго интереса могли бы высказаться вполне, не заглушаемые жужжаніемъ разныхъ трутней, не сбиваемые съ толку нейдуцимъ къ дѣлу красноречіемъ и не стѣсняемые формализмомъ обычныхъ приемовъ обсужденія вопросовъ въ общественныхъ говорильняхъ. Имъ нужны сѣзды на которыхъ каждое дѣло обсуждалось бы только тѣмъ кому оно, не на словахъ только, а дѣйствительно близко и дорого, тѣмъ кто кладутъ на него и свой трудъ и свои капиталы, сѣзды на которыхъ прядильное дѣло обсуждалось бы прядильщиками, а не винодѣлами, производство машинъ — механическими заводчиками, а не химиками, и всего менѣе чиновниками и разными дилеттантами. При такой спеціализаціи занятій, при обсужденіи каждаго вопроса только въ средѣ людей прямо имъ заинтересованныхъ, результаты совѣщаній имѣли бы дѣйствительно серьезное значеніе, и заявленія сѣздовъ дѣйствительно знакомили бы администрацію съ тѣмъ что нужно для каждой отрасли промышленности и торговли. Въ группѣ людей занимающихся однимъ и тѣмъ же дѣломъ имѣло бы смыслъ и рѣшеніе иныхъ вопросовъ большинствомъ толпосовъ, тогда какъ голосованіе вопроса касающагося одной промышленной спеціальности людьми другихъ спеціальностей непременно внесетъ фальшь въ дѣло. Не бѣда если заявленія и ходатайства отъ имени разныхъ интересовъ будутъ разнорѣчивы, если напримеръ желанія прядильщиковъ окажутся противоположны желаніямъ ткачей. Эти разнорѣчія могутъ удобно сгладиться на самомъ сѣздѣ, ибо ничто не помѣшаетъ ткачамъ сойтись съ прядильщиками для совѣстнаго обсужденія спорныхъ между ними предметовъ. Но еслибы соглашенія

расходящихся интересовъ на съѣздѣ и не произошло, правительство имѣло бы налицо *истинныя* требованія той или другой отрасли промышленности, и въ случаѣ ихъ антагонизма могло бы болѣе или менѣе уравновѣсить ихъ, ибо каждый интересъ заявилъ бы предъ нимъ все что можетъ въ свою защиту. Нужды и желанія промышленности дошли бы до правительства во всей ихъ реальной правдѣ, а не въ фальшивой окраскѣ какую принимаютъ они проходя сквозь призму обсужденій и голосованій въ сборищахъ подобныхъ только-что разошедшемуся Съѣзду.

Торгово-промышленныя съѣзды могутъ быть желательны и полезны, но лишь при условіи правильной организаціи, а не той какая была дана послѣднему съѣзду созвавшимъ его частнымъ обществомъ. Нужны съѣзды отъ которыхъ правительство слышало бы правду и на которые люди промышленнаго и торговаго міра собирались бы съ увѣренностью что ихъ заявленія не подвергнутся ни чѣмъ искаженіямъ и дойдутъ до правительства во всей ихъ прямотѣ, а не въ томъ видѣ какой правится любителямъ обсуждать всевозможныя экономическія вопросы. Не этимъ любителямъ, полагаемъ, должна принадлежать и инициатива промышленныхъ съѣздовъ. Гораздо лучше чтобъ они созывались самимъ правительствомъ. Программа съѣздовъ была бы при этомъ, конечно, не такъ широковѣщательна какъ та съ которою мы недавно имѣли дѣло; она ограничивалась бы болѣе тѣснымъ кругомъ того чѣмъ наиболѣе озабочены интересы торгово-промышленнаго міра. Но менѣе широкая и за то серьезная программа навѣрно привлекла бы на Съѣздъ гораздо болѣе многочисленныхъ представителей промышленности и торговли чѣмъ сколько видѣли мы ихъ на закрывшемся Съѣздѣ. Отъ участія въ немъ не сторовались бы многіе дѣловые люди, какъ это было нынѣ, и участники Съѣзда вѣроятно не разочаровывались бы въ немъ, какъ разочаровались многіе въ нынѣшнемъ, сожалѣя о потерянномъ въ его застѣваніяхъ времени.

IV.

1 июля.

Alia jacta est. Во вторникъ, 29 июня, английскій адмиралъ открылъ бомбардировку по египетскимъ фортамъ, обороняющимъ Александрийскую гавань. Батареи фортовъ отвѣчали. Началась расправа между Англiей и египетскимъ диктаторомъ Араби-пашой. Каковъ будетъ исходъ этой борьбы, предугадать не трудно, за то совершенно невозможно предусмотрѣть дальнѣйшія послѣдствія, которыя, можетъ-быть, поведутъ къ новому рѣшенію столь близкаго намъ Восточнаго вопроса.

Въ Константинополѣ засѣдаетъ вотъ уже три недѣли европейская международная конференція, созванная Англiей и Франціей со спеціальною цѣлью уладить затрудненія вызванныя въ Египтѣ диктатурой Араби-паши. Не ожидая ничего серьезнаго отъ занятій этой конференціи, г. Гладстонъ рѣшился „параллельно съ конференціей“ уладить египетскія затрудненія посредствомъ не делешъ, а пушекъ.

Скелтичeskій взглядъ англійскаго премьера на пользу Константинопольской конференціи весьма понятенъ. Послѣ двухнедѣльнаго совѣщанія, европейскіе дипломаты засѣдающіе въ предсѣдательствѣ г. Корти додумались предложить Портѣ отправить, отъ имени Европы, на извѣстный срокъ войска въ Египетъ для смѣщенія Араби-паши. Никто не сомнѣвался что Порта затруднится принять роль жандарма Европы противъ человека котораго султанъ за его заслуги только-что украсилъ орденомъ Меджидіе. Турція, конечно, не прочь занять своими войсками Египетъ, положить конецъ автономіи хедива и превратить плодородную Нильскую долину въ простой турецкій пашалыкъ; но для этого она должна явиться самостоятельною и независимою державой, а не на извѣстный только срокъ „по порученію Европы“. Итакъ, члены Константинопольской конференціи очень хорошо знали что Порта отклонитъ это предложеніе, но тѣмъ не менѣе они пространно разсуждали о томъ какъ формулировать этотъ дипломатическій инструментъ и наконецъ торжественно вручили его 28 июня Портѣ, не перестававшей протестовать противъ самаго существованія Константинопольской

конференціи на томъ основаніи что никакого де Египетскаго вопроса не имѣется. Нѣтъ сомнѣнія что Турція, по изысканнымъ правиламъ своей дипломатіи, начала бы безконечную дипломатическую переписку, дабы выиграть какъ можно болѣе времени и дать Араби-пашѣ возможность привести Египетъ въ прочное оборонительное положеніе и захватить Суэзскій каналъ въ видѣ драгоценнаго „европейскаго заложника“. Когда наконецъ выяснилась бы невозможность столковаться съ Портой, Константинопольская конференція начала бы разсматривать и обсуждать способы европейскаго вмѣшательства, которое конечно представило бы тысячу теоретическихъ и практическихъ затрудненій. Когда эти затрудненія были бы улажены и было бы рѣшено отправить англо-французскую, или англо-французско-итальянскую, или англо-французско-греческую армію въ Египетъ, то прошло бы еще много времени пока наконецъ эти сложныя экспедиціи могли состояться, а къ тому времени Александрія и Каиръ могли превратиться въ неприступныя крѣпости, подъ знамена же Араби-паша могла собраться многотысячная армія регулярныхъ и въ особенности иррегулярныхъ (бедуинскихъ) полчищъ. Съ этою арміею и противъ этихъ крѣпостей, Англіи пришлось бы вести войну со связанными европейскимъ концертомъ руками, а славу и плоды побѣды пришлось бы ей дѣлить съ другими державами, интересы которыхъ далеко не тождественны съ интересами Англіи.

Словомъ, повторилось бы, *mutatis mutandis*, то что было съ нами въ 1877 году: тогда тоже застѣдала въ Константинополь конференція, на которой нашъ посолъ торжественно выбрасывалъ за бортъ одно за другимъ всѣ требованія Россіи, а пока длилась эта конференція, Турція вооружилась, мы же, рѣшившись на безконечную уступчивость и потому совершенно увѣренные въ мирномъ исходѣ, довольствовались выставленною для демонстраціи силой, не принимая дальнѣйшихъ мѣръ, и дѣло кончилось тѣмъ что Высокая Porta презрительно отвергая даны нашихъ уступокъ, не захотѣла принять отъ насъ даже униженное признаніе ея правъ, и чуть не сама объявила намъ войну...

Г. Гладстонъ, съ энергіею напоминающею лорда Палмерстона, рѣшилъ не дожидаться отвѣта Порты на предложеніе придуманное Константинопольскою конференціею. Лордъ Сеймуръ, командующій англійскою эскадрой предъ Александріею,

отправилъ Араби-пашѣ уахтиматумъ съ требованіемъ немедленно очистить форты, и, получивъ уклончивый отвѣтъ, открылъ бомбардировку.

10 юля.

Истребленіе цвѣтущаго города, второй столицы Египта, не могло, конечно, не произвести сильнаго впечатлѣнія. Континентальная печать почти единогласно возложила всю отвѣтственность за разгромленіе Александріи на Англійское правительство, обвиняя его въ излишней горячности и въ чрезмѣрномъ избыткѣ энергіи. Иное дѣло англійскія газеты, въ особенности торійскіе органы. Онѣ также оказались недовольны и поставили въ вину своему правительству разрушеніе Александріи, но приписали эту ужасную катастрофу не чрезмѣрной, а *недостаточной* энергіи и распорядительности кабинета г. Гладстона. „Ошибка правительства, говорить *Standard*, въ настоящее время вполне очевидна: она заключается въ томъ что у него не было въ готовности достаточной военной силы чтобы поддержать операциіи флота.“ На ту же ошибку указываетъ и *Times*, выражая свое „сожалѣніе о томъ что сэръ-Бошанъ Сеймуръ, атакуя форты, не имѣлъ ни средства, ни власти высадить въ тылу фортовъ двѣ или три тысячи солдатъ, которые могли легко захватить желѣзныя дороги и узкую косу твердой земли ведущую изъ Александріи во внутреннюю страну.“ Всѣ англійскія газеты единодушны въ заключеніяхъ своего правительства быть энергичнѣе.

Принятые кабинетомъ мѣры обнаружили готовность Англійскаго правительства послѣдовать воинственнымъ совѣтамъ. Въ Мальтѣ, въ Каирѣ и въ Индіи заготовлено 40.000 войска и часть уже отправлена въ Египетъ: одинъ корпусъ для преслѣдованія Араби-пашы, съ тѣмъ чтобы въ случаѣ надобности занять и Каиръ; другой, чтобы высадиться у Портъ-Саида для охраны или вѣрнѣе для захвата Суэзскаго канала, на который такъ давно уже зарится Англія.

Всѣмъ еще памятно съ какимъ недоброжелательствомъ въ пятидесятихъ годахъ Англія встрѣтила первую попытку г. Лесселса соединить посредствомъ канала Средиземное Море съ Чернымъ. Лордъ Палмерстонъ опасался, съ одной стороны, что съ открытіемъ ближайшаго пути въ Индію утратится

значеніе англійской Канской колоніи, а съ другой—что каналъ будетъ находиться въ рукахъ Франціи, которая во всякое время будетъ имѣть возможность отрѣзать Англію отъ Индіи. Когда однако энергія г. Лесселса превозмогла надо всѣми поставленными ему Англійскимъ правительствомъ препятствіями и въ 1869 году послѣдовало открытіе канала, Англія принуждена была примириться съ этимъ совершившимся фактомъ и съ тѣхъ поръ непрерывно думала о томъ какъ бы не только устранить сопряженную съ нимъ для нея опасность, но и извлечь изъ него наибольшую для себя пользу. Съ этою цѣлью она, въ 1877 году, неожиданнымъ для всѣхъ образомъ скупила почти всѣ акціи Общества Суэзскаго канала и сдѣлалась такимъ образомъ, въ финансовомъ отношеніи, полнымъ его хозяиномъ. Но этого очевидно было мало; ей нужно было и военное господство надъ каналомъ. Теперь представился повидимому удобный случай для того чтобы привести въ исполненіе эту давнишнюю мечту англійской дипломатіи. Англійскія газеты уже открыто говорятъ что Англія *какъ наиболее заинтересованная держава* должна принять на себя охрану Суэзскаго канала; съ этою цѣлью предполагается выстроить двѣ крѣпости, одну на восточномъ берегу канала между Портъ-Саидомъ и Кантарой (одной изъ станціи канала), а другую на западномъ берегу, у подошвы горной цѣли Генеффе.

Итакъ, новый Гибралтаръ можетъ воздвигнуться на берегахъ Суэзскаго канала... Такимъ образомъ и входъ и выходъ Средиземнаго Моря будетъ подъ пушками Англіи.

Египетскій вопросъ самъ по себѣ до сихъ поръ мало касался насъ, Русскихъ. Для насъ было почти безразлично кто правилъ Египтомъ: Тевфикъ, Араби-паша, султанъ или англо-французская финансовая коммиссія. Но коль скоро Египетскій вопросъ становится *вопросомъ Суэзскимъ*, онъ столько же касается Россіи какъ и Англіи съ Франціей. Можемъ ли мы равнодушно допустить чтобы этимъ мировымъ путемъ владѣла Англія потому только что это „соотвѣтствуетъ ея интересамъ“?

Нашимъ интересамъ соотвѣтствовало въ 1878 году занятіе Константинополя, но мы въ угоду *Европѣ* тогда пожертвовали своими интересами...

13 июля.

Какъ намѣрено отвѣстись къ событіямъ въ Египтѣ Германское правительство? На это есть указаніе въ офиціозной замѣткѣ появившейся 17 июля въ *Северо-Германской Всобщей Газетѣ*, содержаніе которой было передано по телеграфу. Такого рода „откровенности“ со стороны Германскаго правительства, особливо когда рѣчь идетъ объ его намѣреніяхъ въ будущемъ, явленіе не совсѣмъ обыкновенное. Тѣмъ не менѣе, весьма было интересно услышать и на этотъ разъ что Германія въ сущности весьма мало заинтересована въ дѣлахъ Востока чтобъ изъ-за нихъ портить свои отношенія къ которой-либо изъ державъ ближе поставленныхъ къ дѣлу, „хотя бы между ними и не было согласія“. На этомъ основаніи офиціозная замѣтка порицаетъ тѣ органы нѣмецкой печати кои дозволили себѣ рѣзкія сужденія объ образѣ дѣйствій Англіи. Германское правительство отнюдь де не солидарно съ этими сужденіями печати и воздержалось отъ выраженія какого бы то ни было сужденія, тѣмъ болѣе что его объ этомъ никто не спрашивалъ. Таковъ смыслъ заявленія прямо доставленнаго въ офиціозную газету изъ министерства иностранныхъ дѣлъ, каковыя замѣтки всегда печатаются особымъ шрифтомъ.

Но за два дня до того, въ *Кельмской Газетѣ* появилась корреспонденція изъ Берлина, содержаніе которой совпадаетъ съ упомянутымъ правительственнымъ сообщеніемъ, и не можетъ быть сомнѣнія что корреспонденція эта вышла изъ того же источника. Только корреспондентъ „независимой“ газеты выражается гораздо развязнѣе, и потому очень любопытны тѣ мѣста гдѣ досказываются недомолвки офиціального сообщенія. Корреспондентъ также упрекаетъ печать за то что она поторопилась высказать свои рѣзкія сужденія объ образѣ дѣйствій Англіи. Нѣтъ де надобности возбуждать въ Европѣ тревогу сужденіями могущими навести на мысль что Германія порицаетъ то или иное дѣйствіе иностранной державы; знаменитое изреченіе князя Бисмарка что изъ-за восточныхъ дѣлъ онъ не рискнетъ костями хотя бы одного померанскаго мушкетера вполнѣ де примѣнимо и въ настоящую пору. Сдержанность Германіи, изъ которой ей нѣтъ надобности выходить пока не созрѣли событія, есть де только признакъ сознанія своего могущества. Лишь при этомъ условіи она

сохранить возможность *сказать въ данную минуту свое рѣшительное слово*. А пока Германія можетъ де довольствоваться тѣмъ что ея интересы въ Египтѣ ограждаются тѣмъ самымъ что служитъ къ огражденію интересовъ Франціи. То-есть, пусть Англія и Франція уравнившиваютъ себя взаимно: это въ интересъ Германіи...

15 іюля.

Послѣднія заявленія г. Гладстона въ Британскомъ парламентѣ, равно какъ и разсужденія вліятельнѣйшихъ органовъ англійской печати, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ что Англія рѣшилась идти до конца въ предпріятіи ея дѣлѣ, завладѣть Египтомъ и создать для себя новый Гибралтаръ на другомъ концѣ Средиземнаго Моря, хотя бы для этого ей пришлось стать „мятежникомъ“ противъ европейскаго ареолага. Ближайшее будущее покажетъ въ какую сторону повернуть событія вслѣдствіе такой открыто высказанной рѣшимости Англіи. Не даромъ нѣмецкія и австрійскія газеты сбавили самоувѣренный тонъ и начинаютъ высказываться совсѣмъ иначе чѣмъ недѣлю предъ этимъ, когда *Кельнская Газета*, напримѣръ, доказывала что послѣднее и рѣшительное слово въ египетскомъ дѣлѣ произнесетъ Германія, и что она сумѣетъ заставить и Англію отказаться отъ своихъ захватовъ, подобно тому какъ Россія вынуждена была разорвать свой Санъ-Стефанскій договоръ. Теперь, напротивъ, начинается проглядывать опасеніе, не посмѣялась ли Англія надъ европейскимъ концертомъ и не было ли ловкимъ маневромъ съ ея стороны, дабы выиграть время, ея заявленіе что бомбардированіе Александріи и занятіе этой гавани нисколько не измѣнило положеніе дѣла и что она попрежнему признаетъ конференцію державъ верховнымъ рѣшителемъ судьбы Египта. Даже противъ Франціи высказывается подозрѣніе, не вступила ли она съ Англіей въ тайное соглашеніе противъ державъ застѣдающихъ на конференціи съ искреннимъ убѣжденіемъ и намѣреніемъ противопоставить совершившимся фактамъ дипломатическія преграды. Едва ли однако правительство г. Фрейсине заслужило честь подобнаго подозрѣнія. Французская палата все еще продолжаетъ свои „пренія о кредитѣ“ на египетскую экспедицію; французскія войска, подобно

жандармамъ въ извѣстной опереткѣ Оффенбаха, все еще двигаются, но не двинулись, въ походъ, а французскій флотъ, прибывшій вмѣстѣ съ англійскимъ и простоявшій предъ Александріей два мѣсяца, развелъ пары и ушелъ подальше какъ только началось бомбардированіе.

Заявленіе сдѣланное г. Гладстономъ въ парламентъ, при сообщеніи королевскаго посланія объ усиленіи арміи и призывѣ резервовъ, съ совершенною ясностью указываетъ на рѣшенія принятыя англійскимъ кабинетомъ, который очевидно почувствовалъ себя болѣе свободнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ послѣ выхода изъ него г. Брайта. Султанъ, коему конференція поручила восстановленіе порядка въ Египтѣ, пропустилъ для этого, по словамъ г. Гладстона, удобный случай, и на его войска полагаться нельзя. „Если державы“, сказалъ онъ далѣе, „не намѣрены принять участіе во вмѣшательствѣ, или не расположены дать извѣстнымъ державамъ полномочія, то Англія сдѣлаетъ это на свой страхъ.“ Г. Гладстонъ выразился болѣе дипломатично: онъ сказалъ что Англія обладаетъ на это „нравственнымъ согласіемъ Европы и разчитываетъ главнымъ образомъ на Францію. Но она обойдется де, въ случаѣ надобности, безъ того и другаго и одна возьметъ на себя „защиту Суэзскаго канала“, будучи увѣрена что дѣйствія которыя будутъ ею предприняты *вопреки* Европѣ будутъ въ послѣдствіи „одобрены державами“. Г. Гладстонъ не вѣритъ въ Европу, и очень мало боится дипломатическихъ угрозъ и, разъ ступивъ на путь рѣшительныхъ дѣйствій, онъ считаетъ необходимымъ прежде всего не связывать себя рукъ и отложить расчеты съ посторонними зрителями борьбы до болѣе удобнаго времени, а именно до того момента когда *дѣло* будетъ вполнѣ окончено. „Защита Суэзскаго канала“, о которой говоритъ г. Гладстонъ какъ о задачѣ которую поставила себѣ Англія, есть не что иное какъ изворотливая фраза. Безъ Суэзскаго канала Египетъ не имѣлъ бы той великой цѣны которую эта страна получила теперь. Но и обладаніе Суэзскимъ каналомъ немислимо безъ Египта. Въ Англіи этого отнюдь не скрываютъ. „Въ послѣднее время“, замѣчаетъ газета *Standard*, „много толковали о дипломатическихъ различіяхъ между огражденіемъ канала посредствомъ занятія самого канала, и обезопасеніемъ канала посредствомъ занятія Египта. На военный взглядъ это одно и то же. Нѣтъ иного способа

военнымъ путемъ защитить каналъ какъ захвативъ и удержавъ за собою его входы; а входы эти суть два главные города Египта, Каиръ и Загазисъ. Александрія уже въ нашихъ рукахъ и нелегко понять какимъ образомъ овладѣвъ Александріей, Каиромъ, Загазисомъ, Портъ-Саидомъ и Суэзомъ, мы все еще будемъ поддерживать въжливую фикцію будто мы не занимаемъ Египта“. Газета *Times* идетъ еще далѣе: она указываетъ уже на тѣ притязанія которыя должна предъявить Англія какъ „единственная держава принимающая на себя освободить Египетъ отъ анархіи“. Органъ Лондонскаго города отнюдь не смущается тѣмъ что Англія беретъ на себя эту роль не съ согласія Европы, а вопреки ей. Англіи одной должно де принадлежать въ будущемъ право контроля надъ „спасенною“ страной. Начиная войну для возстановленія порядка въ Египтѣ, Англія должна де заявить что формальныя дипломатическія обязательства, данныя въ то время когда положеніе дѣлъ было совершенно иное, должны быть признаны недѣйствительными. Возстановленіе твердаго правительства въ Египтѣ подъ протекторатомъ Англіи было бы, по мнѣнію *Times*, наилучшимъ и самымъ радикальнымъ рѣшеніемъ Египетскаго вопроса.

Въ инострачныя газеты было передано по телеграфу содержаніе замѣтки появившейся надмахъ въ *Journal de St.-Petersbourg* по поводу египетскихъ дѣлъ, обратившей на себя вниманіе какъ первое публичное проявленіе отношенія русской дипломатіи къ египетскому дѣлу, такъ какъ названная газета все еще продолжаетъ пользоваться репутаціей офиціознаго органа нашего Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. *Journal de St.-Petersbourg*, вѣрный своимъ традиціямъ, продолжаетъ смотрѣть на „европейскій концертъ“ какъ на политическую санкцію и полемизируя съ газетою *Times*, высказываетъ увѣренность что Англійскій кабинетъ не отважится дѣйствовать по собственной инициативѣ и „поставить себя на мѣсто державъ“. Удивительная увѣренность высказанная двѣ недѣли послѣ бомбардированія Александріи! Но заявленія англійскаго премьера и англійскихъ газетъ быть-можетъ услѣють пошатнуть даже оптимизмъ *Journal de St.-Petersbourg*.

Какъ бы то ни было, но замѣтка нашей французской газеты вызвала въ иностранной печати сужденіе о томъ что повидимому и Россія рѣшилась наконецъ подать свой

голосъ по поводу египетскаго замѣшательства и воспользо-ваться имъ для своихъ цѣлей. Какія же цѣли подоказываются Россіи? Россія, такъ соображаютъ нѣкоторыя изъ берлинскихъ газетъ, могла бы воспользоваться теперешнимъ моментомъ чтобы завладѣть... Бухарой и Мервомъ. Но не трудно понять какова истинная цѣль подобныхъ подсказываній. Изъ Берлина не разъ было указываемо Россіи на ея „широкія задачи“ въ Средней Азій. Англія быть-можетъ дѣйствительно успѣетъ захватить Египетъ; тогда Босфоръ потеряетъ для нея большую часть своего прежняго значенія и съ нею не трудно будетъ сторговаться на этотъ счетъ. Но будущій наследникъ турецкаго владычества на берегахъ Босфора уже намѣченъ. Для Россіи же тоже вышло вознагражденіе; она можетъ безпрепятственно владѣть *всєю* туркменскою землею съ Мервомъ включительно. Развѣ это не выгодно?...

17 іюля.

Полытка рѣшить Египетскій вопросъ *параллельно* двумя способами, теоретическимъ въ Константинополь и практическимъ въ Египтѣ, близится къ своему концу. Турція заявила 14 (26) іюля на конференціи что она согласна немедленно послать войска въ Египетъ на условіяхъ выраженныхъ въ тождественной нотѣ отъ 15 іюля. Одновременно съ этимъ заявленіемъ султанъ назначилъ Мухтаръ-пашу председателемъ комиссіи имѣющей цѣлью приготовить войска для отправки въ Египетъ и отдалъ приказаніе чтобы надняхъ уже выступилъ въ Египетъ первый турецкій отрядъ. Съ прибытіемъ этого отряда въ Нильскую долину, начнется новая фаза Египетскаго вопроса, исходъ которой предвидѣть очень трудно. Едва ли согласится Англія передать начатое ею дѣло „умиротворенія“ Египта въ подозрительныя руки Турціи, и едва ли Турція со своей стороны рѣшится умиротворять свою провинцію въ духѣ англійскихъ интересовъ. Очень возможно столкновение между обѣими „магометанскими“ державами.

Рѣшеніе Турціи послѣдовать приглашенію Константинопольской конференціи было для многихъ неожиданностью, въ особенности для Англичанъ. Если однако ближе присмотрѣться къ той политикѣ которой до сихъ поръ держалась

Порта въ Египетскомъ вопросѣ, послѣднее рѣшеніе ея окажется логическимъ слѣдствіемъ ея постоянной, столь извѣстной намъ, Русскимъ, „системы оттяжекъ“. Давно ли то время когда англійскіе дипломаты и публицисты обвиняли Россію въ систематическомъ недоувѣрїи къ „лояльному образу дѣйствій“ Турціи; теперь они сами заявляютъ что нельзя имѣть дѣла съ этими турецкими *увертками* (*shuffling*), на которыя нужно де отвѣчать не словами, а дѣлами. Это конечно не помѣшаетъ тѣмъ же дипломатамъ и публицистамъ снова называть эти увертки прамодушными какъ скоро онѣ будутъ направлены къ нарушенію не англійскихъ, а русскихъ интересовъ. А поэтому слѣдуетъ ли придавать какое-нибудь значеніе отзывамъ о насъ иностранныхъ правительствъ и печати? Не признакъ ли варварства смущаться мнѣніями и нареканіями нашихъ соперниковъ или противниковъ, и останавливаться въ своихъ дѣйствіяхъ не по собственному усмотрѣнію, а по крику людей разчитывающихъ на наше малодушіе и неразуміе?

Когда 11 (23) собравшаяся въ Константинополь конференція европейскихъ державъ пригласила Турцію принять участіе въ этой попыткѣ международнаго мирнаго рѣшенія Египетскаго вопроса, Турція отвѣтила, какъ извѣстно, на это приглашеніе отказомъ. Другаго отвѣта нельзя было и ожидать отъ дипломатовъ Высокой Порты. Они достигли этимъ отказомъ двухъ весьма выгодныхъ для Турціи результатовъ: во первыхъ, они не связали себѣ заранѣе рукъ, а во вторыхъ, замедлили работы конференціи и этимъ дали возможность Араби-пашѣ принять мѣры для отраженія иностраннаго вторженія въ Египеть.

Дѣйствительно, отказъ Порты поставилъ засѣдающихъ въ Константинополь дипломатовъ въ немалое затрудненіе. Съ одной стороны, они видѣли необходимость положить конецъ египетской анархіи, а съ другой, они сознавали невозможность сдѣлать это безъ согласія Турціи, такъ какъ Египеть есть несомнѣнно часть Турецкой имперіи. Двадцать два дня члены конференціи обдумывали разные способы какъ бы выйти изъ этой дилеммы и наконецъ рѣшили обратиться къ Портѣ съ такимъ „категорическимъ ультиматумомъ“: или пусть Турція возьметъ на себя восстановленіе порядка въ Египтѣ, или сама Европа займется восстановленіемъ этого порядка. Этотъ ультиматумъ былъ торжественно предъявленъ

Турецкому правительству 3 (15) іюля. Дипломаты и оффиціозныя газеты были въ восторгѣ отъ мудрости конференціи „сумѣвшей наконецъ припереть неуловимую Турцію къ стѣнѣ“, какъ съ ликоваіемъ заявлялъ одинъ изъ органовъ французскаго министерства. Въ самомъ дѣлѣ, на первый взглядъ казалось что Турціи остается отвѣтить только или *да*, или *нѣтъ*; и въ томъ и въ другомъ случаѣ можно было немедленно приступить къ умиротворенію Египта.

Но стамбульскія дипломатія на этотъ разъ опять сумѣла перехитрить соединенную дипломатію всей Европы. Она нашла способъ не отвѣтить ни *да*, ни *нѣтъ* и вызвать своимъ отвѣтомъ не негодованіе, а благодарность Европы. Саидъ-паша объяснилъ что „Порта очень признательна европейскимъ державамъ за то что онѣ своею коллективною нотой отъ 3 (15) іюля подтвердили неоспоримость верховныхъ правъ султана надъ Египтомъ, и что въ виду измѣнившихся обстоятельствъ Порта готова теперь принять участіе въ конференціи для обсужденія тѣхъ мѣръ которыя могли бы возстановить порядокъ въ Египтѣ“.

Этотъ ловкій отвѣтъ турецкихъ дипломатовъ имѣлъ очевидно цѣлю уничтожить все что до сихъ поръ съ такимъ трудомъ выработала конференція и, начавъ обсужденіе Египетскаго вопроса съ самаго начала, отодвинуть окончательное его рѣшеніе еще на нѣсколько недѣль, которыя очень кстати пришлись бы Араби-пашѣ для устройства египетскихъ „Плевезъ“. И нѣтъ сомнѣнія что Турція достигла бы вполне своей цѣли еслибъ Египетскій вопросъ рѣшался традиціоннымъ путемъ европейской дипломатіи на основаніи разныхъ отвлеченныхъ и нелогичныхъ теорій „экилибра“ и „концерта“. Но, къ несчастію для Турціи, Англія безъ дальнѣйшихъ церемоній отказалась отъ того благоговѣннаго трепета предъ этими теоріями который составляетъ необходимую принадлежность иныхъ дипломатовъ готовыхъ ради фразы пожертвовать интересами своей страны, и принялась за *параллельное* практическое рѣшеніе Египетскаго вопроса посредствомъ бомбардированія Александріи, хотя эту дѣйствительно варварскую мѣру нельзя ни съ какой точки зрѣнія одобрить. Милостивый отвѣтъ Турціи, благоволившей принять участіе въ конференціи, привелъ въ восторгъ представителей европейскихъ державъ, которые послѣдствовали потѣсниться вокругъ своего зеленого стола дабы дать почетное,

предсѣдательское мѣсто представителю Турціи; но на Англію этотъ отвѣтъ не произвелъ никакого впечатлѣнія. Всѣ англійскія газеты единогласно назвали этотъ отвѣтъ новою турецкою уверткой и пригласили свое правительство не обращать на него вниманія и энергически продолжать свое самостоятельное дѣйствіе въ Египтѣ. Въ Англіи были увѣрены что Турція въ концѣ концовъ ни за что не согласится исполнить „роль жандарма Европы“, такъ какъ ей невозможно производить экзекуцію надъ однимъ изъ самыхъ выдающихся и популярныхъ борниковъ панисламизма. Г. Гладстонъ повидимому также раздѣлялъ эту увѣренность, ибо, несмотря на присоединеніе Турціи къ конференціи, потребовалъ отъ своего парламента обширнаго кредита для Египетской экспедиціи.

Въ виду этого энергическаго образа дѣйствій Англіи, путь Турціи былъ ясно назначенъ. Ей необходимо было дать Англіи шахъ и мать заявивъ что она согласна немедленно послать войска въ Египетъ на условіяхъ выраженныхъ въ тождественной нотѣ отъ 15 іюля. Такъ она и поступила. Условія поставленныя ей конференціей суть: въ теченіе опредѣленнаго времени совершенно устранить Араби-пашу и восстановить власть хедива Тевфика подъ контролемъ Европы, посредствомъ посланки турецкихъ войскъ въ Египетъ, причемъ издержки этой экспедиціи будутъ уплачены европейскими державами, а въ послѣдствіи взысканы съ Египта. Условія эти, въ особенности первое изъ нихъ, устраненіе Араби-паши, чрезвычайно тяжки для Турціи и едва ли можно ожидать что она добросовѣстно исполнитъ ихъ. Тѣмъ не менѣе, ея согласіе подчиниться этимъ условіямъ ставитъ Англію дѣйствительно въ трудное положеніе. Такъ какъ англійскіе дипломаты, а за ними и публицисты, считали немислимымъ согласіе Турціи на предложеніе конференціи, они неоднократно имѣли неосторожность говорить: „если Турція согласится на условія конференціи, то мы не станемъ вмѣшиваться въ умиротвореніе Египта; а если она, какъ по всѣмъ признакамъ слѣдуетъ ожидать, на эти условія не согласится, то мы сами умиротворимъ Египетъ“. Теперь оказывается что ожиданія Англичанъ не оправдались; Турція, по крайней мѣрѣ на словахъ, согласилась на условія конференціи. Какъ теперь поступитъ Англія?

24 июля.

Египетское дѣло все болѣе и болѣе принимаетъ характеръ столкновения между Турціей и Англійей. Вопросъ поставленъ ребромъ, и если дипломатіи не удастся оттянуть роковую развязку, Европѣ придется присутствовать при событіяхъ въ которыхъ, независимо отъ ихъ исхода, скажется пропія исторической судьбы. Четыре года послѣ Берлинскаго трактата отпразднованнаго въ Англійи какъ великій триумфъ и три года послѣ того какъ англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Солсбери, провозгласилъ основаніе австро-германскаго единенія „благовѣстіемъ“, Британской имперіи приходится пережить въ той же почти послѣдовательности весь тотъ рядъ дипломатическихъ и цивыхъ испытаній чрезъ которыя прошла Россія. Разница заключается лишь въ томъ что Россія дѣйствовала для освобожденія единоплеменныхъ ей народовъ, между тѣмъ какъ Англія, вѣрная своей исторической традиціи, имѣетъ въ виду лишь захватъ и вовсе этого не скрываетъ. Помимо этого различія, все остальное поразительно наложиваетъ событія предшествовавшія послѣдней Восточной войнѣ. Въ Константинополѣ опять засѣдаетъ конференція представителей всѣхъ великихъ державъ, имѣющая своимъ официальнымъ назначеніемъ „предотвратить европейскую войну и оградить неприкосновенность верховныхъ правъ султана“. Турецкая дипломатія все также изощряется въ искусствѣ учитывать въ свою пользу взаимное недоувѣріе державъ, ловко маневрируетъ среди той лутаницы взаимно парализующихъ себя стремленій и интересовъ которая именуется „концертомъ“. И попрежнему „честный маклеръ“ невидимо направляетъ событія такимъ образомъ чтобъ ему принадлежалъ рѣшающій голосъ въ дѣлѣ, въ которомъ онъ, также какъ и прежде, объявляетъ себя отнюдь не заинтересованнымъ. Политическій маневръ направленъ къ тому чтобы поставить рѣшившуюся дѣйствовать державу въ изолированное положеніе, но въ то же время направить дѣло такимъ образомъ чтобы столкновение, о предупредженіи коего будто бы лечется европейскій ареопагъ, стало неизбежнымъ. Пунктомъ разногласія, грозящаго разразиться открытымъ столкновеніемъ между Англійей и Турціей, сталъ вопросъ о томъ, долженъ ли Турецкій султанъ всенародно

объявить Араби - лашу бунтовщикомъ теперь же, до прибытія посылаемыхъ султаномъ войскъ, или же по прибытіи оныхъ въ Египеть. Въ засѣданіи Константинопольской конференціи, 2 августа (21 іюля), взаимныя притязанія Англіи и Турціи формулованы болѣе опредѣленнымъ образомъ чѣмъ было до сихъ поръ и, вопреки первоначальному рѣшенію, держать совѣщанія конференціи въ тайнѣ, телеграфъ послѣдшилъ оловѣститъ немедленно о томъ что въ этотъ день происходило. Такая послѣдшность въ оглашеніи дипломатическихъ переговоровъ есть сама по себѣ признакъ ускореннаго темпа который приняли событія и не предвѣщаетъ ничего добраго. Представитель Англіи на конференціи изложилъ англійскую программу, не оставляющую сомнѣнія въ томъ что Англія отнюдь не намѣрена вернуться съ того пути на который она вступила. Англія поставила своею задачею, какъ заявилъ лордъ Дѣфференъ, возстановить въ Египтѣ миръ и порядокъ, обезпечить свободу плаванія по Суэзскому каналу и подвѣять авторитетъ хедива. *Оставляя за собою свободу дѣйствій которыя могутъ быть вызваны обстоятельствами*, Англія готова де *принять содѣйствіе* всякой державы которая изъявитъ на это свое согласіе, не исключая „дружественнаго“ содѣйствія султана. Но содѣйствіе султана она принимаетъ не безусловно, такъ какъ еще требуется выяснитъ съ какою цѣлью явятся въ Египеть турецкія войска, будутъ ли они дѣйствовать какъ союзники Англичанъ или же послужатъ подкрѣпленіемъ для Араби-лаши. Вотъ почему Англія соглашается не иначе допустить турецкія войска въ Египеть какъ послѣ торжественнаго заявленія султана что онъ порвалъ всякую связь съ египетскимъ вожакомъ. Турецкій делегатъ, какъ бы не замѣчая притязанія Англіи, выставляющей себя хозяйномъ въ Египтѣ, возразилъ парафразируя слова лорда Дѣфферина что „Порта никогда не отклоняла содѣйствія другихъ державъ для возстановленія въ Египтѣ *status quo*“; но что она считаетъ заявленіе англійскаго представителя не согласнымъ съ мнѣніями другихъ державъ одобряющихъ отправку въ Египеть турецкихъ войскъ и не требующихъ того условія которое ставитъ султану Англійское правительство.

Одновременно съ этими сообщеніями о заявленіяхъ сдѣланныхъ на конференціи, телеграфъ слѣдуетъ передать содержаніе мотъ коими обмѣнялись по тому же предмету, въ тотъ

же день, Англія и Порта. Лордъ Дѣфферинъ настойчиво требуетъ прокламаціи противъ Араби-паша, заявляя что въ противномъ случаѣ высадка турецкихъ войскъ въ Египтъ *не можетъ состояться*. А газета *Times*, всегда въ этихъ случаяхъ дополняющая недомолвки и неопредѣленныя выраженія официальныхъ дипломатическихъ актовъ, заявляетъ что турецкія войска встрѣтятъ со стороны англійскихъ войскъ прямое сопротивленіе если требованіе Англіи не будетъ исполнено. Порта же отвѣтила на это требованіе что прокламація противъ Араби-паша будетъ ею обнародована лишь по прибытіи ея войскъ въ Египеть, и притомъ если того потребуютъ обстоятельства. Но само собою разумѣется что „обстоятельства этого не потребуютъ“ если турецкимъ войскамъ, прежде чѣмъ высадиться на египетскій берегъ, придется начать враждебныя дѣйствія противъ англійскихъ военныхъ силъ находящихся въ Египтъ. Араби-паша станетъ въ этомъ случаѣ союзникомъ Турціи; да и одной ли Турціи? Последнее рѣшеніе европейской дипломатіи заключается повидному въ томъ чтобы выступить противъ притязаній Англіи и поставить ее по отношенію къ Египтъ въ такое положеніе какого она требуетъ для Араби-паша по отношенію къ Портѣ. По послѣднимъ извѣстіямъ, Италія взяла на себя инициативу новаго предложенія, съ которымъ въ засѣданіи 2 августа согласились представители Россіи, Австріи, Германіи и Турціи. Оно заключается въ томъ чтобы державы предприняли совмѣстное дѣйствіе для защиты Суэзскаго канала, о которомъ вопросъ выдѣляется изъ вопроса объ Египтъ и о восстановленіи *status quo*, на что дано согласіе Турціи. Предложеніе это заключается въ томъ чтобы безопасность канала была ввѣрена международной полиціи, состоящей исключительно изъ морскихъ силъ, по заранѣе опредѣленной программѣ, причемъ *исключается высадка войскъ и другія военныя дѣйствія*. Въ то же самое время мы узнаемъ что Англичане 2 августа заняли Суэзъ. Такое занятіе, очевидно, доказываетъ намѣреніе Англіи противопоставить дипломатическимъ рѣшеніямъ совершившіеся факты и оставить за собою послѣднее слово. Итакъ, остается развѣ дать турецкимъ войскамъ, а стало-быть и Араби-пашѣ „европейскій мандатъ“ выбить Англію изъ захваченныхъ ею позицій.

Вот как открываются неожиданные перспективы, если буквально принимать то что сообщается публичн как рѣшеніе къ коему будто бы пришла дипломатія. Но нужно думать что дипломатія окажется и на этотъ разъ безсильною затормозить ходъ событій. Тщетно было бы предугадывать направленіе которое примутъ событія. Во всякомъ же случаѣ благоразуміе выждать ихъ результата, сообразуясь исключительно съ собственнымъ интересомъ, не связывая свободы своихъ дѣйствій и будущихъ своихъ рѣшеній „коллективными соглашеніями“, въ коихъ вѣтъ и не можетъ быть единства цѣли, по отсутствію въ нихъ единства интереса.

V.

21 іюля.

Въ то самое время когда Египетскій вопросъ дошелъ до крайней степени своего напряженія и нити политической интриги перелупались до такой степени что сами участники оной едва ли могутъ отдать себѣ ясный отчетъ кто врагъ и кто союзникъ, съ кѣмъ сдѣлаетъ идти объ руку и противъ кого направить мѣры обороны и нападенія, въ такую критическую минуту Французская палата почти единогласнымъ рѣшеніемъ отказала кабинету Фрейсине въ испрашиваемомъ имъ кредитѣ на экспедицію въ Египетъ и тѣмъ вызвала министерскій кризисъ, объ исходѣ котораго никто въ самой Франціи ничего опредѣленнаго сказать не можетъ. Что же означаетъ этотъ *сотулъ* Французской палаты столь неожиданно осложнившій и безъ того жалкое политическое положеніе Франціи? Выразилось ли въ немъ порицаніе колеблющейся политики г. Фрейсине? Но въ такомъ случаѣ почему палата не сдѣлала этого ранѣе, въ то время когда еще было возможно чрезъ эвергическое рѣшеніе предупредить или по крайней мѣрѣ иначе направить совершившіяся въ Египтѣ событія? Не далѣе какъ нѣсколько дней тому назадъ та же самая палата утвердила первый сверхсмытный кредитъ въ 7½ милліоновъ на предпріятія въ Египтѣ, а новый кредитъ въ 9½ милліоновъ точно мотивированный г. Фрейсине, указавшимъ что правительство улопотребитъ оный на защиту Суэскаго канала, для чего необходимо 4.000 человекъ, которые по соглашенію съ Англіей займутъ два пункта въ сѣверной части канала, это опредѣленное требованіе, основанное притомъ

на соглашеніи съ иностранною державой, отвергнуто, такъ что вмѣстѣ съ тѣмъ должно считать отвергнутымъ и самое соглашеніе съ Англіей.

Но можетъ-быть мотивомъ послѣдняго голосованія было именно неодобреніе этого соглашенія, которое состоялось послѣ долгихъ колебаній съ той и другой стороны? Не значитъ ли это что большинство палаты рѣшилось дѣйствовать иначе и направить дѣйствіе Франціи въ ту сторону откуда ей грозитъ наибольшая опасность, что она предпочитаетъ лицемѣрному союзу съ Англіей открытое противодѣйствіе честнлюбивымъ планамъ ея столь откровенно разоблаченнымъ газетою *Times*? Но парижская печать слѣдуетъ опровергнуть такое заключеніе. Телеграфъ передаетъ изъ Парижа что по мнѣнію тамошнихъ газетъ никакого единомышленнаго большинства въ палатѣ нѣтъ и не было; вотумъ палаты есть де скорѣе результатъ враждебной министерству коалиціи чѣмъ точное выраженіе мнѣнія касательно иностранной политики, такъ какъ и приверженцы и противники вмѣшательства въ египетскія дѣла подали голоса противъ кабинета.

Таково положеніе въ коемъ очутилась Франція въ одну изъ самыхъ критическихъ минутъ какую ей приходится переживать съ тѣхъ поръ какъ она стала „настоящею“ республикой и въ ней воцарился во всей своей неприкосновенности парламентскій режимъ. Для сравненія не мѣшаетъ припомнить что въ Англіи, гдѣ парламентаризмъ не есть что-либо извнѣ заимствованное, гдѣ онъ есть результатъ историческихъ вѣковыхъ условій, кабинету г. Гладстона тоже пришлось недавно претерпѣть парламентское пораженіе, которое при иныхъ условіяхъ неминуемо повлекло бы за собою перемену министерства; но г. Гладстонъ отнюдь не послѣдшилъ передать въ другія руки свою власть и вмѣстѣ и отвѣтственность за все то что имъ предпринято въ египетскомъ дѣлѣ. Торійская оппозиція, со своей стороны, также далека была отъ мысли воспользоваться настоящимъ положеніемъ дабы свергнуть своего противника и вотировала вмѣстѣ съ вигами за потребованныя на египетское предпріятіе денежныя ассигновки.

Кризисъ происшедшій нынѣ во Франціи не можетъ не отозваться для нея пагубнымъ образомъ въ ту пору когда вопросъ объ Египтѣ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе принимаетъ размѣры Восточнаго вопроса во всей его совокупности. Сумѣютъ ли противники г. Фрейсине воспользоваться

плодами своей побѣды, и кому изъ вожаковъ многочисленныхъ фракцій достанется добыча власти надъ Французскимъ народомъ, этотъ вопросъ есть внутреннее дѣло Франціи. Но шаткость власти есть во всякомъ случаѣ элементъ безсилія. Пока будетъ продолжаться министерскій кризисъ, голосъ Франціи, хотя бы только слабый и невѣроятный, долженъ будетъ совершенно умолкнуть въ томъ дѣлѣ коимъ нынѣ занята Европа, и противники Франціи во всякомъ случаѣ воспользуются этимъ въ ущербъ ей. Для тѣхъ же кому могъ бы быть выгоденъ союзъ съ Франціей всякое соглашеніе съ нею становится до такой степени сомнительнымъ и шаткимъ что выгоднѣе остановиться на какой бы то ни было комбинаціи изъ которой исключено содѣйствіе Франціи какъ величины неопредѣленной и не поддающейся вычисленіямъ.

Упомянутая выше статья газеты *Times*, отъ 26 іюля, въ которой такъ смѣло высказываются притязанія Англіи на протекторатъ надъ Египтомъ, причемъ Англія не должна де считать себя связанною дипломатическими обязательствами принятыми ею при „другихъ условіяхъ“, причинила большой переломъ въ Германіи. Берлинскія газеты не сомнѣваются что органъ Лондонскаго Города выразилъ въ этомъ случаѣ не личное свое мнѣніе, а задушевное желаніе самого англійскаго кабинета; онѣ считают статью „угрозою“ по отношенію къ „Европѣ“ и отвѣчаютъ угрозою въ свою очередь. Берлинскія газеты считают себя повидимому уполномоченными говорить отъ имени Европы, и отвѣчаютъ англійской газетѣ что „Европа“ не допуститъ чтобъ Англія отступилась отъ своихъ обязательствъ и чтобъ она своею властью измѣнила отношенія Египта къ Портѣ и прочимъ державамъ.

Не знаемъ насколько въ статьѣ *Times* сказанась рѣшимость Англійскаго правительства; но сомнѣваемся и въ томъ, имѣютъ ли берлинскія газеты полномочіе возражать отъ имени всей Европы.

Безспорно что Египетскій вопросъ не можетъ быть рѣшенъ отдѣльно отъ Восточнаго вопроса вообще. Если Англія, дѣйствительно, считаетъ наступившимъ моментъ для осуществленія своихъ замысловъ на долину Нила, то она безъ сомнѣнія сознаетъ что и вопросъ о Босфорѣ созрѣлъ для окончательнаго рѣшенія. Г. Гладстонъ впрочемъ никогда и

не скрывалъ своего убѣжденія что пора положить конецъ турецкому владычеству въ Европѣ. Ненависть которую нѣмецкая печать питаетъ къ англійскому премьеру обуславливается не столько этимъ убѣжденіемъ г. Гладстона, сколько тѣмъ что онъ съ небольшою энергіей высказался противъ правъ Австріи на турецкое наслѣдіе. Совершенно понятно поэтому что австро-нѣмецкая печать не можетъ допустить такой комбинаціи при которой возможно было бы соглашеніе съ Англіей, соглашеніе относящееся не только до Египта, но и до Босфора, который для Англіи потерялъ все свое значеніе съ переходомъ въ ея руки Египта съ Суэзскимъ каналомъ.

VI.

10 іюля.

Польскій судъ надъ русскою государственною измѣной! *Польская справа* судить людей за измѣну ея государству! Какая чудовищная, сказали бы мы, шутка еслибы эта шутка не отзывалась слишкомъ жестоко на тѣхъ почтенныхъ лицахъ которыя ей подвергаются. Этотъ мерквій шутовскій судъ, это кощунство надъ правосудіемъ, дается болѣе мѣсяца. Иво дня въ день газеты печатаютъ отчеты о засѣданіяхъ этого суда, полныя глумленій надъ правдой и здравымъ смысломъ. Эта жестокая комедія разыгрывается со всѣми обрядами законности, и правительство пока еще *дружественной* намъ державы присутствуетъ при спектаклѣ въ качествѣ благоклоннаго зрителя...

Австрія есть государство безъ національности. Она была германскою когда входила въ составъ Германскаго Союза и стояла во главѣ его. Но и тогда нѣмецкій элементъ не былъ достаточно силенъ для того чтобъ объединять составъ этой имперіи. Итакъ, Австрія не есть нація; австрійской національности *не оказывается*. Австрія есть механическое соединеніе подъ одною династіей многихъ народовъ и цѣлыхъ королевствъ. Послѣ 1866 года, когда Австрія перестала быть германскою державой, она распалась на два, почти совершенно отдѣльных, государства, что и выразилось въ новомъ наименованіи ея: Австро-Венгрія. Венгерецъ уже не признаетъ себя Австрійцемъ, а Австріецъ есть отвлеченный терминъ, который равно относится къ разнороднымъ и даже враждующимъ

щимъ между собою національностямъ, входящимъ въ составъ Цислейтани.

Русское населеніе Галиціи есть самое мирное, самое непритязательное, всегда во всѣхъ историческихъ перипетіяхъ остававшееся вѣрнымъ Габсбургской династіи, никогда не помышлявшее объ отложеніи. Вѣрные своему государю, русскіе Галичане не хотятъ однако быть Поляками, которые теперь властвуютъ въ Галиціи, и еще менѣе хотятъ быть орудіемъ ихъ непримиримой вражды къ русской націи, къ Россіи. Отъ русскихъ Галичанъ *Польская справа* требуетъ чтобъ они не только отреклись отъ своей народности, но и стали бы врагами ея. Въ Австріи, гдѣ повидимому водворена религиозная свобода, русскимъ Галичанамъ не дозволяется возвращаться въ православіе, отъ котораго они были оторваны насиліемъ и обманомъ. У нихъ отнимаютъ право говорить чистымъ русскимъ языкомъ и, съ помощію русскихъ измѣнниковъ изъ ихъ среды, а главнымъ образомъ съ помощію русскихъ измѣнниковъ въ самой Россіи, каковъ напримѣръ Кулишъ со своими единомышленниками, не говоря уже о Драгомановѣ, сочиняютъ особый языкъ, подъ именемъ *рускаго*, въ противоположность *московскому*. Въ этой конституціонной Австріи, которая намъ выставляется въ образецъ какой-то политической свободы, перехватываются частныя письма коль скоро они идутъ изъ Галиціи въ Россію или изъ Россіи въ Галицію; за каждымъ шагомъ мирнаго путешественника изъ Россіи слѣдитъ полиція, которая безъ церемоніи хватаетъ и сажаетъ въ тюрьму тѣхъ кто ей покажется противникомъ *Польской справа* или, что то же, тайнаго правительства крамолы...

Съ другой стороны, Россія никогда не подавала повода думать что имѣетъ виды на захватъ какой-либо австрійской области; напротивъ, Россія даже дѣлаетъ все возможное чтобъ оттолкнуть отъ себя сочувствующія ей родственныя населенія, оттолкнуть въ угоду и въ пользу Австріи. Она оставила Австріи завладѣть Босніей и Герцеговиной и насколько не прелятствуетъ ея дальнѣйшему движенію на Востокъ. Можно ли думать что Россія, именно Россія, имѣетъ завоевательныя на Австрію виды? Ни одинъ серьезный челевѣкъ во всей Габсбургской монархіи не можетъ серьезно подумать объ этомъ, между тѣмъ какъ всякому приходитъ на мысль что Германія еще не объединилась, и что значи-

тельные части Германскаго Союза еще пребываютъ въ составѣ Австріи, и что если ей еще угрожаютъ раздробленіе и разложеніе, то развѣ съ этой стороны, а никакъ не съ русской...

И вотъ, тѣмъ не менѣе, польскимъ властямъ, автономно распоряжающимся въ Галиціи, дозволено привлечь къ тяжкому суду по обвиненію въ государственной измѣнѣ почтенныхъ людей, которыхъ политическая честность не могла подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, какъ г. Добрянскій, отецъ Наумовичъ и другіе, за то только что они не хотятъ быть слугами *Польской справы*, а остаются вѣрны своей Русской народности и русскимъ симпатіямъ. Не возмутительная ли это шутка? Чтобы попятъ всю мѣру этой неправды стоить только сообразить что на томъ же основаніи каждый Нѣмецъ въ Австрійской имперіи долженъ быть судимъ какъ государственный преступникъ, потому что онъ не только считаетъ себя Нѣмцемъ, но и гордится своею нѣмецкою народностію и всѣми своими симпатіями несравненно болѣе принадлежитъ и тяготѣетъ къ Германіи чѣмъ самые русскіе изъ Галичанъ къ Россіи. Наконецъ, если простая переписка съ друзьями въ Россіи о предметахъ вовсе не политическаго свойства вмѣняется въ государственное преступленіе русскимъ Галичанамъ, то какимъ же образомъ въ Австріи допускались польскія національныя празднества, въ родѣ юбилея Крашевскаго на который съѣзжались Поляки *изъ-за кордона*, чему Россія добродушно не противилась, а польская часть ея *прессъ* принимала горячее участіе въ національномъ торжествѣ писателя враждебнаго Россіи? Русскіе Галичане никогда не были затрудненіемъ для Австріи, а польскій патриотизмъ есть по существу своему бунтъ. Польскій судъ надъ русскою государственною измѣной не можетъ быть иначе попятъ какъ демонстрація противъ Россіи, какъ грубая надъ нею пропія. Такихъ задирающихъ дѣйствій правительство великой державы на которую они направлены не можетъ оставлять безъ вниманія. Мы не знаемъ былъ ли какой дипломатическій запросъ объ этомъ, но очень вѣроятно что Австрійское правительство, допустившее скандалъ, отречется отъ него и скажетъ что оно, къ прискорбію своему, остается предъ этимъ фактомъ со связанными руками, такъ какъ де судъ въ Австріи независимъ, а Галиція пользуется самоуправленіемъ. Нѣтъ, отвѣтственность за скандалъ все-таки

лежить на правительствѣ Австріи. Дѣло о государственной измѣнѣ не могло быть вачато прокуроромъ безъ разрѣшенія и даже безъ предписанія высшей государственной власти. Прокуроры въ Австріи, какъ и вездѣ, гораздо болѣе дисциплинованы чѣмъ въ Россіи, гдѣ они непрочъ считать себя независимую отъ правительства властію. Итакъ, мы остаемся при убѣжденіи что Австрійское правительство само допустило эту волюющую неправду, этотъ возмутительный скандалъ, этотъ нахальный вызовъ *Польской справы*.

Что же касается *Польской справы*, то этимъ она сама выдаетъ себя. Если она, злоупотребляя правосудіемъ, позволяетъ себѣ, подъ лживымъ предлогомъ государственнаго преступленія, открыто пресѣдовать неугодныхъ ей людей, то какъ же должно поступать Русское правительство относительно не мнимо, а истинно преступныхъ заговорцъ и вражескихъ дѣйствій *Польской справы*? Если она, основываясь на фиктивномъ правѣ, пресѣдуетъ русскихъ Галичанъ за ихъ національныя оуплатіи, то какъ могла бы она жаловаться на дѣйствія законнаго правительства, не признающаго въ своихъ владѣніяхъ національности которая въ своихъ стремленіяхъ не можетъ не быть государственною измѣной и преступнымъ заговоромъ?...

20 іюля.

Кончился возмутительный судебный спектакль, длившійся во Львовѣ полтора мѣсяца, съ 30 мая по 17 іюля. Обвиняемыхъ было одиннадцать; обвинялись они, какъ сказано въ обвинительномъ актѣ, „въ преступленіи государственной измѣны караемомъ смертною казнію“. Преступленіе это совершено ими, какъ значитса въ обвинительномъ актѣ, „тѣмъ что они отчасти въ коевенномъ, отчасти въ прямомъ соглашеніи съ дворяниномъ Мирославомъ Добрянскимъ и во взаимномъ тайномъ общеніи между собою, предприняли, во второй половинѣ 1881 года и до конца января 1882, частію въ Венгріи, частію во Львовѣ, частію въ другихъ мѣстахъ Галиціи и Вуковины, дѣйствія клонящіяся къ отторженію Галиціи, Вуковины и сѣверной Венгріи отъ цѣлостнаго государственнаго состава и территоріи Австрійской имперіи и къ навлеченію опасности на государство извнѣ, къ

возбужденію бунта и междуусобной войны внутри, — и притомъ дворянинъ Адольфъ Добрянскій и отецъ (pater) Іоаннъ Наумовичъ какъ коноводы и зачинщики, прочіе какъ ихъ ближайшіе сообщники.“

Видите, польская прокуратура шутить не любитъ: она не допускаетъ ничего кломяцаго къ нарушенію государственнаго единства, она безплощадно строга къ мятежу и смутѣ! Она такъ въ этомъ отношеніи строга и безплощадна что сочла должнымъ обвинять въ преступленіи караемомъ смертною казнію людей даже отдаленнымъ образомъ неповинныхъ въ немъ, до такой степени неповинныхъ что послѣ полтора-мѣсячнаго истязанія предъ судомъ ничего не нашлось къ подтвержденію клеветы возведенной въ обвиненіи, такъ что семеро изъ привлеченныхъ къ суду лицъ были совершенно оправданы, въ томъ числѣ главный „ководъ и зачинщикъ“ Адольфъ Добрянскій, и только четверо признаны виновными, но не въ государственной измѣнѣ, а въ какомъ-то „нарушеніи общественнаго спокойствія“... отецъ Іоаннъ Наумовичъ, г. Плоцанскій, издатель Львовской газеты *Слово*, и гг. Шлундеръ и Залусскій. Ничего серьезнаго, ничего сколько-нибудь похожаго на преступный образъ дѣйствій или даже мыслей, не могло оказаться за этими четырьмя лицами, приговоренными къ тюремному заключенію отъ трехъ до восьми мѣсяцевъ „съ лишеніемъ лица въ теченіе одного дня, черезъ каждыя двѣ недѣли“. Впрочемъ, и оправданные подсудимые не остались безъ наказанія: въ продолженіе семи мѣсяцевъ и они вынесли тяжкія не только нравственныя, но и физическія страданія, томившись все это время въ заключеніи.

Волки судили овецъ! Это происходило въ цивилизованной и глаголемой конституціонной странѣ. Весь этотъ процессъ былъ нахальнымъ и дерзкимъ оскорбленіемъ Россіи, и это въ державѣ дружественной и союзной, которую именно русскія войска когда-то, и не очень давно, спасали отъ государственной измѣны, отъ мятежа и распада.

Но скандалъ этого процесса не просто глумленіе на которое можно было бы отвѣчать только презрительнымъ невниманіемъ. Нѣтъ, это разчитано на дальнѣйшія послѣдствія; это новый враждебный шагъ противъ Россіи. Галиція по Санъ населена племенемъ одной вѣры, одного языка, русскимъ народомъ. Несмотря на многовѣковое отчужденіе свое отъ судьбъ Русскаго народа, это населеніе не забыло своего проис-

хожденія; хотя въ искорченномъ и искаженномъ видѣ, оно сохранило и свою вѣру, и свой языкъ. Австро-польская интрига нашла себѣ пособниковъ между Русскими въ самой Россіи, которые усиливается разложить въ самой Россіи Русскій народъ на двѣ чуждыя, а стало-быть и враждебныя части; усиливается объединить и обособить малороссійское нарѣчіе въ противоположность *московскому* языку. Интрига встрѣтила энергическое сопротивленіе въ нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ, твердыхъ и честныхъ людяхъ русскаго населенія Галиціи. Несмотря на всѣ усилія интриги, эти люди не давались въ обманъ и остались вѣрны своему народному знамени, сохраняя въ то же время совершенно лояльное отношеніе къ Габсбургской династіи. Никогда не было слышно чтобы въ русскомъ населеніи Австро-Венгерской имперіи замыслились мятежи и измѣны.

„Нарушеніе общественнаго спокойствія“, на что сошло обвиненіе въ государственной измѣнѣ и за что приговорены къ тюремному заключенію отецъ Наумовичъ и гг. Плоцкаскій, Шлундере и Залускій, было только законнымъ и честнымъ отпоромъ интригѣ, которая, совершенно наоборотъ, клонится къ тому чтобы произвести смуту и возбудить измѣну въ Россіи, и для этого воспользоваться частью русской народности въ Галиціи, какъ средствомъ разложенія Русскаго народа въ самой Россіи. Запугать, застрашать русскихъ людей въ Галиціи, заставить ихъ молчать и организовать украинифильское движеніе которое поддержало бы и усилило бы разложеніе Россіи, вотъ ближайшая цѣль которую имѣетъ интрига. Возбудивъ гоненіе на честныхъ и стойкихъ русскихъ людей въ Галиціи, подвергнувъ ихъ истязаніямъ официально предъ зеркаломъ правосудія, предавъ поруганію то что имъ свято и дорого, она надѣется заставить молчать все ей противное.... Не даромъ одновременно съ этимъ процессомъ выступили во Львовѣ на сцену дѣйствія русскій измѣнникъ Кулишъ...

ВЪ КОНТОРЪ ТИПОГРАФІИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

МОЙ ВКЛАДЪ. Статьи, записки, чтенія, замѣтки. Н. А. Любимова, профессора Московскаго Университета. Томъ I. Университетскій вопросъ. Москва, 1881 г. Цѣна 2 руб.

ПРОТИВЪ ТЕЧЕНІЯ. Бесѣды о революціи. Наброски и очерки въ разговорахъ двухъ пріятелей Варсоломея Коцнева. Цѣна: выпускъ первый 75 к., выпускъ второй 75 к.; I и II выпуски вмѣстѣ 1 р. 50 к., за пересылку прилагать 25 к.

НЮМА РУМЕСТАНЪ. Романъ Альфонса Додэ. Переводъ съ французскаго. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

НАШЪ ВЗАИМНЫЙ ДРУГЪ. Романъ Чарльза Диккенса въ двухъ частяхъ. Переводъ съ англійскаго. Цѣна 3 руб., съ перес. 3 руб. 50 коп.

БОЛЬШІЯ ОЖИДАНІЯ. Романъ Чарльза Диккенса. Переводъ съ англійскаго. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА ИЛИ ЖИЗНЬ НЕГРОВЪ ВЪ НЕВОЛЬНИЧЬИХЪ ШТАТАХЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКИ. Романъ гжи Вичеръ Стоу. Переводъ съ англійскаго, изданіе второе. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

СЪ ТЕАТРА ВОЙНЫ (1877—78). ДВА ПОХОДА ЗА БАЛКАНЫ. Соч. ка. Л. В. Шаховскаго. 1878. Ц. 2 р.

СТРАНИЦЫ ИЗЪ КНИГИ СТРАДАНІЙ ВОЛГАРСКАГО ПЛЕМЕНИ. Повѣсти и разказы Любена Каравелова. 1878. Ц. 1 р. 50 к.

КЕНЕЛМЪ ЧИЛЛИНГЛИ, ЕГО ПРИКЛЮЧЕНІЯ И МНѢНІЯ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. 1874. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

ПАРИЖАНЕ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. 1875. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

РУЖЕЙНЫЙ ОГОНЬ ВЪ БОЮ (обработка боевыхъ наблюденій) соч. Н. Волоцкаго. 1881. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

НѢСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ

ПО ПОВОДУ НИЗКАГО КУРСА НАШИХЪ БУМАЖНЫХЪ ДЕНЕГЪ

И НѢКОТОРЫХЪ ДРУГИХЪ

ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ ЯВЛЕНІЙ И ВОПРОСОВЪ

Предъ Крымскою войною нашъ бумажный рубль былъ вполнѣ и совершенно равнозначащъ рублю металлическому, ибо они совершенно свободно мѣнялись другъ на друга не только въ казначействахъ и банковыхъ учрежденіяхъ, но и всякимъ частнымъ лицомъ. Съ того времени размѣнъ сталъ затрудняться, цѣна кредитныхъ денегъ падать, и хотя временно иногда и возвышалась, но въ общемъ постоянно становилась все ниже и ниже, а металлическія деньги вовсе исчезли изъ внутренняго обращенія. Это явленіе постоянно обращало на себя общее вниманіе, и можно утвердительно сказать что едва ли есть въ Россіи одна газета или одинъ журналъ, если они не совершенно спеціальнаго содержанія, которые бы по нѣскольку разъ въ годъ не возвращались къ этому предмету.

Мнѣнія раздѣлились на два рѣзко противоположные лагеря: одни, правотѣрные экономисты, приписываютъ паденіе курса бумажныхъ денегъ излишнему ихъ выпуску, тому что количество ихъ находящееся въ обращеніи превосходитъ дѣйствительную въ нихъ потребность; другіе, большею частію практики, утверждаютъ что не только находящихся въ обращеніи денежныхъ знаковъ не слишкомъ много, а напротивъ того

что ихъ не хватаетъ для экономическихъ оборотовъ страны, а что если курсъ ихъ низокъ, то единственно вслѣдствіе невыгодности нашего торговаго баланса, понимаемая подъ этимъ послѣднимъ не одно отношеніе между вывозомъ и ввозомъ товаровъ, но вообще отношеніе между всеми международными расплатами. Другими словами: первые въ низкомъ курсѣ бумажныхъ денегъ видятъ самостоятельную болѣзнь, которую слѣдовательно и лѣчить можно и должно прямо, непосредственно устраняя ихъ излишество какъ единственную причину ихъ низкой цѣны; вторые же видятъ въ этомъ низкомъ курсѣ только симптомъ другой болѣе общей болѣзни, болѣе общаго разстройства экономического порядка вещей, которое не допускаетъ прямого непосредственнаго лѣченія состоящаго въ уменьшеніи количества денежныхъ знаковъ находящихся въ обращеніи.

Которое же изъ этихъ двухъ мнѣній справедливо, кто правъ и кто не правъ? Вопросъ самой существенной важности, отъ правильнаго рѣшенія котораго зависитъ экономическая, а слѣдовательно въ значительной мѣрѣ и политическая будущность Россіи.

При размысленіи объ этомъ предметѣ мнѣ представилась соображенія которыя, казалось мнѣ, освѣщаютъ этотъ спорный вопросъ до такой ясности и очевидности что сомнѣнія въ правильномъ его рѣшеніи быть не можетъ. Этотъ общій вопросъ разлагается на нѣсколько частныхъ, а именно: въ чемъ заключается сущность низкаго курса денегъ и того спеціальнаго вреда который онъ приноситъ странѣ, отъ какихъ причинъ можетъ онъ происходить вообще и какія именно дѣйствуютъ въ настоящее время у насъ и, наконецъ, какія должно употребить средства для излѣченія нашего экономического недуга. Но эти частные вопросы находятся въ такой взаимной связи что хотя я и постараюсь дать отвѣты на каждый изъ нихъ, однакоже считаю неудобнымъ разсматривать ихъ въ строгой раздѣльности. Такъ какъ я пишу не для присяжныхъ экономистовъ, а для публики вообще, въ журналѣ съ неспеціальнымъ, а съ общимъ содержаніемъ, то считаю необходимымъ входить иногда въ объясненія самыя элементарныя, которыя лицамъ спеціально знакомымъ съ предметомъ должны показаться скучными, общеизвѣстными и излишними, но изъ которыхъ однакоже, несмотря на ихъ общеизвѣстность, выводятся часто самыя неправильныя заключенія.

I.

Съ общей теоретической точки зрѣнія объ означенныя причины, то-есть и излишекъ денежныхъ знаковъ въ обращеніи, и невыгодный торговый или, точнѣе, расчетный балансъ, могутъ привести къ невыгодному низкому курсу. Чтобъ уяснить себѣ этотъ вопросъ и опредѣлить которая же изъ этихъ причинъ въ данномъ случаѣ дѣйствуетъ, надо выкинуть какимъ именно образомъ каждая изъ этихъ причинъ вліяетъ на пониженіе цѣнности денегъ. Положимъ что 800 милліоновъ рублей было бы вполнѣ достаточно для всѣхъ денежныхъ оборотовъ въ предѣлахъ Русской Имперіи и что каждый рубль при данныхъ условіяхъ могъ обернуться среднимъ числомъ десять разъ въ теченіе года. Годовой оборотъ былъ бы тогда въ 8 милліардовъ рублей (число это очевидно слишкомъ мало, но мы имъ пользуемся только въ видѣ примѣра). Но пусть въ дѣйствительности находится не на 800, а на 1.000 милліоновъ рублей денежныхъ знаковъ. Тогда каждому рублю приходится среднимъ числомъ обращаться только восемь разъ вмѣсто возможныхъ десяти разъ, слѣдовательно каждый рубль производилъ бы только $\frac{4}{5}$ той работы къ которой онъ способенъ или $\frac{1}{5}$ времени будетъ лежать непродуцательно, не принося владѣльцу своему пользы, то-есть дохода, или $\frac{1}{5}$ всего числа рублей, то-есть 200 милліоновъ, сдѣлавшись излишними, перестанутъ обращаться. Но такъ какъ на дѣлѣ ни то, ни другое невозможно, то происходитъ третье, то-есть что всѣ 1.000 милліоновъ будутъ стремиться уласть на $\frac{1}{5}$ своей цѣны, то-есть обратиться изъ 1.000 въ 800 милліоновъ. Все обозначенное здѣсь точными цифрами на дѣлѣ далеко не имѣетъ такой точности, и паденіе цѣнности можетъ произойти и въ гораздо сильнѣйшей и въ гораздо слабѣйшей пропорціи, по причинамъ которыя будутъ изложены ниже. Но какъ бы то ни было, лишнихъ бесполезныхъ работниковъ, будутъ ли то люди, скоть, машины или деньги, никто держать не захочетъ и постарается отъ нихъ отдѣлаться возможно для себя выгоднымъ образомъ. Людей (невольниковъ, крѣпостныхъ) отпустить на оброкъ; скоть и машины продать, а рубли, если они металлическіе, препроводить за границу— конечно не даромъ, а либо купивъ на нихъ разные полезные

продукты, или приносящія доходъ бумаги, если же они кредитные неполюющія и хода за границей не имѣющіе, именно потому что они лишніе, то положить въ банки чтобъ они приносили проценты. Но и банкамъ съ ними дѣлать нечего, имъ вельзя будетъ ихъ вылустить въ оборотъ, какъ полюющіе рубли, чтобъ они что-нибудь зарабатывали, потому что въ нихъ не ощущается потребности. Слѣдовательно, банкъ будетъ стараться всѣми мѣрами избавиться отъ притока этихъ лишнихъ рублей, на что имѣется только одно средство—убавить платимый за нихъ процентъ. Слѣдовательно, если въ странѣ лишнее количество такихъ денежных знаковъ, которые не могутъ уходить за границу, какъ полюющія единицы, то банковый процентъ долженъ повызиться. Но если въ странѣ есть дѣйствительно лишніе денежные знаки, они, несмотря на повиженіе процента, все-таки будутъ скопляться въ банкахъ, и казвѣ не трудно будетъ пріобрѣсти излишекъ въ свои руки съ уплатой низкихъ процентовъ, и потому она будетъ имѣть возможность обратить безпроцентный долгъ въ процентный на выгодныхъ для себя условіяхъ, какъ говорятъ консолидировать его по весьма низкому проценту, и тогда съ устраненіемъ причины должно бы устраниться и слѣдствіе, то-есть кредитнымъ билетамъ должна бы вернуться ихъ полная цѣнность.

Существуетъ ли у насъ что-нибудь подобное, скапливаются ли деньги въ банкахъ, низокъ ли банковый процентъ? Совершенно наоборотъ. Проценты высоки, и банкъ находилъ нужнымъ въ недавнее еще время выпускать новые кредитные билеты, дабы удовлетворять нуждамъ торговли въ денежных знакахъ, а теперь считается необходимымъ уплата казной въ теченіе 8 лѣтъ, ежегодно по 50 милліоновъ Государственному Банку, дабы онъ имѣлъ возможность оказывать должное содѣйствіе торговлѣ и промышленности.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ:

1) Что излишній выпускъ денежных знаковъ можетъ дѣйствительно понизить ихъ цѣнность.

2) Что при такомъ излишествѣ денежных знаковъ банковый процентъ долженъ понизиться.

3) Что происходящее отъ этой причины паденіе цѣны бумажныхъ денегъ есть въ сущности болѣзнь не очень опасная и тяжелая, и если только не выпускается безпрерывно новыхъ кредитныхъ билетовъ, то вылѣчивается сама собою,

скопленіемъ излишнихъ бумажныхъ денегъ въ рукахъ правительства, которое имѣетъ полную возможность уничтожить этотъ излишекъ, обративъ часть своего безпроцентнаго долга въ процентный за невысокій процентъ.

4) Что этихъ признаковъ излишества денежныхъ знаковъ въ настоящее время въ Россіи не существуетъ, и что уже по одному этому должно искать другихъ причинъ упадка цѣнности нашего кредитнаго рубля.

Можно еще другимъ образомъ доказать что количество обращающихся у насъ денежныхъ знаковъ не только не излишне, но что оно недостаточно и далеко не удовлетворяетъ потребности въ нихъ. Практическіе люди чувствуютъ это непосредственно, такъ сказать чутьемъ или инстинктомъ, но теоретики не хотятъ съ этимъ согласиться; ибо по ихъ теоріи имъ кажется что иначе нельзя себѣ объяснить паденія цѣнности нашихъ кредитныхъ билетовъ. Не принимаютъ они въ расчетъ и признаковъ прямо указывающихъ на недостатокъ денегъ, какъ напримѣръ что купоны разныхъ процентныхъ бумагъ начинаютъ ходить какъ деньги. Если имѣется достаточное количество какого-либо предмета потребленія, станутъ ли прибѣгать къ его суррогату, замѣняющему его съ большею или меньшею невыгодой? Если довольно чистой муки, станутъ ли подмѣшивать въ нее толченую древесную кору? Еслибъ у насъ было достаточно золота, прибѣгли ли бы мы къ кредитнымъ билетамъ? Но если это такъ, то точно также, если у насъ достаточно кредитныхъ билетовъ, не станутъ прибѣгать для восполненія ихъ къ купонамъ процентныхъ бумагъ, которые во всѣхъ отношеніяхъ худшіе замѣстители денегъ чѣмъ кредитные билеты.

Но это только къ слову, доказательство же мое состоитъ въ слѣдующемъ:

Во Франціи приходится кругомъ металлическихъ денежныхъ знаковъ по 200 франковъ на душу и сверхъ того обращается еще значительное количество банковыхъ билетовъ, которые размѣнены франкъ на франкъ и въ которыхъ слѣдовательно не чувствуется излишества. Сумма этихъ обращающихся билетовъ доходитъ до 2.800 милліоновъ франковъ, что еще составитъ по 76 франковъ на душу. Но оставимъ эти послѣдствія безъ вниманія. Какое же количество денежныхъ знаковъ приходится на душу въ Россіи? Кредитныхъ билетовъ у насъ на 90.000.000 населенія 1.400 милліоновъ рублей.

Для сравненія надо перевести рубли на франки. Во сколько же франковъ считать рубль? Вѣдь рубли наши кредитные неполноцѣнны, и четырехъ франковъ не стоить, по курсу рубль равняется 2,₈₀ фр., но стоимость ихъ на внутреннемъ рынкѣ выше, какъ покажемъ въ послѣдствіи, хотя точно опредѣлить эту цѣнность невозможно. Мы примемъ поэтому среднюю величину, ту которая лучше соответствуетъ круглымъ цифрамъ, въ 3,₂₀ франковъ. Если тутъ и есть ошибка, то не большая и для нашей цѣли не имѣющая значенія. Такимъ образомъ, количество находящихся у насъ въ обращеніи денежныхъ знаковъ выразится приблизительно суммой въ 4 миллиарда 500 милліоновъ франковъ, что дастъ всего 50 франковъ на душу, то-есть въ четыре раза меньше чѣмъ звонкой монеты во Франціи. На это возражать что сумма годовыхъ оборотовъ во Франціи гораздо больше нашей. Совершенно справедливо, но за то обращеніе денежныхъ знаковъ у насъ гораздо медленнѣе. Теоретически количество потребныхъ въ странѣ денежныхъ знаковъ можетъ быть выражено такъ: оно должно равняться суммѣ годовыхъ оборотовъ s дѣленной на среднее число обращеній денежной единицы n , то-есть $= \frac{s}{n}$. Это количество будетъ тѣмъ больше чѣмъ больше числитель дроби или чѣмъ меньше ея знаменатель. Числитель очевидно во Франціи значительно больше чѣмъ въ Россіи, но за то знаменатель въ Россіи гораздо меньше. Какъ велика роль этого знаменателя показываетъ сравненіе между количествами денежныхъ знаковъ во Франціи и въ Англіи. Во Франціи приходится, какъ мы сказали, 200 франковъ на душу, а въ Англіи только 80 франковъ, между тѣмъ какъ сумма оборотовъ въ Англіи гораздо больше, по крайней мѣрѣ вдвое чѣмъ во Франціи. Итакъ необходимо чтобы въ Англіи денежная единица обращалась въ пятеро быстрѣе чѣмъ во Франціи. Но не очевидно ли что средняя быстрота денежнаго обращенія въ Россіи сравнительно съ Франціей будетъ медленнѣе въ сильнѣйшей пропорціи чѣмъ во Франціи сравнительно съ Англіей. Чтобы убѣдиться въ этомъ, вникнемъ вѣсколько въ условія опредѣляющія быстроту денежнаго обращенія. Прежде всего величина страны, отъ которой конечно зависитъ пространство пробѣгаемое среднимъ числомъ денежною единицей (какъ при торговыхъ оборотахъ, такъ и при другихъ расходахъ),

замедляетъ денежное обращеніе; то же самое дѣлаетъ и меньшая плотность населенія. Но Франція только вдвое больше Англіи, населеніе же ея менѣе чѣмъ вдвое рѣже англійскаго, а пространствомъ одна Европейская Россія въ десять разъ превосходитъ Францію, населеніе же ея раза въ три или четыре рѣже. Но вѣдь и Сибирь, по крайней мѣрѣ южная, и Закавказье, и Туркестанскій край требуетъ денегъ, но какъ медленно онѣ туда доходятъ, какъ медленно тамъ обращаются, какъ медленно оттуда возвращаются! Затѣмъ очевидно что быстрота денежнаго обращенія находится въ обратномъ отношеніи съ развитіемъ путей сообщенія (железныхъ дорогъ и пр.) и путей сношенія (телеграфовъ, почты). И въ этомъ отношеніи Россія въ сильнѣйшей степени уступаетъ Франціи чѣмъ Франція Англіи. Замѣтимъ что и самыя климатическія условія имѣютъ въ этомъ отношеніи у насъ замедляющее дѣйствіе. Такъ, напримѣръ, наши холодныя и снѣжныя зимы которыя въ бывшее время ускоряли и улучшали наши сообщенія (слѣдовательно и денежное обращеніе) теперь замедляютъ ихъ, оковывая рѣки и въкоторыя наши моря льдомъ и прелатствуя движенію по желѣзнымъ дорогамъ заносами. Еще болѣе важное значеніе имѣютъ разнаго рода учрежденія имѣющія свою цѣлью облегчать и ускорять денежное обращеніе. Таковы, напримѣръ, банки, расчетныя конторы (такъ, думаю, можно перевести слово clearing house), употребленіе чековъ. Насколько это важно, видно, напримѣръ, изъ того что въ англійскихъ clearing houses однимъ перечисленіемъ суммъ изъ рукъ въ руки, почти безъ помощи звонкой монеты, совершается ежегодно оборотовъ на поражающую сумму 150 миллиардовъ франковъ. Правда что этотъ послѣдній способъ веденія денежныхъ расчетовъ до сихъ поръ не употребляется не только у насъ, но и во Франціи, но за то сколько другихъ ускорительныхъ средствъ, которыхъ мы не имѣемъ, уже употребляются тамъ. Во Франціи каждый маленькій городокъ имѣетъ свой банкъ. Кромѣ значительныхъ коммерческихъ домовъ, кто имѣетъ у насъ привычку расслачиваться чеками или переводомъ денегъ изъ одного мѣста въ другое чрезъ посредство банковъ? Большая часть все еще пересылаетъ по почтѣ, а какъ почты медленны и неаккуратны, съ какими процедурами сопряжены и отправка и полученіе денегъ вдали отъ почтовыхъ конторъ! Сначала получится повѣстка,

затѣмъ ждутъ okazji чтобы похваля вѣрный человекъ которому можно поручить деньги и т. п. Кто изъ простаго народа (кромѣ Евреевъ и кулаковъ), да и изъ лицъ другихъ небогатыхъ сословій не занимающихся торговлей, пускаютъ деньги въ оборотъ, помѣщаютъ въ банки? Всѣ эти десятки милліоновъ людей хранятъ полавшую въ ихъ руки бумажку, запрятавъ подальше на черный день, насколько нужда позволить хранить. Какъ медленно совершаются обороты приуроченные къ большимъ нашимъ ярмаркамъ: Нижегородской, Ирбитской! Если вникнуть во все это, то нельзя не согласиться что быстрота нашихъ денежныхъ оборотовъ уступаетъ въ большее число разъ быстротѣ оборотовъ во Франціи чѣмъ въ этой послѣдней сравнительно съ Англіей. Постараемся же, чтобы фиксировать наши мысли, придать этому нашему разсужденію, въ справедливости котораго едва ли можно сомнѣваться, приблизительное числовое выраженіе. Допустимъ что сумма денежныхъ оборотовъ (нашъ числитель e) во Франціи въ шестнадцать разъ превосходитъ таковую же въ Россіи—щедрѣе уже нельзя быть (16, а не 15 или 17 беремъ ради круглоты нашихъ приблизительныхъ чиселъ), и примемъ что быстрота обращенія денежной единицы происходитъ у насъ настолько же медленно чѣмъ во Франціи, во сколько во Франціи она медленно чѣмъ во Англіи, то-есть въ пять разъ. Мы получимъ $\frac{200 \text{ фр.}}{16} \times 5 = 62,5 \text{ фр.}$, то-есть что ежели для Франціи, при ея условіяхъ денежныхъ оборотовъ, потребно 200 фр. на душу, то у насъ крайней мѣрѣ нужно бы имѣть 62½ франка на душу, дабы количество денежныхъ знаковъ удовлетворяло дѣйствительной въ нихъ потребности при нашихъ условіяхъ обращенія. *

* Всѣ эти числовыя данныя о количествѣ денежныхъ знаковъ приходящихся на душу во Франціи и въ Англіи я заимствовалъ изъ статьи *Revue des deux Mondes* 14 января 1882 года „La Question monétaire“ par Victor Bonnet. Правда что авторъ ея полагаетъ что во Франціи слишкомъ много денежныхъ знаковъ и желаетъ ихъ уменьшенія; но необходимымъ условіемъ для этого ставить усовершенствованіе средствъ кредита, то-есть, другими словами, увеличеніе быстроты денежнаго обращенія. Мы же ведемъ свои разчеты, принимая во вниманіе ту быстроту его которая въ настоящее время у насъ существуетъ и измененія которой нѣтъ основанія предполагать по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ. Денежный

Но мы видѣли выше что у насъ приходится ихъ только 50 фр. на душу, и что слѣдовательно это количество смѣло можетъ быть увеличено на цѣлую четверть, то-есть на 350 милліоновъ рублей. Но предположеніе что быстрота денежнаго обращенія въ Россіи лишь во столько же разъ медленнѣе чѣмъ во Франціи, во сколько это послѣднее медленнѣе чѣмъ въ Англіи, въ высшей степени невѣроятно; гораздо вѣроятнѣе что въ Россіи оно медленнѣе въ болѣе значительной степени. Но если мы уменьшимъ эту быстроту въ Россіи только на единицу, то-есть примемъ что не въ пять, а въ шесть разъ медленнѣе она чѣмъ во Франціи, то уже получимъ 75 фр. потребныхъ на душу въ Россіи, а это значило бы что количество денежныхъ знаковъ въ Россіи должно бы быть увеличено въ $1\frac{1}{2}$ раза, то-есть что, безъ опасенія ихъ излишества, можно бы еще выпустить на 700 милліоновъ кредитныхъ билетовъ, которые не понизили бы нашего денежнаго курса противъ телерешнаго, еслибы не было другой причины для этого пониженія. Теперь обратимся къ изслѣдованію этой другой причины, то-есть къ тому, можетъ ли, и какимъ именно путемъ, невыгодный торговый балансъ понизить денежный курсъ?

II.

Для большей простоты и ясности предположимъ что нѣкоторая страна находится съ иностранными государствами исключительно въ торговыхъ сношеніяхъ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ этого слова, то-есть что она вывозитъ нѣкоторое количество своихъ товаровъ за границу и нѣкоторое количество ввозитъ, что въ ней нѣтъ никакихъ процентныхъ бумагъ,

оборотъ Англіи мы принимаемъ вдвое значительнѣе чѣмъ во Франціи на томъ основаніи что внѣшняя торговля Англіи по ввозу и вывозу почти вдвое значительнѣе таковой же во Франціи; именно въ 1880 году въ Англіи она происходила на сумму 14 милліардовъ 525 милліоновъ франковъ, а во Франціи только на 7 милліардовъ 637 милліоновъ франковъ. Слѣдовательно, безъ большой ошибки можно принять что и всѣ прочіе обороты совершаются въ той же пропорціи. Само собою разумѣется что мы не придаемъ нашимъ выводамъ ариметической точности; вся цѣль наша—показать сравненіемъ съ другими странами что предположеніе объ излишкѣ у насъ денежныхъ знаковъ въ высшей степени сомнительно и совершенно произвольно.

которыя иностранцы могли бы покупать, и сами ихъ не покупаютъ, что она не имѣетъ вѣшняго долга; наконецъ, что въ той странѣ нѣтъ вовсе драгоценныхъ металловъ, или по крайней мѣрѣ что вывозъ драгоценныхъ металловъ изъ нея абсолютно запрещенъ, и всѣ обороты совершаются при посредствѣ кредитныхъ бумажныхъ денегъ. Пусть торговый балансъ этой страны, съ такими упрощенными оборотами, находится въ абсолютномъ равновѣсїи: насколько товаровъ вывозится настолько и привозится, положимъ на 300 милліоновъ рублей. Всѣ деньги которыя она употребитъ на покулку иностранныхъ товаровъ вернутся въ нее обратно, какъ плата за товары изъ нея вывезенные, причемъ конечно нѣтъ надобности предполагать чтобы сначала всѣ 300 милліоновъ ушли за границу на покулку чужихъ, а затѣмъ бы вернулись за продажу своихъ товаровъ. Довольно чтобы только расчетъ на нихъ производился, хотя бы переходъ самихъ денегъ за границу и обратно производился въ самыхъ малыхъ размѣрахъ. Я говорю что бумажныя деньги этой страны ходили бы за границей *à pari*, потому что, хотя и не размѣняныя на золото и серебро, онѣ были бы для принимающихъ ихъ купцовъ размѣнными рубль за рубль на товаръ. Конечно еслибы такія ассигнаціи попали за границей въ руки лицъ не ведущихъ торговыхъ операцій съ нашей страной, особливо въ мѣстахъ удаленныхъ отъ центровъ этой торговли, то онѣ не имѣли бы полной цѣны, потому что эти лица не могли бы употреблять ихъ непосредственно какъ монету, а должны были бы размѣнивать у этихъ купцовъ, или чрезъ посредство банковъ, имѣющихъ съ ними сношенія, что неудобно, но это пониженіе курса могло бы составить лишь нѣсколько процентовъ.

Но пусть теперь обстоятельства измѣнятся, и наша страна, продолжая вывозить на триста милліоновъ, начнетъ ввозить на четыреста. Три четверти изъ нихъ продолжаютъ быть размѣнными рубль за рубль на товаръ, а одна четверть, то-есть 100 милліоновъ обратятся въ простую, никакой цѣнности не имѣющую бумагу, и очевидно что въ глазахъ иностранцевъ эти мнимые четыреста милліоновъ будутъ имѣть значеніе только трехсотъ действительныхъ, или, другими словами, за ту же цѣну иностранцы будутъ отпускать только три четверти того количества товаровъ которое отпускали прежде, или соотвѣтственно этому вздорожаютъ иностранные

товары не вообще, а только для этой страны. Но не можетъ же въ самомъ дѣлѣ купецъ продавать товары дороже или дешевле, смотря по тому, кому онъ ихъ продаетъ—гражданину одного или другаго государства, для него можетъ быть важно лишь то какими деньгами ему платять. Слѣдовательно деньги нашей страны потеряютъ четверть своей цѣны, каждый ихъ рубль обратится въ 75 копѣекъ.

Конечно, въ дѣйствительности дѣла происходятъ гораздо болѣе сложнымъ образомъ чѣмъ въ нашемъ примѣрѣ, но въ томъ же смыслѣ и въ томъ же направленіи. Часть излишка ввоза улачивается драгоцѣнными металлами, часть долговыми обязательствами, то-есть процентными бумагами, часть уступкой недвижной собственности, или нѣкоторыхъ правъ на нее (какъ въ нашемъ обществѣ поземельнаго кредита) и т. п. Но драгоцѣнныхъ металловъ можетъ и не хватить на приплату по торговымъ счетамъ, какъ напр. при теперешнихъ обстоятельствахъ Россіи, когда 2.000 пудовъ добываемаго золота (что составляетъ приблизительно 26 милліоновъ рублей) далеко не хватаетъ на уплату процентовъ по вѣшнымъ государственнымъ займамъ, а на покупку процентныхъ бумагъ всегда явится достаточно и заграничныхъ покупателей, и внутреннихъ продавцевъ, такъ что всегда останется значительная доля излишка ввозимыхъ противъ вывозимыхъ товаровъ, которая ничѣмъ не можетъ быть улачена какъ только вздорожаніемъ предметовъ ввоза и удешевленіемъ предметовъ вывоза, что и выражается въ упадкѣ денежнаго курса и притомъ, какъ скоро увидимъ, упадокъ этотъ долженъ быть значительнѣе чѣмъ бы ему слѣдовало быть по арифметическому отношенію между дебетомъ и кредитомъ страны.

Но какое же вліяніе долженъ оказать этотъ упадокъ цѣнности бумажныхъ денегъ за границей на ихъ цѣнность внутри государства, при предположеніи что внутреннихъ причинъ къ паденію ихъ курса не существуетъ, то-есть что въ нихъ нѣтъ излишка. Каждый кредитный билетъ очевидно представляется обладателю его съ двойственнымъ характеромъ: полноцѣннымъ для всѣхъ платежей внутреннихъ, и неполноцѣннымъ для всѣхъ платежей заграничныхъ (покупки заграничныхъ товаровъ, поѣздокъ за границу и т. д.), какъ если бы на одной сторонѣ его было написано 1 рубль, а на другой 65 копѣекъ (по курсу 1 р. — 2 фр. 60 сант.), а средняя его цѣнность была бы $82\frac{1}{2}$ копѣйки.

Но это было бы арифметически вѣрно только въ томъ случаѣ еслибы среднее число предстоящихъ употребленій рубля по внутреннимъ раслатамъ было бы равно среднему числу ихъ по раслатамъ вѣшнимъ. А это далеко не такъ; первыя во много разъ превосходятъ послѣднія. Въ самомъ дѣлѣ, большинство нашихъ потребностей, за удовлетвореніе которыхъ мы платимъ деньги, доставляются намъ тою стравой въ которой мы живемъ. Почти вся пища и напитки, пріобрѣтеніе которыхъ составляетъ главный расходъ, большая часть одежды и обуви и все приготовленіе ея, мебель и квартира, наемъ рабочихъ и прислуги, уплата государственныхъ и другихъ повинностей, все это требуетъ платежей внутреннихъ, такъ что едва ли десятый рубль придется употребить на уплаты заграничныя. Говоря десятый рубль, мы еще много преувеличиваемъ значительность уплатъ по заграничнымъ предметамъ потребленія, въ чемъ легко убѣдиться, припомнивъ что большая часть народа, за исключеніемъ развѣ чая и небольшого количества кофе, ничего заграничнаго не потребляетъ. Итакъ, вмѣсто того чтобы предполагать что каждая наша рублевая бумажка есть рубль только съ одной стороны, а съ другой 65 коп., мы будемъ гораздо ближе къ истинѣ если предположимъ что изъ 10 рублей 9 суть настоящіе рубли, какъ имѣющіе израсходоваться на внутренніе платежи, и только десятый, которому придется идти на платежи заграничныя, стоить лишь 65 копѣекъ. Такимъ образомъ 10 рублей составили бы не 1.000, а только 965 коп., и среднимъ числомъ цѣна рубля на внутреннемъ рынкѣ должна бы равняться 96½ копѣйкамъ. Изъ этого выходило бы что вліяніе невыгоднаго торговаго баланса на цѣнность бумажныхъ денегъ внутри государства самое ничтожное, и не это ли, можетъ быть, заставляетъ большинство нашихъ экономистовъ такъ презрительно относиться къ торговому или вообще разчетному балансу въ вопросѣ о денежномъ курсѣ. Но сдѣланный нами выводъ будетъ приблизительно вѣренъ только арифметически и совершенно невѣренъ экономически. Чтобы доказать это, считаю нужнымъ войти въ нѣкоторыя общія разсужденія о значеніи экономическихъ законовъ.

Политико-экономы гордятся что среди всѣхъ нравственно политическихъ и общественныхъ наукъ только одной ихъ наукъ удалось установить законы явленій, то-есть такія общія формулы которыя объемяютъ собою обширный кругъ

фактовъ, представляющихся уже, какъ необходимый изъ нихъ выводъ, совершенно такъ же какъ въ области наукъ физико-математическихъ и отчасти естественно-историческихъ или биологическихъ. И такая гордость отчасти справедлива, но только отчасти, потому что между дѣйствительно заслуживающими этого названія законами наукъ положительныхъ, законами природы и законами экономическими есть огромное и самое существенное различіе. Законы природы, открытые положительными науками, суть законы *вмѣстѣ качественныя и количественныя*, а законы экономическіе суть только законы *качественныя*. Именно, эти послѣдніе выражаютъ собою *только характеръ и направленіе явленій*, тогда какъ первые опредѣляютъ *не только характеръ и направленіе явленій*, но еще *и ихъ мѣру*. Такъ, напримѣръ, Ньютоновъ законъ тяготѣнія говоритъ не только что всѣ тѣла взаимно притягиваются и что это притяженіе бываетъ сильнѣе при большихъ массахъ притягивающихъ тѣлъ и ослабляется съ ихъ удаленіемъ; но говоритъ точно, до грава вѣса и до миллиметра разстоянія, въ какой степени оно увеличивается или уменьшается съ массой и съ разстояніемъ тѣлъ. Разберемъ съ этой точки зрѣнія основную политико-экономическую формулу объ измѣненіи цѣны по условіямъ требованія и предложенія, и разберемъ на конкретномъ примѣрѣ.

Пусть какая-нибудь страна производитъ нормально столько хлѣба сколько нужно для потребленія ея жителей, и торговать достать его не откуда. Является неурожай, по которому не хватаетъ $\frac{1}{26}$ доли количества хлѣба потребнаго для пропитанія ея жителей. Какіе можетъ произвести это результаты? Возможны троякіе: 1) Все населеніе будетъ питаться полными хлѣбными порціями въ теченіе 50 недѣль, а въ теченіе двухъ недѣль должно сидѣть безъ хлѣба, слѣдовательно будетъ замѣнять его разными суррогатами питательными и малопитательными. Отъ этого нѣкоторая часть помретъ съ голода, а другая истощаетъ, и масса во всякомъ случаѣ потерпитъ въ своемъ здоровьи. 2) Или двадцать пять частей населенія будутъ имѣть все необходимое имъ количество хлѣба въ теченіе всего года, а одна двадцать шестая часть вовсе его имѣть не будетъ, то-есть въ большинствѣ помретъ съ голода. 3) Или, наконецъ, всѣ убавятъ свою ежедневную порцію на $\frac{1}{26}$ часть, то-есть по нѣскольکو золотниковъ, и въ

такимъ случаѣ почти ни мало не потерлать. Нѣкоторые могутъ - быть немного похудѣють, лишившись малой части своего жира, что въ иныхъ случаяхъ даже и хорошо; но по большей части и этого даже не произойдетъ, потому что потребляемыя нормальныя порціи хлѣба, какъ и всякой другой пищи, не такъ уже аккуратно отиѣрены чтобы лишеніе какой-нибудь влчтойной ихъ части могло имѣть ощутительное вліяніе на силы и здоровье. Итакъ, при такомъ возможномъ благопріятномъ исходѣ дѣла, и цѣна хлѣба имѣла бы причины возвыситься только на $\frac{1}{26}$ часть, то-есть если людъ хлѣба стоилъ прежде рубль, то ему слѣдовало бы стоить въ нашемъ, для примѣра взятомъ году—1 р. 4 копѣйки.

Но вѣдь напередъ неизвѣстно который изъ трехъ возможныхъ случаевъ осуществится на дѣлѣ, или точнѣе, на дѣлѣ должны осуществиться всѣ эти три случая, въ различныхъ мѣрахъ и комбинаціяхъ. Такъ какъ мы предположили что въ нашей странѣ царствуетъ молвая экономическая свобода, дабы законъ предложенія и требованія имѣлъ полный просторъ для обнаруженія своего дѣйствія, то никому не хочется попасть ни въ первую категорію, которой предстоитъ говѣть въ теченіе двухъ недѣль, ни, чего избави Богъ, во вторую. Въ этомъ опасеніи всякій производящій хлѣбъ оставляетъ изъ него для себя и для своихъ полный годовой рационъ, да еще и съ запасцемъ; каждый покупающій хлѣбъ для собственнаго потребленія поспѣшаетъ сдѣлать какъ возможно большій, по его потребностямъ и средствамъ, запасъ хлѣба и каждый торгующій хлѣбомъ, оптомъ и въ розницу, постарается его попридержать. Слѣдовательно и требованіе возрастетъ ненормально, и предложеніе ненормально уменьшится, и въ результатѣ хлѣбъ вздорожаетъ можетъ-быть въ полтора или въ два раза, вмѣсто того чтобы вздорожать только на $\frac{1}{26}$ долю нормальной цѣны. Въ какой же именно мѣрѣ онъ вздорожаетъ, этого никто вычислить не можетъ, именно потому что экономическій законъ опредѣляетъ только характеръ и направленіе явленія, а не мѣру его. Что все это нами не выдуманно, что все это бываетъ не въ нашей только гипотетической странѣ, отлично доказываетъ прошедшій годъ. Неблагопріятный урожай, далеко не угрожавшій ни голодомъ, ни сильнымъ уменьшеніемъ вывоза за границу, ни остановкой производства выдѣлываемыхъ изъ хлѣба продуктовъ (хлѣбнаго вина, напримѣръ), подъ вліяніемъ слуховъ

усиленныхъ газетною агитаціею, произвелъ въ некоторую панику и хлѣбъ вздорожалъ въ гораздо сильнѣйшей степени чѣмъ бы слѣдовало по дѣйствительному уменьшенію урожая. Совершенно обратное можетъ случиться при сильномъ урожаѣ, когда всякій боится остаться съ непроданнымъ остаткомъ, и тутъ можетъ быть своего рода паника удешевляющая предметъ сверхъ мѣры, въ всякаго разчета.

Возьмемъ другой примѣръ. Разносится слухъ что дѣла крупнаго банкирскаго дома нѣсколько пошатнулись, слухъ можетъ-быть даже и недостоверный. Благоразумный, хладнокровный человѣкъ разсуждаетъ: если и вправду дѣла банка пошатнулись, то давъ ему время оправиться, собрать свои долги, привести дѣла въ порядокъ, я могу еще надѣяться продолжать получать проценты и вернуть свой капиталъ; если же броситься вытребовать свои вклады, то банкъ долетитъ, даже если дѣла его и хороши. Но такое разсужденіе справедливо лишь въ томъ случаѣ когда и всѣ будутъ разсуждать какъ я; но этого навѣрно не будетъ. Слѣдовательно, если я буду придерживаться своей системы благоразумія, то навѣрно попаду въ число тѣхъ которые лишатся своего капитала; если же послѣшу его вытребовать, то-можетъ-быть еще услѣю и попаду въ число счастливыхъ. Вслѣдствіе такого разсужденія, даже людей благоразумныхъ и хладнокровныхъ, — прочіе вовсе не разсуждаютъ, а дѣйствуютъ подъ вліяніемъ паники,—требованіе возрастаетъ до ужасной степени, которому никакое предложеніе удовлетворить не можетъ, и разражается крахъ, который безъ этого легко могъ бы благополучно разрѣшиться. Словомъ, во всѣхъ этихъ и подобныхъ случаяхъ происходитъ въ мірѣ экономическомъ совершенно то же что съ несчастными зрителями Вѣнскаго театра во время недавняго пожара. Въ нѣкоторой степени этотъ элементъ паники, совершенно не подлежащій никакой мѣркѣ, имѣетъ долю участія чуть ли не во всѣхъ экономическихъ явленіяхъ, нарушаетъ ихъ стройность и поднимаетъ или удешевляетъ цѣны выше той нормы которая должна бы имѣть мѣсто по увеличенію или уменьшенію производства, по увеличенію или уменьшенію дѣйствительной потребности въ продуктахъ.

Несправедливо было бы, однакоже, упрекать экономистовъ за то что законы ихъ науки имѣютъ только характеръ качественнаго, ибо нельзя открыть того что не существуетъ.

Все дѣло въ томъ что напрасно говорятъ о какихъ-то особыхъ экономическихъ законахъ, ибо всѣ экономическіе законы суть только законы психическіе, въ примѣненіи къ мѣнѣ товаровъ и услугъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь не происходятъ же никакихъ движеній и явленій въ экономическихъ объектахъ безъ того чтобъ они не приводились въ движеніе человѣкомъ, сообразно съ нуждами и потребностями, которыми, вѣдь, управляетъ не иное что какъ законы психическіе. Вообще основные самобытные законы явленій могутъ быть отнесены только къ тремъ категоріямъ, такъ какъ есть только три категоріи явленій не подводимыхъ или по крайней мѣрѣ до сихъ поръ не подведенныхъ оди подъ другія. Это явленія и законы міра матеріальнаго: механическіе, физико-химическіе и физиологическіе; явленія и законы психическіе, къ числу которыхъ относятся не только явленія и законы логическаго мышленія, но явленія и законы проявленія чувствъ, аффектовъ и страстей, и наконецъ тѣ, которые я назыву криптопсихическими, охватывающіе собою явленія которыя хотя и коренятся въ человѣческомъ духѣ, но вполнѣ или въ значительной степени не подлежатъ его сознанію, таковы напримѣръ явленія и законы строенія человѣческихъ обществъ или вообще историческія; строенія языковъ, лингвистическія, и явленія и законы художественнаго творчества, эстетическіе.

Возвращаюсь къ нашимъ бумажнымъ деньгамъ. Я получилъ 1.000 рублей, которые ариѳметически должны бы, сообразно нашему предположенію что только десятый рубль идетъ среднимъ числомъ на заграничныя раслаты, составлять 965 рублей. Но я не знаю примѣнимъ ли къ моимъ спеціальнымъ надобностямъ этотъ средній расчетъ, не знаю не случится ли мнѣ крайняя надобность или просто непреодолимая охота лѣзть за границу, и тогда почти всѣ эти 1.000 рублей придется изтратить за границей, и изъ 965 они обратятся въ 650 рублей. Не знаю не придется ли мнѣ сдѣлать, опять-таки по необходимости или по охотѣ, большія чѣмъ обыкновенно затраты на покупку заграничныхъ продуктовъ. Такъ какъ въ такомъ положеніи находятся не я одинъ, а очень многіе, и притомъ именно тѣ которые могутъ имѣть наибольшее вліяніе на цѣнность рубля придаваемымъ ими ему значеніемъ,—ибо сила сосредоточенная всегда оказываетъ гораздо большее вліяніе чѣмъ сила раздробленная, хотя бы эта

последняя и много превышала ее своею численностью, — кредитный рубль долженъ уласть въ своей цѣнности внутри страны въ гораздо сильнѣйшей степени чѣмъ того требовало выше приведенное ариѳметическое отношеніе. Поэтому цѣнность нашего рубля и внутри страны скорѣе приблизится къ $82\frac{1}{2}$ копѣйкамъ (по предположенію что каждый рубль имѣеть среднюю цѣнность между полноцѣнностью и внѣшнимъ курсомъ) чѣмъ къ $96\frac{1}{2}$ копѣйкамъ.

Замѣтимъ здѣсь кстату что только-что приведенными соображеніями о значеніи экономическихъ законовъ можетъ быть объяснено и то что самъ внѣшній курсъ кредитнаго рубля можетъ уласть ниже чѣмъ бы это слѣдовало по расчетному балансу.

Какова бы ни была дѣйствительная цѣнность нашего кредитнаго рубля на внутреннемъ рынкѣ — точно опредѣлить ее нѣтъ никакой возможности — остается несомнѣннымъ (если даже и есть излишекъ въ денежныхъ знакахъ) что при невыгодности торговаго баланса непременно должна существовать разность въ цѣности рубля на внутреннемъ рынкѣ и въ цѣности его на рынкахъ иностранныхъ (такъ — называемая курсовая цѣнность), и что эта последняя цѣнность всегда будетъ ниже первой. Въ этой-то разности и заключается какъ вся сущность, такъ и главный экономическій вредъ низкихъ курсовъ. Вредъ этотъ состоитъ въ томъ что, какъ мы видѣли въ нашемъ гипотетическомъ примѣрѣ, за товары цѣностью въ 400 милліоновъ иностранцы даютъ своихъ товаровъ только на 300 милліоновъ, то-есть что наши товары по отношенію къ заграничнымъ дешевѣютъ, что за извѣстное ихъ количество даютъ намъ взаимно иностранныхъ товаровъ менѣе чѣмъ бы слѣдовало по дѣйствительной стоимости нашихъ товаровъ.

Еслибы это было не такъ, еслибы не существовало этой разницы въ цѣности денежной единицы на внутреннемъ и на иностранномъ рынкахъ, еслибы цѣнность ея и на внутреннемъ рынкѣ упала до ея курсовой цѣнности на иностранныхъ рынкахъ, то иностранцы не получали бы никакихъ премій при покупкѣ нашихъ товаровъ, какъ бы ни былъ низокъ денежный курсъ, и мы получали бы за извѣстное количество нашихъ товаровъ то самое количество товаровъ иностранныхъ которое слѣдовало бы получить по дѣйствительной нормальной сравнительной ихъ стоимости. Въ этомъ легко убѣдиться изъ

слѣдующаго разчета. Пусть цѣнность кредитнаго рубля будетъ и на внутреннемъ рынкѣ та же самая что и на иностранныхъ, то-есть пусть рубль стоящій по заграничному курсу 2 фр. 60 сант. имѣлъ бы и внутри Россіи соответственную стоимость, то-есть равнялся бы 65 коп. Пусть нормальная средняя цѣна четверти пшеницы была бы 10 р. при полнотѣ рубль, равномъ 4 фр. При паденіи рубля до 65 коп. четверть пшеницы вздорожала бы до 15 р. 38 к., ибо условія производства пшеницы остались тѣ же что и прежде, и ей нѣтъ резона подешевѣть потому только что рубль подешевѣлъ. Въ такомъ случаѣ иностранному купцу, платившему прежде 40 фр. за 10тирублевую четверть, пришлось бы залатить тѣ же 40 фр. для промѣна ихъ на 15 р. 38 к. улавшихъ въ цѣнѣ денегъ чтобы купить на нихъ четверть пшеницы. Но еслибы цѣнность кредитнаго рубля на внутреннемъ рынкѣ была, какъ мы выше предположили, 82½ коп., то четверть пшеницы стоила бы только 12 р. 12 к., и иностранный купецъ, покупая наши кредитные билеты по заграничному курсу (или получая ихъ за проданный намъ товаръ) употребилъ бы только 31 фр. 51 сант. и слѣдовательно получилъ бы барыша или преміи 8 фр. 49 сант. при покупкѣ каждой четверти нашей пшеницы, и совершенно столько же терялъ бы нашъ купецъ при покупкѣ соответственнаго количества иностранныхъ товаровъ.

Изъ сказаннаго до очевидной ясности видно:

1) Что невыгодный торговый, или общіе, разчетный балансъ не только можетъ, но и долженъ произвести паденіе цѣны бумажныхъ денежныхъ знаковъ.

2) Что сущность и главный вредъ такого уладка цѣнности денегъ, происшедшаго вслѣдствіе невыгодности торговаго баланса, заключается въ разности цѣны денегъ на внутреннемъ и на вѣнскихъ рынкахъ.

3) Эта разность цѣнности денегъ имѣетъ своимъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ удешевленіе товаровъ внутренняго производства сравнительно съ товарами иностранными, обмѣняваемыхъ при посредствѣ разнотѣной денежной единицы, что въ свою очередь опять усиливаетъ невыгодность баланса.

4) Если уладокъ бумажной денежной единицы происходитъ отъ внутреннихъ причинъ, то-есть отъ излишка денежныхъ знаковъ, то вредныя послѣдствія, означенныя въ пунктѣ 3,

проявиться не могутъ, потому что цѣнность бумажной денежной единицы на внутреннемъ рынкѣ не будетъ стоять выше нежели на вѣнскихъ. Этотъ послѣдній выводъ, можетъ-быть, требуетъ нѣкоторыхъ разъясненій.

Если вслѣдствіе излишества въ денежныхъ знакахъ полуимперіалъ, стоившій 5 рублей (15 копѣекъ для краткости отбрасываемъ), будетъ стоить $7\frac{1}{2}$ рублей кредитныхъ, товары вздорожаютъ какъ разъ въ той же пропорціи, но только формально, а не существенно, то-есть какъ прежде, такъ и послѣ за полуимперіалъ будетъ покупаться тотъ же кулъ муки, хотя номинально будетъ говориться что этотъ кулъ стоить семь съ половиною, а не пять рублей. Но за границей, если торговый балансъ въ нашу пользу, бумажный рубль, будучи вполнѣ размѣнянымъ (если не на металлъ, то на товаръ), сохранилъ бы свою полную цѣнность и стоялъ бы даже выше чѣмъ внутри государства еслибъ этому не препятствовало то что иностранный купецъ имѣетъ всегда возможность за свой полуимперіалъ получить промѣномъ не 5, а $7\frac{1}{2}$ бумажныхъ рублей. Но на нихъ онъ покупаетъ однакоже то самое количество товаровъ которое покупалъ прежде за 5 и за которое теперь онъ долженъ заплатить все тѣ же 5 металлическихъ рублей, или 20 франковъ. Слѣдовательно иностранцы не получали бы никакой преміи и за одинаковое съ прежнимъ количество русскихъ товаровъ должны были бы отдавать одинаковое же количество иностранныхъ товаровъ. Правда что и при этого рода паденіи цѣнности бумажныхъ денегъ, получающій доходъ навсегда или на долгое время опредѣленнымъ числомъ денежныхъ единицъ (получающій жалованіе отъ казны, проценты съ процентныхъ бумагъ, доходъ отъ долгосрочной аренды) будетъ въ большой невыгодѣ, но эти невыгоды одинаково относятся какъ къ его заграничнымъ, такъ и къ его внутреннимъ расплатамъ. Если, напримѣръ, его семь съ половиною тысячъ дохода обратятся въ пять при путешествіи за границу, то убытокъ его будетъ столь же великъ и при всѣхъ его тратахъ внутри государства. Тѣ же которые живутъ вольнымъ трудомъ, или получаютъ свой доходъ по мѣняющимся уговорнымъ цѣнамъ, не понесутъ никакой убыли ни за границей, ни внутри государства. Такое явленіе уже разъ было въ Россіи, именно во время паденія нашихъ ассигнацій Екатерининскихъ и Александровскихъ, о которыхъ мы будемъ говорить подробнѣе ниже. Какой бы причинѣ мы ни

приписали ихъ паденіе, съ теченіемъ времени, въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, одинаковый на нихъ курсъ установился какъ внутри, такъ и внѣ государства, только разчетъ сталъ производиться на другую единицу, приблизительно вчетверо меньшую нежели прежде.

Паденіе бумажныхъ денегъ на заграничныхъ рынкахъ должно, поѣтому, слѣдовать за внутреннимъ паденіемъ ихъ цѣнности, идти параллельно съ нимъ, и нѣтъ никакого резона по которому бы оно могло сдѣлаться значительнѣе внѣ государства чѣмъ внутри его. Единственно что въ этомъ отношеніи возможно предположить, это опасеніе что вслѣдствіе новаго выпуска бумажныхъ денегъ и дальнѣйшаго паденія ихъ внутренняго курса прежде окончанія начатой коммерческой операціи, лицо ее совершающее потерпитъ убытокъ. Напримеръ, продавъ свой товаръ за $7\frac{1}{2}$ бумажныхъ рублей, ему придется отдать за соотвѣтственное количество русскаго товара уже 8 рублей. Но это совершенно въ той же мѣрѣ относится и до внутреннихъ торговыхъ операцій, особенно долгосрочныхъ и слѣдовательно такое опасеніе удешевляетъ деньги и удороживаетъ товаръ одинаково какъ для иностранныхъ, такъ и для внутреннихъ покупателей.

Такимъ образомъ мы получаемъ еще одинъ признакъ по которому можно заключить о причинѣ паденія денежныхъ курсовъ. Если, при продажѣ нашихъ товаровъ за границу, покупатели получаютъ премію, единственно возможное основаніе которой есть разница въ курсахъ на бумажныя деньги внутри и внѣ государства (причемъ внутри онъ всегда будетъ выше), то это вѣрный знакъ что все дѣло зависитъ отъ невыгоднаго торговаго баланса, или по крайней мѣрѣ что торговый балансъ имѣетъ при этомъ значительную долю вліянія. А въ настоящее время никто не ослариваетъ что такая премія дѣйствительно существуетъ.

III.

Установивъ несомнѣнное вліяніе торговаго баланса на денежный курсъ, намъ остается только рассмотреть, возможно ли поднятіе курса, если низкое стояніе его зависитъ исключительно, или даже только отчасти, отъ невыгоднаго торговаго баланса, какими бы то ни было другими мѣрами кромѣ

исправленія баланса. Невозможность этого ясна и сама по себѣ, ибо какія бы мѣры мы ни улоубляли для поднятiя или упроченiя кредитной денежной единицы разнѣномъ на металлическiя деньги, какъ и какимъ бы путемъ мы эти послѣднiя ни приобрѣтали, работа наша будетъ походить на наполненiе жидкостью сосуда у котораго постоянно открытъ край которымъ она вытекаетъ. Конечно, если мы нальемъ въ него заразъ быстро большее количество жидкости чѣмъ сколько ея вытекаетъ изъ крана, мы можемъ наполнить сосудъ, но вѣдь только на короткое время. Несмотря на эту очевидность, весьма многiе считаютъ возможнымъ возвысить курсъ нашихъ бумажныхъ денегъ открытiемъ разнѣна на приобрѣтенныя въ долгъ громадныя количества драгоценныхъ металловъ, при одновременной съ этимъ девальвациою, то-есть пониженiю закономъ цѣнности бумажнаго рубля, или безъ оной. Надѣюсь что неосновательность этихъ мнѣнiй обнаружится съ полною яркостью если намъ удастся доказать что низкое стоянiе денежнаго курса и сопряженный съ нимъ вредъ не перестанутъ существовать даже и въ томъ случаѣ еслибъ у насъ не было въ обращенiи ни одного бумажнаго рубля и не ходило бы никакихъ другихъ денегъ кромѣ вычеканенныхъ изъ самаго чистѣйшаго золота, при условiи что торговый или вообще разчетный балансъ остается попрежнему невыгоднымъ. Какъ это ни покажется парадоксальнымъ, это тѣмъ не менѣе истина подлежащая ариѣметически строгому и точному доказательству.

Предположимъ съ этою цѣлью что желанiя нашихъ экономистовъ осуществлены сверхъ всякаго мечтанiя, что волшебствомъ или, какъ говорится въ сказкахъ, по щучьему велѣнiю, всѣ наши тысяча четыреста миллионовъ кредитныхъ рублей превратились бы во столько же рублей золотомъ, и что самымъ торжественнымъ обязательствомъ на вѣки вѣчныя безусловно запрещенъ выпускъ бумажныхъ денегъ; но что все прочее остается въ томъ же самомъ положенiи какъ и теперь. Чтѣ изъ этого произойдетъ? Если справедливо что мы и теперь страдаемъ излишкомъ денежныхъ знаковъ, то излишекъ этотъ значительно увеличится, ибо неполноцѣнные рубли замѣнятся полноцѣнными; но такъ какъ эти рубли золотые, то въ этомъ бѣды нѣтъ, они уйдутъ за границу, доставивъ намъ множество заграничныхъ товаровъ, давъ возможность нашимъ охотникамъ до заграничныхъ путешествiй

исполнить это болѣе дешевымъ образомъ и дозволивъ даже выкупить многія изъ нашихъ долговыхъ обязательствъ, то-есть процентныхъ бумагъ находящихся въ рукахъ иностранцевъ. Наконецъ настанетъ желанное соотвѣтствіе между количествомъ обращающихся денегъ и дѣйствительною въ нихъ потребностью. Но на долго ли? Разчетный балансъ, по нашему предположенію, продолжаетъ оставаться невыгоднымъ, а въ обращеніи исключительно металлическихъ денегъ нѣтъ ничего что могло бы заставить измѣнить характеръ нашей внѣшней торговли. Совершенно наоборотъ, иностранные покупщики лишившись преміи уменьшать локулку нашихъ товаровъ въ возможной для нихъ мѣрѣ; наши же заграничныя локулки усилятся, ибо онѣ подешевѣютъ при обмѣнѣ на золото. Рано ли, поздно ли, и тѣмъ ранѣе чѣмъ невыгоднѣе нашъ балансъ, у насъ денегъ станетъ не хватать; слѣдовательно онѣ начнутъ дорожать. Пропустимъ промежуточныя стадіи и прямо перейдемъ къ тому моменту когда запасъ нашей золотой монеты, продолжая по невыгодному торговому балансу утекать за границу, до того уменьшится что въ ней окажется уже очень сильный, очень чувствительный недостатокъ. Что тогда произойдетъ? Одно изъ двухъ—различное впрочемъ только по формѣ, по видимости, а въ сущности тождественное: или монета получитъ дажъ и въ полумперіалѣ будетъ считаться вмѣсто 5 рублей, напримѣръ, 8, а товары сохраняютъ свою номинальную стоимость, то-есть что стоило рубль, то и будетъ продаваться за рубль же, но на полумперіалѣ будетъ покупаться больше товара въ отношеніи 8:5; или монета сохранитъ свое номинальное значеніе и въ полумперіалѣ будетъ по-старому считаться 5 рублей, но то что прежде стоило рубль будетъ стоить $62\frac{1}{2}$ коп. и на полумперіалѣ будетъ покупаться больше товара все въ томъ же отношеніи 8:5. Слѣдовательно въ сущности въ обоихъ случаяхъ всѣ наши товары подешевѣютъ. Еслибъ этого не случилось и товары сохранили бы свою прежнюю не номинальную, а дѣйствительную стоимость, то вздорожаніе денегъ не достигло бы своей цѣли: а безъ выпуска бумажныхъ денегъ, кромѣ вздорожанія нѣтъ другаго средства для того чтобы недостаточное количество ихъ удовлетворяло потребности въ обращеніи. Первый случай въ настоящее время мало вѣроятенъ, хотя еще въ недавномъ прошломъ именно этотъ случай имѣлъ

мѣсто. Въ тридцатыхъ годахъ у насъ внутри государства существовалъ значительный лагъ безразлично и на тогдашнія ассигнаціи, и на серебряную и золотую монету. Впрочемъ иначе и быть не могло, потому что тогда былъ свободный размѣнъ ассигнацій на звонкую монету, не въ казначействахъ только или банкахъ, а у всѣхъ частныхъ людей. Тогда внутри Россіи синевенькая пятирублевая бумажка ходила 6, а одно время даже 6 р. 50 к., красненькая 10рублевая 12 и 13, а серебряный цѣковый 4 р. 80 к. и 5 р. 20 к. и соответственную цѣну имѣли четвертаки, двугривенные, пятиалтынные, гривенники и даже пяточки; если товаръ стоилъ 4 рубля, то съ цѣкового получалось 80 к. или 1 руб. 20 к. сдачи. Надо къ этому еще прибавить что лагъ этотъ не былъ одинаковъ во всѣхъ мѣстахъ внутри Россіи, но вездѣ былъ пропорціонально наложенъ какъ на звонкую монету, такъ и на ассигнаціи. Этого ничему иному приписать нельзя какъ недостатку внутри Россіи денежныхъ знаковъ для потребностей оборота. Въ Петербургѣ и, кажется, въ нѣкоторыхъ другихъ торговыхъ городахъ этого не было, какъ потому что туда въ большемъ количествѣ стекались деньги, такъ и потому что при непосредственныхъ и близкихъ сношеніяхъ съ иностраннымъ торговымъ міромъ цѣна денегъ должна была тамъ приближаться къ ихъ всемірной цѣнѣ. Впрочемъ нѣкоторый лагъ былъ и тамъ, такъ какъ цѣковый, который по своему внутреннему металлическому достоинству стоилъ 3 р. 50 к., ходилъ по 3 р. 60 к.

Можетъ показаться удивительнымъ какимъ образомъ стоимость денегъ могла быть различна внутри одного и того же государства, въ столь близкихъ разстояніяхъ какъ Петербургъ и Москва и при пріятіи денегъ въ казну по опредѣленной таксѣ: цѣкового въ 3 р. 60 коп., а прочихъ денежныхъ знаковъ примѣнительно къ этому. Какъ могло случиться что цѣна денегъ, необходимо стремящаяся достигнуть одного и того же уровня, стояла у насъ на столь разныхъ уровняхъ? Весьма просто. Для того чтобы не только цѣнность денегъ, но даже и вода или другая жидкость могли достигнуть одного и того же уровня недостаточно чтобы разныя мѣстности были соединены между собою каналами, надо еще чтобы эти каналы были достаточно широки и глубоки и чтобы теченіе по нимъ было достаточно быстро. Мнѣ случалось, на примѣръ, не только слышать, но и

читать что еслибы соединить Каспійское море съ Азовскимъ, то первое, стоящее на 84 фута ниже, равнялось бы и, заливъ огромное пространство Россіи, Киргизскія и Туркменскія степи и низменности Кавказа и Персіи, достигло бы одинаковаго уровня съ Азовскимъ. Между тѣмъ на дѣлѣ, при возможныхъ для рукъ человѣческихъ и при потребныхъ для нуждъ человѣческихъ ширинѣ и глубинѣ такого канала, уровень Каспійскаго моря поднялся бы лишь на нѣсколько вершковъ, все равно какъ еслибы въ него впадала ничтожная новая рѣчка, ибо при пологихъ берегахъ этого моря, небольшое увеличеніе поверхности, соответственное поднятію его уровня на нѣсколько вершковъ, поглотило бы увеличившимся испареніемъ прибавившейся притокъ воды. Такъ же точно и съ цѣной денегъ, недостатокъ тогдашнихъ средствъ сношеній и сообщеній, отсутствіе банковъ, слабое развитіе промышленности, представляли столь узкіе, мелкіе и медленно текучіе каналы что цѣнность денегъ не могла придти къ одному уровню во всемъ государствѣ. Теперь, конечно, каналы эти настолько расширились и углубились, обращеніе настолько ускорилося что повтореніе подобнаго явленія едва ли возможно, такъ что, при нашемъ предположеніи недостатка въ звонкой монетѣ, произошелъ бы вѣроятно не первый, а второй случай, то-есть что монета, сохраняя свою номинальную цѣнность, измѣнялась бы все тѣмъ же числомъ рублей и копѣекъ; но соответственно со вздорожаніемъ ея удешевились бы всѣ товары, и удешевились бы не мнимо, а дѣйствительно.

Можетъ-быть это утвержденіе покажется противорѣчащимъ тому что мы говорили нѣсколько страницъ выше, доказывая что при уладкѣ цѣнности бумажныхъ денегъ отъ ихъ излишка дѣйствительная цѣна товаровъ не измѣнилась бы, и что то же количество товаровъ которое покупалось прежде за полуимперіаль покупалось бы и тогда, несмотря на то что этотъ полуимперіаль считался бы не въ 5, а въ $7\frac{1}{2}$ рублей. Противорѣчія тутъ никакого нѣтъ, или противорѣчье только кажущееся, ибо въ этомъ послѣднемъ случаѣ дѣйствительнымъ мѣриломъ какъ товаровъ такъ и бумажныхъ денегъ оставалась бы неизмѣнившаяся цѣнность металлическихъ денегъ; въ нашемъ же теоретическомъ предположеніи мѣняется по необходимости эта послѣдняя (внутри государства, конечно). Примѣръ покажетъ это нагляднѣе:

1й случай. Въ Россіи 1.000 миллионъ бумажныхъ денегъ, ходящихъ *à pari*. Куль ржи стоить 5 руб., иностранный купецъ покупаетъ (если цѣна эта вообще для него подходящая) его отдавая свой полуимперіаль за 5 руб.

2й случай. Въ Россіи удвоилось количество бумажныхъ денегъ (допуская что при этомъ цѣна ихъ падаетъ пропорціонально увеличенію ихъ количества) и цѣна ихъ падаетъ вдвое, куль ржи стоить 10 руб.; но иностранный купецъ опять-таки покупаетъ его, безъ убытка для себя, ибо за свой полуимперіаль можетъ вымѣнить эти 10 руб.

3й случай. Въ Россіи количество бумажныхъ денегъ уменьшилось вдвое, и цѣна ихъ вдвое возросла—куль ржи стоить $2\frac{1}{2}$ рубля; но иностранный купецъ все-таки его покупаетъ съ тою же выгодой для себя, ибо свой полуимперіаль можетъ промѣнять на эти $2\frac{1}{2}$ рубля.

4й случай. Въ Россіи 1.000 миллионъ золотой монеты. Случай тождественный съ первымъ.

5й случай. Въ Россіи количество золотой монеты удвоилось, цѣна ея уменьшилась вдвое (принимая для примѣра что золото не можетъ уходить за границу, и не употребляется ни на что другое кромѣ монеты)—куль ржи стоить 10 рублей, то-есть два полуимперіала; иностранный купецъ покупать не можетъ, потому что не отдастъ двухъ полуимперіаловъ за то что стоить одинъ (конечно если его не понуждаетъ голодъ и невозможность гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ достать хлѣба).

6й случай. Въ Россіи количество золота уменьшилось вдвое и цѣна его возросла вдвое, на полуимперіаль покупается два куля ржи. Иностраный купецъ покупаетъ съ жадостью, ибо хлѣбъ обходится ему вдвое дешевле.

Во второмъ и въ третьемъ случаяхъ было слѣдовательно вздорожаніе и удешевленіе только кажущееся, мнимое (хотя для нѣкоторыхъ внутри государства оно можетъ быть и дѣйствительнымъ); въ пятомъ и шестомъ случаяхъ вздорожаніе и удешевленіе дѣйствительное (хотя внутри государства для нѣкоторыхъ оно можетъ быть также только мнимымъ).

Разъяснивъ всѣ представившіяся намъ недоразумѣнія, посмотримъ въ какомъ очутимся мы положеніи по отношенію ко вѣншей торговлѣ, при исключительно золотой монетѣ ставшей рѣдкою въ государствѣ вслѣдствіе продолжавшагося и послѣ введенія ея невыгоднаго торговаго баланса, и для

большей очевидности допустимъ существованіе лажа. Четверть пшеницы, стоившая при нормальной цѣнѣ золота 10 рублей, и теперь номинально стоила бы столько же; но 10 рублей составляли бы не болѣе какъ полуимперіаль съ четвертью, то-есть 25 франковъ, и иностраннѣй купецъ локулая нашу пшеницу получили бы на каждую кулевную имъ четверть 15 франковъ преміи, а между тѣмъ за то количество иностраннаго товара которое, при нормальной цѣнѣ, соответствуетъ четверти пшеницы мы полпрежнему платимъ 40 франковъ, то-есть цѣлые два полуимперіала, которые мы называли бы 16 рублями. Слѣдовательно въ сущности наше положеніе оставалось бы все тѣмъ же какъ и при низкомъ курсѣ бумажныхъ денегъ существующемъ въ настоящую минуту. Итакъ странный, повидимому, парадоксъ что при невыгодномъ торговомъ балансѣ курсъ необходимо и неизбѣжно будетъ невыгоденъ и низокъ совершенно независимо отъ того какая въ странѣ денежная система, бумажная или металлическая, есть несомнѣнная истина.

Различіе при бумажной и золотой монетѣ будетъ только чисто внѣшнее, кажущееся, не существенное. Именно, при бумажныхъ деньгахъ и внутренняя и внѣшняя ихъ цѣнность будетъ стоять ниже нормальной, такъ-сказать ниже единицы, но первая дробная величина будетъ! всегда выше второй; при металлической монетѣ внутренняя цѣнность ея поднимется выше нормальной, будетъ выше единицы, а внѣшняя цѣнность будетъ какъ разъ равна единицѣ; но въ обоихъ случаяхъ будетъ существовать разность, а въ ней-то все и дѣло, и, смотря по обстоятельствамъ, эта разность при металлическихъ деньгахъ можетъ быть даже больше чѣмъ при бумажныхъ. Все это, повторяю, конечно, при невыгодномъ торговомъ балансѣ.

Но, возражать намъ, предположеніе ваше невозможно; если цѣна золота такъ возрастетъ въ странѣ, то оно непремѣнно станетъ притекать туда извнѣ, такъ что недостатка въ этомъ металлѣ быть не можетъ, и цѣна придетъ къ одинаковому во всемъ свѣтѣ уровню или, лучше сказать, никогда не можетъ подняться значительно выше этого уровня. Чистое заблужденіе. Мы уже имѣли случай сказать что и для цѣны денегъ и для жидкостей, чтобы придти къ одному уровню, необходима достаточная ширина, глубина и быстрота теченія проточныхъ канавъ, а въ разбираемомъ нами случаѣ

и вовсе никакихъ канавъ нѣтъ: онѣ засыпаны, заколочены и забиты невыгоднымъ торговымъ балансомъ. Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ извѣстны только четыре канала которыми золото (или вообще драгоценные металлы) могли бы притекать въ страну. Это 1) внѣшняя торговля при выгодномъ торговомъ балансѣ; 2) приливъ заграничныхъ капиталовъ для устройства разныхъ промышленныхъ предпріятій; 3) покупка процентныхъ бумагъ, и наконецъ 4) займы. Какимъ же изъ этихъ путей потечетъ золото?

1. Балансъ не выгодеиъ, покупается на большую сумму чѣмъ на какую продается, слѣдовательно не притекаетъ, а только утекаетъ золото. Но удешевленіе продуктовъ и вышеупомянутая премія увеличатъ вывозъ. Въ нѣкоторой степени, конечно; однакожь въ достаточной ли? Вѣдь премія и теперь существуетъ, однако не исправляетъ баланса, почему же предполагать что она исправитъ его тогда? Не забудемъ притомъ что увеличеніе разницы въ цѣнѣ денегъ на внутреннемъ и на заграничныхъ рынкахъ выражается въ возрастаніи количества нашихъ товаровъ требующемся для обмѣна на то же количество товаровъ иностранныхъ, въ чемъ собственно премія и заключается, и что слѣдовательно невыгодность баланса все увеличивается и увеличивается, то-есть что по количеству отпускъ (конечно, при всѣхъ прочихъ равныхъ обстоятельствахъ) увеличивается, а привозъ уменьшается, а по цѣнности отпускъ уменьшается, а привозъ увеличивается, что одинаково не выгодно.

2. При нашей гипотезѣ высокой цѣны золота, ловидимому долженъ бы быть очень выгодеиъ приливъ заграничнаго сравнительно болѣе дешеваго золота для промышленныхъ предпріятій, а потому и долженъ послѣдовать въ огромныхъ размѣрахъ. Но выгода эта только кажущаяся. Конечно 100.000 рублей въ 20.000 полуимперіалахъ какъ бы разбухаютъ при принятомъ нами примѣрномъ курсѣ 8:5 — во 160.000 рублей, то-есть что на 100.000 можно дѣлать столько же какъ при нормальныхъ обстоятельствахъ на 160.000 (однакоже исключая все то что пришлось бы выписывать изъ-за границы). Но за то вѣдь и при продажѣ продуктовъ за сумму на которую прежде отпускалось пять пудовъ, аршинъ и пр., надо будетъ отпускать восемь пудовъ, аршинъ и пр. Гдѣ же выгода?

3. При покупкѣ процентныхъ бумагъ должно отличать два случая, именно: цѣна этихъ бумагъ улодобится или цѣнѣ

денегъ, или цѣнѣ товаровъ. Въ первомъ случаѣ билетъ, рента или акція, приносящіе 5 р. процентовъ и стоившіе 100 руб., то-есть 20 полуимперіаловъ, принимаемыхъ за 5 р., будетъ стоить также 20 полуимперіаловъ стóящихъ по 8 р. и процентовъ оныхъ будетъ приносить все же одинъ полуимперіаль. Во второмъ случаѣ сторублевый билетъ будетъ стоить всего $12\frac{1}{2}$ полуимперіаловъ, но и приносить процентовъ только 3 р. $12\frac{1}{2}$ к., то-есть цѣна капитала и процентовъ одинаково уменьшится въ отношеніи 8:5, и оная ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ выгоды никакой.

4. Займы, конечно, и тогда будутъ возможны, но проценты по нимъ придется уплачивать не изъ другаго какого источника какъ изъ самого же занятаго капитала, и скоро придется опять занимать, что все можетъ только увеличивать невыгодный балансъ.

Итакъ золото, несмотря на высокую его цѣнность, при невыгодномъ балансѣ, не можетъ и не будетъ притекать.

Само собою разумѣется что всѣ изложенныя нами послѣдствія еще скорѣе обнаружатся если для обращенія нашихъ кредитныхъ билетовъ въ золотую монету мы должны, вмѣсто фантастически волшебнаго дара, прибѣгнуть къ реальному займу, ибо уплата за него процентовъ только ускорила бы неизбежный отливъ золота и усилила бы невыгодность разчетнаго баланса.

Но однимъ парадоксомъ мы не ограничимся, а принуждены высказать еще и другой. При невыгодномъ торговомъ балансѣ не только замѣна бумажныхъ денегъ золотыми, хотя бы при содѣйствіи волшебства, не избавитъ насъ отъ невыгоднаго денежнаго курса, то-есть отъ самой вредной сущности его, но и всякія попытки возвысить цѣнность нашихъ телерешившихъ бумажныхъ денегъ уменьшеніемъ ихъ количества неизбежно ухудшитъ этотъ курсъ, то-есть опять усилитъ то вредное вліяніе которое оныя оказываетъ на нашу внѣшнюю торговлю. Мы видѣли что сущность этого вреда заключается въ разницѣ между цѣнностью или курсомъ денегъ на внутреннемъ и на внѣшнемъ рынкахъ, ибо отъ этой разницы единственно и зависитъ премія получаемая иностранцами купцами при покупкѣ нашихъ произведеній, премія выражающаяся въ сущности въ томъ что мы получаемъ въ обмѣнъ на наши произведенія меньшее чѣмъ бы слѣдовало количество иностранныхъ товаровъ.

Мы доказали выше что если упадокъ цѣнности бумажныхъ денегъ на внутреннемъ рынкѣ можетъ зависѣть отъ излишка ихъ въ обращеніи, то цѣнность ихъ на вѣншемъ рынкѣ обуславливается самостоятельно, совершенно независимо отъ этой причины, торговымъ балансомъ. Если, слѣдовательно, изъятіемъ нѣкотораго количества бумажныхъ денегъ изъ обращенія мы поднимемъ ихъ цѣнность на внутреннемъ рынкѣ, то это не повліяетъ на вѣшнюю ихъ цѣнность, и слѣдовательно разность между обѣими цѣнностями возрастетъ, а съ нею возрастутъ и всѣ вредныя ея послѣдствія. Конечно, можно утверждать что возвышеніе цѣнности денегъ на внутреннемъ рынкѣ не останется безъ вліянія на возвышеніе ея и на иностранныхъ рынкахъ, и мы этого не отрицаемъ, но это, такъ сказать, отраженное дѣйствіе на вѣшній курсъ не можетъ быть равнымъ прямому дѣйствію на внутренній курсъ, и потому разность между ними все-таки возрастетъ.

Это важное условіе какъ бы создается тѣми экономистами которые рекомендуютъ такъ-называемую девальвацію нашего кредитнаго рубля присвоеніемъ ему уменьшенной цѣнности закономъ, уравненіемъ ея законодательнымъ путемъ съ курсовою цѣнностью. Такъ какъ правительство во всѣхъ своихъ полученіяхъ признаетъ бумажный рубль за дѣйствительный, то этимъ оно, конечно, содѣйствуетъ въ извѣстной мѣрѣ увеличенію его цѣнности на внутреннемъ рынкѣ, а принимая рубль по курсу, оно его понизитъ, логичному, до заграничнаго уровня. Но, не говоря уже о временныхъ неудобствахъ сопряженныхъ съ этою мѣрой, и девальвація не можетъ ничему помочь при существованіи невыгоднаго баланса. Для доказательства рассмотримъ это нѣсколько подробнѣе.

Если справедливо, какъ мы доказали, что главнѣйшее, существеннѣйшее зло низкаго денежнаго курса заключается въ сопровождающей его разности цѣны денегъ на внутреннемъ и вѣншемъ рынкахъ, то какъ бы ни упала цѣнность денегъ сама по себѣ, но если при этомъ она будетъ стоять на одномъ уровнѣ внутри и вѣ государства, вредное вліяніе низкаго курса на международный обмѣнъ товаровъ, на вѣшнюю торговлю, на поѣздки путешественниковъ за границу и т. л., было бы устранено. Остался бы, конечно, тотъ вредъ который сопровождаетъ самый процессъ паденія цѣнности денегъ (уменьшеніе государственныхъ доходовъ, жалованья получаемого чиновниками, убытки кредиторовъ, несправедливая

выгоды должниковъ и т. п.). Но по истеченіи нѣкотораго времени, съ установленіемъ новой денежной единицы, этотъ вредъ прекращается, и все мало-по-малу снова входитъ въ обыкновенный порядокъ. Подобное явленіе разъ уже было пережито Россіей. Ассигнаціи вылуценныя Екатериной и потомъ Александромъ упали къ Двѣнадцатому Году до четверти своей цѣны. Конечно, экономисты приписываютъ и это паденіе нашихъ бумажныхъ денегъ исключительно излишнему ихъ количеству значительно превосходившему потребность въ денежномъ обращеніи. Не отрицая что это дѣйствительно имѣло свою весьма значительную долю вліянія, такъ какъ промышленность была тогда очень слабо развита, а въ главной, земледѣльческой, при крѣпостномъ правѣ, никакихъ денежныхъ расчетовъ не требовалось, тѣмъ не менѣе однако и тогда дѣйствовала на это положеніе еще другая причина, то-есть невыгодный торговый балансъ. Въ этомъ можно убѣдиться изъ слѣдующихъ фактовъ. Продолжительная непрерывная заграничная война дѣйствуетъ на расчетный балансъ такимъ же точно образомъ какъ и большое число путешественниковъ проживающихъ свои деньги за границей, но только въ гораздо сильнѣйшей степени. Не только все жалованье получаемое военными истрачивается за границей, но и все содержаніе сотенъ тысячъ людей и лошадей составляетъ громадный заграничный расходъ, особливо если война ведется въ союзныхъ земляхъ или въ странахъ съ дружественно расположеннымъ населеніемъ, гдѣ ни солдаты, ни лошади не могутъ содержаться на счетъ обывателей, а при такихъ именно условіяхъ и велись всѣ наши тогдашнія войны, не исключая даже и турецкихъ. Сверхъ того, во все время присоединенія нашего къ континентальной системѣ и торговый балансъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, не могъ быть въ нашу пользу, ибо вывозъ нашихъ громоздкихъ товаровъ, происходившій тогда только моремъ, былъ почти приостановленъ, а ввозъ дорогихъ предметовъ роскоши, которые, при отсутствіи почти всякой обрабатывающей промышленности, тогда одни только и производились изъ-за границы, все-таки продолжался черезъ сухопутную границу. Но съ заключеніемъ мира многія обстоятельства повернулись въ нашу пользу. Во первыхъ, съ Франціи была получена значительная по тому времени контрибуція; наши сырые продукты получили сбытъ и, въ неурожайный для Западной Европы 1817 годъ, вывозъ хлѣба

достигъ громадныхъ размѣровъ, который былъ превзойденъ только уже въ самое послѣднее время; наконецъ, строгая охранительная система введенная графомъ Канкринымъ сильно повернула торговый балансъ въ нашу пользу и положила начало нашей фабричной промышленности, а съ дозволеніемъ частнымъ лицамъ добывать золото въ Сибири на казенныхъ земляхъ и съ открытіемъ золотыхъ росылей стало добываться огромное по тому времени количество этого драгоценнаго металла. Все это приостановило дальнѣйшее паденіе бумажныхъ денегъ.

Поднялись ли бы онѣ значительно подъ вліяніемъ этихъ благоприятныхъ обстоятельствъ, то-есть съ одной стороны выгоднаго торговаго баланса, а съ другой развитія промышленности, потребовавшей большаго количества денежныхъ знаковъ, объ этомъ фактически судить невозможно, такъ какъ принятіе вчетверо упавшаго ассигнаціоннаго рубля за денежную единицу (что произошло постепенно и, такъ сказать, само собою) и открытіе размѣна по этой низкой цѣнѣ сдѣлали возвышеніе бумажнаго рубля невозможнымъ, ибо очевидно что онъ не могъ стать выше той цѣны которая была опредѣлена размѣномъ. Бумажныя деньги, которыя суть только замѣнители звонкой монеты, не могутъ же стать выше того что онѣ собою замѣняютъ. Впрочемъ кажется что онѣ нѣсколько и возвысились, ибо ассигнаціонный рубль, считавшійся за $\frac{1}{4}$ серебрянаго рубля, при восстановленіи этого послѣдняго въ значеніи денежной единицы былъ приравнъ въ $\frac{2}{7}$ рубля. Если за симъ ассигнаціонный рубль и возвышался въ цѣнѣ, какъ это было въ тридцатыхъ годахъ, то, при свободномъ размѣнѣ, это возвышеніе могло происходить не иначе какъ параллельно со звонкою монетою, что и называлось тогда лажемъ. Но пока для насъ важно то что упавшая до $\frac{1}{4}$ своей первоначальной цѣны денежная единица установилась и приняла одинаковую цѣнность какъ на внутреннихъ, такъ и на заграничныхъ рынкахъ, и когда это случилось, то прекратилось и всякое невыгодное вліяніе упавшей денежной единицы при вышней торговлѣ и вообще при заграничныхъ денежныхъ расчетахъ. Ассигнаціонный рубль не считался меньшею долей серебрянаго за границей чѣмъ въ Россіи. На это нельзя возразить тѣмъ что ассигнаціонный рубль вовсе не былъ извѣстенъ за границей, такъ какъ въ то время вывозъ ассигнацій за границу былъ

запрещенъ. Чтобы судить объ этомъ достаточно того что ассигнаціонный рубль служилъ для разчета, и что размѣнъ происходилъ по разъ опредѣлившейся нормѣ.

Это уравненіе внутренней и вѣшной цѣнности бумажныхъ денегъ обыкновенно приписываютъ именно установленному закономъ уменьшенію монетной единицы соотвѣтственно ея дѣйствительному курсу, такъ-называемой девальваци, и видятъ въ этой девальваци средство упроченія денежной единицы, которое и доставитъ будто бы возможность къ открытію размѣна на звонкую монету. Но очевидно что слѣдствіе принимается здѣсь за причину. Выгодный торговый балансъ уравниваетъ цѣнность денегъ на внутреннемъ и вѣшнемъ рынкахъ, возвышая послѣднюю до уровня первой, отъ чего въ свою очередь эта еще возвышается, такъ сказать, чрезъ отраженіе, а та опять ее догоняетъ и т. д., ибо самая разниця между ними, какъ мы видѣли, производится не инымъ чѣмъ какъ именно невыгоднымъ торговымъ балансомъ. При невыгодномъ балансѣ это уравненіе произойти не можетъ, какъ бы ни девальвировали, какъ бы ни уменьшали цѣнность денежной единицы на внутреннемъ рынкѣ, также точно какъ никогда при этихъ условіяхъ не удастся открыть размѣнъ на продолжительное время. Въ самомъ дѣлѣ, что же мы выиграемъ если, сообразно съ заграничнымъ курсомъ, примемъ нашъ теперешній кредитный рубль за 65 коп. или, что то же самое, оставивъ за нимъ названіе рубля, то-есть нашей денежной единицы, дѣйствительный металлическій рубль будемъ считать за 1 руб. 54 коп. и, сдѣлавъ заемъ, откроемъ размѣнъ сообразно съ этимъ новымъ значеніемъ рубля. На одно мгновеніе, но только на одно, установится равенство между обѣими цѣностями новой нашей бумажной единицы—внутреннюю и вѣшнюю; но затѣмъ если мы все будемъ продолжать вывозить товаровъ на 300 милліоновъ (какъ въ приведенномъ нами гипотетическомъ примѣрѣ) все равно старыхъ или новыхъ рублей, а ввозить на 400, то опять произойдутъ тѣ же результаты на которые мы указали выше. Опять вѣшняя цѣнность новаго рубля обратится въ три четверти внутренней его цѣнности, и поэтому опять за извѣстное количество нашихъ товаровъ мы будемъ получать меньшее чѣмъ бы слѣдовало количество вымѣняемаго заграничнаго товара; слѣдовательно придется прибѣгнуть къ новой девальваци, и такъ до бесконечности.

IV.

Изъ всего изложеннаго явствуетъ что невыгодный торговый балансъ составляетъ самостоятельную причину пониженія денежнаго курса, независимую отъ того излишекъ или недостатокъ у насъ денежныхъ знаковъ, бумажная ли или металлическая у насъ денежная система, принимается ли у насъ законъ за денежную единицу номинальную величину или действительную определяемую курсомъ, и что никакими операціями непосредственно дѣйствующими на измѣненіе внутренней цѣнности нашихъ денежныхъ знаковъ мы не только ничего не можемъ сдѣлать для измѣненія ея внешней цѣнности, но возвышая первую необходимо увеличимъ разность между тою и другою и усугубимъ протекающій отъ того вредъ при нашихъ международныхъ экономическихъ расчетахъ. Напротивъ того, исправивъ торговый балансъ, мы тѣмъ самымъ избавимся отъ всѣхъ золъ сопровождающихъ паденіе денежнаго курса, даже тѣхъ которыя протекають отъ причинъ внутреннихъ, то-есть отъ излишка неравнѣрныхъ денежныхъ знаковъ, еслибы таковой и существовалъ. Съ востановленіемъ выгоднаго торговаго баланса, драгоценныя металлы должны начать притекать изъ-за границы, получаемые изъ собственныхъ рудниковъ перестанутъ уходить, и развѣсъ самъ собою откроется, потому что потребность въ немъ будетъ очень малая, какъ это и было у насъ до Крымской войны. При совмѣстномъ существованіи металлическихъ и бумажныхъ денегъ, какъ отъ возвышенія курса этихъ послѣднихъ, такъ и отъ прилива новыхъ металлическихъ денегъ можетъ дѣйствительно оказаться излишекъ въ денежныхъ знакахъ, еслибы его даже прежде и не было, и тѣмъ въ сильнѣйшей степени если онъ существовалъ и прежде; но излишекъ этотъ будетъ постоянно поглощаться, отекаясь въ банканы за денежные проценты, причемъ онъ и можетъ быть уничтоженъ консолидированіемъ по низкому проценту. Такимъ образомъ очевидно что во главѣ всего этого дѣла стоитъ торговый или разветный балансъ, которымъ единственно и исключительно оно рѣшается къ выгодѣ или къ невыгодѣ страны.

Но какими же образомъ согласить этотъ выводъ съ тѣмъ мнѣніемъ которое установилось о торговомъ балансѣ въ

политической экономіи, совершенно отвергающей его значеніе, или по крайней мѣрѣ отводящей ему самое ничтожное мѣсто, и то какъ бы нехотя, какъ бы поступааясь чистою теоріей въ угоду близорукой практикѣ. Двѣ противоположныя истины рядомъ стоять не могутъ, или нашъ выводъ ложенъ, или экономическая теорія въ чемъ-нибудь да ошибается. Изъ этого проистекаетъ необходимость не довольствоваться прямымъ и непосредственнымъ доказательствомъ, хотя бы и самымъ строгимъ, нашего взгляда, что мы уже сдѣлали, но открыть слабое мѣсто, логическую ошибку Ахиллесову лѣту въ теоріи нашихъ противниковъ. Тогда только доказательство можетъ считаться полнымъ. Ошибку эту, кажется намъ, отыскать не трудно. Ученіе о торговомъ балансѣ было введено школою меркантилистовъ: они доказывали его извѣстнымъ образомъ; это доказательство было опровергнуто экономистами, но опроверженіе этого доказательства они принимали за опроверженіе самаго ученія о торговомъ балансѣ, между тѣмъ какъ очевидно что одно изъ другаго вовсе не слѣдуетъ. Оставалась возможность что хотя доказательство и было ложно, но доказываемое было тѣмъ не менѣе совершенно справедливо, и что нужно было только представить его въ другомъ свѣтѣ, привести въ пользу его иныя доказательства. Такъ оно по нашему и есть. Меркантилисты, основываясь на нѣкоторыхъ свойствахъ присущихъ драгоценнымъ металламъ, какъ напримѣръ на ихъ почти полной неуничтожимости, на возможности продолжительнаго ихъ сохраненія безъ уменьшенія ихъ достоинства, на возможности капитализировать ихъ, чего почти все другія произведенія не допускаютъ, и т. д., утверждали что драгоценные металлы составляютъ единственное богатство, между тѣмъ какъ все прочія вещи или товары суть только полезности. Чтобы государству стать богатымъ, надо слѣдовательно всеми мѣрами стараться привлекать къ себѣ золото и серебро и всеми мѣрами прелятствовать выводу ихъ изъ страны. Но такъ какъ существуютъ только два источника добыванія драгоценныхъ металловъ, именно: вѣдра природы, откуда они добываются разработкой рудниковъ или росылей, и заграничныя страны, откуда они добываются торговлею; то рудники должны разрабатываться даже и тогда когда это приходится въ убытокъ, а торговля должна вестись такъ чтобы за ишапекъ

цѣнности опущенныхъ товаровъ получать прикладу золота или серебра, что и составляетъ выгодный торговый балансъ, то-есть единственно разумную цѣль торговли, такъ какъ только такая торговля увеличиваетъ богатство государства, а торговля съ противоположнымъ результатомъ уменьшаетъ его.

Но такъ какъ обработка сырыхъ произведеній значительно увеличиваетъ ихъ цѣнность, то появляется необходимость содѣйствовать ввозу сырыхъ произведеній и вывозу обработанныхъ вещей находящимися въ рукахъ правительства мѣрами. Опровергнуть такое понятіе о богатствѣ и теоретически и практически было не трудно, и какъ разъ тутъ подвернулся примѣръ Исландіи и Голландіи, приводимый во всѣхъ учебникахъ исторіи. Конечно, драгоценные металлы не составляютъ единственнаго богатства, и поэтому нѣтъ ни надобности, ни пользы все копить и копить ихъ; конечно, богатство могутъ составлять и всѣ другіе полезные предметы, конечно золото и серебро суть такіе же точно товары какъ и всѣ прочіе предметы природы или добытыя человекомъ полезные вещи. Но не вопреки общему съ другими товарами свойству драгоценныхъ металловъ и не по какимъ-либо особеннымъ, специально принадлежащимъ имъ качествамъ, а именно потому что они составляютъ такой же товаръ какъ и остальные полезные человеку предметы, которые могутъ быть добываемы и обрабатываемы, и для драгоценныхъ металловъ долженъ существовать и существуетъ торговый балансъ.

Всѣ полезные человеку вещи имѣютъ двоякаго рода цѣнность: цѣнность мѣтовую и цѣнность потребительную. По мѣтовой цѣнности всѣ товары равны между собою, или точнѣе, для всякаго товара существуетъ экономическій эквивалентъ, пропорціональнъ или ладъ, которые равнозначущи между собой, замѣняютъ одинъ другаго при обмѣнѣ, точно такъ какъ химическіе эквиваленты замѣняютъ другъ друга при разложеніи и составленіи тѣл. Съ точки зрѣнія мѣтовой цѣнности, конечно, не можетъ быть никакого баланса, ибо ни одинъ такой эквивалентъ не дается даромъ, а всякій замѣняется другимъ вполнѣ ему равноцѣннымъ товаромъ, и при мѣнѣ, въ нормальныхъ конечно условіяхъ (мы видѣли что этотъ экономическій ладъ для однихъ возрастаетъ выше нормы, для другихъ же уменьшается), нѣтъ ни выгоды, ни убытка. Но

будеть совершенно другое съ точки зрѣнія цѣнности потребительной. Тутъ ни одинъ товаръ не замѣняется другимъ, или замѣщается однороднымъ въ болѣе или менѣе слабой степени, и ни одинъ товаръ не равнозначущъ другому. Соблазнительныя высокою цѣной (мѣновая цѣнность) сахара, мы весь его сбудемъ за границу и получимъ въ обмѣнъ поменьше большее чѣмъ бы сдѣлало количество чая, кофе или какао; но что мы будемъ съ ними дѣлать, когда даже и въ прикуску ихъ будетъ лить не съ чѣмъ? Мы значить торговали съ невыгоднымъ балансомъ на сахаръ. Еще хуже торговать при невыгодномъ балансѣ на хлѣбъ, что значило бы обрекать себя на голодную смерть, или по крайней мѣрѣ на истощеніе. Но драгоценныя металлы, говорятъ экономисты, точно такой же товаръ какъ и всѣ остальные. Совершенно справедливо, и потому она имѣютъ свою, спеціально имъ присущую, потребительную цѣнность, ничѣмъ другимъ вполнѣ незамѣнимую. Эта потребительная цѣнность драгоценныхъ металловъ заключается въ томъ чтобы служить мѣриломъ всѣхъ мѣновыхъ цѣнностей, служить средствомъ для опредѣленія тѣхъ экономическихъ или торговыхъ эквивалентовъ о которыхъ мы говорили. Если ихъ не хватаетъ для этого или и вовсе не остается внутри страны, откуда они ушли именно влѣдствіе невыгоднаго торговаго баланса на золото и серебро, то приходится ихъ чѣмъ-нибудь замѣнять (какъ хлѣбъ, напримѣръ, древесною корой, сѣно — опилками, корой, жѣлезными желудями, морковью, яменемъ или цикоріемъ), а до сихъ поръ другаго замѣнителя, кромѣ бумажныхъ денегъ, не существовало. Но бумажныя деньги, именно потому что онѣ замѣнители такого предмета который служитъ къ измѣренію мѣновыхъ цѣнностей, могутъ сохранить свою цѣну только въ томъ случаѣ когда могутъ быть промѣняваемы, если не на драгоценный металл, что невозможно одѣлать за отсутствіемъ оного, то по крайней мѣрѣ на товаръ. Теряя въ извѣстной мѣрѣ эту способность при продолжительномъ существованіи невыгоднаго торговаго баланса, онѣ непременно теряютъ въ той же мѣрѣ свою цѣнность, ибо въ этой развѣности на товары заключается послѣднее ихъ обезпеченіе на иностранныхъ рынкахъ. Между тѣмъ на рынкахъ внутреннихъ онѣ имѣютъ еще и другое обезпеченіе — довѣріе къ государству. Если влѣдствіе этого ихъ внутренняя цѣнность станетъ выше вѣншей, то торговля происходитъ какъ бы

при посредствѣ фальшивыхъ мѣръ и вѣсовъ, фальшивыхъ въ томъ смыслѣ что при покупкѣ иностранцы заставляютъ насъ употреблять гури одного вѣса и намѣриваютъ много нашего товара, а при продажѣ намъ своего товара взимаютъ помноженнаго употребляютъ гури другого вѣса и намѣриваютъ мало товара. Если принимать внутреннюю цѣнность нашего рубля за среднюю между его номинальною цѣнностью и иностранною курсовою въ 65 копѣекъ, эта внутренняя цѣнность рубля равнялась бы $82\frac{1}{2}$ копѣикамъ. Эта разность въ цѣнахъ заставляетъ насъ торговать съ постояннымъ убыткомъ въ 27% ($65 : 82,5 = 100 : 127$).

Не могу окончить это разсужденіе, не указавъ еще на одно странное противорѣчіе. Отвергаютъ торговый балансъ на томъ основаніи что даромъ вѣдь никто ничего не дастъ, и что слѣдовательно при торговлѣ происходитъ безобидный обмѣвъ равно стоющихъ цѣнностей. Но если и согласиться съ этимъ, то изъ этого не слѣдуетъ чтобы драгоцѣнные металлы не могли утекать изъ страны въ излншество, даже до совершеннаго истощенія ихъ запаса, ибо невыгодный торговый балансъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, въ томъ именно и состоитъ что драгоцѣнные металлы утекаютъ изъ страны. Это фактъ обозначаемый словами „невыгодный торговый балансъ“. Возможность факта отрицать нельзя, да никто его, кажется, и не отрицаетъ: различіе мнѣній состоитъ лишь въ оцѣнкѣ этого факта, въ признаніи и отрицаніи его невыгодности. Между тѣмъ экономисты, еще въ большей степени чѣмъ остальные люди, признаютъ за однимъ драгоцѣнными металлами способность служить мѣриломъ цѣнности, и не хотятъ ничего знать объ ихъ замѣстителяхъ, бумажныхъ деньгахъ, вида въ нихъ всегда и вездѣ абсолютное зло. Еслибъ они говорили: „при торговлѣ мѣняютъ всегда равноцѣнные цѣнности, слѣдовательно убытка тутъ быть не можетъ; могутъ, правда, уйти изъ страны драгоцѣнные металлы, но это не бѣда, мы ихъ замѣнимъ бумажными деньгами,“ пожалуй съ оговоркой: „при строгомъ наблюденіи чтобы не было въ нихъ излишка,“—это было бы послѣдовательно и логично, хотя, можетъ-быть, и не справедливо: но логично ли признавать безвредность факта и потому допускать его, и въ то же самое время признавать вредность его неизбежныхъ послѣдствій и потому не допускать ихъ? Такъ-называемый невыгодный торговый балансъ есть именно уплывъ драгоцѣнныхъ

металловъ изъ государства: это не бѣда, напрасно это считается невыгоднымъ; но для общаго цѣлесообразнаго употребленія цѣнностей, денегъ; единственный доселѣ известный заботитель настоящихъ металлическихъ денегъ суть деньги бумажныя; но ихъ на въ какомъ случаѣ не допускаютъ, всегда признавая за зло. Очевидно что для составленія такого невозможнаго силлогизма должны быть какія-нибудь особыя причины, вынуждающія къ этой нелогичности.

Первая часть силлогизма построена на однихъ основаніяхъ, именно на антимаркантильной теоріи (мы показали уже въ чемъ заключается ошибочность, или лучше сказать, односторонность ея); вторая часть построена на совершенно другихъ данныхъ, краснорѣчіе которыхъ показалось столь внушительнымъ и грознымъ что обѣ части не сооставлены между собою, а изъ противорѣчія ихъ выпутывайся какъ знаешь. Конечно, бумажныя деньги имѣютъ многія присущіе имъ недостатки, которыхъ мы вовсе и не думаемъ отвергать; но тѣмъ не менѣе онѣ не только доставляютъ весьма выгодный ресурсъ въ крайнихъ обстоятельствахъ, но даже и въ ихъ могутъ предоставить значительныя выгоды, какъ самый дешевый изъ всѣхъ видовъ кредита, который, какъ и все на свѣтѣ, можетъ быть не только употребляемъ, но и злоупотребляемъ, что не составляетъ какой-либо особенноти бумажныхъ денегъ. То устрашающее краснорѣчіе, которое заставило такъ возненавидѣть бумажныя деньги, основано не на общихъ, такъ-сказать теоретическихъ, ихъ свойствахъ, и на историческихъ примѣрахъ, главнымъ образомъ на участи ихъ постигшей, на гибельныхъ послѣдствіяхъ произведенныхъ ими во времена первой французской революціи. Но ошибочность выводовъ дѣлаемыхъ изъ этихъ примѣровъ состоитъ въ томъ что не воѣмъ бумажнымъ деньгамъ приличествуетъ одна и та же мѣрка. Металлическія деньги, если онѣ равны по вѣсу, вездѣ и всегда качественно равны между собою, какой бы на нихъ ни стоялъ птенецель; но бумажныя деньги весьма различнаго достоинства, смотря лотому къмъ, гдѣ, когда и при какихъ условіяхъ онѣ выпущены. Между ними могутъ быть очень хорошія, почти равняющіяся по своему достоинству металлическимъ деньгамъ, и совершенно никуда не годныя. Вѣдь онѣ основаны на кредитѣ, и сколь различно качество кредитовъ, столь же различно качество бумажныхъ денегъ, и это независимо отъ выпущеннаго ихъ

количества. Это не новость и всемъ хорошо известно, но тѣмъ не менѣе это упускается изъ виду когда говорятъ объ ужасахъ сопряженныхъ съ бумажною денежною системою. Дѣйствительно, французскія ассигнаціи во время революціи подвергли страду въ полное финансовое разстройство и банкротство, но не потому только что были выпущены въ излишнемъ количествѣ, а потому что онѣ, по самой сущности своей, по характеру обезпеченія подѣ которое онѣ были выпущены, ровню никуда бы не годились, еслибы даже количество ихъ не было чрезмѣрно. Какъ известно, обезпеченіемъ имъ служили конфискованныя имущества эмигрантовъ и духовенства. Эти ассигнаціи были такъ-сказать размѣнены только на эти имущества. Но многіе ли вѣрили въ прочность тогдашняго порядка вещей? Торжество иностранныхъ войскъ, возстановленіе Бурбоновъ, возвращеніе эмигрантовъ въ пылу побѣды и мщенія, не грозили ли возвращеніемъ конфискованнаго ихъ прежнимъ владѣльцамъ? Что же могли значить такіа бумажныя деньги, даже еслибы въ нихъ и не было излишка?

Но и всѣ другія причины могущія вліять на пониженіе цѣнности денегъ соединились тогда чтобъ ихъ уронить. Низкій курсъ ассигнацій, прямо протекавшій отъ ихъ необезпеченности, вынуждалъ все къ большому и большому ихъ выпуску, а совершенный упадокъ промышленности и торговли уменьшалъ потребность ихъ для внутренняго обращенія: оставалась лишь одна потребность правительственная.

Но почему же не обратить вниманія на недавній противоположный примѣръ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, такъ отлочно справившихся со своими грибаками? И тутъ выпускъ былъ чрезмѣрный, потребность въ денежномъ обращеніи была ослаблена, торговый балансъ невыгодный, ибо отпускъ да и самое производство главнаго предмета вывоза, хлопчатой бумаги, прекратился. Но основаніе цѣнности американскихъ бумажныхъ денегъ, то-есть довѣріе къ нимъ, никогда серьезно не подвергалось сомнѣнію, ибо побѣда Сѣверныхъ Штатовъ была въ сущности только вопросомъ времени; а съ этою побѣдой они совершенно упрочивались, оставались лишь побочныя, второстепенныя, а не существенныя причины ихъ низкаго курса: излишній выпускъ, временный застой промышленности и невыгодный торговый балансъ, которые и были устранены разумною экономическою политикою, вѣрво появившею въ чемъ именно заключается узелъ вопроса. Возобновленіе хлопчато-

бумажнаго производства и строго охранительный тарифъ обратили торговый балансъ въ пользу Штатовъ и быстро подняли цѣнность бумажныхъ денегъ, такъ что съ излишкомъ ихъ выпуска, который въ Америкѣ былъ во всякомъ случаѣ действительнымъ, а не мнимымъ, не предстояло никакого труда справиться. Едва ли кто станетъ спорить что русскія бумажныя деньги, по внутреннему ихъ достоинству, опредѣляемому характеромъ того кредита, того довѣрія на которомъ онѣ основаны, относятся къ тому разряду къ которому принадлежатъ американскія, а не французскія революціонныя ассигнаціи; что упадокъ курса нашихъ бумажныхъ денегъ зависитъ отъ причинъ побочныхъ, а не существенныхъ. Но такъ какъ нашъ торговый балансъ не выгодеиъ, — а мы доказали что при такомъ состояніи баланса даже и въ томъ случаѣ еслибы былъ кромѣ того и излишекъ денежныхъ знаковъ, безъ устраниенія невыгоднаго баланса уменьшеніе въ количествѣ бумажныхъ денегъ можетъ скорѣе испортить чѣмъ исправить дѣло, — то очевидно что и намъ для излѣченія нашего эконоическаго недуга ничего не остается какъ обратиться къ тому же самому способу лѣченія который такъ быстро и радикально помогъ Американцамъ. Но выставлая на видъ примѣръ Америки говорящій въ пользу нашего мнѣнія, мы не должны упускать изъ вниманія примѣръ Италіи, говорящій, повидимому, противъ насъ. Не далѣе какъ въ 1880 году Италіанское правительство положило открыть размѣвъ бумажныхъ денегъ, имѣвшихъ до того времени принудительный курсъ. Для этого оно сдѣлало заемъ 640 милліоновъ франковъ и постепенно выкупило на 600 милліоновъ бумажныхъ денегъ. Оставшіеся затѣмъ въ обращеніи 350 милліоновъ стали ходить *à pari*, то-есть операція вполнѣ удалась. Но весь вопросъ въ томъ, былъ ли во время производства этой операціи торговый балансъ не выгодеиъ для Италіи, и зависѣло ли паденіе курса бумажныхъ денегъ отъ невыгодности баланса? Ничего подобнаго не было, бумажныя деньги упали не болѣе какъ процентовъ на 10, такъ что разице это было ничтожно для образованія преміи въ пользу покупателей италіанскихъ товаровъ. Какъ мала эта разица видно, между прочимъ, изъ того что она даже меньше той которая существуетъ въ цѣнности обоихъ металловъ употребляемыхъ на чеканку монетъ, такъ какъ въ настоящее время считается что цѣна серебра на 16% ниже цѣны золота. Посему и въ Италіи должны были,

при установленіи равнѣна, принять мѣры чтобы дешевѣйшій металлъ не вытѣснилъ собою болѣе дорогаго. Изъ исторіи самаго хода операціи видно какое тщательное вниманіе было обращено италіанскимъ министерствомъ на состояніе торговаго баланса Италіи. Оно почло не своевременнымъ приступомъ къ задуманной имъ мѣрѣ въ началѣ 1860 года, потому что неурожаи 1879 года заставилъ Италіанцевъ выслать изъ страны на 200 милліоновъ франковъ драгоценныхъ металловъ для покрытія экстремнаго ввоза хлѣба. Еслибы невыгодный торговый балансъ былъ обыкновеннымъ и постояннымъ явленіемъ въ Италіи, то нечего было бы на это обращать вниманія. Но въ теченіе того же года усиленный отлукъ нѣкоторыхъ произведеній склонилъ вѣсы на сторону Италіи, и тогда было признано возможнымъ приступить къ означенной операціи. Этотъ счастливый для Италіи оборотъ былъ произведенъ преимущественно чрезвычайно усилившимся отлукомъ вина въ Францію, который сдѣлался въ послѣднее время явленіемъ постояннымъ, между тѣмъ какъ еще въ недавнее время италіанскія вина очень мало требовались за границу. Причина этого явленія заключается въ огромныхъ убыткахъ понесенныхъ французскимъ винодѣліемъ отъ филоксеры, уничтожившей въ этой странѣ уже болѣе полумилліона гектаровъ виноградниковъ, заразившей и болѣе или менѣе уменьшившей урожай еще на такомъ же прострѣтвѣ. Франція нуждается во ввозѣ иностранныхъ винъ какъ для собственнаго употребленія, такъ еще болѣе для вывоза, причемъ, конечно, ввезенныя въ нее вина переделываются на новый ладъ. Кромѣ этого, Италіа обладаетъ нѣсколькими предметами вывоза стоящими въ всякой конкуренціи, которыхъ, при всемъ извѣстной италіанской бережливости и даже скупости, достаточно для того чтобы на править балансъ въ ея пользу несмотря на относительную бѣдность страны. Эти предметы суть сѣра и оливковое масло, которыхъ сбытъ настолько обезпеченъ что Италіанское правительство сочло возможнымъ сохранить на нихъ вывозную пошлину. Сѣра, требованіе на которую для приготовленія пороха, для лѣченія виноградной болѣзни (оидіума), а главное на приготовленіе сѣрной кислоты, огромно,—сѣра составляетъ совершенную монополию Италіи; оливковое же масло, хотя въ значительныхъ количествахъ добывается еще въ южной Франціи и въ Греціи, далеко не можетъ удовлетворить всѣхъ

требованій на этотъ предметъ. Усиленный вывозъ вина долженъ продолжаться и на будущее время, такъ какъ Франція обращается за нимъ не только къ соседней Италіи, но даже и къ Румыніи. Уломяемъ еще означительныхъ количествахъ шеека, риса, скота и молочныхъ продуктахъ (пармезанъ) вывозимыхъ изъ сѣверной Италіи, о значительныхъ количествахъ фруктовъ, апельсиновъ, лимоновъ и другихъ, о равныхъ овощахъ которыми теплый климатъ Италіи позволяетъ ей снабжать самымъ дешевымъ способомъ Швейцарію, Германію и отчасти Францію. Но кромѣ этихъ продуктовъ, подлежащихъ болѣе или менѣе точной таможенной опѣлкѣ, Италія имѣетъ такой источникъ прилива иностранныхъ денегъ который не можетъ быть усчитанъ никакою статистикой, это огромный приливъ путешественниковъ изъ всѣхъ странъ Европы и даже изъ Америки, и притомъ именно путешественниковъ богатыхъ, тратящихъ много денегъ. Италія привлекаетъ ихъ болѣе чѣмъ какая другая страна своимъ благораствореннымъ климатомъ, играющимъ въ настоящее время такую большую роль въ лѣченіи разнаго рода болѣзней, преимущественно грудныхъ; своею историческою славой, выражающеюся въ великолѣпныхъ архитектурныхъ и скульптурныхъ остаткахъ древности; первостепенными художественными произведеніями новаго искусства, наполняющими музеи, храмы и дворцы; наконецъ феноменальными явленіями природы, каковы изверженія Везувія. Сверхъ всего этого, Италія продолжаетъ до сихъ поръ быть релігиознымъ центромъ 200 милліоновъ католиковъ. Въ былое время, это послѣднее обстоятельство заставляло притекать въ Италію огромные капиталы, которые застыли и отвердѣли въ ея храмахъ и дворцахъ; но и теперь еще французскія, испанскія, бельгійскія, американскія и даже славянскія паломничества, искреннія и демонстративныя, и диваріи Св. Петра доставляютъ Риму десятки милліоновъ франковъ, которые расходуются въ Италіи.

V.

Разсмотрѣвъ вопросъ съ разныхъ сторонъ, мы можемъ признать установленнымъ положеніе что невыгодный торговый, или точнѣе, разчетный балансъ не только можетъ, но долженъ имѣть своимъ неизбежнымъ послѣдствіемъ

относительное пониженіе курса не только бумажныхъ, но и какихъ бы то ни было денегъ; что при существованіи невыгоднаго торговаго баланса, хотя бы совмѣстно съ нимъ существовали и другія причины стремящіяся понизить курсъ бумажныхъ денегъ, устраненіе этихъ послѣднихъ причинъ не только не можетъ повысить курса, но должно еще усилить его невыгоды. А далѣе, такъ какъ существованіе извѣстнаго денежнаго знака въ Россіи по меньшей мѣрѣ сомнительно, невыгодный же балансъ есть фактъ неоспоримый, то нѣтъ и не можетъ быть иныхъ средствъ исправить нашъ денежный курсъ какъ исправленіе торговаго баланса въ нашу пользу. Намъ предстоитъ послѣ этого рассмотреть въ чемъ именно могутъ заключаться эти средства.

Этому перечисленію отдѣльныхъ мѣръ, перечень которыхъ, какъ само собою разумѣется, не можетъ быть полнымъ, мы предпошлимъ нѣкоторыя общія соображенія, которыя должны установить правильную точку зрѣнія на этотъ предметъ и такимъ образомъ опредѣлить характеръ этихъ мѣръ. Изъ двухъ возможныхъ путей перетянуть балансъ на нашу сторону: усилить отлукъ до той степени чтобъ онъ пересиливалъ ввозъ или даже только сравнялся съ нимъ, или сократить этотъ послѣдній до уравненія его съ отлукомъ, мы считаемъ первый совершенно недостижимымъ по общимъ и спеціальнымъ условіямъ въ которыхъ находится наша страна и по характеру ея производительныхъ силъ. Все это можно выразить въ немногихъ положеніяхъ частью дополняющихъ, частью ограничивающихъ другъ друга.

1. Страны очень обширныя, съ большимъ разнообразіемъ климата и почвы, не имѣютъ ни надобности, ни возможности вести очень обширную внѣшнюю торговлю. При этомъ условія для усиленія ввоза въ нихъ вообще благопріятнѣе условій для усиленія вывоза, въ особенности если это страны по преимуществу земледѣльческія, со слабымъ развитіемъ фабричной промышленности.

2. Съ увеличеніемъ народонаселенія такихъ странъ, условія для вывоза становятся все хуже и хуже.

3. Только обладаніе совершенно спеціальными продуктами почвы и климата можетъ дать такой странѣ возможность значительно развить свой вывозъ.

4. Промышленность обрабатывающая возникаетъ сама собою только въ странѣ съ густымъ народонаселеніемъ, съ

большимъ запасомъ концентрированныхъ капиталовъ и старыми просвѣщеніемъ и культурой.

5. Сырыя произведенія непосредственно потребляемыя, а не служація матеріаломъ для дальнѣйшей обработки и не составляющія предметовъ роскоши, имѣютъ строго опредѣленную границу въ количествѣ своего сбыта, тогда какъ произведенія промышленности обрабатывающей и предметы роскоши имѣютъ своею границей только платежныя средства покупателей.

Не трудно доказать всѣ эти положенія и видѣть съ тѣмъ показать что всѣ помешанные условія сложились для Россіи неблагоприятно, если считать неблагоприятнымъ относительное усиленіе внутренней и ослабленіе вѣшной торговли.

Въ самомъ дѣлѣ, торговля всего земнаго шара по необходимости внутренняя, всѣ избытки одной страны поглощаются другими; слѣдовательно чѣмъ болѣе какаа-либо страна своимъ пространствомъ и разнообразіемъ условій климата, почвы и пр. приближается къ тому разнообразію которое вообще существуетъ на землѣ, тѣмъ въ большей степени должна преобладать въ ней внутренняя торговля надъ вѣшною; и наоборотъ, страна маленькая, съ произведеніями однородными, должна восполнять это однообразіе вѣшною торговлею. Но кромѣ этого, въ государствѣ съ разнообразными экономическими условіями излишекъ производства одной части въ значительной степени поглощается потребностями другой, такъ что для вѣшняго вывоза остается меньшая доля. Внутренняя торговля отнимаетъ значительную долю товаровъ отъ торговли вѣшной. Между тѣмъ тѣмъ заграничные продукты которые вовсе не производятся въ государствѣ должны быть ввозимы для удовлетворенія потребностей не одной части, а всѣхъ частей государства. Напримѣръ, излишекъ хлѣба производимый черноземною и южною Россіей долженъ прежде удовлетворить потребностямъ сѣверныхъ, лѣсныхъ и фабричныхъ губерній, не производящихъ его въ достаточномъ для своего прокормленія количествѣ, и только уже затѣмъ идти за границу; также и фабрики среднихъ губерній снабжаютъ овоими излишками черноземныя и южныя губерніи, а сверхъ того эти фабрикаты, по спеціальнымъ условіямъ (п. 4) экономической жизни Россіи, не имѣютъ никакихъ шансовъ, за удовлетвореніемъ внутренней въ нихъ потребности, идти еще

и за границу по крайней мѣрѣ европейскую. Между тѣмъ, напримеръ, чай или кофе требуется одинаково и для сѣверной, и для средней, и для южной Россіи.

Исторія показываетъ намъ что очень значительная внѣшняя торговля велась и ведется всегда только государствами маленькими: Финляндія, Греція, Кароленгъ, Венеціанская и прочія республики средневѣковой Италіи, Ганза, Голландія и наконецъ Англія,—все это государства небольшого объема. Первая, не имѣя въ достаточномъ количествѣ даже своихъ собственныхъ произведеній на которыя могли бы обмѣнивать иностранные продукты, были главнымъ образомъ только факторами и извозчиками другихъ странъ. Но Англія, напримеръ, богатая собственно лишь двумя продуктами, каменнымъ углемъ и желѣзомъ, на нихъ должна пріобрѣтать все остальное, а одинъ обить ихъ въ сыромъ видѣ и даже въ обработанномъ (для желѣза) слишкомъ недостаточенъ для доставленія въ обмѣнъ всего нужнаго странѣ. Для достиженія этого она должна пріобрѣтать извнѣ массу разнородныхъ сырыхъ матеріаловъ: хлопчатой бумаги, шерсти, льна и пр., чтобы придать имъ, при посредствѣ своихъ желѣза и каменнаго угля, пригодный для употребленія видъ. Отсюда необходимость громадной внѣшней торговли, стремленіе достигнуть значительной стелени богатства, устроивъ въ пользу однообразные, но за то изобильные дары своей природы.

Противоположный примѣръ представляетъ намъ Китай. Эта страна жила тысячелѣтія, достигла громаднаго населенія и значительной стелени благосостоянія почти вовсе не производя внѣшней торговли. Замѣтимъ что нельзя судить о благосостояніи Китая по телерешнему его положенію, когда возмущенія и внутреннія войны, продолжавшіяся почти безпрерывно въ теченіе сорока лѣтъ, погубили десятки милліоновъ народа, обратили въ развалины города со стотысячнымъ и милліоннымъ населеніемъ и разорили страну, да и вообще когда Маньчжурская династія залустила каналы, дороги и т. п. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему Китаю внѣшняя торговля, и даже чѣмъ ему торговать: включая въ себѣ страны холодно-умѣреннаго, умѣреннаго и тропическаго пояса, плодородныя равнины, степи и горы, онъ самъ можетъ производить все для себя потребное и размѣномъ между произведеніями его различныхъ полосъ вполнѣ замѣнить внѣшнюю торговлю, и это все не вслѣдствіе какихъ-либо особенностей

народнаго характера, а вслѣдствіе огромности и свѣдѣтъ самой страны. Можно оказать что вѣншей торговли Китай и по сіе время не велъ бы, почти не имѣя надобности что-либо покупать, да не имѣя въ достаточномъ количествѣ что и сбывать, еслибъ онъ не обладалъ спеціальнымъ продуктомъ, чаемъ, который сдѣлался потребностью почти всего свѣта. Китайскія краски, шелкъ, фарфоръ, не могли бы еще составить предмета для всемірной торговли. Но при естественномъ ходѣ развитія и самъ чай не могъ бы составить такого значительнаго предмета вывоза какъ теперь, потому что скоро Китаицамъ было бы почти не на что его обмѣнивать еслибъ Англія не доставила имъ такого предмета въ опіумѣ при помощи пушекъ, конечно.

Посмотримъ еще на обширную и богатую страну—на Северо-Американскіе Соединенные Штаты. Это государство также обладает своимъ спеціальнымъ продуктомъ, которымъ снабжаетъ рынки всего свѣта, если не столь исключительно какъ Китай чаемъ, то еще на болѣе значительныя суммы—хлопчатую бумагой. Сверхъ этого, оно производитъ огромное количество хлѣба, и въ этомъ отношеніи имѣетъ огромныя естественныя преимущества предъ Россіей уже тѣмъ что, при пространствѣ вдвое большемъ противъ той части Европейской Россіи которая можетъ считаться имѣющею экономическое значеніе, имѣетъ вдвое меньшее населеніе (140.000 кв. миль: 70.000 и 40 милл. жит.: 80 милл.), * слѣдовательно, при всѣхъ прочихъ равныхъ обстоятельствахъ, за прокормленіемъ населенія должно оставаться въ Америкѣ относительно большій избытокъ хлѣба для вывоза. Къ этому присоединяется вообще лучшій климатъ и болѣе дѣятельная почва. Но не говоря уже объ Америкѣ, и другія отравы соперничающія съ Россіей въ отпускѣ хлѣба имѣютъ предъ нею естественныя преимущества. Нижне-дунайскія страны, которыя по климату и почвѣ по крайней мѣрѣ равняются хлѣбороднѣйшимъ мѣстностямъ Россіи, имѣютъ болѣе дешевый и легкій путь сбыта по Дунаю. Равнины Венгріи ближе нежели

* Если вмѣстѣ, примѣрно, Архангельскую губернію, $\frac{1}{4}$ Вологодской, Олонецкую, болѣе половины Пермской, Уфимскую губ. Финляндію и обширныя безплодныя степи Астраханской, то болѣе 70.000 кв. миль имѣющихъ еколько-нибудь серьезное экономическое значеніе въ Европейской Россіи не останется.

Россія къ мѣстамъ сбыта. Египеть есть страна гдѣ самое экстенсивное хозяйство будетъ вмѣстѣ и самымъ интен-сивнымъ, ибо весь трудъ удобренія, и притомъ невоз-можнолучшаго, приняла на себя природа, вмѣстѣ съ ороше-ніемъ. Вновь освобожденные страны Балкашскаго полу-острова, Болгарія по сю и по ту сторону Балканъ, находят-ся въ тѣхъ же условіяхъ какъ и Румынія, и только турец-кое угнетеніе прелатствовало до сихъ поръ ихъ экономиче-скому развитію. Все увеличивающееся населеніе Россіи, не только въ губерніяхъ производящихъ избытокъ хлѣба, но и въ остальныхъ, должно поглощать все большее и большее количество хлѣба на внутреннее потребленіе. Наконецъ, хлѣбъ не есть такой продуктъ котораго отлукъ могъ бы возрасти, не говорю безгранично, но даже и въ очень боль-шой прогрессіи. Это продуктъ первой необходимости, и общее количество производства его всегда близко къ пре-дѣлу насыщенія потребности въ немъ даже, въ противополо-жность большей части другихъ предметовъ, съ увеличи-вающимся богатствомъ потребителей не увеличивается, а скорѣе уменьшается количество его потребленія. Между тѣмъ какъ, напримѣръ, потребленіе чая, сахару, кофе, тка-ней служащихъ для одежды и т. п. еще такъ далеко отъ предѣловъ насыщенія что увеличеніе ихъ производства мо-жетъ почитаться не имѣющимъ границъ и зависящимъ пре-имущественно отъ увеличенія средствъ покупателей, эти гра-ницы весьма мало растяжимы для хлѣба, а производство его подвержено вліанію непредусмотримыхъ и непредотврати-мыхъ случайностей. Только совпаденіе рѣдкихъ обсто-ятельствъ, именно неурожая за границей и урожая у насъ, мо-жетъ сильно увеличить цифру вывоза хлѣба. Нельзя много разчитывать, по отношенію къ усиленію вывоза, на введеніе такъ-называемаго интенсивнаго хозяйства, ибо историческій опытъ всѣхъ временъ показываетъ намъ что никогда еще страна производящая хлѣбъ улучшенными спосо-бами хозяйства не была центромъ значительнаго вывоза его. Это и понятно: такой характеръ земледѣльческой промышленности всегда начинается уже послѣ того какъ населеніе страны достигло значительной густоты, а самые расходы сопряжен-ные съ такимъ хозяйствомъ указываютъ на то что въ странѣ уже много свободныхъ капиталовъ.

Между прочими предметами отлуска Россіи важное мѣсто занимаетъ еще ленъ, но со всеобщимъ распространеніемъ

бумажныхъ тканей потребность въ немъ сравнительно не велика. Для скотоводства и его продуктовъ Россія стала уже слишкомъ населенною страной. Пустыни Сѣверной Америки, Аргентинской республики, Австраліи и Южной Африки будутъ въ этомъ отношеніи всегда имѣть предъ нею сильное преимущество, тѣмъ болѣе что и климатъ этихъ странъ для обширнаго скотоводства гораздо болѣе выгоденъ, такъ какъ тамъ нѣтъ зимъ требующихъ заготовленія большихъ запасовъ сѣна.

Изо всѣхъ этихъ соображеній и сравненій явствуетъ что даже изо всѣхъ обширныхъ государствъ Россія имѣетъ наименѣе благоприятныя условія для веденія обширной внѣшней торговли, ибо не имѣетъ никакого спеціальнаго продукта вывоза, подобныхъ чаю и хлопчатой бумагѣ, а по отношенію къ сырымъ произведеніямъ служащимъ для пищи человека, соперничающія съ ней страны имѣютъ предъ нею естественныя преимущества по климату, почвѣ, удобствамъ сбыта, а частію и по болѣе рѣдкому населенію. Насчетъ же продуктовъ обрабатывающей промышленности она можетъ имѣть только нѣкоторые виды на рынки Средней Азіи. По всѣмъ этимъ причинамъ, Россія и Англія діаметрально противоположны по характеру ихъ экономическаго положенія, такъ сказать по свойствамъ ихъ экономическаго идеала. Между тѣмъ какъ Англія должна всѣми мѣрами изыскивать новые рынки для своихъ фабричныхъ издѣлій и новые рынки для пріобрѣтенія сырыхъ продуктовъ по возможности дешевою цѣной, должна опутывать своею торговою сѣтью весь міръ,— Россія должна думать о возможной экономической независимости и самостоятельности, насколько возможно довольтъ самой себѣ. Поэтому Англіи необходима самая широкая свобода торговли: ея экономическая политика—Манчестерская школа, ея теорія—фритредерство. Но именно по противоположности экономическаго положенія Россія, эта политика и теорія къ ней рѣшительно непримѣнимы и должны быть для нея губительны; а примѣнима и полезна система діаметрально противоположная, то-есть протекторатная система. Если Англіи нужно какъ можно болѣе покупать и продавать, то Россіи нужно, за невозможностью очень много продавать, покупать какъ можно меньше и стараться сколько возможно замѣнять предметы ввозимые изъ-за границы предметами внутренняго производства, и этимъ путемъ достигать

обращенія торговаго и вообще разчетнаго баланса въ свою выгоду, а никакъ не стремляемъ успѣть вывозъ до сравненія его со ввозомъ, что недостижимо.

Выразивъ и доказавъ свой взглядъ на предметъ, мы можемъ теперь приступить къ разсмотрѣнiю тѣхъ мѣръ которыя, по нашему мнѣнiю, должны повести къ возвышенiю нашего денежнаго курса, то-есть къ излѣченiю того серьезнаго экономическаго недуга которому низкiй денежный курсъ служить только симптомомъ. Мѣры эти естественно раздѣляются на нѣсколько категорiй:

1) Мѣры отрицательныя, которыя непосредственно и прямо дѣйствуютъ на уменьшенiе количества ввоза иностранныхъ товаровъ, а косвенно содѣйствуютъ развитiю внутренней промышленности, то-есть мѣры таможенныя.

2) Мѣры относящiяся до самаго денежнаго обращенiя.

3) Мѣры спеціальнаго финансовыя, такъ какъ при финансовыхъ дефицитахъ является необходимость въ государственныхъ займахъ не только внутреннихъ, но и внѣшнихъ, что увеличиваетъ отпускъ драгоценныхъ металловъ и вредно влiяетъ на разчетный балансъ, и, наконецъ, такъ какъ при такомъ положенiи финансовъ невозможна дѣятельная помощь развитiю промышленности.

4) Мѣры положительныя, собственно экономическiя, содѣйствующiя возникновенiю новыхъ отраслей промышленности, усиленiю, распространенiю и улучшенiю старыхъ.

VI.

Первая и основная мѣра для улучшенiя нашего торговаго баланса заключается, какъ само собою разумѣется, въ пересмотрѣ и измѣненiи всего тарифа. Указывать какiя именно должны быть сдѣланы измѣненiя для достиженiя предположенной цѣли мы, конечно, на себя не беремъ,—для этого нужны соединенныя силы многихъ спеціальныхъ людей: статистиковъ, финансистовъ, промышленниковъ, торговцевъ. Всѣ притязанiя наши ограничиваются изложенiемъ тѣхъ точекъ зрѣнiя съ которыхъ, по нашему мнѣнiю, должно смотреть на этотъ предметъ.

Тарифъ долженъ имѣть три цѣли: финансовую—доставить насколько возможно бѣльшiй доходъ казнѣ; промышленную—оказать

достаточное покровительство внутреннему производству, и торговую — усилить по возможности откускъ своихъ товаровъ снятіемъ съ нихъ вывозныхъ пошлинъ, что уже давно сдѣлано, и уменьшить привозъ иностранныхъ товаровъ даже независимо отъ цѣлей покровительственныхъ. Эти три точки зрѣнія комбинируются различнымъ образомъ, смотря по роду товаровъ на которые должна быть установлена пошлина. Товары въ этомъ отношеніи естественно раздѣляются на два разряда. Къ первому относятся тѣ которыхъ страна, по условіямъ климатическимъ, топографическимъ и проч., вовсе производить не можетъ. Очевидно что относительно ихъ покровительственныя соображенія мѣста имѣть не могутъ, и дѣло рѣшается съ точекъ зрѣнія финансовой и торговаго баланса. Ко второму разряду принадлежатъ тѣ товары производство которыхъ желательно усилить, улучшить или ввести въ странѣ. Очевидно что покровительственная цѣль имѣетъ тутъ преобладающее значеніе. Если покровительство достаточно, то внутреннее производство должно со временемъ совершенно вытѣснить ввозъ товара изъ-за границы или по крайней мѣрѣ значительно его ослабить. Само собою разумѣется что оно не должно быть чрезмѣрное, дабы товаръ внутреннего производства не слишкомъ вздорожалъ, пока внутренняя конкуренція не услѣдетъ его удешевить, но съ другой стороны, именно въ первое время, эта премія должна быть достаточно велика чтобы привлечь къ производству промышленныя силы. Такимъ образомъ достигается мало-по-малу балансовая цѣль тарифа; финансовая же или приносится совершенно въ жертву двумъ остальнымъ цѣлямъ, или достигается наложеніемъ въ послѣдствіи акциза на внутреннее производство.

Относительно товаровъ второй категоріи, очевидно, величина таможенной пошлины опредѣляется спеціальными условіями производства каждаго товара, и общаго тутъ ничего сказать нельзя. Но относительно товаровъ первой категоріи не лишнимъ, кажется, слѣдующее замѣчаніе. Обыкновенно говорятъ что съ уменьшеніемъ пошлины на какой-нибудь товаръ увеличивается получаемый отъ него таможенный доходъ. Это совершенно справедливо, но не должно забываться что это не единственное средство увеличить таможенный доходъ, такъ какъ доходъ этотъ есть произведеніе двухъ множителей: пошлины на товаръ и количества

возможнаго товара, и следовательно существуетъ два максимума дохода: одинъ получаемый при возможно большемъ увеличеніи количества ввоза, другой при возможно высшей пошлинѣ. Въ самомъ дѣлѣ, съ уменьшеніемъ пошлины товаръ дешевѣетъ и употребленіе его увеличивается, но наконецъ, при дальнѣйшемъ уменьшеніи, съ одной стороны удешевленіе становится ничтожнымъ, а съ другой потребность въ товарѣ приближается къ своему насыщенію, такъ что одинъ множитель станетъ уменьшаться въ сильнѣйшей пропорціи чѣмъ другой возрастать, и получится одинъ максимумъ дохода. Точно также при увеличеніи пошлины товаръ дорожаетъ и потребленіе его уменьшается, но наконецъ достигается предѣлъ за которымъ уменьшеніе количества ввоза происходитъ въ слабѣйшей пропорціи чѣмъ увеличеніе пошлины, потому что сузившійся кругъ потребителей привыкшихъ къ какому-либо продукту перестаетъ обращать вниманіе, конечно, до извѣстныхъ предѣловъ, на вздорожаніе предмета, и доходъ достигаетъ втораго максимума. Оба эти максимума, такъ-сказать минимальный и максимальный, обыкновенно не равны между собою, но первый не всегда бываетъ выше послѣдняго, часто бываетъ и наоборотъ. Возьмемъ, напримѣръ, товаръ самъ по себѣ довольно дорого стоящій и привычка къ которому распространена въ сравнительно маломъ кругѣ потребителей, но такая привычка которая уже очень сильно вкоренилась, а кругъ потребителей почему-либо не можетъ очень расширяться: въ такомъ случаѣ, возвышеніемъ пошлины до извѣстныхъ предѣловъ, достигается большій доходъ чѣмъ пониженіемъ ея; таковы, напримѣръ, нѣкоторыя дорогія пряности. Потребленіе ихъ ограничивается небольшимъ кругомъ людей, но привычка къ нимъ сильна, а такъ какъ притомъ издержки на нихъ составляютъ вообще малую долю расходовъ каждаго потребителя, то и весьма высокая пошлина не уменьшитъ чувствительно потребленія, а съ другой стороны удешевленіе не можетъ усилить оное. Конечно, можетъ случиться что оба максимума очень сблизятся между собою и даже совершенно сольются въ одинъ, начиная отъ котораго, и при уменьшеніи пошлины и при увеличеніи ея, доходъ будетъ уменьшаться. Но если, кромѣ финансовой дѣли, есть еще и другая, имѣющая въ виду уменьшеніе количества ввоза иностранныхъ товаровъ, то конечно надо всегда выбирать тотъ максимумъ

который получается при наименьшемъ количествѣ ввоза и наибольшей пошлннѣ. Такъ какъ товары этой категоріи суть по большей части предметы роскоши, то сильная пошлнна на нихъ будетъ налогомъ на роскошь и слѣдовательно налогомъ справедливымъ и не нарушающимъ общаго благосостоянія. Исключеніе можетъ быть составить одишь чай, привычка къ которому уже сильно развилась въ массахъ, для которыхъ было бы большимъ лишеніемъ чувствительное вздорожаніе этого продукта, тѣмъ болѣе нежелательное что оны служатъ нѣкоторымъ отвлеченіемъ отъ употребленія водки.

Но мы здѣсь имѣемъ въ виду не одишь торговый балансъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, но разчетный балансъ вообще, и потому должны обратить вниманіе и на другіе пути которыми утекають за границу драгоценныя металлы. Что иностранныя долги требующіе уплаты процентовъ звонкою монетою должнъ и быть дѣлаемы лишь въ крайнихъ случаяхъ, что въ особенности не должно дѣлать ихъ съ недостижимою цѣлью поднятія курса бумажныхъ денегъ, доказывать нечего. Противъ послѣдняго главнѣйшимъ образомъ и написана вся эта статья. Что должно избѣгать по возможности всякихъ правительственныхъ заграничныхъ заказовъ, и не заказывать, напримѣръ, за границей револьверы на милліоны рублей, когда нѣсколько одновременно отлученныхъ сотенъ тысячъ поставили бы Тульскій заводъ въ возможность удовлетворять и этой потребности арміи,—это, конечно, также немногіе стануть осларивать. Но есть и еще немаловажный источникъ перевода металлическихъ денегъ за границу, тоже содѣйствующій склоненію баланса не въ нашу пользу — многочисленныя поѣздки за границу и продолжительное тамъ пребываніе. Наложеніе значительной пошлнны на заграничныя паспорта, пошлнны не только пропорціональной времени пребыванія за границей, но даже прогрессивно увеличивающейся съ этимъ временемъ, было бы совершенно цѣлесообразно, потому что или доставляло бы немаловажный доходъ казнѣ или, что было бы гораздо лучше, сократило бы эти поѣздки и тѣмъ содѣйствовало бы улучшенію нашего разчетнаго баланса. Такой налогъ былъ бы и совершенно справедливъ; налогъ этотъ былъ бы налогомъ на роскошь, ибо поѣздки за границу, даже съ уважительною цѣлью поправленія здоровья, составляютъ роскошь,

которую могутъ позволять себѣ относительно немногіе. Мало ли действительно большихъ которые не въ состояніи позволить себѣ этотъ дорогой способъ леченія, и мало ли псевдобольныхъ которые пользуются только предлогомъ болѣзни чтобы поѣхать за границу, часто даже не для удовольствія, а просто изъ тщеславія? И неужели же большинство всѣхъ этихъ побужденій гонящихъ нашихъ интеллигентныхъ соотечественниковъ за границу суть побужденія столь почтеннаго и уважительнаго свойства что за эту роскошь, весьма дорогую, нельзя заставить платить, когда приходится платить налоги на столько потребностей несравненно болѣе существенныхъ? Укажутъ, можетъ-быть, на цѣли воспитательныя и образовательныя; но воспитаніе дѣтей за границей есть положительное зло, которое уже само по себѣ заслуживало бы полнаго запрещенія; что же касается поѣздокъ за границу людей уже окончившихъ образованіе въ Россіи, съ цѣлью усовершенствованія въ различныхъ отрасляхъ знанія или искусства, то на эти исключительныя и во всякомъ случаѣ немногочисленныя случаи могли бы даваться и исключительныя льготы.

Но есть и еще причина которая обращаетъ наложеніе пошлинъ на заграничныя паспорты въ мѣру уничтожающую привилегію которою совершенно несправедливо пользуются заграничныя путешественники. Подданные каждаго государства должны, конечно, нести какъ личныя, такъ и имущественныя повинности относительно своего отечества. Имущественныя повинности заключаются въ уплатѣ податей. Наши нелюдныя сословія, которыя составляютъ почти весь контингентъ заграничныхъ путешественниковъ, платятъ почти лишь одни косвенныя налоги. Отсутствующіе изъ отечества платятъ пошлины на чай или кофе которые пьютъ, на сахаръ который употребляютъ, на табакъ который курятъ, за квартиры или номера гостиницъ въ которыхъ живутъ и пр. и пр. нѣмецкому, французскому, швейцарскому, итальянскому, а никакъ не русскому правительству, и потому будетъ совершенно справедливо заставить ихъ уплатить эти налоги впередъ, въ видѣ пошлины на заграничный паспортъ. Это столь же справедливо какъ и наложеніе обязанности на молодыхъ людей призывнаго возраста сначала отбыть свою воинскую повинность и затѣмъ уже, если угодно, ѣхать за границу.

Но какъ опредѣлить напередъ количество этихъ уплатъ, которыя отнимаются у казны своего правительства уплатой ихъ государствамъ иностраннымъ? Въ этомъ нѣтъ особенной надобности, потому что въ налогѣ на заграничные паспорта соединяются два совершенно справедливые налога: такъ сказать учесть будущей уплатѣ косвенныхъ налоговъ и налогъ на роскошь. Но, окажутъ, вѣдь такой налогъ былъ бы стѣсненіемъ свободы? Въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, но совершенно въ томъ же смыслѣ какъ и при наложеніи какого бы то ни было государственнаго налога, прямаго или косвеннаго. Уплата налоговъ лишаетъ меня нѣкоторой доли моихъ матеріальныхъ средствъ и тѣмъ самымъ лишаетъ меня возможности сдѣлать то, другое, третье что бы я желалъ, такъ какъ вѣдь все на этомъ свѣтѣ стоить денегъ. Налогъ въ двадцать пять процентовъ съ цѣны билета по желѣзной дорогѣ позволить мнѣ сѣздить только четыре раза туда куда мнѣ нужно было бы, или хотѣлось бы сѣздить пять разъ. И налогъ на заграничные паспорта инымъ образомъ не ограничилъ бы ничьей свободы.

VII.

Мѣры касающіяся непосредственнаго улучшенія денежнаго обращенія должны, по необходимости, носить совершенно отрицательный характеръ. Не надо прибѣгать ни ко внешнимъ, ни ко внутреннимъ займамъ съ цѣлью уменьшенія количества обращающихся кредитныхъ билетовъ, не надо девальвации кредитнаго рубля, не надо перекладки денегъ изъ одного казеннаго кармана въ другой уплатой мнимаго долга Банку (какъ это до очевидной ясности доказано *Московскими Вѣдомостями*), перекладки, которая однакоже налагаетъ на казну, а слѣдовательно и на народъ, значительныя тягости, ибо откуда же брать потребные для сего въ теченіе восьми лѣтъ ежегодныя куши по пятидесяти милліоновъ, при финансовомъ дефицитѣ? Не надо всего этого, потому что цѣль которыхъ можно желать этимъ достигнуть или недостижимы при невыгодномъ торговомъ балансѣ — и это еще самый лучший ихъ результатъ — или даже повели бы ко вредному результату, какъ выше доказано.

Но, однако, если уже рѣшено нести ежегодно пятидесяти-милліонную тягость, то не гораздо ли лучше нести ее съ

цѣлью производительною чѣмъ съ непроизводительною и мнимомъ? Производительная трата даже еще лучше простаго воздержанія отъ траты. Почему бы эти пятьдесятъ милліоновъ назначаемые на улагу Государственному Банку не употребить на постройку Сибирской желѣзной дороги? Вѣдь ее также рѣшено непремѣнно построить, а безъ какихъ-нибудь новыхъ тягостей, которыя лягутъ или непосредственно на бюджетъ, или по крайней мѣрѣ на страну, при употребительныхъ доселѣ методахъ — этого сдѣлать невозможно. Вмѣсто двухъ тягостей не лучше ли соединить ихъ въ одну? Восемь лѣтъ, по пятидесяти милліоновъ ежегодно, — вѣдь на эти деньги можно выстроить нѣсколько тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ и, между прочимъ, не только довести дорогу въ самую глубь Сибири, но еще и построить вѣтвь въ наши Среднеазиатскія владѣнія до любого пункта. Даже въ отношеніи непосредственной цѣли на которую предназначены эти милліоны, не окажется ли эта дорога бѣльшаго и полезнѣйшаго вліянія чѣмъ улага ихъ Банку? Вѣдь и для сбыта за границу доставить она лишніе товары, и нашимъ товарамъ откроетъ болѣе легкій и дешевый путь въ глубь Средней Азии, а слѣдовательно хотя сколько-нибудь посодѣйствуетъ и улучшенію нашего торговаго баланса. Да и кромѣ того эти милліоны, издерживаемые въ глухой и отдаленной странѣ, оживили бы тамъ всѣ денежныя обороты, и если въ самомъ дѣлѣ у насъ излишекъ въ денежныхъ знакахъ, то излишекъ этотъ долженъ чувствоваться преимущественно тамъ гдѣ вообще экономическая жизнь бьется сильнѣе, куда приливаетъ экономическая кровь, то-есть въ сердцѣ страны и его окрестностяхъ. Слѣдовательно, отвлекая эту кровь къ оконечностямъ тѣла, въ широкую и отдаленную Сибирь, мы доставляемъ ей новыя артеріи и вены для обращенія, мы достигаемъ въ значительной степени тѣхъ же результатовъ какъ и прямымъ уничтоженіемъ дѣйствительнаго или мнимаго ея излишка. Вмѣсто кроволусканія, мы ставимъ синализмъ, а кроволусканіе и въ медицинѣ теперь мало употребительно.

Но у указанное ежегодное употребленіе означенныхъ 50 милліоновъ въ теченіе восьми лѣтъ было бы, по нашему убѣжденію, только лучшимъ изъ худшаго. Все-таки эти 50 милліоновъ ложились бы овою тягостью на государственный бюджетъ, а было бы и легче, и дешевле, оставивъ вовсе эту улагу

50 милліоновъ, имѣющихъ добываться вѣдь не иначе какъ умалтой за нѣкъ процентовъ, для построенія Сибирской и иныхъ желѣзныхъ дорогъ, *hoggibile d'ista*, выпускать ежегодно въ теченіе восьми лѣтъ по 50 милліоновъ новыхъ кредитныхъ билетовъ, за которые никакихъ процентовъ не платится, и которые суть даровой кредитъ даваемый народомъ своему правительству, къ коему онъ имѣетъ полное и безусловное довѣріе. Что тутъ лѣтъ ничего страшнаго, видно изъ того что вѣсь соображенія почерпнуты изъ аналогіи съ другими государствами, а также вѣсь соображенія другаго рода (что банковые проценты у насъ высоки, что вмѣсто процентныхъ билетовъ начинаютъ ходить купоны) заставляютъ думать что правительство еще смѣло можетъ вылучить до 350 и даже до 700 милліоновъ кредитныхъ билетовъ прежде чѣмъ удовлетворятся дѣйствительныя требованія денежнаго обращенія. Другія опасенія внушаемыя бумажными деньгами мы также рассмотримъ, и увидѣли что лагубныя ихъ свойства зависятъ главнымъ образомъ не отъ излишка ихъ количества (вредъ излишка мы вообще не отрицаемъ, а отрицаемъ лишь существованіе этого излишка въ данномъ случаѣ, въ примѣненіи къ Россіи), а отъ самой негодности ихъ качества, негодности того обезпеченія подъ которое они были вылучены во время Французской революціи. Такая же негодность билетовъ вылученныхъ Лоу подъ несуществовавшіа богатства Миссисипской компаниіи объясняетъ крахъ случившійся въ улицѣ Кенкеншуа.

Затѣмъ остается еще только одна причина недовѣрія къ бумажнымъ деньгамъ: это способность ихъ быть употребляемыми во зло—способность, которую онѣ раздѣляютъ со всѣми безъ исключенія предметами поддающаго міра, и еще та страшная мысль что никто не обладаетъ даромъ въ такой степени злоупотреблять ими какъ именно правительства, между тѣмъ какъ исторія показываетъ что на однихъ примѣрѣ (почти всегда объясняемый особыми обстоятельствами) гибельныхъ послѣдствій правительственныхъ злоупотребленій приходится сотни примѣровъ злоупотребленій обществъ, банковъ и частныхъ лицъ, которыхъ банкротства вела за собою самыя гибельныя послѣдствія для ихъ довѣрителей. А между тѣмъ все продолжаютъ твердить что выпускъ кредитныхъ знаковъ ходячихъ какъ деньги долженъ быть предоставленъ не правительству, а именно этимъ частнымъ банкамъ и банкирамъ! Мы думаемъ, напротивъ, что право пользоваться

даровымъ кредитомъ, то-есть выпускомъ кредитныхъ денегъ должно исключительно принадлежать правительствамъ, такъ какъ только правительства могутъ обращать это великое право исключительно на общую пользу, на пользу того кто даетъ этотъ кредитъ, то-есть народа. Но много ли употреблений такого кредита болѣе полезныхъ чѣмъ доставленіе народу хорошихъ, дешевыхъ путей сообщенія, и много ли обезпеченій, подъ которыми могутъ выпускаться кредитные билеты, болѣе солидныхъ чѣмъ желѣзные дороги? Если они хорошо проектированы съ экономической точки зрѣнія, хорошо и дешево построены съ технической, то уплата по нимъ не только вѣрна, но неизбежна. Не произведутъ будущіе пассажиры и товаротранспортеры. Чтобы уплата ихъ шла действительно на погашеніе по заключенному на нихъ и подъ ихъ обезпеченіе безпроцентнаго займа, надо только установить чтобы весь чистый доходъ съ дороги шелъ непрѣмѣнно на уничтоженіе высланныхъ на постройку бумажныхъ денегъ. Если дорога построена не на занятый подъ болѣе или менѣе высокіе проценты капиталъ, а на специально для сего цѣли высланные кредитные билеты, то вѣдь все что останется отъ издержекъ по эксплуатаціи, будетъ ли то 5, 4, 3, 2 или хотя бы 1 процентъ, все будетъ чистый доходъ, и все пойдетъ на постепенное извлеченіе этихъ кредитныхъ билетовъ. Рано или поздно это погашеніе произойдетъ, а во многихъ случаяхъ довольно скоро. По Московско-Рязанской дорогѣ оно произошло бы, на примѣръ, въ какія-нибудь десять лѣтъ; рѣдко потребовалось бы на это болѣе тридцати лѣтъ. Послѣ этого дорога сдѣлалась бы такъ-сказать даровою, то-есть за провозъ пассажировъ и товаровъ слѣдовало бы платить лишь столько чтобы окулатась эксплуатація и сколько нужно на образованіе резервнаго капитала на случай непредвидѣнныхъ надобностей. Можно бы даже, взимая съ пассажировъ обыкновенную плату, настолько еще удешевить провозъ товаровъ. А такъ какъ на дорогѣ хорошо проектированной, построенной и эксплуатируемой расходъ не превыситъ 50% валоваго дохода, то провозъ по такой дорогѣ обогателся бы вдвое дешевле чѣмъ нынѣ, то какія выгоды, какія преимущества имѣла бы Россія еслибы наши дороги, по крайней мѣрѣ главныя и важнѣшія, были построены такимъ образомъ? Многія изъ нихъ уже давно бы окулатись, высланные на ихъ сооруженіе кредитные билеты были бы уже погашены. И трудно

понять почему бы этого нельзя было дѣлать. Можно дѣлать займы процентныя; почему же не дѣлать безпроцентныхъ когда погашеніе ихъ вѣрно и несомнѣнно, и когда государство обладаетъ невыбѣемымъ кредитомъ у своего народа? Занимая деньги у частныхъ лицъ, очевидно что ихъ необходимо вознаграждать за оказываемую ими услугу, платя имъ проценты; но когда заемъ дѣлается у цѣлаго народа, для цѣлей производительныхъ, безусловно для него выгодныхъ, то сама эта несомнѣнная будущая выгода и составляетъ достаточное ему вознагражденіе, тѣмъ болѣе что вознагражденіе болѣе прямое и непосредственное, возвышая стоимость предпріятія, уменьшаетъ пользу которую оно можетъ принести. Для пользованія такимъ кредитомъ необходимо, конечно, благоразуміе, дабы не превысить должной мѣры. Потому можетъ-быть пришлось бы строить дороги нѣсколько медленнѣе и не строить ненужныхъ, излишнихъ, несвоевременныхъ, напрасно удлиняющихъ путь и даже совсѣмъ вредныхъ.

Но если такой способъ постройки былъ бы вообще выгоденъ, то для Сибирской дороги онъ почти необходимъ. Въ самомъ дѣлѣ, пусть будетъ проведена эта дорога не въ глубь Сибири, а только такъ-сказать до окраинъ ея, до южной части Западной Сибири, напримѣръ хоть только до Томска. Длина такой линіи отъ Нижняго, откуда она начнется, составила бы уже слѣшкомъ 3.000 верстъ, а до ближайшаго порта—Петербурга уже 4.000. При теперешнемъ тарифѣ провозъ пуда пшеницы по 25 коп. за тысячу верстъ составилъ бы одинъ рубль или 10 руб. за четверть. Прочіе расходы: повозъ къ дорогѣ, нагрузка, перегрузка, выгрузка, раструска, жалованье прикащикамъ и пр. составить не менѣе рубля, да барышъ кулцу нельзя положить менѣе 1 р. 50 коп. на 11 р. расхода, итого 12 р. 50 коп. Цѣна пшеницы въ Петербургѣ стоитъ на 15 рубляхъ съ колѣбками, слѣдовательно производитель въ Томскѣ и окрестностяхъ могъ бы получить за четверть пшеницы только отъ 2 р. 50 коп. до 3 руб., цѣна за которую никто бы не сталъ заниматься ея воздѣлываніемъ. Но еслибы Сибирская дорога была построена на безпроцентный заемъ, цѣна провоза уменьшилась бы до 6 руб. 25 коп. и томскій производитель пшеницы могъ бы получить отъ 6 руб. 25 коп. до 6 руб. 75 коп. за четверть, что въ этой отдаленной и глухой мѣстности составило бы уже хорошую цѣну. А препятствія къ этому—одинъ предразсудокъ освоенный

на примѣрахъ ли къ данному случаю, да и вообще къ намъ не примѣнимыхъ.

Несмотря однакоже на всю очевидность выгодности постройки Сибирской желѣзной дороги на средства добытыя безпроцентнымъ займомъ, несмотря на убѣжденіе что у насъ не только нѣтъ избытка въ денежныхъ знакахъ, а есть положительный въ нихъ недостатокъ, мы бы усомнились въ практичности немедленно же начать эту постройку на выпускаемые вновь кредитные билеты по 50 милліоновъ въ годъ; но усомнились бы единственно потому что, какъ мы уже изложили это выше, въ экономическомъ мірѣ дѣйствуетъ не сила вещей сама по себѣ, а то представленіе которое имѣють объ ней люди. Если въ мірѣ физическомъ лучъ свѣта проходящій чрезъ разныя среды преломляется и, уклоняясь отъ своего пути, заставляетъ насъ видѣть предметъ отъ котораго исходитъ не на томъ мѣстѣ гдѣ онъ дѣйствительно находится, то въ мірѣ экономическомъ, политическомъ и вообще вездѣ гдѣ дѣятелемъ и двигателемъ является человекъ, сила вещей можетъ проявляться не иначе какъ чрезъ посредство человѣческаго сознанія и проходя чрезъ эту среду измѣняетъ свои свойства, такъ что дѣятелемъ является уже не сама сила вещей, а то представленіе о ней которое люди себѣ о ней составляютъ, хотя, конечно, мало-по-малу сила вещей и даетъ себя знать, исправляя ошибочное о ней представленіе. Но такъ какъ ошибочное представленіе о причинахъ упадка денежнаго курса и о значеніи бумажныхъ денегъ несомнѣнно существуетъ, такъ какъ, сверхъ того, многіе находятъ свои выгоды въ такомъ настроеніи общественнаго мнѣнія и умышленно и неумышленно, искренно и притворно испугаются новаго выпуска русскихъ бумажныхъ денегъ, хотя бы въ сущности вовсе не извѣстныхъ и обезличенныхъ самымъ твердымъ образомъ; то такого убѣжденія, все равно истиннаго или ложнаго, будетъ достаточно чтобы понизить ихъ курсъ, хотя, конечно, только временно. Надо, следовательно, дать прежде силѣ вещей выказать несомнѣннымъ образомъ свое дѣйствіе, надо показывать осязательнымъ опытомъ что низкій курсъ зависитъ не отъ извѣстнаго количества у насъ денежныхъ знаковъ, а отъ торговаго баланса; надо чтобы тарифъ и одинъ только тарифъ, безо всякихъ мѣръ непосредственно направленныхъ на сокращеніе количества нашихъ кредитныхъ билетовъ, оказалъ

свое благотворительное вліяніе, показала въ чемъ сущность дѣла. Тогда новый выпускъ кредитныхъ билетовъ для постройки Сибирской желѣзной дороги сдѣлается совершенно безопаснымъ; пока же было бы уже большимъ выигрышемъ если бы 50 милліоновъ улачиваемыхъ совершенно напрасно казною Государственному Банку пошли на производительное дѣло, на постройку этой столь необходимой для Россіи дороги. Желѣзныя дороги могли бы быть предметомъ и другой весьма выгодной и существенно полезной операціи. Я разумно выкупилъ ихъ правительствомъ. Только когда эти монополевые пути будутъ въ полномъ распоряженіи правительства, могутъ они оказать все свое благотворительное вліяніе на общественное благосостояніе; только при этомъ условіи желѣзнодорожные тарифы перестанутъ противодѣйствовать тарифамъ таможеннымъ и нейтрализовать ихъ въ значительной степени. Едва ли какія-либо законодательныя мѣры могутъ вполнѣ этого достигнуть. У насъ привыкли, правда, бояться казеннаго управленія; чиновниковъ укоряютъ въ небрежности, въ недостаткѣ честности и т. п. Все это, пожалуй, и совершенно справедливо, но такъ какъ съ экономической точки зрѣнія дѣло идетъ не объ абсолютной честности и строгомъ исполненіи долга, а только о сравнительномъ хозяйствѣ непосредственными органами правительства и компаніями, то долговременный опытъ не показалъ ли уже съ достаточною ясностью что первое все-таки предпочтительнѣе послѣдняго? Пусть злоупотребленія чиновниковъ по справедливости называются воровствомъ, казнокрадствомъ и другими неблагозвучными названіями, а вторыя считаются формально-юридически законными; послѣднія тѣмъ не менѣе тяжелей ложатся на общественное благосостояніе чѣмъ первыя, точно такъ же какъ хозяйничанье продовольствованной вашу армію въ послѣднюю войну частной компаніи Когана, Грегера и пр. обошлось дороже чѣмъ хозяйничанье проворовавшагося интендантства въ Севастопольскую войну.

Что касается сущности дѣла, то очевидно что покупка желѣзныхъ дорогъ не стоила бы какиъ ни колѣнки лишняго расхода, ибо доходы съ дорогъ, вмѣстѣ съ улачиваемою гарантіей, служили бы достаточнымъ источникомъ для уплаты процентовъ по тѣмъ бумагамъ которыя замѣнили бы собою желѣзнодорожныя акціи. Всякое же улучшеніе въ управленіи и эксплуатаціи дорогъ было бы уже чистымъ барышемъ казны.

Но вѣдь желѣзнодорожныя общества всѣ задолжали казнѣ громадыя суммы, и на уплату этого долга гораздо менѣе можно разчитывать чѣмъ на получение 300 милліоновъ вознагражденія за военныя издержки съ Турціи. При покупкѣ дорогъ казна могла бы вычесть свой долгъ на такомъ же точно основаніи на какомъ, при выкупѣ крестьянскихъ надѣловъ, долги олекувскому совѣту, уплата которыхъ должна была бы производиться постепеннымъ взносомъ процентовъ и погашенія въ теченіе многихъ лѣтъ, были вычтены разомъ. Если эта мѣра, которая не могла же считаться строго законною, оправдывалась общественною и государственною пользою, то почему тотъ же резонъ не могъ бы быть приложенъ и ко владельцамъ желѣзнодорожныхъ акцій, какъ онъ былъ приложенъ и теперь еще прилагается къ помѣщикамъ? Конечно, это было бы только формальнымъ оправданіемъ мѣры въ сущности весьма стѣснительной для частныхъ лицъ; но взысканіе долга могло бы быть произведено съ разсрочкой, которая выразилась бы, напримѣръ, въ уменьшеніи процентовъ уплачиваемыхъ казною по бумагамъ которыми она уплатитъ за выкупаемая желѣзныя дороги.

Н. ДАНИЛЕВСКІЙ.

(Продолженіе будетъ.)

ВНѢ КОЛЕИ *

Р О М А Н Ъ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

XVI.

Wer sich an Andere hält,
Dem wankt die Welt,
Wer auf sich selber ruht
Steht gut.

Paul Heyse

Елена на слѣдующій день захотѣла освѣдомиться о здоровьѣ Анны Григорьевны. Завидѣвъ ея коляску изъ окна своей комнаты, Володя тотчасъ бросился на крыльцо. Онъ надѣялся увидать Женечку, но Женечки не было, и на лицѣ молодого человѣка читалось явное разочарованіе, когда лихая четверка подкатила къ дому экипажъ. Елена однако протянула ему руку съ тою же дружескою непринужденностью какая была въ ея обращеніи съ нимъ въ первое время ихъ знакомства. Вся она, казалось, была олицетворенное участіе, такъ искренно звучали ея вопросы и такъ сочувственно и тепло глядя на ея красивые, мягкіе глаза. Она повидимому

* См. *Русск. Вѣсти*. №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6 и 7.

нисколько не принуждала себя къ этому участию. Въ ея томѣ и намѣрахъ не было и слѣда какой-нибудь разболванки. На то впрочемъ она и была свѣтская женщина.

— Нѣтъ, Владиміръ Алексѣевичъ, я не войду къ вамъ, отвѣчала она на убѣжденія молодого человѣка.—Къ матушкѣ вашей меня конечно не пустать; да чужіе въ такихъ случаяхъ только мѣшаютъ. Но, пожалуста, какъ скоро наступитъ перемѣна къ лучшему, вы меня извѣстите. Я впрочемъ сама буду наѣзжать.

Володя разсыпался въ выраженіяхъ благодарности. Все его раздраженіе противъ Елены разлетѣлось какъ дымъ, и онъ никакъ не могъ себѣ представить чтобъ эта милая, очаровательная женщина, отъ которой такъ и вѣяло обаяніемъ, могла стоять ему поперекъ дороги къ счастью.

— Надѣюсь, продолжала она,—что до моего отъѣзда все уладится. Вы знаете что недѣли черезъ двѣ мы думаемъ ѣхать за границу.

Послѣднія слова она проговорила точно мимоходомъ, какъ будто они касались чего-то безразличнаго и давно всѣмъ извѣстнаго. Но Володю они кольнули въ самое сердце.

— Вы убѣждаете? воскликнулъ онъ, не скрывая своего волненія.

— Неужели я вамъ про это не говорила?... Мы ѣдемъ куда-нибудь на морскія кулавыя; а только не рѣшила еще въ Трувилль или Біаррицъ...

Володя теперь сообразилъ что въ присутствіи Елены надо притворяться будто извѣстіе это его не особенно трогаетъ и сожалѣніе онъ выражаетъ изъ одной только вѣжливости. Ему не удалось однако тотчасъ приискать подходящую фразу, и, какъ оно часто бываетъ въ такихъ случаяхъ, онъ ухватился за полавшуюся ему на умъ бездѣлицу вовсе не интересную ни для него, ни для Елены.

— А у меня, представьте себѣ, проговорилъ онъ съ принужденною живостью,—есть ваши книги, которыя я все еще не успѣлъ возвратить.—Онъ, казалось, былъ весь проникнутъ важностью этого улущенія, какъ будто Елена въ самомъ дѣлѣ очень дорожила взятыми имъ книгами.—Я сейчасъ за ними схожу, если позволите...

— Какъ хотите, но вамъ, право, не зачѣмъ слѣзнуть, улабилась ему въ отвѣтъ Елена, понимавшая какъ нельзя лучше что книги поладобились Володѣ для того только чтобы скрыть

смущеніе овладѣвшее имъ при мысли объ ея отъѣздѣ. Но Володя настоялъ на своемъ, и съ необычайнымъ усердіемъ принялся отыскивать книги. Это были два тома стихотвореній Альфреда де-Мюссе; долго онъ ихъ не могъ найти—вся голова его шла кругомъ при мысли что чрезъ какія-нибудь двѣ недѣли Жвечка увидеть и неизвестно когда и гдѣ онъ опять съ нею свидится. Десять разъ онъ проходилъ мимо того мѣста въ столовой гдѣ давно нечитавшая лежала одна изъ книгъ Мюссе, и не примѣчая ея Володя старался рѣшить мучительный вопросъ: что же будетъ послѣ и не разрушено ли навсегда его будущее. Но въ то же время онъ твердилъ себѣ что счастья своего онъ не отдастъ безъ боя, что какимъ-то неизъяснимымъ чудомъ все устроится къ лучшему. А книга все лежала на столѣ, пока глаза его блуждали не видя ничего предъ собою. Вдругъ онъ ее увидѣлъ, какъ будто она только-что очутилась предъ нимъ, и тутъ же припомнилъ что второй томъ взяла къ себѣ Нада. Онъ любѣжалъ въ ея комнату—Нади тамъ не было. Но книга лежала на старинномъ комодѣ изъ краснаго дерева. Онъ схватилъ ее и послѣшью вернулся къ Еленѣ Михайловнѣ, не замѣтивъ что между листовъ заложенъ какой-то конвертъ. Горничная Мавра, убирая комнату барышни, разъшла книгу раскрытою, и, вмѣсто закладки, сунула въ нее случайно попавшее ей подъ руку письмо.

Володя хотѣлъ извиниться что такъ долго промѣшквалъ съ книгой, но не сдѣлалъ этого, увидавъ что Елена разговариваетъ съ его братомъ.

Дмитрій не зная о ея пріѣздѣ и, возвращаясь домой съ поля, очень удивился при видѣ ея коляски. Еще болѣе конечно его поразилъ бы спокойный, дружескій тонъ, которымъ Елена съ нимъ заговорила, еслибъ онъ издавна не зналъ какъ хорошо она владѣетъ собою. И онъ мысленно поблагодарилъ ее за то что своимъ обращеніемъ она какъ будто вычеркиваетъ самую память о недавнемъ прошломъ. Послѣдній разговоръ съ Еленой оставилъ въ немъ тяжелое впечатлѣніе. Ему казалось что при каждой новой встрѣчѣ онъ будетъ ощущать и стыдъ предъ нею, и какую-то безпричинную вражду. И вотъ она сразу вступила въ колею безмятежныхъ простыхъ отношеній. „Мушья такъ поступить не сумѣла бы“, подумалъ онъ. Та условность которую свѣтская жизнь налагаетъ на людей самыхъ близкихъ—

имѣеть одно несомнѣнное хорошее свойство: она даетъ возможность незамѣтно перешагнуть черезъ неудобныя или тягостныя положенія; она ступевываетъ шероховатости прошлаго, если не въ памяти, то по крайней мѣрѣ во взаимномъ обращеніи.

Елена любезно поблагодарила Володю и съ помысламъ равнодушіемъ положила книги съ собою рядомъ въ коляску.

— Мы еще увидимся конечно, нѣсколько разъ увидимся, сказала она Дмитрію прощаясь.

Анна Григорьевна между тѣмъ не полправлялась. Она лежала въ какомъ-то ползабытѣ, словно умъ ея и воля застыли въ оцѣпленіи и жизнь въ ней лишь тлѣла какъ тлѣть свѣтильня за недостаткомъ масла. Въ такомъ состояніи прошли цѣлые два дня, и докторъ при каждомъ новомъ посѣщеніи казался все болѣе озабоченъ. Зловѣщее сознаніе оласности медленно подкрадывалось ко всѣмъ членамъ семьи. На третій день больной стало хуже; она почти не могла говорить, не принимала пищи, и мысли у нея очевидно лутались. Докторъ не произносилъ рѣшающаго слова, но всѣ въ домѣ понимали что слово это было — восслаленіе мозга. Для всѣхъ ихъ жизнь будто притаилась и замерла. Она вся сосредоточилась на одной общей имъ заботѣ. А между тѣмъ время шло своимъ чередомъ, и каждый новый день приносилъ новыя требованія. Дмитрія раздражала эта настойчивость будничныхъ дѣлъ, среди которыхъ въ ихъ нескончаемой вереницѣ нѣтъ мѣста для горя и тревоги. Ему хотѣлось, какъ хочется этого всѣмъ людямъ которые боатся потерять любимое существо, чтобы все вокругъ имъ вторило, чтобы все остановилось и притихло. А работы полевыя какъ разъ были въ самомъ разгарѣ. Каждый часъ дорогъ въ тѣ немногіе дни жатвы на которыхъ сосредоточивается все вниманіе хозяина. И Дмитрій не могъ даже ради матери оторваться отъ полей. Тамъ, по крайней мѣрѣ теперь, все уже шло гладко. Пожаръ, какъ кризисъ болѣзни, обусловилъ поворотъ къ лучшему. Рѣзкая перемѣна совершилась въ настроеніи крестьянъ. На другой же день они дружно вышли убирать пшеницу, и Трофимъ ото всего міра доложилъ барину что мужички очень желаютъ заключить условіе, которое по видѣ нѣсколькихъ крикуновъ разстроилось, а затѣмъ уже съ господами жить въ мирѣ и ладу. Все это Трофимъ высказалъ съ дипломатическою вкрадчивостью, хотя и съ

въ некоторую записку. Дмитрій согласился прошлое забыть, и все дѣло, стоявшее такихъ усилий, было теперь окончено въ нѣсколько минутъ.

Такъ прошло цѣлыхъ десять дней, и ожиданіе неизвѣстной развязки все еще тяготѣло надъ семьей Корецкихъ. Объ отъѣздѣ Нади, разумѣется, не было и рѣчи: она не считала себя въ правѣ покинуть тетку, пока не миновала опасность. Но она и Дмитрій, какъ бы сговорившись, не упоминали о своей помолвкѣ, точно они считали себя обязанными предъ больною забыть на время про свое будущее. Всякое слово любви показалось бы имъ теперь чѣмъ-то безчестнымъ, какъ будто въ немъ было злоупотребленіе довѣріемъ той безпомощной теперь женщины чья воля еще такъ недавно противилась ихъ счастью.

Вѣсть о пожарѣ въ Бѣлыхъ Столбахъ и о болѣзни Анны Григорьевны быстро разнеслась по уѣзду. Каждый день Корецкихъ навѣщалъ кто-нибудь изъ сосѣдей, въ томъ числѣ не преминувъ прикатить на тройкѣ кровавыхъ рысаковъ тучный предводитель Ухоть. Онъ вовсе не былъ привычнымъ гостемъ въ Бѣлыхъ Столбахъ, но счелъ долгомъ выразить ихъ хозяевамъ приличное соболѣзнованіе. Дмитрію эти навѣзды мало знакомыхъ людей и вѣчно повторявшіеся однообразные разспросы съ приправой неизбѣжныхъ восклицаній причиняли не малую скуку. Онъ совершенно поеволѣ ставилася героемъ дѣла, такъ какъ пріѣзжавшіе считали необходимымъ платить дань удивленія его твердости и хладнокровію. Но дѣлать было нечего. Приходилось терпѣливо выслушивать и не менѣе терпѣливо повторять все тѣ же объясненія.

— Честъ вамъ и слава, Дмитрій Алексѣевичъ, началъ густымъ басомъ свое привѣтствіе Ухоть,—вы примѣръ намъ всѣмъ показали. Рѣдко кому удастся въ такомъ случаѣ не потерять головы.

Аркадій Степановичъ, тяжело дыша, опустился въ предложенное ему кресло, немного затрепавшее подъ грузомъ его тѣла. Ему по крайней мѣрѣ Дмитрій могъ не рассказывать о бывшемъ пожарѣ.

— Знаю, про все знаю, проговорилъ онъ съ любезнымъ, словно ободряющимъ, движеніемъ руки,—и про ваше присутствіе духа, и про то, можно сказать, рѣдкое самоотверженіе съ которымъ вы бросили собственное добро чтобъ цѣти спастись логорѣльцевъ!

Чуть замѣтная провинческая нотка звучала въ этихъ словахъ.

Дмитрій въ отвѣтъ только забарабанилъ пальцами по столу.

— Тяжелыя времена настаютъ, продолжалъ Аркадій Степановичъ,—ухо остро держать надо, доложу вамъ, съ мужиками... Вѣдь у меня тоже, вы слышали, народъ зашевелился. Только я насчетъ этого, вы знаете, безъ церемоніи; по старинному, послалъ за полиціей; исправникъ, разумѣется, самъ явился и сейчасъ же отыскалъ у кого были, ну, тамъ прокламаціи равныя; онъ на этотъ счетъ молодецъ. Человѣкъ съ десятокъ при сей вѣрной оказіи взяли... были они виноваты или нѣтъ, не знаю, да это все равно, больше для остратки...

Аркадій Степановичъ луснулся въ соображенія о томъ какъ, по его мнѣнію, слѣдуетъ пресѣкать зло въ самомъ началѣ, и по этому поводу мимоходомъ намекалъ что и въ Бѣлыхъ Столбахъ должно-быть не обошлось безъ чужаго подстрекательства.

— Напрасно это вы, Дмитрій Алексѣевичъ, заключилъ онъ вкрадчивымъ тономъ свою рѣчь,—съ народомъ такъ мягко поступили. Конечно, не мое это дѣло,—послѣдшилъ онъ добавить, замѣтивъ признаки нетерпѣнія на лицѣ Дмитрія,—вы поступили очень, очень благородно, простивъ мужикамъ такъ великодушно. Но только, вода ваша, послушайте меня, старика (когда Аркадій Степановичъ притивался за увѣщанія, онъ неизвѣстно почему величалъ себя старикомъ), потачки народу давать не слѣдуетъ. Вы, я слышалъ, мужикамъ земельку даже отдали подешевле, такъ, изъ милости. Разумѣется, вы богатый человѣкъ, гдѣ намъ съ вами тягаться (Уховъ не прочь былъ лѣтъ Лазаря, несмотря на свое отаичное состояніе), но все же, доложу вамъ, вехоршій это примѣръ...

И Аркадій Степановичъ грустно покачалъ головой.

— Я и не разчитываю чтобы нашлись охотники примѣру этому послѣдовать, разсмѣялся ему Дмитрій въ отвѣтъ.

Уховъ будто бы не замѣтилъ этого не совсѣмъ любезнаго намека. Не для того онъ пріѣхалъ въ Бѣлые Столбы чтобы вступать съ Дмитріемъ въ пререканія. Ему надо было, пользуясь случаемъ, лишній разъ ощупать намѣренія Дмитрія, такъ какъ у него съ самаго дня выборовъ упорно держалась въ головѣ мысль что молодой человѣкъ могъ

сдѣлаться для него опаснымъ солерникомъ. Къ этой настоящей цѣли своего посвященія Аркадій Степановичъ теперь и приступилъ, заговоривъ о предстоящемъ земскомъ собраніи.

— Надо подумать о будущей Управѣ, объявилъ онъ послѣ нѣкоторыхъ предварительныхъ соображеній довольно туманнаго свойства о нуждахъ земства вообще и необходимости дружнаго согласія всѣхъ порядочныхъ людей.

— Я думаю лучшаго состава и желать нельзя, былъ обязательный отвѣтъ Дмитрія.

Уховъ сталъ пожимать съ чувствомъ его руку.

— Ахъ, вѣтъ, Дмитрій Алексѣевичъ, видитъ Богъ, я ни за что не пойду... и вотъ потому намъ съ вами надо согласиться впередъ чтобы не выскочилъ какой-нибудь шальной кандидатъ. Это бываетъ-сь, очень часто бываетъ-сь... А пожалуй можетъ выйти и нѣчто хуже; чего добраго, у насъ красные возьмутъ верхъ на собраніи и мужиковъ подобьютъ. А это значитъ десять колѣекъ лишнихъ съ десятины накинута, можете быть впередъ увѣрены. Посмотрите что въ иныхъ земствахъ дѣлается. (Аркадій Степановичъ привелъ нѣсколько примѣровъ тѣхъ ужасовъ къ которымъ приводитъ господство въ земствѣ такъ-называемыхъ красныхъ.) Нашъ уѣздъ пока Богъ миловалъ; былъ у насъ Дровниязъ, да еще два-три балагура. Ну, мы имъ въ угоду иногда на школу какую-нибудь сотенку накинёмъ, или акушерку тамъ вылишемъ, больше для потѣхи; пусть себѣ радуются читая въ газетахъ что наше земство себя выказало съ отличной стороны, ну, знаете тамъ современное направленіе, духъ времени... (Уховъ расхохотался, но тотчасъ же принявъ опять сосредоточенное выраженіе.) А теперь ужъ не то. Вы видѣли каковы были выборы?

Онъ пытливо посмотрѣлъ на собесѣдника.

— Я думаю вы напрасно тревожитесь, спокойно возразилъ Дмитрій.—Суходеревскій слишкомъ богатый человѣкъ.

— Эхъ, батюшка, перебилъ его Уховъ,—богатство тутъ ни при чемъ! Надо себя показать чтобъ имѣть право либеральнымъ козыремъ ходить по городу, да попасть въ категорію опасныхъ. Вѣдь у насъ теперь это почти что почетная должность выходить. Да и такіе есть у насъ господа что слово бояться какъ бы ихъ тамъ въ газетахъ не прописали, или барынька какая-нибудь сумбурная не назвала бы ретроградомъ. Пуще огня бояться, право! Читали вы корреспонденцію

Безвидова про наши выборы? Нѣтъ? прочтите, безобразіе настоящее! (Уховъ говорилъ теперь негодующимъ голосомъ.) Меня, повѣрите ли,—и онъ ткнулъ себѣ грудь указательнымъ пальцемъ,—въ произволѣ обвиняють, въ какомъ-то давленіи на выборы! Какъ вамъ это нравится? Ну, скажите, пожалуйста, развѣ было съ моей стороны какое-нибудь давленіе?

Разговоръ грозилъ затянуться, но Уховъ, даже когда затронута была его личность, не увлекался и не упускалъ изъ виду намѣченной цѣли. Онъ и теперь вернулся къ ней окольнымъ путемъ, убѣждая Дмитрія сплотиться съ нимъ для отпора заовредному направленію.

— Вы, такъ-сказать, сила для земства, провозгласилъ онъ.— И не могу не повторить еще разъ что грѣшно вамъ отказываться отъ должности. Вамъ, какъ человѣку просвѣщенному и богатому, слѣдуетъ быть у насъ предводителемъ. А мнѣ пора отдохнуть.

Отвѣтъ Дмитрія повидимому успокоилъ Аркадія Степановича, такъ рѣшительно и откровенно высказавъ былъ отказъ. Уховъ въ чужихъ словахъ хорошо умѣлъ отличать отглагокъ искренности. Но за то Дмитрій ему не далъ никакихъ обѣщаній насчетъ будущаго союза съ нимъ въ собраніи.

— Позвольте мнѣ сначала осмотрѣться, сказалъ онъ.— Мнѣ трудно судить заранѣе о дѣлѣ въ которомъ я до сихъ поръ не участвовалъ.

Аркадій Степановичъ вздохнулъ, похвалилъ Дмитрія за осторожность которая такъ рѣдко бываетъ въ молодые годы, а про себя между тѣмъ подумалъ что Дмитрій тоже вѣроятно изъ захватавшихся либеральной дури.

„Должно-быть правду говорилъ про него въ клубѣ исправникъ, рѣшилъ Уховъ,—что по его же милости успѣли вовремя скрыться эти нигилисты.“

Неродовича Аркадій Степановичъ теперь представлялъ себѣ уже во множественномъ числѣ, и пріѣхавъ въ городъ на засѣданіе сѣзда, онъ сталъ раслускать про Дмитрія слухи представлявшіе его почти какъ сообщника тѣхъ кто поджигали его же хлѣбъ.

Ровно двадцать четыре часа спустя въ Бѣлые Столбы вѣзжала другая, менѣе кровная, но тоже сытая тройка, и у крыльца дома изъ тарантаса высунулась тощая, строгая фигура Алексѣя Алексѣевича Суходеревскаго. Предводитель земской дѣвой, поправивъ на носу золотые очки, ровными,

чуть слышными шагами послѣдовалъ въ гостиную за Терентіемъ. Дмитрія слегка удивило это посѣщеніе: Алексѣй Алексѣвичъ въ Бѣлыхъ Столбахъ не бывалъ никогда. Но цѣль его пріѣзда скоро разъяснилась. Всегда сдержанный и холодный, Алексѣй Алексѣвичъ не тратился на лишніа слова. Послѣ короткаго вступленія, посвященнаго, какъ водится, огульному плачу надо всѣмъ что творится на Руси, Суходеревскій выразилъ увѣренность что Дмитрій, въ качествѣ представителя молодаго поколѣнія примкнетъ къ передовой части мѣстнаго земства.

— Вашъ поступокъ съ крестьянами даетъ намъ право на это разчитывать, сказалъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ, отвѣтилъ Дмитрій,—я оказался передовымъ самъ того не подозревая.

Эти слова слегка озадачили Алексѣя Алексѣвича. Онъ слова поправилъ на носу очки и, должно-быть ободренный этимъ, продолжалъ:

— Вы не могли не замѣтить что и въ нашемъ уѣздѣ, какъ почти вездѣ въ Россіи, существуетъ партія тормозящая наше развитіе...

„Такъ, подумалъ Дмитрій, одно изъ любимыхъ казенныхъ словечекъ уже валицо.“

Не долго пришлось ожидать и остальныхъ. Сухая рѣчь Алексѣя Алексѣвича, при всей своей сдержанности, была словно начинена избранными терминами какъ „прогрессъ, меньшая братія, единеніе съ народомъ, уравненіе правъ и т. д.“. Все это произносилось безжизненно и ровно какъ заученная проповѣдь.

— И всѣмъ этимъ прекраснымъ вещамъ стало-быть, сказалъ Дмитрій,—не даетъ здѣсь укорениться зловерная дѣятельность Аркадія Степановича Ухова съ братіей.

— Я никого не называлъ, оговорился Алексѣй Алексѣвичъ.—У насъ въ уменьшенномъ видѣ повторяется то же что и въ цѣломъ государствѣ.

— И вы меня приглашаете подъ вашимъ знаменемъ сразиться съ духомъ тьмы, такъ ли?

Но должно-быть Алексѣй Алексѣвичъ понялъ что мало надежды на желанный союзъ. По крайней мѣрѣ, онъ не продолжалъ уже своего передоваго плача и, сдѣлавъ нѣсколько вѣскихъ замѣчаній насчетъ погоды, поднялся съ мѣста.

Провожая его, однако, Дмитрій самъ вернулся къ оставленной имъ темѣ.

— Вы предлагали мнѣ примкнуть къ вашей партіи, сказалъ онъ, пожимая руку гостю.—Откровенно говоря, въ земствѣ я никакихъ партій не признаю. Бываютъ пустыя, бываютъ и хорошія предложенія, и сколько мнѣ извѣстно, ни на тѣ, ни на другія привилегіи не дано никому. Позвольте же мнѣ всякій разъ присоединяться къ дѣльной мысли откуда бы она ни исходила.

Это безпристрастіе не пришлось по вкусу Алексѣю Алексѣевичу, и при каждомъ удобномъ случаѣ онъ сталъ расписывать Дмитрія самыми черными красками.

Между тѣмъ, слухи плущенные Амфилохіемъ Никандровичемъ и Уховымъ не пропали безслѣдно для губернскаго начальства. Жандармскій полковникъ имѣлъ даже по ихъ поводу долгое совѣщаніе съ Боровскимъ, у котораго онъ давно привыкъ искать вдохновенія. Николай Осиповичъ выслушалъ съ обычнымъ полунасмѣшливымъ хладнокровіемъ недоумѣніе мѣстнаго представителя всевидящаго ока. „Вотъ нашего залодозритъ“, разсмѣялся онъ мысленно надъ рвеніемъ полковника. Боровской, не счелъ однако нужнымъ разуздрить его.

— По моему, сказалъ онъ только,—намъ рѣшительно нѣтъ дѣла до споровъ крестьянъ со своими помѣщиками. Мы обязаны вступаться тамъ лишь гдѣ есть поводъ опасаться чего-либо направленаго противъ государственной власти, какъ было, напримѣръ въ Златоустовѣ.

— Да тамъ оказались совершенные лустаки, возразилъ полковникъ.

— Можетъ-быть; а коли въ Бѣлыхъ Столбахъ вы думали найти нѣчто болѣе существенное, вольно же было полиціи выпустить изъ рукъ настоящихъ виновныхъ.

Сказавъ это Боровской ехидно улыбнулся.

— Да въ томъ-то и дѣло, Николай Осиповичъ, что настоящимъ виновнымъ помогли укрыться. Развѣ вы находите поведеніе Корецкаго не подозрительнымъ?

Николай Осиповичъ чуть замѣтно повелъ плечами.

— Судить объ этомъ предоставляю вамъ, сказалъ онъ.

— А присутствіе въ домѣ Анны Григорьевны этой бывшей нигилистки вамъ кажется совершенно въ порядкѣ вещей? продолжалъ расходившійся полковникъ;—и если со поставить всѣ эти странныя обстоятельства...

Онъ принималъ необыкновенно сосредоточенный видъ.

— Я не сомнѣваюсь что вы сумѣете изъ всего этого вывести надлежащее заключеніе, отвѣтилъ Боровской съ легкимъ наклоненіемъ головы.

Отъ Николая Осиповича полковникъ тотчасъ поскакалъ къ губернатору. Но ему не удалось возмутить спокойствіе областного начальника. Его превосходительство, по характеру склонный къ мягкости какъ почти всѣ охотники до дамскаго общества, былъ изъ числа тѣхъ администраторовъ которые во глубинѣ души убѣждены въ собственномъ безсиліи. Долгѣйшая опытность научила его ожидать крайне малаго отъ самыхъ рѣшительныхъ мѣропріятій, и управляя губерніей онъ преслѣдовалъ главнымъ образомъ двѣ цѣли — обильное составленіе благотворительныхъ подписокъ и исправное собираніе податей. Оласенія полковника онъ встрѣтилъ покачиваньемъ головы. Анну Григорьевну онъ зналъ уже давно, бывалъ даже иногда у нея въ домѣ. И въ ея-то семьѣ искали тайнаго сочувствія агитаціи, потому только что она взяла къ себѣ племянницу, съ прошлымъ слегка загадочнаго свойства!

Покажете, добродушно успокоивалъ онъ полковника, — статочное ли дѣло, восемнадцатилѣтнихъ дѣвочекъ бояться?... Да еще такихъ хорошенькихъ, добавилъ онъ, приломнивъ что Нада произвела на него своею наружностью самое выгодное впечатлѣніе.

Когда, однако, дня три спустя Дмитрій заѣхалъ къ нему съ визитомъ по дѣлу о размежеваніи съ казною, тянувшемуса уже давно, губернаторъ счелъ долгомъ освѣдомиться между прочимъ о его кузинѣ, Надеждѣ Сергѣевнѣ, о которой онъ сохранилъ такое пріятное воспоминаніе. Цѣлою сѣтью самыхъ любезныхъ фразъ его превосходительство окуталъ легкой, скользящей намекъ на то что молодымъ дѣвушкамъ, рано оставившимъ родительскій домъ, иногда такъ трудно бываетъ избѣгать знакомства съ неудобными людьми...

Намекъ этотъ встревожилъ Дмитрія не на шутку. Вернувшись домой, онъ тотчасъ пошелъ отыскивать Надю въ саду, и найдя ее въ бесѣдкѣ надъ оврагомъ, передалъ ей свой разговоръ съ губернаторомъ.

Нада удивленно вскинула на него глазами.

— Неужели ты думаешь, сказала она, — что я могу переписываться съ Перодовичемъ послѣ всего что случилось?...

— Ты меня не лояла, Нада. У тебя можетъ-быть сохранились какія-нибудь письма, или бумаги, или даже книги пожалуй... Все это надо уничтожить. Вѣдь не даромъ про тебя заговорилъ губернаторъ. Кто знаетъ что они про тебя тамъ наслетвичали? Чего добраго, обыскъ затвуютъ.

Нада покачала головой.

— Все что у меня было, давно сожжено ужъ въ Москвѣ. Здѣсь, правда, я получила два письма отъ Неродовича, одно чрезъ Василю, его я тоже сожгла, другое чрезъ Володю. И она рассказала Дмитрію, какимъ образомъ его мааашему брату пришлось сдѣлаться невольнымъ лособникомъ Неродовича.

— Это письмо я дѣйствительно сохранила. Вѣдь благодаря ему намъ пришлось встрѣтиться съ тобой на Федотовой ласкѣ...

Она прямо взглянула на него своими широко-раскрытыми, откровенными глазами. Но Дмитрій слегка нахмурился услышавъ это.

— Нада, сказалъ онъ, — согласишься ты мнѣ отдать это письмо?...

Ему почему-то хотѣлось лорвать эту послѣднюю нить съ ея прошлымъ, словно онъ ревновалъ ее къ этому прошлому. Нада не отгадала его мысли.

— Я бы съ удовольствіемъ это сдѣлала, отвѣтила она просто, — кабы письмо не затерялось...

Брови Дмитрія еще болѣе сдвинулись. Но молодая дѣвушка попржнему этого не замѣтила.

— Оно лежало у меня на комодѣ, въ распечатанномъ конвертѣ, продолжала она. — Мавра его должно-быть куда-нибудь кинула или заложила.

Въ искренности ея словъ нельзя было сомнѣваться; да и не сомнѣніе было въ мысляхъ у Дмитрія. Онъ просто не хотѣлъ чтобъ оставался какой-нибудь видимый слѣдъ прежнихъ отношеній Нады къ ненавистному ему человѣку.

— Какъ ты неосторожна! Я тебя не узнаю, сказалъ онъ.

Она посмотрѣла на него съ удивленіемъ; такъ странно ей было слышать отъ него хотя бы малѣйшее слово укора.

— Да это совсѣмъ не важно, Дмитрій. Письмо къ тому же было безъ подписи.

Оба промолчали нѣсколько секундъ.

— Дмитрій, развѣ ты думаешь, сказала она вполголоса, — что прошлое мнѣ можетъ быть дорого?.. Я съ отвращеніемъ

теперь о немъ припоминаю. Я не могу простить себѣ что ради меня ты далъ Неродовичу отсрочку. Вѣдь я виновата и въ пожарѣ, и въ болѣзни тети...

Она наклонила голову. Слезы готовы были навернуться въ ея глазахъ.

— Нада, зачѣмъ упрекать себя, нѣжно проговорилъ Дмитрій, опускаясь возлѣ нея на скамейку.—Вѣдь я объ одной тебѣ забочусь; тебя хочу уберечь... Складки не должно быть въ твоей жизни...

И въ первый разъ послѣ ихъ объясненія ночью въ саду, онъ притянулъ къ груди ея трепещущій станъ.

XVII.

Dadurch giebt Neigung sich je Kund dass Sie
bewilligt
Aus freier Gunst, was sie auch nicht gebilligt.
Schiller. *Marie Stuart.*

Въ положеніи Анны Григорьевны совершился наконецъ давно ожидаемый поворотъ: докторъ, навѣщавшій ее каждый день, нашелъ однажды что луньса у больной почти нормальный, лихорадки нѣтъ и отека мозга уже нечего опасаться. Сказалъ онъ это съ подобающимъ видомъ торжества указавъ на то что всѣ предсказанія его сбылись въ точности. Случилось это ровно двѣ недѣли спустя послѣ пожара. У всѣхъ домашнихъ, даже у прислуги отлегло на душѣ: всѣ чувствовали себя будто виноватыми въ болѣзни Анны Григорьевны. Выздоровленіе однако пошло туго. Наступилъ августъ со своимъ вѣчно прозрачнымъ небомъ, на которомъ лишь гдѣ-то вдали тихо плыли бѣлыя облачки, точно оно было также гладко какъ сама степь.

Обильный урожай былъ собранъ и свезенъ на гумно; закулѣла молотѣба, зашумѣлъ паровикъ. Но хозяйка Бѣлыхъ Столбовъ, для которой въ былые годы это время было настоящимъ праздникомъ живой и неутомимой дѣятельности, на этотъ разъ оставалась совершенно безучастною къ ходу ея же заведеннаго хозяйства.

Анна Григорьевна не спрашивала даже про то что дѣлалось въ имѣніи и когда сыновья пробовали съ нею заговаривать объ этомъ, надѣясь ее развлечь, она отвѣчала имъ слабымъ кивкомъ головы, какъ будто все это ее перестало

касаться. День за днемъ она просиживала въ широкомъ кожаномъ креслѣ у открытаго окна ея спальни, иногда бралась за вязанье или просила чтобъ ей что-нибудь почитали, но работа скоро выпадала изъ ея рукъ, а выраженіе ея лица говорило что прочитаннаго она даже не слыхала. Умъ ея будто преслѣдовала одна тяжелая, неутомная дума. Прошла еще дѣлая недѣля, пока она изъяснила наконецъ желаніе подышать свѣжимъ воздухомъ. Да и воздухъ ея не жилъ и во время прогулки она словно избѣгала заглядывать въ сторону полей и деревни. При всемъ томъ однако къ близкимъ она относилась съ благодарною лаской, но и въ этомъ было что-то похожее на безпомощную покорность больного ребенка когда его убаюкиваетъ мать. Странно и грустно было видѣть это полное отреченіе отъ жизни. Чужихъ, въ томъ числѣ и Елену, заѣзжавшую раза два, она совсѣмъ отказывалась принимать. Только Федора Васильевича старушка видѣла охотно и разъ даже вела съ нимъ бесѣду, длившуюся болѣе часа. Эта бесѣда какъ будто успокоила и въ то же время оживила ее, точно Федоръ Васильевичъ нашелъ отвѣтъ на какое-то мучившее ее сомнѣніе. Только послѣ его отъѣзда она подозвала къ себѣ Дмитрія и сказала что передаетъ ему окончательно все управленіе Бѣлыми Столбами.

— Ты лучше меня поведешь дѣло, Митя. Времена теперь новыя, и люди тоже новыя. Передѣлывать ихъ по своему я не въ силахъ, а себя къ нимъ подлаживать я тоже не могу.

Сказано это было безо всякаго отгѣнка горечи, хотя на самомъ дѣлѣ это сознаніе разлада съ новыми порядками и отзывалось всего тяжелѣе на сердцѣ Анны Григорьевны. Она чувствовала что ее постигла неудача какъ разъ въ томъ дѣлѣ которое она знала всего лучше. Нѣчто подобное чувствуетъ должно быть опытный боевой генералъ когда ему приходится на старости лѣтъ неожиданно понести непривычное пораженіе. Но признавшись открыто въ своемъ безсиліи Анна Григорьевна какъ будто почувствовала себя лучше. Дмитрій не пробовалъ возражать ей: слишкомъ очевидно было что къ рѣшенію своему она пришла послѣ долгой борьбы и пришла безловоротно. Съ этихъ поръ она опять стала охотно говорить про дѣла съ сыномъ, давала ему даже совѣты, но конечно все это она дѣлала теперь съ тѣмъ, слегка порцающимъ безучастіемъ, съ которымъ говорятъ о политикѣ государственные люди вышедшіе въ отставку.

Анна Григорьевна и теперь однако не была вполнѣ искренна съ близкими. На душѣ у нея оставалась другая гнетущая забота которою она не дѣлилась ни съ кѣмъ. Ни единымъ словомъ она не уломинала про отъѣздъ Нади, хотя срокъ этого отъѣзда миновалъ давно. Съ молодою дѣвушкой она держалась неизмѣнно ровно и ласково, часто благодарила ее за то что племянница такъ хорошо и старательно ходила за нею во время болѣзни, но во всемъ этомъ старушка на мѣрленно избѣгала воспоминанія о томъ что происходило между ею и Надей въ злополучный день пожара. Иногда только, когда Надя, отвернувшись отъ тетки, не могла видѣть ея лица, взглядъ Анны Григорьевны упорно приковывался къ молодой дѣвушкѣ, и въ этомъ взглядѣ были и тяжелое недоумѣніе и грустный укоръ.

Время шло, и Аннѣ Григорьевнѣ все труднѣе и невозможнѣе казалось рѣшиться на разлуку съ Надей. Недавняя болѣзнь создала между ею и племянницей новую, хоть и бессознательную, родственную связь. Нельзя же было считать чужою эту дѣвушку которая за всѣ эти двѣ недѣли выказывала ей вѣжную привязанность дочери. Надя простила ей нанесенную ей обиду какъ умѣютъ прощать тѣ лишь кого обида затронуть не могла, потому что сами они стоятъ выше упрёка. Мысль о какомъ-либо расчетѣ со стороны Нади и не приходила на умъ Аннѣ Григорьевнѣ. На то она слишкомъ хорошо знала Надю, знала что ея чистое, гордое сердце никогда не слускалось до расчета. И теперь ей придется расстаться съ молодою дѣвушкой, отпустить ее на неизвѣстное будущее или, скорѣе, на слишкомъ извѣстную, вѣрную гибель. Съ первыми же шагами за порогъ ея дома молодая дѣвушка подпадетъ снова подъ власть тяготѣвшую надъ нею такъ долго; да если она даже и уйдетъ отъ этой власти, развѣ ей не грозить другая, еще болѣе вѣрная, опасность? Развѣ ей дадутъ успокоиться и официальные подозрѣнія не станутъ тяготѣть надъ нею, не отнимутъ у нея всякую возможность освободиться отъ памяти своей прежней жизни? Что бы ни сдѣлала Надя, ей отъ этого прошлаго не уйти; ей неминуемо попасть на тотъ роковой путь на которомъ погибаетъ столько горячихъ молодыхъ существъ. И все это оттого лишь что самолюбіе тетки возмущилось отъ одной мысли о женитьбѣ на ней сына. Да, это было одно самолюбіе: всѣ доводы казавшіеся Аннѣ Григорьевнѣ такъ убѣдительно разлетались однимъ за другимъ. То въ чемъ она

еще такъ недавно видѣла голосъ безкорыстнаго материнскаго чувства, Анна Григорьевна стала называть теперь уже инымъ, настоящимъ именемъ.... И когда она вспоминала потому что отъѣздъ Нади приближается съ каждымъ днемъ, она не давала себѣ думать о немъ, создавала для него разные отсрочки и ей самой все яснѣе становилось что съ племянницей ее связываетъ уже не одно чувство долга, а что-то очень похожее на привязанность матери.

Она этому чувству однако поддалась не сразу. Последнй выводъ, на который помимо воли наталкивали ее обстоятельства, она сдѣлать не рѣшалась. Намъ часто кажется что мы спасаемъ себѣ свободу рѣшенія потому что упорно не хотимъ принести ту маленькую жертву которую давно отъ себя требуемъ сами. Но Анна Григорьевна дорого обходился этотъ остатокъ упрямства: мысль которую она силсилась отогнать возвращалась и все настойчивѣе требовала единственнаго возможнаго рѣшенія. Анна Григорьевна опять послала за Томилинымъ, въ надеждѣ что Федоръ Васильевичъ поддержитъ ея слабѣвшую рѣшимость.

„Прежде я совѣта ни у кого не спрашивала“, подумала она, горько улыбаясь, когда отослала къ Томилину записку съ просьбой захватить въ Бѣлые Столбы.

Федоръ Васильевичъ не оправдалъ ея ожиданій. Онъ горячо заступился за Надю, увѣряя что для любимаго сына такого клада ей не найти.

— Я не смѣлъ заговорить съ вами про Надежду Сергѣевну, сказалъ онъ.—Но у меня давно это на сердцѣ. Какъ ни пожалѣть когда подумаешь что она съ сынкомъ вашимъ могла бы быть такъ счастлива, а столько времени мается бѣдная!..

Томилинь и слышать не хотѣлъ про то что прошлое Нади могло служить помѣхой.

— Эхъ, повѣрьте мнѣ, Анна Григорьевна, кто изъ омута выбрался, тотъ по доброй волѣ въ него не вернется, развѣ его туда насильно втолкнутъ. Я ужъ, вы знаете, потакать не охотникъ всѣмъ этимъ задачамъ молодаго поколѣнія, какъ у насъ теперь выражаются, а все-таки доложу вамъ, такой барышни какъ Надежда Сергѣевна не отыскать. Самъ готовъ кажется за нее въ огонь...

— Да, я вижу вы всё отъ нея съ ума сходите, попробовала разсмѣяться Анна Григорьевна, но у старушки не легко было на душѣ. Чѣмъ ближе она подходила къ неизбежной уступкѣ, тѣмъ больнѣе было предъ нею смириться.

Но болѣзнь научила ее терпѣть и пошатнула ее гордость. Физическая немощь рѣдко обходится безъ того чтобы не смягчить черезчуръ неподатливую волю.. Выслушавъ Томила Анна Григорьевна ничего не возразила ему: про себя она уже почти съ нимъ соглашалась. Вечеромъ въ тотъ же день Надя бережно вошла въ кабинетъ, гдѣ теперь Анна Григорьевна большею частью оставалась послѣ обѣда, иногда цѣлые часы просиживая въ задумчивой неподвижности. Ей случалось даже просить чтобы ее оставляли одну; такъ было и въ этотъ вечеръ.

— Чтò тебѣ? увидавъ Надю спросила она, какъ бы оторванная отъ неутомной думы.

— Извините, тетущка, я знаю вы хотѣли чтобы васъ не тревожили, но мнѣ право надо сказать вамъ... (Голосъ Нади задрожалъ), теперь вамъ лучше и я уже здѣсь не нужна...

— Это чтò еще такое! почти гнѣвно оборвала ее тетка.

— Да мнѣ пора уѣхать, тетя. Вы помните мы тогда рѣшили что я останусь недѣлю... а съ тѣхъ поръ почти цѣлый мѣсяцъ прошелъ.

— Ну, а если я не захочу тебя лустить совсѣмъ?..

Анна Григорьевна выпрямилась въ креслѣ, но хотя ея слова звучали повелительно, ласка читалась на ея лицѣ и руки ея съ легкимъ дрожаніемъ протянулись къ молодой дѣвушкѣ.

— Не захотите? Да вы же сами, тетущка.... услѣла только проговорить удивленная Надя и уже была на колѣняхъ предъ теткой, которая нѣжно притягивала ее къ себѣ и принялась цѣловать ея опущенную голову.

— Ты останешься здѣсь, Надя, сквозь слезы проговорила Анна Григорьевна; совсѣмъ останешься... какъ моя дочь... ловимаешь теперь?

И Анна Григорьевна дала волю пробудившемуся телому чувству которое такъ долго сковывало растаявшее теперь упорство.

Надя не вѣрила ушамъ. Неужели счастье было такъ близко? Можетъ-быть Аннѣ Григорьевнѣ она показалась слегка холодною въ этотъ мигъ: радость не тотчасъ даетъ ростокъ въ сердцѣ которое жизнь не научила счастьемъ.

— Ну, а теперь лоди, зови его сюда, съ какою-то послѣдностью проговорила Анна Григорьевна, словно она торопилась безловоротно закрыть свое рѣшеніе. Ей хотѣлось радостью сына поскорѣ заглушить послѣдніе отголоски своей строптивой и такъ долго борющейся гордости.

XVIII.

There was a time I need not name
 Since it will ne'er forgotten be,
 When all our feelings were the same
 As still my soul hath been to thee.

Byron.

Володя тщетно ожидалъ что какой-нибудь счастливый случай поможетъ ему наконецъ снова повидаться съ Женечкой. Судьба такъ баловала его съ перваго же дня его знакомства съ молодою дѣвушкой что онъ сталъ твердо разчитывать на ея постоянное содѣйствіе. Но вотъ уже почти цѣлый мѣсяцъ прошелъ со дня его послѣдней встрѣчи съ нею и ожидаемая помощь не являлась. Женечка болѣе не пріѣзжала въ Бѣлые Столбы, а Володя уже не рѣшался отправиться въ Никольское. За то онъ сталъ придумывать самые трудноисполнимые планы, и его замечтавшееся воображеніе не останавливалось даже предъ мыслью о бѣгствѣ съ молодою дѣвушкой въ какой-нибудь дальній, благодатный край. Но иное дѣло задумать похищеніе, иное дѣло исполнить задуманное. Володѣ какъ-то все не удавалось облечь свои романтическіе замыслы въ житейскую прозу. Когда онъ бывалъ влохмѣ откровеннымъ съ собою, онъ даже сознавался что врядъ ли Женечка согласится съ нимъ уѣхать тайкомъ. И когда эти сомнѣнія у него возникали, Володя готовъ былъ обрушить свой гнѣвъ на обожаемую имъ маленькую чародѣйку, обвиняя ее въ томъ что она совершенно о немъ позабыла.

А Женечка и не думала про него забывать. Но правда и то что она и не пыталась вовсе страхнуть съ себя довольно шаткое иго мячихи. Елена Михайловна приняла между тѣмъ всѣ мѣры дабы положить конецъ свиданію молодыхъ людей, не давая однако падчерицѣ никакого повода къ прямому отпору. Слугамъ было строго запрещено принимать Володю еслибъ онъ вздумалъ явиться. Съ миссъ Финчъ Елена имѣла пространное объясненіе, въ которомъ съ необыкновенною, даже слегка рѣзкою ясностью, выразила ея свое неудовольствіе за допущенное сближеніе молодыхъ людей и свою твердую волю не дать этому сближенію уже

никакой лицу въ будущемъ. Добродушная гувернантка пробовала отвѣтить что по ея мнѣнью нѣтъ ничего предосудительнаго, если а young gentleman принятый въ домъ на короткой ногѣ совершаетъ прогулки съ молодою миссъ, такъ какъ въ Англіи это принято въ самыхъ аристократическихъ семьяхъ. Но Елена послѣшила возразить что Россія не Англія, да и въ отечествѣ миссъ Финчъ родители богатой невѣсты не пожелали бы чтобъ она влюбилась въ какого-нибудь младшаго сына не имѣющаго общественнаго положенія. Англичанка тотчасъ съ негодованіемъ отвергла возможность того чтобы такая дикая мысль пришла въ голову благовоспитанной миссъ, такъ какъ всѣмъ имъ извѣстно что за младшихъ сыновей богатыхъ невѣсты не выходятъ. Съ самою Женечкой Елена Михайловна вовсе не заводила рѣчи про Володю, благоразумно разсудивъ что лыкій нравъ избалованной дѣвочки едва ли подчивится ея волѣ. Елена знала очень хорошо что до сихъ поръ столкновеній между ею и ладчицей не было потому только что она своей власти никогда не давала чувствовать. За то она была неистощима въ придумываньи разныхъ предлоговъ чтобы не отлускать Женечку въ Бѣлые Столбы. Болѣзнь Анны Григорьевны пришлась ей очень кстати. Женечка понимала какъ нельзя лучше всю тщету этихъ предлоговъ, но и она предпочитала дипломатическую податливость явному неповиновенію. Ее возмutilо бы всякое рѣзкое стѣсненіе свободы; но ласковый, всегда мягкій голосъ Елены обезоруживалъ ея сопротивленіе. Да и зачѣмъ было Женечкѣ слѣзнуть и тревожиться? Въ шестнадцать лѣтъ жизнь широко стелется вперед; она не тѣснится къ одному узкому, тяжелому исходу, да и Женечка не вѣрила чтобы въ будущемъ что-либо могло омрачить для нея эту, пока солнечную, жизнь.

Терпѣніе Володи наконецъ допнуло. Послѣ долгихъ размышленій онъ наконецъ остановился на самомъ простомъ, но за то и на самомъ несбыточномъ средствѣ. Онъ просто осѣдлалъ своего жеребца и поскакалъ въ Никольское. Подъѣзжая къ нему, онъ ощущалъ ту же тревогу какъ и въ тотъ достопамятный, давнопрошедшій день, когда онъ впервые увидѣлъ Женю. Ему живо представился ея стройный, изящный обликъ, то простенькое черное платье въ которомъ она впервые предстала предъ нимъ, когда онъ стоялъ въ такой комической безпомощности предъ безмолвнымъ, негостепри-

имымъ домою. Онъ вспомнилъ какъ съ перваго взгляда на ея полудѣтское и въ то же время вызывающее личико онъ почувствовалъ что-то, чего не возбуждала въ немъ ни одна прежде видѣнная имъ дѣвушка. Какъ ласково и тепло искрились ея глубокіе черные глаза! Какимъ граціознымъ изгибомъ ложились на ея плечи висѣвшія за маленькими розовыми ушами богатая темная косы. Почему-то именно теперь эти образы заговорили въ немъ живѣе, какъ будто онъ теперь только появлялъ и ощутилъ всю ея ольняющую, юную прелесть. И глупые предрасудки самодурной мачихи,—такъ величалъ онъ въ эту минуту Елену Михайловну,—и эта нечѣлая ея власть надъ дорогою дѣвушкой могутъ лишить его, навсегда лишить того что дороже ему даже собственной семьи.

На этотъ разъ его опасенія сбылись. Дюжій ливрейный лакей со внушительными отвислыми бакенбардами объявилъ ему что барыни нѣтъ дома. Сдѣлавъ онъ это съ тѣмъ невозмутимымъ нахальствомъ какое является у слугъ когда они почему-либо думаютъ что господа не жалуютъ того съ кѣмъ имъ приходится говорить.

А между тѣмъ это была очевидная ложь, такъ какъ изъ оконъ втораго этажа доносились звуки Мендельсоновскаго калриччіо, любимой музыкальной піесы Елены. Володя тотчасъ узналъ ея отчетливую, нѣсколько сухую игру, такъ непохожую, какъ онъ думалъ, на сладкіе, нѣжные звуки рояля когда его касались пальчики Жени. На этотъ разъ ему однако показалось что игра Елены звучала какъ-то отрывисто, почти гнѣвно.

И въ самомъ дѣлѣ, въ причудливые, страстные аккорды Мендельсона она вливала собственную, наболѣвшую гнѣвную страсть. Несмотря на то что о предстоявшей женитьбѣ Дмитрія не было объявлено никому, на другой день вѣсть о ней уже достигла Никольскаго. Вѣсть эта не застала Елену врасплохъ: она давно предвидѣла эту развязку. Но совершившаяся бѣда совсѣмъ не то что ея ожиданія. Мстительная ненависть какъ долго тлѣвшій огонь вслыхнула на душѣ у Елены когда она узнала что другая станетъ женой любимаго человѣка и ничѣмъ этого уже не предотвратитъ. Ничѣмъ? Въ головѣ Елены вдругъ блеснула мысль что есть человѣкъ чье самолюбіе будетъ также уязвлено этою свадьбой какъ уязвлена ея любовь. Человѣкъ этотъ, насколько она его знала,

не былъ изъ тѣхъ кто прощаетъ обиды. А у него какъ разъ была въ рукахъ власть, съ помощью которой онъ могъ не только помѣшать свадьбѣ Нади, но почти вычеркнуть ее изъ числа живыхъ. Елена знала кое-что изъ прошлаго молодой дѣвушки: личныя впечатлѣнія дополняли отрывочныя свѣдѣнія полученные отъ исправника, а остальное досказывала женская догадливость. И тотчасъ Елена сказала себѣ что еслибы Надѣ пришлось теперь поплатиться за молодыя увлеченія, это было бы заслуженнымъ, хоть и позднимъ возмездіемъ. Семьѣ Корецкихъ будетъ даже оказана услуга,—такъ увѣряла она себя,—если рукой правосудія будетъ вырвана изъ ея среды эта вошедшая въ нее самозванка. Елена была не прочь подыскать самые благородныя и безкорыстныя мотивы для своего желанія уничтожить соперницу. Но себя ей было не легко обмануть. Да и къ чему было сочинять небывалыя побужденія? Съ неумолимою и черствою проноіей надъ собою Елена разсѣяла создаваемыя ею же прозрачныя поводы: вся ея безотрадная жизнь, завершенная послѣднимъ разочарованіемъ, давала ей право ненавидѣть людей и мстить имъ когда представится случай. Она написала двѣ строчки Боровскому, прося его побывать у нея въ Никольскомъ предъ отъѣздомъ.

Весь день она мысленно готовила свой наѣтъ на бѣдную дѣвушку. Она предвкушала свое торжество, говоря себѣ что Дмитрію не видать почти уже принадлежавшаго ему счастья. Елена услась за рояль, какъ бы отыскивая въ музыкѣ голосъ который ей могъ бы громко передать перелопачившее ее злобное наслажденіе. Но играть она долго была не въ силахъ: музыка рѣдко даетъ отголосокъ для бурнаго настроенія; страсть въ ней ищетъ исхода когда она начинаетъ стихать. Елена встала и принялась отыскивать книгу съ помощью которой она могла бы забыться: слишкомъ напряженное чувство приноситъ съ собою утомленіе. Ей попались случайно подъ руку два тома Мюссе переданные ей Володей и оставленные безъ вниманія на одномъ изъ столовъ гостиной. Полныя тревоги стихи Мюссе болѣе соответствовали теченію ея мыслей чѣмъ любимый ею Мендельсоновскій мотивъ. Едва она открыла книгу, изъ нея вылазъ вскрытый уже конвертъ, на которомъ она прочла адресъ: Надеждѣ Сергѣевнѣ Ольшевской. Почеркъ ея показался необыкновенно отрывистымъ и рѣзкимъ, однимъ изъ

тѣхъ мужскихъ почерковъ которымъ пишутъ люди съ безлокойною, хоть и сильною натурой. „Что, подумала она, если Надѣ это было писано однимъ изъ ея бывшихъ друзей?“ Что, если она можетъ-быть держать въ рукахъ ключъ къ загадочному прошлому молодой дѣвушки? Письмо задрожало въ ея пальцахъ. Ей неудержимо захотѣлось прочесть его. Но, вѣдь, это было почти то же что кража, это входило какъ разъ въ кругъ того чтò по ея понятіямъ рѣзко осуждалось какъ неблаговидный поступокъ. „Да развѣ важныя письма, тотчасъ подсказала ей податливая совѣсть, забываются между листами какой-нибудь книги?“ Совѣсть однако не договорила что ничего не значащаго письма ей незачѣмъ было и читать. Она быстро вынула его изъ конверта и прочла то самое чтò Неродовичъ писалъ Надѣ, вызывая ее на свиданіе. Лицо Елены оживилось злобною радостью. Она держала въ рукахъ доказательство вины молодой дѣвушки. Подписи не было, но содержаніе было достаточно ясно. Елена снова вложила письмо въ конвертъ и бережно спрятала въ ящикъ письменнаго стола.

Володя между тѣмъ быстро скакалъ по дорогѣ въ Бѣлые Столбы, вымещая свой гнѣвъ на бѣдномъ Солиманѣ. Встрѣтивъ брата съ Надѣй у воротъ усадьбы, онъ соскочилъ съ лошади, и съ пылающимъ лицомъ передалъ имъ взволнованнымъ голосомъ про свою неудачу. Онъ тотчасъ замѣтилъ что слова его не производятъ на нихъ ожидаемаго впечатлѣнія.

— Вы, вотъ, сказалъ онъ почти негодующимъ тономъ, — теперь вполне наслаждаетесь своимъ счастьемъ, а мнѣ-то каково, подумайте!... Эхъ, счастливые люди всегда эгоисты, добавилъ онъ, забывая про то, какъ мало его трогали чужія невзгоды, когда ему улыбалась судьба.

Дмитрій и Надя переглянулись.

— Ну, братъ, отвѣтилъ Дмитрій, улыбаясь, — положимъ, твое горе очень велико, но едва ли такъ ужъ безутѣшно.

— Ты думаешь я утѣшусь потерявъ Женечку? вслышалъ Володя, хоть онъ могъ бы припомнить, какъ за четыре мѣсяца предъ тѣмъ онъ тоже предавался отчаянію получивъ немилосердный отвѣтъ Нади на горячія мольбы своей, такъ скоро угаснувшей, страсти.

— Зачѣмъ же терять, милый мой, а главное, падать духомъ? Тебѣ двадцать три года, а ей шестнадцать. Право, что-то рано еще думать о женитьбѣ.

Но Володя и слышать не хотѣлъ про отсрочку.

— Подумай, настаивалъ онъ, — черезъ нѣсколько дней ея здѣсь не будетъ... Гдѣ и когда я ее опять увижу, если дамъ ей уѣхать, не рѣшивъ ничего на счетъ будущаго? Кто знаетъ? ее могутъ уговорить, обойти какъ-нибудь, вѣдь она почти ребенокъ.

Послѣдній доводъ не лишенъ былъ основательности и доказывалъ что Володя не совсѣмъ твердо вѣрилъ въ стойкость своей юной возлюбленной. Надя за него заступилась. Она хотѣла чтобы всѣ вокругъ нея были счастливы и совсѣмъ ей ужь не такъ несбыточною казалась женитьба Володи на шестнадцатилѣтней дѣвочкѣ.

— Ну, хорошо, сказалъ Дмитрій, — одну попытку мы еще сдѣлаемъ, хотя я и совершенно увѣренъ въ неудачѣ. Я съѣзжу въ Николаевское самъ; полагаю что меня пока еще не запрещено пускать. Я постараюсь убѣдить Елену Михайловну... ты, я думаю, знаешь что въ шестнадцать лѣтъ не выходятъ замужъ безъ согласія опекуновъ. Ну, а насчетъ согласія самой героини твоего романа вѣроятно сомнѣній нѣтъ?... А, впрочемъ, это ужь твое дѣло....

Володя принялся горячо увѣрять что между имъ и Женечкой все рѣшено, хоть и не было высказано никакихъ формальныхъ обѣщаній.

— Да они, вѣдь, и не нужны, быстро добавилъ онъ тономъ челоуѣка не совсѣмъ увѣреннаго въ своихъ словахъ. Только ты мнѣ вотъ что еще обѣдай: я дамъ тебѣ записку для нея, для Жени... всего нѣсколько строкъ... ну ты ихъ и передай ей, такъ, понимаешь, чтобы никто не видалъ... можетъ-быть она и отвѣтитъ. А то, право, слишкомъ грустно не видѣть ея и не знать даже что она дѣлаетъ...

На другой же день Дмитрій сдержалъ обѣщаніе и поѣхалъ въ Никольское. Онъ согласился взять съ собою крошечное письмоцо отъ брата къ молодой очаровательницѣ. Дмитрію весь этотъ полудѣтскій романъ казался до того невиннымъ что онъ согласился въ немъ играть неблагоприятную роль посредника. Да и не прочь онъ былъ оказать брату содѣйствіе; онъ хорошо сознавалъ что юная краса молодой дѣвушки могла вскружить и не такую влюбчивую голову.

Дмитрія грозный лакей Елены Михайловны не встрѣтилъ такъ же сурово какъ Володю. Его просили на верхъ, но въ гостиной онъ засталъ не Елену, а Женечку: хозяйка дома доканчивала какое-то письмо и велѣла сказать что сейчасъ

къ нему выдѣтъ. Женечка быстро поднялась съ мѣста увидѣвъ его.

— Наконецъ, сказала она, весело протягивая ему руку, — вы насъ совершенно забыли.

— И вы тоже, Евгенія Александровна, забыли кажется дорогу въ Бѣлые Столбы. А тамъ, вы знаете, есть кто-то кому очень тяжело васъ такъ долго не видать.

Она немного покраснѣла и не возражала ничего. Они стояли у открытой двери ведущей на террасу.

— Мой братъ завѣждалъ вчера сюда, но...

Она живо перебила его.

— Знаю, знаю, Дмитрій Алексѣвичъ... Мнѣ было такъ совѣстно, но, пожалуйста, не думайте...

Онъ улыбнулся.

— Вы помните, Евгенія Александровна, какъ мы съ вами договорились быть заодно? Что жъ, какъ вы думаете, союзъ этотъ все крѣпко держится?.. Ну, пожалуй, не отвѣчайте мнѣ словами. Я, вѣдь, и въ глазахъ читать умѣю.

Она нерѣшительно подняла на Дмитрія свое запылавшее теперь лицо.

— Скажите... вашему брату... проговорила она съ усиленіемъ, — и рѣшимость вдругъ блеснула въ ея бархатныхъ глазкахъ, — что до нашего отъѣзда мы съ нимъ непременно увидимся. За это я ручаюсь.

— А мнѣ какъ разъ поручено вамъ передать вотъ это, — и онъ досталъ изъ кармана записку Володи. — Согласитесь, улыбнулся онъ, — что для человѣка моихъ лѣтъ это странное порученіе. Вы не сердитесь на меня за то что я его принялъ?

Совсѣмъ не гнѣвомъ блеснули Женечкины глазки, когда ея слегка дрожащая ручка взяла и тотчасъ спрятала куда-то маленькій треугольный конвертикъ.

— Но у меня здѣсь и болѣе серьезное дѣло, продолжалъ онъ. — Я жду вашей мачихи чтобы передать ей одну важную просьбу... Вы догадаетесь отъ кого, такъ какъ просьба касается васъ. И потому мнѣ прежде всего надо знать ваше мнѣніе...

Но бѣдной дѣвочкѣ на этотъ разъ не пришлось отвѣчать: въ дверяхъ кабинета показалась Елена Михайловна. И въ движеніяхъ ея, и въ голосѣ и, казалось, въ самомъ платьѣ темнаго цвѣта плотно обхватывавшемъ ея стройную особу, было что-то строгое и непреклонное.

— Извините, я доканчивала письмо, сказала она, протягивая Дмитрію кончики пальцевъ, и сухая металлическая потка прозвучала въ ея голосъ.— Впрочемъ я вижу вамъ не было скучно. (Она украдкой взглянула на оживленное личико ладчицы.) Est ce que vous lui faites aussi la cour? прибавила она съ плохо скрытою провѣей.

Женечка тотчасъ скрылась на террасу. Дмитрій вслѣдъ за Еленой вошелъ въ кабинетъ. Онъ не переступалъ черезъ порогъ этой комнаты съ самаго того вечера когда въ первый и послѣдній разъ его губы страстно коснулись ея лица. Казалось это было такъ недавно, а теперь...

— Я почти должна спросить у васъ, начала она, усаживаясь въ кресло,—чему я обязана вашимъ неожиданнымъ прїѣздомъ? Вы такъ разучились бывать въ Никольскомъ...

— И на этотъ разъ, Елена Михайловна, причина есть и даже очень серіозная причина.

Она указала ему на стулъ возлѣ себя.

— Тѣмъ лучше. Это предвѣщаетъ мнѣ длинный разговоръ.

Въ любезныхъ словахъ все еще слышалась какъ будто насмѣшка.

Дмитрій тотчасъ безъ предисловія приступилъ къ дѣлу. Елена слушала его не перебивая и на лицѣ ея не отразилось никакого впечатлѣнія.

— Вы кончили, Дмитрій Алексѣевичъ? спросила она все съ тѣмъ же спокойствіемъ когда Дмитрій досказалъ ей о просьбѣ брата которую взялся передать.—И вы говорите все это такъ просто какъ будто рѣчь идетъ о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ. Вы хотите, чтобъ я дала свое согласіе на свадьбу вашего брата съ моею ладчицей? И вы не сомнѣваетесь даже можетъ-быть что я это согласіе дамъ? Ну, вотъ видите, я буду съ вами также пряма и откровенна, какъ вы со мною. Я нахожу что въ дѣлахъ Жени думаютъ еще объ учителяхъ, а не о замужествѣ. Я убѣждена что такой умный человекъ какъ вы поймете это не хуже меня.

Слова Елены становились можетъ-быть еще язвительнѣе отъ того ровнаго, холоднаго тона которымъ они были проговорены. Но Дмитрій все еще не считалъ свое дѣло проиграннымъ.

— Я никогда и не помышлялъ о немедленной свадьбѣ, отвѣтилъ онъ.—Молодые люди могутъ подождать годъ или даже два. Я заговорилъ про это теперь для того только, что-

бы Волода имѣлъ право съ вашего согласія видѣться со своею будущею невестой.

Губы Елены сложились въ странную улыбку и на мигъ она пристально взглянула на Дмитрія.

— То-есть, другими словами, заговорила она, помолчавъ нѣсколько секундъ,—вы хотите чтобы будущность моей падчерицы была связана напередъ даннымъ словомъ, хотя бы она теперь и не могла еще сдѣлать сознательный выборъ?

— Бываютъ обстоятельства выходящія изъ ряда вонъ. Жизнь въ деревнѣ сблизила молодыхъ людей короче и скорѣе чѣмъ это случилось бы при иной обстановкѣ. Зачѣмъ же портить ихъ будущее изъ-за того только что они молоды? Вспомните, Елена, что было съ нами: развѣ ваша жизнь и моя тоже не была испорчена надолго изъ-за упрямства вашей мачихи?

Последнія неосторожныя слова взорвали Елену Михайловну.

— Вы, кажется, ужъ теперь меня сравниваете съ Клеопатрой Андреевной, проговорила она, не сдерживая гнѣва.—Благодарю васъ! Ваша жизнь, насколько мнѣ извѣстно, испорчена не была. Вы мирно путешествовали за границей, изучали тамъ, если не ошибаюсь, агрономію, что не служитъ признакомъ особаго горя, а теперь, кажется, вамъ будущее улыбается влохвъ.

Несмотря на этотъ ясный намекъ, Дмитрій сдѣлалъ видъ будто не появля.

— Не обо мнѣ идетъ рѣчь, Елена Михайловна, сказалъ онъ.

— Да; вы правы, перебила она его, злобно засмѣявшись,—мы говорили про вашего брата. Если онъ воспользовался тою короткостью отношеній какую создаетъ иногда случайно деревенская жизнь для того чтобы вскружить голову шестнадцатилѣтней дѣвчкѣ, которая, мимоходомъ сказать, очень богатая невеста, то это ему не дѣлаетъ чести. Повторите ему мои слова, пожалуйста. А вамъ я скажу что мнѣ кажется страннымъ ваше посредничество въ такомъ дѣлѣ гдѣ вы, по крайней мѣрѣ, не увлекаетесь безкорыстнымъ чувствомъ любви.

Елена намбренно подчеркивала обидный смыслъ каждаго изъ своихъ рѣзкихъ, отрывистыхъ словъ. Кровь бросилась въ лицо Дмитрія; онъ вскочилъ со стула, но Елена продолжала, не давая ему заговорить:

— Вы тотчасъ увѣрили меня что Жена отвѣчаетъ... на любовь вашего брата. Я не знаю какимъ образомъ вы успѣли въ этомъ убѣдиться. Но во всякомъ случаѣ ваши же

слова доказываютъ что прѣзжая ко мнѣ въ домъ, вы тайно отъ меня переговариваетесь съ моею ладчерицей, которая почти еще ребенокъ, и все это для того, разумеется, чтобы дать ей понять всю глубину безкорыстнаго чувства вашего брата...

Все это Елена проговорила не сводя съ Дмитрія глазъ, и хотя ее голосъ оставался ровнымъ и низкимъ, слова ее звучали почти какъ удары хлыста.

— Я думаю, Елена Михайловна, сухо возразилъ Дмитрій, — вамъ не придется впредь жаловаться на то что я злоупотребляю вашимъ гостепріимствомъ!

— Какъ вамъ будетъ угодно, холодно отвѣтила она, не двигаясь съ мѣста и слегка только кивнула головой, когда онъ отвернулся.

У выхода на лѣстницу Дмитрій встрѣтилъ Женечку. Она его поджидала.

— Чтѣ жъ? Дурныя извѣстія? спросила она, угадавъ по его лицу что Дмитрій и Елена не пришли къ соглашенію.

— Для васъ, Женя, отвѣтилъ онъ ласково, — хорошаго все-таки много впереди; жизнь ваша такъ широка. Но жаль васъ за то что вамъ приходится зависѣть отъ этой женщины.

— Мнѣ отъ нея зависѣть! — Широко открывшіеся глазки Женечки такъ и говорили о твердости рано выросшей ея воли. — Она можетъ насильно залереть меня въ комнату, но заставить меня сдѣлать по своему никогда! И хотите я сейчасъ вамъ докажу это? Она вамъ отказала, неправда ли? А я... скажите вашему брату... нѣтъ, лучше я сама скажу.

— Какая вы милая. — И онъ съ чувствомъ поцѣловалъ ее тонкую ручку. — Ну, хотите я сообщу вамъ одну тайну? Вамъ одной только?

И онъ сказалъ ей про свою помолвку. Женечка захлопала руками.

— Какъ я рада, за васъ и за нее! воскликнула она. — Я такъ ее люблю. Скажите это.

Едва Дмитрій вышелъ на крыльцо, Елена растворила дверь изъ гостиной и увидала Женечку все еще стоявшую на верхней ступени лѣстницы.

— Чтѣ ты здѣвъ дѣлаешь? спросила она рѣзко. — Ты опять съ Дмитріемъ Алексѣвичемъ разговаривала?

Елена была такъ раздражена послѣ своего объясненія съ Дмитріемъ что не могла уже сдерживаться съ молодою дѣвушкой. Но и Женечка не была расположена къ уступчивости.

— Да. Я съ нимъ разговаривала, отвѣтала она,—и буду это дѣлать всякій разъ какъ представится случай. Съ какихъ поръ запрещено разговаривать съ хорошими знакомыми?

— Корецкіе для насъ уже не хорошіе знакомые. И ты ихъ больше у меня не увидишь.

— Въ такомъ случаѣ я поѣду къ нимъ.

Пылавшіе глаза Женечки почти въ упоръ глядѣли на мачиху.

— Къ нимъ? Вотъ какъ! Коли ты со мною забываешься, я тебѣ съ нынѣшняго же дня запрещаю выходить изъ дому безъ миссъ Финчъ и гдѣ-либо гулять кромѣ сада.

Но иногда бываетъ опасно слишкомъ давать чувствовать свою власть, и Еленѣ Михайловнѣ пришлось это тотчасъ измытать. Въ отвѣтъ на ея слова Женечка громко расхохоталась.

— Ну это мы посмотримъ, сказала она.—Вы забываете что вы мнѣ не мать и что настоящая хозяйка здѣсь—я.

Проговоривъ это молодая дѣвушка стрѣлой сбѣжала съ дѣтницы и, схвативъ на пути шпалку, забытую въ сѣняхъ, тотчасъ направилась въ конюшню.

— Осѣдай мнѣ лошадь, приказала она своему тѣлохранителю, маленькому Васѣ.

— Кому же прикажете съ вами поѣхать, барышня? спросилъ тотъ.

— Никому. Я поѣду одна.

— Да какже-съ?... Ея превосходительство строго запретили.

Женечка такъ разсердилась что даже толкнула ножкой.

— Ты меня долженъ слушаться, рѣшительно воскликнула она,—я здѣсь госпожа, а никто иной.

И убѣдившись въ томъ что Вася принялся чистить и сѣдлать лошадь, Женечка поѣжала домой переодѣваться.

XIX.

Ея не знаетъ свѣтъ—она еще ребенокъ;
Но очеркъ головы у ней такъ чистъ и тонокъ.
И столько томности во взглядѣ кроткихъ
глазъ

Что дѣтства мирнаго послѣдній баюбокъ
часть.
Фетъ.

Дмитрій засталъ брата въ какой-то таинственной бесѣдѣ съ кучеромъ. Володя казался взволнованнымъ, и почему-то сконфуженный, тотчасъ оборвалъ разговоръ.

— Ты съ недобрыми вѣстами, сказалъ онъ Дмитрію, проходя съ нимъ въ садъ.—Признаюсь, я этого ожидалъ.

Дмитрія удивило равнодушіе съ которымъ Володя его выслушалъ.

— Я зналъ что отъ этой своеправной бабы толка не добиться, сквозь зубы пропустилъ молодой человекъ.—Ну, да это ничего. Увидимъ еще чья возьметъ.

И гнѣвнымъ ударомъ хлыста онъ сорвалъ лышый цѣтокъ мохровой георгины. Очевидно было что Володя кое-что затѣвалъ. Онъ смотрѣлъ такъ самоувѣренно и таинственно что должно-быть крѣпко надѣяться на успѣхъ придуманнаго имъ средства. Но Володя не былъ изъ тѣхъ кто умѣетъ долго хвастать про себя завѣтную тайну, и Дмитрію не особенно трудно было довести его до признанія.

— Я увезу ее отсюда, вотъ что, съ пылающимъ лицомъ, съ гнѣвными навязать зрачками объявилъ онъ брату.—Тройка насъ будетъ ждать на большой дорогѣ и мы съ ней прямо укачемъ въ городъ къ вечернему поѣзду. Словатится Елена Михайловна, да будетъ поздно!

Дмитрій не вѣрилъ ушамъ, такъ неожиданна была пылая отвага Володи.

— Объ этой рыцарской затѣѣ ты должно-быть и писалъ ей? спросилъ онъ брата.—Спасибо за то что поручилъ мнѣ отвезти ей такое милое предложеніе.

— Нѣтъ, я и не заикался объ этомъ въ запискѣ, слегка запинаясь, отвѣтилъ Володя.—Но мы съ нею еще увидимся, и я ей докажу что иного исхода быть не можетъ.

— Ты просто съ ума сошелъ...

— Что жъ ты думаешь, она не согласится? горячо и тревожно воскликнулъ молодой человекъ.

— Кто ее знаетъ... За шестнадцатилѣтнюю дѣвочку поручиться нельзя. Да не въ ея согласіи дѣло. Совѣтую тебѣ эту дурь выбросить изъ головы.

— Вотъ какъ! Ты что ли мнѣ помѣшать собираешься?

— Непремѣнно. Можешь быть въ томъ увѣренъ, и по весьма простой причинѣ: богатыхъ невѣстъ порядочные люди не увозятъ.

Володя не нашелъ что отвѣтить и только остановилъ на братѣ свой удивленный взглядъ. Съ этой точки зрѣнія онъ очевидно не обсудилъ еще задуманнаго имъ плана.

— Еслибы Женечка была бѣдная дѣвушка, продолжалъ Дмитрій,—а бы тебя не осудилъ; кто знаетъ, можетъ-быть

даже помочь бы. Я, вѣдь, не пуританинъ, и не вижу причины покоряться упрямству самодурной мачихи. Но Женечка наслѣдница большаго состоянія, и посуды самъ, какъ всѣ будутъ въ правѣ оцѣнить твой постулокъ....

Володя повурилъ голову. На этотъ доводъ у него не было возраженій.

— Не падай духомъ, милый мой, олять заговорилъ Дмитрій, кладя ему руку на плечо.—Отсрочка не велика бѣда. А тебѣ право еще рано думать о свадьбѣ. У тебя есть надежный союзникъ, сама Женечка, и съ этою мыслию ты можешь спокойно глядѣть на будущее.

Долго еще Дмитрій утѣшалъ брата, ходя съ нимъ взадъ и впередъ по аллеямъ сада. Володя ему не возражалъ. Онъ чувствовалъ что Дмитрій былъ правъ, хотя и не сознавался въ этомъ, и горе молодаго человѣка искало себѣ облегченія въ укорахъ судьбѣ, не хотѣвшей ему дать того чего онъ такъ страстно желалъ.

Вдругъ на дворѣ послышался толотъ подскакавшей лошади. Черезъ минуту скрипнула калитка и въ ней показалась стройная фигура дѣвушки въ темносиней амазонкѣ.

— Женя!... Неужели это вы!... вырвалось у Володи радостное восклицаніе. Онъ бросился къ ней, не помня себя отъ восхищенія.

Румянецъ ярче обыкновеннаго игралъ на свѣжихъ щечкахъ молодой дѣвушки. Вѣда верхомъ, да и смущеніе тоже вызвало краску на ея лицѣ. Телерь, когда она сдѣлала по своему, лыкая рѣшимость въ ней какъ будто улеглась, и словно робость овладѣла ею. Ея постулокъ телерь казался ей чѣмъ-то необычайнымъ, почти неприличнымъ. Она продолжала стоять не двигаясь съ мѣста, съ приподнятымъ шлейфомъ амазонки на лѣвой рукѣ.

Никогда она еще не казалась Володѣ такою очаровательною, какъ именно въ эту минуту. Темносиній лифъ туго стягивалъ ея изящный дѣвственныи станъ. Залетѣнныя на затылкѣ косы выбились во время вѣды и сбѣгали по ея тонкимъ плечамъ. Стройныя ножки, обутыя въ высокія ботинки, глядѣли изъ-подъ складокъ амазонки.

— Ну вы однако молодецъ, Евгенія Александровна, улыбулся Дмитрій, здороваясь съ нею,—признаюсь, не ожидалъ такъ скоро васъ олять увидѣть.

— Я же вамъ сказала что пріѣду въ Бѣлые Столбы.— Слово свое я держу всегда.

Несмотря однако на эти слова и на сопровождавшій ихъ открытый взглядъ большихъ черныхъ глазъ, робость не покидала Женечку, и она медленно, какъ будто не рѣшаясь идти далѣе, послѣдовала за братьями. Молодая дѣвушка съ Володей усѣлись на скамейкѣ прямо противъ дома; Дмитрій продолжалъ разговоръ стоя.

— Съ кѣмъ же вы пріѣхали? спросилъ онъ. — И какъ же васъ сюда пустили?

Она покраснѣла еще больше, объясняя ему, какъ все было. Взглядъ ея при этомъ какъ будто просилъ Дмитрія пощадить ее.

Избытокъ радости какъ будто сковалъ языкъ Володи: и онъ тоже почти оробѣлъ глядя украдкой въ нѣмомъ восторгѣ на сидѣвшую рядомъ съ нимъ милую дѣвушку. Теперь на яву исполнилось то о чемъ за полчаса предъ тѣмъ онъ не смѣлъ и мечтать, и молодой человѣкъ словно пугался своего счастья.

Можно было бы даже подумать что не онъ, а Дмитрій особенно радъ пріѣзду Женечки. По крайней мѣрѣ Дмитрій говорилъ съ нею съ такою дружескою лаской, веселая улыбка такъ озаряла его лицо, что они, казалось, совершенно поглощены другъ другомъ. Впрочемъ, они и были уже давнишніе пріатели. Его непринужденность скоро разогнала налетѣвшее было на нее смущеніе.

— Кто бы могъ подумать, говорилъ онъ, — что въ этой маленькой капризной головкѣ столько твердости и воли?

— Ахъ, Дмитрій Алексѣевичъ, съ полною откровенностью отвѣтила она, разсмѣявшись, — когда я подѣзжала къ Бѣлымъ Столбамъ, мнѣ вдругъ такъ страшно показалось что я готова была повернуть назадъ.

— Ну, а теперь не страшно?

Женечка задумчиво покачала головой.

— Нѣтъ, только совѣство немного, произнесла она нерѣшительно, — вѣдь что обо мнѣ подумали бы въ Петербургѣ еслибъ узнали...

— Ну, до Петербурга далеко; а здѣсь васъ, я думаю, не осудятъ... А что до меня касается, я бы за это готовъ къ вашимъ ножкамъ уласть или стихи для васъ сочинить или еще сдѣлать какую-нибудь несообразность...

Женечка опять разсмѣялась. Глазки у ней заискрились обычнымъ, беззаботнымъ огонькомъ.

— А теперь вотъ что я вамъ скажу, Евгенія Александровна: — не для того вы, я думаю, сюда пріѣхали чтобы съ

такимъ старикомъ, какъ я, бесѣду вести. Предпочитаю исчезнуть, пока меня не голятъ.

И отвѣсивъ ей глубокій, комическій поклонъ, Дмитрій подъялся на террасу дома. Женечка улыбулась ему вслѣдъ, но тотчасъ затѣмъ потупилась.

— Я не знаю, какъ и благодарить васъ, взволнованнымъ, слегка дрожащимъ голосомъ заговорилъ теперь Володя.

Она подняла на него свои олущенные глаза. Въ нихъ было полное откровенное признаніе любившей дѣвушки, которая безъ оглядки и безъ колебанія отдаетъ все свое будущее счастье.

— За чтò жь меня благодарить, проговорила она тихо. — Я сказала вашему брату что привезу отвѣтъ сама, ну вотъ я и привезла...

Онъ наклонился къ ней, взявъ обѣ ея руки въ свои и чуть слышно прошепталъ.

— Отвѣтъ?... на то чтò братъ сегодня говорилъ Еленѣ Михайловнѣ?..

Онъ все еще хотѣлъ подтвержденія, какъ будто не довольно яснымъ отвѣтомъ было ея присутствіе здѣсь, вдвоемъ съ нимъ въ Бѣлостолбовскомъ саду.

— Ну, да; ну, да, вся покраснѣвъ выговорила она.

Онъ еще ближе наклонился къ ней, еще менѣе внятнымъ сталъ его голосъ.

— Вы будете моею женой?..

Теперь онъ уже не требовалъ отвѣта, да и Женечка не была въ силахъ дать его. Онъ только притянулъ къ своимъ губамъ обѣ ея похолодѣвшія руки.

Кровь стучала у него въ вискахъ. Страстное желаніе крѣпко обнять ее такъ и блестѣло въ его взглядѣ, но здѣсь почему-то, здѣсь, гдѣ она была въ его власти, въ его родномъ домѣ онъ не смѣлъ рукой прикоснуться до ея стана. Она довѣрилась ему, и онъ ни за чтò не злоупотребить этимъ довѣріемъ. Онъ выпустилъ ея ручки изъ своихъ и оба они невольно, какъ бы ловинуясь одинаковому внушенію, чуть замѣтно отстранились другъ отъ друга. Имъ обоимъ показалось что они какъ будто выросли въ этотъ мигъ, и дѣтство отъ нихъ словно отлетѣло. И съ полною серіозностью совершенно взрослыхъ людей, для которыхъ жизнь уже не шутка, они стали заглядывать въ будущее. Володя и Женечка говорили о немъ спокойно и разчетливо какъ о чемъ-то совсѣмъ отъ нихъ зависащемъ. Съ увѣренностію людей которые и не сомнѣ-

ваются въ томъ что это будущее устроится именно такъ какъ они этого хотятъ, молодые люди подробно и отчетливо рѣшали какъ они будутъ каждую зиму только на три мѣсяца прѣзжать въ Петербургъ и станутъ они жить тамъ скромно и разсудительно, хотя у нихъ будетъ ложа въ оперѣ и въ Михайловскомъ театрѣ и раза по два въ недѣлю они будутъ принимать гостей, но конечно самыхъ близкихъ. А все остальное время года они будутъ проводить въ деревнѣ, гдѣ Волода сдѣлается примѣрнымъ хозяиномъ и такимъ предводителемъ какихъ еще не бывало на Руси. Отъ времени до времени они впрочемъ станутъ ѣздить за границу гдѣ Женечка еще не была; она уломянула про это завѣтное свое желаніе съ уступчивою осторожностію, но Волода тотчасъ же сталъ ей горячо вторить и оба согласились насчетъ того что путешествіе будетъ длинною цѣлью наслажденій и восторговъ. При этомъ они забывали только одно, про Елену Михайловну и про совершенную невозможность осуществить эти радужныя мечты ранѣе извѣстнаго, довольно продолжительнаго срока. А между тѣмъ пока они строили свои воздушныя замки, воображеніе ихъ разгоралось и все ярче рисовало имъ ту райскую безоблачную жизнь которую создадутъ они другъ для друга. Все живѣе чувствовали они что главное въ этой жизни не путешествія, не красоты природы, не Петербургъ и даже не деревня, а вѣчная неразрывная близость, при которой они сольются какъ бы въ одно существо. Остальное все блѣднѣло и ступшевывалось при одной этой жгучей мысли. И вдругъ неизвѣстно почему имъ стало какъ будто неловко. Дрожь пробѣжала у нихъ по спинѣ несмотря на знойный день. Глаза у нихъ горѣли. Пульсъ бился сильнѣе. Женечкѣ показалось что ей какъ-то жутко, даже немного страшно. Она медленнао приподнялась съ мѣста. Ноги ей едва повиновались, точно гири приковали ихъ къ землѣ.

— Мнѣ слѣдовало бы Надю поздравить, нервнительно проговорила она.

Въ этотъ самый мигъ Надя оказалась на террасѣ: она вела подъ руку Анну Григорьевну. Дмитрій слѣдовалъ за ними.

Анна Григорьевна пошла на встрѣчу къ Женечкѣ и ласково обняла ее, пока Дмитрій подкатывалъ ей мягкое кресло на колесахъ.

— Вы еще похорошѣли, душенька, съ тѣхъ поръ какъ мы васъ не видали здѣсь, сказала Анна Григорьевна и усѣлась въ кресло.

На Женечку появленіе Анны Григорьевны подѣйствовало какъ напоминаніе той дѣйствительности про которую за минутой предъ тѣмъ она совершенно забывала. Но Володя все еще былъ въ возбужденно-радостномъ настроеніи которое не допускаетъ чтобы существовали на свѣтѣ преграды желаніямъ.

— Поздравьте насъ, мама, подошелъ онъ къ Аннѣ Григорьевнѣ,—мы съ нею—женухъ и невѣста.

— Не слишкомъ ли ты мой другъ торолишься? съ ласковымъ укоромъ отвѣтила ему мать.—Про свадьбу пока рано помышлять. Женя собою располагать не можетъ.

Женечка, какъ будто обиженная этимъ, тотчасъ возразила что она дала слово Володѣ.

— Зачѣмъ себя такъ долго напередъ связывать? мягко обратилась къ ней Анна Григорьевна.—Вы вотъ наднахъ увѣжаете съ Еленой Михайловной за границу...

— Всего на два мѣсяца, живо перебила ее Женечка.

Анна Григорьевна улыбулась.

— Ну, а потомъ все-таки подождать придется можетъ-быть годъ, можетъ-быть и больше.

Годъ или больше! Да, это была совершенная правда. Женечка опустила голову, сознавая что все о чемъ они съ Володей толковали были пока неосуществимыя мечты. Надя подошла къ Женечкѣ и поцѣловала ее.

— Я тебя не поздравила еще, мой другъ, сказала ей Женечка вполголоса и увела ее немного въ сторону: ей казалось что у Нади она встрѣтитъ какъ разъ особенно теплое сочувствіе къ себѣ, что подруга сумѣетъ понять ее совершенно иначе чѣмъ другіе. Вѣдь Надя тоже любила и тоже должна была долго бороться чтобы завоевать себѣ счастье.

— А я вотъ что придумалъ, заговорилъ Дмитрій, приходя на помощь брату, который теперь уже совсѣмъ растерянный молча стоялъ предъ нѣмъ.—Дѣдушка Петръ Николаевичъ отказался отъ опеки надъ Женечкой и она имѣетъ право выбрать себѣ другаго опекуна. Пусть она попроситъ графа Сергѣя Борисовича.

— Какъ! это старое чучело?

— Да, это старое чучело, какъ ты выражаешься, одинъ изъ самыхъ благородныхъ характеровъ съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться. А онъ вдобавокъ имѣетъ на Елену Михайловну большое вліяніе: это можетъ-быть единственный человѣкъ котораго она послушается.

Когда Женечкѣ было передано то что задумалъ Дмитрій, она сначала и слышать не хотѣла про стараго графа. Мысль о томъ что отецъ Бориса станетъ ея олекумомъ ее пугала. Но Дмитрій уговорилъ ее очень скоро.

— Вы знаете, сказалъ онъ,—что графъ готовъ изъ кожи лѣзть за каждую пару хорошенькихъ глазокъ. Повѣрьте мнѣ, онъ станетъ за васъ горой.

Извѣстныя рыцарскія наклонности Сокольниковскаго не допускали и мысли чтобъ онъ сталъ пользоваться своими опекуновскими правами въ интересахъ сына. Всѣ согласились съ Дмитріемъ; это былъ дѣйствительно самый лучший исходъ.

— Лишь бы графъ согласился, вотъ что, предостерегалъ Дмитрій.

— Ну за это я ручаюсь, сверкнула глазками Женечка: кокетливость въ ней тотчасъ заговорила.

Молодость обнадежить не трудно. Женечка и Володя утѣшились тѣмъ что предъ ними была хоть какая-нибудь дорога, она ужъ непременно ихъ къ цѣли приведетъ: въ этомъ они разумѣется не сомнѣвались. Когда именно цѣль будетъ достигнута, они у себя пока не спрашивали. А конечно при содѣйствіи графа и еще болѣе съ помощью того могучаго союзника измѣны котораго никогда не допускаетъ молодость, ждать имъ придется не долго. Да и само настоящее развѣ не было хорошо?

Слишкомъ часъ прошелъ въ той прелестной, безсодержательной болтовнѣ, отъ которой ни одно слово не остается въ памяти, но за то надолго сохранится на сердцѣ какое-то легкое праздничное ощущеніе. Это былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ свѣтлыхъ часовъ которые выдѣляются въ жизни, будто для нихъ вѣтъ ни прошлаго, ни будущаго и освѣщены они яркимъ солнцемъ какъ освѣщаются имъ среди неба бѣлыя вершины горъ. Молодые люди забыли и про Елену Михайловну, и про отъѣздъ Женечки, и про всѣ ожидавшія ихъ препятствія. Но вдругъ среди веселаго смѣха Женечка спохватилась что должно-быть ужъ очень поздно, что нельзя же ей на цѣлый день пропадать изъ дому.

Дмитрій и Володя объявили что проводятъ ее верхомъ до Никольскаго. Всю дорогу они болтали и смѣялись какъ будто ихъ не ожидала быть-можетъ долгая разлука. И когда минута прощанія настала, когда предъ ними показались, вылаивая изъ ласкаго оврага, избы Никольскаго, въ этомъ прощаньи не было ни горя, ни тревоги.

— До свиданья въ Петербургъ, твердила Жемечка.

— Еще бы, конечно, вторилъ ей Волода,—ужь какъ-нибудь да увидимся.

Между тѣмъ объясненіе совершенно иного рода происходило въ маленькой гостиной Елены Михайловны. Боровской подѣхалъ къ Никольскому какъ разъ въ то время когда Жемечка, пустивъ лошадь галопомъ, проскакала черезъ ворота усадьбы. Поровнявшись съ нею, Боровской поклонился, слегка удивленный тѣмъ что она одна.

— Знаете, я только-что встрѣтилъ Евгенію Александровну верхомъ, сообщилъ онъ Еленѣ, входя въ маленькую угловую гостиную.

Елена Михайловна тотчасъ позвонила и была не мало изумлена узнавъ что барышня приказали себѣ осѣдлатъ лошадь и не пожелади взять съ собой никого.

— Доложить мнѣ когда Евгенія Александровна вернется, сказала Елена отпуская лакея.

Въ сущности постулокъ Жемечки ее занималъ гораздо меньше того о чемъ ей приходилось говорить съ Боровскимъ.

— Я долго не былъ у васъ, началъ онъ усаживаясь,—но вы должны меня извинить. Я такъ былъ заваленъ работой въ послѣднее время, въ виду сдачи должности.

— Да, мнѣ говорили. И какъ должно-быть тяжело заниматься этими политическими дѣлами!—Елена поправила складку на своемъ платьѣ и проговорила эти слова совершенно тѣмъ же тономъ какимъ выражаютъ сожалѣніе о смерти незнакомаго родственника.—Особенно, добавила она,—когда въ нихъ могутъ быть замѣшаны знакомые.

— Этого мнѣ пока не случалось; а вѣдь разборчивъ на знакомства, попробовалъ онъ отшутиться.

— А вся эта исторія въ Бѣлыхъ Столбахъ? совершенно невиннымъ тономъ продолжала Елена.—Я думаю вамъ не особенно пріятно было производить дознание у Анны Григорьевны, съ которою вы такъ дружны?

Елена была изъ числа тѣхъ немногихъ женщинъ—которыя хорошо знаютъ офиціальныя термины и даже немного щеголяла этою мудростію.

— Волервыхъ, моя дружба къ Аннѣ Григорьевнѣ совсѣмъ ужь не такого близкаго свойства (онъ произнесъ это съ отъѣвкомъ раздраженія), а вовторыхъ, я ровно никакого дознанія въ Бѣлыхъ Столбахъ не производилъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—Елена посмотрѣла на него съ приторнымъ удивленіемъ.—Я кажется слышала что тамъ была накрыта цѣлая шайка и что даже племянница Авы Григорьевны оказалась немного замѣшанною въ тамошнихъ безпорядкахъ.

Боровскому невзрывный взглядъ Елены Михайловны показался чересчуръ провидательнымъ, и онъ даже уклонился отъ пристальныхъ лучей ея умныхъ глазъ.

— Мнѣ такъ жаль бѣдную Анку Григорьевну, продолжала Елена,—она приняла къ себѣ въ домъ эту молодую дѣвушку какъ родную дочь, не смотря на то что у Нади было такое странное прошлое. Вѣдь не правда ли, вы тоже про это слышали? Мнѣ всегда грустно бываетъ, когда я вижу что такимъ хорошимъ людямъ приходится страдать за свое доброе сердце.

Николая Осиповича смутить было нелегко. Но и ему жутко пришлось отъ наивныхъ разспросовъ Елены.

— Я думаю вы ошибаетесь, сказалъ онъ.—Анна Григорьевна нисколько не раскаивается въ томъ что взяла къ себѣ Надежду Сергѣевну.

— Да, улыбулась Елена,—ей даже пришлось согласиться на женитьбу старшаго сына. Какъ? вы даже не слышали что свадьба Дмитрія съ Надей рѣшена?

Бѣдные глаза Боровскаго на мигъ блеснули: онъ еще не зналъ о помолвкѣ Дмитрія.

— Но за это именно я и сожалею о бѣдной Анкѣ Григорьевнѣ, неумолимо продолжала Елена.—Каково ей было, я думаю, давать согласіе на такую свадьбу!

— Вы это знаете... положительно?

На этотъ разъ голосъ Боровскаго дрогнулъ.

— Совершенно положительно.

„Я его заставаю выдать себя“, промелькнуло у нея въ мысляхъ.

Боровской невольно пододвинулъ свой стулъ къ креслу Елены.

— Чтò жь, это прекрасная развязка, сказалъ онъ съ плохо скрытымъ раздраженіемъ.—Молодая дѣвушка, о которой вы такъ беспокоитесь, такимъ образомъ по крайней мѣрѣ спасена.

Изъ-за чего она хлопочеть? спрашивалъ онъ между тѣмъ самого себя.

— Какъ? въ честную семью втерлась двусмысленная личность, и вы это называете счастливою развязкой? И вы не видите что всѣ порядочные люди обязаны раскрыть Корейскимъ глаза пока еще время?

— Я не считаю себя въ правѣ вмѣшиваться въ чужія семейныя дѣла, сдержанно проговорилъ Боровской, а мозгъ его, не смотря на кажущееся равнодушіе его словъ, усиленно работалъ надъ разрѣшеніемъ задачи, не можетъ ли быть въ самомъ дѣлѣ разстроена эта ненавистная свадьба?

— Мушкетеры всегда такъ говорятъ, съ укоромъ возразила Елена.—А вѣдь бываютъ случаи, когда такое невмѣшательство по моему преступно. На что же наконецъ у насъ есть власть, есть судъ, если дѣвушка замѣшанная въ пролапандѣ можетъ какъ ни въ чемъ не бывало дѣлаться женой честнаго человѣка.

— Власть и судъ! желчно разсмѣялся онъ:—развѣ онъ могутъ разгадывать загадки.

Елена поняла что спокойствіе начинаетъ измѣнять ему и что ей можно, не рискуя, выдать себя, сдѣлать еще лишній шагъ на пути къ полной откровенности.

— Въ такомъ случаѣ не будемъ про это говорить. Пусть бывшія выгнанистки дѣлаютъ блестящія партіи, пусть ихъ вездѣ принимаютъ, до меня это не касается. (Елена презрительно откинулась назадъ.) А между тѣмъ не такъ ужъ трудно было бы разузнать кое-что изъ прошлаго этой барышни и привлечь ее къ отвѣтственности. Стоило бы только захотѣть.

Боровскаго начинало подмывать.

— Что же такое вы собственно знаете? спросилъ онъ, и снова заискрились его глаза.

— Я? Ничего особеннаго; ничего по крайней мѣрѣ такого чего не могла знать полиція еслибъ исполняла свои обязанности. Впрочемъ, повторяю вамъ, Николай Осиповичъ, оставимъ этотъ разговоръ,—онъ вовсе не забавенъ.

— Сколько мнѣ извѣстно, настаивалъ Боровской,—Надежда Сергѣевна получила довольно странное воспитаніе. Она насыщалась разныхъ ходячихъ идей, была даже въ Цюрихѣ, но во всемъ этомъ нѣтъ преступленія...

Елена будто нехотя передала Боровскому всю ту исторію Нади которую по разнымъ отрывкамъ создадо ее воображеніе. Онъ слушалъ ее молча, не скрывая уже своего живаго любопытства.

— Все это конечно не преступленіе, закончила она.—Но развѣ за такіе же поступки вы сами не судили и не ссылали многихъ?

Жажда мщенія, возбужденная извѣстіемъ о предстоящемъ замужествѣ Нади, все сильнѣе поднималась въ сердца Боровскаго и заставляла его уже дѣлать мысль о томъ что можетъ-быть въ его власти отплатить молодой дѣвушкѣ за ея оскорбительный отказъ, за предпочтеніе оказанное ею другому.

— Во всякомъ случаѣ, сказалъ онъ,—не ко мнѣ вы должны бы обратиться съ этимъ... сообщеніемъ; я увѣжаю отсюда чрезъ недѣлю.

— Помилуйте, да развѣ я хочу чтобы вы стали преслѣдовать эту бѣдную дѣвушку!

Елена сдѣлала негодующее движеніе рукой.

— Притомъ же все это однѣ догадки, продолжалъ онъ, не слушая ея.—Нѣтъ у насъ ни одного доказательства...

— Вы думаете?—Она пристально всмотрѣлась въ него. Лицо его все дышало возбужденнымъ ожиданіемъ.—То что я сообщу вамъ, останется между нами, вы мнѣ это обѣщаете?

Она встала, какъ будто выжидая его отвѣта. Боровской тотчасъ же послѣдовалъ ея примѣру. Его молчаніе должно-быть удовлетворило ее, только она подошла къ письменному столу, достала оттуда конвертъ и подала ему.

— Прочтите это, сказала она ходящо.—Мнѣ это письмо случайно попало въ руки и я не сочла себя въ правѣ возвратить его по принадлежности.

Онъ прочелъ надпись на конвертѣ, сперва не рѣшаясь вынуть изъ него письмо. Глаза ихъ встрѣтились. Они поняли другъ друга, поняли что одинаковое чувство ненависти руководитъ ими обоими и что съ этой минуты они становятся сообщниками. Зачѣмъ же имъ краснѣть другъ предъ другомъ и чего жь стыдиться?

Боровской прочелъ письмо. Пальцы его дрожали.

— Тутъ нѣтъ подписи, сказалъ онъ.

— За то есть адресъ на конвертѣ и содержаніе, кажется, довольно ясно.

— Сомнѣнія нѣтъ, это писалъ къ ней тотъ самый агитаторъ котораго наша милая полиція уже два раза вылустила изъ рукъ. Почеркъ мнѣ какъ будто извѣстенъ.

Онъ припомнилъ что гдѣ-то видѣлъ этотъ почеркъ въ доставленныхъ ему перехваченныхъ бумагахъ.

Опять встрѣтились ихъ глаза. Онъ нерѣшительно протянулъ ей письмо.

— Нѣтъ, оставьте его при себѣ, сказала она,—оно можетъ вамъ пригодиться.

Ни Елена, ни Боровской не почувствовали того презрительнаго отчужденія другъ отъ друга, какое почти всегда вызывается отгаданнымъ неблаговиднымъ лобужденіемъ. Напротивъ общность недосказанныхъ мыслей создавала между ними какое-то странное сближеніе.

Когда часъ спустя Елена проводила гостя до лѣстницы и простилась съ нимъ,—Боровской не остался къ обѣду,—она увидѣла Женечку, вбѣгавшую на первую ступень. Молодая дѣвушка только-что вернулась изъ Бѣлыхъ Столбовъ.

— Ты вопреки моему запрещенію ѣздила верхомъ, строго и холодно остановила она ладчицу.

— Да. Я съѣздила проститься съ Корецкими, былъ прямой отвѣтъ молодой дѣвушки.

Елена не захотѣла вступать въ явную борьбу съ ладчицей. Она поняла что ей не сломить проскувшейся рѣшимости Женечки.

— Хорошо, сказала она только,—такъ знай же что мы чрезъ два дня отсюда уѣзжаемъ.

Женечка не возразила. Ея мысли такъ еще наполняли радужныя счастливыя грезы что ей было не до слоровъ съ махихой. Всѣ будничныя дразги, казалось, ушли для нея въ какую-то туманную даль. Она молча, почти равнодушно наклонила голову и пошла наверхъ въ свою комнату.

Два дня спустя Елена Михайловна съ Женечкой и миссъ Финчъ уѣхали за границу, гдѣ собиралась провести осенніе мѣсяцы.

К. ОРЛОВСКІЙ

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ОТНОШЕНІЯ РОССІИ КЪ ПРУССІИ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ

VIII.

Предъ началомъ Семилѣтней Войны отранное зрѣлище представляетъ Русскій дворъ. Съ того времени какъ Елисавета вступила на престолъ Бестужевъ не переставалъ указывать на великія опасности которыя могутъ произойти для Россіи отъ усиленія по сосѣдству съ нею такого государства какъ Пруссія. То былъ основной принципъ его политики. Необычайныя трудности пришлось ему преодолѣть чтобы доставить торжество своимъ идеямъ: императрица колебалась, люди близко стоявшіе къ ней прибѣгали къ возмутительнымъ средствамъ чтобы повредить канцлеру и охотно становились орудіями интриги, въ которой съ неслыханною дерзостью упражнялись иностранные дипломаты при нашемъ дворѣ. Это тяжелое время однако миновало. Мало-по-малу рѣшительно всѣ, сама Елисавета, Бестужевъ, Воронцовъ, коллегія иностранныхъ дѣлъ, были вполнѣ согласны между собою относительно необходимости „сократить силы скоропостижнаго Прусскаго короля“ и выставляли это главною задачей русской политики. Наступила наконецъ пора

пристунить къ ея исполненію. Бестужеву предстояло, казалось, пожать плоды своихъ давняшихъ усилій, но тутъ-то и произошло вѣчто необычайное: человека который положилъ всю свою жизнь на извѣстное дѣло выставляють чуть ли не главнымъ врагомъ его, хотять увѣрить будто теперь онъ въ такой же мѣрѣ старался вредить ему какъ прежде заботился объ его успѣхѣхъ. Гдѣ же искать разгадку столь неожиданныго переворота? Соловьевъ, строго осуждающій дѣятельность Бестужева въ послѣдніе годы его управленія Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, полагаетъ что онъ слишкомъ ороднился съ мыслью о выгодахъ для Россіи союза съ Англіей и не могъ отказаться отъ этой мысли даже въ то время, когда Англія облизилась съ Пруссіей: въ такомъ случаѣ ужъ гораздо правдоподобнѣе были злобные наветы враговъ канцлера, будто главнымъ образомъ дѣйствовало на него англійское золото, а между тѣмъ почтенный историкъ совершенно справедливо выгораживаетъ его съ этой стороны. Не смотря на всѣ увѣренія и Фридриха Великаго и государственныхъ людей тѣхъ державъ которымъ не нравилась русская политика, никто не остановится конечно серьезно на предположеніи будто условливалась она удачными подкупами. Но если такъ, то возможно ли допустить что рѣзкая перемена въ образѣ дѣйствій Англіи, перемена изумившая всю Европу, не поразила и Бестужева, что онъ по рутинѣ хотѣлъ остаться вѣрнымъ союзу съ Англіей, зная даже что этимъ возстановитъ противъ себя императрицу, ненависть коей къ Прусскому королю не имѣла границъ? Указываютъ еще на одно важное обстоятельство, побуждавшее будто бы его дѣйствовать по малой мѣрѣ двусмысленно, а именно на его отношенія къ молодому двору; но въ этихъ отношеніяхъ не все представляется одинаково важнымъ: почему, сблизаясь съ Екатериной, Бестужевъ долженъ былъ бы отказаться отъ принциповъ которыхъ постоянно держался онъ до тѣхъ поръ въ своей политикѣ? Если наследникъ престола благоговѣлъ предъ Фридрихомъ, то гдѣ доказательства что и Екатерина преклонялась въ это время предъ Прусскимъ королемъ? На это можно возразить что вуждалась она не во Фридрихѣ, а въ Англійскомъ правительствѣ, что для успѣха замысловъ которые преслѣдовала она при участіи канцлера требовались деньги, что получить ихъ можно было только отъ англійскаго посла Уильямса, съ

которымъ сблизилась она чрезъ графа Понятовскаго, что Уильямъ дѣйствительно оказывалъ ей эти услуги, и что такимъ образомъ Бестужевъ поневолѣ вынужденъ былъ отстаивать союзъ съ Англіей даже послѣ того какъ произошло сближеніе между этою державою и Пруссіей. Но дѣло въ томъ, до какой степени былъ искренемъ Бестужевъ въ своихъ отношеніяхъ къ Уильямсу? Англійскій посолъ далеко не принадлежалъ къ числу тонокихъ и провицательныхъ дипломатовъ; онъ безпрерывно вдался въ обманъ, не въ состояніи былъ уразумѣть ни общаго положенія дѣла, ни цѣлей и намѣреній лицъ съ которыми приходилось ему сноситься; извѣстно что Бестужевъ обнадѣживалъ его самыми пышными обѣщаніями, увѣрялъ его что будетъ благопріятствовать Прусскому королю, не допуститъ до разрыва между Россіей и Англіей, но не говоря уже о томъ что онъ не могъ, крайне сомнительно чтобъ онъ и хотѣлъ дѣйствовать въ такомъ смыслѣ. Не даромъ съ теченіемъ времени Уильямъ все болѣе и болѣе разочаровывался въ канцлеръ и даже называлъ его измѣнникомъ. Судить о Бестужевѣ слѣдуетъ не на основаніи того что разказывали о немъ въ своихъ депешахъ иностранные дипломаты при нашемъ дворѣ, а на основаніи его поступковъ, тѣхъ мѣръ которыя предлагалъ онъ, и едва ли, кажется намъ, что-нибудь въ этихъ мѣрахъ способно вызвать неблагоприятный о немъ отзывъ.

Главное его несчастіе заключалось въ томъ что онъ никогда не пользовался расположеніемъ Елисаветы. Она держала его потому что онъ былъ необходимъ, хотя даже во время наибольшаго своего вліянія онъ не всегда могъ добиться личнаго доклада и сносился съ нею письменно. Елисавета очевидно предназначала преемникомъ ему Воронцова, но Воронцовъ почти съ первыхъ же шаговъ началъ вести себя такъ что утратилъ довѣріе своей высокой покровительницы; въ 1753 году однако—обстоятельство чрезвычайно важное—онъ возвратилъ себѣ ея милость, и всѣ враги канцлера, начиная съ фаворита Шувалова, стали на сторонѣ Воронцова. Уже съ этой минуты участь Бестужева была рѣшена: зачѣмъ держать непріятнаго человѣка когда есть другой, рабски усвоившій его взгляды, хотя долго ратовалъ противъ нихъ, а готовый идти по тому же самому пути? Нельзя отрицать конечно что Бестужевъ дѣлалъ ошибки, но онѣ были не такъ важны чтобы поколебать его репутацію, а между тѣмъ съ

этого времени каждая его ошибка вѣивалась ему въ преступленіе.

Первый сильный ударъ ему былъ нанесенъ трактатомъ съ Англіей о субсидіяхъ, о которомъ приходилось намъ упоминать неоднократно. Переговоры объ этомъ трактатѣ начались еще въ 1753 году и длились болѣе двухъ лѣтъ. Цѣль его была обозначена очень ясно. Англійское правительство хотѣло заручиться содѣйствіемъ русскихъ войскъ противъ короля Прусскаго, ибо страшилось нападенія съ его стороны на Ганноверъ и надѣялось что Россія, по извѣстнымъ отношеніямъ своимъ къ Пруссіи, не откажетъ ему въ помощи. Борьба съ Фридрихомъ, вотъ что слѣдовательно имѣлось въ виду, и инструкціи Гюнденкенсу, а затѣмъ замѣнившему его Уильямсу, свидѣтельствуютъ что дѣйствительно у Англичанъ не было другихъ намѣреній. Правда, они не прочь были, въ случаѣ нужды, употребить русское войско и для защиты, напримѣръ, австрійскихъ Нидерландовъ, и съ этой стороны трактатъ вызывалъ сильныя возраженія. Впрочемъ Англичане не думали настаивать особенно упорно на послѣднемъ условіи. „Сомнѣнія императрицы относительно трактата, говорили Уильямсу, происходятъ отъ того что ея величеству не желательно посылать свои войска такъ далеко, въ Германію или Нидерланды, а хотѣлось бы употребить ихъ исключительно противъ короля Прусскаго, когда онъ вмѣшается въ войну.“ Уильямсъ отвѣчалъ что какъ скоро трактатъ будетъ ратификованъ, то король Англійскій безъ сомнѣнія исполнитъ желаніе императрицы. Многие у насъ думали также что условія на которыхъ Русское правительство принимало на себя обязательство помогать Англіи не были достаточно выгодны, леньяли на скудость субсидій, и подъ вліяніемъ всего этого императрица медлила изъявить свое согласіе. Но канцлеръ былъ рѣшительнымъ приверженцемъ трактата, и 19 января 1756 года подалъ императрицѣ записку, въ которой старался опровергнуть возраженія на него. „По несчастію, говорилъ онъ, ничего легче вѣтъ какъ критиковать, по меньшей мѣрѣ гораздо беззаботнѣе, нежели прямое дѣло дѣлать; цѣлый свѣтъ вынѣ зараженъ сею болѣзнію... Въ державныхъ въ Москвѣ, при дворѣ конференціяхъ, всѣ единогласно кричали что надо за усмиреніе короля Прусскаго приняться, не смотря на то, станутъ ли союзники содѣйствовать въ томъ или вѣтъ, только бы здѣшняя армія умножена была. Телерь, когда

сіе умноженіе сдѣлаемо и дѣло идетъ не о томъ чтобы самимъ и однимъ Прусскаго короля атаковать, а только о томъ чтобы помогать противъ него союзникамъ, сдѣдовательно приводить его лодъ чужимъ именовъ и съ помощью чужихъ денегъ въ бѣсалие, то вдругъ тѣ же самыя противъ подаемія помощи спорять которые прежде совѣтовали и подписали не смотря на то что самимъ атаковать.“ Бестужевъ повторилъ тѣ же аргументы которые мы встрѣчаемъ въ запискахъ его относившихся къ сороковымъ годамъ, когда доказывалъ оныя необходимость для Россіи бороться съ Фридрихомъ опираясь на естественныхъ ея союзниковъ: если союзники не встрѣтятъ помощи съ ея стороны, то одивъ за другимъ потерпятъ они поражение отъ Прусскаго короля, который уже находится въ тѣсномъ союзѣ со Швеціей, легко можетъ привлечь къ себѣ Турцію, окончателъно ослабить Саксонію, и тогда уже трудно будетъ противиться завоевательнымъ его планамъ: „Россія, не имѣя ни одного союзника, останется одна противъ многихъ непріятелей, которые, не имѣя ничего опасаться, будутъ только о томъ лещись чтобы Россію если не въ старыя предѣлы привести, то по меньшей мѣрѣ инфлюенцію ея изъ генеральныхъ дѣлъ выключить“. Совѣты Бестужева превозмогли, и императрица подписала конвенцію, но присоединивъ къ ней особую декларацію гласившую что русскія войска должны явиться на помощь королю Англійскому единственно въ томъ случаѣ если будетъ сдѣлаемо нападеніе на его владѣнія со стороны Пруссіи, что они предназначаются дѣйствовать исключительно противъ этого государства и не могутъ быть направлены ни въ Нидерланды, ни въ Ганноверъ, ни на Рейнъ.

Нѣтъ повода сомнѣваться что при тѣхъ обстоятельствахъ при которыхъ возникла мысль о договорѣ между Англіей и Россіей означенная декларація не встрѣтила бы возраженій со стороны Англійскаго правительства. Главная цѣль къ которой оно стремилось—совмѣстный образъ дѣйствій двухъ державъ противъ Пруссіи — была достигнута имъ вполне, и оно легко могло бы помириться съ тѣмъ что нельзя было ему располагать русскимъ вспомогательнымъ корпусомъ такъ безусловно какъ бы ему хотѣлось. Но въ то самое время когда въ Петербургѣ шли окончательные переговоры о ратификаціи конвенціи, уже установилось сближеніе между Англіей и Пруссіей. Никто не зналъ объ этомъ, не только наше

правительство, но даже и Уильямъ не получилъ ни малѣйшаго указаія отъ своего двора. Отчасти можно было бы догадаться о намѣреніяхъ министровъ Георга II изъ преній происходившихъ въ парламентѣ по поводу англо-русской конвенціи еще прежде чѣмъ была она подписана, а именно въ декабрѣ 1755 года: общественное мнѣніе въ Англіи видимо склонялось на сторону Фридриха и оппозиція встрѣчала въ немъ надежную опору для ожесточенной борьбы съ министерствомъ; она доказывала устами лучшихъ своихъ ораторовъ что Англія должна главнымъ образомъ заботиться объ усиленіи своихъ средствъ на морѣ, что старалась пріобрѣсти цѣной значительныхъ субсидій союзниковъ между континентальными державами, она только обезсиливаетъ себя, что кромѣ того она неминуемо расширитъ этимъ размѣры войны, ибо король Прусскій не замедлитъ еще тѣснѣе сблизиться съ Франціей, что кровопролитіе въ Европѣ сдѣлается тогда всеобщимъ, и Англія вынуждена будетъ принять въ немъ участіе. Министерство не могло еще обнаружить тайну, не могло заявить что Пруссія ни въ какомъ случаѣ не будетъ въ числѣ враговъ англійской націи, но лордъ Годдернессъ сдѣлалъ довольно прозрачный намекъ на это, упоманувъ въ палатѣ лордовъ что англо-русскій трактатъ былъ сообщенъ королю Прусскому и не встрѣтилъ съ его стороны возраженій. Оппозиція поняла о чемъ идетъ дѣло и прекратила свои нападки. Странно что пренія о которыхъ мы говоримъ прошли почти незамѣченными, что ни въ Петербургѣ, ни въ Парижѣ, ни въ Вѣнѣ не встревожились ими, и объясняется это вѣроятно только тѣмъ что свѣдѣнія о нихъ были недостаточны *. Во всякомъ случаѣ роль Англійскаго правительства въ это время совершенно неслостижима: оно вело съ Русскимъ правительствомъ переговоры о конвенціи направленной прямо противъ Пруссіи; въ то же самое время готовилось подписать съ Пруссіей трактатъ объ оборонительномъ союзѣ и какъ будто не сомнѣвалось что ему удастся примирить эти крайности!

* Panke (*Der Ursprung des siebenjährigen Krieges*, 125—127) говоритъ что въ парламентскихъ протоколахъ означены пренія наизяемъ очень кратко; тамъ находятся только рѣчи четырехъ ораторовъ, а о рѣчи Годдернесса не упомануто даже вовсе. О сдѣланномъ имъ заявленіи довелъ Фридриху прусскій посланникъ въ Лондонѣ.

Уильямсъ, явившись къ канцлеру 4 февраля, официально сообщилъ ему о Вестминстерскомъ договорѣ. Еслибы, писалъ Кауницъ австрійскій посланникъ Эстергази, извѣстiе это было получено въ Петербургѣ двумя днями ранѣе, то никакимъ образомъ не состоялась бы конвенція между Англіей и Россіей. Не трудно повѣрить этому, ибо впечатлѣніе было крайне тяжелое. Враги Бестужева въ одинъ голосъ вопиали противъ него, упрекали его въ недостатокъ провидѣтельности, хотя въ сущности онъ не сдѣлалъ ничего такого что ставило бы Россію въ затруднительное положеніе. Благодаря ему она только что заключила договоръ съ Англіей, во цѣль этого договора была обозначена влодвѣ ясно,—оба государства намѣревались дѣйствовать противъ общаго врага, Пруссіи, и если одно изъ нихъ уклонялось отъ этой задачи, то и у другаго были развязаны руки: оно могло съ совершенно чистою совѣстью отказаться отъ конвенціи. Если Бестужева обвиняли въ томъ что онъ не предвидѣлъ какую роль разыграетъ Англія, союзъ съ которою онъ постоянно считалъ необходимымъ для Россіи, то кто же предвидѣлъ что-либо подобное? Въ этомъ случаѣ онъ раздѣлялъ участь всѣхъ другихъ государственныхъ людей Европы, и конечно не Воронцовъ могъ хвалиться тѣмъ что былъ болѣе провидѣтелемъ чѣмъ Кауницъ и министры Лудовика XV. Какъ бы то ни было, императрица не думала скрывать своего негодованія противъ Бестужева. Черезъ нѣсколько дней послѣ того какъ Уильямсъ сдѣлалъ уломянутое нами сообщеніе, происходило при дворѣ празднество по случаю бракосочетанія одной изъ ея фрейлинь; весь дипломатическій корпусъ находился тутъ и въ томъ числѣ Эстергази. Елисавета сказала ему что она не можетъ скрыть своего изумленія отъ поступка короля Англійскаго; что если онъ и увѣряетъ будто бы дружескія отношенія его къ ней нисколько не измѣнились вслѣдствіе сближенія его съ Пруссіей, то никакъ нельзя полагаться на это зная какою тайной прикрывалъ онъ свои переговоры съ королемъ Прусскимъ, въ то самое время какъ старался получить въ свое распоряженіе русскія войска; между тѣмъ и другимъ трактатами существуетъ явное противорѣчіе; нельзя сомнѣваться что король Англіискій вознамѣрился рѣско измѣнить свою прежнюю систему. Императрица спросила Эстергази какъ смотритъ на это его дворъ? Посланникъ, уже предупреденный, по его словамъ, что Елисавета будетъ

бесѣдовать съ нимъ, отвѣчалъ что онъ еще не имѣетъ инструкцій изъ Вѣны, но тѣмъ не менѣе считаетъ себя въ правѣ утверждать что и тамъ взглянуть на дѣло совершенно такъ же, ибо интересы Россіи и Австріи такъ тѣсно связаны между собой что все причиняющее неудовольствіе въ Петербургѣ отзывается столь же непріятно и въ Вѣнѣ. Онъ замѣтилъ что еще нѣсколько мѣсяцевъ назадъ изложилъ свои мысли по этому поводу въ особой запискѣ, о которой канцлеръ конечно ей докладывалъ. Императрица возразила что въ первый разъ слышитъ теперь о ней, но что если записка не доведена была до ея свѣдѣнія, то это отнюдь не удивительно со стороны такого властолюбиваго и вмѣстѣ съ тѣмъ безлечнаго человѣка какъ Бестужевъ. Она не щадила его въ дальнѣйшемъ разговорѣ: жаловалась что онъ не выносить соперничества съ кѣмъ бы то ни было, кто кажется ему опаснымъ, сознавалась что онъ невыносимъ для нея своими манерами и своею внѣшностью и даже привычкой говорить едва процѣживая слова сквозь зубы; особенно же раздражали ее отношенія канцлера къ молодому двору. „Сколько усилій употребляла я, воскликнула Елисавета, чтобы привязать къ себѣ великаго князя, но при ребяческихъ его вкусахъ и неспособности его серьезно сосредоточиться на чемъ-нибудь, все оказывалось тщетнымъ, а между тѣмъ канцлеръ умѣлъ сойтись и съ нимъ, и съ его женой, которые еще не такъ давно не хотѣли о немъ и слышать“.*

Прежде всего императрица озаботилась выяснитъ свои отношенія къ Англіи. Черезъ нѣсколько дней послѣ того какъ Уильямъ сообщил о Вестминстерскомъ договорѣ, отправленъ былъ къ русскому посланнику въ Лондонѣ, князю Голицыну, рескриптъ долженствовавшій опредѣленностью и даже рѣзкостью своего тона не мало смутить англійскихъ министровъ. Конвенція Россіи съ Англіей, говорилось въ немъ, „не имѣла ничего другаго въ виду какъ только обуздать Прускаго короля и диверсію ему сдѣлать еслибъ онъ кого-либо изъ общихъ нашихъ союзниковъ атаковать покусился“; необходимость подобной мѣры условливалась всѣмъ предшествовавшимъ образомъ дѣйствій этого государя, вѣроломство коего достаточно извѣстно Англійскому правительству; между тѣмъ оно заключило съ нимъ трактатъ, „что не совмѣстно

* Ranke, *Ursprung des siebenjährigen Krieges*, 162—163.

съ обиадеживаніями толико намъ о дружбѣ повторенными, а наименьше съ должною между союзниками откровенностью“; во всемъ этомъ Лондонскій кабинетъ не счелъ нужнымъ соблюсти даже только „наружную благопристойность“. Если онъ равчитываетъ, сближаясь съ Фридрихомъ, удержать его отъ воинственныхъ предпріятій, то не замедлитъ убѣдиться въ своей ошибкѣ: всѣ выгоды окажутся единственно на сторонѣ Пруссіи и она не замедлитъ воспользоваться ими. Вестминстерскій договоръ имѣетъ цѣлью противодѣйствовать вторженію чужеземныхъ войскъ въ Германію, но чѣмъ связанъ Фридрихъ еслибы захотѣлъ напасть на владѣнія императрицы Маріи-Терезіи? Вообще политика Англійскаго правительства по истинѣ неловата, — неловата въ томъ что сдѣлавъ (относительно союзниковъ своихъ) многое, не доказываетъ малаго, а сіе, будучи попускаемо, превозмогаетъ наконецъ всю драгость его усердія“. Въ заключеніи рескрипта выражена была надежда что Англійское правительство убѣдится само въ опасномъ направленіи усвоенной имъ политики и выступитъ на другой луть. Въ Петербургѣ не сомнѣвались, впрочемъ, что это совершенно невозможно. Министры Георга II зашли такъ далеко что уже поздно было имъ отступать, и теперь отъ самой Россіи зависѣло рѣшеніе вопроса, въ какія отношенія станетъ она къ Англій. На основаніи договора заключеннаго съ этою державой и тотчасъ по ратификаціи его, Русское правительство должно было получить отъ нея въ уплату субсидій 100.000 ф. стерл., и хотя Уильямъ еще не заикался объ этихъ деньгахъ, но онъ могъ предложить ихъ: какъ поступить въ такомъ случаѣ? Еслибы Русское правительство приняло означенную сумму, не доказало ли бы этимъ самымъ что считаетъ свою конвенцію съ Англійей ненарушимою?

Императрица пожелала узнать мнѣніе коллегіи иностранныхъ дѣлъ, которое и было представлено ей въ первыхъ числахъ марта 1756 года. По словамъ коллегіи, Англія своимъ „нечаяннымъ поступкомъ“ прежнюю систему, которой оба государства держались относительно Пруссіи, совершенно уничтожила, но очень можетъ быть что она не сочтетъ нужнымъ настаивать на отиѣнѣ конвенціи; для нея, точно также какъ и для новаго ея союзника, Прусскаго короля, было бы выгодно чтобы русскія войска оставались въ бездѣйствиіи въ Лифлядіи и Эстляндіи; чтобы помѣшать Русскому прави-

твѣрству воспользоваться ими для другихъ цѣлей, она не откажется, послалъ, выплачивать субсидіи, но совмѣстно ли съ достоинствомъ Россіи играть подобную роль? Необходимо было бы поэтому объявить Англійскому двору что какъ скоро онъ самъ, посредствомъ Вестминстерскаго договора, упрощалъ конвенцію съ Россіей, то императрица предпочитаетъ себѣ полную свободу дѣйствій, „хотя впрочемъ прежняя съ Англіей дружба и союзъ въ своей силѣ неизмѣнно остаются имѣютъ и сіе никакому виду холодности справедливо ни отъ кого причтено быть не можетъ“. Бестужевъ не вполнѣ согласился съ мнѣніемъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Въ примѣчаніяхъ приложенныхъ имъ къ этому документу онъ говорилъ что конечно заключенный въ Лондонѣ съ королемъ Прусскимъ трактатъ совершенно подорвалъ англо-русскую конвенцію, но тотчасъ же и рѣшительно отказаться отъ соблюденія ея было бы для Россіи невыгодно. Для этого требовался бы предлогъ, а какой предлогъ можетъ выставить Русское правительство? Удобно ли ему сказать прямо что конвенція не обязательна для него только потому что Англія вступила въ дружбу съ Пруссіей? Поступивъ такимъ образомъ, оно разоблачило бы только заранѣе предъ всѣмъ свѣтомъ свои намѣренія относительно короля Прусскаго, само указало бы ему чего ожидать отъ Россіи и, разумѣется, онъ послѣдовалъ бы принять мѣры чтобы воспрепятствовать ея планамъ. Другое дѣло еслибы рѣшено было безо всякаго промедленія налечь на Пруссію; тогда, конечно, нечего было бы церемониться, но Россія можетъ начать войну не иначе какъ въ союзѣ съ Австріей, и хотя не представляется сомнѣній относительно намѣреній Вѣнскаго двора, все-таки потребно нѣкоторое время чтобъ установить формальное соглашеніе съ нимъ; вотъ почему, продолжалъ Бестужевъ, конвенція съ Англіей „наилучшимъ претекстомъ служить можетъ чтобы сдѣлать приготовленія наши Прусскому королю непримѣтными... Отказаться еще всегда время будетъ, а теперь нѣтъ почти никакой нужной причины на то поступать такъ скоропостижно и одновременно.“

Между тѣмъ учреждена была при дворѣ конференція изъ десяти лицъ (въ томъ числѣ находился и наследникъ престола), на обязанности коей лежало обсуждать всѣ мѣры касавшіяся тогдашнихъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ. При

этомъ указано было прямо что должноствовало служить руководящею для нея нитью, а именно „короля Пруссакаго до пріобрѣтенія новой знатности не допускать, но лаче былы его въ умѣренныя предѣлы привести, и однимъ словомъ не опаснымъ его для здѣшней имперіи сдѣлать.“ Тотчасъ же поставленъ былъ вопросъ: „начинающаяся между Франціей и Англіей война не подаетъ ли удобнаго случая приняться за исполненіе сего толико и давно желаемаго намѣренія? не надобно ли Вѣнскому двору предложить что буде онъ интересу своему засходно находить и никакой опасности съ другою стороны, а именно отъ Франціи, не предвидить, то не хочетъ ли начать войну противъ короля Пруссакаго и отыскивать потерянную Силезію?“ * Мы видимъ изъ этого что съ самаго начала безъ малѣйшихъ колебаній правительство императрицы Елисаветы опредѣлило свою политику, отъ которой въ послѣдствіи оно уже и не отступало ни на шагъ. Нѣкоторые историки, и въ томъ числѣ Ранке, за неумѣніемъ точныхъ свѣдѣній, полагаютъ будто оно неспособно было дѣйствовать самостоятельно и находилось подъ чужеземными вліяніями; но мнѣнію ихъ, въ то критическое время, о которомъ идетъ рѣчь, въ Петербургѣ долженъ былъ рѣшиться вопросъ, за которою изъ двухъ давнишнихъ своихъ союзницъ пойдетъ покорно Россія,—за Австріей или за Англіей? То былъ турниръ между Эстергази и Уильямсомъ, въ которомъ побѣда досталась первому изъ этихъ дипломатовъ. Факты слишкомъ краснорѣчиво говорятъ однако совершенно противное: Русское правительство не ждало ни чьихъ указаній для того чтобы при первомъ же извѣстіи о Вестминстерскомъ договорѣ отшатнуться отъ Лондонскаго двора, съ которымъ связывала его продолжительная дружба, и не Австрія вовлекла его въ войну, а оно само оставилось на мысли о войнѣ еще прежде чѣмъ Вѣнскій дворъ услѣлъ сообщить ему свои намѣренія. Тѣ вопросы о которыхъ мы упомянули выше были подвергнуты обсужденію въ засѣданіи конференціи 14 марта, происходившемъ въ присутствіи самой императрицы. Любопытныя подробности о немъ, не попавшія конечно въ протоколъ, мы узнаемъ изъ донесеній Эстергази Вѣнскому двору. ** По словамъ его, Бестужевъ, лишь только

* *Архивъ князя Воронцова*, III, стр. 376 и 378.

** *Ranke, Ursprung etc.*, 164—165.

открылось засѣданіе, прочель залиску въ которой, какъ уже извѣстно намъ, онъ совѣтовалъ избѣгать немедленнаго разрыва съ Англіей. Императрица возразила что если не откажется отъ конвенціи и получать субсидіи, то это опозоритъ Россію въ глазахъ всей Европы; съ необыкновенною горячностью напала она на канцлера уже не по поводу выраженного имъ мнѣнія, а вообще за всю его дѣятельность, упрекала его за старанія все захватить въ свои руки, ни съ кѣмъ не дѣлиться властью, говорила что еще великій отецъ ея постановилъ чтобы всѣ дѣла внѣшней политики обсуждались непрѣменно въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, а при канцлерѣ эта коллегія утратила всякое значеніе. Упреки были такъ жестоки и выражены въ такой рѣзкой формѣ что канцлеръ не могъ удержаться отъ слезъ; онъ впрочемъ улобно настаивалъ на выраженной имъ мысли, повторяя что никакъ не можетъ согласиться на то что противно его убѣжденію. Шестъ голосовъ были въ пользу поданнаго имъ мнѣнія, и только четыре—въ томъ числѣ голосъ вице-канцлера Воронцова—противъ него: ясное доказательство силы и убѣдительности приведенныхъ имъ аргументовъ, ибо иначе конференція, вида какъ относится къ нему императрица, не поколебалась бы конечно нанести ему ударъ. Нельзя отрицать что она поступила въ этомъ случаѣ весьма благоразумно. Общее настроеніе господствовавшее въ нашихъ правительственныхъ сферахъ отличалось черезчуръ излишнею запальчивостью, готовностью не останавливаться ни предъ чѣмъ, приносить какія угодно жертвы для давно задуманнаго дѣла; конечно, съ одной стороны это было хорошо, ибо нѣтъ ничего гибельнѣе нерѣшительности и сомнѣній, но съ другой сопряжено было и съ немалыми опасностями; дѣйствуя энергически противъ врага, не надлежало слишкомъ довѣряться своимъ союзникамъ, слѣдовало не пренебрегать ради ихъ своими интересами, а къ сожалѣнію это мудрое правило какъ при началѣ Семилѣтней Войны, такъ и въ теченіе ея было нерѣдко забываемо нашимъ правительствомъ. Заслуга Бестужева заключалась, между прочимъ, въ томъ что онъ старался по возможности сдерживать чрезмѣрные порывы; за это считали его чуть не измѣнникомъ, но событія доказали что во многихъ случаяхъ онъ былъ совершенно правъ.

Кромѣ вопроса объ отношеніяхъ къ Англіи, конференція въ засѣданіи своемъ 14 марта приняла цѣлый рядъ рѣшеній

т. слх.

19*

огромной важности, а именно: всѣми силами склонять Вѣнскій дворъ къ участию въ войнѣ съ Прусскимъ королемъ; „для приласканія Франціи и приведенія ея до того чтобъ она на сокращеніе силъ Прусскаго короля спокойно смотрѣла и Вѣнскому двору не прелятствовала все то въ дѣйство употребить что сходственно съ благопристойностью и безъ предосужденія славы и достоинства ея величества учиниться можетъ;“ исподоволь готовить Польшу чтобъ она не противилась движенію русскихъ войскъ чрезъ ея земли; сдерживать Турокъ и Шведовъ, и даже стараться привлечь ихъ къ общему дѣлу. По мнѣнію конференціи, на Польшу можно было подѣйствовать обѣщаніемъ доставить ей, въ случаѣ если дѣйствія союзниковъ увѣнчаются успѣхомъ, королевскую Пруссію, взамятъ чего Россія получила бы Курляндію и кромѣ того „такое съ польской стороны округленіе границъ которымъ бы не только вывѣшныя безпрестанныя о нихъ хлопоты и безлокойства пресѣклись, но можетъ-быть и способъ достался бы коммерцію Балтійскаго моря съ Чернымъ соединить и чрезъ то почти всю левантскую торговлю въ здѣшнихъ рукахъ имѣть“. Последнее обстоятельство чрезвычайно важно: какъ видимъ, Русское правительство приступало къ войнѣ съ твердымъ намѣреніемъ извлечь изъ нея существенныя для себя выгоды, но именно это нѣкоторые и готовы поставить ему въ вину. Одинъ изъ нашихъ историковъ, г. Брикверъ, говоритъ: „Дѣло шло не о томъ только чтобы возвысить значеніе Россіи въ Европѣ, но также о приобрѣтеніи новыхъ областей и коммерческихъ выгодъ; быть-можетъ гораздо менѣе оласались Пруссіи чѣмъ помышляли о собственной прибыли. Россія руководилась не какими-либо абстрактными идеями, а политикою интересовъ“. * Но и слава Богу что Русское правительство не ради абстрактныхъ идей рѣшалось жертвовать достоинствомъ и кровью своихъ подданныхъ! Если оно имѣло въ виду ослабить опаснаго сосѣда, то какъ же было достигнуть этой цѣли какъ не посягая на его владѣнія? Нельзя же было вести войну только для того чтобы перебить у него какъ можно больше солдатъ. Къ сожалѣнію, какъ увидимъ, нужно винить Русское правительство не въ томъ въ чемъ упрекаетъ его г. Брикверъ, а въ томъ

* Russische Actenstücke zur Geschichte des Jahres 1756, въ *Baltische Monatschrift*, 1872.

что оно не достаточно энергически заботилось объ обезпеченіи своихъ выгодъ.

Намѣреваясь воспользоваться событіями для нападенія на Пруссію, Россія не сомнѣвалась что Вѣискій дворъ будетъ дѣйствовать заодно съ нею. Но никакого формальнаго предложенія со стороны этого двора еще не было. Въ Петербургѣ ходили слухи о стараніяхъ его сблизиться съ Франціей, но—какъ выразилась коллегія иностранныхъ дѣлъ въ мнѣніи представленномъ ею императрицѣ—„слухи эти требуютъ еще подтвердительныхъ и надежныхъ извѣстій, да и невѣроятно чтобы по заключеніи трактата между Англіей и Прусскимъ дворомъ, Франція, столь скоро обратя въ дружбу всегдашнее свое недоброжелательство, вступила съ Австріей въ противное королю Прусскому соглашеніе.“ Правда, еще вскорѣ послѣ того какъ огласился Вестминстерскій договоръ, а именно въ половинѣ февраля 1756 года, императрица Марія-Терезія препроводила графу Эстергази рескриптъ, который былъ предъявленъ имъ нашему двору. Въ этомъ любопытномъ и очень длинномъ документѣ * содержались горькія жалобы на эгоизмъ Англійскаго правительства, которое, помышляя только о себѣ, не стѣсняется при первомъ удобномъ случаѣ жертвовать интересами своихъ союзниковъ. Такъ поступило оно и относительно Россіи: очевидно оно совершенно отвернулось отъ нея и предпочло ей союзъ съ Пруссіей. Если Фридрихъ былъ страшенъ и въ прежнее время, то теперь могущество его должно усилиться еще несравненно болѣе: вся протестантская Германія смотритъ на него какъ на естественнаго своего вождя; протестантскіе князья имперіи намѣрены предоставить ему навсегда право экзекуціи во всѣхъ дѣлахъ касающихся вѣры, и не трудно догадаться какимъ образомъ воспользуется онъ этимъ правомъ; со дня на день можно ожидать что вспыхнетъ религіозная война; необходимо заблаговременно подумать объ устраненіи опасности созданной этимъ положеніемъ дѣлъ. Конечно, заявленіе такого рода было очень пріятно Русскому правительству, но въ немъ еще не содержалось никакихъ формальныхъ предложеній. Уже гораздо позднѣе графъ Эстергази явился къ канцлеру и выразилъ желаніе имѣть у императрицы приватную аудіенцію, которая и была назначена 25 марта: посоль представилъ

* Архетъ лишь въ нѣсколькихъ словахъ резюмируетъ его, но онъ помѣщенъ вполнѣ въ *Архивъ князя Воронцова*, III, 339—354.

собственноручное обязательство Маріи-Терезіи хранивъ въ совершенной тайнѣ долженствовавшіе начаться переговоры и просилъ чтобъ императрица Елисавета со своей стороны дала обязательство такого же рода. Черезъ нѣсколько дней оно было вручено ему въ слѣдующей формѣ: „Я объявляю чрезъ сіе моимъ императорскимъ словомъ что по желанію ея величества Римской императрицы-королевы въ высшемъ секретѣ и всегдашнемъ молчаніи содержано быть имѣеть то важное дѣло о которомъ ея посолъ графъ Эстергази мнѣ и моему канцлеру и вице-канцлеру откроеть, и то что съ моей стороны ему въ отвѣтъ на то объявлено будетъ“ *. На аудіенціи, о которой мы упоминали сейчасъ, Эстергази довелъ до свѣдѣнія Елисаветы что между Вѣнскимъ и Тюльрийскимъ дворами ведутся двѣтельные переговоры, что между ними будетъ заключенъ союзъ подъ условіемъ приступленія къ нему Россіи, что Австрія, рѣшившись начать войну съ Пруссіей, имѣеть наготовѣ 80.000 войска. Дѣло закипѣло съ этой минуты, и сама императрица принимала въ немъ такое горячее участіе что какъ будто совершенно исчезла та алія которая очень часто овладѣвала ею. Эстергази разказываетъ ** что вскорѣ послѣ описаннаго нами свиданія съ Елисаветой онъ имѣлъ случай еще разъ бесѣдовать съ ней въ присутствіи Бестужева и Воронцова. Императрица пожелаала узнать въ какомъ положеніи находятся переговоры Вѣнскаго двора съ Франціей; посолъ отвѣчалъ что Вѣнскій дворъ хлопочеть чтобы Лудовикъ XV порвалъ свой союзъ съ Фридрихомъ и не прелатствовалъ бы попыткамъ отнять у него Силезію и вообще ограничить предѣлы его государства, что для этой цѣли Австрія не остановится ни предъ какими жертвами, въ твердой надеждѣ что и Россія будетъ имѣть въ виду ту же задачу. Бестужевъ замѣтилъ что Вѣнскій дворъ можетъ какъ нельзя болѣе разчитывать на Русское правительство во всякомъ случаѣ, приведуть ли переговоры его съ Франціей къ желаемому результату или нѣтъ; въ теченіе трехъ лѣтъ готовилась Россія къ тому же самому, и если теперь Англія предпочла соединиться съ ея врагомъ, то это не заставитъ ее измѣнить свои намѣренія. Императрица сама думала предложить Вѣнскому двору наступательный союзъ;

* Мартенсъ, *Собр. тракт.*, I, 190.

** Ranke, *Ursprung* etc, 166—167.

тѣмъ болѣе обнадеживаетъ она его теперь своею помощію, расположена оказать ему эту помощь не только въ чаѣніи какихъ-нибудь выгодъ, но даже подъ опасеніемъ потерпѣть неудачу. Въ томъ же смыслѣ высказался и Воронцовъ. Бесѣда эта происходила не наединѣ, а среди шумнаго придворнаго праздника, на которомъ присутствовалъ и Уильямсъ, не предполагавшій конечно что императрица, въ то время какъ все вокругъ нея веселилось, обсуждала съ двумя своими министрами и съ австрійскимъ посломъ важныя государственныя дѣла. Чтобъ отнять у него всякое подозрѣніе Елисавета подошла къ нему и старалась очаровать его своимъ вниманіемъ.

Эстергази, какъ сказано выше, настаивалъ, по требованію своего правительства, чтобы сдѣланныя имъ предложенія сохранились въ глубочайшей тайнѣ. Даже члены конференціи не должны были ничего знать о нихъ. Дѣйствительно, безъ ихъ вѣдома составлены были предиминарные пункты наступательнаго союза между Россіей и Австріей, которые канцлеръ 9 апрѣля вручилъ послу. Сущность ихъ заключалась въ слѣдующемъ: обѣ державы обязывались „учинить сильное наладеніе“ на короля Прусскаго, выставивъ для этого не менѣе какъ по 80.000 войска; войну слѣдовало продолжать до тѣхъ поръ пока Австрія возвратитъ себѣ Силезію и Глацъ, а Россія пріобрѣтетъ всю королевскую Пруссію, но такъ какъ Русское правительство не намѣревалось удержать за собою эту область, то оно предоставляло себѣ право отдать ее Польшѣ, а взамѣнъ этого получить Курляндію и Семигалію съ нѣкоторымъ округленіемъ своей польской границы; тотчасъ по началіи войны обѣ державы должны были употребить всѣ старанія чтобы привлечь къ участію въ ней Швецію и Саксонію. Въмѣстѣ съ означенными пунктами графу Эстергази сообщена была вѣдомость численнаго состава и расположенія нашихъ войскъ предназначавшихся дѣйствовать противъ Пруссіи. „Свѣдѣнія получаемыя отъ васъ, писалъ Кауницъ австрійскому послу, въ высшей степени утѣшительны и превосходятъ всякія ожиданія.“ Дѣйствительно, Вѣскій дворъ не могъ кажется пожаловаться что онъ не встрѣчаетъ достаточно рвенія со стороны Россіи! Нѣсколько поздне, опасаясь что Русское правительство не въ состояніи будетъ выставить обѣщанное имъ число войскъ по скудости своихъ финансовыхъ средствъ и будетъ нуждаться въ субсидіяхъ,

Кауницъ пожелалъ узвать его мнѣніе на этотъ счетъ, ибо въ такомъ случаѣ можно было бы заранѣе сговориться съ Франціей, но по мнѣнію Эстергази едва ли нужно было возбуждать подобный вопросъ: въ Петербургѣ и не помышляли о немъ, такъ велика была готовность приносить всякія жертвы для войны съ Пруссіей. Впрочемъ, желая избѣжать отвѣтственности, посоль обратился къ Бестужеву и Воронцову, и оба отвѣчали ему что дѣло идетъ не о деньгахъ, а объ ограниченіи могущества короля Прусскаго, содѣйствовать чему Россія обязана уже на основаніи своего трактата съ Австріей 1746 года *.

Слѣдовательно, между Петербургскимъ и Вѣнскимъ дворами установилось полное соглашеніе. Повидимому оставалось бы только закрѣпить его формальными обязательствами, но проходили недѣли и мѣсяцы, а Австрійское правительство не дѣлало ни шагу съ этою цѣлью. Оно всячески старалось, напротивъ, охладить рвеніе союзной съ нимъ державы. „Русскій дворъ, писалъ Кауницъ, слишкомъ торопливо и горячо принимается за дѣло прежде чѣмъ успѣло оно созрѣть и можетъ этимъ все испортить.“ Вокорѣ извѣстилъ онъ что войну необходимо отложить до весны слѣдующаго года. Въ Петербургѣ были очень удивлены этимъ: „Легко случиться можетъ, читаемъ мы въ протоколѣ конференціи, что Франція съ Англіей примиреніе свое сдѣлаетъ и такимъ образомъ весь случай, да можетъ-быть и навсегда, отнимется желанное сокращеніе силъ Прусскаго короля достигнуть.“ По приказанію императрицы было заявлено Вѣнскому двору что хотя Россія и пріостановитъ свои военныя приготовленія, но войска ея будутъ расположены такъ что во всякое время окажутся въ готовности двинуться въ походъ. Медлительность Австріи объясняютъ доносеніями Эстергази о томъ что русская армія находилась въ далеко неудовлетворительномъ состояніи и не имѣла хорошихъ генераловъ, но само Русское правительство было совершенно другаго мнѣнія о своихъ сухопутныхъ и морскихъ силахъ, а что касается генераловъ, они не сдѣлались бы конечно лучше отъ того что война началась бы нѣсколькими мѣсяцами поздне. Вѣнскій дворъ оласался что еслибы Фридрихъ, освѣдомившись о направленныхъ противъ него замыслахъ, вдругъ напалъ на Австрію, то

* Arneth, V, 52.

Россія оказала бы ей лишь слабую поддержку, но въ сущности руководили имъ другія соображенія. Союзъ заключенный имъ съ Франціей далеко не удовлетворялъ его; если Франція расторгнула свою связь съ Прусскимъ королемъ, представляла полную свободу его врагамъ, то сама не хотѣла принимать никакого участія въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Пруссіи; поколебать это принятое ею рѣшеніе, затянуть ее въ общій планъ, цѣлью коего былъ разгромъ Прусской монархіи—вотъ въ чемъ состояла задача надъ которою ревностно трудились Марія-Терезія и Кауницъ. Версальскій договоръ былъ важенъ для нихъ не столько самъ по себѣ сколько по основаннымъ на немъ надеждамъ. Черезъ двѣ недѣли послѣ того какъ договоръ состоялся, Штарембергъ убѣждалъ Кауница написать гжѣ Помпадуръ лестное для нея письмо. „Въ настоящую минуту, говорилъ онъ, мы нуждаемся въ ней болѣе чѣмъ когда-нибудь, и было бы очень желательно чтобы помимо личныхъ комплиментовъ вы выразили ей признательность нашего двора и всего министерства. Несомнѣнно что маркизъ мы обязаны всѣмъ и что лишь отъ нея должны ожидать всего въ будущемъ. Она хочетъ чтобы ее уважали и дѣйствительно заслуживаетъ уваженія.“ Канцлеръ не замедлилъ послѣдовать данному ему совѣту и въ письмѣ его особенно останавливаютъ вниманіе слѣдующія строки: „То что уже сдѣлано заслуживаетъ, кажется, одобренія безпристрастной лубрики и потомства, но что еще остается совершить, такъ грандіозно и такъ достойно васъ что конечно вы не откажетесь довести до конца предпріятіе которое сдѣлаетъ васъ дорогою вашему отечеству“. Готовясь вступить въ борьбу на жизнь и смерть съ Пруссіей, Вѣвскій дворъ вѣрилъ въ полный успѣхъ этой борьбы только въ томъ случаѣ еслибы могъ опираться одинаково на силы двухъ державъ, Франціи и Россіи. Пока не устроилъ онъ окончательно свои дѣла съ первою изъ нихъ, то поневолѣ приходилось ему сдерживать воцвѣтшія стремленія другой. Онъ не считалъ однако возможнымъ объяснить все это откровенно въ Петербургѣ, по той причинѣ что задуманное имъ новое соглашеніе съ Франціей должно было оставаться тайной для Русскаго двора. Это не мѣшало ему однако усердно хлопотать о томъ чтобы императрица Елисавета забыла свою распрю съ Людовикомъ XV, возобновила прерванныя съ нимъ сношенія; но Вѣвскій дворъ хотѣлъ чтобы сближеніе между

ными произошло, такъ-сказать, подъ его руководствомъ и настолько, насколько это соотвѣтствовало его выгодамъ.

Въ Петербургѣ были весьма расположены примириться съ Франціей. Сильная при дворѣ партія доказывала необходимость этого, но встрѣчала возраженія со стороны Бестужева: не очевидное ли доказательство, вопили его враги, что онъ дѣйствуетъ такъ только потому что слишкомъ предался Англійскому правительству и залутался въ интригахъ съ молодымъ дворомъ? Съ перваго взгляда кажется труднымъ оправдать его. „Какъ скоро ближайшая наша союзница Австрія, говоритъ Соловьевъ, сблизилась съ Франціей и предлагала Россіи сдѣлать то же самое, то послѣдовательность требовала принять предложеніе“. Если послѣдовательность требовала этого, то послѣдствія, какъ увидимъ, не замедлили доказать что Бестужевъ руководился не эгоистическими разчетами, а серьезными государственными соображеніями. Необходимо обратить здѣсь вниманіе вообще на тотъ образъ дѣйствій который усвоила себѣ русская политика. Положеніе Россіи въ виду готовившихся важныхъ событій было въ высшей степени выгодно: она понимала, и въ этомъ заключалась громадная заслуга Бестужева, какими опасностями грозило усиленіе по сосѣдству съ нею такого государства какъ Пруссія; она готовилась прибѣгнуть къ самымъ энергическимъ мѣрамъ чтобъ устранить эту опасность; но для Россіи было гораздо менѣе причинъ страшиться ея чѣмъ для другихъ государствъ. Пруссія могла тревожить ее лишь въ будущемъ, тогда какъ Австрія уже въ настоящемъ почувствовала на себѣ всю тяжесть руки выступавшей на сцену державы. Фридрихъ, какъ мы видѣли изъ собственныхъ его признаній, былъ убѣжденъ что наступательная война противъ Россіи почти невозможна, но у Габсбургскаго дома онъ уже отнялъ одну изъ лучшихъ его провинцій, замышлялъ присвоить себѣ первенствующую роль въ Германіи, занять мѣсто во главѣ протестантскихъ ея князей. Кто же долженъ былъ болѣе страшиться его, императрица Елисавета, или императрица Марія-Терезія? Что касается Франціи, то начавъ войну съ Англіей, которая намѣревалась поколебать ея могущество на моряхъ, и потерявъ всякую надежду на помощь со стороны короля Прусскаго, она поневолѣ должна была выступить на тотъ путь на который увлекалъ ее Вѣвскій дворъ. Объ державы, о которыхъ мы говоримъ, Франція изъ мести, Австрія

для огражденія самыхъ дорогихъ своихъ интересовъ, задумали напасть на Пруссію, но оны не въ состояніи были разгромить ее безъ содѣйствія Россіи. Ни для кого не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ этомъ. „Весь планъ, говоритъ Арнетъ *, былъ основанъ главнымъ образомъ на участіи въ войнѣ Русскаго правительства“. Не Россіи приходилось записывать въ комъ бы то ни было, а напротивъ, ей долженъ былъ принадлежать въ возникавшей коалиціи рѣшающій голосъ, но къ сожалѣнію именно этого-то и не понимали надлежащимъ образомъ въ Петербургѣ. Тамъ не хотѣли принять въ расчетъ что недостаточно нанести ударъ врагу, а надо поставить себя въ независимое положеніе относительно союзниковъ, не допускать чтобы всѣ выгоды были лишь на ихъ сторонѣ, ибо въ такомъ случаѣ союзники могли бы сдѣлаться современемъ еще опаснѣе чѣмъ лавшій врагъ. Слишкомъ убѣдительные факты свидѣлствуютъ, какъ увидимъ ниже, что при императрицѣ Елисаветѣ русская политика не умѣла избѣгнуть тѣхъ ошибокъ которыми столь часто отличалась она въ послѣдствіи, а именно изъ лобужденій великодушія она увлекалась черезчуръ ревностнымъ желаніемъ служить чужому дѣлу, не обращая достаточно вниманія на собственные интересы. А между тѣмъ ей слѣдовало бы быть особенно осторожною относительно Франціи. Всѣ предшествовавшія попытки сблизиться съ этою державою оказывались тщетными не потому только что она преслѣдовала цѣли совершенно противныя нашимъ, но еще и по той причинѣ что Версальскій дворъ вообще руководился взглядомъ что Россія вовсе не нужна ему. Онъ не могъ отдѣлаться отъ этого убѣжденія даже когда въ событіяхъ о которыхъ предстоитъ намъ говорить дѣйствовалъ заодно съ нашимъ отечествомъ. „Союзъ нашъ съ Россіей, писалъ герцогъ Шуазэль французскому послу въ Петербургѣ, чисто случайный и вызванъ особыми обстоятельствами. Намъ вовсе не слѣдуетъ заботиться объ укрѣпленіи его, на томъ основаніи что старинные наши союзники: Турція, Польша, Швеція и Дакія, естественные враги этой державы; мы не должны поддерживать ея деспотизмъ на сѣверѣ и возрастающее ея вліяніе въ Германіи. Она слишкомъ удалена отъ насъ чтобы Франція могла когда-нибудь завязать съ нею широкія

* *Maria-Theresia und der siebenjährige Krieg*, I, 39.

коммерческія сношенія. Словомъ, благоразуміе требуетъ оставаться въ союзѣ съ Россіей, но не имѣя его въ виду для будущаго; надо только въ настоящемъ воспользоваться имъ для нашихъ цѣлей“ *. Можно было бы привести не мало другихъ доказательствъ что въ этихъ словахъ выражено было не личное убѣжденіе того или другаго министра, а основное правило котораго неизмѣнно держалось Французское правительство. Именно въ то время когда возбужденъ былъ вопросъ о сближеніи съ нимъ, оно съ особеннымъ увлеченіемъ направляло свою дѣятельность противъ Россіи. Посланникъ его въ Константинополѣ Дезальбръ старался поднять Турцію противъ насъ; явнымъ нашимъ врагомъ былъ и французскій посланникъ въ Варшавѣ, графъ Броль, человекъ предприимчивый, неутомимый, постоянно занятый разными планами одинъ страннѣе другаго, котораго телерешнѣй его потомокъ счелъ нужнымъ возвести на льедесталь **. Задачей его было подготовить кандидатуру на Польскій престолъ герцога Конти; съ этою цѣлью онъ употреблялъ всѣ усилія чтобъ организовать французскую партію въ Польшѣ, интриговалъ противъ короля Августа и не переставалъ внушать своимъ приверженцамъ что страшныя опасности угрожаютъ ихъ отечеству главнымъ образомъ со стороны Россіи. Слѣдовало бы предположить конечно что Версальскій дворъ, дѣйствовавшій такимъ образомъ потому что находился въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Россіи, измѣнитъ свою политику какъ скоро вступитъ въ союзъ съ нею, но не произошло ничего подобнаго; правительство наше какъ прежде, такъ и послѣ встрѣчалось на каждомъ шагѣ съ глухимъ, а гораздо чаще съ явнымъ недоброжелательствомъ французскихъ агентовъ. Что они дѣйствовали такимъ образомъ не наобумъ, не потому только что, какъ замѣчаетъ Соловьевъ, трудно было отрѣшиться вдругъ отъ установившихся воззрѣній и привычекъ, а согласно получаемымъ инструкціямъ, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Когда начались переговоры между Франціей и Россіей, графъ Броль былъ отозванъ изъ

* Делеша Шуазэа помѣщена въ любопытной статьѣ г. Дареста *Le marquis de L'hospital, ambassadeur de France en Russie en 1757*, появившейся въ первыхъ книжкахъ *Séances et travaux de l'Académie des sciences morales et politiques* за нынѣшній годъ. Мы еще будемъ пользоваться этою статьёй для нашего дальнѣйшаго очерка.

** *Le secret du roi, par le duc de Broglie. 1879.*

Варшавы, но лѣтомъ 1757 года, т.е. уже послѣ заключенія союза, онъ снова вернулся туда со слѣдующимъ предписаніемъ Лудовика XV: „во всѣхъ тѣхъ случаяхъ когда невозможно согласовать уступчивость относительно Россіи съ тѣми чувствами которыя король никогда не переставалъ питать къ Польшѣ, слѣдуетъ отдавать предпочтеніе польскимъ интересамъ“ *.

Полагаемъ что вопросъ о томъ въ какія отношенія слѣдовало съ самаго начала стать ко Франціи представлялъ особенную важность. Вліятельная партія при дворѣ смотрѣла на него однако иначе: она всячески убѣждала императрицу сблизиться съ Версальскимъ дворомъ, лишь бы соблюдены были при этомъ вѣшнія приличія, а именно чтобы посланники обѣихъ державъ были назначены одновременно. „Какое несчастіе, говорилъ Бестужевъ, что у насъ теперь молодой фаворитъ, который умѣетъ говорить по-французски, любитъ Французовъ и ихъ моды и будетъ радъ когда пріѣдетъ сюда французскій посланникъ со многочисленною свитой.“

Мы не оставимся здѣсь подробно на достаточно распространенныхъ свѣдѣніяхъ о томъ какъ завязались сношенія между Петербургомъ и Версалемъ. Еще въ 1755 году пріѣзжалъ въ Россію съ тайвымъ порученіемъ Французскаго правительства Шотландецъ Дугласъ Макензи, а весной слѣдующаго года явился онъ снова и тотчасъ же нашелъ доступъ къ Воронцову. Онъ не имѣлъ однако officialнаго характера и вообще окружалъ себя глубокою таинственностью. Въ сохранившемся письмѣ неизвѣстнаго лица **, вѣроятно приица Кюнти или одного изъ его агентовъ, указана, между прочимъ, одна изъ причинъ по которымъ онъ долженъ былъ поступать такимъ образомъ: „Такъ какъ вы должны, читаемъ въ этомъ письмѣ, вести переговоры только съ г. Воронцовымъ, то и не слѣдуетъ вамъ заявлять публично что вы снабжены приказаніями отъ короля и его министерства; иначе, если вы выставите себя уполномоченнымъ его величества, то какъ можно будетъ оправдать это въ глазахъ г. Бестужева, къ которому вы не адресованы, а между тѣмъ слѣдовало бы это сдѣлать по занимаемому имъ положенію. Если, напротивъ, вы будете выдавать себя за простаго

* *Vandal*, 314.

** *Архивъ князя Воронцова*, III, 578—581.

путешественника, то ничего нельзя будетъ сказать противъ васъ, тѣмъ болѣе что г. Воронцовъ сообщитъ императрицѣ о цѣли вашей повѣдки, и эта государыня возьметъ васъ подъ непосредственное свое покровительство.“ Дугласа сопровождалъ пресловутый кавалеръ д'Эонъ, разказывающій невѣроятныя небывлицы о своихъ приключеніяхъ въ Петербургѣ, между прочимъ о томъ, какъ благодаря своей красивой наружности онъ въ женскомъ платьѣ, подъ именемъ дѣвицы Ліи де-Бомонъ, явился къ Елисаветѣ, которая предстала предъ нимъ „окруженная блестящею группою своихъ фрейлинь, настоящимъ сборищемъ нимфъ, весьма достойнымъ вниманія иностранцевъ“ (véritable troupe des nymphes, très digne de la curiosité des étrangers), какъ онъ самъ занялъ мѣсто между этими фрейлинами, сдѣлался лектрисой императрицы и потомъ вдругъ преобразился въ мужчину. Французы охотно вѣрили этому глупому роману до самаго послѣдняго времени, когда прочли слѣдующія строки Екатерины въ изданной Я. К. Гротомъ перепискѣ ея съ Гриммомъ: „никогда не было у императрицы Елисаветы лектрисы; г. или гжа д'Эонъ былъ извѣстенъ ей отнюдь не болѣе чѣмъ мнѣ; я же знала его за политическаго проходимца состоявшаго при маркизѣ Лопиталѣ и баронѣ Бретелѣ“. Весьма полезень Дугласу былъ нѣкто Мишель, французскій негодянтъ въ Петербургѣ, имя коего встрѣчается очень часто, но о которомъ нельзя составить вполнѣ ясное понятіе: мы видимъ что онъ имѣетъ свободный доступъ къ важнымъ лицамъ, между прочимъ къ Воронцову, снабжаетъ Дугласа деньгами, ѣдетъ въ Парижъ чтобы сообщить объ успѣхѣхъ возложеннаго на него порученія, привозитъ оттуда новыя инструкціи, затѣмъ сопровождаетъ во Францію Бехтѣва, сноситея съ французскими министрами, имѣетъ съ ними какіе-то денежные счеты, словомъ, разыгрываетъ роль которая при торговыхъ его дѣлахъ могла бы быть слишкомъ убыточна для него еслибы была безкорытна. Дугласу заявлено было что императрица рада возстановить доброе согласіе и дружбу съ Франціей и для этого намѣрена послать въ Парижъ довѣренное лицо, впрочемъ тоже подъ видомъ обыкновеннаго путешественника. Вообще Дугласъ дѣйствовалъ очень удачно, но только не переставалъ жаловаться что поставленъ въ какія-то подчиненныя отношенія къ австрійскому посланнику въ Петербургѣ, такъ что выходило будто не онъ, а Эстергази

ведеть переговоры о сближеніи между Франціей и Россіей. „Вы мнѣ предписываете, читаемъ въ одной изъ его делешъ, чтобъ обо всемъ совѣщался и условливался я съ графомъ Эстергази, но не значить ли это находится намъ въ зависимости отъ Вѣнскаго двора?“ Такое положеніе было тѣмъ болѣе странно что не могло нравиться и императрицѣ. „Я не хочу, говорила она, никакихъ посредниковъ между мною и королемъ и требую отъ него только искренности, прямоты и совершенной взаимности во всемъ что будетъ условлено между нами.“ Но Дугласъ не могъ конечно часто видѣть Елисавету, онъ долженъ былъ сноситься съ ея министрами, избѣгая впрочемъ тщательнo Бестужева, и тутъ неизбѣжно оказывалось вліяніе Эстергази, точно такъ какъ при Французскомъ дворѣ съ необычайнымъ искусствомъ давалъ всему направленіе Штарембергъ. Агентъ нашего правительства въ Парижѣ очутился совершенно въ такомъ же положеніи.

Русское правительство отправило туда Федора Дмитриевича Бехтѣва, человѣка очень близкаго къ Воронцову. Изъ писемъ его видно что онъ обладалъ замѣчательнымъ умомъ, тонкою наблюдательностію, былъ какъ нельзя болѣе пригоденъ для дипломатическаго полрица, и можно только пожалѣть что появленіе его на немъ было слишкомъ кратковременно. Сношенія съ Французскимъ правительствомъ представляли немаловажныя трудности: тутъ приходилось лавировать между гжой Помпадуръ, имѣвшею огромное вліяніе на дѣла, хотя, по свидѣтельству ея друга, аббата Берниса, она понимала въ нихъ столько же сколько ребенокъ, между привцемъ Контя, находившимся въ дурныхъ отношеніяхъ съ фавориткой, но который тоже пользовался довѣріемъ Лудовика XV, и министрами, жившими далеко не въ тѣсномъ согласіи. Бехтѣвъ умѣлъ однако снискать общее расположеніе. Съ самаго начала пораженъ былъ онъ крайнимъ невѣжествомъ Французовъ относительно Россіи. „Какъ я у министра (иностранныхъ дѣлъ Рулье), писалъ онъ Воронцову, въ пятницу по пріѣздѣ въ другоредъ былъ, учивилъ онъ мнѣ между прочимъ весьма странный и печальный вопросъ, а именно, при иностранныхъ ли дѣлахъ ваше сіятельство состоите? Но какъ я съ оказаніемъ крайняго удивленія ему отвѣтствовалъ что вы равный товарищъ его сіятельству канцлеру, столько же въ дѣлахъ уполномочены какъ и онъ, то онъ мнѣ отвѣтствовалъ

что ему нужно было сіе знать, но впрочемъ онъ о томъ не сомнѣвается, и болѣе о семъ не говорилъ.“ Воронцовъ въ свою очередь не мало былъ удивленъ наивностью Руде, но Бехтѣвъ объяснялъ ее такимъ образомъ: „Не можете, ваше сіятельство, повѣрить сколько мало свѣдуици здѣсь о насъ. Причина тому что мало или почти никого изъ дворянства здѣшняго у насъ не было, а только подлые, или по меньшей мѣрѣ самые бѣдные, не включая и тѣхъ кои министрами были и кои за собственную досаду или въ оправданіе своихъ поступковъ сколько можно худыя мнѣнія о насъ подали, такъ что кромѣ ученыхъ и у дѣлъ находящихся (да и то не всѣ) прочіе Французы, особливо знатные, думаютъ что Французу надо у насъ умереть съ голоду и холоду. Трудно у нихъ изъ головы вынуть сіе затвердѣлое мнѣніе при роскошахъ въ которыхъ дворянство здѣсь погружено и при маломъ понятіи кое оно генерально имѣетъ о другихъ земляхъ.“ * Бехтѣвъ старался какъ можно лучше исполнить возложенное на него порученіе, но если это ему не удавалось, то ужь конечно не по его винѣ. Въ полученной имъ инструкціи было сказано что онъ ничего не долженъ дѣлать безъ согласія и совѣта австрійскаго посла, обязавъ въ теченіе переговоровъ постоянно обращаться къ нему за указаніями, иначе Вѣвскій дворъ залодозритъ „что на его старанія не полагаются и мимо его хотятъ постановить что-то важное съ Франціей“. Но уполномоченный нашъ скоро убѣдился что если онъ считалъ долгомъ быть откровеннымъ, то ему далеко не платили взаимностью. „Австрійцы, доносилъ онъ, конечно хотятъ чтобы мы были въ дружбѣ (съ Франціей), да не очень много... Графъ Штарембергъ сильно утвердилъ свой кредитъ у министерства и мадамы Помладуръ и сильно того наблюдаетъ чтобы всѣ наши дѣла чрезъ него шли; здѣшнему двору дать знать что нашъ всю довѣренность къ Вѣвскому имѣетъ и чрезъ него все производить хочетъ... О получаемыхъ отъ двора

* Лопиталь вскорѣ по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, въ 1757 году, доносилъ что въ Россіи очень мало Французовъ, что въ столицѣ не болѣе двухъ или трехъ порядочныхъ французскихъ торговыхъ фирмъ, что Французы не составляютъ тамъ колоніи и не хотятъ знать своего консула. „Il y en a, говоритъ онъ, un nombre de placés comme maîtres de langues et gouverneurs chez des seigneurs russes, et autres gens aventuriers, mais peu de négocians“. (*Daresté, Acad. des sciences mor. et polit., 1re livrais. 30*).

его указахъ ни однажды мнѣ не сообщалъ, а что иногда и принужденъ сказать, то все ужъ гораздо поздно и сквозь зубы"... „По моему слабому разсужденію, замѣчаетъ въ другомъ своемъ письмѣ Бехтѣвъ, надо смирить короля Прусскаго, но досадно то что мы дѣла свои все подъ олекой отправляемъ.“ Заявленія такого рода не могли нравиться въ Петербургѣ, тѣмъ болѣе что даже частная корреспонденція Бехтѣва постукала на усмотрѣніе императрицы. Однажды, когда онъ особенно рѣзко высказывалъ свое мнѣніе, Воронцовъ сдѣлалъ подстрочную замѣтку на его письмѣ: „самъ полагаемъ Бехтѣвъ весьма смѣло свои разсужденія полагаетъ; токмо по ревности и вѣрности своей къ вашему величеству безъ опасенія прямо ко мнѣ пишетъ, надѣясь что все сіе въ тайности содержано будетъ.“ Но Бехтѣвъ не измѣнилъ своего взгляда и продолжалъ дѣлать мрачныя предсказанія. „Крайне опасюсь, говорилъ онъ, чтобы при примиреніи насъ не обманули и чтобы съ нами не сбылась пословица: *passato il pericolo, gabato il santo...* Я не пишу сіе съ какой-нибудь досады что отъ меня негоціація скрыта; мнѣ все равно, чрезъ кого бы дѣла ни шли, только бы интересъ нашей всемилостивѣйшей государыни наблюденъ былъ; но только то мнѣ жаль что намъ безславно яко бы мы безъ другихъ ничего сами дѣлать не можемъ.“ Бехтѣвъ тѣмъ болѣе имѣлъ причины сѣтовать на такое положеніе дѣлъ что если австрійское вліяніе было сильно при дворѣ, то отнюдь не простиралось на общество. „Еслибы, храни Боже, писалъ онъ, послѣ покушенія Даміена на жизнь Людовика XV, короля не стало, то худо бы Вѣнскаго двора дѣла здѣсь пошли, ибо генерально всѣ Вѣдцевъ не любятъ, и только подлора ихъ одна маркиза Помпадуръ, а по ней аббатъ Бернисъ. Они одни прямо благонамѣренны общему дѣлу, а всѣ прочіе Французы поставляютъ союзъ съ Вѣнскимъ дворомъ за нематуральный и войну на сухомъ пути за излишнюю и вредительную для Франціи.“

Основательны ли были опасенія которыя такъ настойчиво высказывалъ Бехтѣвъ? Прежде чѣмъ отвѣчать на этотъ вопросъ нужно взглянуть на какихъ условіяхъ сформировалась окончательно коалиція противъ Фридриха, но переговоры по ея поводу еще не были завершены, когда Прусскій король, провикнувъ въ намѣренія своихъ противниковъ, рѣшился вдругъ самъ напасть на нихъ.

IX.

Въ 1787 году, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ по кончинѣ Фридриха Великаго, одинъ изъ его министровъ, Герцбергъ, прочелъ въ публичномъ засѣданіи Берлинской академіи исторической очеркъ, въ которомъ высказывалъ, между прочимъ, мысль что отъ самого покойнаго короля зависѣло, быть-можетъ, избѣжать войны, терзавшей въ теченіе семи лѣтъ средду Европу. Заявление Герцберга породило немалый скандалъ въ Пруссіи уже потому что онъ пользовался довѣріемъ своего государя, могъ знать очень многое и ему поручено было сочинить записку, въ которой Фридрихъ, взявшисъ за мечъ, оправдывалъ предъ лицомъ всего свѣта свой образъ дѣйствій. „На меня возложено было, говорилъ бывшій министръ, составленіе и обнародованіе знаменитаго *Mémoire raisonné*, имѣвшаго цѣлью, на основаніи подлинныхъ депешъ австрійскихъ и саксонскихъ государственныхъ людей, обнаружить задуманные планы войны съ Пруссіей и раздѣловъ ея. Несомнѣнно что они существовали; но такъ какъ это были лишь предположительные планы, разчитанные на тотъ случай что король Пруссій подастъ поводъ къ войнѣ, то во всякомъ случаѣ сомнительно были ли бы они когда-нибудь приводимы въ исполненіе и что представлялось опаснѣе — выжидать или предупреждать ихъ осуществленіе. Какъ бы то ни было, люболытство короля, а въ добавокъ къ этому измѣна одного саксонскаго чиновника послужили причиной страшной Семилѣтней Войны, которая обезсмертила Фридриха, II и прусскую націю, но вмѣстѣ съ тѣмъ почти совершенно разорила государство и довела его до края гибели“. Герцбергъ рассуждалъ такимъ образомъ только потому что не могъ имѣть вѣрныхъ свѣдѣній о намѣреніяхъ С.-Петербургскаго и Вѣнскаго дворовъ, но для насъ, знающихъ теперь всѣ подробности происходившихъ между ними переговоровъ, не подлежитъ сомнѣнію что было бы несправедливо обвинять Фридриха будто онъ самъ вызвалъ войну; напротивъ, никакія усилія не помогли бы ему уклониться отъ нея; особенно съ того времени какъ заключилъ онъ Вестминстерскій договоръ, война сдѣлалась для него неизбѣжною. Изъ этого отнюдь не слѣдуетъ чтобы было справедливо мнѣніе нѣмецкихъ историковъ, которые выставляютъ Прусскаго короля невинною жертвою

вѣроломнаго заговора и стараются доказать что три европейскія державы задумали его погубель въ то время когда онъ не давалъ имъ никакого повода для этого и устремлялъ всѣ свои помыслы на сохраненіе мира. Причины Семилѣтней Войны нельзя разсматривать съ точки зрѣнія событій непосредственно предшествовавшихъ ей; она была естественнымъ послѣдствіемъ того тревожнаго состоянія въ которомъ находилась Европа начиная съ 1740 года, а чѣмъ же были вызваны эти тревоги какъ не завоевательною политикою Фридриха, не останавливавшагося ни предъ чѣмъ когда превосходство грубой силы было на его сторонѣ? Послѣ Ахенскаго мира онъ не оставался ни на минуту спокойнымъ, какъ можно убѣдиться изъ его корреспонденціи; онъ предвидѣлъ что сѣмя посѣянное имъ дастъ плодъ, что страхъ и ненависть порожденные въ Европѣ его образомъ дѣйствій навлекутъ на него грозу. Война начавшаяся въ 1756 году не была такимъ образомъ для него неожиданностью.

Фридрихъ посредствомъ подкула узналъ о намѣреніяхъ своихъ противниковъ. Секретаремъ австрійскаго посольства въ Берлинѣ былъ молодой человекъ Вейнгартенъ, котораго чрезъ министра Эйхеля услѣлъ онъ склонить на свою сторону. Вейнгартенъ поступилъ очень хитро: онъ сообщилъ посланнику графу Пуэблѣ о сдѣланныхъ ему предложеніяхъ, а тотъ далъ совѣтъ не отвѣчать отказомъ, ибо такимъ образомъ представилось бы, быть-можетъ, средство проникнуть въ тайны Прусскаго правительства. Постыдная роль измѣнника, сообщавшаго Пруссакамъ все что проходило чрезъ его руки и вмѣстѣ съ тѣмъ щеголявшаго предъ графомъ Пуэбломъ своею благонамѣренностью, надломилъ однако молодого человека; онъ прислалъ посланнику письмо такого содержания что нельзя было не догадаться объ его поступкѣ, затѣмъ скрылся, и всѣ старанія Австрійскаго правительства разыскать его оказались безуспѣшными. Впрочемъ, Вейнгартенъ едва ли могъ быть особенно полезенъ Фридриху, ибо Кауницъ не считалъ нужнымъ увѣдомлять графа Пуэбла о ходѣ переговоровъ съ С.-Петербургскимъ и Вѣнскимъ дворами. Гораздо болѣе важныя услуги оказалъ королю чиновникъ секретной канцеляріи саксонскаго министра графа Брюля, Менцель: въ канцелярію эту поступали дѣлеші отъ уловоченныхъ Августа III при иностранныхъ дворахъ; Менцель начиная съ 1754 года сообщалъ въ Берлинъ копии съ

векъ, а такъ какъ при всемъ стараніи Русскаго и Австрійскаго правительствъ сохранить тайну, невозможно было хотя отчасти не догадаться о ней, то въ означенныхъ документахъ Фридрихъ находилъ весьма важныя для себя указанія. Литомъ 1756 года онъ окончательно убѣдился что противъ него готовится коалиція, но что она еще не вполне сформировалась и главная задержка происходитъ будто бы отъ Россіи, владѣніе дурнаго состоянія ея арміи и флота: изъ этого видно, между прочимъ, какъ неудовлетворительны были свѣдѣнія полученныя имъ, ибо мы знаемъ что не Австрія, а Россія слѣдила начатіемъ войны. Предупредить своихъ враговъ, не дать имъ времени собрать свои силы—вотъ въ чемъ состоялъ планъ немедленно возникшій въ умѣ Фридриха. Онъ сообщалъ его англійскому посланнику Митчелю, который тщетно старался успокоить короля. Все возраженія только раздражали его. „Взгляните мнѣ на лицо, воскликнулъ онъ: такой ли у меня носъ чтобы можно было безнаказанно давать ему щелчки? Эта дама, продолжалъ онъ обращаясь къ портрету Маріи-Терезіи, хочетъ войны, и война съ нею начнется прежде чѣмъ она ожидаетъ; мнѣ не остается ничего болѣе какъ идти на встрѣчу моимъ врагамъ; войска мои готовы и я постараюсь разстроить заговоръ прежде чѣмъ онъ созрѣетъ“. Митчель добился лишь того чтобы прежде чѣмъ приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ Фридрихъ обратился къ Австрійскому правительству съ вопросомъ чѣмъ вызваны военныя его приготовленія и общается ли оно не нападать на него ни въ текущемъ, ни въ наступающемъ году. Относительно перваго изъ этихъ пунктовъ Марія-Терезія отвѣчала уклончиво, а что касается втораго, то вовсе обошла его молчаніемъ. Тогда Прусскій король немедленно вторгнулся въ Саксонію.

Насильственный его образъ дѣйствій противъ этой страны не оправдывался ровно ничѣмъ. Когда занялъ онъ Дрезденъ, то воспользовался документами найденными имъ въ государственномъ архивѣ этого города (содержаніе многихъ изъ нихъ было уже заранее ему извѣстно благодаря измѣнѣ Менцеля) чтобы доказать будто Саксонское правительство участвовало въ составившемся противъ него „заговорѣ“, готовилось присоединиться къ его врагамъ, но попытки эти были совершенно неудачны. Саксонія послѣ постигнутого ея въ 1745 году разгрома держалась въ сторонѣ; она не приступила къ

трактову заключенному въ 1746 году между Россіей и Австріей; вскорѣ затѣмъ она предпочла и протѣивъ сблизиться съ Франціей, а именно дефинъ вступилъ въ бракъ съ дочерью Августа III Маріей-Іосефой. Прадъ началомъ Семилѣтней Войны отношенія между С.-Петербургскимъ и Дрезденскимъ дворами были даже не совсѣмъ дружественны, ибо Августъ и министръ его Брюль по вопросу объ Острожакомъ наследствѣ поссорились съ представителями русской партіи въ Польшѣ Чарторыйскими, которымъ наше правительство оказывало поддержку. Когда герцогъ Брюль назначенъ былъ посланникомъ въ Варшаву, то въ первое время старался онъ приготовить кандидатуру на польскій престолъ герцога Конти, но потомъ, убѣдившись въ трудностяхъ этого плана, задумалъ совершенно другой: у него созрѣла мысль навсегда отстранить Саксонію отъ Австріи и Россіи, связать ее самыми тѣсными узами съ Франціей, обезпечить польскую корону для потомства Августа III, и все это съ тою цѣлью чтобы Саксонія, неразрывно связанная съ Польшей, служила оplotомъ противъ русскаго могущества. Разумѣется, при этомъ не могло быть уже и рѣчи о притязаніяхъ принца Конти, но, какъ доказывалъ пылкій дипломатъ, Французское правительство извлекало бы для себя громадную выгоду. „Саксонія, опираясь на Польшу, писалъ онъ, будетъ служить непреодолимою преградой противъ вторженій Россіи въ Германію. Съ юга Турція не давала бы покоя державѣ созданной Петромъ Великимъ, со стороны моря Швеція и Давія, естественныя союзницы Франціи, постоянно угрожали бы ей; такимъ образомъ она была бы вполне парализована и вытѣснена изъ предѣловъ цивилизованнаго міра, куда не сдѣлало бы ей и промкнать“. Все это доказываетъ что еще далеко не былъ рѣшенъ вопросъ, на какую сторону склонится Саксонское правительство, оно не оставалось ни на чемъ, ибо помня данный ему урокъ болало скомпрометтировать себя какимъ-нибудь неосторожнымъ шапкомъ. Секретные переговоры между Петербургомъ и Вѣной были почти вовсе неизвѣстны ему. Въ приложеніяхъ къ *Mémoire raisonné* Фридрихъ велѣлъ напечатать депешу отъ 12 іюня 1756 года саксонскаго посланника при Вѣскомъ дворѣ графа Флемминга, въ которой этотъ дипломатъ, сообщалъ о бесѣдѣ своей съ Кауницемъ по поводу военныхъ приготовленій въ Россіи. „Я спросилъ его, читаемъ мы въ

этой депешѣ, чѣмъ вызваны она, и хотя министръ уклонился отъ опредѣленнаго отвѣта, но не возражалъ однако противъ сдѣланнаго мною замѣчанія что по всему вѣроятію вооруженія эти направлены скорее противъ Прусскаго короля, чѣмъ съ цѣлью исполнить обязательства принятыхъ Русскимъ дворомъ относительно Англіи. Я высказалъ недоумѣніе, въ состояніи ли будетъ Россія содержать столь многочисленное войско за границей если лишится англійскихъ субсидій; на это министръ отвѣчалъ что за деньгами не станетъ дѣло если только явится увѣренность что онѣ будутъ хорошо употреблены: это были его собственные слова. Когда же я замѣтилъ что такой хитрый и пронацѣпительный государь какъ король Прусскій догадается что вмѣсто Англіи Россія разчитываетъ на Австрію и вдругъ вторгнется въ австрійскія владѣнія, графъ отвѣчалъ мнѣ что на этотъ счетъ нечего безлохотиться, ибо здѣсь приготовлены ко всякимъ случайностямъ.“ Приведенная депеша указывала довольно ясно на намѣренія С.-Петербургскаго и Вѣнскаго дворовъ, но есть ли въ ней хотя одно слово изъ котораго можно было бы заключить что и Саксонское правительство присоединилось къ ихъ планамъ? Напротивъ, мы видимъ что оно только старалось проникнуть въ тайну и должно было довольствоваться болѣе или менѣе опредѣленными намеками. Всѣ другіе документы помѣщенные въ *Mémoire raisonné* еще менѣе убѣдительны чѣмъ тотъ о которомъ упомянули мы сейчасъ. Они свидѣтельствовали лишь что правительство Августа III не могло забыть о жестокихъ ударахъ нанесенныхъ Саксоніи Фридрихомъ, было очень раздражено противъ него, постоянно жаловалось на его политику, но развѣ все это служило достаточнымъ основаніемъ для того чтобы внезапно, безо всякаго предварительнаго заявленія, вторгнуться въ его земли? Впрочемъ, Фридрихъ въ своихъ мемуарахъ не окрываетъ настоящія причины побудившія его къ такому поступку. „Начиная войну, говоритъ онъ, надежало предварительно отнять у Саксонцевъ средства вмѣшаться въ нее и вредить Пруссакамъ; для того чтобы перенести войну въ Богемію надежало перейти черезъ Саксонское курфиршество: еслибы не завладѣть имъ, то повади осталася бы врагъ, который, затруднивъ для Пруссаковъ свободное плаваніе по Эльбѣ, могъ бы принудить ихъ очистить Богемію какъ скоро захотѣлъ бы этого Польскій король.“ Вотъ это просто и ясно и не

зачѣмъ было обвинять Саксонское правительство въ какихъ-то несуществовавшихъ замыслахъ.

Вечеромъ 28 августа вернуся Августъ съ охоты и встрѣтилъ во дворцѣ прусскаго посланника Мальдана, который сообщилъ ему что войска Фридриха предназначены дѣйствовать противъ Австріи вступили въ Саксонію, что король не питаетъ никакихъ непріязненныхъ намѣреній противъ этой страны, но по стратегическимъ соображеніямъ вынужденъ временно занять ее и что она будетъ „возвращена“ курфюрсту по заключеніи мира. Фридриху было недостаточно того чтобы Саксонія соблюдала нейтралитетъ, онъ хотѣлъ въ предстоявшей войнѣ заставить ее дѣйствовать заодно съ Пруссіей и даже болѣе этого, какъ выяснилось изъ совѣщаній его съ саксонскимъ уполномоченнымъ генераломъ Арнимомъ. „Я вижу, любезный генералъ, говорилъ онъ, что Польскій король не хочетъ соединить свою армію съ моею, но я не могу отказаться отъ этого требованія, многія уважительныя причины побуждаютъ меня къ тому; военныя соображенія услаждаютъ это и мнѣ нельзя измѣнить свой планъ.“ Арнимъ возражалъ что нельзя же однако Августу III объявить войну Маріи-Терезіи безъ малѣйшаго повода, не имѣя возможности привести ровно ничего для оправданія подобнаго образа дѣйствій. „Все это прекрасно, продолжалъ король, но тѣмъ не менѣе войска наши должны дѣйствовать сообща, ибо иначе нѣтъ никакихъ гарантій моей безопасности; пусть Польскій король заключитъ со мною договоръ, который установитъ между нами дружескую связь и сдѣлаетъ солидарными наши интересы; Саксонія должна раздѣлять съ Пруссіей и радость и горе; если счастье окажется на моей сторонѣ, то не только будетъ она щедро вознаграждена, но я озабочусь объ ея выгодахъ какъ о своихъ собственныхъ, относительно же того что скажетъ свѣтъ, вѣчего особенно смущаться; мы сумѣемъ приправить нашъ трактатъ разными сладостями, главнѣйшимъ же оправданіемъ для него будетъ необходимость, которая не дозволяетъ поступить иначе. Посудите сами, чѣмъ обезпечите вы меня что не сдѣлаетесь моими врагами? дадите ли вы мнѣ заложниковъ что ли? Нѣтъ, мнѣ нужны ваши войска; я играю въ опасную игру, стоить мнѣ только потерпѣть одно сильное пораженіе, и вы тотчасъ очутитесь у меня за спиной“. Арнимъ замѣтилъ что для услуженія Прусскаго короля, Августъ согласится распустить четвертую, даже

третью часть своей арміи. „Быть-можетъ всю армію? возразилъ провицески Фридрихъ: это было бы черезчуръ жестоко. Есть другое, гораздо болѣе удобное средство: пусть ваши войска присоединятся къ моимъ и *принесутъ мнѣ присягу въ вѣрности*“. — „Но еще никогда, воскликнулъ съ изумленіемъ Арнимъ, не было примѣра ничего подобнаго ни въ древнія, ни въ новыя времена!“ — „Будто бы не было? отвѣчалъ король, вѣроятно примѣры были, но еслибы даже не было, то не знаю, извѣстно ли вамъ, любезный генералъ, что я имѣю претензію на оригинальность.“ — „Если такъ, если это послѣднее ваше слово, то намъ не остается ничего болѣе какъ похоронить себя на томъ мѣстѣ гдѣ мы теперь стоимъ.“ — „Ахъ, продолжалъ Фридрихъ, все это вѣдь фразы; солдаты разсуждаютъ вовсе не такъ какъ генералы, вы это знаете не хуже меня; когда ихъ не поятъ и не кормятъ, они начинаютъ бунтовать.“ Король намекалъ этими послѣдними словами на отчаянное положеніе саксонской арміи, сосредоточенной въ лагерь при Пирнѣ, которая возлагала всѣ свои надежды лишь на то что ее выручатъ Австріяцы. Фридрихъ двинулся на встрѣчу генералу Броуну, принудилъ его отступить назадъ, затѣмъ сами Саксонцы вознамѣрились пробиться чрезъ неприятельскій лагерь, но потерпѣли пораженіе и должны были сдать на капитуляцію. Участь Саксоніи была рѣшена; Августъ удалился въ Польшу, а семейство его оставалось въ Дрезденѣ, гдѣ выносило тяжкія оскорбленія отъ побѣдителя. Нельзя сказать чтобы во всѣхъ этихъ событіяхъ Саксонское правительство обнаружило много мужества, но во всякомъ случаѣ оно оказало важную услугу въ томъ отношеніи что успѣло задержать Прусаковъ, такъ что не прежде какъ весной слѣдующаго года вторглись они въ Богемію. Австріяцы имѣли время приготовиться къ борьбѣ.

Внезапный разгромъ которому подверглась Саксонія со стороны Фридриха произвелъ повсюду въ Европѣ чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Въ Петербургѣ особенно скорбѣли о бѣдствіяхъ несчастной страны. Саксонскій резидентъ Прассе, находившійся въ близкихъ отношеніяхъ къ Бестужеву, сообщаетъ съ его словъ что въ засѣданіи конференціи Елисавета заявила что въ случаѣ смерти Августа III или могущаго достигнуть его другаго несчастья, никогда не допустить она возвести на Польскій престолъ никого кромѣ наследнаго принца Саксонскаго; Бестужевъ тотчасъ же занесъ это

заявленіе въ протоколъ, который былъ подписанъ всѣми присутствовавшими членами. * Больше чѣмъ когда-нибудь стовало Русское правительство на Вѣнскій дворъ, допустившій своимъ медлительностью печальную катастрофу. Еще въ то время когда Эстергази сообщалъ ему о запросѣ съ которымъ прусскій военный канцлеръ Кливиגרэфъ по приказанію Фридриха обратился къ Маріи-Терезіи относительно ея намѣреній, въ Петербургѣ выражено было сожалѣніе что съ самаго начала не дѣйствовали болѣе энергичеки, что въ такомъ случаѣ Прусскій король не отважился бы на „неостережимыя угрозы“, не стращаль бы Саксонію нападеніемъ на нее, ибо „русская многочисленная армія была бы въ готовности по первому его движенію, такъ-сказать, по пятамъ его сѣдовать,“ но „какъ простое сожалѣніе о прошедшемъ ничего не поправляетъ, то императрица, оставая оное, придаетъ всю свою аттенцію къ настоящему и прошедшему.“ Теперь же, когда Фридрихъ отъ угрозъ перешелъ къ дѣлу, когда захватилъ онъ Саксонію въ свои руки, Россія болѣе чѣмъ когда-нибудь слѣшила исполнять свои обязательства относительно союзниковъ. Конечно, нельзя было ожидать съ ея стороны никакихъ затрудненій чтобы приступила она къ Версальскому договору между Франціей и Австріей, но заботясь самымъ искреннимъ образомъ объ успѣхѣ общаго дѣла, она не могла конечно не заботиться объ устраниеніи всего что помѣшало бы ей достигнуть этой дѣли. Она не предъявляла Версальскому двору никакихъ требованій, не домогалась отъ него никакихъ услугъ, но не въ правѣ ли была ожидать что онъ облегчитъ ей по крайней мѣрѣ исполненіе предначинанной для нея роли? Такъ, между прочимъ, дѣйствія русскихъ войскъ были бы чрезвычайно затруднены еслибы оказалося невозможнымъ для нихъ переходъ черезъ Польшу. Русское правительство старалось внушить Полякамъ что они въ собственномъ интересѣ не должны противиться этому. „Ея величество не сомнѣвается, такъ предписываетъ говорить уполномоченнымъ отъ него лицамъ, что Польки пресѣкутъ всѣ оказавшіяся съ вѣкотораго времени между фамиліями несогласія и огорченія, и партикулярныя

* Herрманн, *Sächsisch-polnische Beziehungen während des siebenjährigen Krieges zum Russischen Hof und insbesondere zum Grosskanzler Bestuschew*, въ *Preuss. Jahrbüch.* XLVII, 567.

свои интересы не будутъ столько уважать, когда о благоосостояніи всего ихъ отечества дѣло идетъ. Оно можетъ-быть больше вежела когда-либо опасности подверженнымъ кажется. Король Пруссскій? походомъ чрезъ Саксонію хотя и намѣренъ пови-
димому отъ Польши удааться, но сіе чаательно только для того дѣлается чтобъ ударъ свой на нее надежнѣе нанести. Такой принцъ который безо всякой причины противъ все-
народныхъ правъ и противъ собственныхъ своихъ декларацій и обѣщаній не возымѣлъ размышленій Саксонію у природ-
наго ея государя отнять, легко покусится и самой королевы его лишить; случится можетъ что онъ замышляетъ конфе-
дерацию въ Польшѣ возбудить, Польшу противъ Польши по-
ставить“. * Нельзя было конечно надѣяться чтобъ увѣща-
ніями такого рода можно было подѣйствовать на партію про-
никнутыя непримиримую враждой къ Россіи. Французское
правительство считало основнымъ правиломъ своей политики
поддерживать среди Поляковъ эти враждебныя къ ней отно-
шенія, но къ удивленію даже и послѣ того какъ рѣшилось
оно сблизиться съ Россіей, не произошло никакой перемѣны
въ его образѣ дѣйствій. По крайней мѣрѣ официальные его
агенты въ Польшѣ не переставали проповѣдывать что всту-
пленіе туда русскихъ войскъ будетъ предвѣстіемъ порабо-
щенія страны. Дюранъ, замѣнившій герцога Броя на время
отъѣзда сего послѣдняго изъ Варшавы, заявилъ нашему по-
сланнику Гроссу что въ такомъ случаѣ онъ вынужденъ бу-
детъ прекратить добрыя съ нимъ сношенія; онъ грозилъ даже
снести съ Портой и возбудить ея безпокойство. Герцогъ
Броль вернулся въ Польшу когда уже начались военные дѣй-
ствія, когда армія наша вступила въ польскіе предѣлы, но
это заставило его лишь усугубить свое рвеніе противъ Рос-
сіи. „Лишь только разнесся слухъ объ его пріѣздѣ, рассказы-
ваетъ авторъ книги *Le secret du roi*, какъ домъ его наполнился
старыми его друзьями, изъ которыхъ одни съ яростью,
другіе съ отчаяніемъ рассказывали ему о бѣдственномъ по-
ложеніи своего отечества вслѣдствіе вторженія русскихъ войскъ.
Безъ малѣйшихъ колебаній смѣло выступилъ онъ покрови-
телемъ Поляковъ противъ ихъ притѣснителей; принималъ,
почти вызывалъ (*presque provoquait*) жалобы всѣхъ тѣхъ у
кого было помято поле, разграбленъ домъ, разбитъ погребъ,

* *Архивъ князя Воронцова*, III, 483.

кто вынужденъ былъ платитъ контрибуцію, и сообщалъ объ этомъ русскому посланнику, требуя надменнымъ тономъ немедленнаго удовлетворенія^а. Въ депешахъ своему правительству онъ не упускалъ случая похвалиться этимъ образомъ дѣятвій. Русское правительство, со своей стороны, заявляло сильное неудовольствіе. Еще когда Бехтвевъ находился въ Парижѣ, министръ Рулье объяснялъ подобныя столкновенія тѣмъ что нельзя же вдругъ измѣнить систему. „Не можемъ мы, говорилъ онъ, называть сегодня бѣлымъ то что вчера называли чернымъ“. Позднѣе, когда Бернисъ вступилъ въ управленіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, онъ счелъ приличнымъ обуздывать неугомонную дѣятельность герцога Броля и обратился къ нему съ депешей, въ которой указывалъ на необходимость сообразоваться съ измѣнившимися обстоятельствами, но Лудовикъ XV, помимо министровъ, имѣлъ тайныя сношенія съ нѣкоторыми изъ своихъ посланниковъ. Органомъ его для этого служилъ первый секретарь (*premier commis*) Терсье, который и не замедлялъ усложнить герцога Броля. „Ради Бога, извѣщаль онъ его, не смущайтесь тѣмъ что пишетъ вамъ г. аббатъ Бернисъ. Онъ не могъ поступить иначе. Подождите немного, обстоятельства могутъ измѣниться, и тогда не замедлятъ оцѣнить вашъ образъ дѣятвій; въ настоящее время потокъ направляется въ другую сторону, но хотя необходимость заставляетъ слѣдовать за нимъ, я не ошибаюсь, кажется, въ своемъ предположеніи что у насъ не замедлятъ возвратиться къ прежнимъ принципамъ. Вамъ надлежитъ сообразовать свою дѣятельность съ особыми приказаніями короля, а что касается министерской корреспонденціи, всѣ усилія мои будутъ направлены на то чтобъ она не находилась въ рѣзкомъ съ вами противорѣчій.“

Такова была политика Франціи по польскому вопросу въ теченіе всей войны, и тѣтено старалось Русское правительство, когда только начались переговоры о союзѣ съ этою державой, заручиться какими-нибудь гарантіями что она измѣнитъ свой образъ дѣятвій. Оно потерпѣло неудачу и въ другомъ отношеніи: въ Версальскомъ трактатѣ, къ которому приглашали приступить Россію, не упомянуто было ни однимъ словомъ о Турціи; напротивъ, онъ гласилъ что Французскій король обязуется „гарантировать и защищать навсегда отъ владычій *какого бы то ни было государства*“ всѣ земли принадлежавшія императрицѣ Маріи-Терезіи. При этомъ

никому не приходило въ голову что Порта можетъ встрѣтиться подобнымъ заявленіемъ, но какъ скоро зашла рѣчь о договорѣ съ Россіей, Лудовикъ XV настаивалъ на необходимости непремѣнно исключити Турцію изъ числа державъ противъ которыхъ Франція должна была помогать своей новой союзницѣ. Онъ требовалъ чтобы объ этомъ было упомянуто въ трактатѣ. Очевидно Французское правительство, соединяясь съ нами для общаго дѣла, не желало ни малѣйшимъ образомъ измѣнить свои отношенія къ Оттоманской имперіи и къ Польнѣ, которыми она давно пользовалась для враждебныхъ противъ насъ цѣлей и которыя могли еще оказать ему такія же услуги въ будущемъ. Успѣхъ предпріятія для котораго составлялась коалиція зависѣлъ однако отъ того чтобы Россія не имѣла причины опасаться Турціи, а не могла она не оласаться ея зная что Фридрихъ будетъ вѣчноски интриговать въ Константинополѣ, но соображенія эти не оказывали никакого вліянія на Версальскій дворъ. Русское правительство предложило слѣдующую едѣлку: пусть въ текстъ трактата будетъ внесена статья должностная усилити Порту, но вмѣстѣ съ тѣмъ пусть Франція обязана „секретнѣйшею декларациею“ оказать Россіи по крайней мѣрѣ денежную помощь въ случаѣ нападенія на нее Турокъ. Дугласъ на свою отвѣтственность подписалъ декларацию, но поступокъ его вызвалъ сильнѣйшее негодованіе въ Парижѣ. Любопытство, между прочимъ, одно соображеніе, на основаніи коего не хотѣли тамъ одобрить его образъ дѣйствій: „Г. Руаль сказалъ мнѣ въ откровенности, доносилъ Воронцову Бектѣевъ, что онъ опасается его сіятельства канцлера, чтобы тотъ не приказалъ нарочно сообщить декларацию Портѣ“. Повидимому, у насъ не хотѣли лопать до какой степени оскорбительны подобныя инсинуаціи противъ человека который продолжалъ занимать первостепенное мѣсто въ правительствѣ! Все было отдано такъ какъ хотѣлось Версальскому двору, секретнѣйшая декларация была уничтожена, и 31 декабря 1756 года Россія приступила къ Версальскому трактату не выговоривъ для себя ровно ничего.

Еще въ болѣе невыгодномъ свѣтѣ представляются отношенія ея къ Австріи въ описываемое время. Марія-Терезія не считала нужнымъ устанавливать какія бы то ни было новыя обязательства съ Россіей,—она хотѣла довольствоваться договоромъ 1746 года, въ которомъ было сказано что въ

случаѣ разрыва ея съ королемъ Пруссіимъ, Россія должна выставить 80.000 и даже до 60.000 войска, для того чтобы могла она возвратить себѣ Силезію и графство Гладъ. Ни о какихъ территориальныхъ пріобрѣтеніяхъ для Россіи въ означенномъ трактатѣ не было упомянуто, но обстоятельства съ тѣхъ поръ измѣнились. На сцену выступилъ новый союзникъ—Франція, которая, какъ слѣдовало предполагать, едва ли намѣревалась совершенно бескорыстно принести жертвы для Габсбургскаго дома; кромѣ того и дѣль войны была другая,—имѣлось въ виду нанести такой ударъ королю Прусскому, вслѣдствіе коего онъ могъ потерять бѣольшую часть своихъ владѣній: Россія заранее должна была поэтому озаботиться чтобы не остаться ей съ пустыми руками. Она настаивала на необходимости новаго договора съ Австріей, въ который непременно хотѣла включить что въ случаѣ успѣха она займетъ королевскую Пруссію, но предоставляла себѣ право уступить эту область Польшѣ въ обмѣнъ на Курляндію и Семигалию. Въ ноябрѣ 1756 года графъ Фотергази получилъ дѣлешу въ которой Вѣнскій дворъ обстоятельно высказался на этотъ счетъ *. Онъ пытался установить рѣзкое, по его мнѣнію, различіе между притязаніями Австріи и Россіи: первая изъ этихъ державъ стремилась завладѣть лишь тѣмъ что издавна было законнымъ ея достояніемъ, тогда какъ Русское правительство имѣло въ виду такіа пріобрѣтенія которыя возбуждаютъ противъ него обиды въ завоевательныхъ замыслахъ; многія государства непременно вступятъ, волевымихъ, Порты, а затѣмъ Франція, которая относится крайне подозрительно къ усиленію могущества Россіи. Впрочемъ Марія-Терезія не отказывалась *по возможности* (nach Möglichkeit) содѣйствовать планамъ императрицы Елисаветы, выражала готовность употребить для это все что отъ нея зависитъ (alles was von ihr abhängt); она увѣрала только что до удобнаго времени не слѣдуетъ обнаруживать игру и вступать по упомянутому вопросу въ какое-либо формальное соглашеніе. По ея мнѣнію, достаточно было съ ея стороны, вѣдѣнія чего и ей дано было бы точно такое же обѣщаніе что кромѣ Силезіи и Гладъ она можетъ разчитывать еще на другое вознагражденіе. Лишь только отпразднена

* Arneth, V, 57—58.

была уломанутая дилемма къ Эстергази, какъ Вѣнскій дворъ повременился, не сдѣлалъ ли онъ слишкомъ большую уступку: не смотря на то что съ необыкновеннымъ краснорѣчіемъ доказывалъ онъ будто бы въ предстоившей войнѣ помышляетъ не болѣе какъ о возвращеніи отнятыхъ у него провинцій, у него явилось сомнѣніе благоразумно ли заранѣе щеголять подобною воздержностью? Зачѣмъ, напримеръ, отдавать Польшу королевскую Пруссію еслибы была она завоевана у Фридриха? Отчего не воспользоваться ею для себя? И вотъ къ австрійскому послу въ Петербургѣ летитъ другая дилемма, въ которой Марія-Терезія требуетъ чтобы владѣтельнымъ герцогомъ упомянутой области провозглашенъ былъ второй изъ ея сыновей, эрцгерцогъ Карлъ, а Польша удовольствовалась бы лишь тѣмъ что королевская Пруссія поставлена была бы въ вассальныя къ ней отношенія. Эстергази долженъ былъ затрогивать этотъ вопросъ крайне осторожно, когда представится удобный случай, а главнымъ образомъ такъ чтобы не дошли слухи до Франціи. Онъ впрочемъ и не смѣлъ исполнить данное ему порученіе, во первыхъ, потому что болѣе встрѣтиться съ большими трудностями, во вторыхъ, по той причинѣ что, какъ казалось ему, Русское правительство не слишкомъ горячо принимало къ сердцу заявленныя имъ требованія. Онъ говорилъ съ вице-канцлеромъ Воронцовымъ, и Воронцовъ сознался ему что все это „химерическіе планы“ Бестужева. * Вслѣдствіе того и въ Вѣнѣ не думали настаивать на щекотливомъ вопросѣ, — тамъ ждали бы даже избѣгать вообще всякихъ переговоровъ о королевской Пруссіи, въ надеждѣ что и само Русское правительство не возобновитъ ихъ, но дѣло было уже сдѣлано, Эстергази заявилъ о готовности Маріи-Терезіи подписать секретную декларацію, и отступить отъ этого не представилось возможности. Императрица Елисавета утвердила 22 января 1757 года союзный трактатъ между Россіей и Австріей. Цѣлью его предполагалось „возвратить всю Силезію и графство Гладзъ подъ державу ея величества королевы Венгеро-Богемской и положить достаточныя предѣлы оцнѣ такого государя (короля Прусскаго) котораго несправедливые замыслы никакихъ границъ не знаютъ.“ Для исполненія этого намѣренія Австрія

* Der Vicekanzler mit deutlichen Worten hat mir gesagt, dass es ein chimeriquer Gedanken des Grosskanzlers sei. (Arneth, V, 479).

обязывалась выставить восьмидесятитысячную армию, а Россія не только такое же число сухопутныхъ войскъ, но кромѣ того отъ пятнадцати до двадцати линейныхъ кораблей, фрегатовъ, бомбардирскихъ галіотовъ и не меньше сорока галеръ. Въ теченіе всей войны она должна была получать отъ Вѣнскаго двора по милліону рублей и это было единственное существовавшее условіе въ ея пользу. Впрочемъ, какъ уже мы видѣли, Русское правительство не особенно сильно настаивало на немъ (*zu einem Subsidien-Tractat will man sich hier absolute nicht verstehen*, писалъ Эстергази въ концѣ октября 1756 года), „явное доказательство, по словамъ Арвета, того страстнаго ветерлвннѣя съ которымъ хотѣли въ Петербургѣ поскорѣ заключить союзъ цѣной какихъ бы то ни было жертвованій“. Въ послѣдствіи зашла рѣчь о субсидіяхъ, но австрійскій посолъ, зная настроеніе императрицы Елисаветы, рѣшился, на свою отвѣтственность, уменьшить сумму которую готовъ былъ улачивать его дворъ, и это удалось ему какъ нельзя лучше. Таковъ былъ въ главныхъ чертахъ трактатъ 22 января 1757 года. „Помято, говоритъ Арветъ, что въ Вѣнѣ были очень довольны имъ, ибо Русское правительство ограничилось тѣмъ что безъ малѣйшихъ измѣненій приняло все что было ему предложено графомъ Эстергази. Но въ чашу радости замѣшалась однако капля горечи...“ Этою каплей была упомянутая выше декларація, которою Марія-Терезія обѣщавалась содѣйствовать императрицѣ Елисаветѣ въ приобрѣтеніи Курляндіи и Семигаліи; правда, декларація эта не вошла въ трактатъ, обѣщаніе выраженное въ ней обставлено было такими оговорками которыя значительно ослабляли его силу, но все-таки было бы гораздо лучше если бы не существовало ея вовсе. Зачѣмъ письменный документъ, не было ли достаточно простаго слова императрицы-королевы? Въ Вѣнѣ тѣмъ болѣе сѣтовали на Эстергази, не умѣвшаго устроить это дѣло, что самъ же онъ доносилъ будто въ засѣданіи конференціи, не задолго до подписанія трактата, Елисавета выразилась что она не ищетъ никакихъ приобрѣтеній, а желаетъ только возвратить Маріи-Терезіи Силезію и Гладъ, смирить Фридриха и доставить вознагражденіе Саксоніи. Если тѣмъ не менѣе она выступила съ требованіемъ противорѣчившимъ ея безкорыстнымъ и возвышеннымъ намѣреніямъ, то виновникомъ этого былъ никто иной какъ ненавистный министръ, который уже причинилъ такъ много

ага. Эстергази во всемъ обвинялъ его; Бестужевъ торговался за каждый рубль когда шли переговоры о субсидіи, онъ подавалъ мысль объ обмѣнѣ королевской Пруссіи на Семигалию и Курляндію и онъ же дорожилъ декларацией вырванною у Маріи-Терезіи. Все это приписывалось, разумѣется, самымъ низкимъ побужденіямъ съ его стороны: только потому что продался онъ Англичанамъ, старался онъ дѣлать всякія затрудненія другимъ совѣтникамъ императрицы, которые готовы были очертя голову идти въ войну. Но развѣ нельзя было перерѣшить то что казалось окончательно рѣшаннымъ? Графу Эстергази приказывали изъ Вѣны употребить всѣ усилія чтобъ Елисавета отказалась отъ обмѣна деклараций. Онъ энергически принялся за дѣло и въ непродолжительномъ времени достигнулъ полнаго успѣха. * Черезъ Воронцова подготовилъ онъ императрицу; что касается Бестужева, то не трудно было бороться съ нимъ потому что весной 1757 года—когда австрійскій посолъ хаопоталъ о данномъ ему порученіи—положеніе его при дворѣ сдѣлалось невыносимымъ; Лолиталь, прибывшій вскорѣ послѣ того въ Петербургъ, писалъ о немъ что онъ почти нигдѣ не показывается сказываясь больнымъ **; у императрицы вырвался, въ разговорѣ съ одною придворною дамою, заовѣщія о немъ слова: „не долго господствовать злодѣю“ (der Bösewicht soll nicht lange mehr regieren) и самому Эстергази говорила она: „подождите, мы скоро отдѣлаемся отъ него“. Предчувствуя близость своего паденія, доносилъ австрійскій посолъ, Бестужевъ не имѣлъ духу противиться настояніямъ Вѣнскаго двора, кое-какія возраженія посылались лишь со стороны П. И. Шувалова, но не привели ни къ чему, и въ маѣ 1757 года оригиналъ декларация подписанной Маріей-Терезіей былъ возвращенъ въ Вѣну.

Если такъ удачно вели Австрійцы свои дѣла въ Петербургѣ, то столько же могли они гордиться и успѣхомъ одержаннымъ ими въ Версали: несомнѣнно что своимъ внезапнымъ вторженіемъ въ Саксонію, служившимъ лишь первымъ шагомъ

* См. подробности у Арлета, V, 66—71, который излагаетъ происходившіе по этому поводу переговоры на основаніи дописаній Эстергази.

** „Il est malade, ou il feint la maladie; il se montre de moins en moins; quand il reçoit, il paraît souffrir; il a besoin d'une canne pour se lever.“ (Daresté, I, 46).

для нападешя на Австрію, Фридрихъ далъ право Маріи-Терезіи требовать отъ Лудовика XV помощи на основаніи Версальскаго договора 1 мая 1756 года. Но что такое была это помощь? Къ чему послужили бы 24.000 человекъ, которыхъ обязанъ былъ выставить Французскій король? Вѣнскій дворъ задался мыслию гораздо сильнѣе втянуть Францію въ войну, склонить ее къ тому убѣжденію что цѣлю этой войны долженъ быть совершенный разгромъ Пруссіи, о чемъ вначалѣ не хотѣли слышать ни Лудовикъ XV, ни вліятельнѣйшіе изъ его министровъ, а еще менѣе публика. Если онъ достигъ наковонецъ своей цѣли, то главнымъ образомъ благодаря гжѣ Помпадуръ и ея другу аббату Бернису. До послѣдняго времени ходили не совсѣмъ вѣрныя слухи о томъ что побудило эту женщину употребить все свое вліаніе на пользу австрійскихъ интересовъ; съ одной стороны объясняли ея поведеніе овлабленіемъ противъ Фридриха за эпиграммы которыя при всякомъ удобномъ случаѣ онъ расточалъ на ея счетъ и конечно это была одна изъ главныхъ причинъ. Сохранилось письмо ея къ Кауницу, въ которомъ, между прочимъ, выражалась она такимъ образомъ: „я ненавижу Прусскаго короля болѣе чѣмъ когда-нибудь; примемъ надежашія мѣры, превратимъ въ прахъ сѣвернаго Аттилу (*pulverisons l'Attila du Nord*), и вы увидите что я буду столько же довольна сколько раздражена теперь...“ Но этого было еще мало. Дюкло, извѣстный писатель конца прошлаго столѣтія, въ небольшой своей книжкѣ *Histoire des causes de la guerre de 1756*, впервые обнародовалъ извѣстіе—въ послѣдствіи всѣми принятое на вѣру—о томъ какъ Марія-Терезія, по настояніямъ Кауница, со слезами на глазахъ, вынуждена была написать къ фавориткѣ Лудовика XV письмо, въ которомъ назвала ее „та cousine“. То же самое подтверждалъ и англійскій посланникъ Станли, прибывшій въ Парижъ для переговоровъ которыми должна была окончиться Семилѣтняя Война. Сама Марія-Терезія положительно отрицала это. Въ 1768 году супруга наслѣднаго принца Саксонскаго Марія-Антонія получила отъ нея письмо, изъ котораго мы приводимъ слѣдующія строки, съ сохраненіемъ орфографіи людинаика: „Vous vous trompez si vous croyez que nous avons jamais eut des liaisons avec la pompadour; jamais une lettre, ni que notre ministre aye passée par son canal, ils ont dut lui faire la cour comme tout les autres, mais jamais aucune intimité. Ce canal n'aurait pas convenu, je lui ais fais un

present plutot galant que magnifique l'année 1756 et avec la permission du roy, je ne la crois pas capable d'en accoster autrement". Дѣйствительно никто не видалъ письма Маріи-Терезіи, ни одинъ изъ друзей гжи Помпадуръ не упоминаетъ о немъ, сѣдовательно императрица говорила правду что сама не писала къ фавориткѣ, но никакъ нельзя утверждать того же самаго о всемогущемъ ея министрѣ Кауницѣ. Помѣщенныя у Арнета отрывки изъ его корреспонденціи со Штарембергомъ, а также и съ маркизой, которой расточалъ онъ изысканную лесть, доказываютъ что онъ считалъ ее главною виновницею своихъ успѣховъ во Франціи и не скупилася на выраженія ей своей признательности. Когда былъ заключенъ, какъ увидимъ сейчасъ, договоръ окончательно связывавшій Вѣнскій и Версальскій дворы, онъ писалъ ей: „Сейчасъ отправляется отсюда курьеръ съ ратификаціей великаго и благодѣтельнаго трактата, который вы имѣете право считать своимъ дѣломъ и который будетъ славенъ на всѣ грядущіе вѣка. Надо только стараться чтобъ онъ былъ исполненъ въ точности; я буду всячески заботиться объ этомъ и осмѣливаюсь разчитывать на то же самое съ вашей стороны. Не сомнѣваюсь въ этомъ, зная величіе вашей души (l'élevation de votre âme) и горячее участіе которое принимаете вы въ славѣ короля и благоденствіи Франціи.“ Гжа Помпадуръ была видимо довольна тѣмъ что ей присваивали роль рѣшительницы судебъ Европы и старалась показать что она заинтересована въ событіяхъ не менѣе всѣхъ государственныхъ людей того времени. „Чтобы достигнуть успѣха въ нашихъ великихъ предпріятіяхъ, говорила она Кауницу, примемъ мѣры чтобы никогда намъ не расходиться относительно военныхъ операцій; безъ этого мы погибнемъ оба (sans cela nous périrons l'un et l'autre); довѣріе съ которымъ я къ вамъ обращаюсь служитъ новымъ доказательствомъ моей заботливости объ успѣхѣ славнѣйшаго предпріятія въ мірѣ“. Что касается подарка гжѣ Помпадуръ о которомъ упоминаетъ Марія-Терезія въ письмѣ къ насѣдной принцессѣ Саксонской, то сдѣланъ былъ онъ не въ 1756, а гораздо позднѣе. Сначала хотѣли дать ей табатерку съ осыпаннымъ алмазами портретомъ императрицы-королевы, но Штарембергъ предложилъ замѣнить это изящнымъ письменнымъ столомъ и шкатулкою на которой также долженъ былъ красоваться портретъ. Кауницъ, препровождая эти вещи маркизѣ, писалъ что

императрица желала отблагодарить ее „за твердость и постоянство съ которыми съ самаго начала поддерживала она систему столь счастливо установившуюся между двумя дворами“, и фаворитка послѣшила воспользоваться этимъ случаемъ чтобъ обратиться съ письмомъ къ Маріи-Терезіи. Все это показываетъ какъ хорошо сознавали въ Вѣнѣ услуги оказанныя ей Австріи и если старались льстить ей, почти унижаться предъ нею, то едва ли справедливо выставлять это, какъ дѣлаютъ нѣкоторые историки, неслыханнымъ скандаломъ. Чѣмъ же былъ виноватъ Вѣнскій дворъ, если можно было вести услѣшно дѣла съ Франціей не иначе какъ чрезъ посредство такой личности, и развѣ Фридрихъ Великій не поступилъ бы точно такъ же? Въ послѣдствіи, когда хотѣлось ему завязать мирныя переговоры съ Лудовикомъ XV, онъ не задумался предложить маркизѣ Помпадуръ Нейенбургское княжество.

Одно трагическое событіе едва не разрушило надежды Кауница. Въ первыхъ числахъ января 1757 года сдѣлано было покушеніе на жизнь Лудовика XV: фанатикъ Даміенъ нанесъ ему рану ножомъ и нѣсколько дней сряду считали положеніе его крайне опаснымъ. Все отшатнулось отъ фаворитки, говорили что она отправится въ монастырь, ждали коренныхъ переменъ въ управленіи, но король вскорѣ оправился, и съ этой минуты придворные старались валерерывъ одинъ предъ другимъ заглядить свою вину предъ маркизою. „Гжа Помпадуръ отъ часу болѣе въ силѣ, писалъ Бехтѣвъ, она и достойна того: можно сказать что преразумна“. Угрожавшее ей несчастіе только озлобило ее, доставило ей удобный случай отдѣлаться отъ министровъ которые въ королевскомъ совѣтѣ противились слишкомъ тѣсному сближенію съ Австріей, а именно отъ морскаго министра Машо и военнаго д'Аржавсона; пріемники ихъ Морэ и маркизъ Поми были вовсе не такіе люди отъ которыхъ можно было бы опасаться серьезной оппозиціи. Съ этой минуты переговоры съ Вѣнскимъ дворомъ пошли какъ по маслу, и 1 мая 1757 года заключенъ былъ договоръ который слѣдуетъ считать замѣчательнымъ явленіемъ въ своемъ родѣ. Франція до послѣдней минуты не хотѣла содѣйствовать раздробленію Прусскаго королевства, и хотя Фридрихъ далъ ей много причинъ къ неудовольствію, она втайнѣ радовалась что въ лицѣ его возникъ опасный врагъ для Габсбургскаго дома, но теперь взгляды этотъ внезапно измѣнились: единственнымъ цѣлю

обѣихъ державъ было ограничить Прусскаго короля такими предѣлами чтобы на будущее время не могъ онъ угрожать общеевропейскому спокойствію; министры Лудовика XV желали чтобы въ трактатъ уломянуто было и объ Англіи какъ о державѣ противъ которой должны быть направлены соединенныя ихъ силы, но хотя это было очень важно для Версальскаго двора, который велъ съ Англіею войну, ему не удалось настоять на своемъ требованіи. По предшествовавшему договору обязанъ былъ онъ выставить на помощь Маріи-Терезіи 24.000 войска; теперь же число это возрасло до 105.000, причемъ Франція принимала на свое содержаніе 4.000 Баварцевъ и 6.000 Виртембергцевъ. Не смотря на крайнее истощеніе своихъ финансовъ, не смотря на то что еще неизвѣстно было какія громадныя суммы придется израсходовать ей въ борьбѣ съ Англичанами, она соглашалась „въ теченіе всего времени пока будетъ продолжаться война“ выплачивать ежегодно по 12 милліоновъ субсидій! Такимъ образомъ отдавала она себя совершенно въ распоряженіе Австріи, и до какихъ же поръ должно было это продолжаться? До тѣхъ поръ, гласилъ трактатъ, пока императрица-королева не вступитъ въ спокойное обладаніе Силезіей и Гладемъ. Впрочемъ Вѣнскій дворъ не ограничивалъ только этимъ свои притязанія, онъ выговорилъ что ему уступлено будетъ княжество Кроссень и что онъ получитъ возможность округлить свои границы посредствомъ присоединенія къ Австріи нѣкоторыхъ сосѣднихъ съ нею областей, владѣтели коихъ будутъ вознаграждены на счетъ Пруссіи. Въ трактатъ было прямо обозначено что именно слѣдуетъ отнять у Прусскаго короля съ цѣлью сдѣлать его на будущее время безопаснымъ для Европы, и договаривающіяся стороны торжественно обязывались не покидать оружія до тѣхъ поръ пока онъ не достигнуть этого. Въ такомъ случаѣ, отобранныя у него земли предназначались для вознагражденія союзниковъ Франціи и Австріи, а именно Швеція должна была получить утраченную ею нѣкогда часть Помераніи, Саксонія—герцогство Магдебургъ, Саальскій округъ, а также въ случаѣ возможности княжество Гальберштадтъ; курфирстовъ Баварскаго и Пфальцскаго предполагалось вознаградить соответственно тѣмъ пожертвованіямъ которыя принесутъ они для успѣха общаго дѣла.

За годъ или даже за нѣсколько мѣсяцевъ до заключенія трактата о которомъ идетъ рѣчь, никто бы и не предполагалъ

чтобы Французское правительство согласилось выступить на тотъ путь на который Кауницъ и Штарембергъ, при ревностномъ содѣйствіи маркизы Помладуръ, увлекли его. Война, требовавшая чрезвычайныхъ усилій съ его стороны, предпринималась не въ его интересахъ, а въ интересахъ Австріи. Какія же обязательства принималъ на себя Вѣвскій дворъ и какія выгоды предоставлялъ онъ своему союзнику? Изъ трактата 1757 года мы видимъ что въ то время какъ Франція, уже находившаяся въ войнѣ съ Англіей, выступала болѣе чѣмъ со стотысячною арміею, онъ долженъ былъ выставить „по меньшей мѣрѣ 80.000 войска“. Въ 1755 году, когда сдѣлана была первая попытка сблизиться съ Лудовикомъ XV, Австрійцы предлагали его зятю инфанту донь-Филиппу Нидерланды въ обмѣнъ на Парму, Піаченцу и Гвасталу, а самой Франціи нидерландскіе города Остенде и Ньюпоръ, и ради чего же? Ради того только чтобы Лудовикъ XV отступился отъ союза съ Пруссіей и далъ денежное пособіе для войны съ ней. Не принимая самъ въ этой войнѣ никакого участія, онъ сдѣлалъ бы такимъ образомъ важныя пріобрѣтенія. Но теперь условія измѣнились. По трактату 1 мая 1757 года, до тѣхъ поръ пока дѣйствія союзниковъ не увѣщались бы полнымъ успѣхомъ, пока Фридрихъ не подписалъ бы мирнаго договора который принудилъ бы его къ уступкѣ принадлежавшихъ ему вышеупомянутыхъ областей, Франція не могла предъявлять никакихъ требованій; лишь послѣ этого получала она кромѣ Остенде и Ньюлора еще три другіе города и крѣпость Кнокъ, но всѣ орудія и военные снаряды этой крѣпости переходили къ Австрійцамъ. Точно также лишь по возобновленіи мира вступалъ донь-Филиппъ, отказавшись отъ Пармы, Піаченцы и Гвасталы, въ обладаніе Нидерландами; еслибъ умеръ онъ не оставивъ потомства, то Нидерланды попрежнему поступали подъ власть Габсбургскаго дома, за исключеніемъ города Турне съ округомъ, который достался бы Франціи. Что касается государственнаго долга въ 40 милліоновъ гульденовъ, лежавшаго на Нидерландахъ, то Французское правительство и инфантъ донь-Филиппъ совмѣстно принимали его на себя.

Трактатъ 1757 года былъ торжествомъ Кауница. Какъ нельзя лучше устроилъ онъ свои дѣла и въ Версали и въ Петербургѣ, воспользовавшись для этого съ одной стороны ничто-

жествомъ Французскаго правительства, съ другой—чрезмѣрною довѣрчивостію императрицы Елисаветы и ея ближайшихъ совѣтниковъ. Заранѣе распредѣляла Австрія земли которыя надѣялась отвоевать у Фридриха, предоставляя часть ихъ себѣ, другія—Саксоніи, Швеціи, Баваріи, Пфальцу; заранѣе было условлено кто и что именно долженъ получить, только для Россіи не было мѣста въ этомъ дѣлѣ: тутъ слышались возгласы о томъ что опасно преслѣдовать завоевательныя планы, ссылки на Францію, которая будто бы викакъ не соглашается на требованія Русскаго правительства, и наконецъ туманныя, ни къ чему не обязывающія обѣщанія. Впрочемъ въ Петербургѣ обнаруживали необыкновенную податливость, чтобы, какъ выразилась императрица Елисавета въ одномъ изъ своихъ рескриптовъ, „по пословицѣ на дѣлѣхъ не поссориться и отъ такого великаго союза, какого почти еще не бывало, вмѣсто ожидаемой пользы и славы не произошли однѣ досады, нареканія и вредная на будущее время холодность“. * Конечно, это правило мудрое, и хорошо было бы еслибы всѣ союзники поступали съ такою же искренностію, но въ томъ-то и бѣда что примѣръ Россіи нигдѣ не встрѣчалъ подражанія. Нѣкоторые, хотя и весьма немногіе, изъ нашихъ государственныхъ людей того времени понимали какія затрудненія можетъ она создать себѣ въ будущемъ. Первое мѣсто между ними принадлежало Бестужеву: не даромъ Эстергази еще въ то время когда только начались переговоры о конвенціи, содержаніе коей изложено нами выше, жаловался что съ нимъ нельзя вести дѣло, что непрерывно обнаруживалось явное или тайное противодѣйствіе съ его стороны. ** Но и помимо Бестужева нашелся человекъ стоявшій въ рядахъ его противниковъ, близкій пріятель Воронцова, который очень вѣрно смотрѣлъ на положеніе Россіи въ рядахъ коалиціи образовавшейся противъ Фридриха: „Всѣ державы, писалъ Бехтѣвъ, воюющія съ королемъ Прусскимъ обнадежены о выигрышѣ; только будетъ затрудненіе одной Россіи въ одержаніи того что она отъ нынѣшней войны себѣ обѣщаетъ, а именно сверхъ обезсилія Пруссіи пріобрѣтеніе себѣ Курляндіи. Правда, постановлено о томъ съ Вѣнскимъ дворомъ (!), но другіе союзники, кои какъ главныя

* Соловьевъ, XXIV, 272.

** Arneht, V, 49.

державы при замиреніи будутъ, о томъ не знаютъ. Правильно могутъ тогда говорить что они чужимъ добромъ распоряжаться права не имѣютъ и не должны, но лаче имѣя съ Польшей обязательства всячески Россію отъ того отвращать станутъ. Можетъ Россія предъявлять что она Польшѣ уступить за то Пруссію, но на то не трудно отвѣтствовать что Россія на Пруссію и на завоеваніе областей короля Прусскаго права не имѣетъ, потому что она яко ауксильярная держава по обязательствамъ съ Австрійскимъ и Саксонскимъ домами войну производила. Всѣ тогда наскучивъ войной получать то что вслѣдъ желалъ, а Вѣнскій дворъ первый, и выдадутъ Россію, не захотятъ для нея одной замиреніе остановить; ежели бы Россія поупрямилась удержать Пруссію, то оставлять ее одну; а по политическому резону надо думать что Швеція, которой не должно совсѣмъ довѣрять, явно противъ того декларироваться можетъ, да и для принужденія къ тому Россіи она въ состояніи противъ нея поднять Поляковъ и Турковъ, внушая имъ только что Россія безъ всякаго права хочетъ завладѣть у Республики Курляндію, собственную ея землю." По мнѣнію Бехтѣва, было бы сообразнѣе и съ достоинствомъ Русскаго правительства и несравненно выгоднѣе для его интересовъ еслибъ оно само объявило войну королю Прусскому, вступивъ въ соглашеніе съ державами нуждавшимсяъ въ его помощи, отвосительно того что оно требуетъ для себя въ случаѣ успѣха. Нужно было только говорить твердо и рѣшительно, и голосъ Россіи былъ бы конечно услышанъ.

Х.

Союзникамъ не стоило много труда привлечь на свою сторону Швецію. Вліяніе Фридриха въ этой странѣ условливалось близкою связью его съ королемъ Адольфомъ-Фридрихомъ, женатымъ на родной его сестрѣ, но власть короля была до крайности ограничена конституціей, имѣвшею много общаго съ тою которая господствовала въ Польшѣ. Въ 1756 году нанесенъ былъ этой власти еще болѣе сильный ударъ: неудачный заговоръ графа Браге и барона Горна, задумавшихъ измѣнить государственное устройство и полатившихъ жизнь за свое намѣреніе, имѣлъ своимъ послѣдствіемъ большее чѣмъ когда-нибудь усиленіе олигархіи. „Сила и власть

сенаторовъ въ народѣ, писалъ изъ Стокгольма Паниць, подкрѣпляется теперь Франціей; французскій посолъ—другъ вельможъ и говитель двора. Описать нельзя грубость съ которою сенаторы ведутъ себя относительно королевы; короля же считаютъ совершенно неспособнымъ и имени его въ дѣлахъ, кромѣ формы, видѣть не слышно.“ При такихъ условіяхъ Версальскій дворъ очень скоро втянулъ Швецію въ союзъ противъ Фридриха, тѣмъ болѣе что для войны предлагались субсидіи,—весьма соблазнительная приманка для шведской аристократіи.

Такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ Фридрихъ врагами. „Съ Божіею помощію, писалъ Кауницъ къ графу Эстергази, столько враговъ выдвинули мы противъ Прусскаго короля что онъ не замедлитъ пасть подъ ихъ ударами и его ожидаетъ такая же участь какаѣ постигла нѣкогда знаменитаго Генриха-Льва.“ Хотя и поздно, приходилось Фридриху раскаиваться въ цѣломъ рядѣ сдѣланныхъ имъ ошибокъ. „Государственные люди, говоритъ онъ въ *Apologie de sa conduite politique*, не могутъ прозрѣвать въ будущее; то что толла привыкла называть случаемъ, а философы называютъ основными причинами, ускользаетъ отъ ихъ расчетовъ. Разумъ нашъ руководится извѣстными правилами, между которыми на первомъ мѣстѣ стоятъ законные интересы государей и обязанности ихъ соблюдать союзные договоры, хотя этотъ послѣдній пунктъ еще подлежитъ отчасти сомнѣніямъ. Но по договорамъ Франція должна была выставить на помощь Венгерской королевы только 24.000 войскъ; съ королемъ же Польскимъ не было у нея никакого трактата и ничто не заставляло ее ратовать за его интересы. Правда, дофинъ былъ съ нимъ въ родствѣ, но Лудовикъ XIV не задумался же вести войну съ герцогомъ Савойскимъ, зятемъ герцога Бургонскаго. Никогда родственныя связи не имѣли вліянія на политику государей: кто же могъ предвидѣть что слезы супруги дофина, клеветы Саксонскаго курфюрста и лживые навѣты Вѣнскаго двора побудятъ Францію къ войнѣ совершенно противной ея интересамъ? Съ незаламатныхъ временъ находилась она въ соперничествѣ съ Австріей, шла совершенно другимъ путемъ, направляла свою политику такъ чтобы всегда имѣть на сѣверѣ сильнаго союзника который въ случаѣ нужды могъ бы сдѣлать диверсію въ ея пользу. Швеція служившая ей для этой цѣли

утратила свое могущество и свое вліяніе на континентальную Европу: оставалась садовательно Пруссія. Кому же могла придти мысль что необъяснимое разстройство ума (*un renversement d'esprit inexplicable*) и проноски какой-либо прелестьницы побудятъ ее вдругъ измѣнить всю свою политическую систему.“ Какъ скоро Фридрихъ увидѣлъ однако опасность, у него тотчасъ же созрѣлъ планъ, который онъ и вознамѣрился исполнить съ обычною своею быстротою и рѣшительностью. Замѣчательно что Бехтѣвъ, хотя и не военный человѣкъ, очень вѣрно угадалъ его замыслы: „Постулокъ вывѣшній короля Прусскаго (вторженіе въ Саксонію), писалъ онъ Воронцову, поставляютъ за нечаянный и приписуютъ оный страху, въ который его привелъ Версальскій трактатъ и возобновленіе добраго согласія между Россіей и Франціей. Онъ изъ того заключилъ что сильнѣйшія въ Европѣ три державы соединились и прижавъ общія мѣры ковенно его атакуютъ. И понеже трудно бы было ему вдругъ ото всѣхъ обороняться, то не давая имъ времени согласиться принялъ онъ намѣреніе самъ начать войну которая по его чаянію была бы неминуема, но крайне опасна еслибъ онъ ее отложилъ; а атаковавъ всею силою императрицу-королеву думаетъ ея силы разорить, пока она можетъ получить помощь отъ Россіи и Франціи; потомъ обратиться противъ той изъ сихъ державъ которая прежде на него вооружится и надѣется такимъ образомъ по одной со всѣми тремя управиться.“ Новѣйшіе историки находятъ провинцательность Бехтѣва изумительною, * изумительною тѣмъ болѣе что ею никакъ не могли похвалиться въ Вѣнѣ.

Австрійское правительство въ теченіе всей войны не переставало жаловаться на неспособность генераловъ командовавшихъ войсками союзныхъ ей державъ, но нельзя сказать чтобъ и ея собственные полководцы отличались замѣчательными талантами. Главное начальство надъ своею арміей ввѣрила Марія-Терезія брату императора Франца, принцу Карлу Лотарингскому, который участвовалъ въ войнѣ за австрійское наслѣдство и потерпѣлъ въ ней одно за другимъ цѣлый рядъ пораженій — при Хотуцицѣ, Гогенфрид-

* Ueber die Stellung Friedrichs II bildete sich Bechtejew eine Idee deren Präcision in Staaten setzt (Ranke, *Ursprung* u. t. d., *Sämmtl. Werke*, XXX, 196, прим.).

бертъ, Сооръ. Такой странный выборъ объяснялся развѣ тѣмъ соображеніемъ что человѣкъ котораго такъ часто били враги долженъ же былъ наконецъ научиться въ свою очередь поражать ихъ. Чтобъ облегчить ему эту задачу императоръ вручилъ ему записку въ которой необыкновенно тщательно постарался изложить все что, какъ казалось ему, составляло тайну военнаго искусства Фридриха: Прусскій король считался нелобѣдимымъ только потому что недостаточно были изучены его приемы, но теперь, когда послѣ долгаго опыта явилась возможность изслѣдовать ихъ во всѣхъ подробностяхъ, стоило только сообразоваться съ ними чтобы погубить его. Пусть противники будутъ дѣйствовать такъ же какъ онъ, и все пойдетъ какъ нельзя лучше. Фридрихъ, на примѣръ, всегда старался напасть на главныя силы непріятеля: изъ этого слѣдуетъ что отъ самого принца Карла долженъ зависѣть выборъ времени и мѣста для рѣшительной битвы,—онъ можетъ принудить Прусскаго короля идти за собой куда захочетъ. Фридрихъ любилъ утомлять своихъ враговъ продолжительными передвиженіями, появлялся то тамъ, то здѣсь, стараясь скрыть свои настоящіе планы, но это отражалось невыгодно прежде всего на его собственныхъ войскахъ, подвергавшихся крайнему утомленію: очевидно что перевѣсъ будетъ на сторонѣ противника который не поддастся на эту уловку и сумѣетъ сберечь свои силы. Въ сраженіи Фридрихъ почти постоянно сосредоточивалъ главнѣйшія свои силы на одномъ крылѣ для рѣшительнаго натиска, тогда какъ другое служило ему лишь для обороны: надлежало поэтому съ самаго начала разбить слабое его крыло и потомъ обрушиться на другое. Много соображеній такого рода придумано было императоромъ Францемъ, но несостоятельность ихъ обнаружилась при первой же встрѣчѣ Австрійцевъ съ Прусаками подъ Прагою. Начать съ того что они никакъ не ожидали вторженія непріятеля въ Богемію: то что удалось предугадать даже Бехтѣву, казалось имъ невозможнымъ. Одинъ изъ лучшихъ генераловъ Маріи-Терезіи, Броунъ, полагалъ что Фридрихъ, занявъ Саксонію, постарается укрѣпиться въ ней и будетъ вести оборонительную войну: тѣмъ ужаснѣе было разочарованіе когда случилось обратное. Самому Броуну пришлось выдержать первый натискъ Прусаковъ, двигавшихся къ Прагѣ. „Встрѣча моя съ нимъ была очень печальна, писалъ принцъ Карлъ, онъ

такъ улавль духомъ, какъ будто не понималъ что происходило вокругъ него, говорилъ что лучше бы ему умереть чѣмъ дожить до такого несчастія и вѣсколько разъ привнимался плакать; я всячески старался усложнить его, но безуспѣшно.“ Разгромъ которому подверглась австрійская армія подъ Прагой произвелъ удручающее впечатлѣніе въ Вѣнѣ: и дворъ, и публика поражены были лавическимъ страхомъ, готовы были одно время думать что все кончено, что едва началась война, какъ уже придется Австріи сложить оружіе. Что касается Франціи, то и она, какъ увидимъ, не только не затмила своихъ союзниковъ, но оставалась даже позади ихъ. А между тѣмъ и у нея не было недостатка въ военныхъ плавахъ, придуманныхъ такъ искусно что они судили ловидимому несомнѣныя побѣды; незадолго до выхода въ отставку д'Аржансона была выработана подъ его руководствомъ программа военныхъ дѣйствій, въ которой старались выставить всѣ ошибки, всѣ неудачи прежнихъ походовъ, съ тою цѣлью чтобы не могли они повториться. И все это не привело ни къ чему. „Нельзя не сознаться, говорить Берлицъ въ своихъ мемуарахъ, что наши главнокомандующіе какъ бы поставили себѣ задачей умышленно пренебрегать всѣми тѣми правилами которыя были начертаны при ихъ же участіи. Ни одна изъ предусмотрѣнныхъ ошибокъ не была избѣгнута, ни одно изъ данныхъ имъ указаній не было принято въ расчетъ; слѣдя за сухопутною нашею войною можно было подуматъ что Пруссійскій король подкупилъ насъ чтобы мы сами навлекли на себя несчастія, а что касается морской войны, то какъ будто министры Англійскаго короля распорядились изъ Лондона дѣйствіями нашего флота съ явнымъ намѣреніемъ довести его до гибели...“

А между тѣмъ и въ Вѣнѣ, и въ Версали чрезвычайно сокрушались о русской арміи и еще прежде чѣмъ выступила она въ походъ дѣлали на ея счетъ мрачныя предсказанія. Основательны были они развѣ въ томъ отношеніи что отъ главнокомандующаго назначеннаго императрицей Елисаветой можно было ожидать такъ же мало какъ отъ Карла Лотарингскаго или принца Субиза, хотя въ походѣ 1757 года даже подъ его начальствомъ Русскіе одержали побѣду и не испытали ничега подобнаго тому позору которымъ покрыли себя Французы при Росбахѣ, а Австрійцы подъ Прагой и Лейтеномъ. Хотя гетманъ Разумовскій былъ врагъ графа С. О.

Апраксина, но онъ нисколько не преувеличалъ его недостатки замѣтивъ что главнѣйшими изъ нихъ были невѣжество и мелочливое тщеславіе. * Такимъ именно представляется фельдмаршалъ и въ разказахъ другихъ современниковъ. Болотовъ былъ очевидцемъ выступленія его изъ Риги: „Отъ грома пушекъ, гремящихъ со стѣнъ городскихъ, говорить онъ, стонала рѣка, и выѣздъ сего полководца былъ самый пышный и великолѣпный. Наша бригада саучилась тогда стоять на самой дорогѣ, гдѣ ему ѣхать надлежало, чего ради мы выведены были въ строй и должны были отдавать ему честь съ преклоненіемъ знаменъ, какъ равному повелителю. Ужасная свита всякаго рода военныхъ людей окружала его ѣдущаго. Зрѣлище сіе представлялось намъ тогда еще впервые и было поразительно, ибо пышность сего шествія была такъ велика что имей государь не выѣзжаетъ на войну съ таковою. Но о! когда бы возвращеніе сего генерала въ сей городъ соответствовало сему величественному выѣзду...“ ** Неизвѣстно что побудило императрицу Елисавету оставить свой выборъ на Апраксина, но не подлежитъ сомнѣнію что сильная партія при дворѣ не возлагала на него никакихъ надеждъ и уже вскорѣ послѣ того какъ отъправился онъ на войну, хлопотала о томъ чтобы смѣнить его. Мы имѣемъ тутъ въ виду переговоры съ привцемъ Конти: къ сожалѣнію, въ русокихъ документахъ почти ничего не встрѣчается о нихъ, а свѣдѣнія сообщаемыя иностранными писателями такъ недостаточны что пользоваться ими можно лишь съ помощью догадокъ. Повидному самъ Конти, разочаровавшись

* Письмо К. Г. Разумовскаго къ вице-канцлеру, въ *Архивъ князя Воронцова*, VI, 328.

** Въ послѣдствіи, во время отступленія Апраксина, походившаго на бѣгство, Болотовъ имѣлъ однажды случай явиться къ нему по дѣламъ службы. „Пришедъ къ фельдмаршалу, разказываетъ онъ, не могъ а внутренно не разсмѣяться тому что тутъ увидѣлъ. Я нашелъ его въ преогромной, богато внутри украшенной и жаровнями и спиртами довольно нагрѣтой кубикѣ, лежащаго на подушкахъ на одной, а лейбъ-медика или доктора его на другой кровати. Но въ чемъ бы, вы думали, сей предводитель нашъ при тогдашнихъ печальныхъ обстоятельствахъ упражнялся? Истинно стыдно сказать. Извоилъ слушать сказки отъ сидящаго въ головахъ у него за столикомъ гренадера, боатавшаго неслѣпый вадуръ во все горло.“ (*Жизнь и приключенія Болотова*, т. I, 598).

въ своихъ ожиданіяхъ что Лудовикъ XV назначить его главнокомандующимъ французскою арміею, задумалъ предложить свои услуги императрицѣ Елисаветѣ; онъ не сомнѣвался въ успѣхахъ союзниковъ и разчитывалъ что самое вѣрное для него средство проложить себѣ путь къ Польскому престолу, это—одержать цѣлый рядъ побѣдъ надъ Фридрихомъ во главѣ русскихъ войскъ. Долиталь въ то время еще не пріѣзжалъ въ Петербургъ; повѣреннымъ Французскаго правительства былъ Дугласъ, одивъ изъ ревностныхъ агентовъ принца, который, разумѣется, былъ радъ оказать услугу своему покровителю, но ему приходилось дѣйствовать очень осторожно, такъ какъ онъ ничего не зналъ о намѣреніяхъ Лудовика XV. Весьма вѣроятно однако что частнымъ образомъ онъ сообщалъ означенный планъ Воронцову, который сочувственно отвѣсся къ нему, и велѣла особенно вникать за это вице-канцлера если вспомнимъ, напримѣръ, что намѣревалась же немного позднѣ Марія-Терезія поставить свои войска подъ начальство французскаго маршала д'Остре. * При этомъ произошло такое затрудненіе: Дугласъ очевидно желалъ чтобы первый шагъ сдѣлаалъ былъ Русскимъ правительствомъ, ибо только такимъ образомъ можно было повліять на Лудовика XV, а Воронцовъ настаивалъ чтобъ инициатива шла отъ короля. Для разъясненія этого вопроса отправили въ Парижъ пресловутаго кавалера д'Эона. Въ своихъ запискахъ онъ утверждаетъ будто поручено было ему предложить принцу Ковти званіе главнокомандующаго русскими войсками и вмѣстѣ съ тѣмъ корону герцогства Курляндскаго! Но незадолго предъ тѣмъ между Лудовикомъ XV и принцемъ произошелъ разрывъ; узнавъ объ этомъ тотчасъ по прибытіи во Францію д'Эонъ обратился предварительно къ Терсье и объяснилъ ему что не осмѣливается начать дѣло такой важности не имѣя надлежащаго полномочія. Король, котораго Терсье не замедлилъ увѣдомить объ этомъ, отвѣчалъ запиской: „Такъ какъ г. д'Эонъ прибылъ къ принцу Ковти съ порученіемъ отъ графа Воронцова, то пусть видится съ нимъ, но онъ долженъ представить отчетъ объ этомъ свиданіи.“ Принцъ улодобилъ всѣ старанія чтобы заручиться содѣйствіемъ короля; въ теченіе двухъ мѣсяцевъ сряду не давалъ онъ ему покоя, посылалъ ему обширные мемуары и все-таки не

* *Arnetz*, V, 351.

достигъ цѣли. Лудовикъ не обнаруживалъ ни малѣйшаго желанія примириться съ нимъ и относился очень холодно къ его интересамъ. „Если императрица Елисавета, писала ояъ къ Терсье, дѣйствительно намѣрена назначить принца Ковти главнокомандующимъ своею арміею и доставить ему герцогство Курляндское, то я очень этому радъ; но въ настоящее время участіе мое ограничится тѣмъ что я не буду противиться; согласіе же мое я дамъ не прежде какъ для окончательнаго рѣшенія дѣла остановка будетъ только за нимъ.“ Въ другой своей запискѣ ояъ говорилъ: „Когда созрѣетъ у меня нравственное убѣжденіе что императрица предназначаетъ для принца Курляндію вмѣстѣ съ командованіемъ русскимъ войскомъ, то соглашусь на все чего ояъ желаетъ; до тѣхъ же поръ мнѣ не хочется сдѣлать фальшивый шагъ, который причинитъ намъ болѣе вреда чѣмъ пользы.“ Д’Эому пришлось вернуться въ Петербургъ ни съ чѣмъ. *

Все это показываетъ какъ шатко было положеніе Апраксина еще когда не сдѣлалъ ояъ ничего такого въ чемъ можно было бы прямо обвинять его, когда въ Петербургѣ сѣтовали только на медленность его движеній; но неожиданное и послѣднее отступленіе его послѣ выигранной имъ битвы при Гросс-Егерндорфѣ вызвало страшную бурю. Никто не хотѣлъ объяснять образъ дѣйствій главнокомандующаго крайнею его неспособностью; непремѣнно хотѣли видѣть въ немъ если не главнаго двигателя, то орудіе политической шутки: дружба его съ Бестужевымъ, близость его къ молодому двору давали поводъ къ догадкамъ что ояъ умышленно уклонился отъ дальнѣйшихъ наступательныхъ дѣйствій противъ Прусаконъ изъ боязни что въ случаѣ кончины императрицы ни наследникъ ея, ни Екатерина не простятъ ему его услѣховъ. Напрасно Бестужевъ рѣзче чѣмъ кто-нибудь порицалъ фельдмаршала: „Это мой другъ, говорилъ ояъ, но еслибъ ояъ былъ моимъ роднымъ братомъ, я не переставалъ бы повторять что ояъ заслуживаетъ самаго тяжкаго наказанія“ **; заявленія такого рода висколько не помогали канцлеру, точно такъ же какъ не помогло ему и то что въ послѣдствіи найдены были письма изъ которыхъ дѣйствительно оказалось что ояъ самымъ настойчивымъ образомъ убѣждалъ

* *Vandal*, 303—303.

** Домесеніе Лопитала у Вандаля, 322.

его идти впередъ. Сильная своимъ вліяніемъ партія непремѣнно хотѣла раздуть дѣло, не потому чтобъ ей особенно былъ ненавистенъ Апраксинъ, а потому что вмѣстѣ съ Апраксинымъ надѣялась она погубить и государственнаго человѣка котораго такъ долго преслѣдовала своею непримиримою ненавистью. Сначала былъ вызванъ и подвергся аресту главнокомандующій, затѣмъ такая же участь постигла и канцлера. Вопросъ о томъ кто нанесъ ему рѣшительный ударъ остается и до сихъ поръ не разъясненнымъ. Одни приписывали эту роль французскому послу Лопиталю, который явился будто бы къ Воронцову съ угрозами и побудилъ его дѣйствовать энергически, но Лопиталь не преминулъ бы конечно похвалиться своимъ поступкомъ въ доносеніяхъ своему правительству, а въ послѣднее время два писателя имѣвшіе въ своихъ рукахъ эти доносенія не нашли въ нихъ ничего подобнаго. „Французскій посланникъ, говоритъ Вандаль, не принималъ ни малѣйшаго участія въ паденіи нашего злѣйшаго врага.“ То же подтверждаетъ и Дарестъ. По словамъ его, министръ иностранныхъ дѣлъ аббатъ Бернисъ постоянно совѣтывалъ даже послу не выказывать враждебныхъ чувствъ къ Бестужеву, потому что обстоятельства могутъ измѣниться: „Министръ, стоящій повидимому даже на краю пропасти, можетъ вдругъ сдѣлаться могущественнымъ болѣе чѣмъ когда-нибудь и настоящій дипломатъ отворачивается отъ государственнаго человѣка занимающаго важный постъ не прежде какъ на другой день послѣ постигшей его олады“ (au lendemain révolu de sa disgrâce). Лопиталь не очень слѣдовалъ этимъ совѣтамъ, ибо находясь на мѣстѣ зналъ что никогда Бестужевъ не будетъ пользоваться расположеніемъ императрицы, но вмѣстѣ съ тѣмъ не хотѣлъ компрометтировать себя какимъ-нибудь неосторожнымъ шагомъ. „Несомнѣнно, говоритъ г. Дарестъ, что посолъ нашъ былъ болѣе или менѣе посвященъ Воронцовымъ въ тайну заговора, но корреспонденція его не проливаетъ никакого особеннаго свѣта на это событіе. Онъ зналъ вѣроятно только то что считали возможнымъ сообщить ему.“ Черезъ нѣсколько времени послѣ разыгравшейся драмы онъ послѣдшилъ извѣстить будто бы лично ему угрожала великая опасность, будто Бестужевъ имѣлъ твердое намѣреніе погубить его и графа Эстергази: „Канцлеръ, писалъ онъ, изложилъ письменно свои намѣренія относительно насъ, и планъ этотъ найденъ въ его

бумагахъ; все это вполнѣ вѣрно, какъ сообщалъ мнѣ самъ Воронцовъ.“ Извѣстiе любопытное въ томъ отношенiи что оно показываетъ къ какимъ средствамъ прибѣгала враждебная Бестужеву партiя съ цѣлью поддѣлывать на лустыхъ и довѣрчивыхъ людей въ родѣ маркиза Лопитала! Многие приписывали дѣятельное участiе въ низверженiи Бестужева графу Эстергази, и конечно это гораздо правдоподобнѣе чѣмъ предположенiе относительно его товарища, французскаго посла, но любопытно что Эстергази принадлежалъ къ числу тѣхъ которые положительно отрицали будто Апраксинъ руководился политическими расчетами, отступивъ за Нѣманъ послѣ Гроссъ-Егерндорфской битвы и дѣйствовалъ по тайному соглашенiю съ канцлеромъ. Онъ откровенно доносилъ объ этомъ въ депешѣ своей Кауницю. * Тѣмъ не менѣе Эстергази слишкомъ ненавидѣлъ Бестужева чтобы не желать его гибели,—не даромъ, какъ имѣли мы случай уломывать выше, встрѣчался онъ безпрерывно съ его противодѣйствiемъ въ старанiяхъ своихъ устроить дѣла такъ чтобы интересы Россiи принесены были въ жертву интересамъ Австрiи. Никакого случая не упускалъ онъ чтобы вредить ему во мнѣнiи Елисаветы. Однажды, не задолго до катастрофы, замѣтилъ онъ ей смѣясь что еслибы канцлеръ былъ уволенъ въ отставку съ пожизненною пенсiей, то какъ бы ни была громадна эта пенсiя, все-таки государство осталось бы съ барышемъ. Кауницъ впрочемъ далеко не раздѣлялъ антипатiи графа Эстергази. Если и ему былъ непрiятель Бестужевъ, по той причинѣ что нельзя было ожидать отъ него такой податливости какъ отъ Воронцова, то онъ отдавалъ справедливость обширнымъ его государственнымъ способностямъ и не могъ не понимать какъ полезно было присутствiе такого человѣка въ совѣтахъ Русской императрицы. Осенью 1757 года французскiй посолъ въ Вѣнѣ Стивенль (въ послѣдствiи извѣстный министр герцога Шуазель) обратился къ Кауницю съ формальнымъ предложенiемъ чтобы Марiя-Терезiя и Лудовикъ XV въ собственноручныхъ письмахъ убѣждали Елисавету удалить Бестужева. Мы имѣемъ свѣдѣнiя

* „...dass der erfolgte Rückmarsch unmittelbar aus einer mit der grossfürstlichen Herrschaft und dem Grosskanzler habenden *Intrigue* herrühre hiesu ist nicht die geringste Vermuthung vorhanden.“ *Arnoeth*, V, 519.

о томъ кто навелъ Французское правительство на эту мысль: изъ делеша аббата Берниса, сообщенной г. Дарестомъ, видно что 14 ноября 1757 года посолъ нашъ графъ Михайлъ Петровичъ Бестужевъ, въ сопровожденіи Бехтѣева, посѣтилъ этого министра; онъ положительно обвинялъ Апраксина въ измѣнѣ и утверждалъ что было бы очень полезно еслибы Версальскій дворъ обратилъ вниманіе императрицы Елисаветы на его происки, „указавъ ей какой ущербъ происходитъ отъ того для славы ея оружія и какъ вредно это отзывается на общемъ дѣлѣ“. Хотя посолъ не уломывалъ о своемъ братѣ, но такъ какъ всѣмъ извѣстна была его глубокая къ нему ненависть, то не трудно было догадаться что не только Апраксина, но главнымъ образомъ канцлера имѣлъ онъ въ виду. Кауницъ рѣшительно возсталъ однако противъ сдѣланнаго ему предложенія, ибо, какъ выразился онъ, Бестужевъ при всѣхъ своихъ недостаткахъ имѣеть одно огромное достоинство: онъ заклятой врагъ Прусскаго короля, и никто при Русскомъ дворѣ не сдѣлалъ такъ много для общаго дѣла какъ онъ. Позднѣе писалъ онъ графу Эстергази что никогда не слѣдуетъ забывать что Бестужевъ былъ главнымъ виновникомъ тѣснаго союза Австріи съ Россіей, онъ съ самаго начала противоудѣствовалъ опаснымъ замысламъ Фридриха, и еще недавно, послѣ битвы при Прагѣ, выказывалъ необыкновенную твердость духа. * Объясненіе послѣдняго намека мы находимъ у Прассе: по словамъ его, когда пришло въ Петербургъ извѣстіе о пораженіи Австрійцевъ подъ Прагой, всѣ члены конференціи совершенно растерялись и доказывали что Россіи, которой угрожаетъ опасность лишиться самаго надежнаго своего союзника, слѣдовало бы не начинать войны съ Пруссіей: только одинъ Бестужевъ имѣлъ мужество возстать противъ этого. Не встрѣчая поддержки ни въ комъ, и всего менѣе въ Воронцовѣ, который или отдѣлывался молчаніемъ, или выказывалъ мѣткія обнаруживавшія крайнюю нерѣшительность, онъ настоялъ предъ императрицей чтобы немедленно отправленъ былъ циркуляръ ко всѣмъ представителямъ нашимъ при иностранныхъ дворахъ, въ которомъ Русское правительство заявляло что исполнить принятыя имъ на себя обязательства даже въ томъ случаѣ еслибъ ему одному пришлось бороться съ Прусскимъ

* *Arneht*, V, 283.

королемъ. * Показанія эти кажутся намъ очень важными: все что мы знаемъ о мнимои неблагонадежности Бестужева, о зловредныхъ сношеніяхъ его съ Англіей, объ угодливости его молодому двору, основано главнымъ образомъ на разказахъ иностранныхъ дипломатовъ находившихся тогда въ Петербургѣ, но между этими дипломатами первое мѣсто принадлежало конечно Эстергази; и по своему положенію, и по своимъ способностямъ онъ стоялъ неизмѣримо выше всѣхъ другихъ; онъ ненавидѣлъ Бестужева, свѣдѣлъ конечно за каждымъ его шагомъ и сообщалъ Кауницю подробныя о немъ свѣдѣнія. И что же? Мы видимъ что Кауницъ до послѣдней минуты ставитъ въ заслугу русскому канцлеру никогда не измѣнявшуюся его политику относительно Пруссіи и энергическій его образъ дѣйствій въ то время когда Бестужеву, еслибы дѣйствительно не хотѣлъ онъ войны, стоило бы только присоединиться къ настроенію вдругъ овладѣвшему конференціей.

„Мнѣніе будто Вѣнскій дворъ ревностно способствовалъ низверженію перваго министра императрицы Елисаветы, говоритъ Арветъ, должно считать, кажется, вполнѣ ошибочнымъ. Въ Вѣнѣ не могли слишкомъ желать этого уже потому что были озабочены, кто будетъ его преемникомъ. Вице-канцлеръ Воронцовъ не могъ выдержать никакого съ нимъ сравненія. Даже Эстергази, очень расположенный къ нему, считалъ его человѣкомъ ограниченаго ума, слабаго характера, чрезчуръ самолюбивымъ и относившимся подозрительно къ совѣтамъ болѣе провидательныхъ людей.“ Такимъ образомъ, если вѣрить Арвету съ одной стороны, Вадалю и Даресту съ другой, то и Австрія, и Франція были ни при чемъ въ той участи которая постигла русскаго канцлера. Кто же былъ главнымъ орудіемъ его паденія? Придворныя интриги такъ запутаны и такъ неуловимы что никогда не удастся конечно дать вполнѣ опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Бестужева арестовали не потому чтобъ имѣли доказательства какой-либо его вины, а потому что надѣялись найти ихъ въ захваченныхъ у него бумагахъ. „Что это у васъ за новости? спросила Екатерина князя Никиту Трубецкаго: нашли ли вы больше преступленій чѣмъ преступниковъ, или у васъ больше преступниковъ чѣмъ преступленій?“

* Herrmann, *Sächsisch-polnische Beziehungen*, 569.

„Мы сдѣлали то что намъ приказано, отвѣчалъ тотъ;— преступленія еще отыскиваютъ и до сихъ поръ неудачно.“ Съ такимъ же вопросомъ обратилась великая княгиня къ фельдмаршалу Бутурлину, который вмѣстѣ съ Трубецкимъ и графомъ Александромъ Шуваловымъ долженъ былъ быть судьей бывшего канцлера. „Бестужевъ арестованъ, сказалъ онъ ей, а теперь мы ищемъ причины за что его арестовали.“ Поиски оказались неудачны. Они доказали только что Бестужевъ былъ въ сношеніяхъ съ Екатериной, что чрезъ него писала она фельдмаршалу Алраксину, но ни въ упомянутыхъ сношеніяхъ, насколько они обнаружались, ни въ найденныхъ письмахъ не заключалось ничего такого что могло бы служить яввою противъ него уликой. Враги его основательно подозрѣвали что между нимъ и великою княгиней дѣло должно было идти главнымъ образомъ о мѣрахъ на случай смерти императрицы, но какъ было вывести это наружу, какъ обвинить его въ томъ въ чемъ они сами были отнюдь не безгрѣшны? Вопросъ о бѣдствіяхъ ожидавшихъ Россію по кончинѣ Елисаветы, бѣдствіяхъ неизбѣжныхъ какъ скоро власть перешла бы къ наследнику престола, ненавидѣвшему и презиравшему страху которою предназначено было ему управлять, одинаково тревожилъ всѣхъ. Прассе разказываетъ * что въ іюль 1757 года приступлено было къ сформированію тридцатитысячнаго корпуса для пополненія войскъ которыми командовалъ Алраксинъ, и Петръ Шуваловъ употреблялъ всѣ старанія чтобы этотъ корпусъ порученъ былъ ему, но такъ какъ въ то же время онъ не хотѣлъ уѣзжать и изъ Петербурга, то домогался чтобы по крайней мѣрѣ генералъ который стоялъ бы во главѣ этого отряда повиновался его распоряженіямъ. Не трудно было понять что побуждало Шувалова выступить съ такимъ страннымъ требованіемъ. „Извѣстно, говоритъ Прассе, что фамилія Шуваловыхъ въ дурныхъ отношеніяхъ съ молодымъ дворомъ, а потому и фельдцейхмейстеръ (Петръ Шуваловъ) и его родственники знаютъ чего слѣдуетъ ожидать имъ въ случаѣ переменъ престола. Ему хотѣлось бы получить командованіе корпусомъ для того чтобы въ рѣшительную минуту играть видную роль и заставить новое правительство

* См. упомянутую выше статью Германа въ *Preuss. Jahrbücher* XLVІІ, 580—581.

принять условія которыя будутъ выставлены имъ“. Позднѣе, уже по низверженіи Бестужева, известная партія при дворѣ упорствовала въ своихъ замыслахъ. Екатерина разказываетъ * что Шуваловы намѣревались, по смерти императрицы, выслать и ее, и Петра Θεодоровича за границу, учредивъ, за малолѣтствомъ Павла, временное правленіе, въ которомъ видное мѣсто принадлежало бы, конечно, Воронцову. Въ письмѣ этого послѣдняго къ И. И. Шувалову ** содержится довольно ясный намекъ на уломанутой планъ. Говоря о болѣзненномъ состояніи Елисаветы—это было за мѣсяць до ея кончины—и объ удручавшихъ его самого недугахъ, онъ восклицаетъ: „Въ такомъ горестномъ состояніи будучи, не крайняя ли бы глупость была принять на себя такое бремя котораго новость одна меня въ ужасъ приводитъ?“

Хотя не оказалось никакихъ сколько-нибудь основательныхъ уликъ противъ Бестужева, но участь его была рѣшена уже заранѣе. Долгиталь доносилъ *** будто императрица сказала ему: „Какъ жаль что бѣдный мой другъ Штарди умеръ, онъ очень порадовался бы узнавъ объ участи канцлера“. Если слова эти были дѣйствительно произнесены, если Елисавета съ участіемъ вспомнила о человѣкѣ который былъ личнымъ ея оскорбителемъ и старался причинить всевозможное зло Россіи, то уже одно это показываетъ какъ умѣли ее настроить противъ министра который болѣе чѣмъ кто-нибудь прославилъ ея царствованіе. Слѣдственная коммиссія не постыдилась признать Бестужева достойнымъ смертной казни, но на основаніи окончательнаго приговора онъ былъ сосланъ на житье въ одну изъ принадлежавшихъ ему деревень, гдѣ долженъ былъ находиться подъ строгимъ полицейскимъ надзоромъ. Въ бумагахъ Екатерины есть замѣтка которая очевидно относится къ бывшему канцлеру. „Видавъ ли, сказано въ ней, болѣе варварскій и достойный Турокъ способъ дѣйствовать какъ тотъ который заключается сначала въ наказаніи, а потомъ въ производствѣ слѣдствія? Если вы найдете человѣка виновнымъ, то что сдѣлаете? Онъ уже наказанъ, и развѣ вы будете столь жестоки чтобы наказать его дважды? А если онъ невиненъ, чѣмъ поправите вы

* *Русскій Архивъ*, 1863, 566—567 (первое изданіе).

** *Архивъ князя Воронцова*, VI, 313.

*** *Vandal*, 324.

несправедливость его арестованія, лишенія всѣхъ почестей, званій и пр., хотя онъ не былъ ни въ чемъ виновенъ? Вы сдѣлаетесь презрительными постулая такъ легкомысленно. Когда вы пожертвуете человѣкомъ изъ стыда признаться что ошиблись, то тѣмъ увеличите вашъ проступокъ предъ Богомъ и людьми. Когда бы со мной случилось такое несчастіе, то я, не колеблясь, принесла бы въ жертву справедливости ощущаемый мною стыдъ; я исправила бы нанесенное мною зло со всѣмъ великодушіемъ, на какое способна.“ *

Такова была судьба человѣка который по справедливости могъ считаться однимъ изъ наиболѣе мудрыхъ и энергическихъ представителей національной политики въ Россіи. Именно потому, что онъ вѣрно служилъ ея интересамъ, возбуждалъ онъ противъ себя непримиримую вражду. Можно положительно сказать что никогда и никого не ненавидѣлъ Фридрихъ такъ сильно какъ Бестужева. Паденіе его привѣтствовано было съ восторгомъ за границей. Родовались во Франціи **, радовались повсюду, гдѣ слѣдовали правилу—требовать отъ Россіи жертвъ, но не предоставлять ей выгодъ. Все это было въ порядкѣ вещей. Удивительно только что въ Петербургѣ не было недостатка въ людяхъ которые еще съ большею запальчивостью говорили то же самое что наши мнимые друзья и явные враги.

XI.

Не имѣя въ виду излагать подробно событія Семилѣтней Войны, мы ограничимся здѣсь лишь очеркомъ отношеній которыя существовали между государствами соединившимися для общаго предпріятія. Повидимому, все предвѣщало имъ успѣхъ, а между тѣмъ успѣха не было. Чрезвычайныя усилія напрягали они чтобы сломить общаго врага и не могли достигнуть этого до тѣхъ поръ пока обстоятельства вдругъ приняли благоприятный для него оборотъ. Самъ Фридрихъ въ своихъ мемуарахъ указалъ на причины неудачнаго образа

* *Сборн. Русс. Истор. Общ.*, VII, 89. (Бумаги Екатерины, изд. Пекарскимъ.)

** „L'événement de Russie peut sauver la patrie“, писалъ Бернуцъ (*Vandal*, 324).

дѣйствию союзниковъ. Главнѣйшая изъ нихъ, по его мнѣнью, заключалась въ томъ что они не могли придать надлежащаго единства своимъ военнымъ операціямъ, а отвѣтственность за это лежала преимущественно на Австріи: „Черезчуръ утонченная и хитрая политика Вѣнскаго двора, говоритъ король, состояла въ томъ чтобы самая трудная и рискованная предпріятія возлагать на другихъ, съ цѣлью сберечь къ концу войны свою армію въ возможно лучшемъ состояніи; вслѣдствіе того, неоднократно австрійскіе генералы, изъ излишней осторожности, не отваживались нанести рѣшительный ударъ Пруссакамъ“. Это до такой степени справедливо что изъ новѣйшихъ историковъ Арнетъ, никогда не улускающій случая выставить на видъ все что можетъ служить къ возвеличенію Маріи-Терезіи и ея полководцевъ, вынужденъ не разъ соглашаться что Русскіе имѣли законное основаніе негодовать на Дауна, который послѣ принца Карла Лотарингскаго, окончательно обнаружившаго свою крайнюю неспособность, принялъ начальство надъ австрійскою арміею. Въ военномъ отношеніи Австрія не имѣла права гордиться ничѣмъ, но за то въ отношеніи политическомъ выказывала она необыкновенное искусство: надо было удивляться изворотливости и ловкости съ которыми Кауницъ не давалъ распасться коалиціи и направлялъ ее къ такимъ цѣлямъ которыя повидимому должны были привести выгоды главнымъ образомъ Вѣнскому двору.

Менѣе всего затрудененій представляла ему Россія. Правительство императрицы Елисаветы приступило къ войнѣ съ полнымъ убѣжденіемъ въ ея необходимости и никогда не подавало ни малѣйшаго повода подозревать что услѣхъ общаго дѣла готово оно принести въ жертву какимъ-либо корыстнымъ стремленіямъ. „Мы не разъ объявляли, говорило оное, что искренностью хотимъ превосходить и убѣждать нашихъ союзниковъ, хотябъ они предъ нами и нѣсколько виноваты были“. Для кампаніи 1760 года Салтыковъ составилъ планъ разчитанный прежде всего на то чтобъ укрѣпить за Россіей уже сдѣланныя ею пріобрѣтенія. „Еслибы нынѣшнюю войну съ королемъ Прусскимъ вели мы одни, извѣщали его изъ Петербурга, и еслибы дѣло состояло, только въ томъ чтобъ удержать за нами Пруссію въ тѣхъ границахъ въ какихъ мы теперь ею владѣемъ, то не было бы почти нужды заботиться о планахъ операцій; но такъ какъ

мы ведемъ войну въ союзѣ съ императрицей-королевой, и дѣло идетъ о томъ чтобъ исполнить наши обязательства, исполнить то что мы многократно обѣщали торжественными объявленіями и не показать меньшаго усердія тогда когда война приходитъ къ концу и когда должны мы ожидать признательности союзниковъ и всей Европы за доставляемую ей тишину и безопасность, то нельзя начертать планъ военныхъ дѣйствій иначе какъ съ согласія императрицы-королевы“. Салтыковъ же доносилъ однажды что необходимо было бы расположить австрійскій корпусъ подъ начальствомъ Лаудона около Познани и по Вартѣ, что это было бы выгодно въ военномъ отношеніи, а также сдѣлало бы болѣе безопаснымъ положеніе русскихъ войскъ. „Въ реляціи вашей, сказано было по этому поводу въ рескриптѣ императрицы главнокомандующему, конечно канцелярскою ошибкой вкралось неосторожное выраженіе, а именно упомянуто что пребывавіемъ Лаудона въ означенныхъ мѣстахъ армія наша прикроется съ силезской и бранденбургской стороны; такое *свокаръстное* и союзникамъ нашимъ крайне обидное объясненіе очень далеко отъ *нужности нашихъ сантиментовъ...*“ * Какъ все это было неизмѣримо далеко отъ тѣхъ правилъ которыхъ держался, напримѣръ, Фридрихъ Великій, когда въ началѣ сороковыхъ годовъ находился въ союзѣ съ Франціей и Саксоніей! Русское правительство дѣйствовало не только воплѣвъ чество, но и со значительнымъ услѣхомъ. Конечно, далеко не оправдались предсказанія Воронцова и Шуваловыхъ что какъ скоро исчезнетъ изъ правительственныхъ сферъ злой геній воплощавшійся въ лицѣ Бестужева, то ничто уже не будетъ задерживать побѣды русскаго оружія. Ни одинъ изъ быстро смѣнявшихся главнокомандующихъ—ни Ферморъ, ни Салтыковъ, ни Бутурлинъ—не стояли на высотѣ предназначенной для нихъ роли. С. М. Соловьевъ какъ нельзя болѣе вѣрно характеризовалъ ихъ: „Они шли медленно, на помочахъ конференціи, двигались въ указанномъ направленіи, встрѣтять непріятеля, выдержать его натискъ, отобьются, а иногда послѣ сраженія увидятъ что одержали великую побѣду, въ лухъ разбили врага, но это нисколько не измѣнитъ ихъ взгляда на свои обязанности, нисколько не измѣнитъ ихъ способа дѣйствій, не дастъ имъ способности

* Соловьевъ, *Исторія Россіи*, XXIV, 269, 273, 307.

къ почину; они не сдѣлають ни шагу чтобы вослѣзоваться побѣдой, окончательно добить непріятеля, попрежнему ждутъ указа съ подробнымъ планомъ дѣйствій... Тутъ не было и тѣни военнаго искусства, военныхъ способностей и соображеній; война производилась первобытнымъ способомъ; войско входило въ непріятельскую землю, дралось со встрѣтившимся непріятелемъ и осенью уходило назадъ". Тѣмъ не менѣе Русскимъ не приходилось ввести въ свою военную дѣлопись ни одного изъ такихъ бѣдствій которыя преслѣдовали Австрійцевъ и Французовъ: даже Цорндорфская битва отнюдь не была пораженіемъ. Войска наши заняли провинцію Пруссію и не выпускали ее изъ своихъ рукъ. Но особенно дорожилъ Вѣвскій дворъ тѣмъ непреклоннымъ упорствомъ которое, не смущаясь никакими неудачами, обнаруживало Русское правительство въ преслѣдованіи задуманной цѣли. Въ этомъ отношеніи не могло у него быть болѣе вѣрнаго и надежнаго союзника. „Я не скоро рѣшаюсь на что-нибудь, говорила императрица Елисавета графу Эстергази, но если уже разъ рѣшилась, то не измѣню моего намѣренія; я буду вмѣстѣ съ союзниками продолжать войну если бы даже принуждена была продать половину моихъ платьевъ и брилліантовъ“.

Другое дѣло Франція. Послѣ того какъ эта держава совершенно подчинилась австрійской политикѣ, Кауницъ былъ очень озабоченъ тѣмъ чтобы она не измѣняла своихъ намѣреній; необходимо было для этого чтобы Лудовикъ XV поручилъ завѣдываніе иностранными дѣлами человѣку на котораго можно было бы вполнѣ разчитывать. Кто же былъ пригоднѣе для подобной роли какъ не аббатъ Бернисъ? Онъ выказалъ столько податливости при заключеніи союзныхъ договоровъ 1756 и 1757 годовъ что Вѣвскій дворъ не имѣлъ повидимому причинъ и на будущее время опасаться противодѣйствія съ его стороны. „И сама Франція и ея союзники, писалъ Кауницъ Штарембергу, нуждаются для великаго предпріятія въ великомъ человѣкѣ, и Бернисъ, какъ кажется мнѣ, обладаетъ всѣми его свойствами.“ Бернисъ былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, но не прошло много времени какъ въ Вѣвѣ совершенно разочаровались на его счетъ. Очевидно, Французское правительство, начиная войну съ Пруссіей, не имѣло въ виду ни ея продолжительности, ни тѣхъ громадныхъ пожертвованій которыя эта война

потребуется; оно не предполагало что Фридрихъ будетъ въ состояніи долго бороться съ образовавшеюся противъ него могущественною коалиціей, но уже первый несчастный походъ долженъ былъ открыть ему глаза. Пораженіе Субиза при Росбахѣ, неудачный образъ дѣйствій Ринельса противъ герцога Кумберландскаго, увѣнчавшійся Клостеръ-Северскою капитуляціей,—все это въ связи съ крайне печальными извѣстіями съ театра войны на морѣ производило удручающее впечатлѣніе на французское общество. Кромѣ позора и истощенія матеріальныхъ средствъ страны, не видѣло оно ничего впереди. Какъ презрительно ни относились современники къ аббату Берансу — въ парижскихъ салонахъ упрочилось за нимъ прозвище *Babet la bouquetière*, данное ему Вольтеромъ—нужно однако сказать къ его чести что испуганный событиями, съ которыми не по силамъ было ему справиться, онъ не счелъ возможнымъ идти покорно за гжой Помпадуръ и ея друзьями только для того чтобы сохранить свое положеніе при дворѣ. Война продолжалась лишь нѣсколько мѣсяцевъ, а уже „великій человекъ“ заговорилъ о мирѣ, настаивая на необходимости заключить его какъ можно скорѣе. Въ январѣ 1758 года писалъ онъ французскому послу въ Вѣнѣ: „Я вижу что въ теченіе какихъ-нибудь десяти или двѣнадцати дней Вѣнскій дворъ потерялъ три четверти своихъ войскъ и офицеровъ; Русская императрица больна, и при известной слабости ея характера можно ли ожидать что она будетъ противиться совѣтамъ канцлера (въ это время Бестужевъ еще не подвергся опалѣ), котораго Англичане постараются закулить громадными подарками? Кто же останется на сценѣ? Императрица Марія-Терезія безъ войска и Французы,—эти послѣдніе въ тискахъ между Прусскимъ королемъ и Ганноверцами, безъ припасовъ, безъ генераловъ и безъ дисциплины; какъ скоро Англичане, занявъ Нидерланды, увидятъ Голландію присоединиться къ нимъ, мы должны будемъ вернуться домой, если только голодъ и крайнее разстройство не вытѣснятъ насъ еще прежде изъ Германіи. И нечего разчитывать что произойдетъ какая-нибудь перемѣна въ этомъ положеніи дѣлъ, ибо и въ Вѣнѣ и въ Версалі за вѣдуютъ войной люди никогда не умѣвшіе вести ее. Морскія наши силы почти уничтожены; съ этой стороны тоже нечего намъ ожидать ни славы, ни вознагражденія. Вотъ почему, мнѣ кажется, лучше всего заключить миръ, предложивъ для этого

точасъ же перемиріе на сушѣ и на морѣ.“ Хуже всего что даже Штарембергъ высказывался въ томъ же смыслѣ. По его мнѣнію, на Францію нельзя было возлагать никакихъ надеждъ. „Здѣсь, писалъ онъ изъ Парижа, на первомъ планѣ интриги, происки и личные интересы; дѣла первостепенной важности рѣшаются съ нелостижимымъ легкомысліемъ, а пустякамъ придается, напротивъ, громадное значеніе. Правительство мѣняетъ планы со дня на день; вмѣсто дѣла слышишь только пышвыя, но въ сущности ничего не значація фразы; всякій старается вмѣшиваться въ то что вовсе до него не касается и не исполняетъ надлежащимъ образомъ своихъ прямыхъ обязанностей; даже люди которые видятъ зло не заботятся, какъ бы слѣдовало, объ его устраненіи. Несомнѣнно поэтому что Франція не можетъ оказать намъ дѣйствительной помощи, а такъ какъ безъ нея вести войну трудно, то скорое заключеніе мира было бы для насъ самымъ желаннымъ событіемъ.“

Картина начертанная Штарембергомъ не представляла ничего новаго для Австрійскаго правительства. Оно знало что можетъ разчитывать только на Россію („unser einzige Hülfquelle liegt in Russland,“ писалъ Кауницъ въ мартѣ 1758 года), но не хотѣло выпускать изъ своихъ рукъ и Францію, ибо не останавливалось даже на мысли о прекращеніи войны до тѣхъ поръ пока не будутъ достигнуты положительныя результаты. „Великій человѣкъ“, какимъ считалъ Кауницъ аббата Берниса, вдругъ превратился въ человѣка ничтожнаго и совершенно непригоднаго для возложенной на него задачи. Вѣнскій дворъ позаботился низвергнуть его, и въ этомъ случаѣ гжа Помпадуръ опять-таки оказала ему услугу. Она не прощала своему любимцу то въ чемъ видѣла черную неблагодарность съ его стороны. „Аббатъ, писала она въ Вѣну, слишкомъ поддается фантазіямъ публики и желанію нравиться ей; со временемъ онъ самъ убѣдится какъ ненадежна эта популярность; жаль что у него на первомъ планѣ его собственная особа, ибо помимо этого, онъ обладаетъ всеми задатками великаго министра.“ Бернисъ получалъ кардинальскую шапку, но вмѣстѣ съ тѣмъ подвергся опалѣ, потому что ему приказано было выѣхать изъ Парижа. Такъ какъ увольненіе его произошло въ угоду Вѣнскому двору, то очень понятно что вмѣсто его занялъ человѣкъ который уже нѣсколько лѣтъ состоялъ посломъ при этомъ дворѣ, пользовался

личнымъ расположеніемъ Маріи-Терезіи и считался приверженцемъ союза съ Австріей, а именно графъ Стенвилль, получившій затѣмъ громкую извѣстность подъ именемъ герцога Шуазёля.

Если императрица-королева и Кауницъ полагали что въ новомъ министрѣ найдутъ твердую опору, то, какъ увидимъ далѣе, это было большимъ заблужденіемъ съ ихъ стороны. Шуазёль много превосходилъ Берниса и способностями и умомъ, но умомъ скорѣе блестящимъ чѣмъ такимъ который въ состояніи создать что-либо прочное; Франція давно уже измѣнила стариннымъ преданіямъ своей политики, и не ему было направить ее на вѣрный путь; этому препятствовалъ и его характеръ, легко поддававшійся впечатлѣніямъ, заставлявшій его переходить отъ одной крайности къ другой. На первыхъ порахъ онъ видимо былъ смущенъ важною отвѣтственностью лежавшею на немъ и хотя утверждалъ что не будетъ слѣдовать примѣру своего предшественника, старается сообщить энергическое направленіе войнѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ доказывалъ Вѣнскому двору что несправедливо было бы обращаться ко Франціи съ чрезмѣрными требованіями. Походы противъ Фридриха оказывались неудачны, но по окончаніи каждаго изъ нихъ Марія-Терезія настоятельно требовала отъ своихъ союзниковъ чтобъ они упорствовали въ борьбѣ: до какихъ же поръ, спрашивалъ Шуазёль, должно это продолжаться? Не можетъ же война длиться вѣчно? По его словамъ слѣдовало бы постановить для нея болѣе скромныя цѣли чѣмъ тѣ съ которыми была она предпринята, а для этого необходимо было пересмотрѣть трактаты связывавшіе Францію съ Австріей; измѣненіе ихъ необходимо еще потому что, заключивъ договоры 1756 и 1757 годовъ, Версальскій дворъ принялъ на себя такія обязательства обременительность коихъ сознавалъ съ каждымъ днемъ, ибо какъ бы ни были обширны его средства, очевидно не хватало ихъ для того чтобъ одновременно — и на морѣ, и на сушѣ—вести двѣ войны, требовавшія громадныхъ расходовъ.

Австрійское правительство обнаружило, ловидимому, полную готовность удовлетворить желаніямъ Франціи. Въ самыхъ послѣднихъ числахъ декабря 1758 года подписаны были два трактата,—одинъ, который положено было сообщить союзникамъ, другой, долженствовавшій оставаться въ глубокой тайнѣ, и обнародованный лишь въ недавнее время. Наиболѣе

существенное значеніе имѣлъ впрочемъ первый изъ нихъ. Договоры о которыхъ идетъ рѣчь служатъ новымъ доказательствомъ какое поразительное ослабленіе овладѣло государственными людьми Франціи, какъ легкомысленно относились они къ интересамъ своей страны даже когда повидимому намѣрены были отстаивать ихъ! Нѣтъ никакой возможности объяснять ихъ образъ дѣйствій иначе какъ интригой, главныя нити коей сосредоточивались въ рукахъ гжи Помпадуръ. Мы видимъ что Французское правительство не обязывалось уже какъ прежде не прекращать войны до тѣхъ поръ пока императрица-королева возстановитъ свои права на Силезію и графство Глацъ; оно ограничивалось лишь тѣмъ что обѣщало, когда откроются конференціи о мирѣ, „употребить всевозможныя старанія“ чтобъ уломяутыя области были возвращены Маріи-Терезіи. Вотъ, казалось бы, важная перемѣна; но какую же цѣной была достигнута она? Объ уступкѣ Нидерландовъ инфанту донъ-Филиппу не было уже и рѣчи; вмѣсто Нидерландовъ, которые составляли предметъ страстныхъ его желаній, онъ долженъ былъ считать себя счастливымъ что дочь его вступить въ бракъ съ наследникомъ Австрійскаго престола и будущимъ германскимъ императоромъ. Въ означенной провинціи предназначены были для Франціи, по договору 1757 года, крѣпости Остенде и Ньюпортъ, но новый трактатъ гласилъ что Лудовикъ XV будетъ занимать ихъ своими войсками лишь на время войны; по окончаніи же ея, и даже прежде, когда особенно важныя причины потребовали бы этого, возвратитъ ихъ Австріи. Затѣмъ, какъ извѣстно, Лудовика склонили къ войнѣ обѣщаніемъ доставить Польскій престолъ принцу Котти; и отъ этого пришлось ему отказаться; трактатъ 1758 года гласилъ что „если при будущемъ избраніи короля Польскаго, оное вольнымъ республики изволеніемъ падеть на одного изъ свѣтлѣйшихъ принцевъ курфирстскаго Саксонскаго дома, то ихъ величества (Французскій король и императрица-королева) тѣмъ совершенно довольны будутъ и сей выборъ по возможности своей подкрѣплять станутъ“. Просматривая эти постановленія, невольно изумляешься что же осталось Франціи отъ тѣхъ мнимыхъ выгодъ которыми старались ее обольстить когда только возникла мысль о коалиціи противъ Пруссіи? И преждее ея соглашеніе съ Вѣнскимъ дворомъ было ей въ тягость, что же сказать о томъ посредствомъ

котораго она старалась выйти изъ невыносимаго положенія? По крайней мѣрѣ, если вынуждена была она отказаться отъ одного за другимъ изъ обѣщанныхъ ей вѣкогда приобрѣтений, то выговорила ли для себя менѣе обременительныя условія относительно своего участія въ войнѣ? Напротивъ, по-прежнему Лудовикъ XV обязывался содержать стотысячную армію въ Германіи; земли которыя случилось бы ему завоевать у Прусскаго короля должны быть управляемы именовъ императрицы-королевы посредствомъ назначаемыхъ ею комиссаровъ; доходы съ нихъ могло получать Французское правительство, за вычетомъ однако ежегодно 40.000 гульденовъ на содержаніе упомянутой временной администраціи. Обѣ стороны связаны были обѣщаніемъ не прекращать войны иначе какъ по взаимному соглашенію, причемъ Франція лишена была даже возможности покончить, какъ бы ей хотѣлось, свою распрю съ Англіей: она обязывалась именно не заключать ни мира, ни перемирія съ королемъ Великобританскимъ, курфирстомъ Ганноверскимъ, не заручившись что онъ „всевозможное употребитъ стараніе дабы преклонить короля Прусскаго къ предложенію императрицѣ-королевѣ Венгерской и Богемской справедливыхъ и честныхъ кондицій, кои со стороны ея величества требованы будутъ или, по крайней мѣрѣ, не принудя короля Великобританскаго обѣщать что во всю нынѣшнюю войну не будетъ онъ ни прямо, ни стороною давать и доставлять королю Прусскому никакой помощи ни войскомъ, ни деньгами, ниже другимъ какимъ способомъ“ *. Правда, Марія-Терезія принимала со своей стороны точно такое же обязательство относительно Франціи еслибы начались у нея переговоры съ Прусскимъ королемъ, но не трудно понять что для нея оно не стоило ровно ничего, тогда какъ союзная съ нею держава положительно изнемогала ведя неравную борьбу со своими морскими сосѣдами.

Таковъ былъ первый дебютъ герцога Шуазёля когда онъ принялъ управленіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Кардиналъ Бернисъ не имѣлъ причины завидовать ему, видя что Франціи еще менѣе чѣмъ при немъ удавалось освободиться отъ губельнаго вліянія которымъ тяготѣла надъ нею австрійская политика.

* Русскій переводъ трактата, а равно и подлинникъ см. у Мартенса, I, 226—251.

XII.

Еще страннѣе были отношенія Франціи къ Россіи. Посломъ въ Петербургъ назначенъ былъ въ 1756 году маркизъ Лопиталь, и Французское правительство должно было какъ бы оправдываться въ такомъ назначеніи. „Терсьеръ, писалъ Бехтѣвъ, увѣрялъ меня по чести что кромѣ Лопитала изъ знатныхъ никого лучше выбрать не могли; тѣ которые способы или уже устарѣли, или надобны при арміи и въ совѣтъ.“ И вообще составъ посольства оказался такимъ что нельзя было имъ похвалиться. Въ письмѣ того же Бехтѣва къ Воронцову читаемъ: „Маркизъ выбралъ нѣкоторыхъ изъ родни своей еще въ бытность г. Миселя, который скажетъ вашему сиятельству каковы они были; когда онъ мнѣ ихъ представлялъ, то я не зналъ что дѣлать!“ Представитель Франціи отнюдь не принадлежалъ къ числу выдающихся какими-нибудь личными достоинствами; долго находился онъ въ военной службѣ, затѣмъ состоялъ посланникомъ при Неаполитанскомъ дворѣ, гдѣ устраивалъ такіа пражднества, окружалъ себя такимъ блескомъ что задолжалъ болѣе ста тысячъ ливровъ. Человѣкъ остроумный, веселаго нрава, ловкій придворный, онъ дорожилъ болѣе всего своими услѣхами въ обществѣ, но не способенъ былъ ни распознавать людей, съ которыми сводила его судьба, ни вникать сколько-нибудь глубоко въ поручаемыя ему дѣла. Отправляясь въ Россію, онъ былъ убѣжденъ что это страна варварская и что на варваровъ ничѣмъ нельзя дѣйствовать такъ услѣшно какъ великолѣпнѣемъ и пышностью; изготовление экипажей, сервиза, парадныхъ платьевъ погдоцало все его вниманіе, хотя безпрерывно повторяли ему что надо слѣшнить, что интересы чрезвычайной важности требуютъ присутствія его въ Петербургѣ. „Не могу же я компрометтировать посольство короля, возражалъ онъ: нельзя мнѣ авиться въ столицу императрицы Елисаветы какимъ-нибудь курьеромъ, безъ свиты, безъ ливрей и т. л. Услѣхъ возложеннаго на меня порученія зависить значительно отъ подобающей моему сану обстановки.“ Только въ іюлѣ 1757 года прибылъ онъ въ Петербургъ, откуда доносилъ своему министерству: „Я дебютировалъ съ большимъ блескомъ; еслибы постулилъ я иначе, то все было

бы испорчено; развяжите мнѣ руки относительно расходовъ и повѣрьте что я не злоупотребляю вашимъ довѣріемъ“. Съ этой минуты—впрочемъ еще и прежде—начинаются постоянныя, безконечныя жалобы Лолиталы на то что ему не даютъ достаточно денегъ, жалобы продолжающіяся до тѣхъ поръ пока наконецъ Французское правительство сознало совершенную невозможность удовлетворить ненасытнаго посла, и у Лудовика XV вырвалось восклицаніе: „онъ слишкомъ дорогъ“ (il est trop cher). Всякая попытка сколько-нибудь обуздать его расточительность приводила его въ отчаяніе. Между прочимъ, въ 1758 году отказано было ему въ дополнительныхъ суммахъ, и онъ писалъ по этому поводу: „Я намѣревался во время карнавала нынѣшняго года дать нѣсколько празднествъ, костюмированныхъ баловъ, которые вѣроятно посѣтила бы императрица. Конечно, это потребовало бы большихъ расходовъ, и поневолѣ мнѣ приходится избѣгать ихъ. Постараюсь пользоваться тѣми рѣдкими случаями когда ея величество появляется въ обществѣ, но долженъ замѣтить теперь же что трудно будетъ усилить ея довѣріе ко мнѣ. Я пользовался для этого, между прочимъ, загородною дачей, которую она предоставила въ мое распоряженіе, и разчитывалъ что буду имѣть честь попрежнему принимать ее тамъ со всѣмъ дворомъ; императрица, не смотря на врожденную ей лѣнь и безлечность, любитъ однако представительность и полагаетъ что должна показываться публикѣ не иначе какъ съ пышностью и въ великолѣпныхъ одѣваніяхъ. Ко мнѣ пріѣзжала бы она чтобъ отдохнуть отъ этой жизни на показъ, очень стѣсняющей ее. Я уже успѣлъ заслужить ея расположеніе, она привыкла меня видѣть, привыкла къ моему разговору, къ моимъ вкусамъ, которые старался я соотносить со вкусами ея и ея приближенныхъ...“ Въ заключеніе Лолиталь увѣрялъ что не въ состояніи продолжать эту роль по той причинѣ что отказываютъ ему въ возможности тратить безумныя деньги, какія тратилъ онъ до тѣхъ поръ. Въ другой разъ жалуется онъ что вынужденъ вести большую игру, что императрица непремѣнно хочетъ имѣть его въ своей партіи, что въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ проигралъ онъ болѣе 25.000 ливровъ, что еслибы сталъ онъ отказываться, то испортилъ бы свое положеніе при дворѣ, и что правительство его должно помочь ему.

Мы сообщаемъ эти подробности потому что онъ рисуетъ человѣка. Что касается собственно дѣятельности Лопитала въ Петербургѣ, то она была самою ничтожною. Онъ хвалился будто удалось ему „овладѣть умомъ и сердцемъ“ Воронцова, но гораздо вѣрнѣе было бы сказать противное: Воронцовъ владѣлъ имъ какъ хотѣлъ. Предъ отъѣздомъ своимъ въ Петербургъ получилъ онъ инструкцію въ которой предписывалось ему имѣть въ виду не только настоящее, но и будущее, стараться снискать довѣріе не одной императрицы, но и молодого двора: Лопиталь не считалъ однако нужнымъ сближаться съ Екатериной, даже когда она сама сдѣлала для этого первый шагъ. Въ первые дни слѣдовавшіе за олапой Бестужева, великая княгиня, встревоженная мыслію что и она будетъ замѣшана въ его дѣло, старалась завязать сношенія съ Лопиталемъ чрезъ какого-то Француза Рембера (Rimbert), который, по словамъ посла, „былъ очень вхожъ къ ней и которому она задолжала не мало денегъ“; но Лопиталь ничего ей не отвѣчалъ и тотчасъ же разказалъ объ этомъ Воронцову. Отъ канцлера (Воронцовъ занялъ эту должность по удаленіи Бестужева) не было у него тайны. Онъ сообщалъ ему даже такіа дѣла относительно которыхъ Французское правительство поручало ему соблюдать величайшую осторожность. „Вы оказываете такое довѣріе графу Воронцову, писалъ ему Шуаззль, что, признаюсь, это вѣсколько стѣсняетъ меня въ сношеніяхъ съ вами. Какой бы ни былъ онъ хорошій человѣкъ и какъ бы ни были хороши его намѣренія, опасно совѣтоваться съ нимъ обо всемъ что вы узнаете отъ меня, ибо не можете же вы отрицать что русскіе интересы дороже для него чѣмъ интересы Франціи.“ Такимъ образомъ Лопиталь не могъ имѣть большого значенія уже потому что собственное его правительство не очень на него полагалось, и нельзя было не пожалѣть объ этомъ, ибо при тогдашнихъ критическихъ обстоятельствахъ человѣкъ со здравымъ политическимъ смысломъ и пользующійся авторитетомъ нашелъ бы быть-можетъ средство установить близкіа сношенія между Франціей и Россіей. Конечно задача была не легкая въ виду давнишнихъ предубѣжденій Версальскаго двора, но вѣкоторые изъ французскихъ государственныхъ людей считали необходимымъ разрѣшить ее. Между прочимъ, вскорѣ по назначеніи герцога Шуаззля министромъ иностранныхъ дѣлъ, родственникъ его, занявшій его мѣсто

въ Вѣнѣ, графъ Шуазэль-Праленъ подалъ записку * отличающуюся весьма вѣрнымъ взглядомъ. „Можно сказать, говорилъ онъ въ ней, что Франція не находится въ союзѣ съ Россіей. Эти двѣ державы похожи на двухъ особъ которыя совершенно индифферентны другъ къ другу, но имѣютъ общаго пріятеля и дѣйствуютъ заодно только въ интересахъ этого пріятеля, а во всемъ остальномъ, что до него не касается, не связаны никакими непосредственными узами. Таково было до сихъ поръ положеніе Франціи относительно Россіи. Вѣнскій дворъ служитъ посредствующимъ звеномъ между ними и дружба ихъ держится только на немъ. По этому поводу можно сдѣлать двоякое замѣчаніе: первое, что Вѣнскій дворъ естественно заинтересованъ въ томъ чтобы поддерживать такое положеніе дѣлъ, пользоваться двумя державами которыя всегда готовы ополчиться за него не договариваясь между собою о своихъ обоюдныхъ выгодахъ; второе, что Россія почти постоянно была врагомъ нашихъ друзей и другомъ нашихъ враговъ. Эта кажущаяся странность очень однако естественна и порождена быстрымъ переворотомъ совершившимся въ нашей политической системѣ, причемъ мы старались совмѣстить рѣзкія крайности; отсюда—неясность и затрудненія нашихъ переговоровъ въ Петербургѣ и какаѣ-то недовѣрчивость между двумя дворами, союзъ коихъ не имѣетъ твердой опоры и которые находятся относительно другъ друга въ двусмысленномъ положеніи. Повидимому, нужно избрать одно изъ двухъ, или смотрѣть на Россію какъ на случайную союзницу, не домогаться болѣе тѣснаго сближенія съ нею, ожидать отъ нея только той помощи которую можетъ она оказать вообще коалиціи, а не прямо и непосредственно намъ; или же закрѣпить какъ можно прочнѣе наши узы съ этою державой, заключать съ нею трактаты, а не присоединяться лишь къ тѣмъ трактатамъ которые предлагаетъ Вѣнскій дворъ.“

По мнѣнію автора записки, положительныя интересы Франціи должны были бы заставить ее избрать этотъ второй путь. Герцогъ Шуазэль соглашался съ нимъ, онъ былъ не прочь дѣйствовать именно въ такомъ направленіи, насколько возможно было ожидать послѣдовательности отъ этого

* *Reflexions sur l'état présent de nos relations avec la cour de Russie.*
Vandal, 348—351.

министра, о которомъ Кауницъ выражался что онъ шелъ туда куда увлекалъ его вѣтеръ. Одною изъ первыхъ мѣръ его было обуздать насколько зависѣло отъ него ярыхъ руссофобовъ въ родѣ графа Броля, которые усиливались создавать для насъ всякаго рода прелятствія въ Польшѣ. Новому посланнику въ Варшавѣ маркизу де-Поми далъ Шуазэль инструкцію въ высшей степени интересную если сравнить изложенные въ ней принципы съ тѣми которые онъ отстаивалъ въ послѣдствіи. „До сихъ поръ, говорилъ онъ въ этомъ документѣ, мы держались относительно Польши политики крайне разорительной для Франціи и не имѣвшей другаго основанія кромѣ устарѣвшаго предрассудка. Съ Польшей обращались какъ съ однимъ изъ тѣхъ государствъ, которые имѣютъ благоустроенное правленіе, способны оказывать извѣстное вліяніе на политическую систему Европы, и это было большою ошибкой. Государь носящій титулъ Польскаго короля лишень всякой власти и доходы его весьма незначительны. Государство его — обширная страна открытая кому угодно. Распри знатныхъ фамилій породили тамъ множество партій, руководимыхъ только личными интересами и взаимнымъ недоброжелательствомъ; законы безсильны, а пресловутое *liberum veto* постоянно служитъ прелятствіемъ всему что можно было бы предпринять для блага республики. Словомъ, порядокъ вещей господствующій въ Польшѣ представляетъ не что иное какъ анархію, но эта анархія пригодна для интересовъ Франціи, а потому политика наша въ настоящее время должна состоять въ томъ чтобы поддерживать ее и не допускать какое бы то ни было государство расширить свои предѣлы насчетъ Польши.“ Шуазэль доказывалъ что совершенно безмысленно надвѣлять деньгами польскихъ вельможъ, ибо они не способны установить у себя разумную форму правленія, да и не слѣдуетъ желать этого; что не надо придавать значенія ихъ жалобамъ на Россію, ибо не съ ихъ помощью можно противоудѣствовать замысламъ русской политики. Особенно предписывалъ министръ маркизу Поми заботиться чтобы не возникла въ Польшѣ конфедерація, ибо, говорилъ онъ, „слѣдуетъ опасаться что бѣдствія причиненныя конфедераціей поневолѣ принудятъ Поляковъ забыть свои раздоры, положить конецъ ослабленію Польскаго правительства и придадутъ ему нѣкоторую прочность; но такъ какъ первую нашу обязанностью должно

быть поддержаніе анархіи, то очевидно что конфедерація была бы противна нашимъ цѣлямъ". Такъ рассуждалъ государственный человѣкъ который въ царствованіе Екатерины явился яростнымъ противникомъ ея по Польскому вопросу, проповѣдуя что Польша подверглась участи совершенно незаслуженной ею! Хорошо по крайней мѣрѣ что въ началѣ своей министерской карьеры онъ слособенъ былъ иногда смотреть болѣе трезво на вещи. Соглашеніе казалось возможнымъ, тѣмъ болѣе что Русское правительство видимо желало его. Маркизь Лопиталь доносилъ о любопытномъ разговорѣ происходившемъ у него съ Воронцовымъ. Канцлеръ „въ минуту откровенности, влолѣвъ дружески, а не офиціально“, разказывалъ ему что въ Петербургѣ узнали о договорѣ Франціи съ Австріей имѣвшемъ въ виду различныя территориальныя приобрѣтенія и уступки, и не мало были оторчены глубокою таинственностью соблюдавшеюся на этотъ счетъ. Къ чему подобное недовѣріе относительно императрицы Елисаветы? Она не давала никакого повода предполагать что будетъ противиться планамъ короля,—напротивъ, оказала бы имъ поддержку, въ надеждѣ что и король со своей стороны уважитъ ея справедливыя требованія при заключеніи мира. Она питаетъ искреннюю дружбу къ императрицѣ-королевѣ, но не можетъ быть ей пріятно что во всѣхъ важныхъ вопросахъ Французское правительство обращается главнымъ образомъ къ Вѣнскому двору вмѣсто того чтобы вести переговоры и съ ея министрами.

Если отношенія Франціи къ Россіи отнюдь не сдѣлались болѣе дружественны, то причиною этого былъ самъ Шуаззль, которому никакъ не удавалось освободиться отъ того что самъ онъ называлъ укоренившимися предрасудками, а затѣмъ тайное противодѣйствіе встрѣченное имъ со стороны Лудовика XV. Мы уже говорили что у короля была своя дипломатія о которой не имѣли понятія ни его министры, ни официальные представители его при иностранныхъ дворахъ и главнымъ агентомъ коей служилъ одинъ изъ его секретарей Терсье. Еще въ 1757 году, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того какъ присоединилась Россія къ Версальскому договору, задумалъ Лудовикъ завязать секретную корреспонденцію съ Русскимъ правительствомъ. Въ Петербургѣ не мало были изумлены этимъ предложеніемъ, но самое простое приличіе не позволяло конечно отстранить его. Кавалеръ д'Эонъ, увѣзшая изъ

Парижа, получилъ отъ Терсье экземпляръ *Esprit des lois* Монтескьё, въ переплетѣ коего содержался шифръ для предполагаемой переписки которую должны были впрочемъ вести не сами Лудовикъ XV и Елисавета, а уломанный нами сейчасъ секретарь короля и Воронцовъ; изъ приближенныхъ сего послѣдняго посвященъ былъ въ тайну только Олсуфьевъ. Если спросить для чего все это дѣлалось, то отвѣтъ находимъ мы въ подробномъ мемуарѣ который Терсье представлялъ Лудовику. Этимъ средствомъ, говорилъ онъ, можно поддѣйствовать на императрицу чтобы не предпринимала она ничего враждебнаго интересамъ Польши, можно указывать ей на ошибки ея генераловъ, разоблачать интриги молодого двора и т. л. Но при всемъ томъ, особенно вначалѣ, слѣдуетъ соблюдать крайнюю осторожность; „мы должны вывѣдывать секреты другихъ, не выдавая своихъ собственныхъ“. Переписка, о которой идетъ рѣчь, почти неизвѣстна намъ, но уже по тому что мы знаемъ о ней можно, кажется, безошибочно заключить что не только не послужила она къ сближенію Россіи съ Франціей, но привела къ совершенно противоположному результату.

Вскорѣ по назначеніи герцога Шуазёля министромъ, Версальскому двору представился удобный случай доказать, въ состояніи ли разчитывать на его расположеніе императрица Елисавета. Такъ какъ все вниманіе Русскаго правительства сосредоточено было на военныхъ дѣйствіяхъ и ничто не предвѣщало возможности скораго заключенія мира, то оно и не считало полезнымъ и удобнымъ напоминать о присоединеніи къ Россіи провинціи Пруссіи. Обстоятельства заставили его однако поневолѣ возбудить этотъ вопросъ. С.-Петербургскій дворъ получилъ приглашеніе присоединиться къ новому трактату заключенному между Австріей и Франціей въ 1758 году, о которомъ мы упоминали выше. Въ этомъ трактатѣ обѣ державы подробно обозначили тѣ выгоды которыя намѣревались онѣ предоставить себѣ въ случаѣ пораженія Фридриха, и очень понято что Россія послѣшила также заявить свои требованія. Единственною гарантіей для нихъ служило до сихъ поръ простое, даже не письменное, а словесное обѣщаніе Маріи-Терезіи, но если союзные съ Россіей дворы устанавливали между собою формальныя обязательства, то и она имѣла право послѣдовать ихъ примѣру, домогаться чтобы притязанія ея на королевскую Пруссію занесены были въ трактатъ. Это казалось тѣмъ болѣе справедливымъ что означенная область уже находилась въ ея обладаніи

русскія дѣлѣти безпримѣрнѣе уважали яму жители дѣлѣжны были. пріидати, пріидати въ вѣрности императрицѣ; было намѣреніе произвести тамъ рекрутскій наборъ *. Многое народонаселеніе не думало думать на свое судьбу, какъ видно между прочимъ изъ того что въ Петербургѣ пріибала депутация состоявшая изъ графа Шацинбаха, Шрёдера, фонъ-Финка и фонъ-Ауара съ порученіемъ благодарить императрицу за хорошее управленіе **. Все это побуждало С.-Петербургскій дворъ упорствовать въ своихъ требованіяхъ, хотя Эстергази и пытался склонить его чтобъ онъ попрежнему удовольствовался честнымъ словомъ императрицы-королевы. Воронцовъ выработалъ проектъ конвенціи, въ которой сказано было что Россія и Австрія „согласились и постановили во время войны всѣ силы, а при будущемъ замиреніи всѣ старанія обще и согласно къ тому употребить чтобы королевство Прусское, нынѣ оружіемъ императрицы Всероссийской уже дѣйствительно завоеванное, ея величеству уступлено было какъ справедливое вознагражденіе за претерпѣнные убытки и показанную общему добру дѣлу генеральную услугу“. Вѣнскій дворъ посматривалъ былъ въ крайне затруднительное положеніе: надежды его главнымъ образомъ опирались на Россію, потому что Франція могла со дня на день отшатнуться отъ союза; вопросъ о конвенціи возникъ именно въ то время когда съ Русскимъ правительствомъ шли переговоры о планѣ военныхъ дѣйствій, требовавшихъ чрезвычайныхъ усилій съ его стороны; ожеднуть его требованія значило оскорбить его, а между тѣмъ не хотѣлось и согласиться на нихъ. Инструкція Кауницца графу Эстергази вовсе не отличалась въ этомъ случаѣ тою опредѣленностью къ которой онъ пріучилъ его, и посоль представленный самому себѣ рѣшился подписать конвенцію. Это въ высшей степени огорчило Марію-Терезію и ея министра. Они тотчасъ же послѣдили извѣстить о неприятомъ для нихъ событіи Версальскій дворъ, который отвѣчалъ что не остается ничего болѣе какъ помириться съ совершившимся фактомъ и что въ сущности быть-можетъ нечего даже скорбѣть о немъ, ибо Россія не извлекаетъ для себя никакой выгоды изъ намѣченного ею пріобрѣтенія. Шуазэль пояснял эту мысль такимъ образомъ:

* *Архивъ князя Воронцова*. VI, 440—442.

** Arneth, VI, 80.

очевидно, нѣтъ возможности достигнуть всего того къ чему стремились союзники начиная войну съ Пруссіей; по всему вѣроятію, Австрія должна будетъ отказаться отъ Силезіи и возвратить себѣ только графство Глацъ, Саксонія вознаграждена будетъ присоединеніемъ къ ней Лаузица, но оба эти области такъ незначительны что Фридрихъ помирится съ ихъ утратой. Онъ не откажется начать изъ-за нихъ когда бы то ни было новую войну. Другое дѣло королевская Пруссія: никогда не допустить онъ чтобъ оставалась она въ чужихъ рукахъ, а потому даже по заключеніи общаго мира война между ними и Россіей въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ неизбѣжна. Въ такомъ случаѣ, конечно, ни Франція, ни Австрія не явятся къ ней на помощь, и эта держава, оказавшая имъ содѣйствіе для того чтобы нанести ударъ Фридриху, въ свою очередь будетъ потоптаться въ борьбѣ съ нимъ! Повидимому эти соображенія такъ лѣвли императрицу-королеву что она согласилась ратифицировать конвенцію съ Россіей, впрочемъ съ нѣкоторыми измѣненіями, такъ, напримѣръ, условіе о провинціи Пруссіи перенесено было изъ текста трактата въ отдѣльную секретную статью, а въ другой секретной статьѣ было сказано что оно „не имѣетъ быть тогда окончательно если случится что императрица-королева не будетъ доставлено уступленіе всей Силезіи и графства Глацскаго“. Эстергази не обещался даромъ его невольный промакъ: онъ еще оставался нѣкоторое время въ Петербургѣ, но вскорѣ послѣ заключенія конвенціи былъ официально извѣщенъ что ему прискиваютъ проемника *.

Нельзя было сомнѣваться что оба главные союзника Россіи относились къ ней въ высшей степени недоброжелательно и хотѣли только пользоваться ею для своихъ цѣлей. Австріи нужна была она для того чтобы до послѣдней возможности вести войну, Франція желала бы чрезъ ея посредство начать мирныя переговоры. Шуазель превзошелъ скоро въ миролюбивомъ настроеніи кардинала Берниса. Особенно съ 1760 года, послѣ злополучной для Австрійцевъ битвы при Лигницѣ, имъ овладѣло глубокое отчаяніе. „Когда же это кончится, чего вы требуете отъ насъ? говорилъ онъ Штарембергу: у насъ нѣтъ ни денегъ, ни флота, ни солдатъ, ни генераловъ, ни

* Arneht, VI, 77—93.

министрамъ! Пусть кто-нибудь другой ухитрится при такихъ условіяхъ продолжать войну; что же касается меня, будьте увѣрены что я употреблю всѣ старанія заключить миръ.“ Но разсуждать объ этомъ съ австрійскими государственными людьми было бы совершенно безполезно, ибо никакъ не хотѣли они остановиться на мысли чтобы предпріятіе задуманное ими въ столь широкихъ размѣрахъ окончилось ничѣмъ. Надлежало дѣйствовать на Россію. Шуазъль не однократно писалъ Лопиталю, нельзя ли побудить ее чтобы она явилась по крайней мѣрѣ посредницей между Франціей и Англіей, но вскорѣ убѣдился что Лопиталь не въ состояніи исполнить эту задачу, что значеніе его при Петербургскомъ дворѣ совершенно ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ какимъ пользовался Эстергази. Не рѣшаясь прямо удалить его, онъ придумалъ слѣдующую комбинацію: между Даніей и великимъ княземъ Петромъ Теодоровичемъ происходили безконечныя переговоры о Шлезвиг-Гольштейнѣ, и такъ какъ вопросъ этотъ не могъ не интересовать Европу, то Шуазъль задумалъ аккредитовать особаго посланника при насѣдникѣ Русскаго престола съ тѣмъ намѣреніемъ, разумеется, чтобы всѣ дѣла перешли мало-по-малу къ этому новому уполномоченному. Выборъ его остановился на баронѣ Бретѣйлѣ. „Этотъ дипломатъ, писалъ онъ Лопиталю, обладаетъ талантами, свѣдѣніями, изворотливымъ умомъ, характеромъ весьма пріятнымъ въ обществѣ, словомъ такими качествами которыя могутъ внушать ему расположеніе и довѣріе какъ самой императрицы, такъ и молодого двора. Руководимый вашими совѣтами и дѣйствуя заодно съ вами, онъ можетъ помимо пріамаго своего порученія быть полезнымъ и въ другихъ важныхъ дѣлахъ вѣрными вашему рвенію и заботливости.“ Лопиталь покаялъ о чемъ идетъ дѣло и не оказалъ ни малѣйшаго противодѣйствія. Онъ только предлагалъ поступить иначе. „Назначить барона Бретѣйла посланникомъ при великомъ князѣ, писалъ онъ, было бы такою новостью которая конечно не понравилась бы императрицѣ. Можно избрать другой путь, а именно послѣдовать примѣру Русскаго правительства, которое въ виду преклонныхъ лѣтъ и болѣзней удручающихъ графа Бестужева отправило въ Парижъ князя Голицына чтобы завѣдывать тамъ дѣлами сообща съ этимъ посломъ.“ *

* Darestes, III, 628.

Ища саживити агентами Лудовика XV для его секретной дипломатіи сильно встревожились назначеніемъ Бретійля. Въ Россію ѣхалъ дипломатъ молодой, ловкій, который могъ бы надѣлать много вреда еслибы съ самаго начала не послышать его въ тайны настоящихъ намѣреній короля; относительно Лопиталля не нужна была эта предосторожность потому что самъ по себѣ онъ былъ не опасенъ и къ тому же находился при немъ д'Эонъ, креатура Терсье, всегда умѣвшій направлять его на желанный путь, но теперь другое дѣло. Бретійль былъ посвященъ въ переписку происходившую между Терсье и Воронцовымъ, и кромѣ официальной инструкции получалъ еще секретную. Въ первой изъ нихъ, составленной герцогомъ Шуазёлемъ, говорилось что Россія честолюбивая и опасная держава, что не слѣдуетъ желать ея усиленія, но такъ какъ она въ союзѣ съ Франціей, то надо побуждать ее къ энергическому участию въ военныхъ дѣйствіяхъ и пользоваться ею для заключенія честнаго мира; Шуазэль предписывалъ посланнику сблизиться съ великою княгиней Екатериной Алексѣевной, а относительно присоединенія къ Россіи провинціи Пруссіи замѣтилъ только что этотъ вопросъ касается главнымъ образомъ Австріи, и Франція не считаетъ нужнымъ непосредственно вести по его поводу переговоры съ О.-Петербургскимъ дворомъ. Секретная инструкция * чрезвычайно интересна во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего мы узнаемъ изъ нея что если прежнія попытки лобудить Россію къ посредничеству между Франціей и Англіей не увѣчались успѣхомъ, то Лудовикъ XV вовсе не думалъ скорбѣть объ этомъ: „неудобства долженствующія произойти отъ того что Россія, принявъ подобную роль, слишкомъ усилила бы свое вліяніе и могущество, такъ очевидно что бесполезно подробно указывать на нихъ; нужно слѣдовательно считать счастливымъ обстоятельствомъ для интересовъ короля что маркизь Лопиталь, послушавшись въ этомъ случаѣ совѣтовъ г. д'Эона, не постарался исполнить возложенное на него порученіе“. Лудовикъ XV не скрывалъ что побѣда одержанная русскими войсками при Кунерсдорфѣ произвела на него неблагоприятное впечатлѣніе; конечно, она нанесла страшный ударъ врагу, но вслѣдствіе того возрасли самоувѣренность и притязанія Россіи, чего никакъ не слѣдуетъ допускать на будущее

* Vandal, 372—378.

время. „Конечно, было бы очень печально еслибъ Англія, возвративъ утраченное ею вліяніе на С.-Петербургскій дворъ, отвлекла его отъ коалиціи; баронъ Бретѣйль долженъ вслѣдствіи противиться этому; но не менѣе того нужно оласаться послѣдствій слишкомъ значительныхъ успѣховъ Русскихъ въ войнѣ (on doit également craindre les effets des trop grands succès des Russes dans la guerre); чѣмъ болѣе будутъ они считать себя необходимыми для союзниковъ, тѣмъ болѣе будутъ возрастать высокое ихъ мнѣніе о самихъ себѣ, а соразмѣрно этому и ихъ требованія. Основное правило коалиціи состоитъ, конечно, въ томъ чтобы всѣ союзники дѣйствовали съ одинаковою энергіей, но тутъ мы имѣемъ предъ собою исключительный случай; вслѣдствіе того барону Бретѣйлю надлежитъ не слишкомъ подстрекать Русскихъ и не сдерживать ихъ, а заботиться объ ихъ содѣйствіи лишь насколько условливается оно обстоятельствами. Совершенно достаточно и того если въ нынѣшней кампаніи (1760 года) Русскіе не потерпятъ пораженія. Въ такомъ случаѣ они не въ состояніи будутъ утверждать что имъ обязаны были успѣхами войны; малая польза оказанная ими доставитъ аргументы противъ ихъ самохвальства (jactance); высокомеріе съ которымъ заявляютъ они свои притязанія неминуемо уменьшится и окажется возможнымъ заключить миръ на условіяхъ менѣе затруднительныхъ и оласныхъ“. Другая задача барона Бретѣйля заключалась въ томъ чтобы отстаивать польскіе интересы съ такимъ рвеніемъ какъ будто это были интересы самой Франціи: *онъ долженъ быть, гласила инструкция, нѣкоторымъ образомъ адвокатомъ Польши въ Петербургѣ* (il doit être en quelque sorte l'avocat de la Pologne à Pétersbourg) и дѣйствуя въ этомъ смыслѣ убѣждать Русское правительство чтобы оно отказалось отъ заявленной имъ мысли объ исправленіи своихъ границъ съ республикой, но вмѣстѣ съ тѣмъ не надо подавать С.-Петербургскому двору надеждъ и на то что онъ можетъ пріобрѣсти по миру королевскую Пруссію: достаточно будетъ для него если получить онъ денежное вознагражденіе или отъ Пруссіи или отъ Англіи. При исполненіи этой программы трудно было, разумѣется, разчитывать на симпатіи министровъ императрицы Елисаветы, и баронъ Бретѣйль получалъ совѣтъ не довѣрять ни одному изъ нихъ, даже Воронцову, съ которымъ такъ тѣсно сблизился маркизь Лолиталь. „Нельзя сомнѣваться, читаемъ мы

въ инструкціи, что Воронцовъ расположенъ къ намъ, во этотъ государственный человѣкъ, какъ и слѣдуетъ, предавъ тому что онъ считаетъ интересами своей государыни и своего отечества; потому было бы неудивительно еслибъ онъ имѣлъ въ виду только увеличеніе могущества Россіи (*il ne seroit pas étonnant qu'il n'eût en vue que l'agrandissement de la puissance de la Russie*)⁶.

Приведенный нами документъ не требуетъ, кажется, комментаріи чтобъ опѣвить его по достоинству; нужно только сообразить въ какомъ положеніи находилась тогда Франція: она уже потеряла всю Канаду, не осталось у нея почти ничего отъ ея остъ-индскихъ владѣній, Англичане захватили Антильскіе острова и другія ея колоніи, они довели французскій флотъ до такого безсилія что онъ не могъ противиться даже непрерывнымъ ихъ нападѣніямъ на побережье самой Франціи, военныя дѣйствія въ Германіи не приносили ровно ничего что могло бы польстить національной гордости, нищета въ ужасающихъ размѣрахъ распространялась въ странѣ, еще такъ недавно славившейся своими богатствами, настроеніе высшихъ классовъ общества было самое губельное, начиналъ ролтать и народъ, „это—какъ выражается Фридрихъ въ своихъ мемуарахъ—животное со множествомъ языковъ и съ малымъ числомъ глазъ (*animal à beaucoup de langues et à un petit nombre d'yeux*), на которое правительство Лудовика XV возлагало несоразмѣрныя тягости единственно въ угоду Вѣнскому двору“. Но какъ ни велики были бѣдствія, все-таки можно было хотя отчасти справиться съ ними; дѣло въ томъ что положеніе Прусскаго короля представлялось не менѣе отчаяннымъ; въ 1760 году онъ говорилъ что достаточно одного рѣшительнаго удара со стороны его враговъ чтобы поставить его въ совершенную невозможность продолжать борьбу, и въ эту-то критическую минуту Лудовикъ XV хлопочетъ о томъ чтобъ одинъ изъ союзниковъ оградилъ пассивною ролью, предписываетъ своему посланнику „пріостанавливать, если позволяютъ обстоятельства, военныя операціи Русскихъ“ (*ralentir, si les circonstances permettent, les opérations militaires des Russes*). Французское правительство какъ будто не замѣчало что само подготавливаетъ себѣ позоръ.

Съ конца 1760 года начались серіозные переговоры о мирѣ, такъ какъ Франція положительно заявила что не

нагнана болѣе истощать себя войной, которая, по ея мнѣнію, не могла привести ни къ какимъ удовлетворительнымъ результатамъ. Пожелавъ пришлому Вѣнскому двору подучиться необходимости, Кауницъ послѣднимъ изложилъ свои соображенія по этому поводу. Нѣсколько позднѣе, когда сталъ онъ возможнымъ сообщить ихъ С.-Петербургскому двору, онъ доказывалъ что миръ можетъ быть троекій: „1) *добрый*, когда мы и союзники наши достаточное удовлетвореніе получимъ, слѣдовательно опаснѣйшій нашъ непріятель будетъ приведенъ въ надлежащіе предѣлы; 2) *посредственнымъ*, когда только нѣкоторая часть положеннаго удовлетворенія будетъ получена и непріятельская сила будетъ уменьшена только до нѣкотораго градуса; 3) *худой*, когда Прусскій король безъ потери земель и безъ значительнаго убытка выйдетъ изъ войны начатой такимъ протерзостнымъ образомъ“ *. Не естественъ ли то находимъ мы въ докладѣ представленномъ Кауницемъ императрицѣ Маріи-Терезіи. Мы видимъ что здѣсь разделялъ онъ миръ на пять категорій, а именно: *наилучшимъ* считалъ такой когда можно было бы Австріи пріобрѣсти Силезію и Гладъ, не давая никакого вознагражденія Франціи, но выговоривъ его для другихъ союзниковъ чтобъ ослабить Прусскаго короля; *хорошимъ* можно было назвать миръ въ томъ случаѣ еслибы и Франція пріобрѣла что-нибудь; *посредственнымъ*—еслибы Австріи досталась только часть Силезіи; а союзники ея получили далеко не такое вознагражденіе на которое они могли бы рассчитывать; *дурнымъ*—еслибы за Австріей осталось лишь графство Гладъ, а *наихудшимъ*—еслибы Фридрихъ вышелъ изъ войны не потерявъ ни малѣйшей части своихъ земель **. Хотя, какъ видимъ, Кауницъ говорилъ что союзники Вѣнскаго двора не должны были бы выйти съ чуждыми руками изъ войны, но заботливость его обращена была главнымъ образомъ на Саксонію и Швецію и всего менѣе на Россію. Въ уломянутомъ нами докладѣ своемъ императрицѣ Маріи-Терезіи ставилъ онъ вопросъ, выгодно ли было бы для Австріи еслибы провинція Пруссія очутилась подъ русскимъ владычествомъ и не задумывался, разумѣется, отвѣчать на него отрицательно. Было бы въ высшей степени прискорбно, доказывалъ онъ, еслибы Россія

* Соловьевъ, *Ист. Россіи*, XXIV, 369—370.

** Arneth, VI, 202.

расширила свои предѣлы и еще ближе придвинулась къ Германіи. И безъ того уже по соседству съ нею, по западной ея границѣ, находится много ея единовѣрцевъ, считающихъ ее естественною своею покровительницею,—со временемъ можетъ она сдѣлаться еще опаснѣе чѣмъ Пруссія. Польша не можетъ служить противъ нея оластомъ, Курляндія почти совершенно окружена ея владѣніями и лучшія гавани Балтійскаго моря находятся въ ея рукахъ. Велѣдствіе всего этого, продолжалъ Кауницъ, надо всячески стараться чтобы Россія не удержала за собой область на которую предъявляла она притязанія съ самаго начала войны, но еслибы случилось это „великое несчастіе и политическое зло“ (ein grosses Unglück und politisches Uebel), то по крайней мѣрѣ преемникъ императрицы Елисаветы долженъ былъ заранѣе уступить Дави свои Голштинскія владѣнія. Нельзя было допустить чтобы возложивъ на себя императорскую корону онъ въ то же время, владѣя провинціей Пруссіей и Голштиніей, пріобрѣлъ громадное вліяніе на германскія дѣла. Соображенія эти не вдругъ, конечно, пришли Кауницу; несомнѣнно что они давно уже тревожили его, но, какъ мы знаемъ, нисколько не прелятотвовали Маріи-Терезіи завѣрять своими честными словомъ императрицу Елисавету что все будетъ сдѣлано для доставленія ей королевской Пруссіи и еще въ томъ же году, когда начались переговоры о мирѣ, обѣщаніе это было занесено въ трактатъ...

С.-Петербургскій дворъ не противился заключенію мира, потому что и его средства были истощены до крайней степени. „Мы можемъ чистосердечно сказать что крайне трудно становится намъ продолженіе войны“, говорилось въ нотѣ отъ 1 февраля 1761 года, врученной графу Эстергази. „На продолженіе нынѣшней кампаніи и приемлемыхъ сильныхъ мѣръ для произведенія будущей кампаніи, доносилъ Воронцовъ императрицѣ, потребны великія суммы денегъ въ наличи имѣть, которыхъ теперь въ казѣ совсѣмъ нѣтъ; ежели ваше величество по поданнымъ отъ конференціи и сената докладамъ не соизволите милостивою резолюціей снабдить, я истинно не понимаю какимъ образомъ возможно будетъ съ пользой и начало будущей кампаніи учинить.“ Въ другой разъ вырвалось у него такое замѣчаніе: „Къ немалому сокрушенію нынѣшняя кампанія ни съ какой стороны къ благополучному окончанію сей *проклятой* войны надежды не

подаетъ“. Положеніе дѣлъ представлялось въ самомъ мрачномъ видѣ: здоровье императрицы было таково что безпрерывно слѣдовало ожидать ея кончины; если прежде не всегда охотно сосредоточивала она свое вниманіе на дѣлахъ, то въ послѣднее время стала еще нежеже закидаться ими, вслѣдствіе чего усиливалась страшная распухлость во всѣхъ отрасляхъ управленія. Воронцовъ жаловался въ письмахъ своихъ къ И. И. Шувалову что „остановка въ теченіи важныхъ государственныхъ дѣлъ внутри и внѣ Имперіи болѣе скорби и страданія дѣлаютъ нежели всѣ околѣвшіеся во мнѣ болѣзни“, и просился въ отставку. Шуваловъ старался отклонить его отъ этого намѣренія, но со своей стороны не могъ сказать ему ничего утѣшительнаго. „Представьте себѣ печальное теперешнее наше состояніе, пишетъ онъ, которое часъ отъ часу хуже приходитъ: представьте всѣ вредныя обстоятельства вамъ болѣе извѣстныя и которыхъ мои слезы и сматое горестью сердце описать не допускаютъ; словомъ, когда ваше сіятельство отречется, то еще изъ настоящаго худа будущее ожидать зло надлежитъ. Вы, милостивый государь мой, оберните свои силы и сдѣлайте что можете въ малыхъ часахъ вашего здоровья дабы свѣтъ еще видѣлъ что мы не такъ какъ они описываютъ и государство бы чувствовало власть самодержавства. Всѣ повелѣнія безъ исполненія, главное мѣсто безъ уваженія, справедливость безъ защищенія! Желалъ бы, ей богу, чтобы конецъ былъ моей жизни“ *. При такомъ настроеніи людей бывшихъ главными руководителями нашей политики нельзя было ожидать конечно чтобы Россія противилась заключенію мира, но трудно было ей примириться съ мыслью что миромъ не будетъ достигнута цѣль для которой предприняли войну. Первымъ и главнымъ условіемъ его ставила она ослабленіе Прусскаго короля, которое произойдетъ въ томъ лишь случаѣ если союзники удержатъ завоеванныя ими земли. Впрочемъ относительно самой Россіи правительство императрицы Елисаветы сдѣлало слѣдующее знаменательное заявленіе въ отвѣтъ своемъ на декларацію Версальскаго и Вѣнскаго дворовъ. „Мы, со своей стороны, за лучшее приобрѣтеніе отъ этой войны почтемъ то, если силы короля Прусскаго будутъ

* *Архивъ князя Воронцова*, VI. 298 и 313.

существованіе, уменьшаны и мы будемъ въ состояніи доложить, что война не скоро окончатъ войскають, будемъ покойны вѣсколько лѣтъ, не будемъ принужданы подавать нашимъ союзникамъ для насъ тягостную, а для нихъ иногда извѣдную помощь. Мы уже прежде объявили что желаемъ получить провинцію Пруссію, чѣмъ на нее полное право: она завоевана нами у такого непріятеля который самъ намъ объявилъ войну и, кромѣ того, она не принадлежитъ къ Римской имперіи. Мы хотимъ получить эту провинцію вовсе не для распространенія и безъ того обширныхъ границъ нашей имперіи и не для вознагражденія за убытки, ибо владѣніе Пруссіей было намъ въ тягость, но единственно для того чтобы надежде утвердить миръ, а потому, уступивъ ее Польшѣ, окончить этимъ многія взаимныя претензіи, несогласныя съ покойнымъ нашимъ желаніемъ ненарушимо сохранять эту республику въ тишинѣ и при всѣхъ ея правахъ и вольностяхъ. Такое желаніе не можетъ быть отвергнуто, чѣмъ болѣе что и королю Прусскому эта оверами и болотами наполненная провинція большою въ силахъ равноты не сдѣлаетъ. Могутъ возразить одно, что король Прусскій по своему удорству скорѣ рѣшится на всѣ крайности чѣмъ согласится на уступку ея, но на его упорство не обяваны мы отвѣчать всегдашнимъ снисхожденіемъ. Впрочемъ если мирное дѣло пойдетъ по желанію и главная цѣль—ослабленіе короля Прусскаго будетъ достигаема и если при этомъ оказалось бы что доставленіе намъ Пруссіи крайне затруднительно и если мы улоотримъ что жертвуя нашими правами на Пруссію можемъ улучшить мирныя условия для всѣхъ союзниковъ, особенно же для Франціи, то мы уступимъ Пруссіи; но тогда вѣрные наши союзники, разумеется, должны доотавить намъ равносильное вознагражденіе.“

Какое же вознагражденіе? Отъ одного изъ нихъ—отъ провинціи Пруссіи Россія, какъ видимъ, сама готова была отказаться. Приступая къ войнѣ она помышляла объ исправленіи своихъ границъ съ Польшей, но затѣмъ вопросъ этотъ былъ какъ будто совсѣмъ устраненъ, и мы уже не встрѣчаемъ упоминанія о немъ. Но когда начались переговоры о мирѣ, Русское правительство, кажется, опять вернулось къ нему, разчитывая преимущественно на помощь Версальскаго двора. Оно уже имѣло не мало случаевъ убѣдиться въ лицемеріи австрійской политики, и даже именно въ то самое время о которомъ мы говоримъ выразило угрозу что постарается

заключить отдѣльный миръ съ Пруссіи королемъ если Австрія будетъ дѣйствовать такъ какъ дѣйствовала до тѣхъ поръ. Конечно и Франція преслѣдовала по отношенію къ нему самыя дурныя намѣренія, но они не проявлялись такъ рѣзко наружу, и С.-Петербургскій дворъ могъ обольщать себя надеждой что удастся ему устроить съ этою державой тѣсное соглашеніе *. Олуцай представлялся повидимому весьма удобный. Не Россія заискивала во Франціи, а Франція вынуждена была заискивать въ Россіи. Шуазель пытался заключить миръ съ Англіею путемъ непосредственныхъ переговоровъ съ министрами Георга II и сильно желалъ встрѣтить поддержку со стороны нашего посланника при Лондонскомъ дворѣ князя Голицына. Воронцовъ выставилъ условія, на которыя онъ не замедлилъ согласиться. Въ дѣлѣхъ своей Бретѣлю онъ прямо говорилъ что вполнѣ подчиняется имъ если этимъ средствомъ можно вызвать выгодное для Франціи посредничество Русскаго правительства, но чрезъ нѣсколько недѣль тонъ его совершенно измѣнился. „Не наступило еще время, писалъ онъ тому же послу, вести переговоры съ Россіею о польской Украинѣ; старайтесь отдѣливаться общими увѣреніями о готовности короля оказывать расположеніе императрицѣ во всемъ что можетъ касаться ея интересовъ“. Эта неожиданная перемена объясняется рѣшительнымъ нежеланіемъ Людовика XV согласиться на какую-нибудь уступку въ пользу Россіи, особенно когда уступка касалась Польши. Онъ повлиялъ въ этомъ смыслѣ на своего министра и вмѣстѣ съ тѣмъ тайнѣ отъ него обратился съ собственноручнымъ письмомъ къ Бретѣлю, изъ котораго мы приводимъ слѣдующія куріозныя строки: „Русскіе слишкомъ зазнаются какъ скоро начинаютъ заискивать въ нихъ. Опытъ научилъ меня что наибольшая польза которую я могу извлечь изъ союза съ ними заключается въ томъ чтобы прелятствовать имъ тѣсно сблизаться съ моими врагами. Есть основаніе думать что, допустивъ ихъ искать вознагражденія для себя въ Украинѣ, я усилилъ бы охлажденіе ко мнѣ Турокъ; къ

* Воронцовъ говорилъ Бретѣлю: „Cette alliance, l'impératrice la souhaite très sincèrement et il paraît qu'il serait plus avantageux de la cimenter avant que d'entamer les moyens de conclure la paix“ (Vandal, 304).

тому же это значило бы согласиться на действительную несправедливость; слишкомъ дорого заплатилъ бы я въ этомъ случаѣ на союзъ съ государствомъ, гдѣ интриги принимаютъ съ каждымъ днемъ такіе размѣры что наиблаже точныя и опредѣленныя приказанія императрицы становятся неэффективными и гдѣ необеспеченность въ порядкѣ престолонаслѣдія не дозволяетъ полагаться на самыя торжественныя обязательства. Сознано трудность согласовать мои инструкціи съ тѣми которыя получаете вы отъ герцога Шуазяля, но требую чтобы вы употребили всѣ усилія съ цѣлью склонить моего министра къ принципамъ болѣе выгоднымъ для Польши, не слишкомъ однако раздражая его и не возбуждая его подозрительности.“ Возможно ли было, послѣ этого, надѣяться чтобы Россія и Франція дѣйствовали заодно въ важныхъ политическихъ вопросахъ? Начавшіеся переговоры только обнаружили глубокій разладъ между ними, и болѣе всего потерявъ отъ этого конечно Вѣнскій дворъ: попытка его окончить войну съ Англіей оказалась совершенно неудачною.

Императрица Елисаветъ не суждено было видѣть конецъ предпріятія къ которому отнеслась она такъ горячо, и это было конечно большимъ несчастіемъ. Война довела враговъ короля Прусскаго до крайняго упадка силъ, но все-таки они находились далеко не въ такомъ отчаянномъ положеніи какъ Фридрихъ. Они еще могли продолжать борьбу, а для него это представлялось почти невыполнимымъ. Онъ стоялъ на краю пропасти, онъ самъ говорилъ что для дѣйствовавшей противъ него коалиціи побѣда была лишь вопросомъ времени,—и времени весьма непродолжительнаго: еще послѣднее усиліе съ ея стороны, и онъ долженъ былъ бы сложить оружіе. Еслибы случилось это, то безъ сомнѣнія о Семилѣтней Войнѣ судили бы у насъ иначе: войну эту считали бесполезнымъ кровопролитіемъ, въ которомъ Россія приняла участіе будто бы безо всякой необходимости, едва ли не потому только что Елисавета была раздражаема выходками и островами на ея счетъ Фридриха Великаго. Напротивъ, мы видимъ что вмѣшательство Россіи было естественнымъ послѣдствіемъ политики которую съ самаго воцаренія императрицы велъ Бестужевъ. Съ рѣдкою провидательностью сообразилъ онъ какими тревожными послѣдствіями угрожаетъ усиленіе Пруссіи Европѣ вообще, но главнымъ образомъ

Россіи. Онъ сдѣлалъ все чтобы помѣшать ему, и еслибы старанія его увѣнчались успѣхомъ, то ходъ европейскихъ событій привалъ бы другое направленіе. Подвергнуть такому разгрому Пруссію, отъ котораго никогда не оправилась бы она, было трудно, но развитіе ея могущества могло бы быть задержано на болѣе или менѣе продолжительное время, которымъ Россія воспользовалась бы для своихъ цѣлей. И въ Восточномъ и въ Польскомъ вопросахъ императрица Екатерина не вынуждена была бы считаться со своимъ опаснымъ сосѣдомъ, который хотя и не могъ открыто бороться съ ней именно потому что былъ слишкомъ ослабленъ Семилѣтнею Войной, но сдѣлалъ все зависѣвшее отъ него чтобы Россія не разрѣшила вполнѣ свою историческую задачу.

Е. ФЕОКТИСТОВЪ.

ГРЕКО-БОЛГАРСКІЙ ЦЕРКОВНЫЙ ВОПРОСЪ

ПО НЕИЗДАННЫМЪ ИСТОЧНИКАМЪ *

VIII.

Объявленіе схизмы въ разныхъ странахъ было встрѣчено различно. Въ Константинополь оно вызвало, разумѣется, радость и ликование. Послѣ обѣды въ самой патриаршей церкви одинъ изъ мірянъ произнесъ горячую рѣчь о побѣдѣ только-что одержанной надъ ланславизмомъ, успѣхамъ котораго положенъ де теперь непреборимый предѣлъ. Рѣчь оратора была покрыта восторженными кликами наэлектризованной толпы: „да здравствуетъ султанъ покровитель православія противъ ланславизма! Да здравствуетъ Синодъ! Да здравствуетъ архіепископъ Ликурзь!“

Довольно странно звучали эти клики, восхваляющіе султана, подъ темными сводами православной патриархіи, на воротахъ которой еще сравнительно такъ недавно колыбался гробъ святѣйшаго Григорія, повѣшеннаго предшественникомъ и отцомъ того же самаго султана который нынѣ представлялся какъ покровитель православія.

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 5 и 6.

Въ Египетъ, Грецію, Румынію и даже Россію посланы были агенты за сборами денегъ для борьбы Грековъ со Славянствомъ, а архіепископъ Ликургъ отправился тогда же на Аѳоны яроповѣдывать вражду противъ Славянъ, слишкомъ, по его словамъ, усилившихся въ Пантелеимоновскомъ Аѳонскомъ монастырѣ.

Въ Аѳинахъ объявленіе схизмы было пріѣтствовано торжественнымъ богослуженіемъ и присылкой патріарху Аѳонскому ордена Спасителя. Въ то же самое время, когда Греческое правительство давало въ Аѳинахъ доказательства своего сочувствія соборному опредѣленію, Константинопольскій его представитель г. Симосъ, вѣрный прежней своей политикѣ, проливалъ крокодиловы слезы надъ бѣдственнымъ состояніемъ Константинопольской церкви, представляющей де столь печальное зрѣлище; онъ горько оплакивалъ схизму съ ея губельными послѣдствіями и сожалѣлъ лишь что не имѣетъ достаточно вліянія и вѣса чтобы направлять дѣйствія здѣшней греческой колоніи.

Что касается Александрійскаго патріарха Софронія, то вскорѣ за подписью соборнаго опредѣленія онъ покаялъ всю обширность сдѣланной ошибки и горько обвинялъ Аѳеима въ томъ что этотъ послѣдній дѣйствовалъ въ своихъ личныхъ видахъ и примѣромъ своимъ увлекъ за собою другихъ іерарховъ.

Но самый энергическій протестъ былъ со стороны Антиохійскихъ Арабовъ.

Мы видали выше что глава Антиохійской церкви отправлялся на соборъ съ твердымъ намѣреніемъ не отвергать законныхъ требованій Болгаръ. Но патріархъ Героеей, чело-вѣкъ добрый и благочестивый, въ частной жизни старающійся подражать покойному Московскому митрополиту Филарету, лишень твердости характера и легко подчиняется вліянію умовъ болѣе сильныхъ. Очутившись, по пріѣздѣ своемъ въ Константинополь, какъ бы въ кипящемъ котлѣ народныхъ страстей, сбитый съ толку пламенными рѣчами фанатическихъ ораторовъ, налугавный воллами черни, патріархъ Антиохійскій утратилъ и тотъ небольшой запасъ энергіи съ которымъ онъ ѣхалъ на соборъ и слѣпо послѣдовалъ за теченіемъ большинства предводимаго святѣйшимъ Аѳеимомъ.

Когда же патріархъ Героеей, вопреки заявленію Антиохійскаго синода данному ему при отправленіи на соборъ въ

Константинополь, подписавъ опредѣленіе о схизмѣ, то митрополиты и епископы Антиохійской церкви, собравшись въ Бейрутѣ, особымъ актомъ объявили подпись патріарха выраженіемъ его личнаго мнѣнія, а не мнѣнія всей Антиохійской церкви, и актъ этотъ былъ препровожденъ къ блаженному Героею въ Дамаскъ. Вслѣдствіе этого схизма не была обнародована ни въ одномъ изъ храмовъ Антиохійской церкви, ни даже въ кафедральномъ соборѣ въ Дамаскѣ.

На Болгаръ провозглашеніе схизмы имѣло вліяніе противоположное тому на которое разчитывали фанариоты; оно ихъ не напугало, не отняло у нихъ бодрости, а напротивъ возбудило въ нихъ съ большею силой мечту о политической независимости. Митхадъ-паша по отношенію къ нимъ продолжалъ вести двойную игру, желая увеличить бездну между Греками и Болгарами. На другой день провозглашенія схизмы Митхадъ поздравляетъ Болгаръ, говоря что благодаря окончательному разрыву съ Великою церковью они имѣютъ теперь право составить отдѣльную и независимую христіанскую общину. Между тѣмъ, съ другой стороны, великій визирь общается патріарху измѣнить, согласно его требованію, одежду болгарскаго духовенства чтобъ отличить его отъ греческаго.

Экзархъ, которому сообщили это послѣднее требованіе, отчаянно сталъ ему сопротивляться, справедливо предполагая что перемѣна одѣянія болгарскаго духовенства можетъ вызвать въ болгарскомъ населеніи самыя прискорбныя замѣшательства и недоразумѣнія и будетъ способствовать уніатской и католической пропагандѣ. Въ случаѣ же крайности экзархъ полагалъ что болгарское духовенство приметъ одежду русскихъ священниковъ.

Митхадъ-паша очень хорошо понималъ то смѣтеніе которое перемѣной одѣжды духовныхъ внесено будетъ въ умы простыхъ крестьянъ, искренно привязанныхъ ко внѣшнимъ формамъ религіи, а потому онъ и подалъ патріарху надежду что Порта заставитъ Болгаръ подчиниться настоящему его требованію и еще болѣе подстрекнулъ Амеина общаіемъ измѣнить фирманъ 1870 года, со включеніемъ въ него названія Болгаръ схизматиками.

Болгарамъ же Митхадъ говорилъ что съ провозглашеніемъ схизмы фирманъ не имѣетъ значенія и что Порта готова экзарха сдѣлать Болгарскимъ патріархомъ, но въ то же время

не утверждалъ Болгарскаго устава и не давалъ бератовъ пяти епископамъ только-что посвященнымъ экархамъ, желая подобнымъ образомъ дѣйствию толкнуть Болгаръ въ унию.

Однако всѣ затѣи Митхада не привели ни къ чему, такъ какъ онъ самъ лалъ и былъ замѣненъ Мехмедъ-Рушди-пашой, настроеннымъ къ Болгарамъ гораздо благопріятнѣе чѣмъ его предшественникъ.

Болгары, отказавшись идти въ унию, рѣшили не оставаться безмолвными предъ опредѣленіемъ послѣдняго помѣстнаго собора греческаго духовенства и обратились ко всѣмъ автокефальнымъ церквамъ съ посланіемъ, написаннымъ въ примирительномъ духѣ, разъясняя вопросъ со своей точки зрѣнія и доказывая что они отвергаютъ обвиненіе ихъ въ ереси филетизма и желаютъ оставаться въ единеніи съ православною церковью, ученіе и догматы которой они на мѣрны сохранить неуклонно.

Въ концѣ 1872 года въ отношеніяхъ Сербовъ къ Болгарамъ проявились новые признаки доказывающіе какъ значительна разнь между этими двумя православными народностями, хотя она почти незамѣтна для посторонняго глаза.

Въ отвѣтъ своемъ на посланіе Константинопольскаго патріарха о провозглашеніи схизмы митрополитъ Михаилъ, краснорѣчиво указывая на необходимость согласія въ православной церкви, скорбитъ о неожиданной жестокости отлученія. Оправданія Болгаръ не были выслушаны, и Греки не менѣе ихъ возбудили начала народности; Сербы же, связанные съ Болгарами родствомъ, вѣрой и сосѣдствомъ, не могутъ порвать съ ними этихъ узъ. Поэтому для рѣшенія распри необходимы обоюдныя уступки и созваніе новаго собора съ участіемъ независимыхъ церквей.

Но когда митрополитъ Михаилъ официально ставилъ вопросъ на правильную почву и высказывалъ сочувствіе Сербіи къ домогательствамъ Болгаръ, въ то же самое время сдѣлалось извѣстнымъ что митрополитъ Сербскій далъ довѣрительнымъ образомъ лонать Авѣиму что если его святѣйшество поддержитъ Сербовъ въ Старой Сербіи и назначитъ туда епископомъ Серба, то княжеское правительство приметъ сторону Константинопольскаго патріарха и окажетъ ему даже денежное пособіе.

Русскій посолъ пригласилъ управлявшаго тогда генеральнымъ консульствомъ нашимъ въ Бѣлградѣ разъяснить

г. Ристичу что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ было бы крайне нежелательно видѣть рознь между Сербами и Болгарами, и что Сербской церкви слѣдуетъ непременно быть въ согласіи съ Русскою, сохраняя пока нейтральное положеніе и дѣйствуя примирительно, сколько возможно, относительно обѣихъ враждующихъ сторонъ, а не оказывать изъ своихъ мелкихъ расчетовъ Константинопольской патріархіи денежныя пособія.

Въ то же время графъ Игнатьевъ объяснился съ сербскимъ агентомъ въ Константинополѣ, г. Христичемъ, поставивъ ему на видъ всю опасность и недальновидность политики княжескаго министерства, желающаго пріобрѣсть для себя незначительныя въ сущности выгоды и поддержать свое вліяніе въ Старой Сербіи цѣной новаго раздора съ Болгарами, столь нежелательнаго въ интересахъ всего православія.

Г. Христичъ старался оправдаться во взводимыхъ на Сербію обвиненіяхъ и, между прочимъ, разказалъ что дѣйствительно вѣскольکو мѣсяцевъ тому назадъ прислаано было въ Константинопольскую патріархію двѣсти червонцевъ и то вслѣдствіе самыхъ настоятельныхъ просьбъ святѣйшаго Анеима.

Благодаря всѣмъ этимъ стараніямъ, удалось убѣдить Ристича не связывать себя обязательствами съ Греками и добиться что въ церковномъ вопросѣ Сербія будетъ согласовать свой образъ дѣйствій съ Русскою церковью.

Новый великій визирь Эссады-паша, замѣтившій Мехмеда-Рущди, клонилъ болѣе въ сторону патріархіи и объявилъ что хотя Порты и не намѣрена отмѣнять фирмана, тѣмъ не менѣе отсутствіе взаимнаго согласенія имъ предусмотрѣннаго между Болгарами и патріархіей ео ipso лишило документъ этотъ всякой дѣйствительной силы, почему Турецкое правительство не можетъ заставить Грековъ обитающихъ болгарскія епархіи подчиниться духовенству которое они считаютъ схизматическимъ, и какъ необходимое слѣдствіе всего этого Порты и будетъ посылать греческихъ епископовъ во всѣ епархіи гдѣ только есть Греки.

Министръ иностранныхъ дѣлъ, Рашидъ-паша, жизнь котораго такъ печально и преждевременно окончилась въ 1876 году подъ лулей Черкеса Хасана, старался между тѣмъ, изъ желанія быть намъ пріятнымъ, изыскать средства для мирнаго разрѣшенія вопроса. Планъ его состоялъ въ слѣдующемъ:

1) фирманъ не будетъ измѣненъ, 2) въ Македоніи ѳзарху будутъ набавлены четыре или пять епархій, 3) не будутъ болѣе даваемы бераты греческимъ епископамъ въ болгарскихъ епархіяхъ, но греческое населеніе можетъ имѣть своихъ священниковъ, подчиненныхъ впрочемъ духовной власти епархіальнаго архіерея безъ различія народности сего послѣдняго, 4) ѳзархъ имѣетъ титулъ ѳзарха Болгаръ; по дѣламъ можетъ прѣзжать въ Константинополь; мірской же его совѣтъ остается постоянно въ Константинополь, 5) Болгары лишутъ извинительное письмо патріарху и просятъ забыть прошлое и принять ихъ въ лоно православной церкви.

ѳзархъ лично былъ согласенъ на эти условія, но предвзрительно желалъ получить отъ Порты утвержденіе устава и бераты для болгарскихъ епископовъ Охриды, Битолии и Скопѣи. Будучи человекомъ глубоко религіознымъ, умѣреннымъ и разсудительнымъ, блаженный Анеимъ порвалъ въ то время свои связи съ крайнею болгарскою партіей, не смотря на угрозы смѣнить его, и убѣждаетъ народный совѣтъ въ необходимости принять условія Рашидъ-паши и затѣмъ пишетъ сему послѣднему что Болгарскій народъ благодаритъ его за попытку мирно покончить вопросъ, такъ какъ въ томъ же заключается желаніе и самихъ Болгаръ, а что касается его лично, то онъ готовъ просить у патріарха прощенія за свои антиканоническіе поступки, если только ему дадутъ увѣреніе что эта жертва не будетъ бесполезна и что патріархъ признаетъ фирманъ и status quo ѳзархата. Къ этому письму ѳзархъ Анеимъ прибавилъ словесно что онъ готовъ осылать поцѣлуями столы Константинопольскаго патріарха, лишь бы возстановить прежній союзъ и единеніе между Великою и Болгарскою церквами.

Такимъ образомъ, узелъ вопроса былъ снова перенесенъ къ Грекамъ, отъ которыхъ зависѣло дать мирный исходъ церковной распрѣ.

Патріархъ Анеимъ сожалѣлъ, правда, предъ графомъ Игнатьевымъ о всемъ случившемся, но опытъ показалъ какъ мало можно было тогда довѣряться его словамъ и чистосердечнымъ ловидимому завѣреніямъ. Къ тому же самое положеніе патріарха тогда сильно пошатнулось.

„Мечъ извлекай мечемъ и погибнетъ“; справедливость этого изреченія еще разъ подтвердилась на патріархѣ Анеимѣ: призвавъ на помощь своимъ личнымъ видамъ грубыя

народныя страсти, онъ уже не могъ своими старческими руками сдержать ихъ дальнѣйшій порывъ.

Обманувшись въ своихъ расчетахъ относительно результатовъ провозглашенія схизмы, вожаки крайней греческой партіи искали на комъ выместить свою злобу, и такимъ козлищемъ отлученія явился самъ патріархъ Анеимъ. Увлеченіе вчерашнимъ кумиромъ, истиннымъ де борцомъ за православіе, быстро смѣнилось сначала недовольствомъ протекавшимъ отъ собственной неудовлетворенности, а затѣмъ и ненавистью. Развудавныя народныя страсти нигдѣ и никогда не отличались продолжительностью поклоенія своимъ излюбленнымъ героямъ, и напрасно святѣйшій Анеимъ искалъ себѣ поддержки въ демагогическомъ духѣ народа уже съ древнѣйшихъ временъ извѣстнаго своимъ непостоянствомъ, своею неблагодарностью. Случилось то что и должно было случиться, и Константинопольскій патріархъ сдѣлаался цѣлью на которую яростно устремились волны имъ же самимъ взбаламученнаго моря.

Насколько расточительна толпа на похвалы человѣку свискавшему ея благорасположеніе, столь же быстра и неразборчива она на упреки и оскорбленія тому кто олостылѣлъ ей.

Такъ было и съ патріархомъ Анеимомъ. Осылая его сначала неумѣренными похвалами, радикалы холодно обратились теперь къ нему сливой и стали обвинять его въ томъ что онъ влалъ въ дѣтство и не достоинъ болѣе занимать вселенскій престолъ; они образовали особый „народный комитетъ“ имѣющій своею спеціальною цѣлью нападки и всевозможныя обвиненія на патріарха. Волненіе и внутренніе раздоры, неминуемыя послѣдствія разбушевавшихся народныхъ страстей, все увеличиваются въ Константинопольской патріархіи. Въ самомъ патріаршемъ храмѣ происходитъ манифестація направленная противъ патріарха, и толпа торжественно жжетъ нумеръ греческой газеты *Неологосъ*, осмѣлившейся высказаться сочувственно къ нему. Народный же комитетъ открыто и съ настойчивостью требуетъ смѣны патріарха.

Горько разочарованный въ продолжительности земныхъ привязанностей святѣйшій Анеимъ вынужденъ былъ прибѣгнуть съ просьбой къ Портѣ о наказаніи членовъ этого комитета. Рашидъ-паша отказалъ патріарху, не смотря на поддержку его извѣстнымъ Халиль-Шерифъ-пашой, даже осудившимъ патріарха тысячью турецкихъ лиръ.

Наконецъ иатриги противниковъ патріарха восторжествовали, и Анеимъ, со вступленіемъ котораго на патріаршій престолъ связывалось столько несбывшихся надеждъ, палъ, палъ безъ славы, покинутый большею частью своихъ прежнихъ приверженцевъ и не взирая на отчаянныя усилія сласти его со стороны греческой миссіи и нѣкоторыхъ немногихъ оставшихся ему вѣрными.

Достойный продолжатель политики Митхада, новый турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ Халиль-Шерифъ-паша, снова настаиваетъ на перемѣнѣ одежды болгарскаго духовенства, обѣщая взаменъ того учрежденіе болгарскаго патріаршества. Въ то же время, пользуясь случившимся близъ Софіи ограбленіемъ почты, раздутымъ до размѣровъ политическаго событія съ сильнымъ революціоннымъ оттенкомъ, Халиль-паша посылаетъ въ Болгарію особую комиссію, главнымъ членомъ которой является предавшійся совершенно турецкимъ интересамъ Болгаріи Хаджи Іованчо Пенчовичъ. Задача этой комиссіи заключалась въ изслѣдованіи и засвидѣтельствваніи весьма опасныхъ панславистскихъ иатригъ протекающихъ будто бы изъ учрежденія Болгарскаго экзархата и поддерживаемыхъ иностранными промисками.

Между тѣмъ, въ Константинопольской патріархіи стало преобладать примирительное направленіе, и мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола былъ выбранъ митрополитъ Арскій Серафимъ, извѣстный своею кротостію и благоразуміемъ.

Константинопольскій патріаршій престолъ былъ предложенъ Григорію VI, но онъ соглашался быть снова патріархомъ лишь подъ условіемъ вселенскаго собора, необходимаго, по его мнѣнію, для разрѣшенія греко-болгарской распри.

Послѣ нѣсколькихъ колебаній Константинопольскимъ патріархомъ выбираютъ Іоакима II, прежде уже бывшаго на Константинопольскомъ престолѣ, человека весьма умнаго, но упрямаго и повременамъ слишкомъ крутаго.

Первые шаги новаго патріарха были примирительны: онъ понималъ невозможность вернуть болгарскія епархіи къ прежнему порядку вещей, а равно и весь вредъ происходящій отъ неразрѣшенія распри. Желая не увеличивать раздраженія, святѣйшій Іоакимъ даетъ другія катедры двумъ епископамъ назначеннымъ его предшественникомъ на болгарскія епархіи, и

любопытно отражаетъ нападки на себя крайней греческой партіи требующей отъ патріарха чтобъ онъ заставилъ Россійскій синодъ высказаться по вопросу о схизмѣ. Іоакимъ смутилъ ихъ словами: „а что же дѣлать, если я лошаю подобное требованіе, а св. синодъ оставитъ его безъ отвѣта; развѣ я посмѣю вступить въ борьбу съ Россіей, этою покровительницей и защитницей православія?“

Болгары подъ умѣряющимъ вліаніемъ экарха тоже стали отдавать себѣ лучше отчетъ въ неправильности своего положенія: они готовы были не настаивать на 10мъ пунктѣ фирмана, а принять разграниченіе которое устанавитъ Порта и къ тому же готовы были улачивать ежегодно Константинопольской патріархіи извѣстную сумму въ вознагражденіе потерь происшедшихъ для ея казны вслѣдствіе отдѣленія болгарскихъ епархій.

Къ сожалѣнію, ежедневныя мелкія распри отдѣльныхъ личностей портили общее примирительное настроеніе и мѣшали ему развиться и придти къ какому-нибудь осязательному результату.

Россійскій св. синодъ въ отвѣтъ своемъ на извѣстительное посланіе объ избраніи патріарха не упустилъ случая изъявить свою радость объ избраніи его святѣйшества на Константинопольскій престолъ при настоящихъ, многотрудныхъ по истинѣ обстоятельствахъ, о которыхъ упоминаетъ самъ святѣйшій Іоакимъ. „Но тѣмъ-то и выше и многоцѣннѣе“, говоритъ св. синодъ, „будутъ заслуги вашего святѣйшества предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ и предъ всею Его католическою церковью, если забывая всѣ земныя цѣли и имѣя въ виду только славу Божію и вѣчное спасеніе ближнихъ, если одушевляясь истинно апостольскою ревностью и апостольскимъ самоотверженіемъ и руководясь началами самой строгой христіанской справедливости и любви, вы услѣдете съ помощью Всевышняго лобдвить эти трудности и водворить въ церковныхъ предѣлахъ вашихъ миръ, тишину и взаимную братскую любовь между всѣми христіанами православно, хотя и на разныхъ языкахъ исповѣдующими одного и того же триипостаснаго Бога. Объ этомъ-то умиреніи и благосостояніи святыхъ Божіихъ церквей Востока всегда молила, молить и не престанетъ молить единовѣрная имъ и равно всѣмъ имъ искренне благожелательная церковь Русская.“

Посланіе это можно считать косвеннымъ отвѣтомъ на

объявленіе схизмы и между его строками легко читается осужденіе соборнаго опредѣленія 1872 года и то что Русская церковь не признаетъ Болгаръ схизматиками за то только что они на своемъ языкѣ желаютъ исповѣдывать единаго триипостаснаго Бога.

Экзархъ со своей стороны старается быть какъ можно уступчивѣе, и чтобы не дать патріархіи повода обвинять его въ поддержаніи волненій въ Македоніи, блаженный Авѣимъ вызываетъ изъ Кукуша епископа Нила.

Не желая вовсе входить въ оцѣнку соображеній побудившихъ экзарха на подобную мѣру, недовольные Кукушане, вѣрные своему произволу, стали угрожать снова перейти въ унию и обратились вмѣстѣ съ тѣмъ за покровительство къ англійскому повѣренному въ дѣлахъ, но безуспѣшно, такъ какъ этотъ послѣдній объявилъ имъ наотрѣзъ что онъ не можетъ и не хочетъ мѣшаться въ религіозныя дѣла православныхъ.

Искусственно возбужденное волненіе и интриги поддерживаемыя Митхадъ-пашой приводятъ къ тому что Кукушане обращаются къ латинскому Адрианопольскому епископу Рафаилу и всѣ съ епископомъ Ниломъ во главѣ принимаютъ унию.

Опечаленный этимъ событіемъ Ортакейскій синодъ разсылаетъ окружное посланіе въ которомъ представляетъ католическое движеніе Кукуша какъ движеніе противонаціональное, вредящее интересамъ Болгарскаго народа и разрушающее его единство.

Результатомъ посланія было то что большинство Кукушанъ просили прощенія у экзарха и возвратились въ православіе, тѣмъ скорѣе что, по словамъ самого блаженнаго Авѣима, они никогда серьезно и не думали и не желали переходить въ католичество. Всѣ интриги Нила имѣли цѣлью обезлечить Болгарамъ иностранную поддержку, благодаря которой они могли бы устроить свои македонскія епархіи и затѣмъ, отложившись отъ лалы, снова присоединиться къ экзархату. Для подобныхъ личностей переимѣна религіи являлась лишь средствомъ пріобрѣсти покровительство латинскихъ державъ и съ помощью послѣднихъ осуществить свои политическіе замыслы.

Экзархъ оплакивалъ настроеніе народнаго болгарскаго

собранія и соучастіе нѣкоторыхъ духовныхъ его членовъ съ отщепенствомъ Нила, такъ какъ, по его мнѣнію, невысказанно управленіе церковью при такой неразборчивости въ употребляемыхъ средствахъ, въ особенности же когда сама религія обращена въ орудіе политической агитаціи. При такихъ обстоятельствахъ простое и безусловное возвращеніе въ лоно Константинопольской церкви казалось экзарху предпочтительнѣе союза, хотя и временнаго, съ Римомъ; уніа для Авѣима была бы такимъ стыдомъ, котораго онъ, по его собственнымъ словамъ, не въ состояніи вывести. Онъ предпочелъ бы быть просто принесеннымъ въ жертву людскимъ страстямъ, лишь бы сохранить увѣренность что онъ лавъ защищая правое дѣло.

Вообще экзархъ зараво смотрѣлъ на положеніе дѣлъ и на свое личное положеніе. Лишь официальное признаніе всѣми православными церквами Болгарскаго экзархата могло бы утвердить его власть и доставить ему необходимое обаяніе и прочность.

Относительно способа примиренія экзархъ понималъ что затрудненіе рѣшить вопросъ произошло съ тѣхъ поръ какъ въ дѣло замѣшались чисто земныя соображенія. Покуда вопросъ бывалъ обсуждаемъ между духовными, соглашеніе почти устанавливалось, но въ эту минуту являлись мірские и изъ политическихъ цѣлей разрушали все сдѣланное, хотя обѣ стороны старательно и прикрывались священными канонами.

Руководствуясь долговременнымъ опытомъ, экзархъ долженъ былъ дойти до убѣжденія что для достиженія миролюбиваго окончанія распри ни онъ, ни патріархъ не должны никого посвящать въ свои переговоры, ни совѣтоваться со своими синодами, а въ особенности же не спрашивать мѣнія народныхъ собраній. Единственно возможнымъ средствомъ примиренія являлось непосредственное соглашеніе между главами обѣихъ церквей, Греческой и Болгарской, при благосклонномъ участіи Турецкаго правительства, дабы примиреніе состоялось такъ-сказать однимъ ударомъ, однимъ внутреннимъ переворотомъ одновременно съ обѣихъ сторонъ.

Экзархъ не считалъ Кукушскую унію серіозною и надѣялся ее уничтожить если только ему дадутъ разрѣшеніе отправить епископовъ въ епархіи Охридскую и Скопійскую. Турецкіе министры со своей стороны тоже мало были расположены содѣйствовать успѣхамъ уніи, извѣдавъ на опытѣ въ

Гассунитскомъ вопросѣ всю недріятность и неудобство иностраннаго вмѣшательства въ религиозные раздоры турецкихъ подданныхъ.

Между тѣмъ по провинціямъ, согласно 10й ст. фирмана, шелъ опросъ жителей для опредѣленія того куда желаютъ они принадлежать, къ патріархіи или къ экзархату. На практикѣ опросъ этотъ представлялъ очень большія затрудненія, и велъ за собою замѣшательства и нескончаемые споры и раздоры. Патріархъ не скрывалъ своего неудовольствія по поводу способа которымъ производился этотъ опросъ, а именно, что подающихъ голоса умышленно вводятъ въ заблужденіе неправильной постановкой дѣлаемыхъ имъ вопросовъ, причемъ жителей спрашиваютъ, желаютъ ли они быть Греками или Болгарами, вмѣсто того чтобы предоставить имъ свободный выборъ между Константинопольскою патріархіей и экзархатомъ. Поэтому его святѣйшество предпочелъ бы поручить производство опроса особой смѣшанной комиссіи присланной изъ Константинополя и составленной изъ Грековъ, Болгаръ и Турокъ.

Порта соглашается на смѣшанную комиссію для опредѣленія состава македонскихъ епархій, а что касается епархій Охриды и Скопѣи, то, по рѣшенію совѣта министровъ, Турецкое правительство выдаетъ бераты двумъ епископамъ посылаемымъ туда экзархомъ. Выдача эта нѣсколько рассердила Константинопольскаго патріарха, который самую просьбу о томъ экзарха счелъ нарушеніемъ условленнаго нейтралитета, такъ какъ самъ патріархъ не посылалъ до сихъ поръ въ эти епархія своихъ епископовъ.

Новый министръ иностранныхъ дѣлъ Аарифи-паша не захотѣлъ заниматься ни церковнымъ вопросомъ, ни разграниченіемъ епархій въ Македоніи, отчего раздоры между Греками и Болгарами въ провинціяхъ все увеличивались. Произшедшій же соблазвъ въ Кукушѣ епископъ Нилъ сдѣлалъ въ то время предложеніе уѣхать, подъ условіемъ уплаты его долговъ, въ Русукъ и отречься отъ католичества, такъ какъ, по его словамъ, онъ никогда серьезно не отпадалъ отъ православія.

Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, блаженный Анѣимъ намѣревался перенести мѣстопробываніе экзархата въ Охридъ, Тырново или Софію, вызываясь возстановить отнынѣ же поминованіе имени патріарха на богослуженіи и готовъ былъ

написать его святѣйшеству письмо съ изъясненіемъ своего раскаянія; что же касается разграниченія епархій, то онъ согласенъ былъ положиться на рѣшеніе Порты, либо на смѣшанную комиссію предложенную патріархомъ, но подъ условіемъ что комиссія эта займется опредѣленіемъ правъ лишь на спорныя епархіи и откажется отъ намѣренія начать свой объѣздъ съ епархій уже данныхъ Болгарамъ султанскимъ фирманомъ.

Когда намѣренія экзарха были сообщены патріарху Іоакиму, то онъ былъ весьма тронуть личными чувствами экзарха, но въ то же время опасался дѣйствовать со стремительностью и прибѣгать къ крутымъ переворотамъ, въ особенности въ виду шума произведеннаго случившимся тогда дѣломъ Пантелеимоновскаго Аѳонскаго монастыря, въ коемъ Іоакимъ выказалъ не мало умѣренности и безпристрастія къ Славянамъ, вслѣдствіе чего новыми уступками въ пользу Болгаръ патріархъ не желалъ бы увеличивать и безъ того существующее противъ него со стороны Грековъ недовольство и раздраженіе. Поэтому-то Іоакимъ и желалъ чтобы выборъ времени для приступленія къ основательному разсмотрѣнію вопроса былъ предоставленъ ему самому.

Единственнымъ же предметомъ разногласія между патріархомъ и экзархатомъ оставалось то что первый настаивалъ на отправленіи смѣшанной комиссіи безразлично во всѣ епархіи, дабы не допустить предположенія что Константинопольская патріархія согласилась принять столь ненавидимый ею 10й пунктъ фирмана.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1875 умираетъ, завѣщавъ все свое состояніе болгарскимъ школамъ, епископъ Иларіонъ Макаріупольскій, первый отказавшійся поминать имя патріарха на литургіи. Съ его смертію сходитъ въ могилу послѣдній членъ триумvirата,—изъ Авксентія, Паисія и Иларіона,—давшаго такой сильный толчокъ болгарскому церковному движенію, причемъ Иларіонъ былъ лицомъ на которое обрушились высшія кары церкви.

Въ августѣ мѣсяцѣ того же года патріархъ соглашается на учрежденіе смѣшанной комиссіи составленной изъ двухъ греческихъ епископовъ и двухъ болгарскихъ, подъ предѣтельствомъ чиновника Порты. Такимъ образомъ, въ печальной невозможности найти безпристрастнаго судью изъ

христіанъ, коммиссія призванная разрѣшить церковную распри двухъ христіанскихъ народностей должна была имѣть своимъ предсѣдателемъ мусульманина Турка.

Въ виду начинавшагося на Востокѣ пожара зажженнаго 164 Невѣстницами, Порта начинаетъ ухаживать за Болгарами и утверждаетъ ту часть ихъ устава которая разрѣшаетъ экзарху и епископамъ взимать опредѣленный налогъ въ свою пользу и въ пользу народныхъ школъ.

Между тѣмъ, во главѣ греческой миссіи въ Константинополѣ произошла перемѣна. Англоманъ и руссофоба Симоса замѣнилъ Кундуріотти, человекъ опытный, умѣренный и по своимъ тенденціямъ болѣе приближающийся къ той партіи, обнимающей собственно народныя массы Греціи, которая, сознавая истинные интересы своего отечества, не перестаетъ чтить Россію какъ могущественнѣйшую покровительницу православія и православныхъ. Новый представитель Элады не могъ не соглашаться со справедливостію того мнѣнія что съ точки зрѣнія греческой объявленіе схизмы было ничѣмъ другимъ какъ политическимъ маневромъ предназначеннымъ остановить тяготѣніе Болгаръ къ морю; по его словамъ, Греція должна прежде всего стараться сохранить господство надъ Греками поселенными по побережью Европейской Турціи, дабы воспользоваться имъ въ будущемъ когда настанутъ случайности неизбежныя на Востокѣ, хотя и въ промежуткѣ времени болѣе или менѣе отдаленномъ. Исходя изъ этой точки зрѣнія, Кундуріотти предложилъ чтобы графъ Игнатъевъ выработалъ проектъ линіи разграничивающей въ Македоніи греческія и болгарскія епархіи и онъ брался добиться пріятія этого проекта въ Аѳинахъ во время своего тамъ пребыванія и привезти оттуда необходимыя полномочія чтобы потребовать отъ патріарха рѣшенія согласнаго и съ интересами Греціи и съ желаніями всего православнаго міра.

Изъ сравненія письменныхъ требованій экзарха относительно Македоніи съ мемуаромъ по поводу церковнаго вопроса вскорѣ затѣмъ дѣйствительно привезеннымъ Кундуріотти изъ Аѳинъ вытекало что взаимныя домогательства обѣихъ сторонъ несогласимы ни между собою, ни съ тою исключительною религіозною точкой зрѣнія, на которую становилась постоянно Россія во все продолженіе греко-болгарской распри. Такое воззрѣніе наше находилось въ прямомъ

противорѣчій съ греческимъ мемуаромъ который ясно выдвигалъ на первый планъ національныя стремленія эллинской народности.

Убѣдившись въ невозможности достигнуть прямого соглашенія и общаго дѣйствія съ Греческимъ правительствомъ, російскій посоль сталъ избѣгать дальнѣйшихъ разговоревъ съ Кундуріотти по этому предмету и постарался ослабить дѣятельность Аѳинскаго кабинета въ этомъ направленіи.

Хотя довѣрительныя переговоры эти и не имѣли никакого практическаго результата, тѣмъ не менѣе мнѣ они кажутся очень важными въ томъ смыслѣ что неоспоримо доказываютъ ранѣе высказанную мною мысль что трудность рѣшенія греко-болгарской распри не въ духовной сторонѣ дѣла, а въ политической, и что въ добавокъ узелъ вопроса находится въ Аѳинахъ.

Въ Портѣ между тѣмъ въ 1876 начинаются засѣданія смѣшанной комиссіи, разрабатывающей вопросъ о соглашеніи и о подробностяхъ въ отношеніяхъ между Константинопольскою патріархіей и экзархатомъ, касательно раздѣла имущества, церквей, школъ и т. л.

Окончивъ свои засѣданія комиссія выработала свой проектъ, въ сущности сходный съ фирманомъ 1870, отличающіеся отъ этого послѣдняго въ слѣдующемъ:

1) Свое мѣстопробываніе экзархъ имѣеть внѣ Константинополя, въ центрѣ собственной епархіи.

2) Регламентъ о внутреннемъ управленіи экзархата представляется патріарху, который въ трехмѣсячный срокъ имѣеть право дѣлать свои замѣчанія и настаивать на исключеніи тѣхъ постановленій регламента которыя, по его мнѣнію, не согласны со святыми канонами.

3) Патріархъ сообщаетъ объ избраніи экзарха Портѣ, которая немедленно же выдаетъ берать.

4) Православныя обитающіе въ предѣлахъ экзархата, не говорящіе по-болгарски, и Болгары живущіе внѣ предѣловъ экзархата, пользуются правомъ—если того пожелаютъ и если они образуютъ общность населенія города, деревни или прихода—имѣть свое духовенство, говорящее на ихъ языкѣ, даже имѣть своего епископа (хоръ - епископа), избраннаго ими самими и рукополагаемаго епархіальнымъ архіереемъ, отъ котораго хоръ - епископъ будетъ канонически зависѣть и чье имя онъ будетъ поминать на литургіи.

5) Для языка на которомъ происходитъ богослуженіе въ той или другой церкви сохраняются *status quo*. Въ случаѣ же если въ этой мѣстности составится цѣлая община, говорящая не на томъ языкѣ на которомъ происходитъ богослуженіе, то ей отдается одна изъ церквей мѣстности, за исключеніемъ впрочемъ митрополичьей. Тамъ же гдѣ нѣтъ второй церкви, новая община можетъ строить себѣ отдѣльную церковь на собственные средства.

6) Подобныя же правила прилагаются и къ школамъ въ смѣшанныхъ мѣстностяхъ.

7) Что касается разграниченія, то изъ предѣловъ экзархата исключается епархія Велесская и, предполагавшіяся по проекту патріарха Анеима, каза Прилѣвъ, Пелаговійской епархіи, и каза Ахи Челеби, Ксантской епархіи. Затѣмъ прибавляются къ экзархату: каза Вранія, Скопской епархіи, и оставленныя за патріархатомъ мѣстности епархій Филлипопольской, Вараской, Месемврійской и Анхіальской, но подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ что всѣ эти мѣстности, за исключеніемъ Враніи, составятъ отдѣльныя епархіи входящія въ составъ экзархата; жители ихъ сами избираютъ своихъ епископовъ, лишь утверждаемыхъ экзархомъ.

Въ привилегіи Константинопольскій патріархъ одобрилъ выработанный комиссіей проектъ рѣшенія вопроса—уже шестнадцатый по счету за время графа Игнатьева—но не принялъ лишь слособа выбора епископовъ въ болгарскихъ епархіяхъ, какъ антиканоническаго, и возсталъ противъ включенія Филлипопольской епархіи въ предѣлы Болгарскаго экзархата, въ чемъ поддерживалъ его, между прочимъ, и Кувауріотти.

Святѣйшій Іоакимъ представляетъ тогда свой контръ-проектъ рѣшенія, уменьшающій *minimum* болгарскихъ требованій, и увѣряетъ графа Игнатьева что онъ искренно желаетъ докончить распрю, удовлетворивъ Болгаръ и не уронивъ достоинства Великой церкви. Дабы избѣжать новаго собора патріархъ желалъ бы чтобы болгарская делегация, по соглашеніи съ духовенствомъ экзархата, подали его святѣйшеству письменное заявленіе съ объясненіемъ что на Болгары, ни ихъ духовенство никогда не были повинны въ филетизмъ, что они желали лишь устроить свою народную церковь на основаніяхъ предложенныхъ самимъ патріархомъ Григоріемъ VI, и что если они погрѣшили и провинились предъ вселенскою церковью, то теперь они искренно просятъ у нея прощенія

и разрѣшенія въ то же время на основаніи святыхъ канонѣвъ существующихъ затрудненій. Такимъ образомъ, можно было бы воспользоваться открытою дверью оставленною соборнымъ опредѣленіемъ 1872; схизма въ дѣйствительности уничтожилась бы сама собою, и учрежденіе экзархата состоялось бы канонически правильно.

Безпристрастіе требуетъ чтобы мы отмѣтили происшедшую въ 1876 году перемѣну настроенія Грековъ къ Болгарамъ.

Этотъ годъ огненными буквами занесенъ въ лѣтописи Болгарскаго народа. Кровавыя воспоминанія Батакской рѣзни, дикія сатурналіи Турокъ сотнями казвившихъ Болгаръ въ Адрианополѣ и Филипполѣ еще свѣжи въ памяти у каждаго и нѣтъ надобности возстановлять ихъ печальныя образы.

Греческое населеніе Филиппополя, подъ вліяніемъ тяжелаго впечатлѣнія произведеннаго на него бѣдственнымъ положеніемъ Болгаръ, стало менѣе враждебно относиться къ этимъ послѣднимъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказывало даже содѣйствіе къ спасенію Болгаръ отъ гибели.

Видя въ этомъ явленіи возможность сближенія двухъ единоувѣрныхъ народностей раздѣленныхъ старинною религіозною распрей, наше Министерство Иностранныхъ Дѣлъ циркулярно пригласило всѣхъ своихъ консуловъ воспользоваться подобнымъ настроеніемъ и содѣйствовать всѣми мѣрами къ постепенному сближенію Грековъ съ Болгарами, стараясь убѣждать и тѣхъ и другихъ въ необходимости этого сближенія при существовавшихъ тогда обстоятельствахъ, когда все мусульманское населеніе Турціи было сильно возбуждено противъ христіанъ вообще, и внушать имъ мысль что имъ слѣдовало бы въ виду общей опасности забыть всѣ прежніе раздоры и національныя разчеты разъединяющіе христіанъ и дающіе Туркамъ возможность сильнѣе угнетать ихъ.

Консуламъ поручалось работать въ этомъ направленіи соблюдая при этомъ осторожность, чтобы не подать повода представителямъ другихъ державъ къ обвиненію ихъ въ возбужденіи общинъ противъ Турецкаго правительства. Цѣлю дѣйствій русскихъ агентовъ должно было быть подготовленіе почвы для примиренія враждующихъ единоувѣрныхъ народностей и для прекращенія ихъ распри.

IX.

Красный лѣтухъ пущенный Невесиньцами бойко загулялъ по Балканскому полуострову, и пламя пожара, усиленное различными обстоятельствами, разбирать которыя здѣсь не мѣсто, охватывало все большее пространство. Какъ иногда при большомъ пожарѣ, вовемя пожертвованнымъ, вовемя скрытымъ домою останавливаютъ распространеніе огня, такъ и Порта въ концѣ 1875 года легкими уступками могла покончить съ затрудненіями въ Герцеговинѣ. Не сдѣлавъ же ихъ вовемя, она уже не могла замедлить хода событій и справиться съ грозой, и пала наконецъ ея жертвой.

Какъ катящійся комъ снѣгу, быстро увеличивающійся въ своемъ объемѣ, развивались событія въ Турціи, съ неудержимою силою скользя по наклонной плоскости и, начавшись съ незначительнаго возстанія Невесиньцевъ, переходятъ въ столкновение съ Черногоріей и Сербіей и завершаются кровавою Русско-Турецкою войною явившеюся какъ историческая необходимость.

Напрасно было бы искать причину событій 1875—1878 годовъ въ какихъ-либо единичныхъ явленіяхъ или въ дѣятельности того или другаго лица. Дѣйствительность показала что къ тому времени почва на Балканскомъ полуостровѣ была такова что не могла произвести ничего иного чѣмъ то что она произвела, что уловный отказъ Порты въ уступкахъ былъ лишь вѣшнымъ толчкомъ разбудившимъ дремавшія доселѣ стихійныя силы, и что слѣдовательно немыслимо допустить чтобы та или другая личность могла имѣть рѣшающее вліяніе на напряженіе или прекращеніе дѣятельности этихъ силъ, также точно какъ мы старались выше доказать что церковный греко-болгарскій вопросъ не былъ созданъ Россіей или ея посольствомъ въ Константинополѣ, а явился естественнымъ продуктомъ выработаннымъ всеми предшествующими историческими условіями.

Впрочемъ, разборъ событій 1875—1878 годовъ вовсе не входитъ въ предѣлы настоящей статьи, и я коснусь ихъ лишь поскольку они находятся въ связи съ церковнымъ греко-болгарскимъ вопросомъ.

Мы уже видѣли какъ нѣкоторая часть провинціальныхъ Грековъ сочувственно отнеслась къ Болгарамъ подвергавшимся немилосерднымъ преслѣдованіямъ отъ турецкихъ властей. Но справедливость требуетъ также сказать что лишь провинціальные Греки держались такого христіанскаго направленія; столичныя же, встрѣчая одобреніе своимъ чувствамъ въ аѳинской печати, не считали болѣе нужнымъ скрывать своихъ затаенныхъ мыслей и съ усердіемъ достойнымъ лучшаго дѣла, дружно привалялись обливать потоками желчи все что носить славянское имя. Греческіе борзописцы взапуски лустились доказывать что патріархія была права, отвергая церковныя требованія Болгаръ, скрывавшія лавславистскіе замыслы и что теперь маска сорвана и обязанности Эллиновъ помочь Турціи въ борьбѣ съ ея славянскими подданными. Самыя яростныя статьи направлены были въ то же время противъ Россіи, не скрывавшей своего сочувствія къ Славянамъ и добровольцы которой рядами шли на защиту своихъ братьевъ, руководимые однимъ идеальнымъ чувствомъ помочь страждущимъ. Эллины забыли и единство вѣры съ Россіей, и всѣ жертвы принесенныя ею за нихъ, наконецъ даже то что ей именно обязано своимъ существованіемъ независимое Греческое королевство. Все это было забыто бѣсновавшимися газетчиками и адвокатами, предъ глазами которыхъ неотступно стоялъ лугавшій ихъ величавый образъ сѣверной державы, имѣвшей неосторожность не отвергать человѣческихъ правъ въ Болгарахъ, на которыхъ Эллины смотрѣли не иначе какъ на своихъ рабовъ.

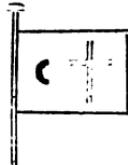
Греческіе журналы неуставно били въ набатъ, приглашая и Грековъ и западныя державы на крестовый походъ новаго образца, направленный не противъ нечестивыхъ Агарянъ, а за нихъ и противъ православныхъ христіанъ. Не разъ содрогнулись бы въ своихъ гробахъ кости Бодариса, Міаулуса, Банариса и другихъ борцовъ за Элладу, за православіе, если бы до нихъ могли донестись эти рѣчи, и съ какимъ презрѣніемъ взглянули бы они на своихъ столь быстро выродившихся потомковъ.

Отъ словъ Греки не замедлили перейти къ дѣлу, и одинъ изъ константинопольскихъ патріотовъ, Демосеенъ Чивоглу,*

* Въ нынѣшнемъ году этотъ яростный Элликъ и фавреть Митхадлаши былъ обвиненъ въ покушеніи на жизнь султана и почти

принимаетъ на себя весь трудъ и издержки по образованію греческаго баталіона, который чрезъ нѣсколько времени и отправляется драться вмѣстѣ съ турецкими войсками противъ Сербовъ. Этому баталіону было дано особое знамя, на красномъ полѣ луна и крестъ, символъ новаго союза направленного противъ Славянъ. Знамя это съ торжествомъ носили по улицамъ Константинополя. По возвращеніи же съ театра военныхъ дѣйствій участвовавшихъ новыхъ Янычаровъ, надо было видѣть съ какимъ безстыднымъ самодовольствомъ хвалились они числомъ убитыхъ будто бы ими Сербовъ.

Вотъ чтó напечатала константинопольская полуофициальная газета *la Turquie*, давая рисунокъ этого знамени:

Cinquante Grecs ayant à leur tête un portedrapeau tenant un drapeau rouge avec les emblèmes du Croissant et de la Croix se sont rendus hier au ministère de la guerre pour s'inscrire comme volontaires.

Ce rapprochement effectif du Croissant et de la Croix exprime avec éloquence les sentiments de sympathie mutuelle qui unissent en une seule nation les communautés diverses de l'empire.

Впрочемъ, судя по разказамъ, видинскія власти отнеслись очень недружелюбно къ этимъ христіанскимъ волонтерамъ, и находившіеся въ городѣ Зейбеки и другіе башабузуки усмотрѣли худое для себя предзнаменованіе въ изображеніи на знамени креста рядомъ съ полумѣсяцомъ и встрѣтили, говорятъ, христіанское ополченіе ружейными выстрѣлами. Шесть человекъ было убито, остальные спаслись въ разсылаю.

Очевидно что при такихъ условіяхъ церковный вопросъ не могъ двигаться впередъ, такъ какъ на экарха смотрѣли не иначе какъ на русскаго шпіона и въ такомъ же смыслѣ перетолковывали всѣ его просьбы и постулки. Но блаженный Анеимъ не смущался своимъ труднымъ положеніемъ и не смотря ни

одновременно со своимъ бывшимъ покровителемъ, Митхамомъ отправленъ въ сымаку. Вообще переть Божій какъ бы тяготѣлъ надо всѣмъ семействомъ Чивогау: въ то самое время когда одинъ изъ братьевъ отправлялся въ сымаку, другой умиралъ отъ скоротечной чахотки, а третій былъ ограбленъ и зарѣзанъ Черкесами въ окрестностяхъ Константинополя.

на что являлся постоянно горячимъ заступникомъ за Болгарскій народъ, котораго онъ былъ законнымъ представителемъ. Не мало мужества нужно было чтобы принять на себя защиту Болгаръ, но экархъ не остановился даже предъ опроверженіемъ тѣхъ свѣдѣній которыя были умышленно извращены посланнымъ въ Болгарію для изслѣдованія о положеніи дѣлъ Эдибъ-эфенди. Опроверженіе свое экархъ подтвердилъ многочисленными и вѣскими доказательствами, вслѣдствіе чего авторитетъ свѣдѣнія Эдибъ-эфенди былъ сильно подорванъ даже въ глазахъ турецкихъ министровъ.

Время было смутное, отношенія между различными мѣстностями были ненадежны, и чтобъ имѣть точныя свѣдѣнія, экархъ отправилъ Шолова, поручивъ ему подробно разузнать о томъ что произошло въ Колриштицѣ, Панагюриште, Батакѣ, Классурѣ и другихъ разоренныхъ болгарскихъ селахъ. Два раза ѣздилъ Шоловъ и успѣшно исполнялъ возложенное на него порученіе: онъ привезъ не только доброе описаніе происходившихъ въ деревняхъ этихъ убійствъ, но и поименные списки всѣхъ убитыхъ. Съ подобною же цѣлью Шишиджіевъ былъ отправленъ въ Македонію, и на основаніи доставленныхъ Шоловымъ свѣдѣній были составлены мемуары переданные тогда же иностраннымъ посламъ въ Константинополь.

Порта едва скрывала свое неудовольствіе на экарха, и Гассунъ, Армяно-католическій патріархъ, предупредилъ послѣдняго что ему придется плохо и что онъ не минуетъ жалуй виселицы. Блаженный Авѣимъ не устранился и отвѣтилъ ему: „Дай Богъ чтобы слова ваши были истиной, потому что когда повѣсили патріарха греческаго Григорія, создалось свободное Греческое королевство, и если и меня повѣсили бы, то благодаря этому могло бы создаться свободное Болгарское царство“.

Въ то же время экархъ написалъ письмо С.-Петербургскому митрополиту Исидору, умоляя его о помощи; въ письмѣ этомъ онъ излагалъ убійства во Фракіи, говоря что и въ старыя времена, во дни несчастій и опасности угрожавшей церкви, пастыри народныя зывали къ помощи и покровительству великихъ владыкъ христіанскихъ державъ и могущественныхъ царей: такъ поступали цари Константинъ, Ираклій и др. Далѣе, блаженный Авѣимъ описывалъ страданія и тягости Болгаръ и необезпеченность народа въ

политическомъ и религіозномъ смыслѣ. „Если Его Величество Императоръ Всероссійскій не обратитъ вниманія на положеніе Болгарь, не защититъ ихъ теперь, то лучше пусть вычеркнетъ ихъ изъ списковъ Славявъ и православныхъ, потому что отчаяніе овладѣло всѣми: кто хочетъ потурчиться, кто хочетъ принять католичество.“ Экзархъ умолялъ въ заключеніе прочесть это письмо Государю Императору.

Конецъ 1876 года важенъ въ особенноти въ томъ отношеніи что тогда впервые прямо и официально былъ поставленъ вопросъ о предоставленіи Болгарамъ политическихъ правъ, какъ отдѣльному народу, съ дарованіемъ имъ извѣстной автономіи. Вопросъ этотъ, какъ извѣстно, подробно разсматривался на конференціи представителей великихъ державъ собравшейся тогда въ Константинополь, причемъ экзархъ передалъ ей составленный Стефаномъ Панаретовымъ мемуаръ о мѣрахъ къ улучшенію быта Болгарь. Правда что въ то же время нѣсколько преданныхъ Туркамъ Болгарь: Георгаки-бей, Михайловскій, Карагезовъ, Хаджи Николи, Пандуровъ и еще семь человекъ, изготовили благодарственный адресъ султану, говоря что Болгары вполне довольны существующими порядками и не желаютъ никакихъ реформъ, и адресъ этотъ былъ представленъ конференціи, но русскому послу не стоило большого труда объяснить происхожденіе и всю ничтожность значенія этого документа, подлисить который экзархъ, не смотря на всѣ упрощенія, отказался наотрѣвъ.

Постановленія конференціи и отказъ Порты принять ихъ извѣстны. Упомянемъ лишь для полноты разказа что экзархъ не явился на приглашеніе Митхадъ-паши присутствовать на великомъ собраніи созванномъ для того чтобы рѣшить вопросъ принять или нѣтъ рѣшенія Европы.

Недовольная блаженнымъ Анеимомъ болгарская партія, съ Чомаковымъ во главѣ, опираясь на содѣйствіе нѣкоторыхъ болгарскихъ архіереевъ желавшихъ поласть въ экзархи, начала въ мѣстной печати рядъ наладокъ на блаженного Анеима, обвиняя его въ томъ что онъ орудіе Русскихъ и продаетъ имъ Болгарь. Посѣвая неудовольствіе на экзарха въ народѣ, Чомаковъ со товарищи старались возбудить противъ него и Турецкое правительство.

Неподписаніе благодарственного адреса и отказъ присутствовать въ великомъ собраніи уже составляли для Порты

достаточно основаній чтобы прибѣгнуть по отношенію къ экзарху къ мѣрамъ строгости, но тутъ подошло еще одно обстоятельство, совершенно его погубившее.

Турецкіе министры узнали что экзархъ принималъ большое участіе въ отправленіи извѣстной депутаціи Цанкова и Балабанова, которые объѣхали главнѣйшія европейскія государства, стараясь склонить ихъ войти въ положеніе Болгарь и улучшить ихъ настоящую бѣдственную участь. Порта узнала, по всей вѣроятности чрезъ Чомакова, что при отъѣздѣ изъ Константинополя экзархъ снабдилъ Цанкова и Балабанова деньгами и рекомендательными письмами. Этого было достаточно для того чтобы Порта смѣстила экзарха, но желая сохранить наружный видъ полнѣйшаго безпристрастія, она подстрекнула тѣхъ самыхъ Болгарь которые предъ этимъ подписали благодарственный адресъ подать прошеніе о низверженіи экзарха, и въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1877 года Анѣимъ былъ низложенъ, а мѣсто его занялъ его бывшій ученикъ Іосифъ, митрополитъ Ловчанскій.

Блаженный Іосифъ, бывшій экзархъ Болгарскій не по избранію синодомъ, какъ того требуетъ болгарскій уставъ, а по волѣ Порты, происходитъ изъ бѣднаго болгарскаго семейства города Калофера, воспитывался сначала въ Бебекскомъ училищѣ и закончилъ юридическое образованіе въ Парижѣ, гдѣ воспитывался на счетъ константинопольскихъ Болгарь. Человѣкъ способный, ловкій и благоразумный, онъ не долго оставался въ турецкой службѣ и сдѣлался секретаремъ при первомъ Болгарскомъ экзархѣ, который сумѣлъ оцѣнить его прекрасныя качества. Постриженный въ монахи, Іосифъ былъ сначала намѣстникомъ экзарха въ Видинѣ и затѣмъ рукоположенъ въ Ловчу.

Между тѣмъ началась Русско-Турецкая война, и Турецкое правительство, по мѣрѣ успѣховъ русскаго оружія, все съ большею подозрительностью смотрѣло на бывшего экзарха, считая его находящимся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Русскими, и наконецъ 17 іюля блаженный Анѣимъ былъ сосланъ въ изгнаніе въ Малуя Азію, въ Ангору, откуда былъ возвращенъ послѣ восьмимѣсячной ссылки, въ то время когда войска наши были уже въ Санъ-Стефано, и то благодаря заступничеству за него бывшего главнокомандующаго дѣйствующею арміею Великаго Князя Николая Николаевича.

Въ періодъ предшествовавшій изгнанію экзарха Порта

смотрѣла недружелюбнымъ окомъ и на все высшее болгарское духовенство, считая его сообщникомъ Русскихъ и полагая нестерпимымъ имѣть въ лицѣ болгарскихъ епископовъ у себя дома постоянныхъ, такъ-сказать, согладатеель всѣхъ дѣйствій мѣстныхъ турецкихъ властей, отчетъ о которыхъ немедленно сообщался всѣмъ европейскимъ правительствамъ.

Еписколъ Пиротскій былъ смѣщенъ за то что посоветовалъ обратиться съ прошеніемъ прямо къ Нишскому губернатору въкоторымъ крестьянамъ, которые не могли добиться отъ мѣстнаго каймакама перемены полевого сторожа-Албанца.

Еписколъ Врачанскій смѣненъ за то что проповѣдывалъ противъ родителей оставляющихъ изъ трусости своихъ дочерей заплѣтамъ, которые дѣлаютъ изъ нихъ потомъ мусульманокъ, а также и за то что этимъ косвенно порицалъ мѣстнаго каймакама, удержавшаго въ своемъ гаремѣ одну болгарскую дѣвушку.

Викарный еписколъ Видинскій смѣщенъ за то что жаловался на дурное обращеніе турецкихъ солдатъ съ христіанами.

Скопскій еписколъ былъ удаленъ по личной къ нему ненависти Митхадъ-паши и за то что по приказанію възвара и самого великаго визиря донесъ правительству о всѣхъ жестокостяхъ совершаемыхъ относительно Болгаръ въ теченіе одного мѣсяца.

Епископъ Филиппопольскій, хотя почти постоянно жившій въ Константинополѣ, смѣщенъ за то что сдѣлался невыносимъ турецкимъ властямъ своимъ горячимъ заступничествомъ за притѣсняемыхъ христіанъ; его же викарій былъ удаленъ за то что не хотѣлъ подписать адреса, въ которомъ говорилось что Болгары живутъ съ Турками какъ братья и надѣются что турецкая конституція совершенно достаточна для обезпеченія благосостоянія христіанъ живущихъ въ Огтоманской имперіи.

Епископы же Ловчанскій и Кюстендильскій откупились отъ смѣщенія лишь значительными деньгами уплаченными мѣстнымъ генералъ-губернаторамъ.

Если же Порта обходилась такъ безцеремонно съ представителями высшаго болгарскаго духовенства, преслѣдованіе коихъ все-таки возбуждало вниманіе европейскихъ пословъ въ Константинополѣ, невольна вынуждавшихъ Турецкое правительство къ соблюденію известной осторожности въ своихъ дѣйствіяхъ, то легко вообразить себѣ какъ относилась

въ это время къ простымъ болгарскимъ крестьянамъ провинціальныя турецкія власти, не стѣснимыя ни чѣмъ любулытнымъ взоромъ.

Но пробилъ часъ освобожденія Болгаръ и они были вознаграждены и за Эскизагскую рѣзню и за все претерпѣваемое ими отъ Турокъ. Нѣкоторые находили чудовищными предѣлы данныя по Санъ-Стефанскому трактату Болгарамъ въ Македоніи, тогда какъ въ дѣйствительности они ясно очерчиваютъ границы распространенія болгарскаго населенія въ этой странѣ, какъ о томъ подробно говорится въ прежде изданныхъ мною *Материалахъ для статистики Болгаріи, Сракіи и Македоніи*. Но чтобы не быть обвиненнымъ въ односторонности и пристрастіи, позволю себѣ сослаться на мнѣніе барона Ринга, бывшаго французскаго комиссара въ комиссіи по выработкѣ устава для Восточной Румелии. Барона Ринга нельзя, кажется, обвинить въ излишнемъ оочувствіи къ Болгаріи, а между тѣмъ пріѣхавъ верхомъ изъ Софіи въ Солунь онъ былъ пораженъ почти исключительно болгарскимъ характеромъ населенія прѣхавшій мѣстности и не стѣсняясь высказывалъ что, по его мнѣнію, границы Санъ-Стефанскаго договора совладаютъ съ этнографическими границами болгарской народности въ Македоніи.

Хотя Берлинскій трактатъ и разорвалъ на три кука эту единую Болгарію, тѣмъ не менѣе результаты войны 1877—1878 годовъ для Болгаръ были громадны. Они получили, благодаря жертвамъ Россіи, независимое княжество Болгарское, полу независимую Восточную Румелию и обязательство Турецкаго правительства ввести реформы въ Македоніи, принимавъ тамъ органическій уставъ который будетъ выработанъ особою комиссіей составленною изъ европейскіхъ делегатовъ.

Присутствіе въ Болгаріи во время и послѣ войны нашихъ привело русское духовенство, въ лицѣ полковыхъ священниковъ, въ непосредственное общеніе съ болгарскимъ духовенствомъ и послужило причиною столкновенія съ Константинопольскою патріархіей, въ которомъ впервые русское духовенство замѣшано было прямо въ дѣло.

Патріархъ Іоакимъ обратился въ Россійскій св. синодъ, жалуясь на нашихъ полковыхъ священниковъ за то что, противно канонамъ и объявленной схизмѣ, они сносятся и священнодѣйствуютъ со схизматическими болгарскими іереями;

и просилъ о привліченіи мѣръ къ исправленію ихъ образа дѣйствій и къ успокоенію смущаемой совѣсти православныхъ.

Въ то же время Константинопольская патріархія обращается въ Порту, которая официально вѣтой передаетъ нашему посольству въ Константинополь жалобы святѣйшаго Іоакима на притѣсненія которымъ будто бы подвергается со стороны Болгаръ греческое населеніе городовъ Румеліи, занятыхъ русскими войсками. По словамъ патріархата, мѣстное греческое населеніе лишено религіозной свободы и подвергается даже будто бы истязаніямъ, а болгарское духовенство между тѣмъ захватываетъ самымъ произвольнымъ и незаконнымъ образомъ церкви, монастыри и школы дониндѣ бывшіе въ вѣдѣніи греческаго духовенства, а потому патріархія и проситъ объ огражденіи своихъ правъ.

Императорскій комиссаръ въ Болгаріи, князь Дондуковъ-Корсаковъ, опровергая свѣдѣнія Константинопольской патріархія, требовалъ отъ послѣдней точнаго указанія тѣхъ мѣстностей гдѣ происходили будто бы безчестія Болгаръ, а также наименованія церквей и школъ отнятыхъ у Грековъ, обѣщая строго наказать виновныхъ, но дѣло на томъ и остановилось. Патріархіи было не до того: 5 августа умираетъ патріархъ Іоакимъ II, добрыя качества котораго поневолѣ заставляли забывать о нѣкоторыхъ его недостаткахъ.

Патріархъ, скончавшійся 76 лѣтъ, держался послѣ провозглашенія схизмы примирительнаго направленія; благодаря лишь его поддержкѣ дѣло Пантелеимоноваго монастыря имѣло благополучное окончаніе. Во время же Русско-Турецкой войны афонскіе монахи много обязаны твердости святѣйшаго Іоакима, который отстоялъ ихъ и помѣшалъ ихъ изгнанію Турками со Святой Горы.

Назначенный мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола митрополитъ Эфесскій Агаангелъ, въ концѣ сентября 1878 года, снова обращается къ нашему послу въ Константинополь князю Лобанову-Ростовскому съ жалобами на то что нѣкоторые епископы въ Румеліи встрѣчаютъ прелатствія къ отправленію своихъ духовныхъ обязанностей въ округахъ занимаемыхъ нашими войсками; въ случаѣ же ихъ обращенія за помощью къ нашимъ мѣстнымъ властямъ, епископы не рѣдко получаютъ въ томъ отказъ.

Главнокомандующій дѣйствующею арміей, графъ Тотлебенъ,

которому князь Лобановъ немедленно передалъ жалобы патріархіи, предписавъ нашимъ властямъ удовлетворять по возможности ходатайства греческихъ епископовъ когда эти ходатайства будутъ справедливы и законны, но не скрывая отъ князя Лобанова что отношенія къ русскимъ властямъ греческаго духовенства были далеко не дружжелюбны и что чувства эти оно старалось высказывать даже и въ мелочахъ. Такимъ образомъ, напимѣръ, духовенство всѣхъ исповѣданій пребывающихъ въ Адрианополь—Болгары, Армяне, Евреи и даже мусульмане—явились къ графу Тотлебену, по возвращеніи его изъ Ливадіи чтобы засвидѣтельствовать благодарность за введенный порядокъ и оказываемое имъ русскими властями покровительство, явились всѣ за исключеніемъ только греческаго митрополита Діонисія, который сказался больнымъ, а между тѣмъ въ тотъ же день нарочно появился на общественномъ гуляньи.

Вообще Греки смотрѣли на Восточную Румелию какъ на потерянную для нихъ, считая ее болгарскою областью. Доказательствомъ что это мнѣніе раздѣлялось патріархіей и Портой служить довольно любопытная нота Порты за № 52.668/252, при которой она передаетъ доставленное ей патріархіей прошеніе Триадафла Дракопуло и Панагіа Христу, жалующихся что нѣкоторыхъ ихъ родственниковъ, „хотя и Грековъ по происхожденію, зачислили въ болгарскую милицію Румелии“. Почему Порта по просьбѣ патріархіи и проситъ немедленно же освободить этихъ Грековъ отъ воинской службы. Зная же общее правило что всѣ жители Восточной Румелии обязаны служить въ мѣстной милиціи на защиту общаго отечества, изъ только-что приведеннаго случая выходитъ что Порта и патріархія не признаютъ чтобы Румелия могла быть отечествомъ для Грековъ за которое они при случаѣ должны были бы проливать свою кровь, для чего, по ихъ мнѣнію, существуетъ туземная болгарская милиція, которая слѣдовательно и есть представительница чисто болгарской области.

Статистика еще ранѣе доказала что Восточная Румелия есть не что иное какъ Южная Болгарія, въ которой весьма и весьма рѣдкими блестящими разбросаны пришлый греческій элементъ, но въ вышеприведенномъ случаѣ важно и замечательно сознаніе справедливости этого обстоятельства со стороны Порты и самой патріархіи.

На вакантный Константинопольскій престолъ былъ выбранъ кандидатъ мирянъ, Солумскій митрополитъ Иоакимъ, вступившій на престолъ подъ именемъ Иоакима III.

Уроженецъ одной изъ деревень на Босфоръ, Бояджикѣя, святѣйшій Иоакимъ отличается своимъ образованіемъ, набожностью и непопулярностью; частная его жизнь, въ противоположность большинству представителей греческаго высшаго духовенства, безупречна.

Во все продолженіе греко-болгарской распри Иоакимъ былъ борцомъ за греческую великую идею, а потому Греки возлагали на него большія надежды и выдвинули его впередъ на Константинопольскій престолъ, не взирая на его сравнительно молодой возрастъ: ему при избраніи не было и пятидесяти лѣтъ. Какъ послѣднюю подробность къ характеристикѣ новаго патріарха слѣдуетъ замѣтить что во время войны Турки чуть не сослали его за черезчуръ независимый образъ дѣйствій и мыслей.

Въ разговоръ съ первымъ драгоманомъ посольства посланнымъ княземъ Лобановымъ привѣтствовать вновь избраннаго патріарха, Иоакимъ выказалъ большую умѣренность и благоразуміе по поводу жгучаго вопроса о болгарской схизмѣ, не отвергалъ возможности взаимнаго соглашенія и въ заключеніе оказалъ что интересы вселенской церкви для него выше переходящаго соперничества различныхъ національностей между собою.

Какъ бы отголоскомъ подобныхъ мнѣній были явленія происходившія въ то время въ Македоніи, сдѣлавшейся поприщемъ дѣятельности многочисленныхъ разбойничьихъ шайкъ. Шайки эти пользовались смутными обстоятельствами того времени конечно въ своихъ видахъ, добываясь болѣе важны, хотя и прикрываясь громкимъ именемъ пасургеетовъ возставшихъ противъ Турецкаго правительства. Но замѣчательно было то что греческія и болгарскія шайки старались тогда, такъ-сказать, подѣлать между собою Македонію, ясно разграничивъ свою дѣятельность сообразно этнографическимъ условіямъ страны, но дѣйствуя въ то же время въ согласіи между собою. Сами греческіе источники подтверждали фактъ этого соглашенія состоявшагося въ нѣкоторыхъ частяхъ Македоніи между враждовавшими тамъ до тѣхъ поръ Болгарами и Греками.

Во время первой аудіенціи своей у султана новый патріархъ

привнесъ рѣчь въ которой онъ не употребляетъ низкопоклонныхъ выраженій своихъ предшественниковъ и общаетъ быть вѣрнымъ и послушнымъ мусульманской власти лишь въ предѣлахъ закона, намекая тамъ, между прочимъ, и на частыя требованія Порты перемѣщать епископовъ въ угоду генералъ-губернаторамъ.

На рѣчь эту смотрѣли какъ на въ высшей степени смѣлый поступокъ и она еще болѣе укрѣпила довѣріе Греческаго народа къ мужеству и твердости своего новаго архиепископа.

Въ первой бесѣдѣ своей съ княземъ Лобановымъ патриархъ, подобно своимъ предшественникамъ, выразилъ свое неодобреніе всему предыдущему образу дѣятельности относительно Болгаръ и общалъ пока ничего не предпринимать въ смыслѣ предпріятія окончательнаго похода, въ надеждѣ что и Болгары сдѣлають то же самое.

Подъ вліяніемъ волеи своего синода, Іоакимъ III тѣмъ же менѣе снова письменно жалуется на нашихъ полковыхъ священниковъ и на пристрастіе нашихъ властей къ Болгарамъ выразившееся въ торжественномъ водвореніи въ Адрианополѣ Болгарскаго епископа Синесія, захватившаго монастырь Св. Георгія и требующаго греческую церковь въ предмѣстьи Адрианополя, Каикѣ. Патриархъ указываетъ на преслѣдованія которымъ, благодаря будто бы равнодушію и пристрастію Россійскаго св. синода, подвергаются Греки въ Сливѣ, Филлипололѣ и Анхіялѣ, и оканчиваетъ говоря что если патриархіи не будетъ оказано должнаго покровительства, то Великая церковь вынуждена будетъ дѣйствовать согласно предписаніямъ апостольскихъ правилъ и постановленіямъ вселенскихъ соборовъ. Мѣры эти будутъ заключаться въ запрещеніи греческимъ священникамъ служить съ русскимъ духовенствомъ сообщавшимся съ болгарскими священниками.

Въ то же время святѣйшій Іоакимъ обратился по тому же предмету съ жалобой къ графу Тотлебену. „Великая церковь, говоритъ его святѣйшество, съ глубокою скорбью видитъ какъ осыпанные ея духовными благами схизматическіе Болгары страстно преслѣдуютъ ее и чады оставшихся вѣрными православію.“ „Русскія военныя власти попирають права Великой церкви и въ то же время оказываютъ могущественное покровительство отпавшимъ отъ нея чадамъ-матеріубійцамъ.“ Главный предметъ жалобъ патриарха есть захватъ Болгарми греческой церкви въ Каикѣ.

Графъ Тотлебенъ не оставилъ безъ возраженія письма свѣтѣйшаго Іоакима, написаннаго вообще въ весьма рѣзкомъ тонѣ, и представилъ положеніе дѣлъ въ мѣстоностяхъ занятыхъ нашими войсками въ его настоящемъ свѣтѣ. Что же касается церкви въ Каякъ, то дѣло кончилось въ скоромъ времени возвращеніемъ ея Грекамъ.

Въ то же время оказалось что всѣ затрудненія обязаны своимъ происхожденіемъ интригамъ Адрианопольскаго митрополита Діонисія, пріобрѣвшаго себѣ такую печальную извѣстность.

Съ самого вступленія войскъ нашихъ въ Адрианополь архіерей этотъ поставилъ себя къ нашей администраціи въ самыя враждебныя отношенія, при всякомъ случаѣ возбуждая ей всевозможныя затрудненія. Издавна извѣстный своимъ туркофильствомъ, онъ даже не скрывалъ своихъ чувствъ и дѣйствовалъ не какъ пастырь православной церкви, а какъ агентъ враждебнаго къ намъ Турецкаго правительства, эксплуатируя въ этомъ смыслѣ и свое высокое духовное положеніе и усложненія прискорбной греко-болгарской распри.

Прежняя дѣятельность митрополита Діонисія ознаменована грустными воспоминаніями. Всегдашній другъ Турокъ, онъ постоянно спускалъ ихъ пріязнь шпіонствомъ и предательствомъ членовъ духовной своей паствы. Предъ началомъ войны и въ началѣ ея, Діонисій вмѣстѣ съ лашой обязывалъ города и села своей епархіи, служа молебны о торжествѣ турецкаго оружія, о дарованіи ему побѣды надъ ненавистнымъ врагомъ. По свидѣтельству адрианопольскихъ жителей, не одна изъ четырехсотъ жертвъ замученныхъ на висѣлицахъ этого города съ іюля 1877 года по январь 1878 года лежитъ на совѣсти митрополита Діонисія, равно какъ и многія изъ тѣхъ болгарскихъ жертвъ которыя пали въ Мустафа-Пашѣ, въ Сейменли и др.

Хотя въ греко-болгарскомъ вопросѣ митрополитъ являлся жаркимъ лоборникомъ идеи элленизма, онъ не пріобрѣлъ однако популярности даже въ средѣ греческой части своей паствы. Поддерживаемый лишь Турками, Діонисій одинаково былъ ненавидимъ и Греками и Болгарами; и тѣ и другіе неоднократно собирали подлиси подъ прошеніями объ его смѣщеніи.

Непріятное дѣло по поводу церкви въ Каякъ было новымъ

интригой митрополита Діонисія. Возбуждая его и раздувая, онъ преслѣдовалъ двоякую цѣль: во первыхъ, надѣялся поправить свое положеніе въ глазахъ Грековъ; во вторыхъ, желалъ воспрелатствовать осуществленію соглашенія между Греками и Болгарами, которое начинало устлавливаться въ Адрианополѣ на почвѣ общихъ интересовъ.

Въ концѣ 1878 года, во всѣхъ мѣстностяхъ оставленныхъ нашими войсками и тѣхъ которыя вкорѣ должны были быть оставлены, изготовлялись коллективныя прошенія къ представителямъ державъ въ Константинополѣ о принятіи мѣръ къ огражденію безопасности ихъ населенія, ранѣе отступленія русскихъ войскъ и вступленія турецкихъ, посредствомъ скорѣйшаго введенія, обѣщаннаго Берлинскимъ трактатомъ, въ мѣстностяхъ этихъ уставовъ подобныхъ Критскому. Народонаселеніе дѣйствовало въ этомъ случаѣ по собственному почину, и Греки и Болгары были заодно, въ полномъ между собою согласіи. Этому-то соглашенію митрополитъ, какъ агентъ Турокъ, желалъ во чтѣ бы то ни стало помѣшать и, воспользовавшись дѣломъ церкви въ Кавкѣ, онъ отчасти достигъ своей цѣли. По крайней мѣрѣ, пока во всѣхъ окрестныхъ общинахъ прошенія подписывались Греками и Болгарами безразлично, собственно въ Адрианополѣ Греки отдѣлялись отъ Болгаръ и подали свое прошеніе отдѣльно.

Чтобы дополнить разказъ какъ различны были отношенія къ намъ высшаго духовенства греческаго и болгарскаго, не лишне привести тотъ фактъ что когда графъ Тотлебенъ въ Филиппополѣ, стараясь выказать полное, безпристрастіе, присутствовалъ одинъ день на литургіи въ греческой, а на другой день въ болгарской церкви, то эта послѣдняя бывала полна народомъ, выражавшимъ самое живое радушіе, тогда какъ въ греческой церкви не бывало никого кромѣ нашихъ должностныхъ лицъ.

Когда драгоманъ посольства нашего сообщилъ патриарху о рѣшеніи дѣла церкви въ Кавкѣ, Іоакимъ воспользовался случаемъ чтобы высказаться о необходимости, по его мнѣнію, остановить дальнѣйшіе захваты Болгаръ, создавъ для нихъ извѣстную преграду. Такая мѣра, прибавилъ патриархъ, будетъ лучшимъ средствомъ для подготовки почвы ко взаимному соглашенію. „Мы просимъ лишь“, заключилъ святѣйшій Іоакимъ, „соблюденія Россійскимъ святѣйшимъ синодомъ и Россійскими властями

нейтраитета однаково благосклоннаго для обѣихъ сторонъ. Конечно, ошибки были сдѣланы съ самаго начала вопроса какъ Болгарами, такъ и Греками. Я не отвергаю этого. Теперь рѣчь идетъ объ ихъ исправленіи, и я желаю искренно сдѣлать все отъ меня зависящее для достиженія этого результата, тѣмъ болѣе что нынѣ, при успѣхѣ пропаганды католической и протестантской, болѣе чѣмъ когда-либо необходимо единеніе между православными церквами. Опасность велика и вѣсти о ней приходять ко мнѣ со всѣхъ сторонъ“.

Правительство наше въ дѣйствительности не хотѣло отступить отъ прежде принятаго положенія безпристрастія и одинаковой благосклонности къ сторонамъ замѣшаннымъ въ греко-болгарской распрѣ.

Власти наши въ Болгаріи составили было записку, основная мысль которой была та что Берлинскій договоръ выговорила въ пользу всѣхъ вѣроисповѣданій въ Турціи полную свободу, этимъ самымъ устраняла будто бы всѣ доселѣ существовавшія прелатствія къ установленію церковной самостоятельности Болгаръ и къ освобожденію ихъ отъ зависимости Греческой патріархіи безъ нарушенія каноническаго права.

Наше министерство иностранныхъ дѣлъ отвѣтило что оно не можетъ согласиться съ подобнымъ толкованіемъ 62й статьи Берлинскаго трактата. Если статьей этою обезличивается свобода богослуженія и внѣшнихъ обрядовъ всѣхъ вѣроисповѣданій въ Турціи, а также устраняются всѣ стѣсненія въ іерархическомъ устройствѣ различныхъ религиозныхъ общинъ и въ отношеніяхъ ихъ къ ихъ духовнымъ начальникамъ, то подобное постановленіе съ точки зрѣнія вселенской православной церкви можетъ относиться только къ тѣмъ общинамъ, самостоятельность которыхъ была уже признана канонически, между тѣмъ какъ Болгарская церковь до сего времени еще не признана канонически самостоятельною, и очевидно къ ней не можетъ быть примѣнена безъ нарушенія каноническаго права означенная статья трактата.

Въ виду этихъ соображеній министерство пригласило дѣйствовавшія тогда въ Болгаріи наши власти держаться въ греко-болгарскомъ церковномъ вопросѣ прежняго примирительнаго образа дѣйствій, не потворствовать стремленіямъ Болгаръ къ образованію самостоятельной церкви безъ

соглашенія съ патріархіей, а напротивъ стараться убѣждать ихъ въ неотложной необходимости подобнаго соглашенія, безъ котораго немислимо признаніе болгарской іерархіи каноническою. Если же въ средѣ Болгаръ отало бы распространяться мнѣніе что, въ силу Берлинскаго трактата, они въ правѣ во воѣхъ трехъ частяхъ Болгаріи разорвать всякую связь съ патріархіей, то это могло бы повести къ самымъ печальнымъ для Восточной церкви послѣдствіямъ, влияние которыхъ не замедлило бы конечно вредно отразиться на обѣихъ враждующихъ сторонахъ и, вмѣсто единенія церквей, рознь и вражда усилывались бы и расширялись и страсти могли бы въ такомъ случаѣ увлечь стороны къ самымъ крайнимъ рѣшеніямъ.

Разъ только нашъ святѣйшій синодъ хотѣлъ выйти изъ своего молчаливаго и выжидательнаго положенія, и это было вызвано неправильными жалобами Константинопольской патріархіи на дѣйствія нашихъ полковыхъ священниковъ.

Въ святѣйшемъ синодѣ существовало было предположеніе изготовить по этому поводу отвѣтъ, въ которомъ должна была подробно разбираться несостоятельность соборнаго опредѣленія 1872 года, причемъ отъ Болгаръ отстранялось обвиненіе въ томъ что, на основаніи будто бы филетизма, они отдѣлялись отъ Вселенской церкви, водрузили свой особый жертвенникъ и образовали свое особое племенное самочинное общество. Весь филетизмъ Болгаръ состоялъ въ самомъ естественномъ желаніи ихъ совершать свое богослуженіе на понятномъ имъ языкѣ и имѣть у себя такихъ пастырей и архипастырей которые могли бы учить Болгарскій народъ вѣрѣ и нравственности на понятномъ ему нарѣчій и свободно, безпрепятственно руководить свою духовную паству къ вѣчному спасенію, въ чемъ нѣтъ ничего противнаго ни евангельскому ученію, ни священнымъ канонамъ. Болгары, по мнѣнію разбираемаго проекта, не думаютъ отдѣляться отъ православной церкви и составлять особыя самочинныя общества; они желаютъ оставаться истинными и покорными ея чадами, какими были всегда, сохранять всѣ ея догматы и уставы, но только пользоваться церковною самостоятельностью и независимостью отъ Константинопольскаго патріарха, въ чемъ не видѣли ничего антиканоническаго въ прежнія времена и сами Константинопольскіе патріархи.

Доказавъ необходимость для русской церкви постановленія собора 1872 года, проектъ отвѣта заключалъ что неканонически обвиненныхъ Болгаръ нельзя признавать не православными и что потому нѣтъ никакого основанія прерывать съ ними церковное общеніе.

Вообще же нашъ святѣйшій синодъ считалъ своимъ долгомъ повторить свой братскій совѣтъ и просьбу какъ греческимъ, такъ и болгарскимъ іерархамъ, чтобъ „они старались всѣми мѣрами, при взаимныхъ уступкахъ, войти въ возможное соглашеніе и примиреніе между собою ко благу своихъ собственныхъ церковныхъ округовъ и на радость нашей общей матери Святой Христовой Православной Церкви“.

Но проектъ этого отвѣта такъ и остался проектомъ дабы прямымъ заявленіемъ мнѣнія святѣйшаго синода не усложнить въ то время вопроса и тѣмъ не уменьшить шансовъ достиженія взаимнаго соглашенія между Греками и Болгарами.

Трудно было положеніе молодого болгарскаго экзарха послѣ Берлинскаго трактата разорвавшаго Болгарію на три отдѣльные куска. Блаженный Іосифъ не обманывалъ себя иллюзіями и отдавалъ себѣ отчетъ во всѣхъ трудностяхъ обстановки въ которой онъ призванъ былъ дѣйствовать.

За невозможностью политическаго единства разсѣченныхъ кусковъ Болгаріи, экзарху, какъ верховному пастырю своего народа, надлежало заботиться о сохраненіи между этими частями ло крайней мѣрѣ религіозной связи какъ то въ послѣдствіи было опредѣлено 39ю статьей болгарской конституціи, являясь единственно законнымъ связующимъ звеномъ между ними и будучи такъ-сказать ходячимъ олицетвореніемъ Свѣ-Стефанской Болгаріи. Затрудненія увеличились когда князь Дондукъ-Короаковъ сталъ приглашать экзарха поселиться на постоянное жительство въ Тырновѣ или Софіи. Въ случаѣ принятія приглашенія легко могло случиться что Турки, объявивъ предѣлы экзархата ограниченными предѣлами Болгарскаго княжества, уничтожили бы фирманъ 1870 года какъ данный при совершенно другихъ обстоятельствахъ и тѣмъ лишили бы экзарха всякаго законнаго права заступничества за оставшихся подъ турецкою властью Болгаръ Эракіи и Македоніи. Между тѣмъ македонскіе Болгары прямо объявили что они рѣшили перейти въ католичество если экзархъ ихъ оставитъ.

Ясно понимая что вліаніе его какъ экзарха будетъ несравненно сильнѣе если онъ останется среди турецкихъ Болгаръ, а не за тою стѣной которую Порты постарается отдѣлится отъ княжества и изъ-за которой всѣ распоряженія экзархата неминуемо будутъ вызывать подозрительность турецкихъ властей, блаженный Іосифъ рѣшилъ отклонить приглашеніе князя Дондукова и ѣхать въ Константинополь, гдѣ, отдавшись добровольно подъ надзоръ и контроль Порты, онъ тѣмъ не менѣе могъ быть полезенъ своему народу.

Пріѣхавъ въ Царьградъ блаженный Іосифъ сталъ хлопотать о выдачѣ Портой бератовъ болгарскимъ епископамъ Охриды, Целеса и Скопю. Но старанія его были безуспѣшны, причемъ не надо забывать что экзархъ не могъ выказывать особенной настойчивости въ своихъ требованіяхъ, такъ какъ Порты для неисполненія собственнаго фирмана всегда могла укрыться за измѣнившимися политическими обстоятельствами; съ другой стороны, назначеніе болгарскихъ епископовъ въ Македонію вызвало бы опасенія иностранныхъ державъ призракомъ лавславизма и, наконецъ, имѣло бы слѣдствіемъ упорное сопротивленіе патріарха и желаніе имѣть греческихъ епископовъ во всѣхъ мѣстностяхъ Болгаріи и Восточной Румелии, гдѣ только есть Греки.

Вида неуспѣхъ своихъ стараній предъ турецкими министрами, экзархъ попробовалъ было обратиться за помощью къ румелійской европейской комиссіи по выработкѣ органическаго устава для этой области. Блаженный Іосифъ представилъ каждому делегату ея довольно объемистый мемуаръ, въ которомъ излагалъ исторію церковнаго греко-болгарскаго вопроса и жаловался на несправедливость Порты. Это довольно странное обращеніе экзарха къ иновѣрцамъ, съ просьбой быть судьями въ дѣлѣ касающемся Православной Церкви, тоже не имѣло успѣха и нашло сочувственный отголосокъ лишь во французскомъ делегатѣ баронѣ Рингъ, который, воспользовавшись обсужденіемъ главы статута касавшейся исповѣданій, горячо порицалъ образъ дѣйствій Порты отказывающей въ назначеніи болгарскихъ епископовъ въ Македонію, вопреки султанскому фирману и 62 статьѣ Берлинскаго трактата. Все дѣло кончилось лишь постановленіемъ комиссіи предоставлявшимъ болгарскимъ епископамъ право получать свои бераты непосредственно отъ генералъ-губернатора дѣйствующаго именемъ султана.

В. ТЕПЛОВЪ.

Я КУПЕЦЪ!

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ОДИССЕЯ ПОЛИХРОНІАДЕСА
ЗАГОРСКАГО ГРЕКА

I.

Прошло не болѣе трехъ недѣль послѣ отъѣзда русскаго консула г. Благова въ Превезу. Мы съ новымъ драгоманомъ, нашимъ, почтеннымъ и добрымъ Вроссо, жили тихо и мирно: я въ консульскомъ домѣ, онъ въ своемъ. Каждый день онъ приходилъ съ утра въ канцелярію и спрашивалъ не случилось ли чего?

Но ничего особеннаго не случалось, и я охотно и прилежно, не отвлекаемый ничѣмъ, предавался моимъ учебнымъ трудамъ.

Написалъ я отцу на Дунай и матери въ Загоры письма, въ которыхъ извѣщалъ ихъ о томъ что г. Благовъ сдѣлалъ меня чиновникомъ своей канцеляріи; но за то, находя что отсутствіе отца моего длится слишкомъ долго, онъ назначилъ Вроссо первымъ драгоманомъ, а Бостанджи-оглу вторымъ.

Едва только я успѣлъ написать это какъ отъ отца моего пришло мнѣ тоже письмо, очень запоздалое.

Онъ писалъ мнѣ что онъ возвратится въ Эпиръ скоро, что на Босфорѣ его задержали хлопоты у знакомыхъ лашей и важныхъ Фанаріотовъ все по тому же безконечному дѣлу съ болгарскимъ извергомъ Петраки-беемъ и что ему больше всѣхъ помогъ другой Болгаринъ, нѣкто Вельковичъ,

„очень благородный и образованный человекъ, презирающій Петраки-бел“ (такъ писалъ отецъ). Онъ приказывалъ мнѣ также успокоить г. Благова, передавъ ему извѣстіе о скоромъ его возвращеніи, и *горячо* извиниться предъ его превосходительствомъ въ просрочкѣ „вынужденной тяжкими обстоятельствами и неравною борьбой съ безправіемъ и съ подкульностью турецкой администраціи.“ Исаакидесу отецъ приказывалъ сказать по-турецки:

„Явашъ! Явашъ, элси оладжакъ!“ * И наконецъ обращаясь собственно ко мнѣ, онъ приказывалъ мнѣ немедленно выпросить въ Портѣ одного или двухъ жандармовъ и ѣхать съ ними въ село Джамманда (неподалеку отъ нашихъ Загоръ) и собрать непременно тѣ сто двадцать золотыхъ лиръ которыя уже шесть лѣтъ должны намъ крестьяне этого села и все не платятъ, притворяясь несостоятельными. „Тѣ небольшія деньги, которыя тебѣ необходимы на наемъ верховой лошади, на содержаніе жандармовъ и лошадей ихъ въ луги и для награды самимъ Туркамъ этимъ за труды ихъ, ты можешь занять у кого-нибудь отъ моего имени и потомъ, заѣхавъ въ Загоры, взять у матери и залагать немедленно долгъ.“

Я обратилъ особенное вниманіе на слѣдующія слова моего родителя: „Господина консула тебѣ совсѣмъ не слѣдуетъ беспокоить этимъ дѣломъ; это дѣло частное наше. Его превосходительство и безъ того обремененъ высшими заботами, а ты турецкій подданный, и сходи къ Сабра-бею въ *паша-каниси* и отнеси ему мое прилагаемое письмоце, въ коемъ я его горячо прошу о помощи намъ противъ этихъ хитрыхъ сельчанъ. Онъ тебѣ дастъ жандармовъ. А мнѣ деньги очень нужны, ты самъ это понимать уже можешь, и торговые обороты мои тебѣ уже давно понятны и отчасти извѣстны. Теперь имѣю значительный заказъ изъ Константинополя зернистой русской икры черезъ Дунайскихъ Липованъ получить, и въ сроки деньги необходимы. А если встрѣтишь какія прелятствія, самъ пойми. Ты уже не дитя безсмысленное, а скоро ужъ мужъ будешь. Не теряйся и не лосрамысь. Наука необходима, но неизбѣжна для тебя и практическая жизнь. Глаза мои то лучше, то хуже олятъ, и недавно произошло такое расширеніе лѣваго зрачка что я думалъ

* „Потишоньку, потишоньку, все придетъ!“

совершенно потерять зрѣніе въ лѣвомъ глазѣ. Однако пока многомилостивый Господь, не по грѣхамъ воздавая, избавилъ меня. А если буду кривою—это еще хорошо; будучи же на оба глаза незрячимъ, какъ я прокормлю семью и защиту ее отъ грабителей, да и отъ защитниковъ турецкихъ, которые дороже обходятся самихъ враговъ. Петраки-бей требуетъ небывалый долгъ, а сельчане дѣйствительнаго долга мнѣ не платятъ, и въ Тульчѣ и здѣсь въ Стамбулѣ безъ *рюшева* * очень трудно. И все состояніе наше не прочно. Ты долженъ также знать что я и самъ въ Янниѣ долженъ около 20.000 піастровъ и прекрасный домъ твоей матери въ Янниѣ, въ которомъ теперь живетъ г. Леси, можетъ-быть получениемъ Божиимъ вынуждены будемъ продать; ибо я не хочу стать неоплатнымъ банкротомъ и безчестнымъ человѣкомъ предъ лицомъ людей. Все это я желалъ сообщить тебѣ чтобы ты зналъ и былъ разуменъ, дитя мое бѣдное... Увы! что дѣлать, сынъ мой. Мое положеніе въ твои года было много хуже твоего и труднѣе. Ты обитаешь въ домѣ руссійскаго императорскаго агента на *аджамскихъ келимахъ*, ** и дѣтство свое и первую юность провелъ подобно архонтскому дѣтству. Я же въ твои года тяжкія ноши носилъ какъ простой камаль: ситцы и сукна изъ лавочки хозяина по домамъ и, какъ сирота одинокій, перенесъ много и презрѣнія и побоевъ. Однажды очень сильно меня по щекамъ прибили на улицѣ турецкіе молодцы безъ причины и повода, а лишь изъ глумленія одного надъ христіанствомъ,— и я даже защищаться не могъ, ибо на славѣ у меня было множество товара, подъ которымъ я, при палащемъ зноѣ полудня, согбенный шелъ въ гору обливаясь потомъ. Не такъ начинаешь ты животь свой... И ты это разсуди все не какъ мальчишка, а какъ мужъ. Многіе наши Загорцы въ девятнадцать лѣтъ уже сами супругами и отцами становятся.“

Оканчивая это длинное письмо, отецъ еще разъ повторялъ: „А. г. консула, какъ я говорю, этимъ доложъ по сбору денегъ отъ сельчанъ ты не тревожь напрасно; — не обременяй его, который такъ намъ благодѣтельствуетъ что и въ домъ свой тебя удостоилъ какъ младшаго брата допустить! Сабри-бей все сдѣлаетъ.“

* *Взятка.*

** На *персидскихъ коврахъ.*

Письмо это меня и обрадовало, и тронуло глубоко, и испугало, и превознесло... Отецъ скоро будетъ! радость... Какъ его обижали еще смолоду люди, какъ его потваго и согбеннаго подъ ношей негодаи Турки били по лицу—жаако! Состояніе маме велпрочно, и я долженъ помнить что завтра, завтра отецъ несчастный ослаѣпнеть, и я... я... мальчишка долженъ буду немедленно захватить въ руки кормило нашего уже надломаннаго судна, и управлять имъ въ страшныхъ и тяжкихъ лучинахъ житейскаго океана... Это очень страшно!!.. Очень страшно...

А гордость моя была польщена и порученіемъ собрать деньги, и тѣмъ что отецъ уже считалъ меня почти *мухсалъ*, и писалъ мнѣ такъ дружески и такъ довѣрительно...

Подъ вліаніемъ всѣхъ этихъ чувствъ, я воспрянулъ какъ львенокъ и далъ себѣ слово собрать деньги съ лукавыхъ сельанъ и доставить ихъ страдальцу - родителю моему раньше чѣмъ онъ, бѣднякѣ, ожидаетъ...

Мужество! мужество! Одиссей!.. Умъ и энергія! Пусть Несториди не скажетъ больше никогда обо мнѣ: „ну, какой Одиссей купецъ!.. Купецъ долженъ быть умный, мошенникъ, молодець... А ты учитель какой-то...“ Покажу я тебѣ учителя!

Благому не говорить? Но его и нѣтъ въ городѣ; достаточно будетъ сказать г. Вроссо.

Увидимъ...

Теперь бѣгу къ Сабри-бею...

Все покидаю! Книжки, тетрадки закрыты... Забыть образъ черноглазой Цыганочки моей... благоуханіе развращенной, но милой „горькой травочки“ сердечной моей... далеко! далеко улетѣло, разсѣялось суровою и благодушною, серіозною и честною рѣчью любимаго отца...

Бѣгу къ Сабри-бею... бѣгу...

(Къ тому же... быть-можетъ... и узнаю какъ-нибудь... ну... какъ-нибудь... какъ придется,—не прогнѣваался ли на меня паша за то что я еще *тогда*, *прежде карнавала*, хотя мигъ пытался вѣсть *бокѣ* при немъ, или за то что не могъ вѣсть... и убѣждалъ какъ дикій человѣкъ изъ-за просвѣщенной трапезы... Дьяволъ самъ разберетъ всѣ эти трудности и хитросластенія человѣчества... А разбирать, однако, очень необходимо, и даже неизбежно!.. Вотъ *беласы* гдѣ! *)

* *Беласы!* Этимъ турецкимъ словомъ христіане часто выражаютъ свое безпокойство. Какъ у насъ: *бѣда!*

Прихожу въ Порту. Вхожу въ тѣ большія, холодныя сѣни, гдѣ ждутъ всегда просители; гдѣ стоятъ у дверей стражи и жандармы; чрезъ которыя изъ одѣвъ завѣшанныхъ теплою занавѣской дверей въ разныя другія двери, тоже завѣшанныя, перебѣгаютъ посланцы, проходятъ чиновники туда и сюда, возбуждая всегда движеніе въ толгѣ, большее или меньшее, смотря по званію и силѣ проходящаго...

Вхожу и вижу разныхъ людей съ бумагами въ рукѣ и безъ бумагъ, кто сидитъ на полу, кто на ступенькахъ лѣствицы, кто стоитъ у стѣны. Нѣкоторые воины и стражи сидятъ на скамеечкахъ. Ходитъ продавецъ бубликовъ съ лоткомъ, для проголодавшихся людей; кафежки готовъ подать кофе (за деньги) кому угодно...

Смотрю, кому бы сказать что я къ Сабри-бею, чтобы послушался и скорѣе доложилъ. Къ счастью, вижу сидитъ тотъ самый серьезный, тихій, но твердый Турокъ, который почти годъ тому назадъ, когда я еще былъ несравненно глупѣе и необразованнѣе, защитилъ меня отъ бѣшеной Гайдужи, тотъ самый благодѣтельный воинъ, который вынудилъ меня благословить хоть на мгновенье позорное иго цювѣрныхъ...

Его звали Гуссейвъ-ага...

Я немножко сробѣлъ, подходя къ нему, потому что толстые и длинныя усы его стояли и въ бока и впередъ довольно грозно, но укрѣпился духомъ и сказалъ ему искательно:

— Гуссейвъ-ага мой... Благоволите доложить... Сабри-бею что я имѣю до него весьма нужное дѣло. Я сынъ русскаго драгомана Полихроніадеса...

Гуссейвъ-ага все равнодушно и мрачно спросилъ:

— Сабри-бей?..

Я говорю: „Да-съ... Гуссейвъ-ага мой... Ваше благородіе... потрудитесь...“

Гуссейвъ-ага всталъ не слѣша (онъ прежде почти презрительно оглядѣлъ меня съ головы до ногъ), приподнялъ занавѣску на одной изъ дверей, и я слышалъ какъ онъ, просунувъ голову туда, сказалъ грубымъ голосомъ:

— Йоргъки-Полѣкрососа мальчикъ желаетъ придти... Слово имѣть сказать... Можно...

И обернувшись опять назадъ, Гуссейвъ-ага сказалъ мнѣ:

— Иди!

Я вошелъ.

Сабри-бей провожалъ въ эту минуту къ дверямъ одного

ложилъ, очень худого и какъ будто сердитаго Турка, въ зеленой чалмѣ и синей очень опрятной одеждѣ...

Я слышалъ конецъ ихъ разговора: „Такъ это невозможно?“ спрашивалъ сердитый Турокъ, какъ бы сдерживая гнѣвъ. Сабри-бей вѣжливо, тонко, искательно отвѣчалъ ему:

— Невозможно, эфенди мой, это никакъ невозможно. Теперь совсѣмъ другіе порядки... Я очень радъ бы былъ услужить вамъ, но въ изгнаніе нельзя человѣка за два слова послать...

— Невозможно! повторишь Турокъ мрачно (казалось что ему большаго труда стоило не изругать, не проклясть, не избить Сабри-бея)—*Намъ невозможно, а гаурамъ судитамъ* * все возможно...

— Это не наше дѣло, эфенди мой; на это есть трактаты съ иностранными девлетами... съ улыбкой ничѣмъ нелобѣдимой дипломатіи возразилъ Сабри.

— Эй в'аллахъ! сказалъ эфенди уходя и кланяясь.

Онъ направился къ двери и проходя мимо меня взглянулъ на меня такъ грозно что я не зналъ куда скрыться. Но это впечатлѣніе тотчасъ же исчезло, когда я остался одинъ съ ласковымъ Сабри.

Онъ посадилъ меня около себя съ улыбкой; распечаталъ письмо отца тоже съ улыбкой; съ улыбкой взглядывалъ чрезъ письмо на меня; читая, приятно качалъ головой, повторяя: „лекъ эй! лекъ эй!“ Потомъ задумался... Потомъ, когда въ концѣ письма дошелъ до того мѣста гдѣ ему иносказательно обѣщали отецъ деньга по окончаніи дѣла, сдѣлался серіозенъ и старался скрыть сладкое волненіе которое овладѣло имъ... И даже слегка вздохнулъ когда сложивъ письмо и обратясь ко мнѣ сказалъ:

— Я очень люблю вашего отца! Очень умный и добрый человѣкъ... *Пекъ эй адамъ! Пекъ vertueux, honorable!*.. И для компаніи самый пріятный человѣкъ, и въ дѣлахъ очень умный... Я очень жалѣю что онъ лишился должности русскаго драгомана. Г. Благовъ прекрасный молодой человѣкъ, высокой образованности, но онъ немаго горячъ, и другіе люди имѣють на него вредное для дѣлъ вліяніе...

Потомъ помолчавъ Сабри - бей сталъ взглядываться, все съ улыбкой же и не выпуская моей руки, въ мою новую европейскую одежду, и смѣясь восклицнулъ:

* Иностраннѣмъ подданнымъ.

— Теперь вы Европеецъ! И прекрасно! Вы очень хорошо сдѣлали что одѣлись такъ. При положеніи вашего отца и живя въ русскомъ консульствѣ, вамъ неприлично быть одѣтымъ какъ *бизирьяне* * съ базара. Вѣдь я правду говорю? спросилъ онъ вкрадчиво и провелъ слегка своими тонкими пальцами по моей щекѣ.

— А! воскликнулъ Сабри-бей. „Нѣжный лухъ айвы“ уже начинаетъ покрывать ваши щеки...

Дальше впрочемъ онъ этого разговора „о лухѣ айвы“ не продолжалъ и принявъ снова дѣловой и серьезный видъ оказалъ:

— Успокойтесь! Успокойтесь! Дѣло отца вашего—дѣло правое, и онъ очень хорошо сдѣлалъ что обратился прямо къ намъ. Я это вамъ все устрою... И ударилъ въ ладоши.

Вошелъ Гуссейнъ-ага.

— Отведи г. Одиссея къ Мустафа-бею (это былъ начальникъ залтїе), ему нужны завтра двое залтїе конныхъ въ село Джаммандъ...

Гуссейнъ вышелъ.

Тогда ободренный ласками Сабри-бея, я рѣшился просить его чтобъ этотъ именно Гуссейнъ былъ однимъ изъ назначенныхъ мнѣ въ помощь залтїе... Я надѣялся на его солидность и его усы. Сабри-бей воскликнулъ: „съ радостью, съ радостью!“ и пославъ меня догнать и вернуть Гуссейна написалъ къ кому-то записку, отдалъ ее Гуссейну, а самъ сказалъ мнѣ что пойдетъ доложить обо всемъ пашѣ и Ибрагиму, приказывая мнѣ дожидаться въ свѣяхъ.

Уходя изъ комнаты онъ еще разъ остановился и сказалъ мнѣ:

— Когда кончишь все это дѣло, заходи ко мнѣ, дитя мое, заходи ко мнѣ въ домъ... Я всегда радъ видѣть такого милаго и благороднаго юношу...

Онъ сказалъ это по-гречески и такъ звучно и прїятно: „*Ἐγενεῖς νεανίας*“ ** что я былъ вѣкъ себя отъ радости...

Я поблагодарилъ и обѣщалъ непременно придти благодарить его, но прибавилъ:

— Я боюсь, эфенди, что эти люди сельскіе денегъ не отдадутъ. Они такіе варвары и такіе хитрые...

— Залтїе ихъ принудать отдать, не бойся, сказалъ Сабри-бей.—Я скажу Гуссейну чтобъ онъ былъ посердитѣе, и можно будетъ и въ тюрьму нѣкоторыхъ взять.

* Разкощикъ, мелкій торговецъ.

** Благородный юноша!

Такъ усложонивъ меня Сабри-бей вышелъ вмѣстѣ со мной въ большія сѣни и ушелъ къ пашѣ; а я остался въ сѣняхъ и ждалъ.

Я былъ очень доволенъ и ходилъ назадъ и впередъ между просителями, женщинами и солдатами, осторожно, почтительно по извѣдка взглядывая на занавѣску паша, за которою скрылся Сабри.

Вдругъ раздался подъ открытыми окнами конскій топотъ и легкій шумъ колесъ по песку двора...

Иные изъ просителей подошли къ окнамъ, подошелъ и я. У каменныхъ ступеней подъѣзда стояла коляска паша и конники которые должны были сопровождать его куда-то, кто на играющей лошади, кто слѣвась окружали экипажъ... Взбѣжалъ на лѣстницу молодой офицеръ... Скорыми шагами вошелъ на минуту къ пашѣ, тотчасъ вышелъ олять и далъ знакъ рукой изъ окна...

Солдаты всѣ бросились на лошадей... Черные коки въ колескѣ рвались...

Занавѣска вдругъ приподнялась высоко, и паша вышелъ слегка кашая и придерживая рукой кривую саблю.

Хотя онъ былъ ростомъ малъ и худъ, и старъ, и нездоровъ, и невзраченъ... но онъ былъ *паша*...

И я тотчасъ же ощутилъ его присутствіе по нѣкоему особому полубожавному, полупраздничному содроганію моихъ глубочайшихъ внутренностей...

Все въ сѣняхъ вскопало на ноги, все подвинулось мгновенно, глухой шепотъ разговора умоакъ и все какъ бы застыло въ почтительномъ молчаніи...

Рауфъ-паша проходилъ чрезъ сѣни, отвѣчая слегка рукой на поклоны ивыхъ, но ни на кого не глядя. Я стоялъ уничтожаясь, однако около лѣстницы, на самомъ пути его... Уничтожаясь, я все-таки желалъ быть на видномъ мѣстѣ...

Я боялся лишь настолько что желалъ видѣть обязательную болыню мою замѣченную; я трепеталъ, но трепеть мой не заглушалъ моей тщеславной жажды привлечь на себя хоть мимолетвѣй взглядъ властелина...

И Рауфъ-паша увидалъ меня...

Онъ вдругъ остановился.

— Ты сынъ Полихроніадеса, бывшаго русскаго драгомана? спросилъ онъ не сердясь.

Я, сказалъ:— Я, паша-эфендимъ, точно сынъ его...

— Ты просилъ жандармовъ въ село Джамманда?

— Я просилъ, эфендимъ, отвѣчалъ я притворно умоляющимъ голосомъ...

— Я велѣлъ Гуссейлау и другому ѣхать съ тобой завтра... Они взыщутъ деньги...

Потомъ поглядѣлъ еще на меня, онъ улыбнулся слегка и спросилъ:

— Можешь ты заломнить то что я тебѣ скажу и написать объ этомъ г. Благову въ Превезу?

— Я постараюсь, паша-эфенди мой... сказалъ я, чувствуя что у меня вырастаютъ крылья и что и умъ мой и лампача и всѣ силы души моей становятся вдругъ гораздо острѣе...

— Слушай же, продолжалъ паша весело,—валиши г. Благову что онъ проигралъ пари, той книжки я еще не нашелъ, онъ знаетъ; но найду и пришлю; но я въ другомъ мѣстѣ нашелъ то о чемъ мы говорили: „не Сіамѣкъ убилъ Дива, а сынъ его Хушенгъ“. Такъ у Фирдузи... Не забудешь? Скажи какъ я сказалъ.

Я повторилъ уже безъ страха, а стремительно и весело: „Не Сіамѣкъ убилъ Дива, а сынъ его Хушенгъ. Такъ у Фирдузи“...

Я видѣлъ что за слиной лаши Сабри-бей ободрялъ меня улыбкой.

— Аферимъ! сказалъ паша.—А кто такой Фирдузи?

— Я сказалъ: оттоманскій стихотворецъ, паша-эфендимъ.

— Аджемскій, фарсіѣскій, сказалъ паша и пошелъ садиться въ коляску.

А я... А я?..

Я ушелъ домой слокойный...

Что мнѣ было больше нужно?.. Чѣмъ я не дѣльный, полезный сынъ, еще съ „лухомъ айвы“ на щекахъ; я умѣю уже помогать отцу и открывать себѣ путь къ самымъ могущественнымъ лицамъ въ мірѣ..

Пусть Несториди узнаетъ все это! Будетъ онъ говорить другой разъ: „Какой ты купецъ. Ты такъ—учитель какой-то!“ Посмотримъ!

О томъ что „не Сіамѣкъ убилъ Дива, а сынъ его Хушенгъ. Такъ у Фирдузи“ я написалъ г. Благову тотчасъ же по возвращеніи домой очень обстоятельно и почтительно; потомъ попросилъ позволенія у Вроссо отлучиться будто-бы прямо въ Загоры по дѣламъ отца, онъ разрѣшилъ, и на

другое утро очень рано, только-что первый румянецъ прекрасной Эосъ озарилъ нагую вершину Ливъадесъ, я вышелъ изъ консульства, сѣлъ на мула и закутанный въ бурку выѣхалъ изъ Янины въ сопровожденіи Гуссейвъ-аги и другаго жандарма, рабаго и довольно стараго, который тутъ же погрозила шута Русскому консульству, и когда я спросилъ:

— За что ты, ага мой, Русскому консульству грозишься? Овъ потрепалъ себѣ правую ногу и сказалъ:

— Болить. Одинъ казакъ подъ Силистріей саблей крѣпко ударилъ, *пезвенег!*... *

Но сказалъ овъ это весело, какъ причлещиваетъ воину который съ удовольствіемъ вопииваетъ о прежнихъ бояхъ своихъ, и замѣчаніе это нисколько не нарушило того веселаго и добраго расположенія духа въ которомъ мы все трое, мои тѣохранители и я, выѣхали изъ города и небольшою рысцою пустились по гладкой и узкой долинь Яницкой, по которой еще разстилался утренній бѣлый туманъ.

II.

Другъ мой добрый, мнѣ бы не хотѣлось описывать тебѣ то что мы сдѣлали въ селѣ Джаммадъ...

Мнѣ непріятно и стыдно объ этомъ вспоминать... Но пусть тебѣ будетъ извѣстно все обо мнѣ; не только тѣ ошибки моей юности которыя могутъ пробудить въ тебѣ симпатію и заставить тебя снисходительно и весело улыбнуться, но и тѣ поступки мои которыя возбуждаютъ въ тебѣ отвращеніе и гнѣвъ...

Да! Несториди ошибся!... Я былъ купецъ,—я былъ „мошенникъ, извергъ“ какимъ сѣдуетъ быть мушьявъ, какъ овъ когда-то шутилъ... Или, сказать иначе, я даже не былъ извергъ, я былъ тѣмъ Понтиколеди котораго Благовъ такъ безжалостно изгналъ однимъ лишь маювеніемъ руки... и который мнѣ самому казался довольно низкимъ и смѣшнымъ.

Я досталъ для отца тѣ сто двадцать золотыхъ лиръ. Черезъ два дня послѣ моего пріѣзда съ Турками въ село Джаммадъ, австрійская почта везла уже на Босфоръ твердый и тяжелый *грунъ* ** зашитаго въ кожаный мѣшочекъ золота... Такой крѣпкій, круглый, плотный былъ этотъ *грунъ*...

* Подлецъ.

** *Мѣшочекъ* для почты.

И я былъ этимъ гордъ, и всѣ свои меня хвалили... И я считалъ себя правымъ и умнымъ...

Скорѣй, скорѣй!.. Я кончу это безъ подробностей...

Мы пріѣхали въ село Джаммада еще до полудня и зашли къ одному селянину не изъ лучшихъ. Я былъ не совсѣмъ слокоенъ и все просилъ Гуссейна быть построже.

— Успокойся! говорилъ Турокъ,—все сдѣлаемъ... Будутъ деньги!

— Они ужасно лукавые, эти люди! говорилъ я ему о селѣнахъ.

— Не бѣда! отвѣчалъ Гуссейнъ.

Гуссейнъ былъ вообще въ духѣ и прежде всего потребовалъ отъ хозяйки лошадь чего-нибудь...

— Что у тебя есть? спросилъ онъ.

Хозяйка сказала что ничего нѣтъ кромѣ хлѣба и *трахана**.

Какъ не знать арнауту что такое трахана!

Но Гуссейнъ притворился что не знаетъ и началъ спрашивать какъ она дѣлается. Хозяйка не вѣрила что онъ не знаетъ и смѣялась, но Гуссейнъ настаивалъ, и она говорила:

— Беру муки, прошю...

— А потомъ?

— Потомъ... потомъ что...

— Да! потомъ что! говори баба!

— Потомъ—тру...

— Треть? Пекъ эй... А когда протрешь... тогда что?

— Сушить на солнцѣ буду....

— Въ чемъ терла, въ томъ и сушить повесешь...

— Нѣтъ, ага мой (она начинала хохотать), на полотнѣ.

— Видишь ты, какой трудъ! Небожь полотно надо искаты!

Пока найдешь... пока принесешь... пока разстелешь... Когда, когда высохнетъ! А тамъ еще варить... Нѣтъ, знаешь что баба, мнѣ жаль тебя... Это, бѣдная, для тебя слишкомъ трудно. А ты знаешь что? Возьми двухъ куръ... разъ-два головки имъ хвати и изжарь... Жарить, пожалуй, мы и сами будемъ. Надо тебѣ помочь...

Я ничего не сказалъ и денегъ за это не обѣщалъ; ибо у меня было ихъ вовсе мало, и я очень былъ радъ и самъ курицу съѣсть....

У хозяйки выраженіе лица измѣнилось когда она повела

* Искусственная крупа для супа.

къ чему клонилась комическая рѣчь Гуссейна... Куръ поймаи, скоро изжарили, и мы поѣли....

А между тѣмъ комната наполнялась все больше и больше старшинами села, которые кланялись намъ и садились на полъ на рогожку, привѣтствовали насъ всѣхъ одними и тѣми же словами....

Прежде Турокъ, а потомъ меня...

— Чтò дѣлаете? Здоровы ли? Пекъ эй! Благодарю... Чтò вы дѣлаете, здоровы ли вы... Пекъ эй....

Но довольно....

Кончилось тѣмъ что мы поѣвши вышли всѣ подъ плащамъ на площадку около церкви и тутъ начались прелитераторства. Я, въ твердомъ сознаніи моей и отцовской правоты, показывалъ ихъ расписки и приказаніе паши... Гуссейлъ меня поддерживалъ словомъ, громовымъ голосомъ, угрозами... Просьбы, убѣжденія съ обѣихъ сторонъ... укоры... крикъ... Ты знаешь какъ это бываетъ...

Эти соотечественники мои, эти Эпироты сѣдые и молодые, усатые и безбородые, въ толстыхъ поношенныхъ синихъ безрукавникахъ и валеныхъ колпачкахъ... которыхъ я въ другое время такъ любилъ... теперь мнѣ стали ненавистны....

Они были должны.... отчего не хотятъ они платить?.. У нихъ есть крайнія нужды, положимъ; а у насъ развѣ нѣтъ души человѣческой, развѣ нѣтъ и у насъ нужды?.. Они должны платить бею, должны платить десятину, должны содержать семейства, должны другъ другу, можетъ-быть. Все это такъ! Но развѣ мать моя и бабушка Евгенка, и Константинъ работникъ, и служанка Елена, и я самъ, и отецъ, развѣ мы хлѣба не ѣдимъ, развѣ насъ не грабятъ Турки взятками и тѣмъ что позволяютъ такимъ людямъ какъ Тульчинскій Петраки-бей взводить на отца небывалыя долговыя обязательства?.. Развѣ не предстоитъ отцу моему въ скоромъ времени переѣзъ въ Явину всею семьей и отдѣлка дома?.. Онъ долженъ разостлать ковры, напрымѣръ, не покрыть же ему полы въ отоліцѣ вилайета, ему, драгоману Императора Русскаго, простою цѣновкой домашней работы, какъ покрыты у нихъ въ хижинахъ полы... Варвары люди! Варвары! Развѣ не понимаютъ они что я страдаю отчасти оттого что у отца не достаетъ денегъ чтобы послать меня въ университетъ въ Аѳины, Москву или Италію?.. Развѣ не долженъ и отецъ мой въ Явинѣ 20.000 піастровъ? Развѣ не долженъ и онъ платить долги чтобъ его уважали и

чтобы коммерческая честь его не была замарана и уничтожена до тла?...

Боже мой! Боже мой!.. Что за варвары, что за необразованные люди!.. Какъ еще мало школъ у насъ по дальнимъ селамъ, школъ, въ которыхъ они выучились бы ловить всю разницу между благороднымъ отцомъ моимъ... столь полезнымъ для родины, и ими, людьми простыми и ржавыми, которые кромѣ плуга и топора не знаютъ и не могутъ знать ничего!... Иные изъ нихъ лгутъ, всѣ кричатъ, взоры ихъ свирѣпы... то одинъ, то другой впередъ выступаетъ..

— Мы сами просить пойдемъ къ пашѣ, говорить они.— Мы только-что заплатили то-то и то-то въ казну!... Что твой отецъ лопнулъ что ли?.. Издохъ съ голода онъ, что ли...

— Не говори такихъ словъ; я тебѣ говорю не говори такихъ словъ, возражалъ я, уже выходя изъ себя.

— Не кричи!... говорилъ Гуссейвъ одному...

— Молчи... Тихе! говорилъ я другому...

Но селяне не слушались и почти съ угрозами наступали на меня и на жандармовъ.

Я былъ въ негодованіи и въ страшномъ гнѣвѣ!..

— Такъ вы не дадите теперь денегъ... Не дадите?... сказалъ я.

— Не можемъ теперь, отвѣчалъ твердо и сердито одинъ сорокалѣтній суровый мушкетеръ...

Онъ стоялъ прислонясь къ низенькой оградѣ и скрестя руки на груди гордо смотрѣлъ на насъ... Лицомъ онъ былъ широко и мужественъ и немного похожъ на Герцеговинца Луку Вукаловича, котораго карточки ходили у насъ по городу. Настоящее же его имя было Илья.

Безъ жандармовъ я бы не желалъ съ нимъ спорить...

— Не можете? переспросилъ я еще разъ...

Илья сказалъ еще разъ, еще тверже, еще сердитѣе.

— Да, не можемъ...

— Паша васъ посадить въ тюрьму...

— Пускай!... Есть Богъ!

Я утомился, отошелъ съ жандармами въ сторону и спросилъ:

— Гуссейвъ-ага! что мы будемъ дѣлать теперь?... Я васъ прошу постарайтесь, Ага мой добрый!.. Я и вамъ и Изетъ-агѣ по одному наполеону дамъ съ великою радостью...

(Я хотѣлъ было обѣщать имъ по одной дирѣ турецкой, но моментально сообразилъ что наполеонъ ходитъ много меньше, а видъ его все также пріятенъ и даже лучше... съ портретомъ императора... Женамъ на серьги и ожерелья годится)...

Тогда Изеть-ага въ первый разъ вмѣшался въ разговоръ и сказалъ.

— Надо ихъ любить, поучить немного...

Гуссейнъ подумалъ, собрался видимо съ духомъ и подобая вдругъ къ двумъ старикамъ слегка толкнулъ ихъ рукой, приговаривая:

— Айда, айда, капитаны... Довольно словъ лустыхъ... Соглашайтесь деньги сейчасъ собрать, или мы свяжемъ старшихъ и отведемъ въ тюрьму...

— И тамъ будутъ мучить васъ, прибавилъ Изеть-ага, обращаясь къ Лукѣ Вукаловичу.

— Мучить можно людей, сказалъ Лука гордо и не смущаясь...

— Айда! айда! сказалъ и ему Гуссейнъ-ага дотрогиваясь до его плеча...

Но этотъ смѣлый человѣкъ дернулъ плечомъ и, отстраняя грубо Гуссейна рукой, воскликнулъ:

— Чтѣ жь! э! вяжите! ведите въ тюрьму!. Пытайте!.. Яйца горячія подъ мышки кладите!.. Уголья горячіе на голову кладите... Мы собаки... дѣло старое...

Но Изеть-ага въ эту минуту кинулся на него и началъ бить его кулакомъ въ лицо.

Гуссейнъ обнажилъ саблю и кинулся тоже къ нему.

Кровь потекла у Ильи изъ носа и зубовъ по большимъ усамъ его.

Старики кинулись между Ильей и Изетомъ, умоляя Илью не поднимать рукъ на *царскаго челоуька*, не защищаться, и Изеть-агу, умоляя смиренно простить и оставить его.

— Не бей, не бей... не бей, ага нашъ, не бей, говорили старики.—Оставь его—мы соберемъ деньги... сейчасъ...

— Скорѣй! Сейчасъ! закричалъ сердитый Изеть, который вмѣшался поздно, но кончилъ все скорѣе мрачнаго, но, видно, болѣе добраго и осторожнаго Гуссейна.

Я былъ и смущень, и радъ, и испугавъ.

Толпа расходилась; Илья уходилъ тоже, молча и вытирая кровь съ лица и съ колючей небритой бороды своей. Изеть-ага смѣялся.

Гуссейнъ молчалъ и крутилъ себѣ сигарку.

— Кончилось; теперь соберуть, сказалъ онъ садясь на камень около церкви.

— Нѣтъ, сказалъ Изеть-ага.—Я пойду поторолаю ихъ...

Чтобъ они насъ до ночи не промучили здѣсь... Люди они очень хитрые.

Мнѣ кажется что Турки боялись немного чтобы христіане, одумавшись и собравшись съ духомъ, не вернулись и не произвели сгорача сами какого-нибудь насилія надъ нами.

Онъ ушелъ; и мы съ Гуссейномъ не слишкомъ долго ждали. Я рѣшилась, подумавъ, спросить у Гуссейна:

— Не отомстили бы они мнѣ за это?

— Не бойся, сказалъ Гуссейнъ такъ твердо и равнодушно что и мнѣ въ душу вошелъ успокоеніе.

Около вечерень старшины возвратились и отсчитали мнѣ тутъ же на церковной лавертѣ ровно сто двадцать золотыхъ.

Руки и ноги мои дрожали отъ радости, не отъ корыстной радости (ибо я зналъ же что завтра отправлю все это золото на Босфоръ), но отъ тщеславнаго восторга, отъ яснаго представленія отцовскихъ похвалъ и отцовскаго удовольствія.

Илья не пришелъ съ другими.

Ударили въ било къ вечернѣ когда мы сѣли на нашихъ коней и выѣхали изъ Джаммады въ Загоры съ триумфомъ.

Я безпрестанно схватывалъ рукой за боковой карманъ мой на груди въ трепетъ за деньги которыя такимъ тяжелымъ узломъ затянута въ носовой платокъ и обременяли, и восхищали меня въ одно и то же время.

— Да, мой другъ, мы выѣхали изъ этого села въ ту минуту когда ударили въ било и когда священникъ собирался читать въ церкви тотъ самый девятый часъ въ которомъ зываютъ люди: „Иже въ девятый часъ насъ ради плотию смерть вкусивый, умертви плоти нашей мудрованіе...“

Мы ѣхали лодъ гору по узкой и ровной дорогѣ. Съ одной стороны, около насъ крутою стѣной поднималась гора вся въ кустахъ, вся въ деревьяхъ, въ свѣтло-зеленой мелкой травочкѣ; по другую руку, въ глубокомъ оврагѣ, чрезъ который былъ перекинутъ каменный полуразрушенный мостикъ на небольшой аркѣ, съ шумомъ бѣжалъ по большимъ камнямъ прохладный и чистый ручей. Нѣсколько разъ до тѣхъ поръ пока мы слустились и перѣехали осторожно мостъ село исчезало за поворотами дороги и снова показывалось.

И каждый разъ когда я снова видѣлъ въ зелени его хижины и крыши покрытыя плитками мѣловаго почеркѣвшаго отъ ветхости камня, мнѣ становилось не стыдно (нѣтъ! я говорю что я считалъ себя тогда правымъ по моимъ торговымъ

понятіямъ), мнѣ стало только страшно и жалко когда я видѣлъ опять мысленными очами моими хозяйку у которой мы съѣли двухъ куръ... священника въ короткой одеждѣ и пальварахъ, который возглашаетъ теперь: „Иже въ девятый часъ насъ ради плотию смерть вкусивый...“ Илью, который утираетъ рукой струи крови бѣжавшей по его суровымъ усамъ и по бородѣ давно небритой... и всѣхъ этихъ бѣдныхъ соотчичей своихъ...

Но когда я думалъ объ этомъ Ильѣ, о его страшномъ лицѣ, похожемъ на лицо грознаго герцоговизскаго воеводы, я чувствовалъ еще больше боязни чѣмъ жалости...

Я былъ очень радъ когда село совсѣмъ скрылось изъ вида и когда Изеть-ага сказалъ:

— Подъемте поскорѣе. До хана еще четыре часа; надо до *абиша* * послѣтъ. А завтра будемъ у тебя въ домикѣ, Одиссей, въ Загорахъ. Айда! Айда!

— Пои лѣсни, сказалъ ему Гуссейнъ.

Изеть заплѣлъ пронзительнымъ голосомъ и мы весело и виходяю побѣждали по мелкому камню.

— Айда... айда... а!.. прерывая лѣсню свою, возбуждалъ насъ Изеть.

Мы смѣялись и ѣхали еще шибче.

Мы смѣялись и лѣли. И звукъ мелкихъ камешковъ пересылавшихся подъ копытами коней нашихъ веселилъ насъ... Ахъ! а въ селѣ... въ селѣ этомъ люди, конечно, несравненно болѣе достойные и уваженія, и счастья чѣмъ я, мальчишка, и чѣмъ эти Турки, сообщники мои,—эти люди, быть-можетъ, теперь вздыхали или молились, или плакали... Или проклинали и меня, и отца, и начальство турецкое, которое всегда готово защитить того у кого больше денегъ, или больше силы въ городѣ, больше связей въ консульствахъ, больше *голоса* въ конакѣ губернатора.

Будь покоемъ, такіа распри между христианами—праздникъ для хитрыхъ и опытныхъ турецкихъ чиновниковъ. Или, лучше сказать, самый простой и не умный изъ нихъ по природѣ своей въ подобныхъ дѣлахъ становится ловокъ и догадливъ.

И паша, и Сабри-бей уже однимъ нагиетомъ вѣкиимъ, вѣроятно, поняли что „пусть старый Полихроніадесъ платитъ намъ деньги за то чтобы сельскіе Греки говорили потомъ: Вотъ какъ жестоко тѣснить насъ проклятый драгоманъ русскаго консульства!..“

* Ночь.

А между тѣмъ все въ порядкѣ.

Должны же люди когда-нибудь и платить по своимъ распискамъ.

Кто правъ? скажи мнѣ? Кто не правъ... Мнѣ стыдно было описывать тебѣ этотъ подвигъ мой. Но, разъ дано общее *положеніе* дѣла въ этой порабощенной странѣ, скажи мнѣ, объясни, вразуми... Что мнѣ было дѣлать... И не слѣши, ты вольный сынъ свободной Греціи, не слѣши казнить презрѣніемъ твоимъ или ненавистью юношу воспитаннаго тѣмъ духомъ коммерческой, дѣловой настойчивости, безъ котораго христіанамъ невозможно было бы дышать тамъ гдѣ для насъ, кромѣ лѣстаицы мощеной золотомъ, невозможно ивой путь ни къ почету, ни къ независимости, ни даже къ самымъ простымъ правамъ гражданина и человѣка.

Не слѣши ненавидѣть! Не слѣши презирать мою трудовую и трудную юность, ты, аѳинскій дѣятель мой, ты мой деиствъ и демагогъ во фракѣ и тонкомъ бѣльѣ!...

Разцвѣтало и въ моей юности много розъ, и душистыхъ лилій весеннихъ въ ней было не мало, но перевиты были эти розы такими крупными терніями нужды, принужденій и заботъ! благоуханіе этихъ бѣлыхъ кривовъ таило нерѣдко въ себѣ такой жесточайшій ядъ страха и раскаянія, унынія, огорченія и окуки!..

Мы подѣзжали уже къ хаву гдѣ должны были ночевать, когда вдругъ услышали за собой быстрый стукъ подковъ по камнямъ и увидали что насъ нагоняетъ *сувари* * и за нимъ крупною и смѣлою шваходью спускается съ горы незнакомый намъ Европеецъ... Они мигомъ нагнали и обогнали насъ... Суварі сказалъ: „Добрый часъ вамъ!“ И Европеецъ воскликнулъ тоже: „Добрый часъ! Добрый часъ!“

Онъ былъ не старъ и собой пріятель, съ круглою и короткою рыжею бородой. Сидѣлъ на лошади прекрасно и свободно; платье на немъ было модное, короткое, легкое не по времени, какъ у человѣка который не боится весенняго холода. Салюги высокіе со шлорами изъ лакированной кожи были въ грязи. На головѣ была у него низкая и круглая шляпа изъ твердаго чернаго войлока какія только-что начинали тогда носить.

Привѣтствуя насъ весело, онъ приложилъ къ полямъ шляпы длинный бичъ свой намотанный на красивую рукоятку.

* Ковный жандармъ.

— Кто это? крикнулъ, не стѣсняясь, тому сувару воссаѣдъ нашъ Гуссейвъ.

Но Евролеецъ, не давъ времени отвѣтить, самъ обратился къ намъ весело и съ улыбкой закричалъ, поднимая прямо къ верху бичъ: „Биръ Инглеэзъ! Айда! Добрый часъ!“ И они скрылись быстро со стукомъ и молодецкимъ звономъ подковъ за поворотомъ дороги къ Яминъ, чрезъ небольшое ущелье...

Это былъ новый англійскій консулъ который вѣхалъ въ Ямину на смѣну оригинальному старику Корбетъ де-Леси...

III.

Хочу я изобразить тебѣ, мой молодой другъ, прїѣздъ мой на родину въ Загоры... Хочу и колеблюсь не отъ бѣдности, а отъ полноты моихъ чувствъ! Я два раза садился за эту тетрадь и два раза оставалъ ее. Мнѣ казалось невозможнымъ заставить тебя почувствовать то что я тогда чувствовалъ самъ... А иначе зачѣмъ писать если я не въ силахъ заставить тебя пролить слезу радости и вздохнуть съ тою глубиной и сладостью съ которою вздыхаетъ смертный человѣкъ, „пришлецъ и пресельникъ“ этой земли, въ тѣ рѣдкія и драгоценныя минуты когда душа его полна невиннымъ, кроткимъ и мгновеннымъ счастьемъ...

Я хочу чтобы ты не только помнилъ, а хочу чтобы ты помнилъ и любилъ, я хочу чтобы ты видѣлъ все умственными очами издали такъ же ясно и картинно, какъ я вижу и теперь все это прошлое!

Я желаю чтобы ты помнилъ безпрестанно, какъ помню я, что село Джудѣла стоитъ на правой рукѣ въ сторону когда ѣдешь къ намъ во Франгдесъ, что высокіе обалуски его топей видны издали; хочу чтобы ты помнилъ не меньше моего что въ этомъ селѣ Джудѣла окно какого-то домика посылаю мнѣ прощальный свѣтъ, блистая на равнѣмъ закатѣ, когда около года тому назадъ мы ложидали съ отцомъ родные Загоры...

Я хочу чтобы ты не забывалъ ни на мигъ ту для меня столь милую подробность что крыши домовъ въ Загорахъ не изъ красныхъ черепицъ съ полосками бѣлаго цемента, а всѣ изъ плитокъ мѣловаго камня, бѣлаго и чистаго когда онѣ новыя; я хотѣлъ бы чтобы ты могъ вообразить себѣ хоть

сколько-нибудь отлогіа, округленныя высоты вокругъ „пустынного Франгадеса“... И колокольню нашу, огромную пестугольную изъ темнаго камня башню, на которой, безъ страха Турокъ, звонять колокола... И плавань у церкви съ необычною стѣною, съ величавымъ шелестомъ, съ журчаніемъ прозрачнаго и холоднаго ключа у могучихъ корней ея. И церковь нашу, безъ купола, правда, безъ главы, безъ вѣшнихъ украшеній, но обширную, богатую, пеструю и сіяющую лозолотой внутри и пурпуровую краской деревяннаго, рѣзнаго потолка...

Я бы желалъ даже чтобы ты могъ изъ Аеивъ видѣть какъ я вижу отсюда съ Дуваа, какими именно узорами идутъ за селомъ узкія тропочки, протолтанныя пастухами и козами по мягкому, желтому склону безлѣсной горы. И этихъ козъ и черныхъ козлятокъ ихъ, взлетающихъ, играя, на вѣтки деревьевъ... И дубки, *прумари*, съ колючими листьями и крупными жолудами, которые растутъ на крошечномъ холмикѣ позади села, около пустыннаго маленькаго лараклиса * Божіей Матери *Широчайшей небесъ*, возобновленнаго и украшеннаго благочестивымъ и добрымъ отцомъ моимъ на трудовыя деньги. Я бы желалъ даже чтобы ты зналъ который *прумари* побольше и который поменьше. (Я вѣдь помню даже сколько ихъ и какого цвѣта мохъ на нихъ и едѣ она именно.) Но развѣ это возможно? Развѣ можно тебѣ по словамъ моимъ вообразить эту картину во всей ея полнотѣ, отъ сіяющаго лазурнаго весеннаго неба, до розоваго, милаго цвѣточка, который только-что смиренно разцвѣлъ, неагладный мой загорскій цвѣточекъ, у старой каменной стѣнки въ углу!...

Нѣтъ! Передать перомъ и словомъ подобную картину живущую въ бездонныхъ, непостижимыхъ вѣдрахъ души не можетъ человѣкъ человѣку. Ты легче поймешь со всею силой симпатіи глубокія и священныя чувства мои чѣмъ вообразишь себѣ именно тѣ самые предметы при видѣ которыхъ кипѣли въ юномъ сердцѣ моемъ эти чувства.

И черныя глаза Зельхи, и Благовъ, и лапа, и роскошный консульскій домъ, и архонты, и Турки, и лочести, карьера, деньги, и лукавство, и грѣхи мои, и безумства Коевино, и

* Особый придѣлъ; маленькая церковь за селомъ чѣмъ за городомъ, въ которой служатъ рѣдко, только въ опредѣленные дни.

дурныя правила пріятнаго Бранковича, и окровавленное лицо мужественнаго Илья, и кроткій, умиротворяющій призывъ церковный: „Иже въ девятый часъ насъ ради платио смерть вкусовый“,—все, все это было мною внезапно забыто когда я тихо вступалъ веселымъ этимъ полуднемъ на каменные плиты роднаго двора!

Все, все было забыто...

Я вошелъ: на дворѣ не было видно никого; было такъ тихо что я слышалъ только звонкое журчаніе фонтана за нашимъ домомъ въ переулкѣ.

Мать моя была въ гостяхъ, Елена въ кухнѣ, бабушка Евгенько Стилова и Комстантинъ, севастопольскій воинъ, трудились въ саду.

Я вошелъ въ лустой домъ и отворилъ тихонько дверь въ ту небольшую приемную съ двумя низкими и широкими красными софами по двумъ сторонамъ большаго очага, о которой я писалъ тебѣ еще въ началѣ моей повѣсти.

Я увидалъ эту столь любимую еще въ раннемъ дѣтствѣ моемъ комнату, въ которой я слышалъ столько вечернихъ разказовъ у зажженнаго зимой очага, въ которой я засыпалъ на колынахъ у матери или въ объятьяхъ отца.

Я увидалъ всѣ три окна большія и свѣтлыя, торжественно и празднично озаренныя солнцемъ, и полосы солнца этого на стѣнахъ и диванѣ. Увидалъ въ бѣлой стѣнѣ шкапчикъ съ зелеными и фіолетовыми треугольниками на дверцахъ и услышалъ сильный запахъ прошлогодней айвы, которая рядышкомъ, рядышкомъ стояла вокругъ всей комнаты на зеленой узенькой полочкѣ, изогнутой къ угламъ на двухъ концахъ своихъ по обычаю...

На очагѣ тѣлѣ догорая и чуть всыхивая одивъ огромный обрубокъ лива.

На диванѣ лежалъ забытый матерью чулокъ со спицами. Около чулка черная кошечка съ желтыми глазами и съ обрубленнымъ хвостомъ (которую я оставилъ еще крошечнымъ котенкомъ) проснулась и приподнялась на лапкахъ съ просонья высоко, высоко изгибая спину, и смотрѣла на меня пристально.

Я постоялъ, поглядѣлъ и, вдругъ прилавъ къ каменному краю очага, началъ плакать громко и цѣловать его.

Такъ застала меня служанка Елена, и съ громкимъ крикомъ радости кинулась звать мать и бабушку.

Почти годы!

Ты самъ хоть и моложе меня, но уже давно не безбородый юноша. Поэтому ты знаешь по опыту значеніе *одного года* въ подобный возрастъ жизни нашей...

Это вѣкъ!

И какой годъ? Вспомни!...

Что я видѣлъ съ тѣхъ поръ какъ прощался на послѣднемъ подъемѣ предъ спускомъ въ долину Янины съ тѣмъ *вечернимъ лучомъ* въ окнахъ Загорскаго села?... Что я видѣлъ? Что я слышалъ? Что я чувствовалъ? И сколько сдѣлалъ! Сколькому научился! Какіхъ плодовъ познанія добра и познанія зла вкусилъ я съ тѣхъ поръ въ этой Янинѣ, которая для Благова или Бранковича могла казаться столь же мирною и тихою, и не страшною какъ то озеро у береговъ котораго она такъ красиво построена, а для меня развѣ Янина эта была озеро?... Но не была ли она опаснымъ и глубокимъ „моремъ житейскимъ“ для моихъ еще слабыхъ силъ, для меня, еще столь неопытнаго ловца?...

И если я самъ бы не замѣтилъ что я уже не тотъ Одиссей, не тотъ въ одно и то же время самоувѣренный книжникъ и вовсе невинный отрокъ, Одиссей, который выѣхалъ въ „турецкомъ халатикѣ“ на мулъ изъ этихъ воротъ прошлою осенью, то возгласы другихъ, радость и гордость матери, удивленіе старой Евгенки... и похвалы сосѣдей объяснили бы мнѣ что я *могу быть спокойнъ*, что я во всемъ, во всемъ иду впередъ, какъ сѣдуетъ молодцу и мушкетеру.

Православный я былъ и какой еще!.. Я пріялъ даже мученичество за вѣру въ дѣлѣ Назли!

Образованъ и ученъ я былъ!

Патріотомъ эллинскимъ я разумѣлся былъ... Опять то же дѣло Назли и многія другія дѣла коими ужъ сами ежедневники Эллады перомъ Исаакидеса превозносили мое имя по всему свѣту... Быть-можетъ на берегахъ самой Миссисипи читаетъ съ удовольствіемъ обо мнѣ Грекъ торговецъ, ибо гдѣ только нѣтъ торгующихъ Грековъ!

Но я еще былъ сверхъ того и патріотъ особый, мѣстный, загорскій патріотъ, ибо всѣ отъ Елены скоро узнали что я плакалъ припавъ къ очагу... Сдѣлалъ я это такъ искренно, такъ неожиданно самъ!..

Но если хвалить за это послѣ люди, вѣдь тѣмъ лучше, не правда ли?

Похвала не слаще ли сердцу чѣмъ медь устамъ?

Былъ я и добрый сынъ, почтительный, любящій, покорный. Былъ я еще „лодъ эвгеніс“ въ модномъ платьѣ и перчаткахъ!

Еще я былъ красивъ и собою очень виденъ. Всѣ говорили что я сталъ лучше, гораздо лучше. Высокъ я былъ и уѣзжая, но теперь я сталъ шире, плечистѣе, сильнѣе, толще, жирнѣе, даже и мышцы мои окрѣпли. Это всѣ говорили, и я самъ это если не видѣлъ то чувствовалъ. Еще неизвестно, могъ ли бы такъ легко, какъ полгода тому назадъ, *сейчасъ* повергнуться меня на землю и ползать ногами?

Это вопросъ теперь...

Ходилъ я тверже и прямѣе, вслѣдовавъ осанку моего трона, и мать говорила вѣв себя отъ счастья: „Эфеуди! Совсѣмъ эфеуди сталъ ты теперь.“

Я видѣлъ что молодыя замужнія женщины, встрѣчаясь со мной, уже не смотрѣли на меня такъ смѣло и беззаботно, какъ прежде, а лицемѣрно потупляли по добродѣтели своей очи... и потомъ вдругъ сверкала въ этихъ добродѣтельныхъ очахъ лучъ похвальной любознательности.

О! я видѣлъ это и какъ будто не видалъ. Дѣвушки уже прятались отъ меня, прыгая стремительно назадъ съ серьезнымъ и невинно-жалобнымъ видомъ если случайно встрѣчались со мной при входѣ въ чужой и дружескій домъ!

Вотъ я что былъ *теперь*! Вотъ я что сталъ за этотъ годъ!

Воинкомъ я правда не былъ... Да! воинкомъ меня никто не считалъ. Но за то я былъ вѣчто иное, вѣчто такое что важнѣе всего. Я былъ *кунецъ*, искусный и твердый *эморосъ*, въ два дня добылъ для старѣющаго отца деньги, которыхъ вѣсколько лѣтъ не могъ выручить самъ этотъ отецъ; пріѣхалъ, вынулъ и взялъ и, вынувъ тяжелый узелъ изъ кармана, бросилъ его небрежно на столъ предъ матерью, говоря равнодушно:

— Матерь моя! Вотъ деньги родителя. Это изъ села Джаммандъ!

И прочь отошелъ отъ стола, заложивъ руки совсѣмъ по-европейски въ карманы узкихъ панталонъ.

Пріятель неожиданннй звонъ благороднаго металла упавшаго на столъ! И счастливой матери остается только сказать, всплеснувъ руками съ умилениемъ:

— Живи мой сынъ! Живи мой сынъ! Ты уже столбъ для семьи и дому хозяинъ истинный! Живи мой сынъ.

Да! я и намѣренъ теперь жить и наслаждаться жизнью, ибо у меня *все уже почти есть* и все почти уже я дѣлать умѣю!

Еще лѣтъ пять, еще пять-шесть лѣтъ, и я не такой домъ воздвигну въ Загорахъ нашихъ, а немногимъ развѣ хуже ко-нака Шерифъ - бей, съ рѣзными и лѣпыми украшеніями потолка и стѣнъ.

Живи, Одиссей, конечно живи!.. И *куропатки* замужнія вездѣ ходятъ тихонько, выглядывая, ожидая тебя, лтицелова, и *сепчечки* разубранныя и дѣвственныя, повсюду припасенныя для тебя, молодца, въ тиши православныхъ *гинекеевъ*, смиренно ждутъ чтобы ты принялъ и возжегъ въ нихъ во время благопотребное предъ алтаремъ церковнымъ пламя и честное, и законное!..

Не скажетъ теперь Несторида что я только скромный учитель. Онъ скажетъ: „Нѣтъ, я ошибся! Одиссей купецъ; онъ *ялпоръ*. Онъ можетъ стать скоро богатымъ архонтомъ не только въ селахъ Загорскихъ или въ достославной Иоанни-нѣ, но во всякомъ градѣ и странѣ, и христіанскою, и му-сульманскою вѣрой живущихъ!“

Такъ ликовалъ я, не зная что мнѣ придется скоро олятъ раскаиваться... И какъ глубоко, какъ постыдно!..

К. ЛЕОНТЬЕВЪ.

ЗЛОЙ ДУХЪ *

Р О М А Н Ъ

XXIV.

Солнце заходило на взморьѣ, и прозрачныя тѣни, какія бывають только въ весеннія петербургскія сумерки, колебались во влажной густиѣ аллеи. Не смотря на безоблачное небо въ воздухѣ было такъ сыро что скамейки стояли мокрыя и даже экипажи, пробывъ тутъ четверть часа, казались облитыми водою.

— Право простудишься; видишь сырость какая! говорила Марья Ивановна дочери, заботливо оправляя на ней souvriers.

— Нѣтъ, мама, отвѣчала Лариса, которой кажется не хотѣлось нарушить свое спокойное положеніе и покинуть это мѣсто, гдѣ ей такъ нравилось оставаться неподвижною посреди непрерывно движущейся толлы.

— Все нѣтъ да нѣтъ, а вдругъ заболѣешь, продолжала Марья Ивановна.

— Когда же я болѣла? возразила Лариса.

Марья Ивановна взглянула на нее съ изумленіемъ.

— А прошлую весной? напомнила она.

* См. *Русск. Вѣст.* 1881, №№ 4, 5, 7, 9, 10, 11 и 1882, №№ 1, 2, 3, 6 и 7й.

— Ну, тогда... я разстроена была, отвѣтила Лариса.—Но вѣдь докторъ*сказалъ уже что я совсѣмъ оправилась. И мнѣ кажется что я никогда еще не была такъ здорова какъ теперь. Я точно деревянная какая-то стала.

И на ея губахъ чуть обозначилась промическая улыбка.

— Ну и слава Богу, отозвалась Марья Ивановна, но такимъ тономъ какъ будто она не довѣряла дочери или предполагала невысказанный и нехорошій смыслъ въ ея словахъ.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, продолжала Лариса;—прежде я нервная была, а теперь даже скучать перестала. Мнѣ совсѣмъ не бываетъ скучно, хотя бы я цѣлый день на одномъ мѣстѣ просидѣла. Это значитъ что я совсѣмъ здорова. Да еще бы! вы замѣтили сколько я теперь ѣмъ?

— Развѣ много?

— До неприличія. За обѣдомъ сегодня всѣ кушанья ѣла, а теперь... Мама, вы не знаете что будетъ къ чаю? Тамъ у моста я видѣла Чуховецъ съ выборгскими крекделами. Я ужасно люблю выборгскіе крекдели. Купимъ, мама?

— Что ты, народу сколько, знакомыхъ! усомнилась Марья Ивановна.

— Ничего, что жь такое? У него настояціе, теплые еще. Ахъ какъ они вкусно ихъ дѣлаютъ! воскликнула Лариса и взглянула на мать такимъ заинтересованнымъ взглядомъ что въ значеніи для нея выборгскихъ крекделей невозможно было сомнѣваться.

— Ну купимъ пожалуй, только когда стемнѣетъ немножко, согласилась Марья Ивановна.

И вдругъ, подъ вліяніемъ какой-то безотчетной печали, слабо сжавшей ея робкое сердце, она вздохнула незамѣтно и промолвила:

— Христось тебя знаетъ, Лара...

— Что такое, мама? удивилась дѣвушка.

— Да какъ же, никогда прежде вниманія на ѣду не обращала, а теперь все объ ѣдѣ да объ ѣдѣ. Отчего вдругъ?

Лариса разсмѣялась.

— Поздоровѣла, старше стала, аплетить прибавился, отвѣтила она.

— Аплетить... будто я не понимаю. Это у тебя новое олять, продолжала Марья Ивановна.—Материалисткою хочешь сдѣлаться.

Дѣвушка продолжала смѣяться, но уже не такъ весело.

— Когда вы, мама, перестанете докапываться, отчего да что это значить? Вѣдь вы себя только терзаете этимъ. Вотъ я очень рада когда мнѣ вѣсть хочется: этому такъ легко удовлетворить.

— А въ мысляхъ-то у тебя что?

— А въ мысляхъ... что такъ лучше, проще. Даже и мысль какъ будто меньше является. Проза, мама.

— То-то проза, станешь ты прозой жить!

— Стану, право стану! подтвердила Лариса и наклонившись впередъ, ласково отвѣтила на поклонъ генерала Беклищевъ, который, верхомъ на красивой вороной лошади, подъѣхалъ въ эту минуту къ ихъ экипажу.

— Сколько сегодня народу! Вечеръ очень хорошъ, сказалъ онъ, слегка нагибаясь въ сѣдлѣ и щекоча шпорой лошадь чтобы заставить ее немножко поиграть подъ мундштукомъ.

Лошадь, выѣзженная подъ дамское сѣдло и необычайно смиренная, только наклонила голову, воровя лизнуть ему кофѣно.

— Какая хорошенькая! похвалила Лариса.

— Да, я держу ее для прогулокъ въ городѣ, такъ какъ она очень послушная. Въ городѣ неприятно если лошадь горячая, надо все время слѣдить за ней, объяснилъ Беклищевъ, какъ бы находя нужнымъ оправдаться. — А вы не любите верховой ѣзды?

— Я ѣздила въ деревнѣ, отвѣтила Лариса.

Беклищевъ тотчасъ нашелъ что въ деревнѣ ѣздить гораздо пріятнѣе и прибавилъ что еслибы не служба, то непременно большую часть года проводилъ бы въ деревнѣ.

— Но у меня въ Новоселкахъ усадьба уже сколько лѣтъ необитаема, и я не рѣшаюсь поѣхать туда одинъ, прибавилъ онъ. — Деревня имѣетъ пріятность только при семейной обстановкѣ, иначе скучно. Вы лѣтомъ не собираетесь въ ваше имѣнье?

— Мы свое имѣнье продали, объяснила съ незамѣтнымъ вздохомъ Марья Ивановна.

— Какъ, вы рѣшились продать? удивился Беклищевъ, испугавшись что можетъ-быть онъ совсѣмъ неудачно обнаружилъ свои деревенскіе вкусы. — Но почему же? Что васъ побудило?

— Намъ тамошнія мѣста наскучили, отвѣтила Марья Ивановна.

Беклищевъ сдѣлалъ незамѣтный переходъ къ неудобствамъ деревенской жизни и къ преимуществамъ города и заграницы.

— Я теперь ищу чего-нибудь подходящаго въ приволажскихъ губерніяхъ, заявила Марья Ивановна.

Беклицевъ олять вышелъ на другую дорогу и выразилъ мнѣніе что если даже жить въ Петербургѣ, то все-таки пріятно имѣть благоустроенную деревню въ которую можно бы поѣхать когда наскучатъ дачи и заграничныя курорты. Затѣмъ онъ объяснилъ что для него лично теперь было бы слишкомъ рано бросать карьеру, на которую онъ ни въ какомъ отношеніи не имѣетъ права пожаловаться.

— Да, Петербургъ насъ ужасно затягиваетъ: когда дадутъ эти эполеты и шифры, когда чувствуешь себя на виду, на открытой гладкой дорогѣ, поневолѣ развивается маленькое честолюбіе, сказалъ онъ улыбаясь своимъ молодымъ лицомъ и слегка встряхивая плечами. Мы всё немножко обожаемъ Петербургъ, и это очень естественно со стороны тѣхъ къ кому онъ такъ благосклоненъ.

Онъ говорилъ мнѣ, очевидно намекая на цѣлый кругъ такихъ же какъ и онъ генераловъ, быстро и гладко совершающихъ свою отъ рожденія предопредѣленную карьеру.

— Но гдѣ вы предполагаете провести лѣто? спросилъ онъ какъ бы со внезапнымъ безлокойствомъ.

— Гдѣ-нибудь на дачѣ, отвѣтила Лариса.

— Но это прекрасно! воскликнулъ Беклицевъ;—на петербургскихъ дачахъ, увѣряю васъ, живетъ вовсе не такъ душно какъ обыкновенно говорятъ. Тѣмъ болѣе что вы уже цѣлый годъ провели за границей. Мы, Русскіе, вообще склонны осуждать свое, а между тѣмъ никто не умѣетъ такъ пріятно жить какъ мы. Но гдѣ же именно? въ Петергофѣ? въ Царскомъ? по Финляндской дорогѣ?

— Я бы хотѣла на островахъ; а влюблена въ Неву, сказала Лариса.—Правда, мама?

— Ужъ я и не знаю; развѣ хорошая очень дача попадется, отвѣтила Марья Ивановна.

Беклицевъ тотчасъ предложилъ свои услуги собрать свѣдѣнія и поискать именно такую дачу которая должна имъ понравиться. Марья Ивановна очень благодарила его. Беклицевъ, покачиваясь съ нѣкоторою кокетливостью на сѣдлѣ, распространился объ отличительныхъ особенностяхъ петербургскихъ окрестностей, объясняя съ большимъ знаніемъ дѣла какой кругъ гдѣ преобладаетъ и при какихъ условіяхъ лучше жить въ Петергофѣ или въ Царскомъ чѣмъ въ

Павловскѣ. Лариса слушала равнодушно и наконецъ совсѣмъ перестала слушать: въ подвигающейся имъ навстрѣчу толпѣ она узнала Зимовьева, который, поглядывая по сторонамъ, шелъ боковою аллеей съ княземъ Павломъ Платоновичемъ.

Едва приметная блѣдность набѣжала на лицо Ларисы, губы ея сжались съ выраженіемъ внезапной боли, глаза стали какіе-то глубокіе, скрытые. Но это впечатлѣніе dauлось лишь нѣсколько мгновеній, и когда взглядъ Зимовьева случайно встрѣтился съ ея взглядомъ, на лицѣ ея уже лежало прежнее равнодушно-привѣтливое спокойствіе.

Глѣба Дмитріевичъ тоже смутился. Онъ невольно взялъ Павла Платоновича за руку, какъ бы спрашивая его совѣта. Князь, оглянувшись на него, подошелъ прямо къ экипажу.

— Вы навѣрное не ожидали встрѣтить Глѣба Дмитріевича, сказалъ онъ.

На лицѣ Марьи Ивановны явилась растерянная улыбка. Она лично очень обрадовалась Зимовьеву, но не знала какъ пріѣхать эту встрѣчу дочь.

Лариса спокойно подала руку.

— Я дѣйствительно не знала что вы въ Петербургѣ, сказала она.

— Только что пріѣхалъ и не надолго, отвѣтилъ Глѣба Дмитріевичъ, сопровождая свой поклонъ глубоко благодарнымъ взглядомъ.

Бекляшевъ сдѣлалъ было движеніе чтобы проститься, но эта встрѣча Ларисы съ человѣкомъ котораго считали самымъ серьезнымъ претендентомъ на ея руку крайне интересовала его. Онъ поздоровался съ Зимовьевымъ и привалясь олять щекотать плорой лошадь чтобы дать себѣ занятіе.

— Мы съ нимъ изучаемъ „новыя вѣанія“, сказалъ Павелъ Платоновичъ, улыбаясь и оглядываясь на Зимовьева.— Кстати, поздравьте меня съ отставкой, прибавилъ онъ.

— Какъ? отчего? удивилась Марья Ивановна.

— Оттого что новое вино не влиивается въ такіе старые бурдюки какъ я, отвѣтилъ князь;— слышномъ скоро прокисло бы... Но тѣмъ лучше: когда происходитъ что-нибудь любопытное, я предпочитаю положеніе посторонняго зрителя.

— Ахъ какъ вы правы! сказала Лариса и невольно взглянула на Зимовьева.

Глѣбу Дмитріевичу показалось что онъ повялъ этотъ взглядъ.

— Это философія большого жизненнаго опыта, сказалъ онъ.

— Тотъ который иногда приобретаетъ въ очень короткое время, добавила Лариса.

И ей въ ту же минуту досадно стало за обмѣнъ этихъ фразъ, которыми какъ бы возстановилась повятная имъ обоимъ связь съ прошедшимъ.

— Политика все также занимаетъ и волнуетъ васъ? обратилась она къ Зимовьеву, и ея голосъ получалъ прежній тонъ безразличія.

— Насколько она можетъ волновать посторонняго зрителя, отвѣтилъ Глѣбъ Дмитріевичъ.

— Какъ, и вы тоже предпочитаете положеніе посторонняго зрителя? спросила Лариса.

— Въ настоящее время и при настоящихъ условіяхъ что же я могу еще дѣлать какъ не смотрѣть? Я даже нахожу что и смотрѣть-то лучше издали чѣмъ вблизи, сказалъ Глѣбъ Дмитріевичъ.

— Но я не понимаю, почему? вмѣшался Беклищевъ.— Теперь, напротивъ, у насъ все очень оживилось, такъ много новаго дѣла, а способныхъ людей такъ мало. Мнѣ кажется что теперь-то именно и не сдѣдуетъ оставаться сложа руки, въ особенности такому серьезному человѣку какъ monsieur Зимовьевъ.

Глѣбъ Дмитріевичъ настолько привыкъ къ политической наивности русскихъ людей что даже не удивился и ничего не сказалъ.

— Время-то теперь вовсе не серьезное, отвѣтилъ за него Павелъ Платоновичъ.

Беклищевъ посмотрѣлъ на веро въ раздумьѣ.

— Да, разумѣется, у насъ все дѣлается какъ-то нерѣшительно, сегодня такъ, а завтра иначе... сказалъ онъ, смутно догадываясь что мнѣнія Зимовьева и князя въ чемъ-то не сходились съ его совершенно довольнымъ отношеніемъ къ перебивкамъ которыя всѣмъ такъ нравились.

Находя что онъ уже слишкомъ долго стоитъ тутъ со своею лошадыю, онъ простился и отъѣхалъ крулымъ шагомъ.

„Князь потерялъ мѣсто—неудивительно что онъ брѣзжитъ, но страшно что такой человѣкъ какъ Зимовьевъ совсѣмъ не умѣетъ ничего достигнуть. Еслибъ онъ зналъ какъ искать, я увѣренъ что его могли бы сдѣлать по крайней мѣрѣ вице-губернаторомъ“, думалъ молодой генералъ, въ пріятномъ сознаніи что самъ онъ умѣетъ не только искать, но даже сдѣлать такъ чтобъ его искали.

„А эта Лариса мнѣ кажется очень хитрая и тонкая дѣвушка“, добавилъ онъ мысленно, отвоя такое заключеніе къ своему обманутому ожиданію. „Я нарочно остался посматрѣть какъ она встрѣтится съ Зимовьевымъ, но ничего не узналъ и не могъ понять. Но тѣмъ лучше, я люблю женщинъ у которыхъ ничего не узнаешь.“

XXV.

Зимовьевъ въ свою очередь хотѣлъ проститься, но Лариса предупредила его.

— Маша, развѣ мы не сойдемъ пробѣчь немножко? такъ скучно сидѣть въ экипажѣ, предложила она.

Павелъ Платоновичъ подалъ руку Марьѣ Ивановѣ. Лариса и Зимовьевъ пошли впереди.

— Вы прежде не любилъ неопредѣленныхъ положеній; я думаю вы не измѣнились въ этомъ отношеніи? поставила она ему прямо вопросъ.

— Я вообще мало перемѣняюсь, отвѣтилъ Зимовьевъ.

— И потому-то я увѣрена что вы не найдете лишнимъ маленькое объясненіе между нами, продолжала Лариса.—Мы встрѣтились здѣсь случайно, и мнѣ показалось что вы рѣшились подойти къ намъ только потому что были застигнуты врасплохъ.

— Я сомнѣвался чтобы вы рады были видѣть меня, сказалъ Зимовьевъ.

— А мнѣ хочется чтобы вы убѣдились что намъ нѣтъ никакой надобности избѣгать другъ друга, возразила Лариса.

— Я безконечно благодаренъ вамъ за великодушную любезность съ какою вы меня встрѣтили, сказалъ Габъ Дмитріевичъ.

— Тутъ не было великодушія, и вамъ не за что быть благодарнымъ мнѣ, отвѣтила Лариса.—Я дорожу друзьями, у меня ихъ не много, и между ними вы тотъ къ которому я всегда питала наибольшее уваженіе. Если у васъ нѣтъ никакого злого чувства ко мнѣ, я бы хотѣла сохранить вашу дружбу. Люди даютъ другъ другу много горя, много боли; и такъ рѣдко встрѣчается возможность уважать того кто.. заставляетъ страдать. Подумайте о томъ что я хочу сказать.

— Я могу думать только о томъ какъ я мало заслуживаю этой пощады, сказалъ въ смущеніи Зимовьевъ.

Лариса взглянула на него, печально улыбаясь.

— Мнѣ тоже это казалось несмысленнымъ, невѣроятнымъ, продолжала она.— Не думайте чтобъ я такъ легко пришла къ этому. Я васъ ненавидѣла, да. Мнѣ представлялось невозможнымъ видѣть васъ, говорить съ вами. Я пугалась даже мысли вернуться когда-нибудь въ тѣ мѣста гдѣ вы заставили меня въ первый разъ почувствовать что-то злое въ моей судьбѣ. Но этотъ годъ тянулся такъ долго, мнѣ было такъ грустно и скучно... Вы не думаете что скука бываетъ полезна? Мнѣ кажется что иногда бываетъ. Иногда полезно почувствовать пустоту вокругъ себя и въ себѣ; это даетъ спокойствіе, равновѣсіе, приближаетъ къ той точкѣ зрѣнія съ какой всё смотреть на нѣкоторыя вещи. И знаете какого результата я достигла? Я пришла къ заключенію что мы не умѣемъ жить. Мы, то-есть всѣ тѣ кто чего-то ищеть и чѣмъ-то волнуется, кто не дошелъ до обыкновеннаго, общаго взгляда на всѣхъ и на все.

— Безполезное заключеніе, сказалъ Глазбъ Дмитриевичъ.

— Безполезное? повторила съ вопросительнымъ взглядомъ Лариса.

— Развѣ можно нарочно поглупѣть и олошиться? отвѣтилъ другимъ вопросомъ Зимовьевъ.

— А можетъ-быть это значить поумнѣть? возразила Лариса.— И навѣрное тысячу людей скажутъ что это значить поумнѣть. Развѣ вы не вѣрите въ собирательный умъ, не хотите признать что если огромное большинство въ чемъ-нибудь согласно, то стало-быть это что-нибудь не совсѣмъ глупо и не совсѣмъ невѣрно?

— Собирательный умъ почти всегда ни что иное какъ собирательная глупость и лошлость, отвѣтилъ Зимовьевъ;— и я никогда не повѣрю чтобы вы преклонились предъ этою глупостью и лошлостью. Но мнѣ кажется что вы не досказали того о чемъ мы начали говорить. Я хотѣлъ бы знать какимъ образомъ ваше враждебное чувство ко мнѣ уступило мѣсто великодушной пощадѣ и даже, какъ вы сказали, желанію сохранить дружбу... Я такъ дорожу этою неожиданною и незаслуженною лаской что вы простите мнѣ мое любопытство.

Лариса печально улыбнулась.

— Развѣ это не понятно изъ того что я сказала? продолжала она.— Я стала не та какая была раньше—что же прибавить? Вы были неправы предо мною, но можетъ-быть была

права судьба, которая такъ распорядилась всѣми нами. Счастье бываетъ только обыкновенное, и потому только обыкновенные люди бываютъ счастливы; вотъ чего мы всѣ не умѣли понять.

— Вы становитесь фаталисткой, сказалъ Зимовьевъ.

— Нѣтъ, я только вѣрю въ непреодолимую силу этого обыкновеннаго, общаго разума, который всегда торжествуетъ и неизбежно давить презирающихъ его, возразила Лариса.— Скажите, отъ чего-нибудь происходитъ же что всѣ идущие наперекоръ ему никогда не бываютъ счастливы? Не смѣйтесь, тутъ есть какая-то неумолимая логика жизни.

— Логика торжествующей пошлости, сказалъ Зимовьевъ.

— Можетъ-быть, согласилась Лариса;—но если она торжествуетъ, то я слишкомъ слаба чтобы бороться съ нею. Я отказалась.

Глазъ Дмитріевичъ внимательно посмотрѣлъ на нее.

— Вы говорите повидимому серьезно, а между тѣмъ мнѣ не совсѣмъ вѣрится или я не совсѣмъ ловимаю васъ, сказалъ онъ.

По губамъ Ларисы скользнула прежняя равнодушная улыбка.

— Вамъ странно что я становлюсь такая какъ всѣ? продолжала она.— А это такъ обыкновенно. Посмотрите кругомъ: вѣдь всѣ когда-нибудь были лучше чѣмъ стали потомъ. Молодость слишкомъ нѣжна, а нѣжное грубѣетъ. Видите вонъ тамъ, у поворота, голубое перо? Это Анна Всеволодовна; она тоже не такая стала какъ была. А тамъ, еще подальше, Полина Луховецкая. Мнѣ говорили что это была прелестная, изящная, мечтательная дѣвушка; ее звали „гордою“... и вотъ она подъ руку съ человѣкомъ котораго не любитъ. Да, Глазъ Дмитріевичъ, люди мѣняются, рѣдко къ лучшему. Если не всѣхъ жизнь коверкаетъ, то большинство подчиняется по крайней мѣрѣ общему закону— грубѣетъ, становится разсудительнѣе, матеріальнѣе, обыкновеннѣе. А у меня, кромѣ общаго закона, были еще личныя причины.

Лицо Ларисы, по мѣрѣ того какъ она говорила, становилось все печальнѣе. Зимовьевъ слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ, и глаза его глядѣли тоже не весело.

— Да, вотъ эти личныя причины... онѣ всѣмъ неможко портятъ, сказалъ онъ.

Лариса оглянулась: Марья Ивановна съ княземъ сильно отстали отъ нихъ. „Я ему все скажу“, рѣшила она съ тою же печальною усмѣшкой, и оперлась на его руку.

— Для васъ эти причины помятны, вы были слишкомъ близко ко мнѣ поставлены, продолжала она.—Судьба распорядилась такъ что вы всегда стояли на моей дорогѣ. Два раза... я напоминаю объ этомъ спокойно, безъ горечи, какъ о прошедшемъ... Въ первый разъ это была ребяческая мечта, вы были сильнѣе, вамъ не трудно было разрушить ее. Можетъ-быть такъ надо было, но вѣдь нѣкоторая боль всегда остается, Глѣбъ Дмитріевичъ. Я не роптала на васъ, вы это знаете, мы скоро стали ближе другъ къ другу чѣмъ были равьше. Потомъ... Для васъ не очень тяжелъ этотъ разговоръ?

— Говорите, тихо сказалъ Зимовьевъ.

— Вы знаете что было потомъ, продолжала также тихо Лариса;—но вы не поняли, вы привяли за внезапный капризъ, за неосторожность, за неумѣнье защитить себя... и ввалились сами за мою и за свою защиту... Вы ошиблись, то была любовь, хорошая, настоящая, моя первая и единственная любовь.

Голосъ Ларисы дрогнулъ и глаза привяли почти страдающее выраженіе.

— Какъ знать кто изъ насъ ошибался! сказалъ не глядя на нее Зимовьевъ.

Лариса печально повела на него глазами.

— Вамъ кажется что я могу не знать? Полноте, не ищите оправдаться и усложниться, возразила она.—Я не ропщу, не обвиняю, вѣдь я сказала что уже покончила съ тѣмъ... Не думайте чтобъ я обольщала себя. Когда я задаю себѣ печальный вопросъ: что было бы еслибы ваша рука не отяготѣла на моей судьбѣ? я говорю себѣ: не знаю! Еслибъ этого не случилось, еслибъ я могла сдѣлаться женой Жѣдровскаго, можетъ-быть мнѣ пришлось бы въ послѣдствіи дорого искупить свое счастье. Но это все-таки было бы счастье...

И Лариса низко опустила зонтикъ, такъ что кружевная бахрома его совсѣмъ закрыла ей лицо. Зимовьевъ молчалъ. Сердце медленно и туго билось у него въ груди.

— Видите какъ я просто объ этомъ разсуждаю... продолжала съ попыткой улыбнуться Лариса.—Но вѣдь я кончила, дѣйствительно кончила. Не всѣмъ удается любить на этомъ свѣтѣ и не всѣ умѣютъ взять то большое счастье о

которомъ мечтается. Но живутъ и съ маленькимъ счастьемъ, и кажется даже хорошо живутъ. Я тоже хочу такъ жить. Въ концѣ концовъ это простая необходимость. Что было, то не повторится. Бѣдная дорогая тѣнь стоитъ между мною и тѣми кого я еще могла бы любить. И между нами тоже стоитъ эта тѣнь, и оттого я могу такъ свободно говорить съ вами. Вы получили лоскутокъ бумаги на которомъ я годъ тому назадъ написала одно слово: никогда! Это не къ вамъ одному относится, но ко всѣмъ тѣмъ кто лучше другихъ, кто стоитъ любви. Мнѣ нечего имъ дать. Теперь вы поняли почему мы можемъ остаться друзьями?

И Лариса, наклонившись, взглянула прямо въ лицо Зимовьеву спокойными и какъ будто еще мокрыми глазами и протянула ему руку. Онъ въ смущеніи пожалъ эту руку.

— Вы заставляете такъ грустно глядѣть въ эту минуту на наше прошедшее... заговорилъ онъ, но Лариса тотчасъ его перебила.

— Нѣтъ, человѣческая натура ужасно живуча; я многое потеряла, но еще не умерла... продолжала она, и въ голосѣ ея зазвучалъ невеселый, вехорошій смѣхъ.—Вы не хотите повѣрить тому что я говорила объ обыкновенномъ общемъ разумѣ? А я въ него вѣрю. У меня теперь совсѣмъ другой идеалъ, маленькій и удобный. Я люблю спокойствіе, блаженное спокойствіе которое заключается въ томъ чтобы жить какъ всѣ, думать какъ всѣ, любить то что всѣ любятъ. Это такъ хорошо! Я ничего не ищу, или, лучше сказать, ищу обыкновеннаго человѣка, самаго обыкновеннаго, но хорошаго... только хорошаго олять въ самомъ обыкновенномъ смыслѣ... Не очень глупаго, но въ особенности не очень умнаго, мягкаго, смотрящаго на вещи съ самой житейской стороны и дорожащаго не столько своими мнѣніями сколько своими привычками. Вы не можете себя представить какъ удобны такіе люди, какую цѣну они имѣютъ въ дѣйствительной жизни. Вѣдь угождать привычкамъ гораздо легче чѣмъ угождать мнѣніямъ, дорожить своимъ біенaise гораздо умнѣе чѣмъ терзать другъ друга вѣчно требовательными капризами ума или сердца...

— Полноте! сказалъ пожавъ плечами Зимовьевъ; — какъ будто можно нарочно сдѣлаться ничтожествомъ!

— Какой вы неисправимый гордецъ! возразила съ улыбкой Лариса;—вы, какъ изложенный король, хотите скитаться въ толгѣ съ короной на головѣ. Прочтите послѣдній романъ Додэ—очень любопытная книга.

— Берегитесь, эти насилія надъ собою иногда очень дурно кончаются, сказалъ Глѣбъ Дмитріевичъ.—Вы себя не переломаете, но подъ влияніемъ вашихъ телерешныхъ идей можете сдѣлать роковой шагъ... и потомъ нести кару поздняго раскаянія.

— Разочароваться? вы забываете что я именно расположена не очаровывать себя, возразила Лариса.

— Нѣтъ, я оласаюсь гораздо худшаго... новаго очарованія, предъ которымъ вы будете беззащитны съ вашимъ идеаломъ благополучнаго ничтожества, сказалъ Зимовьевъ.

Лариса скептически покачала головой.

— Дважды не бываетъ, возразила она. — Вы забыли засывающую силу душевнаго отдыха, прозы, привычекъ, мелочей?.. Я не буду беззащитна, вы напрасно боитесь.

Оба молча прошли нѣсколько шаговъ.

— Позвольте мнѣ въ свою очередь сдѣлать предсказаніе на вашъ счетъ? заговорила опять Лариса.—Вы кончите тѣмъ же чѣмъ я, только позднѣе, и слѣдовательно дороже заплатите. Вы тоже повѣрите въ преимущества обыкновеннаго, маленькаго счастья, удовольствуетесь любовью той женщины которая можетъ быть вашею рабою, но не вашимъ идеаломъ, ограничитесь мелкими хлопотами и будничными радостями, и только тогда, только тогда станете счастливы...

— Никогда! воскликнулъ Глѣбъ Дмитріевичъ.—Я уже не молодъ и мнѣ поздно чего-нибудь искать и на что-нибудь надеяться; но я никогда не буду счастливъ тѣмъ унизительнымъ счастьемъ которое вы мнѣ такъ безжалостно сулите.

Лариса сложила зонтикъ и улыбнулась.

— Qui vivra—vega, сказала она съ замысловатымъ покачиваньемъ головой.

И оглянувшись, она высвободила руку и присоединилась къ матери.

— Поѣдемъ, мама? сказала она спокойнымъ, прозрачнымъ голосомъ.

— Это за кренделями-то? добродушно напомнила Марья Ивановна.

— За кренделями! подтвердила Лариса засмѣявшись и пошла впередъ къ экипажу.

XXVI.

На скамейкѣ, повернувшись спиной ко взморью, сидѣли Безбѣдый съ женой и Каричъ. Со времени новаго возвышенія своего зата, Каричъ какъ будто еще болѣе съ нимъ сблизился, и хотя самъ Евгенийъ Саввичъ теперь не вступалъ ни въ какія предпріятія, но между ними возобновилась тѣсная связь наломившаяся счастливыми временами компаніи городской ассенизаціи. Дѣла самого Карича, нѣсколько разстроенныя войной, съ которой онъ ничего не умѣлъ сорвать, прозвѣвавъ какимъ-то образомъ первыя минуты, въ настоящее время очень залутывались. Онъ закулился акціями какого-то новаго Восточнаго банка, учрежденнаго въ видахъ посредничества между Европой и Азіей; но такъ какъ необходимость въ такомъ посредничествѣ обнаруживалась въ очень слабой степени, не смотря на счастливую мысль эксплуатировать нѣкоторымъ образомъ славянскую идею, то банкъ занялся ссудами подъ петербургскіе дома, что сразу расширило его обороты. Ссуды выдавались въ размѣрѣ значительно большемъ противъ другихъ банковъ, и это тотчасъ привлекло заемщиковъ и подняло дивидендъ; народилась даже совершенно новая спекуляція—перезакладки уже заложенныхъ домовъ въ Восточномъ банкѣ, съ полученіемъ дополнительной ссуды. Въ концѣ концовъ этому полезному учрежденію предстояло неизбѣжно лопнуть, такъ какъ домовладѣльцы не могли выдержать огромныхъ платежей поглощавшихъ доходы; но Каричъ и въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ какъ во всѣхъ другихъ, придерживаясь системы не засиживаться долго на одномъ дѣлѣ, но раздуть его и снявъ взбитую пѣну тотчасъ переходить на другое. Ему хотѣлось съ помощью баснословнаго дивиденда разогнать акціи до наибольшей преміи и затѣмъ осторожно распродать ихъ. Расчетъ былъ простъ и вѣренъ до очевидности, до глупости; но финансовое управленіе рѣшающееся изрѣдка вникать въ акціонерныя дѣла совсемъ не поняло связи между восточною политикою и перезалогомъ петербургскихъ домовъ и не только воспротивилось дополнительному выпуску акцій, но пригласило банкъ вернуться къ его первоначальному назначенію. Каричъ былъ возмущенъ и громко вопіялъ противъ притязаній бюрократіи.

— Это у насъ называется финансовою политикою! говорилъ онъ съ благороднымъ раздраженіемъ Безбѣдному.— Въ Европѣ акціонерныя банки давно пользуются полнѣйшею свободою, а у насъ даже тутъ не могутъ обойтись безъ чиновничьихъ помочей. Канцелярскіе финансисты, видите ли, лучше насъ понимаютъ дѣло! суются съ указкою... тьфу! И потому жалуется что у насъ экономическая жизнь въ застоѣ, что нѣтъ общественной инициативы. Откуда же ей взяться, когда правительство со всѣхъ сторонъ жметъ, тормозитъ, не даетъ вздохнуть свободно! Помните, частные люди создаютъ предпріятіе, привлекаютъ капиталы, ведутъ дѣло съ такимъ блистательнымъ успѣхомъ что акціи уже ходятъ вдвое, и вдругъ какіе-то чиновники находятъ что дѣло ведется неправильно, что они больше въ немъ смыслятъ, и требуютъ чтобы мы это созданное нами самими дѣло испортили, погубили ради ихъ канцелярскихъ соображеній. Вѣдь такъ руки опускаются, вѣдь послѣ этого у насъ ни за что взяться нельзя!

— Но можетъ-быть кто-нибудь хочетъ получить взятку? высказала очень простое предположеніе Аннетъ.

Авторъ этого совершенно вымышленнаго повѣствованія очень виноватъ предъ читателями, оставая такъ долго за сценой бывшую Mlle Аннетъ Каричъ. Это случилось только потому что о счастливыхъ бракахъ приходится такъ мало разказывать, а бракъ Mlle Аннетъ и Безбѣднаго принадлежалъ къ самымъ счастливымъ. Еслибы на свѣтѣ не было горя, страданія, борьбы, то безъ сомнѣнія не было бы ни романовъ, ни романистовъ, а раздавалась бы только одна торжественная лѣнь блаженства. Madame Безбѣдная не знала другаго горя кромѣ отсутствія Патти въ оперномъ сезонѣ, другихъ страданій кромѣ духоты въ театральномъ или клубномъ залѣ и не вела другой борьбы кромѣ той которую хорошенькой женщиной приходится вести со случайною блѣдностью лица или съ рискованнымъ фасономъ шляпки. Она любила мужа насколько это допускаютъ неглупыя и бойкія женщины, любила своихъ лошадей, свои шарабаны и коляски, свою карету убранную внутри какъ бонбоньерка, съ зеркаломъ и съ серебряными кружевами, свою квартиру въ которой Лизерэ разбросалъ изумительные камалѣ и луфы, а знаменитый художникъ расписалъ по цвѣтному атласу ширмы и экраны, свои обѣды и вечера, свои ложи, свои лодки

начинающіеся дни и еще позже оканчивающіяся ночи. Но больше всего она любила сама себя, со своею лукаватою головкой и слегка поанѣющею фигурой, со своею тяжелой тежкорусою косою, въ которую monsieur Люсьенъ, artiste-coiffeur, съ такимъ удовольствіемъ, такъ медленно погружалъ надушенные пальцы, со своимъ вѣчно веселымъ и ровнымъ характеромъ и задорнымъ, неможко дерскимъ и неможко циническимъ умомъ. Да, ея умъ слегка отзывался цинизмомъ, и было бы даже странно еслибы дочь Карича и падчерица Софьи Александровны Олжанской ничего не усвоила отъ отца и отъ маичихи; но это было, по мнѣнію ея многочисленныхъ поклонниковъ, очень изящный цинизмъ, выражавшій любовь свободной молодости надъ предрасудками и условностью стараго общества. Словомъ, Mme Аяветъ была совершенно счастлива, а о счастливыхъ людяхъ такъ трудно что-нибудь разказать!

Каричъ на ея предположеніе о взяткѣ только пожалъ плечами.

— Неужели ты думаешь что тамъ еще не подмазано, гдѣ можно было? возразилъ онъ.

— Мнѣ кажется что всѣ эти затрудненія въ сущности совершенно вздорныя и ихъ очень можво устранить, сказалъ Безбѣдный.—Вѣдь это какой-нибудь чиновникъ тамъ сидитъ и лутается по долгу канцелярской рутинѣ, а вовсе это не значитъ чтобы наша финансовая политика требовала подобнаго отношенія къ дѣлу. Въ настоящее время напротивъ заботятся разбудить общество, предоставить полную свободу общественному или частному почину.

— Я же и говорю что въ настоящее время, когда власть находится кажется въ рукахъ людей съ просвѣщеннымъ и либеральнымъ образомъ мыслей, эти придирки просто должны удивлять всѣхъ! воскликнулъ Каричъ.—Они компрометируютъ правительство, и публика наконецъ потеряетъ вѣру чтожь оно могло дѣйствительно выступить на путь прогресса.

— Не иначе какъ какой-нибудь средній чиновникъ который просто даже не понимаетъ чего отъ него требуютъ и дѣйствуетъ по старой рутинѣ, продолжалъ Безбѣдный.—Но я объяснюсь, переговорю съ тѣми отъ кого зависитъ, и надѣюсь что у насъ обнаружится солидарность взглядовъ.

— Непремѣнно надо объясниться и установить солидарность взглядовъ, подхватилъ Каричъ;—вѣдь если въ экономической политикѣ будутъ торжествовать протекціонизмъ и

рутина, тогда что же выйдетъ изъ всего этого либеральнаго направленія?

— Въ экономической свободѣ мы нуждаемся можетъ-быть даже больше чѣмъ въ политической, согласился Безбѣдный.

— А у насъ ея нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! съ жаромъ продолжалъ Каричъ.— Возьмите напримѣръ отношенія правительства къ желѣзнымъ дорогамъ: опять постоянныя придирки, навязыванье какихъ-то государственныхъ интересовъ.... Чиновникъ у насъ точно навяка приставленъ ко всякому общественному дѣлу... Представьте себѣ что я на нашей дорогѣ даже тарифа не могу измѣнить безъ придирокъ со стороны министерства, для котораго коммерческіе интересы какъ будто вовсе не существуютъ!

Каричъ между прочимъ былъ директоромъ одного желѣзно-дорожнаго правленія и находился въ постоянныхъ пререканіяхъ съ министерствомъ, защищая, какъ онъ говорилъ, интересы производительнаго капитала и независимость акціонернаго самоуправленія противъ посягательствъ казны. Ему очень хотѣлось поставить Безбѣднаго на такую же точку зрѣнія, такъ какъ вмѣшательство казенной инспекціи вредило нѣкоторому весьма смѣлому замыслу, возникшему въ его изобрѣтательномъ умѣ.

Безбѣдный со значительнымъ видомъ улыбнулся.

— Все это доказываетъ что самая трудная задача нынѣшняго правительства заключается въ борьбѣ со своею собственною бюрократіей, сказалъ онъ.

— Посмотри, Евгеній, вдругъ толкнула его Аннеть и указала зонтикомъ на извозничью коляску которая, шагомъ проѣзжая по аллеѣ, поровнялась съ ними въ эту минуту.

Въ коляскѣ сидѣли трое: брнетка съ очень молодымъ, но блѣднымъ и какъ бы преждевременно постарѣвшимъ лицомъ, однимъ изъ тѣхъ лицъ на которыхъ раннее горе оставляетъ неизгладимый слѣдъ; подлѣ нея хорошенькая блондинка съ задорнымъ выраженіемъ темныхъ глазъ, прамого коротенькаго носика и красивыхъ, нѣсколько крульныхъ губъ, а на скамеечкѣ мушкетеръ лѣтъ тридцати, очень небрежно одѣтый въ запыленную распахнувшуюся на плечахъ накидку и въ сѣренькій полудомашній костюмъ.

Лицо Безбѣднаго обнаружало внезапное безпокойство, почти сматеніе; въ глазахъ пропало равнодушно-самоувѣренное выраженіе, углы губъ какъ-то странно потянулись. Въ этой

брюнеткѣ, темные глаза которой смотрѣли такимъ глубокимъ и чуждымъ взглядомъ какъ будто толпа удивляла и печалила ее, онъ узналъ героиню своего перваго и единственнаго романа. Да, это была Липочка, которую мы оставили давно, когда слагалась только первая часть этого длиннаго повѣствованія, когда еще не выступили на сцену новыя лица, чтобъ отгласить 'за кулисы тѣхъ кто еще не сказалъ своего послѣдняго слова.

Безбѣдный былъ человекъ съ очень крѣпкими нервами, очень счастливый и очень разсудительный. Но даже въ самой маленькой любви есть такая большая власть которая хоть на минуту будитъ нѣчто хорошее, нѣжное и нервное въ самомъ благополучномъ человекѣ. И когда смущенный, вспыхнувшій взглядъ Безбѣднаго узналъ Липочку, онъ почувствовалъ ту человѣческую боль, за которую можно простить много эгоизма и холода душевнаго.

Коляска, задержанная другими экипажами, остановилась. Безбѣдный глядѣлъ растерянными глазами, смущенный, не зная замѣтить ли его и что ему въ такомъ случаѣ дѣлать. Аннетъ торопливо толкала его подъ руку:

— Развѣ ты не узнаешь? Липочка, твоя Липочка... и баронъ Андрей; а блондинку эту не знаю... Вотъ они смотрятъ на тебя.

Темные глаза Липочки, обойдя равнодушнымъ взглядомъ тѣснившуюся тутъ толпу, въ эту минуту дѣйствительно остановились на Безбѣдномъ. Бѣдное лицо ея на мгновение какъ будто еще болѣе поблѣднѣло, рѣсницы дрогнули, рука державшая зонтикъ сдѣлала нервное движеніе и опустилась. Безбѣдный всталъ и издали снялъ шляпу. Ему хотѣлось вложить въ свой поклонъ выраженіе почтительной и притомъ какъ бы вызывающей сдержанности, съ какимъ кланяется человекъ сознающій себя правымъ въ возникшихъ недоразумѣніяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляющій другимъ думать объ этомъ какъ имъ угодно.

Липочка едва наклонила голову и не отвернулась, а только перевела взглядъ мимо Безбѣднаго. Баронъ Андрей съ нерѣшительнымъ видомъ дотронулся до шляпы. Коляска медленно двинулась, и чрезъ полминуты сидѣвшихъ въ ней заговорили другія лица.

Аннетъ съ любопытствомъ взглянула на мужа. На губахъ ея играла та снисходительно-торжествующая улыбка, о неумѣстности которой женщины никогда не догадываются.

— Вотъ неожиданная встрѣча! сказала она.— Впрочемъ, навимать извоицичью коляску чтобъ ѣхать сюда, это невозможно похоже какъ будто тебя нарочно искали. Мнѣ кажется ты поторопился раскланяться, она такъ величественно отвѣтила. Признаться, это не совѣмъ идетъ къ ней.

Но Аннетъ была въ сущности вовсе не злая женщина, и вслѣдъ за этимъ первымъ нѣсколько враждебнымъ движеніемъ она почувствовала состраданіе къ Липочкѣ.

— Но какая она блѣдная и какъ подурнѣла! сказала она.— Какъ ты думаешь, что она... то-есть что съ ней случилось? что такое для нея былъ Андрей?

— Не знаю, отвѣтилъ Безбѣдный, пожавъ плечами.

— Вѣдь у нея нѣтъ никакихъ своихъ средствъ? продолжала Аннетъ.

Лицо Безбѣднаго сохраняло натянутое выраженіе.

— Право не умѣю тебѣ сказать, отвѣтилъ онъ съ явнымъ намѣреніемъ уклониться отъ разговора.— У нея отецъ есть.

Аннетъ съ задумчивымъ видомъ повела глазами по направлению въ которомъ скрылась коляска.

— Мнѣ бы хотѣлось быть ей чѣмъ-нибудь полезною, еслибъ это можно было, сказала она.— Ты не отыщешь ея?

Безбѣдный повторилъ движеніе плечами.

— Зачѣмъ? возразилъ онъ;— помощи она не приметъ, да по всей вѣроятности и не нуждается въ ней.

И на лицѣ его появилась обычная, довольная и снисходительно подсмѣивающаяся полуулыбка.

XXVII.

Извоицичьа коляска продолжала между тѣмъ медленно двигаться среди экипажей. Баронъ Андрей, повернувъ въ сторону некрасивое, замѣтно обрюзглое лицо, только разъ бросилъ на Липочку изподлобья быстрый взглядъ и затѣмъ не смотрѣлъ на нее и ни слова не говорилъ, какъ будто смущенный за нее этою неожиданною встрѣчей. Но въ прекрасныхъ свѣрыхъ глазахъ его, которые только одни давали жизнь и даже красоту его грубому лицу, выразились и участие, и гнѣвъ, и тихое страданіе...

Молоденькая блондинка, сидѣвшая подлѣ Липочки, быстро повернулась къ ней.

— Кто это такой противный вамъ кланялся? спросила она. Липочка невольно взглянула на нее.

— Противный? повторила она съ выраженіемъ удивленія и какъ будто обиды.—Его всѣ находятъ красивымъ.

— Чтò вы, штатскій! воскликнула блондинка съ непередаваемою гримасой губъ и бровей.—Душечка, штатскіе всѣ такіе противные.

— Покорно васъ благодарю, засмѣялся Андрей.

— Ну, вы другое дѣло, вы такой милый, я къ вамъ со-всѣмъ привыкла, отвѣтила блондинка и вдругъ прибавила, поведя плечами: Ахъ, только зачѣмъ вы не военный! Ну зачѣмъ, отчего? вѣдь вы могли бы тоже офицеромъ быть!

Баронъ только опять засмѣялся. Блондинка быстро схватила Липочку за руку.

— Ахъ, посмотрите вонъ тамъ... четыре, пять, шесть... все бѣлые шалки... заговорила она въ волненіи указывая и глазами и зонтикомъ въ сторону, гдѣ кучка молодежи окружила коляску съ развалившеюся въ ней весьма нарядною дамой.—Ахъ, какъ весело! Вы не знаете кто эта дама?

— Француженка какая-нибудь, отвѣтилъ Андрей.

— Но кто именно? никогда вы ничего не знаете! продолжала дѣвушка, стараясь изо всѣхъ силъ разглядѣть и офицеровъ и даму.—Какъ вы думаете, о чемъ они говорятъ? обратилась она тотчасъ къ Липочкѣ.

— Да перестаньте, Женечка, чтò это съ вами! отозвалась та.

— Ахъ, но когда жь это такъ интересно! воскликнула блондинка, снова съ выраженіемъ нетерпѣливаго удовольствія передернувъ плечами.—Вонъ тотъ высокій, съ вензелями—какой ростъ.

— Полно же вамъ, Женечка, вы меня въ отчаяніе приводите, сказала съ примѣтнымъ уже выраженіемъ скуки Липочка.

Но Женечка не слышала ея замѣчаній: разглядѣвъ среди офицеровъ знакомаго ей Алешу Хлестова, она высунулась изъ коляски и посылала ему глазами и руками какіе-то нетерпѣливые знаки. Алеша отвѣчалъ тѣмъ же; прочіе офицеры смотрѣли и пересмѣивались.

Андрей взялъ Женечку безъ церемоніи за обѣ руки и повернулъ.

— Сидите смирно, а то Олимпіада Васильева никогда больше не возьметъ васъ съ собою, сказалъ онъ серьезно.

Блондинка взглянула на него съ недовольнымъ видомъ и прижалась плечомъ къ Липочкѣ.

— Душечка, Олимпиада Васильевна, развѣ вы сердитесь? Это Алеша Хлестовъ, онъ такой забавный, у него воровскіе глаза... когда онъ такъ смотритъ на меня, мнѣ кажется какъ будто я совсѣмъ пьянью... Ахъ, какъ весело! проговорила она тономъ выражавшимъ подлѣйшее непониманіе всего что въ ея словахъ и поступкахъ заключалось рискованнаго.

— Бѣда мнѣ съ вами! сказала Липочка улыбаясь съ отъѣвкомъ укоризны.

— Когда жъ я такъ люблю военныхъ! воскликнула въ видѣ оправданія Женечка.

— Но нѣтъ по крайней мѣрѣ никакой надобности это всѣмъ показывать.

— Не сердитесь же, я буду совсѣмъ смиренная... Господи, когда жъ это наконецъ кончится! продолжала Женечка и всплеснула руками.

— Что такое кончится? не поняла Липочка.

— Да вотъ это... чтобы сидѣть смирно, ни на кого не глядѣть, не смѣть выскочить изъ экипажа... Вѣдь когда я буду наконецъ на сценѣ, я могу дѣлать что захочу. Опереточная лѣвица — это такое наслажденіе! Алеша говорилъ что его товарищи абонируютъ весь первый рядъ, такъ чтобы ни одного штатскаго не было. И вообще военныхъ постоянно будетъ половъ театр. Душечка, Олимпиада Васильевна!

И Женечка порывисто схватила руку Липочки и сжала ее насколько было силы.

— Если хотите поступить на сцену, такъ вамъ надо работать побольше, а не о глупостяхъ думать, сказала Липочка.

— Я работаю, право же работаю, оправдывалась Женечка. — Сегодня часа два лѣла, честное слово... Ахъ, вонъ Раиса Николаевна... въ шарбанѣ, и съ этимъ своимъ противнымъ штатскимъ.

Липочка оглянулась и увидѣла сбоку коляски молодую очень изящно одѣтую даму, правившую парой восхитительныхъ совершенно бѣлыхъ лони. Рядомъ съ нею сидѣлъ съ забавно-серіознымъ видомъ плотный господинъ лѣтъ сорока, съ лицомъ какъ бы доскомъ покрытымъ, съ рыжеватыми усами и бородой и маленькими, веселыми, свѣтлыми глазами. Самоувѣренность дѣльца и алломбъ опытнаго жуира такъ и изобличались въ немъ съ перваго взгляда.

— Вы не въ театрѣ? спросила Липочку дама весело кивнувъ ей головой. — Сегодня *Периколу* дають.

— Нѣтъ, я сейчасъ домой, отвѣтила Липочка.

— Ахъ, *Перикола!* моя роль! воскликнула Женечка смѣшаннымъ тономъ восторга и отчаянiя.

— Я васъ могу взять съ собою въ ложу, хотите? предложила Раиса Николаевна.

— Ахъ! снова воскликнула Женечка, кинувъ быстрый, умоляющій взглядъ на Липочку, и не дождавшись пока кучеръ совсѣмъ оставилъ коляску спрыгнула съ подножки.

— Васъ кто-нибудь довезетъ, обратилась Раиса Николаевна къ своему слугѣ.

Тотъ всталъ и подсадилъ Женечку. Бѣленькiе лошади подхватили рысцою.

До свиданья! не сердитесь! крикнула Женечка оборачиваясь къ Липочкѣ. Та только пожала плечами.

— Сумашедшая! молвилъ баронъ Андрей, пересаживаясь на освободившееся мѣсто.

— Ну, что мнѣ съ ней дѣлать? Ея никто кажется не оставитъ и не удержитъ, сказала Липочка.

— Дура она, отвѣчалъ на это почти грубо Андрей.

— Я на нее смотрю и просто понять не могу, продолжала Липочка;—вѣдь у нея семья, и кажется даже порядочная, и образованiе ей дали... отецъ гдѣ-то служить, хорошее мѣсто имѣеть. Удивляюсь какъ ей предоставляютъ такую свободу.

— Дура она, повторилъ Андрей, — а этого ужъ не поправите. Вѣдь ей что надо? Вы думаете у нея увлекающаяся натура, темпераментъ? Совсѣмъ нѣтъ! Просто глупое и ложное самолюбiе, желанiе надѣлать какъ можно больше шума. Я, молъ, не такая какъ всѣ, у меня дымъ коромысломъ лойдетъ... Теперь въ Россiи ужасно много развелось такихъ дѣвицъ, всѣ хотятъ чтобы вокругъ нихъ шумѣло и музыка играла. И непременно всѣ хотятъ на сцену поступить, а если вы послушаете ихъ разговоры съ мужчинами, все одно и то же: „Какiе-молъ вы всѣ вялые, ходите точно мокрая курицы... огня у васъ нѣтъ, скучно съ вами“. Ухарство это у нихъ своего рода. А у самихъ-то огня какъ въ сальной плешкѣ чтобы только начадить до угару.

Липочка вскользя усмѣхнулась.

— А вѣдь вы кажется правы, сказала она. — И мнѣ Женечку жаль будетъ, она въ сущности славная дѣвочка. Совсѣмъ съ толку собьется.

— Еще бы не сбилась! угрюмо подтвердилъ Андрей.

— Только я все-таки попытаюсь постеречь ее, сказала Липочка.

— Ну, мудро это, усомнился Андрей.— Съ вами ей скучно, вы все мораль читаете, а съ Раисой Николаевной весело, при ней цѣлый эскадронъ состоитъ, и Алеша Хлестовъ ольяняетъ „воровскими глазами“... а больше я думаю шампанскимъ.

Липочка опять вскользя усмѣхнулась.

— Вы даже злы становитесь, а прежде не замѣчала этого... сказала она шутя;—можно подумать что вы не совсѣмъ равнодушно относитесь къ моей вѣтреной Женечкѣ.

На лицѣ барона Андрея не выразилось чтобъ онъ раздѣлялъ шутливость Липочки; напротивъ что-то похожее на досаду пробѣжало въ его глазахъ.

— Я сохранилъ глупую привычку злиться когда видишь какъ ломается молодая жизнь, сказалъ онъ угрюмо.

— И тѣмъ болѣе когда жертва такая хорошенькая... не притворяйтесь, вѣдь я столько разъ замѣчала какъ вы излодтишка любовались Женечкой, продолжала тѣмъ же тономъ Липочка.

Андрей при этихъ словахъ вслыхнулъ и нахмурился.

— Я никогда не могъ понять, зачѣмъ вы это говорите, сказалъ онъ почти со злостью. — Мнѣ кажется... это совсѣмъ не нужно.

— Вы сердитесь? спросила съ удивленіемъ Липочка.

— Хотите чтобъ я сказалъ правду? Да, сержусь, отвѣтилъ Андрей, и некрасивое лицо его вдругъ потемнѣло, а въ глазахъ сверкнули недобрыя искры.

— Но чѣмъ могла васъ разсердить такая обыкновенная шутка? Хорошенькое женское лицо всегда нравится, и я не придавала моему замѣчанію никакого значенія... оправдывалась съ нѣкоторымъ невольнымъ смущеніемъ Липочка.

Андрей продолжалъ угрюмо глядѣть на свои ноги.

— Я знаю что вы не хотѣли сказать ничего неприятнаго, но пожалуста... этого совсѣмъ не надо, и вы знаете почему такія шутки на меня дурно дѣйствуютъ, проговорилъ онъ съ замѣтнымъ усиленіемъ.

— Да почему? переспросила Липочка.

— Потому что это выдаетъ совершенно излишнюю съ вашей стороны заботу показать будто вы въ самомъ дѣлѣ считаете возможнымъ чтобъ я интересовался Женечкой или кѣмъ-нибудь... продолжалъ тѣмъ же угрюмо злымъ тономъ

Андрей. — Зачѣмъ? развѣ я напоминаю, надобѣваю? къ чему же показывать будто вы не вѣрите мнѣ, не допускаете?.. Вы знаете что мнѣ не очень легко, а помочь не можете, такъ лучше оставить, не шевелить...

Выраженіе печали, почти страдавія, легло на блѣдное лицо Лилочки. Она не смотрѣла на барона.

— Нѣтъ, я не могу оставить, потому что это не правда, вы сами создаете себѣ страдавія, сказала она тихо. — Вы знаете что я считаю васъ моимъ другомъ, самымъ хорошимъ другомъ, и какъ мнѣ дорога эта дружба. У меня вѣдь кромѣ васъ никого нѣтъ. И я не въ состояніи допустить чтобы вы сами себѣ портили это дорогое чувство. Андрей Евгеніевичъ, вѣдь мы съ вами оба не дѣти, у обоихъ было много горя. Неужели вы еще не устали? Я вамъ съ радостью отдаю все что у меня осталось — зачѣмъ непременно искать того чего я не могу дать, что принесло бы вѣроятно новыя страдавія и во всякомъ случаѣ отняло бы у насъ то чѣмъ я такъ дорожу?

Побурѣвшее лицо Андрея сдѣлалось блѣдно.

— Не говорите этихъ жалкихъ словъ, Олимпиада Васильевна, произнесъ онъ угрюмо. — Развѣ я иду? развѣ я радъ? возьмите у меня это чувство если сумѣете, а вамъ буду жизнью обязанъ!

Лилочка до боли сжала себѣ руки.

„Господи, чѣмъ же я виновата? Зачѣмъ я не могу любить его!“ простонала она въ душѣ.

Андрей рѣзко повернулся къ ней.

— Пожалуста, не будемъ возвращаться къ этому разговору, произнесъ онъ почти спокойно; — и не надо увѣрять меня будто я интересуюсь всякими Женецками... Я только объ одномъ прошу, останемся друзьями какъ были до сихъ поръ.

Лариса отвѣтила благодарнымъ взглядомъ и молча пожала ему руку. Но разговоръ между ними не возобновлялся, и дорога до города показалась обоимъ очень длиною и томительною.

XXVIII.

Раиса Николаевна, какъ только шарабанъ съѣхалъ со „стрѣлки“, ударила по лошадамъ и со смѣхомъ обернула къ Женецкѣ веселое, задорное лицо.

— Вырвала я васъ! сказала она.

Дѣвушка вмѣсто отвѣта обняла ее за талию и прижалась къ ея плечу. Въ эту самую минуту громадный сѣрый жеребецъ выдвинулъ мимо нихъ вслѣдѣ бока, и осаженный на ходу, отфыркиваясь и брызгая лѣной, сдержалъ свою размашистую рысь.

— Въ Ливадію? окрикнулъ по-дѣтоки звонкій голосъ Хлестова.

Женечка весело закивала головой. Хлестовъ, счастливый и розовый какъ распалившійся ребенокъ, сидѣлъ въ эгопоткѣ, вылятивъ на аршинъ отъ себя эфесъ сабли и держа на колѣняхъ высокаго, смуглаго и прямаго какъ жердь товарища. Двоемъ они составляли очень забавную группу, въ которую надо было внимательно взглядѣться чтобы помать какимъ образомъ удерживала она балаасъ на качавшихся словно пружина дрожкахъ.

— Я тоже туда, и всѣ наши, крикнулъ Алеша.—Помелъ!

Рысакъ разставилъ ноги и тронулъ такъ что съ узкихъ стальныхъ шинъ посыпались искры.

— Ахъ, какая прелесть! воскликнула вся сжавшись отъ восторга Женечка, неизвестно къ кому относя замѣчаніе, къ двухтысячному рысаку или къ его хозяину. Ну скажите, кто кромѣ Алеши такъ ѣздитъ?

— Вы совсѣмъ влюблены въ моего мальчика? спросила шута Раиса Николаевна.

— Ахъ, что жъ я буду дѣлать! воскликнула хватая ее за руку Женечка.

— Да ничего и не надо дѣлать.. отвѣтила со смѣхомъ Раиса Николаевна.—Онъ стоить чтобъ его любили.

— Правда вѣдь? онъ такой... такой... Развѣ онъ не лучше всѣхъ?

— Вы ему также очень нравитесь, пропустила вопросъ Раиса Николаевна.

Женечка еще сильнѣе сжала ей руку.

— Почему вы знаете? что онъ вамъ говорилъ? Душечка, Раиса Николаевна, скажите, вы меня просто счастливою сдѣлаете! просила она.

— Разумѣется говорилъ, онъ мнѣ всѣ свои секреты повѣряетъ, отвѣтила молодая женщина.

— Но что именно? какъ онъ говорилъ? какими словами? приставала съ возрастающимъ волненіемъ Женечка.

— Пустите, вы мнѣ мѣшаете править, остановила ее Раиса Николаевна.

И бросивъ на дѣвушку ласково-подсмѣивающійся взглядъ, она добавила:

— Вчера, когда вы не захотѣли сѣсть съ нимъ въ карету, онъ такъ ерошилъ волосы и имѣлъ такой фатаальный видъ что я испугалась и поскорѣе увезла его къ себѣ.

— Вы увезли его къ себѣ! воскликнула удивленнымъ и какъ бы досаднымъ тономъ Женечка.

— Я боялась чтобъ онъ не сдѣлалъ какой-нибудь глупости; онъ былъ въ отчаяніи и хотѣлъ вѣхать къ Сюзонъ.

— Но я не рѣшилась чтобъ онъ отвезъ меня въ каретѣ... проговорила почти съ раскаяніемъ Женечка.

— Разумѣется для васъ было бы неловко, вы молоденькая дѣвушка, замѣтила какъ бы мимоходомъ Раиса Николаевна.

Женечка промолчала, и на лицѣ ея выразилась безпокойная досада, она даже прикусила губу кончиками зубовъ.

— Это было уже такъ поздно! сказала она наконецъ.—И онъ заходилъ къ вамъ?

— Я боялась оставить его одного.

— И онъ долго у васъ пробылъ?

— Пока мнѣ не удалось его успокоить. Ма сѣгѣ, какаа вы любозытная! сказала Раиса Николаевна съ легкимъ отѣвкомъ провіи, обернувъ къ Женечкѣ смѣющееся лицо.— Мы съ Алашей старые друзья, я его еще пажомъ знала.

Женечка опять замолчала, и лицо ея сохраняло прежнее смущенное, сердитое выраженіе. Раиса Николаевна взглянула на нее, улыбнулась и погнала лошадей.

Раисой Николаевной Ливцовой очень много занималась въ Петербургѣ. Она уже два года какъ разошлась съ мужемъ, бывшимъ капитаномъ какого-то лѣхотнаго гвардейскаго полка, съ которымъ въ одинъ годъ прожила свое небольшое приданое и столь же небольшой запасъ супружеской любви и счастья. Капитанъ снялъ военный мундиръ и уѣхалъ въ провинцію въ качествѣ начальника станціи на какой-то желѣзной дорогѣ; Раиса Николаевна осталась въ Петербургѣ, веселая, довольная, хорошенькая и ловидимому нисколько не пострадавшая отъ залутанныхъ дѣлъ. Она сохранила свою кокетливо убранную квартиру, но перемѣнила знакомыхъ. У себя она принимала почти однихъ мужчинъ, а сама бывала только въ театрахъ, клубахъ и на лѣтникахъ. Скуку

семейныхъ домовъ она, по собственнымъ ея словамъ, никогда не могла переносить. Молва приписывала ей очень солиднаго локонника въ лицѣ лютнаго господина съ желѣзнодорожною складкой, котораго мы видали съ ней въ шарабанѣ; говорили даже что и мѣсто начальника станціи она выхлопотала для мужа черезъ этого господина. Но если ихъ иногда часто видали вмѣстѣ, то за то его по цѣлымъ мѣсяцамъ не бывало въ Петербургѣ, и вообще этотъ романъ надо было отнести къ самымъ спокойнымъ.

Раиса Николаевна не любила дамскаго общества, но обходиться совсѣмъ безъ него нельзя. Сидѣть съ одними мужчинами въ ложѣ, въ коляскѣ, входить съ ними въ концертную залу или даже въ садъ—невозможно. Двѣ женщины, когда онѣ въстѣ, могутъ держать себя гораздо свободнѣе и нисколько не мѣшать другъ другу. Но еще удобнѣе въ такихъ случаяхъ имѣть подлѣ себя молоденькую, хорошенькую и мало кому извѣстную дѣвушку. Общество дѣвушки даетъ болѣе тому чѣмъ общество свободной женщины; Раиса Николаевна очень хорошо это понимала и потому такъ ласкала Женечку. Дѣйствительно трудно было бы найти что-нибудь удобнѣе. Женечка принадлежала къ такъ-называемому „хорошему“ семейству. Отецъ ея былъ чиновникъ средней руки, съ четырьмя тысячами годоваго оклада и съ большими претензіями на свѣтскую жизнь; мать, урожденная баронесса и нѣкогда недурная собой, раздѣляла какъ окладъ такъ и претензіи мужа, находя однако какъ то такъ и другое весьма ограниченнымъ. Лѣтъ двадцать назадъ, когда они только-что соединились бракомъ, когда оба были молоды, когда маленькое баронское приданое могло размѣниваться на модныя кушетки, Корниловскіе сервизы и мельхіоровыя самовары и кофейники отъ Кача, когда квартиры и говядина были дешевы въ Петербургѣ, семья Подкорниковыхъ жила очень мило. У нихъ легко составился пріятный кружокъ знакомыхъ, устроились маленькіе, но не лишеныя изящества „чай“ съ холодной закуской по вторникамъ, и вообще они были довольно замѣтны среди свѣтской петербургской буржуазіи. Мше Подкорникова считалась въ числѣ интересныхъ женщинъ, за которыми можно ухаживать не теряя своего достоинства. Но это было давно. Съ тѣхъ поръ петербургская жизнь сдѣлалась гораздо дороже, а казенные оклады повышались весьма туго. Подкорниковъ не сдѣлалъ карьеры и застрялъ на четырехъ

тысячахъ; урожденная баронесса разжвляла уже послѣдній банковый билетъ, постарѣла и подурнѣла. Теперь ей было сорокъ лѣтъ, и только самые маленькіе чиновники и очередь неопытные лѣхотные офицеры поражались изяществомъ ея манеръ и чистотой французскаго произношенія, а одинъ знакомый ей капитанъ даже прямо говорилъ что она похожа на аристократическую *sage-femete*. Супруги сохранили прежнія претензіи, но жизнь ихъ лотускнѣла. Дороговизна согнала краски, обличила бѣлые швы и заплатки на поливальномъ декорумѣ; являлась столь знакомая петербургскому среднему кругу кислота существованія, раздражающая, озаблывающая, создающая вокругъ челоуѣка атмосферу хандры, вѣчнаго брюжжанія и катарральнаго недомоганья. Свѣтская жизнь Подкорнниковыхъ сосредоточилась почти исключительно въ Благородномъ Собраніи, гдѣ оба они играли въ карты и гдѣ изрѣдка Женечка танцовала, но всѣ трое питали къ этому скромному пріюту глубокое презрѣніе. Женечка, съ дѣтства вдыхавшая въ себя, вмѣстѣ съ петербургскимъ воздухомъ, неотразимое стремленіе къ кавалерійскому мундиру, предпочтала оставаться дома чѣмъ выступить въ котильонѣ съ веселымъ докторомъ или съ лѣхотнымъ поручикомъ: отъ штатскаго она была бы способна убѣжать изъ залы. Къ счастью, какъ разъ въ то время всѣ петербургскія барышни начали брать уроки лѣвнн. У Женечки оказалась порядочный голосъ, и она рѣшила готовиться къ сценѣ.

Подкорнниковы не сопротивлялись. Дома было такъ кисло, жизнь складывалась такъ раздражительно скучно, Женечка такъ очевидно тяготилась ею что они махнули рукой. „Запереть дѣвчонку—хуже еще пожалуй будетъ,“ явилось у обоихъ одно и то же соображеніе, и такъ какъ они не могли доставить дочери того чего та искала, то рѣшились предоставить ей искать самой. Женечка приобрѣла свободу какой обыкновенно не имѣютъ барышни ея круга, нашла собственныхъ знакомыхъ и веселилась какъ могла.

Раиса Николаевна при этихъ условіяхъ сдѣлалась совершенно ей необходима. Она вѣчно кружилась, переносясь съ утренняго концерта или съ благотворительнаго базара на обѣдъ у Дюмона и оттуда въ театръ, въ циркъ, въ клубъ, съ тѣмъ чтобы закончить день ликникомъ *monstre* или веселымъ уживомъ въ неостывшей отъ обѣда ресторанной залѣ; вокругъ нея точно сама собой играла музыка, раздавалось бряцанье шпоръ и сабель, звонъ бубенчиковъ, шумъ

цыганскаго хора и хлопающихъ въ потолокъ пробокъ. Вотъ почему Женечка промолчала на насмѣшливое замѣчаніе Раисы Николаевны, хотя на душѣ у нея было досадно и ей хотѣлось бы наговорить ей много, съ ревнивою горечью и обиженною дѣтскою залапальчивостью.

Шарабанъ остановился, качавшіяся сзади грумъ принявъ вожжи, а Хлестовъ, опередившій дамъ, подхватилъ Раису Николаевну подъ руку и провелъ ее съ Женечкой въ ложу.

— Когда же вашъ дебютъ? спросилъ онъ, подсаживаясь такъ близко за стуломъ Женечки что чувствовалъ залахъ ея волосъ и прикосновеніе густо собранныхъ у ворота кружевъ.

— Да не знаю! Все общаются, общаются, а между тѣмъ никакъ не хотятъ дня назначить, отвѣтила Женечка, оглядывая залу и сцену сквозь легкій туманъ, всегда застилавшій ей глаза при первомъ входѣ въ театръ, туманъ въ которомъ такъ много участвуетъ ненасытная молодость съ ея уносящимися мечтами и преувеличенно отзывающимся нервами.

— Но это свинство! воскликнулъ Хлестовъ, который по своей крайней молодости не всегда достаточно отличалъ разговоръ съ дамами отъ разговора съ товарищами.—Какъ они смѣютъ водить васъ за носъ? Хотите я наконецъ самъ переговоры съ содержателемъ и все это устрою?

Онъ, безъ сомнѣнія тоже по молодости, былъ до такой степени влюбленъ въ свой мундиръ что считалъ достаточнымъ появиться предъ кѣмъ бы то ни было во всей формѣ чтобы достигнуть безпрекословнаго соглашенія. Эффектъ производимый на ликачей и на ресторанныя прислугу онъ нѣсколько легкомысленно распространялъ на все не служащее съ нимъ въ полку челоуѣчество.

— Что жъ, попробуйте, согласилась Женечка, вполне раздѣлявшая вѣру во всемогущество кавалерійскаго мундира.

— Я вѣдь много разговаривать не стану, а поднесу ему два-три словечка.. по-военному! продолжалъ Хлестовъ, брякнувъ шпорами и вздернувъ своимъ коротенькимъ носомъ съ выраженіемъ безграничнаго упоенія, доставляемаго дѣтскою гаулоустью, наряженною въ привилегированный мундиръ.

— Не лутайтесь лучше, вы только все испортите, благо-разумно остановила его Раиса Николаевна.

(До алыдующаго №).

В. АВСѢНКО.

ОПАЛЬНЫЙ БРАТЪ НАПОЛЕОНА I

Th. Jung. *Lucien Bonaparte et ses mémoires. 1775—1840.* Части 1 и 2.

I.

Изъ пяти братьевъ Бонапартовъ четверо занимали престолы въ Европѣ: 1) старшій, Иосифъ (род. 1768), король Неаполитанскій, а затѣмъ Испанскій; 2) Наполеонъ I (род. 1769), императоръ Французовъ и король Итали; 3) Луи (род. 1778), король Голландскій; 4) Жеромъ (род. 1784), король Вестфальскій. Одинъ лишь средній братъ, Люцианъ (род. 1775), не только не носилъ вѣнца, но попалъ въ добровольное или вынужденное (вопросъ этотъ до сихъ поръ разъясненъ не вполне) изгнаніе изъ отечества еще до провозглашенія императоромъ его знаменитаго брата (въ 1804). Получивъ отъ папы Пія VII титулъ князя Каино, онъ проживалъ частнымъ человѣкомъ въ предѣлахъ Франціи до 1814 года, вернулся въ Парижъ вслѣдъ за возвращеніемъ самого Наполеона съ острова Эльбы, и послѣ разгрома Ватерло долженъ былъ еще разъ, и уже навсегда, покинуть Францію, гдѣ одною изъ статей Вѣнскаго конгресса воспрещено было пребываніе на вѣчныя времена всему роду Бонапартовъ.

Эта, столь отличная отъ доли другихъ братьевъ, участь его и несогласіа съ тѣмъ изъ нихъ кто съ высоты достигнутого имъ политическаго могущества распорядился судьбой

родныхъ своихъ такъ же властительно и эгоистично какъ жизнью послѣдняго изъ своихъ солдатъ, создали по отноше- нию къ Люціану Бонапарту легенду, изображавшую его въ какомъ-то ореолѣ гражданской доблести, достойной времени древняго Рима. Легенда эта находила себѣ извѣстное под- твержденіе въ отзывахъ о немъ нѣкоторыхъ его современ- никовъ изъ среды близкой къ первому императору Францу- зовъ и его семьи. Въ запискахъ, напримѣръ, генерала Раппа, герцогини д'Абрантесъ и др. Люціанъ, дѣйствительно, рисуется страстнымъ, безкорыстнымъ и безрелетнымъ ресубли- канцемъ, открыто возстававшимъ противъ самовластия бра- та, разумѣвшаго де его въ свою очередь опаснымъ для себя врагомъ, если не солерникомъ, котораго пришлось ему „сло- мить“ наконецъ послѣ того какъ оказались де тщетными всякія попытки обратить его подобно другимъ въ безмолв- наго раба и послушнаго себѣ клеветы.

Книга лежащая предъ нами изводитъ опальнаго брата Наполеона I съ этой чрезмѣрной высоты и ставитъ личность его въ болѣе подобающія ей, средней величины, рамки. Прежде всего скажемъ что книга эта не подходитъ подъ руб- рику обыкновенныхъ мемуаровъ и представляетъ собою ско- рѣе монографію, въ которой пробѣлы въ значительномъ чи- слѣ оставленные княземъ Капино въ отдѣльныхъ разказахъ о своей жизни восполнены отъ себя составителемъ книги, г. Юнгомъ, на основаніи другихъ найденныхъ имъ въ бума- гахъ князя * документовъ, а подлинный текстъ снабженъ строго критическими указаніями на встрѣчающіяся въ немъ многія противорѣчія и неточности, изобличаемыя ссылками на

* Бумаги эти, узнаемъ мы изъ предисловія г. Юнга, были пере- даны въ 1855 году душеприкащикомъ княгини Капино (второй жены Люціана) французскому посольству въ Римѣ, откуда переслааны въ Парижъ, въ архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Онѣ заклю- чались въ пяти отдѣльныхъ связкахъ, изъ которыхъ одна вытребо- вана была изъ архива Наполеономъ III и имъ туда не возвращена. Остальные документы избѣгли любопытства императора, благодаря камѣренной или случайной ошибкѣ архивнаго начальства, отмѣтив- шаго ихъ будто уже опубликованными самимъ Люціаномъ въ изда- ныхъ имъ въ 1836 мемуарахъ. Въ дѣйствительности же, говоритъ г. Юнгъ, изъ 3.000 страницъ подлиннаго текста находящихся въ архивѣ и послужившихъ составленію книги появилось рачѣе въ печати отъ 150 до 200, не болѣе.

другіе источники. Самъ г. Юнгъ называетъ ее „сочиненіемъ“ (ouvrage). Изъ трехъ частей имѣющихъ составить это сочиненіе вышли пока двѣ, заключающія въ себѣ періодъ отъ рожденія Люціана Бонапарта до 1804, то-есть до окончательнаго разрыва его съ первымъ консуломъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до провозглашенія сего послѣдняго императоромъ. Изъ того что узнаемъ мы изъ этихъ частей, мы уже имѣемъ полную возможность составить себѣ совершенно ясное понятіе о духовной физіономіи занимающаго насъ лица и о тѣхъ спеціальныхъ данныхъ его природы, въ хорошую и дурную стороны, при которыхъ онъ роковымъ образомъ долженъ былъ рано или поздно быть, говоря его языкомъ, „стертъ“ (brouté) своимъ всепальнымъ и не вѣдавшимъ никакого нравственнаго удержа братомъ.

Далеко не лишенный даровитости, обладавшій даромъ слова и тѣмъ особеннымъ качествомъ ума которое называется Французами „du trait dans l'esprit“, и такъ высоко цѣнится ими, Люціанъ Бонапартъ не имѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ серьезныхъ государственныхъ качествъ. Безпокойный нравомъ, вѣчно алкавшій дѣятельности и перекидывавшійся отъ одного предмета на другой, сегодня политикъ, завтра литераторъ, археологъ или астрономъ, онъ ничего не доводилъ до конца. Ему не доставало прежде всего выдержки и послѣдовательности въ идеяхъ какъ и въ поступкахъ. Незлобивый, способный на добрыя и даже иногда великодушныя дѣянія — болѣе впрочемъ по тщеславію чѣмъ по душевнымъ инстинктамъ, — и рядомъ съ этимъ весьма не строгій, какъ всѣ Бонапарты, въ выборѣ средствъ для приобрѣтенія земныхъ благъ, — личные интересы всегда преобладали въ немъ надъ всѣмъ остальнымъ. Его soi-disant неизблемыя „республиканскія убѣжденія“ постоянно измѣняли оттѣнокъ свой сообразно съ тою значительностью роли которая выпадала на его долю въ пережитые имъ фазисы революціонной трагикомедіи. Якобинецъ цвѣта самаго яркаго въ пору Конвента, онъ во время Директоріи, полавъ въ секретари совѣта Пятисотъ (les Cinq-Cents, нижняя палата конституціи III года), переходитъ на сторону розовато-либеральныхъ доктринахъ Сіэса, вліятельнѣйшаго человека данной минуты, видя въ этомъ средство выкроить для самого себя видное политическое положеніе. Избранный дѣйствительно вскорѣ затѣмъ президентомъ этого учрежденія, онъ, съ тѣмъ же Сіэсомъ и вернувшимся изъ Египта братомъ своимъ, генераломъ, замышляетъ сверженіе Директоріи

и установленіе Консульства, имѣющаго воскресить сильную правительственную власть, выпавшую изъ дряблыхъ рукъ Барреса и К°. Оказавъ 18го брюмера, въ этомъ качествѣ президента Пятисотъ, несомнѣнно большую услугу брату, не допустивъ голосовать предложеніе объ объявленіи генерала Бонапарта „въ законъ“ (hors la loi), Люціанъ, въ силу той услуги, почитаетъ себя въ правѣ претендовать на второе мѣсто послѣ брата въ государствѣ, и не можетъ простить что тотъ никакъ не хочетъ признать серьезности правъ его на такое званіе. Но самое недовольство его носить на себѣ какой-то ребяческой характеръ. Онъ не умѣетъ ни поставить себя твердо, ни бороться умѣло и кстату. Онъ дуется и брюжжитъ большею частью изподтишка, уклоняясь отъ рѣшительныхъ объясненій со всемогущимъ уже первымъ консуломъ, безгранично-честолюбивые лавы котораго онъ прозрѣваетъ съ первыхъ же дней вступленія того во власть. Бывшій президентъ Пятисотъ достаточно уменъ и прозорливъ вмѣстѣ съ тѣмъ чтобы понимать ясно насколько хрупко то чудовищно-громоздкое зданіе абсолютнаго влстительства которое замышляетъ возвести герой въвчланный недавними лаврами Маренго, и предчувствовать ту проласть въ которую рано или поздно, но неминуемо, оно должно рухнуть. Онъ живетъ въ постоянной тревогѣ, страшась и грядущихъ событій, и себя самого, и прежде всего безудержнаго брата, котораго въ то же время неустанно раздражаетъ комаринымъ жужжаніемъ своей робкой, но язвительной оппозиціи,—и бѣжитъ наконецъ отъ его деспотизма подъ щитъ Святаго Отца, въ Римъ, гдѣ суровый „Брутъ“ 93 года, безъ дальнихъ разговоровъ, превращается въ свѣтлѣйшаго князя лалскихъ владѣній.

Замѣтимъ здѣсь кстату что, благодаря тому же брату на-значившему его посломъ республики въ Испанію, онъ вы-ѣхалъ оттуда приобрѣвъ состояніе тысячъ въ триста франковъ дохода, сдѣлавшее его самымъ богатымъ изъ всей тогдашней семьи Бонапартовъ.

Люціанъ сошелъ съ политическаго полрища двадцати девяти лѣтъ отъ роду, начавъ его на шестнадцатомъ году. Рано и быстро возвышались и падали люди въ ту эпоху.

Дѣти бѣднаго дворянина суроваго природой и нравами острова, только-что переданнаго Франціи (1768) безсильною держать его въ ловиновеніи Генуэзскою республикой, брата Бонапарты, благодаря предстательству тогдашняго

генералъ-губернатора Корсики, маркиза де-Марбизъ, приняты были на казенный счетъ въ различныя образовательныя заведенія изъ новаго отечества. Люціанъ поступилъ сначала во второразрядную коллегію въ Отэнъ (Autun), откуда черезъ годъ перешелъ въ Бриенскую военную школу, изъ которой въ то же время (1784) братъ его, пятнадцатилѣтній Налосонъ, выдержавъ экзаменъ *eo флотъ*, переходилъ въ Парижскую высшую военную школу. Старшаго брата, Иосифа, командовавшаго въ ту пору курсъ въ Отэнъ, родные готовили къ духовному званію. Но со смертію Бонапарта отца, матеріальное положеніе семьи пришло въ большое расстройство. Иосифъ долженъ былъ вернуться на родину въ Аяччіо, для хозяйничанья на принадлежавшемъ ей небольшомъ кускѣ земли. Въ аббаты имѣлось теперь въ виду подготовить Люціана, который и былъ для этого отданъ въ семинарію въ Марселѣ. Но онъ былъ слишкомъ живъ характеромъ, да и не такимъ вообще были *смысла* того времени чтобы духовная карьера могла привлекать его: онъ покинулъ семинарію и вернулся въ свою очередь въ Корсику. Тамъ въ это время произошло крупное событіе: послѣ двадцатилѣтняго изгнанія возвращенъ былъ острову его великій патріотъ и „патріархъ“, маститый Паоли, въ качествѣ его генералъ-губернатора *. Люціанъ, отецъ котораго, въ пору

* Смертельнымъ врагъ Гемузцевъ, противъ которыхъ, во главѣ восставшихъ корсиканскихъ патріотовъ, велъ онъ въ теченіе почти 15 лѣтъ непрерывную борьбу, имѣвшую послѣдствіемъ уступку острова Гемуей Франціи, Паоли не соглашался признать это новое владычество чужеземцевъ. Побѣжденный французскими войсками, онъ долженъ былъ бѣжать въ Англію, гдѣ прожилъ 21 годъ. Национальное собраніе 1789, дѣйствуя въ духѣ примиренія народностей на либеральныхъ началахъ, вызвало его оттуда. Онъ былъ представленъ королю и назначенъ имъ въ чинѣ генералъ-лейтенанта генералъ-губернаторомъ Корсики, которою и управлялъ вплоть подчиненно Французскому правительству до эпохи Террора. Но процессъ и казнь заповолающаго Лудовика XVI и тиранія Конвента вызвали въ немъ такое негодованіе что предводимая имъ Корсика въ 1793 отложила въ мѣстѣ съ нимъ отъ Франціи и отдалась Англіи, которая и удерживала ее за собою до 1796. Англичане оказались неблагодарными къ Паоли, назначивъ, по завладѣніи ими островомъ, правителемъ не его а другое лицо. „Патріархъ Корсики“ тѣмъ же мѣсто уѣхалъ жить въ ту же Англію, гдѣ скончался въ 1807 году 81лѣтнимъ старцемъ.

еще генуэзскаго владычества, былъ однимъ изъ богатѣйшихъ къ Паоли людей, поступилъ теперь къ нему секретаремъ. Старецъ обращался съ нимъ какъ съ сыномъ и оказывалъ ему полное довѣрiе. Старшіе братья Люціана, Иосифъ и Наполеонъ,—тогда офицеръ въ артиллерійскомъ полку Лафера, стоявшемъ гарнизономъ въ городѣ Валансъ (Valence), въ Южной Франціи, но безпрестанно швырявшій (иногда безъ отгулка) оттуда въ Корсику, въ скромныхъ еще предѣлахъ которой искало себя тогда цѣлей его раннее честолюбіе,—пользовались равно благоволеніемъ и покровительствомъ Паоли, которому Иосифъ одаженъ былъ даже мѣстомъ въ муниципальномъ управленіи города Аяччіо. Но выпревшая душевная честность, ни чрезмѣрное чувство благодарности никогда не входили въ число добродѣтелей этой семьи. Въ борьбѣ Паоли съ распораженіями Конвента, стремившимися къ лишенію Корсики всякой автономіи и подчиненію ея самого съ командуемыми имъ мѣстными войсками территориальному начальству военныхъ силъ Франціи, старшіе Бонапарты, успѣвшіе тѣмъ временемъ примкнуть къ доктринамъ самаго крайняго республиканства („что бы ни говорили, пишетъ Люціанъ, но я могу завѣрить что братъ мой Наполеонъ, не смотря на блестящую діадему которою вѣнчалъ онъ себя въ молвадствіи, былъ искреннимъ и даже пламеннымъ республиканцемъ въ первые годы Французской республики“), заявили себя, къ крайнему удивленію и негодованію „патріарха“, его рѣшительными противниками, а въ главахъ корсиканскихъ патріотовъ—измѣнниками отечества. Между тѣмъ, какъ декретъ Конвента, предписывавшій его комиссарамъ на островѣ арестовать Паоли, подалъ сигналъ къ общему возстанію, Наполеонъ, занимавшій съ 1792 года, благодаря тому же Паоли, должность баталіоннаго командира корсиканскихъ воюетеровъ, повелъ своихъ людей на цитадель города Аяччіо, занятую инсургентами, тогда какъ самый городъ, въ которомъ Бонапарты имѣли значительное вліяніе, оставался еще вѣрнымъ трехцвѣтному знамени. Предпріятіе Наполеона не удалось; онъ чрезъ нѣсколько дней, но также неуслѣшно, возобновилъ атаку съ моря, откуда съ минуты на минуту ожидались французскія суда съ десантомъ противъ „мятежниковъ“. Высшій совѣтъ острова (*la consulta*), засѣдавшій въ городѣ Корте и „секретаремъ - прокуроромъ“ котораго былъ въ ту пору извѣстный Поццо-ди-Борго (въ

послѣдствіи русскій генералъ и посолъ въ Парижѣ), горячіи сторонникъ Паоли, отвѣчалъ на этотъ поступокъ декретомъ о вѣчномъ изгнаніи Бонапартовъ и приказаніемъ захватить мать ихъ, Летицію, препроводить ее съ имѣющимися при ней дѣтьми въ Корте и держать ихъ тамъ подъ стражей какъ заложниковъ. Предупрежденные вовремя, Бонапарты успѣли спастись отъ посланныхъ Паоли горцевъ, которымъ, разсказываетъ Люціанъ, дажо было будто бы приказаніе „доставить ихъ живыми или мертвыми“ въ прибрежный городъ Каальви, откуда французскій военный фрегатъ перевезъ ихъ въ Туломъ. Роль самого Люціана въ этихъ обстоятельствахъ, какъ выясняется она изъ собственнаго его разказа, не особенно красива.

Корсиканскій „патріархъ“ долго не хотѣлъ допустить мысли чтобы „дѣти умершаго друга его Карла Бонапарта въ возрастѣ о благѣ ихъ общей родины могли думать иначе чѣмъ онъ“. Онъ ждалъ ихъ къ себѣ въ Корте, разчитывая на ихъ содѣйствіе въ готовившейся имъ борьбѣ „съ этою разбойничьей ордой“ (cette horde de brigands), какъ называлъ онъ тогдашнихъ правителей „цареубійственной Франціи“ (la France régicide). Но братья не трогались изъ Аяччіо. Старикъ отправилъ къ нимъ молодаго секретаря своего просить ихъ послѣдшить приѣздомъ. „Благородный и слишкомъ довѣрчивый Паоли,—восклицаетъ съ неожиданною и, во всякомъ случаѣ, весьма лохвальною откровенностью Люціанъ, какъ—онъ обманывался разчитывая на насъ, на меня!..“ Дѣйствительно, чувства привязанности и восторженнаго поклоненія питаемыя имъ до этой минуты къ „великому *Бабо*“ (тому, на мѣстномъ нарѣчій Корсики), который почиталъ его въ свою очередь вѣрнымъ и преданнымъ ему „на жизнь и смерть“, боязнь прослыть „измѣнникомъ“ если онъ, согласно слову данному имъ старику, не вернется къ нему на другой же день по исполненіи своего порученія,—все это не выдержало и часа разговора съ братьями. Они доказали ему что самъ Паоли „измѣнникъ Франціи“, что поѣтому никакихъ обязательствъ чести и благодарности относительно его быть не можетъ, и что „Люціану въ его годы остается только подчиниться рѣшенію своихъ старшихъ, которые теперь достаточно взрослые чтобы понимать настоящимъ образомъ общіе ихъ настоящіе и будущіе интересы“. Довѣренный секретарь „патріарха“ отправилъ къ нему на этомъ основаніи учтливое, по

холодное письмо, въ которомъ говорилось что, „къ крайнему его огорченію, семейный долгъ не дозволяетъ ему вернуться“, и остался въ Аячціо, откуда вскорѣ затѣмъ и долженъ былъ бѣжать вмѣстѣ съ остальною семьей отъ посланныхъ арестовать ее корсиканскихъ патріотовъ. „Городъ не успѣлъ еще скрыться изъ нашихъ глазъ, лишетъ Люціанъ, какъ увидѣли мы съ вершины горы лама клубомъ вырывающееся изъ середины его.—Это вашъ домъ горитъ, со слезами въ глазахъ оказалъ одинъ изъ сопровождавшихъ насъ.— Утѣштесь, отвѣчала ему моя мать, мы выстроимъ новый еще лучше (nous la rebâtirons plus belle)—и да здравствуетъ Франція!“

Въ этихъ словахъ сказывалось какъ бы предвѣдѣніе будущаго; но пока, переѣхавъ во Францію, семья очутилась чуть не въ нищенскомъ положеніи. Наполеонъ помогалъ ей сколько могъ изъ своего скуднаго офицерскаго жалованья. Самъ онъ хлопоталъ, и довольно тщетно сначала, о переводѣ своемъ оцать въ артиллерію въ томъ же чинѣ баталіоннаго командира который носилъ онъ въ Корсикѣ, команду волонтерами. Брату своему Іосифу онъ выхлопоталъ мѣсто въ военномъ комиссаріатѣ, а Люціанъ получилъ должность смотрителя провіантскихъ магазиновъ въ маленькомъ городкѣ Saint-Maximin, близъ Марсеа.

Тамъ, „какъ въ ту пору въ каждой изъ мѣстностей Франціи, большой и малой, былъ свой клубъ и революціонный комитетъ, всѣмъ заправлявшіе въ отсутствіе комиссаровъ Конвента.“ Поборники революціи тѣмъ болѣе волновались въ ту пору что на всемъ югѣ Франціи шла сильнѣйшая роялистская реакція: Ліонъ упорно защищался противъ посланныхъ усмирять его Конвентомъ войскъ, а Тулонъ передался соединенному флоту Англіи и Испаніи, дѣйствовавшимъ якобы въ пользу Бурбоновъ. Осемнадцатилѣтній магазинный смотритель, принявшій для вѣщаго доказательства своего республиканства имя „Брута“, * оказалъ самымъ рьянымъ демагогомъ и бойкимъ ораторомъ „патріотическаго клуба“ въ Saint-Maximin, вслѣдствіе чего избранъ былъ президентомъ его

* Офіціальная подпись его значилась такъ: „Brutus Buonaparte, citoyen sans-culotte“. Наполеонъ горько жаловался пріятелямъ своимъ на этого „якобинизмъ“ брата, который, говорилъ онъ, „могъ найти себѣ извиненіе единственно въ недомыслии его молодыхъ лѣтъ“.

„революціоннаго комитета“ и „получилъ такимъ образомъ, какъ выражается онъ, свою маленькую диктатуру“.

Тѣмъ временемъ (въ декабрь 1793) былъ взятъ Тулонъ, — и имя главнаго виновника этой новой побѣды революціоннаго правительства, имя Бонапарта, произведеннаго за это дѣло въ бригаднаго генерала, впервые провнеслось по Франціи.... Люціанъ сообщаетъ по этому случаю любопытную подробность. Робеспьеръ Младшій, посланный отъ Конвента комиссаромъ при Альпійской арміи, въ которую, по взятіи Тулона, назначенъ былъ новопроизведенный генералъ командовать артиллеріей, предлагалъ ему отъ имени своего всемогущаго въ ту минуту брата должность командующаго войсками въ Парижѣ, вмѣсто неспособнаго *санктолота* Ганріо (Henriot). Бонапартъ отвергъ это предложеніе. „Не время еще, говорилъ онъ братьямъ, съѣхавшимся на свиданіе съ нимъ въ Ниццу:—въ настоящую пору для меня нѣтъ подходящаго мѣста кромѣ какъ въ арміи; имѣйте терпѣніе, я буду командовать Парижемъ позднее (je commanderai Paris plus tard)“. Нѣсколько недѣль спустя, заключаетъ Люціанъ, „девятое термидора избавило Францію (отъ террора) и оправдало дальновидность генерала. Еслибы Наполеонъ командовалъ (войсками въ Парижѣ) вмѣсто Ганріо, на которой сторонѣ осталась бы побѣда?“

Казнь Робеспьера дала волю выраженію всей той глубокой ненависти которую якобинцы внушали большинству населенія въ странѣ. Все что состояло въ какомъ-либо отношеніи къ этой „партіи крови“ подверглось преслѣдованію. „Робеспьеръ Младшій оказалъ нѣкоторое вниманіе (avait témoigné quelque estime) генералу Бонапарту; этого было достаточно для его опалы. Арестованный подъ какимъ-то вздорнымъ предлогомъ и посаженный въ крѣпость, отпущенный на свободу нѣсколько дней затѣмъ, онъ (Наполеонъ) былъ окончательно отставленъ отъ должности и отправился въ Парижъ просить мѣста“. „Диктаторъ“ городка Saint-Maximin, перешедшій на другую маленькую должность въ другой городокъ, Saint-Chamans, былъ захваченъ тамъ контръ-революціонерами, принадлежавшими къ разбойничьимъ бандамъ роялистовъ, принявшимъ названіе „Compagnons de Jésus“, и посаженъ въ тюрьму въ городѣ Aix, въ которой пробылъ шесть недѣль. Онъ выпущенъ былъ оттуда лишь благодаря брату своему, генералу, сумѣвшему тѣмъ временемъ найти

покровителя въ Баррасѣ, могущественнѣйшемъ въ ту минуту членѣ Конвента.

Люцианъ тѣмъ временемъ успѣлъ жениться на дочери трактурщика города Saint-Maximin, двѣцѣ Екатерины Бойе. Онъ былъ несовершеннолѣтній, а слѣдовательно не правоспособенъ къ законному вступленію въ бракъ. Чтобы обойти это затрудненіе онъ, какъ узнаемъ мы изъ помѣнокъ г. Юнга, прибѣгъ къ подмогу, представивъ мерію, вмѣсто своего, метрическое свидѣтельство брата своего Иосифа, по коему онъ оказался на шесть лѣтъ старше своихъ действительныхъ лѣтъ...

По выходѣ изъ тюрьмы нашъ республиканецъ переехалъ въ Марсель, гдѣ мать его, сестры и маленькій братъ Жеромъ жили въ величайшей нуждѣ. Вернуться къ женѣ въ Saint-Maximin онъ не смѣлъ, страшась контръ-революціонеровъ, господствовавшихъ въ свою очередь теперь на всемъ югѣ Франціи.

Такъ-называемая „конституція III года“ (провозглашенная въ 1795), упразднившая наконецъ ненавистный странѣ Конвентъ и установившая двѣ законодательныя камеры (высшую—Совѣтъ Старшихъ, и низшую—Совѣтъ Пятисотъ) и „исполнительную директорію“ (directoire exécutif) изъ пяти членовъ, между которыми первое мѣсто занималъ тотъ же Баррасъ,—ведетъ за собою эру неслыханнаго возвышенія семьи корсиканскихъ изгнанниковъ. Генералъ Бонапартъ получаетъ постъ командира войскъ въ Парижѣ и за подавленіе 13 вандемьера возбужденной тайно роялистами инсurreкціи парижской черни противъ основаній новой конституціи * производится въ дивизионнаго генерала. Пять дней послѣ этого онъ уже находитъ возможность послать своимъ „отъ 50 до 60 тысячъ ливровъ (франковъ) серебромъ, ассигнаціями и бумагами“. Вслѣдъ затѣмъ, Люцианъ получалъ мѣсто чиновника „военнаго комиссариата (commissaire de guerre) Сѣверной арміи“. Отправившись туда съ женой, онъ по пути съ юга остановился въ Парижѣ, и повелъ тамъ такую разгульную жизнь что братъ насилу выпроводилъ его къ

* Главная позиція инсургентовъ находилась у церкви *Святаго Роса* (Saint Roch). Бонапартъ вывелъ противъ нея нѣсколько артиллерійскихъ батарей, положившихъ на мѣстѣ 1.200 человѣкъ, послѣ чего все остальное разбѣжалось.

мѣсту назначенія. Но онъ не выдержалъ существовавшей въ Сѣверной арміи строгой дисциплины и чрезъ мѣсяць, покинувъ должность свою безъ дозволенія,—что въ военное время равнялось дезертирству, проѣхалъ чрезъ всю Германію въ Миланъ, гдѣ въ эту минуту находился Наполеонъ, только что жевившійся на старшей его десятию годами вдовѣ гальютинированнаго генерала Богарне и „получившій за нею въ приданое отъ Барраса командованіе Италіанскою арміею...“ Генералъ кое-какъ выгородилъ „бѣдоваго брата“ отъ послѣдствій противозаконнаго его поступка, не согласился однако оставить его при себѣ (старшій изъ Бонапартовъ, Іосифъ, въ это же время назначенъ былъ по его ходатайству посланникомъ Франціи въ Римъ) и выпросилъ ему у тогдашняго военнаго министра Карно мѣсто все по тому же комиссаріату въ Корсикѣ, перешедшей въ ту пору опять подъ власть Франціи. Люціанъ воспользовался возвращеніемъ своимъ на родину чтобъ устроить себѣ въ городѣ Бастія (1798) избраніе въ члены законодательнаго совѣта Пятисотъ, въ который (его же, говоритъ онъ, стараніями) уже назначенъ былъ, годомъ ранѣе, депутатомъ отъ той же Корсики братъ его Іосифъ.

Какъ могъ добиться такого избранія маленькій комиссаріатскій чиновникъ не имѣвшій даже установленнаго для сего закономъ 25лѣтняго возраста (Люціану въ ту пору только что минуло 23 года) и лишенный къ тому же, насколько мы это видѣли до сихъ поръ, всякихъ, повидимому, денежныхъ средствъ? „Подобнаго сорта затрудненія, отвѣчаетъ на это г. Юанъ, ничего не значили для членовъ этой семьи, единственной въ своемъ родѣ“.

„Требуемый возрастъ доставляетъ Люціану его брачное свидѣтельство, на которомъ обозначены ему годы метрическаго свидѣтельства брата его Іосифа, въ силу котораго, какъ мы уже знаемъ, онъ получилъ возможность вступить въ законный бракъ. Деньги у него есть. Откуда? Идутъ ли они отъ щедротъ брата генерала? Плодъ ли это взятокъ (conspicions) самого комиссаріатскаго чиновника или какой-либо болѣе или менѣе подозрительной комбинаціи состряпанной вмѣстѣ съ братомъ Іосифомъ?... Во всякомъ случаѣ вѣрно то что недобрые слухи въ ту пору ходили о семьѣ.“

Читатели знакомые съ *Исторіей Наполеона Лафре* и другими новѣйшими критическими изслѣдованіями относящимися

къ исторіи Европы конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія не найдутъ ничего новаго для себя въ сообщаемыхъ г. Юнгомъ вслѣдъ за приведенными нами словами, подробностяхъ о захваченныхъ, напрамѣрь, всякими средствами Иосифомъ Бонапартомъ въ пору посольства своего въ занятыхъ французскими войсками Римѣ драгоценныхъ предметахъ искусства, доставившихъ ему возможность, по возвращеніи во Францію, приобрести домъ (hôtel) въ Парижѣ и помѣстье Morgontaine въ окрестностяхъ его, о продажахъ братьевъ съ однимъ марокскимъ судномъ, которымъ завладѣли посланные ими люди у береговъ Корсики, признавъ его будто бы за пиратское, и продажа котораго доставила имъ до 200 тысячъ франковъ, и т. п... Читателямъ этимъ уже достаточно вѣдома изнанка всей завоевательной эпопеи перваго „вѣчнаго избранника Французскаго народа“ и его сподвижниковъ. *Грабежъ* чуть же en toutes lettres обѣщаетъ онъ своимъ воинамъ какъ цѣль чаемыхъ отъ нихъ подвиговъ, въ известномъ, приведенномъ въ подлинникъ у Ланфре, приказѣ его по арміи при вступленіи ея въ богатая долины Ломбардіи въ первую Италіанскую кампанію; сплошной, открытый, безшабашный грабежъ практиковалъ онъ со всеми своими маршалами * и генералами во все теченіе своихъ войнъ и всюду, во всѣхъ странахъ куда вступали его побѣдоносные ораы. Братья Наполеона были въ этомъ отношеніи ни лучше, ни хуже самого его и его рати...

Неправильность избранія Люціана депутатомъ не помѣшала ему быть утвержденнымъ въ этомъ званіи совѣтомъ Пятисотъ и даже быть принятымъ тамъ съ особою милостію (faveur), которую онъ основательно и вкромно приписываетъ „всецѣло обаянію имени брата“ бывшаго тогда на всѣхъ устахъ...

Вѣсть съ переменной положенія происходитъ и соответственная эволюція въ его политическихъ воззрѣніяхъ. Недавній демагогъ, „Брутъ“ революціоннаго комитета городка Saint-Maximin, преисподняется въ совѣтъ Пятисотъ убѣжденіемъ

* Какъ примѣръ изъ тысячи другихъ, достаточно назвать знаменитую картинную галерею маршала Сульта (изъ которой, между прочимъ, приобретены за огромныя деньги лучшіе нумера *испанской школы* нашего Эрмитажа), всю награбленную въ испанскихъ модастыряхъ.

въ необходимости огражденія правительственной власти отъ дерзости, лжи и клеветъ враждебныхъ ей лицъ и партій. Вотъ какъ разсуждаетъ онъ, напимѣръ, въ своихъ запискахъ о тѣхъ безпрестанныхъ нападкахъ какъ со стороны печати и политическихъ клубовъ всякихъ цвѣтовъ, такъ и изъ среды законодательныхъ палатъ того времени коихъ была предметомъ исполнительная власть Директоріи и подъ ударами которыхъ, говоритъ онъ, „республика, владшая наконецъ въ состояніе маразма, чуть не погибла подъ татарскими кольями Суворова (fut au moment d'expirer sous les piques tartares de Suvarof)“:

„Эта манія ежедневной оппозиціи правительственной власти въ тѣхъ административныхъ мѣрахъ которыя считаетъ она нужнымъ принимать для общественной службы почти всегда гибельна; она представляется какъ бы благороднымъ доказательствомъ независимости (со стороны оппозиентовъ), въ сущности же, часто бессознательно, она не что иное какъ эгоизмъ личный или сословный (de corps). Затруднять свое правительство на каждомъ шагѣ—страннаго рода патріотизмъ. Создавать преграды администраціи, особенно на ея высшихъ ступеняхъ, вредно для управляемыхъ еще болѣе чѣмъ для правителей. Обезсищаютъ тамъ гдѣ нужно укрѣпить; колютъ кормчаго булавками когда онъ проходитъ межъ подводныхъ камней. Руководимое имъ судно несетъ насъ какъ и его. Если онъ искусенъ, оставимъ его дѣлать какъ онъ знаетъ и будемъ помогать, а не мѣшать ему маневрировать. Но, скажутъ, если онъ не искусенъ и ведетъ насъ ко крушенію? Что же, и въ такомъ случаѣ надо помогать ему до того именно момента когда спасеніе наше потребуетъ другаго руководителя...“

Этого другаго „кормчаго“, имѣвшаго сласти погибавшую отъ бездарности и духовной безпомощности личнаго своего состава Директорію, Люціанъ (если только примемъ мы на вѣру то что говоритъ онъ объ этомъ въ своихъ запискахъ), въ отсутствіи брата, бывшего также въ Египтѣ, думалъ будто бы искреннимъ образомъ найти въ Сісѣ, только что вернувшемся изъ Берлина, гдѣ состоялъ посломъ съ 1795 года *

* Сісѣ, бывшій священникъ, генеральный викарій епископства Шартрокаго до созванія Людовикомъ XVI Генеральныхъ Штатовъ, видный вѣтъмъ дѣлатель всѣхъ сдѣловавшихся другъ за другомъ

и согласившемся принять мѣсто одного изъ выбывавшихъ по очереди директоровъ. „Содѣйствуя Сіэсу всѣми мѣрами усиленіи моими, говоритъ онъ (онъ былъ уже въ ту пору секретаремъ Пятисотъ), я дѣлалъ все что могъ чтобы сохранить правительство Директоріи. Еслибы этотъ режимъ могъ быть спасенъ, то именно Сіэсомъ, его мудрыми теоріями, и тѣми кто сгруппировали тогда кругомъ него... Въ другое время Сіэсъ былъ бы республиканскимъ законодателемъ своей страны... Но гдѣ была его сила? спрашиваетъ себя тутъ же братъ Наполеона, гдѣ было его лукавство?... *А безъ лукавства и меча какъ править въ эпоху прогресса и новыхъ притязаній (de prétentions nouvelles)?...*“

законодательныхъ собраній революціонной Франціи, былъ одинъ изъ самыхъ видныхъ теоретиковъ эпохи. Плохой ораторъ, онъ былъ неутомимый кабинетный работникъ, задумыватель и редакторъ проектовъ и мѣръ исходившихъ изъ синтеза революціонной идеи. Онъ, авторъ извѣстной брошюры, изданной имъ въ 1789 и опредѣлившей сразу принципиальное значеніе стремленій той минуты (*Qu'est-ce que le Tiers-état? Tout. Qu'a-t-il été jusqu'ici? Rien.—Que demande-t-il? Devenir quelque chose*). Въ Конвентѣ онъ принадлежалъ къ партіи равнины (la Plaine), относительно умѣренной, что не помѣшало ему голосовать съ большинствомъ въ вопросѣ о казни короля (примечанія сказанныя имъ будто бы слова: „La mort sans phrases“ некогда не были имъ произнесены). Послѣ 9 термидора онъ былъ членомъ Комитета Общественной Безопасности и принималъ участіе въ дипломатическихъ переговорахъ съ Пруссіей приведшихъ Францію къ заключенію въ 1795 съ этимъ государствомъ мира въ Базелѣ. Сіэсъ былъ рѣшительный противникъ государственнаго устройства которому дано было названіе „Конституціи III года“, отказался отъ мѣста директора при учрежденіи ея, принялъ мѣсто посланника при Прусскомъ дворѣ и, вернувшись изъ Берлина чрезъ четыре года, вступилъ въ директорію лишь съ цѣлью замѣнить ее другою государственною „комбинаціей“. Назначенный затѣмъ комиссаромъ вмѣстѣ съ Бонапартомъ и тотчасъ же стуженный своимъ властолюбивымъ товарищемъ, онъ отказался отъ политической дѣятельности и удалился въ получаемое имъ въ даръ отъ щедротъ того же Бонапарта помѣстье, въ удивленіи котораго прожилъ до конца первой имперіи, наградившей его титуломъ графа. Изгнанный изъ Франціи правительствомъ реставраціи онъ поселился въ Брюсселѣ въ 1815, вернулся оттуда послѣ воцаренія Людовика-Филиппа и умеръ въ 1836 въ глубокой старости, 84 лѣтъ отъ роду.

Самъ теоретикъ-либераль Сіезъ чувствовалъ необходимость этого „меча“ для спасенія страны отъ анархіи которая грозилъ ей въ ту минуту когда усилки Суворова возбуждали повсюду въ ней какой-то оуевѣрный ужасъ и не давали спать ея правительству. Но чьей рукѣ довѣрить его? Молодой герой Тироля, Жуберъ *, которому предложень былъ постъ командующаго войсками въ Парижѣ, не согласился принять его и назначень былъ главнокомандующимъ Итальянскою арміею. Прочіе пользовавшіеся извѣстностью генералы: Журданъ, Ожеро, Ланаркъ, — члены совѣта Пятисотъ, — Бернадотъ, — тогдашній военный министръ, — Марбо, — комендантъ Парижа, — принадлежали къ партіи крайнихъ республиканцевъ (которыхъ по старой памяти звали еще „якобинцами“, хотя убѣжденія ихъ стояли уже довольно далеко отъ кроваваго ученія доктринеровъ Террора) и желали не усиленія правительственной власти директоровъ, а концентрированія правительства (по примѣру Конвента) въ совѣтъ Пятисотъ... „О, еслибы вашъ братъ былъ здѣсь!“ говорилъ Сіезъ Люціану, и „должно же было быть положеніе дѣйствительно опаснымъ, прибавляетъ къ этому отъ себя дослѣдній, — когда онъ рѣшился мнѣ это сказать“...

Разгромъ французскихъ войскъ при Нови и смерть Жубера подняли страшный переполохъ. Дерзость печати переступила по поводу этого событія всякую мѣру: газеты заявили что „итальянская армія продана русскимъ генералами ея, Моро и Макдональдомъ“, и взывали къ народу „спасти самого себя...“ Директорія, совмѣстно съ совѣтомъ Старшихъ, рѣшилась на энергическую мѣру: 11 редакторовъ газетъ были арестованы и тилографіи ихъ запечатаны. Сообщение правительства объ этомъ распоряженіи вызвало бурю среди *якобинцевъ* совѣта Пятисотъ. Журданъ и его военные товарищи отвѣчали на него предложеніемъ „объявить отечество въ опасности“ и назначить „коммиссію общественнаго спасенія (commission de salut public)“ изъ девяти членовъ, избранныхъ

* Жуберу было тридцать лѣтъ когда онъ, въ званіи главнокомандующаго арміи, убитъ былъ подъ Нови. Онъ родился въ 1769, въ одинъ годъ съ Бонапартомъ, Гошемъ (Hoche) и Марсо, лучшими генералами республики, и въ томъ же возрастѣ какъ онъ, между 25 и 30 годами, командовавшими арміями. Это была поистинѣ золотая эпоха для молодыхъ талантовъ и честолюбій.

Пятидесятая из своей среды. Шенье (Иосифа, братъ казненнаго поэта) и Люцианъ Бонапартъ, принадлежавшіе къ партиі таинъ - называвшиися „конституціонистовъ“ (constitutionels), отличали на это рѣчами вырвавшимся побѣду у якобинцевъ. Предложеніе Журдана провалилось, а „стоявшій за нимъ Бернадотъ, котораго Сіеэъ считалъ особенно опаснымъ для правительства, отрѣшенъ отъ должности военнаго министра“... Директорія была опасена на этотъ разъ, но по самой сущности своей она обречена была на смерть, elle n'était pas née viable, какъ говорятъ Французамъ. Сіеэъ, козавиъ положенія въ ту минуту, присутствовалъ, но настоянію конституціонистовъ, къ изготовленію проекта новой комбинаціи государственнаго устройства.

„Съ якобинцами мы рѣшились окончательно порвать,“ пишетъ Люцианъ—и сопровождаетъ оцѣнку этихъ словъ размышленіями довольно курьезными со стороны человѣка политическіе дебюты котораго мы видѣли. „Въ торжествѣ итѣнній якобинцевъ, говоритъ онъ, мы видѣли величайшую опасность для отечества... Демагоги—лысцы толпы. Между вами многіе совершенно искренни,—искренни какъ многіе царедворцы, которые, привыкнувъ видѣть своего господина сквозь призму самовластія, кончаютъ тѣмъ что обожаютъ его дѣйствительно и поклоняются ему какъ существу сверхъестественной природы. Точно также привороженные, злые народнымъ фаворомъ, многіе демократы, честные сначала, допускаятъ себя подъ конецъ до преступленія, до убійства. Всѣ фанатики родня между собою: *проливатели* крови якобинской *сѣкты* (de la secte jacobine), Вареоломеевской ночи, Старцы Горы, равно обуямы нравственнымъ бѣшенствомъ. Самые искренніе изъ нихъ—самые опасные, и этихъ-то именно между вами честныхъ и вѣрующихъ людей (hommes de coeur et de foi) не сдѣдуетъ упускать изъ вида и, *если нельзя убѣдить и просвѣтить ихъ, надо преслѣдовать безъ пощады и передѣлки* (sans ménagement et sans répit), *какъ только фанатизмъ ихъ угрожаетъ обществу разрушеніемъ*“...

Не забудемъ впрочемъ что все это писано après coup, тридцать пять лѣтъ послѣ событий о которыхъ повѣствуется здѣсь (въ 1834), и съ явною цѣлью придать этимъ событіямъ окраску при которой непредвидѣнное будто бы возвращеніе Наполеона въ моментъ когда политическій кризисъ достигалъ своей кульминаціонной точки должно быть разумѣемо какъ бы

дѣломъ Провидѣнія, желавшаго удержать Францію отъ паденія въ пропасть. Выражаемое Люціаномъ, въ приведенныхъ нами сейчасъ весьма основательныхъ по существу, строкахъ, негодование на крайнія мнѣнія людей съ которыми онъ вполнѣ единомыслилъ до самой минуты вступленія Сісса во власть, звучитъ въ устахъ его такимъ же преувеличеніемъ, чтобы не сказать фальшью, какъ и хвалебные отзывы расточаемые имъ тому же Сіссу и его „мудрымъ теоріямъ“. На самомъ дѣлѣ убѣжденія и теоріи тѣхъ или другихъ партій и лицъ были для Люціана, какъ и для всѣхъ вообще членовъ семьи Бонапартовъ, любезны или ненавистны лишь въ той мѣрѣ въ какой могли они служить или препятствовать ихъ семейнымъ интересамъ и планамъ. Положеніе вещей въ политическихъ сферахъ Франціи тѣхъ дней представлялось для нихъ въ такомъ видѣ: главенствовавшій въ Директоріи Сіссъ былъ представителемъ партіи консервативной, „конституціонной“; предъ Сіссомъ стояли два серьезные противника: роялисты и якобинцы. Могло ли паденіе его быть выгодно для бонапартовъ? Нѣтъ, потому что оно послужило бы только возобладанію той или другой изъ этихъ партій, а это никакъ не согласовалось съ тайными цѣлями преслѣдуемой семьей. Ergo: слѣдовало поддерживать пока Сісса, протягивать кризисъ насколько было возможно, помогать консервативамъ, отымать надежды у роялистовъ, усыплять ревную „патріотическую“ бдительность якобинцевъ,—все это въ ожиданіи благопріятной минуты когда на сцену дѣйствительнымъ рѣшителемъ судебъ страны придетъ изъ Египта братъ генералъ.

Минута эта теперь настала: „21 вандемьера (октября), пишетъ Люціанъ, грянула какъ ударъ молніи и раздалась во всѣхъ закоулкахъ Парижа вѣсть:—Бонапартъ во Франціи! онъ высадился въ Фрежюсъ: онъ идетъ!“..

Неожиданность будто бы этого возвращенія, которую Люціанъ въ своихъ запискахъ старается вслѣдствіи установить какъ фактъ, г. Юнгъ опровергаетъ неотразимо ссылками на документальныя свидѣтельства относящіяся до этого обстоятельства. Изъ нихъ явствуетъ что старый локровитель бонапартистовъ, Баррасъ, въ бытность свою во власти и въ виду затрудненій которыя встрѣчала она на каждомъ шагу и со всѣхъ сторонъ, предлагалъ своимъ сотоварищамъ, директорамъ, вызвать командовавшаго Египетскою арміею во Францію. Но

на это, говоритъ въ одной изъ своихъ делешъ тогдашній прусскій посланникъ въ Парижъ, Сандоръ-Ролленъ, всё одинъ голосъ воскликнулъ: „Развѣ мало у насъ генераловъ желающихъ захватить въ руки свои власть что намъ еще этого нужно! Пусть онъ остается тамъ куда отправился, — ничего выгоднѣе этого для насъ не можетъ быть“... Тѣмъ же мѣсяцемъ Баррасъ и единомышленникъ съ нимъ директоръ Ребвель взяли на себя послать Бонапарту делешу, въ которой говорилось что „Директорія рѣшила вызвать Египетскую армію назадъ и что въ этихъ видахъ приказано адмиралу Брюису (Brueis) употребить всё усиліе для овладѣнія Средиземнымъ моремъ.“ Талейранъ, бывшій тогда министромъ иностранныхъ дѣлъ, посылая эту делешу Брюису для передачи ея по принадлежности, сообщалъ ему отъ себя: „Директорія пишетъ Бонапарту лишь нѣсколько словъ, которыя посылаю ему вмѣстѣ съ письмомъ отъ Барраса и моимъ; вамъ поручается сообщить ему устно о теперешнемъ положеніи, внутреннемъ и внешнемъ. Привезите его обратно (rapenez le). Вамъ рекомендуется лояльнѣйшая тайна относительно вашего порученія“... Но Брюисъ погибъ подъ Абукиромъ вмѣстѣ со своимъ флотомъ, и вызываемый генералъ долго не находилъ случая покинуть Египетъ. Тѣмъ временемъ вліяніе Барраса въ Директоріи успѣло ступенчатся предъ авторитетомъ вступившаго въ нее Сіэса. Семья Бонапартовъ, содѣйствуемая Талейраномъ, повела теперь дѣятельную игру чтобы склонить новое свѣтло на тѣсный союзъ съ Наполеономъ, котораго извѣщала она обо всемъ что происходило въ Парижѣ и ждала теперь со дня на день. Сіэсъ, какъ всё политическіе люди этой эпохи, боялся властолюбія „этого Корсиканца“, и принималъ, окрѣпля сердце, предложенное ему соглашеніе лишь послѣ того какъ смерть Жубера и отказъ генераловъ Журдана и Брюна, * принадлежавшихъ къ якобинской партіи, лишила его всякой надежды опереться на грозную для его противниковъ, но безопасную для него самого шпалу. „Шпала Бонапарта, по выраженію Люціана, была слишкомъ дѣльна“... Уже вступивъ въ заговоръ съ братьями Наполеона, Сіэсъ на всякій случай вызвалъ изъ Италіи генерала Моро, принявшаго начальство надъ тамошнюю

* Бывшій другъ Дантона и затѣмъ маршалъ Франціи, убитый республиками на югѣ Франціи, въ 1815 году.

французскою арміею послѣ смерти Жубера... Моро прѣхалъ въ Парижъ въ одну день съ Бонапартомъ. „Слишкомъ поздно!“ узнавъ объ этомъ сказалъ мнѣ Сіэсъ, перемѣняясь въ лицѣ, сообщаетъ Люціанъ по этому случаю, и довольно живо прибавляетъ къ сему: „Изъ этого восхищенія и едва скрываемаго замѣшательства я могъ понять что возвращеніе брата вызывало въ душѣ Сіэса гораздо болѣе смущенія, чѣмъ радости“. Надо полагать!...

Самъ Наполеонъ, вернувшись по вызову Барраса, за которыми стояла не перестававшая дружить съ нимъ Жозефина, очутился съ первой же минуты прѣзда въ домъ свой между двумя соперничавшими вліаніями. Братья его, со всею остальною его семьей, ненавидѣли его жену и тѣмъ горяче стояли за союзъ его съ Сіэсомъ что она поддерживала Барраса, чинившаго въ свою очередь, при содѣйствіи бывшаго своего протеже, вернуть потерянное имъ главенствующее положеніе въ Директоріи. Генералъ призналъ комбинацію предложенную ему братьями болѣе подходящую для себя чѣмъ жеману, но не смелъ нужными торопиться личными переговорами съ Сіэсомъ. „Горачія сочувствія, говоритъ Люціанъ, восторженныя оваціи съ которыми былъ онъ встрѣченъ по прѣздѣ въѣму безъ различія, равно заискивавшими въ немъ, партіями ставили его въ необходимость, по его мнѣнію, никого не отталкивать на первыхъ порахъ“... Недѣли чрезъ двѣ однако, „не смотря на его осторожность, мнѣнія его начали выясняться. Якобинцы увѣрились что на него разчитывать нельзя, и воспылали къ нему ненавистью“.

Въ началѣ брюмера (ноября), при очередной смѣнѣ должностныхъ лицъ обѣихъ законодательныхъ камеръ, Люціанъ, благодаря еще разъ обаянію вернувшагося брата, избранъ былъ президентомъ Пятисотъ. На мѣста такъ-называвшихся „инспекторовъ“ этого совѣта (ихъ было числомъ 5) назначены были лица тоже принадлежавшія къ партіи реформистовъ Сіэса, вслѣдствіе чего она надѣялась что колебавшееся до тѣхъ: поръ большинство Пятисотъ перешло окончательно на ея сторону. На огромное большинство партіи нововъ реформы въ совѣтѣ Старшихъ партія давало молва исполнѣ разчитывать. Такимъ образомъ принятіе камерами изготавленнаго Сіэсомъ проекта кореннаго преобразованія Конституціи III года казалось ему и друзьямъ его вполне обезпеченнымъ. Тѣмъ не менѣе они, ослѣпаясь чѣмъ пораженныя

на законодательной мечѣ якобинцы не перенесли борьбы на улицу, позволивъ населеніе предвѣстій и вѣчно готовую на мятежъ голодную чернь Парижа, пришли къ рѣшенію перенести засѣданія Законодательнаго Кортуса (то-есть обонхъ Советовъ) изъ занимаемыхъ имъ въ столицѣ помѣщеній въ загородный дворецъ Сень-Клу. Сизсъ предложилъ при этомъ „чтобъ исполненіе этой важной мѣры поручено было советомъ Старшихъ генералу Бонапарту, котораго для сего и назначить особымъ приказомъ (décret spécial) командующимъ всеми военными силами Парижа и его окрестностей, равно какъ и охранительною стражей (garde) Законодательнаго Кортуса и Директоріи“.

Объ этомъ рѣшеніи Наполеонъ былъ своевременно извѣщенъ братьями, и 10 брѣмера согласился наконецъ на келейное свиданіе съ Сизсомъ. Оно произошло у Людіана въ домѣ „и не продолжалось болѣе часа“, сообщаетъ тотъ. Сизсъ и Бонапартъ поужинались. „Съ первой минуты моего приѣзда, началъ прямо генераль, расположеніе мое стало вамъ извѣстно. Время дѣйствовать настало. Приняты ли у васъ вои мѣры?“ Сизсъ заговорилъ о проектировавшихся имъ конституціонныхъ измѣненіяхъ. Генераль прервалъ его такъ: „Я все это знаю чрезъ брата, но вы конечно не полагаете представить Франціи новую конституцію не обсудивъ ее предварительно съ надлежащею вѣскостью, статья за статьей. Это не дѣло одного дня, а вамъ терять времени некогда. Намъ поэтому необходимо временное правительство, которое вошло бы во власть съ самаго дня переѣзда (советовъ изъ Парижа) и законодательная коммиссія для разработки разумной конституціи (une constitution raisonnable) и представленія ея затѣмъ на утвержденіе націи законною подачей голосовъ. Послѣ этой подачи кто тамъ ни зашевелится, роялисты или якобинцы, мы ихъ образумимъ!.. Займитесь же исключительно теперь переѣздомъ въ Сень-Клу и назначеніемъ временнаго правительства. Я согласенъ чтобъ это правительство ограничено было, по вашему предположенію, тремя лицами и, если находить это нужнымъ, готовъ быть однимъ изъ трехъ временныхъ консуловъ съ вами и товарищемъ вашимъ (однимъ изъ тогдашнихъ пяти директоровъ) Роже - Дюкю. Что же касается того чтобъ окончательно установить правительство—это другое дѣло: мы увидимъ что вы рѣшите въ законодательной коммиссіи. Я

поддержу ваши рѣшенія, но оставляю за собою выборъ: быть членомъ исполнительнаго вѣдѣнія, или предпочесть этому командованіе какою-нибудь арміею. Это будетъ зависѣть отъ того что вы установите (*de ce que vous réglerez*)“... А какъ мы на эти слова отвѣчали молчаніемъ, Бонапартъ, погодя немного, подошелъ къ Сіэсу и сказалъ ему болѣе возбужденнымъ тономъ (*d'un ton plus animé*): „Да можетъ-быть вы не желаете представить вашъ проектъ на разсмотрѣніе коммисіи и считаете возможнымъ что-нибудь сдѣлать безъ временнаго консульства? Въ такомъ случаѣ, не ида даже, а скажу вамъ откровенно что вы не должны разчитывать на меня!“ Онъ всталъ и повторилъ: „Безъ этого на меня не разчитывайте. Тутъ много другихъ генераловъ которымъ вы можете поручить исполненіе декрета Старшихъ. Подумайте объ этомъ. Мы можемъ свидѣться опять здѣсь, когда хотите“... Онъ вышелъ. „Его самоувѣренность (*son aplomb*), логика и положительное краснорѣчіе какъ бы совсѣмъ уничтожили Сіэса, заключають Людіанъ; далекій захватъ этого новаго плана поразилъ и испугалъ его за будущее... Конституція его при этомъ отодвигалась въ глубь сцены и предоставлялась невѣдомымъ будущимъ шансамъ. Онъ переставалъ стоять во главѣ движенія; болѣе мощное свѣтило увлекало его въ сферу своего теченія. Но дѣлать было нечего; онъ понялъ это и смирился.“

„Генералъ чувствуетъ себя такимъ же хозяиномъ здѣсь какъ и на полѣ битвы, сказалъ онъ Людіану, оставшись съ нимъ вдвоемъ. Приходится послѣдовать его мнѣнію. Еслибъ онъ отказался, все бы пропало... Послѣзавтра все будетъ готово. Въ томъ же часу я буду здѣсь.“

Послѣ этого свиданія, положеніе Людіана, признается онъ, „между Сіэсомъ и братомъ стало неловкимъ (*gênante*).“ Ему „дали понять что онъ зналъ де заранѣе о рѣшеніи генерала и не предварилъ о немъ Сіэса и общихъ ихъ друзей.“ Но онъ утверждаетъ что реформисты неосновательно подозрѣвали его въ этомъ, что братъ ничего не говорилъ ему до минуты разговора съ Сіэсомъ, что это даже чувствительно укусило его (*piqué au vif*) и что „предложенная Наполеономъ отсрочка на неопредѣленное время давно задуманныхъ конституціонныхъ реформъ повразилась ему такъ же мало какъ самому Сіэсу...“ Мы уже видѣли что показанія Людіана весьма часто не выдерживаютъ провѣрки ихъ, но въ этомъ случаѣ весьма вѣроятно что Наполеонъ дѣйствительно несколько

не считая нужнымъ сообщать заранее тайну намѣреній своихъ брату, о политическомъ вѣдѣннн котораго онъ поведенному былъ довольно слабого мнѣнн, и что самолюбн того было такъ и въ самомъ дѣлѣ задѣто живо.

Второе свиданн, назначенное на 12 бримера, отложено было на 15 вечеромъ, и состоялось тотчасъ въздѣ за торжественнымъ обѣдомъ на 750 кувертовъ, который законодательный корпусъ давалъ въ этотъ день генераламъ Бонапарту и Моро въ „храмѣ Славы“, бывшей церкви Saint-Sulpice. Жюданъ, Ожеро и нѣкоторые другн изъ крайнихъ якобинцевъ Пятисотъ не явились на этотъ обѣдъ. Прочелъ слухъ что они въ это время обѣдали у одного изъ дѣятельнѣйшихъ людей Террора и преданнѣйшихъ клевретовъ Робеспьера, бывшего генерала Салтера, сохранившаго, какъ было извѣстно, еще большое влннн на парижскую чернь... Снѣзъ, свидѣвшись съ Бонапартомъ у его брата, заговорилъ прежде всего съ негодованнмъ о „дерзости этихъ людей грозящихъ республикѣ неисчислимыми смутами“—и перешелъ затѣмъ къ дѣлу: „Все исполнено по вашему желанн, генералъ. Все условлено на 18 число (перѣздѣ въ Saint Cloud и объявленн временнаго правительства) и, можетъ-быть, даже лучше было бы еслибъ это было на завтра, потому что предмета готовы возстать съ минуты на минуту. Вотъ черновая декрета назначающаго васъ главноначальствующимъ войсками. Вотъ опредѣленн совѣта Старшихъ предлагающаго васъ во временнаго консула съ Роже-Дюко и мною“... Относительно коммиссн предложенной Бонапартомъ для разсмотрѣнн проекта новой конституцн Снѣзъ заявилъ что было бы предпочтительнѣе чтобы каждый изъ законодательныхъ совѣтовъ назначилъ по коммиссн, которая сообщала, и при обязательномъ участн консуловъ въ трудахъ ихъ, должны были работать „консульскую конституцн (constitution consulaire) имѣвшую тотчасъ затѣмъ быть представленною на утвержденн народа.“

Перехода къ подробностямъ распорядкенн относившихся къ открытн засѣданн совѣтовъ въ Saint Cloud, Снѣзъ предлагалъ необходимымъ не допустить туда человекъ 20 изъ „невоздержнѣйшихъ“ депутатовъ Пятисотъ. „Повѣрьте тѣмъ, говорилъ онъ съ особенною настойчивостн, кому издавна вѣдомы духъ и обычаи нашихъ собраннй: азартъ и буйство заразительны... Вы могли бы несчатнмъ приблннуть къ

оружію; было бы, дѣйствительно, ужасно ослабы, при томъ національномъ единствѣ какое мы еще у себя: не видѣли съ 89 года, упрямство нѣсколькихъ людей повеле къ пролитію крови... Знайте же что если вы ихъ допустите, вы къ этому должны будете неизбѣжно прийти. Безъ нихъ совѣтъ Пятисотъ пойдетъ за совѣтомъ Старшихъ; съ ними возникнетъ безпорядокъ“.

Но генералъ, къ которому присоединился и Люціанъ, и смѣшать не хотѣлъ объ этомъ. „Я не хочу чтобы могли сказать что я испугался Ожеро и Журдана, повразилъ оны. Развѣ не имѣемъ мы за себя народъ, армію, Старшихъ, часть Пятисотъ и большинство Директоріи? Я отвѣчаю вамъ что Баррасъ не пойдетъ противъ меня. Ваши двадцать депутатовъ мнѣ не страшны и на покаюченіе ихъ я не согласенъ. Въ депутаты должны быть допущены. Я отвѣчаю за все!“

Ходъ замышленного дѣла, суда по началу его, общаея привести къ полному успѣху. Осторожно опрешенные за два дня ранѣе, начальники отдѣльныхъ частей войскъ Парижа и офицеры ихъ отвѣтили восторженными заявленіями о готовности ихъ идти за генераломъ Бонапартомъ куда бы онъ ихъ ни повелъ... Самъ Моро, соперникъ его по военной славы, которому поручалась охрана Люксембургскаго дворца, гдѣ помѣщалась Директорія, съ перваго же слова прервалъ его: „Мнѣ не нужно знать болѣе; разчитывайте на меня!“... Въ ночь съ 17 на 18 отъ совѣта Старшихъ разослааны были членамъ его извѣщенія о чрезвычайномъ созывѣ собранія на утро въ 7 часовъ. Собраніе это постановило единогласно „неотменяемый декретъ“ (décret irrévocable) о перемѣщеніи Законодательнаго Корпуса въ Saint-Cloud, открытіи тамъ его засѣданій 19 брюмера въ поддень и о назначеніи исполнителямъ декрета генерала Бонапарта (съ подчиненіемъ ему всѣхъ войскъ Парижскаго округа). Генералъ ждалъ извѣщенія объ этомъ у себя дома, окруженный генералами Моро, Макдональдомъ, Бертье, Бернонвилемъ, Мюратомъ, Лэфферомъ и толпой офицеровъ, и по полученіи его отправился со всею этою свитой въ совѣтъ Старшихъ. Овъ произнесъ тамъ коротенькую, но энергическую рѣчь, сущность которой заключалась въ томъ что „республика погибала, а декретъ Старшихъ ее спасаетъ“ и что „горе теперь тѣмъ кто захотѣтъ бы смуты и безпорядка, ибо вѣрняя ему военная сила сумеетъ наказать ихъ, въ чемъ онъ и клянется какъ лично, такъ

и отъ имени всѣхъ своихъ сослуживцевъ (compagnons d'armes).“ Президентъ собранія въ свою очередь произнесъ въ отвѣтъ на это нѣсколько лестныхъ словъ, которыми выражалось что „совѣтъ не вполне убѣжденъ въ искренности и усердіи къ общему благу того кто никогда тщетно не обещалъ любви своему отечеству“... Въмѣдъ за этимъ засѣданіе было закрыто при общихъ кликахъ: „Да здравствуетъ республика, да здравствуетъ конституція!“...

Въ 11 часовъ въ тотъ же день созванъ былъ совѣтъ Пятисотъ. Люціанъ Бонапартъ, въ качествѣ президента его, прочелъ съ мѣста присланный отъ старшинъ декретъ о перемѣщеніи въ Saint-Cloud, и тотчасъ затѣмъ объявилъ засѣданіе закрытымъ. Депутаты разошлись при тѣхъ же кликахъ: „Да здравствуетъ республика, да здравствуетъ конституція!“

Генералы между тѣмъ развѣхались каждый къ назначенному мѣсту. Моро засталъ въ Люксамбургскомъ дворцѣ лишь трехъ изъ пяти директоровъ (Сивсъ и Роже Дюко находились въ Тюильрійскомъ дворцѣ гдѣ, засѣдалъ совѣтъ Старшихъ), изъ которыхъ Гоше (Gohier) и Муленъ (Moulin) ничего даже не знали о происшедшемъ. Баррасъ, повѣвъ оразу что его лѣсна слѣта, послалъ секретаря своего Ботто извѣстить Бонапарта что онъ отказывается отъ своей должности и проситъ дать ему охрану для безпрелютственнаго отъѣзда въ имѣніе которымъ владѣлъ онъ подъ Парижемъ. Бонапартъ „милостиво снизошелъ на эту просьбу“, но счелъ при этомъ нужнымъ отнестись къ лицу подначальному и безгласному какомуъ былъ Ботто съ извѣстною, надменно-раздраженною рѣчью, которая приводится Тьеромъ, да и всѣми другими историками-льстецами Наполеона, какъ одинъ изъ удачнѣйшихъ образцовъ его краснорѣчія: „Что сдѣлали вы изъ той Франціи которую оставилъ я вамъ такою блестящею?“ и т. д., но серьезной цѣли которой тщетно сталъ бы искать безпристрастный читатель...

Въ средѣ крайнихъ республиканцевъ вѣсть о совершившемся возбудила сама собою крайнее раздраженіе. Но оно не перешло „на улицу“, какъ боялись этого реформисты. „Въ концѣ-концовъ перемѣщеніе въ Saint-Cloud, говоритъ Люціанъ, прошло благополучно и не выходя изъ предѣловъ законности.“ Ничто совсѣмъ иное произошло на слѣдующій день.

19го, въ полдень, оба совѣта открыли засѣданія свои въ Сень-Клу. Правительство Директоріи не существовало уже *de facto* вслѣдствіе отставки Барраса и розни между его товарищами, изъ которыхъ Сизонъ и Роже Дюко находились въ Сень-Клу, а Гоге и Муленъ не хотѣли оставить Парижа, не смотря на декретъ Старшихъ, уже опубликованный, касаемый на стѣнахъ всѣхъ парижскихъ улицъ и разосланный по всѣмъ городамъ и селамъ Франціи... На площади предъ дворцомъ, въ верхнемъ этажѣ котораго помѣстился совѣтъ Старшихъ, а внизу, въ такъ-называемой „оранжереѣ“, засѣдали депутаты Пятисотъ, стояло шеститысячное войско съ новоназначеннымъ главнокомандующимъ и штабомъ его верхомъ. По плану условленному заранее между Сизономъ и его сторонниками, составлявшими огромное большинство въ совѣтѣ Старшихъ, собраніе это должно было постановить декретъ о временномъ консульствѣ, тотчасъ же оловѣстить о немъ народъ и войско, и сообщить его совѣту Пятисотъ чрезъ большую депутацію, составленную изъ 20 своихъ членовъ. „По-вѣрно что при такомъ приѣмѣ, дававшемъ военной силѣ опору гражданской власти, говорить Люцианъ, самыя возбужденныя головы должны были бы прійти къ убѣжденію что не осталось надежды уничтожить совершившійся фактъ. Къ сожалѣнію, братъ мой счелъ нужнымъ явиться въ совѣтъ Старшихъ и принудить его посвятить на выслушаніе своихъ неподвѣхъ и по меньшей мѣрѣ бесполезныхъ откровеній (révélation) роковыя полчаса, которые пришлось весьма тягостно пережить намъ внизу, въ Оранжереѣ“...

Къ этому, дѣйствительно, мало понятному поступку будущей императоръ былъ очевидно побужденъ нервною тревогою которую долженъ былъ испытывать онъ, пока, сидя верхомъ среди своего войска приходилось ему безмолвно ждать на площади рѣшенія Старшихъ, отъ коего зависѣлъ весь успѣхъ переворота... Часы бѣжали слишкомъ медленно для его страстнаго нетерпѣнія... Онъ не выдержавъ, соскочилъ съ лошади и направился въ залу Совѣта въ сопровожденіи своихъ адъютантовъ. Войдя въ нее онъ обратился къ предсѣдателю, прося слова... Оно было ему дано. Порывисто и не совсѣмъ увѣренно началъ онъ съ жалобъ на распространенную относительно его клевету, выставившую-моль его „новымъ Цезаремъ, новымъ Кромвелемъ“... Но представители народа, надѣясь, говорилъ онъ, „не видятъ

во мнѣ презрѣннаго интригана прикрывающагося лицемѣрною маской.“ Республика въ настоящую минуту требуетъ спасенія, такъ какъ Директорія уже не существуетъ и можетъ быть спасена лишь совѣтомъ Старшихъ, исполненію велѣній которыхъ „они и отдадутъ себя все“... Еслибы когда-либо было въ его намѣреніяхъ „подавить свободу своей страны и захватить верховную власть, онъ не явился бы теперь сюда въ качествѣ подначальнаго лица. Верховная власть предложена ему была не разъ, при обстоятельствахъ весьма благоприятныхъ... И даже весьма недавно, по возвращеніи его въ Парижъ“... Слова эти произвели совершенно напрасно, и не къ выгодѣ задуманнаго плана, волненіе въ собраніи, преобладающее большинство котораго готовилось за минуту предъ тѣмъ послушно и спокойно приступить къ исполненію данной ему программы дѣйствій. Отъ генерала потребовали болѣе обстоятельнаго объясненія... „Если надо все сказать, назвать людей, отвѣтилъ онъ на это,—я ихъ назову. Я скажу что директоры Баррасъ и Мулетъ предлагали мнѣ стать во главѣ партіи стремящейся низвергнуть всѣхъ людей имѣющихъ либеральныя идеи“ (qui ont des idées libérales)... Признаніе это подняло еще большее волненіе. Перемѣщеніе совѣтовъ изъ столицы разумѣлось почти всѣми сторонниками реформы государственнаго устройства какъ мѣра огражденія Законодательнаго Корпуса отъ нападѣй которымъ могли его подвергнуть демагогическія стремленія якобинцевъ. Оказывалось теперь что опасность грозила съ совершенно противоположной стороны... Со всѣхъ сторонъ раздались голоса, требовавшія чтобы генералъ Бонапартъ передалъ подробно все что было ему извѣстно „о заговорѣ противъ республики“. Но вмѣсто какихъ-либо „подробностей“ онъ повелъ рѣчь опять о необходимости скорѣйшей реформы конституціи, которая „не въ силахъ спасти отечества, потому что ее болѣе никто не уважаетъ“, и, не уломяая уже вовсе о безпощадно выдаваемомъ имъ сейчасъ Баррасъ (по вызову котораго и для тайной сдѣлки съ которымъ, между прочимъ, вернулся онъ, какъ намъ извѣстно, изъ Бгилта), принялся распространяться о томъ что „различныя вообще партіи стучались въ его дверь, но что онъ не приклонилъ уха къ рѣчамъ ни одной изъ нихъ, такъ какъ не принадлежитъ ни къ какой котеріи“ и признаетъ лишь одну только партію—„великую партію Французскаго народа“... „Принявъ командованіе

поручаю вамъ, занимаясь этимъ собраніемъ, не разчитывайте только на насъ. Я не разчитывалъ на совѣтъ Пятисотъ, разрываемый несогласіями; на совѣтъ Пятисотъ, въ которомъ находятся люди которые желали бы вернуть намъ Конвентъ, революціонные комитеты и эшафоты; на совѣтъ Пятисотъ, гдѣ главы партіи засѣдаютъ въ эту минуту и откуда сейчасъ отправлены эмиссары для возбужденія смуты въ Парижѣ.“

Обвиненіе такимъ образомъ перекидывалось опять на якобинцевъ, или, вѣрнѣе, захватывало и ихъ однихъ махомъ. Но, кромѣ этихъ общихъ фразъ, имѣвшихъ произвести на собраніе такое впечатлѣніе что опасность грозитъ существованію республики со всѣхъ де сторонъ и что одинъ онъ, Бонапартъ, готовъ на окраму ея положить жизнь свою; разтерзанные Старшіе не могли ничего болѣе отъ него добиться. Онъ вышелъ изъ собранія такъ же лорывисто и безцеремонно какъ и вошелъ, оставивъ его въ немаломъ смущеніи и, едва вылутовавшись изъ затруднительнаго положенія въ которое самъ поставилъ себя сейчасъ своими непрошеными „откровеніями“, отправился внизъ,—въ Оранжерю, занимаемую совѣтомъ Пятисотъ, о которомъ онъ такъ рѣзко выражался только-что предъ Старшими,—отправился движимый все тѣмъ же лихорадочно-страстнымъ нетерпѣніемъ...

Тамъ, какъ слѣдовало ожидать, уже съ самаго момента открытія засѣданія готовилась буря. Крайняя партія раздраженно потребовала объясненія мотивовъ декрета о перемѣщеніи законодательнаго корпуса въ Сель-Клу. „Намъ говорятъ о какомъ-то обширномъ заговорѣ противъ республики, кричали якобинцы; говорить о комиссіи имѣющей изготовить мѣры для общественнаго спасенія. Слѣдуетъ скорѣе спросить что значатъ приматыя мѣры, это перенесеніе зачатій нашихъ изъ Парижа, эти войска... Мы требуемъ чтобы совѣтъ Старшихъ сообщилъ намъ сейчасъ, въ чемъ состоитъ та великая опасность которая грозитъ конституціи... Долой диктаторовъ“ (à bas les dictateurs)! За этимъ послѣдовало предложеніе чтобы каждый изъ состоявшихъ налицо членовъ собранія возобновилъ лично, séance tenante, данную имъ при поступленіи въ Совѣтъ присягу въ вѣрности конституціи III года... Предсѣдатель Совѣта и друзья его не возражали противъ голосованія такого предложенія: вызовъ депутатовъ по именному списку для произнесенія каждымъ

отдѣльно требуемой присяги долженъ былъ естественно занять довольно много времени, а продленіе времени было на руку сторонникамъ переворота. Они, согласно заявленной программѣ, ждали съ минуты на минуту депутаціи которую долженъ былъ выслать собранію совѣтъ Старшихъ о декретированномъ онымъ назначеніи трехъ временныхъ консуловъ и законодательныхъ комиссій для выработки новой конституціи, и уклонялись до полученія этого декрета отъ серьезныхъ прейсъ противниками... Но вотъ процедура съ присягой окончена, а депутаціи отъ Старшихъ все еще нѣтъ... Въ это время председателю принесено было письмо отъ Барраса, извѣщавшаго совѣтъ Пятисотъ о выходѣ имъ изъ Директоріи. „Инцидентъ этотъ, говоритъ Люціанъ, являлся весьма кстати чтобы дать намъ выиграть еще нѣсколько лишняго времени... Смущенные извѣстіемъ якобинцы предложили приступить немедленно къ составленію списка кандидатовъ на оставшееся вакантнымъ директорское мѣсто. Я послѣдствіемъ далъ ходъ этому предложенію, на исполненіе котораго потребно было употребить по крайней мѣрѣ часъ. Депутатъ Grandmaison, краснорѣчивѣйшій ораторъ крайней партіи, занимавшій въ эту минуту трибуну, воскликнулъ: „Надо узнать прежде всего, не есть ли это оставленіе директоромъ Баррасомъ своего поста послѣдствіе необычайныхъ обстоятельствъ въ которыхъ мы находимся? Я подозреваю что между находящимися здѣсь членами нѣкоторымъ хорошо извѣстно откуда все это вышло—и куда идетъ“.

„Оратора прерываетъ вдругъ громкій шумъ въ глубинѣ залы, служащій какъ бы живымъ комментариемъ его послѣднимъ словамъ. Въмѣсто столь желанной депутаціи отъ Старшихъ, въ дверяхъ появляются военные... Входитъ генералъ Бонапартъ; за нимъ четыре гренадера нашей стражи; другіе солдаты, офицеры, генералы занимаютъ входъ въ Оранжевую... Все собраніе, возмущенное этимъ зрѣлищемъ, вскакиваетъ съ мѣсто... Слышатся со всѣхъ сторонъ крики: „Вооруженные люди здѣсь!..“ Съ ругательствомъ кидаются на генерала, его тѣснятъ, лихаютъ, откидываютъ на нѣсколько шаговъ назадъ... Руки вооруженныя кинжалами подымаются и грозятъ ему... Гренадеры ограждаютъ его своими тѣлами и

увлекають изъ залы *. Перепуганные зрители повискакали въ садъ чрезъ низкія окна Оранжереи“...

„Нельзя было выдумать чего-либо хуже этой выходки брата, объясняетъ далѣе Люціанъ. Сіэсъ, находившійся въ одномъ изъ сосѣднихъ съ залой покоевъ, былъ въ отчаяніи; я онѣмѣлъ весь когда въ концѣ огромной галереи увидалъ военные султаны... До этой минуты мы преобладали надъ нашими противниками. Перемѣщеніе Законодательнаго Корпуса было законно и приведено въ исполненіе. Войско повиновалось декрету. Съ отставкой Барраса существовавшее правительство оказывалось порушеннымъ. Соглашеніе между двумя Совѣтами являлось такимъ образомъ необходимою и мы несомнѣнно привели бы большинство Пятисотъ къ утвержденію временнаго консульства и законодательныхъ комиссій, трудъ которыхъ долженъ былъ быть утвержденъ голосованіемъ народнымъ. Появленіе генерала чуть не опрокинуло комбинацію такъ тщательно подготовленную. Къ счастью, противники наши не сумѣли воспользоваться выгодами которыя доставляла имъ эта ошибка.“

Дѣйствительно, вся „комбинація“ полетѣла бы въ верхъ двомъ еслибъ якобинцы въ эту минуту, оставаясь на строго конституціонной почвѣ, заявили что фактъ вторженія военной силы въ ограду совѣта Пятисотъ лишаетъ представителей народа дарованной имъ закономъ свободы преній, вслѣдствіе чего они расходятся, и не находятъ болѣе возможнымъ собираться пока Законодательный Корпусъ будетъ засѣдать въ Saint-Cloud. Самъ Люціанъ, какъ предсѣдатель собранія, долженъ былъ бы пустить на голоса такое гибельное для него и сообщниковъ его предложеніе.

Но Сіэсъ былъ правъ, говоря что въ выборныхъ собраніяхъ „азартъ и буйство заразительны“. Не успѣли вывести изъ залы генерала, какъ среди общаго волненія чей-то произвольный голосъ крикнулъ: „Внѣ закона!“ и сто голосовъ за нимъ повторили заломъ: „Внѣ закона Бонапарта и его соучастниковъ!“... Толпа хлынула къ предсѣдательскому креслу: „Президентъ, на голоса: Внѣ закона!“... Люціанъ „въ

* Люціанъ умалчиваетъ здѣсь объ одной подробности упомянутой во множествѣ другихъ записокъ и разказовъ о 19мъ брюмерѣ и повторяемой г. Юингомъ: гренадеры вынесли изъ залы генерала Бонапарта на рукахъ, онъ былъ въ обморокѣ.

ужасъ, почти безсознательно“ сбѣжалъ со своего возвышенія и лѣзъ къ трибунѣ пока вице-президентъ сѣдѣлъ на его мѣсто. Но его туда не пустили. „Назадъ, на свое кресло, президентъ!“ ревѣли не помнящіе уже себя демагоги, „и лускай на голоса: *Внѣ закона диктатора!*“... Придти „въ ужасъ“ было отъ чего: это знаменитое въ кровавые дни Конвента требованіе „Внѣ закона“ равнялось приговору къ казни... „Я увидалъ въ эту минуту, передаетъ Люціанъ, одного изъ нашихъ инспекторовъ, храбраго генерала Фрежевиля, который, спокойный среди этого невообразимаго гама и толчеи, старался пробраться ко мнѣ; онъ достигъ этого съ трудомъ“.

„Дайте сейчасъ знать генералу, сказалъ я ему, что председатель долженъ былъ оставить свое кресло и требуетъ военной силы для охраненія безопаснаго выхода своего изъ залы. Не позднѣе чѣмъ черезъ десять минутъ надо прервать засѣданіе, или я ни за что уже не отвѣчаю“.

Съ трибуны между тѣмъ гремѣли разъяренные голоса смѣнявшихъ поминутно другъ друга ораторовъ. Выраженное однимъ изъ нихъ предложеніе собранію заключало въ себѣ весьма серьезную опасность. Отправляясь отъ того основанія что „совѣтъ Старшихъ имѣлъ конституціонное право (*droit constitutionnel*) перемѣстить Законодательный Корпусъ изъ Парижа, но не имѣлъ такого же (что было справедливо) на назначеніе главнокомандующаго войсками“, оно приходило къ логическому заключенію: „совѣту Пятисотъ опредѣлить что генералъ Бонапартъ не есть начальникъ его охранной стражи“...

„Громкіе и продолжительные клики сочувствія послѣдовавшіе за этимъ предложеніемъ, говоритъ Люціанъ, заставили меня съ тревогой подумать что генералы Журданъ и Ожеро будутъ тутъ же назначены командующими охранною стражей Совѣта и что они рѣшились обнажить шпаги противъ Бонапарта и Старшихъ. Это значило бы—междоусобная война... Но я скоро успокоился: никто изъ генераловъ, сказать къ ихъ чести, не показавъ въ эту рѣшительную минуту“...

Якобинцы вообще не имѣли времени слѣться, сосредоточиться на одномъ общемъ планѣ атаки. Рѣчи ихъ въ крайнемъ раздраженіи своемъ лишены были единства и послѣдовательности... Между тѣмъ какъ иные продолжали ревѣть: „Внѣ закона!“ другіе требовали лишь немедленнаго голосованія уломявутаго предложенія объ объявленіи назначенія Бонапарта главнокомандующимъ всѣхъ войскъ—незаконнымъ.

Возраженія депутатовъ умѣренной партіи заглушались какимъ гоголемъ ихъ противниковъ. „Дайте говорить, здѣсь нѣтъ болѣе свободы!“ восклицали негодуя реформисты въ свою очередь. Гвалтъ и беспорядокъ дошли до своихъ крайнихъ предѣловъ. Люціанъ, услѣвшій тѣмъ временемъ взойти на трибуну, но прерываемый на каждомъ словѣ начатой имъ было примирительной рѣчи, скинулъ *тогу* (родъ плаща, à l'antique, который депутаты обоихъ Совѣтовъ воздѣвали на засѣданіяхъ своихъ поверхъ платья) и возложилъ ее на край кафедры съ подобающими словами во вкусъ того времени: „Не имѣя болѣе никакой возможности дать себя выслушать, президентъ вашъ слагаетъ съ себя здѣсь, во изъявленіе общественнаго горя (en signe de deuil public), знаки народной магистратуры (les marques de la magistrature populaire)“. И сойдя съ трибуны, у подножія которой ожидали его теперь протолкавшіеся къ нему единомышленники, онъ направился, сопровождаемый ими, къ двери, на встрѣчу вытребованному имъ и входившему въ эту минуту въ залу отряду солдатъ. Вице-президентъ Совѣта, по знаку Люціана, объявилъ въ то же время засѣданіе закрытымъ. „Волненіе послѣдовавшее за этимъ, читаемъ мы въ запискахъ, трудно описать. „Расчистите намъ дорогу!“ громко сказалъ я офицеру командовавшему отрядомъ. Значительная часть депутатовъ, помимо группировавшихся около меня, послѣшно кинулась за мною, между тѣмъ какъ остальные протестовали громкими криками: „Совѣта нѣтъ болѣе, свободу нашу насилуютъ!“

„Едва выйдя за двери, я кинулся на площадь гдѣ братъ мой, недвижный и угрюмый, сидѣлъ верхомъ среди войскъ и генераловъ: „*Коня мнѣ, генералъ!... коня... и велите бить въ барабанъ!*“... Черезъ мигъ я очутился на спинѣ лошади какого-то драгуна. За барабаннымъ боемъ послѣдовало глубокое молчаніе...“

Со спины этой лошади онъ обратился къ войскамъ съ рѣчью, въ которой тѣмъ цѣлѣстнымъ, эмфатическимъ и не особенно грамотнымъ языкомъ, которымъ выражалось все локольное говорунное революціи, заявилъ имъ что „депутатами Франціи они должны признавать лишь тѣхъ которые съ президентомъ своимъ собрались въ настоящую минуту подъ защиту воиновъ. Что же касается тѣхъ которые упорствовали бы оставаться въ Оранжереѣ для голо-

сованій „*эмъ закона*“, какъ въ тѣ страшныя времена ихъ владычества когда достаточно было этого слова чтобы ладали головы самыя дорогія отечеству,—пусть ихъ оттуда разогнать сила... Это не представители народа, а представители кинжала. И да останется за ними и преслѣдуетъ ихъ повсюду это названіе, пусть всѣ обвиняющіе *персты указываютъ на нихъ подъ именамъ представителей кинжала* (que tous les doigts accusateurs les désignent sous ce nom de représentans du poignard).“

Вслѣдъ „за шумнымъ выраженіемъ одобренія войсками этого предложенія“ генераль отдалъ приказаніе „разогнать (dissoudre) собраніе“. Отрядъ войскъ направился въ залу и очистилъ ее въ нѣсколько минутъ. Оппоненты разбѣжались по садамъ и деревнѣ Севъ-Клу.

Въ другомъ отрывкѣ оставленномъ княземъ Канино, въ которомъ повѣствуется имъ о свиданіи своемъ съ императоромъ Наполеономъ въ Мантуѣ, въ 1807 году, оны, возвращаясь къ этому эпизоду дня 19 брюмера, прибавляетъ къ тому что передано нами сейчасъ съ его словъ весьма характерную подробность о состояніи духа его брата въ эту минуту:

„Между тѣмъ какъ я такъ счастливо услѣлъ своею маленькою рѣчью вывести его изъ труднаго положенія, закрѣпляя за нимъ моимъ авторитетомъ президента Пятисотъ послушаніе колебавшейся еще до этой минуты охранной стражи Законодательнаго Корпуса, надо было ему совсѣмъ потерять голову чтобы въ свою очередь вздумать прибавить къ сказанному мною слѣдующія, столь же неосторожныя, сколько безполезныя и жестокія, слова, такъ какъ сопротивленія уже никакого не было: „А если они вздумаютъ сопротивляться, бейте на смерть, на смерть (Et si l'on résiste, tuez, tuez!)“, за которыми вскорѣ слѣдовали другія подъ стать всѣмъ тѣмъ глупостямъ (toutes les billevesées) которыя продѣланы были имъ въ этотъ день: „Да, за мною, за мною! Я богъ этого дня (Oui, vivez moi, vivez moi. Je suis le Dieu du jour).“ Фрежевилъ, Гарданъ, Себастьяни и многіе другіе генералы слышали это какъ я, и такъ какъ оны повидимому намѣревался продолжать ораторствовать въ томъ же тонѣ, я шелъ ему съ высоты лошади на которую взлѣзъ, и которая шла рядомъ съ его лошадыю: „Да замолчите же, вы не съ Мамелюками вашими говорите (Mais taisez vous donc, vous croyez parler à vos Mamelucks).“

Разогнавъ опломентовъ нижней законодательной камеры, надо было теперь справиться съ верхнею, гдѣ безтактныя „откровенія“ Бонапарта вызвали, совершенно противно его чаянію, неожиданную вслѣдъ за его уходомъ оппозицію противъ самаго проекта реформы, которому, до минуты его появленія въ залѣ совѣта Старшихъ, сочувствовалъ чуть не весь составъ собранія. Реформа пугала теперь осторожныхъ Старшихъ, оласавшихся какъ демагогю, такъ равно и возврата къ абсолютизму. Два депутата заявили предложеніе подобно сдѣланному якобинцами при открытіи засѣданія Пятисотъ: „возобновить присягу въ вѣрности Конституціи III года“... Обнаружившееся въ эту минуту колебаніе среди остальныхъ членовъ собранія могло имѣть для заговорщиковъ весьма печальный исходъ: дѣло грозило повернуться такъ что, какъ говорить Люціанъ, „намъ пришлось бы пожалуй ограничиться замѣной выбывшихъ директоровъ другими и отказаться ото всякаго плана государственнаго преобразованія“... Встревоженные этимъ Сіэсъ и генералъ послѣднимъ отправить того же Люціана „передать Старшимъ о случившемся и *поторопить ихъ рѣшеніе* (hâter leur décision)“. Люціанъ исполнилъ свое порученіе блистательно. Передавъ въ яркихъ краскахъ о „зрѣлищѣ какое видѣла сейчасъ Оранжевая вѣ. Сенъ-Клу,—зрѣлищѣ предъ которымъ образъ Конвента отстываетъ блѣднѣя (l'image de la Convention recule effacée),“ онъ просилъ „отцовъ отечества“ объявить скорѣе „о результатѣ ихъ размышленій“ и обращался къ нимъ въ заключеніе со слѣдующимъ пожеланіемъ: „Пусть консульская связка, этотъ знаменитый знакъ республиканской свободы древняго міра, подымется для изобаченія во лжи клеветниковъ, утверждающихъ что имѣется въ виду установить военную диктатуру, и для услокоенія Французскаго народа, который всеобщимъ голосованіемъ не замедлитъ освятить ваши труды“... Увлеченные такимъ краснорѣчіемъ, Старшіе, отложивъ теперь всякія дальнѣйшія „размышленія“ въ сторону, и не стѣсняясь отсутствіемъ совѣта Пятисотъ, постановили тутъ же давно ожидавшійся отъ нихъ декретъ объ учрежденіи „временныхъ, исполнительныхъ (консульской) и законодательной, комиссій.“

Но Сіэсъ былъ доволенъ этимъ только на половину. Онъ настоятельно упрашивалъ предсѣдателя Пятисотъ „собрать

кого только можно“ изъ членовъ его камеры и возобновить засѣданіе. „Надо опубликовать декретъ Старшихъ, говорилъ онъ, только въ случаѣ если невозможно собрать вашъ Совѣтъ. Мы вамъ даемъ время, постарайтесь!“

Усердный Люціанъ не остался и тутъ ниже возложенной на него задачи. Записки его не говорятъ въ какомъ числѣ удалось ему собрать опять въ Оранжерею своихъ разбѣжавшихся сочленовъ, изъ которыхъ значительное число, по всей вѣроятности, успѣло и уѣхать изъ Сенъ-Клу въ Парижъ, но „черезъ часъ времени все было приведено въ порядокъ“ и въ девять часовъ вечера „началось ночное засѣданіе 19 брюмера“.

Объ открытіи оваго послано было извѣщеніе Старшихъ, „которые тотчасъ же взяли назадъ (rapportèrent) декретъ издавннй ими два часа предъ этимъ въ ожиданіи рѣшенія совѣта Пятисотъ.“

На сей разъ все прошло совершенно согласно съ желаніями руководителей замышленного переворота. Крайняя партія очевидно блистала здѣсь вся своимъ отсутствіемъ, такъ какъ изъ довольно подробнаго разказа Люціана объ этомъ засѣданіи видно что всѣ направленные противъ нея предложенія были приняты собраніемъ безъ малѣйшаго чьего-либо протеста. Прежде всего Совѣтъ положилъ такого рода опредѣленія: „Генералъ Бонапартъ, генералы Лефевръ, Мюрать, Гарданнъ и имѣющіе быть поименно перечисленными другіе генералы и частныя лица (particuliers), гренадеры Законодательнаго Корпуса и исполнительной Директоріи, 6й, 79й, 86й пѣхотные, 8й и 9й драгунскіе полки (стоявшіе на площади) и гренадеры прикрывавшіе своими тѣлами генерала Бонапарта (qui ont couvert le général Bonaparte de leurs corps) заслужили благодарность отечества (ont bien mérité de la patrie)“. Затѣмъ слѣдовало второе опредѣленіе, статья первая котораго гласила такъ: „Нѣтъ болѣе Директоріи, и не состоятъ болѣе членами народнаго представительства, за неистовства и покушенія, въ коихъ постоянно оказывались виновными, особенно же въ засѣданіи нынѣшняго утра, лица нижелюменованныя (слѣдуютъ 62 имени)“... Люціанъ признаетъ это исключеніе 62 якобинцевъ изъ числа законодателей страны мѣрой „тѣмъ болѣе достойною порицанія“ что она была де „совершенно бесполезна“ и объясняетъ ее „боязью со стороны ихъ противниковъ чтобъ эти депутаты не собрались въ

другомъ мѣстѣ и не произвели смуту“... Но почему же, спрашивается, допустилъ онъ принять эту мѣру собраніемъ, которымъ несомнѣнно руководилъ въ эту минуту какъ послушнымъ стадомъ?..

Слѣдующія статьи этого втораго опредѣленія относились къ учрежденію консульства и законодательныхъ комиссій, то-есть заключали въ себѣ то самое что было бы опредѣлено совѣтомъ Пятисотъ утромъ, вслѣдъ за полученіемъ извѣщенія о декретѣ Старшихъ, вслѣдъ это извѣщеніе пришло вовремя и сторонники реформы успѣли бы взять верхъ надъ оппозиціей якобинцевъ.

Оба означенныя опредѣленія утверждены были собраніемъ единогласно. Отправленные въ лодку на утвержденіе Старшихъ, они въ 1 часъ дня вернулись въ совѣтъ Пятисотъ съ этимъ утвержденіемъ, а въ 2 часа бои барановъ возвѣстивъ о пріѣздѣ трехъ консуловъ. Сіэсъ, Бонапартъ и Роже-Дюко вошли въ залу и стали рядомъ, противъ возвышенія.

Люціанъ прочелъ имъ „постановленіе, ввѣрившее имъ временно исполнительную власть“, и произнесъ рѣчь (осьмью счетомъ изъ рѣчей произнесенныхъ имъ въ теченіе мѣнувшихъ сутокъ и воспроизведенныхъ in extenso въ его замѣткахъ), въ которой заявилъ стоявшей предъ нимъ трицѣ новыхъ правителей Франціи что „довѣріе народа ихъ окружаетъ, а Законодательному Корпусу извѣстно что души ихъ принадлежатъ всецѣло отечеству, въ заключеніе чего пригласилъ ихъ „привести священную присягу веруемой вѣрности народному державству, Французской республикѣ единой и нераздѣльной, законности, свободѣ и представительству (système représentatif)“. Консулы повторили за нимъ, среди глубокаго молчанія залы, формулу этой присяги,—и удалились при кликахъ: „Да здравствуетъ республика!“ а затѣмъ президентъ Пятисотъ произнесъ девятую рѣчь, имѣвшую завѣрить представителей народа „что конвульсіямъ свободы рожденной въ Версалѣ въ зданіи Jeu de Paume положенъ отнынѣ навсегда конецъ въ Оранжевѣ Saint-Cloud, и что если люди 93 года—отцы революціи, то законодатели VIII года—умиротворители отечества“,—и закрылъ засѣданіе при новыхъ кликахъ славословія республикѣ.

Люціанъ къ концу ночи вернулся въ Парижъ въ одной каретѣ съ братомъ, Сіэсомъ и генераломъ Гарданномъ... „Городъ былъ пламенированъ, говоритъ онъ; извѣстіе о пораженіи

якобинцевъ возбудило восторгъ во всѣхъ классахъ общества, не только въ городѣ, но и въ предмѣстіяхъ. При разставаніи Бонапартъ сказалъ намъ: „До завтра; мы разрушили... нужно теперь перестраивать и основательно перестроить...“ Онъ былъ отъ сей минуты владыка Франціи..

Мы передали съ нѣкоторою подробностью, по запискамъ князя Кавино, послѣдовательный ходъ перипетій 19 брюмера, такъ какъ здѣсь содержатся нѣкоторыя, мало или вовсе до сихъ поръ неизвѣстныя, данныя относительно той преобладающей роли которую суждено было играть Люціану Бонапарту въ тотъ, столь важный для ближайшихъ честолюбивыхъ замысловъ его брата и знаменательный вообще въ судьбахъ будущаго императора, день. Не воспротивясь, дѣйствительно, предсѣдатель Пятисотъ голосованію предложеннаго якобинцами объявленія генерала Бонапарта „виѣ закона“,—которое, еслибы было принято, поставило бы состоявшія подъ командой его, еще полныя тогда республиканскаго духа, войска въ необходимость отказать ему въ повиновеніи,—весь заговоръ провалился бы, и кто знаетъ гдѣ бы очутился на другой день новый Цезарь, который наканунѣ, въ ольбаненіи торжества надъ разогнанными представителями страны и въ провидѣніи ожидавшаго его затѣмъ безграничнаго могущества, кричалъ своему штабу: „*Suivez moi, suivez moi, je suis le Dieu du jour*“?..

Мы находимъ въ изданной г. Юнгомъ книгѣ весьма любопытное письмо, полученное княземъ Кавино въ 1804 году отъ генерала Бернадота (не смотря на свое родство съ семьей Бонапартовъ, всегда питавшаго нерасположеніе къ Наполеону), въ которомъ образъ дѣйствій Люціана въ день 19 брюмера подвергается полному порицанію:

„Я знаю что тогда вы показали себя только буржуазно добрымъ братомъ (*vous n'avez été que bourgeoisement bon frère*), между тѣмъ какъ вы должны были геройски пустить на голоса, въ вашемъ качествѣ президента Совѣта, объявленіе „виѣ закона“ этого брата, который вооруженною рукою насилуовалъ ограду народнаго представительства, еслибы даже первому вамъ пришлось заплатить за это кожей. Да, вы измѣнили (*forfait*) вашему долгу, вашей республиканской совѣсти, потому что вы знали лучше чѣмъ кто-либо что требованіе объявить его виѣ закона было справедливо“...

Но любопытно и притомъ поучительно заключеніе этого письма:

„Мнѣ ли однако упрекать васъ въ томъ что вы не подражали въ этомъ случаѣ великимъ образцамъ патриотизма заграничнымъ намъ исторіей?... И добродушный Бернадотъ, объяснивъ что онъ въ тотъ роковой день „располагалъ всѣмъ предмѣстіемъ (святаго) Автонія“, что „у него были и деньги и люди которые не оказались бы олухами (*des jobards*) подъ его командой“, и что онъ „*моетъ всему помѣшать*“, но ничему не помѣшалъ, „давъ себя умаслить медовымъ рѣчамъ Іосифа“ (Бонапарта), кончаетъ такимъ оригинальнымъ образомъ: „И въ силу чего же все это? спрашиваю:—потому единственно что Іосифъ мужъ Юліи, сестры Дезире, моей жены. *Voilà autant de quoi tiennent les destinées d'un grand empire!*...“

Не менѣе любопытно, съ другой стороны, насколько самъ Наполеонъ давалъ цѣны услугъ оказанной ему братомъ въ этотъ день. Люціанъ (въ своемъ разказѣ о „свиданіи въ Мантуѣ“) передаетъ, между прочимъ, слѣдующія слова сказанныя ему тогда императоромъ:

„Я очень хорошо знаю что вы мнѣ были полезны 18 бримера (то-есть наканунѣ засѣданія въ Saint-Cloud). Мнѣ менѣе доказано что вы меня спасли (19го?). И что я очень хорошо знаю тоже и долженъ былъ помнить—это то что послѣ торжества которое вы мнѣ только *помогли* одержать, вы показали себя расположеннымъ препятствовать моему личному возвышенію (*à mon élévation personnelle*),—что освободило меня ото всякой благодарности къ вамъ, не говоря уже о томъ что сами вы обязаны ею ко мнѣ. Если правда что вы меня спасли въ Saint-Cloud, не избавилъ ли я тогда же васъ отъ величайшей опасности послать моихъ гренадеровъ вырвать васъ изъ рукъ нашихъ убійць? А въ концѣ концовъ, допуская что вы, забывъ кровную связь и собственные интересы ваши, рѣшились бы на мерзость (*l'horreur*) пустить на голоса объявленіе меня „въѣ закона“, и что постановленіе объ этомъ прошло бы, неужели вы думаете что я былъ бы такъ глупъ (*si sot*) подчиниться ему спокойно? Не оставалось ли у меня достаточно сторонниковъ (*partisans*) чтобы помочь мнѣ защитить эту голову, которой суждено было столько вѣдковъ (*cette tête destinée à tant de diadèmes?*)“

Впечатлѣніе производимое ближайшимъ знакомствомъ съ поколѣніемъ людей созданныхъ „великою революціей 1789 года“ и съ закулисною стороною ихъ дѣяній далеко не

принадлежит къ числу тѣхъ которыми могло бы быть подкулавлено сочувствіе наше къ нимъ и къ тѣмъ „идеаламъ свободы“, коихъ были они будто бы носителями, свѣточами и миссіонерами... „Коввульси этой свободы, по выраженію Люциана Бонапарта, рожденной въ зданіи Версальскаго Jeu de paume“, кинули чрезъ десять лѣтъ въ Оранжерею Saint-Cloud обогрѣнную кровью своего законнаго короля Францію къ ногамъ военнаго авантюриста, почти чужеземца, который съ жестокимъ себялюбіемъ и безцеремонностью средневѣковаго кондотьера „вскочилъ въ сапогахъ (bottè), говоря стихомъ Барбье, на спину этой cavale indomptable et rebelle и, наскакавшись на ней досыта отъ Пирамидъ до Бельта и отъ Рейна до Москвы-рѣки, въ одинъ прекрасный день „разомъ сломилъ ей бедра (et d'un coup lui cassa les reins)“... А между тѣмъ подъ ноги, подъ шюры этого вѣнчаннаго себялюбца, этого безплоднаго проливателя крови во имя единого своего властолюбія, должна была неумолимою логикой исторіи быть неминуемо приведена страна безразсудно и преступно лишившая себя блага національной династіи, порвавшая связи со всѣми завѣтами и устоями своего прошлаго и отдавшая себя всецѣло на произволъ всякихъ строителей политическихъ утопій. Истомившись въ исканіи „лучшаго изъ правительствъ“ (le meilleur des gouvernements), осуществлявшагося для нея до сихъ поръ то въ гильйотинѣ Конвента, то въ междуусобіяхъ Директоріи, потребность порядка, общественной дисциплины, безъ которой не могутъ существовать народы, заставила ее локорною рабой склониться подъ власть шлага, для спасенія своего отъ благъ все той же „свободы“, менѣе всего принесшей ей благоденствіе... Съ этой стороны будущій императоръ Наполеонъ былъ дѣйствительно тѣмъ свыше предназначенымъ человѣкомъ „l'homme prédestiné, providentiel“, какой нуженъ былъ въ данную минуту истощенной, разгромленной революціонною бурей Франціи. Онъ представлялъ собою живое осуществленіе того идеала сильной и *единой* власти которая лежитъ въ инстинктѣ массъ каждаго народа, на какой бы ступени политическаго развитія ни стоялъ онъ, и въ этомъ качествѣ долженъ былъ роковымъ образомъ восторжествовать надъ всѣми прелютствіями лежавшими на пути его возвышенія... Онъ былъ правъ, говоря брату что объявленіе его „въ закона“, еслибы состоялось оно 19 брюмера, не заставило бы ни пасть, ни отречься отъ себя „эту голову которой

суждено было столько вѣдцовъ“... Но вмѣстѣ съ тѣмъ какое безотрадное чувство вызываетъ въ насъ весь *приемъ* употребленный имъ лично для этого возвышенія! Сколько коварства и наглости, интриги и двоедушія, сколько презрѣнія къ людямъ и циническаго эгоизма,—и вмѣстѣ съ тѣмъ исканія въ людяхъ, и льстивыхъ рѣчей гдѣ нужно, и лыжныхъ фразъ, и ложныхъ клятвъ, и славословія тому что завтра будетъ повержено въ прахъ, и тревожнаго старанія прикрыть щитомъ законности дѣло обмана и насилія! *Omnia serviliter pro dominatione...* *

LX.

* Тацитъ.

ВАЛЬДШНЕПЪ

РАЗКАЗЪ ХОЛОСТЯКА

(П. Н. III.)

Un souvenir heureux est peut être, sur terre,
Plus vrai, que le bonheur!

A. de Musset.

...Я очень смѣлся сегодня получивъ отъ своего юнаго со-
сѣда по имѣнію приглашеніе ѣхать съ нимъ стрѣлать бека-
совъ. Я сначала даже принялъ это за насмѣшку, да и чуть
ли онъ, въ самомъ дѣлѣ, не написалъ мнѣ это больше для
шутки. Ну, можетъ ли онъ серьезно думать что сорокалѣтній
человѣкъ, одаренный излишнею полнотою фигуры, страдающій
неизлѣчимою лѣнью, станетъ шляться въ іюльскій зной по
тонкимъ болотамъ и беспокоить маленькихъ лгичекъ не сдѣ-
лавшихъ ему никакого зла? Убить я конечно ни одного бекаса
не убью: на такой охотѣ больше надо думать о томъ чтобы
самому не увязнуть въ болотѣ... да и то сколько ни думай, а
непремѣнно вытаскивая одну ногу увязнешь другою. А къ
этому въ придачу, солнце печетъ, на болотѣ затишье и душно;
болотныя мошки искусно забираются и въ ротъ, и въ носъ,

и въ уха; голодные и тощіе комары съ наслажденіемъ и завиднымъ аллетитомъ уливаются вашею дворянскою кровью—удовольствіе, нечего сказать! Я и смолоду никогда не былъ страстнымъ охотникомъ, хотя любилъ осеннія охоты, съ гончими, на звѣря. Въ самомъ дѣлѣ, какая прелесть эта осенняя охота! Воздухъ прохладный, освѣжающій и бодрящій: ходить много не требуется; звѣрь, по пословицѣ, самъ на ловца бѣжитъ. Сядешь гдѣ-нибудь у лѣса, на горѣ... у самыхъ ногъ разстилается чудный видъ на десятки верстъ; крутизна такая что духъ захватываетъ: и страшно и манитъ; въ лѣсу варомъ варятъ гончія преслѣдуя звѣря; вотъ ближе и ближе несется голосится стая... близко, слынетъ кровь, захолонетъ сердце... и вотъ стая опять повернула, то слабѣе, то громче слышны ея голоса... вотъ выстрѣлъ, потомъ другой. Видно кто-то куда-то любѣжалъ... кто-то кому-то кричить... А на душѣ легко и весело. Безграничный, темносиній кулолъ небесъ ловисъ надъ вами... матово-бѣлыя облака быстро несутся по небу, высоко, далеко! Но еще выше и дальше летитъ смущенная мысль человѣка... А вотъ и трубы, и охотники выходятъ изъ лѣса. На привалѣ уже дымится огонекъ и весело сверкають и играютъ на солдцѣ привезенныя бутылки...

Неужели мой сосѣдъ въ самомъ дѣлѣ разчитывалъ что я лоѣду съ нимъ стрѣлять бекасовъ? Въ сорокъ лѣтъ кѣсколко поздно начинать, а до сихъ поръ кажется ни одной птичьей жизни не имѣется на моей совѣсти... Впрочемъ вѣтъ, виноватъ! Мнѣ разъ случилось убить вальдшнепа, давно, въ года моей молодости! Да еще при какихъ обстоятельствахъ еслибы вы знали!

...Вотъ какъ это случилось.

Прямо со студенческой скамьи, значить около двадцати одного года отъ роду, попалъ я въ нашъ губернскій городъ N***, гдѣ скоро и получилъ мѣсто чиновника особыхъ порученій при губернаторѣ. Должность моя была конечно весьма маленькая и скромная, но тогда другихъ и не было, не то что теперь, когда молодой человѣкъ можетъ сразу получить мѣсто въ тысячу или двѣ рублей жалованья, а если

получить меньше, то уже считаетъ себя обиженнымъ и чуть не пускаетъ себя пулю въ лобъ отъ отчаянія. Мнѣ помнится что я тогда не только былъ вполне доволенъ своею судьбой, но даже возбуждалъ зависть одного канцелярскаго чиновника давно мечтавшаго объ этой должности. Къ тому же нашъ губернаторъ, князь Ливенскій, былъ такой симпатичный, образованный и милый человекъ что служить при немъ было особенно пріятно. Обязанности мои были не сложны, служба не особенно тяготила меня и оставляла мнѣ достаточно свободного времени для увеселеній губернскаго города, довольно однообразныхъ, надо сказать. Въ началѣ моей службы губернскаго правленіе не приминуло, впрочемъ, прислать мнѣ для производства свое знаменитое дѣло о неизвѣстно кому принадлежащихъ часахъ, пропавшихъ изъ сундука одного полицейскаго управленія. Но это уже было неизбѣжно. Дѣло это было старинное, и неопустительно навязывалось каждому новичку. Пылая ревностью къ государственнымъ интересамъ, новичекъ горячо принимался за это дѣло, нѣсколько подвигаетъ его, напишетъ какіе-нибудь запросы, а тамъ пока получатся отвѣты, сообразится немного, поохладѣетъ, да и возвратитъ его подъ какимъ-нибудь предлогомъ въ губернскаго правленіе, гдѣ злополучное дѣло и хранится впредь до сдѣлующаго новичка.

Я тоже не долго ловозился съ этимъ дѣломъ. Къ тому же князь Ливенскій, самъ питомецъ университета, очень любилъ университетскихъ и скоро сталъ давать мнѣ порученія посеріознѣе и поинтереснѣе, а затѣмъ поручилъ мнѣ даже управленіе своею канцеляріей. Въ лѣтнее время князь ѣздилъ по губерніи для ревизіи уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ; мнѣ приходилось солутствовать ему, и это было самымъ интереснымъ временемъ моей службы; тутъ приходилось встрѣчаться съ дѣломъ на мѣстѣ, вчеряѣ, и повтому лучше узнавать его чѣмъ въ тѣхъ чистенькихъ бумагахъ которыя писались губернатору; интересовали меня и уѣздные чиновники, между которыми такъ часты оригинальные, отживающіе типы. Прибавьте къ этому нарядную и торжественную обстановку губернаторской ревизіи, въ тогдашнее, до-реформенное время, и вы поймете что для молодого человека она представляла много заманчиваго и интереснаго.

И вотъ какъ-то князь объявилъ мнѣ о предстоящей

повѣздѣ на ревизію въ Бѣлявскій уѣздъ. Предводителемъ тамъ былъ Михаилъ Ивановичъ Солдцевъ, пріѣхавшій на зиму въ губерсскій городъ съ семьей, и его красавицы дочери, Мари и Нелли, сводили съ ума всю нашу губерскую молодежь. Жили Солдцевы открыто, ихъ домъ былъ лучшій въ городъ, и все общество чуть не ежедневно собиралось на ихъ веселыхъ обѣдахъ и вечерахъ. Не разъ они приглашали меня къ себѣ въ деревню, но мнѣ все какъ-то не удавалось быть у нихъ. Теперь же, конечно, изъ Бѣлянска легко будетъ проѣхать къ нимъ, тѣмъ болѣе что и князь Ливенскій собирается быть у нихъ. Все это еще увеличивало удовольствіе предстоящей повѣздки.

Князя должны были сопровождать еще нѣсколько чиновниковъ: Кружкинъ, Салгальевъ, Веламиновъ и юный баронъ Дозенъ, дальній родственникъ князя и числившійся при его канцеляріи. Мы были большіе пріятели съ Веламиновымъ, Салгальевымъ и Дозеномъ. Веламиновъ былъ тоже университетски образованный и интересный молодой человекъ, немного поэтъ, немного музыкантъ, любитель хорошихъ винъ и старинныхъ книгъ, большой охотникъ посылать и замѣчательно разсѣянный. Салгальевъ по формуляру значился „домашняго образованія“, то-есть нигдѣ не учился; онъ былъ малый не далекій и съ забавною вѣжностью, но добрякъ, отличный товарищъ, и мы всѣ его очень любили. Дозенъ былъ въ сущности мальчишка и очень небольшого роста, черноволосый, кудрявый, черноглазый. Его никогда не звали барономъ, а „барончикомъ“. Всегда въ хорошемъ расположеніи духа, онъ былъ смѣшливъ до нельзя, любилъ шутки и всегда первый помиралъ надъ своими островами. Одинъ Кружкинъ былъ совершенно чужой между нами. Онъ былъ гораздо старше насъ—лѣтъ сорока пяти—такъ что предъ нимъ мы всѣ казались мальчишками; онъ былъ чиновникъ стараго закала, себѣ на умѣ, но за то дѣловой. Между нами мы залодазривали его въ нѣкоторыхъ нехорошихъ замашкахъ и зорко слѣдили за нимъ. Въ своемъ кругу, его звали просто *Кружской*, какъ и я буду называть его въ своемъ разказѣ.

Я живо помню какъ мы пріѣхали (можетъ-быть приличнѣе случаю было бы выраженіе *прибыли*) въ городъ Бѣлявскъ. Это было рано утромъ; ѣхали мы дѣлаю ночь. Предъ самымъ городомъ намъ предстояла переправа на ларомѣ. Осеннее, ясное и свѣжее утро было удивительно хорошо. Высокія

и голыя мѣловые горы круто лѣпились впереди, по берегу рѣки; солнце едва показывалось изъ-за далекаго лѣса; по рѣкѣ струйками дымился туманный паръ. На всей долинѣ еще лежала тѣнь; холодная роса слезинками блестя на травѣ, а мѣловые горы, зарумяненные восходящимъ солнцемъ, волшебнo отражались въ струйчатыхъ водахъ рѣки. Я тихо вышелъ изъ экипажа, въ которомъ ѣхалъ съ княземъ. Не услѣлъ я сдѣлать нѣскольکو шаговъ какъ ко мнѣ подошелъ Кружка, съ залыненнымъ и поматымъ отъ дороги лицомъ. Кружка весьма почтительно наклонилъ голову въ сторону кареты князя и спросилъ:

— Почиваетъ?

— Да.

— А вы хорошо ли отдохнули?

— Немножко.

— Нѣтъ, а такъ всю дорогу не спалъ. Мысли все какія-то идутъ въ голову... Вы дорогой разговаривали съ княземъ?

— Да, говорили.

— Про меня разговору не было?

— Не помню; кажется не было.

— Это я къ тому... изволите видѣть, въ Тулогорскѣ открывается вакансія исправника... Вотъ еслибы вы напомнили князю про меня...

Въ это время экипажи поставили на ларомъ. Къ намъ подошли Салгильевъ и Дозенъ. Веляминовъ спалъ въ тарантасѣ. Онъ любилъ поспать, могъ спать во всякое время дня и ночи и откровенно сознавался намъ что еще ни разу, во всю свою жизнь, не выспался какъ слѣдуетъ. Засыпалъ онъ очень быстро, но разбудить его было дѣломъ чрезвычайно труднымъ и церемонія эта каждое утро продолжалась добрые полчаса.

Когда Салгильевъ и Дозенъ подошли, Кружка любезно раскланялся, прошепталъ мнѣ:— Не забудете моей просьбы?—и удался.

— Послушай, mon cher, обратился ко мнѣ Салгильевъ (онъ плохо говорилъ по-французски, но любилъ вставлять въ разговоръ французскія слова, произнося ихъ на русскій ладъ), мнѣ просто мочи нѣтъ отъ этой Кружки, такъ надоѣла! Тарантасъ поломался такой тряскій что никакъ не заснешь, а тутъ еще Кружку судьба въ слутники посылаетъ. c'est, просто, la fatalité, какъ говорила la belle Hélène. Пристасть съ разговорами; все мысли, видишь, ему въ голову

приходить. И какія мысли! „Что-то теперь думаетъ князь? О чемъ онъ говорить съ Васильемъ Николаевичемъ? У кого мы будемъ обѣдать завтра?“ Я ужь ему не отвѣчаю, дѣлаю видъ будто сплю, а онъ все говорить, все говорить!

— Un drôle de corps! сказалъ барончикъ Дозенъ и, какъ всегда, первый захохоталъ.

— A toi c'est bien de rire, сказалъ Салтъевъ, — вѣтъ по былъ бы ты на моемъ мѣстѣ! А то, хочешь, помѣняемся, поѣзжай съ Кружкой, а я поѣду съ Веляминовымъ.

— Благодарю, не ожидалъ! Впрочемъ и съ Веляминовымъ не Богъ знаетъ какъ весело ѣхать. Какъ мы только свали въ экипажъ, онъ заснулъ и спитъ до сихъ поръ. Да какъ спитъ! на одномъ толчкѣ насъ такъ подбросило что мы чуть не вылетѣли изъ экипажа. А онъ только пробормоталъ что-то даже не проснулся!

Паромъ между тѣмъ причалилъ къ берегу. Мы разсѣлись по экипажамъ и скоро „прибыли“ въ городъ Бѣлянскъ.

Не успѣли мы немножко отдохнуть, налиться чаю и облечься въ форменное платье какъ залъ отведенной князю квартиры сталъ наполняться мѣстными служащими, пріѣхавшими „представляться“. Всѣ они были въ мундирахъ, Боже мой, въ какихъ мундирахъ! многіе съ „почетвыми ралпортами“ въ рукахъ. У нѣкоторыхъ эти ралпорты почтительно высовывались изъ-подъ борта мундира, между третьєю и четвертою пуговицей. Михаилъ Ивановичъ Солнцева, уже уломанутый мною предводитель дворянства, также былъ въ мундирѣ, но не остался въ общей пріемной, а прямо прошелъ къ князю, въ гостиную. Мы всѣ очень обрадовались ему. Поговоривъ съ Михайломъ Ивановичемъ, князь вышелъ въ пріемную, къ ожидавшимся его чиновникамъ, и мы послѣдовали за нимъ.

Князь подходилъ къ чиновникамъ, бралъ и разсматривалъ ихъ почетные ралпорты о движеніи дѣлъ и потомъ передавалъ имъ эти бумаги, скоро составившія порядочную пачку. Все шло очень благополучно, пока очередь не дошла до уѣзднаго почтмейстера. Голова у этого почтеннаго человѣка была лысая, какъ колѣно, и только тоненькая прядь волосъ, искусно заимствованная имъ у собственнаго затылка, старательно была зачесана кверху и лучеобразно распредѣлена по поверхности головы. Такое неестественное положеніе волосы конечно долго выдерживать не могли; подъ вліяніемъ служебнаго

волненія и трелета почтмейстера, зачесанная прядь ложикула указанное ей мѣсто и безжизненно повисла чрезъ высокій и старинный шитый воротникъ, въ который точно въ кубитку уходило толстое и багровое лицо, съ выпучеными и налитыми кровью глазами. Чѣмъ ближе подходилъ князь, тѣмъ больше волновался и краснѣлъ почтмейстеръ; когда же князь подошелъ къ нему, старикъ совсѣмъ растерялся.

— По вѣренному мнѣ... почтовому комторѣ... все обстоитъ благополучно... почетный ралортъ при семь... имѣю представить честь....

Старикъ засунулъ пальцы за борть мундира чтобы вытащить бумагу, но, о ужасъ! почетный ралортъ, все время такъ благоправно торчавшій между третьею и четвертою луговицей, вдругъ исчезъ. Старикъ кинулся искать его, озирался кругомъ, осматривалъ на лолу, ралортъ исчезъ, какъ въ воду канулъ.

— Не надо, не надо; послѣ! сказалъ князь и перешелъ къ слѣдующимъ чиновникамъ.

Въ это время ко мнѣ подошелъ Солдцевъ.

— Князь обѣщался обѣдать нынче у меня, надѣюсь и вы не откажете. А послѣ обѣда мы всѣ поѣдемъ въ деревню къ намъ. Это очень недалеко; и жена и дочери непремѣнно ждутъ васъ.

Я очень благодарилъ Солдцева, конечно не отказался отъ приглашенія, и Солдцевъ пошелъ приглашать Салтычева, Дозена и Веляминова. Кружка же долженъ былъ по какимъ-то дѣламъ остаться въ Бѣляскѣ. Приѣмъ чиновниковъ кончился. Мы перешли въ гостиную, гдѣ былъ поданъ завтракъ, къ которому князь пригласилъ и Солдцева. Мы весело болтали. Солдцевъ былъ въ духѣ и разказывалъ забавныя вещи изъ мелкой уѣздной хроники. Вдругъ высокій Тарасъ, камердинеръ князя, доложилъ о приходѣ почтмейстера.

— Чтѣ такое? Василій Николаевичъ! обратился ко мнѣ князь,—узнайте пожалуйста чтѣ ему нужно.

Я вышелъ въ приемную. Въ углу у входной двери стояла знакомая уже фигура старика.

— Вы къ князю? спросилъ я:—позвольте узнать чтѣ вамъ угодно?

— Прошу прощенія что слова обезлокали. Но изволите ли видѣть, вѣдь онъ нашелся. Только-что я это вышелъ за ворота, слышу вдругъ шуршить.

— То-есть, что же это шуршитъ? спросилъ я, не понимая въ чемъ дѣло.

— Вотъ тутъ-съ шуршитъ, и почтмейстеръ ткнулъ пальцемъ въ лѣвую сторону своего желудка.

— Виновать, я все не понимаю...

— Почетный рапортъ шуршитъ... овъ подъ мундиръ ушелъ, проклятый!.. Извините!.. Такъ будьте столь добры и обязательны, передайте ихъ сіятельству...

— Извольте, съ удовольствіемъ.

— А то свои вѣды чиновники засмѣяли... проходу не даютъ... почетный рапортъ проглотилъ, говорить.

— Непременно передамъ князю.

— И еще позвольте спросить... будьте столь благодарны, выслушайте, не откажите въ просвѣщенномъ совѣтѣ... за долгое служеніе въ здѣшней почтовой конторѣ... я конечно старался всякому оказать вниманіе и одолженіе въ чемъ законамъ не противно... удостоился я отъ здѣшняго общества... получить подарокъ... серебряную палиросницу... съ видомъ города Москвы... въ двадцать пять рублей...

— Такъ-съ.

— На принятіе и ношеніе подарка послѣдовало милостивое разрѣшеніе почтоваго начальства... Могу ли я при ревизіи доложить о семъ ихъ сіятельству?

— Конечно, отчего же...

— И предъавить самую палиросницу?

— Я думаю.

— Премного вамъ обязаѣ. Прому прощеніа!—И почтмейстеръ началъ кланяться и лѣзть назадъ пока не достигъ дверей.—Мой почетный рапортъ не изволите позабыть? спросилъ овъ уже въ самыхъ дверяхъ.

Я услокоилъ его и вернулся въ гостиную.

— Василій Николаевичъ, сказалъ князь,—вы очень заинтересовали насъ вашимъ продолжительною бесѣдой съ почтмейстеромъ. Садитесь-ка завтракать и разкажите въ чемъ дѣло.

Я подалъ князю почетный рапортъ почтмейстера и разказалъ про серебряную палиросницу съ видомъ Москвы.

— Отличный человекъ этотъ Грызодубовъ, нашъ почтмейстеръ: аккуратный, честный, безкорыстный, но такой залуганный и робкій, ничего не подѣлаешь, сказалъ Солдцевъ.

— Однако, господа, пора ѣхать на наружный осмотръ и ревизію, сказалъ князь, и мы всѣ тронулись въ путь. Солдцевъ

пѣхалъ съ княземъ въ коляскѣ запряженной тысячными рысаками, предоставленными въ распоряженіе князя городскимъ головой. Мы помѣстились на нѣсколькихъ дрожкахъ, добровольно присланныхъ гражданами какъ насъ увѣрилъ исправникъ.

Не знаю, стоить ли разказывать подробности наружнаго осмотра и ревизіи. При пробѣ пожарной команды, трубы были необыкновенно исправны, били очень высоко и даже обили стоявшую въ отдаленіи зрительницу, бабу въ желтомъ платкѣ и зеленомъ пластьѣ. Въ больницахъ по обыкновенію на всѣхъ больныхъ было удивительно чистое бѣлье, въ комнатахъ было накурено уксусомъ и курительными свѣчками, а сами больные имѣли почти здоровый видъ. Въ тюрьмѣ арстанты были совершенно довольны своею судьбой, лица ихъ была обильна и вкуса, — мы сами на кухнѣ пробовали, — а если въ корридорахъ и пахло очень дурно, то это, по объясненію зрителя, происходило отъ вчерашняго дождя. Въ присутственныхъ мѣстахъ дѣлопроизводство шло удовлетворительно; шкалы, стѣны и полы доскились отъ чистоты, а служащіе отличались благонамѣренными, довольными лицами, слегка озабоченными важностью порученныхъ имъ государственныхъ работъ. Только на полицейскомъ дворѣ проявился одинъ недовольный съ жалобой; но не только исправникъ и всѣ его подчиненные, а даже и начальникъ инвалидной команды удостовѣрили что это сумашедшій человекъ пользующійся свободой единственно по свисходительности начальства. (Все это не помѣшало однако князю принять жалобу сумашедшаго, оказавшуюся въ послѣдствіи совершенно справедливою.) Въ почтовой конторѣ мы встрѣтили знакомую кибитку съ глядѣвшею изъ нея лысою головой, и когда почтмейстеръ наконецъ показалъ князю поднесенную ему серебряную палиросницу съ видомъ Москвы, въ лучахъ восходящаго солнца — какимъ удовольствіемъ и свѣтлымъ торжествомъ озарилось лицо добраго старика! Во „вѣренной“ ему почтовой конторѣ все оказалось въ совершенномъ порядкѣ. Князь благодарилъ почтмейстера и обѣщалъ исходатайствовать ему награду. Старикъ таялъ отъ блаженства и плакалъ.

Изъ почтовой конторы мы отправились домой; надо же было привести себя въ порядокъ и переодѣться къ обѣду. Въ передней нашей квартиры мы застали куріозную сцену: дежурный полицейскій надзиратель набивалъ намъ палиросы.

Работу эту мы возложили, уѣзжая по утру, на камердинера князя, Тараса, но тотъ воспользовался обаяніемъ своего положенія чтобы поручить это занятіе дежурному полицейскому чиновнику, которому, можетъ-быть, и въ голову не приходило протестовать противъ такого распоряженія. Онъ видѣлъ въ Тарасѣ своего рода „особу“, которая, при случаѣ, можетъ ему пособить, можетъ и подгадить.

Въ пять часовъ мы поѣхали къ Солдцеву. Обѣдъ оказался парадный, человекъ на тридцать. Были приглашены всѣ уѣздные чиновники. Солдцевъ посадилъ князя на почетное мѣсто, самъ сѣлъ рядомъ съ нимъ, и пригласилъ всѣхъ садиться. Какъ водится, всакій постарался сѣсть подальше отъ начальства, и вдругъ оказалось что одно мѣсто рядомъ съ княземъ осталось незапаятымъ. Никто изъ насъ не занялъ этого мѣста чтобы предоставить его мѣстнымъ властямъ, тѣ тоже не заняли его, и хоть это вышло не совсѣмъ ловко, но дѣлать было нечего, вставать изъ-за стола и пересаживаться было бы пожалуй еще хуже. Такъ и остался рядомъ съ княземъ лустой приборъ.

— А еслибы вы знали какая у насъ кутерьма предъ обѣдомъ вышла! шелгулъ мнѣ исправникъ, сидѣвшій рядомъ со мною.

— Изъ-за чего?

— Помилуйте, никто не зналъ, въ чемъ пріѣхать къ обѣду. Одни говорили, надо ѣхать въ мундирахъ; другіе, въ видмундирахъ, третьи, во фракахъ. Наконецъ рѣшили во фракахъ, такъ и пріѣхали нѣкоторые. Вдругъ нашли что это не ловко, что надо быть въ мундирахъ. Кто былъ во фракѣ, поѣхали переодеваться. Наконецъ пріѣхалъ Солдцевъ и рѣшилъ что въ видмундирахъ. А вотъ кто-то подѣхалъ... Пора, ужь сулъ сѣли. Боже мой, да это Грызодубовъ, нашъ почтмейстеръ... и еще въ мундирѣ... когда всѣ въ видмундирахъ... одолжилъ!

Дѣйствительно, въ дверяхъ показалась знакомая кубитка. Увидѣвъ что всѣ уже сидятъ за столомъ, и притомъ совсѣмъ въ другой формѣ, старикъ совсѣмъ растерялся, не зналъ что ему дѣлать, и все натягивалъ свои бѣлые перчатки, никакъ не налѣзавшія ему на руки и мѣшечками висѣвшія на пальцахъ. Онъ чуть ли ужь не ломышлялъ о бѣгствѣ когда Солдцевъ увидѣлъ его.

— А, Нифонтъ Ермолаевичъ, милости просимъ, садитесь

пожалуста! Человѣкъ, подайте сюда супу. Пожалуйте, Нифонтъ Ермолаевичъ, пожалуйте, говорилъ Солнцевъ.

Но старикъ Грызодубовъ совсѣмъ растерялся. Къ ужасу своему, онъ теперь замѣтилъ что единственное свободное мѣсто за столомъ было подлѣ самого губернатора.

— Пожалуста садитесь! приглашалъ князь Грызодубова.

Подъ грядомъ самыхъ разнообразныхъ взглядовъ и улыбокъ своихъ сослуживцевъ, почтмейстеръ медленно, какъ осужденный, подвигался къ указанному мѣсту. Не налѣзавшія прежде перчатки теперь никакъ не снимались, не смотря на порывистыя и нетерпѣливыя попытки Грызодубова. Красный какъ сафьянъ старикъ не ловко опустился на стулъ подлѣ князя, но чаша страданій его еще не исполнилась. Болтавшаяся у него при мундирѣ шляпа за что-то зацѣпилась, попала кончикомъ на столъ, и въ одно мгновеніе опрокинула тарелку супа стоявшую на приборѣ. Широкое, дымящееся озеро разлилось предъ приборами князя и растерявшагося почтмейстера.

Мнѣ было страшно взглянуть на него. Громкіе смѣшки раздались кругомъ. Кружка громко засмѣялась, а смѣшливый баронъ Дозенъ закрылъ лицо салфеткой и залулся беззвучнымъ смѣхомъ, мотая головой. Грызодубовъ кажется ничего не замѣчалъ, только глубже и глубже уходила его голова въ шитый воротникъ мундира. Князь дѣлалъ видъ будто не замѣчалъ случившагося и заговорилъ о чемъ-то съ Солнцевымъ, но когда любезный хозяинъ закричалъ лакеямъ: „скорѣй подайте другую тарелку Нифонту Ермолаевичу!“ старикъ Грызодубовъ заметался на своемъ стулѣ.

— Не надо, покорно благодарю, не надо, бормоталъ онъ, — я больше не буду...

У старика показались слезы на глазахъ. Онъ теперь понималъ что случилось, понималъ что здѣсь ему теперь никто слова не скажетъ, намекъ не подастъ. Но что скажутъ ему завтра тѣ самые товарищи которые уже засмѣяли его за проглоченный почетный рапортъ?

Обѣдъ между тѣмъ шелъ своимъ чередомъ, обѣдъ обильный, прекрасно сервированный, что такъ рѣдко бываетъ въ провинціи. Вина тоже было много, и отличнаго вина, причемъ, что тоже рѣдкость въ провинціи, вино было одинаковаго качества на обоихъ концахъ стола. Веламиновъ, большой любитель и знатокъ, лилъ вино

маленькими глотками, и тщательно изучалъ пробки и арлыки бутылокъ. Кружка и Салтъевъ пили просто и много, Дозевъ придерживался исключительно сладенькихъ наливокъ. Подали шампанское, и начались тосты. Первымъ заговорилъ Солдцевъ, и въ нѣсколькихъ „прочувствованныхъ словахъ“ предложилъ выпить за здоровье „дорогаго гостя, г. начальника губерніи“. Затѣмъ, когда смолкли сочувственные и пріивѣтственные клики, князь предложилъ тостъ за здоровье высокоуважаемаго хозяина и представителя мѣстнаго дворянства. Опять раздалась „клики“ и чоканье бокаловъ. Затѣмъ городской голова, надѣвъ очки, прочелъ по бумажкѣ довольно длинную рѣчь, смыслъ которой сводился къ тому что опять надо выпить за здоровье князя, а князь предложилъ тостъ за процвѣтаніе города Бѣлянска. Въ заключеніе штатный смотритель училища произнесъ слово о пользѣ наукъ.

Вскорѣ послѣ обѣда мы поѣхали къ Солдцевымъ въ деревню. Князь съ Солдцевымъ сѣли въ карету, а мы съ Салтъевымъ, Веляминовымъ и Дозевомъ помѣстились въ коляскѣ Солдцева. Какъ я уже сказалъ, Кружка остался въ Бѣлянскѣ по какому-то дѣлу. Онъ этимъ, впрочемъ, ни мало не огорчился. Напротивъ, онъ кажется даже очень былъ доволенъ своею судьбой. „Не люблю я, знаете, этого дамскаго общества“, сказалъ онъ намъ, „а что касается угощенія, такъ меня и здѣсь накормятъ и наложатъ“. Грѣшный человекъ, я подозревалъ что какіе-нибудь особенные расчеты руководили при этомъ Кружкой.

Намъ было очень хорошо ѣхать. Подъ вліяніемъ хорошаго обѣда, прекраснаго вечера, ожиданія пріятной встрѣчи съ Солдцевыми, мы были отлично настроены. Салтъевъ разказывалъ анекдоты, очень много смѣялся, а маленький Дозевъ еще больше; Веляминовъ сначала былъ веселъ и острилъ, но съ половины дороги сталъ слегка задумываться, а потомъ и совсѣмъ дремать. Я былъ въ очень мечтательномъ расположеніи духа. Воспоминанія теперь воскресали предо мной, а я еще имѣлъ слабость думать что навсегда покончилъ съ ними! Живо вспоминались мнѣ наши прежнія встрѣчи съ Нелли Солдцевой, встрѣчи всегда оживленныя, всегда отмѣченныя чѣмъ-то особеннымъ. А между тѣмъ разставались мы съ ней всегда холодно, почти враждебно, какъ будто недовольные другъ другомъ и собой. Что-то недосказанное,

но что надо было досказать, что-то такое въ чемъ ни она, ни я не хотѣли сознаться даже самимъ себѣ, неуловимо становилось между нами, раздѣляло насъ, и на душѣ оставалось мучительное, гнетущее чувство...

Скоро предъ нами, на возвышеніи, раскинулась старинная барская усадьба съ тѣнистымъ садомъ и широкимъ дворомъ обнесенымъ каменною оградой, ярко бѣлѣвшею при свѣтѣ мѣсяца. Домъ былъ большой, одноэтажный и, какъ водится, съ колонами и мезониномъ. Окна были освѣщены, на подъѣздѣ суетились, очевидно насъ ждали.

Черезъ нѣсколько минутъ мы были уже въ большой залѣ, убранной не по-деревенски, съ большимъ вкусомъ. Громадныя растенія, масса цвѣтовъ, парадно одѣтая прислуга и блестящее освѣщеніе, все это сразу бросалось въ глаза, и намъ такъ неловко было въ нашихъ видмундирныхъ фракахъ съ ясными пуговицами. Но эта неловкость скоро прошла. Солдцевъ и жена его, Маргарита Александровна, приняли насъ такъ радушно и любезно что мы вскорѣ почувствовали себя какъ дома. Мари и Нелли (такъ называли мы между собою дочерей Солдцева, Марью Михайловну и Елену Михайловну) встрѣтили насъ какъ старыхъ знакомыхъ. Каюсь, я очень неспокойно пожалъ руку протянутую мнѣ Нелли. Я не мастеръ скрывать свои впечатлѣнія, и Нелли это вѣрно замѣтила, потому что лукаво улыбулась. Скоро у насъ завязался оживленный разговоръ, прерывавшійся частымъ смѣхомъ, виной которому было наше общее хорошее расположеніе духа, а поводомъ служила разсѣянность Веляминова, не услѣдившаго хорошенько придти въ себя послѣ сна, и выходки Салгѣева, громко смѣявшагося вмѣстѣ съ нами. Маргарита Александровна съ княземъ и мужемъ прошла въ гостиную, а мы всѣ стояли въ залѣ, разговаривали, смѣялись, и намъ такъ хорошо было безъ *старшихъ* что мы тутъ въ залѣ и остались.

Подали чай; Дозенъ сѣлъ къ роялю и сталъ брать необыкновенно громкіе и мрачные аккорды, точно собирался играть похоронный маршъ. Но аккорды эти перешли въ веселый и заманивающий вальсъ. Кое-гдѣ онъ перевиралъ и останавливался чтобы посмѣяться надъ своею неудачей, потомъ снова начиналъ играть и только сердито встрахивалъ кудрявою головою когда какой-нибудь пассажъ ему не удавался. Въ комнату вошла Маргарита Александровна и улыбаясь посмотрѣла на насъ.

— Что это вы танцовать хотите? отъ Мари и Нелли это станется. Я думаю только что ces messieurs устали съ дороги, сказала она.

— Помилуйте, какіе теперь танцы! недовольно проговорилъ Салтъевъ.

Онъ самъ не умѣлъ танцовать (пробѣлъ въ моемъ воспитаніи, говаривалъ онъ) и не любилъ когда танцовали другіе.

— Какъ хотите, господа, лишь бы вамъ не скучно было, сказала Маргарита Александровна и ушла.

— Салтъевъ всегда противъ танцевъ, сказалъ Дозенъ, — а по моему лучше танцуйте. Что же мнѣ такъ играть, pour le roi de Prusse!

— Въ самомъ дѣлѣ, туръ вальса можно и послѣ дороги сдѣлать, не правда ли? сказала мнѣ Мари, и мы пошли съ ней вальсировать. Веляминовъ пошелъ съ Нелли.

— Боже мой, Веляминовъ лодьку танцуетъ вмѣсто вальса! ужасался Дозенъ.

— Что это съ вами? спросила меня Мари когда мы кончили танцовать. — Вы какъ будто не въ духѣ? Или въ самомъ дѣлѣ устали? А я воображала что вы будете рады увидѣться съ нами.

— Какъ вамъ сказать... это очень трудно объяснить... я всегда такой когда радъ... когда...

— Онъ всегда не въ духѣ когда въ духѣ, вмѣшался Дозенъ.

Между тѣмъ Веляминовъ подошелъ къ Мари и пригласилъ ее. Я подошелъ къ Нелли, и не смотря на то что музыка Дозена все сильнѣе и сильнѣе хромала, намъ очень хорошо танцовалось.

— Какъ мы съ вами давно не видѣлись! сказала мнѣ Нелли. Разкажите же какъ вы проводили время.

— Очень обыкновенно... даже хуже: я скучалъ.

— Это не совсѣмъ въ вашемъ характерѣ... У насъ же пожалуста не скучайте; не будете?

— Навѣрно не буду...

— Сколько времени князь думаетъ пробыть у насъ?

— Онъ говорилъ дня два, три.

— Отлично, значитъ и вы у насъ погостите. Надѣюсь что князь не ушлетъ васъ по какому-нибудь дѣлу.

— Развѣ вы попросите.

— Попрошу если вы будете скучать.

Въ это время въ дверяхъ показались Солдцевы и князь.

— Вы кажется балъ устроили? сказала Маргарита Александровна.

Дозевъ пересталъ играть; мы всѣ какъ-то примолкли.

— Мы вамъ не будемъ мѣшать, сказалъ Солдцевъ,—вотъ и старый баронъ Дозевъ идетъ; пойдѣмте, князь, можно будетъ устроить партію въ вистъ.

Дѣйствительно, въ залѣ появилось новое лицо. Это былъ очень древній, бѣловолосый и шаркавшій ногами старикъ, дальній родственникъ Маргариты Александровны. Насъ представили ему, и когда очередь дошла до маленькаго барона Дозевъ, старикъ немедленно увлекъ его въ уголокъ и сталъ считаться родствомъ. Они оказались дѣйствительно дальними родственниками; оба они были курляндскіе бароны, почти сосѣди по имѣніямъ, но у стараго барона, въ гербѣ, были золотыя лтицы въ голубомъ полѣ, у нашего же барончика лтицы были красныя и въ золотомъ полѣ. Старикъ сталъ спрашивать юнаго Дозена про общихъ знакомыхъ и родственниковъ, давно потерянныхъ имъ изъ виду. Разговоръ шелъ по-нѣмецки.

Er ist gestorben, sie ist gestorben.... schon längst gestorben, то и дѣло приходилось отвѣчать барончику на вопросы стараго родственника, печально кивавшаго гбловой при такихъ извѣстіяхъ. Наконецъ, перебравъ всѣхъ общихъ родныхъ и знакомыхъ и узнавъ объ ихъ кончинѣ, старикъ Дозевъ пошелъ въ гостиную. Маленькій Дозевъ выскочивъ изъ угла, въ которомъ онъ бесѣдовалъ со старикомъ, вытиралъ лицо платкомъ и обмахивался.

— Онъ сорокъ лѣтъ не былъ въ Курляндіи, началъ онъ было говорить, но закатился своимъ звонкимъ, дѣтскимъ хохотомъ:—спрашиваетъ меня, а мнѣ восемнадцать лѣтъ.

— Это онъ всегда такъ, сказала Мари,—вчера къ Нелли присталъ, ломвить ли она его жену, а та умерла лѣтъ двадцать пять тому назадъ.

— Онъ очень старъ? спросилъ я.

— За семьдесятъ, отвѣчала Нелли,—но вы не смотрите что онъ такой... До сихъ поръ на охоту ходитъ, ѣздитъ верхомъ...

— Какъ, на лошади? наивно спросилъ Дозевъ и самъ засмѣялся своему глупому вопросу.

— А на охотѣ онъ убиваетъ что-нибудь? спросилъ Веляминовъ, который самъ былъ не изъ числа лучшихъ стрѣлковъ.

— Убиваетъ время, острилъ Салтъевъ.

— Однакоже что мы все стоимъ? сядемте, господа, сказала Мари:—или хотите, пойдете въ садъ.

— Avec plaisir, отвѣчалъ Салтъевъ.

— Не холодно ли? спросила Нелли и какъ-то порывисто сдвинула плечи, какъ будто уже почувствовавъ холодъ.—А впрочемъ пойдете, должно-быть хорошо въ саду, мѣсяцъ свѣтитъ...

И Нелли съ Мари пошли одѣваться. Мы вышли въ садъ, и скоро онѣ присоединились къ намъ. Вечеръ, или скорѣе, ночь была прелестна. Мѣсяцъ ярко свѣтилъ, заливая блескомъ бѣлый балконъ и лестра яркими полосами широкую, прямую аллею, затѣвленную старыми высокими лилами. Воздухъ былъ свѣжій, ласкающій, раздражающій; на крышахъ дома, далекой церкви и колокольни бѣлымъ налетомъ лежалъ лунный свѣтъ; вдали, надъ рѣкою, леленой поднимался туманъ. Тихо такъ было, хорошо.

Мари съ Нелли пошли впереди, мы за ними. „Подойти бы къ Нелли, пойти съ ней объ руку, въ такую ночь...“ думалось мнѣ, „конечно подойти... и выдать свою заветную тайну при всѣхъ этихъ—Салтъевъ, Дозевъ?... Нѣтъ, лучше подождать, лучше пусть само собою устроится.“

Но „само собою“ не устраивалось. Салтъевъ подошелъ къ Нелли и предложилъ ей руку (о, какъ я его возненавидѣлъ въ эту минуту!), Веляминовъ подаль руку Мари. Дозевъ съ улыбкой предложилъ мнѣ свою руку.

— Скажи по правдѣ, громко сказалъ онъ,—тебѣ очень пріятно идти со мной? Но какой же ты начальникъ когда твои подчиненные отбиваютъ у тебя дамъ? Ты самъ виноватъ. А впрочемъ мнѣ надо поговорить съ тобой по секрету.

— И пожауста такъ же громко, сказала Нелли.

— Хороши должны-быть твои секреты! презрительно отзывался Салтъевъ:—да въ обществѣ секреты и не допускаются.

— Ахъ! вскрикнулъ Веляминовъ, и остановился на мѣстѣ. Мы всѣ тоже остановились.

— Чтѣ такое? спрашивали мы его. Онъ тревожно обыскивалъ свои карманы.

— Мнѣ матушка дала письмо къ Маргаритѣ Александровнѣ, говорилъ онъ.

— *C'est ça!* Потерялъ! радовался Салтъевъ.

— Нѣтъ, но не знаю куда я его дѣлъ, и Веляминовъ снова сталъ обыскивать свои карманы.

— Съ тобой можетъ-быть случилось то же что съ почтмейстеромъ который проглотилъ свой рапортъ? приставалъ Дозенъ.

— Во всякомъ случаѣ потомъ пощете, сказала Мари,— что жъ мы будемъ здѣсь стоять. Нелли, я не слышу чтобы ты что-нибудь говорила со своимъ кавалеромъ.

— Когда онъ ничего не говоритъ!

— *А лемтан, а лемтан*, позвольте мнѣ только закурить папиросу.

И Салтъевъ подошелъ къ Дозену и сталъ закуривать у него. Дозенъ значительно толкнулъ меня локтемъ. Но мнѣ ужъ не нужно было его указаніе, теперь я сообразилъ самъ, и тихо обойдя за Салтъевымъ, подошелъ къ Нелли, предложилъ ей руку, и мы быстро пошли впередъ.

— *Коман, коман*, слышался за нами голосъ Салтъева. „Прекрасно, прекрасно,“ говорила Мари. Дозенъ звонко хохоталъ.

Мы повернули въ боковую дорожку, потомъ въ другую, совсѣмъ открытую, и изъ полумрака вышли на яркій свѣтъ луны. Голоса нашихъ слугниковъ слышались гдѣ-то вдали, мы пошли тише. Нелли осмотрѣлась кругомъ, вздрогнула какъ бы отъ охватившаго ее холода и сильнѣе ослерлась на мою руку.

— Хорошо! сказала она.

— Елена Михайловна, началъ я,— вы не сердитесь на меня за то что я замѣнилъ Салтъева?

Нелли отрицательно кивнула головой и съ недоумѣніемъ взглянула на меня.

— Что это съ вами? спросила она, и потомъ тише, какъ будто про себя сказала:—еслибъ я хотѣла идти съ Салтъевымъ, я съ нимъ бы и пошла... а не съ вами. Зачѣмъ вы спрашиваете?

— Вамъ кажется страннымъ! Но мы такъ давно не видѣлись съ вами, такъ давно, что мнѣ кажется будто мы только что познакомились... Я не знаю что вамъ нравится, что не нравится. Не знаю что сказать, что говорить... съ чего начать... Молчишь, молчишь какъ Салтъевъ...

— Я этого не понимаю.

Мы продолжали идти. Нелли задумалась, я молчалъ. Меня

брала досада на самого себя... Вѣдь такая минута можетъ никогда въ жизни не повториться! Мы одни въ эту улочительную ночь, рука объ руку съ Нелли...

— Скажите же мнѣ, тихо проговорила она.

— Ау! раздался гдѣ-то не въ далекомъ голосъ искавшаго васъ Салтъльева. Нелли быстро взяла меня за руку.

— Не откликайтесь, прошелтала она. Мы остановились.

— Ау, басилъ Салтъльевъ,—пойдемте домой, зо-вуть у-жнать! протяжно выкрикивалъ онъ.

— Тогда надо идти, сказала Нелли. Мы повернули назадъ.— Вы знаете, продолжала она,—мы нынѣшнюю зиму не увидимся, мы не будемъ жить въ городѣ.

— Отчего же?

— Матап ѣдетъ за границу на всю зиму.

— Голь, голь! какъ-то отчаянно и почти надъ самымъ ухомъ моимъ закричалъ Салтъльевъ.

— Идемъ! отвѣтилъ я ему.

— И представьте, продолжала Нелли,—мнѣ не хочется за границу. Мнѣ жаль зимы въ нашемъ городѣ. Мнѣ тамъ бывало очень весело.

Нелли помолчала.

— Прѣвѣжайте къ намъ въ Италию... Чтѣ? сказала она и улыбаясь взглянула на меня.

— *Enfants, enfants, nous vous avons trouvés!* и возрѣ васъ показался Салтъльевъ. За нимъ шла Мари съ Веляминовымъ и Дозеномъ.

— Куда вы ушли? спросила Мари смѣясь,—мы васъ никакъ не могли найти.

— Послушай, Василій Николаевичъ, сказалъ Дозенъ,—Салтъльевъ тебѣ жестоко отомстилъ. Вѣдь онъ это все сочинилъ, насъ никто не звалъ ужинать.

— *Vous savez, началъ Салтъльевъ;*—это военная хитрость, *à la guerre, comme à la guerre!* и онъ громко засмѣялся. Нелли что-то тихо проговорила и, какъ мнѣ показалось, что-то отнюдь не слишкомъ лестное для Салтъльева.

— Чтѣ вы сказали? спросилъ онъ.

— Ничего. Пойдемте домой!

Веляминовъ стоялъ, смотрѣлъ на небо и декламировалъ какіе-то стихи.—*О эта ночь, о эта Ницца!*.. проговорилъ онъ. Его перебилъ Дозенъ.

— Никакой Ниццы тутъ нѣтъ, здѣсь Бѣляевскій уѣздъ!

основательно замѣтилъ онъ и разсмѣялся. Мы снова вошли въ тѣнистую аллею. Въ концѣ ея видѣлся домъ въ голубоватомъ лунномъ освѣщеніи. Мы шли не скоро, молча, каждый раздумывалъ о чемъ-то, и одинъ Салтъевъ нарушалъ эту тишину, сбивая ланкой высокую траву по бокамъ аллеи.

Въ домѣ мы въ самомъ дѣлѣ застали приготовленія къ ужину. Мы прошли въ гостиную. Вистъ у „старшихъ“ затянулся, они спокойно сидѣли въ душевой комнатѣ; меня удивляло какъ они не догадывались какъ чудно хорошо было въ саду въ эту чудную ночь. Но ихъ занимало совсѣмъ другое. Старикъ Дозенъ былъ не въ духѣ, крылъ козыремъ свои же взятки и ходилъ въ чужую масть, горячо доказывая потому что онъ игралъ совершенно правильно и что по ходу игры онъ долженъ былъ ходить въ чужую масть и бить свои взятки. Князь и Маргарита Александровна только посмѣивались и говорили о совершенно постороннихъ предметахъ. Солдцевъ же считалъ нужнымъ во что бы то ни стало доказать Дозену что онъ не умѣетъ играть. Скоро они окончили робберъ и встали изъ-за стола.

— Пойдемте закусить, приглашалъ Солдцевъ;—я думаю наши гости порядочно устали, надо дать имъ поскорѣе отдохнуть.

Мы всѣ пошли за нимъ въ залу, гдѣ былъ накрытъ ужинъ. Князь сѣлъ между хозяйномъ и хозяйкой, старика Дозена посадили подлѣ Мари, затѣмъ сѣла Нелли. Я опять колебался занять мѣсто подлѣ нея, какъ вдругъ Салтъевъ сталъ пробираться къ манившему меня стулу. Позиція была несомнѣнно проиграна, но Нелли вдругъ обратилась ко мнѣ указывая на мѣсто подлѣ себя:

— Василій Николаевичъ, садитесь здѣсь.

Я подошелъ и любезно предложилъ Салтъеву уступить мнѣ мѣсто.

— Вы даже не рѣшаетесь быть моимъ сосѣдомъ за ужиномъ. Все оттого что мы „давно не видѣлись?“ сказала мнѣ Нелли.

— Нѣтъ, не оттого...

— Отчего же?

— Ахъ, Боже мой... это такъ просто... но вмѣстѣ съ тѣмъ объяснить мнѣ трудно... Но все это ничего, главное я здѣсь возлѣ васъ и конечно никому не уступлю своего мѣста.

— На завтра рара хочеть устроить охоту для князя. Вы стрѣляете?

- Еще бы, сказалъ я очень самоувѣренно.
- Значитъ вы тоже пойдете на охоту?
- Да, а вы?
- Можетъ-быть, мы съ татаи и Мариѣ прїѣдемъ полозды, привеземъ вамъ завтракъ.
- Совсѣмъ нѣтъ, Нелли, перебила Мари,—татаи можетъ-быть совсѣмъ не пойдеть, она уже предчувствуетъ мигрень на завтра; а мы съ тобой пойдемъ верхомъ въ одно время съ охотниками. Князь уже обещалъ быть моимъ кавалеромъ.
- Отлично. А вы, Василій Николаевичъ, будете моимъ кавалеромъ? спросила Нелли.
- Если вы позволите и если найдется лошадь...
- Конечно найдется.
- Et moi aussi! воскликнулъ Салъевъ.
- Нѣтъ, больше не будетъ лошади, сказала Нелли, и вамъ придется ѣхать въ экипажѣ.
- *Toujours comme ça!*
- Вотъ и отлично, какъ-то не громко сказала Нелли,—значитъ мы завтра вмѣстѣ. Хотите лафиту? обратилась она къ Салъеву.

— Очень вамъ благодаренъ, отвѣтилъ тотъ недовольнымъ голосомъ, однако налилъ себѣ вина.

Дозенъ ѣлъ какъ будто не обѣдалъ. Веляминовъ продолжалъ свои научно критическія наблюденія надъ виномъ, поливая его маленькими глотками, изучая пробки и этикетки на бутылкахъ. На другомъ концѣ стола, у князя и хозяевъ шель оживлённый разговоръ. Я не отдавалъ себѣ отчета въ томъ что происходило вокругъ меня; мнѣ было такъ хорошо, такъ весело на душѣ.

Вдругъ все зашумѣло кругомъ, задвигались стулья, всѣ встали изъ-за стола. Всталъ и я, неохотно разставаясь съ мѣстомъ, гдѣ Нелли была такъ близко, такъ близко отъ меня...

Когда мы, простившись съ хозяевами, пришли въ большую комнату отведенную моимъ товарищамъ и мнѣ, Веляминовъ немедленно принялся разыскивать въ чемоданѣ письмо его матери къ Маргаритѣ Александровнѣ (въ провинціи еще любить писать „съ оказіей“, хотя несомнѣнно что по почтѣ письма доходятъ и скорѣй и вѣрнѣе). Веляминовъ перерылъ весь чемоданъ, но письмо не нашлось, къ великому восторгу Дозенъ, который, слушая гривуазный анекдотъ Салъева и

наблюдая фигуру Веляминова присѣвшаго надъ своимъ чемоданомъ, хихикалъ, слегка подпрыгивая на своей постелькѣ. Мнѣ не хотѣлось говорить, не хотѣлось отвлекаться отъ свѣтлыхъ впечатлѣній, волновавшихъ меня, но смѣхъ Дозена былъ такъ симпатиченъ и веселъ, дѣйствовалъ такъ заразительно, что хорошее расположеніе духа взяло свое, и я громко разсмѣялся вслѣдъ за Дозеномъ, самъ не зная чему. Салъвальевъ приписалъ это своему анекдоту, а Веляминовъ, слегка обидѣвшись, замѣтилъ что со всякимъ можетъ случиться несчастье потерять письмо. Дозенъ еще больше захотѣлъ, неволью и я продолжалъ смѣяться, и такъ хорошо, такъ легко смѣялось двадцать лѣтъ тому назадъ...

Поздно заснулъ я мечтая о завтрашней охотѣ...

Я раньше всѣхъ былъ готовъ, по утру, и нѣсколько разъ, на свободѣ, осматривалъ и охорашивалъ свой новенькій охотничій костюмъ. Дозенъ былъ очень милъ въ такъ-называемыхъ имъ „большихъ“ сапогахъ, которые сами по себѣ были конечно очень маленькіе. Салъвальевъ надѣлъ громадные сапоги и длинное рыжее пальто, которое перетянулъ ремнемъ.—Я думаю не о красотѣ, а объ охотѣ, серьезно сказалъ онъ намъ. Веляминовъ еще крѣпко спалъ, и мы съ Дозеномъ и Салъвальевымъ вошли въ столовую, гдѣ застали Мари и Нелли за чаемъ. Маргарита Александровна еще не вставала.

— Хорошо ли вы спали? спросила Мари.

— Отлично. Превосходно. Удивительно, отвѣчали мы. Последнее выраженіе принадлежало маленькому Дозену. Мы всѣ засмѣялись, и онъ самъ тоже.

— Отчего же нельзя сказать что я спалъ удивительно? спросилъ онъ.

— Потому что ничего тутъ удивительнаго нѣтъ, отвѣтилъ Салъвальевъ;—вотъ Веляминовъ другое дѣло, тотъ въ самомъ дѣлѣ спитъ удивительно, его уже три раза будили, никакъ не разбудятъ.

— И хорошіе сны вамъ снились? спросила меня Мари.

— Удивительные, пародировалъ я Дозена.

— Кого же вы видѣли во снѣ? спрашивала она.

— Вотъ если Василій Николаевичъ видѣлъ васъ во снѣ, и Елену Михайловну, то тутъ дѣйствительно нѣтъ ничего удивительнаго, льстилъ мнѣ гадкій мальчишка Дозенъ.

— Видѣлъ, дѣйствительно видѣлъ, сказалъ я и самъ удивилася своей смѣлости. Въ это время князь вышелъ изъ своей комнаты.

— Bonjour mesdemoiselles, bonjour messieurs! сказалъ онъ и затѣмъ обратился ко мнѣ.—Не придумаете ли вы, Василій Николаевичъ, какого-нибудь средства разбудить Веляминова? Съ нимъ возятся уже съ полчаса, а намъ вскорѣ ѣхать пора.

Мы съ Дозеномъ и Салъяевымъ вернулись въ нашу комнату. Веляминовъ, дѣйствительно, еще не просыпался. Около него хлопоталъ и возилася Тарась. Время отъ времени, Веляминовъ подавалъ признаки жизни, бормоталъ свое „по, хорошо“, упрасивалъ оставить его въ покоѣ, сердился, бранился, чуть не плакалъ, затѣмъ оборачивался къ стѣнкѣ и снова засыпалъ. Дозенъ хохоталъ до уладу. Я подошелъ къ постели.

— Веляминовъ, проговорилъ я самымъ серіознымъ тономъ,—дамы и князь ждутъ тебя, вставай.

Веляминовъ молчалъ. Я снова сталъ приставать къ нему.

— Хорошо... хорошо... сейчасъ!... Одну минуту только... и потомъ сейчасъ!... отстань!... пробормоталъ Веляминовъ и снова зарылся въ подушки.

Мы стали теревить Веляминова за руки и за ноги, сорвали съ него одѣяло, и вытащили у него подушку изъ-подъ головы. Веляминовъ мгновенно вскочилъ:

— Да оставите ли вы меня несчастнаго въ покоѣ? вскринулъ онъ и цѣлымъ градомъ посыпался въ насъ одинъ салогъ, другой, одѣяло, платье. Но это усиліе окончательно пробудило Веляминова. Онъ протеръ глаза, пристально посмотрѣлъ на насъ и сказалъ:

— Извините, господа, я, кажется, въ кого-то салогомъ пустилъ... Чтò это? Вы уже одѣты?

— И тебѣ совѣтую скорѣй одѣваться, сказалъ я, — пора ѣхать; дамы и князь давно готовы.

— Тарась! громко закричалъ Веляминовъ, не замѣчая что Тарась стоитъ тутъ же,—давай скорѣй одѣваться! И отчего ты раньше не разбудилъ меня? Я тебѣ вчера еще говорилъ; ты вѣчно забудешь.

Мы всѣ засмѣялись, даже благосослтанннй Тарась позволилъ себѣ улыбнуться. Дозенъ совсѣмъ покатывался отъ смѣху.

— Ceci, c'est trop fort, говорилъ онъ, — его, изволите ли видѣть, не будили!

Убѣдившись что Веляминовъ больше не заснетъ, я оставилъ его одѣваться, а самъ вернулся въ столовую.

— Ну что, Василиій Николаевичъ, хорошо ли мы съ вами будемъ стрѣлять сегодня? спросилъ князь.

— Надо надѣяться!

— Вы непременно должны хорошо стрѣлять сегодня, сказала мнѣ Нелли,—вѣдь мы будемъ вмѣстѣ и я хочу чтобы никто больше насъ не убилъ.

Мари распорядилась послать чаю Веляминову, Дозену и Салъвальеву. Скоро къ намъ пришли Солнцева и старикъ Дозень. Старика я совсѣмъ не узналъ. Онъ какъ-то подтанулся, подбодрился и помолодѣлъ; съ неодобреніемъ отозвался онъ „о чаепитіи когда надо ѣхать на охоту“, и все торопился насъ. Солнцева, изящно одѣтый, гладко выбритый, не очень торопился, со вкусомъ поливая чай изъ большой старинной чашки.

— *En voilà!* повторилъ князь свою любимую поговорку,—въ самомъ дѣлѣ пора ѣхать. Мы окончили чай и послѣдніе стали собираться. Послѣ неизбежной сцены въ которой насъ всего болѣе затрудняли заложенные куда-то вчера фуражки, мы вышли изъ столовой на подѣздъ.

У подѣзда стояла рессорная ливейка запряженная тройкой сытыхъ и лихихъ пѣвгихъ лошадей; нѣсколько поодаль берейторъ держалъ подъ уздцы четыре верховыя лошади. Солнцева, старикъ Дозень, молодой Дозень сѣли на одной сторовѣ ливейки, Салъвальевъ и подослѣвшій въ самую послѣднюю минуту Веляминовъ на другой, причемъ они взяли къ себѣ и ружья князя и мое. Веляминовъ былъ очень не въ духѣ; онъ не выспался, не услѣлъ порядкомъ напиться чаю, дождался какой-то сухарикъ и серьезно увѣрялъ что его нарочно не разбудили вовремя, и что онъ даже хорошо знаетъ чьи это все штуки. Дальнѣйшихъ словъ его нельзя было слышать за смѣхомъ Дозена, а затѣмъ ливейка отѣхала и шумъ колесъ совсѣмъ заглушилъ его недовольный ропотъ.

Мы съ княземъ посадили нашихъ дамъ на лошадей и затѣмъ сѣли сами. Мнѣ достался, какъ теперь ломню, сѣрый конь Эмиръ, изъ бракованныхъ кавалерійскихъ лошадей, на крѣпкихъ еще ногахъ и даже не безъ энергіи. Отвыкнувъ отъ верховой ѣзды, я старался однако усвоить себѣ по возможности молодцоватую посадку, что мнѣ иногда на время и удавалось

послѣ нѣкоторыхъ успій. Я нагналъ Нелли, нѣсколько отъѣхавшую впередъ, и поѣхалъ рядомъ съ ней, такъ что мы могли разговаривать. Къ сожалѣнію насъ скоро нагнали Мари и князь, и это сообщество значительно стѣсняло меня.

— Вы очень тихо ѣдете, сказала Нелли сестрѣ и затѣмъ обратившись ко мнѣ спросила:—хотите поѣхать поскорѣй?

Я, конечно, согласился.

— Поѣдемте! сказала Нелли, и мы поехали впередъ. Сначала эта скорая ѣзда очень смущала меня; лицу себя мыслю что стремяна были нѣсколько длинно отлущены, такъ какъ постоянно то одно стремя, то другое соскакивало съ ноги, и молодцоватость моей посадки легко могла быть серьезно скомпрометтирована. Но потомъ все какъ-то наладилось; при томъ я убѣждаюсь что Нелли ничего не замѣтила. Ей, казалось, было не до меня. Слегка опустивъ голову, она серьезно и изъ подлбья глядѣла впередъ въ разсталавшуюся предъ нами равнину, мѣрно покачиваясь въ темлѣ скакавшей лошади. Я невольно заглядывался на ея изящную, стройную фигуру въ черной амазонкѣ; тысячи мыслей пробѣгали въ головѣ подъ вліяніемъ близости этой очаровательной дѣвушки, а между тѣмъ завѣтныя мысли не высказывались, завѣтныя слова не выговаривались... Начнешь говорить, и чувствуешь что это все не то, все не то... И сдастся, она тоже сознаетъ отвѣчая на обыкновенные вопросы что это все не то. Со страхомъ думалось мнѣ что такая минута никогда не повторится... мы одни, нескромныхъ свидѣтелей нѣтъ, кругомъ насъ ширь, степь и Божій просторъ... И чтобы выйти изъ должнаго положенія (молчать всегда ужасно глупо), говоришь о постороннихъ лустакахъ, говоришь бойко, какъ будто увлекаешься, какъ будто одни эти лустаки только и есть на сердцѣ... и олять такъ мучительно сознаешь что это все не то, все не то...

Ѣхавшая впереди насъ линейка остановилась вблизи маленькаго лѣска гдѣ должна была происходить охота. Мы съ Нелли подѣхали къ линейкѣ, сѣзли съ лошадей и, взявъ у маленькаго Дозена свое ружье, я подалъ Нелли руку и пошелъ съ ней отыскивать назначенное намъ мѣсто. Намъ пришлось пройти довольно далеко, наконецъ шедшій впереди князь нашелъ свое мѣсто, гдѣ и сѣлъ съ Мари, а нѣсколько поодаль сѣли и мы. Я разостлалъ для Нелли ледъ, которымъ имѣлъ благоразуміе заластись, а самъ сѣлъ невдалекѣ.

— Вѣдь кажется здѣсь говорить нельзя? шелотомъ спросила меня Нелли.

— Напротивъ, отвѣчалъ я смѣясь,—какая же это будетъ охота, если не разговаривать! Только, конечно, тихо... чтобы ни звѣрь... ни человѣкъ не услышалъ.

Нелли улыбулась.

— Ну, хорошо, будемъ разговаривать потихоньку, очень потихоньку... Посмотрите, какой прелестный видъ отсюда!

Видъ дѣйствительно былъ очень хорошъ. Мы сидѣли близъ опушки лѣса, террасами спускавшася отъ насъ по мѣловой горѣ, переливаясь разнообразными и яркими цвѣтами поблекшей, но еще не облетѣвшей листвы, какъ-то жалобно трелетавшей на тихомъ чуть замѣтномъ вѣтеркѣ. За лѣсомъ, гдѣ-то далеко внизу, широкая рѣка синѣла темною холодною лазурью. За рѣкой открывалась безграничная даль, пестрѣвшая озерами, кустарниками и окаймленная на горизонтѣ тонкою и темною полоской далекаго лѣса. Съ нашего мѣста намъ видны были почти всѣ охотники, разбѣянные по опушкѣ лѣса и болѣе или менѣе хорошо спрятанные въ кустахъ. Вонъ налѣво Веляминовъ разлегся на своемъ палатѣ, положивъ ружье подальше чтобы безопаснѣе отдохнуть. Далѣе, старый баронъ Дозенъ усаживается на свой патентованный охотничій стулъ.

— Какъ весело, намъ отсюда всѣхъ видно, сказала Нелли,—вонъ князь и Мари; они кажется тоже разговариваютъ.

И вѣрно, думалось мнѣ, князь не искалъ бы словъ еслибы былъ на моемъ мѣстѣ. Да и я самъ не молчалъ бы съ другою. Отчего же мнѣ теперь не говорилось? Слишкомъ ли сильно чувствуется, или же просто слова были излишни; олоплевенныя слова только нарушили бы таинственную, чудную недосказанность, всю святость и блаженство этой минуты?

Но „святость и блаженство этой минуты“ нарушили не слова. Раздался выстрѣлъ, потомъ другой... Я схватился за ружье. Нелли обернулась въ ту сторону откуда раздались выстрѣлы. Вотъ и еще и еще, выстрѣлы все ближе къ намъ.—Что такое? Ничего не видно, пролетѣла Нелли. Но я ужъ увидалъ. Мимо опушки лѣса, вдоль линіи охотниковъ, плавно тянулъ онъ, герой моего разказа, словомъ, вальдшнепъ. Слугнутый гончими, онъ летѣлъ теперь прямо на насъ. Боже! отчего не летѣть ему въ сторону! Вѣдь не могу же я не стрѣлять по немъ и прямо сознаться въ своемъ безсиліи! А

выстрѣлить, сдѣлать промахъ на глазахъ у Нелли, какой позоръ! Но мѣшкать нельзя было. „Не правда ли мы убьемъ?“ прошептала Нелли. У меня захолоуло сердце. Я взял вальдшнепа на цѣль, выстрѣлилъ, внутри меня словно что-то оборвалось, и вальдшнепъ комкомъ полетѣлъ на землю, къ самымъ ногамъ Нелли.

Конечно, дайте мнѣ тысячу рублей... да что тысяча рублей! Дайте мнѣ милліоны, всѣ блага здѣшняго міра, такого выстрѣла я въ другой разъ не сдѣлаю, не могу сдѣлать. Это былъ просто случай, глухой случай, но для меня такой счастливый, что я готовъ былъ бы разцѣловать бѣднаго вальдшнепа который уже былъ въ рукахъ Нелли.

— Bravo! вотъ какъ мы стрѣляемъ! сказала она съ нѣкоторымъ торжествомъ, какъ бы сознавая, какая значительная доля моего успѣха принадлежитъ ей:—мы убили, а всѣ остальные промахнулись. А знаете ли что: я въ первый разъ вижу вальдшнепа такого, живаго... то-есть не живаго... а какъ это сказать... я до сихъ поръ видѣла ихъ только жареными.

Я старался казаться хладнокровнымъ, какъ человекъ которому такой успѣхъ не представляетъ ничего непривычнаго. Потихоньку я тоже любовался вальдшнепомъ, но не могъ же я не уронивъ своего достоинства сознаться что до сихъ поръ самъ видѣлъ вальдшнеповъ *только жареными*.

Между тѣмъ гончія что-то горячо погнала въ лѣсу, словно наши выстрѣлы придали имъ новой энергіи. Ближе и ближе слышалась голосистая стая, невидимо приближавшаяся къ намъ по лѣсной чащѣ. Лишь бы не на насъ звѣрь вышелъ, думалось мнѣ,—непріятно сдѣлать промахъ послѣ такого успѣха. Но гончія повернула отъ насъ всторону... и вотъ опять выстрѣлъ... громкій, какъ будто два выстрѣла въ одно время...

— Какой громкій выстрѣлъ, это вѣрно по большому звѣрю, можетъ-быть по волку, наивно шелчетъ Нелли, безлокойно поглядывая въ сторону гдѣ раздался выстрѣлъ.

Въ лѣсу что-то завизжало и завывало по-собачьи. Вблизи насъ послышался голосъ: „вотъ она улала“, и голосъ звучалъ какъ-то странно сверху, точно съ облаковъ.

— Пойдемте посмотрѣть что тамъ такое... Можно? спросила Нелли.

— Пойдемте, это близко.

Я подавъ руку Нелли и, какъ странно! за какую-нибудь четверть часа проведенную вмѣстѣ мы сдѣлались точно старыми и близкими друзьями. Я безъ робости смотрѣлъ на ея красивое, оживленное лицо; она такъ смѣло опиралась на мою руку, такъ близко и доверчиво склонялась ко мнѣ.

— Князь убитъ. Вонъ она лежитъ въ канавѣ, опять раздался голосъ только-что слышанный нами, и теперь я узналъ голосъ Веляминова. Меня смущало только почему этотъ голосъ снова звучалъ откуда-то свыше.

— Посмотрите, вѣтъ, посмотрите! обратилась ко мнѣ Нелли съ веселымъ, сердечнымъ смѣхомъ. Я ничего не понималъ.

— Посмотрите, Веляминовъ... Веляминовъ на деревѣ!

Въ самомъ дѣлѣ на развѣсистомъ деревѣ сидѣлъ Веляминовъ. Ружье и пледъ его лежали на землѣ.

— Ну что нашли? закричалъ онъ кому-то.

— Нашли! я слышался отвѣтъ.

— Нашли? повторилъ Веляминовъ,—ну и прекрасно. Веляминовъ сталъ слускаться съ дерева, вѣтки затрещали; ноги его сюртука, зацѣпившись за сучокъ, никакъ не хотѣли повиснуть внизъ какъ подобаетъ. Въ лѣсу слышался жалобный и тихій вой собаки.

— Уфъ! проговорилъ Веляминовъ соскочивъ на землю.— Знаете, это цѣлая исторія! Выбѣжала лисица, и князь выстрѣлялъ по ней. Въ эту же минуту старикъ Дозенъ стрѣлялъ по собакѣ. Лисица выбѣжала въ поле и сейчасъ же свалилась. Охотникамъ за бугромъ не было видно, а я съ дерева увидѣлъ и закричалъ. Представьте, теперь старикъ Дозенъ увѣряетъ что это онъ убитъ лисицу. Однако всѣ охотники выходятъ... Пойдемте, охота кончилась!

— Пойдемте и мы, сказала Нелли;—надо посмотрѣть лисицу... да и собаку тоже...

Мы подошли къ остальнымъ охотникамъ. Навстрѣчу намъ шелъ Салъваевъ.

И вотъ мы у края опушки гдѣ собрались всѣ охотники. Въ сторонѣ на прямой травѣ лежали ружья, блестя стволами, а рядомъ вытянулась красножелтая лисица съ бѣловатымъ брюшкомъ, черными какъ будто залачканными лалками, откинувъ пушистый хвостъ, оскаливъ зубы и высунувъ на бокъ окровавленный язычокъ. Вдали псарь вызывалъ собакъ изъ лѣсу (слѣдовало бы по-охотничьи сказать изъ *острова*). Псарь порывистыми усиліями трубилъ въ рогъ и изрѣдка

подзываетъ собакъ словами: сюда, сюда, сюда-а! Другой псарь перевязывалъ тралкой лалу у невинной жертвы старика Довена.

Навстрѣчу намъ шелъ князь, держа въ рукахъ какую-то бумагу, которую просматривалъ на ходу.

— Какая досада, Василий Николаевичъ! сказалъ онъ мнѣ, — въ Песочномъ уѣздѣ опять исторія у крестьянъ съ помѣщикомъ. Надо будетъ нынче же ѣхать туда.

Рука Нелли дрогнула въ моей рукѣ.

— Вы только-что получили бумагу? спросилъ я чтобы что-нибудь сказать и скрыть свое волненіе.

— Только-что привезъ нарочный.

Я замолчалъ. Этотъ неожиданный отъѣздъ былъ для меня громовымъ ударомъ. Когда Салъбальевъ узналъ въ чемъ дѣло, онъ также впалъ въ уныніе. Веляминовъ нисколько не смутился. Ему кажется даже улыбалась мысль высласться дорогой въ экипажѣ. Дозенъ тоже остался равнодушнымъ къ извѣстію о предстоящемъ отъѣздѣ.

Мы подошли къ дымящемуся огоньку, на которомъ варила завтракъ, и возлѣ котораго была разложена изящно сервированная закуска, присланная изъ дому Маргаритой Александровной, которая не пріѣхала, такъ какъ у нея дѣйствительно была мигрень. Мы всѣ развѣстались большимъ полукругомъ (ничего кажется говорить что я преодолевалъ на этотъ разъ свою робость, и сѣлъ возлѣ Нелли). Между охотниками завелъ оживленный разговоръ. Старакъ Дозенъ ясно, какъ дважды-два, доказывалъ что лисицу убилъ онъ, что по собакамъ онъ выстрѣлить не могъ, и не имѣетъ глухой привычки стрѣлять по собакамъ; кто ранилъ собаку, ему неизвестно, хотя по несчастному стеченію обстоятельствъ и можетъ казаться что это онъ ранилъ ее. Затѣмъ онъ считалъ вопросъ исчерпаннымъ, и находилъ даже не любезнымъ въ отношеніи къ такому гостю какъ князь не уступить въ спорѣ, хотя вполнѣ убѣжденъ что лисица убита имъ. Другіе охотники тоже дѣлились впечатлѣніями: Веляминовъ ничего не видѣлъ и жаловался на всегдашнее несчастье; Дозенъ видѣлъ звѣря, но, конечно, такъ далеко что убить не было никакой возможности. Нашъ радушный хозяинъ только теперь узналъ что князь рѣшилъ ѣхать нынче же.

— Неужели, князь, вамъ нельзя хоть до завтра остаться? спросилъ онъ.

— Оставайтесь, князь, говорили Мари и Нелли.

— Мы было думали потанцевать вечеромъ, а еще жду гостей, продолжалъ Солнцева:—молодежь бы повеселилась...

— Еслибы вы знали, какъ мнѣ самому не весело вѣшать! сказалъ князь:—удовольствіе намъ въ Песочномъ увѣдѣ предстать не особенное. А надо вѣшать сегодня же. Тамъ исправникъ не надежный, надѣлаеть такого что потомъ не раслутаешь!

— Tout à fait idiot, подтвердилъ Салѣевъ.

— Впрочемъ, я свою молодежь не стѣсняю, сказалъ князь:—они могутъ остаться, завтра нагонятъ меня. Василий Николаевичъ мнѣ бы нуженъ былъ,—продолжалъ онъ улыбаясь,—но одинъ день куда ни шло; если хотите оставаться, Василий Николаевичъ!

Нелли быстро обернулась ко мнѣ.— Вы останетесь, да?—спросила она.

Остаться! Да вѣдь это было бы величайшимъ счастьемъ, о которомъ я не смѣлъ и мечтать! Я съ минуту помолчалъ...

— Василий Николаевичъ конечно останется, увѣренно и съ многозначительною улыбкой сказала Мари.

— Il restera, il restera, сказалъ Салѣевъ.

— Мы остаемся, рѣшилъ Дозень.

— Онъ еще ничего не сказалъ, замѣтилъ князь.—Василій Николаевичъ, меня очень интересуетъ, отчего всѣ увѣрены что вы останетесь?

Меня начало брать внезапное зло. Мнѣ казалось что всѣ смѣются надъ моею тайной, глумятся надъ слабостью которую я не сумѣлъ скрыть.

— Такъ какъ же? остаетесь, да? спросила Нелли.

Въ ея голосѣ мнѣ тоже показалось торжество или насмѣшка. Ей какъ будто хотѣлось здѣсь, при всѣхъ, доказать свою силу надо мною...

— Я вѣду съ княземъ, вдругъ рѣшилъ я.

Нелли тихо отвернулась отъ меня, взяла бокалъ, только что влитый виномъ, и громко сказала:

— Итакъ, счастливый путь отъѣзжающимъ! Всѣ стали чокаться. Нелли чокнулась и со мною:—Счастливый путь! повторила она.

— Какой вы однако не любезный, сказала мнѣ Мари, когда я подошелъ къ ней:—я почему-то была убѣждена что вы непременно останетесь!

— Что дѣлать, Марья Михайловна, я вѣду скрѣла сердце, потому что надо вѣхать... нельзя оставаться... какъ бы ни хотѣлось...

— И вы правду говорите? спросила Нелли, и какъ будто сама отвѣчая на свой вопросъ, отрицательно кивнула головкой.

— Онъ вѣдетъ потому что соскучился по Кружкѣ! отозвался Дозенъ, и одинъ разсмѣялся своей шуткѣ.

Вино было выпито, разговоръ сдѣлался шумнѣе, а слышалъ взвизгиванье Дозена, громкую рѣчь Салъльева, тихую бесѣду князя съ Солдцевымъ, Мари съ Веляминовымъ. Но мнѣ было не до нихъ. Я оглядывался кругомъ, на близкія мѣста, гдѣ такъ недавно еще, Боже! какія-нибудь четверть часа тому назадъ, я былъ такъ безмятежно счастливъ, гдѣ мнѣ было такъ хорошо, такъ чудно хорошо на душѣ! Вотъ, вотъ мѣстечко гдѣ мы сидѣли съ Нелли, гдѣ, по волѣ рока, такъ неожиданно окончилъ дни свои мой бѣдный вальдшнепъ; вотъ мѣсто гдѣ сидѣли Мари и князь, вотъ дерево на которомъ возсѣдалъ Веляминовъ... Такъ все это близко отъ меня, и въ то же время, все это ужъ такъ далеко, все отходить въ безвозвратное прошлое... Но что же случилось? Что же такъ измѣнило все во мнѣ и вокругъ меня? Внезапный отъѣздъ? Но развѣ не отъ меня зависѣло остаться? Нѣтъ, не отъѣздъ... а то что тихо, молча, стало внезапно снова между Нелли и мной... Она не проститъ мнѣ что я не далъ ей восторжествовать надо мною, не проститъ мнѣ моего рѣшенія... Да и глупо же оно, Боже мой, какъ глупо! Но измѣнить его, остаться, дать лицу толкамъ, улыбкамъ, насмѣшкамъ — невозможно, невозможно!

Разговоръ понемногу смолкъ, всѣ начали вставать и готовиться къ отъѣзду. Предполагавшіяся охоты въ другихъ *островахъ* (залпачу же и я дань охотничьему жаргону) были отмѣнены, рѣшено было вѣхать домой. Я подошелъ къ Нелли, хотѣлъ ей подать руку, но она этого не замѣтила, или не хотѣла замѣтить и одна пошла впередъ. Только когда мы подошли къ верховымъ лошадямъ, Нелли остановилась, какъ бы поджидая меня. Я помогъ ей сѣсть на лошадь; она обернулась ко мнѣ, посмотрѣла мнѣ прямо въ глаза и тихимъ, слегка задрожавшимъ голосомъ спросила:

— Отчего же вы не хотите остаться?

Кровь бросилась мнѣ въ голову и застучала въ вискахъ. Я вскочилъ на лошадь, близко подвѣхалъ къ Нелли;

неповытный жаръ охватилъ меня и я, не помню какъ, проговорилъ:

— Оттого что я безумецъ, оттого что я схожу съ ума... оттого что я люблю васъ, Нелли...

— Скорѣй! поѣдьте скорѣй! чуть слышно прошептала она и крѣпко сжала мою руку. Мгновеніе—и мы понеслись по гладкой, убитой дорогѣ... Мы летѣли, какъ безумные, безцѣли, не отдавая себѣ отчета... Быстрый бѣгъ коней такъ гармонировалъ съ происходившимъ въ душѣ... Голубая, неопредѣленная и таинственная даль манила насъ къ себѣ какимъ-то волшебствомъ... быстрѣй и быстрѣй билось сердце... быстрѣй и быстрѣй стучали конскія копыта по гладкой, убѣгавшей подъ нами дорогѣ... Воздухъ шумѣлъ мимо ушей. Мы мчались куда-то гдѣ неясною мечтой манила насъ синяя даль... какъ будто мы хотѣли уйти ото всѣхъ, ото всѣхъ людей, ото всего что не знало нашего счастья, нашей тайны...

—

Но, виновать!... это ужъ собственно не относится къ исторіи убитаго вальдшнепа. Это ужъ такъ, какъ-то неволью припомнилось. И страшно! Вѣдь сколько лѣтъ прошло, а при этихъ воспоминаніяхъ неволью молодѣешь душой, неволью выпрямляешься въ своемъ покойномъ креслѣ и порывисто залахиваешь свой халатикъ, какъ бы стыдясь своего телерешнаго прозаическаго житья...

Хорошо жилось тогда... двадцать лѣтъ тому назадъ.... Впрочемъ, по правдѣ сказать, и теперь грѣшно было бы пожаловаться... Но чтобъ я пошелъ въ этотъ іюльскій зной на болото, какъ приглашаетъ меня сосѣдъ, стрѣлять маленькихъ бекасовъ, пзвините, слуга локорный!

В. ВУЛЬФЕРТЪ.

П И С Ь М А

ИВАНА ИВАНОВИЧА СОСНИЦКАГО

Уже много разъ была высказана мысль что изъ всѣхъ искусствъ сценическое есть самое эфемерное, и что актеръ сходя въ могилу уноситъ съ собою всѣ созданные имъ образы. Ихъ слабый отблескъ можетъ въскользко времени сохраниться въ памяти современниковъ, но пройдетъ немного лѣтъ, и отъ великаго художника останется смутное воспоминаніе, словно жизнь его была безслѣднымъ сномъ, не оставившимъ по себѣ ничего кромѣ туманнаго, мимолетнаго впечатлѣнія.

Актеры очень рѣдко ведутъ мемуары. Поэтому образъ ихъ, не какъ артистовъ, остается всегда неизвѣстнымъ потомству если благодаря случайнымъ обстоятельствамъ кто-нибудь изъ близкихъ не напечатаетъ своихъ *Воспоминаній*, гдѣ мимоходомъ коснется того или другаго дѣятеля сцены.

Но въ этихъ *Воспоминаніяхъ* возрѣнія подъ извѣстнымъ угломъ, съ предвзятою мыслью, нерѣдко до того искажаютъ данную личность, представляя ее въ совершенно ложномъ свѣтѣ, что приходится сожалѣть зачѣмъ только эти мемуары печатаются и читаются.

Совсѣмъ другое — матеріалъ автобіографическій, письма. Въ письмахъ, особенно въ дружеской перепискѣ, человѣкъ является тѣмъ чѣмъ онъ есть. Письмо отражаетъ душу,

характеръ, образованіе, настроеніе. Письма освѣщаютъ личность какъ никогда ее не освѣтять многотомная біографія и мемуары. Письма, по моему, самый драгоценный біографическій матеріалъ.

По счастливой случайности, я могу напечатать отрывки изъ писемъ одного изъ крутившихся дѣятелей нашей сцены Ивана Ивановича Сосницкаго, къ сожалѣнію почти забытаго, хотя прошло всего десять лѣтъ съ небольшимъ со дня его смерти.

Сосницкій, этотъ высокій драматическій талантъ, шесть-десять лѣтъ игравшій на Петербургской сценѣ, принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ избранныхъ которыхъ еще при жизни ставятъ бюсты въ фойе театровъ, которыхъ честуютъ на юбилеяхъ отъ души, потому что у нихъ нѣтъ соперниковъ и завистниковъ. Это была живая лѣтопись театра, ученикъ Дмитревскаго, перваго русскаго актера. Это былъ артистъ не позволявшій себѣ войти на сцену не вдумавшись глубоко въ изображаемый типъ, до послѣднихъ дней любившій страстно сцену, игравшій за нѣсколько недѣль до смерти. У него не было узкаго амбула современныхъ артистовъ: Мольеръ, Бомарше, Шекспиръ, Грибоедовъ, Гоголь, Тургеневъ, всѣ находили въ немъ блестящаго исполнителя своихъ ролей. Кто изъ любителей сценическаго искусства не помнитъ его въ *Ревизорѣ*, не читалъ отзыва самого Гоголя о его игрѣ? Кто не знаетъ что это былъ идеальный Релетилловъ, превосходный Тартюфъ, Фальстафъ, Уголино? Онъ сыгралъ на своемъ вѣку 566 ролей, начиная съ комедіи Шаховскаго *Урокъ кокеткамъ* и кончая Потѣхинскою *Винюгатою* и Минаевскимъ *Либераломъ*. Это былъ человекъ къ которому на его *субботы* прѣзжали не только товарищи и близкіе знакомые, но такіа свѣтила искусства какъ Грибоедовъ, Пушкинъ, Брюловъ, Гоголь и на ряду съ ними личности которыхъ онъ даже не зналъ по фамиліи, а принималъ въ силу своего радушнаго, гостепріимнаго чисто-русскаго характера. Имя Сосницкаго тѣснѣйшимъ образомъ связано съ исторіей русскаго театра и останется навсегда для нея звѣздой первой величины... Сосницкій былъ всегда любимцемъ публики, учителемъ такихъ актрисъ какъ Асенкова и Вѣра Васильевна Самойлова, человекомъ пользовавшимся громаднымъ почтеніемъ и авторитетомъ, къ которому ѣздила родовая аристократія (по крайней мѣрѣ въ эпоху полнаго развитія его таланта въ 1830—1840 годахъ), словомъ, исключительная личность въ ряду дѣятелей нашей сцены...

И вотъ теперь, просматривая его письма, мы видимъ какъ тяжелы и грусты были для него послѣднія десятилѣтія жизни. Мы видимъ какъ администрація театровъ, пользуясь его старостью и самолюбивымъ молчаніемъ, производила на него давленіе, не давала хорошихъ ролей, заставляя играть жалкій современный репертуаръ, учить огромныя роли которыя

были уже не по силамъ одражѣвшему старику. Вся желчь, что накопилъ въ Сосницкомъ, такъ и оставалась внутри его; изъ сознанія собственнаго достоинства, онъ никогда не позволялъ себѣ разговаривать съ начальствомъ, а тѣмъ болѣе кланяться и заискивать. Только порою, когда уже сдерживаться болѣе не доставало силъ, онъ садился за перо и передавалъ свои мысли лучшему своему другу Александрѣ Матвѣевнѣ Читаю, только-что оставившей сцену, вышедшей замужъ и уѣхавшей во Владимірскую губернію, гдѣ мужъ ея былъ преподавателемъ.

Къ сожалѣнію, нельзя цѣликомъ привести въ печати переписку Ивана Ивановича съ его другомъ. Многое имѣетъ частный, семейный характеръ, переполнено подробностями о лицахъ которыхъ живы до сихъ поръ. Но и изъ того что можно было извлечь для печати, многое очень интересно. Его замѣтки о Ристори, Милославскомъ, современныхъ драматургахъ, быть-можетъ ошибочны, но обнаруживаютъ въ авторѣ твердо сложившіяся воззрѣнія на искусство. Описание празднованія его пятидесятилѣтняго юбилея очень живо и оригинально. Всюду виденъ теплый души человекъ, котораго становится невыразимо жалко послѣ прочтенія тѣхъ писемъ гдѣ онъ жалуется какъ его притѣсняютъ и не цѣнятъ.

Со смертью его наша сцена осиротѣла. Это былъ послѣдній изъ „стаи славной“ артистовъ, среди которыхъ такіе крутые таланты какъ В. В. Самойловъ стояли на второмъ планѣ... До сихъ поръ не было ни одной обстоятельной біографіи Сосницкаго, и потому для будущаго „лѣтописца“ нашего театра прилагаемыя письма могутъ послужить цѣннымъ матеріаломъ.

П. ГНѢДИЧЪ.

9 іюля 1882 года.

С.-Петербургъ.

I.

Павловское, 17 июля, 1857.

...Жалѣю что не могу воспользоваться вашимъ приглаше-
ніемъ. * Павловское осиротѣетъ безъ меня, и второе, всѣ
развѣхались, т.е. труппа наша. Такъ что ко мнѣ нарочно
приходилъ изъ штаба Ушаковъ и просилъ участвовать въ
Красномъ Селѣ. Я говорилъ ему что мой настоящій репер-
туаръ такъ ничтоженъ что мнѣ даже совѣстно показываться
на сцену, но это не помогло, и онъ непремѣнно взялъ слово
хоть старое что-нибудь играть, и вотъ уже назначили по два
раза въ недѣлю: 1) *Жена кавалериста* и 2) *Чиновникъ по осо-
бымъ порученіямъ*, и тому подобныя роли. Мартыновъ очень
плохъ, говорятъ безнадеженъ. Я вижу его, въ Павловскомъ
онъ живетъ и дѣйствительно очень перемѣнился: худой, стар-
ый, безпрестанно кашляетъ. Жалко смотреть...

Въ Петербургѣ у насъ такая дороговизна! на все басно-
словныя цѣны. Представьте, въ концѣ мая новый картофель
продавали 1 р. 60 к. фунтъ, а вчера, 16 июля, я заладилъ за три
кочна калусты 1 р. 20 к., да вѣдь кочанъ-то небольшое апель-
сина. Дрова новаго привоза березовыя 3 р. 80 к. и доставка
на вашъ счетъ... Хорошо?... Поневоля будешь работать и
не думать о волжѣ въ деревню...

II.

С.-Петербургъ, 4 апрѣля, 1858.

Милые друзья мои,—Чувствую что я виноватъ предъ вами
тѣмъ что я долженъ бы былъ написать вамъ тотчасъ по при-
бытіи своемъ въ Москву, но молодость и вѣтреность меня
извиняетъ. ** Теперь, когда первый порывъ восторга прошелъ,
я оломился, бросился скорѣй писать и благодарить васъ за

* А. М. Читау-Огарева, прїѣхавъ въ деревню, звала Сосницкаго
пogостить и поохотиться во Владимірскихъ лѣсахъ.

** Сосницкому было тогда 67 лѣтъ. Письмо писано по возвращенію
его изъ Владиміра, куда онъ ѣздилъ къ Огаревымъ вмѣстѣ съ
товарищемъ по сценѣ, г. Бурдинымъ.

вашу ласку и истинно родственное поличеніе. Возвратились мы въ Москву благополучно, хотя несомнѣнно скоро. Передалъ ли вамъ возница нашъ что мы на половинѣ дороги отъ васъ были встрѣчены въ чистомъ полѣ двумя воками, въ самомъ близкомъ разстояніи? Но, какъ вамъ извѣстно, мы были совершенно безо всякаго оружія и поневолѣ должны были ихъ съ почтеніемъ привѣтствовать, любоваться ихъ наружностью и прекраснымъ цвѣтомъ голубоватой шкуры; а они, сидя по обѣимъ сторонамъ дороги, съ презрѣніемъ смотрѣли на насъ и, кажется, хотѣли надъ знаменитыми охотниками. Это ужасно, такое поруганіе! Федоръ Алексѣевичъ * ужасно разсердился и, кажется, показалъ кукишъ. Озѣмъ и разѣхались.

По возвращеніи въ Петербургъ, первая новость въ тотъ самый день, была смерть лѣвицы Бозіо. Стеченіе лубаки ужасное! Невскій Проспектъ былъ замѣтъ народомъ. Она стояла въ Демидовской гостиницѣ ** и ее переносили въ католическую церковь. Студенты несли гробъ на рукахъ, кричали полиціи: „каски долой!“ а въ воротахъ церкви просто была драка. Говорятъ, будто открылось что нѣсколько бѣдныхъ студентовъ воспитывались на ея счетъ. Не знаю точно ли это правда, но всѣ говорятъ.

.....

III.

3 февраля 1859.

...Сегодня у насъ дебютируетъ Милославскій, изъ провинціи. Выписанъ онъ Сибириковымъ, по его мнѣнію у насъ нѣтъ такихъ. Онъ живо напоминаетъ Каратыгина.

А по моему онъ для провинціи очень хорошъ. Но для Петербурга ростъ и фигура хороши, а больше ничего. Организованъ изъ двухъ инструментовъ: фаготъ и англійскій рожокъ. Смыслу въ чтеніи никакого, но реву много. И повѣрьте, будутъ кричать, по сту разъ вызывать. Вы знаете Александринскую лубаку...

* Бурдинъ.

** Собственно не Демидовская гостиница, а меблированныя комнаты въ домѣ Демидова, гдѣ всегда жили Италианцы. Теперь въ этомъ домѣ помѣщается извѣстная кондитерская Баале.

IV.

...Ахъ, друзья мои, что мнѣ написать вамъ о себѣ? Живу, или, лучше сказать, маюсь. Ничто не занимаетъ, какая-то апатія ко всему и всѣмъ этимъ я обязанъ вашей администраціи. Вообразите что вотъ болѣе трехъ лѣтъ я не получалъ новыхъ ролей, то-есть порядочныхъ. Одна роль нечаянно, или лучше сказать, ошибкой попалась мнѣ. Удалась въ исполненіи, публикѣ очень понравилась, сборъ удовлетворительный, и что же? два раза сыграли и, конечно, больше не играютъ. А между тѣмъ, мнѣ стоило труда выучить въ нѣсколько дней и выучить добросовѣстно. Вы поймете меня, какъ это невниманіе ко мнѣ огорчило меня, а между тѣмъ самолюбіе не позволяетъ упрекнуть этимъ кого-либо. Будешь ли послѣ этого думать о чемъ-нибудь? Объ искусствѣ?... Больше всего быть нѣкоторымъ образомъ въ зависимости отъ людей чуждыхъ искусству, которые можетъ - быть и не понимаютъ того какъ сильно они меня огорчаютъ...

19 февраля, вечеръ, 11 часовъ,
1860 года.

V.

Здравствуйте, милые, давно, давно мы не видались! Что вы подѣлывать изволите? Вы пишете вздоръ и клеветаете на меня будто я забылъ васъ, а главное (съ позволенія сказать) лжете, будто вы писали мнѣ, а я не отвѣчалъ; до сихъ поръ я ваши письма получалъ всегда исправно, и отчего бы могло быть, чтобы вдругъ я не получилъ вашего письма?... „Братъ, не фига, хоть разбожись, не повѣрю.“ Вотъ ты лучше скажи мнѣ, какъ идутъ ваши занятія, что и какъ? а ничего не знаю. У насъ новости плохія. Кукольникъ написалъ піесу, довольно хороша, эффектна *Годъ-юнкеръ*; къ 30 октября стали ставить; я торопился выучить и выучилъ; вдругъ 19 потребовали обратно въ цензуру и телерь говорить: запрещена! Каково на старости лѣтъ колотить по мозгамъ попустому! поневолѣ взбѣсисься. Вы знаете что въ послѣднее время я все играю вздоръ. Конечно, какъ попадетъ

т. слх.

27

порядочная роль, то съ любовью примешься за нее, — и по лустякамъ! Вѣдь обидно. Да притомъ сами предложили продолжать службу, и ничего порядочнаго нѣтъ въ репертуарѣ, а самъ я, конечно, не буду искать. Вотъ какъ будто повеселѣе стало, какъ могъ высказаться другу, который понимаетъ что значитъ оскорбить самолюбіе артиста. Изъ этого самолюбія я молчу и притворяюсь хладнокровнымъ, а на сердцѣ кошки скребуть. Не осуди что плохо пишу, темно, ничего не вижу... Не могу отыскать послѣдняго вашего письма и потому забылъ что вы мнѣ писали что-то о вишняхъ. Кому? кто послалъ? Ничего не помню и не понимаю. Я ничего не получалъ и ни отъ кого не слышалъ. Цѣлую ваши ручки и букашку Маньку *. Весь вашъ.

P. S. Поклонитесь отъ меня повару вашему Василию.

VI.

Павловское, 12 мая 1860.

... Болтать на бумагѣ безъ мысли тяжело, это дѣлается только въ хорошемъ расположеніи, — а всегда ли оно одинаково? Въ то время когда писалъ къ тебѣ былъ въ ужасномъ положеніи: расходу пропалъ, денегъ ни гроша. До 5.000 рублей положительно пропали, такъ что я въ настоящее время считаю себя въ долгу до 2.000 руб. Положимъ что это для меня небольшой долгъ. Еслибъ онъ былъ одному лицу, я бы и охъ не молвилъ. Но вообрази что изъ всей этой суммы самая большая часть не превышаетъ 400 рублей, это Елисееву, а остальное — гдѣ 100, гдѣ 50, 25, 10 и т. д. Судя, какой стыдъ не заплатить 10, 25 р., а въ сложности наберется 2.000. Что я буду дѣлать? Какъ получилъ деньги, роздалъ на необходимое, и опять безъ денегъ, и опять цѣлый мѣсяць живу въ долгъ. Стало-быть много ли мнѣ остается для уплаты? И никто не вѣритъ что я въ такомъ положеніи, а оно действительно такъ. Въ прежнее время я тотчасъ занялъ бы двѣ тысячи рублей у добраго пріятели съ уплатой по возможности, когда въ мѣсяць 150, когда 200, иной разъ и больше, такъ что незамѣтно въ полтора года шутя сдѣлалъ

и т. д. Дочь г-на М. Натура, Марія Михайловна, теперешняя ingénue Александрійской оперы.

бы логаш еніе всему долгу и не думалъ бы о немъ; а теперь все въ тревожномъ состояніи: такъ что мудренаго что я не пускаюсь ле реливать изъ лустаго въ порожнее?.. Не дай Богъ никому переносить это состояніе! Я, дѣйствительно, измѣнилася во многомъ. Безпрестанно преслѣдуетъ мысль: осталось жить немного—вдругъ умрешь и нечѣмъ похоронить, чего добраго еще лойдутъ подлиски на похороны! „Хорошъ, скажутъ, и на похороны не сберегъ“. А что я буду дѣлать? Пойми меня: доброта или простота хуже воровства. Кто только обратится ко мнѣ съ просьбой, не могу отказать... А теперь клянущу себя: дуракъ, дѣйствительно дуракъ; какъ самому случилось бѣда, всѣ друзья какъ извоцики въ ненастье разбрелись по дворамъ. Нѣтъ, въ старину было больше сочувствія къ ближнему, а теперь одинъ эгоизмъ: „что мнѣ до другихъ, было бы лишь мнѣ хорошо“. А на чужой счетъ легко жить,—что за дѣло что скажутъ подлець. Пускай себѣ говорятъ, а овъ себѣ и въ усь не дуеть....

VII.

(Безъ помѣтки года).

Благодарю тебя, милый другъ, за твое дружеское письмо. Какъ отрадно имѣть на землѣ существо которому можно доврѣить скорбь сердечную. Я вѣрю что ты можешь левать меня и сумѣешь хравить эту тайну для другихъ. Пишу къ вамъ въ Троицынъ день; не то чтобы не услѣлъ равьше, а то что съ 3 мая я переѣхалъ въ Пгвловское и не имѣлъ никакого назначенія по службѣ. Отъ праздности 10 мая я заболѣлъ ревматизмомъ въ ногъ, но такъ что объять былъ страхомъ лавическимъ,—неужели ко мнѣ олять пришла та болѣзнь что была въ 30 году, почему я и ѣздилъ въ Одессу лѣчиться. Это такая болѣзнь которую можно сравнить съ зубною болью, кто испыталъ ее можетъ левать какъ она интересна.

Ты хвастаешь своею весной. Какаа у насъ! Первый дождь пошелъ 11 мая. Жара хста бы въ іюлѣ. Сирень вся отцвѣла къ 11 маю; даже яблони отцвѣли и завязался плодъ. Сегодня Троицынъ день, и я съ трудомъ нашелъ нѣскольکو вѣтокъ сирени которая еще не вся обсылалась, а 28го былъ лопутру морозъ, 28го лопутру очень тепло и во второмъ часу

дождь, громъ, молнія и наконецъ градъ. Вечерь опять прекраснѣйшій, но потомъ пошли вѣтры и завернуло довольно свѣжо, а сегодня опять прекрасно. Вы соблазняйте сморчками, а мы уже ѣдимъ березовики и *блѣны!* что? небось завидно? Вчера у меня была поутру Нада съ сестрой: я ей жаловался на васъ: такъ пишетъ что ни очки, ни догадки, ничто не помогаетъ. Хоть плачь, особливо для моихъ глазъ: слѣпо, мелко и синяя бумага съ блѣдными чернилами; но она утѣшила меня что также по нѣскольку часовъ иногда разбираетъ одно письмо. Пожалуста, дружочекъ, хотя для меня-то старика позаботься чтобы не мучить меня. До поту лица любопытство, нетерпѣвнѣе и жажда бесѣды заставляетъ прежде пробѣжать письмо съ пропусками,—эти пропуски скроютъ совершенно содержаніе письма или смыслъ; потомъ уже прибѣгаешь къ лексикону, то-есть, какое слово такимъ манеромъ писать. Ну, потомъ и доберешься, но въ потѣ лица. Пожалуста, пожалѣй меня, старика.

Новостей нѣтъ; все печальное. Каратыгина мать умерла. Я думаю вы не знали? У насъ и холера и оспа свирѣлствуютъ. Чуть хороша, смотришь оспа и изуродовала. И я боюсь чтобы меня не изуродовала!

☞

VIII.

..... Какъ жаль что вы не можете видѣть еще уroda, въ родѣ Олдриджа! Такого таланта я на своемъ вѣку не видалъ и не воображалъ до чего можетъ дойти *геніальный* талантъ. Рѣчь идетъ о Ристори. Зная какъ вы любите драмати ческое искусство, я соболѣзную что не могу съ вами подѣлиться восклицаніемъ, описать это совершенство я не могу и не умѣю. Чувствую что я дуракъ, все что скажу въ ея похвалу, все будетъ глупо и пошло; прибѣгать къ какому-нибудь сравненію, значить выставлать себя глупымъ невѣждой. Ни съ кѣмъ и никогда не можетъ быть сравненія геніальнаго таланта Ристори. Кровь волнуется когда слышишь вопросъ: „Ну, какъ вы сравниваете ее съ Рашель?“ Я отвѣчалъ: „Что же вы считаете меня такимъ невѣждой что я осмѣлюсь умижать ее сравненіемъ съ кѣмъ-нибудь? Тогда меня самого шелелами надо согнать со сцены и опубликовать мое невѣжество“. Я благоговѣю предъ нею и преклоняю колѣна какъ предъ божествомъ! ей нѣтъ другаго имени какъ *genii!*..

5 января 1861 года.

☞

IX.

С.-Петербургъ, 10 марта 1861.

Благодарю васъ, милые друзья мои, за вашу память обо мнѣ. Я получилъ ваше письмо какъ разъ 24 февраля.* Жалѣю что васъ не было лично. Нынѣшній годъ необыкновенно счастливъ для меня (вѣрно послѣдній годъ для меня въ этомъ мѣрѣ). Во первыхъ, канунъ Нового Года былъ въ субботу. Собралось много дамъ и вслониали всѣ васъ. Танцы, пляски, лѣвнѣе лѣсенъ цыганскихъ, и кто во что гораздъ. До того было весело что даже въ карты никто не игралъ. Разѣхались почти въ четыре часа... Еслибы хотѣлъ повторить подобный праздникъ со всею заботливостію и комфортомъ и угощеніемъ, то навѣрное можно сказать не удался бы такъ. Вовторыхъ, 24 февраля хотя и было весело, но скоро разѣхались, потому что всѣ почти были заняты, но, втретьихъ, финалъ довершилъ мое счастье! Надо вамъ сказать что мнѣ 22 марта исполнится 50 лѣтъ моей службы. Въ воскресенье на Масляной Леонидовъ зоветъ меня къ себѣ на *капусту*, то-есть въ чистый поведѣльвикъ, 6 марта, говоритъ что въ этотъ день всѣ товарищи у него собираются, просить и меня не отказатья вмѣстѣ провести время. Я далъ слово непременно пріѣхать въ часъ какъ онъ звалъ. На другой день я поѣхалъ изъ дома поискать гдѣ-нибудь денегъ, потому что съ праздниками остался безъ гроша. Возвратясь домой, сижу скучный отъ неудачи... Слышу колокольчикъ. Входитъ Марковецкій, разодѣтъ, во фракъ. Я спрашиваю, откуда онъ такимъ франтомъ? Онъ мнѣ отвѣчаетъ: былъ у директора. Я спрашиваю—зачѣмъ. Да такъ, говоритъ,—по церковнымъ отчетамъ. Я предложилъ ему кофею, который въ это время пилъ, онъ принялъ предложеніе и спрашиваетъ меня: „А что, вы поѣдете къ Леонидову?“ Я говорю: „По правдѣ сказать не хочется.“—„Напрасно: у насъ каждый годъ въ этотъ день собираются къ нему на капусту.“—„Нѣтъ!“—„Поѣдѣмте!“ Я велѣлъ заложить лошадей и мы поѣхали шагомъ. Дорога убійственная. Пріѣзжаемъ—у крыльца ни одного экипажа. Входимъ на лѣстницу въ четвертый этажъ, звонимъ—отворяетъ

* День именинъ И. И. Сосницкаго.

двери самъ хозяинъ. Я скидаю шубу, калоши. Хочу идти въ залу, въ которую дверь прямо изъ прихожей, но хозяинъ меня не допустилъ, а повелъ прямо въ кабинетъ, говоря: „Здѣсь у насъ закуска“. Вхожу въ дверь, раздается ура! Смотрю, вся труппа мушкетъ, все разодѣто во фракахъ, различно, а я небритый, невымытый. Потерялся. Ведутъ меня въ слѣдующія комнаты подъ предлогомъ будто бы къ хозяйкѣ. (Забылъ сказать что въ первой комнатѣ, гдѣ прокричали мнѣ ура, былъ накрытъ столъ и поставлена капуста, винюникъ торжества, водка, вино и разныя закуски). Вошли въ комнату на половину къ женѣ *. Она встрѣчаетъ меня на порогѣ съ вѣнкомъ изъ лавровыхъ листьевъ, съ лентой голубою, вышитою золотомъ: на одномъ концѣ 1811 годъ, на другомъ 1861 годъ. Все вмѣстѣ положено на огромный альбомъ, на лалкѣ котораго великолѣпно написано, или лучше сказать нарисовано изъ незабудокъ:

Д ѣ у
в а ш е г о
т е а т р а .

Ну, конечно, тутъ послѣдовали слезы умиленія, поцѣлуи и благодаренія. Отпираютъ дверь въ слѣдующую комнату, великолѣпно убранную цвѣтами, столъ накрытъ персомъ на тридцать и поставленъ для простора радиусомъ (?). На главномъ мѣстѣ кресло, за которымъ на льедесталѣ стоитъ мой бюстъ украшенный лавровымъ вѣнкомъ. Когда стали провожать меня для занятія мѣста за столомъ, мнѣ надо было проходить подлѣ фигуры *Славы* и у нея изъ рукъ выпалъ вѣнокъ лавровый; ко мнѣ на голову не попалъ, а упалъ къ моимъ ногамъ. Когда заняли всѣ мѣста (въ этой комнатѣ были тѣ которые постарше, а другіе въ другихъ комнатахъ, гдѣ накрыты столы *общиантовскіе*), послѣ бульвона Самоиловъ, который сидѣлъ подлѣ меня, встаетъ и говоритъ мнѣ привѣтъ, въ которомъ упоминаетъ благодарность за сестру Вѣру Васильевну, предлагаетъ тостъ за мое здоровье и подаетъ мнѣ серебряный вызолоченный кубокъ съ моимъ портретомъ. Этотъ кубокъ лопелъ вокругъ стола. Григорьевъ сказалъ мнѣ сличъ въ стихахъ, П. А. Каратыгинъ тоже предложилъ

* Г. Леонидовъ . женился незадолго предъ тѣмъ на дочери извѣстнаго танцора Н. О. Гольца, тоже актрисѣ драматической труппы.

тость въ стихахъ (подивитесь, всё были взволнованы до того что еле договорили!) *.

Очередь моя была благодарить ихъ. Я, конечно, съ трудомъ высказалъ благодарность и сожалѣніе со своей стороны что въ настоящее время я не могу оградить тѣ почести которыми меня удостоиваютъ мои товарищи. На это отвѣчалъ съ большимъ краснорѣчіемъ Василько Петровъ, ** „что я служу и теперь для всѣхъ образцомъ“.

Встали изъ-за стола. На порогѣ другой комнаты Бурдинъ читаетъ мнѣ слѣдъ, съ кубкомъ изображающимъ русскую бабу, держащую на головѣ своей солонку, или миску. Въ гостиной, за флигелемъ, Аубель *** играетъ мазурку своего сочиненія. Петровъ Осиль Аванасьевичъ поетъ куплеты, писанные Леонидовымъ, а всѣ прилѣвуютъ. Это еще не конецъ. Въ первой комнатѣ, гдѣ была поставлена калуста, поставлены маленькія ширмы, на которыхъ въ два ряда карточки портретовъ всѣхъ артистовъ. Степановъ прочелъ стихи отъ Куликова, который по болѣзни не могъ быть. **** Макси-

* П. А. Каратыгинъ прочелъ слѣдующее:

Сосницкій! юбилей твой впереди у насъ,
 О немъ еще идутъ пока переговоры;
 Не дождался мы на этотъ разъ
 Чтобъ разрѣшеніе прислали изъ конторы.
 Но кто радъ празднику, такъ тотъ до свѣту пьемъ;
 Твой праздникъ—торжество заслуги и искусства...
 Твое здоровье, нашъ почтенный ветеранъ!
 По братски пьемъ его отъ искреннаго чувства.
 Своимъ талантомъ ты театръ нашъ украшалъ,
 Былъ представителемъ искусства ты полѣвка,
 И кто жъ въ лицѣ твоёмъ изъ насъ не уважалъ
 Артиста честнаго, прямаго человѣка!
 Теперь достойному достойно воздадимъ,
 Поклонимся ему, какъ старшему межъ нами,
 И многолѣтіе ему провозгласимъ
 Единнымъ сердцемъ и устами...

Стихи Григорьева менѣе интересны. П. Г.

** Учитель драматическаго искусства въ Театральной Школѣ.

*** Помощникъ управляющаго Театральной Школой.

**** Стихи Куликова были таковы:

Иванъ Ивановичъ, вы были
 Примѣръ сценической дая насъ,

мовъ тоже не былъ по болѣзни, но прислалъ письмо и стаканъ серебряный вызолоченый съ надписью: „отъ Максимова“.

Послѣ сличей за столомъ явился изъ Москвы Полтавецъ, депутатъ отъ московскихъ артистовъ, съ поздравленіемъ—нарочно отказался играть въ послѣднее воскресенье. Ему писалъ Леонидовъ что они готовятъ мнѣ сюрпризъ. Полтавецъ пріѣзжалъ на одинъ только день, и во вторникъ уѣхалъ обратно въ Москву. Послѣ обѣда начались разныя пѣнія: русскія, малороссійскія, цыганскія. Я душевно усталъ, и часу въ шестомъ просилъ позволенія проститься со всѣми, но меня еще удержали и пѣли экспромптомъ „Славу!“ мнѣ, Леонидову и всѣмъ присутствующимъ. Послѣ показали мнѣ программу затѣяннаго праздника Леонидовымъ, который написалъ предложеніе—кто хочетъ участвовать въ этомъ праздникѣ,—и всѣ безъ исключенія подписались: кто „съ удовольствіемъ“, кто „за честь себѣ считаетъ“, кто „за счастье“, кто „обидѣлся бы еслибъ его забыли“ и пр. и пр. Ну, наконецъ финалъ. Простившись со всѣми, пошелъ я искать фуражку и, найдя ее, отправляюсь въ прихожую, въ дверяхъ меня встрѣчаетъ Леонидовъ съ бокаломъ въ рукахъ, крича ура! и еще тостъ... Человѣка четыре стоятъ съ канделябрами въ рукахъ, тройниками и пятериками, и кричатъ ура! Пока я одѣвался—все кричали. Я просилъ, умолялъ, чтобы не шумѣли, но это ни къ чему не повело. Бросились на лѣстницу впереди меня, другіе подхватили меня подъ руки,

Васъ современники цѣнили,
Оцѣнять и потомки васъ!
Когда міръ старый театральнѣй
Въ игрѣ фальшивой, идеальной (!)
О простотѣ едва мечтавъ,
Тогда Сосницкій гениальнѣй
Игрой простой и натуральной
Всѣхъ иностранцевъ удивлявъ.
Но кромѣ этого, полвѣка
Вашъ домъ артистамъ былъ какъ свой,
Мы любимъ васъ какъ человѣка
Съ добрѣйшимъ сердцемъ и душой.
Примите же на память это
Въ даръ отъ товарищей-друзей,
И дай Богъ многія вамъ лѣта,—
А намъ бы справить веселѣй
Вашъ и столѣтній юбилей...

остальные свади, и всё орутъ ура! Леонидовъ живетъ въ четвертомъ этажѣ, лѣстница широкая, изъ всѣхъ дверей ѡбъгуть въ страхъ—„что случилось?!“ Я умоляю всѣхъ чтобы не шумѣли, говоря что у меня нѣтъ экипажа. Передніе кричатъ: сейчасъ извощикъ будетъ. Кто-то любѣжалъ впередъ и ореть: „извощикъ!“ Вся гурьба вышла на улицу (это противъ Технологическаго Института) съ канделябрами въ рукахъ и съ криками ура! Кричали до тѣхъ поръ, пока я не повернулъ за Институтъ. Я боялся что полиція набѣжитъ и похватаетъ всѣхъ, но, слава Богу, все кончилось благополучно.

На другое утро я, чтобы ознаменовать этотъ день, устроилъ въ гостиной столъ обитый малиновымъ драдедамомъ и такія же портьеры, и на стѣнѣ, которая была обита такимъ же драдедамомъ, надписъ золотомъ (въ вѣнкѣ, который мнѣ поднесли) 1881, а на столѣ разложилъ всѣ трофеи. Да, забылъ сказать: бюстъ, который стоялъ за моимъ стуломъ, былъ украденъ у меня по утру, я и не замѣтилъ. Экіе мошенники!

Будучи увѣренъ въ вашей родственной дружбѣ, не могъ не подѣлиться съ вами удовольствіемъ которымъ была переловлена душа моя. Воплоя увѣренъ что вы не разсердитесь на мою болтовню. Какъ-то легче на душѣ когда выскажешь кому-нибудь кто можетъ понять тебя. Да, я думалъ что не перенесу этого душевнаго восторга, все это не поддаваемо и отъ людей принадлежащихъ тому же сословію.

Письмо это я началъ писать въ лѣтницу, а кончаю въ понедѣльникъ, и то, я думаю, не послѣдетъ сегодня на почту: уже двѣнадцатый часъ...

Прощайте, будьте здоровы и также веселы какъ я въ эту минуту.

Весь вашъ

Иванъ Сосницкій.

X.

Благодарю васъ, милые друзья мои, за ваше телеграфическое поздравленіе. Я получилъ его какъ разъ 22 марта, въ 10 час. 20 мин. Это очень любезно съ вашей стороны, и у меня невольно навернулись слезы отъ удовольствія что еще помнятъ меня старика. Одно жаль что вы не были свидѣтелями моего торжества, необыкновенно удачнаго... Слава Богу что Онъ помогъ мнѣ перевести все безъ послѣдствій. Но не

я однимъ былъ взволнованъ. Всѣ безъ исключенія, даже мушкетеры со слезами на глазахъ изъявляли свой восторгъ. Исторія театра не имѣетъ такого примѣра. Общее единодушiе прiмѣрное, неподдѣльное. До сихъ поръ еще не очулся, до сихъ поръ приглашенiямъ, визитамъ, обѣдамъ и вечерамъ нѣтъ конца. Думалъ къ вамъ ѣхать, но пока не смѣю и не могу.

Прилагаю на память вамъ медаль моего юбилея, которую поднесли мнѣ художники. Подивитесь: чиновники конторы поднесли мнѣ кубокъ, хета небольшой, но довольно изящный („мнѣ не дорогъ твой подарокъ, дорога твоя любовь“). Посылаю вамъ бомбошекъ...

Я рѣдко пишу—лѣнь! а въ душѣ ни на волосъ не измѣнился, и еслибы встрѣтилось что-нибудь дѣльное, то вѣрно не только сутокъ, а часа бы не пропустилъ и тотчасъ отъѣхалъ бы. Я на послѣдней недѣлѣ говѣю, если Богъ приведетъ, и потому простите меня грѣшнаго, если я въ чемъ дѣломъ, словомъ или помышленiемъ согрѣшилъ предъ вами...

Въ день юбилея, поутру, въ 7 часовъ, когда я всталъ, слышу кто-то копошится въ гостиной. Вхожу, и что же? Денъеръ привезъ альбомъ съ фотографическими портретами знакомыхъ и любителей сценическаго искусства. Работа альбома великолѣпно-изящная: по темному сафьяну, тисненому, на верхней доскѣ двѣ вѣтви лавровыя, на каждомъ листкѣ вырѣзаны рельефно названiя лучшихъ моихъ ролей и всѣ арматуры изъ слововой кости. Посрединѣ надпись: *И. И. Сосницкому, 1861, 22 марта, отъ почитателей таланта.* Все вырѣзано, каждая буква отдѣльно изъ слововой кости и укрѣплена отдѣльно на сафьянѣ. Очень эффектно. Я спросилъ Денъера: „отъ кого это?“ Онъ мнѣ отвѣчаетъ: „Я не знаю отъ кого именно, но тутъ все портреты тѣхъ которые мнѣ платили деньги и обязали меня доставить къ вамъ альбомъ прежде всѣхъ, что я, кажется, и исполнилъ“. Половина девятаго явились ко мнѣ чиновники конторы и, поздравивъ меня, поднесли мнѣ на память отъ конторы кубокъ на подносѣ: все вызолочено и работы изящной. Только они уѣхали, являются Вѣра и Надежда Самойловы, поднесли мнѣ альбомъ съ портретами для карточекъ визитныхъ: это общая манiя въ Петербургѣ. Онѣ извинялись что не могутъ быть на обѣдѣ... * Орлова П. И. явилась тоже съ поздравленiемъ

* Обѣ сестры не выѣзжали въ свѣтъ по болѣзни.

и со своимъ портретомъ. Тутъ же художники поднесли мнѣ медаль, одѣланную въ память юбилея. Я забылъ упомянуть что 21 марта получилъ официальное приглашеніе на обѣдъ въ домъ Руадзе, чѣмъ я, признаюсь, былъ очень недоволенъ. Я врагъ официальныхъ обѣдовъ. Но на дѣлѣ оказалось необыкновенно хорошо. Послѣ визита художниковъ стали являться одинъ за другимъ знакомые, которыхъ я даже не помню; старые генералы, которыхъ я зналъ поручиками, а нѣкоторыхъ и кадетами или пажами. Все это меня волновало и окончательно измучило. Въ четыре часа прибыли за мной депутаты: Петровъ О. А., Каратыгинъ П. А. и Гольцъ. Посадили меня въ карету и повезли въ домъ Руадзе, съ Мойки. Экипажами залита вся улица. Подъѣздъ обтянутъ полосатымъ тикомъ, на подъѣздѣ и у подъѣзда нѣсколько *жандармовъ* для порядка. Всѣ мы смѣялись и шутили на счетъ парада. Когда мы разоблачились, являются на дѣстанцѣ двое помощниковъ изъ распорядителей, съ кокарdochками въ петлицахъ, и ведутъ меня подъ руки по дѣстанцѣ, устланной коврами, въ третій этажъ. На второмъ поворотѣ стоятъ мужчины-актеры и впереди Бурдинъ. Говорить мнѣ во услышаніе: „Добро пожаловать, дорогой гость Иванъ Ивановичъ; товарищи и почитатели вашего таланта собрались здѣсь отпраздновать вашъ пятидесятилѣтній юбилей и просятъ васъ вмѣстѣ съ нами откупать хлѣба - соли!“ Вся толпа повела меня въ залъ, гдѣ на порогѣ меня встрѣтили всѣ наши актрисы въ бѣлыхъ платьяхъ, бросились ко мнѣ на шею и лопали поцѣлуи и слезы! Можете себѣ представить что сдѣлалось со мною! Совершенно задохся и не могъ сказать ни слова. Тутъ Жулева прочла мнѣ привѣтъ въ стихахъ. Послѣ Жулевой Аграфена Матвѣевна Сабурова (которая вмѣстѣ со мною воспитывалась и перешла въ 1809 году въ Московскую школу; я училъ ея мужа нѣкоторымъ ролямъ и танцовать мазурку: онъ не посрамилъ своего учителя). Она поднесла ото всѣхъ дамъ на подушкѣ лавровый вѣнокъ, сверхъ котораго лежалъ плоскій серебряный вѣнокъ вызолоченый, гдѣ на каждомъ листкѣ вырѣзаны имена участвующихъ, и сказала очень мило маленькій привѣтъ: „Другъ, товарищъ и благодѣтель мой,—прими отъ насъ слабый знакъ нашего къ тебѣ уваженія, и дай Богъ чтобъ Онъ еще продлилъ твой вѣкъ на добрыя твои дѣла и на пользу молодого поколѣнія, которое могло бы пользоваться твоими

свѣтами"... Тутъ Ливская что-то сказала, не помню; тѣмъ меня сконфузила и въ ноги мнѣ кланялась, и ловила руки цѣловать; не забудьте—въ залѣ до двухсотъ человѣкъ зрителей и полныя хоры постороннихъ дамъ—всю обѣдню испортила!.. Потомъ подошелъ ко мнѣ нѣмецкій актеръ Толлертъ, депутатомъ отъ нѣмецкой труппы, и читалъ мнѣ что-то, однако видно хорошо, потому что общее *bravo* раздалось въ залѣ *. Послѣ Нѣмца явились депутаты отъ Московскаго театра, Щелкинъ и Шумскій, и поднесли мнѣ адресъ отъ Московской труппы. Здѣсь явились Сабуровъ и Гедеоновъ **. Поздоровали меня съ юбилеемъ и повели подъ руки въ столовую подъ звуки оркестра. Столъ накрытъ больше чѣмъ на 200 персонъ. Залъ освѣщенъ великолѣпно: до 1.000 свѣчей въ люстрахъ и жирафдолахъ. Столъ накрытъ былъ покоемъ. Посрединѣ мой бюстъ въ лавровомъ вѣнкѣ, окруженный великолѣпною зеленью, сзади которой скрывался оркестръ. Посадили меня посрединѣ; по правую руку у меня сѣлъ Сабуровъ, а по лѣвую Гедеоновъ. Послѣ втораго блюда Сабуровъ далъ знакъ, оркестръ умолкъ. Онъ всталъ и предло-

* Вотъ эта рѣчь въ переводѣ:

„Когда Россія въ храмѣ посвященномъ искусству воздвигаетъ вамъ памятникъ безсмертія и при звукахъ общей радости приносить вамъ вполнѣ заслуженныя золотыя лавры, позвольте и чужеземнымъ товарищамъ присоединиться къ празднованію этого рѣдкаго торжества чтобъ и нѣмецкое пріѣтствіе изапаслось изъ нѣмецкаго сердца.

„Ваши заслуги какъ почетныя вѣнки украшаютъ васъ; таланты ваши въ служеніи искусству являютъ васъ прекраснымъ образцомъ для насъ, и артисты иностранныхъ націй пріѣтствуютъ напомяющую отечество славу вашу тамъ гдѣ ревнистая дѣятельность ваша награждается словомъ, лѣнїемъ и слезами благодарности, гдѣ вѣнокъ, свитый полулѣнкомъ, украшаетъ васъ, кто всегда стремился къ достиженію высшаго совершенства въ сценическомъ искусствѣ.

„Къ этому славному вѣнку, пріобрѣтенному вашимъ усердіемъ, прямодушїемъ и всею жизнью вашею, которая посвящена благородному искусству и ознаменовалась проявленїемъ высокихъ душевныхъ силъ, къ этому вѣнку, свитому музами, позвольте и намъ, преданнѣйшимъ вашимъ послѣдователямъ, присоединить букетъ сладетельный изъ цвѣтовъ благодарности, возгласивъ вамъ отъ полноты сердца громкое ура!“

** Сабуровъ—директоръ театровъ. Гедеоновъ—бывшій директоръ

Жъ тостъ за Государя Императора, потомъ прочелъ мнѣ ре крильте что Государь Императоръ жадуеть мнѣ золотую медаль на шею на Андреевской лентѣ и велѣлъ заключить новый контрактъ со мной на прежнемъ основаніи на три года, съ производствомъ мнѣ жалованья по 3400 рублей въ годъ. По окончаніи чтенія раздалось общее ура, и хоръ, подъ звуки оркестра, *Боже Царя храни* пропѣлъ великолѣпно. Я не нашелся болѣе ничего сказать какъ просилъ Сабурова передать Государю Императору мою вѣрноподаданническую благодарность за Его ко мнѣ милости, и я не могу ничѣмъ болѣе выразить ее какъ земнымъ поклономъ. И поклонился въ ноги. Многие меня за это осуждаютъ, но я не въ силахъ былъ разсуждать, хорошо ли это или дурно. Послѣ пошли разные тосты, наконецъ за мое здоровье. Тутъ я обратился къ собранію съ рѣчью... „Господа, я благодарю васъ за привѣтъ и почетъ, которымъ вы меня удостоиваете, но я не долженъ забывать что это можетъ-быть снисхожденіе къ моимъ лѣтамъ, и наконецъ, можетъ-быть обычный привѣтъ который такъ щедро изъявляется при пожеланіи здоровья. Было бы слишкомъ дерзко и самонадѣянно съ моей стороны принимать это за заслуги и талантъ: мы слышимъ и видимъ ежедневно повтореніе изустно и печатно что при теперешнихъ требованіяхъ публики другой взглядъ на старое, которое отстало и старо, и ужъ новое поколѣніе не видитъ тѣхъ красотъ которыми восхищались старички...“ Мнѣ не дали кончить, возстали на мое замѣчаніе и стали исчислять мои заслуги на сценѣ. Больше всѣхъ говорилъ полковникъ Л., красиво, быстро и съ большимъ одушевленіемъ (но я не думаю чтобъ онъ говорилъ это не приготовившись,—два, три слова касались возраженія, что же касается остальнаго, то естественно чтобы можно было сохранить въ памяти всѣ замѣчательныя роли и ихъ исполненіе). Послѣ Л. говорилъ Бурдинъ... *Послѣ обѣда

* Г. Бурдинъ сказалъ Сосницкому слѣдующее:

„Позвольте мнѣ, достойнѣйшій Иванъ Ивановичъ, сказать вамъ нѣсколько словъ отъ имени моихъ почтенныхъ товарищей, хотя вамъ сдѣшкомъ хорошо извѣстны тѣ чувства любви и уваженія которыя мы къ вамъ имѣемъ, но тѣмъ не менѣе мы совершенно счастливы что можемъ заявить это теперь публично, предъ цѣлымъ обществомъ.

„Насколько вашимъ блестящимъ талантомъ вы были украшеніемъ русской сцены, настолько лично, по вашимъ душевнымъ качествамъ вы были украшеніемъ нашего общества.

вышли опять въ другую залу, гдѣ подали кофе и сигары. Тутъ Петруша Каратыгинъ сказалъ уморительный экспромтъ. Очевъ котати. Закричали *бисъ*, и десятки карандашей повторили сказанное *.....

XI.

..... Ну, душечка, какой актеръ Дависонъ, въ нѣмецкой труппѣ гость! Не даромъ заслужилъ европейскую славу! Мнѣ жаль что ты его не видала. Я увѣренъ что онъ тебѣ такъ же бы понравился какъ и мнѣ: я просто въ восторгѣ. Но, къ стыду нашему, многіе его не понимаютъ и въ томъ числѣ *многіе* изъ русскихъ артистовъ. Это меня убѣдило что я старъ и мнѣ нравится то что другимъ не нравится, стало я отсталъ отъ вѣка и притупился вкусъ къ изящному, а то чѣмъ восхищаются передовые по моему *швацъ*.....

„Въ продолженіе вашего славнаго пятидесятилѣтняго служенія искусству, вы, будучи первокласснымъ исполнителемъ нашихъ первоклассныхъ писателей, Грибоѣдова и Гоголя, не говоря уже объ иностранныхъ авторахъ, въ то же самое время какъ человѣкъ сумѣлъ соединить около себя артистовъ въ одну тѣсную семью, не различая богатаго отъ бѣднаго, старшаго отъ младшаго.

„Ни одно молодое, начинающее дарованіе въ тяжелыя минуты жизни не уходило отъ васъ не согрѣтое теплымъ участіемъ, не ободренное ласковымъ словомъ.

„Вы намъ живой примѣръ—какимъ долженъ быть артистъ и человѣкъ. Наше общество гордится вами, да и не одно наше, а гордилось бы всякое, гдѣ бы появился подобный дѣятель.

„Пожелаемъ же, господа, побольше подобныхъ сподвижниковъ для процвѣтанія русской сцены, а вамъ, душевно чтимый Иванъ Ивановичъ, многія и многія лѣта!..“

* Вотъ экспромтъ Каратыгина:

„Сосницкій! Что тебѣ здѣсь многіе сказали,
Прибавить къ этому найдется что едва ли.
И я бы, можетъ-быть, прочелъ тебѣ стихи,
Да не напомнить бы Демьямовой Ухи,—
Такъ лучше попросту, безъ длиннаго куплета,
Скажу тебѣ одно: *будь здравъ на моемъ лѣталъ*..“

XII.

..... У насъ въ репертуарѣ все еще господствуютъ тулчики и очищенное. Грустно, очень грустно! Но это еще долго продолжится. Всякую недѣлю являются новые авторы, одинъ другаго грязнѣе, и всѣ хлопочутъ о натурѣ. Дѣйствительно, Каратыгинъ правъ, говоря: не достаетъ только публичныхъ банъ на сценѣ: великолѣпная идея и большіе будутъ сборы! Обстановка дешевая, паръ можно сдѣлать искусственный, шайки, да мочалки, а натура великолѣпная, костюмовъ не нужно, и успѣхъ неимовѣрный!

(1862 или 1863).

XIII.

..... Какъ могло придти въ голову что я могу быть до того лустъ чтобы могъ на тебя сердиться за такіе лустяки? Еслибы ты и не оправдывалась, то и тогда я не ставилъ бы въ вину что забыла мое рожденіе или именины: вѣдь въ календарѣ нѣтъ, а изъ памяти очень можетъ ускользнуть, въ особенности когда человекъ чѣмъ-нибудь озабоченъ. Напротивъ, я не знаю какъ выразить тебѣ мою благодарность: все-таки и при хлопотахъ и заботѣ, все-таки вспомнила о человекѣ который безкорыстно, душой привязанъ къ тебѣ и дожить твоимъ расположеніемъ и дружбой твоею. Мнѣ жаль что планы твои не удались, а то бы я самъ явился къ вамъ на второй недѣлѣ,—но не такъ живи какъ хочется, а такъ какъ Богъ велитъ, и поганый докторъ, который ни подъ какимъ видомъ не соглашается пустить меня изъ Петербурга. Что будешь съ нимъ дѣлать? Поганый Нѣмецъ говоритъ что мнѣ теперь никакъ нельзя рисковать собою, что у меня въ это время года легко можетъ повториться ударъ въ дорогѣ, безъ помощи,—очень много риску! Ну, всѣ въ голосъ и говорятъ: что за фантазія, вѣхать безъ особенной важности... каюсь! мечталъ: вотъ пріѣду и удивлю нечаянностью... амъ вотъ теперь и сиди! чортъ знаетъ что—бѣда связываться съ докторомъ.

7 марта

1865 года.

XIV.

.... Новостей нѣтъ интересныхъ, есть одна новость, но о ней могу сказать только моему искреннему другу по секрету. Я не хочу чтобы кто-нибудь зналъ объ этомъ: меня обижаютъ, оскорбляютъ!... Но я не показываю вида что замѣчаю это, и тѣмъ уменьшаю ихъ торжество, но въ душѣ при-скорбно... Когда я былъ въ Москвѣ, ко мнѣ нѣсколько разъ присылали узнать скоро ли прїѣду. 29 марта я написалъ чело-вѣку что 31, во вторникъ, буду. Во вторникъ капельдинеръ справлялся точно ли я прїѣхалъ и въ 2 часа принесъ мнѣ письмо отъ Воронова, * гдѣ пишетъ онъ чтобъ я прислалъ немедленно роль графа изъ *Старой Мызы*. По распредѣленію ролей начальствомъ, эта роль назначена г. Леонидову. Конечно я не сказалъ ни слова и послалъ роль. Но вы поймете что подобная неделекатность не можетъ быть мною незамѣчена. Я не показавъ вида что это меня оскорбляетъ. 26 апрѣля Леонидовъ получилъ пенсіонъ и писалъ мнѣ чтобъ я прїѣхалъ раздѣлить съ нимъ его радость. Я прїѣзжаю, говорю шутя: „Поздравляю тебя съ Монаршею милостью! Но душно что ты интригуешь противъ меня и перепрашиваешь мои роли“. Онъ засмѣялся и говоритъ: „Да, вообразите, когда вы были еще въ Москвѣ, я получаю назначеніе играть вашу роль въ *Старой Мызы*; оказывается что ждуть вашего прїѣзда чтобы взять роль. Я ѣду къ Федорову ** и говорю: Павелъ Степановичъ, если вы назначаете эту роль мнѣ—прикажите для меня ее выписать снова. Я знаю что Иванъ Ивановичъ ни за одну роль не постоитъ, ему все равно, но мнѣ кажется что посылать ему за ролью неделекатно. Онъ такъ рассердился что я даже сконфузился. „Позвольте намъ знать что мы дѣлаемъ...“

Каково? Что вы скажете? Не защищуло бы это вашего самолюбія?

Простите что надобѣдаю вамъ вздоромъ, но какъ-то легче стало что дашель чело-вѣка которому могъ открыть душу.

*Тогдашній главный режиссеръ.

** Павелъ Степановичъ Федоровъ начальникъ репертуара.

XV.

Христось воскресе! Христось воскресе! Христось воскресе! Съ распростертыми объятіями и троекратнымъ цѣлованіемъ поздравляю съ великопраздничнымъ праздникомъ Воскресенія Христова и со днемъ рожденія... Я, слава Богу, живъ и здоровъ, волочусь, то-есть еле волочу ноги. Какъ быть, всему свой чередъ! Обидно что ваша администрація поганая даетъ чувствовать что ты старъ, никуда не годишься. Обиднѣе всего то что даютъ роли большія, піесы на одинъ, много на два раза. А маленькія роли, хорошія не даютъ, говоря какъ можно за такую ничтожную роль платитъ 35 рублей..... да зачѣмъ же большія роли въ ничтожныхъ піесахъ давать мнѣ, колотить по мозгамъ? такъ со всѣмъ не давай, а дай хорошую роль, да и посмотри какъ я ее исполню. И это возобновитъ мои силы. Это моя лица! Конечно понятво что я самъ изъ самолюбія не говорю ни слова и дѣлаю молча все что велать, а каково у меня на сердцѣ—это только могу сказать тебѣ, дружочекъ мой! Этого никто отъ меня не слышитъ и не знаетъ, и не узнаетъ. Прощай. Не знаю, приведетъ ли Богъ свидѣться еще разъ, но умру—вспомни: былъ де человекъ который любилъ меня безкорыстно, отъ чистаго сердца, по родственному, и этотъ человекъ былъ старикъ Сосницкій.

1 апрѣля
1865 года.

ПРАВЫЕ И ВИНОВАТЫЕ

По всѣмъ вѣроятіямъ, насколько дано человѣческому уму предусматривать будущее, надобно ожидать что направленіе господствующее теперь въ нашей литературѣ, между молодежью и въ значительной части людей зрѣлаго возраста, будетъ съ каждымъ годомъ усиливаться и скоро овладѣтъ огромнымъ большинствомъ грамотнаго и разсуждающаго населенія Россіи, а оттуда перейдетъ со временемъ и въ массы рабочаго народа. Направленіе это, съ его лицевой стороны, какъ оно показывается толпѣ, можетъ быть вкратцѣ выражено такъ: все что у насъ дѣлалось доселѣ людьми власти имущими было направлено только къ ихъ собственной выгодѣ, а народу приносило одно зло и разореніе; поэтому надобно существующія власти всѣхъ видовъ и наименованій и все сдѣланное этими властями упразднить, замѣнивъ власти народнымъ самоуправленіемъ, которое и создастъ самые справедливые и благотѣльные для народа порядки. А такъ какъ существовавшими доселѣ властями, по объясненію выразителей этого направленія, сдѣлано все что у насъ существуетъ, не только въ смыслѣ государственнаго, но и нравственнаго строя, то все сіе вывѣ существующее должно быть упразднено безъ остатка и замѣнено

новыми понятіями и учрежденіями, по указанію передовыхъ людей изъ образованнаго класса. Такимъ образомъ, должны быть упразднены: религія и врожденныя челоуѣку понятія о нравственности, долгѣ и вѣроятности челоуѣческихъ дѣяній, общепринятая понятія объ отношеніяхъ младшихъ къ старшимъ, дѣтей къ родителямъ, учениковъ къ учителямъ, рабочихъ къ хозяевамъ, прислуги къ господамъ. Властей и начальствъ никакихъ и не предполагается, а напротивъ того—исполнители различныхъ государственныхъ и общественныхъ должностей будутъ считаться слугами народа и должны будутъ безусловно исполнять его велѣнія. Дисциплина въ нравахъ и уваженіе низшихъ званій къ высшимъ считаются принадлежностью и опорой упраздняемаго деспотическаго порядка: повтому однимъ изъ существенныхъ требованій новаго направленія является общее своеволие и нарочитое униженіе предъ чернью всѣхъ кто пользовался доселѣ почетомъ или властію. Земля, со всѣмъ на ней и въ ней существующимъ, должна принадлежать народу, то-есть рабочему классу, единому въ государствѣ собственнику и господину. Весь народъ долженъ получать умственное образованіе, основанное на новѣйшихъ теоріяхъ и гипотезахъ естествознанія. Эти гипотезы и будутъ замѣнять для него религію и нравственность. Умѣйшими и лучшими людьми въ народѣ должны быть признаваемы выразители и распространители новаго направленія, прежде же всего литераторы. Такимъ людямъ и принадлежит по праву руководство и первенствующая роль въ дѣлѣ пересозданія государства и общества. Подъ эти такъ-сказать общія формулы, при всей ихъ краткости, могутъ быть подведены едва ли не всѣ положенія и требованія новаго направленія (новаго у насъ, но возникавшаго, въ схожей формѣ, и въ другихъ государствахъ, наканунѣ ихъ распада или предъ началомъ кровавыхъ революцій). Въ однихъ случаяхъ эти основныя положенія упразднительнаго направленія выражаются у насъ съ меньшею откровенностью и радикальностью, въ другихъ несравненно рѣзче и шире чѣмъ здѣсь сказано; но существенный смыслъ ихъ остается тотъ же. Въ литературѣ, проводящей это направленіе, форма играетъ главную роль, и конечно форма эта всегда прельстительная. Пожеланія и цѣли новаго направленія выставляются въ возможно-завлекательномъ видѣ. Глашатаи его выдаютъ себя поклонниками самыхъ благородныхъ

человѣческихъ стремленій: свободы гражданской и свободы совѣсти, строгой законности, всеобщей равноправности, человѣколюбія, свѣта знаній и т. л. Разумѣется, всѣ эти прекрасныя пожеланія выражаются съ поэтической неопредѣленностію, вовсе непригодною для практическаго примѣненія къ государственной жизни. Въ результатѣ выходитъ что многіе изъ числа самыхъ порядочныхъ, но недалековидныхъ людей, прельстясь красивою наружностію внушаемыхъ имъ идей, пристають съ увлеченіемъ къ новому направленію и, сами того не замѣчая, дѣйствуютъ заодно съ людьми умысленно подкалывающими общественный порядокъ. Противорѣчія и несообразности скрывающіяся въ господствующемъ направленіи обходятся и замазываются его глашатаями болѣе или менѣе ловкимъ образомъ. Напримѣръ, такъ какъ нельзя скрыть отъ читателей что само правительство совершило важнѣйшую и благодѣтельную изъ всѣхъ реформъ, освобожденіе крестьянъ, и что оно же уничтожило прежніе суды, не представлявшіе ни малѣйшихъ ручательствъ правосудія, то въ литературѣ принято за правило и всѣ другія проповѣдуемыя ею упраздненія приурочивать къ сказаннымъ двумъ реформамъ, какъ бы необходимыми ихъ послѣдствіями. Всякому кто возстаетъ, напримѣръ, противъ распространяющагося между крестьянами своеволія или же противъ столь частыхъ у насъ оправданій судами убійствъ и нарушителей общественнаго порядка, газеты бросаютъ въ лицо такой возгласъ: „а, значитъ, вы горюете о крѣпостномъ правѣ“, или—„вы желаете возвращенія прежняго келейнаго судопроизводства.“ Толла вполнѣ убѣждается столь логическими доводами и привыкаетъ думать что распущенность крестьянъ есть такое же необходимое требованіе права и человѣчности, какъ и освобожденіе ихъ отъ произвола помѣщиковъ, а невѣроятность преступленій совершаемыхъ низшею братіей противъ высшихъ есть такая же ступень къ лучшему порядку какъ и замѣна канцелярскаго суда гласнымъ.

Прочтя приведенныя выше общія формулы господствующаго у насъ направленія какой-нибудь наивный читатель пожалуй воскликнетъ: да вѣдь это начало чистѣйшей революціи! Не знаемъ, скажемъ мы ему въ отвѣтъ: поживемъ—увидимъ. Впрочемъ, дѣло не въ названіяхъ, а лучше посудимъ, кто же былъ виноватъ въ томъ что умы и дѣла придали у насъ такое направленіе.

Общество, то-есть вся эта болѣе или менѣе образованная толпа, усвоившая себѣ новыя идеи, дѣйствовала вполнѣ чистосердечно. Она купила товаръ лицомъ, не разбирая и не въ состояніи будучи разбирать, вѣрна ли логика глашатаевъ этого направленія и къ какому концу привести государство ихъ красивыя фразы, когда онѣ будутъ приложены къ дѣлу. Для толпы достаточно того что точка отправленія новаго ученія не лишена въ ея глазахъ реальной достовѣрности: слѣдовательно, заключаетъ она, и всѣ выводы этого ученія вѣрны. Точно такъ ученіе социалистовъ приобрѣло себѣ на Западѣ сотни тысячъ страстныхъ поклонниковъ между рабочими потому что точка его отправленія, безвыходная нищета рабочихъ, злоупотребляемая въ свою пользу капиталистами, несомнѣнна и слишкомъ чувствительна для рабочихъ. Гдѣ же этимъ бѣднымъ труженикамъ собственнымъ умомъ понять что хотя основное положеніе социализма и справедливо, но средства предлагаемыя ководами этого ученія для облегченія рабочаго класса неисполнимы и даже нелѣпы? У рабочихъ не можетъ быть даже и охоты разоблачить обманчивость этого ученія, когда оно такъ пріятно убаюкиваетъ ихъ воображеніе картинами обѣтованной земли. Такъ и у насъ, многіе вполнѣ порядочные люди всею душой отдаются новому упрямительному направленію потому что оно убаюкиваетъ ихъ воображеніе перспективой уничтоженнаго произвола высшихъ, вырваннаго съ корнемъ казнокрадства и взяточничества, картинами всеобщаго довольства и просвѣщенія. Каждый русскій земледѣлецъ будетъ тогда кушать по праздникамъ (конечно гражданскимъ, а не церковнымъ) курицу Генриха IVго и, съ Дарвиномъ въ рукахъ, будетъ мирно бесѣдовать со своими односельчанами о половомъ подборѣ и борьбѣ за существованіе. Мировые судьи, избираемые изъ литераторовъ, художниковъ и достойнѣйшихъ представителей ремесленнаго и чернорабочаго міра, будутъ, какъ древле пророки Израила, ласки російскіе народы безъ помощи бюрократіи, тюремъ и ссылокъ, а единственно тѣмъ что будутъ съ Писаревымъ и Чернышевскимъ въ рукахъ.

Обхода моря и земли.

Гагагомъ жечь сердца людей.

Несомнѣнно что даже между самими глашатаями новаго направленія весьма многіе лишутъ, ораторствуютъ и горячатся

вполнѣ чистосердечно, вѣруя въ спасительную силу разныхъ либерально-магическихъ словъ и увлекаясь собственнымъ правдолюбивемъ. Происходитъ вѣкоторый общій самообманъ, какъ верѣдко это бываетъ во многолюдныхъ собраніяхъ, гдѣ десятки людей въ одно время гадаютъ, горячатся, другъ друга перебиваютъ и другъ друга подзадориваютъ, даже не разобравъ хорошенько чего каждый хочетъ. Писатели и ораторы наиболее ограниченные и невѣжественные, но рѣчистые и обладающіе нахальствомъ деревенскихъ горопановъ, надеются обыкновенно больше другихъ въ преловесеніи новыхъ началъ политики и нравственности и больше другихъ имѣютъ вліяніе на толпу, потому что больше другихъ доступны ея узкому пониманію. Строгая логика для толпы утомительна и даже непонятна: ей надобны рѣзкость, пластичная образность и самоувѣренность рѣчи, а подъ часъ циническая грубость и кривлянье оратора. Въ Италіи арлекины и лолишвеллы производили народныя революціи, а въ Англіи и Ирландіи мясники и полуграмотные крестьяне-фермеры собираютъ вокругъ себя на митингахъ десяти-тысячную толпу слушателей. Въ происходящей теперь у насъ сумятицѣ валускныхъ идей и всеобщаго гадѣнья весьма лишь немногіе люди понимаютъ чего они хотятъ, весьма лишь немногіе представляютъ изъ себя не обманутыхъ, а обманщиковъ, или, какъ говорится, господствуютъ надъ положеніемъ вещей. Это, во первыхъ, вѣкоторые, самые смысленные изъ числа промышленниковъ печатнаго и устнаго слова, торгующихъ въ литературѣ и съ адвокатскихъ столиковъ упразднительными фразами въ духѣ новаго направленія. Имъ чѣмъ больше будетъ гадѣнья и сумятицы, тѣмъ больше на руку, ибо подъ шумокъ торговля ихъ идетъ шибче. Оттого-то они и раздуваютъ всѣми силами горячку упраздненій. „Упразднимъ, ребятушки, все; камня на камень не оставимъ!“ кричатъ они громадной толпѣ ротозѣевъ. Правда, если все существующее упразднится, то упразднятся и они, эти литераторы и адвокаты, ибо, что бы они тамъ о себѣ ни говорили, все же они принадлежатъ къ числу бѣлоручекъ, а не ребятушекъ съ мозолистыми руками, и слѣдовательно сами подходятъ подъ упраздненіе. Но у этихъ людей, хотя до вѣкоторой степени и господствующихъ надъ обстоятельствами минуты, не хватаетъ настолько прозорливости чтобы предусматривать окончательную развязку проловѣдываемой

ими перетасовки. Къ тому же числу сознательныхъ и временно торжествующихъ поощрителей упразднительнаго направленія принадлежатъ и нѣкоторые другіе борзодѣатели, въ родѣ, напримѣръ, иныхъ столичныхъ мировыхъ судей, университетскихъ профессоровъ, ищущихъ популярности или крупаго гонорарія отъ газетчиковъ и тому подобныхъ лицъ, которымъ по ихъ званію выгодно чтобъ это направленіе росло и укрѣплялось. Сюда же относятся и многіе чиновники высшаго полета, для которыхъ это направленіе служило или можетъ служить ступенькой возвышенія и орудіемъ интриги, чтобы подсидить и обезславить своихъ соперниковъ. Надобно однако помнить что только малѣйшая доля всѣхъ этихъ литераторовъ, адвокатовъ, столичныхъ мировыхъ судей и чиновниковъ высшаго ранга, работающихъ въ пользу упраздненій, дѣйствуетъ вполнѣ сознательно, съ опредѣленною цѣлію; вся же остальная ихъ масса подмывается и несетса куда-то вдалѣ только силой общаго теченія. Самыми сознательными и самыми послѣдовательными вздымателями новаго направленія являются у насъ наши внутренніе политическіе недруги, напримѣръ Полаки, дѣйствующие не столько явно сколько скрытно. Имъ представляется прямой расчетъ добиваться скорѣйшаго упраздненія всего сущаго въ Россіи, другими словами, скорѣйшаго ея распада. Вотъ какое сравнительно ничтожное число людей дѣйствуетъ сознательно въ этой огромной массѣ російскихъ жителей, матущихся духомъ всяческихъ упраздненій. Вспомнимъ одно золотое слово оттуда гдѣ такъ много золотыхъ словъ: „малая закваска все тѣло кваситъ“. Да и изъ этой закваски, изъ этого незначительнаго числа сознательныхъ дѣятелей разрушенія, всѣ ли ле справедливости могутъ быть названы преступниками? Полакамъ естественно желать нашей гибели, хотя бабушка еще вадвое сказала, принесетъ ли имъ наша гибель ту выгоду какой они ожидаютъ. Какому-нибудь адвокату, которому, вмѣсто прежняго грошеваго казеннаго жалованья, вдругъ повадши десятки тысячъ рублей ежегоднаго дохода, разсуждая по человечеству, извинительно превозносить въ своихъ рѣчахъ упразднительныя идеи и подвиги. Ему, изъ примѣра Франціи и собственнаго отечества извѣстно что чѣмъ больше будетъ всякихъ упраздненій, тѣмъ значительнѣе будутъ доходы и тѣмъ блестящѣе будетъ карьера адвокатовъ. Конечно, все это до поры до времени; да вѣдь пора эта еще за

горами. Гораздо болѣе подлежатъ вѣдѣнію дѣйствія тѣхъ литературныхъ промышленниковъ которые поставили себя цѣлю, ради барышей и докломѣніа толпы, систематически развращать разрушительными и безнравственными внушеніями читающую толпу, и прежде всего неопытную и доверчивую молодежь. Здѣсь уже не случайно произносимыя въ стѣнахъ суда рѣчи о побіеніи старшихъ и о дѣвственности бѣщивствъ совершаемыхъ младшими, а постоянная, изо дня въ день и на всемъ народѣ повторяемая проповѣдь всеразрушенія нравственнаго и политическаго, цѣлая организованная фабрикація одуряющихъ толпу веществъ. Положимъ, значительное большинство нашей ликующей братіи мало вѣдваемо за свои литературныя прегрѣшенія, ибо это племя обитая съ толку невѣрность и ограниченность, повторяющая только зады которые она заучила у своихъ первоучителей, или просто поденщики которымъ вѣдѣно, за известную плату, поставлять къ опредѣленному сроку статьи возбуждательнаго свойства. Но есть между ликующей братіей и настоящіе артисты, настоящіе мастера печатнаго цеха, задающіе тонъ всему литературному оркестру и заставляющіе мычать на свой голосъ все Панургово стадо; вотъорыхъ, есть хозяева главныхъ литературныхъ лавочекъ, торгующихъ растлѣвающими произведеніями печати. Вотъ эти литературные артисты и хозяева - барышники суть несомнѣнно преступники предъ своимъ отечествомъ, ибо они разрушаютъ его безопасность для своихъ барышей или ради услажденія себя локломѣніемъ толпы. Будетъ ли надъ этими преступниками когда-нибудь произнесенъ приговоръ? Быть-можетъ и будетъ, да только когда имъ отъ этого приговора будетъ ни тепло, ни холодно; другими словами, будетъ произнесенъ приговоръ исторіи. Еще болѣе преступными должны быть почитаемы тѣ чиновныя лица высшаго ранга которыя содѣйствовали у насъ успѣху разрушительнаго направленія не по глупости и невѣдѣнію, а вслѣдствіе сознательно, съ цѣлю сдѣлать изъ этого направленія ступеньку для своего возвышенія или пріобрѣтенія себя понулярности. Если завѣдомыя продавцы зараженныхъ продуктовъ подлежатъ осужденію, то власти приставленныя для охраненія народнаго здравія и тѣмъ не менѣе изъ личной выгоды поощряющія торговлю зараженными продуктами подлежатъ гонимыи огненной. Конечно, никакая гонимыя ихъ не достигнетъ;

они окончатъ два свои въ довольствѣ и почетѣ, а расплатятся за нихъ ни въ чемъ виновные російскіе обыватели, изъ которыхъ многимъ и многимъ придется и быть-можетъ не въ далекомъ будущемъ пройти чрезъ огненную гевну. (Вспомнимъ Францію, когда въ ней бушевали „великіе принципы 1789 года“). Есть и еще виноватые въ такой же мѣрѣ какъ скаванные официальные блюстители порядка сознательно помогавшіе успѣхамъ безпорядка. Но эти виноватые большею частію давно уже опочили отъ дѣлъ своихъ, обремененные богатствомъ, почестями, а иногда даже и своего рода славой. Это тѣ чиновные распорядители и блюстители судебъ Россіи, которые своими неправдами, исканіемъ только своей выгоды и прославленія, своимъ самообожаніемъ или безпечностью, поддерживали и умножали въ нашемъ отечествѣ беззаконія, хищенія, разоренія, общее разстройство дѣлъ, общее обѣдѣніе, общее недовольство, лицемеріе и господство однихъ бессодержательныхъ и обманныхъ формъ, словомъ, которые поддерживали и умножали все то изъ чего сложилось господствующее теперь у насъ стремленіе къ упраздненію всего сущаго. Не журналисты, не адвокаты, не Поляки произвели сіе стремленіе: это только люди пользовавшіеся общимъ настроеніемъ и главшіе его въ гору, потому что оно имъ на руку. Произвели же это общее настроеніе люди посланцы журналистовъ, адвокатовъ и Поляковъ и произвели его долгою и настойчивою работою, а не въ какія-нибудь пять-семь лѣтъ, прошедшихъ отъ народженія нашей политической журналистики и публичной адвокатуры до полнаго разцвѣта такъ-называемаго нигилистическаго направленія.

Другое направленіе, противоположное управднительному, можетъ быть выражено, опять-таки въ общихъ и самыхъ существенныхъ своихъ пожеланіяхъ, такимъ образомъ: во главѣ государства сильная и непререкаемая власть, не подчиняющаяся массѣ, а повелѣвающая массою; извѣстная іерархическая подчиненность высшихъ высшимъ и младшихъ старшимъ во всѣхъ частяхъ государственной и общественной жизни, при безусловной власти и правомѣрности закона, безо всякаго послабленія въ одну какую-либо сторону; поднятіе народной нравственности путемъ религіи, возвращенной къ своему духовно-нравственному идеалу, и чрезъ огражденіе общества и народа отъ развращающихъ ученій; право

собственности поставленное въ всякихъ сомнѣній и вопросовъ. Такимъ образомъ цѣли къ которымъ стремится охранительное направление весьма ясны и почти одинаково понимаются всѣми его послѣдователями. Но какъ скоро цѣли доходить до средствъ которыми эти цѣли должны быть достигнуты, въ особенности по отношенію къ политической части этого направленія, то тутъ является большое различіе во мнѣніяхъ или, лучше сказать, никто изъ его послѣдователей не представляетъ себѣ этихъ средствъ въ ясномъ и опредѣленномъ видѣ. Коренной вопросъ охранительнаго направленія таковъ: какъ достигнуть одновременнаго существованія сильной государственной власти и непоколебимой, сверху до низу проведенной законности; какъ одѣлать чтобы сильная и непререкаемая власть имѣла въ виду только общее государственное благо? Вотъ въ этомъ коренномъ вопросѣ и оказывается больше всего разномыслія и неясности. Одни изъ послѣдователей охранительнаго направленія думаютъ для достиженія сказанной цѣли вернуть наше отечество къ до-Петровскому строю, воскресить мертвеца. Другіе ходятъ кругомъ, да около нынѣ существующаго порядка, отыскивая только какія бы сдѣлать къ нему поправки. И вотъ надумали что стоитъ только замѣнить коронныхъ чиновниковъ чиновниками земскими,—и все пойдетъ какъ по маслу: ибо, по убѣжденію этихъ людей, все наше зло въ бюрократіи, а чиновники выбираемые массою уже не будутъ бюрократіей и будутъ несравненно лучше чиновниковъ назначаемыхъ начальствомъ. Третьи, не вѣря ни въ воскресеніе историческихъ мертвецовъ ни въ чудодѣйственную силу земскихъ выборовъ, вѣруютъ только въ живучесть и магическую силу существующей въ Россіи верховной власти, и потому, не ища никакихъ поправокъ къ нынѣшнему политическому строю Россіи, все упованіе свое возлагаютъ на провинциальность и добрую волю самой верховной власти, вѣря что она должна наконецъ выбирать и ставить на чреду служенія такихъ государственныхъ дѣтелей которые спасутъ Россію и самую власть отъ расслабленія и распада. Есть наконецъ между людьми охранительнаго образа мыслей и такіе невѣры которые не видятъ никакого выхода изъ сложившихся для Россіи роковыхъ обстоятельствъ, не питаютъ никакой надежды на водвореніе у насъ сильной и для всѣхъ правомѣрной власти. По ихъ мнѣнію, русское государство, въ

своемъ поступательномъ движеніи, не можетъ представлять исключенія изъ общаго хода европейской исторіи. Оно дошло теперь до того момента когда нѣкоторыя формы предшествующаго времени не исполняютъ болѣе своего назначенія и становятся бременемъ какъ для подвластныхъ, такъ и для самой власти. Наши государственныя учрежденія нуждаются, по ихъ мнѣнію, въ существенныхъ улучшеніяхъ, для того чтобъ они могли обезпечивать народу справедливое управленіе и въ то же время упрочить за государственною властью силу и непререкаемый авторитетъ. Безъ этого послѣдняго условія существованіе Россіи, какъ цѣльнаго и стройнаго государства, будетъ невозможно. Для исполненія сказанныхъ улучшеній нужна, во первыхъ, добрая воля, которая не всегда отыскивается у людей, а во вторыхъ, необходимо чтобы наши государственныя учрежденія совершенствовались не подражательнымъ, а самобытнымъ путемъ. Учрежденія скопированныя съ западныхъ могутъ только еще больше расшатать нашъ ослабленный государственный порядокъ и могутъ предать государственную власть въ руки разныхъ говоруновъ которые въ два, три года разрушатъ то что слагалось вѣками и приведутъ Россію въ помянутое цѣлаго міра. Но вотъ въ томъ-то и бѣда, говорятъ наши охранительные нѣвѣры, что у насъ менѣе всего вѣроятны именно такія серьезныя и добросовѣстныя улучшенія, требующія отъ своихъ вѣнчателъ и исполнителей соединенія доброй воли со зрѣлымъ познаніемъ государственныхъ потребностей и съ умомъ просвѣщеннымъ историческимъ образованіемъ. У насъ гораздо вѣроятнѣе, думаютъ они, какая-нибудь политическая комедія въ чужихъ костюмахъ, проведенная на подмостки обманомъ или нахрапомъ, чѣмъ спокойное, съ добросовѣстностью и достоинствомъ исполненное исправленіе пришедшихъ въ ветхость частей государственнаго зданія, съ сохраненіемъ однако того фундамента на которомъ основалась и доселѣ держится Россія.

На перелутьи сказанныхъ двухъ направленій, упраздни- тельнаго и охранительнаго, стоитъ огромная масса людей съ неопредѣленнымъ или колеблющимся образомъ мыслей, ожида- я въ какую сторону увлечетъ ее борьба двухъ противоположныхъ теченій. Сегодня они какъ будто сознаютъ что свое- волеіе и нравственная разнузданность массъ не могутъ

привести Русскій народъ ни къ чему другому какъ только къ междуусобицѣ и политическому распаденію; завтра же, подъ вліяніемъ стоустой пропаганды упраздненія и подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ злоупотребленій и роковыхъ ошибокъ существующихъ властей, тѣ же самые колеблющіеся люди начинаютъ видѣть спасеніе Россіи въ осуществленіи идей Петра Лаврова (см. *Письма Миртова*, издавныя въ Петербургѣ) и его многочисленныхъ единомышленниковъ въ нашей литературѣ.

Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію вопросъ, которое изъ двухъ противоположныхъ теченій окажется сильнѣе и увлечетъ за собою косное и нерѣшительное большинство. Сравнивая силы и относительное положеніе обоихъ направленій, охранительнаго и упразднительнаго, легко видѣть что всѣ внѣшнія, такъ-сказать, стратегическія преимущества находятся на сторонѣ господствующаго теперь упразднительнаго направленія. Во первыхъ, это направленіе выросло на почвѣ издавна для него подготовленной, на почвѣ всякаго рода неправды, хищеній и лицемерныхъ, безсодержательныхъ формъ, давно извѣрившихся и потерявшихъ уваженіе. Для укорененія же направленія противоположнаго нужна почва законности и добрыхъ нравовъ, то-есть почва которой вовсе не существуетъ въ нашемъ отечествѣ. Повторяю, какъ было уже сказано, между послѣдователями охранительнаго направленія существуетъ полная разнородность относительно способовъ которыми можетъ быть создана въ Россіи сильная и справедливая власть, хотя всѣ они убѣждены въ совершенной необходимости для насъ такой власти. Между тѣмъ, въ направленіи противоположномъ замѣчается обратное явленіе: тамъ никто не можетъ сказать, къ какому исходу должно привести Россію это направленіе; за то всѣ его послѣдователи согласны въ средствахъ которыя должны быть употреблены для достиженія этой неизвѣстной цѣли: надобно все упразднить, все разрушать, какъ въ политическомъ, такъ и нравственномъ порядкѣ вещей. Эти двѣ противоположныя черты обоихъ направленій объясняются самою сущностію ихъ: разрушать гораздо легче чѣмъ созидать; способы разрушенія могутъ быть подсказываемы самыми ограниченными и невежественными людьми, площадными братораами, скорморохамъ, молекососами и вообще всяки кому желательныя своеволіе или лжива. Но исходный конецъ такихъ разру-

шей, анархія, довольно трудно представляется нашему воображенію пока мы не увидимъ ея собственными очами. Къ числу преимуществъ упразднительнаго направленія отнесется также и то что въ немъ есть множество коноводовъ и глашатаевъ, которые неустанно и различными способами обрабатываютъ на свой ладъ толпу, сплачиваютъ ее вокругъ общихъ центровъ и дрессируютъ передовыхъ застрѣльщиковъ движенія; тогда какъ разрозненные, не имѣющіе общаго центра и во многомъ между собою несогласные друзья порядка и нравственной дисциплины или безмолвствуютъ, или пререкаются другъ съ другомъ изъ-за предметовъ второстепенныхъ и несущественныхъ. Какая польза изъ того что правда на сторонѣ друзей охранительнаго направленія, когда они никому не объясняютъ своей правды и предоставляютъ толпу въ полное распоряженіе коноводовъ упраздненія? Извѣстно какъ смутно понимается вышнее наше положеніе и его причины даже вполне образованными Русскими, въ томъ числѣ и государственными людьми. Какъ же можно разчитывать что все общество, вся эта грамотная и разсуждающая вкривь и вкосъ толпа пойметъ сама собой, гдѣ опасность и гдѣ спасеніе, чего надобно убѣгать и чего держаться, когда притомъ сотни прельстительныхъ голосовъ заываютъ ее въ лучины своевола и безбожія. У насъ завязывается теперь настоящая междуусобная битва между охранителями и разрушителями; а извѣстно что одна изъ главнѣйшихъ силъ рѣшающихъ всякія битвы есть одушевленіе. Оказывается что и эта сила на сторонѣ упразднителей. Новизна и заманчивыя для толпы надежды этого направленія придали ему одушевленіе; а быстро возрастающіе успѣхи упразднителей поддерживали и усиляли это одушевленіе. Между тѣмъ въ рядахъ охранителей царствуетъ безлечность, вялость и малодушное, губительное уклоненіе отъ протавдѣствія разрушительному потоку, по пословицѣ: „моя хата съ краю, ничево не знаю“. Надобно сказать правду, не одна безлечность замыкаетъ уста друзьямъ порядка и спокойствія: всѣ обстоятельства до того сложились у насъ въ пользу разрушительнаго направленія что въ то время, какъ оно невозбранно провозглашается и въ литературѣ, и съ адвокатскихъ столиковъ, и съ университетскихъ кафедръ, для мужественнаго и величепріятнаго слова въ защиту государственнаго и нравственнаго порядка существуютъ у насъ

непреодолимыя прелютствія, и прелютствія именно съ той стороны съ которой всего менѣе слѣдовало бы ихъ ожидать. По свойству человѣческой природы, самая пылкія и преданная отечеству сердца чаще другихъ испытываютъ уныніе, доходящее иногда до отчаянія, при видѣ роковыхъ ошибокъ управленія, умножающихъ число недовольныхъ и толкающихъ массы людей въ объятія упрямцевъ.

Но ни что не наноситъ столько вреда охранительному направленію, какъ его лицемерныя прихвостни или, вѣрнѣе назвать, паразиты. Вся цѣль ихъ питаться на счетъ того организма на которомъ они поселяются. Никто громче ихъ не кричитъ о своей преданности правительству и государственному порядку, и никто больше ихъ не наноситъ вреда тому и другому. Ихъ хищенія государственнаго достоянія, обыкновенно обезпеченныя наружно-законными формами, ихъ синекурныя должности, оплачиваемыя ежегодно сотнями тысячъ рублей собираемыхъ съ трудящагося класса, раздача ими лучшихъ должностей своимъ близкимъ и креатурамъ, столь же какъ и они жаднымъ до поживы на счетъ государства, обремененіе ими населенія все болѣе и болѣе возрастающими налогами, наглое похраваніе ими всякаго закона и справедливости и домогательство всевозможными низкими средствами денегъ, власти и почета, ихъ взаимныя укрывательства и замѣтаніе преступныхъ слѣдовъ другъ друга, все это даетъ поводъ глашатаямъ упрямцевъ указывать толпѣ на этихъ мнимыхъ охранителей власти и порядка и кричать: вотъ та власть и тотъ порядокъ которыми хотятъ поработить васъ, но которые мы стараемся разрушить; вотъ тѣ люди которымъ не вравятся провозглашаемыя нами идеи, ибо въ нихъ они чувятъ свою смерть, конецъ своего надъ вами господства! На эту удочку ловятся всѣ люди неопытныя или съ нетвердою логикою каковыхъ вездѣ огромное большинство. Въ числѣ уловляемыхъ, какъ было уже замѣчено, попадаетъ много самыхъ честныхъ и преданныхъ общему благу сердець, которыя не могутъ выносить равнодушно зрѣніа совершаемыхъ у насъ неправдъ и хищеній. Вся эта обманутая и сбитаа съ толку толпа беззавѣтно отдается упрямцевъ направленію и съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе умножаетъ его ряды.

Самыми смѣлыми и яркими носителями упрямцевъ идей являются, по обыкновенію, молодые люди и юноши

изъ числа обучающихся въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведенiяхъ. Тамъ они электризуются частiю въ некоторыми изъ своихъ профессоровъ, частiю чтенiемъ книгъ революцiоннаго и атеистическаго содержанiя, наконецъ особо подсылаемыми для ихъ обработки эмиссарамъ. Эта молодежь, переходя потомъ на практическiя попроща жизни и подвизаясь въ литературѣ и школѣ, вноситъ закваску разрушительныхъ идей во все русское общество и начинаетъ уже вносить ее, при посредствѣ своихъ подражателей и выучениковъ, въ массы простаго народа. Если кто всего менѣе подлежитъ вѣтвенiю и осужденiю изъ послѣдователей упразднительнаго направленiя, такъ это именно наша неоперившаяся молодежь. Стоить только каждому изъ насъ припомнить годы своей юности отъ 16 до 22 лѣтъ чтобъ убѣдиться что это суть годы великодушныхъ, вполне безкорыстныхъ порывовъ сердца и въ то же время полнѣйшей, истинно рабской покорности ума тѣмъ авторитетамъ въ которые тѣмъ или другимъ путемъ увѣруетъ неопытная молодость. За отсутствiемъ у насъ истинныхъ авторитетовъ, наша обучающаяся молодежь жадно прислушивается къ рѣчамъ своихъ любимыхъ профессоровъ, каковыми теперь чаще всего бываютъ самолюбивыя ничтожества, съ незрѣлымъ умомъ, съ жиденькими свѣдѣнiями и съ непомерною страстью къ популярности и къ игранiю роли. Не чувствуя въ себѣ способности заслужить извѣстность ученостью и даровитымъ преподаванiемъ своего предмета, они стараются прiобрѣсть популярность между студентами поглажая ихъ лѣности и въ то же время играя на самыхъ отзывчивыхъ струнахъ молодой природы. Одни изъ нихъ проповѣдуютъ безбожiе и материализмъ подъ вывѣской свободы человѣческаго мышленiя и непреложныхъ выводовъ какой-то несуществующей науки. Другiе поощряютъ и разжигаютъ въ студентахъ духъ своеволiя и анархическiя убѣжденiя, подъ видомъ великихъ идей человѣческой свободы. Наши университеты и въ некоторыя высшiя спеціальныя училища сдѣлались теперь питомниками, гдѣ, вмѣстѣ съ будущими полезными гражданами, возвращается на счетъ государства и народа не мало и будущихъ растлителей народной нравственности и разрушителей государственнаго порядка. Главная вина очевидно не въ профессорахъ. Кому же неизвѣстно что для полученiя профессорскаго званiя нужно только сдать магистерскiй или

докторскій экзаменъ (для чего не требуется не только умственной зрѣлости, но даже простаго обладанія твердою логикой), да заручиться благоволеніемъ профессорской партіи, рѣшающей судьбу выборовъ. И вотъ такимъ-то, часто дѣтски-незрѣлымъ по уму людямъ, затвердившимъ нѣсколько нѣмецкакихъ и русскихъ учебниковъ, предоставлена у насъ свобода формировать политическія и нравственныя убѣжденія цѣлыхъ поколѣній молодежи и создавать себѣ популярности, сѣя семена разложенія и волненій, которыя принесутъ людямъ когда и самыя имена этихъ ничтожныхъ святелей будутъ давно уже забыты. Вся вина падаетъ здѣсь на тѣ власти которыми вѣрнется высшее управленіе учебными заведеніями и которыя, для снисканія оцѣнокъ-таки все той же популярности и страха ради журналистики грозящей имъ клеймомъ Руица и Магницкаго, прикидываются будто ничего не замѣчаютъ мелупнаго въ томъ что творится въ отбѣлахъ вѣрѣнныхъ имъ заведеній. Если же находятъ у насъ такіе начальники учебныхъ заведеній которые чистосердечно убѣждены что всякій молодецъ украшенный званіемъ профессора или доцента есть такой же подлежащій суду остальныхъ смертныхъ мудрецъ, устами котораго глаголетъ сама наука, сама высшая истина, и что придержать такого мудреца за фалды или указать ему лорогъ когда онъ начинаетъ завираться есть святотатство, если находятъ у насъ такіе начальники учебныхъ заведеній, то надобно совершенно отчаяться въ возвращеніи нашей молодежи къ понятіямъ порядка и доброй нравственности.

Итакъ, ничто изъ совершающагося теперь въ нашемъ отечествѣ не произошло помимо людской воли, не явилось послѣдствіемъ какого-то неумолимаго рока, но все есть дѣло рукъ нашихъ и нашихъ отцовъ и прадѣдовъ. Что посеешь, то и пожнешь. Добро только рождается отъ добра, а отъ зла можетъ произойти только зло: это такая же аксіома въ нравственномъ порядкѣ міра какъ двѣ величины равныя лорознь третьей равны между собою, въ порядкѣ логическомъ. Какое же добро сдѣлали мы со времени начала реформъ прошлаго царствованія чтобъ имѣть основаніе ожидать добрыхъ плодовъ? Развѣ писанныя на бумагѣ уставы и положенія составляютъ какую-нибудь съ нашей стороны заслугу? Если и была заслуга относительно такихъ реформъ какъ освобожденіе крестьянъ и преобразованіе судовъ, то это только

заслуга лочившаго Государя. Было ли хоть въ какомъ-нибудь дѣлѣ употреблено со стороны нашего общества собственное усиліе для того чтобъ отстать отъ худаго и приучить себя и своихъ дѣтей къ хорошему, напримѣръ благоустроить свою гражданскую и семейную жизнь, поубавить взяточничество и казнокрадство, оставить нашу исконную привычку дѣлать все сплуста рукава, дать религіи болѣе мѣста въ сердцахъ подрастающихъ поколѣній и пр.? Изъ всего этого не сдѣлаво нами ровно ничего. Однѣ писанныя реформы, безъ дѣлъ нашей свободной воли, суть лустоцвѣтъ. Мы только къ прежнему, наслѣдственнымъ порокамъ прибавили, по наущенію нашей дрянной литературы, новые, злопріобрѣтенные, каково напримѣръ стремленіе къ безбожію и безначалію. Разрушительныя идеи начинаютъ уже проникать въ крестьянскій міръ и, подобно началу дѣснаго пожара, то тамъ, то самъ обнаруживаются кроваво-огненными языками и струйками. Дѣсь подоженъ частію лихими людьми, то-есть ворами и разбойниками, частію шалопаами, не встрѣчавшими удержу своимъ безчинствамъ. Главными же виновниками являются тѣ власти которыя, ради мзды или популярности, или по нерадѣнью, дали расплодиться лихимъ людямъ и не взнуздавнымъ шалопаамъ и не пресѣкли пожара при самомъ его началѣ. Намъ прежде всего нужна власть которая была бы въ силахъ охранить народъ и въ особенности молодое поколѣніе отъ развращающихъ ученій и отъ нараждающейся междуусобицы; иначе мы увлечемъ въ бездну, въ которой погибнуть сотни тысячъ невинныхъ и развѣ только единицы виновныхъ. Виновные, которые усябютъ сластись, все свернуть на рокъ, на слѣблыя стихійныя силы, въ родѣ пресловутаго нигилизма, представляющагося намъ въ видѣ чумнаго повѣтріа занесеннаго откуда-то издалека.

Ск.

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Письма къ тетенькѣ. Г. Щедринъ. Отеч. Зап. 1881—82.

Странное дѣло: о г. Щедринѣ не то что мало пишутъ,— этого никакъ нельзя сказать,—а пишутъ какъ-то не серьезно. Появится его ежемѣсячная сатира, въ фельетонѣ нѣсколькихъ газетъ, въ обзорѣннѣи нѣкоторыхъ журналовъ печатается коротенькая реклама что вотъ де „нашъ маститый сатирикъ“ или „нашъ знаменитый сатирикъ“ своимъ сатирическимъ бичемъ щелкнулъ въ такую-то сторону, поразилъ такое-то зло, указалъ такую-то „общественную язву“ и въ доказательство приводится иногда содержаніе новой сатиры, а иногда и цѣлая изъ нея цитата; отъ времени до времени лишутся о немъ дружественною рукою и цѣлыя якобы критическія статьи въ родѣ написанной года два тому назадъ Е. Е. Утинымъ. Но все это не болѣе какъ разнаго рода рекламы, рукоплесканія извѣстнаго кружка, вѣнки безсмертія щедро раздаваемые *своими своимъ*. А вѣдь г. Щедринъ практикуется въ щелканьи сатирическимъ бичемъ и въ указаніи общественныхъ золъ уже болѣе 25 лѣтъ; пора бы подвести итоги этой продолжительной литературной дѣятельности и показать какіе полезные

результаты она принесла. А между тѣмъ по все возрастающему числу обличеній наполняющихъ столбцы нашихъ газетъ и страницы нашихъ журналовъ можно придти къ заключенію что либо это щелканье Щедрина сатирическаго бича никого въ сущности не испугало, либо что діагнозы этого врача общественныхъ язвъ были невѣрны... Правда, подвести полные итоги литературной дѣятельности г. Щедрина не легко: плодovitость его громадна, и врядъ ли въ числѣ его почитателей найдется хоть одинъ прочитавшій все вышедшее изъ-подъ его пера, начиная съ *Губернскихъ Очерковъ*. Сознаюсь что и я, нижеподписавшійся, прочелъ не все имъ написанное. Но рѣшившись подвести итоги его литературной дѣятельности и сознавая что я худо дѣлалъ не читая его сатиры мѣсяць за мѣсяцемъ, по мѣрѣ выхода книжекъ *Отечественныхъ Записокъ*, я принялся читать отдѣльно напечатанныя его сочиненія, прочиталъ ихъ почти всѣ и уже сдѣлалъ было много замѣтокъ для подведенія помянутыхъ итоговъ, когда въ послѣднемъ *Письмѣ къ тетенькѣ* нашелъ что эти итоги подведены уже самимъ нашимъ „маститымъ сатирикомъ“. Г. Щедринъ напечаталъ аттестатъ самому себѣ, вѣчто въ родѣ *Памятника* Пушкинскаго... Конечно, вы не найдете въ этомъ *Письмѣ* ни „Наполеонова столба“, ни стиха.

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ;

да впрочемъ тутъ дѣло не въ сближеніи или противоположеніи стиховъ Пушкина и прозы г. Щедрина, а въ томъ что послѣдній, въ виду, какъ онъ говоритъ, появившихся въ печати несочувственныхъ ему оцѣнокъ, нашелъ нужнымъ выяснитъ какія задачи онъ преслѣдовалъ въ продолженіе своей литературной дѣятельности и характеризовать эту дѣятельность. Какъ ни кратко сдѣлано то и другое, все же это автобіографическій матеріалъ, это руководящая нить для человѣка который хочетъ разобратъся въ массѣ написаннаго нашимъ авторомъ.

„Въ послѣднее время, говоритъ г. Щедринъ, я, въ качествѣ литературнаго дѣятеля, сдѣлался предметомъ достаточнаго количества несочувственныхъ для меня оцѣнокъ. Между ними есть нѣсколько такихъ которыя прямо причисляютъ меня къ категоріи *среднихъ* писателей, на томъ основаніи, будто бы я главнымъ образомъ имѣю въ виду не обличеніе безнравственныхъ поступковъ, а отрицаніе самого принципа

нравственности. На это я могу отвѣтить одно: неизмѣннымъ предметомъ моей литературной дѣятельности всегда былъ протестъ противъ произвола, двоедушія, лгавья, хищничества, предательства, лустомыслія...“ Ройтесь сколько хотите во всей массѣ мною написаннаго— „ничего другаго не найдете“, говоритъ вашъ критикъ, а затѣмъ побѣдовосно ставить вопросъ: слѣдуетъ ли признать исчисленныя выше явленія *нормальными*, имѣющими что-нибудь общее съ „принципомъ нравственности“, или напротивъ, правильнѣе отнестись къ нимъ какъ „безнравственнымъ“...

Оставляя на время объектъ Щедриной сатиры, я долженъ обратить вниманіе читателя на сбивчивость понатій нашего сатирика и на произвольное значеніе которое получаютъ у него слова. Это одна изъ характеристическихъ чертъ г. Щедрина и его дружины. Искаженіе прямаго и вѣснмаго извѣстнаго смысла словъ есть явленіе въ ихъ литературной дѣятельности отнюдь не случайное. Иногда читаешь ихъ,—слова все кажется знакомыя, а смысла не дощешься. Но у нихъ есть ключъ къ этому шифру, и они другъ друга новимають. Этотъ шифръ, или этотъ жаргонъ, названъ ими же самими „рабымъ языкомъ“. На этомъ языкѣ они и пишутъ, а г. Щедрина считается первокласснымъ на этомъ языкѣ сталистомъ. Посвященные читають его и не нахвалятся, а мы хоть и рады были бы ему руколаескать, но что ни шагъ, то натыкаемся на такое слово которое, какъ говоритъ Гоголевскій Осипъ, чортъ его знаетъ что такое значить. Таково напримѣръ слово „улица“. Всякій знаетъ что значить улица; въ переносномъ смыслѣ она можетъ означать толлу и при томъ скорѣе городскую чѣмъ сельскую. Но не угодно ли вамъ догадаться что слѣдуетъ подразумѣвать подъ „улицей“ въ слѣдующихъ строкахъ заимствованныхъ изъ *Письма № 11 къ тетенькѣ*. „Въ цѣломъ мірѣ, лишеть г. Щедрина, улица представляетъ собою только матеріалъ для литературы (слѣдовательно народъ?), а у насъ она господствуетъ надъ литературой (очевидно, не народъ). Во вѣхъ видахъ господствуетъ: въ видѣ частной инсинуаціи (часть общества считающая г. Щедрина „писателемъ вреднымъ“?), частнаго насилія (уличные грабители?) и въ видѣ непрерываемо-возбранающей силы (публичная власть?) и на каждомъ шагу ставить вопросы (кто же можетъ писателю ставить вопросы? — сама жизнь, текуція событія, на которыя

сдѣлалось какъ бы обязательнымъ до времени закрывать глаза.) Вотъ и доискивайтесь, кто или что эта злокозненная „улица“! Да притомъ еще вопросъ, точно ли она злокозненна съ точки зрѣнія самого г. Щедрина. Въ V письмѣ его, да и въ другихъ его сочиненіяхъ, за *Рубежомъ* напимѣрь, выводится на сцену нѣкій „удавъ“, личность въ высшей степени автору антипатичная, что впрочемъ видно по его кличкѣ. Онъ держитъ семью свою въ респектѣ, но *въ ужасу своему* замѣчаетъ въ одно прекрасное утро что въ эту его строго охраняемую семью „вторгается улица“. О чемъ бы горевать кажется? Чему бы ужасаться? „Улица“ и „удавъ“ по видимому съ точки зрѣнія г. Щедрина одного поля ягоды: послѣдній благоговѣетъ предъ памятью „графа Михаила Николаевича“ (Муравьева, полагаю, а ужъ что же хуже этого съ известной точки зрѣнія!), а „улица“ „ссылается на родство своихъ идеаловъ съ идеалами управы благочинія“ и умѣетъ „только молотить по головамъ люцильнымъ молотомъ“.

Трудно понимать г. Щедрина! И это не потому чтобъ онъ плохо владѣлъ русскимъ языкомъ; вѣтъ, онъ принадлежитъ къ тому поколѣнію писателей когда быть грамотнымъ считалось для нихъ обязательнымъ. Но онъ отбросилъ обыкновенный русскій языкъ и сталъ писать на „рабьемъ языкѣ“. Да, „рабій языкъ“: онъ самъ такъ его называетъ. Этотъ языкъ изобрѣтенъ не имъ, но имъ окрещенъ, да имъ же постоянно и обогащается. Слова въ немъ русскія, но имѣютъ вовсе не то значеніе какое имъ присвоено въ словарѣ академіи или Даля. Чтобы понимать церковно-славянскую грамоту нужно знать не только буквы, но и *титла*; чтобы понимать языкъ г. Щедрина и его послѣдователей надо понимать *подмигиванья* (ихъ же любезное слово). Это очень удобно въ отношеніи цензуры. Да и въ отношеніи литературной критики это удобно.

Возвратимся къ начертанной г. Щедринымъ программѣ его сатиры. Она очевидно не полна, какъ это явствуетъ, между прочимъ, изъ его жалобъ на угнетенное положеніе нашей литературы. Онъ желалъ бы для нея большей свободы. Полагаю что онъ не станетъ отрицать этого. По крайней мѣрѣ, сколько я понимаю „рабій языкъ“, слова „управа благочинія“, „участокъ“, „урядникъ“, такъ обильно уснащающія прозу нашего сатирика, суть олицетворенія враговъ свободы. Прекрасно. Посмотримъ

же какъ относится онъ къ свободѣ, когда ея остріе обращено противъ него, когда въ печати высказываются несогласныя съ нимъ воззрѣнія. О, онъ не допускаетъ и самаго ихъ существованія! А такъ какъ они все-таки существуютъ, а можетъ-быть и усиливаются въ послѣднее время, то негодованіе г. Щедрина начинаетъ бить ключомъ. „Онъ, говоритъ онъ, находятъ себѣ алоложетовъ (алологетовъ?) которые ежели и не утверждаютъ прямо что, напримѣръ, хищничество есть добродѣтель, но всякій протестъ противъ хищничества приравниваютъ къ потрясенію основъ. И благодаря случайности эти *общественныя проституты* не встрѣчаютъ даже отпора. Примѣры гнусныхъ сопоставленій честнаго протеста чуть не съ вооруженнымъ бунтомъ повторяются на каждомъ шагу, и проходятъ влодѣ *безнаказанно*, благодаря совладенію со случайными вѣаніями минуты; но самая эта безнаказанность развѣ не знаменуетъ собой глубокаго нравственнаго уладка? Видѣть дѣлать сильно организованый литературный лагерь, утверждающій что всякое проявленіе *порядочности* въ мышленіи равносильно разбою и мошенничеству, что идеалы свободы и обезпеченности суть идеалы анархіи и дезорганизациі власти, что человечность равняется убійству,—право, это такое гнусное зрѣлище, предъ которымъ не устоитъ даже одеревенѣлое равнодушіе. А между тѣмъ это зрѣлище происходитъ предъ нами каждый день и къ удивленію оно единственное которое пользуется присвоенною зрѣлищамъ постановкой. Каждый день изъ лагера *хищниковъ, предателей, пустосвятовъ и проститутковъ* раздаются *распутныя клики*, готовые задушить въ обществѣ всякіе признаки *порядочности*. Каждый день изъ растворенныхъ *яллововъ* воцѣютъ голоса *тригипныхъ пристанодержателей*, угрожающіе, проклинающіе, требующіе пролѣтія“...

Итакъ эти хищники, предатели, проституты — это русскіе писатели! Эти „хлѣвы“ изъ коихъ вырываются голоса „трихипныхъ пристанодержателей“ — это русскіе журналы несочувствующіе г. Щедрина и его друзьямъ; это та часть русской литературы которая не таветъ въ унисонъ съ вами!.. Чтѣ отвѣчать на эту по истинѣ кабацкую ругань? Вотъ ужъ въ самомъ дѣлѣ нашъ „зоилъ“

Разводитъ опіумъ чернилъ,
Слювою бѣшеной собаки...

А вѣдь этотъ „зоилъ“ провозглашаетъ себя другомъ свободы, требуетъ ея, гнѣвается на ея недостаточность! Вотъ они друзья свободы предъ нами какъ на ладоши. Для *нихъ* свобода, полная свобода: „гулай душа!“ Для всѣхъ же прочихъ ихъ лозунгъ „прочь, разшибу!“.. И эти кулачвые бойцы осмѣливаются говорить свѣсока объ урядникахъ, объ „управѣ благочинія“, объ „участкѣ“! Да въ какой кутузкѣ не то что урядникъ, а пьяный сторожъ позволить себѣ высидѣться до такого лабоса ругательствъ въ отношеніи поймавшаго съ поличнымъ вора или уличеннаго убійцы... Ого, еслибъ этимъ господамъ да власть въ руки, они бы показали вамъ настоящую „управу благочинія“, настоящій „участокъ“, они бы показали вамъ такихъ „Дыбъ“ и „Удавовъ“, какихъ ни при какомъ Аракчеевѣ не было!

Къ несчастію, законъ предоставляетъ обоимъ литературнымъ лагерямъ одинаковую „безнаказанность“ (а по причинамъ которыхъ мы изслѣдовать здѣсь не будемъ, въ настоящее время число періодическихъ изданій лагеря обзываемого охранительнымъ меньше чѣмъ лагеря яко бы прогрессивнаго) и не позволяетъ „прогрессистамъ“ хватать за воротъ „охранителей“. Чтò же дѣлаютъ первые? Они не возражаютъ, не спорятъ, они уклоняются отъ публичной полемики, а прямо кричатъ: „донось“! Г. Щедринъ называетъ своихъ противниковъ „добровольцами-соглядатаями“, а его приближенные выработали по этому поводу цѣлую теорію. Одинъ изъ нихъ г. Н. М. напечаталъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* эту теорію вмѣсто возраженій на мою статью о *нашихъ беллетристахъ-народникахъ*. Изложить сущность этой теоріи и охарактеризовать ее кажется не будетъ неумѣстно въ настоящемъ случаѣ, ибо „маститый сатирикъ“ очевидно выходя изъ точки зрѣнія г. Н. М. такъ часто говорить о „добровольцахъ-соглядатаяхъ“, о „науськиваньяхъ“, о хватаніи кого-то за воротъ и влеченіи въ „участокъ“: это одинъ изъ любимѣйшихъ его мотивовъ... Итакъ чтò же говорить г. Н. М.? Онъ становится на пьедесталъ серіозной науки и приводитъ слѣдующую цитату изъ *курса русскаго уголовного права* профессора Таганцева: „съ одной стороны, при современныхъ государственныхъ условіяхъ, говорить г. Таганцевъ, исчезла необходимость въ привлеченіи всѣхъ гражданъ къ преслѣдованію преступниковъ. Матеріальныя и иныя тягости которыхъ каждый гражданинъ несетъ на содержаніе полицейскихъ орга-

новъ разнаго рода служатъ достаточнымъ основаніемъ для сложенія съ общества натуральной повинности доноса, тѣмъ болѣе что спеціальныя органы могутъ вести дѣло преслѣдованія преступниковъ и съ несравненно болѣшимъ успѣхомъ и съ меньшею затратой силъ. Съ другой, существующее во всякомъ не отжившемъ еще нравственномъ обществѣ презрѣніе къ доносу не составляетъ предразсудка, съ которымъ нужно бороться государству“. „Но замѣчаетъ далѣе г. Таганцевъ, не надо забывать что здѣсь дѣло идетъ не о гласномъ обвиненіи преступника, при которомъ обвинитель несетъ и всю тягость послѣдствій легкомысленнаго или недобросовѣстнаго привлеченія кого-либо къ отвѣтственности, и даже не о добровольномъ заявленіи органамъ суда о преступленіи котораго заявитель былъ очевидцемъ или о которомъ онъ имѣетъ несомнѣнныя свѣдѣнія, а о тайномъ доносѣ вынуждаемомъ угрозою наказанія“.

Мы не входимъ въ оцѣнку сужденій г. Таганцева; но вы удивляетесь, вы спрашиваете себя, зачѣмъ приведена юристомъ *Отечественныхъ Записокъ* эта цитата которая именно изъясняетъ изъ понятія о доносѣ обличеніе гласное. Удивляюсь и я, но по видимому по нравственнымъ понятіямъ нашихъ литературныхъ противниковъ все хорошо и все позволительно что ведетъ къ дѣлу. Можетъ-быть болѣшая половина читателей прочтутъ приведенную цитату враскоряку и подумаютъ: „да, вотъ и профессоръ Таганцевъ“ и т. д. А впрочемъ юристъ *Отечественныхъ Записокъ* тутъ же и опровергаетъ цитуемый имъ авторитетъ. Не въ тайности или гласности довеса дѣло, а въ томъ де что есть доносы неблагородные и доносы благородные. „Ни одинъ порядочный человекъ не откажетъ вамъ, говорить г. Н. М., въ своемъ уваженіи, если вы доведете, на примѣръ, на человека который истязуетъ ребенка“, даже если вы это сдѣлаете „анонимно, тайкомъ“ (хотя бы, стало-быть, и живо). Какова теорія! Какова ея научная сила! То что одобряетъ „общественное мнѣніе“, что хвалитъ „порядочные люди“, что „благородно“, то хорошо, то позволительно, то почтено. Но кто же эти „порядочные люди“? Кто дѣлаетъ классификацію между порядочными и непорядочными, кто рѣшаетъ что благородно и что неблагородно? Редакція *Отечественныхъ Записокъ*? А общественное мнѣніе? Со временъ Аристиды и до Сперанскаго не подвергалось ли оно колебаніямъ въ диаметрально противо-

положномъ направленіи? Не былъ ли вѣкогда всемірнымъ идоломъ Наполеонъ I, да и племянникъ его, недавній императоръ Французовъ; а теперь кто, какой школьникъ не глумится надъ ними!.. Не такъ давно одинъ надо думать „порядочный человѣкъ“ написалъ въ *Голосъ* передовую статью, въ которой, разказывая что какой-то парижскій работникъ сдѣлалъ мѣстной полиціи сообщеніе помогшее ей открыть ловко схороненное-было убійство, объявлялъ во всеуслышаніе что работникъ сдѣлалъ подлость: такъ рѣшило „общественное мнѣніе“ парижскихъ лавочниковъ (разумѣется для насъ обязательное). И что же? На другой же день въ той же газетѣ другой порядочный человѣкъ объявляетъ что первый порядочный человѣкъ сказалъ вадоръ и что со вчерашняго дня народилось другое общественное мнѣніе, прямо противоположное прежнему!.. И вотъ на этомъ-то вѣчно зыблющемся пескѣ наши строители новаго общественаго строя хотять строить свои научныя теоріи, и не только научныя теоріи, но и основы всякаго общежитія, нравственныя понятія! И эти легкомысленные строители хотѣли бы чтобы никто не смѣлъ говорить о „потрясеніи основъ“!

Возвращаемся къ диссертациі г. Н. М. Объяснивъ что довести даже тайно и *анонимно* на человѣка изстасующаго ребенка очень почтено, нашъ авторъ доказываетъ что моя статья о *беллетристахъ-народникахъ* принадлежитъ къ категоріи „доносовъ назменныхъ“. Почему же однако? Потому что въ этой статьѣ замѣчаются де лукавыя подмигиванья. Не правда, я не подмигивалъ, а на чистоту высказалъ что *постоянно* оправдывать пьяницъ и буяновъ, оправдывать на основаніи однихъ ихъ собственныхъ объясненій, сваливать съ нихъ какъ съ несовершеннолѣтнихъ вину, подмигивая (вотъ это ужъ чисто подмигиванье!) въ то же время на что-то другое какъ на причину всѣхъ нашихъ золъ, напоминаетъ приемы адвоката Вѣры Засудичъ. Точно также не подмигивая, а прямо и на чистоту сказалъ что не подобаетъ выставлять бунтарей и „незаконныхъ“ благодѣтелями Русскаго народа, сказалъ и повторяю. И кому „подмигивать“? И что вы представляетесь такими бѣдальчиками, жалкенькими, забытыми? Кто васъ обижаетъ! Вѣдь г. Щедринъ пишетъ себѣ во всю свою милую душу почти тридцать лѣтъ все въ одномъ же духѣ и въ одномъ же тонѣ; вѣдь *сами* журналы и газеты плодятся на доброе здоровье, и все это конечно не тайна

для главнаго управленія по дѣламъ печати, которое, не нуждаясь ни въ какихъ подмигиваньяхъ и раньше чѣмъ эти подмигиванья могли бы быть сдѣланы читаетъ все проходящее черезъ печатный станокъ и конечно лучше всякаго литературнаго критика знаетъ всю нашу литературную подноготную. Вѣдь вы же сами, ваша компанія, обливаешься слезами что на ваше печатное слово, на ваши мнѣнія, совѣты и предостереженія никто (а это „никто“ конечно *не читающая* публика) не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія. (О, еслибы такъ!) „Ни сочувствіе, ни несочувствіе, ни критика, ни лапегирики—ничто не идетъ въ счетъ,—всѣ наша рѣчи и сужденія—кивалъ бражающій“, лижетъ самъ г. Щедринъ на страницѣ 244 своего сочиненія *Въ средѣ умъренности и аккуратности*: такъ что же вамъ бояться печатныхъ доносовъ и подмигиваній. Подмигиванье! Довосъ! Эти слова дѣйствовали пока не вдумались въ ихъ значеніе, точно также какъ декорации китайскихъ крѣпостей озадачивали вѣкогда Европейцевъ, пока не было замѣчено что эти зубцы, драконы и пушки намалеваны. Пугаломъ *доноса* насъ стращаютъ давно и при обстоятельствахъ знаменательныхъ. Въ первый разъ, если не ошибаюсь, это пугало было выдвинуто когда начинались смуты въ Царствѣ Польскомъ. Тогда говорить о нихъ въ печати, отстаивать публично русскія государственныя и національныя права было признано постыднымъ, подлымъ, названо было доносомъ. Довосомъ же были признаны гласное неодобреніе безпорядковъ въ университетахъ, порицаніе петербургскаго и другихъ необыкновенныхъ пожаровъ, полемика противъ экономическихъ и социологическихъ воззрѣній Чернышевскаго,—и это пугало, пугало доноса, привудило тогда къ молчанію многихъ почтенныхъ, но не довольно самостоятельныхъ людей, дало ложный видъ общественному мнѣнію Русскаго народа, не имѣвшему ничего общаго съ настроеніемъ нашей литературы и въ концѣ концовъ ввело въ заблужденіе Поляковъ, которыхъ господствовавшая часть литературы взяла подъ свою защиту,—въ заблужденіе, которое они, Поляки, горько оплакиваютъ нынѣ! Пугаломъ доноса наши же друзья свободы хотятъ окружить свою дѣятельность безгласностью, и больше ничего. Это глѣбна на ту же тему: „гулай душа!“ для себя, и „прочь, разшибу!“ для остальныхъ. Вы благосклонно позволете обличать даже анонимно человека истязующаго ребенка; а можно ли

публично осудить мальчишку отплачивающаго оллеухами своему учителю за дурную отмѣтку?... Это, кажется, становится уже щекотавымъ... А есть поводы къ обличеніямъ и посеріознѣе...

Надо чувствовать себя правымъ, тогда и доносовъ,—печатныхъ по крайней мѣрѣ,—бояться не будешь. Напримеръ, г. Н. М. на основаніи того что моя фамилія оканчивается на *skii* дѣлаетъ предположеніе что я можетъ-быть Полакъ и католикъ и ставить это въ связи съ возрожденіемъ у насъ полонизма. Какое мнѣ дѣло? Отвѣтомъ на это служить все то что я написалъ и напечаталъ. Но я не подмигиваю, а прямо и открыто говорю что сатира г. Щедрина и литературная дѣятельность тѣхъ кто слѣдуютъ подъ однимъ съ нимъ знаменемъ, имѣя въ виду, какъ они сами говорятъ, *единственно злобу дня*, даетъ низменное направленіе полету общественной мысли, вводитъ ее въ сравнительно тѣсную сферу вопросовъ данной минуты и совершенно устраняетъ всю сферу жизни духовно-правственной; а если *злоба дня* и выдвигетъ иногда случаи касающійся этой сферы, то онъ разрѣшается, какъ мы видѣли, не на основаніи вѣчныхъ и неизмѣняемыхъ законовъ, не на основаніи той духовной связи о которой недавно говорилъ ученый Пастёръ (замѣтьте — *естествоиспытатель!*) предъ Французскою Академіею что „безъ нея въ обществѣ будутъ лишь одинокія семьи и шайки, но не будетъ настоящаго общества“, а на основаніи ежеминутно измѣняющагося общественнаго мнѣнія да приговора людей порядочныхъ въ обратномъ смыслѣ. Въ этой области впрочемъ литературному критику до васъ нѣтъ дѣла. Тутъ возражать принадлежитъ политическимъ органамъ, газетамъ. Съ нашей же точки зрѣнія, повтораю, главный обвинительный пунктъ противъ г. Щедрина и К^о состоитъ въ низменности и живости его сатиры.

Мы слышали что г. Щедринъ говоритъ о стѣсненіи у насъ литературной дѣятельности. Въ другомъ мѣстѣ онъ высказывается нѣсколько опредѣлительнѣе, чѣмъ и доставляетъ возможность составить себѣ понятіе о его воззрѣніи на „творчество“ и на задачи литературы. О формѣ, о красотѣ г. Щедринъ, равно какъ и другіе писатели его лагеря умаляютъ вовсе: стоить ли въ нашъ серіозный вѣкъ заботиться о такихъ лустакахъ... За то эти господа лишутъ стихи въ родѣ нижеслѣдующихъ, напечатанныхъ въ *Вѣстникъ Европы* 1881 года:

Въ Консержере то было, въ термидоръ,
Когда Парижъ взнемогалъ въ терроръ.

...Но оставимъ чисто-эстетическую сторону дѣла и обратимся къ содержанію. По словамъ г. Щедрина, у насъ „творчество въ умавленіи“ потому что ему мѣшаютъ, волевыхъ, какъ мы видѣли, „улица“, а восторныхъ, „вопросы“. Ово, говоритъ г. Щедринъ, „не можетъ сдѣлать шага чтобы не встрѣтиться съ „вопросомъ“, а стало-быть и съ невозможностью. Приступить ли ово къ жизни такъ-называемаго культурнаго общества, половина этой жизни представляетъ залповѣдную тайну, и именно та половина которая всей жизни даетъ колоритъ. Слустится ли ово во глубины *бытовой* жизни (почему бытовая жизнь противопоставляется культурной?)—и тамъ его подстерегаетъ цѣлая масса вопросовъ: вопросъ аграрный, вопросъ общинный, вопросъ о народившемся *кулакѣ* и т. д. Олять жалкія мины, олять комедія сиротливости, мотивы салопницъ-попрошаекъ! Вѣдь вы почти тридцать лѣтъ сряду ругаете всѣхъ и вся, на все выливаете свою желчь, все оскверняете своимъ словомъ! Вѣдь вы еще въ текущемъ году въ *Письмахъ къ тетенькѣ* говорили о двухъ „безшабашныхъ совѣтникахъ“ которые составили проектъ ограбленія Россіи: что можно сказать о людяхъ болѣе гнуснаго? Вѣдь вы все въ тѣхъ же, только что напечатанныхъ *Письмахъ* разказываете, будто Аракчеевъ глоталъ ершей живьемъ, съ чешуей: что можно выдумать болѣе глупаго?... Или все въ тѣхъ же *Письмахъ* этотъ губернаторъ который болѣе безграмотенъ чѣмъ послѣдній волостной писарь и вмѣсто Сызрани лашетъ „Съ Ирани“: неужели такихъ губернаторовъ кто-нибудь выдывалъ въ послѣднія двадцать лѣтъ? А эти „ломладуры“, эти „генералы отчаянные“, эти департаменты „Возмездій и Воздаяній“? А эти „Ташкентцы“ и эти „Молчаливы“ и пр. и пр.? Осталась ли на прострaвствѣ на коемъ дѣйствуетъ сатира г. Щедрина хоть одна неоплеванная точка?.. И все это вранье вѣдь сходитъ же съ рукъ. Аракчеевъ, разумѣется, молчитъ въ своей могилѣ; за фантастическаго губернатора и „безшабашныхъ совѣтниковъ“, за *Удава*, за *Дябу*, за *твердоонто* никто не можетъ заступиться, потому что ихъ прикрываетъ *рабій языкъ*... Молчить и цензура: ей что за дѣло до всѣхъ этихъ покойниковъ и псевдонимовъ?... А публика смѣется и рубли сыплются въ шалку ловака забавника: что же вы прикидываетесь казанскими сиротами? Чего

хотите? Не права ли называть людей по именам? Но это вряд ли было бы вамъ на руку... Не болѣе стѣснены вы и въ сферѣ бытовой жизни: очерками ея наполнены всѣ близкіе вамъ журналы; вся беллетристика ихъ на этомъ держится. Да и какія-такія у васъ по этому поводу имѣются въ резервѣ идеи которыхъ вамъ нельзя высказать? Не напоминаетъ ли это „Москву“ Крылова, которая хотѣла... безъ драки попасть въ большія забіяки?

За предѣлами „вопросовъ“ начинается для г. Щедрина пустое пространство. „Творчество въ умаленіи“ у насъ теперь, лишеть оны, потому что оно безпрестанно натывается на „вопросы“, а слѣдовательно „на невозможность“. И Пушкинъ, продолжаетъ оны, еслибы жилъ въ наше время столкнулся бы съ этими „вопросами“ и этою „невозможностью“; оны не сталъ бы тратить себя на *Пиковыхъ Дамъ* на *Повѣсти Бѣлкина*. Но развѣ Пушкинъ не касался вопросовъ своего времени? Тоолько оны не лгалъ, не фальшивилъ, не былъ пусто-звономъ, не ругался по площадному, не сквернословилъ. Во время Пушкина байронизмъ былъ „вопросомъ“, и Пушкинъ отозвался на него. А Овѣгинъ развѣ не современный ему „вопросъ“, не „злоба дня“? Пушкинъ высмотрѣлъ въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ постыческаго Левскаго и чистую женщину, Татьяну. Пушкинъ подмѣтилъ и бретѣра, картежника и „холостяго отца семейства“, оны вывелъ на сцену „владѣльца нищихъ мужиковъ“, а въ частной своей перепискѣ, нынѣ уже обнародованной, оны касается и многихъ другихъ „злостей“ своего дня,—и однако оны же писалъ:

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни.

И хотя многое вокругъ него не удовлетворяло его, хотя оны испыталъ много личныхъ неприяностей (самимъ имъ отчасти вызванныхъ), патріотическая струна никогда не переставала звучать въ его сердцѣ: въ одномъ изъ журналовъ вашего же лагеря г. Анненковъ доказываетъ это на основаніи не только общеизвестныхъ произведеній Пушкина, но и не изданныхъ еще документовъ. Правда, нѣкоторые исследователи нашей литературы пустили въ оборотъ маѣнае что слава и популярность Пушкина основывается главнымъ образомъ не на изданныхъ съ разрѣшенія цензуры его сочиненіяхъ, а на тѣхъ которыя въ свое время ходили по рукамъ

въ рукописяхъ. Но эти изслѣдователи завѣдомо утверждаютъ ложь. Отъ одной части своихъ *нелегальныхъ* стихотвореній Пушкинъ отрекся какъ отъ произведеній его недостойныхъ, вспоминать о коихъ ему было тяжело, а отъ другихъ, какъ отъ шалостей и заблужденій своей безпорядочной молодости. При томъ эти нелегальныя стихотворенія Пушкина извѣстны сравнительно весьма немногимъ и ужъ по этому одному они не могутъ имѣть никакого вліянія на славу и популярность Пушкина. О своей ранней, шаловливой музѣ онъ могъ сказать:

...Молодежь мигувшихъ дней
За мою шумно волочилась,

но къ потомству онъ предъявилъ формуляръ совѣтъ другаго рода, и потомство воздвигло ему памятникъ какъ автору не стихковъ

Когда бы вмѣсто фонаря...

а какъ автору *Евгенія Онъгина*, *Бориса Годунова*, *Полтавы*, какъ человѣку дорожившему славою, честью Россіи, уважавшему ея прошлое и вѣрившему въ ея будущее, раздѣлявшему вѣрованія своего народа, человѣку который глядя на вершину Казбека, воскликнулъ:

Туда, въ заоблачную кеалью,
Въ сосѣдство Бога скряться бѣ мнѣ!

Почти то же можно сказать и о Лермонтовѣ. Духъ мятежный, гораздо болѣе чѣмъ Пушкинъ родственный Байрону, онъ относился вообще отрицательно къ жизни и къ людямъ, съ которыми притомъ имѣлъ гораздо болѣе счетовъ чѣмъ его великій предшественникъ. Но и этотъ мятежный духъ умилялся предъ зрѣлищемъ природы Кавказа и его, обыкновенно сложенные для насмѣшки губы, вервѣдко благословляли младенца и шептали молитву, и какую теллую, какую задушевную молитву! Лермонтовъ во все продолженіе своей литературной дѣятельности трудился надъ созданіемъ тѣла гордаго протеста,—это былъ „вопросъ“ его времени, хотя не изъ тѣхъ мелкопомѣстныхъ и дживыхъ которые занимають г. Щедринъ; но этотъ же Лермонтовъ нашелъ въ своемъ сердцѣ достаточно любви чтобы создать Максима Максимовича и Бѣлу... А чтò создалъ въ этомъ родѣ г. Щедринъ?

Но, скажутъ можетъ-быть, г. Щедринъ сатирикъ; его слѣдуетъ солоставлять съ другими сатириками, съ фонъ-Визи-

вымъ, Крыловымъ, Гоголемъ. Извольте. Замѣтимъ прежде всего что Гоголь писалъ при условіяхъ цензуры несравненно болѣе тяжелыхъ чѣмъ нынѣшнія; онъ писалъ въ злоху Красовскихъ и Крыловыхъ, а отчасти и во время существованія пресловутаго „тройственного комитета“, и однако онъ не прибѣгалъ къ „рабьему языку“, къ униженіямъ и прозрачнымъ псевдонимамъ. Да и не нужны они ему были, потому что онъ писалъ не карикатуры на извѣстные лица или учрежденія, а изображалъ типы изъ современнаго ему общества. Онъ осмѣивалъ эти типы, но любовь нерѣдко просвѣчивала въ его сатиру. Такъ, поставивъ Акакія Акакіевича или старосвѣтскихъ помѣщиковъ подъ освѣщеніе своего юмора, онъ возбудилъ къ нимъ сочувствіе; онъ указалъ ихъ странности и смѣшныя стороны, но и согрѣлъ ихъ своею любовью. Любовь была присуща Гоголю: доказательство— лирическія мѣста въ *Мертвые Души*, симпатичный, поэтическій колоритъ *Вечеровъ на штуропѣ* и *Тарасъ Бульба* съ первой до послѣдней строки. Да, въ сердцѣ сатирика Гоголя были обильные источники любви. Онъ любилъ свою прекрасную Украину, ея неоглядныя степи и задумчивыя вочи, онъ любилъ казачество, любилъ Россію, не взирая на Чичиковыхъ, Сквозникъ-Дмухановскихъ и Ноздревыхъ, любилъ ея прежнюю и новую славу, любилъ искусство, а о живомъ его религіозномъ чувствѣ и говорить нечего... Пусть же г. Щедринъ укажетъ на что-нибудь подобное въ своей почти тридцатилѣтней литературной дѣятельности и приложить къ себѣ стихъ Пушкина:

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ

Что чувства добрыя въ немъ лирою возбуждалъ...

Задачи творчества онъ низводитъ до борьбы противъ „урядниковъ“, „управы благочинія“, „народившагося кулака“; на свободу, въ сферѣ литературы по крайней мѣрѣ, онъ смотритъ какъ на средство кричать людямъ иныхъ воззрѣній „прочь, разшибу!“; высшіе вопросы духа онъ обходитъ полнымъ молчаніемъ, а если слегка и касается ихъ при случаѣ, то съ точки зрѣнія произвольной, субъективной, основанной не на незыблемыхъ началахъ, а на мнѣніи „порядочныхъ (по его мнѣнію) людей“. Это ли тѣ добрыя чувства о которыхъ говоритъ Пушкинъ и возбужденіе коихъ вмѣнялъ онъ себѣ въ заслугу?... Добрыя чувства! Ихъ не

можетъ быть тамъ гдѣ нѣтъ любви, а мы не находимъ и слѣда ея во всей массѣ написаннаго г. Щедринымъ. Онъ сатирикъ, а слѣдовательно порицаніе и насмѣшка суть его спеціальность; положимъ, но хоть бы когда-нибудь, гдѣ-нибудь онъ обмолвился словомъ любви и сочувствія если не къ людямъ, сквернѣе которыхъ онъ отдѣлалъ пріятною задачей своей жизни, то хоть къ природѣ, которая ничѣмъ предъ нимъ не провинилась... Къ чему же тутъ ссылаться на Пушкина? О, какъ много могъ бы Пушкинъ принести пользы, какъ много могъ бы онъ возбудить ихъ, этихъ настоящихъ добрыхъ чувствъ, еслибъ ему дано было дѣйствовать въ продолженіе тридцати лѣтъ и притомъ въ наше время, въ эпоху страшнаго смѣшенія понятій и еще болѣе страшнаго колебанія нравственныхъ началъ! Пушкинъ, среди вынѣшней умственной и нравственной неурядицы, постарался бы подчинить не фантастическому и перемѣнчивому общественному мнѣнію нравственные идеалы, а это мнѣніе подчинить нравственнымъ идеаламъ, общимъ всему христіанскому міру. Отъ него не ускользнули бы неудовлетворительныя стороны нашей старой семьи, но онъ конечно не коснулся бы самаго принципа семьи, основаннаго на любви, не восклицалъ бы, подобно г. Шелгунову, съ торжествомъ: „семья разрушена!“ и не ставилъ бы ей въ образецъ „товарищества на лаяхъ“. Онъ не отмѣчалъ бы съ мерскимъ злорадствомъ всякій нелохвальный поступокъ старшихъ въ сферахъ какъ гражданскихъ, такъ и семейныхъ отношеній, и не рукоплескалъ бы всякому противъ нихъ возмущенію. Онъ не слускался бы въ низменности „урядниковъ“, „управы благочинія“, „кулаковъ“ деревенскихъ и т. п., а оставался бы на высотѣ общихъ началъ, ибо они руководятъ отдѣльными людьми и народами, сообщаютъ внутреннюю цѣнность какъ государственнымъ учрежденіямъ такъ и домашнему быту каждаго человѣка. Теорія нравственнаго совершенствованія, а знающае нынче не въ модѣ; заботы соціологовъ и публицистовъ направлены на усовершенствованіе вѣншихъ условій жизни, на установленіе гарантій и пр. Но неужели въ самомъ дѣлѣ и не обманывая ни себя, ни другихъ, можно думать чтобы когда-нибудь были придуманы такія формы и такія гарантіи которыя сдѣлали невозможнымъ, или хоть серьезно затруднили бы проявленіе злой воли? Дурныя или хорошія учрежденія вліяютъ дурно или хорошо на общественную

правственность, но не имѣютъ рѣшающаго и безусловнаго значенія. Только извѣстнаго рода учрежденія, увѣряютъ, въ состояніи возвысить общественную нравственность. Но въ Сѣверной Америкѣ учрежденія „этого рода“ развиты болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь, а тамошняя администрація считается образцомъ безнравственности. Напротивъ того администрація Пруссіи и вообще нѣмецкая нація приобрѣли почетную извѣстность своею честностью задолго до послѣдовавшихъ тамъ реформъ въ такъ-называемомъ либеральномъ духѣ. Контроли всевозможные, гласность и всякаго рода формальныя гарантіи могутъ въ лучшемъ случаѣ сдѣлать осторожнымъ человѣка не признающаго ничего надъ собою вышшаго кромѣ суда человѣческаго; но если его осторожность оказалась однако недостаточною и полиція наложила на него руку, не раскаяніе шевельвается въ его душѣ, а досада на свою неумѣлость. „Сорвалось!“ скажетъ съ Кречинскимъ, и постарается впредь искуснѣе хоронить концы.

Люди личные достоинства коихъ не подлежатъ никакому сомнѣнію лѣтъ двадцать пять тому назадъ громко провозгласили у насъ принципъ личности. Но если ламать не обманываетъ меня, они не доказали одного, того что сознаніе этого принципа и проистекающая отсюда требовательность въ отношеніи всего окружающаго должна имѣть нѣкоторыя предѣлы, что за этими предѣлами царитъ эгоизмъ со всѣми бѣшенными его проявленіями, съ необузданнымъ произволомъ, съ безграничнымъ самомнѣніемъ, съ полопозновеніемъ подчинять все и всѣхъ своимъ воззрѣніямъ, съ потребностью презирать, ненавидѣть и разрушать все имъ сопротивляющееся. Какъ удержать это развитіе нашего я въ разумныхъ предѣлахъ? Признаніемъ чего-то вышшаго въ сравненіи съ человѣкомъ, признаніемъ высшихъ истинъ и неизмѣнныхъ законовъ въ мірѣ духовно-нравственномъ. Это не унижаетъ человѣческаго достоинства; вѣдь признаемъ же мы такіе законы въ сферѣ физическихъ явленій. Напротивъ того, устраняя эти высшія истины и неизмѣнные законы, мы принуждены создать фикцію общественнаго мнѣнія, которое измѣнчиво, всякимъ понимается различно и которое можно обмануть. Да и кого удержать общественное мнѣніе? Человѣкъ высоко о себѣ мнящій вмѣнить себѣ въ достоинство пренебрегать имъ, идти ему наперекоръ, особенно если предварительно низвергнуты всѣ

дѣйствительно бывшіе авторитеты, осмѣяно все созданное исторіей... То что мы говоримъ здѣсь—не теорія только. Стоить лишь оглянуться чтобы найти живыя en chair et en os подтвержденія нашихъ словъ. Эти образы уже вошли мѣсто и въ нашей литературѣ какъ знаменія времени, какъ современныя типы, и я полагаю что указавъ на одного изъ такихъ „героевъ нашего времени“ я всего яснѣе выясню мою мысль.

Имъ снабдить насъ Достоевскій, писатель пользующійся уваженіемъ и сочувствіемъ всѣхъ литературныхъ лагерей. Постоянные читатели *Русскаго Вѣстника* помнятъ его романъ *Идиотъ*. Между второстепенными лицами этого романа есть юноша Иллолитъ Терентьевъ. Онъ бѣденъ, отца у него нѣтъ, а мать—любовница пьянаго и изоглавшагося до чортиковъ отставнаго генерала Иволгина; она получаетъ отъ своего любовника деньги, которыя тотъ занимаетъ у своихъ знакомыхъ *безъ отдачи*, и даетъ эти деньги ему же, своему любовнику, за большіе проценты. Отъ такой матери Иллолитъ разумѣется не получилъ никакихъ нравственныхъ началъ. За то онъ прочиталъ много „хорошихъ книжекъ“, много думалъ „улершись глазами въ темнокрасную отѣну сосѣднаго дома“ и составилъ себѣ опредѣленные, вполнѣ „современныя“ убѣжденія. Онъ играетъ въ романахъ, какъ сказано, небольшую роль и появляется всего два-три раза. Въ первый разъ онъ приходитъ къ герою романа князю Мышкину самъ-четверть требовать, именно *требовать* чтобы этотъ Мышкинъ подѣлился полученнымъ отъ нѣкоего Павлищева наслѣдствомъ съ Бурдовскимъ, незаконнымъ будто бы сыномъ Павлищева, однимъ изъ четырехъ требователей. Оказалось что этотъ Бурдовскій вовсе не сынъ Павлищева; оказалось тоже что ни онъ, ни его товарищи, а въ томъ числѣ и Иллолитъ, не знали объ этомъ и были жертвой мопевнической мистификаціи, такъ что намѣренія воспользоваться обманомъ въ нихъ не было: корыстолюбіе не принадлежитъ къ числу типическихъ чертъ молодежи вообще; но типическая черта въ настоящемъ случаѣ заключается въ томъ что Иллолитъ и его товарищи явились *не просить*, не хлопотать о части наслѣдства Павлищева, а *требовать*. „Да, это правда, говоритъ одинъ изъ компаніи, мы вошли не смиренно, не какъ прихлебатели и искатели вошли, а поднявъ голову, какъ свободные люди, и отнюдь не съ просьбой, а со

свободнымъ и гордымъ требованіемъ, слышите, не съ просьбой, а съ требованіемъ, зарубите себѣ это! Мы съ достоинствомъ и прямо ставимъ предъ вами вопросъ: признаете ли вы себя въ дѣлѣ съ Бурдовскимъ правымъ или неправымъ? Признаете ли вы себя облагодѣтельствованнымъ и даже, можетъ-быть, спасеннымъ отъ смерти Павлищевымъ? Если признаете, что очевидно, то намъ рады ли вы, или находите ли вы справедливымъ по совѣсти въ свою очередь, получить милліоны, вознаграждать нуждающагося сына Павлищева, хотя бы онъ и носилъ имя Бурдовскаго? Да или нѣтъ? Если да, то-есть, другими словами, если въ васъ есть то что вы называете на языкѣ вашемъ честью и совѣстью и что мы точнѣе обозначаемъ названіемъ здраваго смысла, то удовлетворите насъ, и дѣло съ концомъ. Удовлетворите безъ просьбъ и безъ благодарности съ нашей стороны, не ждите ихъ отъ насъ, потому что вы дѣлаете не для насъ, а для справедливости. Если же вы не захотите насъ удовлетворить, то-есть отвѣтите *нѣтъ*, то мы сейчасъ уходимъ и дѣло прекращается, вамъ же въ глаза говоримъ, при всѣхъ вашихъ свидѣтеляхъ, что вы человѣкъ съ умомъ грубымъ и съ развитіемъ низкимъ; что называться впредь человѣкомъ съ совѣстью и честью вы не смѣете и не имѣете права, что это право вы слишкомъ дешево хотите купить. Я кончилъ. Я постановилъ вопросъ. Гоните же насъ теперь съ крыльца, если смѣете. Вы можете это сдѣлать, вы въ силѣ. Но вспомните что мы все-таки требуемъ, а не просимъ. Требуемъ, а не просимъ!..“

Вникните, даумайтесь въ эту фразеологию, такъ мастерски подмѣченную Достоевскимъ, въ эту сумятицу словъ и понятій, въ это сопоставленіе чести и совѣсти со здравымъ смысломъ, въ это удивительное смѣшеніе вѣрныхъ, даже добрыхъ инстинктовъ съ помрачающимъ умъ задоромъ и нахальствомъ, съ этимъ предвзятымъ презрѣніемъ, съ этою ненавистью ко всему *не своему*. Ипполитъ и его слутники не знали, подѣлится ли Мышкинъ своимъ наслѣдствомъ съ Бурдовскимъ (онъ оказалъ ему пособіе), но все же и на всякій случай они сочли не лишнимъ предварительно вылить на него и на всѣхъ присутствующихъ цѣлый ушатъ презрѣнія и ненависти. Они собственно за тѣмъ только и пришли, ибо деньгами не дорожили... Замѣйте также какъ начисто вытравлено изъ этихъ молодыхъ сердецъ понятіе о кровной связи и о томъ что называется честью женщины: о связи

(мнимой) матери Бурдовскаго съ Павлицевымъ при ея сынѣ, да и самъ ея милый сынокъ говорятъ во всеуслышаніе какъ объ одномъ изъ эпизодовъ случайной ковшни. Прибавимъ къ этому что предварительно своихъ „требованій“, оказавшихся ни на чемъ не основанными, одинъ изъ почтенной компаніи счелъ не лишнимъ „обратиться къ благодѣтельной гласности“ и напечаталъ статейку, въ которой смѣшалъ съ грязью и наше „ломѣщище барство“ которое де промоталось на рулеткахъ, и самого отца князя Мышкина, растратившаго будто бы казенныя суммы, и самого молодого Мышкина, который объявленъ былъ идиотомъ, да наконецъ и отца (предполагаемаго) одного изъ „требователей“ Павлицева, челоуѣка идеальнаго по замыслу автора, который былъ провозглашенъ „ловидимому“ (!) лежебокомъ и тунеядцемъ, проводившимъ праздную жизнь за границей въ разныхъ шато-де-флерахъ.

Но все это только пристуль, введеніе, выходная арія Ипполита. Изъ участія къ его болѣзненному состоянію,—у него была чахотка въ послѣдней степенѣ,—Мышкинъ и нѣкоторые другіе изъ числа присутствовавшихъ обласкали его, привали въ немъ сердечное участіе. Чтò же однако? Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ своеобразной „исповѣди“, которую этотъ сынъ своего вѣка лишаетъ чувствуя приближеніе смерти и прочитываетъ въ присутствіи многихъ поименованныхъ въ ней en toutes lettres. Толкаясь между всякаго рода людьми, лишаетъ онъ:

„... Я не понималъ какъ эти люди, имѣя столько жизни, не умѣютъ сдѣлаться богатыми; впрочемъ не понимаю и теперь. Я зналъ одного бѣдняка, про котораго мнѣ потомъ разказывали что онъ умеръ съ голоду, и помню это вывело меня изъ себя: еслибы можно было этого бѣдняка оживить, я бы кажется казнилъ его!... Мнѣ иногда становилось легче на дѣлыя недѣлы и я могъ выходить на улицу; но улица стала наконецъ производить во мнѣ такое озлобленіе что я по дѣлымъ днямъ нарочно сидѣлъ взаперти, хотя и могъ выходить какъ и всѣ. Я не могъ выносить этого швыряющаго, суемящагося, вѣчно озабоченнаго, угрюмаго и встревоженнаго народа, который свалъ около меня по тротуарамъ. Къ чему ихъ вѣчная печаль, вѣчная ихъ тревога и суета, вѣчная угрюмая злость ихъ, потому что они злы, злы, злы?“

Да не подумаютъ что Ипполита мучить желаніе нажить богатство, что онъ приходитъ въ бѣшенство отъ того что не успѣеть сдѣлаться милліонеромъ. Отнюдь нѣтъ. Онъ вовсе не корыстолюбивъ. Еслибы на него упалъ золотой дождь, онъ сталъ бы отъ него отмахиваться... потому что богатство лишило бы его возможности ненавидѣть богатыхъ, а если онъ любитъ что-нибудь въ мірѣ, то это свою ненависть, ненависть которою пропитано все существо его. Онъ очевидно принадлежалъ къ числу тѣхъ несчастныхъ которые, по словамъ Достоевскаго, „чувствуютъ“ страшную и непрерывную потребность быть и чувствовать себя постоянно обиженными. Они злы, злы, злы, шелчетъ онъ, и это доставляетъ ему наслажденіе, это даетъ ему предлогъ ненавидѣть этихъ будто бы злыхъ людей... Не тѣмъ же ли побужденіемъ руководятся и многіе другіе изъ числа радѣтелей общаго блага, обличителей, печальниковъ Русскаго народа? Увѣряютъ что они богаты любовью, но ихъ любовь подбита злобой, сквозь нее просвѣчиваютъ ненависть и презрѣніе, которыя гонятъ ихъ на задніе дворы жизни раскапывать находящіяся тамъ сорныя ямы и злорадоваться всякой мерзости; да, они рады ей? Но пойдемте дальше. Мы видѣли какъ Ипполитъ относится къ людямъ вообще, къ человеческой массѣ; вотъ его отношенія къ отдѣльнымъ личностямъ и притомъ къ такимъ которыя не оскорбляютъ его зрѣющимъ своего богатства и благополучія:

„Рядомъ съ вами бѣгаетъ и суетится съ утра до ночи какой-нибудь несчастный сморчокъ изъ *благородныхъ*, Иванъ Омичъ Суриковъ, въ нашемъ домѣ надъ нами живетъ,—вѣчно съ продранными локтями, съ обсылавшимися ягуговидами, у разныхъ людей на посылкахъ по чьимъ-нибудь порученіямъ, да еще съ утра до ночи. Разговоритесь съ нимъ: „бѣдень, нищъ и убогъ; умерла жена, лѣкарство купить было не на что, а зимой заморозили ребенка; старшая дочь на содержаніе пошла...“ вѣчно хвываетъ, вѣчно плачется! О, никакой, никакой во мнѣ не было жалости къ этимъ дуракамъ, ни теперь, ни прежде, я съ гордостью это говорю.“ Когда у этого Сурикова умеръ ребенокъ отъ холода и голода, „я, пишетъ Ипполитъ, поднялся къ нему наверхъ чтобы посмотреть какъ тамъ они *заморозили*, по его словамъ, ребенка“.... „Мать моя, говоритъ далѣе это чудовище, трелетала предъ моими приказаніями; она была меньшихъ своихъ дѣтей за

то что они иногда безпокоили меня своимъ крикомъ: то-то должно-быть они меня любятъ!“

У Ипполита былъ пріятель, гимназистъ, добрый мальчикъ, благоговѣвшій предъ нимъ: О немъ онъ выражается такъ: „Вѣрнаго Колю, какъ я его прозвалъ, я тоже, думаю, мучилъ порядочно. Въ послѣднее время и онъ меня мучилъ: все это было натурально; люди и создавы чтобы другъ друга мучить. Но я замѣтилъ что онъ переноситъ мою раздражительность такъ какъ будто далъ себѣ слово падать больнаго. Естественно, это меня раздражало; но кажется онъ вздумалъ подражать князю (Мышкину) въ *христіанскомъ смиреніи*, что было уже нѣсколько смѣшно“... Въ заключеніе еще одна черта. Этотъ господинъ, съ такимъ гордымъ цинизмомъ открывающій предъ публикой свои вонючія раны, котораго я такъ высоко подымаю въ собственныхъ его глазахъ, заммшляетъ однако потѣшить эту публику зрѣлищемъ своего самоубійства. По прочтеніи исповѣди онъ выхватываетъ изъ кармана пистолеть и спускаетъ курокъ... Но, о ужасъ! Онъ забылъ надѣть капсюлю; выстрѣла разумѣется не послѣдовало и „герой нашего времени“ едва не застрѣливается отъ стыда, отъ страха что его осмѣютъ...

Это карриатура, скажутъ, такихъ людей не бываетъ. Нѣтъ, это не карриатура; ихъ не писалъ Достоевскій. Онъ вообще клалъ краски густо; мы можемъ возражать противъ сценъ изъ коихъ приведены нами выписки, можемъ находить невѣроятнымъ чтобы человекъ десять не безумныхъ людей допустили въ присутствіи своемъ разыгрывать такіа безумныя сцены, но мы не имѣемъ права сказать чтобы въ человекѣ въ которомъ вытравлена потребность любви безъ остатка, а самоубійствіе развито до послѣдней стелени, который не признаетъ ничего надъ своимъ я, чтобы такой человекъ не былъ способенъ мыслить и чувствовать какъ Ипполитъ Терентьевъ. Нѣтъ, этотъ Ипполитъ вѣренъ себѣ съ начала до конца. Можно пожалѣть только что онъ выведенъ въ романѣ Достоевскаго въ качествѣ лишь второстепеннаго лица, что авторъ не разработалъ этотъ типъ во всей подробности, видно однако что этотъ типъ очень занималъ Достоевскаго. Много общихъ съ Ипполитомъ чертъ находимъ мы въ героѣ романа *Преступленіе и Наказаніе*, а слѣдующая черта, заимствованная изъ *Идіота* же, изъ извѣстной уже намъ *исповѣди*, какъ разъ приходится къ портрету занимающаго насъ субъекта: „Съ

недѣлю назадъ, пишетъ Ипполитъ, ко мнѣ приводили студента, Кислородова; по убѣжденіямъ своимъ онъ матеріалистъ, атеистъ и вигилистъ, вотъ почему я именно его и позволяю: мнѣ надо было человѣка который бы сказалъ мнѣ наконецъ голую правду, не вѣжничая и безъ церемоніи.“ Кислородовъ точно такъ и поступилъ. Онъ сказалъ Ипполиту что ему не прожить болѣе мѣсяца, но что онъ можетъ умереть и гораздо ранѣе, даже завтра, каковое пріятное заявленіе свое подкрѣпилъ свѣжими примѣрами, и все это, пишетъ Ипполитъ, „Кислородовъ сообщалъ мнѣ даже съ нѣкоторою щеголеватостью безчувствія и неосторожности, какъ будто дѣлая мнѣ тѣмъ честь, то-есть показывая тѣмъ что принимаетъ и меня за такое же всеотрицающее высшее существо какъ онъ самъ, которому умереть, разумѣется, ничего не стоить“... Неправда ли что этотъ Кислородовъ дополняетъ самого Ипполита, и что еслибы роли ихъ перемѣнились, то послѣдній объявилъ бы первому свой медицинскій приговоръ съ неменьшею „щеголеватостью безчувствія“?

Да, весьма жаль что Достоевскій не успѣлъ окончить своихъ этюдовъ надъ нынѣшнимъ „новымъ человѣкомъ“, надъ „матеріалистомъ, атеистомъ и вигилистомъ“. Но знаменитый романистъ-мыслитель набросалъ столько такихъ характеристическихъ чертъ этого типа что, кажется, такъ бы и дописалъ неконченный портретъ. Вообразимъ, напри- мѣръ, что Ипполитъ какимъ-нибудь чудомъ выздоровѣлъ. Вѣроятно съ восстановленіемъ его здоровья, нѣсколько, лишь нѣсколько, уменьшилась бы душившая его злоба. Но вкусивъ сладость бытія, онъ вѣроятно пожелалъ бы испытать наслажденія жизни, не тѣ которыя доставляетъ ненависть сердцу насыщенному злобой. А въ такомъ случаѣ его уже не удовлетворила бы бѣдность соединенная съ правомъ ненавидѣть богатыхъ, и тогда, спрашивается, что помѣшало бы ему слѣдовать по пути Юхондовыхъ и ему подобныхъ? Не общественное ли мнѣніе?.. Онъ изъ тѣхъ которые говорятъ: „я самъ себѣ общественное мнѣніе.“

Но точно ли Ипполитъ Терентьевъ есть не случайная, единичная личность, а тиль и при томъ тиль современный, „герой нашего времени“? Если все выше сего изложенное не достаточно убѣждаетъ въ томъ, пусть читатель припомнитъ и поставитъ предъ своимъ воображеніемъ: Евгенія Овѣгуна „съ его озлобленнымъ умомъ“, съ его душой „самолюбивой

и сухой“, Печорина съ умомъ еще болѣе озлобленнымъ, съ эгоизмомъ и самолюбіемъ развитыми до крайнихъ предѣловъ, а затѣмъ Базарова и Марка Волохова, и онъ наглядно убѣдится что всѣ эти четыре типа родственны между собою, что они составляютъ послѣдовательное и логическое развитіе одного и того же причиннаго явленія и, наконецъ, что въ этомъ ряду знаменательныхъ и неоспоримо историческихъ типовъ послѣднимъ результатомъ всѣхъ предшествующихъ является Ипполитъ Терентьевъ.

Да притомъ не удовлетворяетъ ли онъ послѣднему, самоновѣйшему идеалу человѣка, идеалу отрицательно рисующемуся въ сатирахъ г. Щедрина?

П. ЦЕВБАЛЬСКІЙ.

Варшава,
іюль 1882.

II

Патріархъ Никонъ въ дѣлѣ исправленія церковныхъ книгъ и обрядовъ. Высокопреосвященнѣйшаго Макарія митрополита Московскаго. Москва, 1881.

Историческое изслѣдованіе дѣла патріарха Никона. Составилъ по официалнымъ документамъ Н. Гиббенетъ. Часть первая. С.-Петербургъ, 1862.

Появившееся недавно изслѣдованіе г. Гиббенета и послѣдній ученый трудъ высокопреосвященнаго Макарія значительно измѣняютъ существовавшій до сихъ поръ взглядъ на дѣло исправленія нашихъ церковныхъ книгъ въ XVII столѣтіи и на дѣятельность и характеръ патріарха Никона. Въ этихъ двухъ изданіяхъ наша историческая наука получаетъ важное приобрѣтеніе, значеніе котораго легко оцѣнить каждый образованный человѣкъ, сколько-нибудь знакомый съ русскою исторіей. По документамъ напечатаннымъ теперь г. Гиббенетомъ съ подлинныхъ рукописей хранящихся въ государственномъ архивѣ и по ученой монографіи незабвеннаго историка Русской церкви, личность и дѣла знаменитаго іерарха и сотрудника царя Алексѣя Михайловича представляются въ новомъ свѣтѣ.

До сихъ поръ наши историки, по недостаточному знакомству съ современными эпохѣ документами и по излишней

довѣрчивости къ писаніямъ раскольниковъ и разказамъ иностранцевъ, основаннымъ большею частію на тѣхъ же пристрастныхъ отзывахъ, представляла Никона главнымъ виновникомъ раскола, вызваннаго, какъ утверждали, его церковными нововведеніями, ненасытнымъ честолюбцемъ, стремившимся поставить патріаршество въ положеніе папской власти, и наконецъ человекомъ строптивымъ и неуживчивымъ, котораго гордость успѣла отвратить отъ него даже глубоко религіознаго, благодушнаго и сердечно расположеннаго къ нему царя Алексѣя Михайловича. Теперь, съ появленіемъ въ свѣтъ указанныхъ нами изданій, все это должно быть признано если не вполне невѣрнымъ, то по крайней мѣрѣ чрезвычайно преувеличеннымъ. Письма царя и патріарха, указы и показанія, напечатанныя безъ пропусковъ и измѣненій въ сборникъ г. Гиббелета, а также множество несомнѣнныхъ фактовъ въ книгѣ высокопреосвященнаго Макарія и его критическія, въ высокой степени мѣткія соображенія показываютъ что обвиненія противъ патріарха Никона принимались до сихъ поръ нашими историками безъ достаточной критической провѣрки, а иногда даже съ явнымъ предубѣжденіемъ и предвзятымъ взглядомъ, отчего замѣчательная личность и дѣйствія знаменитаго русскаго іерарха представлялись въ ложномъ видѣ. Чтобы выяснитъ все это, необходимо припомнитъ главные обстоятельства изъ жизни Никона, предшествовавшія такъ-называемой церковной реформѣ.

Сынъ крестьянина Нижегородской области, Никонъ въ ранней молодости выучился грамотѣ и церковной службѣ, на двадцатомъ году отъ рожденія сдѣлался священникомъ, потомъ постригся въ монахи и вскорѣ избранъ игуменомъ Кожеозерской пустыни. Въ Москвѣ, куда онъ пріѣхалъ по монастырскимъ дѣламъ, узналъ его молодой государь Алексѣй Михайловичъ и полюбилъ за прямоту нрава, энергію и ученость. Никонъ переведенъ былъ настоятелемъ въ московскій Новоспасскій монастырь и вскорѣ такъ сблизился съ царемъ что еженедѣльно пріѣзжалъ во дворецъ бесѣдовать съ государемъ и печаловаться ему за бѣдныхъ. Прошло три года. Когда престарѣлый митрополитъ Новгородскій Афоній по слабости силъ удалился на покой, преемникомъ ему Алексѣй Михайловичъ назначилъ Никона. Съ этого времени начинаются труды его на пользу церкви. Прежде всего онъ установилъ порядокъ въ церковной службѣ, запретивъ читать въ

церквахъ, какъ это водилось до той поры, двумъ чтецамъ одновременно, и ввелъ въ своей епархіи чтеніе единогогласное; затѣмъ устроилъ хоръ пѣвчихъ и ввелъ пѣніе кievскаго и греческаго пѣтiвa, для чего выписалъ регентовъ изъ Малороссіи и Греціи. Хотя такіа перемѣны и не всѣмъ нравились, но онѣ одобрены были государемъ, и какъ согласныя съ правилами древней церкви, утверждены совѣстнымъ въ Москвѣ церковнымъ соборомъ. Въ 1652 году скончался патріархъ Іосифъ. Духовныя лица заправлявшія церковными дѣлами при слабомъ іерархѣ желали видѣть на патріаршемъ престолѣ своего единомышленника, протопопа Благовѣщенскаго собора Стефана Воиноватова, но единогогласною волею царя, синклита и всего народа, Никонъ избранъ былъ на патріаршество. При объявленіи ему объ этомъ избраніи онъ долго колебался и уступилъ тогда только, какъ царь и весь священный соборъ, приклонясь къ землѣ, со слезами просили его принять санъ патріарха. Но соглашаясь принять „великое архіерейство“, Никонъ ввелъ обѣщаніе съ царя и всѣхъ присутствовавшихъ что они „будутъ свято исповѣять евангельскіе догматы, правила святыхъ апостоловъ и святыхъ отцовъ и законы благочестивыхъ царей, и слушать первосвятителя, какъ пастыреначальника и отца крайнѣйшаго.“ Царь и всѣ бывшіе во храмѣ дали обѣщаніе. Отношенія между государемъ и патріархомъ становились все болѣе близкими и сердечными. Алексѣй Михайловичъ осыпалъ Никона щедрыми жалованіями, въ письмахъ своихъ величалъ его „возлюбленнымъ любимцемъ и собинымъ другомъ“, а по возвращеніи изъ Смоленскаго похода, желая выразить ему благодарность за полеченіе о царскомъ семействѣ во время бывшаго въ Москвѣ мороваго повѣтрія, наградилъ его титуломъ „великаго государя“.

Какія же дѣянія Никона породили ему непримиримыхъ враговъ при жизни и въ продолженіе двухъ вѣковъ послѣ смерти вызывали, да и теперь еще вызываютъ тяжкіа нареканія на его память?

Главное обвиненіе противъ Никона состоитъ въ томъ что онъ своими крутыми, несвоевременными и не допускавшими никакого послабленія нововведеніями произвелъ пагубный расколъ въ православной церкви, тяжело отразившійся на значительной массѣ русскаго общества. Теперь изъ книги высокопреосвященнаго Макарія можно ясно видѣть что

починъ въ дѣлѣ церковной реформы не принадлежить Никому, что его „новшества“ были скорѣе возстановленіемъ старыхъ, временно только искаженныхъ порядковъ и что въ отношеніи къ своимъ невѣжественнымъ и дерзкимъ противникамъ оны, не смотря на пылкость своего характера, обнаруживалъ спокойствіе и уступчивость. Косаясь нѣкоторыхъ подробностей. На безчиніе въ отправленіи богослуженія происшедшее отъ „многогласія“ и отъ „домоваго“ лѣвія, возставали еще Стоглавый соборъ, патріархъ Гермогенъ и даже нѣкоторые свѣтскіе люди, какъ напримѣръ бояринъ Федоръ Ртищевъ. Уже патріархъ Іосифъ издалъ постановленіе о единоголосномъ чтеніи и согласномъ лѣвіи въ церквахъ, и слѣдовательно Никонъ, утверждая это рѣшеніе сперва въ Новгородской епархіи, а потомъ и во всей Россіи, слѣдовалъ только давно сознаваемой потребности въ церковномъ благочиніи. Дальнѣйшія дѣла Никона при исправленіи церковныхъ книгъ и обрядовъ имѣютъ такой же смыслъ. Греческіе іерархи и духовныя лица, пріѣзжавшія въ Москву, замѣчали въ нашей церкви разность отъ чина и обрядовъ греческой церкви и указывали на это патріарху. Особенно обратило ихъ вниманіе новшество относительно двуверстія крестнаго знаменія, вопреки Стоглавому собору проникшее въ народъ чрезъ нѣкоторыя богослужебныя книги изданныя при патріархѣ Іосифѣ. Въ афонскихъ монастыряхъ двуверстіе признано было ересью, и бывший въ Москвѣ назаретскій митрополитъ высказался въ томъ же смыслѣ царю Алексѣю Михайловичу и патріарху Іосифу. Введеніе такимъ образомъ трехперстное крестное знаменіе Никонъ возстановлялъ то что существовало въ греческой церкви и цѣлые вѣка было въ обычаѣ у Русскаго народа, и слѣдовательно тутъ не принималось, а устранялось по незнанію возникшее новшество. Между тѣмъ читая найденную имъ въ книгохранилицѣ подлинную грамоту объ учрежденіи патріаршества въ Россіи, подписанную всеми восточными патріархами, Никонъ нашелъ въ ней наставленіе „потреблять всякую козину въ оградѣ церкви, слѣдовать уставамъ св. отцовъ и чему изучились отъ нихъ хранить не поврежденнымъ, безо всякаго приложенія или отъятія“. Пораженный мыслью, не допущено ли у насъ какого-нибудь отступленія отъ православнаго греческаго закона, оны началъ разсматривать Символь Вѣры и убѣдился что въ славянскомъ текстѣ есть несогласіе съ древнимъ

греческимъ. Сознвая своимъ долгомъ быть во всемъ согласнымъ съ восточными патріархами и потреблять всякія новины, Никонъ рѣшился на полное очищеніе церковныхъ книгъ и обрядовъ отъ проникшихъ въ нихъ новшествъ. Еще при патріархѣ Іосифѣ предпринято было исправленіе книгъ, но оттого что дѣло поручено было людямъ не свѣдущимъ и ошибки исправлялись только по рукописямъ славянскимъ, безъ сличенія съ греческими подлинниками, въ новыхъ изданіяхъ къ прежнимъ искаженіямъ прибавились новыя, внесенныя по невѣжеству справщиковъ. Патріарху предстояло дѣло прежде него начатое и испорченное по неумѣию. Никонъ принялся за него осторожно и благоразумно.

По просьбѣ патріарха, царь Алексѣй Михайловичъ въ 1654 году созвалъ въ Москвѣ соборъ изъ высшаго духовенства, которому предложенъ былъ на рѣшеніе вопросъ: слѣдовать ли новымъ печатнымъ служебникамъ или греческимъ и нашимъ старымъ? На это всѣ единогласно отвѣтили что „достойно и праведно исправить противъ старыхъ, харатейныхъ и греческихъ“. Затѣмъ Никонъ предложилъ цѣлый рядъ вопросовъ относительно обрядовъ богослуженія, въ которыхъ найдено отступленіе отъ старыхъ уставовъ, и соборъ также рѣшилъ устранить новшества и возвратиться къ старому чину, согласно съ нашими древними и греческими книгами и уставами. „Патріархъ Никонъ, лишетъ высокопреосвященный Макарій, отнюдь не навязывалъ собору своихъ мыслей, онъ только наломнилъ своимъ соластырямъ, отцамъ собора, ихъ священный долгъ хранить неизмѣнно все преданное сватыми апостолами, сватыми соборами и сватыми отцами, и потреблять всякія новины въ церкви, а потомъ указалъ въ-которыя новины въ нашихъ тогдашнихъ книгахъ и церковныхъ обычаяхъ.“ Изъ всего собора только одинъ еписколъ Коломенскій Павелъ не согласился признать указанные Никономъ обряды новинами, что и заявилъ въ своей подписи подъ соборнымъ уложеніемъ. Этотъ протестъ заставилъ Никона думать что въ такомъ важномъ дѣлѣ какъ исправленіе нашихъ церковныхъ книгъ и обрядовъ недостаточно одного рѣшенія русскаго духовенства, а слѣдуетъ обратиться за помощью къ восточнымъ православнымъ іерархамъ. Съ этою цѣлью онъ послалъ грамоту къ Цареградскому патріарху Паисію съ изложеніемъ признанныхъ нашимъ соборомъ новинъ, прося разсудить вмѣстѣ съ прочими

патріархами и архіереями о замѣченныхъ въ нашихъ книгахъ разностахъ, приче́мъ уломянулъ что неученые люди считаютъ эти новины истинной и тѣмъ производятъ смуту и возжигаютъ ненависть. Въ то же время царь и патріархъ приказали собрать изъ монастырскихъ книгохранилищъ древнія харатейныя рукописи и отправили нарочнаго со мною милостивей на Аѳонъ и въ другія мѣста на Востокъ за книгами греческими, какихъ въ Россіи было не много. Вслѣдствіе этого изъ аѳонскихъ монастырей, изъ Александріи, Антиохіи и другихъ мѣстъ доставлено было нѣсколько сотъ древнихъ греческихъ книгъ, а для сличенія ихъ съ нашими книгами призваны были люди хорошо знакомые со славянскимъ и греческимъ языкомъ: іеромонахъ Елифаній Славенцикій изъ кіево-братскаго училища, келарь Сергіевской лавры Арсеній Сухановъ, архимандритъ аѳонскаго Иверскаго монастыря Діонисій и старецъ Арсеній Грекъ. Такъ какъ отвѣтъ отъ Константинопольскаго патріарха замедлился, то Никонъ созвалъ новый соборъ, на которомъ присутствовали незадолго предъ тѣмъ прибывшіе два патріарха, Антиохійскій Макарій и Сербскій Гавріилъ. На этомъ соборѣ Макарій заявилъ о недостаткахъ и новизнахъ въ русскихъ церковныхъ обрядахъ, приче́мъ занялись разсмотрѣніемъ греческихъ и славянскихъ рукописей и „обрѣтоша древнія греческія съ ветхими славянскими книгами во всемъ согласующася; въ новыхъ же московскихъ печатныхъ книгахъ съ греческими и славянскими древними многая несогласія и погрѣшенія“. При этомъ соборъ постановилъ напечатать исправленный уже съ древними книгами „Служебникъ“ и приступить къ исправленію и прочихъ богослужебныхъ книгъ, въ которыхъ находились погрѣшности. На этомъ соборѣ, по извѣстіямъ, были уже несогласные на реформу, которые впрочемъ заявляли свой протестъ только молчаніемъ. Слуста полтора мѣсяца, получено было наконецъ въ Москвѣ посланіе патріарха Паисія. Эта отвѣтная грамота, подписанная кромѣ патріарха двадцатью четырьмя митрополитами и нѣсколькими другими духовными лицами, была составлена въ такомъ благопріятномъ для Никона смыслѣ что послужила ему главною опорой и оправданіемъ въ дѣлѣ исправленія книгъ и обрядовъ. Онъ приказалъ напечатать посланіе Паисія при книгѣ *Скрижалъ*, переведенной съ греческаго языка. Въ недѣлю православія, когда царь и находившееся въ Москвѣ знатнѣйшее духовенство

собрались на торжество въ Успенскій соборъ, патріархи Макарій Аятіохійскій и Гавріилъ Сербскій и митрополитъ Никейскій Григорій стали предъ государемъ и его свѣкатомъ, и провозгласивъ торжественно что крестное знаменіе подобаетъ изображать тремя перстами, изрекли анафема на упорныхъ послѣдователей двуперстія. Такимъ образомъ первое проклятіе на „воздвизающихъ лрю“ произнесено было не Никомъ, не русскими архіереями, а тремя восточными іерархами. Послѣ того Никонъ созвалъ, въ апрѣлѣ 1658 года, новый соборъ, на которомъ и присутствовали три митрополита, четыре архіепископа, одинъ епископъ, двадцать два архимандрита, семь игуменовъ, одинъ строитель и одинъ наѣвстникъ. Этотъ соборъ русскихъ святителей одобрилъ представленную ему *Скрижалю* и подтвердилъ изреченное восточными іерархами проклятіе на виновныхъ церкви послѣдователей двуперстіяго крестнаго знаменія. Особому собору изъ тѣхъ же русскихъ и иноземныхъ святителей предложено было обсудить поступки гавріила противника совершавшейся реформы, протопопа московскаго Казанскаго собора Ивана Неронова, который постоянно вооружался противъ исправленія церковныхъ книгъ и обрядовъ и вносилъ раздоръ въ церковь. Обсудивъ представленныя на него обвиненія, соборъ рѣшилъ „отсѣчь“ Неронова съ его единомышленниками отъ св. церкви и предалъ проклятію. Такимъ образомъ, говоритъ высокопреосвященный Макарій, „соборъ изрекъ проклятіе вообще на единомышленниковъ Неронова какъ на покоряющихся церкви: съ этого собора началось дѣйствительное отдѣленіе русскихъ раскольниковъ отъ православной церкви, начался русскій расколъ“.

Что Никонъ, исправляя искаженныя при его предшественникахъ книги и обряды и изрекая проклятіе на упорныхъ фанатиковъ, не терялъ изъ виду единства церкви и готовъ былъ на соглашеніе со старообрядцами, это вполнѣ выясняется изъ поступка его съ тѣмъ же протопопомъ Нероновымъ. Сосланный въ отдаленную обитель, этотъ упрямый противникъ патріарха переписывался оттуда съ подобными ему фанатиками, видался съ ними лично, хулилъ Никона въ письмахъ къ царю и царицѣ и наконецъ самовольно ушелъ изъ ссылки въ Москву, гдѣ тайно постригся и привалъ има Григорія. Но какъ скоро онъ явился къ патріарху съ повинною, соединился съ церковью и локорился церковной власти,

Никонъ отвѣсся къ нему крайне снисходительно. Вотъ что находимъ въ книгѣ митрополита Макарія:

Однажды Григорій сказалъ Никону: „иностранныя (греческія) власти нашихъ служебниковъ не хулятъ (Нероновъ разумѣлъ служебники которыхъ самъ держался, напечатанные до служебника Николова), но и похваляютъ“. И Никонъ отвѣчалъ: „*обои де добры* (то-есть и прежде напечатанные и новоисправленные), *все де равно по коимъ хочешь по тѣмъ и служили*“. Григорій сказалъ: „я старыхъ де добрыхъ и держуся“ и, принявъ отъ патріарха благословеніе, вышелъ. Вотъ когда началось единовѣріе въ Русской церкви! Самъ Никонъ благословилъ его и дозволилъ первому и главному вождю появившагося у насъ раскола, старцу Григорію Неронову, какъ только онъ покорился церкви, совершать богослуженіе по старопечатнымъ служебникамъ... Отсюда можемъ заключать что еслибы продолжилось служеніе патріарха Никона и онъ скоро не оставилъ бы своей кафедры, то онъ можетъ-быть дозволилъ бы и всѣмъ единомышленникамъ Неронова, приверженцамъ старопечатныхъ книгъ, то же самое что дозволилъ Неронову, лишь бы только они покорялись церкви и церковной власти. И тогда, сохраняя единство православной вѣры и подчиняясь одной и той же церковной іерархіи, Русскіе одни совершали бы службы по новоисправленнымъ книгамъ, а другіе по книгамъ исправленнымъ и напечатаннымъ прежде, не смотря на всѣ разности между ними... Такимъ образомъ расколъ начавшійся при Никонѣ мало-по-малу прекратился бы и на мѣсто его водворилось бы такъ-называемое *нѣмѣ* единовѣріе.

Всматриваясь вообще въ дѣятельность патріарха Никона по исправленію церковныхъ книгъ и обрядовъ, приходимъ къ убѣжденію что онъ не затѣвалъ никакихъ особенныхъ нововведеній, а только съ большимъ умомъ, послѣдовательностью и энергіей продолжалъ дѣло совершавшееся при его предшественникахъ. Онъ желалъ только исправить книги основательнѣе, не по однимъ только славянскимъ спискамъ, но и по древнимъ греческимъ подлинникамъ. Принялся онъ за это не по личной прихоти, но по сознаваемой уже ранѣе образованными русскими людьми потребности и по настоянію восточныхъ іерарховъ замѣтившихъ въ Русской церкви отклоненія отъ правилъ и чина ея матери, церкви Греческой, и оцасавшихся вредныхъ послѣдствій отъ такого разногласія, которое могло повести даже къ открытому разрыву. Исправленіе книгъ Никонъ началъ не по произволу, а по рѣшенію и указанію двухъ соборовъ, Московскаго и Константинопольскаго, и напечатанныхъ вновь исправленныхъ книгъ не

выпускалъ въ народъ пока оны не были внимательно пересмотрѣны, и одобрены цѣлымъ соборомъ. Проклятіе на противниковъ церковной власти положилъ оны также съ согласія собора и притомъ послѣ того какъ уже на нихъ изрекли анаемею восточные іерархи. Но проклинаа недовинующихся церкви приверженцевъ старыхъ книгъ и обрядовъ, Никонъ отнюдь не проклиналъ самихъ этихъ книгъ и обрядовъ, дозволилъ двойную и тройную аллелюю въ самомъ Успенскомъ соборѣ и заявилъ что Богу можно служить одинаково какъ по старымъ, такъ и по новоисправленнымъ книгамъ. Отсылая отъ церкви недовинующихся ей, оны принималъ съ миромъ возвращавшихся отщепенцевъ, предоставляя имъ молиться по старымъ служебникамъ. Энергически совершая необходимую реформу по исправленію церковныхъ книгъ и обрядовъ, оны въ то же время открывалъ широкій путь къ соглашенію съ тѣми которые по невѣжеству или личному нерасположенію не хотѣли понять его цѣлей. „Къ крайнему сожалѣнію, говоритъ высокопреосвященный Макарій, по удаленію Никона съ кафедры обстоятельства совершенно измѣнились. Проповѣдники раскола нашли себѣ въ наступившій періодъ междупатріаршества сильное покровительство; начали рѣзко нападать на церковь и ея іерархію, возбуждать противъ нея народъ, и своею возмутительною дѣятельностью вынудили церковную власть употребить противъ нихъ каноническія мѣры.“ И тогда-то вновь возникъ, образовался и утвердился тотъ русскій расколъ который существуетъ доселѣ и который сѣдовательно въ строгомъ смыслѣ получалъ свое начало не при Никонѣ, а уже послѣ него.

На Никонъ тяготѣетъ до сихъ поръ другое также обвиненіе: не только враждебные ему современники, бояре и духовныя лица, но даже недавніе историки утверждали будто этотъ честолюбивый и гордый человекъ, поднявшись на высшую ступень церковной іерархіи въ Россіи, мечталъ доставить патріаршеству большее или меньшее вліяніе на государственныя дѣла, на подобіе папской власти, и даже покушался на антагонизмъ съ самодержавною волей царя. Мотивовъ для этого приводилось не мало. Не говоримъ уже о клеветѣ иностранныхъ писателей утверждавшихъ будто Никонъ тайно принялъ католицизмъ и находился въ сношеніяхъ съ римскимъ папой: это недѣльное обвиненіе не имѣетъ никакого основанія и опровергается отзывомъ греческихъ

архиластырей судившихъ патріарха въ Москвѣ, которые при всей суровости своихъ отношеній къ нему не нашли ни малѣйшаго повода сомнѣваться въ его православіи, а напротивъ засвидѣтельствовали твердость его во всѣхъ догматахъ восточной церкви. Не говоримъ и объ отзывѣ Берха, который въ своей *Исторіи царствованія Алексѣя Михайловича* утверждаетъ будто Никонъ своими совѣтами вовлекъ государя въ войну со Швеціей: показаніе это не подтверждается никакими точными историческими документами. Такъ же бездоказательно и свидѣтельство митрополита Платона въ его *Исторіи Русской церкви* будто Никонъ оуждалъ Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, на основаніи котораго учрежденъ былъ монастырскій приказъ, гдѣ засѣдали мірскіе люди имѣвшіе право судить духовныхъ лицъ. Обратимся къ тому что кажется болѣе правдоподобнымъ. Многіе думаютъ что Никонъ, отказываясь при избраніи его на патріаршество принять этотъ санъ, дѣйствовалъ притворно и желалъ только, подобно Борису Годунову, чтобъ его больше и крѣпче просили и слѣдовательно въ послѣдствіи больше и дорожили имъ. Иначе будто бы онъ не могъ взять съ царя и сынацита того обѣщанія объ исполненіи догматовъ и повиновеніи первосвятителю, о чемъ мы уже сказали прежде. Насколько справедливо такое мнѣніе, рѣшить невозможно, но если Никонъ, какъ и Борисъ Годуновъ, хотѣлъ только своимъ отказомъ пріобрѣсть больше силы и тверже упрочить свое положеніе, то послѣдствія показали что онъ такъ же ошибся какъ и тотъ съ кѣмъ его сравниваютъ. Враждебные Никону бояре, по словамъ историка Соловьева, внушали государю что патріархъ захватилъ большую власть, что онъ не довольствуется уже равенствомъ съ царемъ, но стремится стать выше его, вступается въ государственныя дѣла и свѣтскіе суды, посылаетъ отъ себя указы помимо государя и что посланцевъ патріаршихъ боятся больше чѣмъ царскихъ. Мы не знаемъ съ точностію какія могли быть представлены доказательства въ подтвержденіе всѣхъ этихъ обвиненій, и въ разказѣ Соловьева это представляется не выясненнымъ. Намъ извѣстно только одно положительное свидѣтельство, доказывающее будто бы непогрѣзное властолюбіе Никона, именно то что онъ писался „великимъ государемъ“. Но мы знаемъ что этимъ титуломъ самъ государь пожаловалъ патріарха въ благодарность за его заботы о царскомъ семействѣ въ то время когда

Алексѣй Михайловичъ былъ въ походѣ. Чтобы Никонъ домогался самъ этого титула, на то нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ. Напротивъ, вотъ какъ Никонъ возражалъ на высказанное противъ него обвиненіе: „Какъ великій государь пришелъ изъ-подъ Смоленска въ Вязьму, а мы пришли съ государынею царицей, съ государемъ царевичемъ и съ государынями царевнами въ Вязьму же, и онъ, великій государь, со многими моленіемъ говорилъ намъ о семъ чтобы писаться великимъ государемъ, а нашего изволенія на то не было“. Это заявлено было боярину Стрѣшневу, врагу патріарха, и Газскому архіерею Паусію Лигариду, и еслибы слова Никона были несправедливы, то его конечно изобличили бы въ неправдѣ. И въ послѣдствіи, въ одномъ изъ вопросовъ предложенныхъ созванному для суда надъ Никонѣмъ собору, требовалось только опредѣлить, не согрѣшилъ ли патріархъ принявъ данный ему государемъ титулъ. Значитъ онъ виновенъ былъ тѣмъ что не отвергъ предложеннаго ему „со многими моленіемъ“. Но могъ ли онъ отказаться отъ милости того кто считалъ его не только достойнѣйшимъ носителемъ патріаршаго сана, но и своимъ „собаннымъ другомъ и возлюбленнымъ любимцемъ“? Наконецъ одни обвиняли Никона въ томъ что, оставя произвольно патріаршій престолъ, онъ противился избранію новаго патріарха, но изъ различныхъ показаній и собственныхъ его отзывовъ видно совершенно иначе: онъ желалъ только чтобъ избраніе и поставленіе новаго святителя совершенно было съ его участіемъ и чрезъ его рукоположеніе. Едва ли источникомъ такого желанія было одно честолюбіе.

Остается провѣрить еще одно очень распространенное и утвердившееся обвиненіе патріарха Никона въ гордости, строптивости и жестокости характера. Многочисленные факты, какіе мы находимъ по этому предмету въ книгахъ митрополита Макарія и г. Гиббенета, даютъ возможность отнестись къ личности такъ строго осуждаемаго святителя не по однимъ голословнымъ заявленіямъ его противниковъ и не по заключеніямъ историковъ не имѣвшихъ въ рукахъ достаточнаго количества документовъ или судившихъ по неправильно сложившимся личнымъ впечатлѣніямъ. О характерѣ Никона нельзя судить не анализуя его отдѣльно въ два различные періода его святительской жизни: отъ начала его сближенія съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ до

охлажденія между ними и со времени возникших неудовольствій до кончины лишеннаго сана святителя. Крутые переломы и нравственные удары не проходят безслѣдно надъ характеромъ и убѣжденіями человѣка; не остался неизмѣннымъ и нравъ Никона въ борьбѣ съ тѣми враждебными силами которыя онъ встрѣтилъ на своемъ скользкомъ и опасномъ поприщѣ.

До разрыва съ царемъ, въ поступкахъ Никона не видно строптивости и мстительности. Если онъ, по вступленіи въ патриаршество, пересталъ допускать къ себѣ прежде близкихъ людей, протопола Неронова съ единомышленниками, то это не отъ гордости и высокомерія, а потому что эта „братія“ во время отсутствія его въ Соловецкій монастырь за мощами Св. Филиппа митрополита, затѣяла противъ него интригу и при послѣдовавшей тогда кончинѣ патриарха Иосифа хлопотала чтобы Никонъ не сдѣлался его преемникомъ. Когда эти интриганы перешли къ открытой враждѣ, и желая повредить патриарху, подали царю опроверженіе на составленную Никонномъ такъ-называемую *Память духовенству*, въ которомъ обвиняли его въ еретичествѣ, онъ оставилъ этотъ дерзкій поступокъ безъ послѣдствій, тогда какъ имѣлъ полное право потребовать своихъ враговъ на судъ за сопротивленіе архипастырскому распоряженію. Нельзя не удивляться сдержанности Никона когда на соборѣ, созванномъ въ Крестовой Палатѣ по дѣлу муромскаго протопола Логгина, обвиненнаго въ хуленіи иконъ, Нероновъ разразился цѣлымъ потокомъ самыхъ дерзкихъ выходокъ и укоризнъ противъ патриарха, едва позволяя сказать ему нѣсколько словъ. Если эта, въ высшей степени оскорбительная для главы церкви, выходка кончилась ссылкой дерзкаго протопола въ суровое заточеніе на Кубенское озеро, то это состоялось не по личной волѣ Никона, а по рѣшенію всего собора. Доказательствомъ жестокости Никона считаютъ еще ссылку въ Сибирь извѣстнаго фанатика протопола Аввакума. Но могъ ли патриархъ оставить въ Москвѣ человѣка который вопреки канонамъ церкви устроилъ самовольно особую модельню на сушилѣ и переманивалъ туда богомольцевъ изъ Казанскаго собора, говоря что „въ нѣкоторое время и конюшня де цыля церкви лучше“? И притомъ ссылка Аввакума, какъ и Неронова, состоялась по приговору суда послѣ троекратнаго увѣщанія. Но терпѣніе и сдержанность Никона особенно выдавы изъ его

встрѣчи и примиренія съ Нероновымъ, когда этотъ человекъ, худившій патріарха какъ врага Божія, самовольно ушелъ изъ ссылки и постригся въ монахи безъ благословенія и разрѣшенія главы церкви. Когда строптивый протопопъ явился съ повинною къ патріарху, Никонъ спокойно выслушалъ его объясненія, приказалъ очистить ему келью на Троицкомъ подворьѣ и распорядился чтобъ онъ ни въ чемъ не нуждается. Вскорѣ послѣ того Никонъ въ соборной церкви прочелъ разрѣшительныя молитвы, снимавшія съ Неронова, именовавшагося уже старцемъ Григоріемъ, наложенное на него отлученіе. „Въ тотъ же день, читаемъ въ книгѣ высокопреосвященнаго Макарія, устроилъ у себя патріархъ за радостъ мира тралезу, за которую посадилъ Григорія выше всѣхъ московскихъ протопоповъ, а послѣ тралезы, одаривъ Григорія, отпустилъ съ миромъ. Въ слѣдующіе дни Григорій, посѣщая Никона, просилъ разрѣшить узниковъ страждущихъ ради его, Григорія, и патріархъ тотчасъ послалъ грамоты чтобъ освободили всѣхъ ихъ, а Григорію отдалъ всѣ письма какія писалъ онъ на него, Никона, къ царю, къ протопопу Стефану и къ прочимъ духовнымъ братьямъ и примовилъ: „возьми, старецъ Григорій, твои письма“. А между тѣмъ этотъ же старецъ Григорій чрезъ нѣсколько времени при службѣ въ соборѣ, когда патріархъ пошелъ въ алтарь облачатъ, сказалъ царю Алексѣю Михайловичу: „докожь, государь, тебѣ терлѣтъ такого врага Божія? Смutilъ всю землю Русскую и твою царскую честь погралъ и уже твоей власти не слышать.“ Вотъ какіе люди укоряли Никона въ высокомеріи и жестокости, въ то время когда онъ искренно мирился съ ними.

Кромѣ постоянныхъ оскорбленій и клеветъ со стороны бояръ и духовенства, Никонъ не могъ не сгорчиться и нѣкоторыми поступками царя, мало-по-малу поддавашагося вліянію непримиримыхъ враговъ патріарха. Когда Нероновъ бѣжалъ изъ своего заточенія и въ Москвѣ остановился у царскаго духовника Вонифатьева, послѣдній доложилъ о приходѣ ссыльнаго государю, и царь не только не сказалъ о томъ Никону, но еще послалъ грамоты въ Холмогоры съ приказаніемъ освободить задержанныхъ тамъ работниковъ бѣглеца. Конечно, это сдѣлалось потомъ извѣстно патріарху. При встрѣчѣ Грузинскаго царя Теймураза, царскій окольничій Богданъ Хитрово, очищая луть и разгоняя народъ, нанесъ будто бы по неосторожности ударъ палкой

патріаршему стрялчому князю Дмитрію Мещерскому, посланному отъ патріарха для устройства церковнаго чина. Г. Гиббенетъ, разказывая подробно этотъ случай, справедливо замѣчаетъ что окольничій не могъ не знать патріаршаго боярина и, нанося ему ударъ, очевидно хотѣлъ оскорбить самого Никона. Патріархъ тотчасъ же послалъ царю записку въ которой просилъ удовлетворенія за обиду нанесенную его стрялчому. Царь отвѣчалъ что велитъ разслѣдовать дѣло и обѣщалъ повидаться съ патріархомъ, но обѣщаніе не было исполнено и никакого удовлетворенія не послѣдовало. Помянуто какъ это должно было глубоко оскорблять человѣка который долго пользовался не только расположеніемъ, но и дружбой государя. Но вслѣдъ затѣмъ случилось то происшествіе съ котораго начался явный разрывъ между царемъ и патріархомъ и въ которомъ, по словамъ всѣхъ противниковъ Никона, обнаружился его гордый и неуживчивый характеръ. Черезъ нѣсколько дней послѣ встрѣчи царя Грузинскаго именно 10 юля 1658 года, когда патріархъ готовился совершать литургію въ Успенскомъ соборѣ, явился князь Юрій Ромодановскій и сказалъ Никону: „царское величество гнѣвается на тебя и потому не пришелъ ко всемогущей, не велѣлъ ожидать его и къ обидѣ: ты оскорбляешь царя что лишешься великимъ государемъ; у насъ одинъ великій государь-царь“.—Называюсь я, отвѣчалъ Никонъ, великимъ государемъ не собою; этого желалъ и такъ велѣлъ мнѣ называться и писаться его царское величество; у меня есть грамоты писанныя его собственною рукою.—„Царское величество, перебилъ Ромодановскій, почиталъ тебя какъ отца и пастыря, но ты не помялъ и теперь онъ приказалъ сказать тебѣ чтобы ты впредь не писался и не назывался великимъ государемъ и впредь почитать тебя не будетъ“. Эти неожиданныя рѣчи должны были отозваться болѣзненно въ сердцѣ Никона. Отслуживъ литургію, онъ у престола написалъ государю что видя его гнѣвъ, оставляетъ патріаршій престолъ и, выйдя потомъ изъ алтаря, обратился къ народу съ такою рѣчью: „Свидѣтельствую предъ Богомъ, предъ Святою Богородицей и всѣми святыми, еслибы великій государь-царь не обѣщался непременно хранить Св. Евангеліе и заповѣди Св. Апостоловъ и святыхъ отцевъ, то я не помыслилъ бы принять таковой санъ; но великій государь далъ обѣщаніе здѣсь въ храмѣ предъ Господомъ Богомъ, предъ святымъ чудотворнымъ

образомъ Пресвятыя Богородицы и предъ всѣми святыми, предъ всѣмъ освященнымъ соборомъ, предъ своимъ царскимъ синклитомъ и всѣми людьми, и локолку царское величество пребывалъ въ своемъ обѣщаніи, ловиуясь святой церкви, мы терпѣли; теперь же, когда великій государь измѣнилъ своему обѣщанію и на меня гнѣвъ положилъ неправедно, яко же вѣсть Господь, оставляю я мѣсто сіе и градъ сей и отхожу отсюда, дая мѣсто гнѣву“. Послѣ того Никонъ снялъ съ себя патріаршее облаченіе и, не смотря на просьбы властей, уѣхалъ въ Воскресенскій монастырь. Какъ ни рѣзокъ этотъ постулокъ, но едва ли онъ даетъ намъ право слишкомъ строго осуждать Никона. На душѣ его въ послѣдніе годы накопѣло столько горя, незаслуженно перенесъ онъ такъ много оскорбленій что, весьма естественно, самъ не могъ сдержать негодованія при послѣднемъ разразившимся надъ нимъ ударѣ. Могъ ли онъ забыть то что царь, власти и народъ „съ великою нуждой умолиша его на превысочайшій святительскій престолъ“? Не должно ли ему было казаться крайне несправедливымъ что государь почтившій его высокимъ титуломъ теперь безъ вины лишаетъ его этого титула и объявляетъ ему свой гнѣвъ? А это было только начало тѣхъ испытаній какія суждено было пережить Никону. Повѣстно что въ характерѣ его начали проявляться такія черты раздражительности которыя послужили къ обвиненію его въ глазахъ современниковъ и потомства.

Съ отъѣздомъ въ Воскресенскій монастырь начинается такъ-называемое Никоновское дѣло, окончившееся судомъ надъ патріархомъ и лишеніемъ его архипастырскаго сана. Ходъ этого многосложнаго и продолжительнаго дѣла извѣстенъ изъ исторіи, но изслѣдованія г. Гиббенета и собранные имъ историческіе акты представляютъ подробности, рисующія многія обстоятельства въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ ихъ изображали до настоящаго времени.

Въ 1659 году, въ недѣлю Вайи, за отсутствіемъ патріарха, обычное шествіе на ослати совершалъ Крутицкій митрополитъ. Никонъ написалъ по этому случаю царю Алексѣю Михайловичу письмо, съ замѣчаніемъ что митрополиту не слѣдовало этого дѣлать. Для объясненія съ Никономъ по этому поводу посланы были нарочные, и онъ отвѣчалъ имъ что хотя оставилъ патріаршій престолъ, но не лишенъ еще званія патріарха, и если писалъ къ великому государю о

священнодѣйствию въ недѣлю Ваий, то обязанъ былъ сдѣлать это по долгу, „ибо издревле о такихъ дѣлахъ которыя требуютъ исправленія и пустыяники возвыщали благочестивымъ государямъ“. Въ Москвѣ этимъ отвѣтомъ повидимому остались недовольны, потому что вслѣдъ затѣмъ запрещено было духовнымъ лицамъ ѣздить въ Воскресенскій монастырь, и для наблюденія за тѣмъ по дорогамъ поставлены были заставы. Когда Никонъ узналъ объ этомъ, то наряжено было дознание о томъ кто могъ сообщить ему о тайно отданномъ приказаніи, причемъ къ патриарху обращались съ оскорбительными залросами. Въ томъ же году лѣтомъ Никонъ пріѣхалъ неожиданно въ Москву и остановился на Воскресенскомъ подворьѣ. Поводомъ къ этому, какъ онъ самъ объяснялъ, было опасеніе татарскаго нашествія, слухи о которомъ распространились въ народѣ. Но пріѣзда его въ столицу очевидно не желали, можетъ-быть изъ опасенія какого-нибудь волненія, и царь послалъ дьяка Алмаза Иванова сказать патриарху чтобъ онъ ѣхалъ въ Калазинъ монастырь. „Если не угодно царскому величеству, отвѣчалъ Никонъ, пришествіе наше, миръ и благословеніе наше, то мы пойдемъ въ нашъ Воскресенскій монастырь, а въ Калазинъ монастырь я не пойду“. Вообще изъ писемъ Никона къ царю и изъ разговоровъ его съ посланными къ нему отъ царя лицами видно что онъ думалъ о примиреніи съ государемъ, но на этотъ разъ счелъ себя опять оскорбленнымъ приказаніемъ ѣхать въ вѣкотораго рода ссылку, не чувствуя за собою вины. Но во всякомъ случаѣ онъ поступилъ неосторожно, отказавшись исполнить волю государя; и съ тѣхъ лоръ отношенія между ними сдѣлались неоправданными, чѣмъ и не замедлили воспользоваться враги патриарха желавшіе окончательно погубить его.

Въ 1660 году, когда Никонъ былъ въ Крестномъ монастырѣ, царя убѣдили созвать соборъ изъ высшаго русскаго духовенства для суда надъ патриархомъ. Засѣданія духовныхъ властей открылись во дворцѣ, въ Золотой Палатѣ, въ присутствіи государя. Между членами собранія и въ представленныхъ ему показаніяхъ обнаружилось разногласіе относительно того какъ Никонъ отказался отъ патриаршества, навсегда или временно, съ клятвой или безъ клятвы. Самъ Никонъ на соборѣ не былъ, а на спросъ объ этомъ далъ отзывъ что клятвенно отъ патриаршаго престола не отказывался.

Не смотря на то что не всѣ присутствовавшіа на соборѣ лица были враждебно расположены къ Никону, соборъ по выслушаніи свидѣтельскихъ показаній, руководствуясь правилами прежнихъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, положилъ: „Никону, бывшему патріарху, чуждому быти архірейства и чести, и священства, а на вдовствующій престолъ Россійской церкви избрать новаго патріарха, кого благодать Святаго Духа предызбереть и великій государь соблагово- лить“. Но царь не утвердилъ рѣшенія собора и положилъ выслушать мнѣніе бывшихъ тогда въ Москвѣ греческихъ святителей. Греки также призвали Никона виновнымъ въ самовольномъ оставленіи патріаршаго престола, но просили соборъ „оказать ему заслуживаемое по его благочестію снисхожденіе“. Это заявили Пареній митрополитъ Оивскій, Кириллъ архіепископъ Андросскій и Нектарій архіепископъ Панагіатскій, а вмѣстѣ съ тѣмъ за Никона ходатайствовали и ученый Елифаній Славеницкій. Хотя соборъ остался при прежнемъ рѣшеніи, но мнѣніе Грековъ и горячая защита Елифанія повидимому не остались безъ послѣдствій, потому что царь Алексѣй Михайловичъ все еще медлилъ привести въ исполненіе состоявшееся постановленіе.

Враги Никона поняли однако что онъ потерялъ свое прежнее вліяніе и начали дѣйствовать противъ него смѣлѣе. Только-что возвратился онъ изъ Крестнаго монастыря въ любимую свою Воскресенскую обитель, какъ одинъ изъ со- сѣднихъ владѣльцевъ, Иванъ Сытинъ, началъ тяжбное дѣло съ патріархомъ, жалуясь что монастырскіе крестьяне скопили сѣно на его землѣ и самому ему грозятъ поджогомъ и смертью. Въ челобитной ясно высказывалось будто это дѣ- лалось съ вѣдома патріарха. По разслѣдованію жалоба ока- залась ложною, но вмѣстѣ съ тѣмъ дерзость Сытина оста- лась ненаказанною. Вслѣдъ затѣмъ завязалось у Никона но- вое дѣло со стольникомъ Романомъ Бобарыкинымъ, завла- дѣвшимъ монастырскою пустошью и сѣянными покосами. Когда Никонъ, не получа никакого удовлетворенія на свою жалобу объ этомъ захватѣ, приказалъ своимъ крестьянамъ сжечь хлѣбъ и скосить сѣно на отобранной землѣ, Бобарыкинъ билъ челомъ на патріарха за самовольное распоряженіе, при- бавляя что Никонъ умышляетъ убить его. И на произве- денномъ сыскѣ монастырскихъ крестьянъ опрашивали: не было ли со стороны патріарха подстрекательства на убійство

стоальника Бобарыкина. „Можно ли этому повѣрить? пишетъ г. Гиббенетъ. Ни документы, ни самыя обстоятельства дѣла никакихъ доказательствъ о томъ не сообщаютъ... Оба дѣла, и Сытинское, и Бобарыкинское, приводятъ къ тому заключенію что враги Никона неуставно преслѣдовали свои цѣли и намѣреніе сокрушить его до конца“. Никонъ нисколько не превеличивалъ когда писалъ царю Алексѣю Михайловичу: „Не яко святители есмы или яко рабы, но яко рабичища есмы, отъсюду изобижены, отъсюду гонимы, отъсюду утѣсняемы и прочая вся злая намъ случившася за грѣхи наша и есмы смиренн паче всѣхъ человѣкъ“.

Въ 1662 году въ Москву пріѣхалъ Газскій митрополитъ Паисій съ грамотой Константинопольскаго патріарха, въ которой заявлялось что онъ, какъ знающій церковныя правила, можетъ быть полезенъ при изслѣдованіи дѣла о Никонѣ, давно уже смущавшаго восточныхъ іерарховъ. Историкъ Соловьевъ сообщаетъ будто Паисій по пріѣздѣ въ Москву сдѣлалъ попытку примирить патріарха съ царемъ и уговаривалъ Никона возвратиться на патріаршество. По изслѣдованіямъ г. Гиббенета, оказывается напротивъ что съ самаго пріѣзда въ Россію хитрый Грекъ увидѣвъ на чьей сторонѣ сила и нисколько не колеблясь примкнулъ ко враждебной патріарху партіи бояръ и духовенства. Дѣйствительно, этотъ человѣкъ, удаленный за свои вины отъ мѣста въ Газѣ іерусалимской и услѣвшій поддѣлаться къ необразованному и надменному Константинопольскому владыкѣ Паренію, преслѣдовалъ только свои личныя цѣли, и г. Гиббенетъ ясно доказываетъ что „онъ съ самаго появленія своего въ Москвѣ ни попытки, ни намѣренія не имѣлъ водворить миръ въ Русской церкви, помирить патріарха съ царемъ“. Паисій особенно сблизился съ бояриномъ Стрѣшневымъ, проклятымъ Никонѣмъ за то что онъ выучилъ свою собаку благословлять по образу патріарха. Стрѣшневъ составилъ рядъ вопросовъ пунктовъ съ обличеніями противъ патріарха, а Паисій написалъ на нихъ отвѣты. Тѣ и другіе вкратцѣ приведены въ исторіи Соловьева, а теперь въ книгѣ г. Гиббенета они представлены вполнѣ, въ томъ самомъ порядкѣ какъ изложены въ подлинномъ документѣ. Никонъ на вопросы Стрѣшнева и отвѣты Паисія написалъ энергическое возраженіе, въ которомъ съ достоинствомъ и умомъ доказалъ правильность своихъ дѣйствій и опровергъ взведенныя на него обвиненія. Въ послѣдней главѣ книги г. Гиббенета

заключается разказъ о созваніи втораго собора въ Москвѣ по дѣлу Никона и напрасныхъ попыткахъ патріарха къ примиренію съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Окончаніе дѣла должно войти во вторую часть изданія.

Итакъ, всѣ достовѣрные источники и добросовѣстные изслѣдованія показываютъ что причинами необычайнаго возвышенія Никона отъ званія простаго крестьянина, а потомъ сельскаго священника, до высшаго духовнаго сана и дружбы съ государемъ были его умъ, таланты, образованіе и благочестіе. И что же послужило къ охлажденію между царемъ и патріархомъ? Легенда приведенная Татищевымъ и принятая на вѣру Берхомъ объ отлученіи царя Алексѣя Михайловича отъ св. причастія за отказъ простить какого-то осужденнаго дворянина не заслуживаетъ никакого довѣрія. Столько же неправдоподобно и другое мнѣніе Берха, основанное на разказахъ иностранцевъ, будто Никонъ бралъ деньги съ Польскаго короля и Австрійскаго посла Аллегретти, что сдѣлалось извѣстнымъ царю. Ничѣмъ не подтверждается и разказъ митрополита Платона о томъ что патріархъ вызвалъ неудовольствіе государя оужденіемъ Уложенія царя Алексѣя Михайловича, по которому нѣкоторыя духовныя дѣла предоставлялись вѣдѣнію монастырскаго приказа гдѣ засѣдали царскіе чиновники. Основательнѣе объясняетъ этотъ предметъ историкъ Соловьевъ, утверждающій что несогласіе между царемъ и патріархомъ возникло отъ наговоровъ враждебныхъ Никону бояръ. Документы собранные г. Гиббенетомъ и его изслѣдованія, а равно и факты въ сочиненіи знаменитаго историка церкви, митрополита Макарія вполне доказываютъ справедливость этого положенія. Но что же вооружило бояръ противъ Никона? Объяснять это гордостью патріарха, строптивымъ его характеромъ и жестокостью, послѣ новѣйшихъ изслѣдованій, какъ мы видѣли, невозможно, а слѣдовательно вопросъ этотъ въ настоящее время остается еще открытымъ и требуетъ новыхъ разъясненій.

III.

Србија и Порта после бомбардава Београда 1862—67 годовъ (Сербія и Порта послѣ бомбардировки Бѣграда). Мемуары г. Ивана Ристича. Бѣградъ, 1881 года.

Имя автора этихъ воспоминаній достаточно извѣстно многимъ русскимъ читателямъ, хотя бы изъ газетъ, со времени Сербско-Турецкой войны 1876 года, вызвавшей у насъ общественное возбужденіе въ пользу славянства. Г. Ристичъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ сербскихъ дѣятелей которые получили обще-европейскую извѣстность. Принимая участіе во всѣхъ важнѣйшихъ событіяхъ послѣдняго двадцатилѣтія касавшихся Сербіи, г. Ристичъ особенно выдался какъ дѣятель на полѣ вѣдшей политики Сербіи. Онъ рано вступилъ на дипломатическое поприще и провель въ Царьградѣ, на трудномъ постѣ сербскаго представителя, именно то время когда Сербія пыталась сбросить съ себя послѣднія оковы турецкаго рабства, а въ недавнее время былъ главой того кабинета при которомъ съ молодаго славянскаго государства спали и послѣднія узы турецкаго вассальства. Наконецъ, во время малолѣтства короля Милана, онъ былъ однимъ изъ членовъ триумвирата носившаго имя „дѣятельности“ и состоявшаго изъ гг. Ивана Ристича, Ивана Гавриловича и генерала Милюоя Блазнавца, триумвирата который управлялъ временно Сербіей, принявъ на себя княжескую власть. Отказавшись отъ уступокъ требованіямъ Австріи въ 1880 году, г. Ристичъ вмѣстѣ со своимъ кабинетомъ вышелъ въ отставку, а его мѣсто занялъ г. Пирочанацъ со своими друзьями, согласившимися на эти уступки. Г. Ристичъ свой досугъ употребилъ на составленіе своихъ мемуаровъ, часть которыхъ появилась въ видѣ статей въ сербскомъ журналѣ Отадбина (Отечество). Всѣхъ статей до сихъ поръ было XI и онѣ-то собраны авторомъ въ особую книгу съ вышеозначеннымъ заглавіемъ.

Г. Ристичъ давно началъ писать для печати. Не говоря о его небольшихъ статьяхъ, которыя онъ помѣщалъ въ сербскомъ ученомъ изданіи *Гласникъ* еще во время своего студенчества въ Парижѣ и Берлинѣ, и его небольшой нѣмецкой брошюрѣ: *Очеркъ исторіи новой сербской литературы,*

укажу еще на его книгу *Бомбардировка Бѣлграда*, вышедшую за нѣсколько лѣтъ до первой Сербско-Турецкой войны.

Перейду къ новому произведенію г. Ристича.

Самъ авторъ такъ опредѣляетъ задачу своихъ записокъ, которымъ онъ далъ названіе: *Сербія и Порта послѣ бомбардировки Бѣлграда*. *

„Самое имя (мемуаровъ) которое носитъ эта книга показываетъ что ея авторъ желаетъ остаться въ тѣсныхъ рамкахъ субъективныхъ воспоминаній изъ того круга въ которомъ онъ вращался. Будучи далеки отъ притязанія имѣть значеніе исторіи, эти Записки могутъ послужить исторіку и какъ матеріалъ для исторіи, и какъ указатель пути по которому онъ можетъ войти и лучше и вѣрнѣе въ цѣлѣе развитіе и болѣе близкое пониманіе ея процесса, чѣмъ если бы онъ руководствовался лишь помощью мертвыхъ документовъ и сухихъ хроникъ. Когда теперь видимъ съ удовольствіемъ какъ гордо развѣвается сербское знамя на стѣнахъ крѣпостей Бѣлграда, Шабца, Смедерева и Фетисляма (Кладова); когда мирно проѣзжаемъ мимо Сокола и Зворника, когда въ Ужицѣ мы ничего не боимся, мы забываемъ что вчера еще тутъ были совершенно другія сцены; забываемъ что дикое варварство безумствовало тамъ гдѣ теперь процвѣтаютъ средоточія гражданской культуры, гдѣ *воздвигаются теперь храмы науки и искусства*“ (эти выраженія, конечно, носятъ печать лишь патріотическаго почтеннаго чувства автора мемуаровъ). „Когда теперь, не опасаясь нападѣній съ тылу, отправляемся исполнить святое завѣщаніе косовскихъ юнаковъ, мы забываемъ что вчера наши лучшіе города находились подъ выстрѣлами турецкихъ пушекъ, и что нашимъ борцамъ угрожала съ тылу опасность которая бы ихъ остановила на первомъ шагѣ.“

Г. Ристичъ принималъ самое живое участіе во всѣхъ переговорахъ съ Турціей приведшихъ къ тому результату что 6 апрѣля 1867 года Сербамъ были добровольно переданы Турками всѣ крѣпости въ тогдашнемъ княжествѣ Сербіи. Это была славная *дипломатическая* побѣда, тѣмъ болѣе замѣчательная что для достиженія цѣли не было пролито ни одной капли крови, а между тѣмъ Сербы омыли въ своей крови, если такъ можно выразиться, свое государство, прежде чѣмъ

* Стр. 101—102.

добыли право на самостоятельность. Конечно, передача Турками крѣпостей въ руки Сербскаго князя и выведение изъ нихъ турецкихъ гарнизоновъ было отчасти сѣдствіемъ бомбардировки Бѣлграда въ 1862 году, но между этимъ фактомъ и очищеніемъ Турками крѣпостей прошло пять лѣтъ и, какъ вполнѣ ясно видно изъ записокъ Ристича, дипломатія лишь искусно пользовалась воспоминаніемъ объ этомъ варварскомъ дѣяніи турецкаго лаши въ 1862 году чтобы достигнуть своей цѣли.

Всѣ переговоры объ оставленіи крѣпостей Турками, а также и выборъ времени и самой формы переговоровъ или были указаны или вполнѣ принадлежали г. Ристичу, тогдашнему *kanukerai*, то-есть представителю вассальной Сербіи въ Царьградѣ.

Свои записки г. Ристичъ начинаетъ съ того времени когда князь Михаилъ Обреновичъ III объявилъ что онъ принимаетъ заключенія Каллиджской конференціи обсуждавшей послѣдствія вытекавшія изъ бомбардировки Бѣлграда. Авторъ воспоминаній приводитъ интересный документъ, въ которомъ князь Михаилъ сдѣлалъ нѣкоторыя замѣчанія на постановленія этой конференціи. Слѣдуя за постепеннымъ развитіемъ фактовъ, г. Ристичъ уломинаетъ о тѣхъ затрудненіяхъ которыя встрѣтило выселеніе Турокъ изъ нѣкоторыхъ сербскихъ мѣстностей, согласно постановленіямъ дипломатовъ засѣдавшихъ въ Каллиджѣ. Съ самаго же начала записокъ сербскій дипломатъ касается вопроса объ отношеніяхъ Россіи къ Сербіи и искусно сопоставляетъ ихъ съ отношеніями къ этому государству со стороны Австріи; общее впечатлѣніе получается очень цѣльное. Австрія и ея дипломаты всегда были на сторонѣ Турціи и если соглашались принять сторону Сербіи, то или были принуждены къ этому силой обстоятельствъ или находили для себя особенно выгоднымъ оказать поддержку Сербіи. Совершенно иное представляютъ отношенія Россіи и ея дипломатіи къ Сербіи: постоянная забота Россіи о томъ чтобы Сербія могла достигнуть желаемого отъ Порты приводила иногда русскихъ дипломатовъ послѣдняго времени къ слишкомъ большой осторожности, но не было случая когда бы Сербія не нашла поддержки у Россіи, лишь только она умѣла выбрать удобное время для своихъ дѣйствій.

Эта мысль, проходящая чрезъ всѣ записки г. Ристича,

дѣлаетъ ихъ особенно интересными для русскаго и вообще славянскаго читателя. Предъ нимъ раскрывается отчасти и картина дѣятельности нашего посла въ Царьградѣ, графа Игнатъева, который высоко держалъ на берегахъ Босфора русское знамя.

Г. Ристичъ въ своихъ мемуарахъ часто обращается и къ разказу о развитіи событій и ходѣ дипломатическихъ переговоровъ и въ другихъ странахъ связанныхъ съ Сербіей общими интересами. Такъ онъ въ главахъ V и VII довольно подробно описываетъ *coup d'état* князя Кузы и затѣмъ сверженіе его съ престола, причемъ раскрываетъ интриги европейской дипломатіи, въ началѣ недовольной избраніемъ Карла Гоэнцоллерна на румынскій престолъ. Самое избраніе Карла въ князья Румыніи, которую Порта уже готовилась разбить на два княжества, Молдавію и Валахію, чтобы легче въ ней господствовать, совершилось при ближайшемъ участіи и участіи Бисмарка. Прусскій посланникъ въ Парижѣ, энергичный и умный графъ Гольцъ, договорился объ этой кандидатурѣ съ извѣстнымъ въ послѣдствіи румынскимъ министромъ Братиано, и хотя Бисмаркъ отпѣкивался незнакіемъ этого дѣла, но смѣлое и нечаянное появленіе князя Карла въ Румыніи произошло не безъ участія будущаго германскаго канцлера, тогда еще прусскаго министра, и Европѣ пришлось признать *fait accompli*. Европейской дипломатіи пришлось еще разъ доказать безсиліе своего разчета и признать энергію лучшимъ качествомъ дипломата...

Въ главѣ VIII г. Ристичъ разказываетъ весьма много интереснаго о сношеніяхъ Греціи съ Сербіей во время Критскаго возстанія 1866 года. Греческое правительство, тогда въ высшей степени безсильное, почти цѣликомъ находилось во власти гетерій, волновавшихъ страну, принимавшихъ живое участіе въ возстаніи Критянъ, но понимавшихъ что Греческое королевство не можетъ принять активнаго участія въ борьбѣ съ Турціей. Гетеристы тогда задумали втянуть Сербію въ борьбу съ Турціей, надѣясь этимъ облегчить борьбу и для Критянъ, и для другихъ элементовъ готовыхъ къ броженію въ турецкихъ областяхъ. По словамъ г. Ристича (стр. 222), Сербія находилась, при его посредствѣ, въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Греціей. Когда вспыхнуло возстаніе на Критѣ, сербскій дипломатъ, имѣвшій связи съ видѣвшими гетеристами, какъ Кумундросомъ,

Бочарисомъ, Ломбардосомъ и др., старался изслѣдовать, насколько имѣетъ будущасть это возстаніе, и будетъ ли полезно для Сербіи выступить противъ Турціи, завязавъ тѣсныя узы дружбы съ Греціей. Съ этою цѣлью г. Ристичъ началъ переписку съ г. Кумундуросомъ, и нѣсколько писемъ которыми они обмѣнялись онъ напечаталъ въ своихъ мемуарахъ. Хитрый Грекъ, дѣйствуя какъ гетеристъ, понималъ что Греческое королевство рѣшительно не въ состояніи выступить явно противъ Турціи, и потому побуждалъ Сербію къ этой борьбѣ за Грековъ. Князь Михаилъ и Сербское правительство того времени были склонны принять участіе въ этихъ волненіяхъ, но г. Ристичъ вовремя раскрылъ всю опасность такого смѣлаго шага, и Сербія осталась нейтральною. Г. Ристичъ напечаталъ весьма интересное письмо Кумундуроса отъ 16 сентября 1866 года (стр. 224—227) и свой отвѣтъ на него (стр. 262—264); оба относятся къ вышеуказанному вопросу.

Вообще всѣ свои дипломатическія воспоминанія г. Ристичъ подкрѣпляетъ документами. Онъ напечаталъ нѣсколько вотъ князя Михаила къ Блистательной Портѣ, объясняющихъ какимъ образомъ Сербія наконецъ получила возможность сдѣлаться самостоятельной хозяйкой у себя дома. Можно лишь сожалѣть о томъ что не всегда авторъ мемуаровъ печатаетъ документъ *цѣликомъ*.

Излагаая свои переговоры съ европейскими послами и представителями при Блистательной Портѣ, авторъ записокъ чрезвычайно интересно характеризуетъ многихъ тогда выдававшихся дѣятелей дипломатіи и идеи которыми они руководились въ отношеніи къ распадающейся Турціи и возрождающемуся славянству. Такъ онъ, передавая свой разговоръ съ англійскимъ посломъ Генри Булверомъ, очень умѣло показываетъ какъ можно было пользоваться и личнымъ соперничествомъ дипломатовъ и державъ въ Царьградѣ, а также и разъясняетъ идеи которыми тогда руководилась англійская политика въ Турціи.

Когда въ Блистательной Портѣ Франція пользовалась наибольшимъ вліяніемъ, а Наполеонъ считался самымъ сильнымъ государемъ Европы, балканскіе Славяне не разъ искали помощи у французской дипломатіи, которая во многомъ и услѣвала. Сербскій дипломатъ, желая убѣдить англійскаго представителя въ необходимости предоставить Сербіи

крѣпости заняты турецкими войсками, указалъ ему что подъ защитой Франціи „народы Востока“ достигаютъ цѣли своихъ стремленій. „Мы видимъ, сказалъ г. Ристичъ, что Франція здѣсь услѣдуетъ во всемъ, что она не встрѣчаетъ отказа у Порты, а ваше превосходительство полагаете что Порта можетъ отказать въ чемъ-нибудь Британіи, своему слышанному другу?“

„Это не правда что Франція во всемъ услѣдуетъ, возразилъ Булверъ. Она была разбита во всѣхъ пунктахъ, въ вопросѣ о Сиріи, о Черногоріи, о крѣпости Бѣлградской и въ дѣлѣ князя Кузы, когда хлопотала о признаніи *сouveraineté*, въ чемъ и не услѣдала.“

Но сербскій дипломатъ именно и желалъ вызвать это сравненіе, а также и откровенное мнѣніе Генри Булвера о сербскихъ дѣлахъ. Съ этою цѣлью г. Ристичъ замѣтилъ что во всякомъ случаѣ въ народахъ населяющихъ Турцію распространено убѣжденіе что Франція *за нихъ*, а Англія *противъ нихъ*. Булверъ вспыхнулъ и сказалъ:

„Большая ошибка! Чтò сдѣлано здѣсь въ пользу христіанъ, сдѣлано по моей инициативѣ, напримѣръ по моей инициативѣ христіане принимаются въ царскую (султанскую) гвардію, въ военную школу и т. д. Но мы, прибавилъ онъ, постулаемъ какъ друзья: мы хотимъ полного уравниенія элемента христіанскаго съ элементомъ мусульманскимъ, но оно должно произойти естественнымъ ходомъ вещей. Мы не знаемъ, чтò можетъ выйти изъ гибели Турецкаго царства, и потому хотимъ сохранить его и преобразовать. Поэтому мы не можемъ ни совѣтовать Портѣ чтобъ она отдала вамъ ту крѣпость (Бѣлградъ) которая *составляетъ ключъ царства. Сербія не можетъ отдѣлаться независимой, развѣ лишь во время какого-нибудь европейскаго кризиса, который пока и не предвидится*“...

Такое мнѣніе англійскаго дипломата, притомъ столь извѣстнаго, высказанное въ 1866 году, характеризуетъ и всю англійскую политику позднѣйшаго времени.

И сербскому посланнику приходилось долго убѣждать Англичанина Булвера, объявившаго себя другомъ народовъ населяющихъ Турцію и въ то же время защитникомъ турецкаго варварства и уже въ конецъ расшатанной власти пришлаго азіатскаго элемента, насколько необходима передача сербскихъ крѣпостей въ сербскія же руки.

Другое предубѣжденіе съ которымъ приходилось сербскому

дипломату часто бороться, это распространенное въ то время мнѣніе что Сербія лишь покорный слуга Россіи, безропотно подчиняющійся во всемъ ея велѣніямъ. Въ своихъ запискахъ г. Ристичъ не разъ отмѣчаетъ случай когда ему приходилось объяснять европейскимъ дипломатамъ что Сербія дѣйствуетъ сама по себѣ, но находитъ всегда поддержку въ Россіи и, конечно, прибѣгаетъ къ ея совѣтамъ.

Время о которомъ идетъ рѣчь въ запискахъ г. Ристича очень близко къ намъ, и потому факты которые сообщаетъ авторъ этихъ мемуаровъ могутъ служить объясненіемъ и нѣкоторыхъ явленій въ современной жизни Европы. Пруссія стала толкать Австрію на Востокъ со времени Шлезвигъ-Голштейнскихъ событій. Уже тогда въ дипломатическихъ кругахъ ходилъ проектъ дать Австріи Молдавію и Валахію въ замѣнъ Голштейна, который она должна была уступить Пруссіи, и Венеціи, предназначавшейся Италіи. Этому плану всего болѣе покровительствовалъ Бисмаркъ, который бытъ-можетъ былъ и *отцомъ проекта*, по выраженію г. Ристича. Но нѣмецкій политикъ этимъ не удовольствовался: онъ предлагалъ русскому посланнику въ Берлинѣ уступить Австріи не только Румынію, но и Боснію и даже *часть Сербіи*, а „когда ему было отвѣчено что такая попытка встрѣтитъ рѣшительное противодѣйствіе со стороны Россіи, то Бисмаркъ замѣтилъ что то же ему предсказывалъ и Наполеонъ, который, въ сущности, не противится подобной комбинаціи, но боится лишь того что она можетъ окончателно разсорить его съ Россіей“. (*Сербія и Порта*, стр. 165). Но если Сербія скоро была вычеркнута изъ дипломатическихъ актовъ о соглашеніи Австріи и Пруссіи, то Румынія еще долго въ нихъ оставалась, какъ предполагаемое средство для устраниенія европейскихъ столкновеній. Лишь одна Россія явилась заступникомъ Румыніи, и Наполеонъ въ 1865 году сказалъ въ Парижѣ своему царьградскому представителю Мутіэ что ему „со многихъ сторонъ предлагаютъ“ планъ соглашенія цѣной Румыніи, но что „осуществленіе его на практикѣ наталкивается на большія затрудненія“.

Какъ извѣстно, Боснія давно представляла собою того козла отпущенія которому предназначалось выкупить грѣхи европейскихъ ссоръ. „Какія же причины вывели и Румынію на европейскій рынокъ?“, спрашиваетъ авторъ мемуаровъ, и объясняетъ это усиліями Берлина толкать Австрію на

востокъ. Положеніе дѣлъ въ Румыніи представляло для этого весьма удобный случай. Князь Куза былъ хорошимъ патриотомъ и „чистыхъ рукъ“, но отличался страшнымъ неосторожностью характера, не говоря уже о другихъ дурныхъ качествахъ унижавшихъ его значеніе въ странѣ. Никто не могъ положиться на его слово и повѣрить ему въ чемъ бы то ни было. Отсюда безконечные кризисы министерства въ Румыніи во время его управленія, отсюда и сказочное число смѣняемыхъ министровъ. Въ румынской администраціи того времени царилъ подкулъ; князь Куза раздѣлялъ все своимъ любимцамъ. Князь Куза наконецъ очутился совершенно изолированнымъ въ странѣ: положиться на народъ который относился совершенно пассивно и къ нему и къ политическому положенію страны онъ не могъ, а всѣ румынскія партіи, враждовавшія между собой были согласны въ одномъ: всѣ были противъ него. Итакъ, переворотъ въ Румыніи представлялся явленіемъ естественнымъ и необходимымъ, и прусская дипломатія очень ловко сумѣла воспользоваться обстоятельствами. Встрептивъ препятствія въ исполненіи плана о награжденіи Австріи Румыніей за Годштейнъ, она сумѣла возвести на румынскій престолъ нѣмецкаго принца, что тогда не могло никому понравиться и имѣло значеніе особаго рода... Оккупация Австріей Боснии и Герцеговины, недавнія событія въ этихъ странахъ, интриги Австріи въ Сербіи и Черногоріи, постоянные толчки германской политики направляющіе Австрію на Балканы, вліяніе князя Бисмарка въ Царьградѣ, нѣмецкіе офицеры въ турецкихъ войскахъ, наконецъ положеніе дѣлъ въ славянскихъ государствахъ, особенно же въ гибнущемъ Сербскомъ королевствѣ, все это ясно свидѣтельствуетъ какъ послѣдовательная и глубоко обдуманная политика князя Бисмарка и чѣмъ она грозитъ возрожденному югославянству, если русская политика наконецъ не проснется и не скажетъ своего вѣскаго слова, основаннаго на русской исторіи, на родныхъ задачахъ и преданіяхъ...

Мемуары сербскаго дипломата отличаются спокойнымъ, почти холоднымъ тономъ. Но для историка они имѣютъ важное значеніе, особенно по тѣмъ документамъ которые въ нихъ сообщаются. Самая личность князя Михаила, котораго Сербы цѣнятъ весьма высоко, не достаточно полно освѣщена въ этихъ запискахъ; оно и понятно: задача автора была лишь

показать дѣятельность дипломатіи приведшей Сербію къ столь важному пріобрѣтенію крѣпостей до тѣхъ поръ занятыхъ турецкими гарнизонами. Но гдѣ г. Ристичъ говоритъ о князѣ Михаилѣ, такъ безвременно погибшемъ подъ ударами убійць (1868, 29 мая), тамъ онъ рисуетъ этого сербскаго государя какъ высоко благороднаго человѣка, полнаго патріотизма и высшихъ стремленій.

П. КУЛАКОВСКІЙ.

IV.

Das Wissen der Gegenwart. Deutsche Universal-Bibliothek für gebildete. — (Geschichte des dreissigjährigen Krieges, von A. Gindely.)

Никогда еще не дѣлаемо было такъ много для популяризаціи научныхъ знаній какъ въ настоящее время. Въ ряду различныхъ предпріятій преслѣдующихъ эту цѣль не послѣднее мѣсто должно, кажется, занять то о которомъ мы хотимъ сказать нѣсколько словъ. Изданіе подъ заглавіемъ *Das Wissen der Gegenwart*, первыя книжки коего появились въ нынѣшнемъ году, не ограничивается какою-нибудь одною отраслью науки, а намѣрено, если возможно, познакомить съ нею публику во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ: съ одной стороны астрономія, геологія, физика, химія, зоологія, ботаника, медицина и т. д., съ другой—политическая исторія, исторія культуры, географія, политическая экономія, юриспруденція, философія, все должно войти сюда. Это будетъ рядъ краткихъ монографій, изъ которыхъ каждая должна составлять отдѣльное цѣлое; во многихъ изъ нихъ читатель найдетъ необходимые для него чертежи, карты, планы и рисунки. Цѣна поражаетъ своею умѣренностію: 80 коп. за прекрасно напечатанный томикъ, однавъ переплетъ коего обошелся бы у насъ дороже.

Разумѣется, трудно предположить чтобы всѣ 200 или 300 книжекъ, изъ которыхъ должна состоять библіотека, отличались одинаковыми достоинствами, но по всему вѣроятію бѣольшая ихъ часть будетъ соответствовать своей цѣли; ручательствомъ за это служатъ имена сотрудниковъ.— почти всѣ они профессоры германскихъ университетовъ и многіе изъ нихъ пользуются почетною извѣстностію. Наконецъ, первые выпуски рекомендуютъ себя какъ нельзя

лучше. Мы остановимся на томъ изъ нихъ которымъ начинается серия историческихъ очерковъ. Давно уже профессоръ Пражскаго университета Гиндели занимается исторіей Тридцатилѣтней Войны: это трудъ въ высшей степени замѣчательный, отличающійся глубокимъ изученіемъ предмета, но задумавъ оиъ въ такихъ размѣрахъ что не разъ выражались сомнѣнія удастся ли автору довести его до конца. Въ появившихся доселѣ четырехъ томахъ изложены лишь событія до битвы на Бѣлой Горѣ. Въ настоящее время, г. Гиндели согласился составить для *Библиотеки* о которой мы говоримъ полное обзорѣніе Тридцатилѣтней Войны, что не можетъ не быть интересно во многихъ отношеніяхъ: во первыхъ, потому что мы будемъ имѣть предъ собой картину начертанную рукой мастера, во вторыхъ, по той причинѣ что авторъ обѣщаетъ представить въ своемъ очеркѣ по крайней мѣрѣ главнѣйшіе результаты своихъ изслѣдованій, обнародованія коихъ пришлось бы иначе дожидаться очень долго. Трудъ его раздѣленъ на три части: первая, съ которою мы только-что ознакомились, охватываетъ періодъ времени до подавленія Богемскаго возстанія со всѣми ужасами обрушившимися на несчастную Чешскую націю; здѣсь автору приходилось лишь резюмировать то что находится въ его обширной монографіи, но оиъ включилъ и нѣкоторыя новыя подробности. Такъ, напримѣръ, уже прежде сообщилъ оиъ что главнымъ виновникомъ битвы при Бѣлой Горѣ былъ патеръ Доминикъ, что Букуа колебался дать сраженіе, но означенный монахъ явился вдругъ въ военномъ совѣтѣ и воспламенилъ всѣхъ своею рѣчью. Разказъ этотъ основанъ былъ авторомъ на показаніи Анджелики, сопровождавшаго Доминика въ походѣ и имѣвшаго слѣдовательно возможность получать свѣдѣнія отъ него самого. Теперь г. Гиндели присоединилъ еще другое, гораздо болѣе вѣское свидѣтельство, а именно когда возникъ, тотчасъ по смерти Доминика, вопросъ о канонизаціи его, то предводитель войскъ Лиги, герцогъ Максимилианъ Баварскій, говоря объ его заслугахъ, выразился между прочимъ такимъ образомъ: „Когда войска императора и Лиги соединились чтобы поразить непріятеля и настигли его наконецъ подъ стѣнами Праги, то нѣкоторые изъ высшихъ военачальниковъ уклонялись отъ сраженія... Извѣщенный объ этомъ патеръ предсталъ предъ военнымъ совѣтомъ и со смиреніемъ и скромностію просилъ чтобы ему, не призванному,

позволено было высказать свое мнѣніе. Когда было ему это разрѣшено, то съ пламеннымъ рвеніемъ убѣждалъ онъ вождей положитьсь на Бога и справедливость своего дѣла, и Богъ не оставитъ де ихъ своею милостію и надежда ихъ на Провидѣніе будетъ вознаграждена побѣдой. Слова эти побудили противниковъ согласиться на то чтобы соединенными силами налечь на непріятеля“.

Вторая часть историческаго очерка г. Гиндेलу будетъ посвящена политическимъ и военнымъ событіямъ до смерти Густава-Адольфа. Авторъ обѣщаетъ воспользоваться для нея своими розысканіями почти во всѣхъ главнѣйшихъ европейскихъ архивахъ, которые доведены имъ въ настоящее время до 1636, а во французскомъ государственномъ архивѣ даже до 1648 года. При этомъ будетъ, между прочимъ, выясненъ вопросъ о замыслахъ Шведскаго короля утвердить свое господство въ Германіи. Г. Виттихъ въ своемъ сочиненіи *Magdeburg, Gustav Adolf und Tilly* замѣтилъ, между прочимъ, что было бы весьма важно изслѣдовать какъ постепенно расширялись планы и возрастали требованія Густава-Адольфа по мѣрѣ того какъ одерживалъ онъ побѣды, и г. Гинделу намѣренъ, кажется, дать опредѣленный на это отвѣтъ. „Въ архивахъ Берлинскомъ, Мюнхенскомъ, Дрезденскомъ и Парижскомъ, говоритъ онъ, нашелъ я много показаній относительно упомянутаго обстоятельства; мнѣ не удалось еще посѣтить архивъ Стокгольмскій, но собранный мною матеріалъ проливаетъ достаточно яркій свѣтъ на упомянутый вопросъ“. Интересъ третьяго тома сосредоточится главнымъ образомъ на судьбѣ знаменитаго полководца императора Фердинанда II, котораго, замѣтимъ мимоходомъ, авторъ называетъ Вальдштейномъ, а не Валленштейномъ, ибо онъ самъ всегда подписывался такъ (Waldstein) и подъ этимъ именемъ до сихъ поръ остался извѣстенъ въ Богеміи. Измѣна его императору Фердинанду все еще остается спорнымъ пунктомъ, но сомнѣнія по ея поводу возникли лишь въ позднѣйшее время. Многие писатели старались болѣе или менѣе оправдать Вальдштейна: такъ между прочимъ Фёрстеръ, доказывавшій что всѣ толки объ его честолюбивыхъ намѣреніяхъ были вымышлены и что отшатнулся онъ отъ своего законнаго государя только когда убѣдился что безо всякой вины навлекъ на себя гоненіе. Такимъ образомъ его какъ бы заставили быть измѣнникомъ противъ воли. Почти то же

доказывалъ другой историкъ, Галльвихъ, а Шебекъ идетъ даже далѣе, утверждая что рѣшительно никогда не было у него никакихъ дурныхъ замысловъ. Ранке въ своей біографіи Валленштейна придерживается мнѣнія объ его измѣнѣ, но отчасти оправдываетъ его тѣмъ, будто бы въ переговорахъ своихъ съ Саксоніей онъ имѣлъ въ виду высокую цѣль, стремился проложить путь къ примиренію между католиками и протестантами. Что касается г. Гиндели, то для него измѣнническіе замыслы Валленштейна или Вальдштейна несомнѣнны: убѣдился онъ въ этомъ, между прочимъ, на основаніи найденныхъ имъ новыхъ документовъ, которые будутъ обнародованы имъ въ послѣдствіи, но которыми онъ намѣренъ воспользоваться для издаваемого имъ нынѣ очерка исторіи Тридцатилѣтней Войны.

Къ первому выпуску этой исторіи приложено нѣсколько рисунковъ того времени: осада Пильзена графомъ Мансфельдомъ, Вѣна въ первой половинѣ XVII столѣтія, битва при Бѣлой Горѣ, осада Бауцена курфирстомъ Саксонскимъ, портретъ императора Фердинанда II, Тилли и Фридриха курфюрста Пфальцскаго, котораго Чехи избрали своимъ королемъ.

Г.

V.

Книжныя новости.

Въ Тифлисѣ напечатанъ шестой томъ *Кавказскаго Сборника*, издаваемого по указанію Е. И. В. Великаго Князя Михаила Николаевича въ бытность Его Высочества главнокомандующимъ Кавказскою арміей. Содержаніе *Сборника* слѣдующее: 1) 1843 годъ на Кавказѣ, А. Юрова; 2) 1845 годъ на Кавказѣ, А. Ржевускаго; 3) трехлѣтіе въ Дагестанѣ, 1847 годъ. Осада Гергебиля и взятіе Салты, Н. А. Волковскаго, и 4) Изъ кавказской жизни. 1848 годъ въ Дагестанѣ. Графа Добровольскаго-Евдокимова.

Въ вышедшемъ въ свѣтъ XIV выпускѣ *Исторіи всеобщей литературы*, составленной по источникамъ и новѣйшимъ изслѣдованіямъ подъ редакціей В. Θ. Корна, помѣщены окончаніе труда Г. А. Муркоса: *Новѣйшая литература Арабовъ* и продолженіе изслѣдованія А. И. Кирличникова: *Среднеазиатская литература западной Европы и Византіи*.

Издание въ Варшавѣ на еврейскомъ языкѣ *Вавилонскаго талмуда* продолжается. Налечатана 25я часть этого памятника.

Въ С.-Петербургѣ изда ны слѣдующія книги:

Труды втораго археологическаго съѣзда въ С.-Петербургѣ.
Выпускъ 2й 4 д. л.

Corpus inscriptionum Hebraicarum gesammelt und erläutert von D. Chwolson. 527 стр. 2 д. л.

Памятники древней письменности и искусства. *Единскій Сборникъ 1360.* Рукопись Гевтской библіотеки. Сообщилъ И. Мартыновъ. 8 д. л.

И. С. Тургеневъ. *Записки охотника.* Полное собраніе очерковъ и разказовъ 1847—1876. Четвертое стереотипное изданіе. 385 стр. 8 д. л.

Княжна Владимірская (Тараканова). Историческій романъ въ четырехъ частяхъ. Сочиненіе А. Шардина. 609 стр. 8 д. л.

Катакомбы. Повѣсть изъ первыхъ временъ христіанства, Евгени Туръ. Изд. 2е. 287 стр. 8 д. л.

Европейскіе писатели и мыслители. *V. Руссо.* Изданіе В. В. Чуйко. 168 стр. 8 д. л.

Красное Солнышко. Комическая оперетта въ 3хъ дѣйствіяхъ. Передѣлана изъ оперетты А. Дюро и Г. Шиво *La Mascotte.* Музыка Эдмонда Одрана. 115 стр. 16 д. л.

Дешевая библіотека. *Избранныя сочиненія Ломоносова въ стихахъ и прозѣ.* Съ портретомъ и біографіей М. В. Ломоносова. 228 стр. 32 д. л.

А. Шкляревскій. *Князь Амата-Бекъ.* Романъ. 277 стр. 16 д. л.

Мысли и советъ искренняго друга. Соч. Н. Нелюева. 54 стр. 16 д. л.

Думы и пѣсни. Стихотворенія Н. В. Майскаго. 177 стр. 8 д. л.
Н. И. Костомаровъ. *Кудеяръ.* Историческая хроника въ трехъ книгахъ. 444 стр. 12 д. л.

Юрій Милославскій или Русскіе въ 1612 году. Историческій романъ въ 3хъ частяхъ. М. Н. Загоскина. 370 стр. 8 д. л.

Сама себя раба бьетъ коли не чисто жметъ. Комедія. шутка въ одномъ дѣйствіи. И. Засулана. 31 стр. 12 д. л.

Повѣсти и разказы Д. В. Григоровича. *Школа гостепріимства.* Повѣсть. 67 стр. 8 д. л. *Неудавшаяся Жизнь.* Повѣсть. 108 стр. 8 д. л.

- Жюль Вернъ. Пятнадцатилѣтній капитанъ.** 376 стр. 8 д. л.
- Жюль Вернъ. Пятьсотъ миллионовъ и Черная Индія.** 168 стр. + 177. 8 д. л.
- Робинсонъ. Двоюродная племянница.** 350 стр. 8 д. л.
- Геври Удъ. Померойское аббатство.** 450 стр. 8 д. л.
- Князь Нони. Сутки вынѣшняго свѣтскаго челоуѣка. Князя В. П. Меццерскаго.** 256 стр. 12 д. л.
- Судьба одной дворянской семьи во время террора. Записки А. дез-Ешпероль. Переводъ съ французскаго А. Иванова.** 197 стр. 8 д. л.
- Путешествіе русскаго посольства по Афганистану и Бухарокому ханству въ 1878 — 1879 Изъ дневниковъ члена посольства Дг. И. Л. Яворскаго. Т. I. 383 стр. 8 д. л.**
- И. С. Бліохъ. Финансы Россіи XIX столѣтія. Исторія-статистика. Т. II. 295 стр. 4 д. л. Т. III 232 стр. 4 д. л.**
- О причинахъ современнаго финансоваго и эконолическаго состоянія Россіи и о средствахъ улучшенія послѣдняго. Николая Шаврова.** 237 стр. 8 д. л.
- Основы реформъ мѣстнаго и центральнаго управленія. Составилъ Нотовичъ.** 236 стр. 8 д. л.
- О началъ наименьшаго дѣйствія. В. Преображенскаго.** 41 стр. 8 д. л.
- Элементарная теорія сопротивленія матеріаловъ и расчетъ деталей машинъ. Съ семью таблицами чертежей. Для реальныхъ и техническихъ училищъ. Составилъ А. Пальшау.** 115+25 стр. 8 д. л.
- Новѣйшія изслѣдованія ледниковъ и причинъ ихъ измѣненій. А. И. Воейкова.** 19 стр. 8 д. л.
- Международные словари для среднихъ учебныхъ заведеній, составленные по программѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія Н. Макаровымъ и В. Шеереромъ. Часть русско-нѣмецкая. Изданіе второе. X+701 стр. 12 д. л.**
- Подробный словарь къ запискамъ К. Юлія Цезаря о Галльской войнѣ. Составилъ И. Шрамекъ.** 276 стр. 8 д. л.
- Матеріалы для упражненій въ переводѣ съ русскаго языка на греческій. Курсъ старшихъ классовъ. Составилъ О. Фарвикъ. Изданіе 4е. 257 стр. 8 д. л.**
- Популярная физика. А. Гаю. Перевелъ Ф. Павленковъ.** 8 д. л.
- Избранныя сатиры Горация для среднихъ учебныхъ заведеній. Латинскій текстъ съ русскими примѣчаніями и со статьей**

о Горации. В. И. Модестова. Изданіе второе исправлен-
ное. 95 стр. 8 д. л.

*Руководство къ чистописанію по счету и по стѣлкѣ съ про-
писями въ текстъ и особо на русскомя, латинскомя, французскомя,
нѣмецкомя и греческомя языкахъ.* Для преподавателей и ро-
дителей. Составилъ Г. И. Тороновъ. 50 стр. 8 д. л.

Учебная книга географіи. Европа. Курсъ гимназическій.
Составилъ К. Смирновъ. 23е изданіе. 124 стр. 8 д. л.

*Учебная книга географіи. Азія, Африка, Америка и Авст-
ралія.* Курсъ гимназическій. Составилъ К. Смирновъ. 23е
изданіе. 128 стр. 8 д. л.

Родителямъ о дѣтяхъ. Составилъ В. Гемпель. 10 стр. 8 д. л.

Разказы для чтенія дѣтямъ до 7лѣтняго возраста. А. Е.
Рейнгольда. 21 стр. 8 д. л.

Русскій аппаратъ для самообученія каллиграфіи и рисованію.
Календарь для учителей на 1882—1883 годъ. Составилъ
Гельбке. 258 стр. 16 д. л.

Учебникъ ариѳметики. Въ объемѣ курса младшихъ клас-
совъ гимназій. Составилъ В. Латышевъ. 94 стр. 8 д. л.

Аазень. Библиотека минеральныхъ водъ, подъ редакціей Dr
Дубелера. 45 стр. 24 д. л.

*Здоровое и вредное отощленіе и оздоровленіе жирныхъ полн-
щеницъ.* Научно-популярное изложеніе гигиеническихъ свѣдѣ-
ній для практическаго приложенія ихъ къ отощленію и ве-
теляціи зданій. Инженера И. Флавицкаго. 285 стр. 8 д. л.

Патологія и терапія родильнаго періода. Руководство
для учащихся и врачей профессора Ф. Винкеля, директора
Родильнаго Института въ Дрезденѣ. Переводъ съ 3го изда-
нія подъ редакціей Dr. М. Горвица. 482 стр. 8 д. л.

Хирургическая анатомія артеріальныхъ стволовъ и фасцій
Н. Пирогова. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей и съ
примѣчаніями С. Коломнина. Выпускъ V. 8 д. л.

*Памяти Внученнаго Друга людей, незабвеннаго Царя-
Мученика.* Стихотвореніе іеромонаха Агаѳангела. 13 стр. 12 д. л.

Вѣчной памяти народнаго героя М. Д. Скобелева. Посвя-
щаетъ А. С. Соболевъ. 16 стр. 12 д. л.

Народная лепты на вѣнокъ родному витязю М. Д. Скобелеву.
Собраны редакціей газеты *Минута*. 16 д. л.

Жизнеописаніе славнаго русскаго героя и полководца М. Д.
Скобелева. Составилъ Н. А. Нотовичъ. 40 стр. 8 д. л.

Вѣнокъ въ память М. Д. Скобелева, съ приложеніемъ пор-
трета и предсмертнаго приказа. 64 стр. 8 д. л.

Монографія учрежденій ведомства Императрицы Марии. Приложение къ изданію Пятидесятилѣтіе IV отдѣленія Собственной Е. И. Величества Канцеляріи. 4 д. л.

Памятная книжка морскаго ведомства на 1882 годъ. 399 стр. 12 д. л.

25 лѣтъ русскаго искусства (1855—1880). Иллюстрированный каталогъ художественнаго отдѣла Всероссийской Выставки въ Москвѣ 1882 года, содержащій болѣе 250 снимковъ, изъ которыхъ около 150 съ оригинальныхъ рисунковъ художниковъ. Сост. Н. П. Собко. Издалъ М. П. Боткинъ. 8 д. л.

Всероссійская Промышленно-Художественная Выставка 1882 года въ Москвѣ. Историко-Статистическій обзоръ промышленности Россіи; группы III, X и XI. Сельско-хозяйственныя произведенія, огородничество, садоводство и домашнія животныя. 8 д. л.

Отчетъ Императорской Академіи Художествъ. Съ 4 ноября 1879 по 4 ноября 1880. 87 стр. 8 д. л.

Сельскія ссудо-сберегательныя товарищества. Выпускъ 2й. Правила счетоводства и отчетности съ образцами. Составилъ Матвѣевъ. 4е изданіе. 8 д. л.

Этюдъ объ общемъ режимѣ желѣзныхъ дорогъ. Соч. Шорна. Сокращенный переводъ съ французскаго. 54 стр. 8 д. л.

Дуга и пастбища; изъ рациональное пользованіе въ средней и сѣверной полосахъ Россіи. Составилъ В. А. Остафьевъ. Съ 93 политипажами въ текстѣ. 203 стр. 8 д. л.

Докладъ комиссіи образованной С.-Петербургскими комитетами Высочайше учрежденнаго Общества попечительнаго о тюрьмахъ для разсмотрѣнія составленныхъ Главными Тюремными Управленіями проектовъ преобразованія Петербургскихъ тюремъ. 81 стр. 8 д. л.

Справочная книга управленія с.-петербургскаго оберъ-полицеймейстера. Выпускъ второй. 109 стр. 16 д. л.

Слѣдствія доходовъ и расходовъ Департамента Торговли и Мануфактуръ на 1883 годъ. 67 стр. 4 д. л.

Вѣдомость о свидѣтельствахъ и билетахъ выданныхъ на право торговли и промысловъ въ 1881 году. 69 стр. 4 д. л.

Слѣдствія доходовъ и расходовъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ по почтовой и телеграфной частямъ на 1883 годъ. 4 д. л.

Обороты Государственнаго Банка въ С.-Петербурѣ въ 1881 году, по учету векселей и другихъ срочныхъ цѣнностей. 29 стр. 4 д. л.

Красный Крестъ въ тѣлу дѣйствующей арміи въ 1877—1878 гг. Отчетъ главнаго уполномоченнаго Общества Печенія о Равенныхъ и Больныхъ Воинахъ. Н. Абазы. Томъ II. 422 стр. 8 д. л.

Нотаріальное руководство. Систематическій сборникъ узаконеній относящихся до нотаріальной части. Составилъ нотариусъ города Елабуги Иванъ Дмитревскій LVI+529 стр. 12 д. л.

Правосудіе и правовой порядокъ въ войскахъ. Юридическое изслѣдованіе В. А. Соболевскаго. 626 стр. 8 д. л.

Таблицы для легчайшаго перечисленія иностранныхъ монетъ на русскія. Составилъ С. А. Каценелленбогевъ. 270 стр. 16 д. л.

Уставъ о табачномъ сборѣ, Высочайше утвержденный 18 мая 1882 года. 58 стр. 16 д. л.

Руководство для тактическаго обученія строевымъ кавалерійскимъ частямъ въ конномъ стрѣльбѣ. Съ чертежами. Составили Генеральнаго Штаба полковники К. Дуропъ и В. Сухомлиновъ. 78 стр. 8 д. л.

Нѣсколько словъ по вопросу объ упрощеніи военно-хозяйственной отчетности. Составилъ Н. Васильевъ. 58 стр. 8 д. л.

Въ Москвѣ:

Боярская дума древней Руси. В. Ключевскаго. 554 стр. 8 д. л.
Кончина и погребеніе высокопреосвященнаго Макарія Митрополита Московскаго и Коломенскаго. Протоіерея С. Смирнова. 45 стр. 8 д. л.

Отчетъ Братства Преподобнаго Сергія для вспоможенія нуждающимся студентамъ и воспитанникамъ Московской Духовной Академіи за 1881 годъ. 25 стр. 8 д. л.

И. Мансветовъ: Митрополитъ Кипріанъ въ его литургической дѣятельности. Историко-литературное изслѣдованіе. 202 XXXVIII стр. 8 д. л.

Первый свѣздъ русскихъ юристовъ въ Москвѣ въ 1875 году. Издано подъ редакціей: С. И. Баршева, Н. В. Калачева, С. А. Муромцева и А. М. Фальковскаго. 280 стр. 8 д. л.

Военныя Записки. Н. В. Водоцкаго. 25 стр. 16 д. л.

Отчетъ Дельвиговскаго сельхозодорожнаго училища въ Москвѣ за 1880—81 учебный годъ. 37 стр. 8 д. л.

Годичный отчетъ о дѣятельности Общества распространенія техническихъ знаній за двѣнадцатый (1880—81) годъ. 40 стр. 8 д. л.

Общая разработка вопросовъ заданныхъ программой торгово-промышленнаго съѣзда. П. Кашкаровъ. 16 стр. 8 д. л.

Путеводитель по художественному отдѣлу Всероссийской выставки 1882 года въ Москву. Составленъ С. и Д. 92 стр. 16 д. л.

Всеподданнѣйшій отчетъ о дѣйствіяхъ и суммахъ Высочайше утвержденаго Московскаго Благотворительнаго Общества 1837 года и о состояніи подвѣдомственныхъ Обществу шестнадцати женскихъ частныхъ школъ за 1881 годъ. 173 стр. 8 д. л.

Объ устанавленіи болѣе тѣсной связи между фабрикантами и заводчиками и оканчивающими курсъ въ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ. Д. С. Бронштейна. 63 стр. 8 д. л.

О необходимости дезинфекціи кофты въ которыхъ зашиваются ящики съ чаемъ. А. Карауловъ. 8 д. л.

Кометъ. Изъ космографическихъ бесѣдъ. И. Романова. 31 стр. 8 д. л.

Подписьѣники. Переводъ съ англійскаго О. М. Суслеминой. 16 стр. 12 д. л.

Руководство къ преподаванію грамоты по звуковому методу. Составилъ И. П. Ивановъ. 37 стр. 8 д. л.

Народныя сказки А. С. Пушкина: Сказка о рыбацкѣ и рыбацкѣ. 8 стр. *Сказка о царѣ Салтанѣ.* 32 стр. *Сказка о мертвой царевнѣ и о семи богатыряхъ.* 20 стр. 8 д. л.

Руководство къ практическому изученію нѣмецкаго языка, составленное И. Фидлеромъ. Курсъ второй. Изданіе пятое. 542 стр. 8 д. л.

Учебникъ ботаники. Руководство для среднихъ учебныхъ заведеній съ реальнымъ курсомъ. Составилъ К. Θ. Ярошевскій. Изданіе третье, исправленное. 284 стр. 8 д. л.

Руководство ко всеобщей исторіи. Составилъ Д. Иловайскій. Изданіе семнадцатое. 498 стр. 12 д. л. 10.000 экз.

Бабушка. Шутка въ одномъ дѣйствиіи. Соч. Н. С. Засѣцкой. 32 стр. 12 д. л.

Картина въ лѣсу. Въ одномъ дѣйствиіи. Соч. Н. С. Засѣцкой. 16 стр. 12 д. л.

Птичка. Сказка. Соч. Н. С. Засѣцкой. 15 стр. 12 д. л.

Жюль Мари. Красавья ночи или Ирландія въ огнѣ. Ромаль. Переводъ съ французскаго. 414 стр. 12 д. л.

Пьсенки птички - невелички. Юмористическій сборникъ. 46 стр. 12 д. л.

Евгенія или тайны Французскаго двора. Историческій

романъ изъ новѣйшихъ событій Франціи. Въ четырехъ частяхъ. Два тома. Сочиненіе Георга Борна. Переводъ съ нѣмецкаго. Т. I. 283 стр. Т. II. 299 стр.

За истину и правду. И. Палимпсестова. 184 стр. 8 д. л.

Русскій календарь на 1883 годъ. 40.000 экз. *Русскій календарь народный 1883 годъ.* 15.000 экз.

Руководство къ изученію главныхъ основаній педагогики въ учительскихъ семинаріяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Дидактическая пропедевтика. Составилъ Ив. Николаевскій. 32 стр. 8 д. л.

Руководство къ приложенію тригонометріи для гимназій и реальныхъ училищъ. Составилъ А. Малининъ. Изданіе десятое. 103 стр. 8 д. л.

Собраніе арифметическихъ задачъ. Составили А. Малининъ и К. Буренинъ. Изд. 16е. 234 стр. 8 д. л.

Теорія астрономическаго преломленія для свѣтъ и мѣняющихъ зенитное разстояніе не превышающее 85°. Составилъ В. Н. Травинъ. 35 стр. 8 д. л.

Изъ теоріи свѣта. По лекціямъ Кирхгофа. А. П. Соколова. 30 стр. 8 д. л.

Объ опредѣленіи блеска бѣлыхъ звѣздъ. В. К. Цераскаго 72 стр. 8 д. л.

Ученныя записки Императорскаго Московскаго Университета. Отдѣлъ физико-математическій. Выпускъ четвертый. 206 стр. 8 д. л.

Annales de l'observatoire de Moscou. Publiées par. Dr. Th. Bredichin. Volume VIII. 112 p. in 4°.

Описательная и топографическая анатомія челоука. Атласъ Dr. Гейдена. Съ 600 рѣзанными на деревѣ рисунками. Переводъ и изданіе М. П. Вишнеускаго. Выпускъ первый. Со 100 рисунками. Изданіе третье. 80 стр. 8 д. л.

Объ участи морфія въ организмъ. Диссертація на степень доктора медицины Ефима Ландсбера. 53 стр. 8 д. л.

Кольбе. *Учебникъ неорганической химіи.* Переводъ А. Карцева, подъ редакціей А. Сабанѣва. Съ 62 полнотипажками. Второе исправленное и измѣненное изданіе. 604 стр. 8 д. л.

Практическая школа огородничества и плодоводства, комнатнаго и садоваго цвѣтководства. Составилъ А. Д. Солдатовъ-Муратовъ 280 стр. 8 д. л.

Въ Кіевѣ:

Чтенія о догматическихъ истинахъ православно-христіанской вѣры. Протоіерея Н. Фаворова. 146 стр. 8 д. л.

Жизнь и произведенія Тараса Шевченка. Сводъ матеріаловъ для его біографіи. Съ портретомъ. Составилъ М. К. Чалый. 281 стр. 8 д. л.

По вопросу объ устройствѣ быта сельскихъ чиншевиковъ и вольныхъ людей 2го разряда въ юго-западномъ краѣ. С. Тецнеръ. 32 стр. 8 д. л.

Русско-славянская азбука. Составилъ И. Гелимбатовскій. 41 стр. 8 д. л.

Въ чемъ должна заключаться наша забота о домашнихъ животныяхъ? Составилъ В. Н. Вишницкій. 15 стр. 16 д. л.

Практическая офтальмологія. Руководство для студентовъ и врачей. Дг. Ходина, профессора офтальмологіи въ университетѣ Св. Владиміра. Второе передѣланное изданіе съ 161 рисунками въ текстѣ. 945 стр. 8 д. л.

Въ Казани:

Ал. Можаровскій. *Лиса-патрикшевна.* Сказка-пѣсня. 240 стр. 8 д. л.

Стихотворенія А. Слюзова. Выпускъ второй. 29 стр. 16 д. л.

А. И. Анастасіевъ. *Научный способъ обученія грамотѣ Г. Шаве и условія прилженія этого способа въ русской начальной школѣ.* 32 стр. 8 д. л.

Военно-глазотѣрная свѣлка. Пособіе строевымъ офицерамъ во время лѣтнихъ тактическихъ занятій. Составилъ генеральнаго штаба капитанъ Монастырскій. Съ чертежами. 70 стр. 8 д. л.

Гниль нашихъ древесныхъ породъ употребляемыхъ на постройки. Съ двумя таблицами рисунковъ. Профессора Н. Со рокина. 44 стр. 8 д. л.

Въ Одессѣ:

Отчетъ о дѣятельности Одесскаго комитета торговли и мануфактуръ и о состояніи торговли и промышленности Одессы въ 1881 году. 65 стр. 8 д. л. И. А. Костенецкій.

Мысли на досугъ. 115 стр. 8 д. л.

О презѣ системахъ коробочнаго сбора въ Одессѣ. X. M. 39 стр. 8 д. л.

Запѣтки любителя о жизни макрородовъ. Н. Делла. 7 стр. 8 д. л.

Историческій очеркъ Преславской 'учительской семинаріи. 72 стр. 8 д. л.

Объ электрическихъ явленійъ наблюдаемыхъ при диффузи нѣкоторыхъ жидкостей. А. Герича. 35 стр. 8 д. л.

Сборникъ статей для переводовъ съ русскаго языка на нѣмецкій съ примѣчаніями и русско-нѣмецкимъ словаремъ. Составилъ Иванъ Аллендорфъ. 176+104 стр. 8 д. л.

Историческій очеркъ русскаго законодательства о Евреяхъ. 50 стр. 8 д. л.

Въ Ригѣ:

Правила о приѣмѣ вольноопредѣляющихся во все роды войскъ гвардіи и арміи. 38 стр. 8 д. л.

Въ Рязани:

Епархіальныя учрежденія въ Русской церкви въ XVI и XVII вѣкахъ. Историко-каноническій очеркъ И. Перова. 210 стр. +IX. 8 д. л.

Въ Вильнѣ:

Практическая русская грамматика для Евреевъ. Составлена А. Блоштейномъ. Изданіе третье. 224 стр. 8 д. л.

Учебникъ русскаго языка для низшихъ классовъ гимназій и прогимназій. Часть вторая. Составилъ О. Шолковичъ. 97 стр. 8 д. л.

Священная Исторія Ветхаго Завета. Для учащихся римско-католическаго вѣроисповѣданія. Изданіе латое. 80 стр. 12 д. л.

Въ Уральскѣ издана брошюра:

Половъ на Аму-Дарью и въ Текинскій оазисъ Уральскихъ казаковъ въ 1880—81 годахъ. Составилъ полковникъ А. Гуляевъ. 88 стр. 8 д. л.

Въ Саратовѣ:

Саратовскій сборникъ. Матеріалы для изученія Саратовской губерніи. Изданіе Саратовскаго статистическаго комитета. Томъ второй. Съ этнографическою и археологическою картою Кузнецкаго уѣзда и планами трехъ земляныхъ городковъ. 8 д. л.

Въ Варшавѣ:

С.-Петербургскій гренадерскій короля Фридриха-Вильгельма полкъ въ Турецкую войну 1877—1878 годовъ. Составилъ поручикъ И. Федотовъ. 510 стр.+49. 8 д. л.

Въ Оренбургѣ:

Руководство для заведующихъ хозяйствомъ въ полкахъ, батальонахъ и командахъ. Изданіе пятое. Составлено полковникомъ Ульяновымъ. 400 стр. 8 д. л.

Въ Воронежѣ:

Д. В. Цвѣтаева. *Баллады Шиллера.* Опытъ объясненія. Первая группа балладъ. 138 стр. 8 д. л.

Арифметическія задачи для фельдшерскихъ школъ. Составилъ В. Вальтеръ. 21 стр. 8 д. л.

Въ Тулѣ:

Отчетъ о дѣятельности Общества Тульскихъ Врачей за 1881—82 годъ и приложенія. 74 стр. 8 д. л.

Въ Харьковѣ:

Ивашечко, старинная украинская сказка на новый ладъ разказанная Вл. Александровымъ. 77 стр. 24 д. л.

Дѣтская Библіотека. Выпускъ II. Изданіе А. Н. Новицкой. 70 стр. 16 д. л.

Въ Житомирѣ:

Бездѣлки. Стихотворенія Владиміра Бернадкаго. 52 стр. 16 д. л.

Въ Кишиневѣ:

Конспектированное изложеніе географіи Россіи. Составилъ примѣнительно къ программѣ географіи Россіи для духовныхъ училищъ и среднихъ учебныхъ заведеній Д. Н. Дмитріевъ. 59 стр. 8 д. л.

Въ Астрахани:

Готовыя вычисленія. I таблица поденной расцѣнки жалованья служащимъ и рабочимъ, пропорціональной мѣсячному окладу его произвольной величины. II таблица лодунтовой расцѣнки товаровъ пропорціональной лудовой стоимости ихъ. Составилъ И. А. Зарубинъ. 40 стр.

Учебникъ теоріи словесности. Нѣжинъ, 1882 г. Составилъ И. Бѣлоруссовъ.

Чтеніе и разборъ литературныхъ образцовъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Варшава, 1881 г. И. Бѣлоруссовъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ

Египетскія дѣла.—Университетскія реформы.—Какъ мы воспитывали наше юношество въ эпоху создавшую университетскій уставъ 1863 года.—Нынешняя университетская жизнь въ новороссійскомъ храмѣ высшихъ наукъ.—Ключъ предстоящей реформы университетовъ.—Новые извороты противниковъ университетской реформы.—Органъ Польской sprawy и заведенія шипучихъ водъ въ Москвѣ.

I.

10 августа.

Съ закрытіемъ англійскаго парламента, отсрочившаго 15 августа (в. ст.) свои засѣданія до 24 октября, публика лишилась главнаго источника quasi-достоверныхъ свѣдѣній о положеніи Египетскаго вопроса. Члены оппозиціи не будутъ болѣе докучать министрамъ своими запросами, и телеграфъ не станетъ болѣе передавать отвѣты Англійскаго правительства. Едва ли однако многіе пожалѣютъ о томъ что министерская скамья въ англійскомъ парламентѣ погрузилась въ молчаніе. Не говоря уже о томъ что и во время парламентскихъ ваканцій политическіе дѣятели въ Англіи имѣютъ много случаевъ высказываться публично на многочисленныхъ митингахъ, и члены кабинета очень охотно пользуются этими случаями въ періодъ полн-

тического оживленія, приче́мъ частыя собранія какъ бы еще болѣе развязываютъ имъ языкъ,—гдѣ же нынѣ тѣ наивные люди которые сохранили вѣру въ парламентскіе спектакли? Кому не извѣстно что и въ Англіи, какъ во всѣхъ прочихъ странахъ, дѣло дѣлается не путемъ публичныхъ словопреній, и что государственные люди стоящіе у дѣлъ стѣсняются необходимостью объясняться публично по поводу не терпящихъ огласки текущихъ вопросовъ иностранной политики? Большею же частью они пользуются публичнымъ словопреніемъ для того чтобы словами получше маскировать свои сокровенные планы, намѣренія и побужденія. Съ этою цѣлью, нерѣдко напередъ устанавливается программа запросовъ предлагаемыхъ публично какимъ-нибудь мнимымъ противникомъ правительства, дабы имѣть поводъ произвести отвѣтомъ на эти запросы пригодное впечатлѣніе.

Объясненіе данное въ послѣднемъ засѣданіи палаты общинъ весьма похоже на подобнаго рода напередъ аранжированную парламентскую болтовню. Сэръ-Ашмидъ Бартлеттъ внесъ предложеніе подвергнуть правительство порицанію за его египетскую политику. Подобнаго рода предложеніямъ обыкновенно предшествуетъ продолжительная агитація въ странѣ, и такіа генеральныя парламентскія сраженія не даются за нѣсколько часовъ до закрытія сессіи. За нѣсколько дней до засѣданія 15 августа, кабинетъ Гладстона одержалъ блестящую побѣду надъ оппозиціей въ обѣихъ палатахъ по поводу Ирландскаго билля, и само собою разумѣется что при такихъ обстоятельствахъ никто и не помышлялъ чтобы предложеніе г. Бартлетта увѣчалось успѣхомъ. Оно и было имъ взято назадъ безъ раздѣленія палаты, какъ впрочемъ всегда бываетъ при фиктивныхъ парламентскихъ валаденіяхъ. Но предвѣренность этого „валаденія“ по взаимному соглашенію противниковъ еще болѣе обнаруживается изъ содержанія той „безлощадной“ критики которой подвергъ иностранную политику правительства его оппонентъ. Сэръ-Ашмидъ жоризалъ кабинетъ г. Гладстона за то что онъ испортилъ добрыя отношенія между Англіей, съ одной стороны, и Германіей съ Австріей, съ другой. На это сэръ-Чарльзъ Дилкъ далъ отвѣтъ который произвелъ въ Европѣ сенсацію неожиданности, а въ данную минуту это именно и требовалось.

Г. Дилкъ заявилъ что отношенія Англіи къ Германіи и Австріи „не были никогда болѣе дружественными чѣмъ именно

теперь". Оллонентъ утверждалъ что теперешнее правитель-ство разрушило союзъ съ Германіей, установленный лордомъ Биконсфилдомъ. На это г. Дилкъ возразилъ что напро-тивъ теперешній кабинетъ поздравляетъ себя по поводу „сер-дечности“ его отношеній къ Германскому правительству и что онъ проникнутъ глубокою благодарностью къ Германіи, которая „самымъ ревностнымъ образомъ поддержала поли-тику Англій“. Утвержденіе будто бы Англійское правительство стремилось къ образованію англо-французскаго союза направ-леннаго противъ Германіи и Австріи есть де выдумка ли-шенная всякаго основанія; Англія не имѣетъ де ни малѣй-шаго повода ревниво относиться къ тому вліянію которое приобрѣла Германія въ Константинополѣ. Совершенно не-вѣрно и то будто бы противъ Англій составилось единеніе четырехъ державъ: Германіи, Австріи, Россіи и Италіи, съ цѣлю противодѣйствовать ея замысламъ въ Египтѣ.

Это „сердечное“ изліаніе англійскаго министра по адресу Германіи противорѣчитъ весьма недавнимъ фактамъ и едва ли можетъ быть принято въ буквальномъ смыслѣ. Но во вся-комъ случаѣ оно знаменуетъ собою желаніе укрѣпить увѣ-ренность въ полнѣйшемъ единодушіи между Германіей и Ан-гліей. Дружеская демонстрація Британскаго кабинета по от-ношенію къ Германіи тѣмъ замѣчательнѣе что и со стороны Германіи въ самое послѣднее время чинились такого же рода, хотя и нѣсколько болѣе сдержанныя, заявленія. Съ недѣлю тому назадъ, *Сверло-Германская Всеобщая Газета* помѣстила статью которая обратила на себя всеобщее вниманіе, и со-держаніе ея было тотчасъ же разнесено по свѣту офиціоз-нымъ берлинскимъ телеграфомъ. Въ ней указывалось на то что Англіи *должны* принадлежать первенствующій голосъ въ дѣлѣ охраненія Суэзскаго канала, и что Суэзскій каналъ от-нюдь не можетъ быть объявленъ на такомъ же положеніи нейтральности и постоянного подчиненія международному контролю, какъ нижнее теченіе Дуная. Нѣсколько дней спустя, газета *Grenzboten*, пользующаяся репутаціей органа хорошо посвященнаго въ виды и намѣренія князя Бисмарка, допо-вила указанную офиціозную замѣтку указавъ на то что „Гер-манія имѣетъ весьма малый интересъ въ томъ что происхо-дитъ въ Египтѣ“. Не ея де дѣло давать одобреніе или не-одобреніе той или другой державѣ за ея политику, какъ дѣ-лала Франція при Наполеонѣ III. Никакое правительство

въ Англіи не могло бы дѣйствовать иначе чѣмъ кабинетъ г. Гладстона, который старается не лишь о томъ чтобы оградить жизненные интересы „великой Британской имперіи“. Германскій канцлеръ старался только чтобы дѣло не дошло до европейской войны и чтобы борьба въ Египтѣ была локализована. Готовящееся соглашеніе касательно совокупнаго дѣйствія англійскихъ и турецкихъ войскъ въ Египтѣ есть не по преимуществу результатъ примирительныхъ посредническихъ стараній князя Бисмарка въ Константинополѣ.

Берлинская печать была на первыхъ порахъ весьма озадачена этимъ замѣтнымъ поворотомъ въ тонѣ официозныхъ органовъ имперскаго канцлера по отношенію къ Англіи и, вѣрная своей привычкѣ во всемъ полагаться на мудрость имперскаго канцлера въ иностранныхъ дѣлахъ и одобряя оную даже не понимая ея смысла, берлинская печать послѣдила въ свою очередь измѣнить свой тонъ и прекратить наладки на Англію, которыя постоянно усиливались со времени бомбардированія Александріи.

Нѣкоторыя изъ нѣмецкихъ газетъ, впрочемъ, стараются отыскать и объясненіе этимъ внезапнымъ дружественнымъ демонстраціямъ между Германіей и Англіей. Объясненіе это заключается въ томъ что Германія должна предупредить возможность соглашенія Англіи съ Франціей и, черезъ голову Германіи, съ Россіей...

12 августа.

Главную атаку генералъ Волзлей повелъ не отъ Александріи, какъ было предположено, а отъ Измаиліи на Суэзскомъ каналѣ, обращенномъ теперь въ операціонный базисъ Англичанъ. Англійскій полководецъ, повидимому, воспользовался ошибкой Араби-лаши. Все вниманіе египетскаго диктатора было обращено на Александрію и охраненіе доступовъ оттуда къ Каиру. Укрѣпивъ Кафрѣ-Доваръ, Араби-лаша ставилъ сюда наибольшую массу войскъ, оставивъ для прикрытія путей ведущихъ отъ Каира къ Суэзскому каналу весьма ограниченныя силы и при томъ весьма неблаговажныя по своему качеству. Если у Кафрѣ-Довара строились день за днемъ сильныя верки, то здѣсь, у Загазига и у Тель-эль-Кебира, Египтяне ограничились нѣсколькими наскоро набросанными укрѣпленіями, вооруженными крайне ограниченнымъ числомъ орудій. Египтяне не полагали что отсюда будетъ по-

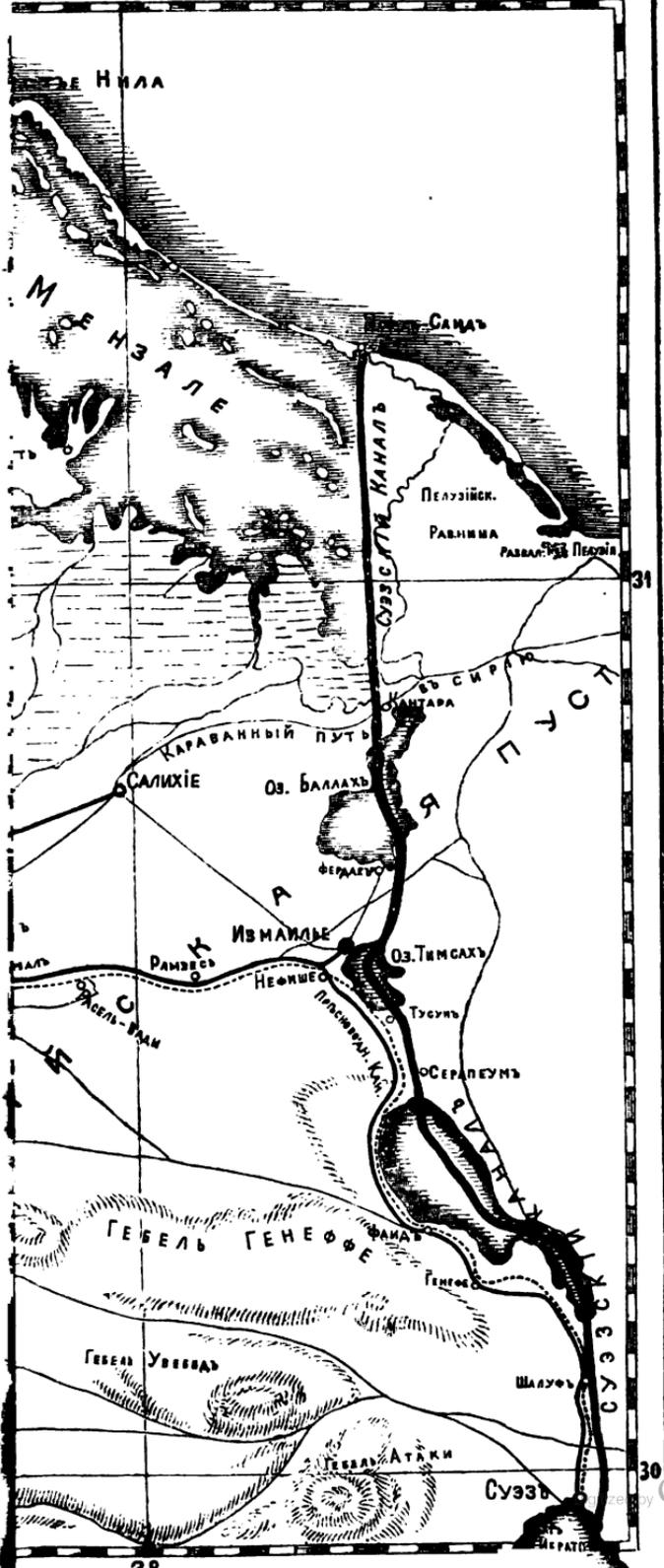
ведена главная атака, хотя и ждали нападенія отъ Суэза и Измаиліи. Это послужило первымъ указаніемъ англійскому генералу для выбора именно этого пути. Вторая причина вынудившая Волзлеа перенести центръ операцій на каналъ заключалась въ возможности установить связь въ дѣйствіяхъ между европейскимъ и индійскимъ отрядами Англичанъ и въ то же время обезпечить эти дѣйствія устройствомъ широкаго и во всѣхъ отношеніяхъ удобнаго базиса. Наконецъ,—и это самое главное,—Англія еще не вступая въ рѣшительную борьбу обезпечивала себѣ все для чего эта борьба предпринимается: у нея въ рукахъ и Александрія, и каналъ, о которомъ такъ много заботились и такъ много бесѣдовали за зеленымъ сукномъ на Константинопольской конференціи. Англія фактически владѣетъ каналомъ, и ей, а не кому иному, придется сказать послѣднее властное слово, опредѣляющее судьбу канала.

Протяженіе канала не велико: отъ Портъ-Сауда до Суэза считается всего 160 километровъ. Почти на половинѣ длины его, въ 75 километрахъ отъ Портъ-Сауда, лежитъ Измаилія, отъ которой отходитъ желѣзная дорога въ Загазигъ и далѣе въ Каиръ. Вдоль этой дороги и южнѣе ея, идетъ прѣсноводный каналъ, направляющійся затѣмъ далѣе, какъ и желѣзная дорога, отъ Измаиліи параллельно морскому Суэзскому каналу къ Суэзу. Это положеніе Измаиліи даетъ ей первенствующее стратегическое положеніе. Слѣдующимъ по значенію пунктомъ долженъ считаться городъ Эль-Кантара, въ 44 километрахъ отъ Портъ-Сауда. Отъ Эль-Кантары проходитъ хорошая дорога въ Салигъе, откуда идетъ олять рельсовый путь чрезъ Абу-Кебиръ къ Загазигу. Третій по значенію пунктъ есть станція канала Шалуфъ, около которой, на западной сторонѣ канала, лежитъ плато того же имени, прикрывающее какъ морской каналъ такъ и идущіе параллельно ему каналъ прѣсноводный и береговую желѣзную дорогу. Но отъ Шалуфа отходитъ еще на западъ цѣлый рядъ торныхъ путей и притомъ кратчайшихъ, къ Каиру, въ томъ числѣ „путь мекскихъ пилигримовъ“ и „старая дорога англо-индійской почты“. Суэзь и Портъ-Саудъ имѣютъ значеніе только какъ конечные пункты канала, обезпечивающіе владѣніе имъ въ будущемъ. Этимъ значеніемъ различныхъ пунктовъ на каналѣ опредѣлился весь образъ дѣйствій Англичанъ 20 и 21 августа. Распустивъ ложные слухи о предстоящемъ

бомбардированіи Абукира, Волзлей съ цѣлою дивизіей гѣхоты и всѣмъ флотомъ, на разсвѣтъ 20 августа, появилась у Портъ-Саида. Немедленно посланъ десантъ, и Портъ-Саидъ застигнутый въ расплохъ сдался безъ сопротивленія. Командиры египетскихъ войскъ взяты въ плѣнъ, защитники города обезоружены. Телеграфъ захваченъ. Не теряя времени Англичане двигаются далѣе, и въ тотъ же день успѣваютъ занять Эль-Кантару. Въ свою очередь, силы двинутыя изъ Суэза занимаютъ съ бою Шалуфъ и потомъ Измаилію, гдѣ должны встрѣтиться индійскій и европейскій корпусъ Англичанъ. Египтяне и здѣсь сопротивлялись слабо; только у Шалуфа произошло нѣчто похожее на стычку, а отрядъ занимавшій Измаилію просто отошелъ къ Нефису (Nefiche), узу дорогъ изъ Загазига и Суэза въ Измаилію. Англичане послѣдовали за Египтянами, но ограничились пока канонадой. На слѣдующій день Волзлей лично прибылъ въ Измаилію, и началась высадка массы англійскихъ войскъ.

Пока все дѣло въ томъ успѣетъ ли Араби-паша занять Каиръ ранѣе Англичанъ и какъ послѣдніе сумѣютъ поладить съ природою. Августъ кончается; въ сентябрѣ долженъ послѣдовать разливъ Нила, до крайности затрудняющій всѣ сухопутныя сообщенія, за исключеніемъ желѣзнодорожныхъ. На этотъ разливъ Египтяне разчитывали съ самаго начала военныхъ приготовленій. Но разливъ Нила можетъ привести впрочемъ лишь къ тому что Англичане потеряютъ полтора или два мѣсяца, которыми можетъ воспользоваться Араби-паша для укрѣпленія Каира.

Но за военною силою Египта можетъ стать сила народа, съ которою справиться всегда не легко иноземному вторженію. Не рано ли Англичане тѣшатъ себя будто народъ, гдѣ-то впрочемъ въ Верхнемъ Египтѣ, негодуетъ на Араби-пашу. Въ Египтѣ можетъ вспыхнуть народная, религіозная борьба съ пришельцемъ. Англичанамъ не разъ приходилось испытывать что значитъ такая борьба и какого напряженія силъ она потребуетъ, но имъ не менѣе извѣстно и главнѣйшее средство предотвратить такую войну: рѣшительный полный успѣхъ и быстрое занятіе страны.

31

30

II.

Въ настоящее время, повидимому, шевельнулся университетскій вопросъ. Поидеть ли онъ, или у него отъ долгаго сидѣнья отянулись ноги, и онъ, пошевелившись, опять опустится на покой? Считаемо, однако, не лишнимъ ознаменовать пробужденіе, истинное или фиктивное, этого вопроса замѣтками изъ *Московскихъ Вѣдомостей* указывающими существованіе дѣла. Начнемъ съ того что было писано въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* еще во времена *Сабуровскія*, въ декабрѣ 1880 года.

Говорятъ о самоуправленіи университетовъ, настаиваютъ на сохраненіи университетскаго устава 1863 года, которымъ якобы даровано самоуправленіе этимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ. Это ошибка. Нынѣшнее положеніе университетовъ, на основаніи устава 1863 года, болѣе приближается къ типу крѣпостнаго права чѣмъ къ самоуправленію. Можно ли назвать самоуправленіемъ порядокъ въ силу котораго участь цѣлой массы людей, въ ихъ нравственныхъ, политическихъ и наконецъ матеріальныхъ интересахъ, находится въ безконтрольномъ распоряженіи нѣсколькихъ лицъ составляющихъ замкнутую, привилегированную и монопольную корпорацію, которая сама пополняется, сама выбираетъ, подвигаетъ и прогоняетъ своихъ членовъ? Еслибы профессорскія collegіи были только учеными обществами, то порядокъ въ нихъ установленный былъ бы конечно самымъ полнымъ, какого только можно пожелать, самоуправленіемъ. Ученое общество само выбирая своихъ членовъ, распредѣляя свои занятія, назначая преміи, снаряжая экспедиціи и т. д., распоряжается своими дѣлами и управляется само собою. Въ такомъ положеніи находится, напримѣръ, Академія Наукъ. Но университеты существуютъ для юношества которое ищетъ въ нихъ высшаго образованія и съ тѣмъ вмѣстѣ правъ государственной службы. Профессорскія collegіи служатъ исключительно для этой цѣли, и потому дѣятельность ихъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ назваться самоуправленіемъ, и слѣдовательно ни въ какомъ случаѣ не должна быть безконтрольная и независимая. Государство, учреждая расадики

высшаго образованія и привлекая къ нимъ отборныхъ молодыхъ людей изъ народа, съ тѣмъ чтобъ они потомъ становились его разумнѣеи, его руководителями и наставниками, не можетъ, не отрекаясь отъ своихъ обязанностей, отдавать ихъ въ безконтрольное завѣдываніе замкнутой корпораціи. Студенты *обязываются* слушать по такому-то предмету такого-то профессора, *обязываются* усвоить себѣ то что онъ преподаваетъ, будетъ ли то или не будетъ соответствовать требованіямъ науки, *обязываются* отдавать ему отчетъ въ томъ что имъ было преподавано, и находятся въ полной зависимости отъ его одѣнки. Между слушателемъ и преподавателемъ при такомъ порядкѣ сразу устанавливаются неправильныя отношенія. Студенту весьма естественно желать чтобы преподаваніе было менѣе серіозно и обширно. Профессоръ нѣкъмъ не контролируемый преподаетъ что хочетъ и сколько хочетъ, стѣсняемый только настроеніемъ слушателей *обязываются* черпать свою мудрость въ его лекціяхъ. Интересъ науки меркнетъ; высшее образованіе, ради котораго привлекаются молодые люди въ университеты, брошено на произволъ случая. Вступаютъ въ дѣйствіе мотивы чуждыя цѣлямъ для которыхъ университеты существуютъ. Либо протая школа служащая продолженіемъ гимназіи съ ея дисциплиной и бдительнымъ контролемъ правительства, либо университеты со свойственною имъ свободой преподаванія. Весьма естественно что молодые люди, которые еще учатся, не могутъ сами назначать профессоровъ, и студенты, во время возбужденной между ними свыше агитаціи, поступили умно осмѣивая и отбросивъ этотъ пунктъ предложеннаго имъ проекта петиціи. Но въ требованіи чтобы студенты сами выбирали профессоровъ сказался вѣрный инстинктъ который только не нашелъ себѣ правильнаго выраженія. При свободѣ высшаго преподаванія, студенты дѣйствительно получаютъ возможность выбирать себѣ руководителя который вѣрнѣе и лучше можетъ способствовать имъ въ достиженіи цѣли. Но свобода преподаванія возможна только при независимости слушателя отъ произвола преподавателя, а это достигается лишь отдѣленіемъ государственной части отъ части научной, экзамена дающаго права отъ преподаванія, долженствующаго только помогать учащимся въ приобрѣтеніи необходимыхъ познаній. Отдѣленіе экзамена отъ преподаванія, какъ это установлено въ тѣхъ

страхах гдѣ университеты заслуживаютъ своего имени, только и можетъ поставить въ правильныя отношенія преподавателей къ слушателямъ, слушателей къ преподавателямъ. При освобожденіи профессорскихъ коллегій отъ несвойственной имъ функціи раздачи государственныхъ правъ, то-есть при отдѣленіи экзаменовъ отъ преподаванія, сама собою должна установиться приватъ-доцентура. Всякій удовлетворяющій установленнымъ условіямъ можетъ получить право открывать при университетѣ курсы своей науки, и студентъ весьма естественно будетъ выбирать того изъ преподающихъ кто вѣрнѣе можетъ пособить ему въ приобрѣтеніи познаній въ той силѣ и въ тѣхъ размѣрахъ какіе установлены соответственно требованіямъ науки. Мы слышали много софизмовъ и кривыхъ толковъ оспаривающихъ этотъ необходимый прогрессъ, безъ котораго никогда не будетъ у насъ серьезной и достойной своего имени науки; но мы слышали еще болѣе озлобленныхъ возраженій противъ реформы освободившей массу нашего народа отъ крѣпостнаго права.

Въ настоящее время профессорскія коллегіи представляютъ принципъ не свободы, а власти, неправильно присвоенной имъ въ ущербъ науки, во вредъ учащемуся юношеству и стравъ которой оно должно быть украшеніемъ и силой. Эта неорганическая примѣсь политическаго элемента къ дѣлу науки составляетъ все зло вышшняго положенія, дающее себя разнообразно чувствовать. Изъять этотъ элементъ, освободить профессорскія коллегіи отъ несвойственнаго имъ политическаго принципа, возвратитъ имъ чисто научный характеръ, установить свободу преподаванія,—вотъ задача, рѣшеніе которой есть неотложная необходимость.

Вотъ какъ за двадцать лѣтъ предъ симъ воспитывали мы нашу молодежь: *

12 июня.

Въ майской книжкѣ *Русской Старины*, профессоръ Петербургскаго университета, г. Андреевскій, помѣстилъ свои воспоминанія о дѣйствіяхъ покойнаго князя Суворова, бывшаго петербургскимъ генералъ-губернаторомъ въ эпоху студентскихъ безпорядковъ 1861 года, и при этомъ случаѣ сообщилъ не лишеныя интереса подробности о состояніи Петербургскаго

* *Моск. Вѣд.* 12 июня.

университета въ то любозытное время. Это та эпоха когда народилася и разцвѣлъ нигилизмъ. Мы тутъ у истока мутнаго теченія, которое привело къ тому что нынѣ принято называть „крамолой“, а въ широкомъ разливѣ образовало вышнюю такъ-называемую „либеральную партію“. Не даромъ въ преданіяхъ нигилизма время это представляется какъ вѣкій золотой вѣкъ, когда люди,—по крайней мѣрѣ тѣ кого требовалось обмануть,—были такъ невнимы что не замѣчали своей безпомощной неприкрытости. Отъ того времени на давшій рядъ лѣтъ пошло то злосчастное броженіе въ какомъ ностоянно пребывали наши высшія учебныя заведенія и которое періодически приводило къ „исторіямъ“ сопровождавшимся одиозными послѣдствіями. Правительство встрепетается, образуется коммиссія, составятъ на бумагѣ какія-нибудь правила для учащихъся, а на дѣлѣ все пойдетъ или попрежнему или еще хуже. Повѣствованіе профессора Андреевскаго объ удивительномъ зрѣлищѣ какое представлялъ Петербургскій университетъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ тѣмъ любопытнѣе что авторъ относится къ невѣроятнымъ явленіямъ, которыхъ былъ свидѣтелемъ и участникомъ, весьма сочувственно, не замѣчая сколько лагубы причинилъ молодежи тотъ квази-либерализмъ возрѣній и дѣйствій которымъ авторъ воспоминаемій восхищается въ себѣ и въ другихъ.

„Движеніе“ шестидесятыхъ годовъ коснулось Петербургскаго университета въ ту эпоху когда студенты еще ходили въ форменномъ платьѣ и когда еще не исчезли преданія строгой вышней дисциплины прошлаго времени. Студенты и не помышляли еще о *сводкахъ* или студенческихъ *митингахъ*, отъ которыхъ пошла вся послѣдующая неурядица, и которыя потомъ многочисленныя ходатаи студенческихъ правъ изъ профессоровъ и не профессоровъ стали изображать какъ естественную потребность студента, столь же для него необходимую какъ воздухъ для птицы и вода для рыбы. Откуда же явились эти сходки лустившія въ Петербургскомъ университетѣ глубокіе корни? Оказывается что сходки въ Петербургскомъ университетѣ организовало само правительство въ лицѣ полечителя округа, и притомъ почти насильно! Не то ли же самое происходило и въ 1880 году въ Москвѣ? Полечитель, князь Щербатовъ, „исполненный, говоритъ г. Андреевскій, откровенной вѣжливости, несомнѣнно желавшій процвѣтанія университету, давно дѣлалъ въ душѣ желаніе полной его реформы“

и „мечталъ“ объ организаціи студенческаго самоуправления. „Онъ самъ сталъ созывать студентовъ на совѣщанія съ нимъ. Сначала студенты или неохотно на такія совѣщанія, скоро получившія названіе *сходокъ*.“ Настойчивость начальства преодолѣла однако въ этомъ случаѣ сопротивление, и сходки „стали получать развитіе“. Достигнуто это было, полагаетъ г. Андреевскій, тѣмъ что, во первыхъ, „наши (кто наши?) удобнымъ отобрать отъ инспектора распоряженіе концертами“, во вторыхъ, затѣвано было изданіе студенческаго сборника, устроили библиотеку и кассу. „Для всѣхъ этихъ дѣлъ, справедливо разсуждаетъ г. Андреевскій, требовались распорядители, которыхъ надо было избрать, а для возможности избранія нужны были уже фактически установленныя полечителямъ сходки“. Г. Андреевскій, впрочемъ, слишкомъ уже исключительно приписываетъ полечителю честь учрежденія сходокъ въ Петербургскомъ университетѣ. Самъ же онъ уломинаетъ что „весьма многіе сочувствовали его мечтѣ“, разумѣя подъ „многими“ профессоровъ, которые, говоритъ онъ, къ заведеннымъ сходкамъ „относились весьма сочувственно“. Что же произошло отъ новаго учрежденія? Г. Андреевскій не скрываетъ что студенты перестали заниматься или, какъ онъ выражается, „сходки пожирали напрасно много золотаго времени, мѣшали занятіямъ къ которымъ дѣйствительно стремилось большинство университетской молодежи“. Это не мѣшаетъ г. Андреевскому считать новое *правительственное* учрежденіе,—шедшее по его же словамъ наперекоръ добродушному стремленію студентовъ учиться,—не только либеральнымъ, но и благодѣтельнымъ, такъ какъ подъ его девліаніемъ „стали создаваться стойкіе характеры (не вожаки ли будущихъ движеній?) и крѣпнуть убѣжденія“. По мнѣнію автора воспоминаній, требовалось только развить учрежденіе, образовавъ,—конечно насильно,—студентскія общества и корпораціи“. Фактъ впрочемъ остался фактомъ. Сходки повели къ неурядицѣ, особенно, какъ замѣчаетъ г. Андреевскій, въ періодъ когда новый полечитель отнесся къ развитію ихъ неодобрительно. Продолжали ли въ этотъ періодъ относиться къ нимъ сочувственно профессора, авторъ не уломинаетъ. Не уломинаетъ онъ и о другомъ обстоятельстве. имѣвшемъ не малое значеніе, а именно о стремленіи,—исходившемъ изъ либерально-профессорскихъ кружковъ и нашедшемъ потомъ выраженіе во мнѣніяхъ нѣкоторыхъ профессоровъ

по вопросу о новомъ уставѣ, — широко открывать двери университета, допуская въ него всякаго желающаго присутствовать къ свѣту. Стремленіе это г. Андреевскій приписываетъ исключительно духу времени. „Въ университетскихъ аудиторіяхъ, говоритъ онъ, стали являться стремившіяся къ пріобрѣтенію званій дѣвушки“. Явленіе это, неприглядное де со вѣшной стороны, чувствительный г. Андреевскій объясняетъ жаждой „молодаго жевскаго поколѣнія пріобрѣтать свѣдѣнія и желаніемъ его поставить дальнѣйшую свою жизнь въ цѣны экономическія основы; объявивъ непримиримую войну роскоши и находя чарующую красоту въ образованіи и простотѣ“. Трудно, конечно, нѣжнѣе выразиться о стриженыхъ особахъ подвизавшихся въ коммунахъ. Въ то же время, свидѣтельствуетъ авторъ, „въ массѣ молодежи... дѣйствовало *множество* постороннихъ вовсе не принадлежавшихъ къ учащимся“. Все это не мѣшаетъ однако нашему историку утверждать что „въ 1861 году дѣло студенческое было чисто внутреннее, никакой политической окраски не имѣвшее“ и получившее ее будто бы „только чрезъ годъ, въ мартѣ 1862 года, когда появились первыя прокламаціи и въ студенчество была пущена политическая пропаганда“. Память въ этомъ случаѣ измѣняетъ лѣтописцу. Въ „*Колоколѣ* изд. А. И. Герцена“, какъ г. Андреевскій выражается, „договаривавшемъ“ то чего не досказывала отечественная печать, онъ могъ бы въ статьѣ *Материалы для исторіи студенческихъ гоненій* найти свидѣтельство что дѣло въ 1861 году далеко не было такимъ специально и невинно студенческимъ. А при нѣкоторомъ напряженіи памяти онъ можетъ-быть припомнилъ бы что польская рука обнаруживала себя не тѣмъ только что, какъ онъ выражается, „начавшія разгараться въ Царствѣ Польскомъ надежды на лучшее будущее создавали и въ русскомъ обществѣ критиковъ существующаго“.

Волненія имѣвшія въ 1861 году послѣдствіемъ временное закрытіе Петербургскаго университета разыгрались по слѣдующему поводу. Министръ Народнаго Просвѣщенія Ковалевскій удался изъ Министерства оставивъ по себѣ мѣру имѣвшую большія послѣдствія: студентская форма отиѣнялась, студенты внѣ зданій университета (институтъ казенно-коштныхъ былъ уже упраздненъ) объявлялись гражданами, до которыхъ университету нѣтъ никакого дѣла, и съ тѣмъ вмѣстѣ всякія сходки строжайше воспрещались. Мѣра эта,

придуманная главнымъ образомъ съ цѣлю сложить отвѣтственность съ завѣдующихъ, шла прямо въ разрѣзъ съ только что поощрявшимся стремленіемъ къ устройству студентскаго самоуправленія, студентскихъ обществъ и корпорацій. Новый министръ, графъ Путятинъ, мало знакомый съ вѣдомствомъ постулившимъ подъ его управленіе, принялъ доставшееся ему въ наслѣдство правительственное постановленіе за серьезное дѣло и порѣшилъ исполнить его, то-есть прекратить сходки. Это и вызвало бурю. Совѣту профессоровъ лѣтомъ 1861 года было поручено составить правила на основаніи послѣдняго постановленія, и изложить ихъ въ особой книжкѣ, которую требовалось выдать каждому студенту. Профессора должны были составлять строгія правила противъ того что они, въ большинствѣ, только-что поощряли и сами устраивали. Весьма понятно что они предложили, какъ повѣствуетъ г. Андреевскій, въ правилахъ „такія приспособленія которыя не ставили бы ихъ прямо въ разрѣзъ съ ожиданіями молодежи“, то-есть, которыя позволили бы обойти новое постановленіе. Понятно что министерство не согласилось утвердить такія правила. Лекціи открылись безъ правилъ. Студенты по старому занялись сходками. Полечитель (генераль Фиалковъ) велѣлъ залереть аудиторіи гдѣ не было лекцій. Студенты силой заняли большую залу, „дверь въ которую, какъ обстоятельно повѣствуетъ г. Андреевскій, хотя была залерта, но отъ напора легко открылась, причемъ одно стекло этой двери разбилось“. Началась извѣстная сумятица: прекращеніе лекцій, шествіе студентовъ толпой чрезъ весь Петербургъ къ полечителю, протесты профессоровъ, закрытіе университета, осада студентами университетскаго зданія, плѣвеніе толпы войскомъ и полиціей и отправка захваченныхъ частію въ Петропавловскую крѣпость, частію въ Кронштадтъ. Власть выступила во всемъ аппаратъ силы, чуть не съ пушками. Объявленные гражданами школьники препровождены въ крѣпости какъ граждане мятежные. И все это поднятіе государственныхъ средствъ обороны было для того чтобы прекратить въ университетѣ сходки! Подстрекатели говорили студентамъ что они сила, только бы держались крѣпко. Правительство само обратилось къ нимъ какъ бы къ вѣкоторой значительной силѣ, и хотя не могло не сознавать что имѣеть дѣло съ толпой искусственно взволнованныхъ юношей, не догадывалось, ототранивъ дѣтей, хорошенько заняться взрослыми.

Была ли ло крайней мѣрѣ достигнута цѣль для которой потребовалось обложене университетов войсками? Менѣ всего. Выступили новые правительственные дѣятели. Министромъ просвѣщенія былъ назначенъ статсъ-секретарь Головинъ, а „для успокоенія взволновавшагося общества“, какъ узнаемъ отъ г. Андреевскаго, рижскій генералъ-губернаторъ князь Суворовъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ въ Петербургъ. Въ дѣйствіяхъ правительства по отношенію къ университетамъ обнаружилось поразительное раздвоеніе: одною рукой дѣлалось то что раздѣлялось другою. То что съ одной стороны правительственною властію заявлялось какъ твердое рѣшеніе, съ другой тою же властію парализовалось, осмѣивалось, выставалось какъ неаѣлость. Г. Андреевскій съ умиленіемъ разказываетъ какъ князь Суворовъ началъ съ того что явившись къ задержаннымъ студентамъ „благодарилъ ихъ за то что они нашумѣли и тѣмъ содѣйствовали его переходу въ Петербургъ“, и прибавилъ что „повимаетъ энергію молодости и уважаетъ горячія молодыя головки“. Дѣлается строгое распоряженіе: освобожденныхъ студентовъ обязать подпиской выѣхать въ 24 часа изъ Петербурга „если не представлятъ за себя поручителей и если не надѣнутъ платья которое бы не отличало ихъ отъ другихъ гражданъ“ (студенты были въ своей формѣ: „высокихъ салогахъ и простыхъ тулупахъ“). Двѣсти студентовъ подлавшихъ распоряженію просили ходатайства г. Андреевскаго. Отправились вмѣстѣ къ генералъ-губернатору. Эта правительственная власть крайне удивилась распоряженію другой (жандармской) правительственной власти и немедленно парализовала его. Генералъ-губернаторъ расписалъ студентовъ на лоруки: себѣ, профессору Андреевскому, губерискому прокурору и правителю своей канцеларіи. Генералъ-губернаторъ не остановился на этомъ и пожелалъ чтобы студенты выбрали „старостъ или депутатовъ съ которыми можно бы сноситеся“. Студенты заявили что уже дѣло сдѣлаво: они въ тюрьмѣ имѣли выборныхъ старостъ, тѣ пусть и остаются депутатами. Генералъ-губернаторъ „точахъ же ихъ всѣхъ утвердилъ“. Г. Андреевскій замѣтилъ „се шутку“ что именно „за это желаніе имѣть своихъ депутатовъ студенты и попали въ крѣпость“. Ни генералъ-губернаторъ, ни самъ профессоръ не замѣтили серіозности этой шутки. Но что должно было родиться въ головахъ юношей съ которыми постулали такимъ удивительнымъ образомъ? Затѣмъ

последовало нечто уже совсем невероятное. Тѣмъ же „депутатамъ“,—правительствомъ вопреки правительству назначеннымъ,—дозволено устроить—что бы вы подумали?... „большой университетъ!“ „Много поспособствовалъ, прибавляетъ г. Андреевскій, опять князь Суворовъ“. Поспособствовали также городской голова, открывшій залы Думы, и министр Народнаго Просвѣщенія, послѣдившій утвердить программы приглашенныхъ студентами профессоровъ. Открылся „вольный университетъ“, но лекціи въ немъ продолжались только мѣсяцъ. Профессора согласились читать подъ условіемъ чтобы студенты-распорядители отвѣчали за порядокъ. „Къ каждому профессору и приставленъ былъ студентъ-распорядитель весьма завѣдывавшій относительно администраціи на лекціи“. Но скоро распорядители заявили что не въ состояніи поддерживать порядокъ: хорошо должно-быть былъ порядокъ въ этомъ вольномъ университетѣ! Тогда профессора отказались, смѣло остался только г. Костомаровъ, но и ему „шумъ помѣшалъ продолжать лекціи“. Закрылся вольный университетъ. Открыли опять казенный. Но порча молодежи подвинулась далеко впередъ. Политическая пропаганда работала усиленно (это припоминаетъ и г. Андреевскій) и въ университетѣ и внѣ его, исходя по преимуществу отъ польскихъ вожаковъ. Комическія сцены подстроеннаго студентскаго возстанія на улицахъ Петербурга смѣшались ужасами Петербургскихъ пожаровъ. Трудно было не видѣть что это дѣла тѣхъ же агитаторовъ которыми „либерально“ открывали доступъ въ среду ничѣмъ не огражденной молодежи, и которые смущали, совращали и губили эту несчастную молодежь. Но генералъ-губернаторъ, какъ слѣдуетъ изъ разказа г. Андреевскаго, тщательно старался не добираться до подстрекателей, наивно смѣшивая ихъ съ массой молодежи и говоря г. Андреевскому: „вы знаете какъ я люблю и всегда защищаю молодежь, но посмотрите на что же это похоже, вѣдь весь городъ въ пламени!“ Странный взглядъ этого добродушнаго сановника еще можно какъ-нибудь объяснить; но трудно въ понять г. Андреевскаго, который не нашелъ ничего въ отвѣтъ какъ новую „шутку“: говорить де будетъ наводненіе и его де сбѣгаютъ студенты. Почтенный профессоръ,—повидимому все еще воображающій себя „защитникомъ молодежи“ и восхищающійся собою за догадливость что взялъ такую, себѣ ничего не стѣющую, а многими пріятствами обставленную

роль,—не потрудился пояснить генералъ-губернатору что отараясь сквозь лаалды смотрѣть на политическое значеніе событія, якобы изъ расположенія къ молодежи, онъ оказываетъ нѣжность не молодежи, а ея врагамъ, тому проклятому ферменту который прокраася въ среду молодежи и губилъ ее безпрелятственно...

Итакъ, вотъ какъ воспитывали мы наше юношество въ золотой вѣкъ шестидесятихъ годовъ! Любопытна судьба мѣры объявившей студентовъ полвоправными гражданами и послужившей поводомъ къ волненію. Мѣра эта, придуманная въ видахъ сложенія всякой отвѣтственности съ начальствующихъ, была введена въ конституцію дарованную уиверситетскимъ профессорскимъ коллегіямъ уставомъ 1863 года и стала однимъ изъ краеугольныхъ камней этого устава, который весь сочивенъ въ духъ общей безотвѣтственности.

Недавнія происшествія въ Одесскомъ уиверситетѣ вызвали въ *Московскіяхъ Вѣдомостяхъ* (24 іюня) слѣдующую статью:

Между нашими уиверситетами Новороссійскій самый младшій, не имѣющій преданій, возросшій подъ уставомъ 1863 года. Качества этого устава отражаются здѣсь съ особенною чистотой. Яркость отраженія умѣряется только тѣмъ обстоятельствомъ что въ Одессѣ нѣтъ медицинскаго факультета. Что было бы еслибы прибавить нѣсколько десятковъ профессоровъ-медиковъ въ совѣтъ и нѣсколько сотъ студентовъ къ нынѣшнему несложному контингенту? А прибавить между тѣмъ необходимо, ибо этотъ неполный уиверситетъ не достигаетъ цѣли будучи лишень весьма существенной и необходимой части.

Семь лѣтъ тому назадъ, профессоръ Новороссійскаго уиверситета Абашевъ, нынѣ покойный, представилъ въ официальной запискѣ, затѣмъ напечатанной, такую картину внутренняго состоянія коллегіи къ которой принадлежалъ: „Всѣмъ извѣстно что въ настоящее время между членами уиверситетскихъ сословій господствуетъ постоянная и ожесточенная борьба партій. Причина этого лежитъ въ уиверситетскомъ уставѣ. Въ виду выборовъ на разные должности, соединенныя съ жалованьемъ, въ совѣтѣ составляются партіи и пускаются въ ходъ всевозможныя средства. Стараются провести въ члены совѣта своихъ сторонниковъ... Каждая партія

старается склонить колеблющихся въ своею пользу личнымъ ухаживаньемъ, общаньемъ выбора на другую выгодную должность, общаньемъ наградъ чинами и орденами (отъ ректора это зависитъ въ весьма значительной степени); общаютъ даже выгоды на сторонѣ, денежныя и почетныя. Робкихъ стараются залугать страхомъ преслѣдованія. Человѣка неприятнаго стараются поссорить съ товарищами, поставить въ неловкое положеніе предъ студентами... И немного нужно для того чтобъ исторія совѣтская превратилась въ исторію со студентами“. Съ тѣхъ поръ какъ набросана эта картина, черты которой не составляютъ исключительной принадлежности Одессы, университетскія „исторіи“, профессорскія и студентскія, не прерывались въ Новороссійскомъ какъ и въ другихъ университетахъ. Но дѣло вступило въ нѣкоторую новую фазу. Во всѣхъ почти университетахъ ввали рѣшительный верхъ партіи именующія себя *либеральными*; въ нѣкоторыхъ даже дисциплинарное завѣдываніе студентами, такъ важное при современныхъ условіяхъ, перешло въ тѣ самыя руки которыя мучили студентовъ. Минуты наибольшаго торжества этихъ партій были въ тотъ легендарный годъ общей смуты учебнаго дѣла когда на сторону ихъ стали правительственныя лица, вмѣстѣ съ ними соединившіяся на защиту и охраненіе устава отъ... правительства. Торжество было впрочемъ непродолжительное. Поразительныя событія заставили даже саблотствующихъ приоткрыть глаза. Не могло не пробудиться сознаніе что мы идемъ по дурному пути. Рѣшимости же вступить на правильный, правда, не обнаружилось; не видится и нынѣ. Но неувѣренность въ своей силѣ, сомнѣніе въ удачѣ, а вмѣстѣ и скрытое сомнѣніе въ достоинствѣ „началь“. внесли недовольство, колебаніе и въ среду овладѣвшую полемъ, не говоря о внутреннемъ ея раздѣленіи, никогда не прекращавшемся. Общій разладъ дошелъ до того что всякому противно оставаться на своемъ мѣстѣ. Явилось стремленіе которое можно назвать центробѣжнымъ. Одни изъ однихъ побужденій, другіе изъ совершенно иныхъ, готовы охотно бросить мѣсто служенія, съ которымъ порвана внутренняя связь. Безкорыстная любовь къ учрежденію, какъ къ чему-то родному, какъ къ нѣкоторой святинѣ, сохранилась лишь у немногихъ людей стараго времени. Сознаніе обязанности по отношенію къ государству, къ учрежденію, къ учащимся, исчезло совершенно, и нельзя даже

обвинять кого-либо въ этомъ. Люди чужіе принципъ держащей власти въ правѣ ссылаться что именно они не имѣли никакой поддержки со стороны власти. Люди противоположнаго направленія, фактически господства, не могутъ въ то же время не сознавать что сила ихъ не опирается ни на чемъ положительномъ и какъ фиктивная можетъ исчезнуть въ одну минуту: на оппозиціи и популярности можно успѣшно играть, но нельзя поставить чего-либо крѣпкаго. Люди колеблющіеся, *перекинчики*, должны испытывать то что испытывалъ Самчо Памса считавшій подбрасыванье на протывѣ, какому его подвергли поговщики, хуже палочныхъ ударовъ. Система уступокъ завѣдомо дурному—пагубная система, никого не удовлетворяющая, но поселяющая общее недовольство и разладъ.

Профессоръ Мечниковъ, недовольный ходомъ дѣла въ профессорской коллегіи къ которой онъ принадлежалъ, объявилъ что выходитъ въ отставку, и когда дѣло приняло характеръ громкаго событія, дѣйствительно, въ половинѣ мая, подавъ такую. Сколько можно судить по имѣющимся свѣдѣніямъ, отставка не была слѣдствіемъ личнаго столкновенія, а вызвана была общимъ неудовольствіемъ г. Мечникова на одесское университетское самоуправленіе. Если требуется найти виноватаго въ повесенной съ выходомъ г. Мечникова Одесскимъ университетомъ потерѣ, то виноватымъ тутъ очевидно университетскій уставъ, возложившій на профессорскія коллегіи бремя самыхъ разнообразныхъ, административныхъ, хозяйственныхъ, дисциплинарныхъ занятій и вслѣдствіе этого безчисленныхъ столкновеній. Не будь возбужденныхъ такою системою „самоуправленія“ пререканій, дразгъ, партій, интригъ, постоянной войны,—и виѣшней съ правительственною властію, и внутренней между представителями разныхъ домогательствъ,—сколько драгоценнаго времени, умственныхъ и нравственныхъ силъ было бы сохранено для научныхъ и учебныхъ занятій, отодвинутыхъ нынѣ на задній планъ! Сколько предпочтительнѣе было бы еслибы профессора отдыхали въ командировкахъ „съ научною цѣлью“ отъ трудовъ преподаванія, а не отъ безплодной вредной траты времени и силъ на занятія ничего общаго съ наукою не имѣющія! Будь введена свободная система и экзамены отдѣленные отъ текущаго преподаванія,—два условія неразрывно связанныхъ,—какъ упростались

бы отношенія профессоръ къ студентамъ, сколько было бы лобужденій трудиться! Приносимая польза получила бы должную оцѣнку, и цѣнилась бы только польза. Нельзя было бы жить на проценты съ такъ или иначе пріобрѣтенной репутаціи, а пришлось бы подумать о накопленіи капитала. Не будь ректорство приманкой, опредѣляющею внутреннюю политику коллегіи, не будь это почетное званіе поставлено въ фальшивыя отношенія и къ правительству какъ мнимый его агентъ, начальствующій въ университетѣ, и къ коллегіи какъ мнимый ея вождь, заслоняющій ее отъ начальства,—сколько столкновеній нарушающихъ университетскій миръ было бы устранено! Выходъ г. Мечникова, между прочимъ, есть прямой результатъ недовольства этого профессора и цѣлой партіи нынѣшнимъ ректоромъ Новороссійскаго университета, выбраннымъ годъ тому назадъ изъ числа самыхъ младшихъ членовъ профессорской коллегіи, что въ свое время возбуждало нѣкоторое удивленіе. Г. Ярошенко, ловидимому, пошелъ не по тому пути какъ требовала партія именуемая себя либеральною, и возбудилъ ея раздраженіе соединившись съ болѣе устойчивыми элементами коллегіи. Но извѣстно что въ логикѣ партій именующихся либеральными первое мѣсто занимаетъ такой силлогизмъ: самоуправленіе значитъ мы сами и по нашему управляемъ другими. Если неидетъ по нашему, пригрозимъ отставкой. Не знаемъ таковы ли были соображенія г. Мечникова, но обстоятельства его отставки, въ соединеніи съ угрозой выйти изъ университета профессоровъ: нѣкоего математика Преображенскаго, нѣкоего юриста Гамбарова и г. Посникова, автора диссертціи объ общинамъ владѣніи, за которую на диспутѣ въ Москвѣ одинъ студентъ-медикъ возблагодарилъ его отъ имени народа, даютъ всему эпизоду именно такой видъ, обративъ его въ демонстрацію соединенную со студентскою исторіей.

Состоялись „проводы Мечникова“—обѣдъ „тѣснаго кружка“, какою-то юношескою рукой восторженно описанный въ *Одесскомъ Вѣстникѣ* (№ 108) подъ именемъ „факта глубоко потрясающаго все мыслящее общество Одессы! Да и одной ли „Одессы?“ „Студенты, повѣствуетъ авторъ статьи *Одесскаго Вѣстника*, представители прессы, доктора, адвокаты, учителя, представители самоуправления, отчасти профессора, инженеры, словомъ всѣ живущіе умственнымъ трудомъ классы Одессы прислали своихъ депутатовъ почтить первую звѣзду

и русской и мировой науки (sic), выразить ему глубочайшее сожалѣнiе по поводу его отъѣзда и излить накопившую на сердцѣ горечь по поводу тѣхъ фактовъ и явленiй которые волнуютъ закулисную жизнь нашего университета и заставили уже, что лубликъ вѣроятно извѣстно, выйти изъ стѣнъ университета Преображенскаго и Мечникова и сдѣлать это въ непродолжительномъ будущемъ Посникова, Гамбарова и, какъ слышно, Ковалевскаго.“ На обѣдѣ, пишетъ лѣтописецъ событiя, „не говорились напыщенныя рѣчи“, и тутъ же приводитъ слѣдующiя слова, по увѣренiю его, сказанныя о г. Мечниковѣ однимъ изъ присутствовавшихъ профессоровъ: „...Я привѣтствую въ немъ высочайшаго представителя какъ русской, такъ и мировой науки. Мнѣ горько и грустно что нашъ университетъ лишается перваго свѣтила, выносящаго на своихъ плечахъ всю тяжесть современной науки и ея методовъ.“ Повѣствователь не упоминаетъ какъ привалъ такую дань восторга г. Мечниковѣ. Не поздоровится, казалось бы, отъ такихъ похвалъ. Далѣе повѣствуется что какой-то докторъ обращался къ виновнику торжества со словомъ отчаянiя: „своимъ отъѣздомъ вы прекращаете дальнѣйшее развитiе медицины въ Одессѣ“. Земель восклицалъ: „возвращайтесь, возвращайтесь къ намъ, дорогой Илья Ильичъ, мы переживаемъ теперь трудную годину. Сама природа вступила съ нами въ борьбу“. Сельскiй хозяинъ заявлялъ что отставкой г. Мечникова, или, какъ онъ выразился, „его судьбой интересуется вся образованная Европа, весь мiръ“. Послѣ обѣда были проводы на станцiю желѣзной дороги. По описанiю выходитъ что г. Мечниковъ и его товарищи уѣхали въ какую-то другую часть свѣта. „Въ половинѣ восьмага, сказано въ немъ, свистнулъ свистокъ, и поѣздъ тронулся. Раздались крики: Мечниковъ бросилъ Одессу, Россiю, Европу! День предъ тѣмъ бросилъ Преображенскiй, въ недалекомъ будущемъ бросятъ другiе и т. д., и т. д. Господи, да что же это?“

Описанiе комическое, но свидѣтельствующее о томъ что бродило въ возбужденныхъ студенческихъ кружкахъ. На всѣ лады толковалось что удаляется первый ученый въ мiръ, а виновники удаленiя суть профессора противной ему партiи. И вотъ въ тотъ же день и почти въ тотъ же часъ какъ справлялся прощальный обѣдъ студентовъ и другихъ „общественныхъ дѣятелей“, три студентскiе депутата подали въ квартиру ректора коллективное письмо за девяносто пятью

подписями въ которомъ увѣщевали его отказать отъ ректорства и которое очень сходствуетъ съ вышеприведеннымъ газетнымъ описаніемъ проводовъ г. Мечникова. „Послѣ года вашего управленія, сказано въ письмѣ, года въ продолженіе котораго было такъ много недоразумѣній и столкновеній (студенты говорятъ очевидно о сѣвѣтскихъ столкновеніяхъ, ловидимому, имъ хорошо извѣстныхъ и ихъ интересующихъ), дѣла университета направляемая вашею рукою приняла такой оборотъ, при которомъ профессора составляющіе гордость университета вынуждены оставить его. Всѣхъ насъ и, мы думаемъ, также всѣхъ профессоровъ и васъ лично глубоко поразило рѣшеніе Преображенскаго, Посник ова, Мечникова и Гамбарова уйти изъ университета! Мы желаемъ думать что эти несчастные результаты получились помимо вашего намѣреннаго желанія, что они явились роковымъ слѣдствіемъ того направленія которое вы дали дѣламъ университета, разчитывая привести ему возможно бѣльшую пользу, и они должны убѣдить васъ что ваше управленіе вредно университету. Поэтому мы ждемъ отъ васъ что, для предотвращения такого большаго несчастія отъ университета какъ потеря лучшихъ профессоровъ, вы откажетесь отъ дальнѣйшей ректорской дѣятельности“. Въ то же время полетѣли корреспонденціи о событіи въ столичныя газеты. Въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* трогательно описывался фактъ какъ г. Мечникова приглашали профессоромъ въ Берлинскій университетъ и онъ отказался чтобы посвятить свои силы Новороссійскому университету. По поводу этого „факта“, въ петербургскомъ притонѣ газетнаго вранья, *Голосъ*, появилась передовая статья, обвинявшая, во имя русской науки, кого-то и что-то—только не уставъ 1863 года,—и заявлявшая что нынѣ въ университетахъ стало душно жить лучшимъ людямъ. То ли было бы, подразумѣвается, при *правовомъ порядкѣ*? Г. Мечниковъ опровергъ въ *Одесскомъ Вѣстникѣ* извѣстіе о небываломъ приглашеніи. „Я, къ своему ужасу, говоритъ онъ, увидѣлъ что мнѣ приписаны слова о приглашеніи меня въ Берлинскій университетъ, которыхъ я, само собою разумѣется, никогда не произносилъ и произнести не могъ.“ Но многіе ли прочтутъ опроверженіе, а легенда, сочиненная какимъ-то черезчуръ усерднымъ почитателемъ г. Мечникова, пошла гулять по свѣту.

Въ послѣднее время довольно обычно говорить о „русской наукѣ“ и чествовать даже громкими демонстраціями отечественные таланты: Къ сожалѣнію, чествуется обыкновенно не то что въ томъ или другомъ талантѣ дѣйствительно достойно хвалы, а верѣдко именно то что приписывается къ таланту и достойно не хвалы, а порицанія и осужденія. У насъ исчезло понятіе обязанности. Мы забываемъ что талантъ, какъ свыше полученный даръ, самъ по себѣ не заслуга, а обязанность... Чествованіе таланта должно быть прежде всего чествованіемъ того что изъ таланта сдѣлано или на что онъ обращается.

9 августа.

Много разъ было высказано что измѣненіе въ порядкѣ студентскихъ испытаній есть ключъ всей университетской реформы. Какъ бы многообразны ни были перемѣны, если испытанія не будутъ отдѣлены отъ преподаванія и не получатъ характера испытаній государственныхъ, преобразование не только окажется полумѣрой, но вовсе преобразование не будетъ: все пойдетъ попрежнему, можетъ-быть хуже. Безъ единства плана, перемѣны съ боку сдѣланныя, существа дѣла не касающіяся, не поддержатся; преобразование потерпитъ неудачу. Произойдетъ нѣчто въ родѣ того что было не такъ давно съ „крамолой“. Ничего дѣйствительно серьезнаго не дѣлалось, а увѣрялось что всѣ мѣры репрессіи, съ „диктатурой сердца“ включительно, перепробованы и оказались бессильными; остается де одинъ луть, тотъ который крамолой указывается. И пошли было по этому пути... Цѣль университетской реформы одна: подвять дѣло науки и обученія въ нашихъ университетахъ. Правильная организація преподаванія и испытаній есть потому краеугольный камень всего дѣла. Въ какомъ нынѣ состояніи находится обученіе тысячей молодыхъ людей, правительствомъ порученныхъ произволу автономныхъ профессорскихъ корпорацій, можно видѣть изъ статьи *Къ вопросу объ университетскихъ экзаменахъ*, помѣщаемой въ № 218 *Московскихъ Вѣдомостей*, писанной студентомъ подъ живымъ впечатлѣніемъ имъ лично испытаннаго. Кто знаетъ вышніе университетскіе порядки, тотъ можетъ засвидѣтельствовать что картина фотографически вѣрна, какъ это ни безотрадно. „Университетская наука“ приведенная къ десятку дурно составленныхъ автографированныхъ тетрадей, кое-какъ

зазубриваемыхъ въ два, три дня предъ экзаменомъ чтобы добыть четверку или пятерку (тройку можно обыкновенно получить „безъ бою“, какъ выражаются въ некоторыхъ университетахъ) и получить дипломъ; совершенное ничего-нѣдѣланіе въ теченіе четырехлѣтняго курса: вотъ процессъ обученія массы молодыхъ людей готовящихъ себя къ высшимъ государственнымъ профессіямъ. Авторъ статьи—студентъ юридическаго факультета и описываетъ порядки дѣйствующіе на этомъ факультетѣ. Картина была бы полнѣе еслибы изображены были экзаменныя порядки обширнѣшаго факультета, медицинскаго, гдѣ чудесъ еще болѣе чѣмъ на юридическомъ и который между тѣмъ снабжаетъ своихъ питомцевъ правомъ врачебной практики. Впрочемъ, и на историко-филологическихъ факультетахъ положеніе дѣлъ не лучше если еще не хуже: они представляютъ зрѣлище безобразнѣшаго произвола и хаоса и совершенно не соотвѣтствуютъ своему названію. Въ нихъ нѣтъ и тѣни серьезнаго ученія, и они совершенно неспособны давать учителей для гимназій. Картина, повторяемъ, безотрадная. Уставъ 1863 года сдѣлалъ свое дѣло. Науки нѣтъ въ нашихъ университетахъ.

Самоуправленіе (то-есть безконтрольное подчиненіе учащагося юношества произволу и интригамъ профессорскихъ коллегій) привело университеты къ самоуничтоженію. Казалось бы, нельзя и минуты медлить спасительною реформой; а между тѣмъ вопросъ этотъ косивалъ-косивалъ до послѣдней минуты. Да и теперь, когда реформа, повидимому, есть дѣло окончательно рѣшенное, и вступаетъ на путь законодательнаго шествія, развѣ можно сказать что она дѣйствительно готовится? Что толку въ бумажномъ уставѣ, хотя бы таковой и оказался въ должной полнотѣ и симметріи параграфовъ? Все дѣло въ исполненіи, все дѣло въ исполнителяхъ. А замѣтно ли хотя какое-нибудь движеніе въ ходѣ дѣла по этой части? Предпринимаются ли какія-либо ощутительныя къ реформѣ приготовленія? Дѣлаются ли какія-либо перемѣны и перемѣщенія въ персоналѣ, которыя, по всему вѣроятію, были бы необходимы для того чтобы реформа могла стать правдой и увѣнчаться успѣхомъ? Все тихо, ничего нѣтъ, все попрежнему. Бывшій въ должности министра Народнаго Просвѣщенія статсъ-секретарь Сабуровъ оставилъ по себѣ обильный запасъ поучительныхъ изреченій сказанныхъ имъ въ краткій срокъ своего управленія; однако, однажды, привелъ

онъ по истинѣ поучительное изъ великой книги слово о мѣхахъ старыхъ въ которые вино новое не слѣдуетъ вливать. Какого свойства было новое вино которое намѣревалась тогдашняя администрація вливать въ свои новые мѣхи, мы не судимъ, но слово о мѣхахъ какъ нельзя болѣе примѣнимо въ настоящемъ случаѣ, когда рѣшено сласти русскую науку и довершить плодотворное преобразование нашей школы. Безъ реформы университетовъ не можетъ считаться упроченною и реформа гимназій, которая какъ и всякое дѣло можетъ здравствовать и приносить плоды когда живетъ и движется, а не коснется. Чтò остановилось, то закоснѣло и то идетъ назадъ и предается тлѣнью. Прогрессъ же учебной реформы теперь главнымъ образомъ состоитъ въ правильномъ устройствѣ университетовъ, которые должны довершать дѣло гимназій, а не портить его, и давать гимназіямъ все болѣе и болѣе соответствующихъ своему назначенію учителей, между тѣмъ какъ университеты отказываются служить этой цѣли и вынуждаютъ содержать особыя заведенія для того чтобы наши гимназіи не остались безъ преподавателей.

Наши университеты нынѣ чтò угодно, только не расадники высшихъ знаній. Назовите ихъ опытомъ (увы! не блистательнымъ) конституціоннаго режима, экспедиціями заготовленія дипломовъ, обществами взаимнаго застрахованья отъ научнаго труда, клубами любителей чего-то, но университетами они станутъ лишь когда исключительно цѣлью ихъ будетъ наука. Это невозможно пока все дѣло научнаго труда будетъ сводиться къ составленію и заучиванію безобразныхъ литографированныхъ тетрадей. Безъ существеннаго, преобразования экзаменовъ истребленіе этого рода литографированныхъ курсовъ невозможно. Не помогутъ никакія запрещенія. Курсы эти и нынѣ считаются подъ запретомъ, но процвѣтаютъ какъ никогда. Какъ всякое дѣло практической пользы, производство этихъ тетрадей съ теченіемъ времени даже значительно усовершенствовалось. Какъ не пришла никому мысль щегольнуть ими на Всероссійской Выставкѣ! Въ какомъ бы поразительно жалкомъ видѣ предстала міру русская наука! Тѣ подробныя программы съ надписаніями между строкъ, о которыхъ говорить авторъ, составляютъ усовершенствованіе котораго вѣсколько лѣтъ тому назадъ еще не знали. Еслибы все осталось какъ есть, то вѣроятно наступило бы время когда аудиторія

профессора состояла бы единственно из стенографа набрасывающего слова лектора. Это быть-может практиковалось бы и теперь если бы точное воспроизведение сказанного не было невыгодно для научной репутации многих преподавателей: недостатки нынѣ падаютъ исключительно на студентов-составителей. Только коренное изменение испытаній можетъ вывести изъ употребленія эту литографированную литературу низкаго научнаго калибра, причиняющую положительный вредъ занятіямъ студентовъ. Она исчезнетъ потому что сдѣлается бесполезною. Пока экзамены будутъ производиться какъ нынѣ каждымъ профессоромъ изъ того что ему вздумалось прочесть, наука и преподаваніе не могутъ двинуться впередъ въ нашихъ университетахъ. Только разорвавъ эту связь случайно прочитаннаго съ кое-какъ спрошеннымъ и перенеся экзамены въ особую комиссію, для которыхъ производство испытаній стало бы дѣломъ спеціальнаго призванія и гдѣ требовалось бы знаніе не случайныхъ клочковъ вчера прочитанныхъ, а основаній каждой науки, можно надѣяться на улучшение и профессорскаго преподаванія, и студентскихъ занятій, и на водвореніе у насъ свободной академической системы въ неискаженномъ видѣ. Именно эта мысль преслѣдовалась въ проектѣ новаго устава, составленномъ подъ ближайшемъ наблюденіемъ нынѣшняго министра Народнаго Просвѣщенія. Производство экзаменовъ въ комиссіяхъ составляетъ такую его существенную часть что еслибъ устранить ее то весь проектъ распался бы и его нужно было бы замѣнить другимъ на иныхъ основаніяхъ. Противники испытаній въ комиссіяхъ высказываютъ два главные якобы „опасенія“. Гдѣ, спрашиваютъ, найти, особенно въ провинціяхъ, людей настолько научно образованныхъ чтобы стать членами экзаменныхъ комиссій,—какъ будто дѣло идетъ не объ испытаніи студента въ томъ насколько имъ усвоены элементы науки, а объ основаніи академій наукъ опцнивающихъ новыя изобрѣтенія въ наукѣ? Не хотять ли лаять что многіе изъ числа профессоровъ, въ качествѣ членовъ комиссій, въ составъ которыхъ войдутъ и постороннія лица, мѣстныхъ и присланные, явятся совсѣмъ иными экзаминаторами чѣмъ нынѣ. Характеръ дѣятельности людей зависитъ отъ условій въ которыя они поставлены. Другое опасеніе: будто бы испытанія въ комиссіяхъ понизятъ

научный уровень требованій, по меньшей мѣрѣ смѣшно въ виду вывѣшняго состоянія университетскихъ опытаній. Всякая скромная положительная величина неизмѣримо больше нуля. А вывѣшнія испытанія даже не нуль, а величина отрицательная...

14 августа.

Даже самые завзятые защитники злополучнаго университетаго устава 1863 года принуждены теперь признаться что „порядокъ“ царствующій въ нашихъ университетахъ „до очевидности безобразенъ“. Такими именно словами характеризуетъ наши университеты *nowet Голосъ*, напечатавшій (№ 209) обширную статью подъ заглавіемъ *Будущность университетскаго образованія въ Россіи*, въ концѣ которой высказывается сѣдующій печальный взглядъ на существующіе у насъ университетскіе порядки: „Если наши университеты—главные разсадники высшаго образованія и если въ нихъ такъ низко и такъ неравномѣрно оцѣниваются способности и труды, то нельзя не печалиться за будущность всего просвѣщенія въ Россіи. Дай Богъ чтобы это положеніе скорѣе окончилось!“ Оказывается изъ этой статьи что серіознымъ и дѣльнымъ русскимъ ученымъ въ автономныхъ русскихъ университетахъ житья нѣтъ. Оказывается что въ нашихъ университетахъ нѣтъ никакого „разчета“ заниматься наукой русскимъ ученымъ „достигшимъ благополучно желанной пристани, званія ординарнаго профессора“. Въ самомъ дѣлѣ: „тотъ кто ничего не дѣлаетъ, ничего не лишеть и ничего не говоритъ, получаетъ свои 3.000 рублей, между тѣмъ какъ тотъ кто трудится, лишеть и развиваетъ свои способности, также получаетъ 3.000 рублей.“ Званіе ординарнаго профессора есть такимъ образомъ у насъ сивекура, которой русскіе ученые достигаютъ посредствомъ не заслугъ научныхъ, а кумовства, отчасти практикуемаго въ самоуправныхъ профессорскихъ коллегіяхъ. Можно ли удивляться если при такихъ порядкахъ наши профессора не пользуются тѣмъ „почетомъ и уваженіемъ“ которые окружаютъ германскихъ профессоровъ, назначаемыхъ въ университетъ не университетскими совѣтами, а правительствомъ. Вотъ что говоритъ *Голосъ* въ названной статьѣ о германскихъ ординарныхъ профессорахъ:

„Въ германскихъ университетахъ положеніе ординарнаго профессора достигается *одними* учеными заслугами и помимо всякихъ ограниченій штатомъ. Нѣтъ для ординарныхъ профессоровъ никакого опредѣленнаго оклада: все зависитъ отъ условій которыя ученый ставитъ данному Германскому правительству, желающему его имѣть въ своемъ университетѣ. Относительно замѣчательныхъ ученыхъ происходитъ настоящая борьба между правительствами: каждое желаетъ его имѣть у себя и потому старается перецеголовать другихъ своими выгодными предложеніями. Вотъ причина почему такая огромная разница въ окладахъ германскихъ профессоровъ. Эти оклады постоянно возрастаютъ, смотря по возрастанію цѣнности ученаго, и есть такіе какъ Моммзенъ, Вирховъ, Гельмгольцъ или Гнейстъ, которые могутъ оставить условія какія угодно и правительство сдѣлаетъ все чтобъ удержать ихъ... Наконецъ, кромѣ всѣхъ этихъ условій матеріальныхъ, есть другія условія нравственнаго свойства, которыя для всякаго порядочнаго и нравственно развитаго человѣка имѣютъ огромную цѣну... Посмотрите какъ въ германскихъ университетахъ относятся сами студенты къ профессорамъ. Во всѣхъ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ видно полное уваженіе студентовъ къ своимъ преподавателямъ и, притомъ, замѣчательно что по ихъ убѣжденію на такое уваженіе имѣютъ права какъ гениальные профессора, такъ и весьма посредственные.“

Видите, это все какъ бы изъ *Московскихъ Вѣдомостей* выписано...

„Безобразный порядокъ“ нашихъ университетовъ долге существовать не можетъ; настала наконецъ пора измѣнить его чтобы предохранить будущность просвѣщенія въ Россіи отъ угрожающей ему опасности. Въ чемъ должно заключаться измѣненіе нашихъ университетскихъ порядковъ, также не подлежитъ вопросу. *Голосъ* указываетъ на Германію гдѣ „кипитъ научная жизнь“ благодаря тѣмъ условіямъ университетскаго образованія которыя такъ благоприятно дѣйствуютъ на развитіе науки и такъ мало похожи на условія созданныя у насъ уставомъ 1863 года какъ бы нарочно для истребленія русской науки.

Но повѣритъ ли читатель если мы скажемъ что та же газета, тутъ же, представляя намъ германскіе университеты какъ высокій идеалъ научной школы, признавая порядки въ нашихъ университетахъ „безобразными“, тѣмъ не менѣе называетъ намѣреніе правительства переустроить наши университеты въ лучшемъ смыслѣ „поощреніемъ невѣжества,

увиженіемъ профессоровъ и пониженіемъ уровня преподаванія“?! А что это дѣйствительно такъ, можно убѣдиться изъ №№ 208 и 209 названной газеты. Повторяется та же исторія что и съ гимназіями. О нихъ *Голосъ* говорилъ такъ: въ Германіи гимназіи хороши, но потому и не слѣдуетъ устранивать въ Россіи подобныя учебныя заведенія. Телерь онъ говоритъ почти то же: Германскіе университеты хороши, наши никуда не годятся, но потому и не слѣдуетъ ставить ихъ въ лучшія условія. Мы въ свое время раскрыли тѣ приемы посредствомъ которыхъ интрига старалась ввести туманъ на гимназическую реформу; то же самое приходится дѣлать и телерь когда пытаются ввести лублику въ обманъ о предстоящемъ университетскомъ преобразованіи.

Приемъ интриги состоитъ въ слѣдующемъ: отъ лублика тщательно окрывается что ожидаемая реформа ни къ чему другому не стремится какъ только ко введенію у насъ именно тѣхъ самыхъ университетскихъ порядковъ которые такъ блестятельно оправдались въ Германіи. О сущности реформы говорится лишь въ самыхъ туманныхъ намекахъ, и ей приписываются какія-то нелѣпыя цѣли. Такъ напримѣръ, въ статьѣ *Будущность университетскаго образованія въ Россіи* говорится слѣдующее:

„Можно быть увѣреннымъ что съ того момента когда русскіе университеты обратятся въ *отдѣленіе департамента народнаго просвѣщенія* (??) и лишатся даже своей выѣвшей автономіи, ихъ покинутъ даже и тѣ немногіе русскіе ученые, которыхъ еще нельзя зачислить въ рядъ чиновниковъ и ученыхъ ремесленниковъ. Во всякомъ случаѣ можно положительно (!) сказать что если нынѣ существующіе въ русскихъ университетахъ порядки не въ состояніи притягивать къ себѣ новыя силы, еще меньше притягательной силы будутъ они имѣть послѣ осуществленія плановъ Московской Эгеріи мужскаго пола, то-есть г. Каткова.“

Почему же, спрашивается, реформа превратитъ наши университеты въ „отдѣленіе департамента Народнаго Просвѣщенія“? Потому можетъ-быть что профессора будутъ назначаться правительствомъ, а не университетскими коллегіями? Не вѣдь въ этомъ-то правительственномъ назначеніи и заключается та причина почета и уваженія которыми окружены германскіе профессора, какъ мы видѣли изъ той же статьи *Голоса*. Въ Германіи профессоръ получаетъ свое назначеніе

отъ правительства благодаря своимъ ученымъ заслугамъ; въ такомъ случаѣ и германскіе университеты должны считаться „отдѣленіемъ департамента Народнаго Просвѣщенія“, въ которомъ засѣдаютъ только одни „чиновники да научные ремесленники“. Но вѣдь это не такъ. Чиновники, научные ремесленники и пошлые фразеры, по признакію *Голоса*, засѣдаютъ именно на нашихъ кафедрахъ куда ихъ возводитъ не государство, а закулисныя интриги такихъ же чиновниковъ, ремесленниковъ и фразеровъ. Германская система назначенія профессоровъ притягиваетъ къ университетамъ лучшія научныя силы, наша система отталкиваетъ эти силы отъ университетовъ; объ этомъ свидѣлствуетъ тотъ же *Голосъ*. Какъ же можно, въ виду всего этого, *положительно* говорить что если нынѣ существующіе въ русскихъ университетахъ порядки не въ состояніи притягивать къ себѣ новыя силы, то еще меньше притягательной силы будутъ они имѣть послѣ того какъ примутъ тотъ именно характеръ который отличается наибольшою и наилучшею притягательною силой?

Фальшь идетъ далѣе. Эти господа соглашаются что сущность реформы, кромѣ способа назначенія профессоровъ, заключается въ преобразованіи университетскихъ экзаменовъ, въ отдѣленіи экзамена отъ преподаванія или, точнѣе, въ учрежденіи государственныхъ экзаменовъ. Принципъ государственнаго экзамена, говорятъ они,—

состоитъ въ томъ что никто не можетъ быть принятъ на гражданскую службу и потомъ занимать высшія въ ней должности если не выдержитъ установленнаго экзамена и не покажетъ свидѣній которыя можно пріобрѣсти только въ университетѣ. Можно говорить противъ отдѣльныхъ системъ государственнаго экзамена и практическаго ихъ примѣненія въ отдѣльныхъ государствахъ, но нельзя не сказать что въ принципѣ *эта мѣра въ Германіи вызвана серьезнымъ желаніемъ создать классъ образованныхъ лицъ служащихъ государству.*

Но именно потому что эта мѣра серьезная, *Голосъ* и не хочетъ ея для Россіи, отвергая подъ тѣмъ предлогомъ что она будто бы послужитъ поощреніемъ невѣжества, униженіемъ профессоровъ и пониженіемъ уровня преподаванія. Для доказательства этого абсурда, публицисты *Голоса* ухитрились выдумать *три* софизма.

Первый изъ нихъ гласитъ:

У насъ отдѣленіе университетскихъ экзаменовъ отъ

текущаго преподаванія не можетъ имѣть такого значенія (какъ въ Германіи). Оно получило бы его только въ такомъ случаѣ еслибы соответственно этому были измѣнены разныя статьи устава о службѣ гражданской. Именно, въ соответствии такой реформы, слѣдовало бы постановить что вообще ни одно высшее учебное заведеніе не даетъ никакихъ правъ при поступленіи на службу, что всякое лицо желающее поступить на службу обязано выдержать опредѣленный экзаменъ въ учрежденныхъ для того комиссияхъ, и что свѣдѣнія требуемыя для такого экзамена могутъ быть приобретены только въ университетѣ. Но ничего подобнаго, очевидно, не будетъ постановлено. Прочія заведенія, кромѣ университетовъ, будутъ выпускать своихъ питомцевъ съ аттестатами дающими права на службѣ, одни университеты будутъ лишены этого права. Отсюда слѣдуетъ что, при сравнительной легкости курсовъ другихъ заведеній, законъ установитъ премію меньшему знанію (!).

Но привилегированныя учебныя заведенія именно теперь и существуютъ у насъ. Законъ уже установилъ такую премію. Училище Правовѣдѣнія, Александровскій Лицей, наприимѣръ, выпускаютъ своихъ питомцевъ съ бѣльшими правами чѣмъ университеты. Новый законъ можетъ, напротивъ, измѣнить это неправильное положеніе; но во всякомъ случаѣ эти привилегированныя заведенія стоятъ въ сторонѣ, имѣютъ характеръ закрытыхъ школъ, находятся непосредственно подъ рукою правительства, которое можетъ и самое преподаваніе въ нихъ поставить въ лучшія условія и возвысить экзаминаціонныя требованія, можетъ подчинить ихъ воспитанниковъ общему порядку, наконецъ вовсе упразднить эти заведенія. Именно преобразование университетовъ и подниметь рано или поздно вопросъ о заведеніяхъ дающихъ премію порядковому полуобразованію. Каждый новый законъ предполагаетъ самъ собою отмену соответствующихъ старыхъ. Если въ настоящее время на государственную службу постулаютъ люди со вѣльшимъ доскомъ лжеобразованности, то это потому именно что у насъ нѣтъ серьезнаго, научнаго государственнаго экзамена. Если онъ будетъ введенъ, то именно для того чтобъ оградить государство отъ губительнаго напыльва фразѣровъ.

Второй софизмъ заключается въ слѣдующемъ:

Въ одно и то же время, одно и то же правительство будетъ

довѣрять способности не университетскихъ преподавателей производить экзамены и не довѣрять такой же способности преподавателей университетскихъ, потому только что они „университетскіе“. Что можетъ выйти изъ этого кромѣ униженія университетскаго сословія,—униженія совершенно безцѣльнаго для правительства и вреднаго относительно учащейся молодежи?

Однако въ Германіи государственные экзамены отдѣлены же отъ профессорскаго преподаванія и однако тамъ, по словамъ того же *Голоса*, университетское сословіе „окружено почетомъ и уваженіемъ“. А у насъ въ Россіи? Университетскіе преподаватели *сами* экзаменуютъ студентовъ изъ прочитанныхъ ими лекцій и, по сознанію того же *Голоса*, эти преподаватели не пользуются ни почетомъ, ни уваженіемъ среди учащейся молодежи! Что же касается преподавателей въ привилегированныхъ заведеніяхъ, то сами-то преподаватели, по всему вѣроятію, не находятся въ привилегированномъ сравнительно съ университетскими профессорами положеніи, состоятъ подъ контролемъ своего начальства и экзаменуютъ не изъ того что имъ угодно, а что они были обязаны преподавать своимъ слушателямъ по установленной программѣ.

А вотъ наконецъ и третій софизмъ:

„Однимъ изъ мотивовъ такихъ quasi-государственныхъ экзаменовъ выставляется то что нынѣ испытанія производятся не изъ *науки*, а изъ прочитаннаго профессоромъ. При отдѣленіи же экзаменовъ „отъ преподаванія“ можно будетъ выработать программу испытаній согласную съ *наукой* и ее волей-неволей долженъ будетъ придерживаться профессоръ. Это значитъ что, по мнѣнію нѣкихъ господъ, *науку*, то-есть нѣчто находящееся въ состояніи постояннаго развитія и совершенствованія, можно заковать въ извѣстную *программу*, къ исполненію которой и будетъ *готовить* своихъ слушателей профессоръ. По нашему, это значитъ понизить уровень преподаванія и остановить движеніе науки, которая, худо ли, хорошо ли, движется почти исключительно трудами университетскихъ преподавателей.“

Бѣдная Германія! У нея вотъ уже почти цѣлое столѣтіе наука стоитъ безъ движенія, такъ какъ германскіе государственные экзамены производятся по низкой программѣ, въ которую „закована“ бѣдная ушница, наука! Счастливая Россія, которая въ научномъ отношеніи далеко опередила Германію благодаря тому что у нея университетскіе экзамены

производятся не по „программѣ“, а по надписаннымъ конспектамъ, которые уже никакъ нельзя залодозрять въ лѣтненіи науки. Что такое значить „заковать науку въ программу?“ Въ программѣ государственныхъ экзаменовъ обозначены общепризнанныя *основанія* науки, съ которыми каждый кандидатъ на государственныя должности долженъ быть вполнѣ знакомъ. Наука дѣйствительно *ежедневно* развивается и совершенствуется, но *основанія* ея мѣняются не ежедневно и даже не ежегодно. Основныя требованія обязательны; но они оставляютъ свободное мѣсто для курсовъ необязательныхъ, въ которыхъ преподаватель, для любознательныхъ слушателей, можетъ излагать свои гипотезы и результаты своихъ изученій по той или другой части науки. Слушателей онъ будетъ всегда имѣть если Богъ далъ ему таланты; вздору же и пошлостей молодые люди по крайней мѣрѣ не будутъ *обязаны* слушать.

Вотъ тѣ фальшивыя доказательства которыми заправители *Голоса* хотятъ убѣдить публику, будто лучшіе университетскіе порядки не годятся для Россіи именно потому что они лучшіе.

Есть, говорятъ, еще другое возраженіе противъ предстоящей реформы. „Реформа, сознаются иные изъ ея противниковъ, сама по себѣ прекрасна и принесла бы великую пользу нашему университетскому образованію; благодаря этой реформѣ Россія могла бы занять почетное мѣсто среди образованныхъ странъ Европы и вполнѣ обезпечить будущность своего просвѣщенія. Жаль только что не мы, а другіе догадались рекомендовать ее, *наши* же высказались противъ: поэтому намъ и приходится теперь оспаривать ее въ интересахъ нашей партіи“.

Хороши же патриотизмъ и честность этой партіи...

III.

17 августа.

Издаваемая во Львовѣ польская *Gazeta Narodowa*, открыто проповѣдующая ненависть къ Россіи, выдала московской газетѣ *Русскій Курьеръ* одобрительный аттестатъ, удостоверяющій что „изъ всѣхъ газетъ *царата* (Россійской Имперіи), не исключая даже *Голоса*, *Русскій Курьеръ* всегда наиболее искренно благопріятствовалъ *польской справѣ*“.

Если польскіе патриоты находятъ что, изъ двухъ сочувствующихъ имъ мниморусскихъ газетъ, московская отличается большею искренностью и откровенностью чѣмъ петербургская, они дѣйствительно правы.

Отношенія петербургской и московской газеты къ Польскому дѣлу наглядно выразились по поводу Львовскаго процесса. *Голосъ*, защищая и восхваляя польскій судъ, все-таки принужденъ былъ сознаться что ему „пришлось разбирать политическое дѣло, по бесосновательности, по очевидной не только натяжкѣ, но и положительной живости обвиненія, ничѣмъ не уступающее уголовнымъ процессамъ возбуждаемымъ только въ бурныя времена для того чтобы судебнымъ приговоромъ прикрыть дѣло лалача“. *Русскій Курьеръ* не считаетъ нужнымъ соблюдать дипломатическое благоприличіе *Голоса* и прямо заявляетъ что польская прокуратура заслуживаетъ всякой похвалы за то что она возбудила Львовскій процессъ, такъ какъ де „точкой отправленія въ событіяхъ и дѣйствіяхъ приведшихъ къ процессу слѣдуетъ признать фактъ *совращенія* крестьявъ мѣстечка Гнигилицы изъ униатовъ *въ православіе*“. Совращеніе въ православіе! И не думайте что эти слова явились случайно, обмолвкой, въ газетѣ православнаго московскаго кулца; нѣтъ, слова эти повторяются нѣсколько разъ въ передовой статьѣ № 216 замоскворѣцкаго органа, который даже особенно ими хвастается и нарочно ихъ подчеркиваетъ, повторяя: „мы говоримъ *совращеніе*, а не *переводъ*“. По поводу этого „совращенія въ православіе“, *Русскій Курьеръ* произноситъ слѣдующій панегирикъ австрійской полиціи:

„Австрійская полиція оказалась болѣе искусною, болѣе зоркою и услѣшно дѣйствующею нежели въ иныхъ государствахъ. Она оказалась способною выискать во внутренней смыслъ явленій и фактовъ, не дожидаясь чтобы они выливались въ какихъ-нибудь болѣе рѣзкихъ и уже прямо опасныхъ для спокойствія государства формахъ. Однимъ словомъ, прослѣдивъ дѣятельность одиннадцати обвинявшихся Русиновъ, смыслъ и значеніе ихъ отношеній съ нѣкоторыми русскими дѣятелями славянофильской клики и соотношеніе между участіемъ послѣднихъ и фактомъ *совращенія* гнигилицкихъ крестьявъ *въ православіе*, галицкія власти, полицейскія и прокурорскія, усмотрѣли что тутъ идетъ дѣло о зародышѣ политическаго заговора, затѣвасямаго для подготовленія *русинскаго* населенія Галиціи къ отпаденію въ православіе и отъ преданности Австрійскому государству, и къ установленію таготива его къ сосѣднему съ Австріей Русскому государству“.

Подобно польской полиціи во Львовѣ, польская газетъ Москвѣ набрасывается на „русскихъ патриотовъ“ за то что де они „не погнушались ввести въ заблужденіе галицкихъ крестьянъ, утвердивъ ихъ что въ присоединеніи ихъ православію кроется несмысленное для нихъ благополучіе“. Будничивъ также слѣдующій польско-іезуитскій приемъ, поествомъ котораго *Русскій Курьеръ* превозноситъ мнимую коварность польской интриги въ Галиціи, и который навѣрно поставитъ въ тулицъ русскаго читателя:

„Австрійская прокуратура сочла своею обязанностію причислить къ главнѣйшимъ уликамъ и фактъ подговора галицкихъ крестьянъ къ переходу въ православіе, потому что, согласно австрійскимъ законамъ, переходъ изъ одной вѣры въ другую, будучи совершенно вѣстѣсняемъ въ смыслѣ основнаго закона о полной вѣротерпимости, можетъ быть однако преслѣдуемъ лишь въ тѣхъ случаяхъ когда не имѣется данныхъ для доказательства искусственнаго такъ сказану соображенія и подговора, и притомъ не съ чисто-религіознаго но съ политической цѣлью.“ (Sic.)

А нѣсколько строкъ далѣе *Русскій Курьеръ* самъ говоритъ слѣдующее: „процессъ доказалъ что въ сущности всѣ подзудимые во глубинѣ души оказываются преданными Австріи ея режиму, за исключеніемъ развѣ системы управленія спеціально полицейской“. Тѣмъ не менѣе онъ не хочетъ назвать львовскій процессъ, подобно *Голосу*, „политическимъ дѣломъ возмутительнымъ по безосновательности, несправедливости, очевидной натяжкѣ и положительной лживости обвиненія“, а напротивъ того оканчиваетъ свою статью о львовскомъ скандалѣ слѣдующими чудовищными словами:

„Можно съ большею вѣроятностію сказать что положительнымъ практическимъ результатомъ процесса является то что *русские дѣятели* на будущее время воздержатся отъ повторенія своихъ *ошибокъ (!)* и что они исполнятся несомнѣннаго уваженія къ австрійскимъ властямъ и суду, которыя отвесились къ ихъ *заблужденіямъ (!)* съ такимъ гуманнымъ великодушіемъ (!!) и съ такою осторожностію (!!), на которыя они, конечно, не могли бы разчитывать въ предѣлахъ будущаго всеславянскаго царства (!!!).“

Разница въ приемахъ сочувствія польской интригѣ со стороны *Голоса* и *Русскаго Курьера* идетъ еще дальше. Петербургскій органъ сознавался что „мысль о процессѣ возникла въ польскихъ кружкахъ и навѣяна соображеніями различнаго характера, въ которыя входило, конечно, и желаніе устроить

манифестацію неприятную и *оскорбительную для России*“. Московскій органъ съ этимъ несогласенъ и дѣлаетъ своему петербургскому товарищу свидующій, совершенно уже неожиданный для него, выговоръ:

„Нѣкоторые наши публицисты силились увѣрить русское общество будто процессъ Русиновъ былъ ни чѣмъ инымъ какъ *оскорбленіемъ России*. Это — или тенденціозная выдумка, или плодъ болѣзненно-настроеннаго воображенія нашихъ славянофиловъ.“

Бѣдному *Голосу* пришлось послѣ этого выговора сопричислиться или къ тенденціознымъ выдумщикамъ или къ славянофиламъ! Этому патроны его конечно не ожидали.

Но Лавинскій органъ польской интриги отличается полною откровенностью не только въ своихъ сужденіяхъ о процессѣ, но и вообще въ заявленіи дѣлей *Польской справы*.

Такъ въ №№ 222 и 223 названной газеты опредѣляется что такое „польская справа“. Всѣмъ извѣстно что „польская справа“ значитъ „польское дѣло“; всѣмъ также извѣстно что „польское дѣло“ есть подготовляемое всѣми орудіями возстановленіе Польши отъ моря до моря по Смоленскъ и Кіевъ, въ видѣ ли королевства, какъ этого желаетъ одна партія, или въ видѣ республики, какъ желала бы другая. *Русскій Курьеръ* по „демократическому“ принципу причисляетъ себя ко второй. Въ № 222 *Курьеръ* высказываетъ свидующую „profession de foi относительно польскаго вопроса и польско-русскихъ отношеній:“

„Прежде всего припомнимъ писанное нами еще въ маѣ на эту именно тему. Въ фельетонѣ озаглавленномъ *Обособленіе и Единеніе* (къ вопросу о польско-русскихъ отношеніяхъ, см. № 144 *Русскаго Курьера*) мы указывали на современное стремленіе народностей къ *Обособленію* одновременно съ федеративными тенденціями и доказали, какъ намъ кажется неопровержимо, что мы *не можемъ отрицать у Поляковъ то что мы даемъ Болгарамъ или признаемъ за Сербамъ*.“

Далѣе, московская газета приводитъ „программу заключающую въ себѣ и *Обособленіе и Единеніе*, подъ которою можетъ подписаться обѣими руками каждый Русскій и каждый Полякъ“, программу изложенную въ какой-то брошюрѣ „одного разумнаго Поляка“. Оказывается что эта программа составлена на тотъ случай еслибы „Польша была возстановлена какимъ-либо побѣдителемъ послѣ великихъ политическихъ событій.“ Вотъ что по поводу этого возстановленія говорить

„однѣ разумный Полякъ“: „Польша не имѣя силъ чтобы защититься отъ поглощенія съ той или съ другой стороны должна была бы, *оставаясь формально независимой*, превратиться въ вассала Германіи, или же послѣдовала бы требованію естественной политики будущаго и здраво понятыхъ интересовъ и вступила бы, въ видахъ общей пользы, въ неразрывный политическій союзъ съ Россіей съ обезпеченіемъ за собою внутренней автономіи“...

Вотъ слѣдовательно та программа подъ которою, по увѣренію г. Лавина, „можетъ подписаться обѣими руками каждый Русскій“. Западная Россія должна составить Польшу. дипломаты которой будутъ вести съ *Москвой* переговоры для обезпеченія обоюдныхъ интересовъ! Лавинская газета увѣряетъ что подобная программа не есть „измѣна Русскому государству“, такъ какъ въ ней будто бы „нѣтъ и не можетъ быть для Россіи ни опасности, ни вреда, ни какого-либо ущерба, кромѣ, наоборотъ, очевидной пользы.“ „Вотъ,“ хвастливо заключаетъ она, „та *польская* *справа* которой мы не переставемъ сочувствовать.“

Удивительно ли что польская интрига довольна своимъ московскимъ органомъ? Удивяться надо лишь тому что у насъ среди бѣлаго дня такъ открыто можетъ проповѣдываться государственная измѣна. Вотъ въ Австріи не то: тамъ власти, по словамъ *Курьера*, оказываются „болѣе искусными, болѣе зоркими и успѣшно дѣйствующими“, а также „способными вникать во внутренней смыслъ явленій и фактовъ, не дожидаясь чтобъ они выливались въ какихъ-либо болѣе рѣзкихъ и уже прямо опасныхъ для спокойствія государства формахъ.“

